

ОБЩЕСТВО РУСИСТОВ БОЛГАРИИ

РУСИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Юбилейная международная научная конференция,
посвященная 50-летию Общества русистов
Болгарии и 50-летию Международной ассоциации
преподавателей русского языка и литературы

29 июня – 2 июля 2017 г.

София, Болгария

Доклады

София 2018

Русистика: вчера, сегодня, завтра. Сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 29 июня – 2 июля 2017 г.).

Организационный комитет конференции:

проф. д-р Валентина Аврамова (председатель), д-р Антония Пенчева (зампредседателя), проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева, доц. д-р Цветана Ралева, доц. д-р Нели Василева, д-р Вяра Николова, пр. Светослав Арсениев

Сборник включает тексты докладов участников юбилейной международной научной конференции «Русистика: вчера, сегодня, завтра», проходившей в Софии с 29 июня по 2 июля 2017 г. Конференция была посвящена 50-летию юбилею Общества русистов Болгарии и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). В сборнике представлены 93 научных доклада участников из Болгарии, России, Беларуси, Ирана, Польши, Грузии, Чехии, Украины, Молдовы, Франции, Казахстана, Германии, Румынии. Доклады сгруппированы по разделам в соответствии с программой конференции. Внутри разделов доклады расположены в алфавитном порядке по фамилии автора /авторов/.

Редакторы сборника:

В. Аврамова, А. Пенчева, Г. Гочев, С. Георгиева, И. Владова, В. Николова

При частичной поддержке Фонда «Русский мир» и фонда «Славяне».

ISBN 978-619-91044-0-8

© Коллектив авторов

© Редакторы В. Аврамова, А. Пенчева, Г. Гочев, С. Георгиева, И. Владова, В. Николова

© Общество русистов Болгарии, София, 2018 г.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Вербицкая Людмила Алексеевна
Президент МАПРЯЛ,
Президент Российской академии образования,
Президент Санкт-Петербургского государственного университет
Санкт-Петербург, Россия

ВАРНА, ШАНХАЙ, ГРАНАДА: НАУЧНЫЙ ПОЛИЛОГ НА БЛЕСТЯЩЕМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В этом году свой юбилей отмечает Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы – первое и крупнейшее в мире объединение людей, представляющих разные культуры, страны и континенты, связавших свою жизнь с преподаванием и исследованием русского языка.

Я рада, что в этот юбилейный год мы встречаемся здесь, в Софии, на международной научной конференции «Русистика: вчера, сегодня, завтра», организованной Обществом русистов Болгарии, МАПРЯЛ, фондом “Славяне“, при поддержке фонда “Русский мир”.

Сегодня ассоциацию преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) представляют более двухсот членов в 70 странах мира. Состав МАПРЯЛ разнообразен: это педагоги, лингвисты, переводчики, литературоведы, культурологи, преподаватели русского языка всех уровней образования, а также научные коллективы – кафедры, факультеты и институты ведущих мировых университетов, национальные объединения русистов. Один раз в пять лет члены МАПРЯЛ собираются вместе на всемирном конгрессе русистов, чтобы обсудить важнейшие направления научного описания и исследования современного русского языка. За всю историю МАПРЯЛ состоялось 13 конгрессов, в каждом из которых участвовало более 1000 учёных и преподавателей со всей планеты.

За прошедшие десять лет конгрессы проводились в 3 городах – Варне (Болгария), Шанхае (Китай) и Гранаде (Испания). У каждого конгресса были своё собственное «лицо» и неповторимый стиль, связанный с традициями научных школ этих трех стран, однако нельзя не заметить признаков общей и неразрывной повестки дня, проявляющейся в каждом из этих научных событий.

Одним из традиционных направлений конгрессов МАПРЯЛ является системно-структурное описание современного русского языка. Сегодня мне особенно хочется вспомнить XI конгресс МАПРЯЛ в Варне, который в определенном смысле задал повестку обсуждения на следующие 10 лет.

В рамках научной программы XI конгресса «Мир русского слова и русское слово в мире» в Варне в 2007 году состоялись обсуждения структурного, семантического и функционального аспектов языковых единиц разных уровней. Ряд докладов был посвящен структурно-семантическому и функциональному анализу фонетических и грамматических явлений и сфер их употребления в современном русском языковом пространстве. Важное место занимали проблемы словообразования, актуальные вопросы структуры неологизмов и окказиональных образований, структурный и семантический аспекты терминологической лексики.

На XI конгрессе МАПРЯЛ в Варне учёными рассматривались речевые стратегии и тактики общения, позиции говорящего и слушающего и их роли в формировании речевого смысла высказывания, причем было обращено внимание на роль говорящего как интерпретатора своих собственных высказываний. Были проанализированы особенности таких феноменов, как языковая манипуляция, языковая демагогия и языковая игра, а также различные аспекты речевого поведения в режимах согласия и конфликта.

Хочу отметить, что пять лет спустя вопрос описания речевого поведения в условиях конфликта получил еще больше внимания: участники XII конгресса МАПРЯЛ в Шанхае рассматривали лингвоконфликтологию и лингвистическую этику в качестве современных аспектов прагматики. Особенно отмечалось появление такой новой лингвистической дисциплины, как юрислингвистика, или судебное речеведение, главным направлением работы которой является разработка теоретической базы для проведения лингвистической экспертизы. Также обращалось внимание на проблемы современной прагмалингвистики, связанные с изучением тех сфер общения современного человека, которые требуют правового или этического регулирования.

Социолингвистические аспекты функционирования русского языка представляют собой еще одно направление, которое постоянно предоставляет учёным-филологам разных стран мира новый материал для исследования.

На конгрессе МАПРЯЛ в Варне были проанализированы изменения, которые произошли в русском языке на рубеже XX и XXI веков: были рассмотрены проблемы применения сленга, дана оценка последствий экспансии средств разговорной речи в язык СМИ, обсуждались перспективы функционирования русского языка в новых дискурсивных пространствах, в частности, в условиях интернет-общения, которое может рассматриваться как самостоятельная функциональная разновидность русского языка.

Исследователи пришли к мнению о том, что изменения в современном русском языке распространились как на научный стиль, так и на деловую коммуникацию и публицистику. Было отмечено, что наряду с разговорностью в языке современной прессы наметилась и тенденция к интеллектуализации текстов. Во время дискуссии было уделено внимание явлениям гендерной стилистики, а также религиозной коммуникации.

Отдельную группу научных докладов на каждом из конгрессов МАПРЯЛ традиционно представляет лингвокультурологическое направление, отражающее антропоцентрический подход к изучению языковых явлений.

Делегаты конгрессов в Варне и Шанхае обращали внимание на базовые единицы лингвокультурологии, на формирующуюся терминологию этой новой филологической дисциплины. Особый интерес учёных вызывали проблемы описания культурной базы носителей современного русского языка, проблемы русской концептосферы, языковой картины мира русского этноса на рубеже столетий. Была выявлена тенденция к трансформации национально-культурных стереотипов, а также проанализированы различия концептуальной и языковой картин мира разных народов, порождающие и стимулирующие диалог культур.

Традиционным компонентом в содержательной программе конгрессов МАПРЯЛ является лексикографическое направление. Наряду с базовыми проблемами современной лексикографии, рассматриваются также и частные вопросы теории и практики составления словарей разных типов с учетом их дескриптивной и прескриптивной направленности.

Учёные, участвовавшие в XI конгрессе МАПРЯЛ в Варне, рассматривали вопросы лексикографического представления русского языка в словарях разных типов: толковых, переводных, идеографических, лингвокультурологических, ортологических, авторских, энциклопедических.

5 лет спустя XII конгресс в Шанхае дополнил и расширил начатую в Болгарии дискуссию обсуждением принципов словарного описания библеизмов, места лингвокультурологической информации и роли грамматического компонента в словаре, а также словарей языка писателя, учебной и компьютерной лексикографии.

А делегаты XIII конгресса в Гранаде констатировали, что расширение номенклатуры словарей на фоне стремительно происходящих языковых изменений делает особенно актуальным вопрос типологизации этих изданий, в особенности словарей лингвокультурологической направленности. В числе вопросов, широко обсуждавшихся на конгрессе в рамках данной тематики, следует назвать словарное описание современной русской речи и терминологии, русское обыденное метаязыковое сознание и его лексикографическую репрезентацию, лексикографический портрет современного города. Много внимания уделялось двуязычной лексикографии и проблемам перевода.

Значительный ресурс для развития методики преподавания русского языка на всех уровнях обучения открывают компаративные исследования, позволяющие наметить оптимальные пути преодоления межъязыковой интерференции у тех учащихся, для которых русский язык не является родным. Сказанное объясняет интерес мирового сообщества русистов к еще одному постоянному направлению конгрессов МАПРЯЛ – сопоставительному изучению русского и других языков в лингвистическом и методическом аспектах.

Проблемы методологии межъязыковых сопоставлений, а также прикладные аспекты сопоставительных исследований также обсуждались делегатами XI конгресса МАПРЯЛ в Варне. Болгарские ученые и их коллеги из других стран представили результаты сопоставления явлений на разных уровнях языка, обратили внимание на проблемы межъязыковой эквивалентности и соотношения категорий универсального и идиоэтнического в русском и сопоставляемых с ним языках.

Еще одним неотъемлемым компонентом содержательной программы конгрессов МАПРЯЛ является направление, связанное с переводом как средством межкультурного взаимопонимания, предметом изучения и обучения. На XI конгрессе в Болгарии рассматривалась методологическая парадигма переводоведения: актуальные тенденции в науке о переводе, функциональное, содержательное и структурное соотношение перевода и оригинала. Участники дискуссии пришли к выводу, что современная теория перевода развивается в русле когнитивной лингвистики, используя при этом ее научный аппарат, и прежде всего фреймовый подход.

Участники XI конгресса МАПРЯЛ в Варне отмечали важность использования типологических сведений о звуковом строе разных языков в процессе преподавания РКИ, рассматривали результаты экспериментальных исследований в области фонетики и фонологии, обсуждали проблемы лингводидактического описания лексики и грамматики. В докладах, прозвучавших на XII конгрессе МАПРЯЛ в Шанхае, была сформулирована необходимость кардинальных изменений в грамматическом описании русского языка, в основу которого должны быть положены семантические категории. Работа в рамках этого направления, как правило, посвящена анализу теоретических и прикладных моделей описания русского языка как иностранного, как родного и неродного.

Направление, посвященное методике преподавания русского языка как родного, неродного и иностранного, традиционно является наиболее обширным по составу участников обсуждения и разнообразным по тематике рассматриваемых вопросов.

Репертуар обсуждаемых на этом направлении тем охватывает новации в методике преподавания русского языка, специфику обучения русскому языку в условиях языковой среды и вне ее, обучение детей и взрослых, студентов-филологов и нефилологов, учащихся начального и продвинутого этапов.

Активно обсуждаются участниками методического направления вопросы аспектного обучения, межкультурной коммуникации, а также психологии обучения, в том числе вопросы, связанные с поиском оптимальных решений по формированию вторичной языковой личности. На фоне социально-политических изменений, происходящих в России и за её пределами, актуальными становятся вопросы разработки структуры новых учебных

программ, проектирования учебников и учебных пособий, использования современных информационных технологий в обучении русскому языку. На конгрессах МАПРЯЛ неоднократно высказывались мнения, что имеющиеся сегодня учебные материалы по русскому языку не всегда в полной мере отвечают интересам и потребностям учащихся.

Предметом оживленных дискуссий на конгрессах в Варне, Шанхае и Гранаде стал вопрос об эффективности электронных обучающих программ, в том числе дистанционных решений, по сравнению с традиционными формами обучения. Эта проблема так и не получила однозначного методического решения, что, очевидно, позволяет говорить о необходимости комбинирования очных и дистанционных форм обучения. Всесторонний анализ практики внедрения ИКТ-решений в практику обучения русскому языку был проведен в рамках рассматриваемого направления на конгрессе в Гранаде: делегатами испанского конгресса предлагались новые методики проведения занятий с использованием обучающих программ (конструкторов, тренажеров, развивающих игр), программ-демонстраций (лабораторных работ, экскурсий), электронных энциклопедий и справочников, использованием интерактивных методов обучения.

Рассуждая об эволюции содержания методического направления, нельзя обойти вниманием круг вопросов, связанных с преподаванием русского языка в системе билингвального образования. Появляется все больше разработок в области создания билингвальных моделей изучения русского языка, реализации регионального и этнокультурного компонента языкового обучения как в России, так и за ее пределами.

Лингводидактическое тестирование также относится к одной из «новаторских» сфер методики преподавания русского языка, в рамках которой разрабатывается несколько самостоятельных научных направлений. Активно обсуждается дифференцированный подход к подготовке тестов для взрослых и детей школьного возраста в контексте европейской практики, уточняется специфика уровневого тестирования, учитывающего гендерный аспект, что позволяет повысить точность и объективность оценивания претендента на сертификат по РКИ. Ведется работа над созданием системы дистанционного компьютерного тестирования.

Еще одной традиционной чертой повестки дня конгрессов МАПРЯЛ является интерес к русской литературе как к высшей сфере бытования русского языка. Литературоцентричность русской культуры, особенности отражения не только окружающей действительности, но и присущего русскому человеку образа мышления всегда привлекали и продолжают привлекать внимание ученых как в России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Мероприятия МАПРЯЛ по направлению «русская литература» всегда привлекают внимание не только литературоведов и филологов, но и просто ценителей русской культуры.

«Литературная» повестка дня конгрессов МАПРЯЛ разнообразна: так, на конгрессе в Варне были затронуты вопросы нравственной парадигмы литературы эпохи Средневековья, литературного канона и моделей русской литературы XIX-XX веков, литературы русского зарубежья. Большой интерес вызвали доклады, посвященные анализу современной русской литературы, и в частности характерным для нее постмодернистским тенденциям. Особое внимание обычно уделяется вопросам восприятия русской литературы в зарубежном культурном пространстве.

Методическая составляющая преподавания русской литературы рассматривается МАПРЯЛ как самостоятельное научное направление. На конгрессах в Варне, Шанхае и Гранаде обсуждались новые технологии и методические основы обучения русскому языку и литературе, проблемы исследования лингвокультурологического потенциала художественного текста, методики обучения пониманию художественной литературы, а также приемы языковой рефлексии и когнитивные стратегии работы с текстом.

Изучение и преподавание русской культуры также представляет собой отдельное научное направление в повестке дня конгрессов, проводимых ассоциацией. Ведущие культурологи России и зарубежья затрагивают вопросы обучения пониманию социокультурных феноменов и национальных стереотипов мировосприятия, отраженных в русской литературе и искусстве.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что конгрессы Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы выполняют важную объединяющую функцию для всего педагогического сообщества, выступая в качестве площадки для профессионального общения специалистов, занимающихся изучением, продвижением и популяризацией русского слова. Конгрессы стали своеобразным «камертоном» мировой русистики: обобщая имеющийся опыт и намечая новые направления научных исследований в области русской филологии, эти мероприятия формируют своеобразный «эталон» научных изысканий в рассматриваемой сфере.

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ

***Аннотация.** В работе представлены результаты исследования маркеров метаязыковой рефлексии в контексте современных медиатекстов. Уделено внимание употреблению окказионализмов, которое сопровождается ссылкой на приблизительную адекватность номинации. Анализ условий функционирования метаоператоров, эксплицирующих принадлежность слова или выражения к современной/модной лексике, к определенному социолекту или конкретной терминологической сфере, позволил выявить некоторые важные особенности современного состояния норм русского языка.*

***Ключевые слова:** словоупотребление, речевая норма, метаязыковая рефлексия, наивная лингвистика, коммуникативная интенция.*

Для современной языковой личности характерно стремление постоянно координировать свой коммуникативный опыт с коллективным опытом соответствующего лингвокультурного сообщества (ЛКС). Ярким проявлением этого стремления является метаязыковая (языковая) рефлексия, которая предполагает осмысленное использование языка, оценку его различных фактов в аспекте их соотношения с нормой, узусом (см. Шмелева 1999: 109), и отражает так называемую «наивную лингвистику», основанную на языковой интуиции говорящего.

Основы изучения этого многоаспектного явления были заложены в работах Б.С. Шварцкопфа 1988, 1996, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева 1999, Т.В. Шмелевой 1999, И.Т. Вепревой 2002 и др. Большинство российских исследователей, занимающихся этой проблемой, подчеркивают, что рефлексивы служат важным показателем **современного состояния языковых норм**. Метаязыковой комментарий мотивирует словоупотребление как сознательное речевое действие, которое учитывает сущность языка как социального продукта и инструмента.

Целью настоящей работы является анализ функционирования вводных метаязыковых конструкций *если можно так выразиться, как теперь говорят, как сейчас принято говорить, как теперь модно выразиться, говоря языком молодежи и др.* в контексте медиатекстов. Данные вводные обороты представляют собой стандартные, устойчивые средства вербализации рефлексии говорящего над собственным словоупотреблением: Субъект речи встраивает их в высказывание с целью прокомментировать свой языковой выбор и договориться об условиях, при которых используется выбранная

им единица языкового кода. Семантической доминантой рассматриваемых оборотов является оценочность. Об этом говорит и один из распространенных вариантов их обозначения – *оценки речи* (Б.С. Шварцкопф).

Метаязыковая рефлексия, которая актуализируется вышеназванными оборотами, направлена на преодоление последствий нарушения Максимы способа Грайса, которая гласит: «Выражайся ясно» [Грайс 1985: 223]. К ней представляется возможным отнести и два из правил, сформулированных Т.В. Шмелевой в составе предложенного ею Кодекса речевого поведения: «Говори согласно норме и как принято» и «Выбирай номинации в соответствии с номинативными привычками (своими, слушателя и в соответствии с предметом речи)» [Шмелева 2006 : 18].

Разумеется, не все люди в одинаковой степени пользуются речевой тактикой метаязыкового комментирования. Это зависит от коммуникативно-прагматической компетенции говорящего, от его языковых привычек, предпочтений и пристрастий. Как отмечает М.А. Кормилицына «Чем выше уровень владения языком, тем более внимателен и критичен говорящий при отборе языковых средств для выражения своих мыслей, тем чаще он задумывается над выбором той или иной номинации и стремится поделиться с адресатом своими размышлениями и оценками по поводу уместности использования данного языкового средства» [Кормилицына 2000: 91]. Как показывают наблюдения над примерами из составленного нами корпуса медиатекстов¹, журналисты и публичные личности, выступающие на страницах газет или в радиозэфире, принадлежат именно к такой прослойке «осознанных»² пользователей русского языка.

Анализ контекстов, в которых метаязыковой комментарий сфокусирован на словоупотреблении, позволяет выявить некоторые существенные характеристики **активных процессов**, протекающих в русском языке новейшего периода.

Как известно, начиная с 90-ых годов XX в., система норм русского литературного языка стала испытывать большое напряжение. Наблюдаются такие явления как: заметное расширение сферы употребления жаргона, интенсивное использование заимствований, активизация создания окказионализмов, резкий рост неологизмов, образованных при помощи словообразовательных средств русского языка или же путем семантической деривации. Процесс массовой инвазии новых элементов нарушает стабильность языковой

¹ Корпус был собран способом целенаправленной выборки из статей и интервью, опубликованных в российских печатных и интернет-СМИ, а также из записей бесед, прозвучавших в радиозэфире. В качестве дополнительного источника был использован газетный подкорпус Национального корпуса русского языка. Был охвачен пятнадцатилетний период – с 2002 г. по 2017 г.

² Ср. термин *языковая осознанность (language awareness)*, посредством которого обозначается «просвещенное» (informed), критическое и внимательное отношение к своему и чужому употреблению языка [Crystal 2001: 186].

системы. В качестве контрмеры усиливается метаязыковое комментирование, которое направлено на настройку адресата на восприятие нестандартного словоупотребления и в конечном итоге – на восстановление «информативной устойчивости текста» [Мустайоки, Вепрева 2006: 47].

В рамках вышеназванных явлений можно разграничить два основных типа словоупотребления:

1. Индивидуальное словоупотребление, которое не имеет аналога в речи остальных членов языкового коллектива. Налицо создание окказионализма «одноразового пользования».

2. Словоупотребление, которое является в той или иной мере распространенным в соответствующем ЛКС, но по определенной причине оказывается проблематичным в контексте текущего дискурса.

I. Рассмотрим контексты функционирования показателей метаязыковой рефлексии, служащих в качестве комментария к словоупотреблению первого типа. К метаязыковым маркерам, при помощи которых говорящий сигнализирует об употреблении **окказионализма**, относятся показатели условной номинации *если можно так выразиться, скажем так, так сказать и др.*

Окказиональное словообразование следует рассматривать как мотивированное отклонение от лексической нормы в целях выполнения конкретной коммуникативной задачи. Метаязыковая оговорка *если можно так выразиться*, эксплицирующая сомнение в адекватности формулировки, использована в следующей реплике из интервью, чтобы позволить говорящему удачно встроить в высказывание созданный им окказионализм *публикоемкость*, отводя ему ключевую роль.

(1) *А у нас театры в столицах мало работают со зрителями. Просто сидят кассиры в кассах и ждут, когда к ним придут покупать билеты. Нужно делать иначе. У каждого оперного спектакля своя, **если можно так выразиться, публикоемкость**. У спектакля на музыку Чайковского она одна, у Стравинского – другая* (интервью с художественным руководителем Большого театра Александром Ведерниковым, РБК Daily, 2009).

Опытный коммуникант, являющийся экспертом в сфере театрального менеджмента, прибегает к использованию окказионального термина *публикоемкость*, созданного им по уже существующей словообразовательной модели (ср. *времяемкость, трудоемкость*), давая себе отчет, что такой термин не фигурирует ни в одном словаре. Интервьюируемый решает на такое словоупотребление, поскольку оно соответствует его замыслу, но, прогнозируя возможность его неприятия адресатом, маркирует данную критическую точку в дискурсе метакомментарием. Таким образом он сглаживает негативный эффект от нарушения вышеупомянутого речевого правила, сформулированного Т.В. Шмелевой: «Говори согласно норме и как принято».

Интерес представляет и функционирование вводной конструкции *скажем так*. На основе значения совместности, выражаемого граммемой 1 л. мн. ч., она вносит в высказывание элемент «мы-дискурса». Срабатывает механизм приобщения адресата к выбору номинации. В (2) ведущая предлагает свою интерпретацию прозвучавшего сообщения о работах художника XVIII в. Алексея Антропова посредством окказионального слова *верхушечка*:

(2) – *Пригородные дворцы в Петербурге, и дворцы, и пригородные дворцы, и оперные дома. И соборы, церкви, и так далее.*

– *То есть, он попал в такую «верхушечку», скажем так, этой профессиональной сферы* (беседа Татьяны Полипейко с искусствоведом Людмилой Маркиной, Радио «Эхо Москвы», 2009).

Судя по всему, журналистка выбирает диминутив *верхушечка*, чтобы избежать употребления слова *верхушка*, которое имеет значение ‘наиболее влиятельная часть общества’, но обладает негативными коннотациями. Осознавая ненормативность такого словоупотребления (в переносном значении *верхушка* не имеет уменьшительной формы), она использует маркер *скажем так*, чтобы указать на то, что это лишь один из возможных вариантов вербализации. Таким образом ведущая обеспечивает адекватное восприятие значения окказионального диминутива радиослушателями.

II. Второй тип проблематичного словоупотребления включает те случаи, в которых говорящий выбирает уже закрепленное в языке слово или выражение, но вместе с тем осознает наличие риска, чтобы адресат не одобрил, не принял осуществленный вербальный отбор.

Обработка данных корпуса медиатекстов показала, что коммуниканты склонны маркировать употребляемое слово или выражение метаязыковым рефлексивом, чтобы эксплицитировать его принадлежность к:

- 1) современной/модной речевой практике;
- 2) определенному социолекту;
- 3) определенной терминологической сфере.

Во всех трех случаях говорящий заявляет о том, что используемая языковая единица ощущается им как инородная для данного типа дискурса, хотя и оказалась подходящей для реализации смысловой программы высказывания.

В большей части проанализированных контекстов слово квалифицируется **как относящееся к современной/модной речевой практике** при помощи метаязыковых маркеров: *как теперь говорят/выражаются, как теперь (ныне) принято говорить/выражаться, как теперь (ныне) модно говорить/выражаться, выражаясь современным языком/современными терминами и др.* По данным проведенного исследования, чаще всего объектом метакомментария со ссылкой на современный узус становится субстандартная лексика. Например:

(3) *Если служить будут все, а не только те, кто не сумел «откосить», как теперь говорят, от службы, тогда и отношение к армии в обществе будет совсем иным* (Российская газета, 2003).

Здесь автор сигнализирует о том, что вынужден употребить жаргонное слово *откосить* (в значении: ‘уклониться от чего-л. *откосить от армии*’ [МСТС 2009]), чтобы адекватно описать денотативную ситуацию. Рефлексив *как теперь говорят* призван указать на то, что данное словоупотребление широко распространено в современной речи, однако не является типичным для самого говорящего. В этом примере, как и в приведенном ниже (4), имеет место двойная маркировка несвойственного словоупотребления – не только посредством метаязыковой рефлексии, но и посредством кавычек. Этот прием усиливает эффект цитатности.

Обратимся к примерам, в которых о принадлежности употребляемой языковой единицы к жаргону сигнализирует конструкция *выражаясь/говоря современным языком*:

(4) *Учительница Вера Гудкова объясняла восьмому «Б» смысл выражения «ни рыба ни мясо»: – Если говорить на ВАШЕМ языке, – это «лох», – пояснила Вера Александровна. И на свою беду закрепила сравнение наглядным примером.– Ну как... Максим Абросимов. Класс (**выражаясь современным языком**) «выпал в осадок»* (Комсомольская правда, 2006).

(5) *У нас стоит цель играть в футбол и возводить структуру на более высокий уровень. Поэтому **мы не переживаем**. Мы хорошо сыграли во Владивостоке, но нам немножко не повезло. Поэтому, **говоря современным языком, я не парюсь**. Относимся к сложившейся ситуации достаточно спокойно, философски* (интервью с главным тренером «Краснодара» Сергеем Ташуевым после матча с «СКА-Энергией», Советский спорт, 2010).

В (4) журналистка, как представительница интеллигенции, реализует посредством метаязыкового маркера интенцию дистанцирования от употребления жаргонного фразеологизма *выпасть в осадок* и, таким образом, сохраняет свой речевой имидж. Это идиоматическое выражение, имеющее значение ‘очень удивиться, изумиться неожиданности происходящего’, было зафиксировано еще в 80-ые годы прошлого века в справочнике «Новое в русской лексике» [НРЛ-80, цит. по МСТС 2009]. В данном случае, однако, актуализируется его более широкозначный вариант ‘приходить в какое-л. крайнее эмоциональное состояние’ [ТСРС 2005]. Этот сленгизм оказался востребованным в анализируемом контексте, так как его образно-экспрессивная и стилистическая окрашенность соответствуют речи, типичной для школьников. Идпользуя прием речевой мимики, журналист пытается приспособить свой язык к описанию актуальной ситуации.

Несколько иную функцию выполняет метакомментарий в (5). Глагол *париться* имеет несколько жаргонных лексико-семантических вариантов (ЛСВ),

В данном контексте актуализируется значение ‘очень волноваться, переживать о чем-л.’ [МСТС 2009]. Глагол *париться* выбран в качестве более экспрессивного синонима уже прозвучавшего в этом же речевом ходе глагола *переживать*. Употребляя его, говорящий стремится придать диалогу непринужденность, что способствует повышению убедительности речевого акта.

Можно обобщить, что в основе авторского комментирования жаргонизмов со ссылкой на современный узус лежит интенция устранения последствий от возникновения языковой аномалии. Метакомментарий настраивает адресата на менее критическое восприятие факта употребления субстандартного слова, в результате чего коммуникативное напряжение снимается.

В сфере действия маркера *как теперь выражаются* часто оказываются и **языковые инновации**.

Рефлексив в следующем примере направлен на дистанцирование от актуального употребления прилагательного *продвинутый* в его новом значении, которое сам субъект речи еще не полностью принимает. Речь идет о семантическом неологизме – ЛСВ слова *продвинутый*: ‘хорошо разбирающийся, знающий что-л. лучше других’ [МСТС 2009].

(6) *Как правило, ребенок попадает к психиатру тогда, когда ему повезет оказаться у грамотного и **продвинутого**, как теперь выражаются, терапевта* (беседа с детским психиатром Еленой Вроно, Радио «Эхо Москвы», 2002).

По данным нашего исследования, чаще всего как «**модные**» определяются **заимствованные слова**. Это объясняется тем, что их употребление соответствует критерию престижности, предъявляемому к модному слову: принято думать, что лексикой иноязычного происхождения пользуются в основном образованные, «культурные» люди. Однако, как известно, языковая мода не всегда соответствует хорошему вкусу. Поэтому во многих контекстах представлены случаи «осторожного», т.е. маркированного употребления так называемых модных слов. Например:

(7) *Переговоры будут идти в **рекреационном**, как теперь модно говорить, режиме – с перерывами на отдых и развлечения* (Труд, 2003).

(8) *Что ни говори, а водка – такой же символ России, как баня, крап и красавица в кокошнике. Можно сказать, национальное достояние, или национальный **бренд**, как теперь модно говорить* (Труд, 2007).

(9) *Кроме того, Алекс на высоком уровне отыграл лишь один сезон, а затем, по сути, больше думал не о футболе, а о семейных делах. И если Динияр станет самим собой, то это будет модернизированный, **инновационный**, как модно говорить, Алекс* (Советский спорт, 2012).

В приведенных примерах авторы медиатекстов руководствуются интенцией сохранения своего коммуникативного престижа и защиты от потенциальных обвинений в слепом подражании языковой моде.

Неоднозначное отношение к повсеместному использованию новых иноязычных заимствований, которое сложилось в современном русском ЛКС, становится причиной того, что доминирующей функцией метаязыкового комментария к таким словам оказывается функция превенции негативной реакции адресата. Неслучайно употребление модных иноязычных слов может стать поводом для метакоммуникативного извинения³, которое нацелено на сглаживание эффекта отклонения от языкового стандарта. Как показывают наши наблюдения, к такой особой тактике прибегают, как правило, коммуниканты с высокой речевой ответственностью:

(10) *Помимо этого, занятия музыкой воспитывают эстетический вкус, развивают фантазию, т.е. человек становится более, **простите за модное слово, креативным*** (интервью с директором Сосногорской детской школы искусств Еленой Бервено, сайт zaryatimana.ru, 2013).

(11) *Я считаю, каждый, кто хочет достичь успеха в своём творчестве, должен сам себе придумать, **извините за модное слово, «мантру»**. Или девиз. Или, **как теперь принято говорить, слоган**. Но свой, который годится только себе, любимому* (писатель Михаил Задорнов. По родной России, сайт zadornov.net, 2013).

В (10) мы находим свидетельство того, что употребление недавно заимствованного слова *креативный*, которое быстро набрало популярность благодаря специалистам в области рекламы, маркетинга и связей с общественностью, в наивной лингвистике оценивается как проблематичное. В „Большом словаре иностранных слов“ это прилагательное зафиксировано со следующей дефиницией «[от англ. creative – творческий; латин. creatura – создание] Созидательный, творческий, отличающийся поиском и созданием нового» [БСИС 2007]. Метакоммуникативное извинение, судя по всему, связано с тем фактом, что слово *креативный* в ряде случаев неоправданно вытесняет исконно русский синоним *творческий*. О принадлежности данного слова к модной лексике говорит также и высокая частотность образованного от него неологизма *креатив*, ср. *Важны были искренность и творческий кураж, то, что называют нынче **модным словом «креатив»*** (Московский Комсомолец, 2012, пример из [Мустайоки, Вепрева 2015: 444]).

Объектом метаязыковой рефлексии в (11) является слово *мантра*, которое в прямом значении религиозного термина не является новым для носителей русского языка: «ж. Сакральные слог, слово или словосочетание, многократное произнесение которых оказывает на сознание человека огромное духовно энергетическое воздействие (в буддизме)» [Ефремова 2000]. Приведенный

³ Категория метакоммуникативного извинения впервые была исследована на материале русского языка в книге Р. Ратмайр “Прагматика извинения”. В ней конструкции типа извините за выражение, извините за прямоту, простите за нескромный вопрос, извините, я отвлекся рассматриваются как особый класс извинений, в фокусе которых находится нарушение конверсационных максим [Ратмайр 2003].

отрывок свидетельствует о произошедшем в последние годы процессе семантической деривации, в результате которого стало актуальным новое переносное значение этого слова. Академические словари еще не зафиксировали его, но в популярном интернет-словаре мы нашли такое определение: «мантра – перен. жарг. мысль, которая постоянно повторяется и должна быть воспринята без обдумывания» (<https://ru.wiktionary.org>). Метакоммуникативное извинение обусловлено тем, что слишком частое упоминание слово *мантра* в этом новом значении, по оценке говорящего, встречает неодобрение широкой публики.

Метакомментарий к определенной «модной» **лексической инновации** дает возможность проследить процесс ее адаптации к языковой среде. Ярким примером может послужить прилагательное *нерукопожатный*, которое стало одним из слов текущего момента.

Причину его популярности следует искать в сфере интернет-коммуникации. Начиная с 2010 г., отмечен резкий рост частотности его употребления в социальных сетях и блогах. Об этом пишет Павел Павлюков в своем блоге в ноябре 2010 г.: *«Вот очередной лексический вирус нашел. Этой осенью стало часто мне попадаться на глаза слово «нерукопожатный». <...> кто-то его использовал пару раз в месяц по всей блогосфере рунета. Однако эпидемия использования началась в январе этого года»*. Чтобы высказать свое негативное отношение к факту чрезмерного употребления этого неологизма, блогер использует медицинские метафоры *лексический вирус* и *эпидемия*.

Нами был зарегистрирован пример метаязыковой рефлексии, свидетельствующий о том, что к 2012-ому году, по оценке высшего государственного чиновника, слово *нерукопожатный* уже приобрело статус модного неологизма:

(12) *А имидж дело такое: сегодня один, завтра другой. В Европе и премьера Италии Берлускони не любили сначала. Он был «нерукопожатным», как теперь модно говорить* (интервью с министром по основным направлениям интеграции и макроэкономики Евразийской экономической комиссии Татьяной Валовой, Известия, 2012).

О том, что эта лексическая инновация не была принята однозначно представителями интеллигенции, можно судить по рассуждениям известного радиопродюсера Михаила Козырева в одном из его интервью: *«Слова, которые отражают время, часто употребляются. И они часто вызывают у меня раздражение. Одно из этих слов – „нерукопожатный“. Оно стало символом времени <...> Да, оно мне очень не нравится. Оно свидетельствует о каком-то экстремальном режиме существования»* (Московские новости, 2013).

Особенностями функционирования этого слова заинтересовались и лингвисты. В частности, ему посвящена статья Е.Я. Шмелевой, в которой читаем: «в письменных текстах слова *рукопожатный* / *нерукопожатный* все чаще стали записываться без кавычек. Показательно, что интернет-словари,

которые реагируют на появление новых слов раньше академических словарей, уже стали включать эти слова в свои словники» [Шмелева 2014].

Все это свидетельствует о динамике современного узуса, который постепенно становится нормой, при этом не без участия метаязыковой рефлексии.

В категорию модных слов, согласно оценкам речи, попадают также и новые терминологические словосочетания. Приведем пример метаязыковой рефлексии, относящейся к очередной инновации в сфере общественно-политической терминологии. Словосочетание *дорожная карта* представляет собой кальку от английского *roadmap* и имеет переносное значение 'план действий'.

(13) *Мы провели переговоры с одной из крупных федеральных торговых сетей и сейчас готовимся к подписанию протокола – как теперь модно говорить, дорожной карты о совместных действиях* (интервью с главой Росрыболовства Андреем Крайним, Комсомольская правда, 2013).

Говорящий квалифицирует словосочетание как модное, учитывая тот факт, что оно уже приобрело популярность, хотя и еще не было подвергнуто кодификации. Метаязыковое маркирование кальки направлено на ее адаптацию к тексту и подсказывает необходимость небуквального прочтения.

В фокусе внимания субъекта речи оказывается и **социальная стратификация лексики**. Наряду с языком молодежи, к социолектам, которые часто становятся объектом рефлексии, следует отнести также бюрократический язык и язык органов правопорядка.

В примерах (14) и (15) рефлексивы сигнализируют о словоупотреблении, типичном для **социолекта молодежи**.

(14) *Главной задачей правительства является выведение экономики из нынешней «средненькой» ситуации на рост в 4-5 процентов. Об этом сообщил Дмитрий Медведев на встрече с журналистами в Сочи: Не хотелось бы, чтобы был такой, как принято говорить молодежным сленгом, «кисляк». То есть оно вроде все и ничего: и доходы растут, и зарплаты высокие, применительно к тому, что раньше было, а с другой стороны, ничего более существенного не происходит* (Дмитрий Медведев: «Не хочется, чтобы был „кисляк“»!, Комсомольская правда, 2013).

(15) *С точки зрения персонала мы находимся в том же политическом пространстве, в каком находились 10 лет назад. Никакой «движухи», выражаясь молодежным языком* (Известия, 2012).

В первом фрагменте существительное *кисляк* приобретает более расширенное значение по сравнению со словарным толкованием («неодобр. что-то плохое, низкого качества» [ТСМС 2009]), а именно 'что-то посредственное, ничем не примечательное'. О таком контекстуальном значении свидетельствует последующее разъяснение (см. *вроде все и ничего; ничего более существенного*

не происходит). Метаязыковой комментарий имеет цель усилить воздействие экспрессивного словоупотребления. Недаром реплика, содержащая этот субстандартный элемент, вынесена в заголовок.

Анализируя пример (15), можно задаться вопросом: если имеет место тождество плана содержания («движуха – то же, что движение» [МСТС 2009]), то чем продиктовано решение журналиста употребить в статье на политическую тему сленговое слово *движуха* вместо нейтрального *движение*? Судя по всему, коммуникативная ценность сленгизма связана с потенциальной прагматическойемой: «активность, оцениваемая положительно», которая не отражена в словарях, но актуализируется на базе контекста (ср. одобрение, ассоциируемое с этим модным словом в следующем контексте: *Одно то, что в сборной начались процессы, описываемые модным словом «движуха», уже хорошо* (Спорт-экспресс, 2012), пример из [Мустайоки, Вепрева 2015: 444]). Такой контекстуальной актуализации, несомненно, способствует и привлечение внимания адресата к употребляемому слову посредством метаязыковой рефлексии.

Анализ материала, представленного в нашем корпусе, показывает, что единицы молодежного языка широко используются в текстах СМИ, при этом достаточно часто их принадлежность к данному социолекту эксплицируется вводным метаоператором. Согласно полученным данным, рефлексивы определяют как типичные для молодежного социолекта такие слова, как: *тащиться* (от чего-л.), *балдеть* (от чего-л.), (кому-л.) в *кайф*, (кого-л.) *колбасит*, (кого-л.) *таращит* («безл., шутол. О состоянии дискомфорта» [МСТС 2009]). и др. Нетрудно заметить, что их семантика относится к сфере эмоционального, или шире, психического состояния. Следовательно, востребованным оказывается мощный экспрессивно-оценочный потенциал сленгизмов, занимающих центральное место в повседневной речи молодежи.

В совсем иную плоскость переводят читателя медиатекста рефлексивы, указывающие на принадлежность слова или выражения к **языку бюрократии**.

При помощи метапоказателей *выражаясь бюрократическим / казенным языком, говоря языком протоколов / юристов / закона / права* говорящий дистанцируется от использования сухих, лишенных эмотивности слов.

Так, во фрагменте статьи, повествующей о судьбе 10-летнего мальчика, автор дистанцируется от используемого в официальных документах языка, приравнивающего ребенка к предмету, который можно «*изъять*» или «*сдать*».

(16) *На днях судебные приставы Воркуты занимались делом, которое не оставило их равнодушными. Людям в погонах невольно пришлось сыграть грустную роль в судьбе 10-летнего Никиты. Они, **выражаясь бюрократическим языком, «изъяли»** мальчишку из семьи матери (она лишена родительских прав), и передали его отцу. Который, **как написали на своем официальном сайте приставы, сразу же «сдал»** сына в детский дом (Комсомольская правда, 2012).*

Нередко элемент бюрократического языка резко контрастирует со стилем основного текста статьи. Так, в (17) можно проследить переход от непринужденной речи с элементами разговорности к сухому, неэкспрессивному языку чиновников:

(17) *Одновременно во все шесть гостиниц нагрянули четыре десятка контролеров, которые, говоря языком протоколов, «совершили выемку документов»* (Труд, 2005).

Следует отметить, что в качестве реакции на широкое употребление казенных штампов в советской публицистике современная российская журналистика с особой осторожностью использует бюрократический язык и последовательно сопровождает его элементы метаязыковым комментарием.

В рамках стратегии адаптации инородного элемента к словесной ткани текста слово может маркироваться как относящееся к определенной **терминологической системе**. В следующих примерах метакомментарий вводит элемент терминологии, которой оперирует конкретная область науки, соответственно, физика и психология.

(18) – *В общем, говоря языком физиков, идет нарастание энтропии.*

– *Да, степень неопределенности резко возросла. В Кремле и Белом доме говорят о стабильности, но на самом деле наш самолет вошел в зону турбулентности и нас попросили пристегнуть ремни* (Итоги, 2012).

(19) *Многим входящим в класс учителям даже неизвестно, что у нынешних учеников, говоря языком психологов, «уровень тревожности» несравнимо выше, чем у их сверстников 10-15 лет назад* (Труд, 2002).

Таким образом, релевантное для обсуждения актуальной темы терминологическое обозначение подвергается адаптации и становится вполне приемлемым. Если бы метакомментарий отсутствовал, понимание текста могло бы оказаться затруднительным.

В заключение отметим, что метаязыковая рефлексия отражает стремление к упорядочению словоупотребления, к стабилизации в сфере современной русской речи. Эти стабилизационные процессы происходят вследствие постепенной адаптации речевых инноваций к литературным нормам и встречных процессов «смягчения» существующих норм под влиянием действующих механизмов демократизации русского языка и широко применяемого в текстах СМИ приема смешения стилей.

Литература

- Булыгина, Шмелев 1999 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в лингвистических текстах). // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., Индрик, 1999. 146-161.
- Вепрева 2002 – Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, Изд-во Уральского ун-та, 2002.

- Грайс 1985 – Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., Прогресс 1985.
- Кормилицына 2000 – Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет. // Активные языковые процессы конца XX века: Тезисы докладов международной конференции: IV Шмелевские чтения. М., РАН, Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2000, 89-91.
- Мустайоки, Вепрева 2006 – Мустайоки А., Вепрева И.Т. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды. // Русский язык за рубежом, 2006, №2, 45-63.
- Мустайоки, Вепрева 2015 – Мустайоки А., Вепрева И.Т. Метаязыковой портрет модных слов. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Вып. 14., Т. 1. М., Изд-во РГГУ, 2015.. 438-448.
- Ратмайр 2003 – Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., Языки русской культуры, 2003.
- Шварцкопф 1988 – Шварцкопф Б.С. Оценки речи как объект лексикографирования. // Словарные категории. М., Наука, 1988.
- Шварцкопф 1996 – Шварцкопф Б.С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи. // Культура русской речи и эффективность общения. М., РАН, Институт рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1996, 415-424.
- Шмелева 2014 – Шмелева Е.Я. Слово нерукопожатный как символ нашего времени. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. № 2-1, 401-411. <http://docplayer.ru/35934823-E-ya-shmeleva-institut-russkogo-yazyka-im-v-v-vinogradova-ran-rossiya-moskva-slovo-nerukopozhatnyy-kak-simvol-nashego-vremeni.html> (дата обращения: 25.05.2017)
- Шмелева 2006 – Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения. // Шмелева Т.В. Текст как объект грамматического анализа. Красноярск, КрасГУ, 2006.
- Crystal 2001 – Crystal D. A Dictionary of Language, Chicago, UCP, 2001.

Источники

- БСИС 2007 – Большой словарь иностранных слов. М., ИДДК, 2007.
- МСТС 2009 – Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. М., АСТ-Астрель, 2009.
- НРЛ-80 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80. М., Русский язык, 1982.
- ТСРС 2005 – Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М., АСТ, 2005.
- Ефремова 2000 – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., Русский язык, 2000.

RUSSIAN WORD USAGE FROM THE PERSPECTIVE OF METALINGUISTIC REFLEXION

***Abstract.** The paper presents the results of a study of metalinguistic reflexion markers in the context of contemporary Russian mass media discourse. The usage of occasional words that are referred to as tentative naming units is investigated. The functional analysis of metaoperators, which mark words and phrases as belonging to the contemporary/ fashionable vocabulary, to a given sociolect or to a specific terminology, made it possible to reveal some important features of the current state of the Russian language norms.*

***Keywords:** word usage, speech norm, metalinguistic reflexion, folk linguistics, speaker's intention.*

РУССКИЙ ЯЗЫК: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аврамова Валентина Николова
Шуменский университет
им. Епископа Константина Преславского
Шумен, Болгария

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В работе описывается представление о ментальности болгарина в толковании понятия Возрождения (эпохи Возрождения). Затрагиваются вопросы о менталитете и ментальности в их национальном проявлении. Раскрывается смысловое наполнение данного слова в ментальности болгарина, основанное на факты нелегкой исторической судьбы болгарского народа.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, ключевое слово, эпоха Возрождения.

В современных исследованиях в области взаимодействия языка и культуры наблюдается усиленный интерес к анализу соотношения языка и ментальности. Впервые понятие «ментальность» было предложено историками французской школы М. Блоком и Л. Февром, основателями журнала «Анналы экономической и социальной истории», Париж, 1929 г. Под «ментальностью» ученые понимали способ видения мира и уровень сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций и автоматизмов сознания [см. Хромова 2014: 163-167]. Ментальность можно интерпретировать с точки зрения философии, психологии, лингвокультурологии и т.д.

Ментальность тесно связана с человеком и его языком. В научных изысканиях, посвященных изучению и структурированию когнитивного, ментального мира человека, лингвистике отведена центральная роль, поскольку именно языковые структуры являются важным источником информации о деятельности сознания индивида. Е.С. Кубрякова пишет, что язык «не только в известном смысле отражает действительность или же воздействует на это отражение, – он является «окном» в сознание человека. Его можно и нужно вследствие этого рассматривать как средство доступа к разуму человека и тем мыслительным (ментальным, психическим, внутренним) процессам, которые осуществляются в его мозгу» [Кубрякова 2004: 12]. Поэтому особо актуальными являются те исследования, которые описывают способы представления в языке национально-специфические или общечеловеческие представления индивида.

И в русском и в болгарском языках имеются два слова, связанных с проблемой ментальности – это слова рус. *менталитет* и *ментальность*, болг. *манталитет* и *менталност*. Несмотря на родственность слов, очевидно, что они различаются своей содержательной формой. В других языках для данного понятия имеется только одна форма. Так, нем. *Mentalität*, англ. *mentality*, исп. *mentalidad*, фр. *mentalité* различаются своим смысловым значением – между собой, а также и в сравнении с русским и болгарским эквивалентами. «У германских народов менталитет предстает как всего лишь логически обоснованная сторона деятельности, которая связана с рассудком; у романских же, кроме указаний на тип мышления, признается также тип культуры, характеризующей отдельного человека, народ или поколение людей» [Колесов 2006: 12].

Словарные определения этих двух понятий, употребляющихся в различных науках, не всегда дифференцируются. В философских словарях ментальность определяется как «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы» [ФЭС 2006: 265]; как «характерные особенности мышления и мирозерцания индивидов» [Бачинин 2005: 137]; менталитет как «способность духа, совокупность основополагающих верований индивида или коллектива» [Дидье 2000: 242]. В культурологических словарях понятия отождествляются (ментальность = менталитет) – «общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурных традиций какого-либо сообщества» [Гуревич 1998: 25]. В политических словарях – менталитет – это «организующий фактор, образующий особую политико-психологическую общность людей на основе такого единого для всех её членов менталитета» [Политология 1993: 175]. Социологические словари разделяют понятия: менталитет – это «совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических и др.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом», а ментальность – это «особенности умственной деятельности определенного человека, народа, нации» [ССОН 2005: 244]. В трактовке экономических словарей менталитет есть «образ мыслей, уровень сознания, характерный для определенной общественной группы» [БЭС 1999: 454]. В психологии понятия разграничиваются: менталитет есть «направленность и склад мышления личности, группы», а ментальность – «универсальная способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определенному социуму и времени» [ПС 2003: 234]. В словарях по педагогике ментальность равняется менталитету, она представлена как «устойчивая настроенность внутреннего мира людей, сплачивающая их в социальные и исторические общности» [Коджаспирова 2003: 173].

Немало определений этих двух понятий имеется и в лингвистической науке. Н.Ф. Алефиренко, ссылаясь на [Kintsch 1977: 27] и [Колесов 1999: 51] дает свое определение понятия ментальности – «это совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и

бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества» [Алефиренко 2010: 109]. Ментальность – «это система сложившихся взглядов, в рамках которых осуществляется активность членов данного языкового коллектива. В отличие от мышления, обладающего общечеловеческим статусом, ментальность обусловлена сложившимися в данном языковом коллективе национальными и культурными традициями» [Глазунова 2000].

Исследователи считают, что менталитет – это «наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; он проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть духовной народной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [Колесов 2006: 11]. В.А. Маслова своим определением дополняет суть менталитета. «Под менталитетом понимают некоторую глубинную структуру сознания, зависящую от социокультурных, языковых, географических и других факторов. Особенности национальных менталитетов проявляются только на уровне языковой, наивной, но не концептуальной картины мира» [Маслова 2001: 49]. «Менталитет – это своего рода стереотипная установка культурно-когнитивного “камертона” на восприятие наивной картины мира сквозь призму ценностной прагматики этнокультурного сознания» [Алефиренко 2012: 109].

Ментальность отражает «вечные», устойчивые качества национального видения мира и национального характера и поэтому она представлена в таких базовых аккумулятах [см. Аврамова 2007: 116] как *вера, судьба, любовь, добро* и т.п. Таким образом, ментальность является продуктом наследования этнокультурной информации. Ментальность воплощается в языке через лексику (ключевые слова) и грамматику (грамматические категории и структуры). А.Д. Шмелев, например, выделяет шесть групп лексических сфер, в которых отражаются фундаментальные черты русской ментальности, среди которых отмечает такие понятия, как *правда, истина, долг, судьба, душа, тоска, удаля, наутро, собираюсь, угораздило, заодно, небось* и др. В исследованиях А. Вежицкой, Ю. Степанова, В.В. Колесова и др. выделяются ключевые слова, на основе которых анализируются специфические черты русской ментальности. Исследования в этом аспекте ведут и лингвисты многих зарубежных стран.

Ментальные признаки этнического сознания объективируются в языке в категориях языковой семантики: значении и внутренней форме номинативных единиц языка, культурных коннотациях, вторичных значениях языковых единиц и т.п.

Рассмотрим этноязыковое пространство слов *инат* в болг.яз. и *упрямство* в рус.яз.

ИНАТ – 1. упорито настояване на своето поради зла воля; упорство, твърдоглавие (твърдолюбие);

2. неизм. прил. който упорито настоява на своето, проявява неоправдано упорство, твърдоглавие; инатлив, упорит, твърдоглав;

3. човек, който проявява такива качества, инатчия;

Словообразовательное гнездо содержит следующие формы: 1) глагол: *инатя се разг.* проявявам инат, упорствам; 2) отглагольное существительное *инатене разг.* упорстване; 3) существительные *инат; инатец, инатче* уменьш.; *инатлък нар.* инатене, упорство; *продавам инатлък*; сущ. для лиц *инатчия м. разг., инатлия м. нар.* человек, който проявява инат, който е склонен да се инати; *инатчийка ж.*; 4) прилагательные *инатлив разг., инатчийски разг.*; 5) наречия *инатчийски разг., инатливо разг.* [РБЕ 1990: 853]; устойчивые сочетания: *магарешки инат* – ослиное упрямство; *правя на инат* – делать назло кому-чему-л., идти наперекор кому-чему-л.; *прекъриши нечий инат* – сломить чье-л. упрямство, уломать кого-л.; *инатя се като магаре на мост* – упрямя как осел [Чобанова 2007: 805].

В русском языке.

УПРЯМЫЙ – 1. Неуступчивый, несговорчивый, стремящийся поступать по-своему, поставить на своем вопреки необходимости и здравому смыслу; // выражающий неуступчивость, строптивость;

2. упорный, устойчивый.

Словообразовательное гнездо: *упрямец, упрямица, упрямиться, упрямятствовать, упрямо, упрямяство* (фанатическое) [СРЯ 1984: 790].

И в русском и в болгарском языках толкование слов *инат* и *упрямяство* и их дериватов в основном совпадают. При сопоставлении их текстуального употребления наблюдается тоже совпадение их коннотативных долей, а именно: в болг.яз. – твърдоглав, дебелоглав, вироглав, опърничав (строптивый, непокорный, несговорчивый); ср., выражение того же ментального порядка *Ти ли ще ми кажеш на мене?* В рус.яз. – 1) проявляющий настойчивость, неуступчивость (вопреки наличию глубоко в себе существующего колебания в некоторой неправоте), ср. *фанатическое упрямяство; Я и сам упрямя: хоть надорвусь, да упрусь!*; 2) выражающий упрямяство, сопровождаемое некоторой шутливостью, ср. *Отморозжу уши назло бабушке!*

Следует отметить, что в данных лексемах и в рус. и в болг. языках не присутствует коннотация «тупой», имеющаяся в статье *инат* в русско-болгарском словаре А. Кошелева [Кошелев 2003: 222]. В данном случае индивид постулирует «я так решил, я так хочу; я сделаю так, как решил», хотя в некоторых случаях он осознает глупость своего поступка. В этом случае интенцию можно выразить наречиями рус. *назло* (см. выше) и болг. *напук* (назло, наперекор), в которых выражено вполне осознанное противопоставление. Это противопоставление и непреклонное желание делать «напук», пожалуй, переводит *инат* в число ключевых слов болгарской ментальности.

Оказывается, однако, что не только ключевые слова маркируют национальную специфику ментальности. В языке имеются слова, которые как будто совпадают по значению в другом языке, но оказывается, что это поверхностный взгляд на вещи, так как не вся информация о ментальности этноса лежит на поверхности данного слова. Ее надо извлечь оттуда, войдя в ментальность этноса и в экстралингвистические его условия.

Расхождене в ментальности и его отображение в слове наблюдается в некоторых словах, которые не являются ключевыми для определенного языка. Они присутствуют и в других языках, но в то же время содержат сугубо специфическую для этноса информацию. К таким словам в болгарском языке и болгарской ментальности относится слово **Возрождение**, в значении эпоха Возрождения. Это понятие занимает специальное место в истории Болгарии и в сознании болгар.

Эпоха Возрождения, или Ренессанс – это период в истории культуры Западной и Центральной Европы, закрепленный в рамках XIV-ого-XVI-ого в.в., основным содержанием которого было становление новой, «земной», светской по своей сути картины мира, кардинально отличной от средневековой. Новая картина мира нашла выражение в гуманизме, ведущем идейном течении эпохи, и натурфилософии, она проявилась в искусстве и науке, претерпевших революционные изменения. Источником новой культуры послужила античность, которая как бы «возрождалась» к новой жизни, – отсюда название эпохи – Возрождение, или Ренессанс (на французский манер), данное ей впоследствии. Родившись в Италии, новая культура в конце XV в. распространяется в другие страны центральной Европы, где в результате синтеза итальянской и местных национальных традиций рождается культура национального Возрождения. В эпоху Возрождения новая ренессансовая культура сосуществовала с культурой позднего Средневековья, что особенно характерно для стран, лежавших севернее Италии. Эпоха Ренессанса знакома нам по произведениям Леонардо да Винчи, Рафаэля, Боттичелли и др. в художественном искусстве, Палестрины, Орландо ди Лассо и др. в музыке, Н. Коперника, Г. Галилея и др. в науке и т.д. За Ренессансом следовали Барокко (1600-1750), Классицизм (1750-1820), Романтизм (1820-1900).

А какова была жизнь в Болгарии в эту эпоху? В 1396 году османские турки окончательно завладели Болгарией. Средневековое болгарское государство было уничтожено. Было разрушено светское по своей сущности государство, основой жизни становится шариат, регулирующий религиозную, образовательную, культурную жизнь в стране. Были уничтожены общественно-политическое устройство страны, духовная и культурная жизнь Болгарского государства, в том числе деятельность Тырновской литературной школы, иконописные школы и музыку при церквях и в монастырях. Болгарская культурная жизнь не успела выйти из стен храма. За все пять веков ига она там и осталась и сохраняла остатки былого величия и болгарских достижений творцов. Болгарская культура не прошла через европейский Ренессанс, Барокко, Классицизм. И лишь в начале XIX в. она подошла к своей эпохе Возрождения – тогда в Европе уже властвовал романтизм.

Болгарское Возрождение начинало с нуля. Лишь в начале XIX в. появились первые ростки светской образовательной и культурной жизни, и это еще в условиях порабощенного государства.

Лишь в первой половине XIX-ого века начинается движение за обособление и создание единого литературного болгарского языка, ставится начало болгарской поэзии, беллетристики, драмы, выходит первый журнал «Любословие» (1842 г. в Измире). Из-за отсутствия условий первые книги, журналы и газеты выходят за границей – в Цариграде, Бухаресте, Браиле, Белграде. Поставлено скромное начало научных исследований – в области философии, лингвистики, природных наук. В 1869 г. в Браиле основано общество, которое дает начало основания Болгарской академии наук. В конце XVIII-начале XIX веков происходит возрождение искусств. Появляются первые светские портреты, в 1856 г. показан первый театральные спектакль, в 1851 г. звучит первый маленький оркестр, сформированный из современных инструментов и т.д.

И все это находится на самом начальном этапе развития. Болгарская музыка, искусство, художество, беллетристика делает первые шаги. Болгарским творцам пришлось за очень короткий срок наверстывать в культурной жизни пропущенное за пять веков османского ига. Болгарским творцам пришлось усваивать то, что вырабатывалось веками и накапливалось постепенно творцами в европейских странах.

Поэтому эпоха болгарского Возрождения имеет особую ментальную основу в болгарском сознании. С одной стороны, это ощущение невосполнимой утраты, постепенного накапливания опыта и умений творцов, а с другой стороны – гордость о том, что болгарские творцы все-таки достигли современного развития культурных процессов своим путем и со своим почерком. И этот ускоренный процесс развития болгарской культуры наложил отпечаток на ее характер. С другой стороны, пять веков османского ига не прошли бесследно для формирования не только болгарской ментальности, но и болгарского этнического характера. Все эти особенности сознания нашли соответствующие языковые маркеры в развитии болгарского языка.

И вот эти особенности еще предстоит описать и интерпретировать.

Литература

- Алефиренко – Н.Ф. Алефиренко. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2012, 288 с.
- Бачинин – В.А. Бачинин. Философия. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В. А. 2005, 288 с.
- БЭС – Большой экономический словарь. Под. ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 1999, 1248 с.
- Глазунова – О.И. Глазунова. Логика метафорических преобразований. Санкт-Петербург, 2000.

- Гуревич – П.С. Гуревич. Ментальность, менталитет. // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998.
- Дидье – Дидье Жулия. Философский словарь. Пер. с франц. М.: Междунар. отношения, 2000, 544 с.
- Коджаспирова – Г.М. Коджаспирова. Словарь по педагогике. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Изд. Центр «МарТ», 2005, 448 с.
- Колесов – В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Русское Востоковедение, 2006, 624 с.
- Кошелев – А. Кошелев. Българско-руски речник. Болгарско-русский словарь. София: Наука и изкуство, 2003, 837 с.
- Кубрякова – Е.С. Кубрякова. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук / Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004, 560 с.
- Маслова – В.А. Маслова. Лингвокультурология. Учебное пособие. Москва: Академия, 2001.
- Политология – Политология. Энциклопедический словарь. Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во коммерч. ун-та. 1993, 431 с.
- ПС – Психологический словарь. Авт.-сост. В.Н. Копарулина, М.Н. Смирнова, Н.О. Гордеева, Л.М. Балабанова; под общей ред. Ю.Л. Неймера. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003, 640 с.
- РБЕ – Речник на българския език. Т. 6. София: БАН, 1990.
- СРЯ – Словарь русского языка. Т. 4. Москва: Изд. Русский язык, 1984.
- ССОН – Современный словарь по общественным наукам. Под общ. ред. О.Г. Данильяна, Н.И. Панова. М.: Изд-во Эксмо, 2005, 528 с.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006, 576 с.
- Хромова – Е.Б. Хромова. А.Я. Гуревич и история ментальностей. // Вестник Пермского университета. История. Выпуск 1 (24). 2014, с. 163-167.

Avramova, Valentina

Konstantin Preslavsky University, Shumen, Bulgaria

valentav@abv.bg

THE LANGUAGE AND MENTALITY

***Abstract.** The paper describes the idea of the mentality of the Bulgarians in the interpretation of the concept of Renaissance. Address issues of mindset and mentality in their national manifestation. Reveals the semantic content of the word in the mentality of the Bulgarian, based on the facts of the difficult historical fate of the Bulgarian people.*

***Keywords:** Mentality, mentalnost, key word, Renaissance.*

«ВРОДЕ КАК БЫ ТАК СКАЗАТЬ», ИЛИ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «СПАМЕ» В СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Аннотация. На материале Национального корпуса русского языка проводится анализ дискурсивных маркеров, которые получили название слова-паразиты. Объектом внимания стали маркеры нечеткой номинации как бы и типа. Говорящий использует эти маркеры, когда невозможно ясно идентифицировать объект или подобрать точное соответствие его названию. Рассмотрены особенности употребления этих единиц в речи, в том числе в роли заполнителей пауз.

Ключевые слова: спонтанная речь, слова-«паразиты», хезитации, нечеткая номинация, корпус звучащей речи.

Разительные перемены, которые произошли в последние годы, не только «определили существенные изменения в картине мира современника» [Козырев, Черняк 2007: 49], но и отразились на состоянии русского языка. Отмечается устойчивая тенденция к его раскрепощенности (освобождению от строгой нормированности, зажатости), либерализации понятий языковой нормы, к стилистической сниженности речи. Массовая культура предлагает широкий выбор готовых речевых образцов (клишированных конструкций и штампов) на все случаи жизни [Бурвикова, Костомаров 2006]. Исследователи говорят о «люмпенизации» языка [Мокиенко 1998], обеднении современной речи, коллоквиализации публичных сфер общения, насыщении их элементами разговорности [Стернин 2000], об экспансии слов-«паразитов» в спонтанной речи [Дараган 2000; Разлогова 2003].

О словах-«паразитах» можно услышать неоднозначные мнения: кто-то ругает эти слова, мол, они засоряют речь, кто-то считает их «филлерами», которые позволяют говорящему выиграть время в проблемных точках речепорождения, чтобы «упаковать» свои мысли и продолжить речевые шаги.

В работах исследователей слова-паразиты получили разные наименования: от нейтрально маркированных – «лишние» слова [Сиротинина 1974], «вставные элементы» [Ладыженская 1985], «пустые частицы» [Розанова 1983], «информационный шум» [Петрунина 2005] до метафорических – «слова-тунеядцы» [Елистратов 2016]. Наиболее употребительным остается определение «слова-паразиты» как интуитивно понятное.

В русской спонтанной речи состав подобных слов варьируется и меняется во времени [Разлогова 2003]. Бытует мнение, что активность и употребление тех или иных единиц в речи культурных людей, есть не что иное, как симптом моды, поветрие в речи вообще [Елистратов 2016].

Проиллюстрируем это примерами, эксцерпированными нами из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>):

(1) *А ты **типа** не в курсе / какая в Москве конкуренция?*

(2) *Что/ **так сказать**/ позволило хронологию/ **так сказать** / установить.*

(3) ***Прикинь** / сказал мне / что я жадная / **типа** ни копейки на него не трачу! **Грит** / что у нас нет общих денег / а есть только его / **прикинь**/ а!*

(4) *Да ты прости / **в натуре** / я за тобой приехал // Слушай/ если бы своими глазами не увидел / **в натуре** / подумал бы / что настоящая.*

(5) *Но **по любому** / никто не спорит / значит / ошибка была все-таки очевидная.*

(6) *Он будет называться «Репродуктор»// Это **как бы**... название/ давно установлено (Пресс-конференция Б. Гребенщикова, 2003).*

(7) ***Ну знаешь**/ я бы хо=... **ну блин** / **ну** мне нужно хотя бы квартиру в кредит/ я не знаю.*

В структуру высказывания могут последовательно встраиваться сразу несколько элементов, которые утрачивают свое лексическое и грамматическое значение, например:

(8) *Монголо-татарского ига / **ну** то есть **там** / не знаю / есть мечети **там** средневековые / **да** / то есть **там** не только церкви / **там** есть мечети / то есть /**это как бы ну вот** пятнадцатого века (Беседа с Кулибиным, 2002).*

(9) *И даже **ну типа** сказали/ что **вот**/ если хотите **типа**/ наш курьер бесплатно всё заберёт. (Разговор подруг по телефону, 2015).*

(10) ***Ну значит** я че-то **вот** с **этой**/ с ценой ... или **вот** так где-то она че-то показывала где-то/ну где-то че-то я **вот** видела **короче**// Ее надо будет заказывать/ только **вот** одну или две штуки заказывать (пример [Кокошкина 2011]).*

Общим отличительным признаком вышеуказанных единиц является то, что их семантика почти стерта, никакой фактуальной информации они не несут, их значения непредметны, и их можно изучать только через их употребление (срв. [Манаенко 2009: 13].

Встает вопрос: правомерно ли относить данные единицы в спонтанной речи к информационному «спаму» или их семантическая «опустошенность» имажинерная?

По замечанию В.И. Подлеской, у так называемых слов-паразитов, как и других ресурсов языка, есть ясно очерченные функции [Подлеская 2013]. Для таких единиц характерна полисемия употребления. Так, частица ну может выступать: 1) в инициальной позиции как стартовый маркер (1), сигнализируя о введении новой темы; 2) в медиальной позиции при сбое в режиме коррекции как амортизирующий элемент (2), помогающий говорящему вернуться к началу неудавшегося фрагмента; 3) в режиме редактирования (3); 4) в роли гезитации-поиска (4):

(11) *Ну-у ... с Люком много у нас было интересных историй.*

(12) *Если у тебя сильная ... ну-у... сильное желание/ то всего добьешься.*

(13) *они не все/ а-а в основном / да/ а-а те м= ... ну торговые марки/ которые / да как бы в основном зависят от курса доллара.*

(14) *они на меня смотрели ... с-сс ... ну-у с-с тоско-ой как бы-ы.*

Функции семантически «опустошенных» слов могут быть различными, и с их учетом выделяют следующие группы [Levontina, Shmelev 2007]:

1) маркеры хезитативы (*ну, это, это самое, парафоны э-э, м-м*);

2) маркеры нечеткой номинации, или ухода от ответственности за содержание высказывания (*так сказать, как бы, типа, типа того, вроде, вроде как*);

3) маркеры управления вниманием (*там, короче, значит, в общем, на самом деле*);

4) фатические (контактоподдерживающие) маркеры для прямого воздействия на адресата, удержания его внимания (*прикинь, знаешь, понимаешь, да, а, вот, так*);

5) парентетическое слово *блин*, часто отражающее эмоциональный «выброс».

Число данных единиц не безгранично, они могут сочетаться друг с другом и образовывать различные по структуре вариации. Кроме того, одна и та же единица может проявлять себя в различных функциях.

Объектом нашего сообщения является вторая группа маркеров – сигналы нечеткой номинации, которые говорящий реализует в речи, когда невозможно ясно идентифицировать объект или подобрать точное соответствие его названию, потому что: 1) в арсенале языковых средств говорящего подходящая номинация может отсутствовать; 2) нужное наименование известно говорящему, но по какой-то причине неприемлемо для него; 3) говорящий испытывает затруднение с поиском средств выражения [см.: Подлеская 2013].

В определенных ситуациях средства нечеткой номинации позволяют коммуниканту снять с себя прямую ответственность за содержание высказывания, смягчить его иллокутивную силу и предоставить адресату возможность совместно декодировать смысл сообщения.

В примере (15) говорящий эксплицирует свою неуверенность в выборе адекватной референции, пытаясь объяснить, к какому типу объектов относится данный предмет:

(15) *... то есть он даже вот ... в специальной такой коробочке / там тюбик / и специальная такая насад= // ну как бы такая держалочка / намазал ... тело / чтобы главное руками не касаться / вот (НКРЯ).*

Подвергнувшееся коррекции слово насадка, которое в одном из своих значений определяется как *‘часть прибора или инструмента, надетая на*

что-нибудь’ [Ожегов 1977: 356], представляется говорящему неприемлемым. Видимо, речь идет о лекарственном препарате, который наносится на кожу с помощью *аппликатора*. Однако название заимствования в нужный момент ускользает из памяти говорящего, и, чтобы выйти из положения, он решает употребить окказионализм *держалочка* (слово не зафиксировано ни в одном толковом словаре). Предвосхищая непонимание и неприятие такого словоупотребления адресатом, говорящий (в целях соблюдения Максимы способа Г.П. Грайса) предваряет его присловным маркером приблизительности – частицей *как бы*, сигнализируя тем самым об условности, возможной неточности выбранной номинации. Чтобы убедиться, что цель достигнута, в пределах той же реплики он прибегает к проспективному пояснению о предназначении названного им предмета (*чтобы главное руками не касаться*).

В спонтанной речи у *как бы* есть еще одна функция – снижение степени категоричности оценки за счет смягчения средств выражения (см. [Пигрова 2001]). В этой функции *как бы*, будучи неприсловным, формирует единую составляющую вместе с выражением, которое им «семантически обслуживается» [Подлеская 2013: 634]. Например:

(16) *Стало расширяться это явление/ появилась как бы русская реальная конструкция – электронная почта* (Ю. Прохоров, канал «Культура», 2010).

(17) *Но помимо того мощного /талантливого / внятного как бы художественного сообщения / как бы вы посылаете / образного / который откладывается у них в подкорке* (Д.Арбенина, канал «Культура», 2003).

(18) *Эти „чернушки“ как бы в стиле русского менталитета* (С. Корзун о юморе в Интернете, 2004).

Прокомментируем последний пример. Согласно Новому толково-образовательному словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой, слово *чернушки* имеет следующие значения: 1. смуглянка, черноволосая женщина или девушка; 2. травянистое растение семейства лютиковых и семена этого растения; 3. съедобный гриб семейства пластинчатых [Ефремова 2000]. В (18) диминутив *чернушки* означает ‘черный юмор’: речь идет об американском влиянии мультимедиа и комиксов на массовую поп-культуру.

В группе примеров (16-18) реализуется основное модальное значение *как бы* – сигнализировать о вероятном отсутствии полного совпадения между вербализацией и действительностью. Стремление говорящего не навязывать категоричных оценок адресату создает известный комфорт участникам коммуникации, т.к. общение протекает в поле неопределенности и не требует от коммуникантов сосредоточения усилий.

Довольно часто *как бы* проскальзывает в речи говорящего бессознательно, по инерции и реализуется на артикуляционном уровне автоматически. В своей усеченной разновидности частица утрачивает собственное ударение, что свидетельствует о ее постепенной клитизации. В этом проявлении *как*

бы служит заполнителем паузы и функционирует в речи наряду с другими сигналами управления вниманием, например:

(19) *И уже появляется такая как бы [кыгбы] ... такой грамматический / что ли / такой инструмент / да/ для выражения каких-то значений (НКРЯ).*

(20) *вот я просто чуть-чуть шире как бы расскажу/ потому что у меня ... ну ... как бы ... прогнозы делать задача неблагоприятная (А. Цверов, 2011).*

Цепочечное нанизывание неинформативных элементов (20) не только ухудшают качество речи, но затрудняют ее восприятие. Но во всех случаях следует говорить не о словах-паразитах, а скорее об их «паразитическом» употреблении, вызванном недостаточным уровнем языковой компетенции говорящего. Здесь парафоны и частицы выступают в роли своего рода скрепов, которые позволяют участнику интеракции выиграть время для выбора искомой единицы.

«Пустые» элементы могут «паразитировать» блоком, и при этом ни одна комбинация может не повториться:

(21) *А / нет/ я имею в виду в том в плане/ что-о родители как бы э-э и ... ну как бы адекватные (НКРЯ, 2015).*

(22) *А лирические ну как бы ну ... лирические это вот как бы какие-то вот ... ну ... события (пример [Кокошкина 2011]).*

Еще один маркер нечеткой номинации стал предметом нашего анализа – слово *типа*, которое в своем нормативном употреблении имеет значение, сходное с *как бы*: ‘подобие’, ‘похожесть’.

В современной речи слово *типа* выступает как:

• многозначное существительное:

(23) *Слюдьмитакого типа сотрудничал Тургенев в журнале «Современник»;*

(24) *Вспомнил / где я видел этого типа.*

• предлог в конструкциях с родительным партитивным:

(25) *Ему нужна квартира типа этой.*

(26) *Этот человек здесь типа курьера.*

Быстро распространившееся в спонтанной речи, это словечко проявило себя в новом «амплуа» – оно реализуется в конструкциях, где выполняет функцию предлога, но присоединяемое слово(сочетание) оформлено именительным падежом, что приближает *типа* по функции к частице (см. [Виноградова 2011]). Например:

(27) *Мне кажется / это важнее / чем продвигать свои / пусть даже очень хорошие идеи / типа российские инновационные офшоры и так далее (Круглый стол «Взаимодействие бизнеса и государства в ходе реализации проекта «Электронная Россия», 2003).*

(28) *Вот и они типа сказали/ за пять сто мы поменяем вам экран/ **типа оригинальный** / бла-бла-бла и так далее* (Разговор подруг по телефону, 2015).

(29) *Забегеж= ... заскочили в буфет // Думаем щас перед самолётом / там чайку туда-сюда // Вот такие вот ээ зав= ... **типа заварной чайник** / да?* (База данных «Речь дальневосточников», 2010).

В спонтанной речи, лишенной строгой нормированности, *типа* употребляется современной молодежью в значении «подобия вообще».

Имеет различную локализацию во фразе, часто оформляясь в самостоятельную синтагму.

(30) *Ну / она [нрзб] когда отвечаю / то в окно смотрит там / то лицо такое делает / **типа** я тупая* (Разговор студентки и школьницы об учебе, 2009).

(31) *И она первый раз лет за десять накрыла стол // **Тупа**/ она сделала новые шкафы* (Разговор подруг, 2009).

(32) *Она не болела / у нее ничего нет **типа*** (Телефонный разговор студенток, 2015).

(33) *Ну / говорили по этому... по телеку... показывали / **типа**/ наоборот похолодание будет / там все дела* (Разговор в компании подруг, 2008).

При таком употреблении семантика *типа* размывается, но не утрачивается: в (30) оно функционирует в роли частицы (и тождественно союзу *как будто*), а в (31–33) выступает показателем эвиденциальности, уподобляясь частицам *мол* и *дескать* и указывая на то, что приводимые слова являются цитацией чужой речи. Кроме того, *типа* эксплицирует модальные значения – известное недоверие к факту сообщения, желание уклониться от ответственности за буквально сказанное.

Экспансия частицы *типа* отмечается в устной речи в последнее десятилетие. По мнению исследователей, слово *типа* может быть отнесено к социально знаковым, характеризующим картину мира разных социальных групп и поколений в обществе [Виноградова 2011]. Как замечает Е.Э. Разлогова, на смену поколению *как бы* приходит поколение *типа* [Разлогова 2003].

В следующих примерах эта частица утрачивает коммуникативную значимость. Ее употребление тяготеет к асемантичности, и она воспринимается уже как «паразитический» элемент.

(34) *Он якобы сжалился / **типа** сказал / Ну я могу **типа** не оформлять вам эту бумажку/ **типа** вы заплатите токо за осмотр пятьсот пийсят рублей* (НКРЯ, 2015).

(35) *десять рабл= // .. рублей стоила а-а ... конфетка шоколадная / ну ... **типа вот** «Буревестник»* (Телеканал «Культура», 2008).

(36) *Сначала **типа того там вроде как бы** на мировую / потом давай отвечать им / что он **вроде** ел мясо / сейчас тебя **типа** на шашлык пустим* (Телефонный разговор, 2005).

В заключение отметим, что мы коснулись только отдельных функций маркеров нечеткой номинации (*как бы, типа*) в спонтанной речи. Наряду с основной интенцией сигнализировать о приблизительности вербализации в силу тех или иных прагматических причин, эти единицы в зависимости от контекста способны реализовать функцию уменьшения категоричности высказывания и функцию хезитации-поиска, маскирующую речевое затруднение говорящего в проблемных точках порождения дискурса. Причина их появления – это не только синхронность планирования и продуцирования сообщения, но и эмоциональное состояние говорящего, желание не эксплицировать ту или иную информацию.

Раздающиеся призывы избавиться от речевых хезитаций представляются абсурдными, поскольку, по справедливому замечанию Э.Б. Яковлевой, «избавляться от них так же нелепо, как избавляться от способности мыслить» [Яковлева 2016: 63]. Семантически опустошенные сегменты, безусловно, нарушают благозвучие речи. Однако их функциональная нагрузка в определенной степени оправдывает их роль в порождении несколько корявого, «черновикового» высказывания, отличающегося от «причесанного» подготовленного текста.

Литература

- Бурвикова, Костомаров 2006 – Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. СПб., 2006.
- Виноградова 2011 – Виноградова Е. М. Слово типа как постмодернистский дискурсивный сигнал // Русский язык в школе, 2011, № 8, 72-78.
- Грайс 1985 – Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Дараган 2000 – Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи. // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2000, 67-73.
- Елистратов 2016 – Елистратов В.С. Короче на самом деле как бы реально, да? // Знамя, 2016, № 2.
- Ефремова 2000 – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Козырев, Черняк 2007 – Козырев В. А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация: жаргонизация речи как социокультурный феномен. // Universum: Вестник Герценовского университета, 2007, №6.
- Кокошкина 2011: Кокошкина И.В. Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификация, факторы употребления. Автореф. дисс.канд.филол.наук. М., 2011.
- Ладыженская 1985 – Ладыженская Б.Я. Особенности организации устной спонтанной речи. Автореф. дисс.канд.филол.наук. М., 1985.
- Манаенко 2009 – Манаенко С.А. Параметры дискурсивного употребления лексических единиц. // Вестник Пермского университета. 2009, Вып. 3, 12-17.

- Мокиенко 1998 – Мокиенко В.М. Доминанты языковой смуты постсоветского времени. // Русистика, 1998, № 1/2, 37-56.
- Петрунина 2005 – Петрунина С. П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты. // Вестник ТГПУ, 2005, Выпуск 3, 101-106.
- Пигрова 2001 – Пигрова Е. К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи. Автореф. дисс.канд.филол.наук. СПб., 2001.
- Подлеская 2013 – Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013), М., 2013, 631-643.
- Разлогова 2003: Разлогова Е. Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи. // Вестн. Моск. ун-та, 2003, Сер. 9, Филология, № 6.
- Сиротинина 1974 – Сиротинина О. Б. Современная русская разговорная: речь и ее особенности. М., 1974.
- Стернин 2000 – Стернин И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка. // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000, 4-16.
- Яковлева 2016 – Яковлева Э.Б. Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты. М., 2016.
- Levontina, Shmelev 2007 – Levontina I., Shmelev A. False Emptiness: Are So-called “Parasitical Words” Really Semantically Void? // Meaning-Text Theory, Wiener Slawistischer Almanach // Gerdes, K., Reuther, T., Wanner, L. (eds.). München-Wien, 2007, 259-268.

Aleksieva, Tatiana
Sofia University “St. Kl. Ohridski”, Bulgaria
tatyana_a@abv.bg

‘VRODE KAK BY TAK SKAZAT’, OR ONCE MORE ABOUT THE SO-CALLED SPAM IN SPONTANEOUS SPEECH

***Abstract.** An analysis is being conducted on the basis of a material posted by the Spoken Russian Corpus, whose goal is to analyze the importance of the markers of vague reference that are being viewed as ‘parasitical’ words. The object of study have become the markers of vague reference kak by (‘like’) and tipa (‘so to say’). The Speaker uses the aforementioned markers in situations, where the identification of the object or an adequate description is impossible to name. The study also tackles the issue and frequency of use of such expression forms, including the cases, where these elements are used to fill pauses.*

***Keywords:** Spontaneous Russian Speech, hesitation, “parasitical” word, filler of pauses, vague reference, spoken corpus.*

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА В НАИМЕНОВАНИЯХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье изложены основные ономаσιологические признаки наименований лекарственных растений, таких как: *мать-и-мачеха* (болг. *подбел*), *тысячелистник обыкновенный* (болг. *бял равнец*) и *цикорий обыкновенный* (болг. *цикория*), входящих в тематически объединенную группу фитонимов „Лекарственные растения семейства Сложноцветные”, способы их образования, а также представлен один из основных принципов номинации – принцип наименования по функции анализируемых растительных реалий в русском и болгарском языках.

Ключевые слова: *фитоним, мотивировочный признак, способ создания наименований, принцип номинации.*

Мир растений жизненно необходим человеку. На протяжении тысячелетий растения используются в качестве продуктов питания, в промышленности и хозяйственной деятельности, но прежде всего растения являются незаменимыми источниками получения лекарственного сырья и лекарственных средств, употребляемых для лечения, предупреждения и диагностики различных заболеваний. История практического применения лекарственных растений – это одновременно и история их познания. В процессе познания объектов реальной действительности и их качеств выделяются отличительные признаки, заложенные в основу значения слов. Так, мотивировочные признаки различных лекарственных растений нашли отражение во внутренней форме наименований. В данном случае - это признаки функционального предназначения растений и их практического применения в народной медицине.

Объектом исследования послужили наименования растений, входящих в тематически объединенную группу фитонимов „Лекарственные растения семейства Сложноцветные” с определяющей медицинской направленностью, их происхождение, способы образования, отражающие возможность выражения функциональных признаков изучаемой тематической группы, а также принцип номинации анализируемых реалий в русском и болгарском языках.

Итак, группа исследуемых нами наименований включает лекарственные травянистые растения, принадлежащие к большому ботаническому семейству Сложноцветные (Compositae), представители которого встречаются повсюду, во всех климатических зонах: *мать-и-мачеха обыкновенная* (болг. *подбел*)

(*Tussilago farfara* L.), *тысячелистник обыкновенный* (болг. бял равнец) (*Achilea millefolium* L.) и *цикорий обыкновенный* (болг. цикория) (*Cichorium intybus* L.).

Мать-и-мачеха (болг. *подбел*) (*Tussilago farfara* L.) – травянистое растение из семейства Сложноцветных с желтыми цветками и большими листьями, снизу опушенными, а сверху гладкими и холодными на ощупь.

Научное родовое название растения *мать-и-мачеха* происходит от лат. *tussis* – кашель и *agere* – выводить, т.е. в переводе – выводящее кашель. Следует отметить, что лекарственное сырье *мать-и-мачехи* (листья или корни) входит в состав грудного и потогонного чаев, а водные настои используются в качестве отхаркивающего средства. Видимо, использование наименования **легочница** (Мазнев 2006: 658) в русском языке указывает на применение растения в народной медицине при острых и хронических заболеваниях органов дыхания, т.е. в основе номинации – патологическое состояние органов грудной полости.

На основе медицинского применения лекарственного растения *мать-и-мачеха*, по-видимому, сформировано и наименование **опухольные листья** (Мазнев 2006: 658), т.к. надземная часть растения употребляется для рассасывания опухолей, болезненных вздутий в тканях организма, нарушающих функцию какого-либо определенного органа, что является симптомом хирургической патологии.

Следует отметить, что в разговорном русском языке встречается наименование **камчужная трава** (Мазнев 2006: 658), исходящее от корня существительного камчуг - народное название гнойного нарыва, чирья (болг. цирей), т.к. истолченные листья этого растения прикладывали к несозревшим нарывам – камчугам, отсюда и название растения – *камчужная трава*. Наименование камчуг имеет и другие значения: 1) рожистое воспаление; 2) красная сыпь; 3) подагра; 4) болезнь ног – костоеда или ногтоед; 5) боль в суставе кисти; 6) растения, применяемые для лечения вышеуказанных болезней (СНРГ 1977: 31), например, василистник малый (болг. дребно обичниче) (*Thalictrum minus* L.) или фиалка трехцветная (болг. теменага трицветна) (*Viola tricolor* L.). Кроме того, этот полисемант, именующий ряд различных заболеваний и видов растений, связан с омонимом камчук (камчуг) - ‘казачья плеть’, „заимств. из тур., тат., крым.-тат. *камчу* „плеть” (Фасмер 1967: 176). Связь между конкретным заболеванием (гнойным воспалением кожи) и орудием телесного наказания, вероятно, объясняется острой болью, испытываемой человеком при образовании абсцесса.

Мотивом номинации **кървавиче** (БЕР 1986: 34; Младенов 1951: 1118) в болгарском языке мог послужить признак функционального предназначения. Следует отметить, что **кървеница** ‘пъпка гнойна’ (БЕР 1986: 34-35), являющаяся общеславянским наименованием индоевропейского характера, происходящим из „ие. *kgeuǵ-/*kgeu,- ‘кръв’” (БЕР 1986: 37), отражает симптоматику распространенного заболевания кожи, при котором образуется содержащая кровь пуста.

Целебные свойства *тысячелистника обыкновенного* (болг. *бял равнец*) известно давно, растение использовалось еще древними греками. *Тысячелистник обыкновенный* (болг. *бял равнец*) (*Achillea millefolium* L.) – травянистое растение семейства Сложноцветных с ланцетовидными, мелкорассеченными, с многочисленными узкими дольками листьев, цветками, собранными в корзинки, образующими сложные щитки.

Интересно отметить, что латинское родовое название растения *Achillea* носит имя Ахилла (Ахиллеса) – мифологического героя Троянской войны, использовавшего растение в лечебных целях, а видовой эпитет *millefolium*, растение получило из-за мелкорассеченной формы листьев.

Тысячелистник широко применяется в традиционной и народной медицине благодаря содержанию целого ряда биологически активных веществ. В целительной практике растение используется в качестве кровоостанавливающего, ранозаживляющего средства, что нашло отражение в наименованиях русского языка *порез, порезник, серпорез, порезная трава* (Мазнев 2006: 927) „по употребленію отъ урьза” (Анненков 1876: 4), а также болгарского языка *посъкливче, посежлива билка, посъчка трева* (БотР 1939: 87; БЕР 2002: 592), образованных от сека „удрям с тежко остро сечево, за да прережа, разполовя или направя нещо на късове” (БЕР 2002: 590), т.к. долго не заживающие раны от пореза ножом, серпом, плугом после использования свежих листьев растения заживали быстро без нагноения.

Следует отметить, что в лекарственном сырье тысячелистника содержатся дубильные вещества (танины), обладающие вяжущими, противовоспалительными свойствами, наличие которых, вероятно, легло в основу наименований: *деревей, дервей, дыривей, кровавикъ, кровавник, кровавница* (Анненков 1876: 4; Даль 1955 I: 430; Даль 1955 II: 196; СРНГ 1979: 264-265) в русском языке, т.е. проявляется целевое использование лекарственных свойств растения для остановки кровотечения, для лечения кожного заболевания кровеникъ (Даль 1955 II: 196), симптомом которого является наличие крови в абсцессе, что и нашло отражение в его номинации.

Кроме того, наименование в русском языке *резунья* (СРНГ 2001: 32), образованное от глагола резать, со значением ‘причинять резкую боль’ (Ожегов 1981: 600), по-видимому, указывает на целительные свойства растения, используемые при лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта и мочеполовой системы, - *резачки*, симптомом которых является острая боль, резь в животе или при мочеиспускании (СРНГ 2001: 32).

Логично думать, что в русском языке наименования: *грудная трава* (Анненков 1876: 4) определяется заболеваниями органов грудной полости, а *грыжская трава* (Анненков 1876: 4) - хирургическим заболеванием грыжа, т.к. растение *тысячелистник обыкновенный* употребляется „въ народной медицинѣ въ Россіи отъ боли въ груди”, а „верхушки пьютъ отъ грыжи” (Анненков 1876: 4).

Интересно отметить, что наименование заболевания *грыжа* („от о.-с. *gryzti* > рус. *грызть*“) (Черных 1999: 224) является одним из универсальных в русской народной медицинской лексике и именуется целый ряд различных патологий. Так, *грыжей* обозначают: 1) заболевание различных внутренних органов, а также кровеносных сосудов и костей у человека; 2) ревматизм; 3) раны; 4) нарывы (СРНГ 1972: 173).

Лечебные свойства травы *тысячелистника* в болгарском языке, вероятно, нашли отражение в наименовании *бубниче* (БотР 1939: 87), образованном от существительного *буба*, первоначальным значением которого является „нещо надуто, набъбнало“, срв. (на) *бъбна* от ие. **b(h) umb(h)*, рус., укр., *буба* „подутог“, срхр. *бубулица* „мехур“, чеш. *boubel* „воден мехур“, пол. *bąbel* „мехур“, лит. *buburgai* „твърд изрив по кожа“ (БЕР 1971: 85), что, по-видимому, указывает на внешний признак кожных заболеваний, которые выглядят как „болезнена кълбовидна подутина под кожата, изпълнена с лимфа или гной“ (БТР 2008: 450).

В болгарском языке наименования *твърдешь*, *твардец* (БотР 1939: 87) акцентируют внимание на цель лечения при „использовании“ растения в медицине в качестве лекарственного от вирусной, бактериальной инфекции или пищевого отравления, т.к. „варят я и водата дават да пие дете, болно от диария (Берковско)“ (БЕР 2010: 868-869). „Български етимологичен речник“ фиксирует лексему *твардец* и отмечает „праслав. **tvьrdь* (jь), сродно с лит. *tvirtas* „твърд, здрав“, латв. *tvirts* също“ (БЕР 2010: 868).

В основу наименований лекарственного растения: в русском языке *материнка* (Анненков 1876: 4), вероятно, связанного с заболеваниями внутреннего органа женщины – матки, ‘женской утробы, чрева’ (Даль 1955 II: 307) и болгарского *месечиякъ* (БотР 1939 : 87), связанного с месечно ‘периодично месечно кръвотечение от матката на жената’ (РБЕ 1998: 318), лег функциональный признак *тысячелистника обыкновенного*, его „использование“ при лечении различных женских заболеваний.

Интересно отметить, что в основе народной медицинской номинации почти всегда лежали суеверные представления о самой болезни. Нередко причины заболеваний объяснялись результатом действия злых сил, принимающих антропоморфный или зооморфный вид и проникающих в тело человека. Так, в народной медицинской лексике русского языка существуют номинативные единицы, обозначающие заболевание – *волосец* (СРНГ 1970: 57-59), т.е. панариций (болг. панарициум) (*panaritium*) – ‘острое гнойное воспаление тканей пальцев рук и ног’, возникновение которого объяснялось проникновением в тело человека, наделенного волей существа, водяного червяка (*Jordiusaquaticus*). Следует отметить, что наименование заболевания является полисемантом, значащим, кроме гнойного воспаления: 1) язву, опухоль, нарыв; 2) застарелую рану, на которой сделалось нагноение; 3) особую золотушную болезнь и 4) костоеду (СРНГ 1970: 57-59), одного из видов панариция, поражающего ткани кости, симптомом которого считался *выпадокъ* (Даль 1955 I: 305). Логично думать, что в русском языке в основу как вышеуказанных наименований, так

и в наименовании *волосяная трава* (Анненков 1876: 4), по-видимому, легли лекарственные свойства растения, применяемые при кожной патологии, а также ее симптоматике.

Суеверные представления о существах, принимающих зооморфный вид, существовали и у болгар. Так, причиной заболевания дифтерит (diphtheria) считалась злая сила, „бърз гушер“, който спуща шипове в гърлото, задушават децата и рядко изпуща жертвите си” (ЕБНМ 1999: 221).

На основе народной этиологии и медицинского применения лекарственного сырья *тысячелистника обыкновенного*, по-видимому, сформировано наименование *гушерка* (БотР 1939: 87), т.к. данное растение употребляется „като лекарство срещу болестта гушер „круп” (БЕР 1971: 297), лошо гърло (дифтерит)” (ЕБНМ 1999: 97) при остром инфекционном заболевании, сопровождающемся лихорадкой, общей интоксикацией, поражением сердечно-сосудистой и нервной системы, воспалением зева и гортани с образованием характерных пленок (ТЭнцС 2006: 549).

Всегда привлекал к себе внимание и *цикорий обыкновенный* (болг. *цикория*) (*Cichorium intybus L.*) – травянистое растение семейства Сложноцветных со стеблеобъемлющими, ланцетными листьями, светло-синими цветками, расположенными в пазухах листьев на концах веток и собранными в раскрытые корзинки. Хотя латинское родовое наименование растения (*Cichorium*) в переводе и обозначает его ареал – „заходящий на поля”, оно исстари известно своими целебными свойствами. Так, растение применяли при заболеваниях печени (болг. черен дроб), что нашло отражение в номинации русского языка *печеночница* (Мазнев 2006: 952), т.е., по-видимому, в основе данной номинации – патология внутреннего органа – печени, участвующей в процессах пищеварения, обмена веществ и кровообращения человека.

Кроме того, использование растения для удаления излишней желчи при желтухе (болг. жълтеница) (*icterus*) – болезни печени, сопровождающейся пожелтением кожи (Ожегов 2007: 251), желчнокаменной болезни, болях в желудочно-кишечном тракте нашло отражение в номинации русского языка *желтяница* (Мазнев 2006: 952) и болгарского языка *жълчка* (русс. желчный пузырь) (БЕР 1971: 551).

Следует отметить, что отвары и настойки растения применяли не только для лечения заболеваний органов желудочно-кишечного тракта, но и при кожных заболеваниях: фурункулах, гнойных ранах, экземах, а также при маясьл (*haemorrhoids*), что нашло отражение в номинациях болгарского языка: *маясьлче* (ЕБНМ : 378), из турецкого „mayasil същ. мед. екзема; хемороиди, маясьл” (АТБР 2009: 888), а также *гасилка*, „защото с лапи от него се налагат възпалени циреи и отоци” (БЕР 1971: 232), т.е. „гасят”, исцеляют различные кожные патологии. Логично думать, что данная номинация выражает целевое предназначение лекарственного растения - использование в качестве противовоспалительного и ранозаживляющего средства.

Итак, материалы сопоставительного исследования показывают, что большинство анализируемых нами номинаций лекарственных растений представляет собой простые наименования, а при описательном обозначении растительных реалий в основном используются составные наименования, чаще, - в русском языке, реже, - в болгарском. Сложные наименования единичны.

Составные наименования представлены атрибутивными словосочетаниями, в которых прилагательное выполняет функцию конкретизатора обозначаемого.

В русском и болгарском языках наблюдается замена составных ботанических наименований простыми, которые реализуются путем семантической конденсации (*русск. порезная трава* → *презник*; *болг. посежлива билка* → *посъжливче*). В болгарском языке отмечаются субстантивные наименования отглагольного характера (*болг. гасилка*). Сложные номинации (композицы) образованы путем основосложения (*русск. серпорез*).

Кроме того, исследование наименований лекарственных растений на материале двух языков показывает, что интенсивное образование фитонимов данной тематической группы в основном происходило путем семантической деривации. Поскольку мотивировочные признаки, служащие опорной базой для именования лекарственных растений, связаны с функциональным предназначением, то в русском языке принцип наименования по функции, главным образом, выделяется на основе конкретных заболеваний (*русск. камчужная трава, грыжная трава, резунья*), определенных внутренних органов (*русск. легочница, грудная трава, печеночница*) как объектов воздействия, а также различных симптомов (*русск. выпадокъ, кровавикъ*). В болгарском языке данный принцип определяется на основе конкретных заболеваний (*болг. посежливче, маясьлче*), их симптомов (*болг. кървавиче*) и цели использования лекарственных растений (*болг. твърдешъ, гасилка*).

Следует отметить, что среди исследуемых нами номинаций в русском языке чаще, чем в болгарском, наблюдаются полисемичные и омонимичные лексемы, благодаря которым спектр наименований охватывает не только ботанические, но и медицинские понятия, т.е., в результате полисемантической отдельные наименования входят в различные тематические группы. Логично думать, что связь между двумя тематическими группами (медицинской и ботанической) возникла на основе практического применения лекарственных растений в народной медицине.

Литература

- АТБР 2009 – Академичен турско-български речник (под научната редакция на проф. д-р И. Добрев). София: Рива, 2009.
- Анненков 1876 – Анненков, Н.И. Ботанический словарь. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1876.
- БотР 1939 – Материали за български ботаничен речник (събрани от Б. Давидов и А. Явашев, допълн. и ред. от Б. Ахтаров). София: Придворна печатница, 1939.

- БЕР 1971 – Български етимологичен речник (В.И. Георгиев и др.). Т. I. София: БАН, 1971.
- БЕР 1986 – Български етимологичен речник (В.И. Георгиев и др.). Т. III. София: БАН, 1986.
- БЕР 2002 – Български етимологичен речник (В. Анастасов и др.). Т. VI. София: „Проф. Марин Дринов”, 2002.
- БЕР 2010 – Български етимологичен речник (В. Анастасов и др.). Т. VII. София: „Проф. Марин Дринов”, 2010.
- Даль 1955 I – Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
- Даль 1955 II – Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
- ЕБНМ 1999 – Энциклопедия българска народна медицина. (съставителство и обща редакция М. Георгиев). София: Петър Берон, 1999.
- Мазнев 2006 – Мазнев, Н.И. Основные лекарственные растения. Справочное издание. Москва: „Лада”, „Рипол классик”, „Дом XXI век”, 2006.
- Ожегов 2007 – Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Оникс 21в.: Мир и образование, 2007.
- ТЭнцС 2006 – Толково-энциклопедический словарь (гл. редактор С.М. Снарская). Санкт-Петербург: „Норинт”, 2006.
- РБЕ 1998 – Речник на българския език (гл. ред. В. Кювлиева-Мишайкова, М. Чоролеева). Т. 9. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов”, ЕТ „ЕМАС”, 1998.
- СРНГ 1970 – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 5. Ленинград: „Наука”, 1970.
- СРНГ 1972 – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Выпуск 7. Ленинград: „Наука”, 1972.
- СРНГ 1977 – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 13. Ленинград: „Наука”, 1977.
- СРНГ 1979 – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 15. Ленинград: „Наука”, 1979.
- СРНГ 2001 – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 35. Санкт - Петербург: „Наука”, 2001.
- Фасмер 1967 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Москва: „Прогресс”, 1967.
- Черных 1994 – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. Москва: Русский язык, 1994.

Angelova, Anna
Department for Language Teaching and International Students
Sofia University „St. Kliment Ohridski”, Bulgaria
anna_angelova@ukr.net

TRADITIONAL MEDICINE IN NAMING PLANTS WITH MEDICAL USES AND APPLICATION (MATERIALS IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGE)

***Abstract.** In this article are set out the basic onomasiological traits of naming medical plants like coltsfoot (Rus. мать-и-мачеха), yarrow (Rus. тысячелистник обыкновенный), chicory (Rus. цикорий обыкновенный), who fall under the category of plants with medical uses and application from the Compositae family. The way they are named also reveals one of the basic principles of nomination – the principle of naming according to the function of these analysable worlds of plants in the Russian and Bulgarian language.*

***Keywords:** fitone, significant traits, method of naming, principal of nomination.*

МЕТАЯЗЫКОВОЙ ВЗГЛЯД НА АКТУАЛИЗИРОВАННУЮ ЛЕКСИКУ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

***Аннотация.** В статье представлен анализ актуализированной лексики сквозь призму языковой рефлексии. Возможность самовыражения, являющаяся сутью языковой рефлексии, может проявляться как в положительной, так и отрицательной оценочной интерпретации любого слова. В статье показано, как носители языка в метарефлексивных высказываниях реагируют на происходящие в современную эпоху изменения в политической, социальной и культурной жизни, как переосмысливают сложившиеся представления о мире.*

***Ключевые слова:** Актуализированная лексика, слова-хронофакты, языковая рефлексия, метакомментарий, метамаркеры.*

В языке находят отражение самые обсуждаемые события, происходящие в том или ином обществе в определенный момент времени. А. Вежбицкая выделила принцип, связывающий лексический состав языка и культуру, который она назвала принципом «ключевых слов». Она определяет их как слова, «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры»: «Они отражают и передают образ жизни и мышления, характерного для данного общества (или для языкового сообщества), и они представляют собою бесценные ключи для понимания культуры» [Вежбицкая 2001:18]. Как известно, речь идет о словах, в которых вербализованы ключевые для национальной языковой картины мира идеи.

Однако ключевые слова могут выступать в качестве символов конкретной эпохи: они свидетельствуют о наиболее важных событиях и явлениях, которые оказались объектом публичного обсуждения.

Этот разряд слов относят к актуализированной лексике – это «лексические единицы, повысившие ... свою функциональную значимость и частотность употребления вследствие актуализации обозначаемых ими понятий или явлений» [Милованова 2001].

Не менее широкое распространение получил введенный Т.В. Шмелевой термин «ключевые слова текущего момента». Определенные ею основные лингвистические параметры слов, которые оказались в центре всеобщего внимания в данный период времени, относятся к «трем аспектам существования слова – текстового, лексического и грамматического». Текстовый аспект проявляется в частотности употребления слова, и, что важно, такие слова становятся «объектом активной и массовой рефлексии» [Шмелева 2009: 63].

Рефлексивную деятельность и метаязыковые высказывания, в которых она вербализована, можно представить как осознанный мыслительный процесс по интерпретации языковых единиц. По определению Н.Д. Голева, метаязыковое сознание как составная часть обыденного языкового сознания представляет собой «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях» [Голев 2009].

В лингвистических исследованиях обсуждается и феномен «модного слова», которое по ряду параметров схоже с ключевыми словами эпохи. Среди них – актуальность, частотность, расширение синтагматических связей и, самое главное в рамках заявленной темы, – наличие языковой рефлексии [Журавлева 2010]. Не случайно, например, слово «гламур», признанное «словом-победителем» 2007 года по версии социально-лингвистического проекта «Слово года», одновременно называется в ряду модных слов того же отрезка времени [Журавлева 2010].

Однако при схожести этих двух понятий по ряду признаков для квалификации слова в качестве «модного», в отличие от «ключевых слов эпохи», важен такой критерий, как соответствие «эстетическим вкусам и потребностям определенной части социума» [Журавлева 2010].

Актуализированные социальными событиями слова, оказавшиеся вследствие этого в центре общественного внимания, можно соотнести со словами-победителями по версии социально-лингвистических проектов – «Слово года», «Словарь года», «Пресс-слово года». По справедливому мнению, «слова года» отличает «социокультурная детерминированность и субъективность процедуры их отбора» [Мустайоки, Вальтер, Вепрева 2016: 123]. Однако, что важно, полученные в ходе общественного голосования результаты позволяют понять происходящие социальные изменения через язык: слова-победители отражают главные события современной эпохи, они выражают важные общественные явления и тем самым связаны, по выражению Е.В. Какориной, с «новой интонацией времени» [Какорина 2008: 504].

Так, не случайными оказались слова-конкурсанты 2014 года: все они были востребованы украинскими событиями. Среди них ожидаемым словом-победителем, по версии конкурса «Слово года», стал «Крымнаш», а также обусловленные этими же событиями «санкции» и «бандеровцы/бендеровцы». К суммарным понятиям 2015 года было отнесено понятие «война». Слово «война» сохранилось в числе слов-лауреатов и по итогам конкурса 2016 г. Тема войны и мира, по словам О. Сулейменова, «*опять в первых строках повестки дня*». По его меткому замечанию, «*Мир беременен войной*» (ЭК. №194, 2015). Известный казахстанский поэт, общественный деятель О. Сулейменов продемонстрировал метафорический потенциал слова «война», что является одним из признаков ключевых слов: в интервью «Все мы в этом мире зависим друг от друга» (20 октября 2015 г.) автор сравнивает проводимые военные учения, маневры у границ с состоянием женщины перед родами.

Для широкой аудитории основными поставщиками информации о военных событиях являются СМИ, концептуализирующие военно-событийное пространство. Поэтому наряду с представлением реально происходящих военных конфликтов современные массмедиа являют собой образцы информационных войн: это когда *«война буквально носится в воздухе, когда она идет в любом радиоприемнике, на любом телеканале, во всех браузерах великой страны, везде. Тут в буквальном смысле поле битвы – сердце человеческое. И когда ты обнаруживаешь себя даже не телесно, но психологически на этом поле боя»* (<https://daily.afisha.ru/archive/gorod/changes/yuriy-saprykin-i-daniil-trabun-o-nachale-i-konce-epohi/>).

Выражение «информационная война» оказалось в числе номинантов проекта «Слово года» 2016. Информационная война – это вербальная война, в контексте которой события уступают место их интерпретации, интерпретация же сама становится событием. В информационной войне превалируют одни новости-события над другими, как и их интерпретация, при этом выбор их обусловлен ценностными идеологическими предпочтениями. Иными словами, СМИ не только «освещают» события, но и создают их, и граница между реальными и созданными событиями «очень зыбкая».

В медийный обиход вошла новая номинация, часто рассматриваемая в контексте информационной войны – «гибридная война», которая оказалась среди выражений-лауреатов по версии «Слово года» 2016 г. Она отстает от «победителя» всего на один голос (31) (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/12/70877-ochered-na-serova-brekzit-i-orde>).

Обширный метаязыковой контекст способствовал отнесению этого выражения к актуализированной лексике современной эпохи, что было зафиксировано в самом медиадискурсе: *Ключевым словосочетанием вместо «холодная война» стало «гибридная война». Так обозначен новый конфликт во все менее предсказуемом мире* (Новая газета, №13, 2015). Естественно, что объяснение этого феномена присутствует во многих работах военных историков, но нам интересны в первую очередь реакции на это выражение рядовых носителей языка, то есть представленные в обыденном метаязыковом сознании. Носители языка в своих оценках, как правило, не разделяют слово и обозначаемое им явление. Как справедливо считает И.Т. Вепрева, метаязыковые высказывания по поводу лексической единицы часто можно интерпретировать как рассуждения о том, какой концептуальный смысл скрывается за данной лексемой» [Вепрева 2014: 95]. Это мнение можно подтвердить следующим метаязыковым контекстом: *Есть такие факты, которые не хочется называть своими именами, потому что пока своим именем не названо, вроде и спокойно. Одно дело – боевые действия или интернациональная помощь. А другое дело – война!* (Эхо Москвы).

Приведем ряд комментариев из текстов медийного дискурса, представляющих собой осмысление понятия «гибридная война» в обыденном

метаязыковом сознании: *«Кремль исповедует стратегию и тактику гибридной войны, когда формально война не объявляется, а действует какими-то косвенными методами»* (Эхо Москвы, 23. 03. 2017). *«Нет, я не хочу сказать, что это будет война в прямом смысле этого слова. Это же гибридная война. Да? Поэтому она будет как-то комбинированно происходить. И может служить поводом для закручивания гаек»* (Эхо Москвы. 07.04. 2017). В состав последнего метаязыкового контекста входит метафорический образ: использована механистическая метафора «закручивание гаек» как следствие этого вида войны. А следующий метакомментарий: *«Гибридная в данном контексте значит, что иногда это бомбы, иногда «поддержка демократии», но всегда ложь и манипуляция»* (<http://rusaker.net/authors/> – свидетельствует о субъективном восприятии не вербальной стороны этого выражения, а самого явления, им выражаемого. Субъективность восприятия явления, называемого «гибридной войной», может подчеркиваться атрибутивными оценочными маркерами, как например: *«Есть иное, странное и прежде человечеству неизвестное. И войной ни в коем случае не являющееся. Называется это странное нечто «гибридной войной»* (https://lb.ua/society/2016/06/20/338240_vyalotekushchiy_gibridniy_mir.html).

В метаязыковом сознании отмечается размытость этого понятия и, соответственно, сложность его определения: *«Разные стороны по-разному стали говорить об этом феномене – «гибридная война». А это – не просто актуальное понятие, это понятие, я бы сказал, телескопическое, потому что в разных ситуациях для различных субъектов оно имеет разное содержание»* (<https://www.svoboda.org/a/27285199.html>). В приведенном примере выражено личностное мнение (я бы сказал) о различном содержательном наполнении этого понятия. Но представлены и интерпретации обсуждаемого феномена с указанием на групповой источник мнения: *«Если нельзя развязать по тем или иным соображениям войну в ее традиционной форме, значит, следует искать другие ее формы, позволяющие достичь тех же целей, но без прямой военной агрессии в ее традиционном виде. И нашли. Сегодня это так называемая гибридная война – по западной терминологии»* (<http://svpressa.ru/war21/article/146552/>). Идеологическая составляющая представленного мнения о «гибридной войне», как и сам источник этого мнения, подчеркивается в приведенном примере и маркером «чуждости» – «так называемая».

Выражение «гибридная война», известное и раньше, к числу актуализированных лексем было отнесено в современную эпоху, а именно статус актуализированного слова (выражения) был приобретен им в контексте украинских событий, затем был подкреплен в ситуации противостояния с Западом. По нашим наблюдениям, эту номинацию в современном медийном дискурсе стали использовать в ситуации любого противоборства, например: *Конец РБК: Гибридная война против медиа* (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/13/68591-konets-rbk-gibridnaya-voyna-protiv-media>). Приведенный пример демонстрирует употребление

этого выражения в «максимально сильной позиции текстов массовой коммуникации» (Т.В.Шмелева) – в позиции заголовка, что является одним из признаков принадлежности слова или выражения к разряду ключевых, то есть актуализированных в современную эпоху. Заметим, что заголовочная позиция для выражения «гибридная война» является достаточно частотной.

Это выражение обрывает новую сочетаемостью, что приводит к семантическому расширению его содержания и в конечном счете позволяет выявить новые актуализированные смыслы выражения «гибридная война». Как показывает анализ, во многом они обусловлены идеологическими установками. В медийном дискурсе представлена номинация «Первая гибридная», образованная по модели: «Первая мировая», «Вторая мировая». Сейчас говорят о «Третьей мировой», которая выступает в качестве синонима «гибридной войны», как и «новый тип войны».

Отмечаем сочетаемость, типичную в целом для лексемы «война»: *Теория «гибридной войны»; Этапы гибридной войны; Элемент гибридной войны; Пример гибридной войны. А в таких контекстах, как например: Гибридная война России против Украины; Гражданская гибридная война; Бескомпромиссная гибридная война; Сопротивление гибридной войне; Мишень гибридной войны; Личина гибридной войны* – легко усмотреть определенные ценностные установки. Среди маркеров «чуждости» [Шейгал 2004: 121-122], сопровождающих в ряде случаев это выражение, отмечаем «знаки дистанцирования» («то, что принято называть гибридной войной»; «эта самая гибридная война»), как и «показатели недоверия» («так называемая гибридная война»). В. Путин в интервью французским журналистам (31. 05. 2017) сказал: «Не нужно придумывать каких-то гибридных войн», употребив «показатель умаления значимости» – «каких-то».

Слово «гибридная» с коннотациями, приобретенными им в расширенном составе словосочетания «гибридная война», демонстрирует увеличение своих синтагматических возможностей, в том числе и в контекстах, в которых новые словосочетания противопоставлены исходному или сопоставлены с ним, то есть «гибридной войне», например: Пишут о «бескомпромиссной гибридной войне, а также о неотъемлемой гибридной победе» (Новая газета. №20, 2016). «Гибридной войне» противопоставляют как «гибридную капитуляцию», в том числе и «мягкую гибридную капитуляцию» (<http://nv.ua/opinion/piontkovskiy/kreml-gotov-sdatsja-284696.html>), так и «гибридный мир», сопровождающийся оценочными характеристиками: «А поскольку существует гибридная война, должен быть где-то и гибридный мир. Странный, не совсем мирный и заметно вялотекущий. Это – наш, украинский мир» (https://lb.ua/society/2016/06/20/338240_vyalotekushchiy_gibridniy_mir.html).

Приведем примеры новой сочетаемости слова «гибридный»: «пока вы сами не станете предметом гибридного интереса», «гибридные режимы», «гибридный принцип», «гибридное сознание», «гибридная свобода»,

«гибридные угрозы», «гибридная этика», «гибридные СМИ», «гибридное поколение», «гибридный сценарий», «гибридная заварушка в Черногории», «гибридный госпереворот», «гибридные формы конфронтации», «выводы из показательной гибридной порки».

Как видим, «гибридный» сочетается со словами разных лексико-семантических групп, что также нашло отражение в оценке носителями языка новой сочетаемости слова «гибридный» и его новых значений: *«Гибридный мир, гибридная война, гибридный Первомай, сочетание несочетаемого везде и повсюду»* (Новая газета. 04. 05. 2017). Речь идет не только о несочетаемости слов, но и реальных явлений действительности, для которых используются подобные номинации. Этот вывод можно подтвердить примерами, которые были извлечены из медитекстов казахстанского телеканала «Хабар»: *«начнём с тестирования двух гибридных автобусов»; «от датчиков уличного освещения до гибридных операционных»; «марки с гибридным двигателем»; «столичной гибридной больницы»* (Хабар 24). Новое значение слова «гибридный», которое сочетается с широким кругом лексем, носители языка оценивают таким образом: *«Слово «гибридный» уводит в сторону, оно не содержательное». «Гибрид» – термин слишком неясный».*

Некоторые из наиболее значимых, на взгляд носителей языка, вновь возникших номинаций становятся объектом языковой рефлексии, как например, «гибридное сознание», «гибридный режим». Возникновение последнего соотносят именно с новой реальностью, в которой *«существуют не только «гибридные войны», но и «гибридные режимы», определяемые «как смесь авторитаризма и демократии в разных пропорциях»* (Новая газета. 10.01.2017).

Один из признаков актуализированного слова – его словообразовательные возможности, что и демонстрирует обсуждаемое слово. Входит в употребление противопоставленная «гибридной» оценка того или иного явления как «негибридного». Понятию «гибридность» с его новым содержанием уделено достаточное метаязыковое внимание: *Мы опять возвращаемся к понятию гибридности не только как к сочетанию различных вещей, но и к гибридности, как к сложности, к комплексности нового формата действий в этом новом постиндустриальном мире* (<https://www.svoboda.org/a/27285199.html>).

Рефлексивное осмысление «гибридности» отчетливо проявляет то, что И.Т. Вепревой определено как наложение языковых и когнитивных знаний друг на друга, в результате чего возникает «единый когнитивно-коммуникативный процесс использования языка, что называется, on-line, в реальном времени» [Вепрева 2014: 95]. В метакомментариях понятие «гибридности» может характеризоваться с помощью нейтральных метамаркеров, как например: *«гибридность - это термин безоценочный, в этом его сила. За это я его люблю, потому что мне ужасно не хочется заниматься наклеиванием ярлыков»* (<http://gefter.ru/archive/21337>). Здесь в роли оценочного метаоператора выступает нейтральный глагол «люблю».

Однако наблюдение за употреблением слова «гибридность» подсказывает, что отношение к этому слову отнюдь не безоценочное. Сам автор приведенного комментария, интерпретируя смысл термина «гибридность», обращается к таким атрибутивным метамаркерам, как «имитируемый», «имитационный», то есть с вполне оценочным смыслом: *«Смысл термина «гибридность» не в том, что это авторитаризм с примесью демократии, а в том, что это режимы с высоким процентом имитационности, с имитируемыми демократическими институтами и демократическими процедурами и с во многом имитируемыми авторитарными практиками и авторитарной риторикой. То есть они притворяются демократиями, которыми они не являются, но они притворяются и диктатурами, на которых у них силенок нет, – если совсем грубо говорить. В этом, собственно, гибридность, и она – это не смесь из двух, это может быть смесь из многих, и часть из этих многих – ненастоящая. Что, в конце концов, гибридов много, – их действительно много, что ни понимать под этим словом»* (<http://gefter.ru/archive/21337>). Как видим, оценочные слова «имитируемый», «имитационный» подкрепляются синонимической оценкой – «ненастоящая». Их можно отнести к синонимам слова «гибридный»: формирование новых синонимических и антонимических отношений – еще один критерий «ключевого слова текущего момента». Слово «гибридный», кроме того, участвует в контекстах, представляющих собой примеры языковой игры, как например: *«Гибридная капитуляция или трампутинация?»* (<http://www.kasparov.ru/material.php?id=583598BD07087>).

Номинацию «гибридная война», являющуюся ключевым словом (выражением) современного отрезка времени, можно отнести к разряду идеологем, так как составляющими его содержания оказываются идеологические смыслы.

Словом-победителем 2016 года, по версии проекта «Слово года», стал «брекзит»/ «брекзит» (в медиатекстах представлены оба варианта написания). Оно было актуализировано известными событиями, а именно выходом Великобритании из ЕС. Однако, по мнению экспертного совета, определяющего «Слово года», «географически это слово вышло далеко за пределы Великобритании», но кроме того, «брекзит по своей сути стал отражением многих процессов, происходящих в мире» (<https://snob.ru/selected/entry/117759>). Последнее замечание объясняет тот факт, что у этого слова есть все основания приобрести статус ключевого слова эпохи и тем самым войти в словарь современности.

Вполне объяснимо метаязыковое внимание носителей языка к слову «брекзит», реакция на которое связана с традиционной метаязыковой функцией языка: комментарий к номинации, которая актуализируется в связи необходимостью обозначить новое понятие. Это слово, образованное из первых двух букв слова «Британия» и слова «exit» (выход), называет выход Великобритании из Евросоюза. Приведем одно из метавысказываний: *«Слово,*

обозначившее выход Великобритании из ЕС и главный вопрос прошедшего в ней на минувшей неделе референдума, уже вполне может писаться со строчной буквы, ибо готово к приложению к любой ситуации, в которой «до точки» дошли все» (<http://svodka.net/analitika/obozrenie/45921>). Как видим, в метакомментарии, который можно расценить как дефиницию этого слова, проявлена оценка не вербальной его стороны, – она принимается как данное, а интерпретация явления, которое названо этим словом. Об этом свидетельствует и другой комментарий: «Дело в том, что «брекзит» – комплексное явление, которое может быть, а может и не быть» (http://www.bbc.com/russian/other_news/2016). В дискурсе СМИ это слово демонстрирует расширение своих содержательных возможностей. Явление, получившее название «брекзит», характеризуют и как «ссору Великобритании с Европейским союзом» (АиФ. 18.01.2017).

Обыденное метаязыковое сознание фиксирует еще одну особенность этого актуального слова – его словообразовательный потенциал: «По прогнозам, в целом, не удивлюсь, если вместо отдельных страновых терминов типа *Grexit* и *Brexit* скоро появится универсальное понятие *Whoexit?*» (от английского «whoever», «кто угодно»)» (<https://lenta.ru/news/2016>). «Так у нас вслед за Брекситом будет Фрексит и прочие...» (Независимая газета. 16. 01. 2017). Упоминают про «возможность или неизбежность схожих экзитов, таких как Фрекзит (Франция), Никзит (Нидерланды), Грекзит (Греция) и т.д.» (<http://alleuropalux.org/?p=14204>). «Появились грекзит (Греция), чекзит (Чехия), фрекзит (Франция) и флекзит» (<https://snob.ru/selected/entry/117759>). Как видим, эта словообразовательная модель послужила основой для возникновения неологизма флекзит, что значит «гибкий, постепенный выход». Это слово расширяет свою сочетаемость, оно распространяется атрибутивными аксиологическими характеристиками, такими как жесткий брекзит, мягкий брекзит и их модификации: жесткая линия брекзита, мягкий сценарий, мягкий вариант исхода из союза, – все они обозначают характер процедуры выхода Великобритании из ЕС. И как реакция на подобного рода сценарии прозвучало мнение: «Жесткий брекзит, мягкий брекзит. Я думаю, должен быть лучший брекзит для англичан» (Европьюс. 17.06.17), в котором, на наш взгляд, выражения жесткий брекзит, мягкий брекзит, воспринимающиеся уже как номинации терминологического характера, приобретают оценочный характер.

Слово «брекзит» отвечает статусу актуального слова и по такому параметру, как нахождение его в позиции заголовков статей или разделов статей. Причем в этой позиции обнаруживается его метафорическое обыгрывание. Например: «Брекзит как зеркало современной демократии»; «Как и почему Брекзит встряхнет латвийскую политику»; «Судьба Брекзита в тумане»; «Ходячий мертвец: брекзит рискует завершиться, не начавшись».

Лексема «брекзит» как новая единица формирует синонимические отношения. В медийном дискурсе в качестве наиболее частотных контекстуальных синонимов выступают слова и словосочетания «развод»,

«развод по-европейски», «бракоразводный процесс». В создании метафорического образа «развода» участвуют оценочные слова типа «самый запутанный на свете»; «жесткий и скоротечный», кроме того, «рискованный». Возросшая частотность употребления лексемы «брекзит» и ее метафорического представителя, способствующая расширению его лексической сочетаемости, объясняет актуализацию новых смыслов. В дискурсе СМИ в формировании метафорического образа «брекзита» как «развода» участвуют несколько метафорических моделей. Среди них метафора с понятийным образом «строительство»: *«Первый кирпич из общеевропейского здания вынули в полночь». Тереза Мэй этой ночью запустила процедуру Брекзит»* (<https://otr-online.ru/news/v-velikobritanii-formalno-80792.htm>). Используется спортивная метафора: *«Люди ... наблюдают за этим словесным фехтованием»* (<https://dni.ru/polit/2017/3/29/365241.html>), морбиальная метафора: *«Ходячий мертвец»* (<http://vesti-ukr.com/mir/243451-breksit>), так называемая природная метафора: *Судьба брекзита в тумане* (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/09/72764-sudba-breksita-v-tumane>), метафора понятийной сферы «кухня»: *«Раздел британского пирога»* (<http://rus.delfi.lv/news/daily/europe/razdel-britanskogo-piroga>).

Несколько перефразируя вывод Е.В. Какориной [Какорина 2008: 495], заметим, что ускорению процесса языковых новаций в СМИ способствуют такие экстралингвистические факторы, как более «динамичный политический фон, так и отсутствие «признаков идеологической унификации», что и определяет так называемый «словарь современности».

Таким образом, метарефлексивное осмысление актуализированных современной эпохой слов свидетельствуют о том, что человек как языковая личность переосмысливает сложившиеся представления о мире, в метарефлексивных контекстах можно видеть проявление национально-культурной специфики языкового сознания, социокультурных унаследованных настроений общества в целом.

Литература

- Вежбицкая 2001 – Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- Вепрева 2014 – Вепрева И.Т. Метаязыковой привкус эпохи= // Избранные работы последнего десятилетия. Palmarium Academic Publishing, 2014. – 223 с.
- Голев 2009 – Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-391405.html>.
- Журавлева 2010 – Журавлева Н.Г. Феномен «модного слова»: лингвопрагматический аспект. Ставрополь, 2010 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/fenomen-modnogo-slova-lingvopragmaticheskiy-aspekt#ixzz4jwUk8uaj>

- Какорина 2008 – Какорина Е.В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX - XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 495-547.
- Милованова 2011 – Милованова О.В. Актуализированная лексика русского языка новейшего периода: по материалам толковых словарей. Воронеж, 2011 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/aktualizirovannaya-leksika-russkogo-yazyka-noveishego-perioda->
- Мустайоки, Харри, Вепрева 2016 – Мустайоки А., Харри В., Вепрева И. Феномен актуального слова 2015 года. Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 121–133 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tuhat.helsinki.fi/portal/files/79181660/Mustajoki_Walter_Vepreva_Aktualnoe_slovo. Шейгал 2004 – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
- Шмелева 2009 – Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента. // Политическая лингвистика, 2009. №2. – С. 63-67.

Baigarina, Gerta

Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University

Astana, Kazakhstan

oirat60@mail.ru

METALINGUISTIC VIEW ON ACTUALIZED VOCABULARY OF MODERN AGE

Abstract. *In this paper, analysis of actualized vocabulary through the prism of linguistic reflections, is presented. It has been shown how native speakers react to modern age changes in political, social and cultural life, in metareflexive statements; how they rethink prevailing ideas about the world. In metareflexive contexts, manifestation of cultural specifics of linguistic consciousness, sociocultural mindset of society as a whole, can be seen.*

Keywords: *Actualized vocabulary, words-chronofacts, linguistic reflection, metacomment, metamarker.*

ОБРАЗ АДРЕСАТА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О «СВОЕМ» И «ЧУЖОМ»

***Аннотация.** В статье показано, как на основании постулатов речевого общения Грайса из публицистического текста выводится имплицитно отраженный в нем образ предполагаемого адресата. Адресат, осведомленный о содержании упоминаемых в тексте событий, не нуждающийся в аргументации авторского мнения и в объясняющей логике автора метатексте, а также знакомый со всеми языковыми средствами текста, является «своим». Напротив, адресат, нуждающийся в объяснении, аргументации и метатексте, является «чужим».*

***Ключевые слова:** Образ адресата, имплицитная информация, постулаты Грайса, «свой», «чужой», публицистический текст.*

Особенностью современной лингвистики является переход от детального исследования системы языка, рассматриваемого, по выражению Фердинанда де Соссюра, «в самом себе и для себя», к углубленному изучению функционирования языка как средства общения. Этот переход позволяет установить, что значительная часть информации в процессе общения передается в имплицитном виде. При этом в смысловом рассмотрении текста выделяется аспект, который связан с получателем текста в традиции Ч. Морриса, выделявшим в рамках семиотики прагматику и определявшим ее как дисциплину, изучающую «отношения знаков к их интерпретаторам» [Моррис 1983: 62].

В этой связи представляется интересным исследовать имплицитное выражение в тексте оппозиции «свой» — «чужой».

Хотя к проблеме изучения М.М. Бахтин обратился еще в 30-е годы прошлого века [Бахтин 1963; Бахтин 1975], интерес лингвистики к этой проблеме пробудился только через столетия [Базылев 2005; Красных 2003; Пеньковский 1989; Лотман 1969; Лотман 2000; Телия 2004]. И.П. Кюльмоя, комментируя слова Ю.М. Лотмана по поводу оппозиции «свой» — «чужой» в семиотике культуры [Лотман 1992], замечает, что эта оппозиция справедлива и «по отношению к языку, который является фундаментом любой этнической культуры и в котором всегда сосуществует *свое*, исконно присущее данному языку, составляющее его основу, и элементы *чужого* на разных уровнях языка» [Кюльмоя 2016: 9].

Предлагаем рассмотреть один из аспектов проявления оппозиции «свой» — «чужой» и проанализировать способы построения публицистического

текста, ориентированного на «своего» и «чужого» адресата (материалом для исследования послужили тексты современной российской «Новой газеты»).

Образ предполагаемого адресата публицистического текста является компонентом имплицитного содержания этого текста, т. е. такого его содержания, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из смыслов эксплицитного содержания языковых единиц в результате их взаимодействия со *знаниями* получателя текста, а также с информацией, черпаемой этим получателем из *контекста* и *ситуации* общения [Федосюк 2012]. В частности, имеются в виду компоненты *притекстового имплицитного содержания*. «Притекстовое имплицитное содержание — это имплицитное содержание, которое может быть выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения отправителя» [Федосюк 2012: 160]. Иллюстрируя притекстовое имплицитное содержание, М.Ю. Федосюк пишет: «Представим себе следующий диалог: “А. Вчера целый вечер проболтал по телефону с Аллой Пугачевой. Б. Как, а разве вчера вечером она была не на концерте?”. Воспринимая реплику своего собеседника, второй участник диалога вывел из нее содержание: “Вчера вечером Алла Пугачева была свободна от работы?”. Реплика А. действительно дает определенные основания для такого вывода, однако вряд ли передача подобного содержания входила в коммуникативные намерения говорящего» [Федосюк 2012: 160].

В наших предыдущих публикациях [Бакланова 2013; Бакланова 2014; Бакланова 2017] было показано, что источником информации об имплицитно отраженном образе предполагаемого адресата нехудожественного текста являются постулаты речевого общения Г.П. Грайса — постулаты категории Количества, категории Качества, категории Отношения и категории Способа [Грайс 1985]. Они в соответствии с Принципом Кооперации являются логическим регулятором передачи информации от автора к адресату, т. к. Принцип Кооперации, по результатам логического наблюдения Г.П. Грайса, от каждого участника общения на каждом шаге диалога требует такого коммуникативного вклада, который определяется совместно принятой целью диалога. Поэтому, исходя из того, что автор текста следовал постулатам Г.П. Грайса и ориентировался на некоего адресата, можно определить образ предполагаемого адресата текста.

Из постулатов категории Количества «Твое высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется» вытекает, что автор передает информацию в том объеме, который необходим адресату для ее понимания. Следовательно, источником сведений об адресате является степень подробности информации: развернутая форма информирования указывает на то, что текст ориентирован на адресата, *не осведомленного* о том, что ему передают; свернутая форма, напротив, свидетельствует о том, что текст рассчитан на *осведомленного* адресата.

Например, в тексте Ю. Латыниной: «А 2-ну Ротенбергу я советую переименовать систему “Платон” в “Новочеркасск”. Ну помните, был

такой город, в котором одновременно по просьбе трудящихся урезали расценки на заводе и подняли цены на продовольствие» [Латынина 2015], — перечислены события, которые произошли в 1962 году в результате забастовки рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода, из чего следует, что текст ориентирован на адресата, не осведомленного об этих событиях. Заметим, осведомленный адресат понял бы авторскую мысль без объяснения или ограничился бы вопросом **Помните Новочеркасск?* Поэтому неосведомленного адресата можно назвать «чужим» для текста.

Напротив, в тексте В. Шендеровича: *«Ломать не строить; перевороты вывихивают эволюционный сустав времени, а дальше — как получится»* [Шендерович 2015], — выделенная метафора ориентирована на осведомленного адресата, который способен увидеть в ней цитату из «Гамлета» В. Шекспира *the time is out of joint*, обычно переводимую как «век вывихнул сустав». Поэтому осведомленного адресата можно назвать «своим» для текста.

Кроме того, с точки зрения постулатов категории Количества на «своего», осведомленного, адресата ориентированы газетные заголовки, построенные на основе прецедентных текстов. Ассоциации, скрытые в публицистических заголовках, привлекают внимание адресата [Дэмбска 2015; Иссерс 1999]. Например, заголовок *«Так не доставайся же ты никому?»* [Новая газета 2015б] построен на основе восклицания Карандышева — героя пьесы А.Н. Островского «Бесприданница». Заголовок ориентирован на адресата, скорее всего, знакомого с сюжетом пьесы, где Карандышев со словами *Так не доставайся же ты никому!* стреляет в Ларису, отдавшую предпочтение другому. Можно предположить, что адресат ожидает в статье с таким заголовком сообщение об ущемлении чьих-то интересов. Это «свой» адресат для заголовка.

Из постулатов категории Качества «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным», «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» вытекает, что автор передает адресату достоверную информацию. Следовательно, источником сведений об образе адресата является наличие или отсутствие аргументации: наличие аргументации указывает на то, что текст ориентирован на адресата, *не разделяющего мнение автора*; ее отсутствие указывает, что текст рассчитан на адресата, *разделяющего мнение автора*.

Например, в тексте В. Шендеровича: *«Плевок “саида” должен был излечить все болезни у тех, кто всю жизнь читал одну книгу, и дед Ахмед исправно плевал направо и налево.*

Маленький Али уже не мог сделать этого. После Толстого, Цвейга и Чехова на людей особо не поплюешь...» [Шендерович 2015], — содержится аргументация, объясняющая, почему маленький Али не мог плевать на людей: *После Толстого, Цвейга и Чехова на людей особо не поплюешь.* Из этого

следует, что текст ориентирован на адресата, которому непонятно, почему Али не мог плевать на людей. Такого адресата можно назвать «чужим» для текста.

В следующем своем тексте: *«Для нашего поколения, “славной молодежи семидесятых”, эта усмешка была защитной реакцией на советский пафос: Брежнев со своим старческим Политбюро, “сиськи-масиськи”, бодрые фальшивые голоса из всех радиоточек, наглое племя освобожденных секретарей, “комса”, в открытую фарцевавшая и делавшая карьеру, тупое сидение на собраниях в поддержку какого-нибудь африканского божка, повесившего на себя серп и молот... — вот чем было для нас слово “коммунизм”»* [Шендерович 2015], — В. Шендерович дает оценки реалиям жизни в Советском Союзе в 70-е годы прошлого века, но не сопровождает их аргументацией. Из этого следует, что текст ориентирован на адресата, разделяющего мнение автора. Поэтому этот адресат является «своим» для текста.

Из постулата категории Отношения «Не отклоняйся от темы» вытекает, что адресату должен быть понятен ход мыслей автора. Следовательно, источником информации об образе адресата является наличие или отсутствие показателей логических связей между частями текста: наличие метатекста указывает на то, что текст ориентирован на адресата, *трудно воспринимающего* логику; отсутствие же метатекста свидетельствует о том, что текст ориентирован на адресата, логику автора *воспринимающего легко*.

Например, текст Ю. Латыниной: *«Дальше начинаются чудеса. При регистрации система виснет. Но когда и если все-таки “отвисает”, то не только списывает деньги, но и выдает маршрут. Маршруты программа, по жалобам дальнобойщиков, берет с потолка и запросто может отправить кругами — на 200—300 км длиннее. Скорее всего, программа просто плохо написана.*

Но шаг вправо — шаг влево считается побегом: проезд по другому маршруту влечет за собой штраф в 40 тысяч рублей.

Это как если бы обладатели газовых колонок, прежде чем помыть руки или сварить яйцо, обязаны зайти на сайт, оплатить включение газовой колонки и указать, для чего они ее будут включать: за варку яйца — один прайс, а за мытье рук в ванной — другой, а если человек передумал и решил еще и голову вымыть, то извините: горячую воду выключат — и штраф.

Согласитесь, ситуация абсурдная: проще пользоваться газовой колонкой, а потом оплачивать показания счетчика. Вопрос: как же разработчики в-целях-национальной-безопасности “Платона” не додумались это учесть? Каким местом они думали? Учитывая, что газовая колонка, то есть тахограф, десятикратно переоцененная, уже на грузовике стоит?

Ну и закончим вишенкой на торте. Знаете, сколько этот “Платон” принесет компании Ротенберга? 10 млрд руб. в год — по нынешним временам меньше 150 млн долларов.

Мы же с вами понимаем, что для Ротенбергов это смешные деньги. Семечки. И ради этих семечек поставили на уши несколько сот тысяч российских дальнобойщиков» [Латынина 2015]. Автор с помощью метатекстовых показателей обращает внимание адресата на то, каким образом связаны между собой части текста и подсказывает адресату очередной поворот:

Дальше начинаются чудеса — приглашение адресата к рассмотрению противоречий;

Но шаг вправо — шаг влево считается побегом — переход к рассмотрению главного противоречия;

Это как если бы — переход к разъяснению на основе сравнения с привычной для адресата ситуацией;

Согласитесь — побуждение адресата понять абсурдность ситуации;

Вопрос — обращение внимания адресата на причины проявления абсурдности;

Ну и закончим вишенкой на торте — переход к завершению рассуждений;

Знаете? — обращение внимания адресата на важную деталь;

Мы же с вами понимаем — обращение к мнению адресата.

Наличие метатекста свидетельствует, что текст ориентирован на адресата, которому сложно следить за ходом мысли автора. Такой адресат является «чужим» для текста.

Напротив, текст В. Шендеровича: *«Иракская нищета была такой, какой даже мы, неизбалованные дети советских разночинцев, не можем себе представить»*.

Али вспоминает путешествие с дедом-адвокатом в дом их прислуги. Это был ад: сорок пять градусов в тени. Дом стоял в очереди других раскаленных лачуг, построенных из кусков жести... Путешествие, объясненное желанием вручить подарок на день рождения дочери прислуги, было затеяно, разумеется, в педагогических целях: Наджи Юсеф выводил внука в реальность» [Шендерович 2015], — состоит из двух абзацев, связь между которыми можно было бы выразить метатекстовыми показателями *например, вот пример этому, Али подтвердил это следующей историей* и т. п. Однако автор эти слова опустил, видимо полагая, что адресат хорошо улавливает нить его рассуждений. Из этого следует, что текст ориентирован на адресата, который легко воспринимает авторскую логику. Такой адресат является «своим» для текста.

Из постулатов категории Способа «Выражайся ясно», «Избегай непонятных выражений» и «Избегай неоднозначности» вытекает, что автор использует в тексте понятные адресату языковые средства. Следовательно, источником информации об образе адресата является наличие или отсутствие пояснений к языковым средствам текста: их разъяснение указывает на то, что текст

ориентирован на адресата, которому они *неизвестны*; отсутствие разъяснений свидетельствует о том, что текст ориентирован на адресата, которому они *известны*.

Например, в тексте В. Шендеровича: «*Будущий отец Али взял себе фамилию предка-поэта и партийный псевдоним Саям Адиль (“мир и справедливость” — так переводились эти слова и переводятся до сих пор)*» [Шендерович 2015], — слова Саям Адиль сопровождаются переводом на русский язык, из чего следует, что текст ориентирован на адресата, которому их значение неизвестно. Такой адресат является «чужим» для текста.

В другом тексте В. Шендеровича: «*Судьба мне бродит по свету земляком Пушкина, а не Борхеса*» [Шендерович 2015], — не объясняется выделенное имя, видимо, в расчете на адресата, которому известно, что Хорхе Луис Борхес — аргентинский прозаик, поэт и публицист. Такой адресат является «своим» для текста.

Напротив, Ю. Латынина в тексте: «*Установка тахографов была совершенно бессовестной операцией по стрижке дальнобойщиков*» [Латынина 2015], — использует слово стрижка в сленговом значении — ‘побор, грабеж’, но не «переводит» его на литературный язык, из чего следует, что текст ориентирован на адресата, которому известно это значение. Этот адресат является «своим» для текста.

Кроме того, с точки зрения постулатов категории Способа на «своего» адресата ориентированы газетные заголовки, построенные на основе осведомленности адресата.

Например, в заголовке «*“На ...” или “В ...” идут Минские соглашения?*» [Новая газета 2015а] не объясняется, какие слова подразумеваются в выражениях *идти на ...* и *идти в ...*. Однако любой человек, владеющий русским языком, да и другими славянскими языками, поймет, что имеются в виду прецедентные инвективные фразеологизмы, значения которых в начале объяснения совпадают: ‘выражение говорящим сильного желания прервать любое взаимодействие или связь с кем-либо/чем-либо, осуществляемое в унижительной для адресата форме пожелания...’, а далее дифференцируются: *идти на ...* — ‘...пожелания переместиться в места, находящиеся за пределами личной сферы говорящего’ [Буй 1995: 5]; *идти в ...* — ‘... пожелания переместиться в место, из которого нет возврата [Буй 1995: 114]. Безусловно, адресат, понимающий эти значения, является «своим» для заголовка.

Подводя итоги, можно обобщить способы построения публицистического текста, ориентированного на «своего» и «чужого» адресата. Адресат, осведомленный о содержании сообщаемых ему фактов, разделяющий мнение автора, легко воспринимающий авторскую логику и знакомый с языковыми средствами текста, является для автора и написанного им текста «своим». Напротив, адресат, не осведомленный о содержании сообщаемых ему фактов, не

разделяющий мнение автора, нуждающийся в аргументации и в объясняющем ход авторской мысли метатексте, а также незнакомый с языковыми средствами текста, является «чужим».

Литература

- Базылев 2005 – Базылев В.Н. Политический дискурс в России= // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 15. Екатеринбург, 2005. С. 5-32.
- Бакланова 2013 – Бакланова И.И. О соотношении источников сведений об образе автора и образе адресата мемуарного текста= // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С. 33-39.
- Бакланова 2014 – Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста. М., 2014.
- Бакланова 2017 – Бакланова И.И. Публичные выступления советского периода: образ автора и образ адресата (на материале обсуждений романа В. Гроссмана «За правое дело»). // Политическая лингвистика. 2017. № 2(62). С. 10-18.
- Бахтин 1963 – Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Бахтин 1975 – Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Буй 1995 – Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М., 1995.
- Грайс 1985 – Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., С. 217-237.
- Дембска 2015 – Дембска К. К проблеме дезориентирующих газетных заголовков (на примере крылатых единиц русского языка. // Rosja w dialogu kultur. Т. I. Краков, 2015. С. 408-415.
- Иссерс 1999 – Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. Омск, 1999.
- Красных 2003 – Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М., 2003.
- Кюльмоя 2016 – Кюльмоя И.П. Свое и чужое в языке и речи. От редактора. // Acta Slavica Estonica VIII. «Свое – чужое в языке и речи». Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Тарту, 2016. С. 9-22.
- Лотман 1969 – Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры. // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. (Труды по знаковым системам). Вып. 236. Тарту, 1969. С. 460-477.
- Лотман 1992 – Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект). // Ю.М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллинн, 1992. С. 110-120.
- Лотман 2000 – Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры). Семиосфера. СПб, С. 163-177.

- Моррис 1983 – Моррис Ч. Семиотика. М., 1983.
- Пеньковский 1989 – Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке. // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. М., 1989. С. 54-82.
- Телия 2004 – Телия В.Н. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004.
- Федосюк 2012 – Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка. М., 2012.

Источники

- Латынина 2015 – Латынина Ю. Система «Новочеркасск». // Новая газета. № 130. С. 7.
- Новая газета 2015а – Новая газета. № 10. 02.02.2015.
- Новая газета 2015б – Новая газета. № 87. 14.08.2015.
- Шендерович 2015 – Шендерович В. Мой друг Али, потомок Магомета. // Новая газета. № 63. 19.06.2015. С. 11-18.

Baklanova, Irina

National Research Nuclear University MEPhI

(Moscow Engineering Physics Institute)

Moscow, Russia

ibaklanova@yandex.ru

THE IMAGE OF THE ADDRESSEE OF THE PUBLICISTIC TEXT AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT “CLOSE” AND “ALIEN”

***Abstract.** It is shown how on the basis of Grice’s Conversational Maxims one can derive an implicit information on the character of the intended addressee of any journalistic text. Such an addressee can be either “close”, i. e. well prepared for the perception of the form and the content of the text, or “alien”, i. e. desperately need in comments and explanations.*

***Keywords:** Image of the addressee, implicit information, conversational maxims, “close”, “alien”, journalistic text.*

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ

***Анотация.** В нашем сознании существует не только проекция времени, представляющая собой некоторую умозрительную шкалу, на которой любое событие или явление располагается в линейной последовательности и обладает своим местом. Здесь сосуществуют одновременно события и процессы прошлого, настоящего и будущего. Реализация их в определенном месте на шкале мыслится как желаемая для человека, так как происходит в нужное время. Любой другой момент во времени становится неподходящим, поскольку он наступает слишком рано или поздно.*

***Ключевые слова:** деление времени; фразеологические единицы; когнитивные модели, ментальные представления.*

В основе большинства фразеологизмов со значением времени лежат несколько когнитивных моделей, посредством которых человек воспринимает абстрактную идею времени. Эти когнитивные модели являются лишь первым уровнем осмысления темпоральных понятий, основой, на которую накладываются все остальные представления о времени, характерные для русской языковой картины мира.

Второй уровень – это метафорические формулы, конкретизирующие абстрактную идею, выявляющие особенности представления человека о времени.

Между когнитивными моделями и метафорическими формулами можно выделить три типа взаимодействия.

А. Так, *время вообще*, осмысляется при помощи нескольких когнитивных моделей: объем, отрезок, объект одушевленности /одушевленный и неодушевленный/, субъект действия.

Время вообще имеет следующие метафорические формулы:

Объем	Отрезок
<ul style="list-style-type: none">- открытый/закрытый;- наполненный	<ul style="list-style-type: none">- горизонтальный;- вертикальный;- имеющий длину и ширину
Объект	принадлежности
<i>неодушевленный</i>	<i>одушевленный</i>
<ul style="list-style-type: none">- совокупность объектов в ряду;- вещество, имеющее массу, размер и цвет;- ценность;- деньги;- часы	<ul style="list-style-type: none">- худой/толстый;- старый;- девственный;- жертва насилия

Б. В качестве объекта *время* обладает различными этическими, эстетическими, религиозными характеристиками, входит в систему общей оценки.

Субъект действия движущийся /летающий, плывущий/	
лицо	не лицо
<ul style="list-style-type: none"> - созидатель; - попутчик; - учитель/советчик; - лекарь; - судья; - родитель; - мучитель/убийца 	<ul style="list-style-type: none"> - утекающая прочь вода; - звонящие колокола

В. *Время человеческого бытия* имеет общие с *временем вообще* метафорические формулы, а также свои специфические, отражающие особенности представления человека о времени его бытия:

объект принадлежности /природный/:

- растения;
- гора.

У понятий *рано и поздно*, связанных с астрономическим временем, наряду с когнитивными моделями /появление определенных планет и звезд, наступление утра или ночи, особое поведение животных/ выделяются также и некоторый набор метафорических формул: *Кто поздно сеет, тот поздно веет; У кукушки, рано куковавшей, голова болит Поздно щуке на сковородке вспоминать о воде; Поздно беречь вино, когда бочка пуста; Поздно за хвост, коль за гриву не удержать* т.п.

Однако такая ситуация наблюдается не у всех темпоральных понятий и это объясняется неоднородностью образов или же большим их разнообразием при отсутствии ясно выраженных тенденций /второй тип взаимодействия/. Так, например, понятие *прошлое* в русском языке осмысливается в рамках трех когнитивных моделей:

1) указание на что-то старое, будь то человеком или какое-то важное событие (*со времен Мамая; Времена очаковских и покоренья Крыма; смутное время; до Рождества Христова; до потопа*);

2) указание на ситуации, которые в настоящее время уже не возможны (*Со времен царя Гороха; При царе Косаре, когда турки воевали*);

3) давно прошедшие и забытые события (*с давних времен; с незапамятных времен; в старые времена*).

Понятия *всегда и никогда* входят в ряд общих для них когнитивных моделей: положительная/негативная сущность объекта или явления определяет и

позитивный/негативный характер его действий; негативная сущность объекта/явления предполагают наличие других отрицательных характеристик; наличие определенных характеристик объекта/явления определяет и его действия; наличие определенных характеристик у объекта/явления не предполагает наличие других характеристик, логично вытекающих из них; характеристики исходного объекта определяют сущность объекта, от него производного; одни действия определяют другие действия /причинно-следственные отношения/; одни действия определяют другие действия, носящие позитивно/негативный характер: *Трудовая денежка – всегда крепка; Труд – дело чести: будь всегда на первом месте; Тому всегда будет счастливо, кто пашет не лениво; Что трудно дается, то сердцу навсегда мило; Ленивому завсегда у праздника ; Лодырь всегда найдет причину, только бы не работать; Учиться никогда не поздно; Грамоте учиться – всегда пригодится; Смелые всегда в почете; Успех всегда оправдывает смелость; В жизни человека всегда есть место для подвига; Поспешность в совете никогда не приносит ничего хорошего; Кто с умом спешит, тот всегда во всем успевает; Кто постоянен, тот всегда почитен и славен; Не всегда утешно, что поспешно.*

Кроме того у понятия *всегда* выделяются также: направление движения, определяемое самой природой объекта; характеристики объекта/явления не гарантируют его неизменяемость, его способность выполнять свои функции: *Как бы мал огонек не был, всегда от него дым; Камень всегда хромому под ноги попадает; У волка всегда одна песенка; Всегда жди беды от большой воды; Не всегда возможно знать, где найти, где потерять; Не всегда там курочка кудахчет, где яйцо снесла, а у никогда отрицательные действия приводят к потенциальному ущербу, наблюдаются нарушения в календарно-природном цикле; нарушения в религиозно-обрядовом цикле; характеристики человека и животного противоречат их природе или происхождению: *Робкое сердце никогда не достигнет желанного; Поспешность в совете никогда не приносит ничего хорошего.**

У некоторых темпоральных понятий когнитивные модели не полностью покрывают само понятие, в этих случаях выделяется некоторое количество метафорических формул, не входящих ни в одну когнитивную модель /третий тип взаимодействия/. Так, большинство метафорических формул *утро, вечер, ночь, рано, поздно, сегодня, завтра, скоро* невозможно отнести к какой-либо более общей когнитивной модели. Таким образом, можно выделить три основных способа осмысления темпоральных понятий: в рамках когнитивных моделей и метафорических формул; в рамках только когнитивных моделей; в рамках только метафорических формул.

Проблема оценки

Большинство темпоральных понятий на уровне фразеологии обладают оценочностью, что связано с особенностями переживания времени, включения

его в бытие человека, в его систему оценки. Получается, что время не безразлично для человека, это часть его мира, его жизни. Как уже было сказано, само *время* и его отдельные моменты могут быть плохими и хорошими. Вся жизнь человека состоит из *белых дней* и *дней черных*; из „*недобрых*“ и „*добрых*“ *часов* /*В один прекрасный день; в недобрый час, не видеть бела дня!* и т.п. Однако оценка временных моментов не всегда выражена так эксплицитно. Чаще всего ту или иную оценочность темпоральные понятия получают под влиянием характерных для определенной модели мира ассоциаций. Сами *день, ночь, час, утро, вечер* не связаны ни с идеей „хорошо“, ни с идеей „плохо“. Однако *ночь, вчера* часто представляется как время совершения преступления: *Ночь темна – вору прибыльнее; Ноченька все покроет*; ошибочных поступков: *Ищи вчерашнего дня, вчерашнего дня не жди* и соответственно поэтому чаще всего мыслится со знаком „минус“. То же самое относится и к *поздно*, которое рассматривается как момент выявления сущности событий и ситуаций, часто имеющих негативные последствия и ведущие к раскаянию: *Кто поздно встает, у того хлеба не достает; Кто поздно приходит, тот ничего не находит; Кто поздно сеет, тот поздно веет*. Понятно, что то, в чем человек раскаивается, не может мыслиться положительно. Утро же, например, видится в позитивном свете и получает в языковой картине мира положительную оценку /*Утро вечера мудренее!*.

Часто оценка меняет свой знак в рамках одного и того же понятия, что объясняется колебаниями в его осмыслении. Так, *сегодня*, оценивается положительно, обладает большей ценностью, чем *завтра*, которое человеку не дано и не известно. Но в зависимости от того, что несут в себе *сегодня* и *завтра*, они могут мыслиться то положительно, то отрицательно. Так, день сегодняшний нужно использовать для выполнения намеченных планов, поскольку он обладает большей ценностью: *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; Одно сегодня лучше двух завтра; Что сегодня пил и ел, не пройти сквозь!; вчера варена – вчера и выхлебана* и т.п. Завтрашний день же не принесет ничего утешительного, о завтрашнем дне мыслится пессимистически с опасением: *Завтрашнему дню не верь! Завтрему не вовсе верь!; Завтра вор авоська обманет, в лес уйдет; Кой день пришел, тот до нас дошел, а кой впереди, того и берегись!* и т.п. Однако, несмотря ни на что, человек продолжает надеяться, что завтрашний день будет, на худой счет, хотя бы не хуже *сегодня*. Таким образом, *сегодня* – это „ценность“, *завтра* – это „неизвестность“, „страх“, „потеря“, но и „надежда“.

Если *рано* – *поздно*, обозначающие наступление некоторых астрономических явлений, совсем не обладают оценочностью, то *рано* – *поздно*, связанные с деятельностью человека в рамках суточного цикла, входят в систему оценки. Причем *рано* чаще оценивается положительно, так как в модели мира человека рано вставать свидетельствует о правильном образе жизни /*Кто рано встает, тому бог подает; Кто рано встает, тот вдвое живет; Чем раньше, тем лучше!*. Поздно же рассматривается со знаком

„минус“, так как ассоциируется с ленивым человеком /*Кто поздно встает, у того хлеба не достает; Кто поздно приходит, тот ничего не находит; Кто поздно сеет, тот поздно веет. Рано2 – поздно2*, соотносящиеся с ориентацией человека в ходе событий, явлений и процессов и входящие в понятие не вовремя в основном мыслятся отрицательно, поскольку они не соответствуют идеально выбранному на умозрительной шкале времени моменту для реализации действий и событий. Но *поздно* не всегда получает отрицательную оценку. Несмотря на свою немногочисленность, встречаются фразеологизмы, в которых если что-то и не случилось в нужный, подходящий момент, то оно обязательно случится в будущем и не надо страдать об этом и не жалеть ни о чем. Здесь чувствуется определенный фатализм, который присущ в значительной степени русской и в целом славянской душевности и народопсихологии: *Учиться никогда не поздно; Хотя поздно, да не возно; Лучше поздно, чем никогда.*

Таким образом, видно, что оценочность данных понятий в большой степени зависит от нормативных представлений человека о том, что и в какие сроки должно произойти. Так, *поздно* – это то, что наступает после определенного момента, воспринимаемого человеком как идеальный момент для реализации чего-либо, а *рано* – это то, что предшествует идеальному заданному моменту, расположенному на идеальной шкале времени. В огромном большинстве случаев *рано* и *поздно* воспринимаются как нежеланный, неблагоприятный момент, как „не вовремя“. Только в ситуациях, когда речь идет о физической или умственной деятельности человека, *рано* может получать положительную оценку.

Колебание оценки может зависеть и от того, какое место на оценочной шкале в нормативных представлениях занимает объект, явление или сущность, связанные с временными понятиями. Так, если объект, явление или сущность мыслятся со знаком „минус“, то понятия *всегда* и *никогда*, например, также получают знак „минус“ /*Ошибку можно простить, а ложь – никогда; Задорливых всегда бьют; Лодырю всегда нездоровиться; Пустой человек всегда нос кверху дерет; Кто сам собой всегда доволен, тот разумом болен*. Соответственно, если объект, явление или сущность мыслятся положительно, то и понятия *всегда* и *никогда* будут оцениваться положительно /*С верой никогда не пропадешь; Хорошее лекарство никогда не бывает сладким; Смелый всегда в почете; За честное обхождение всегда получишь почтение; Если воля тверда – цели достигнешь всегда*./

Таким образом, на уровне фразеологии в русском языке выделяются две тенденции в оценочности: определенный знак изначально прикреплен к том или иному понятию; положительная или отрицательная оценка колеблется в границах одного и того же понятия и зависят от того, как оцениваются в нормативных представлениях объекты, явления и т.д., соотносимые с данным временным понятием, какие ассоциации стоят за ними.

Темпоральные понятия прежде всего описывают время, хотя и могут принимать на себя часть ассоциаций, связанных с другими кодами в языковой модели мира.

Исключение составляют понятия *день и ночь*, которые переходят в ментальный и эмоциональный коды. По-видимому, их приближенность к человеку и его реальному проживанию времени /смена дня и ночи – это первое, что дано человеку в опыте/, первичность их способствовала тому, что человек посредством их и через них стал осмыслять более сложные явления и процессы бытия.

В русской языковой картине мира время может вмещать в себя события, явления, действия и процессы, также может уподобляться какому-то объекту в пространстве, находящемуся в движении, темп и направление которого строго определены. Таким образом, время может мыслиться как статично, так и динамично. При этом, человек может двигаться параллельно времени, во времени или находится в состоянии покоя.

Фразеология показывает, что *время* часто осмысляется как нечто целостное. Сама лексема *время* указывает на синкретичные представления о времени, где часть и целое часто оказываются равны или где их различие иррелевантно. Поэтому, если существование *время* и отрицается, то отрицается именно фрагмент времени, но никак не время вообще.

Время мыслится как объект принадлежности, оно может быть субъектом, направляющим свои действия на человека и все существующее в пространстве. Следовательно, в человеческом сознании признается активность, созидательное начало времени.

Как показывает фразеология, в русской языковой картине мира существует три типа времени, которые частично соответствуют друг другу:

- время как континуум и как продолжительность человеческой жизни;
- сакральное время, состоящее из святых дней и ночей;
- мифологизированное время.

Понятие времени осмыляется человеком через его связь с соматикой человека, поскольку в центре освоения мира и времени стоит человек. Темпоральные понятия воспринимаются через их связь с явлениями и процессами, происходящими в мире.

Проживание времени является некой последовательностью моментов „сейчас“ и это не охват вширь, а накладывание временных объектов друг на друга.

На временной шкале говорящего или наблюдающего у всякого события, явления или процесса есть свое идеальное время, когда они могут реализоваться с положительным результатом. Несовпадение реализаций событий, явлений или действий с идеальным для них установленным моментом во времени, рассматривается говорящим или наблюдающим как нарушение нормы /*Вовремя копейка дороже рубля; Вовремя пашешь – веселей пляшешь; Дорога помощь вовремя; Правда хороша вовремя; Упустишь время – потеряешь урожай; Что*

не сказал во время посева, того не скажешь во время жатвы; После драки кулаками не машут; Час упустишь, годом не наверстаешь/.

Возможны два типа ориентации человека во времени:

- ориентация, связанная с природными ритмами, сменой дня и ночи, утра и вечера;
- ориентация относительно самого хода времени, имеющего линейную природу, направленного из прошлого/вчера через настоящее/сегодня в будущее/завтра.

Также, во времени реализуется двучастная модель: *сейчас/сегодня – после/потом*. Вероятно это связано с особенностями представлений о времени, которое нам дано лишь моментом „сейчас“, и любой другой момент уже или еще не достигим, исключен из сферы говорящего/наблюдателя:

сейчас	после/потом
<i>Что можно сделать сегодня/сейчас не откладывая на завтра; У кого скоро, а у нас сейчас готово; Русский час – все сейчас.</i>	<i>После поры не точат топоры; После дела, за советом не ходят; После дождичка в четверг; После смерти покаянья нет.</i>

Хотя на уровне фразеологии конкретность протяженности во времени остается irrelevantной, набор темпоральных метрических понятий значительно отличается друг от друга. Во времени может быть измерено не только отстояние человека от событий, явлений и процессов, причем с направленностью как в будущее */скоро/*, так и в прошлое */во время, во времена/*, но и само течение событий, явлений и действий */долго-коротко/*. Для измерения времени берутся, как правило, базовые темпоральные единицы конкретной */год, день, час, месяц, неделя/* и неконкретной длительности */срок, пора, время, времена, момент/*, посредством которых идет осмысление более сложных временных понятий.

Такие понятия как *всегда* могут охватывать как все время, так и лишь ту часть, в которой реально проживает человек, они разворачиваются в пределах существования мира и единичной человеческой жизни. Понятия *долго и никогда* связаны с мифологическим временем, от которого человек отгорожен барьером незнания, о которых он может только предполагать и догадываться. Именно поэтому данные понятия содержат в своем значении оттенок некой неопределенности – *долго и никогда* = „когда-нибудь“.

Таким образом, временные понятия описывают в первую очередь само время и практически не обслуживают другие коды /как, например, пространственные понятия и др./ Исключение здесь представляют *день и ночь*, связанные с природным временем и переходящие в эмоциональный код. Объясняется

это тем, что деление времени на день и ночь онтологически предшествует остальному постижению мира.

Практически все темпоральные понятия в рамках фразеолологических единиц обладают определенной оценочностью, связанной с культурными ассоциациями, стоящими за образом фразеологического выражения, и с нормативными представлениями о том, что в данной картине мира рассматривается со знаком „плюс“, а что – со знаком „минус“. Темпоральные фразеологизмы часто осмысляются в рамках особых когнитивных моделей, создающих как бы скелет, основу на которую накладываются все остальные представления о времени.

У темпоральных фразеологизмов один и тот же образ может способствовать появлению совершенно разных по значению фразеологизмов и эта тенденция отмечается как в рамках одного, так и на уровне двух языков. Это во многом объясняется сложностью и многопластовостью явлений и понятий реального мира. В основу наименований же каждый раз может быть положена только одна характеристика, что ведет к многообразию возможностей и вариантов, образующих парадигму значений.

Литература

- Георгиева 2008 – Георгиева И.Т. Денонощието като част от модела на цикличното време в българската и руската езикова картина на света. С., ЕТО.
- Пеетерс 1997 - Пеетерс А.В. Понятия пространства и времени в португальской фразеологии. Диссертация на соискание научной степени кфн. М, 1997..
- Телия 1996 - Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Толстой 1995 - Толстой Н.И. Этнолингвистические аспекты славянской фразеологии. М., 1995.
- Шмелев 2002 - Шмелев А.Д. Время в русской языковой картине мира. М., Языки славянской культуры, 2002
- Яковлева 1992 - Яковлева Е.С. Языковое отражение цикличной модели времени. ВЯ., №4, М., 1992.
- Яковлева 1994 - Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия), М., 1994.

Georgieva, Irina
New Bulgarian University, Sofia,
igeorgieva@nbu.bg

RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract. *People sense the time flow in two possible ways. One possible way is the changes in nature (seasons, weather). It can be divided into small equally measured and degradable pieces – years into months, months into weeks, weeks into days, days into hours, etc. This is the so-called atomic time. Another, more mental rather than physical change is the happening of an important event. The last one is responsible for the existence of history, although it actually lacks a solid substance to be measured in detail.*

Keywords: *time flow; cognitive time pattern; time measurement; global time patterns in language.*

ОППОЗИЦИЯ ‘ЖИВОЕ - НЕЖИВОЕ’ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Семы ‘живой’ и ‘неживой’ формируют систему языковых противопоставлений, в основе которых лежат особенности, связанные с их местом, ролью и функцией в структуре значения. С этой точки зрения они могут иметь сущностный или несущностный характер. Лексемы с сущностными семами объединяются в противопоставляющие классы. Несущностные семы противопоставляются на уровне конкретных лексических и словообразовательных единиц, в результате чего возникают эксклюзивные и инклюзивно-эксклюзивные оппозиции. На словообразовательном уровне в процессе присоединения различных суффиксов к одной и той же основе возникают оппозиции, характеризующиеся формально-семантическими и лексико-семантическими отношениями.

Ключевые слова: оппозиция, живой, неживой, инклюзивный, эксклюзивный, словообразовательный.

Семы ‘живой’ и ‘неживой’ формируют систему языковых противопоставлений, в основе которой лежат особенности, связанные с их местом, ролью и функцией в структуре значения. С этой точки зрения они могут иметь сущностный или несущностный характер.

I. Выступая в качестве сущностных компонентов значений, они обозначают референты, основной характеристикой которых является признак ‘живой’ (человек, волк, бык) или признак ‘неживой’ (стол, дерево, камень, дом). Они фиксируют принадлежность референта к живым существам или предметам. В этом случае ‘живой’ и ‘неживой’ выступают в роли архисем, которые формируют оппозиции лексико-семантических, лексических и морфологических классов слов.

На лексико-семантическом уровне сущностные семы ‘живой’ и ‘неживой’ обособляют и противопоставляют такие лексико-семантические поля, как ‘Живое существо’ и ‘Предмет’. Они объединяют также слова на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий, т.е. систематизируют лексику по тематическому признаку.

Оппозиция архисем ‘живой’ и ‘неживой’ на морфологическом уровне является основополагающим признаком категории одушевленности – неодушевленности. Сущностным и несущностным характером сем можно объяснить целый ряд особенностей ее проявления. Ср.,

например, одушевленность существительных *человек, десантник, олень* и неодушевленность – *народ, отряд, табун*. В отличие от значений *человек, десантник, олень*, где сема ‘живой’ является сущностной характеристикой референта, в значениях слов *народ, отряд, табун* она тоже присутствует, но не имеет такого статуса.

II. Свойства сем ‘живой’ и ‘неживой’, присутствующих в значениях лексем в качестве несущностного признака, формируют отдельный вид противопоставлений, имеющих конкретное проявление на лексическо-семантическом и словообразовательном уровнях.

II.1. Лексемы, в семантической структуре которых семы ‘живой’ и ‘неживой’ не являются сущностными компонентами (архисемами) значений, обладают, во-первых, свойством ассоциативной связи с лексемами определенного или различных семантических полей, и, во-вторых, свойством референтной приложимости, т. е. указывают на приложимость значения языковой единицы к референту, относящемуся только к классу живых существ, только к классу предметов или к классу живых существ и к классу предметов.

Например, *длинноногий* ‘с длинными ногами’ [МАС] содержит несущностные семы ‘неживой’ и ‘живой’: ‘неживой’ осуществляет ассоциативную связь с лексемами семантического поля ‘Предмет’ (*нога*¹), а ‘живой’, определяет его референтную приложимость к живым существам: *длинноногий мальчик, юноша, журавль, лось, паук*.

Очень часто несущностные семы ‘живой’ и ‘неживой’ индифферентны по отношению к разграничению ассоциативных связей и референтной приложимости: они обладают ассоциативной связью как со словами поля ‘Живое существо’, так и со словами поля ‘Предмет’, а также приложимы как к классу живых существ, так и к классу предметов, ср: *долголетний: враг, друг, редактор, спутник жизни – стаж, опыт, отпуск, труд, брак*.

В оппозицию такого типа не входят предметные лексемы с архисемами ‘живой’ и ‘неживой’, поскольку живое существо и предмет характеризуются существенными различиями, которые нельзя свести только к признакам ‘живой’ и ‘неживой’. В редких случаях, когда наблюдается, например, сходство человека и предмета, оппозиция не возникает, так как предмет воспринимается как живое существо (наделяется признаком ‘живой’), ср.: *построить киборга, собрать робота*.

Конкретные лексико-семантические оппозиции возникают между лексемами, содержащими несущностные семы ‘живой’ – ‘неживой’ в лексемах:

а) обозначающих признак (*престарелый муж; бездорожная местность*); процесс: (*человек думает; вода течет*); опредмеченный признак (*талант*

¹ На данном этапе предмет будем понимать упрощенно – все то, что нельзя определить как живое существо (материальный предмет, абстрактный предмет и т.п.).

человека; *дешевизна* продуктов); опредмеченный процесс (*бег спортсмена; обжиг глины*); опредмеченное определенное и неопределенное количество² (*казачья пятерка, рой мух; кипа газет*);

б) обладающих сходными эксклюзивными (1) и инклюзивными³ (2) значениями с дифференцирующими семами ‘живой’ и ‘неживой’, которые соотносят референт (1) только с классом живых существ или только с классом предметов: *длинноволосый* молодой человек, *брюнет, мальчик, юноша, пёс; долговечный* материал, *памятник, дом*; или (2) одновременно с тем и другим: *множество* людей, *баранов - множество* предметов, *островов*.

На синтагматическом уровне эксклюзивные единицы сочетаются только с лексемами, содержащими сему ‘живой’ (*полчища* людей, *воронов, тараканов; заклевать* волка) или содержащими сему ‘неживой’ (*затопить* корабль; *выклевать* глаза), а инклюзивные – как с лексемами, содержащими сему ‘живой’, так и с лексемами, содержащими сему ‘неживой’ (*поднять* ребенка || *поднять* перчатку).

На базе свойств ‘эксклюзивность’ и ‘инклюзивность’ семантически близких лексем, можно обособить два основных типа лексических оппозиций: эксклюзивные и инклюзивно-эксклюзивные [об этом см. Гочев 2016].

Эксклюзивная оппозиция включает лексем с четко выраженной дифференциацией: приложимость к референту, относящемуся только к классу живых существ > < только к классу предметов, ср.: *•местопребывание* комиссаров, *арестованного* > < *местоположение* вагонов, *офиса*; *•человек, лошадь* *трудится* > < *машина, механизм функционирует*; *•мальчик, медведь* *разбуянился* > < *ураган, шторм разыгрался*.

Инклюзивно-эксклюзивная оппозиция состоит из разнородных лексем: инклюзивной и эксклюзивной. Оппозиция возникает на основе частичной дифференциации между инклюзивной и эксклюзивной лексемами: приложимость к референту, относящемуся одновременно к классу живых существ и предметов > < только к классу живых существ или только к классу предметов, ср.: *•знаменитый* режиссер || *фильм* > < *именитый* режиссер; *•зоркий* охотник || *глаз* > < *остроглазый* охотник; *•меткий* стрелок || *глаз* > < *верный* глаз.

II. 2. Наблюдения над словообразовательной системой русского языка показывают, что семы ‘живой’ и ‘неживой’ играют немаловажную роль в процессе образования производных. Например, описание словообразовательных

² Опредмеченное неопределенное количество характерно для собирательных имен совокупной множественности – “множество неизвестных X, однородное по какому-либо характеризующему признаку” [Гочева 1994, с. 14], ср.: легион, куча и т.п. Эти, по своей сути, абстрактные слова опредмечиваются в контексте, т.е. в нем их референт начинает восприниматься как нечто, существующее само по себе: легион поклонниц, куча дел.

³ Об эксклюзивности и инклюзивности см. [Климов 1977].

особенностей прилагательных, мотивированных существительными, в Русской грамматике [Русская грамматика - 1980] показывает, что суффиксы с точки зрения признаков 'живой' и 'неживой' «ведут себя» по-разному. Они могут присоединяться: а) только к производящим основам, содержащим сему 'живой', ср.: **-ин/-ын/-инн-** (*актриса – актрисин, лев – львиный*; искл. *книжка – книжкин*); б) только к производящим основам, содержащим сему 'неживой', ср.: **-ан/-ян-** (*кожа – кожаный, глина – глиняный*); **-аст-** (*лоб – лобастый*); в) как к производящим основам, содержащим сему 'живой', так и к производящим основам, содержащим сему 'неживой' **-оват-** (*жулик – жуликоватый; сук – суковатый*).

При присоединении суффиксов к основе производящего между их семами 'живой' и 'неживой' происходит взаимодействие, в результате которого они по-разному проявляются в производном слове.

1. Производное сохраняет сущностную сему производящего, ср.: **внук** ('живой') → **внучатый** ('живой'): ~ племянник, брат, -ая племянница, тетка; **свод** ('неживой') → **сводчатый** ('неживой'): ~ зал, коридор, потолок, этаж, купол.

2. Производное сохраняет только несущностную сему производящего, ср.: **лоб** ('неживой' и 'живой') → **лобастый** (прост.) ('живой'): мужик, офицер, щенок.

3. Производное сохраняет сущностную и несущностную сему производящего, ср.: **сила** ('неживой' и 'живой') → **сильный** ('неживой' и 'живой'): ~ человек, мужчина, зверь, лошадь – -ая рука, -ое тело, -ые руки, ноги, мышцы.

4. Производное приобретает сему, которой нет у производящего, ср.: **гора** ('неживой') → **горский** ('неживой' и 'живой'): ~ кинжал, костюм, аул – ~ человек, красавец, народ.

Особенности взаимодействия сем 'неживой' и 'живой' основы и суффиксов⁴ в процессе производства новых слов создают условия для формирования словообразовательных оппозиций, выявляющихся на базе формальных показателей, указывающих на противопоставление по признаку 'живой – неживой'. Противопоставление возникает в процессе присоединения различных суффиксов к одной и той же основе, в результате чего появляются однокорневые слова, которые имеют близкие значения и содержат противоположные семы 'живой' > < 'неживой'. Эти семы формально выражены различными суффиксами, например, **-аст-** > < **-ист-**:

ребрастый: только с одуш. сущ. 'имеющий особенно острые, выдающиеся рёбра: ~ старик; -ая девочка, лошадь, собака > < **ребристый** только с неодуш. сущ. 'неровный, с частыми параллельными выступами, гранями, похожими на рёбра': ~ купол; -ая крыша, труба, поверхность чего-либо; -ые следы. [СПРЯ]

⁴ Об оппозициях, возникающих на основе взаимодействия префиксов и основ см. [Гочев 1980].

На базе словообразовательных средств (суффиксов) формируются два типа оппозиций – формально-семантическая и лексико-семантическая.

Формально-семантическая оппозиция характеризуется противопоставлением сем ‘живой’ и ‘неживой’ на семантическом уровне, т.е. эти семы присутствуют в значениях противопоставляющихся слов, и формально выражаются различными суффиксами. Синтагматического выражения эта оппозиция не имеет, т.е. ее члены не разграничивают референтную приложимость к живым существам и предметам.

Примером такого противопоставления может послужить оппозиция суффиксов *-ск-(-еск-)* > < *-н-(-тельн-/-ительн-)* в производных однокорневых прилагательных со значением ‘относящийся к **лицу** определенного качества’ > < ‘относящийся к **действию**, проистекающему из этого качества’, ср.: **завоевательский** ‘относящийся к **завоевателю**, принадлежащий ему’ > < **завоевательный** ‘направленный к **завоеванию**, связанный с ним’. [СПРЯ]

В этой оппозиции четко разграничивается противопоставление ‘живой - неживой’ на семантическом уровне, что можно проиллюстрировать их употреблением в одном и том же контексте, ср.: *завоевательский характер* = характер завоевателя > < *завоевательный характер* = характер чего-либо, связанного с завоеванием. Однако в этом противопоставлении не дифференцируется референтная приложимость – оба прилагательных сочетаются со словами с семой ‘неживой’, ср: **завоевательский**: ~ *шлем, меч, дух, -ая война, политика, -ые походы Наполеона, планы* > < **завоевательный**: ~ *поход, акт, век, порыв, -ые устремления*. В других случаях наблюдаем сочетаемость обоих членов со словами с семой ‘живой’ и ‘неживой’ и т. п., ср.: **ремесленнический** ‘относящийся к **ремесленничеству, к ремесленнику**, принадлежащий, свойственный ремесленнику’: ~ *инструмент, квартал, -ое жилище, -ая семья, гильдия, буржуазия, -ые поделки, привычки* > < **ремесленный** ‘относящийся к **ремеслу**, связанный с ним, с обучением ремеслу’: ~ *люди, подмастерье, способ, труд, -ая работа, -ое производство, -ые навыки, курсы*. [СПРЯ]

Приведем еще несколько примеров формально-семантических оппозиций: *обличительская речь* (речь обличителя) > < *обличительная речь* (речь, содержащая в себе обличение, обличающая); *испытательский опыт* (опыт испытателя) > < *испытательный опыт* (опыт, предназначенный, служащий для испытания); *преобразовательская деятельность* (деятельность преобразователя) > < *преобразовательная деятельность* (деятельность, относящаяся к преобразованию); *приобретательский характер* (характер приобретателя) > < *приобретательный характер* (характер приобретения чего-либо); *просветительский подход* (подход, осуществляемый просветителем) > < *просветительный подход* (подход, связанный с просвещением); *строительские планы* (планы строителя) > < *строительные планы* (планы, связанные со строительством); *учредительское совещание* (совещание учредителей) > < *учредительное совещание* (совещание, предназначенное для учреждения чего-либо).

Противопоставление на словообразовательном уровне, как было выше отмечено, может служить источником пополнения **лексико-семантических оппозиций**. Появляются как эксклюзивные, так и инклюзивно-эксклюзивные оппозиции.

Приведем в качестве примера эксклюзивную оппозицию, возникшую на основе однокорневых прилагательных с суффиксами **-лив-** и **-н-**.

1. Однокорневые прилагательные с суффиксами **-лив-** и **-н-** означают ‘такой, который обладает свойством X’ – ‘такой, который является источником свойства X’, ср.:

•**конфузливый**: (разг.) только с одуш. сущ. ‘такой, который легко смущается, теряется, испытывает замешательство и нерешительность’: ~ человек, -ая девочка, -ое существо <> **конфузный**: (разг.) только с неодуш. сущ. ‘способный привести в конфуз, ставящий в неловкое положение, компрометирующий’: ~ случай, поступок, происшествие, -ая ситуация, неожиданность, -ое замешательство, положение [СПРЯ].

Ср. еще: •**понятливый**: ~ человек, ребенок, слушатель, -ое животное < > **понятный**: ~ вопрос, ответ, изложение, -ая задача, причина, лекция; •**малопонятливый** (разг.): ~ человек, ученик, щенок, -ое существо < > **малопонятный** (разг.): ~ язык, текст, почерк, -ое задание, чувство, -ые слова, требования; •**непонятливый**: ~ ребенок, слушатель, учитель, -ое животное < > **непонятный**: ~ ответ, язык, -ое замечание, слово, чувство, желание; •**хлопотливый**: ~ мужик, парень, мальчишка, -ые пчелы < > **хлопотный** (разг.): ~ объект, день, процесс, ресурс, пост, подход, -ое дело; •**щекотливый** (разг.): ~ человек, ребенок <> **щекотный** (разг.): ~ мех, поцелуй, -ое ощущение, прикосновение; •**стыдливый**: ~ человек, мальчик, парень, -ая девушка, женщина < > **стыдный** (разг.): ~ сон, момент, грех, -ая история, причина, болезнь; •**слезливый**: ~ человек, мужчина, старик, -ая девушка, женщина < > **слезный** (разг.): просьба, письмо, рассказ, гимн.

2. Однокорневые прилагательные с суффиксами **-лив-** и **-н-** означают ‘такой, который обладает свойством X’ – ‘такой, который является результатом свойства X’, ср.:

•**удачливый** только с одуш. сущ. ‘такой, которому во всем сопутствует удача’: ~ снайпер, претендент, интриган, охотник <> **удачный** только с неодуш. сущ. ‘завершившийся удачей, успехом, хороший по своим результатам; успешный, счастливый’: ~ переход, ход, опыт, концерт, визит, охота [СПРЯ].

Ср. еще: •**малоудачливый**: ~ хозяин, предприниматель < > **малоудачный**: ~ спектакль, фильм, -ая поездка, книга, -ое высказывание; •**неудачливый**: ~ человек, соперник, студент, противник < > **неудачный**: ~ ужин, спектакль, концерт, -ая жизнь, -ое путешествие; •**памятливый** (разг.): ~ человек, собеседник, рассказчик, -ое животное < > **памятный**: ~ вечер, маршрут,

разговор, -ая прогулка, встреча, -ые места, черты; **•бережливый**: ~ человек, хозяин, прохожий, турист, супруг < > **бережный**: ~ уход, подход, массаж, -ое отношение, обращение, хранение, развитие; **•поспешливый** (разг.): ~ человек, -ая особа, -ые люди < > **поспешный** (разг.): ~ выезд, шаг, -ая еда, -ое решение, отступление, донесение, удаление.

Инклюзивно-экслюзивную оппозицию формируют, например, суффиксы **-ск-** и **-н-** из однокорневых прилагательных со значением 'относящийся к лицу определенной профессии' – 'относящийся к действию, проистекающему из этой профессиональной деятельности'.

Суффикс **-ск-** является показателем референтной приложимости как к классу живых существ, так и к классу предметов, а суффикс **-н-** - только к классу предметов, ср.: **•столярский** 'относящийся к столяру, свойственный, принадлежащий ему': ~ сын || ужин, промысел, инвентарь, -ие инструменты, способности, заботы, руки > < **столярный** 'относящийся к обработке дерева, к работе столяра': ~ клей, ~ молоток, -ая мастерская, -ое дело, ремесло, искусство; -ие изделия [СПРЯ].

Ср. еще: **•гончарский**: ~ сын || дом, голос, труд, -ое имущество > < **гончарный**: ~ круг, горн, стан, -ая посуда, -ое изделие; **•хлебопашеский**: ~ сын || ужин, -ие интересы > < **хлебопашенный**: -ая земля, -ое хозяйство, -ые места; **•воспитательский**: -ая дочь || речь, ~ план, -ие указания, наставления > < **воспитательный**: -ая работа, система, -ое значение, учреждение -ые методы, средства.

Следует отметить, что идет довольно заметный процесс распада суффиксальных оппозиций по признаку 'живой' > < 'неживой'. Основная причина, по всей вероятности, в несущностном характере этих сем, который не требует такого четкого разграничения референтной приложимости значений членов оппозиции, какое наблюдаем в лексемах, где архисемы 'живой' и 'неживой' соотносят референт с живым существом или предметом. Немаловажным фактором, разрушающим это противопоставление, является паронимический характер суффиксальных оппозиций, т.е. их члены характеризуются формальной и семантической близостью, которая приводит к смешению этих единиц. В результате этих причин:

а) члены оппозиции становятся синонимами, в результате чего оба приобретают одинаковую референтную приложимость, ср.: **дурашливый** (разг.) – **дурашный** (прост. 'то же, что дурашливый' [МАС]; **натужливый** (прост.) 'то же, что натужный' – **натужный** (разг.) [МАС]; **незатейливый** – **незатейный** (разг.-сниж.) 'то же, что незатейливый' [МАС]; **непоседливый** – **непоседный** (разг.-сниж.) 'то же, что непоседливый' [МАС]; **суматошливый** (разг.) 'то же, что суматошный' – **суматошный** [МАС] и т. п.;

б) один из членов оппозиции устаревает, а второй сохраняет свою референтную приложимость, ср.: **дармоедский** – **дармоедный** (устар.);

изуверский – *изуверный* (устар.); *лавочнический* – *лавочный* (устар.); *ювелирский* (устар.) – *ювелирный* и т.п.

III. В принципе с точки зрения представления о живом и неживом русская лексика имеет инклюзивный характер, т.е. нет четкого и последовательного противопоставления лексических единиц по признаку ‘живой – неживой’. Эксклюзивность является скорее всего исключением. Однако выявление и изучение этих противопоставлений имеет непосредственное отношение к проблеме связей лексем в языковой системе и в первую очередь к их синтагматической характеристике. С этой точки зрения можно говорить и о практическом приложении приведенного выше описания как в обучении русскому языку как иностранному, так и в решении некоторых задач компьютерной лингвистики, связанных с сочетаемостными предпочтениями лексем.

Литература

- Гинзбург 1978 – Гинзбург Р. С. Значение слова и методика компонентного анализа. // Иностранные языки в школе. 1978. № 5.
- Гочев 1980 – Гочев Г. Н. За семантичната избирателност на някои руски префиксални глаголи и техните български еквиваленти. // Руски и западни езици, 1980. № 5.
- Гочев 2016 – Гочев Г. Н. Оппозиция «живое - неживое» в системе русской лексики. // Русский язык за рубежом, 2016, № 2 (255).
- Гочева 1994 – Гочева С. П. Събирателни съществителни със значение ‘представители на живата природа’ (върху материал от руския и българския език: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Велико Търново, 1994.
- Земская 2004 – Земская Е. А. Язык как деятельность. М., 2004.
- Климов 1977 – Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Нарушевич 1996 – Нарушевич А. Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1996.
- Никитин 1988 – Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Стернин 1985 – Стернин И. А. Лексическое значение слова и речи. Воронеж, 1985.

Источники

- МАС – Евгеньева А. П. Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1999.
- СПРЯ – Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984.

THE ‘ANIMATE – INANIMATE’ OPPOSITION IN THE WORD-FORMATION SYSTEM OF RUSSIAN

***Abstract.** The semes ‘animate’ and ‘inanimate’ form a system of language opposites based on features related to their place, role and function in the structure of meaning. Such semes can be viewed as either substantive or non-substantive. Lexemes with substantive semes combine into opposing classes. Non-substantive semes are in opposition on the level of concrete lexical and word-formation units, resulting in the emergence of exclusive and inclusive-exclusive opposites. On the word-formation level, the process of adding various suffixes to the same root leads to the creation of opposites characterised by formal-semantic and lexical-semantic relations.*

***Keywords:** opposition, animate, inanimate, inclusive, exclusive, word-formation.*

АССИМИЛЯЦИЯ И АДАПТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАНСПОРТНОГО ЭКСПЕДИРОВАНИЯ)

Аннотация. Лексические заимствования составляют около 50% от терминов-слов транспортного экспедирования. Отсутствие четких правил ассимиляции – причина варьирования их формы. Формирование значения зависит от наличия/отсутствия эквивалентной лексики в русском языке-реципиенте, что приводит к трансформации или копированию лексического значения этимонов.

На этапе адаптации заимствования вступают в процессы деривации, а заимствование и словообразование дополняют друг друга, развивая и обогащая терминологию.

Ключевые слова: терминология транспортного экспедирования, заимствование терминов, ассимиляция заимствований, адаптация заимствований, терминологическое варьирование.

1. Введение

Практическая необходимость применения единой международной транспортной терминологии превратили заимствование в один из основных способов номинации специальных понятий.

В данной работе анализу с точки зрения ассимиляции и адаптации к нормам русского языка-реципиента подвергаются лексические заимствования (далее, заимствования), которые, по нашим данным, составляют около 50% от моноксемных терминов транспортного экспедирования.

2. Ассимиляция заимствований

В самом начале своего освоения заимствования обычно функционируют как иноязычные вкрапления (варваризмы, транспланты), обладающие нулевой графической ассимиляцией. По определению Гринева-Гриневича, «варваризмы – иноязычные слова, употребляемые в устной или письменной практике, но, как правило, формально не ассимилированные ... Основным критерием отнесения заимствований к варваризмам является их написание в оригинальной графике языка-источника ...» [Гринева-Гриневич 2008: 159]. В последние годы, по мнению исследователей [в частности, Мариновой 2008: 8], наблюдается «ускоренный переход иноязычного неологизма на кириллицу или его одновременное функционирование в двух графических вариантах (нередко в пределах одного текста)». К группе иноязычных вкраплений в данной

терминологии можно отнести *форс-мажор* (фр. *force majeure*), *стейтмент-оф-фэктс* (англ. *statement of facts*); *нэт-термз* (англ. *net terms*) и др. Варваризмы широко встречаются также и среди акронимов [Димитрова 2015: 260-263].

Как полагает Гринев-Гриневиц, ассимиляция означает «максимальное приближение фонетических, графических, грамматических и лексических характеристик лексемы к соответствующим нормам принимающего языка» [Гринев-Гриневиц 2008: 156]. Графическая ассимиляция заимствований из западноевропейских языков предполагает их передачу средствами кириллической системы графики и тесно связана с фонетической, представляющей замену звуков термина-этимона звуками языка-реципиента.

В русском языке передача материальной оболочки осуществляется преимущественно транскрипцией. В связи с различием фонетических систем и отсутствием аналогов некоторых звуков выработан набор правил, которые, однако, не являются устойчивой нормой. Например, в силу исторической традиции в заимствованиях сохраняются двойные графемы: *тоннаж* (фр. *tonnage*), *паллет* (англ. *pallet*), *кросс-докинг* (англ. *cross-docking*). Встречаются, однако, и исключения, когда двойная графема передается одинарной: *сталия* (ит. *stallia*), *канцелинг* (англ. *cancelling*) или сосуществуют орфографические варианты: *демередж* / *демерредж* (англ. *demurrage*), *паллета* / *палема* (англ. *pallet*). Графема «х», как правило, передается при помощи «кс»: *экспедитор* (фр. *expediteur*), *эксплуатант* (фр. *exploitant*), но термин *fixture note* (англ.) употребляется как в варианте *фиксчур-нот*, так и в варианте *фикчер-нот* без согласного «с». Встречаются также разные способы передачи гласной [э]: *аллотмент* и *элотмент* (англ. *allotment*), *мультистакер* (англ. *multistacker*), но *стэкер* (англ. *stacker crane*) и др.

Для транскрипции вновь заимствуемых терминов характерна тенденция передачи звучания максимально близко к этимону. В связи с этим в англицизмах, как отмечает Мариновой [Маринова 2008: 14-16], все чаще наблюдаются следующие явления, характерные, кстати, и для терминологии транспортного экспедирования, как видно из приведенных нами примеров: отсутствие оглушения звонкого согласного в конце слова – *рейндж* (*range*), *димайз-чартер* (*demise charter*); появление в русском языке слов с не встречавшимися ранее исходами – *дененшн/деменшен* (*detention*); произношение и написание твердого согласного перед гласным переднего ряда – *нэт-термз* (*net terms*), *пиггибэк* (*piggyback*); отсутствие варьирования *г-х* и передача придыхательного «h» русским согласным «х»: *хонпер* (*hopper*); произношение с побочным ударением иноязычных слов, восходящих в языке-источнике к композитам или полиморфемным словам: *луйдййс* (*laydays*), *мультистакер* (*multistacker*) и т. д.

Передача материальной оболочки заимствования в языке-реципиенте может осуществляться также и транслитерацией. Исходя из того, что в настоящее время заимствование терминов осуществляется преимущественно письменным путем, Гринев-Гриневиц считает, что она предпочтительнее транскрипции

в целях обеспечения подобия письменного облика термина в разных языках [Гринев-Гриневиц 2008: 161]. Наблюдения над терминами нашей выборки, однако, показывают, что на практике транслитерация применяется значительно реже. На ее базе изредка возможно появление вариантов терминов: *коустер* / *коастер* (англ. *coaster*); *карготрейсер* / *карготрасер* (англ. *cargo tracer*); *люмпсум* / *лумпсум* (англ. *lump sum*).

В качестве источника вариантности при передаче формы иноязычных терминов может выступать также и заимствование из различных языков – языка-источника (фр. *franchise* – *франшиза*) и языка-посредника (англ. *franchise* – *франчиза*), но в современном русском языке в целом, а также и в исследуемой терминологии такие случаи немногочисленны.

Важнейшим этапом освоения материальной оболочки заимствований является их грамматическая ассимиляция. Выдающийся болгарский терминолог М. Попова пишет, что она заключается в таком воздействии на форму иноязычного термина, которое придаст ему грамматические особенности принимающего языка [Попова 2012: 430]. В случае с русским языком это включение заимствования в грамматические категории рода, числа и падежа.

На обретение заимствованием рода могут повлиять его значение, род гиперонима или исконно русского аналога, окончание (исход, финаль слова) и другие факторы. Род одушевленных существительных определяется в зависимости от их семантики (*экспедитор*, *канвассер*, *агент* – м.р.), а род неодушевленных склоняемых существительных определяется как мужской, если в исходе слова согласный (*терминал*, *марджин*, *чартер*, *флет* – м.р.) или как женский, если в исходе гласный (*кипа*, *бирка*, *претензия* – ж.р.). При этом род неодушевленных существительных, заимствованных в современную эпоху, может совпадать (например, нем.: *Fuhre* – *фура*, *Stapel* – *штабель*; фр. *tiquette* – *этикетка*, *gabarit* – *габарит*, *paquet* – *пакет*) или же не совпадать с родом этимона в языке-источнике (например, нем.: *Fracht* ж. – *фрахт* м., *Strafe* ж. – *штраф* м.; фр.: *plomb* м. – *пломба* ж.; *chaland* м. – *шаланда* ж.). Род несклоняемых существительных определяется обычно по аналогии с родом исконных существительных с тем же окончанием (*инкассо*, *делькредере* – ср.р.), а род существительных, имеющих в финали другие гласные, по аналогии с их эквивалентами в русском языке.

Грамматическая ассимиляция заимствований требует также их включения в регулярные парадигмы склонения и образования форм множественного числа. Отклонения от грамматических норм могут быть обусловлены семантическими или формальными ограничениями. Морфологически неизменяемыми существительными в транспортно-экспедиционной терминологии являются *карго*, *каска*, *инкассо*, *делькредере* и др. Отсутствие падежных окончаний компенсируется синтаксически – формами согласуемых слов: *морское карго*, *полное каска*, *чистое инкассо* и т. д. Таким образом, данные термины оказываются частично ассимилированными морфологической системой

русского языка. Обладая грамматической полифункциональностью, некоторые из них выступают в составе терминологических словосочетаний в роли несклоняемого зависимого компонента (*карго синдикат, страхование каско, агент делькредере* и пр.) [Димитрова 2016: IV-5 – IV-10].

На этапе ассимиляции иногда наблюдается параллельное функционирование формальных вариантов с варьирующимся родом (*паллета – паллет; букинг-нот – букинг-нота*) и формами множественного числа (*балкер – бблкеры / балкерб; фидер – фьдеры / фидерб; контейнер – контейнеры / контейнерб*). Впрочем, активность образования множественного числа на -б от существительных мужского рода отмечает и Даниленко, относя их к профессиональному варианту нормы [Даниленко 1977: 161]. Отсутствие строгих правил передачи заимствованных сложных слов и словосочетаний – раздельное, дефисное или слитное написание, часто приводит к появлению орфографических вариантов (*мега балкер / мега-балкер / мегабалкер*). Последний вариант, представляющий лексикализацию терминов-словосочетаний, далеко не редкость в исследуемой терминологии: *таймшит* (англ. *time sheet*), *шипчандлер* (англ. *ship chandler*), *люмпсум* (англ. *lump sum*) и др.

Варьирование формы заимствований наглядно можно представить на примере трех терминов, обозначающих разновидности контракта на морские перевозки: *букинг-нот* (англ. *booking-note*), *берс-нот* (англ. *berth-note*) и *фиксчур-нот* (англ. *fixture-note*) и находящихся на данный момент на этапе освоения. Первый из них имеет два графических варианта со слитным или дефисным написанием: *букингнота – букинг-нот*, а третий – три графических варианта с разной транскрипцией графем «х» и «и»: *фиксчур-нот, фиксчур-нот* и *фикчер-нота*. Два из терминов имеют морфологические варианты по роду: *букинг-нот – букинг-нота* и *фикчер-нот – фикчер-нота*, а все три термина – морфологические варианты по признаку склоняемости/несклоняемости. Например: «В части остальных коммерческо-правовых условий в *берс-ноте* дается ссылка на одну из типовых проформ чартеров»; «Основой *букинг-нота* является линейный коносамент [URL: <http://www.answer-logistic.ru/>]; «Условия договора *берс-нот* аналогичны условиям *букинг-нот* с той разницей, что в нем обычно оговариваются нормы погрузки-выгрузки и условия расчета стальнойного времени» [Резер, Родников 2007: 31]. На данный момент вопреки разнообразию находящихся в употреблении вариантов уже наметились доминанты, а именно: *букинг-нот, берс-нот* и *фиксчур-нот* – существительные мужского рода, склоняемые и оформленные при помощи дефиса.

Гринева-Гринева пишет, что процесс ассимиляции кроме формальных имеет также функциональные признаки – лексические и семантические изменения и особенности употребления заимствований [Гринева-Гринева 2008: 157]. В наши дни он протекает ускоренными темпами. Как полагает Маринова, иноязычный неологизм за относительно короткий срок (5–10 лет) «стремится» стать полноценной единицей лексической системы принимающего языка [Маринова 2008: 26].

На начальном этапе ассимиляции заимствование отличается неопределенностью значения. Его употребление в текстах обычно сопровождается переводом, дефиницией, приведением синонимов и прочими приемами. Например: «При перевозке партийных грузов, не обеспечивающих полную загрузку всего судна, может использоваться *берс-нот* (*причальная запись*)» [URL: <http://www.center-bereg.ru/k2787.html>].

Как отмечает Маринова, на формирование лексического значения заимствованного слова оказывает влияние способ семантического заимствования: копирование (при заимствовании безэквивалентной лексики) или трансформация значения слова-этимона (при заимствовании эквивалентных лексем), которая может проявляться в виде сужения или расширения лексического значения слова-этимона [Маринова 2008: 28, 31, 32].

В исследуемой терминологии значения некоторых терминов были копированы (*контейнеризация, коносамент, лихтер*). При заимствовании других произошло сужение по сравнению со значением этимона. Так, например, в английском языке термин *container* многозначен: 1. контейнер || контейнерный 2. футляр 3. резервуар; сосуд; емкость 4. тара; вместительница [Англо-Русский научно-технический словарь, 2005]. Русским языком заимствовано только первое значение ‘стандартная емкость, служащая для бестарной перевозки грузов различными видами транспорта’ [Ефремова 2015]. Термин *controstallia* в итальянском языке имеет два значения: 1. контрсталийные дни 2. плата за простой и сам простой [URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ita_rus]. Русским языком заимствовано только первое значение термина, а второе распределяется между англицизмом *демерредж* (плата) и исконным терминологизованным словом *простой*.

На следующем этапе лексической ассимиляции заимствование может включиться в процесс семантического терминообразования путем расширения значения на основе метафорического или метонимического переноса. Так, например, одно из значений термина *bord* во французском языке заимствовано русским языком: *борт* – ‘боковая стенка грузового автомобиля’. На основе синекдохического переноса уже в русском языке его семантическая структура пополнилась новым значением: *борт* – ‘грузовой автомобиль с открытым кузовом’. Термин *шаланда* (фр. *chaland*) вошел в русский язык из французского, где обозначает ‘небольшую баржу для погрузки и разгрузки крупнотоннажных судов на рейде, перевозки земли и т. п.’ [URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p>]. В русском языке этим термином назван также ‘открытый бортовой полуприцеп для перевозки крупногабаритных грузов’ [URL: http://modelist-konstruktor.com/konvejer_mk/] с верхней загрузкой, что и стало основой метафорического переноса по сходству функции. Таким образом, развитие новых значений способствует расширению сочетаемости и сферы применения заимствованного термина.

3. Адаптация заимствований

Значительная часть заимствованных терминов транспортного экспедирования находятся на этапе адаптации, особенности которого приводит Гринева-Гринева [Гринева-Гринева 2008: 159].

В процессе взаимодействия со словами языка-реципиента складывается лексическое значение заимствования. Происходит дифференциация его значения и значения его синонимов (*этикетка, бирка, ярлык*), заимствуемый термин включается в иерархические отношения (*поддон – флет, тилт, болстер*) и получает точную дефиницию (*канвассинг – ‘агентское поручение на привлечение грузов к перевозке’; аквизиция – ‘вид деятельности экспедиторов и агентов по привлечению новых клиентов и заключению договоров страхования и договоров перевозки’*). Заимствования вступают также в активные деривационные процессы, результатом которых является формирование новых словообразовательных гнезд. Например:

Контейнер – *изоконтейнер, рефконтейнер, контейнерный, контейнеризация, контейнеровместимость, контейнеровоз, контейнероплан* и др.;

Фрахт – *экстрафракт, фрахтовый, фрахтовать, фрахтование, фрахтовка, зафрахтовать, зафрахтовывать, зафрахтованный, фрахтователь, фрахтовщик, суб-фрахтовщик* и др.;

Паллет – *паллетировать, депаллетировать, паллетизация, депаллетизация, паллетайзер, депаллетайзер, паллетоукладчик, паллетоупаковщик* и др.

Не все члены новообразованных словообразовательных гнезд, однако, являются результатом деривационных процессов. Некоторые из них представляют параллельные заимствования из того же языка-источника (*карго – суперкарго, консолидация – деконсолидация, трейлер – мегатрейлер*).

Адаптация (или «интеграция» – термин М. Поповой) иноязычного термина оказывает влияние на принимающий язык не только в количественном, но и в качественном отношении, обуславливая появление новых моделей в словообразовательной и лексической системе принимающего языка [Попова 2012: 432]. Так, например, в русском языке в целом, и в терминологии транспортного экспедирования в частности, существуют модели: с заимствованными префиксами (*суб-, ре-, де-/дез-, контр-* и др. – *суб-фрахтовщик, суб-аренда, депаллетизация*) и заимствованными суффиксами или образованными на базе суффиксов иноязычного происхождения (*-ация/-иция, -инг, -аж, -атор, -ор/-ёр, -ант/-ент* – *контейнеризация, канвассинг, брокераж, консолидатор*), со связанными интернациональными компонентами (*авто-, аэро-, мега-, мини-, мульти-, супер-* и др. – *авианакладная, автопоезд, мегаконтейнеровоз, супертанкер*), с неизменяемыми зависимыми компонентами (*франко-причал, карго страхование, вес брутто*), а также образованные словосложением без интерфикса (*кран-балка, блок-поезд*). Учитывая действие

процессов глобализации, в т.ч. языковой, можно ожидать, что в будущем активность перечисленных моделей станет возрастать.

4. Заключение

Под действием тенденции к интернационализации в терминологию транспортного экспедирования проникает значительное количество прямых заимствований. В синхронном срезе зафиксировано параллельное функционирование множества их вариантов (фонетических, графических, морфологических и др.), что является проявлением процесса ассимиляции и доказательством динамики развития исследуемой терминологии.

Часть заимствований полностью освоена русским языком, и они активно включаются в деривационные процессы, становясь исходными словами новых словообразовательных парадигм. Под их влиянием появляются новые, ранее не существовавшие модели терминообразования. Таким образом, заимствование и словообразование как способы терминологической номинации дополняют друг друга, развивая и обогащая терминологию.

Литература

- Гринев-Гриневиц 2008 – Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008.
- Даниленко 1977 – Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
- Димитрова 2015 – Димитрова Н. Способы образования акронимов в терминологии транспортно-экспедиционной деятельности. // Сборник материалов Первой международной научно-практической онлайн-конференции «Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее». София: УНИБИТ, 2015. – С. 260-263.
- Димитрова 2016 – Димитрова Н. Терминологические словосочетания с несклоняемыми зависимыми терминокомпонентами в терминологии транспортного экспедирования // Электронно научное списание «Механика Транспорт Комуникации». Т. 14. №3/1 – С. IV-5 – IV-10.
- Ефремова 2015 Ефремова Т. Ф. Самый полный современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2015.
- Резер, Родников 2007 – Резер С. М. , Родников А. Н. Логистика. Словарь терминов. М.: ВИНТИ РАН, 2007.
- Маринова 2008 – Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: Проблемы освоения и функционирования. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
- Попова 2012 – Попова М. Теория терминологията. В.Търново: ИК «Знак’94», 2012.
- Англо-Русский научно-технический словарь, 2005. – URL: <http://slovar-vocab.com/english-russian/scientific-technical-vocab.html>.

- URL: <http://www.center-bereg.ru/k2787.html>.
- URL: <http://www.mtc-aj.com/academic-journal.php?lang=bg&body=allissues&izd=12>.
- URL: <http://www.answer-logistic.ru/>.
- URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p>.
- URL: http://modelist-konstruktor.com/konvejer_mk/.

Dimitrova, Nina

Todor Kableshkov University of Transport, Sofia, Bulgaria

NINA.DIMITROVA@MAIL.BG

ASSIMILATION AND ADAPTATION OF BORROWED TERM WORDS (BASED ON MATERIAL OF THE FREIGHT FORWARDING TERMS)

***Abstract.** About 50% of the freight forwarding term words is borrowed from other languages. The lack of clear rules of assimilation is the reason for their varying forms. The presence or absence of equivalent lexicon in the Russian language-recipient determines whether the lexical meaning will be modified or preserved.*

Borrowed terms are used for word derivation during the process of adaptation, and in this way borrowing and the word formation complement each other developing and enriching the terminology.

***Keywords:** terminology of freight forwarding, terms borrowing, assimilation of borrowed terms, adaptation of borrowed terms, terminological variation*

СОКРАЩЕННЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ – БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ. АББРЕВИАЦИЯ. (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме аббревиации в контексте отношений эквивалентности – безэквивалентности при сопоставлении болгарского, русского и греческого языков. Выявляются сходства и различия аббревиатур: для греческого языка самыми характерными являются графические сокращения и инициальные аббревиатуры; в русском языке аббревиация исключительно продуктивна во всех своих разновидностях; болгарский язык занимает промежуточное положение между русским и греческим языками. Трудности в процессе перевода возникают преимущественно в тех случаях, когда аббревиатуры лексикализуются или обозначают реалии.

Ключевые слова: аббревиация, эквивалентность, безэквивалентность, языковые сокращения.

В эволюционном развитии языка, обеспечивающем конкретные актуальные потребности коммуникативного процесса при номинации, осуществляемой посредством сочетания лексических значений, наблюдаются две противоположные тенденции: а) объединение (укрупнение) отдельных самостоятельных несоставных номинативных единиц в новые номинативные целостности (сложные слова и сложные названия) и б) “обратное развитие”, т.е. их сокращение или распад на более мелкие, однословные номинативные единицы, тождественные однако по своему семантическому содержанию единствам, от которых они образованы.

При определенных лингвистических и экстралингвистических условиях часть типов сложных слов и названий¹, означающих определенное понятие, начинают употребляться в более сокращенном виде².

¹ Сложные слова и сложные названия мы относим к числу составных номинативных единиц, возникающих посредством сочетания двух или более лексических значений, образующих семантическое единство. В основе новообразовавшейся единицы лежат два, а в некоторых случаях и более мотивирующих название признака, которые, объединившись, придают целостность ее значению. [см. Кынева 2011, с. 106].

² Для обозначения этого явления Н. Михайлова [Михайлова 1999, с. 59-60], а вслед за ней и другие авторы, используют термин “минимизация”. Например, Л. Кирова дает следующее определение: “Под минимизацией мы понимаем любой способ сократить материальную форму лексемы или словообразовательными, или графическими средствами” [Кирова 2004].

Если при образовании составных номинативных единиц ведущим является стремление к более ясному и точному выражению смыслового содержания, то при их преобразовании в более компактные единицы на первое место выходит тенденция к максимальной коммуникативной эффективности (экономии языковых средств, времени и усилий для их артикуляции). По этому поводу Бодуэн де Куртенэ пишет: “языковая жизнь является непрерывной органической работой, а в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и нерастрачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде” [Куртенэ 1963, с. 226]³.

При возникновении необходимости в назывании определенного понятия в языке начинают действовать механизмы его самого точного отражения, причем далеко не всегда „может практически реализоваться идеальное название – с максимальной информацией в минимально использованном языковом материале“ [Мурдаров 1983, с. 89-90]. Как отмечает В. Мурдаров, при восприятии нового названия, на этапе его постепенного закрепления в сознании представителей языковой общности, более важным является охват заложенной в звуковом символе информации, чем трата энергии при его артикулировании. Иными словами, физическая нагрузка гораздо незначительнее, чем интеллектуальная – результат связи нового представления с малоинформативным языковым символом [Мурдаров 1983, с. 90]⁴.

Лишь впоследствии частота употребления уже осознанного и воспринятого названия предполагает оптимизацию средств и способов коммуникации, что, со своей стороны, ведет к более краткому, но достаточно ясному и информативному отражению уже названных понятий и соответственно к образованию разного вида языковых сокращений, выражающих семантику более крупных номинативных единств, от которых они произошли.

Основными способами, посредством которых осуществляется сокращение сложных слов и названий, являются *аббревиация* и *универбизация*.

В настоящей статье мы вкратце рассмотрим *аббревиацию* как способ передачи информации в более сжатом виде, а также возможности образования сокращенных форм из многословных номинативных единиц в контексте отношений эквивалентности – безэквивалентности при сопоставлении болгарского, русского и греческого языков⁵.

Под аббревиацией будем понимать образование разных по виду сокращений. Это явление, которое встречается во всех трех рассматриваемых языках. В каждом из них, однако, разные типы сокращений представлены в разной степени и имеют свою собственную специфику.

³ Цит. по [Серебренников 1988, с. 93]

⁴ См. также мнение А. Мартине, приведенное в [Мурдаров 1983, 90].

⁵ Сюда не включены сокращения, полученные в результате универбизации, так как она является более специфической формой сокращения и требует специального внимания в отдельном исследовании.

Аббревиатуры представляют собой краткие функциональные эквиваленты чаще всего разных лексико-синтаксических словосочетаний с дефинитивной функцией [см. Кирова 2004] и реже сложных слов.

Характерной особенностью этого вида сокращений является также их параллельное употребление с составными номинативными единицами, от которых они произошли, и в зависимости от языковой ситуации употребляются либо те, либо другие. Сокращения делятся на два основных типа: графические и лексические.

Первый тип – графические (*с.* = *страница*, *м.* = *метр*) – это „не слова, а условные знаки, замещающие полные наименования на письме“ [Крумова-Цветкова и др. 2003, с. 9].

Для нашего исследования интерес представляет второй тип сокращений – лексические. По мнению авторов Словаря сокращений в болгарском языке, лексические сокращения, в зависимости от способа создания, делятся на: **усеченные слова, инициальные сокращения** (*буквенные, звуковые и буквенно-звуковые*), **смешанные сокращения и групповые сокращения** (*частично сокращенные, сложносокращенные и телескопические слова*) [Крумова-Цветкова и др. 2003, с. 9-10].

1. Усеченные слова

Это несоставные единицы с сокращенной начальной или конечной частью, ср.: *спец* = *специалист* (болг.), *зам* = *заместитель* (русс.), *трац* = *тра̀ц̀в̀а̀ѝ* (греч.). Авторы вышеуказанного словаря включают в эту группу и сокращения из сложных слов, которые мы считаем универбатами. По нашему мнению, **усеченные слова** – это слова, образованные от сокращенных основ отдельных несоставных номинативных единиц. Их можно было бы рассматривать в сопоставительном плане в контексте отношений эквивалентности – безэквивалентности, в том случае, если бы они были образованы в результате сокращения слов, у которых нет эквивалента в языке перевода, т.е. если речь идет об усеченных словах, для которых нет соответствий. Поскольку их безэквивалентность, которую можно было бы выявить при переводе на другой язык, не имеет прямой связи с фактом, что это сокращенные номинативные единицы, то они не являются объектом нашего исследования.

2. Инициальные и смешанные сокращения

При определенных условиях составные названия, а также и сложные слова, могут быть представлены как **инициальные аббревиатуры** или как **смешанные сокращения**⁶. Чаще всего в форме аббревиатур функционируют

⁶ Образование и способы употребления большей части **инициальных** и **смешанных сокращений** (с небольшими исключениями), не имеют прямого отношения к проблематике, связанной с переводом, так как сами по себе словосочетания и сложные слова, которые скрываются за этими сокращениями, в большинстве случаев переводимы, т. е. они не представляют собой переводческой проблемы.

названия, связанные с наукой, техникой, производством, образованием и военным делом, названия партий и организаций, названия административных структур и учреждений, а также специализированная терминология, например: *БНТ* = *Българска национална телевизия*, *КАТ* = *Контрол на автомобилния транспорт*, *ЕКГ* = *электрокардиограма* (болг.); *РФ* = *Российская федерация*, *ВУЗ* = *Высшее учебное заведение*, *МЭ* = *микрэлемент* (русс.); *Т.Т.Т.* = *Ταχυδρομεία, Τηλέγραφοι, Τηλέφωνα* ‘Почта, Телеграф, Телефон’, *Κ.Ο.Κ.* = *Κώδικας Οδικής Κυκλοφορίας* ‘Правила уличного движения’, *Υ.Γ.* = *υστερόγραφο* ‘постскрипtum’ (греч.). Примеры смешанных сокращений: *ΓΕΟΤΕЦ* = *Геотермична електроцентра* (болг.) и *КонфОП* = *Конфедерация обществ потребителей* (русс.).

К рассматриваемым здесь вопросам, связанным с лексической безэквивалентностью как проблемой перевода, отношение имеют две группы *инициальных аббревиатур*: лексикализованные аббревиатуры и аббревиатуры, обозначающие реалии. Примером лексикализованной аббревиатуры может послужить русское сокращение *загс* = *запись актов гражданского состояния*, которое воспринимается как отдельная целостная номинативная единица, подчиняющаяся правилам, относящимся к именам мужского рода. В тот или другой период русская аббревиатура *загс* передавалась в болгарском языке посредством разных словосочетаний в зависимости от наименований болгарской службы, занимающейся аналогичной деятельностью: *гражданско отделение на общината*, *отдел за гражданско състояние*, а в настоящее время – *служба по гражданското състояние*. В греческом языке есть отдельная номинативная единица, выражающая это содержание – *ληξιάρχειο*. Иными словами, в болгарском языке наблюдается “белое пятно”, в то время как в греческом языке оно отсутствует, а это, со своей стороны, означает, что русское сокращенное название *загс* является немотивированно безэквивалентной номинативной единицей⁷ по отношению к болгарскому языку, но не и по отношению к греческому.

Примером аббревиатуры, обозначающей реалию, является, например, болгарское инициальное сокращение *КАТ* (= *Контрол на автомобилния транспорт*), которое само по себе затрудняет процесс перевода с болгарского на русский и греческий язык. Кроме того от него образуется и производная номинативная единица *катаджия* (= *служител на КАТ*), которая в обоих языках не может быть передана так, чтобы выразить абсолютно точно ее содержание – используется самая близкая по содержанию или по функции номинативная единица описание, ср.: русск. *гаишник*; *полицейский сотрудник автоинспекции*; греч. *τροχονόμος* (*полицейский дорожной полиции*).

⁷ Лексикю, безэквивалентность которой по отношению другого языка мотивирована наличием или отсутствием определенных предметов и/или явлений, мы определяем как мотивированно безэквивалентную лексикю, а лексикю, безэквивалентность которой не мотивирована таким наличием и соответственно отсутствием – как немотивированно безэквивалентную лексикю [см. Кынева 2008, с. 98].

Что касается *смешанных сокращений*, то они не характерны для греческого и болгарского языков. В отличие от них в русском языке этот тип сокращений встречается довольно часто (например, *главк* = *главный комитет*). Смешанные сокращения тоже являются объектом интереса с точки зрения перевода только в случае лексикализации или отражения реалий. Этот тип сокращений не всегда легко распознаваем, а от этого в большой степени зависит и их передача при переводе. Они заслуживают внимания, так как очень часто исключительно трудно их можно различить, а это могло бы привести к их ошибочной интерпретации, а от нее зависит выбор подходящего соответствия при их передаче на другой язык. Примерами лексикализированных смешанных сокращений являются русские сокращенные номинативные единицы типа *районо* = *Районный отдел народного образования*, *облоно* = *Областной отдел народного образования* или *самбо* = *самооборона без оружия* и т.д.

3. Групповые сокращения

Свойственным всем видам составных номинативных единиц способом сокращения, хотя и с различной частотой употребления в трех исследуемых нами языках, является образование так называемых *групповых сокращений*, объединяющих частично сокращенные, сложносокращенные и телескопические номинативные единицы. Характерно для этого вида аббревиатур является то, что сокращается только часть словосочетания или сложного слова.

1. При частично сокращенных номинативных единицах наблюдается слияние начальной части атрибутивного компонента с целым вторым основным компонентом из двусловных номинативных сочетаний, например: *редколегия* = *редакционна колегия* (болг.), *оргкомитет* = *организационный комитет* (русск.), *φουσκοθαλασσία* = *φουσκομένη θάλασσα* 'взволнованное море' (греч.). В русском языке по этому образцу производятся и номинативные единицы, образованные из начальной части первого компонента и падежной формы второго компонента, например: *завотделом* = *заведующий отделом*, *полведра* = *половина ведра*.

При образовании сокращений, когда первый компонент словосочетания является сложным словом, с целью облегчить произнесение может выпасть ее второй элемент, ср. *овце-вѣдна ферма* = *овцеферма* (болг.), *станко-строительный завод* = *станкозавод* (русск.). Для греческого языка образование такого типа номинативных единиц нетипично.

В некоторых случаях сложное слово, выполняющее функцию определяющего элемента, заменяется инициальной аббревиатурой, например: *жп линия*, *ТВ приемник*.

К группе частично сокращенных номинативных единиц относятся сложные слова с первым компонентом сокращенная форма существительных или прилагательных из интернациональной лексики (*авио-*, *авто-*, *агро-*, *астро-*, *био-*, *вело-*, *вибро-*, *видео-*, *электро-*, *энерго-*, *зоо-*, *изо-*, *кино-*, *метео-*, *мото-*

пневмо-, психо-, радио-, спелео-, стерео-, теле-, термо-, турбо-, физио-, фото-, гидро- и др.), ср.: авиотехника = авиационна техника, електроенергия = електрическа енергия, телезрител = телевизионен зрител (болг.), автотранспорт = автомобилният транспорт, велоспорт = велосипедният спорт, телепередача = телевизионна передача (русс.) или *ηλεκτρομηχανική* ‘электромеханика’, *θερμοχημεία* ‘термохимия’, *μοτοποδήλατο* ‘мотопед’, *ψυχοδιαγνωστική* ‘психодиагностика’⁸ (греч.) и т.д.

В греческом языке чаще, чем в болгарском и русском, частично сокращаются также и номинативные единицы, составленные из компонентов с сочинительными отношениями, означающими преимущественно названия профессий или же названия разных магазинов и заведений, например: *ωτορινολαρυγγολόγος* = *ωτολόγος* – *ρινολόγος* – *λαρυγγολόγος* (врач “ухо-горло-нос”), *καπνοχαρτοπωλείο* = *καπνοπωλείο* – *χαρτοπωλείο* (магазин табачной продукции и магазин канцтоваров) или *καφεζυθεςτιατόριο* = *καφεενείο* – *ζυθοπωλείο* – *εστιατόριο* (кафе – пивная – ресторан). В болгарском и русском языках такие номинативные единицы тоже присутствуют, например: трагикомедия = **трагедия** и **комедия** или Евразия = **Европа** и **Азия**.

2. Сложносокращенные номинативные единицы образуются из начальных слогов или элементов отдельных компонентов составной номинативной единицы, ср.: *винпром* = **винарска** **промишленост**, *медсанбат* = **медико-санитарен батальон**, *главком* = **главнокомандащ** (болг.), *продмаг* = **продовольственный магазин**, *химлеспромхоз* = **лесохимическое промышленное хозяйство** (русс.).

3. Телескопические номинативные единицы, образованные путем контаминации, могут быть составлены из начального элемента первого и а) конечного элемента второго компонента, ср.: *мотел* = **моторизиран хотел**, *бионика* = **биология** и **электроника** (болг.), *мопед* = **мотоцикл-велосипед** (русс.); б) начала и конца второго компонента, ср.: *эсминец* = **эскадренный миноносец** (русс.).

Образование сложносокращенных и телескопических номинативных единиц не характерно для греческого языка.

При сопоставлении трех исследуемых нами языков можно сделать вывод, что **групповые сокращения** исключительно часто используются в русском языке и достаточно часто встречаются и в болгарском, в отличие от греческого. Причина их широкого распространения в современном русском языке – это характерная для него тенденция активно создавать и использовать наименования-уточнения, что способствует активизации разных способов образования сложных и сложносокращенных наименований [Земская 1992,

⁸ Е. Земская выделяет этот тип номинативных единиц из сокращений и принимает трактовку М. Панова [Панов 1971], который считает их *сочетаниями с аналитическими прилагательными* [Земская 1992, с. 54-62].

с. 54]. Частично сокращенные, сложносокращенные и телескопические номинативные единицы, как например, болг. *физкултура* = **физическа култура**, *детмаг* = **детски магазин**, ‘*мобифон* = **мобилен телефон**’ или же русск. *химчистка* = **химическая чистка**, *постпред* = **постоянный представитель** не типичны для греческого языка – там они чаще всего передаются посредством сложных слов или разного вида словосочетаний. Огромное количество сложносокращенных номинативных единиц в русском языке очень часто подвержено лексикализации – факт, сам по себе достаточный, чтобы быть предпосылкой для наличия лакун как в болгарском, так и в греческом языке.

Есть случаи, когда определенные групповые сокращения представляют собой реалии. Например, русская сложносокращенная номинативная единица *комсомол* по отношению греческого языка является мотивированно безэквивалентным словом, из-за чего, в зависимости как от конкретной ситуации, так и от аудитории, к которой адресована информация, передается или путем транслитерации, или посредством перевода всего словосочетания в его развернутом виде: *κομμωμόλ* или *Κομμουνιστική Ένωση Νεολαίας* ‘Коммунистический союз молодёжи’.

На базе исследуемого материала в болгарском, русском и греческом языках в связи со спецификой аббревиатур и их характером с точки зрения межъязыковых отношений эквивалентности – безэквивалентности можно сделать следующие выводы:

1. Очень часто аббревиатуры представляют собой просто-напросто сокращенную запись для обозначения определенного многословного названия, которая ни в коем случае не отражает отдельное понятие, т.е. целостность формы никоим образом не элиминирует семантическую расчлененность. Например, болгарские аббревиатуры типа *РКРТ*, *НИПКИЛЕТ*, являющиеся сокращенными знаками многословных единиц *Режим за контрол на ракетната технология* и *Научноизследователски и проектно-конструкторски институт по леярска техника*, невозможно определить как показатель единого, монолитного понятия ни в одном из своих двух вариантов – ни в полном, ни в кратком – в которых они функционируют в языке.

2. Часть аббревиатур все-таки являются специфическими для соответствующего языка, так как отражают конкретную и характерную для указанного социума реальную действительность. В этих случаях у них нет соответствий в другом языке, а так как их внутренняя форма часто абсолютно непрозрачна, то это дополнительно затрудняет поиск подходящей единицы при переводе.

3. Часть аббревиатур лексикализуется. Их исходный и сокращенный вариант действительно выражают одно понятие в одной форме. Сначала они тоже возникают как сокращенная запись составного названия, но постепенно единство значения названия приводит к закреплению однословной формы, и

таким образом язык элиминирует “внутреннее противоречие между отдельно оформленным названием и единством его значения” [Исаченко 1958, с. 339]. Такова, по мнению А. В. Исаченко, причина возникновения универбатов, которая характерна и для появления лексикализованных сокращенных номинативных единиц. Разница между универбизацией и лексикализацией аббревиатур в том, что в первом случае происходит переназывание, осуществляемое посредством сокращения формы и семантической конденсации. В этом процессе один из компонентов принимает значение и функции всей составной номинативной единицы, а другой компонент формально игнорирован. Специфическим при лексикализации сокращений является то, что это единицы, созданные без учета какого-нибудь характерного признака, который мог бы лечь в основу нового названия. Таким образом появляются номинативные единицы типа винпром (лексикализованная частично сокращенная номинативная единица) или мотел (лексикализованная телескопическая).

Те же самые специфики наблюдаются и при образовании новых номинативных единиц от инициальных и от смешанных сокращений. Характерным в этих случаях является то, что поначалу определенное описание соответствующего предмета, явления и/или понятия (которое, как правило, неуклюжее и объемное) или не содержит такого мотивирующего признака, который мог бы послужить внутренней формой новой единицы (напр. *лазер* = *Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation* или *радар* = *Radio detecting and ranging*), или так сформулировано, что трудно можно было бы передать его другим, более сокращенным способом (напр. *самбо* = *самозащита без оръжие*). В тот самый момент, когда они лексикализуются, аббревиатуры подобного типа перестают восприниматься как таковые и превращаются в непроемкие номинативные единицы со всеми соответствующими им характеристиками. Это один из немногих случаев возникновения новых номинативных единиц, образованных на базе новых звуковых сочетаний, не существующих раньше.

4. В целом, исследование аббревиатур в русском, греческом и болгарском языках показывает, что для греческого языка, например, самым характерным является графическое сокращение, а из лексических аббревиатур чаще всего встречаются инициальные, тогда как в русском языке аббревиация во всех своих разновидностях является исключительно продуктивным способом образования новых номинативных единиц путем сокращения разного вида словосочетаний и сложных слов. В этом отношении можно утверждать, что болгарский язык занимает промежуточное положение между русским и греческим языками по частоте употребления таких единиц.

В заключение отметим, что аббревиация в контексте отношений эквивалентности–безэквивалентности представляет собой достаточно сложную проблему в процессе перевода. Трудности возникают преимущественно в тех случаях, когда аббревиатуры лексикализуются или обозначают реалии.

Литература

- Земская 1992 - Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Исаченко 1958 - Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia. Praha*, 1958. Roč. XXVII, № 3.
- Кирова 2004 - Кирова Л. Един сравнителен поглед върху компютърната лексика в славянските езици (върху материал от български, руски, сръбски и хърватски) // Национални славистични четения, СУ «Св. Климент Охридски», София, 22-24 април 2004. *LiterNet*, 14.05.2004, № 5 (54); <http://litenet.bg/publish3/lkirova/slav.htm> (септември 2014).
- Крумова-Цветкова и др. 2003 - Крумова-Цветкова Л., Чоролеева М., Холиолчев Хр. Увод към Речник на съкращенията в българския език. София, 2003.
- Куртенэ 1963 - Бодуэн де Куртенэ И. А. Об общих причинах звуковых изменений // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Москва, 1963.
- Кынева 2008 - Кынева В. Г. Классификация безэквивалентной лексики с точки зрения обуславливающих её факторов (на материале русской и болгарской тематических групп “Жилище”) // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве, материалы международной научно-практической конференции, Славянск-на-Кубани, 10 августа 2007 года, Славянск-на-Кубани, 2008.
- Кынева 2011 - Кынева В. Г. О термине номинативная единица в контексте исследования лексической безэквивалентности (на материале русского, болгарского и греческого языков) // Десятый международный симпозиум МАПРЯЛ 2010. Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике (доклады и сообщения), Велико-Тырново, 2011.
- Мартине 1967 - Martinet A. Grundzüge der Allgemeinen Sprachwissenschaft. Stuttgart, 1967.
- Михайлова 1999 - Михайлова Н. Интернет – минимизация на езика, - В: Български език и литература, 1999, № 6.
- Мурдаров 1983 - Мурдаров Вл. Съвременни словообразователни процеси: очерк върху българското словообразуване. София, 1983.
- Панов 1971 - Панов М. В. Об аналитических прилагательных. – В: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.
- Серебренников 1988 - Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. Москва, 1988.
- Щерба 1957 - Щерба Л. В. Литературный язык и пути его развития. – В: Избранные работы по русскому языку. Москва, 1957.

Kaneva, Victoria
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria,
vgotcheva_g@mail.bg

**ABBREVIATED NOMINATIVE UNITS IN THE CONTEXT
OF EQUIVALENCE–NONEQUIVALENCE RELATIONS.
ABBREVIATION /BASED ON MATERIAL FROM BULGARIAN,
RUSSIAN AND GREEK SOURCES/**

***Abstract.** The article focuses on the problem of abbreviation in the context of equivalence–nonequivalence relations when comparing the Bulgarian, Russian and Greek languages. The similarities and differences in the abbreviations are noted: in Greek, the most typical abbreviations are graphic and initial abbreviations; in Russian, abbreviations are highly productive in all their diversity; Bulgarian occupies an intermediate position between Russian and Greek. Difficulties in the translation process arise mainly in cases where the abbreviations are lexicalised or denote realia.*

***Keywords:** abbreviation, equivalence, nonequivalence, language contractions.*

ВЗГЛЯД НА ОККАЗИОНАЛЬНУЮ ДЕРИВАЦИЮ В РУССКИХ СМИ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

***Аннотация.** В статье рассматривается окказиональная деривация как один из механизмов развития языка политической коммуникации. Анализируются новые окказионализмы русской политической действительности. Иллюстративный материал взят из периодических изданий «Коммерсантъ», «Советская Россия», «Независимая газета», «Россия сегодня» и «Аргументы и факты».*

***Ключевые слова:** политическая действительность, языковая игра, окказиональная деривация, средства массовой информации.*

В современный период развития русского языка происходят значительные изменения в его лексическом составе. Они обусловлены социально-политическими, экономическими и идеологическими преобразованиями в России на рубеже XX-XXI вв. Новые для общества реалии обслуживают самые разные сферы общения. Особенно активно процессы динамического развития языка проявляются в сфере политической лексики и впервые встречаются в СМИ.

Статья отправляет взгляд на окказиональную деривацию как один из главных способов построения языковой картины мира (ЯКМ). В этом аспекте окказиональная деривация (ОД) рассматривается в качестве аспекта идиоматичной (нестандартной) деривации, которая ещё по многим направлениям не исследована и не имеет полного представления в теории языка.

Объектом наблюдения в статье служат лексические единицы, извлеченные из газет «Россия сегодня», «Советская Россия», «Аргументы и факты». Особенно продуктивным было обращение к таким изданиям, как «Независимая газета» и «Коммерсантъ», поскольку употребление окказиональных образований стало для них приметой идиостиля.

По замечанию исследователей «в наши дни газета – самый чуткий регистратор новых слов, значений, словосочетаний. Она значительно быстрее всех других жанров письменной речи отражает сдвиги, которые происходят во всех сферах жизни общества, и в большинстве случаев является первым письменным источником, фиксирующим рождение новых слов, значений и выражений, претендующих на общеупотребительную лексику. Кроме того, именно в газете возникают и определяются многие важнейшие тенденции развития современного русского литературного языка» [Попова 2005: 69].

Язык газетной публицистики очень интересен сочетанием информационной и экспрессивной составляющих. Благодаря творческой работе над текстом,

отражающим современную политическую действительность журналист создает или использует актуальные понятия или малоизвестные слова, относящиеся к группе словообразовательных новообразований. Сегодня быть создателем нового слова становится модным, так автор стремится выразить свое отношение к тому или иному предмету, явлению или событию. Любой журналист, раскрывающий на страницах газеты или журнала социально значимую тему, стремится представить её оригинально как в плане выражения, так и в плане содержания. Происходит поиск и создание нового слова, позволяющего наиболее точно выразить идеологическую позицию, автора. Явления окказиональной деривации, приобретающие в последнее время все более широкое распространение, привлекают внимание лингвистов к проблеме всестороннего исследования новых слов. Этот интерес формирует актуальное направление лингвистических исследований – неологию. Обычно в ней выделяют три типа:

- **неологизмы** – новые в языке слова или значения, называющие новые предметы мысли [Виноградов 2001];
- **потенциальные слова** – уже созданные, но еще не закрепленные традицией словоупотребления, или слова которые могут быть созданы по образцу существующих в языке;
- **окказионализмы** (окказиональные слова) – это индивидуальные авторские

образования, существующие лишь в том контексте, в котором они появились. Окказионализмы всегда создаются непосредственно в тексте, а не воспроизводятся как готовые единицы. Они даже потенциально не присутствуют в языке; системной языковой и общественной потребности в них нет. Окказионализмы творчески создаются по имеющимся в языке модели или с их нарушением [Миськевич 1977: 42-61].

Объектом моего наблюдения являются окказиональные слова. Понятие окказиональные слова (от лат. *Occasio* – «случайность», фр. *Occasionel* – «случайный») впервые обосновал немецкий филолог Г. Пауль в 1880 г., но еще очень долго все лексические новообразования определялись как неологизмы, и только в 1957 г. Н.И. Фельдман в своей статье «Окказиональные слова и лексикография» употребила термин «окказионализм». Помимо них также используются определения «писательские новообразования», «творческие неологизмы», «индивидуальные неологизмы», «слова–самodelки», «слова метеоры», «слова однодневки», «эгологизмы», «произведения индивидуального речетворчества». Все они, несмотря на свое наименование, находят свое место в газетах.

Самые известные работы об окказиональном слове в русском языковедении написаны на материалах поэтического языка. Но только незначительное количество работ посвящено описанию окказионализмов, избранных из газетных текстов [Чиркова 1972]; [Сафонов 1973]; [Юдина 1989]; [Дорофеева 2003]; [Новоселова 1986]. А известный лингвист, преподаватель словесности

в университете Эмори (Атланта), Михаил Эпштейн выделяет в отдельный жанр – «однословие» – искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или картину. Тем самым достигается наибольшая конденсация образа: максимум смысла в минимуме языкового материала [Эпштейн 2000: 204]. Он рассматривает слово как маленькое произведение, которое благодаря своему врожденному свойству метафоричности способно заключать в себе целый образ, целую мысль. Один из способов выражения мысли является окказиональная деривация.

Явления окказиональной деривации прежде всего заключаются в нарушении грамматических, словообразовательных и лексико-семантических норм языка. Можно выделить три основных стандартных способа создания окказиональных единиц: лексико-семантический, лексико-синтаксический и морфологический. Лексико-семантический способ означает процесс нового осмысления старых, уже существующих в языке слов, обогащение их новыми значениями. Например, покойник (сосед по койке), подмышка (коврик для компьютерной мышки), пнелепица (застой у скульптора). Окказионализмы, созданные лексико-синтаксическим способом, малочисленны. Третий способ создания окказионализмов-морфологический. Основными видами морфологического словообразования являются 1) сложение, 2) сращение 3) аффиксация, 4) аббревиация, 5) редеривация, 6) контаминация. Каждый из этих способов находит свое место в лингвистике. Опираясь на наше исследование, можно говорить о том, что эти же виды деривации свойственны и окказиональному словообразованию.

Один из основных способов словотворчества – это контаминация. Это языковое явление все больше привлекает внимание лингвистов. Согласно В.Б. Силиной, контаминация – это «взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц и их частей на основе их семантического или формального изменения, а также образование новой языковой единицы, то есть Окказионализма» [Силина 1990: 113]. Этот способ деривации встречается в построении современных новообразований наиболее часто. Контаминированные слова часто выступают средством языковой игры, содержат оценочные коннотации, поскольку экспрессивны по своей семантике. Путем контаминации образованы слова *тотальгия* «ностальгия по тоталитарному строю», *русальгия* «тоска по России», *кличкомырдинки* «высказывания мэра Киева Виталия Кличко», *паханат* «политический режим в России», *своеправие* «непоколебимая убежденность в своей правоте», *книждивенец* «лицо, постоянно одалживающее книгу у другого лица», *брехлама* «реклама-обман», *хроноцид* «убийство собственного времени», *ванговать* «предсказывать», *меркельтильность* «политика Ангелы Меркель».

На базе примеров можем обобщить, что словообразовательная модель контаминации обладает сильным воздействующим потенциалом, а контаминанты обладают ярко выраженным стилистическим и прагматическим эффектом, что на наш взгляд, обуславливает ее актуальность в современном языкотворчестве.

Изучение прагматической функции окказиональных слов, взятых из лексики средств массовой информации, важно для такого нового направления, как «перлокутивная лингвистика». Новые слова появляются в языке как реакция на общественно-политические события в стране и мире, попадают в социальные сети и интернет-блоги, в язык прессы. У каждого из них есть шанс как бесследно исчезнуть, так и закрепиться в языке, получить статус неологизма. Данный факт можно будет констатировать только с течением времени, главная задача сегодняшнего дня – зафиксировать их, исследовав на данном этапе развития языка. Это заслуживает внимания, потому что большую часть появляющихся новообразований невозможно семантизировать при помощи перевода, они не отражены в словарях. Часто понять смысл, раскрыть внутреннюю сущность слова невозможно без специального комментария, описывающего общественно-политические события, послужившие толчком для создания новообразования.

Иллюстрацией взрыва словообразовательной активности под влиянием политических процессов может быть одно из самых резонансных событий 2014 г. – присоединение Крыма к России. Оно вызвало не только колоссальный общественный резонанс в России и за ее пределами, но и привнесло в речь и тексты средств массовой информации множество новообразований - производных слов:

Крымнаш

Само слово – «Крымнаш» представляет собой неологизм богатого русского языка. Возникло выражение во время протестов весной 2014 года, когда началась дискуссия о законности присоединения Крыма к РФ. Слово образовано лексикосинтаксическим способом (сращением двух слов – Крым и наш). Окказионализм менее чем за год проделал интересный путь – от словосочетания, состоящего из имени собственного и притяжательного местоимения, до существительного со слитным написанием. Сейчас «крымнаш» употребляется именно как существительное и обладает актуальным политическим значением. Слитное написание политического лозунга стало последствием распространения моды на хештеги, ведь хештег «Крым наш» не работает, и требуется исключительно слитное его написание – #крымнаш, #КрымНаш, #Крымнаш. Выражение «Крымнаш» мгновенно распространилось по социальным сетям сразу после проведения референдума. Далее по принципу аналогии появились такие слова, как *крымненаш*, *намкрыш*. Вскоре родились другие аналогичные окказионализмы – КрымИх, АляскаНаша, СирияНаша.

- из слова «крымнаш» образовалось и новое словообразовательное гнездо:
- крымнаш
- крымнашисты
- крымнашистской

«„Крымнаш“ – звучит гордо. Только 3% граждан не хотят признавать полуостров российским...», «Россия сегодня», 23.11.2015;

«Крымнашисты – это электорат Путина, Жирика и Зюганова, и они никогда не проголосуют за Ходорковского», «Независимая газета», 16.02.2015; («Сегодня ты кричал «НамКрыш!», а завтра выехал в ДАИШ!»), «Независимая газета», 05.10.2016.

При создании прилагательного **«крымнашистский»** в соответствии с закономерностями системы языка необходимо использовать модель с суффиксом **енск**, так как в языке уже существует слово «нашенский», но автор использует метод телескопизма, или контаминации, складывая первую часть одного слова и конец второго – от «фашистского» убрали букву «ф»:

«Чем Ваши инсинуации отличаются от кремлёвской пропаганды „крымнашистского“ Украина вам будет рада», «Советская Россия», 22 09 2015.

Ленинопад

Писательское словообразование связано с массовым сносом памятников Ленину. Демонтаж и повреждения памятников Ленину в центральных областях Украины имели место в ходе политического кризиса зимой 2013-2014 гг. Процесс получил образное название «Ленинопад». Существительное «листопад» вероятно послужило основой образования творческого неологизма «ленинопад», которое образовано слиянием имени вождя революции и глагол «падать».

«Массовый „ленинопад“ на Украине начался 8 декабря прошлого года, тогда был снесен памятник в центре Киева», «Независимая газета», 09.12.2014.

Майдаун

После событий на Майдане Незалежности в Киеве в ноябре 2013 года состав русского языка обогатился новыми словами и окказионализмами, которые тесно связаны со словом «майдан» (араб. *maйдān* и перс. *meйдan*) – тюркизм, означающий любую открытую площадку, парк или площадь. Из этого слова в язык входит целое словообразовательное гнездо:

- майдан
- евромайдан
- майдановцы
- майдун
- антимайданить
- майданник
- майданократия
- майданутый

В Словаре молодежного сленга слово «майдун» означает «носитель украинских оранжевых политических взглядов, сторонник изоляции Украины от России, проамериканской внешней политики, противник бытования на Украине русского языка, культуры.

Слово «майдаун» тоже появилось после событий на Майдане Незалежности в Киеве. Для его образования использовано наложение с усечением май-да(н) + даун: участники событий на Майдане уподобляются умственно отсталым людям:

«Участники шествия несли растяжку „Мы не майдауны“ – после чего фонд помощи детям с синдромом Дауна обвинил организаторов „в невежестве и цинизме“», «Коммерсантъ», 02.03.2015.

Глагол «антимайданить» образован от существительного с помощью суффикса -и со значением «выступать подобно» и добавлена приставка анти-. Таким образом образовано и прилагательное «антимайданный»:

«Антимайданное прикрытие... Власти Украины формируют „национальную гвардию“ для защиты от протестующих». «Коммерсантъ», №21/П от 10.02.2014.

Ватник

В последнее время в СМИ часто встречается слово «ватник». Оно производно от слова «вата», появившегося в русском языке в XVIII веке и означает теплая верхняя одежда, сделанная из ваты. Другие наименования – это фуфайка, стеганка, душегрейка, куртка. В XIX веке слово обозначало также профессию изготовителя ваты, а сами *ватники* назывались в то время обычно «ватными кофтами» или «ватными фуфайками». В современной действительности термин имеет совсем иное значение. Словарь русского сленга slovonovo.ru дает три определения слова «ватник»:

1. Собирательный образ русского патриотического быдла. Любит тоталитарную власть (Путин, Сталин), подчинение, уравнивание людей под одну гребёнку, водку и всё русское. Ненавидит США и всё нерусское. Патриотичен, безволен и непроходимо туп.

2. Человек, «катающий вату» – не выполняющий обещание, или просто порожняковый тип. Как правило, ватники – люди с большим самомнением, важные и очень занятые, но при этом ничего не делают, а если и делают (очень редко), то безрезультатно.

3. Вялый парень, сонный, мало-активный.

Окказионализмом «ватник» в современной действительности «обзывают» всех, у кого пророссийские взгляды. Термин приобрел настоящую популярность с февраля-марта месяца 2014 года, после событий Евромайдана на Украине:

«В этом случае мы также получили бы полномасштабный конфликт (возможно, что и вооружённый) между «ватниками» (на языке России-2012 «Уралвагонзаводом») и «свидомитами» (маршистами).», «Независимая газета», 03.10.2014.

Вскоре после этого появилось и прилагательное ватный, которое имеет то же самое значение:

«И, собственно, пожинают сегодня тот самый эффект, который мы уже обсудили выше: «ватный» электорат их жертвы, как и следовало ожидать, практически не заметил...». «Независимая газета», 03.03.2015.

Путинг

Термин **путинг** образован способом окказиональной деривации. Его значение – митинг в поддержку Путина, на которой свозят насильно. Термин вошел в активное употребление после митинга на Поклонной горе 4 февраля 2012 г. Дериват **путинг**, образованный при помощи продуктивного в русском языке суффикса -инг, имеет окказиональный характер в силу стремления создателя термина модифицировать традиционный характер языка и реализовать его игровой потенциал: *«...власть организовала свои митинги – путинги, куда свозили, как сообщали СМИ, людей за деньги и под угрозой увольнения. Только в путинской России возможны сфальсифицированные митинги в защиту сфальсифицированных выборов», «Аргументы и факты», 13.03.2012 г.*

Предвыборная политическая коммуникация 2011-2012 г. по мнению Т. Стекасова характеризуется наличием большого количества новообразований, связанных с обыгрыванием фамилий политиков. Автор отмечает, что наиболее активной производящей основой в русском языке послужила фамилия Путина. По замечанию исследователей, «словообразование имеет сейчас лавинообразный характер, новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно и ступенчато, как это бывает в период «спокойного» языкового развития, а стремительно, одномоментно, когда в соответствии с потребностями языкового коллектива входит целое словообразовательное гнездо». Одно из них связано с фамилией Путина:

- путинг – митинг против Путина;
- путинопоклонство – сторонники Путина;
- путинец;
- путинки;
- путиномик;
- путиниана «произведения о Путине»;
- ампутинация «избавление от режима Путина»;
- запутинец «член бывшего движения „За Путина“»;
- путинизация «приобретение черт режима Путина»;
- путиноид, портянка (сотрудник ФСБ или другой наемный сотрудник, пишущий провластные комментарии в Интернете);
- путинизированный (путинизированный зомбоящик) испорченный режимом Путина.

*«Я думаю, что это не только некий пиаровский ход Миронова, не только попытка показать, что он **путинец** на 120%, но и некое стремление сохранить эту тему в общественном мнении», «Независимая газета », 22.07.2012;*

«Один из них с надписью „Путяра, шел вон!“ сотрудники правопорядка настоятельно порекомендовали убрать в пакет», «Коммерсантъ», 04.05.2010.

Путем контаминации образованы окказионализмы Капутин (капут + Путин), Путиночет (Путин + Пиночет), а окказионализм Путлер образован на базе сложения (Путин и Хитлер Пут + лер).

«Чиновники потребовали, чтобы в ходе акции протеста не использовались экстремистские лозунги, поэтому такие плакаты как „Путлер капут!“ сразу же сворачивались по требованию сотрудников милиции».», «Коммерсантъ», 22.03.2010.

Детинг

Термин **детинг** (митинг в поддержку закона «Димы Яковлева») тоже образован с помощью окказиональной деривации, по подобию слову **путинг**:

«Накануне мероприятия в Интернете ходило множество слухов о том, что за участие в «детинге» (так некоторые пользователи окрестили это шествие, по аналогии с «путингом» – предвыборным митингом в поддержку Владимира Путина, прошедшим 23 февраля прошлого года в Лужниках), – были обещаны деньги», «Аргументы и факты», 02.03.2013.

Оранжесты

Творческий неологизм «оранжисты» – участник протестных движений, идейные противники действующей власти. Номинация придумана не самими оранжистами, а их оппонентами антиоранжистами – теми, кто поддерживает власть, выходит на митинги в поддержку В. Путина и борется с так называемой «оранжевой угрозой»:

*«Выступаем за стабильность в стране. Переменам – да, **оранжистам** – нет», «Россия сегодня», 04.02.2012.*

Болотник

Слово обозначает людей, участвовавших в митинге на Болотной площади. Оно образовано с помощью стяжения словосочетания Болотная площадь и прибавления суффикса **-ник** (человек, занимающийся определенной деятельностью (ср. плотник, монтажник, гопник). Интересно, что в русском языке данное слово уже существовало: «болотник» означало мифологическое существо, живущее в болоте, и болотное растение, позднее слово приобрело актуальное оценочное значение «человек, участвующий в митинге на Болотной площади»:

«Ситуация на пикете „Солидарности“, кстати, тоже подпадает под 318-ю статью Уголовного кодекса (применение насилия в отношении представителя власти), по которой судили многих „болотников“».», «Независимая газета», 15.02.2016.

Тотальгия

Тотальгия (слово образовано путем сложения слов «тотальность» и «ностальгия», от греч. algos – страдание, боль) – тоска по целостности, по тотальности, по тоталитарному строю, в том числе по советскому прошлому. Производные: тотальгический, тотальгировать (предаваться тотальгии).

Тотальгия – это чувство многостороннее. Тотальгия бывает идейной, зрительной, вкусовой и даже обонятельной и осязательной – я помню пыльновато-синтетический запах и шелковистое прикосновение пионерского галстука. Тотальгия – это тоска по единению с народом:

«Тотальгией очень многое объясняется в нашем времени: властная вертикаль, полупартийность, ось „вождь–народ“... Трудно отделить в этой тотальгии утопию от пародии, а мемуар от пиара», «Независимая газета», 27.10. 2011.

Ванговать, вангую

Производное от имени популярной предсказательницы Ванги и применяется в разговоре в качестве заменителя слов «пророчить», «предсказывать». Кроме того, у него есть ещё одно значение. Его произносят в том случае, когда человек говорит о чём-то без всяких доказательств, либо что-то предлагает:

«Лукьяненко „ванговал“ долго: многие вопросы касались будущего России и всего мира», «Независимая газета», 08.12.2016.

Паханат

В основе окказионального образования паханат стоит слово «пахан» – «главарь преступной группы или опытный вор, пользующийся авторитетом; в более широком значении – руководитель или предводитель» и «каганат» – тип древнего восточного государства. Индивидуальный неологизм встречается в СМИ как саркастическое название криминального политического строя и презрительное отношение к представителям власти, чья деятельность рассматривается как преступление против своего народа:

«... всероссийский криминально-бюрократический «паханат», то в деморализацию, апатию и прямое и переносное бегство от российской реальности «креативного класса». «Независимая газета», 04.02 2013;

«Патриарх в тюремных наколках – это воплощение патриархатной полукриминальной власти (паханата), заповедником которой наша страна является, и так далее», «Независимая газета» 04.09.2013.

Анализ этого речевого материала, в свою очередь, позволяет провести лингвистическую диагностику происходящих в обществе процессов. В работе даётся лишь ориентировочный разбор русскоязычной газетной коммуникации, но можно сделать выводы, что современный человек живет в условиях постоянного речевого воздействия, а СМИ представляют особый

интерес с точки зрения исследования механизмов воздействия. Образование новых слов, словотворчество часто объясняется рядом причин, главные из которых – общественно-политические события, толкающие носителя языка на создание нового слова. Лексические новообразования могут появиться и бесследно исчезнуть из языка, а могут, напротив, закрепиться в нем, став «ключевыми словами эпохи», и в этом случае зафиксировать их интересно и важно, поскольку каждое явление в языке заслуживает внимания и изучения.

Проанализировав работы и выбранные примеры, можно сделать вывод, что газетный текст представляет собой интерпретацию фрагментов общественной жизни: фактов, событий, явлений, личностей – газетные материалы в нем обладают яркой оценочностью, общепонятностью (иногда за счет индивидуально-авторских новообразований). Индивидуально-творческий характер языка газеты (создаваемый и за счет окказиональной лексики) оказывает мощное воздействие на языковое сообщество и тем самым на современный общелитературный язык в целом. Это позволяет использовать газету как материал для изучения живых процессов, происходящих в настоящее время в языке.

Интерес к изучению окказиональной лексики не ослабевает, а, наоборот, день ото дня растет. Это обусловлено тем, что в исследованиях этого вопроса нельзя поставить точку, потому что появление окказионализмов – непрерывный процесс, который требует постоянного внимания и изучения. Иногда этот процесс замедляется, иногда ускоряется, но никогда не прекращается. Постоянно возникающие новые окказиональные единицы нуждаются в разностороннем описании. Данная тема относится к разряду всегда открытых для дальнейших исследований.

Литература

- Виноградов 2001 – Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, с. 224.
- Дорофеева 2003 – Дорофеева О.М. Окказиональне слово в сучасній російськомовній газетно-журнальній комунікації, Дис. на здоб. наук. ступеня канд. філ. наук: 10.02.02 «Російська мова». – К., 2003, с. 6.
- Миськевич 1977 – Миськевич Г.И. К вопросу о норме в словообразовании. // Грамматика и норма. – М. : Наука, 1977. с. 42–61.
- Новоселова 1986 – Новоселова А.Г. Окказиональные и потенциальные слова в советской публицистике (на материале произведений 1965-1985 годов), Дис. на здоб. наук. ступеня канд. філ. наук: 10.02.01 «Російська мова», 1986.
- Попова 2005 – Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка: учебное пособие М. Флинта: Наука, 2005, с.106.

- Сафонов 1973 – Сафонов А.А. Актуализация газетных заглавий. //Вестник Моск. Ун-та. - 1973 год, №5, с.40-47.
- Силина 1990 – Силина В.Б. Контаминация Текст / В. Б. Силина // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Яцева. - М., 1990. - с. 1.
- Словарь русского сленга – slovonovo.ru
- Стекасова 2012 – Стексова, Т.И. Лингвокреативная деятельность в сфере политической коммуникации. // Урал. филол. вестн. 2012. № 2. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. с. 113-120.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения/Под ред. М.Н. Кожинной. СПб: Олио-пресс, 1988. с. 701.
- Фельдман 1957 – Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография. // Вопросы языкознания. 1957. № 4. с. 64-73.
- Чиркова 1974 – Чиркова, Е.К. Типы окказиональных слов в языке. //Язык и общество. Саратов, 1974. - Вып. 3. - С. 129-144.
- Эпштейн 2000 – Эпштейн, М.Н. Слово как произведение: О жанре однослова [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Новый мир – 2000. – №9. – С. 204. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi2000/9/epsh.html
- Юдина 1999 – Юдина А.Д. Окказионализмы на страницах периодики. // Русская речь. –1999, № 5, с. 56-59.

Kozareva, Roza
South-West University «Neofit Rilski»
Blagoevgrad, Bulgaria
roza60@mail.bg

OCCASIONAL DERIVATION IN RUSSIAN MEDIA OF THE CONTEMPORARY PERIOD

Abstract. *The article reviews occasional derivation as one of the mechanisms of political vocabulary development. It analyses new occasional words of russian political reality. The supporting data is taken from periodicals “Kommersant”, “Sovetskaya Rossiya”, “Nezavisimaya gazeta”, “Rossiya segodnya” and “Argumenty i fakty”.*

Keywords: *political reality, language game, occasional derivation, mass media.*

КОММУНИКАТИВНЫЙ ШОК В СФЕРЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Помимо жестов, характерных для человека, как биологического вида, существуют и жесты, несущие в себе национальную специфику. В статье рассматриваются существующие классификации невербального языка, что помогает выделить особую категорию символических жестов, чья многозначность, т.е. различие в разных культурах, приводит к ситуациям коммуникативного шока. Делается вывод о необходимости методических разработок, которые помогли бы обучаемым совместно с вербальной осваивать и национально-окрашенную невербальную коммуникацию.

Ключевые слова: коммуникативный шок, невербальное коммуникативное поведение, язык жестов, невербальное общение.

Термин «культурный шок», как «осознание резкого расхождения материальных или духовных культур, вступающих в контакт» был введен американским антропологом К. Обергом в 1960 г. [цит. по: Прохоров 2002: 11]. Опираясь на этот термин, Ю. Прохоров и И. Стернин ввели понятие «коммуникативный шок», подразумевая «резкое осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляющееся в условиях непосредственной коммуникации и выражающееся в непонимании, неадекватной интерпретации или прямом отторжении той или иной коммуникативной нормы или традиции народа представителем иной лингвокультурной общности с позиции собственной коммуникативной культуры» [Прохоров 2002: 12].

Мы полностью согласны с Ю. Прохоровым и И. Стерниным, что при преподавании иностранного языка «необходима культурная и дидактическая „профилактика“ коммуникативного шока» [Прохоров 2002: 16], т.е. существует необходимость «системного описания национальных особенностей общения определенной лингвокультурной общности с учетом (в сопоставлении) традиций и правил представителей другой общности» [там же].

В данной статье нас интересует ситуация коммуникативного шока в сфере невербального коммуникативного поведения. Ведь как отмечает известный исследователь невербального поведения Аллан Пиз, «невербальные сигналы оказывают в пять раз более сильное воздействие, чем вербальные» [Пиз 2007: 28].

Альбер Мерабян, пионер в области изучения языка телодвижений, обнаружил, что информация любого сообщения делится следующим образом: 7 % ее передается вербально, то есть словами, 38 % – вокально (тоном голоса, ударением и способом произнесения звуков) и 55 % – невербальными сигналами.

Антрополог Рэй Бердвистелл установил, что вербальный компонент межличностного общения составляет менее 35 %, а свыше 65 % информации передается невербально [Пиз 2007: 14-15].

Соответственно и ситуации переживаемого шока при столкновении с нетипичным для твоей культуры невербальным общением ничуть не меньше шока, вызванного столкновением с иным вербальным лингвокультурным поведением.

Ведь до сих пор остается незабываемым поведение Никиты Хрущева, стучащего ботинком по кафедре Ассамблеи ООН.

Фото: https://censor.net.ua/news/423727/rossiya_ugrojaet_mejdunarodnomu_poryadku_postpred_ssha_pri_oon_pauer



Или вошедший чуть ли в каждую статью по жестам конфуз американского президента Ричарда Никсона, который, выступая с речью в Бразилии, по привычке вскинул вверх руку с соединенными кольцом большим и указательным пальцами. Для него, как и для любого американца, этот жест означал «о`кей». А для бразильцев, как выяснилось, сексуальное оскорбление.

Фото: Richard Nixon Giving the 'OK' // <http://www.gettyimages.com/detail/news-photo/president-elect-richard-nixon-attends-a-state-dinner-with-news-photo/576834766#president-elect-richard-nixon-attends-a-state-dinner-with-governor-of-picture-id576834766>



И из сравнительно свеженького: требование заместителя постоянного представителя России в ООН Владимира Сафронкова, высказанное послу Великобритании в ООН Мэтью Райкрофту: «Ты глаза-то не отводи, что ты глаза отводишь?!»

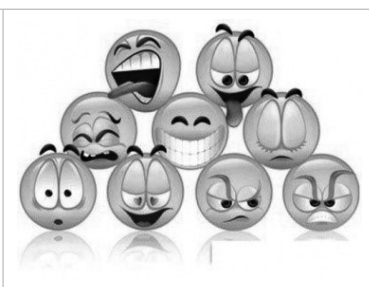
https://www.google.bg/search?q=%D0%A2%D1%8B+%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B7%D0%B0+%D1%82%D0%BE+%D0%BD%D0%B5+%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwiXINWP-IvVAhVBfxoKHbYWCp8Q_AUICygC&biw=1093&bih=485#imgrc=WE_PiODI-dSoM:



Надо отметить, что очень многие – путешественники, журналисты, исследователи – описывают жесты, приводящие иноземца в состояние культурного шока. Однако большинство описаний страдают рядом существенных недостатков. Среди них Ю. Прохоров и И. Стернин отмечают следующие:

- ✓ часто эти исследования не носят специального характера;
- ✓ авторы подобных работ описывают преимущественно экзотические, необычные, резко бросающиеся в глаза особенности общения других народов, большинство же менее ярких остаются в тени;
- ✓ часто такие описания несистемны, фрагментарны;
- ✓ очень часто в данных описаниях допускаются ошибки: или случайные ситуации описываются как характерные для коммуникативного поведения данного народа, или дается неправильная трактовка [Прохоров 2002: 16].
- ✓ Нам бы хотелось добавить еще один существенный недостаток, к перечисленным в труде Ю. Прохорова и И. Стернина: существующие работы не имеют своей целью создать методику преподавания ситуаций, спасающих от культурного шока.

А ведь общение посредством жестов набирает всю большую силу – и уже известные социальные сети – такие как Viber, WhatsApp или Facebook и др. предлагают выражать свои эмоции универсальными рожицами. Но вопрос вот в чем – а универсальны ли рожицы, выражающие наши эмоции?



В своей книге «Язык тела» Дж. Фаст постарался подытожить труд исследователей в этом направлении [Фаст 1995: 26-28]. В частности, он отмечает, что Дарвин, исходя из теории эволюции человеческого рода, считал, что выражения лица, которые служат для передачи различных эмоций, едины для всех человеческих существ вне зависимости от культурной среды.

Однако уже в 50-х гг. два исследователя – Брюнер и Тагири опубликовали исследование, явившееся плодом тридцатилетней работы, в котором доказывалось, что единых и неизменных образцов для выражения эмоций не существует.

14 лет спустя три исследователя: П. Экман, У. Фризен (из Нейропсихологического института Лэнгли Портера в штате Калифорнии) и Соренсон (из национального института неврологических заболеваний и слепоты) обнаружили свидетельства, которые подтвердили положения Ч. Дарвина. Они проводили свое исследование на трех континентах среди

представителей сильно отличающихся друг от друга культур: в Новой Гвинее, на Борнео, в Соединенных Штатах, Бразилии и Японии и пришли к выводу, что показ одного набора фотографий человеческих лиц, на которых были запечатлены различные эмоциональные выражения, вызвал среди представителей всех исследуемых культур одинаковые оценки. Исследователи считали, что мозг человека запрограммирован таким образом, чтобы поднимать уголки губ вверх, когда он испытывает удовлетворение, опускать уголки вниз, когда он чем-то недоволен и так далее – в зависимости от эмоций, которые генерируются в мозгу.

Майк Арджиль приводит перечень жестов-символов, которые имеют почти универсальное значение, т.е. понятны практически всем жителям планеты. К таковым он относит покачивание указательным пальцем для демонстрации недовольства, потирание ладоней в предвкушении чего-либо, хлопанье в ладоши как выражение одобрения, зевки скучающего человека, одобряющее похлопывание по спине, потирание живота в области желудка как признак испытываемого голода [Уэйнрайт 2003: 76].

Все эти выводы, как отмечает Дж. Фаст, «Не противоречат тому, что мы должны также научиться жестам, которые означают одно в одном обществе и нечто иное – в другом обществе» [Фаст 1995: 28]. Ведь по утверждению французского антрополога Бернара Колигена «в каждой стране – свое немое кино» [цит. по: Пронников 1998: 5]. А американский антрополог Рэй Бердвистелл научился определять, на каком языке говорит человек, просто наблюдая за его жестами. Он первым заметил, что подготовленный человек, прослушав выступление оратора по радио, может абсолютно точно определить, какие движения совершал оратор [см. Пиз 2007: 15].

Так повторим вопрос – насколько универсален или, все же, национален язык жестов.

Давайте проведем маленький эксперимент – посчитайте на пальцах от одного до пяти. Аллан и Барбара Пиз отмечают, что европейцы начинают считать с единицы и с большого пальца. Двойке соответствует указательный палец, тройке – средний и т.д. У англосаксов единице соответствует указательный палец, двойке – средний, а пятерка приходится на большой [Пиз 2007: 116]. В отличие от французов, которые при счете разгибают пальцы, начиная с большого, русские их сгибают, начиная с мизинца. Должно быть, это как-то помогает сконцентрироваться, взять ситуацию «в кулак», а себя в руки.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что есть жесты врожденные, универсальные для человека как биологического вида, и есть такие, которые привиты культурой и, в силу культурных различий, несут в себе национальную специфику.

Многие авторы и исследователи не раз предпринимали попытки подвергнуть классификации всю гамму человеческих жестов. Рассмотрим часть этих классификаций.

В качестве рабочего определения примем концепцию антрополога Десмонда Морриса, согласно которому, «жест – это такое действие, которое содержит в себе значимый зрительный сигнал» [цит. по: Пронников 1998: 10]. Согласно этому определению, в самой элементарной классификации жесты можно разделить на:

- первичные – несущие в себе законченное намеренное сообщение;
- вторичные – представляют ненамеренное сообщение. Например, чихание – ненамеренный жест, хотя и несет в себе информацию, что чихающий простужен.

Французский социолог Греймас рассматривает жесты по их роли в звуковой речи [Пронников 1998: 10]:

- практические;
- мифические;
- символические;
- ритмические.

Майкл Арджиль полагает, что жесты выполняют пять основных функций и, соответственно, могут быть распределены на пять категорий:

- иллюстративные и другие сопровождающие речь жесты;
- специальные символы и языки жестов;
- эмоциональные жесты;
- жесты, выражающие особенности личности;
- жесты и движения как атрибуты религиозных культов и других ритуалов.

Пол Экман и Уоллес Фризен также настаивают на пяти категориях, но видят их по-иному [Уэйнрайт 2003: 56-75]:

- символы – заменяют слова;
- иллюстративные жесты – сопутствуют высказыванию;
- жесты-регуляторы – подтверждают роль человека как слушателя или говорящего, а также сигнализируют о смене им своей роли на противоположную;
- жесты-адапторы (почесывание головы, потирание рук или игры какими-то предметами) – помогают понять эмоциональное состояние человека;
- индикаторы эмоций – однозначно отражают эмоции, подобно тому или иному выражению лица.

Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова и Е.Ю. Кашаева также подразделяют жесты на пять категорий в зависимости от предназначения [Введенская 2010: 203]:

- ритмические жесты связаны с ритмикой речи, подчёркивают логическое ударение, замедление и ускорение речи, место пауз, т.е. то, что передает интонация;
- эмоциональные жесты передают оттенки чувств;

- указательные жесты взглядом, кивком головы, рукой, пальцем, ногой, поворотом тела говорящий выделяет какой-то предмет, показывает где он находится;
- изобразительные жесты используются, если не хватает слов или необходимо усилить впечатление и воздействовать на слушающего дополнительно и наглядно.
- символические жесты.

Более развернутую классификацию предлагает антрополог Десмонд Моррис, беря за основу классификации степень информативности [Пронников 1998: 11 - 49]:

- неосознаваемые жесты – действия, совершаемые в силу каких-то усвоенных человечеством, часто неосознаваемых реакций;
- экспрессивные жесты – движения людей, имеющие биологическую основу – улыбки, усмешки, пожимание плечами, смех и кивки головой, взмах руками, вздёргивание бровей и т.д. По мнению Пронникова и Ладанова «Подобные гримасы и жесты характерны людям всех регионов мира. Они различаются лишь в деталях и в контексте проявления, но суть их понятна везде <...> Экспрессивные движения неизменно подвергаются постоянным и значительным культурным влияниям и могут создать ложное впечатление о том, что экспрессивные жесты – местное изобретение, а не универсальные шаблоны человеческого поведения» [Пронников 1998: 13-14].
- жесты-подражания – реакции, при помощи которых человек пытается имитировать какие-то действия другого человека. «Жесты-подражания в силу того, что они представляют собой слепок реальной действительности, понятны буквально всем. Эта группа жестов не имеет своих региональных границ» [Пронников 1998: 15].
- профессиональные жесты специфичны для разных областей профессиональной деятельности;
- жесты-языки – это формальная система языков, например, язык постукивания в тюрьмах, язык флажками и т.д.;
- символические жесты – абстрактное свойство, не имеющее простого эквивалента в мире предметов и движений.

Именно символические жесты являются национальными, ведь «если изобразительный жест связан с конкретными внешними признаками, то жест-символ связан с абстракцией. Его содержание понятно только какому-то народу или определенному коллективу [Введенская 2010: 203]. Отсюда следует вывод – символическим жестам надо обучать так же, как мы учим иностранный язык.

- Многозначные жесты – жесты, которые в разных странах мира имеют различное значение. Нам бы хотелось дополнить к этой классификации,

что многозначные жесты являются подвидом символических жестов и именно они вызывают коммуникативный шок у иностранцев. Например, палец у виска – у немцев и австрийцев он означает «псих!», а в целом ряде африканских культур значит, что человек глубоко задумался. Во Франции палец у виска означает, что человек дурак, а в Голландии, напротив, что он умный. В России у виска крутят, когда хотят показать, что собеседник «немного того», что у него «шарики за ролики».

Вот интересная подборка многозначных символических жестов из «Словаря жестов» Анны Фенько [Фенько 2001]. Речь не об ошибках политиков, скорее иллюстративный материал возможных ошибок.

	<p>Вытягивая руку ладонью вперед, Михаил Горбачев по-гречески обещает смешать всех с грязью.</p>
	<p>Схватившись за мочки ушей, Владимир Путин по-индийски глубоко раскаивается в содеянном.</p>
	<p>Причесывая пальцем бровь, Ирина Хакамада по-арабски намекает, что у ее собеседника нестандартная сексуальная ориентация.</p>
	<p>Потирая указательным пальцем нос, Анатолий Чубайс по-французски предупреждает, что мелким акционерам доверять не стоит.</p>



Билл Клинтон наносит смертельное оскорбление всему арабскому миру, показывая ему подошвы своей обуви. В арабском мире показать подошву обуви считается таким же оскорблением, как на Западе показать человеку средний палец.

А вот уже реальные факты:



Инцидент произошел 14 декабря 2008 г. Во время совместной пресс-конференции Буша и Премьер-министра Ирака Нури Малики в Багдаде, корреспондент египетского телеканала «Аль-Багдадиа» Мунтазар аль-Зейди внезапно поднялся со своего места и со словами «Это подарок от иракцев. Это прощальный поцелуй, ты — собака», кинул в президента США ботинок, потом журналист нагнулся, взял второй ботинок и кинул его.

Фото: Ботинки Буша // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%B8D0%91%D1%83%D1%88%D0%B0>



С начала протестов, которые прокатились арабским миром, обувные демонстрации состоялись в Египте, Йемене, Ливии, где демонстранты выражали свое недовольство, снимая обувь и показывая подошвы.



Обувь в протестах использовала коммунистическая партия Турции, которая в 2008 году протестовала под окнами посольства США в Анкаре. Демонстранты в 2009 году забросали Даунинг-стрит в Лондоне, на которой находится резиденция премьер-министра, чтобы выразить свое несогласие относительно бомбардировки Израилем сектора Газа.



В 2011 году в Египте на площади Тахрир демонстранты разулись во время выступления тогдашнего президента Хосни Мубарака.

Фото: Новые формы протеста 2011: голые, босые и молчаливые. Фоторепортаж // https://censor.net.ua/photo_news/175052/novye_formy_protesta_golye_bosye_i_molchalivye_fotoreportaj. – 14 ноября 2011 г.

Но вернемся к классификации жестов, предложенной Десмондом Морисом. Хотя он выделяет еще несколько видов жестов, по нашему мнению, речь идет скорее о подвидах символических жестов.

- взаимозаменяемые жесты – это разные жесты, передающие один и тот же смысл. Так Десмонд Моррис приводит 12 способов для передачи сообщения «Какая красивая девушка».
- жесты-гибриды – два самостоятельных жеста сливаются в один;
- составные жесты – сливаются отдельные элементы разных жестов;
- жесты-рудименты – доставшиеся нам от прошлых поколений. Д. Моррис различает два подвида: исторические пережитки и поведение детей, перешедшее от ближайших родственников. Например, русский кукиш. Этот жест характерен для многих культур. На Руси о кукише, вероятно, узнали от приезжих немцев, которые таким вульгарным жестом пытались соблазнять русских барышень. Есть даже версия, что «фига» возникла от немецкого выражения *fick-fick machen* (так звучало традиционное немецкое приглашение к интимной близости). Как отмечают Ю. Прохоров и И. Стернин, только в русской традиции символ этого жеста трансформировался в обозначение категорического отказа. Причем со временем «фига» стала использоваться как защитное средство от нечистой силы: видимо, из-за распушенности прибывших из германских земель приравнялись к бесам [20 главных русских жестов].
- ритмические жесты сопровождают речь человека.
- указывающие жесты – это действия, при помощи которых люди указывают направление: пальцем, двумя пальцами, ладонью, головой. К указывающим жестам относится большой палец вверх. В России этот жест означает, что «Всё очень хорошо», аналогично американскому «О.К.». У арабов, турок и греков поднятый вверх большой палец считается фаллическим символом и оскорблением.
- подзывающие жесты – например, движение прижатых друг к другу четырех пальцев, последовательно открывающих и закрывающих ладонь. Но при этом англичане и французы держат ладонь обычно вверх, итальянцы – вниз. Поэтому, когда итальянцы машут рукой в знак прощания, англичане и французы воспринимают этот жест как подзывание. А на Филиппинах за этот безобидный жест можно попасть

в тюрьму! В законодательстве этой страны прямо прописано, что таким образом к себе можно подзывать только собак. Так что придумайте какой-нибудь другой способ подзывать к себе официанта или продавца мороженого на пляже [Саватеева 2015].

- жесты «да» и «нет»;
- приветствия и прощания. Например, русский поклон. На Руси было принято раскланиваться при встрече. Но и поклоны бывали разные. Славяне приветствовали уважаемого человека низким поклоном до земли, иногда даже касаясь или целуя ее. Такой поклон назывался «большим обычаем». Знакомых и друзей встречали «малым обычаем» - поясным поклоном, а незнакомцев почти без обычая: прикладывая руку к сердцу и затем опуская ее вниз. Любой поклон означает смирение перед собеседником и момент незащитности: человек склоняет голову и не видит того, кто перед ним, подставляя ему самое незащитное место своего тела – шею [20 главных русских жестов].

Свою развернутую модель описания невербального коммуникативного поведения, наиболее подходящую для разработки методики преподавания русского невербального поведения, предлагают Ю. Прохоров и И. Стернин [Прохоров 2002: 127-143]. Они говорят о «невербальных сигналах», подразумевая под этим термином «материальные, чувственно воспринимаемые действия с предметами, несущие для собеседников и окружающих определенный, закрепленный данной культурой смысл» [Прохоров 2002: 128]. Среди невербальных сигналов они различают симптомы, символы и знаки.

- симптомы – это невербальные движения, осуществляемые бессознательно и отражающие психическое или физическое состояние участника общения. Симптомы культурно обусловлены, преимущественно представляют собой мимические движения и их сочетания (симптомы страха, радости, удовольствия, задумчивости и т.д.);
- символы (проявление социального символизма) – значения, приписываемые социумом определенным предметам, действиям. Социальные символы непосредственно не участвуют в коммуникации, но несут коммуникативно релевантную информацию, тем самым опосредованно включаясь в процесс обмена информацией между людьми. Например, иномарка, норковая шуба, собственная вилла как символ зажиточности. Социальные невербальные символы имеют ярко выраженную национальную специфику;
- знаки (собственно невербальные сигналы) – это преимущественно сознательно продуцированные невербальные действия, имеющие в данной культуре определенный знаковый смысл, относительно стандартное значение.

Многие невербальные явления могут иметь как знаковую, так и симптоматическую функцию. Основное их отличие, согласно Ю. Прохорову и

И. Стернину, в сознательном продуцировании знаков (собственно сигналов) и незнательных симптомах.

Среди невербальных знаков самую большую группу составляют жесты – значимые движения тела, которые авторы данной классификации подразделяются на следующие разряды:

- номинативные – заменяющие, дополняющие или дублирующие вербальные средства общения (просьбы и побуждения – прийти, сесть, закурить, бис, пора начинать и т.д);
- эмоционально-оценочные – выражающие оценку чего-либо в ходе общения;
- указательные – выделяют предмет и ориентируют собеседника в пространстве;
- риторические – усиливают выражаемое содержание;
- игровые – рожки при фотографировании, подёргивание ушей именинника;
- вспомогательные – физическая помощь себе или собеседнику – взять под руку, подать руку или пальто и др.
- магические – креститься, «держать палец», скрестить пальцы, стук по дереву, имитация плевок через левое плечо, посидеть перед дорогой и др.

Интересно, что языку учат с детства, а жесты усваиваются естественным путем. Хотя никто предварительно не объясняет, не расшифровывает их значение, говорящие правильно понимают и используют их. «Вероятно, объясняется это тем, что жест используется чаще всего не сам по себе, а сопровождает слово, служит для него своеобразным подспорьем, а иногда уточняет его» [Введенская 2010: 202].

Выводы:

1. Помимо жестов, характерных для человека, как биологического вида, существуют и жесты, несущие в себе национальную культурную специфику.
2. Если символические жесты национальны и несут в себе в пять раз больше информации, чем вербальная речь – это значит, что вместе с изучением иностранного языка должен изучаться и язык жестов.
3. Опираясь на предложенные выше классификации языка жестов, необходимо создать работающую модель описания невербального языка.
4. Справившись с вышеописанными задачами, необходимо предложить работающую методику обучения национально-окрашенной невербальной коммуникации.

Литература

- Ботинки Буша // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%82%D1%88%D0%BD%D0%BA%D0%B8_%D0%91%D1%83%D1%88%D0%B0
- B8%D0%BD%D0%BA%D0%B8_%D0%91%D1%83%D1%88%D0%B0

- Введенская 2010: Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
- Новые формы протеста: голые, босые и молчаливые. Фоторепортаж. // https://censor.net.ua/photo_news/175052/novye_formy_protesta_golye_bosye_i_molchalivye_fotoreportaj. – 14 ноября 2011 г.
- Пиз 2007: Пиз Аллан, Пиз Барбара. Новый язык телодвижений: Расширенная версия. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
- Прохоров 2002: Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. – М., 2002. – 277 с.
- Саватеева 2015: Саватеева И. Опасные жесты в разных странах, или «моя твоя не понял. // <http://ppcorn.com/ru/2015/06/22/dangerous-gestures/> . – 22 июня 2015 г.
- Уэнрайт 2003: Уэнрайт Г. Язык тела. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 320 с.
- Фаст 1995: Дж. Фаст. Язык тела. – М.: вече, Персей Аст, 1995. – 224 с.
- Фенько А. Словарь жестов. <https://www.kommersant.ru/doc/254914>. – 24.04.2001
- 7 самых известных жестов и их история. // <https://www.tampereclub.ru/127-7-samyh-izvestnyh-zhestov-i-ih-istoriya.html>. – 10 октября 2010
- 20 главных русских жестов. // <http://russian7.ru/post/20-glavnykh-russkikh-zhestov/>

Konova, Marianna

Sofia University St. Kliment Ohridski, Bulgaria

marianna_konova@abv.bg

COMMUNICATIVE SHOCK IN THE SPHERE OF NON-VERBAL COMMUNICATIVE BEHAVIOUR

Abstract. *Besides the gestures typical of the humans as a biological species, there are also gestures representing national characteristics. The article examines the existing classifications of non-verbal language which help to identify a special category of symbol gestures whose polysemy, i. e. different understanding in different cultures, brings about situations of communicative shock. The conclusion is that methodological guidelines are necessary to help learners master the non-verbal, representing national characteristics communication, along with the verbal communication.*

Keywords: *communicative shock, non-verbal communicative behavior, body language, non-verbal communication*

ЭМОЦИИ В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА: К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ПРОЕКЦИЯХ

***Анотация.** Статья посвящена проблеме исследования концептосферы и языковой картины мира, особенностей репрезентации эмоциональной оценки говорящих на русском языке. Представлен анализ языковых проекций базовых концептов эмоциональной оценки, показаны когнитивные механизмы эмотивно-оценочных речевых действий.*

***Ключевые слова:** концептуализация эмоций, когнитивная интерпретация событий, эмотивно-оценочный компонент значения.*

Вербализованные в языке концепты, или структурированные знания, становятся частью языковой картины мира. Знания об эмоциях, их маркерах, каковыми можно считать эмотивные ситуации и реакции их участников, непосредственно связаны с когнициями, позволяющими коммуникантам идентифицировать любое проявление эмоций. Языковые проекции концептов эмоций сохраняются именно на лексическом и фразеологическом уровнях, поскольку единицы этих уровней относительно устойчивы к влиянию социальных и психологических факторов.

В исследовании концепта представляется значимым утверждение Д.С. Лихачева о том, что его материальным воплощением следует признать слово в одном из основных значений, а не во всей их совокупности [Лихачев 1993: 3-10]. Статус концепта слово приобретает именно тогда, когда оно является национально-культурно специфичным. Говоря о ядерных компонентах эмотивно-оценочных концептов, мы имеем в виду лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют картину мира носителей языка.

С лингвистической точки зрения целесообразен анализ языковых проекций лишь тех эмоций, которые осмысливаются как таковые в обыденном (наивно-языковом) сознании. Данный подход можно считать правомерным еще и в силу того, что, по мнению ряда психологов, донаучные представления об эмоциях обладают большей степенью достоверности и верифицируемости, чем научные.

Концепты эмоций выступают как структуры знания, ментальные образования, которые формируют языковую картину мира говорящих на русском языке, причем для русского языкового сознания одной из ключевых идей «является представление о **непредсказуемости мира**: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него. ...Русский язык обладает

удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нем возможность снять с себя ответственность за собственные действия» [Зализняк Анна 2005: 154].

Представляется интересным семантический и лингвокогнитивный анализ таких концептов, языковые проекции которых включают эмоциональную оценку ситуации и ее компонентов. К таким концептам эмоций можно отнести страдание и радость, репрезентирующие противоположные по оценочному знаку психологические состояния.

Эмоциональные переживания получают положительную или отрицательную оценку в зависимости от того, как соотносится действие, которое человек производит, или воздействие, которому он подвергается, с его потребностями, ценностями, установками. Соответственно положительное эмоциональное воздействие и эмотивная реакция на него получает положительный знак, а отрицательное – отрицательный. Как замечает Е.М. Вольф, радость, наслаждение, симпатия подразумевают переживания типа «удовольствие», для которых характерна оценка «хорошо», а огорчение, гнев, горе - переживания типа «неудовольствие», которые имеют оценочный знак «плохо» [Вольф 1989: 60]. Концепты эмоций, таким образом, формируются в сознании индивидуума параллельно с ценностными ориентирами. Оценка в сознании субъекта связана с осознанием информации о ситуации, когнитивное всегда предшествует эмоциональному.

Действительно, эмоциональные переживания играют важную роль в обработке структуры знаний. Однако сами эмоциональные состояния недоступны прямому визуальному наблюдению, поэтому, как замечает Л.О. Чернейко, «имя фрагмента невидимого мира тяготеет к мифологизированности, а это значит, что оно обрастает такими ассоциациями, которые выражают не логику сознания в его ипостаси мышление, а «логику» бессознательного, вытекающую из индивидуального опыта личности и имеющую статус «приращенного смысла» как результата взаимодействия индивидуума и контекста – внешнего мира» [Чернейко 1997:111]. Процесс концептуализации имени чувства включает и «индивидуальный опыт личности» и жизненный контекст в его интерпретации коллективным сознанием.

Социокультурный опыт человека формирует знания о сценарии ситуации и о стереотипе поведения собеседника, которые программируются в сознании субъекта речи так же, как и в сознании собеседника. Анормативность поведения другого или непредсказуемость исхода ситуации предопределяет вербализованную или невербализованную репрезентацию эмоционального состояния субъекта речи. Эта мысль находит подтверждение в исследовании когнитивной структуры эмоций, проведенном А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом, которые считают, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [Ортони,

Клоур, Коллинз 1996: 318]. Именно интерпретация событий, их идентификация в сознании говорящих создает условия для выражения эмоциональных состояний. Причем субъект речи не только эксплицирует эмоции, но в процессе интерпретации формирует определенное оценочное отношение к ситуации и ее составляющим.

Эмотивно-оценочные концепты *страдание* и *радость* представляют собой два полюса оценки – негативный и позитивный. По данным этимологии, внутренняя форма концепта *радость* такова: «Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение гармонии меня со средой, «заботы» кого-то обо мне, и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому» [Степанов 2004: 453]. Уникальность данного концепта эмоций в русской лингвокультуре заключена в его собственной семантической сфере, которая соотносится со смысловыми доминантами русской языковой личности – приоритет внутреннего чувства над внешним.

Традиционное противопоставление лексических манифестантов концептов эмоций *радость* – *горе*, как представляется, связано с парадигматическими отношениями их ядерных компонентов. Однако эта оппозиция основывается скорее на общей семе – <причина внутреннего состояния> и не затрагивает сему <следствие> (ср. *доставить радость* – *причинить горе*). Семантическая оппозиция *радость* – *страдание* акцентирует внимание на самом внутреннем состоянии, что отражается и в лексикографических дефинициях: «Страдание, - я, ср. 1. Физическая или **нравственная** боль, мучение. *Испытывать страдания. Умереть в страданиях*» [Ожегов, Шведова 1994: 760]; «Радость, -и, ж. 1. Веселое чувство, ощущение большого **душевного** удовлетворения. Испытывать р. Доставить р. Вне себя от р. (очень рад). С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью)» [Ожегов, Шведова 1994: 629].

Концепты эмоций *радость* и *страдание* входят в состав исходных эмотивно-оценочных смыслов, представляя собой основу психического склада личности. Кроме того, рассматриваемые эмоции входят в состав базовых, или фундаментальных, выделенных К. Изардом: 1) интерес – волнение; 2) радость; 3) удивление; 4) горе – страдание; 5) гнев; 6) отвращение; 7) презрение; 8) страх; 9) стыд; 10) вина. [Изард 2007: 64]. Остальные эмоции ученый считает производными, или комплексными, в частности, к таким сложным, комплексным эмоциям относится любовь, которая может сочетать в себе и радость, и страдание.

Потребность в радости предполагает и потребность в конкретных страданиях. Стремясь избавиться от страданий, мы анализируем и постигаем мир. В сознании говорящих на русском языке концепты эмоций *страдание* и *радость* взаимообуславливают друг друга: в пресуппозиции представления о страдании существует знание о том, что оно не бесконечно и всегда сменяется радостью, и наоборот, например: *Кто с вечера плачет, поутру засмеется; Ни*

радости вечной, ни печали бесконечной; Сей слезами, радостию пожнешь. Русское наивно-языковое сознание отражает древнейшие представления о чередовании явлений и событий, желательных и нежелательных для человека.

Концептуализируя эмоциональное состояние радости, русский человек представлял личную радость как эмоциональное индивидуальное действие, и *ликование, веселье* как действия коллективные. Лексемы *радость* и *ликование* различаются не только степенью интенсивности эмоций, но и категорией соборности, которая входит в семантику синонимов *ликование* и *веселье*, например: *Ликование в городе было неслыханное. Во всех церквях служили молебны, все колокола звонили, как в светлое Христово воскресенье...* (А.К. Толстой. Князь Серебряный).

Концепт *страдание* имеет две смысловые линии, отраженные в словарном толковании: <очень сильная физическая или нравственная боль>, причем, как показывает языковой материал, доминирует именно духовная составляющая концепта, например: *Алексей Александрович, увидав слезы Вронского, почувствовал прилив того душевного расстройства, которое производил в нем вид страданий других людей, и, отворачивая лицо, он, не дослушав его слов, поспешно пошел к двери* (Л. Толстой. Анна Каренина).

В русской языковой картине мира концепты *страдание* и *радость* тесно связаны с такой категорией национальной культуры, как *доля*. Ядерный компонент концепта входит в синонимический ряд *судьба, участь, жребий, удел*, доминантой которого является лексема *судьба*. Определяя значения лексемы, А.Д. Шмелев утверждает, что в русском языке под *судьбой* понимаются <события чьей-либо жизни> и <таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни>. Соответственно этим двум значениям лексема *судьба* является доминантой двух различных синонимических рядов: (1) *рок, фатум, фортуна* и (2) *доля, участь, удел, жребий* [Шмелев 2005: 30].

Представляется значимым эмотивно-оценочный компонент смысла ядерной лексемы концепта, входящей в синонимический ряд *доля, участь, удел, жребий* - <таинственная сила, определяющая негативные события чьей-либо жизни, изменить которые человек не в состоянии>. Говоря о негативно-оценочном эмоциональном фоне при употреблении синонимического ряда (2), обратимся к наивной картине мира, отраженной в фольклорных источниках. Например, в русской пословице *Доля есть да воли нет* явно отрицательную оценку получает именно невозможность контролировать судьбу, изменить ее. Для отношения русского человека к *доле* характерна некоторая интимизация, введение данного концепта в структуру внутреннего мира говорящего: это единственное из синонимического ряда существительное, имеющее закрепленную лексикографическую форму субъективной оценки – *долюшка*.

Современное употребление свидетельствует о том, что языковые репрезентации концепта *доля* синтагматически близки ядерному компоненту

концепта эмоций *страдание* (ср. *На его долю выпало много страданий* / *горя, мучений* при невозможности сочетаний с лексемами *радость, удовольствие*), причем временные рамки этого действия охватывают и прошлое, и настоящее.

Нельзя не заметить, что концепты эмоций *страдание* и *радость* тесно связаны с универсальной категорией времени. Как показывают наблюдения над языковыми проекциями концептов, *страдание* осознается как более длительный процесс, нежели *радость*. Однако для последнего характерно представление о подготовительном периоде, предчувствии радости, его меньшей непредсказуемости для человека, чем эмоциональное состояние страдания. Эмоциональный опыт страдания оказывается для русского человека значительнее, чем скоротечные минуты радости: *В большом горе и маленькая радость велика; В страданиях время тянется долго; Натерпишься горя – научишься жить; Ни радости вечной, ни печали бесконечной.*

Эмоциональное отношение человека к окружающему миру, его эмоциональное состояние может измениться под воздействием значения употребленного в речи слова. Еще в 1933 году историк-социолог Норберг Элиас издал в Швейцарии труд «О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования», в котором охарактеризовал современного человека как личность, сдерживающую свои эмоции: слезы, безграничную радость или открытую ненависть. Эмоции предстают как продукт человеческой природы и истории, зависящий от «отношений с другими людьми» [цит. по: Плампер 2010: 14-15]. Концепция Элиаса трактует чувства личности как результат взаимного и культурно варьирующегося влияния эмоционального выражения индивидов. Кроме того, эмоциональное поле целого коллектива (нации, этноса) расценивается ученым как результат взаимодействия членов этого коллектива друг на друга.

Преднамеренное обращение к эмотивам (языковым единицам, предназначенным для выражения эмоций) в речи может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. К эмотивам, входящим в семантическое поле концепта *радость*, можно отнести следующие фразеологические единицы и междометные предложения: *Быть на седьмом небе, на верху блаженства; Слава Богу (Слава те (тебе) господи! Будет и на нашей улице праздник! Любо-дорого! Как (будто, словно, точно) маслом по сердцу; На радостях и т.п.* Лексема *радость*, как свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, оказывается более частотной в основном корпусе, чем слово *страдание*: на 6415 документов более 18 тысяч вхождений лексемы *радость*, тогда как *страдание* - на 1387 документов 2823 вхождения.

Эмотивы, определяющие языковые репрезентации концепта *страдание*, не отличаются разнообразием, что, вероятно, связано с нежелательностью самого чувства для человека и невозможностью выразить его публично. К подобным эмотивам можно отнести паремиологические единицы с ключевыми

словами *сердце и душа*, которые в русском языковом сознании предстают как вместилища страданий: *нож в сердце, сердце кровью обливается, сердце екает, замирает, падает, отрывается; до глубины души, душа болит, перевернуть всю душу и т.п.* Языковые проекции концепта связаны с необходимостью реализации стратегии утешения, сочувствия, сострадания к субъекту эмоций. Однако названная стратегия, обусловленная культурно-историческими факторами, может подвергаться изменениям под воздействием «эмоционального режима». Понятие «эмоциональный режим», введенное этнографом-историком Уильямом Редди, включает представление о том, что когнитивная интерпретация событий в сознании человека может измениться под влиянием целенаправленного контроля за эмоциями. Под термином «эмоциональный режим» Редди понимает «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют, необходимый фундамент любого стабильного политического режима» [Цит. по: Плампер 2010: 22]. Как правило, реализация этих практик и нормативных эмоций происходит в масс-медиа.

Современный газетный подкорпус Национального корпуса русского языка отражает частотность употребления ядерного компонента концепта *радость*: на 4912 документов 5511 вхождений данной лексемы, что превышает по частотности использования в речи, в тексте лексемы *страдание*: на 162 документа 173 вхождения. Статистика распределения функционирования рассматриваемых лексических единиц – имен концептов эмоций радости и страдания – от 1800 до 2014 года показывает картину изменения их употребления, связанного, очевидно, с историческими и культурными событиями в жизни народа. Например, слово *радость* в 1945 году насчитывает 90 употреблений на 1 млн словоформ, но уже в 1950 году уровень снижается до 60 употреблений, незначительное повышение наблюдается в 1960 году, период «оттепели» в культурной жизни страны. В 1983 году, начало «перестройки», - 112 употреблений, но уже к 2010 году происходит снижение – до 35 употреблений на 1 млн. словоформ. Другую статистическую динамику претерпевает лексема *страдание*. Наибольшее число употреблений приходится на 1845 год (22 на 1 млн.), 1986 г. (18 на 1 млн.) и 2013 г. (23 на 1 млн.), между этими временными точками наблюдается то незначительное увеличение, то снижение употребления. Вероятно, середина и конец XIX века – расцвет русской психологической прозы, которая отражала реалии того времени и общенародные идеи христианства: любовь и милосердие к страданиям ближнего. Современный «эмоциональный режим» во многом определяется средствами массовой информации, для которой радостные события оказываются не столь информативно ценными, чем негативные, связанные со страданиями других людей вследствие катастроф, войн и т.п.

Риторическое мышление, характерное для современного человека, актуализирует определенные прагматические цели, связанные трансформацией культурно значимой русской идеи о приоритете внутреннего, духовного, над

внешним, материальным. Об этом еще в 1938 году писал известный немецкий философ Вальтер Шубарт в книге «Европа и душа Востока»: «Человек цели настроен враждебно к жизни, человек с выразительным мышлением позволяет жизни действовать через себя и чувствует себя счастливым. Целевое мышление есть форма мысли властного человека; выразительное мышление есть форма мысли отдающей себя души. Чувство предшествует мысли. Это утверждение не может признать западный человек, не доверяющий чувственной жизни. Но в этом утверждении клятвенно убежден русский. Жизнеощущение, то есть иррациональная часть души, - это центральная сила, диктующая человеку то, о чем и как он мыслит. О чем бы он ни думал, происходит высвобождение душевных сил. Это образ мышления поэтов. Духовно развитый русский по сути своей – поэт...» [цит. по: Ирзабеков 2013: 287].

Таким образом, концептуализируя эмоции, русский человек прежде всего понимает их как отношение к другому, как отношение с другим. Именно поэтому в фольклорных источниках обнаруживается устойчивая пара *радость-веселье*, поскольку сочетания «поделиться радостью» или «излить горе» в русском языковом сознании всегда предполагают, что «Я» соединяется с «ты» посредством «мы» [Колесов 1999: 136], например: *Мы пойдёмте, мужики, да разгуляемтесь, Ноньку с радости теперь да со весельица...* (Плач о старосте. Барсов 1872). Русская ментальность предполагает нежесткую модель, именно поэтому в ее парадигме существует «возможность выбора: между **радостью** и коллективным **весельем**, между собственной **правдой** и абсолютной **истиной**, между личным **горем** и народной **бедой**» [Колесов 1999: 161].

В русском языковом сознании эмоции «очеловечиваются», обладая свойствами непредсказуемости и неконтролируемости. Это определяет тесную связь концептов эмоций *страдание* и *радость* с ключевыми концептами русской культуры – *судьба, доля, душа*. Кроме того, оценка реальной действительности в сознании русского человека изменяется, следовательно, и рамки языковых проекций концептов оказываются зависимыми от социокультурных условий, опосредованно формирующих языковую картину мира.

Литература

- Вежбицкая 2011 – Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011.
- Вольф 1989 – Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 55-75.
- Зализняк 2005 – Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира. //Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 153-174.
- Изард 2006 – Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2006.

- Ирзабеков 2013 – Ирзабеков Василий (Фазиль). Русское солнце, или Новые тайны русского слова. – М: Даниловский благовестник, 2013 г. – 496 с.
- Колесов 1999 – Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург: «Златоуст», 1999.
- Лихачев 1993 – Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1993. Т. 52, №1.
- Ожегов, Шведова 1994 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
- Ортони, Клоур, Коллинз 1996 – Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций. // Язык и интеллект. – М., 1996. С. 314-385.
- Плампер 2010 – Плампер Ян. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 11-37.
- Святитель Иоанн Златоуст 2013 – Святитель Иоанн Златоуст: житие, поучения, церковное почитание, молитвы, акафист, канон / Сост. В. Чернов. – М.: Николин день, Артос-Медиа, 2013. – 576 с.
- Степанов 2004 – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.
- Чернейко 1997 – Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Шмелев 2005 – Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 25-36.

Korostova, Svetlana

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

svetolen@yandex.ru

EMOTIONS IN THE RUSSIAN WORLD-VIEW: REVISITING LINGUISTIC PROJECTIONS

***Abstract.** The article is dedicated to researching the concepto-sphere and the linguistic world view, as well as the peculiarities of representing emotional evaluations of the Russian language speakers. It analyzes the linguistic projections of basic concepts for emotional evaluation, shows the cognitive mechanisms for emotive-evaluative actions of speech.*

***Keywords:** conceptualization of emotions, cognitive interpretation of events, emotive-evaluative component of meaning.*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОГНИТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

***Анотация.** Статья посвящена проблеме исследования словообразовательных категорий русского языка с позиций когнитивной лингвистики. Очерчен круг основных достижений когнитивного словообразования (выявление сущности словообразовательной категоризации, создание когнитивных типологий словообразовательных категорий и др.). Обозначены некоторые перспективы развития словообразовательной теории в когнитивном аспекте, отмечена эффективность количественных методов исследования словообразовательных категорий.*

***Ключевые слова:** словообразовательная категория, русский язык, когнитивное словообразование.*

Русский язык выделяется на фоне многих языков мира развитым морфемным словообразованием, в системной организации которого важнейшую роль играют **словообразовательные категории** (далее СК). Этим термином в дериватологии именуют моделирующую и классифицирующую макроединицу словообразовательной системы наивысшего уровня обобщения, структуру которой организуют словообразовательные типы с общим словообразовательным значением. По утверждению Е.А. Земской, «производные слова рождаются и живут преимущественно в пределах словообразовательных типов, а сами словообразовательные типы, не как схемы построения слов, а как рамки, включающие и готовые слова, и модели построения новых слов, живут, функционируют и взаимодействуют в пределах словообразовательных категорий различной степени абстракции» [Земская 1992: 27].

Подобный подход всецело соответствует современным взглядам на **языковые категории**, которые рассматриваются как способ представления **когнитивных категорий** и признаны в этом качестве высшей формой манифестации системности в языке¹. Акад. В.В. Виноградов вполне определённо связывал истоки теории СК с именами учёных *Казанской лингвистической школы*, ср.: «Уже Крушевский и Богородицкий выдвигают, как основу словообразования, учение о словообразовательных категориях» [Виноградов 1952: 119]. Основатель школы И.А. Бодуэн де Куртенэ приписывал языковым категориям роль важнейшего стержневого конституэнта системы естественного языка:

¹ См. работы А.А. Потебни, О. Есперсена, В.В. Виноградова, Э. Бенвениста, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, А.В. Бондарко, Е.А. Земской и др.

последний осмысливается им как «составленный из частей, то есть как сумма разнородных категорий, находящихся между собой в тесной органической (внутренней) связи» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 19]. Учёный настаивал на необходимости отличать «категории языка» от «категорий языковедения»: «Известные системы, известные семьи и другие категории языка, связанные силою бессознательного обобщения», осмысливаются им как «то, что живёт в языке», т.е. имеет субстанциональную сущность, тогда как категории языковедения – это научные «абстракции», «чистые отвлечения» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 14].

Широко известен фрагмент докторской диссертации Крушевского «Очерк науки о языке», который можно считать одним из ранних истоков когнитивистики, начальной ступенью её развития: «...область называемого, мир понятий представляет известное число общих категорий, как предмет, его признак, его действия и проч. Каждая из этих категорий имеет свою более или менее обширную семью; представления о предметах действующих, о предметах, испытывающих действие других предметов, о служащих орудием при действии и проч., составляют одну семью, представления о действиях, принадлежащих настоящему времени, прошлому или будущему, о действиях мгновенных и продолжительных и проч., составляют другую семью или систему. Язык не был бы пригоден для той цели, для которой он существует, если бы упомянутым системам понятий не соответствовали ... системы словесных типов» [Крушевский 1883: 108-109].

Впервые за всю историю развития языкознания Крушевский обращает внимание на то, что подобные «системы словесных типов» существуют не только в грамматике, но и в области словообразования: «все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» [Крушевский 1883: 109]. Автор «Очерка...» подчёркивает, говоря современным языком, когнитивную значимость этих систем: «Мы убедились здесь, что есть *типы слов и системы этих типов*, соответствующие *системам понятий*» [Крушевский 1883: 124] (курсив наш. – В.К.) (ср. укоренившийся в лингвистике взгляд на СК как систему словообразовательных типов с общим значением). Таким образом, в диссертации Н.В. Крушевского изложены представления о СК (без использования этого термина), которые практически в полном объёме унаследованы современной теорией словообразования.

В.А. Богородицкий, ещё один известный казанский ученик Бодуэна де Куртенэ, определял язык как наиболее совершенное средство обмена мыслями и как «орудие мысли», как «показатель успехов классифицирующей деятельности ума», подчёркивая при этом, что «элементы языка воплощают успехи познающей мысли и в свою очередь служат исходною точкою для последующего развития её» [Богородицкий 1915: 6-7]. Результаты

классифицирующей мысли – группы однородных явлений и предметов мира – закрепляются в языке, по утверждению учёного, при помощи суффиксов (суффикс *-тель*, например, обозначает разного рода деятелей, *-ние* или *-тие* – действия, «даже такая частная группа, как ягоды, отмечена особым суффиксом *-ика* или *-ника*» [там же: 7]. Подобные группы в «Лекциях по общему языковедению» профессора Богородицкого впервые в истории лингвистики названы «категориями словообразования»: «...ассоциируемые по сходству слова могут представлять различные степени этого сходства, что ведёт к образованию категорий склонения, спряжения и вообще словообразования с их более частными группами и типами» [там же: 157].

Главное достижение В.А. Богородицкого в этой области заключается в создании первого в истории языкознания описания деривационной (в широком понимании) системы русского языка в виде совокупности категорий. Наиболее полно описана система категорий суффиксального словообразования имени существительного. Богородицкий использует при этом не традиционный для грамматических исследований семасиологический ракурс анализа, а ономасиологический подход (от значения – к форме). Это позволило учёному «вопрос о суффиксах имён существительных свести на вопрос о суффиксальных категориях, посредством которых классифицируется в русском языке всё разнообразие предметов мира» [Богородицкий 1935: 136].

В дальнейшем, вплоть до последних десятилетий XX в., динамика исследования СК русского языка была выражена довольно слабо. В «Русской грамматике» (1980) за основную единицу представления словообразовательной системы русского языка принят словообразовательный тип, то есть единица формально-функциональная, что противоречит традиционному для российского языкознания категориальному принципу описания языковой системы. По заключению И.Г. Милославского, «этот подход <...> органично вписывался в научную парадигму русской лингвистики третьей четверти прошлого века, когда знания о языке рассматривались как самодовлеющая ценность» [Милославский 2006: 112].

Новый импульс изучению СК придало развитие в языкознании конца XX столетия антропоцентрической парадигмы знаний, которую иначе называют когнитивно-дискурсивной. Когнитивная лингвистика выработала собственные методы и подходы к решению проблем языковой категориальности, результатом чего стало обоснование новых взглядов на природу, строение и видовое многообразие языковых категорий. Изучение словообразовательных категорий заведомо имеет когнитивную направленность, поскольку оно базируется на идее примата содержания над формой, открывая путь к исследованию языкового сознания.

Огромный вклад в изучение СК с когнитивных позиций внесла Е.С. Кубрякова. По убеждению учёного, «именно корреляции формы и содержания в каждой модели производного слова обладают когнитивной значимостью»

[Кубрякова 2006а: 79]. Корреляции такого рода фиксируются рамками словообразовательных типов и объединяющих эти типы на семантической основе словообразовательных категорий: «Структуры знания одного порядка формируют не только словообразовательные ряды, но и соответствующие им категории, или ментальные пространства нашего лексикона, откуда они затем извлекаются по мере необходимости в актах речи. <...> маркированность категории особой словообразовательной приметой облегчает доступ к ней как в момент порождения речи, так и в момент её восприятия: с упорядоченной информацией мозг человека справляется гораздо проще, чем с неупорядоченной» [Кубрякова 2006а: 82].

Важным достижением когнитивной дериватологии рубежа веков стало доказательство пропозициональной природы словообразовательного значения производных слов. Было установлено, что пропозиция, т.е. универсальная для всех языков мира логико-понятийная схема, является базовой структурой не только для построения предложения, фразы, но и для производного слова (ср. распространённое представление о словообразовании как о «малом синтаксисе»). Актанты, формирующие пропозицию (субъект, объект, место, инструмент, цель и др.), отражают самые широкие универсальные концепты, наиболее значимые для называния реалий мира. СК являются способом языковой репрезентации этих и других обобщённых понятий, которые могут передаваться в данном языке также грамматическими и лексическими средствами. Указывая на единую содержательную (понятийную) платформу словообразовательных и грамматических категорий (ср.: «<словообразовательные категории> выявляют самые «высокие», обязательные для построения грамматических категорий концепты»), Е.С. Кубрякова подчёркивает специфичность первых, состоящую в том, что категории словообразования демонстрируют реальные возможности комбинаторики концептов внутри отдельных разрядов дериватов – те «аранжировки», которые характерны для изучаемого конкретного языка.

Таким образом, форма представления мыслительного содержания в производных словах и, соответственно, словообразовательных категориях уникальна: это всегда не один концепт, как в лексике или грамматике, а сочетание, комбинация двух (реже – трёх и более) пропозиционально связанных концептов. Так, например, в рамках СК деятеля объединены производные слова, называющие лицо по действию (*строитель, учётик, спаситель, ворчун*), по объекту действия (*нефтяник, часовщик*), по месту действия (*банщик, аптекарь*), по инструменту или средству действия (*таксист, трубач*), по времени действия (*зимовщик*) и т.п. СК языка, в совокупности с грамматическими, наиболее релевантны для исследования языковой картины мира, поскольку они задают «ту сетку координат, в рамках которой осуществлялось и осуществляется виденье мира, его осмысление, понимание разных типов взаимодействия человека с окружающей его средой» [Кубрякова 2006б: 8-9].

Словообразование референциально неоднородно: с одной стороны, производное слово может отражать естественные связи материальных

объектов, называя, например, мясо животного (*телятина, баранина*) или группы деревьев, кустарников (*орешник, ольховник*). С другой стороны, многие словообразовательные типы формализуют связи предельно широких понятий и ориентированы на передачу абстрактных значений, близких к грамматическим (отвлечённое действие или признак и т. п.). Размышляя над обозначенной особенностью словообразования, Е.С. Кубрякова приходит к выводу о нетождественности функций СК в процессах концептуализации и категоризации мира, поскольку создание производных слов направлено на систематизацию разных аспектов человеческого опыта.

Конкретно-чувственный, сенсомоторный опыт запечатлён, по мысли учёного, в *отражательных* категориях, которым можно найти соответствия в мире вещей, в предметном мире, в мире онтологическом. В качестве примера категорий этого типа названы небольшие группировки внутри больших категорий, такие, как категории вместилищ (*коровник; сахарница*); родовые обозначения животных (названия самок – *лисица, тигрица*) и др. Категории второго типа Е.С. Кубрякова называет по-разному: *номинальными, концептуальными, абстрактными*, считая главным их свойством то, что «у них нет прямых соответствий в окружающей нас действительности – они выделены человеческим разумом, но суть их закрепляется в языке только благодаря операциям со знаками. <...> Обозначаемым предметом является здесь исключительно предмет мысли, концептуальная структура, собранная и представленная как нечто целостное именно разумом, в виде своеобразного конструкта» [Кубрякова 2006б: 11-12]. Примером категорий этого типа служат СК отвлечённого действия, отвлечённого признака, относительных прилагательных. На фиксирование в производном слове мнения и оценки мира как особых структур знания ориентированы категории, именуемые создателем данной классификации *оценочными* или *экспрессивно-эмоциональными*.

Весьма продуктивной для раскрытия когнитивной специфики СК представляется идея выявления преобладающего (ведущего) аспекта их семантики. Общеизвестно, что каждый языковой знак, в том числе производное слово, онтологически характеризуется тремя составляющими плана содержания – денотативной, сигнификативной, коннотативной. Денотат (экстенционал, референт) – феномен внешнего мира, «вещные» объекты внеязыковой действительности (предметы, свойства, процессы). Сигнификат языкового знака (интенционал) – феномен внутреннего мира, смысл, обыденное понятие. Коннотация (эмоционально-оценочный и стилистический компонент) – отражение эмоционально-ценностного отношения человека к миру и знаниям о мире. Создание и функционирование производного слова всегда ориентировано в большей степени, в соответствии с семантической спецификой категориального компонента словообразовательного значения, на один из названных планов содержания: на номинацию объектов реального мира (сфера преобладания денотации), либо на обозначение более абстрактных понятий, мыслительных представлений о свойствах реалий мира (сфера

преобладания сигнификации), либо на выражение ценностно-эмоционального отношения к называемому (сфера преобладания коннотации, прагматикон). Эта закономерность была использована В.В. Волковым в качестве основы для когнитивной классификации словообразовательных значений и соответствующих СК, разработанной в связи с изучением когнитивных механизмов деадъективного словообразования в русском языке. Учёный разграничивает следующие типы СК:

- **номинативно ориентированные** (например, мутационные категории лица (*старик*) и конкретного предмета (*желток*)),
- **сигнификативно ориентированные** (например, транспозитивные категории субстантивности (*быстрота*) и наречности (*быстро*), характеризующиеся «простым переодеванием морфологических одежд»; модификационные категории градуальности (*грустноватый, прегрустный*) и отрицания (*небольшой*), характеризующиеся «суммированием смыслов»: лексического и деривационного; мутационные категории инхоативности (*веселеть*), проявления признака (*веселиться*), каузативности (*веселить*), характеризующиеся приращением и трансформацией смыслов, образованием новых смыслов);
- **коннотативно ориентированные** (например, модификационная СК оценочности (мелиоративности), характеризующаяся суммированием лексического и эмоционально-оценочного смыслов (*тёпленький, плоховатый, развесёлый, большущий*) [Волков 1993: 190].

Потенциал дальнейшего развития теории СК с позиций когнитивного подхода видится нам в возможности углубления знаний о специфике ментальных структур, соответствующих категориальным словообразовательным значениям разного типа. Так, например, Т.В. Попова, характеризуя словообразовательную глагольную семантику, различает две когнитивные модели: **пропозициональные** – у производных мутационного типа (*учительствовать – быть учителем*) – и **схематические** – у производных глаголов модификационного типа, значения которых «задают разные модели отражения ситуации, видоизменяя последнюю в количественном, темпоральном, субъектно-объектном и иных аспектах» (*говорить – заговорить, гулять – погулять, писать – переписываться*) [Попова 2004]. В работах Т.В. Шмелёвой значения второго типа характеризуются как **припропозиитивные** – внешние к пропозиции, но «прикреплённые» к ней, «обслуживающие» её [Шмелёва 1988: 9-10].

Весьма убедительны, на наш взгляд, результаты когнитивного анализа производных русских глаголов, семантика которых рассматривается Н.Б. Лебедевой как **полипропозиитивная, полиситуативная, полисобытийная** [Лебедева 2010: 27 и след.]. Перспективность данного подхода видится нам в том, что он вооружает дериватологов специфическим инструментарием исследования производной глагольной семантики, наиболее сложной для анализа в силу своего признакового характера. В наших исследованиях

элементы этой методики были использованы, в частности, при анализе СК «каузация состояния», подтвердив на языковом материале правомерность типологического противопоставления монопропозициональных и полипропозициональных СК [Косова 2015].

В ряде современных грамматических исследований когнитивной направленности, как известно, с недавних пор успешно применяются квантитативные методы, опирающиеся на материалы языковых корпусов, в частности Google Books (см., например [Galeev, Solovyev 2016]). Эффективность их применения в лингвистике, в том числе в когнитивном словообразовании, неоспорима, поскольку они позволяют превратить обычную структурную модель языка в структурно-вероятностную модель, в которой учитываются результаты статистического анализа текстов. Эта модель оперирует огромным массивом языковых данных, измеряя их и количественно сопоставляя, т.е. служит надёжным инструментом верификации выводов о динамике языковых изменений на категориальном, т.е. высшем, уровне анализа. В когнитивной дериватологии, вне сомнений, подобные квантитативные методики также будут востребованы.

Литература

- Богородицкий 1915 – Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1915. – 332 с.
- Богородицкий 1935 – Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – 5-е изд., перераб. – М.-Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. – 356 с.
- Бодуэн де Куртенэ 2010 – Бодуэн де Куртенэ И.А. Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 216 с.
- Виноградов 1952 – Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). // Вопросы теории и истории языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 99-152.
- Волков 1993 – Волков В.В. Деадъективное словообразование в русском языке. – Ужгород: Ужгор. гос. ун-т, 1993. – 300 с.
- Земская 1992 – Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 222 с.
- Косова 2015 – Косова В.А. Словообразовательная категория каузации состояния в русском языке: опыт лингво-когнитивного анализа. // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). – Т. 4. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 87-92.
- Крушевский 1883 – Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1883. – 148 с.
- Кубрякова 2006а – Кубрякова Е.С. О когнитивном подходе к производному слову // Славистика: синхрония и диахрония: Сб. науч. ст. к 70-летию И.С. Улуханова. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 77–83.

- Кубрякова 2006б – Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 3–13.
- Лебедева 2010 – Лебедева Н.Б. Полиситуативный анализ глагольной лексики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
- Милославский 2006 – Милославский И.Г. Учение о русском словообразовании в изменчивой научной парадигме лингвистики. // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. науч. статей к 70-летию И.С. Улуханова. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 112-120.
- Попова 2004 – Попова Т.В. Словообразовательная семантика русского глагола в зеркале когнитивной лингвистики. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 8. – Екатеринбург, УрГУ, 2004. – С. 11-21.
- Шмелёва 1988 – Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. – Красноярск, 1988. – 54 с.
- Galeev, Solovyev 2016 – Galeev T.I., Solovyev V.D. Methods of application of modern text corpora in the study of the morphological system of russian verbs unification of i productive (irregular) class of verbs. Quantitative model based of Google Books. // Modern Journal of Language Teaching Methods. - 2016. - Vol., Is. - P.177-180.

Работы выполнены в рамках реализации гранта РФФИ № 16-06-00165 «Когнитивная модель словоизменительной глагольной парадигмы в русском языке: квантитативный анализ динамики частотности словоформ».

Kosova, Vera

Kazan Federal University, Russia

vera_kosova@mail.ru

CATEGORIES OF WORD FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN COGNITIVE INTERPRETATION: SOURCES AND PERSPECTIVES OF RESEARCH

Abstract. *The article is devoted to the problem of the investigation of word formation categories of the Russian language from the point of view of cognitive linguistics. The author outlines the main achievements of cognitive word formation (revelation of the essence of word-formative categorization, creation of cognitive typologies of the categories of word formation etc.). The author outlines some perspectives of the development of the theory of word formation in the cognitive aspect, and points out that the quantitative methods of investigation of word formation categories are quite effective.*

Keywords: *word-formation category, Russian language, cognitive word-formation.*

КАЛАМБУР В НОВЫХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ЖАНРАХ

Анотация. В докладе речь пойдет о каламбуре в новых юмористических графических интернет-жанрах, о его разновидностях, лексических и грамматических характеристиках.

Ключевые слова: полисемантический, омонимический, паронимический, аппликативный каламбур, интернет-коммуникация; жанр.

Попытайтесь представить себе день без хотя бы минуты, проведенной во всемирной паутине! Кажется, что это практически невозможно!

- А какой здесь пароль у Wi-Fi?
- Вы в реанимации.
- Большими или маленькими?

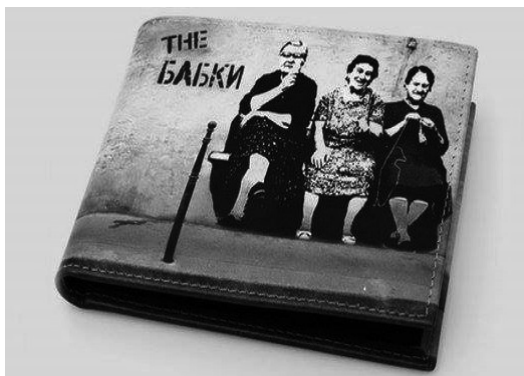
Незаметно для самих нас, сегодня, мы все чаще взаимодействуем не с реальными людьми, объектами или явлениями, а с их знаково-символическими отражениями в Сети. Тем самым, мы позволяем Интернету оказывать влияние и обуславливать процесс и качество нашего повседневного общения. Заходя в любой браузер, внимание к языку, речи и их составляющим значительно увеличивается, и в то же самое время, «повышенная метаязыковая рефлексия в интернет-коммуникации сказывается в распространении игрового и экспериментирующего отношения к языковой ткани общения – к графике, орфографии, словам» [Мечковская 2009: 485].

Целью нашего доклада является рассмотрение одного из подобных экспериментов – лингвокреативной деятельности в юмористических «закаулках» Сети, речетворчества, реализующегося посредством каламбура. Не ставя перед собой цель дать исчерпывающее описание всех видов **каламбуров**, имеющих место в Интернете, анализ ориентирован на его новые графические жанры, в которых каламбур имеет собственную специфику.

Многоаспектное научное освещение самого понятия «каламбур» в мировом языкознании говорит о неугасающем интересе исследователей к раскрытию природы этого неоднозначного явления. Существует множество диаметрально противоположных интерпретаций, которые воспринимают каламбур как синоним понятия «игра слов», т. е. только как одну из разновидностей языковой игры, причем самую типичную и яркую [Санников, Земская, Щербина], или разграничивают эти два понятия, воспринимая их как самостоятельные стилистические приемы, представляя каламбур как разновидность игры слов [Влахов, Флорин] Однако, мнения ученых сходятся в одном: в основе

каламбура всегда лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц творческим использованием языковых единиц, а благодаря его двуплановости используется свойство игры слов для предоставления максимальных сведений посредством небольшого числа языковых единиц.

Примером удачного применения игрового приема каламбуризации в Интернете, основанного на двуплановости смысла, может послужить фотография бумажника с надписью «THE БАБКИ», по аналогии с нашумевшим литературным романом С. Минаева «The Телки» (*телка*, -и, *ж.р.* девушка [СРА]) и фотографией пожилых дам на нем. Она предлагает нам весьма свободное (творческое) толкование существительного *бабки*: 1) как формы мн.ч. просторечного слова *бабка* (старая женщина) и его связи с напечатанным на кошельке рисунком или 2) как жаргонного слова *бабки* (*pluralia tantum*) в значении *деньги* в сочетании с нашим знанием предназначения самого бумажника – это складывающийся вдвое карманный плоский портфельчик с несколькими отделениями, без ручки и обычно без запора, для ношения бумажных денег, документов [СОШ: 2003].



Динамическое развитие и возрастающее влияние Интернета провоцирует многих филологов, социо- и психолингвистов обратить внимание на возможности и способы виртуального общения с многомиллионными адресатами в Сети. Их исследования выявили, что неожиданность, необычность и отклонение от нормы, как в приведенном примере выше, в самой значительной мере привлекают внимание широких масс и даже могут повлиять на восприятие сообщаемого. Этим мы объясняем то разнообразие примеров употребления каламбура в постоянно возникающих жанрах интернет-пространства. Мы сравниваем удачно сложившийся в них каламбур с неким видом искусства, определяя его основную цель как создание конкретного, чаще всего, комического эффекта. Разумеется, спектр разновидностей комического здесь достаточно широкий – от юмора и простой иронии до сатиры и гротеска. Под их маской каламбур дает уникальную возможность перешагнуть через табу, высказать то, о чем по одной или другой социальной, культурной или

моральной причине нельзя говорить открыто, ибо, как писал Аристотель «смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдание и ни для кого не пагубное» [Аристотель 1957: 53].

Если рассматривать проявления каламбура конкретно в графических юмористических жанрах Интернета, то он может охватывать разные уровни языковой системы.

I. *Фонетический:*

- Вы любите Кафку?
- Да, гречневую!

В данном постере автор осуществляет нарочитое столкновение паронимов или разнокорневых слов со сходным звучанием: Кафка (немецкий писатель Франц Кафка) и кашка (уменьш. суф., ед. ч. «каша»). Адресату предоставляется вызов восстановить разговорно-уменьшительное слово «кашка», благодаря искаженному в ответе слову «гречневая». В приведенном примере, реализация каламбурного приема возможна исключительно в соответствующем контекстном окружении (ответе на вопрос).

II. *Лексический* – из наиболее широко присутствующих в российских юмористических интернет-жанрах каламбуров, функционирование которых можно отнести к лексическому уровню, нами зафиксированы случаи употребления следующих типов каламбуров: **полисемантических, омонимических, паронимических, фразеологических** и др. Например:

Спрашиваю сегодня сына:

- У вас в садике топят?
- Нет, пока только в угол ставят.

Игровой текст разговора, отраженный в примере, базируется на наложении двух семантических пластов при использовании **многозначности** глагола *топить* в рамках контекста: 1) *обогреть холодное помещение*, и 2) *т. кого-то* – заставлять тонуть. При многозначности конкретизация смысла обыгрываемого слова не происходит сразу. Чтобы раскодировать каламбур, адресату необходимы доли секунды для восстановления логических связей между знакомыми ему значениями полисемантического слова. В течение этого времени воссоздается не только языковая связь с другими значениями многозначного слова, но и актуализируются необходимые фоновые социокультурные знания, а затем рождаются эмоции и личная оценка к высказыванию.

В каламбурную игру на основе *омонимии* авторы включают различные типы омонимов, но наши наблюдения показывают, что свое серьезное место в интернете занимают этимологические, возникающие в результате случайного сходства или совпадения слов и их значений. Мы относим данный прием к ложной этимологии, которая толкует происхождение слова, не опираясь на его реальную историю и не основываясь на законах развития языка:

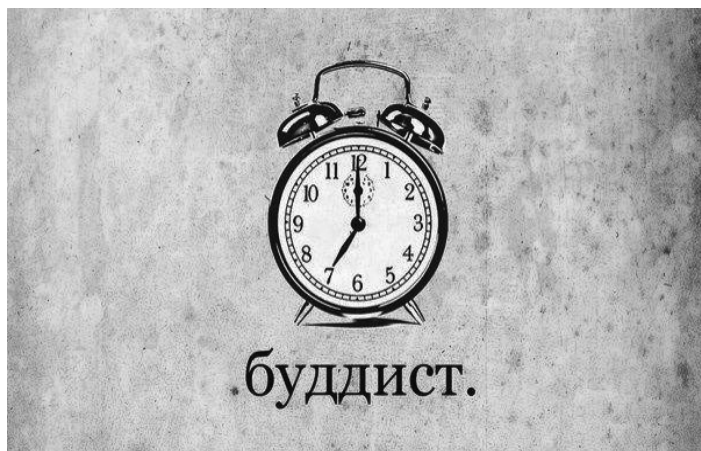


В стремлении привлечь внимание возможно большего количества адресатов автор обновил способ выражения своей мысли. Он воспользовался оригинальной иллюстрацией сидящих в одной группе типичных австралийских животных коал, подписав картину исключительно употребительным в сегодняшнем политизированном пространстве (близким по своему звуковому составу со словом *коала*) словом *коалиция*. Коалиция (от лат. *coalitio*) – добровольное объединение более, чем двух лиц или групп (чаще всего политически активных) для достижения определённой цели. В отличие от других типов союза, все члены коалиции являются самостоятельными по отношению к не связанным с целью коалиции делам. После достижения цели союз может распасться, что вызовет распад коалиции.

Лингвистический юмор здесь связан с непривычным употреблением языковых средств в нетипичном контексте. Это приводит к двусмысленности и новой, не связанной с действительностью трактовке увиденного и затем прочитанного. «Для осмысления „ребусности” примера требуются определенные умственные усилия адресата. Угадать подразумеваемое, расшифровывая подтекст, – это неременное условие реализации комического потенциала примененных выразительных средств, однако для этого необходимо наличие у адресата соответствующих знаний и ассоциаций» [Меснянкина 2015: 86].

Еще один пример креолизованного текста, который толкует этимологию слова, не базируясь на его реальной истории, – это каламбуризация слова *буддист*. Его этимология связана с религиозно-философским учением Буддизм (корень: -буддист-): использование словообразовательной единицы, суффикса *-ист*, (которая под ударением при добавлении к основе существительного имени образует новое слово, обозначающее человека, связанного с указанной в основе деятельностью или профессией) в сочетании с невербально представленным будильником и его функцией подавать сигнал в намеченное время, т. е. будить или напоминать, превращает часы в буддиста, который уже

имеет связь не только с последователями восточного учения, но и обозначает человека, который «будит». Интересно, что одно из значений слова *будильник* в религиозных средах – ‘монах в монастыре, в обязанности которого входит будить остальных для ранней или ночной молитвы’.



Анализируя **паронимические** каламбуры в Сети, мы придерживаемся широкого понимания паронимии, согласно которому речь идет о любых близких по звучанию слова, различающихся по значению. Из данной группы зачастую получают оригинальные окказионализмы и неологизмы:

Никак не могу похудеть из-за постоянных форс-нажоров.

В данном постере два неродственных слова - существительное «*мажор*», как часть словосочетания форс-мажор и просторечный глагол «*жрать*» творчески трансформировались в каламбур, без явно выявленного формального сходства между собой. Как результат их сближения в контексте примера появился каламбурный окказиональный пароним, который привлекает внимание адресата и выражает ироническое отношение ко всем, кто пытается похудеть.

Во встретившихся нам каламбурах, построенных на основе **фразеологизмов**, чаще всего разыгрываются только некоторые из их лексических элементов или переосмысливаются их отдельные компоненты. Данная группа примеров имеет свои специфические характеристики и особенности, а наиболее продуктивными оказываются каламбурные трансформации на основе образных фразеологизмов.

При использовании этого типа каламбура авторы рассчитывают на прецедентные знания адресата, после чего, между обоими происходит своеобразный игровой диалог на одном и том же уровне, сопровождаемый предложением оценки информации в игровой форме:

Сидя за столом с музыкантами, ни в коем случае не говорите „Дайте мне соль”. В анализируемом примере, дешифрирование каламбура осуществляется

контекстной поочередностью актуализаций: прямого смысла фразы «*дайте мне соль*» (передайте мне соль) → слова «*музыканты*» → выражения «дайте мне ...» в значении «сыграть что-то», «*заказать песню*». К окончательному разрешению каламбурного ребуса способствует существительное имя «соль», которое при наличии конкретных фоновых знаний адресант может соотнести: а) с фразеологизмом «сыпать соль на рану» и б) (что более вероятно) с знакомой ему песней В. Добрынина «Не сыпь мне соль на рану».

III. *Грамматический* каламбуры морфологического и синтаксического уровня располагают значительно – меньшими способами экспрессивно-эмоционального воздействия, которые являются важнейшими составляющими любой словесной игры. Здесь на помощь приходит системное восприятие грамматики, которое делает человека способным мыслить в форме понятий, суждений, умозаключений, в том числе совершать умственный акт оценки: соотносить свое ценностное отношение с объективной действительностью. Тем самым, в случаях отступления от системных классификаций в грамматике и разрушения парадигм: родовой, числа, падежа и др. может возникнуть даже эффект комического шока – одного из характерных возможностей каламбура. Сознательное нарушение привычных синтаксических конструкций как отклонение от синтаксических стандартов может создать у адресата эффект «обманутого ожидания»:

- Помнишь, как мы дрались детьми?
- Да чем мы только не дрались.

В данном случае, приемом создания каламбурного эффекта послужила зевгма, которая представляет экспрессивную синтаксическую конструкцию, состоящую из ядерного слова (сущ. в тв. п. «*дети*») и зависящих от него однородных членов предложения, равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка [Береговская 1965: 45]. **Каламбурную зевгму** мы можем сравнить с преднамеренным алогичным высказыванием, в котором каламбурный эффект в большей мере зависит от степени семантической отдаленности слов в цепочке, что способствует и переосмыслению и расширению их понимания, а не от семантических нюансов актуализируемых в ядерном слове.

Говоря о каламбурах грамматического уровня, нам удалось разграничить и еще одну, немногочисленную, группу **апликативных каламбуров**, основанных на наложении словосочетаний и фразеологизмов. Единицы, входящие в нее, отличаются тем, что в них в опорном слове происходит наложение двух совершенно разных по характеру значений: лексического и фразеологического: «они щиплют и царапают друг другу носы, покрывая себя пылью и славой» (Марк Твен). Например:

Не принимайте на свой счет ничего. Кроме денег.

С. Лукьянов квалифицирует аппликативные каламбуры как экспрессивно наполненные конструкции, комический эффект которых в значительной степени зависит от семантической и функциональной отдаленности компонентов сочинительного ряда, но связан также и с «разнолексемной» природой опорного слова [Лукьянов 1991: 12]. Словосочетания, участвующие в построении подобных примеров, тяготеют к устойчивости, а значения опорных слов – к связанности. Поэтому природу комического эффекта можно объяснить ироническим уравниванием семантически неравноценных единиц в более широком смысле, если иметь в виду под единицами уже не слова сочинительного ряда, а совмещающиеся словосочетания.

Обобщая результаты анализируемых примеров, важно отметить, что на каждом из вышеописанных уровней – фонетическом, лексическом или грамматическом – каламбур в графических юмористических интернет-жанрах проявляется во взаимодействии константных и неконстантных элементов уровня. Эти «нормальные» и «аномальные» единицы языка выступают для его носителей, и коммуниканты, вступающие в каламбурную игру, владеют языковой нормой, а используемые аномальные употребления языковых единиц служат для привлечения внимания адресата [по: Лутовинова 2015]. В конечном итоге, «каламбур приносит ожидаемый результат, при котором автор достигает поставленной цели: создать комический эффект и оказать воздействие на адресата, который после легкого или сложного интеллектуального упражнения, получает удовольствие от разгаданного им ребуса словесной игры» [Меснянкина: 2016].

Литература

- Аристотель 1957 – Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии, М., 1957.
- Береговская 1965 – Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры. // Вопросы языкознания № 5, т.1, 1965.
- Лукьянов 1991 – Лукьянов С.А. Аппликативный каламбур: Автореф. Дисс... канд. филол. наук / С.А. Лукьянов, Краснодар, 1991, 21 с.
- Лутовинова 2015 – Лутовинова О.В Языковая игра в интернет-коммуникации, Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-v-internet-komunikatsii>
- Меснянкина 2015 – Меснянкина Е.И. Стилистическая и социокультурная типизация каламбура в современной российской и болгарской прессе. // Дисс. на соискание науч. степени доктор, София, 2015.
- Меснянкина 2016 – Меснянкина Е.И. Каламбурная «аткрытка» – (не) элементарное интеллектуальное упражнение. // Науч. конференция „Русистиката днес – традиции и перспективи“, София, 2016.
- Мечковская 2009 – Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Флинта: Наука, 2009.

- СОШ 2003 – Словарь Ожегова и Шведовой: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М., 2003.

Mesnyankina, Elena
Sofia, Bulgaria
e_mesnyankina@abv.bg

PUN INTENDED IN A HUMOROUS NEW ONLINE GENRES

***Abstract.** In the report we will focus on the pun in the new humorous graphic online genres, about its varieties, the lexical and grammatical characteristics.*

***Keywords:** politematicheskaya, homonymic, patronymically, applicative pun, Internet communication; genre.*

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением русского языка за пределами России. Русский язык как великое национальное достояние России способствует приобщению людей разных национальностей к русской культуре, литературе, традициям. Но политическая и экономическая составляющая взаимоотношений многих стран с Россией оказывала определенное влияние на политику изучения языка-посредника, функционирующего как языка межнационального и межэтнического общения.*

***Ключевые слова:** русский язык, европейские страны, русистика.*

Новые подходы к изучению иностранного или родного языков ставят перед педагогикой и лингвистикой новые проблемы. Актуальным на сегодняшний день является вопрос о приобщении человека XXI века к мировой культуре, о хорошем владении родным языком, о владении несколькими иностранными языками, что, в свою очередь, требует формирования коммуникативно-познавательных и культурных компетенций, составляющих основу обучения языку. Язык, изучение и достаточно грамотное владение им, развитие мышления, освоение правил поведения и культуры межличностных отношений являются мощным средством постижения духовной жизни иноязычного общества. Приобщение к иноязычной культуре способствует разностороннему развитию личности, формированию его творческих способностей.

В данном контексте, важным становится выявление отношения людей, живущих на европейском пространстве, к русскому языку, доминировавшему на протяжении многих лет, но, впоследствии, утратившим свои позиции. Раньше он являлся первым иностранным языком в дружественных СССР странам, теперь его потеснили английский и немецкий языки [4]. Тем не менее, спад интереса к русскому языку на волне бурных социально-политических событий в Европе не привел к полному уничтожению профессионального интереса к русистике и славистике. Главная функция русского языка остается неизменной, он имеет значимость транслятора научных и специальных знаний, а также дает возможность приобщения к русской культуре [10]. В данной статье будут представлены позиции русского языка, отношение к его изучению в таких странах, как Болгария, Чехия, Румыния, Польша, где внимание к изучению русского языка и литературы был всегда высок.

Интерес к изучению русского языка в Болгарии и культуры существовал всегда, но мотивация менялась в зависимости от политических и экономических

взаимоотношений с Россией. С начала XX века школа русистики заняла видное место и стала одной из самых сильных на европейском континенте. У ее истоков стояли самобытные ученые Любомир Милетич и Беньо Цонев – разработчики проекта официального болгарского правописания в 1892 году. Год спустя Л. Милетич изложил результат работы комиссии в статье «Нашата правописна реформа» в журнале «Български преглед». Этот орфографический проект не был реализован, встретил серьёзную критику со стороны общественности, но сыграл важную роль в процессе установления единого болгарского правописания. В 1901 году вышла в свет работа Л. Милетича «Членът в българския и руския език», а через год – статья Беньо Цонева «Руско-български паралели».

В течение многих лет отношение болгарского народа к изучению русского языка было неоднозначным. Были «взлеты» и «падения». Но, людей привлекала и привлекает сложность и красота русского языка, возможность приобщиться к огромному пласту мировой культуры.

Так, по решению Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), которая занимается популяризацией, сохранением, развитием и изучением русского языка и литературы, в 1973 году в городе Варна состоялся III Конгресс МАПРЯЛ на тему «Теория и практика создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному», на которой присутствовало 1500 человек из 51 страны. В 2007 году здесь же проводился VII Конгресс МАПРЯЛ на тему «Мир русского слова и русское слово в мире».

Сложившаяся ситуация в России в конце 20 века привела к сокращению количества школ, вузов в Болгарии, где преподавалась дисциплина «Русский язык», был сведен к минимуму перечень книг, издаваемых на русском языке, существовавшая раньше потребность в русском языке постепенно исчезла. Заметно вырос интерес населения к английскому языку. Это доказывают результаты исследования «Европейцы и их языки», проведенного в Болгарии в 2006-2012 году, где 35% населения изучали и знали русский язык, 33% – английский, 15% – немецкий, 5% – французский [Гетьманенко, Радкова: 88]. Но на сегодняшний день русский язык и английский поменялись местами при выборе иностранных языков для изучения в болгарской школе.

Тем не менее, русский язык не утратил своей значимости, и о его современном состоянии в Болгарии доцентом кафедры Софийского университета Ц. Ралевой подготовлена достаточно глубокая и интересная статья «Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете: традиции и современность», которая была представлена в качестве пленарного доклада на юбилейной международной научной конференции «Русистика: язык, культура, перевод», проходившей в Софии, 23-25 ноября 2011 года.

Многие болгарские слависты внесли неоценимый вклад в изучение русского языка: в области сопоставления изучения русского и болгарского языков (К. Бабов, Э. Гочева, Н. Дылевский, М. Леонидова, Р. Павлова, др.); в истории

развития русского языка (Р. Станков,), исследования по лексикографии – (А. Липовская, И. Червенкова). В дополнение к этому в Болгарии активно работают профессиональные объединения русистов. Поэтому можно резюмировать, что интерес болгарского народа к изучению языка известных русских писателей, поэтов, русской культуры был и остается высок.

Русским языком в Румынии владеют около 100-110 тысяч человек. Основная группа носителей русского языка, насчитывающая по последней переписи 36 000 человек – это семьи русских липован (потомки русских старообрядцев, история которых восходит к 17 веку, когда в России произошел церковный раскол). До 10 000 человек – молдавских и украинских студентов лицеев и университетов, приехавших на учебу и жительство в Румынию в качестве стипендиатов румынского государства [7]. Немногочисленную группу русскоговорящих составляют румыны – выпускники советских вузов 50-х годов прошлого века и члены приблизительно 400 румынско-русских семей. С 1949 по 1958 год в Бухаресте существовала Педагогическая школа с преподаванием на русском языке, но в 1960-х преподавание на русском прекратилось.

В период с 1970-х годов наблюдается возрождение к его изучению, и до 1989 года в Социалистической республике Румынии русский язык был одним из обязательных для изучения в школах и вузах иностранных языков. После свержения режима Николае Чаушеску и начала демократических реформ русский язык лишился государственной поддержки и постепенно стал исключаться из школьной программы.

На данный момент в Румынии русский язык изучают только 19 500 учеников, хотя еще в 1980 году их было не менее 450 000 человек [11]. Общая статистика показывает, что русский язык в Румынии изучают 60% представители липованской диаспоры, приблизительно по 20% приходится на славянские диаспоры (украинские, польские, словацкие) и собственно румыны.

В качестве иностранного языка русский язык изучают в трех школах и пяти лицеях Бухареста (столица Румынии), а также в начальных и средних классах сельских школ ряда уездов. В некоторых школах румынских городов суммарно в школах и лицеях работают 340 преподавателей русского языка, на его изучение отводится 3-4 часа в неделю. Все остальные школьные дисциплины преподаются на румынском языке.

В Бухарестском университете, где готовят квалифицированных русистов, общее число студентов более 170 человек. На кафедре русского языка работает 14 опытных преподавателей, имеющих научную степень. Ежегодно набираются группы студентов, желающих изучать русский язык: например, в частном бухарестском университете, в специализированных военных и полицейских учебных заведениях и др.

Главную роль в сохранении и развитии системы преподавания русского языка и литературы играет румынская ассоциация преподавателей русского языка и

литературы, которая насчитывает 35 активных ее членов. Ассоциация регулярно проводит Национальные олимпиады по русскому языку и литературе, и команда Румынии является постоянным участником Международных олимпиад.

Внимание изучению русского языка уделяет и община липован, представители которой ежегодно проводит олимпиады по русскому языку и литературе, а победителям вручают в качестве награды путевки в российские детские лагеря. Школьникам помогают литературой, поддерживают студентов и профессор-русистов, проводятся встречи с соотечественниками. В последнее время у липован появилась возможность смотреть российское телевидение. Во главе русской общины Румынии уже много лет стоит Мирон Демянович Игнат. Он представляет общину в парламенте Румынии, а также является членом парламентской группы дружбы между Румынией и Российской Федерацией. Мирон Игнат родился в русском селе Гиндэрешти на Дунае, окончил Экономическую академию в Бухаресте, занимал руководящие должности в банковской сфере. В 2006 году в Санкт-Петербурге на втором Конгрессе русских соотечественников М. Игнат был избран членом Координационного совета русских соотечественников, участвовал в открытии фонда «Русский мир» в Москве. «Община собрала нас воедино, – говорит М. Игнат. – Мы стали передавать друг другу, нашим детям песни, сказания, традиции русского народа. В городке Рэдэуци открылся музей старообрядчества, где собраны древние книги, образцы старинной одежды, домашняя утварь, сундуки, лавки. Липоване добились возвращения своим селам прежних русских названий, которые были переделаны на румынский лад. Мы активно помогаем церкви, в некоторых деревнях построили новые храмы, в других – отремонтировали старые. Восстановили памятник героям Рязанского полка, погибшим при форсировании Дуная под Мэчином в самом начале Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Теперь хотим поставить еще два памятника в честь первых переселенцев – один на юге Румынии, а другой на севере» [2].

Большие творческие отношения связывают общину русских-липован и Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, представители которого проводят курсы повышения квалификации учителей русского языка. В ходе занятий обучающимся читаются лекции, проводятся мастер-классы, обсуждаются такие вопросы, как актуальные проблемы преподавания русского языка как родного, обучение чтению художественной литературы на уроках русского языка, использование современных образовательных технологий в процессе обучения русскому языку и др.

Изучение материалов, опубликованных в средствах массовой информации, показывает, что для популяризации русского языка, повышения мотивации к его изучению проводится достаточно большая работа. Так, например, в рамках акции «Год культуры Русского мира» Русским центром культуры при Бухарестской экономической академии в столице Румынии 28 мая 2014 года было проведено международное мероприятие «Русский язык и культура как части мультикультурности молодежи». В рамках этого события проводились

различные мероприятия в городах Румынии: конкурсы, посвящённые России, профессиональной важности изучения русского языка и культуре общения, была открыта фотовыставка «Русско-румынские исторические созвучия: 100-летие визита российского императора Николая II вместе со своей семьёй в Румынию», выставка, посвящённая современной России, Олимпиаде в Сочи.

С 18 по 21 апреля 2016 года в городе Брэила состоялась XXII Национальная олимпиада по родному русскому языку, организованная Министерством национального воспитания Румынии и Брэиловской уездной школьной инспекцией при поддержке Общины русских-липован Румынии [9].

В конце 2016 года был переиздан румынско-русский разговорник. «Этот лингвистический труд не имеет аналогов на территории Румынии. В разговорнике приведены специальные результативные и инновационные методы изучения русского языка», – отмечает автор разговорника Габриел Антониу Лавринчик [8]. Он считает русский язык «самым мощным и могучим и красивым в мире». «Ни один язык на земле не звучит для меня так красиво, как русский! Я всем рекомендую изучать русский язык! Для тех, кто начинает учить русский язык, обещаю, что этот язык принесет им только удовольствие, пользу и успех во всех направлениях».

Как видно из приведенных примеров, в обществе заметно вырос интерес к русской культуре, русскому языку, его традициям. И этому возрождению способствует та плодотворная работа, которая проводится заинтересованными людьми, с преданностью и любовью относящихся к русскому языку.

Нельзя не отметить отношение и интерес к изучению русской культуры и русского языка в Чехии, который изначально возник в первой половине XX века после установления самостоятельной Чехословацкой Республики. В этот период в университетах начали открываться кафедры славистики. Примером является открытие подобной кафедры в 1927 году на философском факультете Карлова университета (г. Прага).

В 1929 году в Праге образовался Пражский лингвистический кружок, где ведущую роль сыграл авторитетный чешский лингвист В. Матезиус, а также приехавшие из России С.О. Карцевский и Р. Якобсон. К взглядам представителей данного кружка были близки некоторые российские лингвисты, особенно Г.О. Винокур и Е.Д. Поливанов. Идеи представителей этой организации оказали влияние на Московскую фонологическую школу и другие направления российской лингвистики.

Повышенный интерес к русскому языку возник в обществе после Второй мировой войны.

В 1957 году на базе кафедры славистики в Карловом университете (Институт восточноевропейских исследований) начинает свою деятельность кафедра русского языка, которая, как и многие другие учебные заведения, где преподавался русский язык, получала большую поддержку государства.

После 1990 года в Чехии произошел резкий спад желающих изучать русский язык. Это объяснялось политикой государства. В обществе присутствовали определенные настроения, предлагавшие относиться ко всему русскому как к заведомо опасному.

Но позже в стране такая ситуация претерпевает изменения, и наблюдается возрождение интереса ко всему, что связано с русским языком. Так, в 1993 году кафедру русского языка в Карловом университете возглавил замечательный русист Ладислав Задражил. Он сделал всё возможное, чтобы возродить интерес к языку А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, преодолеть кризис по отношению к русистике, которая царил в то время, заинтересовать молодое поколение обучающихся красотой и многогранностью русского языка. В связи с этим, желание изучать этот язык появилось не только у молодых людей, но и у чехов среднего возраста. Если в 2003 году курсы русского языка посещали 12 тысяч человек, то с 2013 года в чешских школах стал обязательным второй иностранный язык, когда наметилась тенденция роста интереса к русскому языку. За это время число учеников, начавших учить русский язык, возросло на 15 тысяч [14].

По данным Центрального статистического управления Чехии, 40,7% чехов говорят с иностранцами на немецком языке, 29% – на русском и 27% – на английском.

В настоящее время Языковой центр этого университета готовит все больше преподавателей на вновь открывающиеся курсы русского языка (Оломоуцкая торговая академия, Электротехническая промышленная школа и др.)

Институтом восточноевропейских исследований руководит молодой и целеустремлённый заведующий Марек Пржигода, который также пристальное внимание уделяет русистике, переживающей очередное возрождение.

Русский язык изучают в таких учебных заведениях Чехии, как университет им. Масарика – кафедра славистики философского факультета, кафедра русского языка и литературы (г. Брно), Славянский институт Академии Наук Чешской Республики – кафедра иностранных языков, Университет им. Палацкого (г. Оломоуц) – философский факультет, летняя школа славистики Университета им. Палацкого (г. Оломоуц), летняя школа славянских исследований Карлова университета (г. Прага) и др.

В 1995 году пражское издательство “Леда” начало выпуск учебных пособий по русскому языку, и это были первые издания с 1989 года. В настоящее время спрос на учебники русского языка растет год от года.

Современные тенденции в развитии государства доказывают необходимость изучения и владения иностранными языками вообще, и русским языком – в частности. Биржи труда отмечают тенденцию к росту спроса на работников со знанием русского языка, так с 2014 г. по 2015 г. на 35% выросло число вакансий, где требуется знание русского языка [14]. Многие фирмы

инициируют и оплачивают обучение своих сотрудников, потому что они ездят в командировки в Россию, находятся в контакте со своими русскими коллегами. Ряд работодателей одним из условий при наборе работников указывают знание именно русского языка.

На развитие интереса к нему оказывает влияние ситуация в мире, когда люди видят глобализационные процессы, видят, как расширяются экономические границы, и понимают, что с экономической точки зрения интерес представляет сотрудничество с Россией.

Аналогичная ситуация с изучением и распространением русского языка в Польше, который сейчас изучается как в университетах, так и в школах, в том числе и частных. Немало поляков увлечено русской историей и литературой.

Если в 90-е годы прошлого века по количеству изучающих русский был 16-м, то сейчас он вышел на второе место среди иностранных языков, уступая лишь английскому. В 2013 году более чем 14 тысяч выпускников в Польше выбрали для сдачи экзамена в качестве второго иностранного русский язык, более 300 тысяч поляков занимаются изучением русского языка.

Сегодня изучать этот язык становится очень престижно, так как каждый четвёртый житель Польши зарабатывает именно на взаимодействии с Россией (10), знание русского языка помогает в успешном продвижении по карьерной лестнице, появляется возможность найти вакансию в сфере международных экономических отношений, политике, юриспруденции, филологии.

В 2005 году в Польше прошел первый Всепольский фестиваль русского языка, ежегодно проходит Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: человек, сознание, коммуникация, Интернет», [13].

В 2010 году была создана Польская Ассоциация учителей и преподавателей русского языка, которая стала помогать учителям русского языка в проведении конкурсов по русскому языку для молодежи, семинаров по повышению квалификации учителей в Польше и России, в организации фестивалей и международных научно-методических конференций

Большой вклад в развитие интереса к русскому языку в польском обществе внесла О. Опульская-Данецкая, отмечавшая необходимость изучения любого языка вкупе с культурой, литературой и историей страны изучаемого языка.

Нельзя обойти вниманием Почетного доктора Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского профессора Базыли Бялокозович, который учился на историко-филологическом факультете этого учебного заведения с 1951 по 1955 год. В настоящее время это профессор Высшей педагогической школы в Ольштыне, блестящий исследователь русской литературы, истории и культуры. Под его руководством были выпущены два сборника материалов международных научно-методических

конференций, где опубликованы доклады и сообщения польских и российских ученых о тенденциях развития современного русского языка, изменениях, происходящих в самом русском языке. Б. Бялокозович подготовил и опубликовал статью «Традиция и современность – русский язык в письмах польских читателей и переводчиков, адресованных Л.Н. Толстому», *«Штудии Дружникова-пушкиниста в зеркале русской, литовской и польской прессы»*. Вслед за ним Н. Мирошникова изучает тему «Лексико-грамматические изменения русского языка (XIX-XX). Причины, влияющие на изменения нормы. Тенденция развития языка в XXI веке (лексико-стилистический аспект)», Р. Адамович – «Риторика и культура речи в работе со студентами-русистами», В. Молчановский, И. Тетерев – «Современное состояние изучения русского языка в Польше». Профессор Гданьского университета Франтишек Апанович занимается вопросом *демифологизация общих мест в советской пушкинистике*, профессор Варшавского университета Флориан Неуважны работает над темой *«Советские мифы о Пушкине в оценке Ю. Дружникова»*.

В Польше действуют 20 центров русистики, в составе которых находятся кафедры литературы: Варшавский университет, Высшая школа иностранных языков (Познань), Российский центр науки и культуры (Варшава) и др. Очень интересно и многогранно описана деятельность литературных центров в статье Альдоны Борковской «Облик современной польской литературоведческой русистики» [1]. Издаются польские русистские журналы «*Slavia Orientalis*», «*Studia Rossica*», монографии (например, «Литературные центры русского зарубежья 1918-1939» Бронислава Кодзиса, сборники по результатам проводимых конференций, ученые записки.

Наблюдаются новые тенденции в деятельности польских русистов-литературоведов. Исследователи обращаются к изучению таких тем, как например, «Творчество русских писательниц с учетом гендерных аспектов» (Ванда Лящак и ее коллеги). Юстина Тыменецка-Суханек, инициатор и основатель лаборатории *Animal Studies* на филологическом факультете Силезского университета разрабатывает анималистическую тему в литературе. Внимание Люциана Суханека направлено на изучение связи русистического литературоведения с философской антропологией, аксиологией и историей [12].

Значимым является факт, связывающий Польшу и Россию, именно, Варшаву и Владивосток, город, где работает автор статьи. На территории центрального кампуса Варшавского университета находится переулок (он расположен на территории между зданиями Института истории и Института польской культуры), которому решением ректора и сената Варшавского университета дано в 2012 году символическое название улицы Мандельштама. Это первая в мире улица, носящая имя поэта. Рышард Пшибыльский в эссе «Благодарный гость Бога» писал: «Когда ты идешь улицами Варшавы, ты спускаешься к мертвым, потому что каждый в этой толпе несет в себе тяжкий груз времени предков. Эта уличная толпа и есть наша вечность, то есть могила великого поэта Осипа Мандельштама. Прах, который он одолжил у материи, мучившиеся

рядом с ним, свалили в глубокую братскую яму в лагере под Владивостоком. А его время, превратившись в свет, не могло быть погребено, и теперь этот свет льется над варшавской толпой, падает на широкие форумы полей и колоннады лесов, зажигает ночью лампу у изголовья польских студентов, которым предстоит пройти хоть и короткий, но очень тяжелый путь: *per aspera ad astra*» [6]. Во Владивостоке установлен памятник крупнейшему поэту 20 века, автору незабываемых стихов. И российские студенты, жители Приморского края, как и все, кто знает и помнит имя этого человека, приходят к месту, увековечившему многоликую фигуру, чтобы выразить слова признания.

Подводя итог вышесказанному хочется отметить, что сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что притягательность к изучению и совершенствованию знаний в области русского языка в ряде стран Европы (Румынии, Болгарии, Чехии, Польше) в настоящее время существенно повышается. Русистам удается сказать свое слово по вопросам словесности, сохраняя объективизм в суждениях по ряду спорных вопросов.

Деятельность Ассоциаций учителей и преподавателей русского языка способствует укреплению позиций русского языка: студенты и молодые люди начинают активно принимать участие в конкурсах, фестивалях, конференциях, направленных на развитие интереса и мотивацию изучения культуры, языка дружественного соседа. Причина этого, на наш взгляд, кроется в том, что для хорошего специалиста в любой области знание русского языка открывает новые возможности к лучшему пониманию богатой культуры многообразной и перспективной страны. Очень важно сохранить и развивать дальше то хорошее, что имеется и успешно работает в существующих контактах и взаимодействиях.

Литература

- Борковская 2015 – Борковская А. Облик современной польской литературоведческой русистики. // *Toronto Slavic Quarterly* – 2015. – №53 – С.20-33. – http://sites.utoronto.ca/tsq/53/tsq_53_borkovska.pdf (дата обращения: 10.02.2017)
- Вагина 2010 – Вагина Е. Липоване из Румынии. // *Земляки*. – 2010. – №11. – С.12-15. http://zemliaki.info/publ/2010_god/11_2010_god/lipovane_iz_rumynii/16-1-0-131(дата обращения: 10.02.2017)
- Вербицкая 2016 – Вербицкая Л.А. Русский язык в России и за ее пределами. // *Материалы Международной региональной конференции «Русский язык в странах Юго-Восточной Азии»* под ред. Кутыровой Н.А. – СПб: Ханой, 2016 – С.1-15.
- Гетьманенко, Радкова 2013 – Гетьманенко Н.И., Радкова А. Мотивация как точка опоры при изучении РКИ. // *Русский язык за рубежом*. – 2013. – №6. – С. 85-88.
- Градов – Градов П. Русский язык как особое знание: в Польше говорить по-русски становится престижным. – <http://ruskiymir.ru/publications/86227/> (дата обращения: 06.03.2017)

- Енджейкевич 2016 – Енджейкевич А. Улица Манделъштама. // Русский язык за рубежом. – Специальный выпуск. – 2016. – С.39-40.
- Изотов 2014 – Изотов К. Язык румынских липован в зеркале современного русского языка. // Русский язык за рубежом. – 2014. – №1. – С.65-67.
- Лавринчик – Лавринчик Г.А. Русский язык пользуется популярностью в Румынии // <http://www.gumilev-center.ru/russkijj-yazyk-polzuetsya-populyarnostyu-v-rumynii/> (дата обращения: 02.03.2017)
- Молдован 2016 – Молдован С. XXII Национальная олимпиада по родному русскому языку с успехом прошла в Румынии // Русская вера. – 22 апреля 2016. – http://ruvera.ru/news/nacionalnaya_olimpiada_rumynii (дата обращения: 02.03.2017)
- Пьянов 2011 – Пьянов А.Е. Статус русского языка в странах СНГ. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – №3. – С.55-56.
- Русский язык в Румынии – http://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_язык_в_Румынии (дата обращения: 12.03.2017)
- Суханек 2012 – Суханек Л. Россияведение и эмигрантология: новые формы исследований и дидактики в польской славистике. // Новая русистика, 2012. – С.17-21.
- Таланова 2009 – Таланова А.Н. Русско-польские связи. К проблеме изучения русского языка в Польше. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – №1. – С.355-357.
- Я русский бы выучил. // Пражский телеграф. – №7/351. – <http://ptel.cz/2016/03/ya-russkij-by-vyuchil/> (дата обращения: 15.03.2017)

Mikhailova, Galina

*The Far-Eastern Fire Rescue Academy, Vladivostok, Russia
judges64@inbox.ru*

RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE MODERN DEVELOPMENT OF EUROPEAN COUNTRIES

***Abstract.** The questions connected with studying Russian language in different European countries, such as Bulgaria, Check, Romania, Poland, are presented in the article. Russian language as the great national achievement of Russia promotes familiarizing of people of different nationalities to the Russian culture, literature, tradition. But the political and economic components of interaction between Russia and different countries influence on the policy of studying Russian language which functions as the language of international communication.*

***Keywords:** Russian language, European countries, Russian.*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЛОГА КОНЦА XV В., НАПИСАННОГО НА СЕВЕРЕ РУСИ

***Аннотация.** Большой интерес для изучения русского языка представляют рукописные памятники, созданные во второй половине XV в. Новые графико-орфографические нормы в русской письменности складываются в XV в. и захватывают XVI в. При изучении памятников этого периода необходимо учитывать, на какой территории и при каких условиях был создан данный список, рукопись может быть оригинальным южнославянским или русским сочинением, созданным в Болгарии, Сербии или Руси. В Прологе отражены новые написания, а фонетические черты свидетельствуют о том, что рукопись была написана на севере Руси.*

***Ключевые слова:** рукопись, пятнадцатый век, южнославянская, русская норма.*

В фондах Архангельского музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» находится уникальный памятник письменности – Пролог, который хранится в музее под номером 396-кн (КП 3881). Рукопись поступила в музей в 1973 г. из Каргопольского района Архангельской области.

Пролог – один из популярных сборников в Древней Руси, а затем и в Московском государстве, он содержит слова на праздники и краткие жития святых, распределенные по дням года, в которые празднуется их память. Этот сборник был переведен с греческого на церковнославянский язык, по-видимому, на Руси в начале XII в. Первоначально Пролог был частью Церковного Устава и читался на утренней службе в церкви. По мнению Л.П. Жуковской, он восходит к «Менологию» византийского императора Василия II. Пролог был переведен на славянский язык, возможно, на Руси в XI–XII вв. и позже стал дополняться житиями русских святых, память которых стала отмечать русская церковь [Жуковская 1982: 30]. Помимо имен канонизированных святых, с текстами житий или без таковых, в Прологе отмечались такие церковные праздники, как дни освящения различных церквей, дни перенесения мощей святых и т. д.

Все тексты в Прологе распределены по месяцам и дням года. «Поскольку это весьма обширный памятник письменности, в средневековой письменной практике было принято разбиение его на полугодия: сентябрьская половина до февраля включительно и мартовская, кончающаяся 31 августа» [Жуковская 1982: 30]. Исследуемый памятник относится к сентябрьской половине, в него входят слова и нравоучительные повести с сентября по февраль включительно.

Начальные листы памятника не сохранились. На листе первом память святых первого сентября: «В той же день святыхъ четыредесяти девъ постницъ, и Аммуна диакона, и учителя ихъ». Начинается со слов: «...помолишас к Б<ог>у и повишень быс на в'здусе» и до конца.

Рукопись хорошо сохранилась, написана на бумаге на 428 листах крупным полууставом одним почерком в столбец по 22 строки на листе, формат листа в 2^о. Список не датирован, по водяным знакам его можно отнести к последней трети XV в. Книга написана на бумаге с филигранями: 1) «Перстень с большим остроконечным камнем» – типа *Лихачев №№ 1262-1263* (1497 г.), *Briguet № 689* (1457, 1458, 1461, 1462, 1472–1473 гг.); 2) «Корона с зубчатыми листьями, с трилистником посередине» – типа *Лихачев №№ 1022-1023* (1459 г.), *№№ 1066, 1067, 1068, 1070* (1464 г.); *№ 2664* (1477 г.), *№ 4038* (1456 г.); *Briguet № 4645* (1459–1469 гг.) [Лихачев 1899; Briguet 1968].

Первоначальный переплет данного памятника утрачен, сохранились картонные сторонки с остатками кожи. Современный переплет выполнен из картона, корешок отсутствует. Верхняя и нижняя стороны крышек на корешке прошиты шнуром из пеньки. На листах многочисленные загрязнения: следы копоти, захваты от пальцев, следы затеков, пятна воска. Верхнее поле на листе малое, на некоторых листах верхнее поле сильно обрезано прямо по буквам. На листе 68 современные надписи ручкой на пустом поле. На листах 68об, 140об имеются скорописные надписи, написанные чернилами.

На листах 141, 290, 365 заставки балканского стиля, контуры заставок выполнены киноварью с заполнением фона кругов зеленой краской, полукружий и ромбов синей и желтой красками. Киноварные инициалы К (л. 141), Х (л. 290) и Т (л. 365) балканского типа с зелеными листочками. Заголовки также киноварные, в крупных заголовках первая строка вязью или с элементами вязи. Тонкие киноварные инициалы в основном тексте выполнены в балканском стиле. По углам заставок византийские ветки. Фон многоцветный, из сочетания 3-х цветов: зеленого, желтого, синего. Третья заставка на листе 365 отличается от двух предыдущих тем, что заключает в себе 5 переплетенных между собой кругов. Заставка выполнена в той же цветовой палитре. Все заставки не раскрашены до конца.

Большой интерес для изучения русского языка представляют рукописные памятники, созданные в один из важнейших периодов истории – в конце XIV – первой половине XV в., то есть период, отмеченный, по мнению некоторых исследователей, так называемым «вторым южнославянским влиянием» на русскую письменность. Хотя феномен «второго южнославянского влияния» давно привлекал внимание исследователей, недостаточная разработанность проблемы заставляет ученых вновь и вновь возвращаться к этой проблеме.

Появление в южнославянских рукописях с середины XIV в. греческих написаний (графем, надстрочных знаков) болгарские исследователи

связывают с архаизацией литературного болгарского языка и грецизацией в правописании. Появление греческих и южнославянских написаний в русских рукописях со второй трети XV в. некоторые русские исследователи связывают с архаизацией, реставрацией или реформацией древнерусского литературного языка домонгольской поры. Новые графико-орфографические нормы в русской письменности складываются веком позднее, то есть во второй половине не XIV, а XV в. и захватывают XVI в.

Главная причина споров ученых по поводу термина «второе южнославянское влияние» заключается в сложности процессов, происходивших в древнерусской книжности в XV в., а также в слабой изученности памятников письменности этого периода. По мнению М.В. Ивановой, «вся дискуссионность и нерешенность проблемы второго южнославянского влияния <...> является следствием того, что ученые находятся в плену самого термина «второе южнославянское влияние». <...> «Второе южнославянское влияние», с формальной точки зрения, оказывается вне терминологической системы. Главным виновником этого является слово «второе»: если есть «второе» влияние, то должно быть по меньшей мере «первое». Но термина «первое южнославянское влияние» в нашей науке нет. И хотя понятно, что под ним подразумевается период крещения Руси, когда появились первые переводные богослужебные книги с присущими им старославянскими (древнеболгарскими) чертами и эти книги стали образцами во всех отношениях для оригинальной древнерусской письменности, отсутствие термина «первое южнославянское влияние» создает весьма неблагоприятную ситуацию для функционирования и термина «второе южнославянское влияние» [Иванова 1996: 100]. Поэтому при изучении рукописных источников, созданных в первой половине XV в., необходимо учитывать, на какой территории и при каких условиях был создан данный памятник, написан ли он болгарским, сербским или русским изводом, является ли он переводным источником с греческого языка, выполненным южнославянскими книжниками XIII – XV вв. и попавшим на Русь в конце XIV – первой половине XV в., рукопись может быть оригинальным южнославянским или русским сочинением, созданным в Болгарии, Сербии или Руси. Во второй половине XV в. происходило не второе южнославянское влияние на русское письмо, а архаизация письма, которая заключается в реставрации графических и орфографических норм XI – XII вв., поэтому памятники письменности, написанные с середины XV в. и XVI в. следует рассматривать как рукописи, в которых нововведения в области графики и орфографии связаны с архаизацией, реставрацией древнейшего русского литературного языка.

Графико-орфографическая система рукописей XV в. отличается богатством и разнообразием, при этом определенной устойчивостью в использовании букв. Наличие вариантов свидетельствует о динамичности развития данной графико-орфографической системы. Все это позволяет рассматривать письменность рукописей изучаемого периода в качестве важного источника в формировании русского литературного языка.

Этот список интересен еще и тем, что написан в период, когда происходит объединение русских княжеств во главе с Московским княжеством после монголо-татарского ига. В это время возрастает авторитет княжеской власти, которая находит поддержку в среде высшего духовенства, поэтому широкое развитие получает церковно-панегирическая литература, в которой прославляется героическое прошлое и настоящее Руси, возвеличиваются образы князей, святых, священнослужителей. Создаются жития русских святых.

В этот период в русской письменности складываются новые графико-орфографические черты, которые будут встречаться и в рукописях XVI века. В исследуемом списке после букв гласных как в середине, так и в конце слов часто употребляется буква *ia*, как и в рукописях XIV века: *стѣиацио, даіаніи, приіатъ, дыіаконѣ, троіанъ црѣ, бесконечныа, смѣцаіа*. Перед гласными буквами, как йотированными, так и нейотированными, употребляются обе буквы *и* и *ї*: *изїиде, даіанїи, постриженїе, пѣнїа, смиренїа, сергїа, ѡнтонїю, антонїемь*. Между согласными в середине строки буква *ї* встречается часто: *мнїшескїи, нїкѡли, ножнїци*. Графема *ї*-десятеричное пишется писцом также после буквы *и*, как и в ранних рукописях: *сиї птици*.

Написание диграфа *ѣ* и в начале слова, и после буквы согласного уже прочно входит в употребление в середине XV в., к концу XV в. стала часто писаться буква «ук» *ѣ*. В нашем списке написания с буквами *ѣ* – *ѣ* варьируются. Обе буквы пишутся в начале слова и после согласных: *ѣченїи* и *ѣчителю, ѣлоуцїста, ѣготовленїе, сворѣ, другою*. Хотя монограф *ѣ* уже почти не употребляется на письме во второй половине XV века, но в исследуемом списке встречается не только в конце строки, но и в середине: *ѣфайлѣ, в рѣцѣ, ѣсхожу, бес тѣда*. Буква «ук» *ѣ* имеет варианты написаний в данной рукописи: *изобилѣють*, в некоторых словах в нижней части графемы *ук* вместо *о* горизонтальная восьмерка ∞ : *не ѡмею, ѣѡлогнїе*.

Буквы *ѡ* и *ѣ* взаимозаменяемы в начале слова и в предлоге, как это было принято в древнерусской орфографии, буква *ѡ* употреблялась в предлоге *ѡ* и *ѡ*. В исследуемом списке в начале слова и в предлоге пишется только буква *ѡ*: *ѡврѣтоша, ѡ прозѡутерѣ, на ѡдрѣ, ѡдесною, ѡлта/ра, кѡ стѣмѣ, сѡ ѡвоцемь*; после букв согласных и под выносной буквой *м* часто употребляется *ѡ*: *восхѡжаше, нїкѡли, мѡханлѡ, вергохѡ*. Некоторые исследователи отмечают, что в рукописях периода «второго южнославянского влияния» широко используется буква *Ѡ*-очное с точкой или двумя точками внутри для слов *Ѡко, Ѡчи*. Однако в нашем списке в указанных словах пишется только буква *ѡ*: *ѡчїма, ѡко, ѡчи*.

Из греческих особенностей в данной рукописи можно отметить написание в заимствованных словах букв *ѣ, ѣ, ѣ*, практически забытых и не используемых к XV в., хотя наряду с заимствованными греческими буквами писцы употребляют и русские эквиваленты: *ѣ* – *КѠ александрѣска, александрѣскїи, александрѣскимь* и *а/лекзандрѣскїа, маѣимья/нѣ црѣ*; *ѣ* – *ПѠ: плѣхъ, именемь ва/риѣавы*. Буква *ѣ* «ижица» редко встречается в словах, заимствованных из греческого языка,

Данный список характеризуется беспорядочной меной букв **ѣ**, **и**, **є**. Частое написание буквы **И** на месте **ѣ** свидетельствует о том, что исследуемый памятник был создан на северной территории. Написание буквы **И** на месте **ѣ**:

- в корне слова под ударением перед твердым согласным: **свѣтъ**, **сѣмо** (=сѣмо), **повѣдаше**, **въ понедѣльникъ**, **гнѣвъ**, **разгнѣвався**, **тило**, **бѣгають**, **дѣлаіа**, **проповѣдающе**, **цѣла**, **повѣдаше Иванъ Листвецникъ**;

- под ударением перед мягким согласным: **дѣтице**, **грѣть**, **ѣстѣти**, **здѣавъ**, **ѣцилюють**, **роудилѣ**, **роудильѣ**, **систѣ**, **надѣося**, **ѣмѣаше**;

- в безударном положении перед твердым согласным: **оусѣ/кнѣти ю**, **прѣ гла**, **повѣжай**, **цѣломѣдрѣна**;

- в безударном положении перед мягким согласным: **со звѣрѣми**, **смѣсивше**, **стѣзицу** **тѣсноу**, **повѣди**, **посѣщенїе**, **посѣцаа**;

- в глагольном суффиксе: **ѣпечалѣлъ** и **ѣпечалѣлъ**, **видѣлъ** и **ѣвидѣвъ**, **терпѣ/тѣ** и **терпѣти**, **разѣмѣши**, **разѣмѣть**, **подрѣжѣ илѣиа**;

- в конце слова: **дѣи ноци**, **нѣдѣи**, **ѣкоудѣ имате пищѣ себѣ**, **слѣжай тѣбѣ**, **ѣкоупѣ** (вкупѣ).

Написание **ѣ** на месте **И**: **верѣгы**, **царѣствѣѣа** (д.б. іа), **ѣшествѣю** (д.б. ію). Написание **ѣ** на месте **Є**, **Ъ**: **ѣвѣица** и **ѣвѣици**, **старѣць**. Написание **ї** на месте **Є**: **черноризї/ць**, **повѣлѣи вѣти ю по лицѣ**.

Яркой фонетической чертой псковского говора XIII–XV вв., о которой упоминает Н.М. Каринский и в Паремейнике 1271 года [Каринский 1926: 235], и в Палее 1477 года [Каринский 1909: 54], являлась мена **ц/ч**. Как отмечает В.В. Иванов, «смешение букв **ц** и **ч** и замена как **ч** на **ц**, так и **ц** на **ч**» отражается также в новгородских памятниках [Иванов 1995: 64]. В исследуемом памятнике наблюдается смешение букв **ц** и **ч**, что свидетельствует скорее всего о неразличении соответствующих фонем в говоре писца: **ѣчитѣлю**, **сконцѣашѣ**, **ѣблиць/ѣши**, **ѣскоциша**, **кровь ѣ потѣе**, **ѣзскрица**, **цѣдѣ** (чаде), **на двѣ цѣстѣ** и **ѣдиноѣ частѣ**, **процѣаіа**; **ѣз темницю** и **темницю**, **младѣнѣ** и **млѣцъ**, **на конѣчъ копѣ/ѣмь**, **исцѣленїѣ**, **ѣ/скѣнечное црѣво** и **црѣва**, **нарѣчаѣмаго**, **цѣлѣти**, **законѣдавѣчъ**, **корѣвлѣць** и **кѣрѣвлѣчъ**, **братѣоѣвѣицю**, **исцѣлѣ/нїа** и **исцѣленїа**, **в тоѣ цѣ/ркѣѣ**, **цѣловѣвъ**, **старѣчъ**, **смѣхѣтворѣчъ**, **ѣвѣчъ** стадо много.

Как показывают данные исследуемого памятника, графические и орфографические особенности не отличаются от норм письма XIV – начала XV века, несмотря на то что данная рукопись была написана во второй половине XV в., в период, который некоторые ученые называют «вторым южнославянским влиянием» на русскую письменность. Хотя «юс большой» встречается в тексте памятника, а греческие буквы писец употребляет наряду с русскими графемами, в письме рукописи сохраняются черты русского извода, а незначительные южнославянские и греческие особенности можно отнести к архаизации письма данного списка. Такие фонетические особенности, как мена

букв ѣ/и и ц/ч свидетельствует о том, что «Пролог» был написан на северных или северо-западных территориях Руси.

Литература

- Жуковская 1982 – Жуковская Л.П. О южнославянском влиянии XIV – XV вв. (На материале проложного Жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М.: Издательство «Наука», 1982. С. 26-59.
- Иванов 1995 – Иванов В.В. Фонетика // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М.: Наука, 1995. С. 20-169.
- Иванова 1996 – Иванова М.В. Второе южнославянское влияние. Термин и сущность // Древняя Русь и Запад. М.: Наследие, 1996. С. 99-101.
- Каринский 1909 – Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1909.
- Каринский 1926 – Каринский Н.М. Паремейник 1271 года как источник для истории Псковского письма. Лекция. М., 1926.
- Лихачев 1899 – Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Часть II. СПб.: типография В.С. Балашев и Ко., 1899.
- Лихачев 1899 – Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Часть III: альбом снимков. СПб.: типография В.С. Балашев и Ко., 1899.
- Briquet 1968 – Briquet С.М. Les filigranes. Amsterdam, 1968. Т. I–IV. (Факсимильное издание 1907 г.).

Nenasheva, Larisa

*Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Russia)
jazyk@atknet.ru*

SPECIAL LANGUAGE ASPECTS OF XV CENTURY ‘PROLOG’, WRITTEN AT THE RUSSIAN NORTH

***Abstract.** Manuscripts written in the second part of the XV century play a big role in research of Russian language. New graphical and orthographical norms appeared at that time and continued in XVI century. In research of such manuscripts we need to keep in mind the region and the context of its origins. Manuscript can be original South Slavic or Russian source, but also from Bulgaria, Serbia or Ancient Rus. The ‘Prolog’ includes new spelling, but phonetic patterns shows that manuscript was written at the Russian North.*

***Key words:** manuscript, XV century, South Slavic, Russian norm.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-14-29005 «Живое слово Русского Севера»

ФРЕЙМ КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПРЕДПРИЯТИЯ

***Аннотация.** В данном исследовании для одного из методов когнитивной лингвистики (дискурс-анализа) предлагается необычная сфера применения: реконструкция имиджа промышленного предприятия. В статье в качестве средства описания имиджа представлен фрейм: это как раз та структура, которую базовый субъект PR пытается навязать целевой аудитории. Для оценки эффективности коммуникативной деятельности организации проводится сравнительный анализ моделируемого образа организации, реконструированного по первичным PR-текстам, и объективного образа организации, отраженного в медиатекстах.*

***Ключевые слова:** фрейм, дискурс-анализ, имидж промышленного предприятия.*

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, которую я представляю, уже много лет ведет прикладные лингвистические исследования в области рекламы и связей с общественностью, поскольку студенты этой специальности обучаются на нашей кафедре.

В современной науке сложилась интересная ситуация: молодая, бурно развивающаяся и перспективная наука пиарология пока еще не выработала свой собственный инструментарий исследования, в то время как лингвистика, традиционная и методологичная, находится в постоянном поиске приложения своих богатейших возможностей запросам общества. В данной статье предлагается одна из лингвистических методик, возможности которой считаем целесообразным применить и к основному понятию пиарологии – имиджу. Ведь, в сущности, чем занимаются специалисты PR? – планомерным созданием или коррекцией имеющегося имиджа. Современная лингвистика разработала разнообразные методы анализа дискурса, позволяющие выявить как языковые средства интерпретации действительности, так и сами модели этой действительности (коими мы в данном случае и считаем имиджи).

В наше время уже не стоит доказывать актуальность формирования имиджа какого-либо субъекта/объекта общественного взаимодействия. Всплеск интереса к имиджелогии менял свой вектор от персонального имиджмейкинга (в том числе и политического) к государственному и региональному. В последние годы появилось множество исследований имиджа предприятий в экономическом, психологическом, социологическом аспектах, при этом анализ

дискурсивных практик промышленных предприятий России редко попадает в поле исследовательского интереса языковедов (работы Ю.В. Данюшиной, М.А. Шилиной, И.П. Ромашовой, Е.А. Никитиной).

В качестве рабочего принимается определение экономического дискурса как «...совокупность речевых актов в сфере экономики, а также созданные профессионалами, неспециалистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые отображают реалии экономического мира» [Евтушина 2014: 44]. Цель экономического дискурса заключается в формировании медийной площадки для обсуждения экономических вопросов в жизни общества. Для разных субъектов экономического дискурса эта цель может конкретизироваться, например, для промышленных предприятий региона паблисити может быть эффективно для формирования их собственной инвестиционной привлекательности, для формирования имиджа успешного предприятия-работодателя, для получения заказов со стороны государственных и коммерческих структур, для продвижений продукции предприятий и др.

На протяжении нескольких лет участники научного семинара ОмГУ им. Ф.М.Достоевского ведут коммуникационный мониторинг предприятий г.Омска. Исследование представляет собой комплексное описание коммуникационной деятельности предприятий региона. Во всех исследованиях проекта проводится двухступенчатая система анализа коммуникационной деятельности предприятия: на первом этапе обследуются возможные и наличные коммуникационные ресурсы организации, выявляются основные коммуникационные потоки, собираются все PR-тексты (и внешние, и внутренние), на втором этапе проводится дискурс-анализ PR-текстов с целью выявления их системности и соответствия основной коммуникационной стратегии предприятия.

В работе мы придерживаемся типологии, в рамках которой выделяются объективный и моделируемый имидж. Первый представляет собой максимально соответствующее действительности впечатление о предприятии у целевых аудиторий. Вторым является тем образом, который пытается создать команда предприятия в сознании целевых аудиторий. Для этого исследуются материалы компании, материалы региональных и федеральных СМИ.

В качестве наиболее удобного средства описания имиджа промышленного предприятия в работе выбран фрейм – структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации [Минский 1979].

Думается, что фрейм как схема концепта (стоит учесть, что подобный концепт может и не быть сформирован) – удобное средство описания имиджа: это как раз та структура, которую базовый субъект PR пытается навязать целевой аудитории. В случае удачной имиджмейкерской деятельности фреймы моделируемого (в первичных PR-текстах) и объективного (в сознании населения, во вторичных, журналистских текстах) имиджем совпадут. К

сожалению, приходится констатировать, что чаще эти структуры разнятся. Выявление этих различий является отправной точкой для дальнейшей работы по коррекции имиджа.

Набор слотов фрейма определяем путем анализа словарных дефиниций слов-аппеллятивов, синонимичных номенклатурному названию базового субъекта: *завод, предприятие, компания, фабрика, производственное объединение, фирма и др.* Здесь стоит заметить, что обычно мы проводим реконструкцию 3 имиджей – базового, субъективного (моделируемого), объективного. Забегая вперед, к сожалению, отмечу, что чаще всего они не совпадают.

Обычно базовый фрейм какой-либо сервисной кампании имеет следующий вид: функция (услуга) – клиенты – инструментарий (оборудование) – сотрудники – уровень сервиса. Для производственной компании в структуре базового фрейма выделяются основные слоты «Самоидентификация», «Действие», «Атрибуты», «Пространство», «Продукция», «Потребитель», «Интерсубъектность», «Интерсобытийность», «Интертекстуальность» (в отдельных случаях могут быть выделены и дополнительные слоты) [Ухванова 2002]. Слот «Самоидентификация» – это то, как компания представляет себя, какие номинации себе приписывает. Слот «Действие» отражает основные виды деятельности компании, то, какими они видятся имиджмейкерами компании. Слот «Атрибуты» отражает признаковые аспекты деятельности компании и определяется по набору прилагательных, используемых в текстах организации. Слот «Пространство» реконструируется по набору топонимов и вместе с «интеркатегориями», определяемыми по комплексу имен собственных, позволяет расширить текстовое пространство географических и событийных претензий компании.

Данная методика уже апробирована при анализе имиджа многих омских промышленных предприятий. В качестве примера можно привести итоги исследования имиджа Омского радиозавода им. Попова. Исследование проведено на материале текстов, инициированных компанией, текстов региональных, федеральных и зарубежных СМИ за 2016 гг. Для реконструкции субъективного фрейма были проанализированы сайт завода www.telego.ru и его страницы в социальных сетях. Для реконструкции объективного имиджа завода были использованы тексты региональных и федеральных СМИ: интернет-порталы «SuperOmsk», «Топ 55», «БК 55», «СибНовости», «Коммерческие Вести», «Город 55», «Омскпресс», «Новый Омск», «НГС», «Омск Информ», печатные издания «газета Коммерсантъ», «газета Деловой Омск», «журнал Бизнес Курс», «газета Коммерческие вести», «газета Вечерний Омск», «газета Аргументы и Факты», «газета Ваш ОРЕОЛ»; 12 канал (ГТРК-Омск) омского телевидения.

Компания позиционирует себя исключительно как лидера в отрасли, как одно из лучших предприятий страны – «*базовая организация Российской экономики*», также можно подчеркнуть, что завод показывает себя полезным

и ответственным предприятием Омска, «*крупнейший налогоплательщик региона*». Сравнимые фреймы во многом совпадают, но некоторые слоты имеют значительные отличия.

В слоте «Самоидентификация» совпали следующие номинации: *Релеро, ОАО «ОмПО «Радиозавод им А.С. Попова», разработчик, налогоплательщик, организация, предприятие, производитель*. Предприятие видит себя в ореоле не качеств, а действий (в текстах наблюдается преобладание глагольных конструкций): *фигурирует, обеспечивает, получило, признано, соблюдает, образовано, вошло, воспитывает и т.п.* В моделируемом (субъективном) фрейме видно, что предприятие демонстрирует разные направления своей деятельности: и производственная сфера, направленная на повышение обороноспособности страны, и социальная, и воспитательная. А внешние средства массовой информации уделяют больше внимания социально значимым мероприятиям завода (новогодний ледовый городок Беловодье, строительство и реконструкция детских садов и др.).

Слот «Атрибутивность» тоже демонстрирует различие моделируемой и объективной информации. В субъективном фрейме видно, что предприятие преподносит себя как профессионала, крупнейшее базовое предприятие промышленности России: *самое, лучшее, крупнейшее, базовая, государственного, первый, передовой, призер, победитель*. А с точки зрения не контролируемых заводом источников «Радиозавод им. А.С. Попова» является предприятием - «омичом», активно демонстрирующим свою социальную активность, что подтверждают следующие атрибуты: *новогодний, известный, успешный, ледовый, традиционный, омский, инвестиционный и др.*

Анализ слота «Потребитель», реконструируемый по номинациям, находящимся в синтаксической позиции объекта действия, показывает, что в субъективном фрейме основным и практически единым потребителем являются военные структуры РФ: *Министерство обороны России, Армия России, Главное управление связи Вооружённых Сил РФ, Оборонно - промышленный комплекс России, Центральный, Западный, Восточный военные округа*. В объективном фрейме ситуация немного другая: здесь в роли потребителя выступают *омичи, омские депутаты, омские бизнесмены, депутаты горсовета, администрация Омска, ветераны, работники завода*.

В слоте «Продукт» следующая ситуация: в объективном фрейме радиозавод представлен как обычное промышленное предприятие, имеющее собственное производство на должном уровне и выпускающее *современное технологическое оборудование для омской промышленности, электронную и радиоэлектронную продукцию*. В основном используются нейтральные общепотребительные лексемы без употребления номенклатурных технических терминов. Скорее всего, это связано со спецификой продукции завода, которая Омским СМИ да и региональной аудитории мало интересна («*какие-то радиодетали*», по данным эксперимента со студентами). В

субъективном фрейме моделируется образ продукции военного назначения: *совершенствование системы хранения боеприпасов и вооружения в российской армии, унифицированные командно-штабные машины, бронетранспортер БТР-80, комплекты закрытой видео-конференц-связи ЗВКС-М, цифровые радиостанции «Азарт-П1», станции спутниковой связи Р-438 «Барьер-Т», радиорелейные станции Р-419Л1, цифровые системы «Редут-2УС» и др.* Анализ слота «Время» привел к следующим выводам. Результат своей деятельности ОАО «ОмПО «Радиозавод им. Попова А.С.» представляет реально, давая подробные отчеты о текущем состоянии дел, в текстах преобладают глаголы в настоящем времени (48%), однако 37% глаголов – глаголы прошедшего времени. Это связано с тем, что компания подробно освещает свою деятельность и ее итоги, значительная часть текстов компании – это пост-материалы, освещающие прошедшие события и их итоги. При этом в субъективном фрейме большая часть материала слота представлена в будущем времени: *на 2016 год, на период до 2025 года, будет, будущее, в будущем, завтра, к концу 2016 года, в период с 2017 по 2020 год, в период с 2021 по 2025 годы*», - что указывает на устремленность завода в будущее, на наличие долгосрочных планов у предприятия. В свою очередь в объективной информации преобладают материалы в прошедшем времени: *в 2007 году, 13 сентября 2013 года, 7 марта 2013 года, 13 марта 2014 года, с августа 2010 года по январь 2011, ранее, в июле 1954 года, было, год назад, с тех пор, с 1986 года.*

Слот «Интертекстуальность» в моделируемом и объективном фреймах имеет значительные отличия, которые состоят в следующем: субъективная информация связана с цитированием важных государственных деятелей *С. Шайгу, министр Обороны РФ, Владимир Путин, генерал-майор Александр Галгаиш и др. федеральных политических деятелей.* В свою очередь в объективных материалах чаще встречаются высказывания известных омичей: *Главный тренер «Авангарда» Евгений Корноухов, мэр Вячеслав Двораковский, известный спортсмен А. Шлеменко, губернатор Виктор Назаров и др.* Анализ слота «Интерсубъективность» подтверждает эти же выводы.

Анализ слота «Интерсобытийность» показывает всё те же отличия: в субъективной информации завод демонстрирует себя как *современное, военное, общероссийское* предприятие, ведущее свою деятельность в *интересах безопасности страны и проверки боеготовности войск в рамках федеральных и международных военных учений, включено в деятельность ОДКБ, Шанхайской организации сотрудничества, военно-промышленной комиссии РФ по развитию Фонда перспективных исследований, совещания с постоянными членами Совета безопасности РФ, очередного заседания Комитета начальников штабов вооруженных сил государств СНГ; единой системы управления тактического звена, отечественных специализированных выставок и конгрессов 2015 года, форума «Армия-2016», окружного этапа профессионального конкурса связистов «Уверенный прием-2016» и др.* В объективном фрейме завод - создатель проекта ледового городка Беловодье,

участник следующих региональных событий: *аукцион по продаже нежилого здания; 51-летие Юрия Федотова; ТОП-10 крупнейших налогоплательщиков региона в 2015 году; дело Мацелевича; субсидии из федерального бюджета; «музыкальный балкон», где посетители могут послушать виниловые пластинки; в честь героя труда в Омске установили памятную доску; предвыборный расклад Омских СМИ, открылся детсад на 350 мест; новогоднее оформление; 90 лет омской горожанке* и др.

Что касается анализа метафорических моделей «Компания», которые используются при моделировании имиджа Радиозавода, то в текстах находят воплощение именно универсальные модели: физиологическая метафорическая модель (Компания – это организм), военная (Компания – это боевое подразделение), патерналистская, или иначе «генетическая», «метафора родства» (Компания – это семья), социальная (спортивная) метафора (Компания – это команда) и артефактная метафора (Компания – это механизм), причем ведущими для моделируемого имиджа радиозавода являются военная и семейная модели.

Анализ моделируемого и объективного имиджей ОАО «ОмПО Радиозавод им. А.С. Попова» показал некоторое несоответствие того, как позиционирует себя компания, и того, как воспринимают ее внешние группы общественности. Анализ субъективного фрейма приводит к выводу о моделируемом командой завода имидже предприятия: радиозавод им. А.С.Попова видит себя *как крупное промышленное предприятие, основа Российской экономики, военное предприятие*. В качестве основной продукции, выпускаемой предприятием, выделяется разработка всевозможных современных передвижных узлов связи, вооружение солдат новейшими гаджетами для радиопередачи. В данном имидже организация живет будущим, имеет различные планы на 10 лет вперед и т.д. В плане географии деятельности предприятия фигурирует территория различных городов Российской Федерации и зарубежных государств. Из лиц, с которым предприятие хочет ассоциироваться, можно видеть преобладание субъектов федерального правительства России и российской армии.

Анализ объективного фрейма демонстрирует несколько иной имидж. Внешней средой организация воспринимается тоже как *крупное промышленное предприятие, радиозавод*. Однако в связи со спецификой продукции завода в данном фрейме основными доминантами построения имиджа являются «*Крупнейший налогоплательщик*», «*Социальная ответственность*», «*Региональный характер производства*» предприятия, что, безусловно, положительно складывается на объективном имидже предприятия. Авторитетными ассоциатами с радиозаводом в СМИ называются представители Правительства Омского региона, руководство и учредители радиозавода, политики и общественные деятели г.Омска.

Применение данной методики дискурс-анализа к материалу различного хронотопа демонстрирует изменение социальной ситуации в регионе. Десять

лет назад при изучении информационной стратегии этого предприятия мы заметили «резкий дисбаланс в информационном поле: в то время как региональная пресса начала нового тысячелетия помещает предприятие в абсолютную информационную блокаду, корпоративные медианосители демонстрируют активность и целенаправленность информационной политики администрации завода» [Никитина 2008: 53]. В настоящее время компания активно сотрудничает с региональными и федеральными СМИ, ведется планомерная информационная деятельность. Результатом этого становится относительно большое количество положительных публикаций, благодаря чему в медиaprостранстве региона имидж ОПО «Радиозавод им. А.С.Попова» сегодня является положительным.

Предложенная методика моделирования имиджа позволяет выявить не только эксплицитные составляющие имиджа организации, но и коммуникационную стратегию позиционирования предприятия (даже в тех случаях, когда оно этого не желает).

Литература

- Данюшина 2011 – Данюшина Ю.В., Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса. Автореф. Дис... доктора филол.н. М., 24 с.
- Евтушина, Ковальская 2014 – Евтушина, Т.А., Ковальская, Н. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования. // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. Вып. 88, № 6 (335). С. 42-46.
- Никитина 2008 – Никитина Е.А. О лингвистических методиках в пиарологии. // Язык. Человек. Ментальность. Культура. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 14-16 декабря 2007 г. Ч.1. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, «Вариант-Омск». С. 49-53.
- Никитина, Вертипрахова 2016 – Никитина Е.А., Вертипрахова Е.О. Коммуникативные стратегии в позиционировании социально неодобряемых товаров. // Научный диалог. Екатеринбург. №11. С.76-87.
- Никитина 2014 – Никитина Е.А. Прикладные аспекты лингвистических исследований: дискурс-анализ имиджа промышленных предприятий. // Вестник СурГПУ. №6 (33). Сургут: РИО СурГПУ. С. 134-145.
- Ромашова 2011 – Ромашова И.П. Метафорические модели фрейма «Компания» в корпоративных изданиях г.Омска. // Медиаскоп (электронный журнал). М.: Изд. МГУ.
- Ухванова-Шмыгова 2002 – Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 3. Минск: Технопринт, 360 с.

- Шилин 2011 – Шилин М.А. Связи с общественностью корпорации в XXI в.: прагматический аспект исследования. // Вестник московского университета. Серия 10: Журналистика. М.: Изд. МГУ, №6. С.46-60.

Nikitina, Elena

Dostoevsky Omsk State University, Russia

el_nikitina@rambler.ru

THE FRAME AS A MEANS OF MODELING THE IMAGE OF AN ENTERPRISE

***Abstract.** This study describes the image of an industrial enterprise. Discourse analysis of the company's texts is used as a tool of the image reconstruction. The article as a means of describing the image frame is represented: this is exactly the structure that the underlying subject of PR trying to impose the target audience. To evaluate the effectiveness of communication activities of the organization carries out a comparative analysis of the simulated image of the organization, reshaped by the primary PR-texts, and objective image of the organization, reflected in media texts.*

***Keywords:** Applied linguistics, discourse analysis of texts, the image of an industrial enterprise, the frame.*

ЗАЙМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается заимствование, как способ терминологической номинации в русской и болгарской терминосистемах информационных технологий. Языком-источником заимствованных единиц выступает английский язык. На современном этапе развития обеих терминосистем наблюдается ощутимая активизация англоязычных заимствований ввиду ряда экстра- и интралингвистических причин. Анализ процесса заимствования проводится на основе эксцерпированных терминов рядового пользователя.

Ключевые слова: *информационные технологии, компьютерная терминология, рядовой пользователь, терминологическая номинация, заимствование.*

Проникновение информационных технологий (далее ИТ) и их применение в повседневном общении во всех сферах человеческой деятельности (бизнесе, экономике, медицине, обучении, автомобилестроении, бытовой технике и др.) способствует распространению специального языка за пределы специализированной области. Хотя и сравнительно молодая, компьютерная терминосистема развивается очень динамично, благодаря новинкам, постоянному усовершенствованию и обновлению компьютерной техники, мобильных технологий, электронных носителей информации и интернет-ресурсов. На все изменения в обществе, в науке и технике, как известно, очень чутко реагирует язык. Интенсивное развитие техники, новые виды связи, создание новых программ и приложений, оказывают влияние на интенсивность развития компьютерного языка, заполнения новыми единицами или трансформациями уже существующие. Для обозначения новшеств в данной терминологической области используются средства терминологической номинации.

Как известно, научная область ИТ возникла на англо-американской почве, что обуславливает лидерство английского языка в данной сфере и его влияние на терминологические системы ИТ русского и болгарского языков. Таким образом, основой первых операционных систем, языков программирования и технической терминологии является английский язык, следовательно, первичная номинация инновационных разработок данной специальной области возникает в англоязычной среде. Вслед за Ю.Н. Марчуком, В.М. Лейчик выделяет первый принцип формирования терминосистем, а именно

принцип перевода терминологии [Лейчик 2007: 131]. Таким образом, системы компьютерных терминов в русском и болгарском языках являются результатом перевода англоязычной терминосистемы ИТ, а терминосистемы обоих языков являются вторичными по отношению к ней. Заимствование является внешним источником пополнения терминологии ИТ в обоих языках.

Под заимствованием понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [ЛЭС 1990: 158].

Болгарский терминолог М. Попова считает заимствование третьим внеязыковым процессом терминообразования и определяет его в качестве одного из самых продуктивных способов пополнения терминологических систем новыми единицами и таким образом относит его к терминообразованию, в частности к языковому этапу, который соотносится с терминологической номинацией [Попова 2012: 302-303, 416-417]. С. В. Гринев-Гриневиц рассматривает данный прием в качестве семантического способа образования терминов, так как в большинстве случаев при заимствовании терминов происходят семантические сдвиги значения [Гринев-Гриневиц 2008: 124]. Можно согласиться с данным утверждением, так как в ряде случаев заимствованный термин претерпевает семантическую модификацию или получает новое значение в языке-приемнике. Полученные лексемы становятся базой для новых номинативных процессов, обусловленных коммуникативной необходимостью и развитием терминосистемы.

Заимствование является одним из важнейших средств развития и пополнения терминологического состава русской и болгарской терминологических систем сферы ИТ. Нужно отметить, что данное влияние обнаруживается в различных сферах использования компьютерной терминологии, а именно: в строго научном стиле, которым пользуются специалисты (собственно терминология), на уровне устного общения между профессионалами (профессионализмы) и в сфере коммуникации рядовых пользователей (компьютерный жаргон).

При сопоставлении этапов развития компьютерной терминологии в русском и болгарском языках, выявляется различие в активности процесса заимствований в данных терминосистемах. При внедрении компьютерной отрасли в русскую действительность, наблюдается активное использование собственных языковых средств для отображения научных понятий, а в болгарской терминосистеме в то же время обнаруживается осязаемое влияние русского языка. Характерной чертой данного этапа развития являются громоздкие многосоставные термины, полученные описательным переводом, сложные для запоминания и употребления. В связи с началом политических перемен в обществе нарастают экономические, культурные и межязыковые контакты, а компьютерные технологии и интернет способствуют быстрому распространению терминов, номинирующих новинки в сфере ИТ. Современный

этап развития компьютерной терминосистемы в русском и болгарском языках характеризуется интенсификацией процесса заимствования, что обуславливает наш интерес к изучению данного способа терминологической номинации и сравнению особенностей ассимиляции в обоих языках.

При изучении данного процесса в последние десятилетия встает вопрос сохранения русского и болгарского языков, находящихся под сильным влиянием английского языка и английской культуры во всех сферах. Часть лингвистов считают, что заимствование может привести к потере характерных производительных особенностей русского и болгарского языков, к утрате культурной идентичности, а другие – что таким образом языки обогащаются. Данный вопрос еще с XIX века ставится пуристами в странах, подвергнутых влиянию иностранных языков, в частности английского (в Германии и во Франции, в России и в Болгарии). В данный период целесообразность иноязычных заимствований в русском языке обосновывал В.Г. Белинский. Современные лингвисты считают, что разумное использование заимствований не принесет вреда языку, послужит его развитию и обогащению.

С. В. Гринев предлагает классификацию причин данного процесса и разделяет их на две основные группы – экстра- и внутрилингвистические. К первой группе автор относит:

- культурное влияние одного народа на другой;
- наличие языковых контактов;
- повышение интереса к изучению иного языка;
- авторитетность языка-источника (что иногда приводит к появлению интернационализмов);
- исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны;
- условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово.

Ко второй группе причин С.В. Гринев причисляет следующие:

- отсутствие в родном языке эквивалентного слова или понятия;
- тенденция использования одного заимствованного слова вместо описательного оборота;
- стремление к повышению и сохранению коммуникативной четкости лексических единиц, которое выражается в устранении полисемии или омонимии в заимствующем языке;
- потребность в детализации соответствующего значения, разграничении некоторых его смысловых оттенков путем прикрепления их к разным словам;
- тенденция к экспрессивности, ведущая к появлению иноязычных стилистических синонимов;

- отсутствие в родном языке возможности образования производных от имеющегося в данном языке исходного слова;
- накопление в заимствующем языке однотипных слов, у которых намечается вычленение одного из подобных элементов, таким образом, заимствуются морфемы и словообразовательные элементы [Гринев 1982: 111-112].

Л.П. Крысин является сторонником разумного использования заимствований и обращает внимание на следующие причины, учитывая ряд «обстоятельств, имеющих лингвистическую и социальную природу», а именно:

- необходимость в номинации новой вещи, нового понятия;
- коммуникативная актуальность понятия;
- семантическое и функциональное разграничение иноязычного и исконного слов, синонимичных или близких по смыслу, необходимость разграничения близких понятий;
- нередко «чужое» наименование оказывается короче собственного, или тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия – нерасчлененности обозначающего;
- наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду и т.п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и укрепление в узусе новых заимствований, специализация иноязычного элемента и его употребление в функцию термина;
- престижность иноязычного слова по сравнению с исконным или ранее заимствованным и обрусевшим [Крысин 2008: 13-14, 31-32].

Основываясь на перечисленных классификациях, разделяем мнение русских ученых, что «при образовании терминов неуместен ни языковой пуризм, ни чрезмерное увлечение заимствованиями. Термин – это прежде всего элемент определенной научной области. ... Его план содержания – внеязыковая действительность, искусственно формируемая в данной научной системе, а план выражения – языковые элементы своего или чужого языка и искусственно отобранные терминологические элементы». Являясь составной частью понятийного аппарата, которым пользуется ограниченный круг специалистов, термин не принадлежит данному языку, а его семантика формируется в области специального знания [Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 107].

Таким образом, под влиянием экстра- и интралингвистических факторов, интенсивных современных межязыковых контактов, динамики развития сферы ИТ и возрастающей роли интернета как средства коммуникации, в последние десятилетия в терминосистемы русского и болгарского языков входят как иноязычные термины-слова со своей семантикой, терминосочетания или лексемы, являющиеся компонентами терминологических словосочетаний, так и

словообразовательные элементы (префиксоиды *авто-, анти-, мульти-/мульти-, гипер-/хипер-, мини-, ре-, де-, макси-, суб-/суб-, нано-*; суффиксы *-ция, -изация, -ер/-ор, -изм/-изъм* и др.), принимающие активное участие при образовании номинативных единиц терминосистем ИТ. Основными причинами динамики заимствования в терминосистемах ИТ русского и болгарского языков являются безэквивалентность терминоединиц, стремление избавиться от омонимии, потребность в четкости номинации, и экономии языковых средств.

Материалом настоящего исследования служат термины рядового пользователя компьютерных технологий, эксцерпированные из лексикографических источников (англо-русских, англо-болгарских компьютерных словарей, толковых словарей современной компьютерной лексики, словарей по компьютерной безопасности, словарей новых слов, научно-технических словарей), изданных после 1998 года, а так же из онлайн-изданий, как PC World, ComputerWorld, PC Magazine, NetworkWorld, Computers – на русском и болгарском языках и др. Данный материал включает терминологию стандартных программных продуктов – MSOffice, под управлением операционной системы Windows, самые использованные поисковые приложения Интернета. Корпус насчитывает более 3 500 единиц русского и болгарского языков – термины, профессионализмы, жаргонизмы, которые функционируют на разных стилистических уровнях коммуникации.

Переход языковых единиц из английской терминосистемы в русский и болгарский языки осуществляется:

- посредством прямого заимствования (*TFT, LED, JPS, JPRS, Excel, Word, PDF, MS-DOS* и др.),
- посредством перевода при помощи таких переводческих приемов, как:
 - транскрипция (*блог, фрейм, интерфейс, дисплей, аккаунт (в болг. акаунт), Андрюид, Фейсбук, Твитер, Скайп, слайд, смартфон, слот, супервайзор (в болг.), файл, кэш, драйвер, сайт, ноутбук, провайдер, и др.*),
 - транслитерация (*чат, алиас, трафик, спам, клипарт, спулер, модем, монитор, супервизор, процессор, курсор (в рус. и в болг.), но процесор (в болг.)* и т.д.),
 - калькирование (*архивный файл, база данных, папка, окно, видеокарта, гибкий диск, твердый диск, материнская плата, инсталляция, автозагрузка, ссылка*, иногда встречаются неправильные, неточные кальки в обоих языках типа – **cordless** > *беспроводной/ безжичен* и др.).

Дальнейшая ассимиляция терминов в принимающих языках (русском и болгарском) подчиняется грамматическим законам соответствующих языков.

Существуют различные подходы к классификации заимствованных единиц, но до сих пор не выработана единая и последовательная модель

их систематизации. Одна из интересных, на наш взгляд, классификация заимствованных единиц Г.Г. Тимофеевой. Автор выделяет три способа письменной формы заимствованных единиц, а именно: *трансплантация*, *транслитерация* и *транскрипция*. Под трансплантацией автор понимает заимствование лексических единиц с полным сохранением иноязычного написания [Тимофеева 1995: 14]. Такие заимствования еще определяются как «оригинальные», «буквальные» или «заимствования в чистом виде», т.е. в том виде, в котором они существуют в момент заимствования [Лотте 1982: 10]. Данная классификация построена на основе переводческих приемов, используемых при переходе терминологических единиц из языка-донора в язык-приемник. Д.С. Лотте считает, что существуют такие случаи, когда даже трудно говорить о заимствовании, так как «эти термины могли появиться при соответствующих условиях и в своем языке» [Лотте 1982: 12]. Данное высказывание можно проиллюстрировать следующими терминологическими единицами ИТ корпуса: **рус.** *окно* > **window**, *узел* > **node**, *блокнот* > **notepad**, *бороздка* > **groove**, *выбирать* > **select**, *взлом* > **crack**, *зажим* > **clip**, *закладка* > **bookmark**, *выпадающий список* > **dropdown list**, *командная строка* > **command line**, *неисправимая ошибка* > **fatal error**, *окно просмотра* > **scroll box**, *обратная связь* > **feedback**, *облачные вычисления* > **cloud computing** и др. и в **болг.** *прозорец* > **window**, *брояч* > **counter**, *вграждам* > **embed**, *възел* > **node**, *пробив* > **crack**, *отметка* > **bookmark**, *диалогов прозорец* > **dialog box**, *защитна стена* > **firewall**, *зареждам* > **load**, *команден ред* > **command line**, *критична грешка* > **fatal error**, *преместване с плъзгане и пускане* > **drag and drop**, *изчисления в облак* > **cloud computing** и т.д. О данных терминах можно рассуждать как об исконных, возникших под влиянием английской лингвокультуры, путем калькирования и семантической адаптации.

Более удачной, на наш взгляд, будет классификация терминологических единиц ИТ по степени их ассимиляции (неосвоенные, полусвоенные и освоенные заимствования), так как иногда переводческие приемы пересекаются и трудно провести четкую границу между группами терминов.

I. К неосвоенным терминам в русском и болгарском языках относятся названия фирм-производителей (*Microsoft, Macintosh, IBM, Apple, Asus, Nexus, Acer, Samsung, Sony, LG, HP, Xerox, Huawei, Dell, Lenovo, Cisco, TP-Link, One+, Logitech* и др.), марки частей аппаратного оборудования (*Intel, AMD, Radeon, Nvidia, Mali, Hisilicon, Qualcomm, Pentium, Corsair* и др.), названия операционных систем и программных продуктов (*Windows, Linux, MS-DOS, Adobe, Word, Excel* и др.), а также и ряд аббревиатур (*www* (от *World Wide Web*), *GIF, PIF, ZIP, RAR, GPS, PDF, JPEG, EXE, 3D, GPRS, RAM, LCD, UPS, CD, MP3, BMP, SMS, DVD, PC, AVI, JPEG, LAN, EXE, DOC, P2P* и т.д.)

В последнее время наблюдается вариативность в графике самых популярных номинаций сферы ИТ (*Микрософт/Майкрософт, Интел*), но они продолжают оставаться несклоняемыми.

Термин *веб* (болг. *уеб*) от англ. *web*, являющийся частью аббревиатуры *www*, переводится на русский язык как *всемирная паутина* (болг. *глобална мрежа*). Само слово *web* означает *сеть, паутина (мрежа в болг.)* и является частью многих единиц английской компьютерной терминологии: *web page, web camera, web site* и др. Путем комбинирования разных переводческих приемов, в русском языке эти двусоставные термины выступают как сложно-составные единицы (композицы), написанные через дефис, что является нехарактерным морфологическим приемом (*веб-сайт, веб-страница, веб-дизайн, веб-узел, веб-мастер, веб-разработки, веб-камера, веб-сайт, веб-пространство, веб-семинар и его новая форма вебинар, веб-сервис, веб-форум*). В болг. *уеб* является составной частью сложного слова и пишется слитно (*уебвъзел / уеб възел, уебстраница / уеб страница, уебдизайн / уеб дизайн, уебразработчик / уебразработчик, уебинар, но уеб семинар*), или является частью вариативного терминологического словосочетания, согласно „Официальному орфографическому словарю болгарского языка“¹.

В русском и болгарском языках можно говорить уже о частичной ассимиляции таких терминов как: *веб, кэ/е/ш, флэ/е/ш, он-лайн (онлайн), оф-лайн (офлайн)* в русском языке и *уеб, кеш, флаш, онлайн, офлайн*, ввиду их графического изображения кириллическими буквами, хотя и в болгарском, и в русском языках продолжают употребляться параллельно оба графических варианта. Колебание при написании терминоединиц в обоих языках приводит к формальной вариативности в терминосистемах. Данный факт говорит о том, что в настоящий момент эти термины находятся на промежуточном этапе своего становления. Некоторые исследователи называют данные лексемы варваризмами. По словам Л.П. Крысина, это начальная стадия заимствования [Крысин 1989: 78].

Несмотря на формальную неосвоенность данных терминов, они проявляют высокую функциональную активность, широко употребляются в сочетании с другими лексемами, а также выполняют роль словообразовательного компонента сложного слова в русском языке (*кэш-память, флэш-память, флэш-накопитель, онлайнное сообщество, онлайнная торговля, онлайнный чат, онлайнная радиостанция и др.*), а в болгарском языке образуют словосочетания (*кеш памет, флаш памет, онлайн търговия, онлайн банкиране, онлайн телевизия и др.*). Образованные новые лексемы или словосочетания относятся к гибридным терминам.

Аббревиатурные термины фиксируются в словарях путем их перевода на русский и болгарский языки словосочетаниями, но в большинстве случаев, данный способ остается только в словарных статьях, так как в письменной речи используется их оригинальная графика, а в устной речи обычно сохраняется их английское произношение. Данный факт можно продемонстрировать на

¹ Официален правописен речник на българския език. БАН, ИБЕ „Проф. Любомир Андрейчин“, София: Просвета, 2012. 676 с. (с. 52, т. 53.4.1.1; с. 63, т. 55.2; с. 631.)

примере аббревиатур, таких как: *BIOS, IT, PC* – в рус. *БССВ, ИТ, ПК*, в болг. *БИОС, ИТ, ПК* и др, где последние два термина в обоих языках изображаются кириллицей, а в устной речи сохраняется английское произношение – ай-ти, пи-си. Интересным является произношение аббревиатур в русском языке. Для экономии речевых усилий аббревиатуры произносятся или согласно английской транскрипции (напр. *TCP IP* – тисипи айпи, *GPS* – джипиэс), или согласно русским правилам произношения (*BMP* – бээмпэ, *HDR* – хадээр), или же характеризуются сочетанием аббревиатурного и акронимического произношения (*SCSI* – скази, *JPEG* – джипег). Подобное произношение иногда встречается и в болгарском языке (аббр. *JPEG* – джипег и *BMP* – беемпе), возможно, под влиянием русского языка.

II. Частично освоенные термины определяются как полуосвоенные или полуварваризмы, или же их причисляют к *гибридным терминам*, Д.С. Лотте их называет *смешанными заимствованиями* [Лотте 1982: 14], а Л.П. Крысин – *словами-кентаврами* [Крысин 2010]. Данные термины отличаются комбинированием на структурном уровне освоенных и неосвоенных частей терминов. Специфической особенностью большинства терминоединиц данной группы является их графическое оформление (полиграфиксаты).

Гибридные единицы можно сгруппировать следующим способом:

- комбинирование латинского и кириллического написания через дефис, при подчинительной связи (прием не характерный для русской и болгарской орфографии): в рус. «ОК» *кнопка, SIM-карта, IP-адрес, EXE-файл, RAM-память, PIN-код, PDF-файл, Q-фактор, код ASCII, e-мейл (e-мэйл)* и др. и в болг. «ОК» *бутон, SIM карта, ASCII код, PC карта, IP адрес, команден ред MS-DOS, презаписваем BIOS, файл с разширение „cot“*, *e-мейл / и-мейл* и др.;
- комбинирование заимствованных лексем, основ и др. и исконно русских или болгарских единиц, как например: рус. *жесткий диск, смарт часы, смарт телевизор, автозагрузка, бесформатный, веб-страница, веб-камера* и в болг. *твърд диск, смарт часовник, смарт телевизор, видеокарта, предефинирам, предискретизиране, прекомпилирам, уеб страница* и др.,
- сложные сочетания, состоящие из латинских букв или аббревиатур, цифр и терминов: *3D-файл, MP3-плейер* (в болг. *MP3-плейър*) и др.

Интерес представляют русские термины *SMS-сообщение / СМС-сообщение, PIN-код* и болгарский термин *PIN код*, встречающиеся в данном графическом оформлении в электронных словарях компьютерных терминов, в научных статьях, в официальных документах, и в языке масс-медиа. В обоих (кириллическом и кириллическо-латинском) графических вариантах термины являются гибридными, где к заимствованной, не освоенной полностью аббревиатуре, путем сложения прибавлено собственное, русское/ болгарское слово, которое является универб-вариантом русского термина

(‘служба коротких сообщений (в сетях сотовой связи)’ > короткое сообщение > сообщение). Таким образом, получается тавтология термина, которую можно избежать, используя только одну – более популярную и четкую по своей семантике часть, являющуюся интернациональным термином, а именно – аббревиатуру. Подобное графическое оформление данных единиц, с одной стороны, свидетельствует об активизации процесса гибридизации, а с другой – является знаком интернационализации терминов.

К этой группе можно отнести и термины, полученные путем сложения, первая часть обладает атрибутивными свойствами, как: **рус.** *компакт-диск, мастер-диск, флопи-диск, клиент-сервер*; в болгарском языке – это сложные слова, которые пишутся слитно: **болг.** *компактдиск, флоридиск*, но *клиент-сървър*. Можно сделать вывод о том, что данная группа терминов относится к полуосвоенным терминам в обоих языках.

III. К группе освоенных терминов можно отнести такие термины, как: **рус.** *интернет* – **болг.** *интернет* (от англ. Internet); **рус.** *сайт* – **болг.** *сайт* (от англ. site); **рус.** *браузер* – **болг.** *браузър* (от англ. browser), **рус.** *гипертекст* – **болг.** *хипертекст* (от англ. hipertext) и т.д. К этой группе терминов можно причислить также: в **рус.** *смартфон, сканер, интерфейс, софтвер, принтер, опция, кластер, картридж, виджет, гаджет, драйвер, браунинг, дескриптор, директория, ноутбук, лэптоп, принтер, сканер, слайд, слот, спулер, супервизор* и **болг.** *смартфон, интерфейс, софтуер, скенер, опция, принтер, чат, клъстър, гаджет, драйвер, директория, дигитайзер, таблет, лаптоп, принтер, скенер, слайд (относится к профессионализмам), слот, спулер, сплитер, супервайзор, виртуален порт* и др.

Для некоторых из терминов данной группы характерна повышенная словообразовательная продуктивность (**рус.:** *интернетский, интернетовский, интернет-магазин, интернет-сервер, интернет-клиент, интернет-провайдер, интернет-торговля, интернет-сообщество, софтверный, софтверный разработчик* и др. и в **болг.** *интернет страница, интернет ресурси, интернет сървър, интернет магазин, интернет търговия, софтуерен продукт, софтуерен инженер, софтуерни разработки* и др.).

Особенностью заимствованной и уже освоенной компьютерной терминологии оказывается тот факт, что английские термины являются толчком для создания, путем различных переводческих приемов, лексико-семантических, словообразовательных и фонетических способов, единиц разных стилистических уровней компьютерного языка, а именно профессионализмов и жаргонизмов (**рус.** *Internet* > *инет, Интернетушка, сетка, сеть, паутина, нет, нетушка, Ынтернет, Ынтырнет, нитернет, Всемирная паутина, software* > *софт, софтвер, софтина, софтверий, мягкость, interface* > *междумордие, междурожа, морда e-mail* > *Емеля, электронка, эл. почта, эл, интернет-почта, е-мейл, емейл, емайл, имейл, мейл, мэило* и др.).

др.; и **болг. Internet** > *нет, мрежата, Световна паяжина, минет, software* > *софтуер, софт, мекица, e-mail* > *мейл, имейл, емейл/а* и др.).

В русском и болгарском языках наблюдается тенденция создания жаргонных единиц, обозначающих новинки в сфере ИТ, образованные под воздействием англоязычных терминов. В ряде случаев быстрая ассимиляция и активное использование жаргонных единиц способствуют на более позднем этапе их переходу в терминосистему. Разграничить профессиональные и жаргонные единицы от терминологических иногда трудно. В связи с частотностью употребления и четкостью их значения, после утраты ими экспрессивности, часть единиц сниженной лексики кодифицируется и начинает выполнять терминологические функции.

В русской и болгарской терминосистемах в качестве исконных воспринимаются такие единицы как: **рус.** *меню, текст, документ, архив, пират, портал, метод, команда, программа, регистр, брандмауэр, стиль* и др. и **болг.** *меню, текст, документ, архив, пират, портал, метод, команда, програма, регистър, стил* и др. В ходе этимологического анализа данных единиц, устанавливается, что они являются заимствованиями, а в настоящей терминосистеме, путем вторичного семантического заимствования, расширяют свое общепотребимое значение и приобретают новое – терминологическое.

Таким образом, процесс заимствования является комплексным способом номинации. Заимствованные единицы классифицируются по уровню ассимиляции в русском и болгарском языках как неосвоенные, полuosвоенные и освоенные. К первой группе относятся названия фирм-производителей, марки частей аппаратного оборудования, названия операционных систем и программных продуктов, а также ряд аббревиатур и др. термины. Для терминов обоих языков характерна формальная (графическая) вариативность, что является маркером начального этапа их становления. Несмотря на формальную неосвоенность, данные термины проявляют высокую функциональную активность, широко употребляются в сочетании с другими лексемами и являются составным элементом гибридных терминов. В произношении некоторых болгарских аббревиатур ощущается влияние русского произношения. Ко второй группе относятся гибридные термины, отличающиеся на структурном уровне комбинированием освоенных и неосвоенных частей терминов. Характерной особенностью в обоих языках является их графическая оформленность как свидетельство тенденции интернационализации терминоединиц ИТ. Третью группу составляют освоенные заимствованные термины, которые характеризуются повышенной словообразовательной активностью с тенденцией к образованию профессионализмов и жаргонизмов.

Литература

- Гринев 1982–Гринев С.В. Терминологические заимствования (Краткий обзор современного состояния вопроса). // Лотте Д.С. Вопросы заимствования и

упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов... Москва: Наука, 1982. С. 108-132.

- Гринев-Гриневиц 2008 – Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение. Москва: Академия, 2008. 303 с.
- Даниленко 1977 – Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977. 246 с.
- Кармызова 2003 – Кармызова О.А. Компьютерная лексика: структура и развитие (на материале английского, русского и некоторых других языков): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 217 с.
- Кирова 2004 – Кирова Л. Компьютерная лексика – актуальные процессы и тенденции // Liternet, 2004. № 5 (54). URL: <http://litenet.bg/publish3/lkirova/lex-procesi.htm> (дата обращения 15.04.2014).
- Крупенева 2009 – Крупенева В.П. Об источниках и способах формирования лексики пользовательского интерфейса в английском языке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. №114. с. 217–222. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-istochnikah-i-sposobah-formirovaniya-leksiki-polzovatel'skogo-interfeysa-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 29.02.2016).
- Крысин 1989 – Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях. // Язык и личность. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Отв. ред. Д. Н. Шмелев. Москва: Наука, 1989. С. 78-86.
- Крысин 1993 – Крысин Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики. // Диахроническая социолингвистика. Москва, 1993. С. 131-152.
- Крысин 1996 – Крысин Л.П. Языковое заимствование в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. Москва, 1996. С. 142- 161.
- Крысин 2008 – Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. Москва: Знак, 2008. 320 с.
- Крысин 2010 – Крысин Л.П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, № 4(2), 2010. С. 575-479.
- Лейчик 2007 – Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. Москва: ЛКИ, 2007. 256 с.
- Лотте 1982 – Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. Москва: Наука, 1982. 149 с.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. Москва: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Попова 2012 – Попова М. Теория терминологии. В. Търново: Знак 94, 2012. 687 с.
- Сайтова 2015 – Сайтова Г.Н. Особенности образования и классификации терминов в немецком языке. // Вестник Башкирск. ун-та. 2015. № 2. С.

591-594. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obrazovaniya-i-klassifikatsii-terminov-v-nemetskom-yazyke> (дата обращения: 31.01.2016).

- Суперанская, Подольская, Васильева 2012 – Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильевна Н.В. Общая терминология. 6-то издание, Москва: Либком, 2012. 248 с.
- Тимофеева 1995 – Тимофеева Г.Г. Новые английские заимствования в русском языке. Произношение / Г. Г. Тимофеева. Санкт-Петербург: ЮНА, 1995. 107 с.
- Щитова, Нгуен 2016 – Щитова О.Г., Нгуен Т.Л. Лексика сферы информационных технологий в профессиональном дискурсе (на материале русского, английского и вьетнамского языков) Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч 2. С. 174-177. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/49.html> (дата обращения: 26.12.2016).

Nikolova, Diyana

Shumen University Episkop Konstantin Preslavski, Bulgaria

d.nikolova@shu.bg

BORROWING AS A METHOD OF TERMINOLOGICAL NOMINATION IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGY

***Abstract.** The article considers borrowing as a method of terminological nomination in the Russian and Bulgarian terminology of information technologies. The source language of the borrowed units is English. At the present stage of development of both terminology, there is a noticeable activation of English-language borrowing due to a number of extra- and intralinguistic reasons. Analysis of the borrowing process is based on a sample of common user terms. It is concluded that the main way to replenish the terminology of Russian and Bulgarian languages is the way of borrowing.*

***Keywords:** Information technology, computer terminology, ordinary user, terminological nomination, borrowing.*

НОВАЯ РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

***Аннотация.** Наблюдения над дискурсивными практиками и дискурсами в современном коммуникативно-речевом пространстве России позволили зафиксировать в нем некоторые устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, которые могут свидетельствовать об определенных настроениях в российском обществе, его интеллектуальных и ментальных установках, мировоззренческих позициях. К числу таких сочетаний можно отнести следующие: ушел в астрал, измененное сознание, повторять как мантру, Мудрые Учителя, Тонкие тела, диагностика кармы, почистить карму, третий глаз, живая этика, четвертый путь, трансерфинг реальности и под. Причинам появления и закономерностям функционирования данных устойчивых словосочетаний в современном публичном коммуникативно-языковом пространстве России посвящена статья.*

***Ключевые слова:** устойчивые выражения, используемые в эзотерических текстах, эзотерический дискурс, эзотерический текст.*

Активность процессов в области фразеологии современного русского языка: образование новых пластов фразеологических единиц, активизация фразеологизмов, изменение эмоционально-стилевой и функционально-стилевой окраски фразеологизмов, изменение в сферах функционирования фразеологизмов и под. – факт общепризнанный в лингвистике. На него еще в 1996 году в статье «Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества» указывала Е.А. Земская, которая писала: «характерной чертой современного дискурса вообще – будь это язык художественной литературы, официальное выступление по ТВ или радио, реклама, непринужденная устная речь, газета – является широкое и даже широчайшее использование различного рода цитат и клише» [Земская 1996: 22]. Ситуация в настоящее время в сфере фразеологизмов, клише, штампов и других устойчивых единиц остается неизменной. Меняется, пожалуй, только характер содержательного наполнения фразеологических «волн», обусловленный социальными, культурными и ментальными процессами в жизни современного российского общества.

Достаточно новой группой фразеологизмов, маркирующих важные социально-культурные и ментальные процессы в современном обществе, особый тип мышления, особую оптику восприятия действительности и особое состояние общественного сознания, предлагающего и принимающего иррациональные объяснения многих фактов и явлений физической и духовной

жизни, стали устойчивые сочетания, которые можно назвать мистическими, метафизическими, эзотерическими. К их числу можно отнести следующие: *уйти в астрал, повторять как мантру, измененное сознание, очистить ауру, информационное поле, тонкие тела, диагностика ауры, астральный план, эфирная оболочка, трансерфинг реальности* и др. Источником таких фразеологизмов являются мистические, эзотерические, шире, дискурсы с иррациональным модусом восприятия действительности.

Для того, чтобы понять языковую природу и определить особенности функционирования интересующих нас фразеологизмов необходимо рассмотреть ту почву, на которой они возникают, т. е. эзотерические, мистические и метафизические дискурсы. Такого рода дискурсы можно определить как совокупность вербальных высказываний и невербальных продуктов, возникающих в связи с общественно-речевыми практиками в области эзотерики, а также практиками, допускающими полностью или частично знания и убеждения в этих областях, принимающими метафизическое, иррациональное, эзотерическое объяснение человека и мира. Эзотерический дискурс реализуется в наборе специфических жанров и текстов [Новоженова 2016а: 51]. В соответствии с прагматическими целями жанровые разновидности эзотерических текстов можно разделить на три группы: 1) тексты, интерпретирующие и демонстрирующие эзотерическое знание и познание, тексты о миропознании (трактаты, эссе, послания, наставления и др.); 2) тексты суггестивные, описывающие практики самоусовершенствования и пропагандирующие возможности и пути духовного перерождения (наставления, послания и нек. др., инструкции по духовным практикам); 3) тексты, указывающие на эзотерические знаки и символы (сонники, астрологические прогнозы, гороскопы, словари имен собственных, профетические тексты и под.). Жанровое разнообразие эзотерических текстов дополняют также мистические и оккультные тексты, прорицания, откровения, профетические тексты (провидения и предсказания), гримуары, которые представляют собой учебники магии, инструкции по изготовлению амулетов, талисманов, вызову духов, астрологические прогнозы, эзотерическая публицистика, беллетристика и нек. др. Примерами эзотерического дискурса могут быть следующие фрагменты текстов:

1. *«Учитель Иисус, Который представляет Собой фокус энергии...: живет в настоящее время в сирийском теле в определенной местности Святой Земли. Он находится на шестом Луче Преданности или Абстрактного Идеализма; Как Аполлоний Тианский Он получил пятое посвящение и стал Учителем Мудрости... Он, в сущности, Великий Лидер, Генерал и мудрый Руководитель»;*
2. *«Упражнения по открытию третьего глаза аджна чакры на удивление просто и действенно. После месяца занятий можно начать чувствовать непреодолимый экстаз в области головного мозга и кроме того, до этого неизвестные и непонятные вещи»;*

3. «- Дети до 10 лет консультируются за символическую плату; Внимание: в июне состоятся посвящения с 50% скидкой в каналы: Св. Будда, Св. Моисей, Св. Мухаммед, Св. Иисус, Агни, Хум, Агни-Хум. Информация по телефону»;
4. «Пошаговое руководство, как войти в контакт с внеземным разумом; Он давно уже присутствует на Земле (лучше сказать — всегда присутствовал). И работа его сегодня — в самом разгаре! Что же это за разум? Каковы его цели? Эта книга предоставляет слово самим Старшим Братьям человечества. В ней вы встретите много знакомых имен: Ра, Афина, Архангел Михаил, Майтрейя, Сен-Жермен, Мория, Кут Хуми... Сейчас они предстают перед нами в новом обличье — как работники Галактической Иерархии Света, хранители человеческой эволюции. Они дают нам пищу для размышлений и не навязывают незыблемых Истин. Наши контакты со Старшими Братьями имеют многовековую историю. В глубокой древности их считали душами мертвых, затем — богами, демонами, ангелами, бодхисаттвами, язвами, эльфами — каких только теорий люди не строили» [Ченнелинг — интернет-источник], [Новоженова 2016б: 90-102].

Появление, интересующих нас устойчивых сочетаний, определено как свойствами указанных нами эзотерических дискурсов, так и свойствами дискурсивных процессов вообще. Необходимо отметить, что каждый институциональный, статусно-ориентированный дискурс создает свою речевую системность, свою форму устойчивости, через которую он и может быть опознан и осознан. Напомню, что в целом, институциональный дискурс понимается как клишированная разновидность коммуникации: он строится по определенному шаблону, вырабатывает присущие только ему формы трафаретности [Карасик 2004: 239], но «степень трафаретности» различных типов и жанров дискурса различна.

Своим набором языковой и коммуникативно-речевой устойчивости — коммуникативными стереотипами, лексическим контентом/тезаурусом, клишированными языковыми средствами, жанровым составом — обладает и эзотерический дискурс, в пределах которого либо формируются и функционируют интересующие нас устойчивые словосочетания, либо он является источником для пополнения номинативно-экспрессивных средств других дискурсивных сфер.

Основой для формирования «эзотерической устойчивости» является особая когнитивная и прагматическая программа, реализуемая в эзотерическом дискурсе. Формы устойчивости данного дискурса определены когнитивными процессами образования и трансляции новых смыслов, понятий, которые на речевом уровне преобразуются в семантические процессы и стратегии. Эзотерическое знание, эзотерическая «идеология» определяют и ономазиологические аспекты текстообразования, создают «свое» информационное пространство

текста, выражающее содержательно-концептуальную информацию [Гальперин 2009] мистических, эзотерических дискурсов и текстов, базирующих на эзотерическом знании и иррациональном способе эзотерического познания. Обобщая и в определенном смысле упрощая, можно сказать, что эзотерическое знание является внеисторическим, сокровенным и тайным, открытым только посвященным и поэтому непроверяемым. В нем выражается вера в существование иной, «подлинной», реальности, особое понимание и постулирование универсальности законов мироустройства, понимание времени как нелинейного, цикличного, повторяющегося; возможность автономности человеческого сознания, стремление к синтезу философского, религиозного и эзотерического опыта; поиски путей гармонизации психического состояния человека.

Эзотерический текст демонстрирует отличный, например, от научного текста метод познания. Научный текст базируется на доказательном знании, устанавливающем причинно-следственные отношения между явлениями и объектами действительности. Эзотерическое знание основывается не на причинно-следственной выводимости, а на интуитивно-духовном, иррациональном, мистическом постижении реальности. «...Любой текст, попадающий под определение эзотерический, в значительной мере предполагает иррациональное понимание сущности рассматриваемой проблемы» [Кузьминская 2013: интернет-источник].

Фразеология эзотерических текстов входит в состав (комплекс) языковых и речевых средств, выражающих содержательно-фактуальную и содержательно-концептуальную информацию. Как показал анализ текстов, в создании тезауруса эзотерического дискурса участвуют и устойчивые сочетания (клише, речевые стандарты, фразеологизмы). Активизация эзотерического дискурса способствует формированию в нем новых словосочетательных связей и возникновению внутритекстовых устойчивых словосочетаний, в которых ясно выражена эзотерическая «идеология», таких как, например, *Живая Этика, тайная доктрина, расширенное сознание, чистое сознание, измененное (состояние) сознания, Тонкие Тела, эфирное тело, Божественный план, диагностика ауры, четвертый путь, сила мысли, Вознесенные Мастера, Учителя Человечества, высшее планетарное Братство, эфирная оболочка, астральный план, энергетический канал, энергоинформационные структуры, Высший разум, астральное тело* и др.

Часто словосочетательные связи дают метафорический эффект и выражают символические смыслы: *фокус энергии, непрерываемое сознание, просветленная память, высшая энергетическая связь, страшное время, эфирные оболочки, Вознесенные Владыки, Владыки мудрости, Священный Высший Разум, Сокровенная мудрость, Третий глаз, луч преданности* и др.

Устойчивые эзотерические сочетания выстраиваются в парадигматические единства, объединенные смысловой общностью. Одной из самых

представительных является группа, называющая духовных учителей эзотеризма: *учитель эзотеризма, гений эзотеризма, Учитель Человечества, Вознесение Мастера, Вознесение Владыки, Владыка Мудрости, Владыка Шамбала, Посланник Великого Белого Братства, Наставник Человечества, Верховное Существо, Высшее планетарное братство, Сыны Света, Космические существа, Махатмы Востока, Великие учителя Востока, Высшие Существа Планет, Хранитель чистых качеств*. Своей многочисленностью данная группа обязана той исключительной роли, которую играет категория учителя, наставника в эзотерическом миропонимании.

Речевые дискурсивные процессы, создающие новые контексты, постоянно расширяют и дополняют смыслы ключевых понятий эзотерического текста: *эзотерическая — ситуация, психология, расклад, салон, магия — черная, белая, серая, боевая, денежная; астральный — тело, план, энергия, путешествие*. Развитие словосочетательных связей может свидетельствовать о столкновении в дискурсе трансцендентных, метафизических и бытовых смыслов на уровне словосочетаний (*эзотерический салон*).

Будучи строевым элементом текста «эзотерические» словосочетания участвуют в формировании одной из самых характерных черт эзотерического дискурса — возвышенной, патетической, восторженной, пафосно-воодушевленной, мистической тональности [Новоженова 2016б: 174-180], которая наполняет текст содержательно-концептуальной информацией и манипулирует сознанием читателя. Н.Б. Мечковская замечает, что подобного рода тексты «пробуют увлечь неопита красотой тайны и поэзией непонимания» [Мечковская 1998: 117].

В то же время, можно наблюдать, что эзотерические смыслы выходят за рамки узкоспециальных эзотерических текстов и проникают в сферу публичной коммуникации [Новоженова 2016б: 90-100].

Проявлением такой ситуации является широкое распространение в различных сферах речевой коммуникации определенных словосочетаний: *уйти в астрал, очистить карму, измененное сознание* и нек. др. Особенностью данных фразеологизмов является то, что они приобретают вторичное переносное значение, утрачивая связь с исходным значением, теряя в этом процессе эзотерические смыслы. В русском публично-речевом пространстве достаточно активно функционирует устойчивое сравнение *повторять как мантру*.

Мантра, ключевое, стержневое слово данного устойчивого сравнения имеет ведийское индийское происхождение: Мантра (санскр. *mantra* – «орудие мысли», «средство передачи мысли»), сакральное слово, часть ритуала в ведийской религии, а также в индуизме и буддизме [Кругосвет: интернет-источник]. «Особое значение мантра имеет в эзотерическом дискурсе» [Современный философский словарь: интернет-источник].

Функционирование слова мантра в Интернет-пространстве подтверждает факт увлеченности российского общества эзотерическими идеями. Запрос «мантра» в поисковой системе google.ru дает 2.990.000 результатов, почти все они связаны с эзотерическими практиками, о чем свидетельствуют названия адресов интернет-сайтов, содержащие в своем названии лексему «мантра».

Мантра-садхана – Лайя-йога, Мантра Лакцими для привлечения денег, Мантра Гаятри (Gayatri) — обретение Силы и Могущества, Мантра духовного роста, Творит чудеса. Успокаивает ум мантры – ОМУ.ru, Индейские мантры для медитации, Махамритьюнджая мантра - «Сириус» - сайт Т.Н. Микушинов, Мантра «Сат Нам» - Федерация Учителей Кундалини Йоги и т. д.

Специальное, метафизическое значение и смысл этого слова зафиксированы прежде всего в специальных словарях: Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. - 896с; Эрнест Вуд. СЛОВАРЬ ЙОГИ. Перевод К. Семёнова. «София», 1996; Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. Альбедиль М.Ф. и Дубянского А.М. М.: Республика, 1996; Словарь восточных терминов, 2000; Словарь религиозных терминов (в помощь изучающим «Основы религиоведения»), Миронов О.В, Воронеж, Изд-во БГУ 2002, 42 с. и др.

Так, словарь «Индуизм. Джайнизм. Сикхизм» дает следующее определение лексемы мантра: (от корня «манн“ – мнить, полагать + орудийный суффикс -тра, т. е. «орудие осуществления психического акта») – сугубо необыденный текст, произнесение которого, а нередко и тверждение вполголоса или почти беззвучное бормотание многие тысячи раз считается производящим особые результаты, магические или духовные. В ведической культуре и раннем брахманизме М. назывались поэтич. части Вед и отрывки из них; использование было в основном ритуальным. Так, важнейшая из ведических М., т. наз. гаятри, ежедневно воспеваемая праведными индуистами на заре, содержит самопризыв к преуспеянию посредством благой силы солнца. Эта М. состоит из трех восьмисложных стихотворных строк. В позднейшем индуизме, особенно в тантрах, появилось великое множество М. разной длины, цели, устройства и пр. Очень часто М., в целом понимаемые как санскритские тексты, содержат в разной мере отклонения от обычного общепонятного языка; в пределе это приводит к М. как последовательности звуков, не имеющих смысла вне ее. Существует два главных класса М. Первый класс включает в себя М., требующие передачи-посвящения от лица, осуществившего в своей практике силу М. и испытавшего ее результаты. Без этого тверждение М. бесполезно. Второй, как считается, производит результаты вне зависимости от такой передачи.

В этом случае важно тщательно воспроизводить звучание. Важнейшая краткая индуистская М. – Ом. Гл. шиваитская мантра – «Ом намах шивая», вишнуитская – «Ом намо нараяная». Перестановка слогов М. дает много других М. на разные случаи жизни (скажем, от зубной боли, от змей и пр.). Особый

класс М. в тантрической практике составляют т. наз. «семенные» («биджа»), т. е. слоги, воображаемые практиком в особых местах тела и разворачивающиеся в божества. М. есть модулятор энергии (праны), как внутренней, так и внешней. С индуистской точки зрения М. являются и нек-рые христианские молитвы, напр, католическая «Аве Мария» или «Отче наш». Если М. содержит в себе обращение к некоему божеству, персонажу, то предельная ее цель – причащение к нему или слияние с ним [Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь: интернет-источник].

Именно в таком значении употребляется термин «мантра». Это значение получает в русском эзотерическом дискурсе свои контексты: «Гаятри-мантра работает с едва уловимыми образами в нашем сознании, которые являются источником негативных мыслей. Она успокаивает внутренний ментальный шум, расправляет кармические складки, очищает эго, обостряет интеллект и просветляет наше внутреннее я. Она подключает нас к нашему внутреннему учителю, и мы становимся в состоянии воспринимать его указания. Эта мантра особенно полезна тем, кто сбит с толку, дезориентирован, переполнен сомнениями, скептицизмом. Официальное название этой мантры – савитри, женский род от савита, что означает «источник», «начало», «солнце»...» [Беседа с...: интернет-источник].

«Наиболее легкий и эффективный способ открыть третий глаз – с помощью джапы. Джапа означает повторение мантры – особого слога, слова, предложения или группы предложений. Есть довольно много мантр, которые помогают открыть третий глаз. Например, Гаятри мантра, которая обращена к бесконечному знанию, мудрости и свету. Очень эффективно повторение Аум. Каждый центр имеет свой тайный звук, который наиболее эффективен. Для третьего глаза самый эффективный звук А ум. «М» должно звучать в три раза дольше, чем «ау». Повторяя эту мантру, следует также фокусировать внимание на третьем глазе. [~]» [Мантра для открытия...: интернет-источник].

Знаком освоения слова *мантра* говорящим сообществом является фиксация его не только в энциклопедических и специальных словарях, но и в толковых словарях как общеупотребительного. Именно эту ситуацию фиксирует Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой «мантра – сакральные слог, слово или словосочетание, многократное произнесение которых оказывает на сознание человека огромное духовно-энергетическое воздействие (в буддизме)» [Современный толковый словарь: интернет-источник].

Дискурсивно-речевая практика демонстрирует изменения в значении слова *мантра*. Прежде всего это связано с девальвацией мистических смыслов, проявляющемся в его вхождении в парадигматические и ассоциативные отношения, а также синтагматические связи. Именно смысловая девальвация позволяет говорящему субъекту помещать данное слово в широкие ассоциативные связи: *ом, кармапа, йога, янтра, песня, тара, кришна, белая тара, повторение, песнопение, гул, заклинание, вибрации, тантра, молитва,*

Можно читать про себя мантру: «Я сдам все экзамены и поступлю в хороший вуз» [Конюхова 2014]; И при том, что сам Фарадж и другие партийные активисты, как мантру повторяют: «Мы не расисты» [Бенедиктов 2014]; Скорее всего, ходили бы в бригадах, а самой часто употребляемой фразой стала бы мантра: «Ну, че?» [Шахназаров 2014]; Простите, но это напоминает реакцию мужа, который гнобил, унижал жену, мало того, во время скандалов аки мантру повторял «не нравится что – вали к бывшему...» [Беседин 2014]; Еще есть время, беззвучно повторил он себе, не слишком уже веря в эту сомнительную мантру, - есть еще время; Нет, никого не спасают мантры, когда тихо тлеют собственные пятки. Впрочем, у каждого свои заветные мантры... [Рубина 2014]; Путин уходи! Очередная мантра. Я не хожу на эти спектакли [Алексиевич 2013]; Многолетние нескончаемые мантры — доудринские, кудринские и послекудринские – втемяшили даже самым разумным людям в голову, что немыслима дороговизна денег в России есть дело естественное [Привалов 2013]; Мы стояли на улице у нашей калитки, я тихо и настойчиво наговаривала Зойке мантру: «Девять месяцев...посчитай» [Синявская 2013]; Без устали, как мантру, он повторял: «Хочу быть учеником своих идей» [Гейс 1998]; А того, черта узкоглазого, я забыла, забыла. Повторять как мантру. Говорят, что если быть настойчивым, получается все [Завершнева 2012]; Ничего, ничего... все пройдет... не надо болеть... мне отдай... давай я заберу... а ты не болей... не надо тебе... мне уже можно... тебе нельзя... отдай болезнь... пройдет... все пройдет... Мама шептала это, как мантру. И как будто не она шептала, а за нее кто-то [Трауб 2010]; Все как мантру повторяют средний возраст... средний возраст.. а что в нем? [Форум: 2010]; Володя Бойков любил повторять, что когда-то человек использовал слово как мантру, он мог сказать слово и укрыться им [Андреева 2009]; Общество сегодня не хочет знать о развитии Дальнего Востока, о том, какой колоссальный переворот нам – не китайцам и не марсианам — предстоит сделать в ближайшие несколько лет, зато как мантру повторяет про то, что газовой трубой в Китай мы покажем... [Кузнецов 2014]; Вслед за едва слышанной репликой в фильме по прошествии половины ленты зрители уже повторяют как мантру: «Господи, если ты есть, преврати нас в пыль» [Павлов 2014].

В основном корпусе данные слова и сочетания отмечаются в основном в публицистических текстах, в статьях и романах. Тематика текстов отличается большим разнообразием, но в основном лидирует наука и технология, религия, политическая и общественная жизнь, путешествия, но также астрология, парапсихология, эзотерика.

Таким образом, наши наблюдения показали, что активизация определенных дискурсивных практик приводит к появлению в языке различного рода устойчивостей (жанров, клише, штампов, устойчивых сочетаний, фразеологизмов). Эзотерические, мистические, метафизические дискурсы, как показал наш анализ, не только характеризуются специфическими устойчивыми сочетаниями, но и являются источником новых фразеологических единиц в публичном речевом пространстве.

Литература

- Андреева 2009 – Андреева Ю. И. Многоточие сборки, 2009.
- Алексиевич 2013 – Алексиевич С. Время Second-hand. // «Дружба народов», 2013.
- Бенедиктов 2014 – Бенедиктов К. День британской независимости. // Известия, 2014.05.25.
- Беседа с ученым Раджмани Тигунаи. Орлов-йога.com.
- <http://www.orlov-yoga.com/Articles/Gayatri/index.htm> (дата обращения: 25.05.2017).
- Беседин 2014 – Беседин П. Крым, которого больше нет//Известия, 2014.03.14.
- Гальперин 2009 – Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7. URSS. 2009. 144 с.
- Гейс 1998 – Гейс А. Довлатов и окрестности, 1998.
- Завершнева 2012 – Завершнева Е. Высотка, 2012.
- Земская 1996 – Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества. // Вопросы языкознания. 1996. № 3. с. 22.
- Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. Альбедиль М.Ф. и Дубянского А.М. – М.: Республика, 1996. <https://gufo.me/dict/hinduism/МАНТРА> (дата обращения: 25.05.2017).
- Карасик 2004 – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Москва, 2004.
- Конюхова 2014 – Конюхова Н. Легко сказать: не трясись на экзамене. А как? // Комсомольская правда, 2014.05.27.
- Кузнецов 2014 – Кузнецов Г. По пути войны, предначертанному Западом. // Известия, 2014.07.01.
- Кузьминская 2013 – Кузьминская С.И. Особенности функционирования метафоры в современном эзотерическом тексте/ «Грани эпохи» Этико-философский журнал, № 53, 2013, <http://grani.agni-age.net/articles12/5028.htm> (дата обращения: 05.05.2017).
- Мантра для открытия третьего глаза. Сайт о здоровом образе жизни и интернет-магазин здорового питания, Самопревосхождение, <http://самопревосхождение.рф/мантра/> (дата обращения: 25.05.2017).
- Мечковская 1998 – Мечковская Н.В. Язык и религия. Лекции по филологии истории религий, Москва, 1998.
- Новоженова 2016а – Новоженова З. К вопросу об определении понятия «Эзотерический текст» // *Tekst jako kultura. Kultura jako tekst*, Gdańsk 2016, Т. 2.
- Новоженова 2016б – Новоженова З. Жанры эзотерического дискурса в массмедийном пространстве. // *Медиалингвистика* 2016, No 4(14), с. 90-102.
- Новоженова 2016в – Новоженова З.Л. Модальность и тональность в эзотерическом тексте [в:] Категория модальности в речевой коммуникации:

- сб. науч. тр. / под ред. И. Ю. Куксы. Изд-во Балт. феде-рал. ун-та им. И. Канта, Калининград, 2016.
- Павлов 2014 – Павлов А. Шедевр как пошлость. // Известия, 2014.02.28.
 - Привалов 2013 – Привалов А. О русском цирке в Давосе. // «Эксперт», 2013.
 - Рубина 2014 – Рубина Д. Русская канарейка. Блудный сын. 2014.
 - Синявская 2013 – Синявская З. Пазлы. // «Сибирские огни», 2013.
 - Словарь русских синонимов. Контекст 5.0. - Информатик, 2012. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/46188/заклинание (дата обращения: 25.05.2017).
 - Современный толковый словарь русского языка Т.В. Ефремовой, 2000. Мантра. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276368/мантра> (дата обращения: 25.05.2017).
 - Современный философский словарь, под ред. Кемерова В.Е. Панпринт, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: 1998.
 - Трауб 2010 – Трауб М. Плохая мать, 2010.
 - Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет» http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/MANTRA.html (дата обращения: 12.03.2017).
 - Форум: Наше правительство совершает глубочайшую ошибку, 2010.
 - «ЧЕННЕЛИНГ. Послания старших братьев человечества», Перевод: Л. Костевко С.; Симакова Редакция: Л. Косгенко, <http://www.revolar.ru/books/60-gennelling.html>, (дата обращения: 14.03.2010).
 - Шахназаров 2014 – Шахназаров М. Президент из синего угла. // Известия, 2014.03.27.
 - Sociation.org 2009-2017, <http://sociation.org/labs/wordcloud/#мантра> (дата обращения: 15.03.2017).

Novozhenova, Zoya

The Institute of Russian studies and Eastern studies

Division of Languages and Translation Studies

University of Gdańsk, Poland

zln@o2.pl

NEW RUSSIAN PHRASEOLOGY: ESOTERIC VECTOR

***Abstract.** This paper contains a summary of observations concerning fixed phrases used in esoteric texts. The investigated issues include the process of collocation formation and the functioning of collocations in esoteric texts as well as rules connected with their transfer to public communication.*

***Keywords:** fixed phrases used in esoteric texts, esoteric discourse, esoteric text.*

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА

***Аннотация.** В статье представлен эвристический подход к обучению русскому как иностранному. Авторы полагают, что составляющие коммуникативной компетенции могут быть натренированы в онлайн-обучении, однако в полной мере они могут быть освоены лишь в условиях многокомпонентного образовательного пространства, комбинирующего формы и виды учебной речевой деятельности, актуализирующего процессы самообучения, самомотивации и самоконтроля в условиях постоянного контакта с профессиональным педагогом-русистом.*

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, онлайн-обучение.*

Стратегия развития современного общества на основе интегрированных знаний и высокоэффективных технологий требует внесения значительных корректив практику обучения иностранным языкам, способствует поиску новых форм и моделей обучения и самообучения. В свою очередь изменения, происходящие в системе образования в целом и в системе обучения русскому как иностранному в частности, ориентируют личность обучающегося не просто на коммуникативную культуру межличностного и межнационального общения, но на возможности эвристического саморазвития его личности.

Напомним, что образовательное пространство – это динамическое единство субъектов образовательного процесса, система их взаимоотношений. Субъектами образовательного онлайн-пространства в случае с обучающим тестированием будут выступать: учащийся (студент) и активная среда (учебный материал и способы его передачи – компьютерная программа, Интернет) [Гураль 2011: 92]. При этом традиционно активный субъект, участник образовательного пространства «обучающий (преподаватель)» становится необязательным звеном процесса изучения языка.

Одним из основных требований к личностным результатам освоения основной образовательной программы вуза является формирование коммуникативно гибкой личности, которая владеет моделями поведения в когнитивной деятельности, способна устанавливать и поддерживать межличностный контакт, инициировать общение и направлять его в нужное русло, разграничивать деловую и псевдоделовую среду коммуникативного взаимодействия.

Все составляющие понятия «владение неродным (иностранном) языком» можно свести к общей *коммуникативной компетенции*. Л.А. Петровская определяет ее как способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты, предполагающую наличие совокупности знаний и умений, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса [Петровская 1998]. При этом коммуникативная компетентность включает не только когнитивные (навыки, знания), но и некогнитивные (мотивацию, ценностные ориентации, этические установки и т.д.) компоненты. Ю.Н. Емельянов понимает коммуникативную компетентность как интегративную способность целесообразно взаимодействовать с другими на своем интеллектуально-культурном уровне на основе гуманистических личностных качеств (общительности, искренности, такта, эмпатии, рефлексии и т.п.) и с учетом коммуникативных возможностей собеседника [Емельянов 1995]. Определения, сформулированные современной лингвистической методологией, более конкретны. К примеру, Е.М. Бастрикова описывает коммуникативную компетенцию как «феноменальную категорию, отражающую нормативные знания семантики языковых единиц разных уровней, овладение механизмами построения и перефразирования высказывания, умение порождать дискурс любой протяженности, соотносясь с культурно-речевой ситуацией, включающей параметры адресата, места, времени и условий общения, умение реализовать в иноязычной речи различия между родным и иностранным языком, осуществлять сознательный и автоматический перенос языковых средств из одного вида речевой деятельности в другой, из одной ситуации в другую» [Бастрикова 2004: 47]. Отметим обусловленность результатов речевой деятельности качественными характеристиками коммуникативной компетентности личности, которая и обеспечивает успешность речевой и неречевой деятельности, а в случае с иностранцами еще и способствует успешному процессу социализации и адаптации. Компетентностный подход в обучении характеризуется не только профессиональными знаниями, навыками, умениями, но и развитыми *социально-коммуникативными* и *собственно-коммуникативными* способностями, обеспечивающими комфортный уровень профессиональной деятельности и жизни.

Выполнение тех или иных заданий экзамена на уровневое владение русским языком как иностранным опирается на ту или иную составляющую коммуникативной компетенции: собственно языковую, речевую, дискурсивную, стратегическую, социокультурную, лингвокультурную, социальную, предметную, компенсаторную, прагматическую и др. В середине прошлого столетия Д. Хаймс ввел в употребление термин «концепт коммуникативной компетенции», сущность которой заключалась во внутреннем понимании ситуационной уместности языка, а структура включала грамматическую, социолингвистическую, стратегическую и дискурсивную компетенции [Hymes 1972]; сегодня количество составляющих коммуникативной компетенции варьируется у разных авторов и является вопросом подробности

описания, взглядов ученых и методистов – сами компоненты взаимосвязаны, взаимодополняемы и взаимообусловлены [Palekha 2016].

О.И. Руденко-Моргун в качестве основного достоинства электронного обучения РКИ описывает интегрированный подход и гибкость образовательных моделей, учитывающих индивидуальные особенности обучающихся, а также подлинную диалогичность дидактических материалов [Руденко 2015], что позволяет студентам успешно осваивать большую часть из составляющих коммуникативной компетенции.

В представленном на рис. 1 фрагменте онлайн-теста на грамматику вопросы 18-20 предполагают прежде всего языковую (грамматическую) компетентность. Ответить на вопрос 17, ориентируясь исключительно на знание грамматики, у пользователя не получится: представленные варианты ответа требуют определенных дискурсивных знаний (элементы официально-делового стиля, типичные способы речевого оформления документов, клише).

<p>17 Наша фирма предлагает осуществить предоплату ... части суммы на наш банковский счет.</p> <p><input type="radio"/> путем перечисления</p> <p><input type="radio"/> средством перечисления</p> <p><input type="radio"/> перечисляя</p>	<p>19 Нам следует пригласить специалиста, ... большой опыт в данной области.</p> <p><input type="radio"/> имеющего</p> <p><input type="radio"/> имеющий</p> <p><input type="radio"/> имеющегося</p>
<p>18 ... на Ваше письмо, направляем Вам последние каталоги.</p> <p><input type="radio"/> Отсылаясь</p> <p><input type="radio"/> Ссылаясь</p> <p><input type="radio"/> Посылаясь</p>	<p>20 Эти модели ... нашей фирмой совсем недавно.</p> <p><input type="radio"/> разработаны</p> <p><input type="radio"/> разрабатывающие</p> <p><input type="radio"/> разработанные</p>

Рис. 1. Лексико-грамматическое тестовое онлайн-задание, <http://mgu-russian.com/ru/learn/test-online/28/>

Задание на говорение (рис. 2) построено на работе с видеофрагментом российского кинофильма, что подразумевает у тестируемого сформированность социокультурной и лингвокультурной компетентности. Для верной интерпретации речевого наполнения диалога из кинофильма тестируемому необходимы не просто знания лексики и грамматики изучаемого языка, но и представление о лингвокультурных особенностях изучаемого языка: что такое русский стиль жизни, каковы особенности русского менталитета, чем живет современная Россия и т.п. Кроме того, в задании задействована сленговая лексика, а значит, возможна реализация компенсаторной компетентности – восстановить значение слов испытуемому придется из широкого (страноведческого и языковедческого) и узкого (представленного в рамках видеофрагмента) контекста.

Задание на письмо (рис. 3) для владеющих языком в объеме третьего сертификационного уровня заставляет тестируемого оперировать стратегической, прагматической и социальной (этической) составляющими коммуникативной компетенции: помимо собственно языковых знаний, он должен уметь работать со стандартами построения текста ситуативного

письма, владеть нормами речевого этикета и знать стратегии ведения русского диалога, чтобы ответить на вопрос друга.

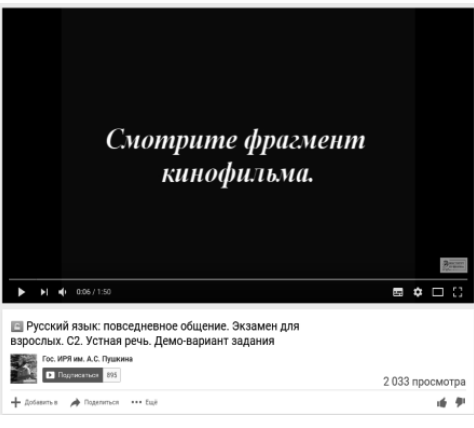
<p>ТЕСТ 3. Устная речь минут.</p> <p style="text-align: right;"><i>Время ответа – 50 минут.</i></p> <p style="text-align: center;">Инструкция</p> <p>На устном экзамене Вам нужно выполнить три задания:</p> <p>Задание 1: пересказать видеофрагмент и прокомментировать его;</p> <p>Задание 2: обдумать прочитанный текст;</p> <p>Задание 3: принять участие в неподготовленной беседе по одной из актуальных проблем.</p> <p>Задание 1.</p> <p style="text-align: right;"><i>Время просмотра фильма – 7-10 минут. Время на подготовку – 15 минут.</i></p>	
<p style="text-align: center;">Инструкция</p> <p>В первом задании нужно передать основную идею увиденного видео фрагмента и его содержание своими словами.</p> <p>а) Сначала посмотрите видеофрагмент (фрагмент показывается два раза). Вам нужно понять:</p> <ul style="list-style-type: none"> • о чём говорят собеседники; • какой точки зрения придерживается говорящий; • как он аргументирует свою позицию. <p>б) <u>Потом сформулируйте основную идею видеофрагмента (2-3 предложения) и расскажите своими словами содержание фрагмента.</u></p>	<p>д) <u>Объясните значение словосочетания «<i>правда жизни</i>» так, как бы Вы это сделали:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - коллеге по работе; - пятилетней дочке.
<p>в) <u>После этого прокомментируйте:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • какого мнения по этому поводу придерживаетесь Вы и почему; • приведите свои доводы; • имеются ли подобные проблемы в Вашей стране и как они решаются. <p>г) <u>Объясните значение словосочетаний из видеофрагмента:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - задвигать слабого; - халатный; - ошибиться в эту сторону; - верить ящику; - люди у джойстика. <p><u>Какие словосочетания выражают отношение говорящего к обсуждаемому вопросу?</u></p>	

Рис. 2. Тестовое задание на говорение (ТРКИ-3), <http://www.pushkin.institute/Certificates/CCT/tests online.php>,
<https://www.youtube.com/watch?v=L6GI5Iiqk-w&feature=youtu.be>

Задание 2.

Инструкция

Во **втором** задании вам нужно написать вашему другу письмо и дать ему совет. Перед выполнением задания ознакомьтесь с ситуацией и фрагментом письма друга.

Напишите ответ на вопрос, поясните своё решение и прокомментировав следующие три варианта замечаний (объясните, как каждое замечание характеризует учителя, сделавшего его, а также, какое из замечаний, по вашему мнению, в данной ситуации наиболее эффективно и почему):

- Как ты сидишь? Сядь, как следует!
- Опять ты разлѣгся на уроке!
- Отодвинься от стены, она холодная, ты можешь заболеть!

Объём вашего текста – 250-300 слов.

Ситуация.

Ваш друг начинает свою педагогическую деятельность. Он написал Вам о случае, произошедшем на одном из открытых уроков.

«...Минут за десять до конца урока один из учеников отвѣлся от работы, развалился на парте, потом откинулся на стену, которая выходила на улицу. А на улице был ужасный мороз. Разумеется, учитель сделал ему замечание, которое мне показалось непедагогичным. У тебя большой опыт работы с детьми. Как бы ты поступил в этой ситуации?»

Рис. 3. Тестовое задание на письмо (ТРКИ-3), <http://www.pushkin.institute/Certificates/CCT/tests-online.php>

Любая тренировочная компьютерная программа или особый ресурс онлайн-тестирования – это система, не только основанная на проверке знаний,

но и ориентированная на обучение. Как известно, многократное выполнение однотипных тематических тестов способствует моделированию стратегии работы с подобными тестами в принципе, а также выполняет функцию кумулятивного обогащения речевого опыта: тестируемый не просто проверяет свои знания, но восполняет пробелы, расширяет свой речевой опыт, овладевает тактиками решения конкретных языковых и речевых задач. Так, отдельные задания раздела «Чтение» сертификационных уровней тестов на этапе подготовки могут быть использованы в качестве вспомогательного материала для работы с грамматическими формами (в приводимом примере – личные и неличные формы глагола) или с лексикой определенных тематических групп (рис. 4).

Задание 1.

Инструкция	
В первом задании вам нужно прочитать фрагмент статьи и восстановить его, вписав в контрольном листе напротив цифры нужные по смыслу глаголы в нужной для данного текста форме.	
<p>Термин "война валют" _____ 1 _____ в оборот министр финансов Бразилии. Комментируя ситуацию на мировых рынках, он _____ 2 _____ что сегодня большинство стран пытается искусственно _____ 3 _____ курс собственной валюты, для того чтобы _____ 4 _____ преимущества во внешней торговле. Как известно, заниженный курс национальной валюты выгоден экспортерам, которые _____ 5 _____ за свои товары иностранную валюту, а основные траты _____ 6 _____ в местной. К валютным интервенциям сейчас активно _____ 7 _____ Центробанки Японии, Южной Кореи, Тайваня, Бразилии, Малайзии, Перу и Колумбии, планирует сдерживать рост <i>нацвалюты</i> и Сингапур. Но в эпицентре противоречий - доллар США и юань КНР. Поднебесная продолжает целенаправленно _____ 8 _____ рост юаня, несмотря на ожесточенные протесты со стороны американцев. Россия интегрирована в мировое хозяйство, и _____ 9 _____ колебания курсов иностранных валют не могут _____ 10 _____ на ней.</p>	

Рис. 4. Тестовое задание на чтение (ТРКИ-3) как обучающее лексико-грамматическое задание,

<http://www.pushkin.institute/Certificates/CCT/tests-online.php>

На этапе проверки знаний объектом оценивания в приведенном выше задании становятся глагольные временные формы. На этапе подготовки объектом изучения здесь могут стать стилевые особенности текстов научно-популярного жанра, экономическая лексика (*война валют, мировой рынок, внешняя торговля, заниженный / завышенный курс валюты, экспортер, национальная валюта / нацвалюта, валютная интервенция, интеграция в мировое хозяйство, колебания курсов валют*), стилевые и жанровые глаголы (*ввести, оценить, сказать*). Таким образом, одно тестовое задание при условии умелого преподнесения преподавателем или тьютором может быть использовано в качестве ресурса для формирования не только языковой (грамматической и лексической) компетенции, но и ряда речевых компетенций – дискурсивной, предметной и социокультурной.

То же касается и обучающих заданий по разделам. Так, довольно стандартное задание по письму (рис. 5) знакомит обучаемого с разговорными синтаксическими оборотами, устойчивыми выражениями и обиходной лексикой – эти моменты часто становятся «слабым звеном» классических учебников по языку. Кроме того, интерактивность онлайн-формата дает возможность увидеть

множественные ответы пользователей и их корректировку тьютором (рис. 6), что предполагает хотя бы теоретическую возможность появления синонимических стиливых рядов выражений заданной тематической направленности.


 <p>Здравствуйте!</p> <p>Сегодня мы поговорим о том, как пригласить вашего друга (вашу подружку) в ваш город и подробно ответить на вопрос "как дела".</p> <p>Ситуация:</p> <p>Вы хотите пригласить вашего русского друга в Лион, так как Вы в прошлом году гостили у него в Москве. Он написал Вам мэйл и спрашивает, как у вас дела, как семья и как работа. Вы подробно отвечаете ему.</p> <p>Модель письма:</p> <p>Привет Илья!</p> <p>Извини, что я так давно не писал тебе, у меня на работе был просто завал, не продохнуть! Ты как раз спрашивал меня о работе: меня повысили, теперь я – начальник отдела рекламы в нашей фирме: зарплата, конечно, неплохая, но работы, по крайней мере, просто куча, наверное, вдвое больше.</p> <p>В семье у нас всё нормально, как всегда: Мари работает, ходит на курсы по итальянскому; он ей нужен по работе. Мы очень устали и мечтаем об отпуске, часто вспоминаем наше прошлое лето в Москве, всё было просто супер! Спасибо Вам огромное! Мама немного приболела, но сейчас чувствует себя гораздо лучше, а сестра выходит зануж через 3 месяца за бразильца, и они переезжают в Рио, представляешь!</p> <p>Кстати, мы как раз хотели пригласить вас к нам в Лион этой весной или летом. Вы можете жить у нас, мы вам покажем с приглашением и другими формальностями. Погода у нас весной и летом замечательная, так что добро пожаловать. Напишите только, когда сможете приехать, чтобы мы спланировали наши дела и наш отпуск.</p> <p>Пишите, Жак.</p>	<p>Задание:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Как рассказать о том, что много работы? 2. Какие фразы мы используем, чтобы пригласить человека к себе? <p>(Ответы в комментариях). Learn Russian</p> <hr/> <p>RESPONSES</p> <p>Ответы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. работы куча, не продохнуть, завал 2. мы как раз хотели пригласить вас в Лион...добро пожаловать...мы поможем вам с формальностями... <p>By: Yulia on February 20, 2010 at 6:36 pm</p> <p>Reply</p>
---	---

Рис. 5 и 6. Задание на письмо (ТРКИ-1) как обучающее речевое задание, <https://learnrussianweb.net>

Помимо тестов имеется огромное количество собственно образовательных ресурсов разной степени сложности, пополняемости контентом и эффективности. Следует отметить изначально более низкую эффективность дистанционных и интернет-курсов по сравнению с контактными формами обучения иностранным языкам. Современное культурно-образовательное пространство на смену этим некогда продвинутым формам предлагает языковые онлайн-курсы и образовательные веб-ресурсы свободного доступа (в том числе в сфере обучения РКИ). Недостатком таких форм обучения и становится их «самость»: студент полностью предоставлен сам себе, зачастую ресурс если и предлагает обратную связь, то не обеспечивает ее в полном объеме; а бесплатность контента становится фактором, понижающим самодисциплину. Следовательно, большинство представляемых далее ресурсов могут быть эффективно использованы лишь в качестве вспомогательного или дополнительного когнитивного материала. Коммуникативную функцию этот контент сможет восполнять лишь при аутентичном восприятии обучаемым, последующем облигаторном выполнении им заданий, наличии хотя бы элементарных форм контроля.

Рассмотрим, какие составляющие коммуникативной компетенции могут быть восполнены онлайн-ресурсами свободного доступа. Так, в результате

мониторинга сетевого пространства нам удалось выявить наиболее популярные образовательные ресурсы русского языка как иностранного, среди которых достойное место занимает обучающий сайт www.learnrussianweb.com (рис. 7). Контент его огромен, аутентичен, задания методически корректны, разнообразны и – главное – действительно нацелены на формирование и развитие коммуникативной компетенции.

<p>Задание:</p> <p>1. Зайдите на сайт товаров для новорождённых. Дополните предложения.</p> <ul style="list-style-type: none"> - Подружки бывают одноразовые и ... ; - В магазине представлены товары для защиты от солнца от солнца и от ... ; - Синоним слова "пустышка" - слово "..."; - ... и ... дают Вам возможность видеть и слышать Вашего ребёнка, если он находится далеко от Вас; - Игрушка со звуком для грудных детей называется ... ; - Для того, чтобы ребёнок учился ходить, существуют специальные приспособления, - ... и ... ; - Разница между коляской для новорождённых и ... коляской состоит в том, что в одной ребёнок лежит, а в другой - сидит. 	<p>2. Зайдите на сайт товаров для детей и ответьте на вопросы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Магазины находятся только в Москве или у других городах тоже? - По каким категориям можно осуществлять поиск на сайте? <p>3. Посмотрите эти три видео и ответьте на вопросы:</p> <p>Детский магазин. Видео 1. Детский магазин. Видео 2. Детский магазин. Видео 3.</p> <ul style="list-style-type: none"> - Какие игрушки не хочет покупать папа своему будущему сыну? (Видео 1) - Как нужно пользоваться игрушкой-пирамидкой? (Видео 2)
---	---

Рис. 7. Задания на активное чтение и слушание, <http://www.learnrussianweb.com>


Задания, как правило, организованы в тематические блоки и задействуют несколько видов речевой деятельности (например, чтение, слушание и говорение); они рассчитаны на интерактивность и работу с гипертекстом, что служит фактором активизации внимания пользователя. По прохождении такого блока лексика темы усваивается с высокой степенью вероятности, поскольку она была отработана в разных формах деятельности, многократно повторялась (вначале была иллюстративно представлена в текстах-примерах, далее моделировалось ее использование в продуктивных формах речи). Более того, обучаемый работает с аутентичным контентом, что позволяет ему в полной мере представить сферу функционирования лексики, установить семантические связи между единицами тематической группы или лексико-семантического поля. Работа с видеофрагментами – это этап самоконтроля. Правильные ответы на вопросы приводятся в комментариях авторами заданий. Таким образом, успешное выполнение приведенного в качестве примера блока заданий ориентировано на развитие лингвострановедческой, социокультурной, дискурсивной, предметной и прагматической составляющих компетенции.

В разделе «Russian Communication» информация также организована в блоки по темам (рис. 8).

Стратегическая и социальная компетенции формируются за счет чтения большого количества типичных ситуативных диалогов, содержащих ключевые фразы и ядерную лексику темы. Тематическая раздробленность диалогов является еще одним достоинством, отчасти компенсирующим отсутствие реальной коммуникативной среды: *Концерт. Покупка билетов. До концерта. Во время концерта. В антракте. После концерта. Театр. До мюзикла. После мюзикла. Цирк. До спектакля. Покупка билетов. В перерыве.*

После представления. Кино. До сеанса. После сеанса. Функцию контроля выполняют задания по видеотрегментам, предполагающие понимание текста видеосюжета, ответ на конкретный вопрос (рис. 9).

Showing posts sorted by relevance for query **после представления**. Sort by date Show all posts



I am the only Russian co-author of Guinness Guide.

Russian Communication. Concert, theatre, circus, cinema.

February 9, 2013

Здравствуйте! Сегодня мы поговорим о том, как мы ходим на концерт, в театр, в цирк и в кино и как мы обсуждаем увиденное.

Прослушать подкаст: Коммуникация. Концерт, театр, цирк, кино.

▶ 0:00

1. Концерт

1.1 До концерта


Разговаривают Таня (Т) и Глеб (Г)

Т. - Ну что, скоро выходные, надо куда-нибудь выбраться!
Г. - Да, совсем заработались. Ну, и куда ты собралась?
Т. - Пойдем-ка на концерт Погодина "Романтика романса".
Г. - Опять классика! Ну ладно, а когда?
Т. - В конце месяца, билеты еще есть, я в Интeрнете смотрела...
Г. - Ладно, пошли, уговорила! А места какие есть и где концерт вообще?
Т. - В Кремлевском дворце. Места хорошие остались, в партере, 7 (седьмой) ряд.
Г. - Отлично, тогда идем.

1.2 Покупка билетов

Разговаривают Таня (Т) и кассир (К)

Т. - Здравствуйте, а у Вас случайно не осталось билетов на Погодина? А то я в Интeрнете смотрела, все уже разобрали...
К. - Да, у нас еще есть. Вам в партер?
Т. - Да, если есть...
К. - Да, но тогда только на 1-й (первый) или 2-й (второй) ряд.
Т. - А сколько они стоят?
К. - 1500 (тысяча пятьсот) рублей на второй.
Т. - Ну ладно, давайте два по тысяча пятьсот.
К. - Пожалуйста.
Т. - Спасибо, всего доброго!



Олег Погодин (1968 -) - известный исполнитель русского романса. Его концерты под названием "Романтика романса" пользуются огромной популярностью в России.

Рис. 8. Задания на коммуникацию, <http://www.learnrussianweb.com>

<p>Задание:</p> <p>1. Посмотрите видео и ответьте на вопросы:</p> <p>В театре В кино</p> <p>2. Видео "В театре":</p> <p>- Какая пьеса идёт в театре?</p>	<p>Видео "В кино":</p> <p>Почему мужчина смеётся в начале видео? (Ролик 1); Как один мужчина говорит другому, что он занял его место? (Ролик 2); Почему мужчина то хочет, то не хочет есть попкорн? (Ролик 4); В какой ряд хочет купить билет мужчина? (Ролик 5)?</p> <p>(Ответы в комментариях).</p>
--	--

Рис. 9. Задания на самостоятельное применение знаний, <http://www.learnrussianweb.com>

Лингвокультурная, социокультурная, языковая, дискурсивная и прагматическая составляющие компетенции реализуются в информационных блоках, посвященных мимике и жестам русских, зафиксированным во фразеологии; в блоках устойчивых выражений, сопровождающих задания на приставочные глаголы; во множестве других подобных когнитивно-информационных материалах (анекдоты, шутки, ребусы, ключевые концепты русской культуры и т.п.) (рис. 10-15).

<p> Мимика и жесты. Треть за уши. Russian Mime and Gestures. Pulling One's Ears</p> <p>November 14, 2010</p>  <p>Здравствуйте! Обнаружила сегодня, что в последнее время я практически ничего не писала в рубрике "Мимика и жесты", хотя, по-моему, она очень любопытная. Сегодня у нас новый жест - дёргать за уши.</p> <p>Жест этот может называться по-разному:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Тянуть за уши; - Дёргать за уши; - Треть за уши. <p>Он состоит в том, что один человек берёт другого за уши и слегка тянет вверх. Это шуточный жест, сопровождающий поздравление с днём рождения и пожелание "расти большим". За уши дёргают столько раз, сколько человеку исполняется лет. Обычно тянут за уши детей.</p>  <p>Дети дёргают свою маму за уши в её День Рождения в многодетной семье.</p>	<p>3. Полезные фразы и выражения</p> <p>Держите его! Hold him!</p> <p>Держать-поддерживать кого-либо в тюрьме: To keep smb in prison;</p> <p>Что вас здесь держит? What keeps you here?</p> <p>Держать в тайне: Keep secret;</p> <p>Держать в памяти: Keep in one's memory;</p> <p>Держать-поддерживать деньги в банке: keep one's money in a bank;</p> <p>Держать путь: Make for, go somewhere;</p> <p>За кого они нас держат? Who do they take us for?</p> <p>Держать себя в руках: Control oneself;</p> <p>Держать (своё) слово: Keep one's word</p> <p>Держать язык за зубами: Hold one's tongue</p> <p>Так держать: Keep it up!</p> <p>Держите меня! Don't let me fall from laughter! (said in disbelief or mockery).</p>
<p> Russian Grammar and Poetry. Bulat Okudzhava.</p> <p>June 25, 2015</p>  <p>Дорогие посетители! Сегодня мы заканчиваем нашу лексическую тему "Война и мир" известным стихотворением и песней Булата Окуджавы (1924-1997) "До свидания, мальчики" (1958).</p>  <p>Прослушать подкаст: Булат Окуджава. "До свидания, мальчики".</p> <p>▶ 0:00</p> <p>Ах, война, что ж ты сделала, подлая: Стали тихими наши дворы, Наши мальчики головы подняли, Повзрослели они до поры, На пороге едва помаячили И ушли за солдатом солдат...</p>	<p>Наши девочки платица белые Раздарили сестрёнкам своим. Сапоги... Ну куда от них денешься? Да зелёные крылья погон...</p> <p>Вы наплюйте на сплетников, девочки! Мы сведём с ними счёты потом. Пусть болтают, что верить вам не во что, Что идете войной наугад...</p> <p>До свидания, девочки! Девочки, Постарайтесь вернуться назад!</p> <p>Задание:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Как вы понимаете употребление частицы "ж" во фразе "Что ж ты сделала, подлая?" 2. Почему во фразах "стали тихими" и "будьте высокими" употреблён Творительный падеж? 3. С какими предлогами и падежами употреблены глаголы "даться", "наплевать" и "верить"? 4. Какие синонимы следующих слов и выражений вы знаете: "до поры", "всё-таки", "шадить-пощадить"? 5. Найдите два идиоматических выражения в тексте стихотворения. Объясните, что они значат. 6. Прослушайте песню "До свидания, мальчики" в исполнении Булата Окуджавы. Какие эмоции он выражает? <p>(Ответы в комментариях).</p>

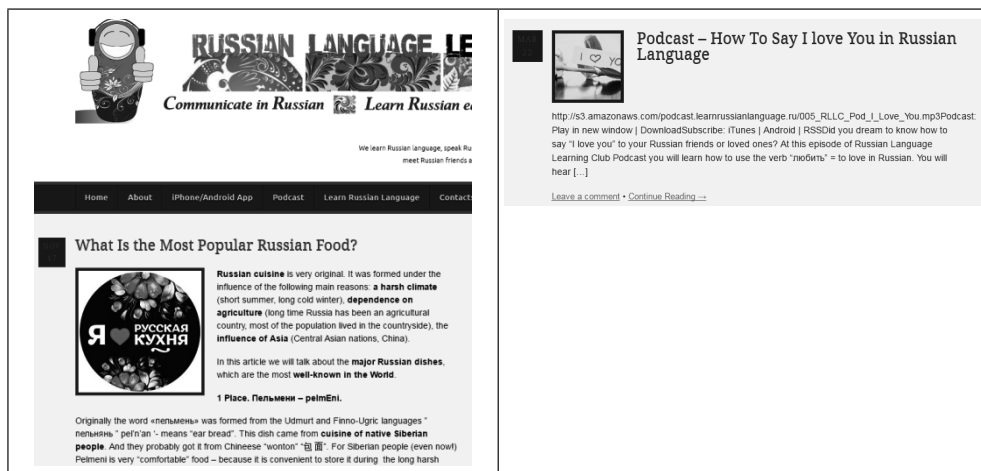


Рис. 10-15. Материал на расширение культурного контекста, <http://www.learnrussianweb.com>, <http://www.learnrussianlanguage.ru>

Поскольку речевой материал имеет невербальное сопровождение (фотоизображения жестов и ситуаций их использования, звуковой текст), то компетенция формируется и за счет неречевых элементов коммуникации, которые зачастую становятся причиной речевых неудач. На наш взгляд, в число составляющих коммуникативной компетенции стоило бы включить символическую составляющую, которая предполагала бы владение культурным контекстом в его устойчивых и культурно-текстовых речевых проявлениях (пословицы, поговорки, анекдоты, фразеология, шутки, фразы из фильмов и т.п.). Онлайн-ресурсы в достаточной мере реализуют компетенцию на этом уровне, поскольку пространство гипертекста с возможностями мультимедиа как нельзя лучше приспособлено к демонстрации такого рода речевых проявлений.

Современное образовательное пространство, помимо рассмотренных выше методических разработок, онлайн-тестов и обучающих материалов по языку, предлагает такие дистанционные формы изучения языка, которые полностью или частично имитируют субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и обучаемого. К таким формам следует отнести:

- 1) видеокурсы и видеоуроки русского языка как иностранного;
- 2) аудиоуроки, радиоуроки РКИ;
- 3) уроки русского языка по Skype;
- 4) уроки по email;
- 5) уроки посредством программ-мессенджеров;
- 6) синтезаторы речи, подкасты;
- 7) чаты и форумы преподавателей и изучающих РКИ.

Видеоуроки представляют собой одностороннюю коммуникативную ситуацию, лишенную каких либо форм обратной связи (комментарии к

видео не предполагают реакцию преподавателя или тьютора, разместившего контент). Преподающий язык, как правило, просто зачитывает текст учебника с экрана, иногда дает небольшие комментарии или просто объясняет небольшую грамматическую или речевую тему. Кроме того, многие ресурсы (в частности, YouTube) не имеют возможностей для фильтрации размещенных учебных материалов по параметрам их методической эффективности и валидности. А потому создать и разместить учебный видеофрагмент может и человек, не обладающий должной квалификацией. Иностранному студент не всегда способен оценить эффективность предлагаемого контента. То же касается и Skype-преподавания. Такие уроки все же являются в большей мере личной консультацией, чем собственно преподаванием (исключение могут составлять групповые Skype-уроки), а потому они могут быть рекомендованы на этапе продвинутого владения языком в целях корректировки и контроля самообразования студента, на начальных этапах в качестве временной альтернативы стандартным языковым аудиторным курсам.

Чаты и форумы также могут быть полезны лишь в решении конкретной языковой проблемы, в поиске ответа на спорный вопрос, в качестве частной консультативной помощи, в качестве экзаменационного или тестового сопровождения.

Коммуникативная компетенция в полной мере в совокупности всех ее составляющих может быть реализована лишь в условиях многокомпонентного и многоуровневого электронного образовательного пространства, при условии комбинации форм и видов учебной речевой деятельности, наличии профессионального тьютора-наставника, валидности и аутентичности речевого наполнения обучающего текстового контента, актуализации процессов самообучения, самомотивации и самоконтроля.

При помощи онлайн-средств обучения коммуникативная компетентность оказывает конструктивное влияние на развитие языковой личности иностранца в трех направлениях: 1) познавательном, поскольку получение новой информации о мире происходит через средства обучения иностранному языку; 2) эмоциональном, т. к. вся речевая информация интерпретируется через «я» обучающегося; 3) поведенческом, предполагающем расширение репертуара тактик речевого взаимодействия и речевых возможностей. Обучающее электронное пространство позволяет студенту закрепить пройденный материал, углубить знания, восполнить пробелы, сформировать потребность в соотнесении изучаемого теоретического материала с практикой, развить навык выполнения аналитических задач, уменьшить количество ошибок в речи, повысить коммуникативную компетенцию обучающихся, стимулирует стремление к самообразованию и самокоррекции, приучает к ощущению психологического комфорта при выполнении тестовых заданий, экономит время студента и педагога, а в конечном итоге становится эвристической моделью образовательного процесса.

Литература

- Бастрикова 2004 – Бастрикова Е.М. Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен. // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Изд-во КГУ, 2004. – С. 43-48.
- Гураль 2011 – Гураль С.К., Обдалова О.А. Синергетическая модель развития образовательного пространства. // Язык и культура. 2011. – № 4. – С. 90-94.
- Емельянов 1995 – Емельянов Ю.Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности. М.: Просвещение, 1995. – 183 с.
- Петровская 1998 – Петровская Л.А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: Издательство МГУ, 1998. – 348 с.
- Руденко 2015 – Руденко-Моргун О.И. Компьютерные технологии как новая форма обучения РКИ. // <http://m0sted.net/rudenko-morgun-o-i-kompyuternye-tehnologii-kak-novaya-forma-obucheniya-rki/> (дата обращения: 22.01.2017).
- Hymes 1972 – Hymes D. On Communicative Competence // In J.B. Pride and J. Holmes (eds.), Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972. – pp. 269-293.
- Palekha 2016 – Palekha Ekaterina S., Bastrikov Alexey V., Bastrikova Elena M. Russian language: political and sociocultural markers of modern // Journal of Language and Literature. Vol. 7. No. 2. May, 2016. – pp. 324-327.

Palekha, Ekaterina

Kapralova, Juliya

Institute of Philology and Intercultural Communication

(Kazan Federal University), Kazan, Russia

katerina.paleha@gmail.com

JVKapralova@kpfu.ru

HEURISTIC CAPABILITIES OF THE ELECTRONIC LEARNING SPACE

Abstract. *The article presents a heuristic approach to teaching Russian as a foreign language. The authors believe that the components of communicative competence can be trained in online-learning, but they can be fully realized only in conditions of a multicomponent educational space combining the forms and types of educational speech activity that actualizing processes of self-education, self-motivation and self-control in conditions of constant contact with professional teacher-specialist in Russian philology.*

Keywords: *Russian as a foreign language, communicative competence, on-line learning.*

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «КОРРУПЦИЯ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ПАРЕМИЙ)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются способы концептуализации коррупции в русском языке. Анализируются прямые номинации концепта «коррупция» в лексикографических источниках и поговорках. Прослеживается динамика формирования номинативного поля коррупции, а также глубинные национальные особенности восприятия коррупции как социального явления, ее отражение и фиксация в языке.

Ключевые слова: номинативное поле, концепт, коррупция, поговорка, языковая картина мира.

1. В современном мире тема коррупции приобретает все большую актуальность. Начиная с древности и до наших дней, коррупция осмысливается как одна из злободневных социальных проблем современности, глубокое понимание причин и решение которой является чрезвычайно важным.

Коррупция как повсеместное явление в нашей жизни становится предметом изучения с разных аспектов – юридического, политического, социального, экономического. «Являясь частью дискурсивной практики, коррупция уже столетиями подвергается осмыслению носителями языка в правовой, политической и обыденной коммуникации» [Барабаш 2016b: 259]. Нам представляется важным рассмотрение этого феномена с позиций когнитивной лингвистики, поскольку он находит отражение в ментальности этносов.

Целью настоящей работы является анализ способов концептуализации коррупции в языке.

2. В когнитивной лингвистике лингвоконцепты относят к единицам, которые характеризуют ментальность, особенности национального характера и этнического менталитета. Согласно С.Г. Воркачеву, определяющим в понимании лингвоконцепта выступает представление о культуре как о 'символической Вселенной', конкретные проявления которой в сопоставлении с иной культурой являются этноспецифичными. С.Г. Воркачев определяет концепт как «вербализованный культурный смысл, ведущим отличительным признаком которого является его этнокультурная специфика [Воркачев, 2005: 76].

Концепт, как проявление этнокультурной специфики, выражается «в стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике концепта» [Добровольский 1997: 37, 42].

По наблюдениям Н.Ф. Алифиренко, «этноспецифичность концепта в контексте межъязыкового сопоставления дает основание рассматривать его как единицу национального менталитета, отличного от ментальности как общей совокупности черт национального характера» [Алифиренко 2010: 129]. Рассматривая структуру концепта, М.В. Пименова отмечает, что для выявления его структуры, «необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт – лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, свойственные определённому языку» [Пименова 2013: 52].

Как отмечает О.В. Барабаш, «комплексный лингво-когнитивный анализ концепта КОРРУПЦИЯ следует проводить, опираясь на три наиболее репрезентативные группы текстов: 1) пословицы и поговорки о коррупции; 2) нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции; 3) тексты СМИ по соответствующей проблематике. Это позволяет проследить процессы формирования концепта КОРРУПЦИЯ на трех уровнях: 1) наивном (глубинном); 2) официальном; 3) интерпретационном» [Барабаш 2016а: 24].

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют номинативное поле концепта как «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества» [Попова, Стернин 2007: 47].

3. Насколько глубоко в русском национальном сознании укрепился феномен коррупции, можно судить и по его отражению в языке. В данной статье, определяя номинативное поле концепта, мы проанализировали прямые номинации концепта в лексикографических источниках и паремии.

3.1. В специализированной юридической литературе нет универсальной и общепринятой дефиниции коррупции. Наиболее общепринятым определением считается ‘злоупотребление должностным местом или властью с целью собственной выгоды’.

Слово **коррупция** происходит от латинского глагола *corrupture* – *растлевать* и существительного *corruptio*, которое означает *подкуп, порча, растление, продажность, разложение*. В Толковом словаре живаго великорусского языка В. Даля толкуются слова *взятка* <взирать и брать / подарки, поездки, льготы/ и *мзда* /барыш, прибыль, корысть, добыча, как и производные *мздодатель – мздоимец – мздоимать – мздолюбие – мздолюбивый, мздолюбец* [<http://v-dal.ru/>]. Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет *лихоимство* как *взятничество*, а *любостяжание* – как *алчность к деньгам, корыстолюбие* [ТСРЯ]. Лексикографическое значение слова коррупция прослеживается в толкованиях словарей более позднего времени. Так, в Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой коррупция определяется как «*обобщенное наименование преступлений, заключающихся в использовании должностными лицами и*

служащими государственного аппарата своего служебного положения для личного обогащения в ущерб обществу и государству; взятки, подкуп» [Ефремова 2000]. Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкует коррупцию как *«моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами»* [Ожегов, Шведова 2006]. Как видно, в данных определениях субъектом коррупции являются должностные лица или политические деятели, выступающие в роли взяткополучателя. Взяткодатель в них лишь подразумевается как сторона в дачи подкупа, взятки. Большой энциклопедический словарь понимает под коррупцией *«прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения»*, которое *«как правило, сопровождается нарушением законности»* [БЭС 1993], т.е. в фокусе толкования находится только взяткополучатель как активный субъект, обогащающийся за счет своего служебного положения. Согласно определению в Большом юридическом словаре, коррупция *«общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц»* [БЮС 2001].

Юридическую дефиницию понятия коррупции дается в Федеральном законе «О противодействии коррупции», принятом в 2010 г., согласно которому коррупция – это *„злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами“* [ФЗ № 273-ФЗ].

В рассматриваемом определении Федерального закона в равной степени квалифицируются как коррупционные деяния получение и дача взятки, предоставление или получение имущественной или денежной выгоды, злоупотребление полномочиями.

3.2. Интерес вызывает лингвокультурологический анализ номинативных единиц паремиологического поля концепта «коррупция». Паремии представляют важный источник для осмысления рассматриваемого концепта, т.к. выявляют его отражение в национальном сознании в течение длительного периода времени. Пословицы и поговорки воспроизводят ценностные ориентации, сформировавшиеся в человеческом сознании в ходе исторического развития народности. Они высвечивают мировоззрение, отношение к материальным и духовным ценностям, народопсихологию. Национальный менталитет «формирует соответствующую культурную картину мира и в

значительной степени определяет образ жизни, поведение человека и форму отношений между людьми» [Беляев 2010: 43]. Национальный менталитет отражается в традициях, обычаях народа, но не на последнем месте в системе единиц речи, с помощью которых люди взаимодействуют между собой. С.Г. Воркачев, В.М. Савицкий, В.Н. Телия и др. разделяют убеждение, что особо ярко менталитет народа фиксируется в пословицах, передаваемых через поколения, в которых вербализируются формулы поведения и реакции на окружающую действительность.

Основным источником паремий являются словари и сборники пословиц, поговорок и афоризмов. Концепт «коррупция» представлен обширной лексико-семантической парадигмой в русском языке. В задачи исследования входит попытка определения специфических культурных компонентов концепта „коррупция“ в русском языковом сознании. Для этой цели в рамках настоящего исследования лингвокультурологических особенностей концепта мы проанализировали корпус, состоящий из 142 единиц пословиц и поговорок.

Паремиологическая зона является одним из структурных компонентов концептуального поля. Она, по словам З. Поповой и И. Стернина, отражает не современные, а преимущественно исторические представления об отношении народа к концепту и понимании народом различных сторон этого концепта [Попова, Стернин 2007:80].

В паремиологическом поле концепта „коррупция“ выявляются **три группы**:

- паремии, репрезентирующие подкуп как социальное явление, не указывая на участников в деянии;
- паремии, характеризующие подкуп как социальное явление, связанное с дачей взятки (роль взяткодателя);
- паремии, характеризующие подкуп как социальное явление, связанное с получением взятки (роль взяткополучателя).

К **первой группе** относятся пословицы и поговорки, которые сигнализируют о житейских ситуациях, представляющих **подкуп как социальное явление** без указания на активных субъектов дачи или получения взятки. В рамках этой группы выделяются подгруппа паремий, выражающих отрицательную оценку взятке:

Глаза золотом запорошат - ничего не увидишь.¹

Деньга пона купит и Бога обманет

За взятки не по головке гладят, а куда надо садят.

Кто взял – на том один грех, кто дал – на том сто.

Легки взятки – тяжелы отдатки.

Мзда глаза дерет. Дары и мудрых ослепляют.

Мзда глаза ослепляет.

¹ В целях соблюдения объема статьи здесь и далее не приводятся полные списки паремий. – Пр. авт.

Менее многочисленна подгруппа, выражающая положительную оценку коррупции:

Бог велел делиться.

Взятка для порядка.

Взятка чудеса творит.

Всякое дыхание любит даяние.

В третьей подгруппе обособляются паремии, не имеющие оценочную нагрузку, а сообщающие про факт коррупции:

Золото железо режет (или: передает).

Пчёлка и та взятку берёт.

Тот взяток не берет, кому их не дают.

Тот прав, за кого праведные денежки молятся.

Графическая модель, представляющая группу пословиц и поговорок, отражающих восприятие русских о явлении коррупции в отдаленном временном плане, демонстрирует преимущественно отрицательное отношение к феномену коррупции – 59% всех паремий, входящих в данную группу. В то же время наглядно показывает, что взятка воспринимается в 28% рассмотренных паремий как возможность разрешить проблему, обеспечить свою жизнь или «навести порядок».



Схема 1

Ко **второй группе** относятся паремии, характеризующие подкуп как социальное явление, связанное с **дачей взятки (роль взяткодателя)**.

Взятка как способ решения судебного спора или ситуации, требующей вмешательства представителя закона (обычно судьи или приказного) встречается в 11 пословицах:

Без поджоги и дрова не горят.

В суд ногой – в карман рукой.

Не подмажешь – не поедешь.

Порожними руками с судьей не сговоришь.

Среди всех пословиц, выражающих **взяткодателя как активного субъекта**, в 15 выражается отрицательная оценка подкупу, осуждается и порицается дача взятки.

За правду денежки подавай, да и за ложь тож.

Наши правы, а сто рублей дали.

От ничего ничего и бывает.

Порожнем кланяться – голову вскружит.

Тяжелы поклоны – с легким даром.

В трех пословицах выражается скорее отрицательное отношение, без категорически заявленной отрицательной позиции:

Из суда – что из пруда: сух не выйдешь.

Правое дело, а в кармане засвербело.

Сухая ложка рот дерет.

Наблюдения показывают, что в русском национальном языковом сознании устойчиво сформировалось и положительное отношение к получению взяток, к явлению кумовства при решении спорных житейских вопросов.

Быть было беде, да случились деньги при бедре.

Возьми калачи, только дело не волочи.

Доброхотна дателя любит бог.

Перед богом ставь свечку, перед судьей мешок.

Положи две денежки на шапочку, да дядюшке челом, а дядя сам знает о чем.

Станешь дарить – станем хвалить; не станешь дарить – станем корить.

Стоит крякнуть да денежкой брякнуть, так и все будет.

Что мне законы, коли судьи знакомы.

В схеме 2 представлено распределение пословиц, выражающих идею взяткодательства:



Схема 2

Статистический результат выявляет приблизительное равенство в оценках взяточдательства: 38% паремий выражает положительную оценку, столько же (32% + 6%) дают отрицательную оценку взяточдательству.

К **третьей группе** причисляются паремии, характеризующие подкуп как социальное явление, связанное с **получением взятки (роль взяточполучателя)**. Это наиболее многочисленная группа, что свидетельствует об отношении, сложившемся в сознании русского народа о берущем подкуп.

В первую подгруппу входят пословицы, поговорки и афоризмы, которые сигнализируют ситуации, связанные с получением подкупа, при этом не выражая оценку:

На то руки привешены, чтоб брать.

Наш чиновник взяток не берёт! Он их требует.

Около печи нельзя не нагреться.

Судье полезно что в карман полезло.

Вторую подгруппу формируют паремии, которые порицают явление получения подкупа или выражают скорее отрицательную оценку взяточполучательству. В нее включается наибольшее число пословиц и поговорок и это свидетельствует о сформировавшемся в русском национальном сознании негативном отношении к взяточникам:

Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов!

Взяточник, что рыболов: пятерней нащупает и поймает.

Всяк подьячий любит калач горячий.

Не по чину берешь.

Не та рука плоха, что держит своё, а та, что тянет чужое.

Падок до взяток, как муха до меда.

Подьячий любит принос горячий.

Царь любил карать, чиновники – взятки брать, а господа – шкуру драть.

К третьей подгруппе относятся пословицы и поговорки, которые дают положительную оценку взятке как средству обогащения и благодетельствования. В численном отношении их меньше всего:

Возьми на калачи, да только делом не волочи!

Делателю подобает вкусить от плода.

Добр дворянин, что ездит не один (а с приносом).

Схема 3 иллюстрирует отрицательное восприятие, негативный резонанс на явление взяточполучательства.

4. Среди лексем, репрезентирующих в коллективном бессознательном (по Юнгу) концепт «коррупция», мы выделили в различных паремиологических источниках (пословицах, поговорках и афоризмах) как устаревшие и вышедшие из активного употребления в современном языке слова посул, мзда, взятка,

корм, побор, прибыль, корысть, барыш, бакшиш, хабар, магарыч, кумовство, кормление, добыча, мздоимство, лихоимство, взяточничество, вымогательство, любостыжательство, любостыжательность. сребролакомство так и активно употребляемые в настоящее время лексемы и фразеологические сочетания откат, предложение, подкуп, уважение, подарок сумма, тонна, килограмм, вес, доля, распил, отписка, „спасибо“ (субстантивированное междометие), лобирование, кормушка власти, детишкам на молочишко, барашки в бумажке и др.

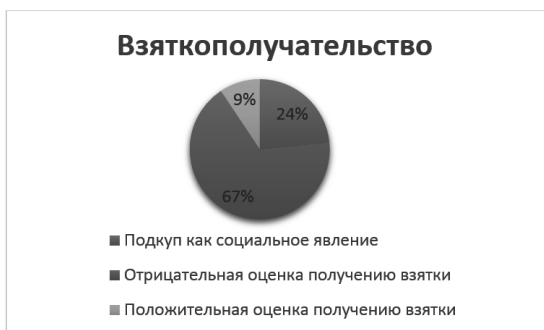


Схема 3

На основе выделенных нами слов, входящих в номинативное поле «коррупция» мы построили модель, репрезентирующую ее лексическое наполнение.



5. Рассмотрев средства вербализации концепта «Коррупция» на основе лексикографических источников и поговорок, мы проследили динамику развития номинативного поля коррупции в русском языке, а также глубинные национальные особенности восприятия коррупции как социального явления, его отражения и фиксации в языке. Проведенный лингвокультурный анализ выявил отрицательный образ коррупции, отраженный в русской национальной когнитивной картине мира.

В заключение мы хотели бы напомнить замечание З. Поповой и И. Стернина о том, что «любое описание концепта, полученное лингвистом, –

одна из возможных моделей концепта. Не случайно, описания одних и тех же концептов разными лингвистами даже по сходным методикам получаются далеко не всегда совпадающими» [Попова, Стернин 2007: 138].

Литература

- Алефиренко 2010 – Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
- Барабаш 2016а – Барабаш О.В. Особенности категоризации феномена коррупции вне юридического дискурса. // Материалы Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (27–29 сентября 2016 г. Екатеринбург). – Екатеринбург: Изд-во УРПУ, 2016 С. 23-28.
- Барабаш 2016 б – Барабаш О.В. Феномен коррупции в семантическом пространстве языка: к постановке проблемы. // Язык. Право. Общество. Сборник статей IV международной научно-практической конференции. Пенза, 11-13 октября 2016 г. – Пенза, Издательство ПГУ, 2016. – с. 259-264.
- Беляев 2010 – Беляев Д.А. История культуры и искусств: словарь терминов и понятий. Учебное пособие для студентов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – 81 с.
- Большой энциклопедический словарь 1993 – Большой энциклопедический словарь. Под ред. Прохорова А.М. – М.: Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.
- Воркачев 2005 – Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели. // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76-83.
- Добровольский 1997 – Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I). // ВЯ. 1997. № 6. С. 37-48.
- Ефремова 2000 – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз. 2000. – в 2 т. – 1209 с. URL: <http://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html> (дата обращения: 10.06.2017).
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).
- Ожегов, Шведова 2006 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
- Пименова 2013 – Пименова М.В. Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: “Лінгвістика”, 2013, випуск-18. С. – 52.
- Попова, Стернин 2007 – Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва, АСТ: «Восток-Запад», 2007, 314 с.

- Даль В.И. – Пословицы и поговорки русского народа В. И. Даля. – Электронное издание. URL: http://www.slova.ru/book_toc/1.html (дата обращения: 10.06.2017).
- Даль В.И. – Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля 1863-1866. Электронный ресурс. URL: <http://v-dal.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).
- Толковый словарь русского языка 1935-1940 – Толковый словарь русского языка: в 4 т. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия» (т. 1): ОГИЗ (т. 1): Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940. URL: <http://ushakov-online.ru/> (дата обращения: 10.06.2017).
- Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657> (дата обращения: 10.06.2017).

Pencheva, Antonia

University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria

antonia_pencheva@unwe.eu

NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT OF “CORRUPTION” IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (ON THE BASIS OF LEXICOGRAPHIC SOURCES AND PAROEMIAS)

***Abstract.** This article discusses the methods through which corruption is conceptualized in the Russian language. It analyzes the direct nomination of the concept “corruption” in lexicographic sources and paroemias. The article examines the dynamics of coining nominative field of the concept corruption in the Russian language, as well as the deeper national specifics in the perception of corruption as a social phenomenon, its reflection and fixing in the language.*

***Keywords:** Nominative field, concept, corruption, paroemias, language picture of the world*

РУССКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Аннотация. В работе представлены результаты исследования прагматических аспектов функционирования русских эвфемизмов, направленных на соблюдение правил речевой этики, в современных медиатекстах. Выявлены некоторые особенности употребления трех групп эвфемизмов: замещающих табуированную лексику, политкорректных и этикетных. Предлагаемый подход к анализу эвфемистических единиц включает учет таких прагматических категорий, как коммуникативная интенция, стратегия вежливости, сохранение позитивного «лица», импликатура и др.

Ключевые слова: эвфемизм, максимы Грайса, максимы вежливости, языковое табу, политкорректность.

Возрастающий интерес к эвфемизмам в русской речи обуславливает необходимость поиска новых, современных подходов к их изучению. Один из возможных путей связан с интерпретацией прагматической информации, воплощенной в них.

В разных сферах общения все чаще можно наблюдать употребление эвфемизмов в тех случаях, когда акт прямой номинации расценивается как нежелательный, неприличный или невежливый. Совершаемый говорящим акт не прямой номинации является следствием намеренного отказа от точности в вербализации смысла. Этот особый номинативный акт основан на замене языковой единицы, обладающей негативной коннотацией или выражающей негативную оценку, нейтральной или менее негативной по смыслу единицей – эвфемизмом.

Взгляд на эвфемизмы с точки зрения ключевой для них категории оценочности однозначно подсказывает необходимость обращения к прагматической парадигме знаний. Ведь по определению эвфемизация ориентирована на «улучшение» денотата, а это предполагает осознанный выбор между прямым наименованием денотата, которое ассоциируется с негативной оценкой, и иносказанием, создающим ассоциации с «предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат» [Кацев 1988: 5]. Этот выбор неизменно обусловлен прагматическим контекстом общения и в первую очередь человеческим фактором.

В рамках речеповеденческого анализа дискурса эвфемизацию следует рассматривать как номинативную тактику, чье применение может

быть мотивировано двумя диаметрально противоположными типами коммуникативных интенций. В зависимости от них мы предлагаем разграничивать два базовых класса эвфемизмов.

1. Этические эвфемизмы. Их употребление мотивировано интенциями, связанными с соблюдением принятых в данном лингвокультурном сообществе норм речевой этики. В рамках данного класса можно провести дальнейшее разграничение трех групп эвфемизмов на базе учета коммуникативных феноменов, лежащих в основе их возникновения.

А. Эвфемизмы, замещающие табуированную лексику. Современным языковым табу объясняется эвфемизация, проявляющаяся в стремлении не говорить прямо об определенных фактах действительности, так как это считается неприличным/неуместным. Сюда относятся эвфемистические иносказания, касающиеся: физиологических процессов (*сходить в одно место, отлучиться на минутку, куда царь пешком ходил; критические/эти дни, по техническим причинам*), обнаженного тела (в чем мать родила, в костюме Евы/Адама, в натуральном/откровенном виде), секса (*быть в близких отношениях, физическая близость, интим*), проституции (*жрица любви, представительница древнейшей профессии, женщина легкого поведения, ночная бабочка, дама полусвета, одалиска*) и др.

Б. Политкорректные эвфемизмы. Социально обусловленная языковая толерантность, известная как *политкорректность*, требует от говорящего избегать проявления дискриминации и не говорить прямо о: физических недостатках (*незрячий – в.м. слепой, слабослышащий – в.м. глухой; люди с ограниченными возможностями – в.м. инвалиды*); финансовом положении (*социально незащищенные, малообеспеченные люди – в.м. бедные, состоятельные, очень обеспеченные люди – в.м. богатые*), возрасте (*элегантный/бальзаковский возраст – в.м. средний возраст (о женщине), третий/почтенный возраст, осень жизни – в.м. старость*) и др.

В. Этикетные эвфемизмы. Соблюдением прагматического Принципа Вежливости, точнее, относящейся к нему Максимы одобрения: «Уменьшай порицание других, увеличивай похвалу других» [Leech 1983: 135], обусловлена эвфемистическая замена негативно-оценочных слов, которые могут обидеть собеседника или третье лицо: *взять без спроса, позаимствовать (в.м. украсть), сочинять, фантазировать, отклоняться от истины, грешить против истины (в.м. врать), задерживаться (в.м. опаздывать), освободить (в.м. уволить)*.

2. Манипулятивные эвфемизмы, в отличие от эвфемизмов первого класса, нарушают нормы коммуникативной этики. Они мотивированы интенциями, связанными со стремлением закамouflировать суть денотата так, чтобы ввести адресата в заблуждение. Выступая в качестве инструмента языковой демагогии, такие эвфемизмы употребляются преимущественно в публичном дискурсе при обсуждении социально-политических и экономических вопросов: *вооруженный*

конфликт, кризис, ситуация (вм. война), *миротворческая акция* (вм. военные действия), *интернациональная помощь* (вм. вторжение), *либерализация цен* (вм. повышение цен), *непопулярные меры* (вм. увеличение налогов); *оптимизация численности персонала* (вм. увольнение сотрудников) и др.

На основании следующих двух признаков можно установить существенные различия между эвфемизмами первого и второго класса:

1) **бенефактивность**: этические эвфемизмы в принципе являются благоприятными для обоих участников общения, понижая риск возникновения коммуникативного дискомфорта; манипулятивные эвфемизмы неблагоприятны для адресата, они обслуживают только интересы говорящего.

2) **степень прозрачности**: этические эвфемизмы предназначены для расшифровки адресатом, их подлинный смысл не остается для него скрытым; манипулятивные эвфемизмы «затуманивают» реальность, они нацелены на дезинформацию адресата (массового или коллективного), на сокрытие от него неудобной истины.

В данной работе представлены некоторые наблюдения над прагматическими особенностями употребления этических эвфемизмов. Анализ условий их функционирования проводился на материале составленного нами корпуса примеров из медиатекстов. В качестве источника использовались газеты «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Известия» и др., были привлечены также данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Исследование микроконтекстов, в которых появляются этические эвфемизмы, подтвердило их двуплановость – с одной стороны, они вуалируют суть денотата, а с другой – предполагают его беспроблемное узнавание. На основании того, что адресат без особых затруднений может понять, какой денотат обозначен этическим эвфемизмом, можно утверждать, что этот класс языковых средств обеспечивает поддержание режима кооперативного общения, несмотря на видимое нарушение Принципа *Кооперации Г.П. Грайса*.

Этически мотивированная эвфемизация является стандартным нарушением двух максим Грайса (Максимы качества: «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным» и Максимы способа: «Выражайся ясно» (включающей частное правило: «Избегай неоднозначности»)) [Грайс 1985: 222-223]), а это влечет за собой необходимость вывода **импликатуры**. Данным термином Грайс обозначает тот участок смысла высказывания, который не выражен говорящим, но выводится слушающим с опорой на конвенциональное значение использованных слов, контекст высказывания, общие фоновые знания и др. [там же: 227].

Понятие импликатуры играет центральную роль в исследовании механизмов не прямой коммуникации. Здесь мы сталкиваемся с разграничением конвенциональной и неконвенциональной импликатуры, которое позволяет провести прагматически ориентированную дифференциацию **языковой и речевой эвфемии**.

Языковые (узуальные) эвфемизмы основаны на конвенциональных (автоматически выводимых) импликатурах и, соответственно, имеют **имплицитное значение**. К этому типу единиц относятся все вышеуказанные эвфемизмы, которые зафиксированы в словарях и справочниках и выступают как полноценные элементы лексической системы русского языка (участвуют в формировании синонимических рядов, лексико-семантических групп и др.). В силу своей кодифицированности они составляет ядро функционального поля эвфемизации.

В отличие от них, речевые (контекстуальные) эвфемизмы не являются готовыми зашифрованными значениями. Их понимание зависит от интерпретационных усилий адресата по разгадыванию **имплицитного смысла**, актуализируемого в конкретном акте коммуникации. Они идентифицируются с опорой на широкий ситуативный контекст, например: *Она все еще в поиске* (имплицитный смысл: *Она не замужем*); *У него одно на уме* (имплицитный смысл: *Он думает только о сексе*). В основе функционирования речевых эвфемизмов лежит вывод неконвенциональных импликатур, опирающихся на **имплицитное знание**¹ мотиваций, целей, причин и следствий речевых поступков, а также норм поведения, моральных ценностей, культурных устоев общества [см. Ермакова 2010: 11]. Речевые эвфемизмы находятся на периферии функционального поля эвфемизации и характеризуются более низкой степенью закрепленности в сознании носителей русского языка по сравнению с языковыми эвфемизмами.

В фокусе нашего внимания находятся языковые этические эвфемизмы. Ниже мы попытаемся выявить особенности актуализации имплицитного значения эвфемизмов в рамках каждой из трех выделенных групп.

В процессе анализа нам представляется необходимым опереться на **прагматическую категорию «лица»**, разработанную в рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсоном [Brown, Levinson 1987]. Согласно концепции авторов, «лицо» – это публичный образ (имидж), на который претендует каждый член общества. Разграничиваются два вида «лица»: позитивное «лицо», которое связано с потребностью человека в уважении, признании, одобрении со стороны других, и негативное «лицо», связанное с потребностью человека иметь свою личную сферу, быть автономным. В процессе общения коммуниканты заинтересованы в поддержании и сохранении как своего собственного «лица», так и «лица» другого, что задает определенную линию вежливого речевого поведения [там же: 59-61].

Исследование микроконтекстов функционирования этических эвфемизмов позволяет утверждать, что они всегда бывают направлены на **сохранение**

¹ Согласно концепции Е.В. Ермаковой, «в языке имплицитность проявляет себя в качестве имплицитных значений языковых единиц, в речи – в качестве имплицитных смыслов, то есть смыслов, которые образуются при активизации имплицитного знания ситуативно-прагматическим контекстом» [Ермакова 2010: 7].

позитивного «лица», но при этом наблюдается существенная вариативность в том, как они реализуют такую стратегию вежливости.

Эвфемизмы, замещающие табуированную лексику, ориентированы в первую очередь на сохранение позитивного лица говорящего. Посредством их использования он презентует себя как деликатный, воспитанный человек, который не нарушает правил «хорошего тона».

Именно такой интенцией мотивировано использование одного из самых частотных субститутов «прямого наименования ягодиц» [Сеничкина 2008] в примере (1). Эвфемистическое словосочетание *мягкое место* давно зафиксировано в словарях, справочниках и лингвистических исследованиях². Его закрепленность в лексической системе русского языка обеспечивает легкую узнаваемость имплицитного значения адресатом – непосредственным (собеседником) и опосредованным (читателями газеты):

(1) *Марина Р., в прошлом работник Генеральной прокуратуры, Москва: Однажды в прокуратуре была в неловкой ситуации: о-очень большой начальник, который вызвал меня по какому-то вопросу, вдруг ущипнул, извините, за мягкое место* (Труд, 2007).

Употребляя эвфемизм, субъект речи демонстрирует умение выражаться благопристойно, соблюдая кодекс речевого поведения (этот эффект усиливается метакоммуникативным извинением, которым сопровождается упоминание, хотя и косвенное, стигматизированного денотата). Кроме своих интересов, говорящая защищает и интересы адресата, у которого употребление запретного прямого наименования вызвало бы коммуникативный дискомфорт.

Другой эвфемизм, служащий для замещения табуированной языковой единицы, представлен в (2). Показателен тот факт, что уже в следующем предложении прямая номинация (*обнаженных*) все-таки присутствует. Это говорит о сравнительно низкой степени стигматизации данной темы в русскоязычной коммуникации.

(2) *«Лучше поздно, чем никогда!» – так, наверное, подумала 72-летняя мегазвезда Софи Лорен, дав согласие позировать в откровенном виде для престижного календаря Pirelli на 2007 год. Это один из самых популярных календарей, публикующих фотографии обнаженных фотомоделей* (Комсомольская правда, 2006).

Употребление **политкорректных эвфемизмов** ориентировано, как правило, на демонстрацию уважения по отношению к третьим лицам. При

² Примечательно, что высокая степень лексикализованности этой эвфемистической перифразы становится основой для создания языковой шутки. В.З. Санников приводит интересный пример каламбура, основанного на возможности двоякого прочтения данного словосочетания: «Первомайские призывы: для транспортников: Дадим каждому пассажиру по мягкому месту!» [Санников 2002, 275]. Он свидетельствует об устойчивости имплицитного значения этого эвфемизма.

их использовании цель говорящего – избежать нанесения морального ущерба другому. Следовательно, политкорректная эвфемизация в первую очередь мотивирована интенцией сохранения позитивного лица другого, но вместе с тем способствует и сохранению лица говорящего, позиционируя его как толерантную, социально ответственную личность. Необходимо сделать оговорку, что в России политкорректность распространена не так широко, как в англоязычном мире, но тем не менее некоторые политкорректные слова и выражения уже прочно утвердились в русском языке.

Типичным примером может послужить эвфемизм *социально незащищенный*³, который все чаще используется как более толерантная номинация по сравнению с прямым наименованием бедный. Например:

(3) *По оценкам эксперта, около 60% арендодателей на рынке жилья – это социально незащищенные категории граждан, в том числе пенсионеры* (Известия, 2013).

Число политкорректных эвфемизмов постепенно растет под влиянием изменений в ценностных доминантах в обществе. Важно отметить, что, в отличие от двух других рассматриваемых групп эвфемизмов, употребляемых в разных регистрах речи, данная группа обслуживает исключительно сферу публичной коммуникации. Так, благодаря медиатекстам набирает популярность эвфемизм *особые дети* (сокращенный вариант от термина *дети с особенностями развития*), который воспринимается как более корректный, нежели привычное до недавних пор наименование *умственно отсталые дети*. Приведем пример из газетной статьи, в которой эвфемизм употреблен для косвенной номинации детей с синдромом Дауна:

(4) *Самое страшное, что подобные провокации влекут за собой увеличение количества отказов от детей с нарушениями развития, а также губительно влияют на качество жизни тысяч семей, в которых растут особые дети в нашей стране, – считает глава фонда, который уже 15 лет <...> оказывает психологическую и социальную поддержку семьям, где есть дети с СД* (Известия, 2012).

В данном контексте эвфемистическая замена, безусловно, способствует построению общего интенционального плана высказывания, а именно выражению тревоги, заботы, сопричастности к судьбе детей, страдающих нарушениями развития, и их семей.

В нашем материале широко представлены **этикетные эвфемизмы**, которые используются в целях соблюдения Максимы одобрения.

³ Термин заимствован из английского языка путем полукалькирования. Первоисточником является термин *socially disadvantaged* из сферы социального обеспечения. Ср. болг. *термин социално слаб*.

Вместо прямого выражения негативной оценки авторы нередко прибегают к витиеватым формулировкам, ориентированным на смягчение негативных характеристик кого-либо /чего-либо. Например:

(5) *Директор центра психолого-педагогической поддержки семьи «Нелишние дети» Елена Морозова заявила «Известиям», что квалификация многих школьных психологов **оставляет желать лучшего*** (Известия, 2014).

Здесь реализуется стратегия сохранения позитивного «лица» другого. Вместо прямого заявления о *плохой/низкой/недостаточной* квалификации большого числа специалистов в обсуждаемой области, говорящий использует клишированную эвфемистическую фразу, которая вуалирует выраженную им оценку, отталкиваясь «от противного». Данная фраза (ее словарная дефиниция гласит: «*вм. быть плохим, не соответствовать стандартным требованиям*» [Сеничкина 2008]) построена по принципу литоты – преуменьшения реально существующего негативного признака какого-либо объекта путем отрицания его противоположности – положительного признака. В результате строится «ослабленное» утверждение (англ. *understatement*) об отрицательном признаке. Ср. сходные по смыслу эвфемистические фразы *не очень хороший, не самый лучший, не блестящий, далек от совершенства*, которые также основаны на литоте.

Исключительно важным для понимания механизма действия литоты в контексте вежливости оказывается наблюдение Дж. Лича о том, что «литота облекает негативное утверждение в такую форму, которая на поверхности предполагает положительную интерпретацию. К негативной интерпретации приходят косвенным путем, посредством вывода имплицатуры, и именно поэтому ее категоричность является ослабленной» [Leech 1983: 148].

Среди этикетных эвфемизмов заслуживают внимание прилагательное *своеобразный* и образованное от него наречие *своеобразно*, которые выступают в качестве более «мягкого» субститута слов, однозначно выражающих отрицательную оценку (*плохой/плохо, грубый/грубо, некрасивый/некрасиво* и т.п.). Словарное толкование этих эвфемизмов говорит об их достаточно широких субститутивных возможностях: «*своеобразный* – *вм. прям. наименования порицаемого признака*», «*своеобразно* – *вм. прям. наименования порицаемого образа действия*» [Сеничкина 2008].

Ниже приведен отрывок из интервью с российским актером итальянского происхождения Джулиано ди Капуа, в котором он рассказывает о непростых отношениях, сложившихся между ним и режиссером Павлом Чухраем во время съемок кинокомедии «Русская игра».

(6) *Всем руководил Павел Чухрай, а он человек **своеобразный**. Кому-то он предоставляет полную свободу – если абсолютно доверяет, но со мной у него были проблемы. Он хотел видеть во мне эдакого мрачного, грузного итальянца,*

выделяющегося среди темпераментно жестикулирующих русских. Но этому сопротивлялась моя психофизика, так как от природы я очень нервный и подвижный (Труд, 2007).

Посредством употребления эфемистического прилагательного автор передает имплицитную критическую оценку характера/манеры поведения известного режиссера, не нарушая при этом правила речевой этики. С опорой на контекст адресат может без затруднений догадаться о подлинном смысле высказывания.

На эффекте подразумевания негативно-оценочного значения данного слова строится следующий анекдот:

(7) *За своеобразное поведение водителей автомобилей «Газель» на дороге название автомобилей решено сменить на «Козель»* (пример из [Сеничкина 2008]).

В (8) наречие *своеобразно* (при поддержке интенсификатора *весьма*) служит для косвенного выражения значения 'незаконно' на основе вывода конвенциональной имплицатуры (из контекста выясняется, что при проверке финансового состояния «Росграницы» были выявлены хищения, в частности, глава ведомства Дм. Безделов перевел часть денег, выделенных на обустройство погранзастав, в банк отца).

(8) *Как выяснила правительственная комиссия, ведомство Безделова весьма своеобразно тратило деньги, выделенные на обустройство госграницы* (Комсомольская правда, 2013).

В нашем корпусе представлено немало микродиалогов, в которых тактика эфемизации нацелена на сохранение позитивного лица непосредственного адресата (собеседника в интервью). Например:

(9) *И все же после первой победы вы вели себя, скажем так, не слишком адекватно: падали на снег, целовали лыжи* (реплика журналиста в интервью с лыжником Е. Дементьевым, Страна.Ru, 2006).

Употребление литоты *не слишком адекватно* является результатом внимательного подбора более вежливой формулировки, чем прямая (*как сумасшедший*). Посредством включения маркера условной номинации *скажем так* в оценочное высказывание журналист договаривается с адресатом относительно подразумеваемой интерпретации смягченной номинации.

Субъект речи может использовать этикетные эфемизмы, ориентируя их не только «от себя» – на адресата или третье лицо, но и по направлению «к себе», т.е. для сохранения своего позитивного «лица».

В приведенном ниже примере эфемизм *позаимствовать* употреблен по отношению к собственным действиям и, следовательно, служит для преуменьшения своей вины, для представления фактов в более выгодном свете.

(10) *Причем многие ребята согласны, что брать что-то из чужого кармана плохо, а вот позаимствовать шоколадки и жвачки в супермаркете, по их мнению, – не преступление* (Российская газета, 2008 – пример из [Ванюшина 2011]).

Семантика глагола *позаимствовать* предполагает, что предмет взят только на определенное время. При эвфемизации данный глагол претерпевает семантическую трансформацию и уже подразумевает, хотя и в очень мягкой форме, совершение акта мелкого воровства.

Литота, как разновидность этикетного эвфемизма, также может служить выражению сдержанного порицания действий самого говорящего.

(11) *Жить честно – это нелегко. Если я скажу, что не нарушал закон, то это будет не совсем правдиво* (Аргументы и факты в Удмуртии, 2013).

Применяя тактику эвфемизации, субъект речи (подполковник полиции) смягчает заведомо критическую оценку факта лжи. Таким образом он пытается оградить себя от возможных обвинений и поддержать свой позитивный имидж.

В заключение отметим, что в ходе анализа мы не раз столкнулись с проблемой облигаторности/факультативности этической эвфемизации, которая все еще мало изучена. На наш взгляд, учет данного критерия прольет свет на социопрагматический аспект эвфемизации. Это задает еще одну возможную перспективу исследования данного многогранного феномена.

Литература

- Ванюшина 2011 – Ванюшина Н.А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ, Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
- Грайс 1985 – Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985: 222-223.
- Ермакова 2010 – Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте: на материале современной русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2010.
- Кацев 1988 – Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л., 1988.
- Санников 2002 – Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- Сеничкина 2008 – Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008.
- Brown, Levinson 1987 – Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge. 1987.
- Leech 1983 – Leech G. Principles of Pragmatics. London 1983.

RUSSIAN EUPHEMISMS FROM THE POINT OF VIEW OF PRAGMATICS

Abstract. *The paper presents a pragmatic study of Russian euphemisms used in contemporary mass media discourse. Specific pragmatic functions of taboo word substitutes, politically correct and politeness-focused euphemisms are revealed. An approach to their analysis is proposed that takes into account some relevant notions of pragmatics, such as speaker's intention, politeness strategies, mitigation of positive face threats, implicature, etc.*

Keywords: *euphemism, Grice's conversational maxims, politeness maxims, verbal taboo, political correctness.*

ТОРГОВЫЕ НАЗВАНИЯ КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства и номинативные стратегии в торговых названиях кисломолочных изделий в русском и болгарском языках. Анализируются этикетки продуктов как поликодовое сообщение, комбинирующее вербальные и невербальные средства, в т.ч. и национально-специфические, что превращает их в элементы языковой картины мира.

Ключевые слова: торговые названия, языковая картина русского и болгарского языков

1. Актуальность исследования и основные понятия. В современной лингвистике наблюдается важный **методологический сдвиг**: переход от лингвистики «имманентной» с ее установками рассматривать язык «в самом себе и для себя» к «лингвистике **антропологической**, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8]. Происходит смена базисной парадигматики в лингвистике: «на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статистической парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус “меры всех вещей” и вернувшая его в центр мироздания» [Воркачев 2001: 64].

Эти тенденции в развитии лингвистики учитываются в подготовке русистов – бакалавров и магистров в Софийском университете им. Св. Кл. Охридского в целом комплексе **антропоцентрически ориентированных языковедческих дисциплин**: это курсы по страноведению России, лексикологии, фразеологии, прагматике, спецкурсы по лингвокультурологии, речевому этикету, межкультурной коммуникации, по отдельным аспектам перевода и преподавания иностранного языка в **бакалавриате** (см. программу обучения <http://www.slav.uni-sofia.bg/index.php/subjects/russian-philology>); а также спецкурсы по языковой картине мира, сопоставительной лингвокультурологии, психолингвистике, лингвопрагматике и межкультурному диалогу, культурным стереотипам в обучении иностранному языку в **магистерской программе** «Язык. Культура. Перевод» для русистов (см. <http://www.slav.uni-sofia.bg/index.php/magistri-programi/ma-lang-cult-trans>). На занятиях строятся **интердисциплинарные связи** между изучаемыми семантическими и грамматическими категориями и явлениями в антропоцентрической перспективе, намечаются возможные **прикладные аспекты** на материале современного русского языка с элементами

сопоставления с другими языками. Изучение **языковой картины мира** (ЯКМ) носителей русского (РЯ) и болгарского (БЯ) языков – это некая интегративная область, в которой студенты углубляют свое познание языка и культуры, получают знания для более эффективной коммуникации и профессиональной деятельности. Наиболее подходящей из многочисленных дефиниций ЯКМ для данных целей – это определение Анны Зализняк, что ЯКМ – «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Анна Зализняк, интернет источник].

Торговые названия продуктов, на наш взгляд, являются частью ЯКМ, т.к. в разной степени в них отражается накопленный опыт по их производству, эмоциональное и рациональное отношение к товару, креативность производителя и т.д.

Торговая марка и бренд часто используются как синонимы, но первое понятие часто рассматривается в семиотическом плане, а второе – в области маркетинга и менеджмента. Некоторые исследователи отмечают некий сдвиг в трактовке терминов в сторону гуманитарных подходов с начала 90-х гг. 20.века, и соответственно, **«торговая марка** – это социосемиотический феномен, который существует и развивается через коммуникацию, которая, со своей стороны, может быть успешной только при хорошем познании систем, процессов и принципов, позволяющих Культуре функционировать. А бренд в смысле „устоявшейся торговой марки” строит значение, через которое входит в диалог и в долготойкие отношения с потребителем» [Трендафилов 2017: 14, *перевод мой* – К.П.]. Таким образом, упоминаемый комплексный семиотический подход, который интегрирует исследовательские методы из области культурной антропологии, социальной психологии, семиотики и лингвистики, очень схож с комплексным анализом торговых названий в теоретической рамке ЯКМ.

Цель нашего исследования – проследить языковые средства и номинативные стратегии в торговых названиях в РЯ и БЯ, с помощью которых активизируется целый комплекс одновременно действующих когнитивных и эмоциональных этноспецифических факторов у покупателя при выборе продукта в условиях огромного разнообразия и конкуренции продуктов на рынке. Выявленные наблюдения затем можно использовать в обучении РЯ или БЯ как иностранному (РКИ; БКИ) для повышения коммуникативной и профессиональной компетенции студентов. Торговые названия некоторых пищевых продуктов – **объект** нашего исследования. **Предмет** исследования – проследить, каким образом торговые названия пищевых продуктов встраиваются в общую ЯКМ рядового носителя РЯ и БЯ.

Цель конкретизируется в **задачах**: 1) Определить номинативные средства и стратегии в выборе торгового названия продукта; 2) Описать этноспецифические компоненты торговых названий некоторых пищевых продуктов как части болгарской и русской ЯКМ; 3) «Восстановить» ассоциации, коннотации в

значении слов в торговых названиях, проследить, какие фоновые знания, прагматические факторы, стереотипы в мышлении и поведении, фреймы в моделировании ситуации, подкрепляют активированные ассоциации, и таким образом, определить механизм и силу воздействия названия продукта в выборе покупателя; 4) В семиотическом подходе проследить, как «слагается» эффект вербальных и невербальных компонентов на упаковке, чтобы склонить покупателя к определенному выбору.

Материал: названия кисломолочных, (а в перспективе – хлебобулочных, винно-водочных и шоколадных) изделий в БЯ и РЯ. **Источники:** брошюры, рекламы, материалы в интернете, содержащие названия выбранных изделий, а также и при непосредственном выборе товаров в магазине.

2. Анализ конкретных примеров. В целях обучения РКИ и БКИ очерчивается тематическая группа по идеографической схеме тематического словаря в рубрике продуктов питания и продовольственных продуктов [ТС 2000: 209-214, 307-311], по другим словарям и источникам. Можем выявить несколько **стратегий** выбора названий – торговых марок (далее даются в курсиве полужирным шрифтом), при этом прослеживается **взаимодействие вербальных и невербальных компонентов:**

1) по имени производителя (*Димитър Маджаров*) или имя комбинируется с названием торговой марки производства (*Родопея-Белев*);

2) по месту производства (*Родопи, Балкан, Пършевица, Боженци*). Преобладают названия гор (*Родопи, Балкан*) или населенные пункты в горах, т.к. скотоводство и сыроварни очень часто расположены в горных районах;

3) по древнему имени города производства (*Верейя*, сегодня Стара Загора);

4) по географическому району или достопримечательности места производства – относительное прилагательное, (г. *Карлово* → *Карловско*, г. *Шумен* → *Шуменско*, одна из редких форм во мн.ч. *Шуменски кисели млека*; географический район Добруджа → *Добруджанско*); в РЯ: *Можайское*, г. Руза → *Русское, Коровка из Кореновки*;

5) по названию жителей района производства (*Родопчанка* ‘жительница гор Родоп’);

б) окказионализмы по месту производства (*Родопея* = гора *Родопи* + глагол *пея* ‘петь’ – район, известный хорошими песнями и певцами). Возможно, это использование звукового облика латинского прилагательного *Rhodopeia* ‘из Родоп’; ср., напр., название вида желтой фиалки, распространенной в Родопах (*Viola rhodopeia*). Процесс переноса границ между морфемами – переразложение морфемного состава слова – приводит к переосмыслению слова по-новому. То, что уже в составе слова усматривается и глагол *петь*, иллюстрируется наличием женского трио исполнительниц народных песен с названием «*Kaba Trio Rhodopea*» (ср. *каба-гайда* – вид волынки, распространенный в Родопах, тур. *каба* ‘низкий, плотный’ о звуке, ‘толстый’ о человеке).

Эмоциональный эффект, создаваемый звуковым образом и семантизацией частей при морфемном осмыслении окказионализма *Родопея*, усиливается изображением на этикетке - горный пейзаж, условные очертания рельефа (плавные горные вершины), и мужчина в типичной для района национальной одежде, с колпаком и длинными усами, признаком мужества и удалства, и играющим на типичной для данного района волынке; традиционный деревянный сосуд для молока. (см. Рис.5)

7) с указанием натуральности, чистоты, экологичности продукта (*Био-мляко, Еко; мандраджийско масло*), (ср. б. *мбндра* – сыроварня; место, где доят овец и делают сыр, брынзу и масло).

8) с оценочными лексемами (*Родопско чудо, Родопчанка (Домашно кисело мляко с каймак)* ‘домашний йогурт со сливками’; серия продуктов *Домик в деревне*, напр., *Творог деревенский, отборный, из вершикового молока*). Лексемы б. *чудо, домашний*, р. *деревенский* несут положительные коннотации в значении.

Используются устойчивые образы и сравнения: р. *Финское качество – русское молоко*. Определенная сеть магазинов разрабатывает свой бренд, который охватывает множество продуктов, и часто несет положительную оценку в названии: сеть гипермаркетов «Ашана» - собственная марка *Каждый день*, в сети магазинов «Седьмой континент» - *Наш продукт*, в магазинах «Дикси» - *Первым делом; То, что надо!*.

9) с упоминанием родственных отношений как знак качества и заботы (йогурт *На баба, На дядо от село*; ср. также копченая колбаса с названием ‘закуска дедушки / бабушки’ *Дядовото мезе, Мезето на баба*, ракия *Дядовата усуканица*). На упаковках серии молочных продуктов б. *На баба* - рисунок бабушки с горшком молока, окруженная внуками, или с типичной посудой, в которой подавали йогурт, – глубокой миской и деревянной ложкой, или котла, в котором доили коров и овец с листочками болгарского растения *здравец* ‘герань’ с богатой символикой, по старой традиции растение дарят как символ пожелания здоровья, название *На баба* ‘бабушкино’ и надписью «*Вкуснотиите от златните ръце на баба*» ‘Вкуснятины – дело золотых рук бабушки’, и молоко дедушки из деревни *На дядо от село* ‘Дедушки из деревни’ в виде традиционного деревянного сосуда. На упаковке серии молочных продуктов р. *Домик в деревне* (напр., *Творог деревенский, отборный, из вершикового молока*) изображены березка, деревенская деревянная изба, портрет бабушки, корова – они представляют понятия, входящие в ассоциативно-вербальное поле по смежности, и часто даются рядом в иллюстрациях. В названиях в БЯ часто упоминаются *бабушка* и *дедушка*, потому что с ними связаны ассоциации *спокойствие, забота, ласка, домашний уют* и под. В БЯ используется также и почтительное обращение к старшему мужчине: *Бай Данчо*. Из реакций в **ассоциативно-вербальном поле**, отраженном в „Славянском ассоциативном словаре” М., 2004 [САС 2004], подобраны «положительные»

реакции на стимул (цифра после слов – количество реакций из 600 анкет; реакций с отрицательным значением значительно меньше положительных): р. *бабушка* – дедушка 128, добрая 35, любимая 11, доброта 9, деревня, любовь 8, добро, милая, радость 4, мудрая, заботливая, детство, молоко, мудрость, спокойствие, мягкость, самый добрый человек и др.; б. *баба* ‘бабушка’ – мѣдрост 18, добра, обич 11, грижа, доброта, топлина 8, добрина, добро, уют, уважение, храна, село, глезя, дете, детство, добронамерена, матриархат, мили спомени от детството, моят най-любим човек, светиня, нежност, радост, палачинки, прекрасна, скъп спомен, сладкиш, топлина от огън или пушек от запален боклук, традиция, умиление, щастие и др. [САС 2004: 24-25]. Слово р. *дед*, *дедушка* – б. *дядо* не подавалось как стимул, потому что оно не вызвало достаточное количество реакций на предварительных этапах подбора стимулов и не попало в ядро языкового сознания носителей русского языка (см. вступительную статью к [САС 2004]). Реакции к другим словам, которые содержат слово дедушка или производные от него слова, имеют как положительные, так и отрицательные коннотации в значении [САС 2004: 281, 537].

10) с использованием прецедентных имен из известных литературных произведений (*Белчо и Сивушка*) или старинно-традиционных болгарских имен в ласковой форме (*Манчо и Румка*). Можно отметить, что рассказ «На браздата» («На борозде») Елина Пелина изучается в болгарской средней школе. В нем бедняк, пашущий свою небольшую ниву, спрашивает умирающих от голода вола **Белчо** (белого цвета) и корову **Сивушку** (серого цвета) не умирать, не покидать его, потому что он не прокормит своих деток. В изображении на этикетке они не такие худощавые и умирающие, как в рассказе, клички животных оторвались от рассказа. Традиционные болгарские имена **Манчо** и **Румка**, женское в уменьшительно-ласковой форме, в названии продукта сопровождаются их изображением в национальной одежде и головных уборах, с розой за ухом, как знак хорошего задорного настроения, любви молодых, на фоне типичной печки, деревянной кадки с молоком, круглого стола с сыром на нем, стульчики на трех ножках, и изготовление брынзы на втором плане.

11) с использованием прецедентных названий, связанных с историей Болгарии: (*болярче*) ‘сын боярина’, (*ханско*) ‘принадлежащее хану’ (титул владетеля; Болгария управлялась ханами от основания государства на теперешней территории в 681 г. до принятия христианства в 864 г.). Молочные продукты торговой марки **Болярче** производятся в районе Велико-Тырново, столицы Второго болгарского царства (1185 – 1396 гг.), где и жили бояре. В изображении использовано условное изображение боярской накидки в одежде, традиционная посуда и деревянный половник, а также атрибуты ханской власти и воина – щит, шлем на голове, копьё с привязанным конским хвостом, являющимся праболгарским знаменем, узор, напоминающий характерную чеканку.

12) отсылка к персонажам детских сказок, мультиков, мифологическим существам и др. (*Снежанка, Русалка, Дино* - динозавр); сказочный образ коровы, обнимающей девочку, как символ матери-кормилицы и защитницы, *Простоквашино* (само название и изображение персонажа из мультфильма кота Матроскина послужили поводом скандала и судебного дела между создателем фильма Э. Успенским и представителями этого бренда).

13) с латинским корнем (*Лактима*);

14) иностранные слова в названии (*Milky way, My day*)

15) языковая игра с жаргонным переносным значением слова (*Бор-Чвор*), с переразложением морфемного состава слова (*ДЗП – Данон, мякo за пиене* для детей с нарисованными персонажами и слоганом: **ЯГОДАЙ НАСАМ** – фрукт б. *ягода* и фраза б. *я го дай насам* «ну-ка подавай сюда», **ПРАВИМ КОНТРА ПАНДА С ДЗП** – *контрабанда* и нарисованная *панда* и др., языковая игра на основе межъязыковой коммуникации – смешение кодов двух языков, английского и болгарского, и создание общего смысла высказывания – напр., реклама на упаковке ДЗП Данон за пиене **Choco MILK – Hot** ли си? **Cool** ли си? о возможности употреблять его и горячим, и охлажденным, с молодежным жаргонным значением и привычкой использовать много слов из другого языка.

На этикетках, упаковках и в рекламах создается единый воздействующий комплекс из изображения и текста, т.е. создается т.наз. поликодовое сообщение [см. Молчанова 2014: 9]. Кроме названия добавляется и короткий слоган, трогающий, вызывающий приятные воспоминания с целью повышения мотивации для покупки продукта (например, изображение типичного болгарского возрожденческого дома из небольшого города-заповедника со старой архитектурой и названия *Боженици* с надписью *Вкусът на българската традиция* ‘Вкус болгарской традиции’). Слоган также может повышать мотивацию к покупке при помощи упоминания производителя и активации поля положительных коннотаций (*На баба* ‘бабушкино’ и надпись *Вкуснотиите от златните ръце на баба* ‘Вкуснятины – дело золотых рук бабушки’); указана также положительная мотивация и характеристика производителя: *От добро сърце и сръчни ръце!* ‘От чистого, доброго сердца и дело умелых рук’.

На упаковке некоторых русских кисломолочных изделий (*Молоко ультрапастеризованное «Вологодское» из Вологды*) также используется зарисовка эмблематических архитектурных достопримечательностей города Вологды – Кремль, Спасо-Прилуцкий монастырь, Соборная колокольня с церковью Алексия, Мельничная башня. Портрет ребенка в национальной одежде тоже всегда вызывает умиление и создает благое расположение к продукту.

Используется также крупный цветной старинный шрифт и особенности старой орфографии до 1945 г. в Болгарии (с написанием **Ъ** в конце слова после согласных) (*ЧифликЪ* ‘хутор’).

Национально-специфические изобразительные компоненты, которые представлены на торговых этикетках являются частью комплексного поликодового послания, – это преимущественно изображения людей, чаще всего они в стилизованной национальной одежде, типичные предметы быта, характерные для добывания и переработки молока, – деревянная кадушка, глиняная миска, деревянная ложка, коромысло с ведрами или котелками, вышитое полотенце, вольтка и др., традиционно символически нагруженные растения – ель, береза, роза, душистая герань, ромашка и т.д. Используются также упрощенные стилизованные узоры национальной вышивки или вязанные кружева по краю баночки, коробки или верхней крышки из фольги. Иногда наблюдаются недосмотры, на наш взгляд, при выборе изображения – инородные, а не специфические национальные компоненты (напр., силуэт католической церкви, нетипичный колпак или головной убор) вступают в противоречие с традиционным названием *Бай Данчо*.

Использование **жестов** в изобразительной части торгового этикета тоже должно быть продуманным: на наш взгляд, заимствованный современный жест *ОК* (большой палец и указательный собраны в колечко), сделанный левой рукой, вступает в противоречие с национальной одеждой *Бай Данчо*, претендующей на традиционную; ср. сходный жест правой рукой со значением ‘Очень вкусно’ на упаковках серии молочных продуктов *От златните ръце на баба*. Следует также учитывать возможную межъязыковую омонимию жеста (*ОК* ‘очень хорошо’, ‘все в порядке!’ в американской и англоязычных культурах, ‘круглый ноль, ничего’ во франкофонских, и ругательное значение в арабском мире; ‘Я тебя убью!’ в Тунисе – [ср. Молчанова 2014: 111]), допустимость, приемлемость жеста в обществе и культуре (*Манчо и Румка* в обнимку).

При выборе продукта имеет значение и **форма упаковки** продукта для пробуждения сентиментальных патриархальных патриотических настроений: например, пластиковая банка болгарского йогурта *На дядо от село ‘Дедушки из деревни’* раскрашена в виде старинного деревянного сосуда с крышкой и ручкой, а *Вологодское масло* продается на полках магазина в разрисованных пластиковых бочонках или коробках с принтом, напоминающим бересту, или прямо в сувенирных глиняных горшочках и расписных деревянных бочонках.

3. Обобщение. Торговые названия в РЯ и БЯ (на материале кисломолочных изделий) используют лексические единицы и словообразовательные модели, которые активируют целое ассоциативное поле, фоновые знания из обыденного сознания, вызывающие положительные эмоции у представителей определенного языкового коллектива, отражают устойчивые национально-специфические реалии, представления об окружающем мире, стереотипы в мышлении и поведении. Поэтому они являются частью **языковой картины мира**.

На этикетках, упаковках и в рекламах соединяются визуальные и вербальные элементы в единый поликодовый образ и текст, который активирует целый сложный комплекс когнитивных, эмоциональных, лично-индивидуальных и национально-общих компонентов, при «взвешивании» которых покупатель принимает решение приобрести тот или иной продукт.

Изучение фрагментов ЯКМ помогает лучше понимать себя, окружающих, окружающий мир. Творчество рекламодателей и промышленных дизайнеров учитывает в той или иной мере детали той сложной когнитивной и языковой картины мира, с помощью которых осуществляется наше взаимодействие с окружающим миром. Поэтому и **торговые названия (эргонимы или прагматонимы)** являются предметом анализа не только в области ономастики (выбора языкового знака – названия), но и лингвокультурологии, и прагматики.

В **торговых названиях** выявляются некоторые психо-, социо- и этнолингвистические аспекты, семиотические аспекты взаимодействия визуального и вербального кода, которые должны учитываться в теории и создании рекламы, в изучении и преподавании РЯ и БЯ как иностранного.

Литература

- Воркачев 2001 – Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. // Филологические науки, №1, 64-72.
- Зализняк Анна – Зализняк Анна. Языковая картина мира. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html (дата обращения: 30.07.2017)
- Молчанова 2014 – Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М., Олма Медиа групп, 2014.
- Постовалова 1988 – Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988, 8-69.
- САС 2004 – Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь (русский, белорусский, болгарский, украинский). М., 2004.
- Трендафилов 2017 – Трендафилов Д. Семиотични изследвания на търговската марка. Инструменти, анализи и резултати. НБУ, 2017.
- ТС 2000 – Сяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. / Под ред. проф. В.В. Морковкина. М., Русский язык, 2000.

Petrova, Krassimira
Sofia university St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria
krapetrova@slav.uni-sofia.bg
krapetrova@abv.bg

BRANDS AS A PART OF LINGUISTIC WORLDIMAGE

Abstract. *The paper deals with linguistic means and nomination strategies in branding for food (dairy) products in Russian and Bulgarian languages. Trademark labels of such products are analyzed as policode message which combines verbal and nonverbal means, including nationally specific elements as part of the linguistic worldimage.*

Keywords: *linguistic worldimage, food products, dairy products, dairy products names, slogan.*

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
КАК РАЗНОВИДНОСТИ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ
АКТОВ В БЫТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ КОНЦА XX-
НАЧАЛА XXI ВВ.)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности семантики и функционирования в рамках современной русской бытовой коммуникации косвенных директивных речевых актов, реализованных в форме вопросительных конструкций. Выделяются и характеризуются основные типы указанных конструкций.

Ключевые слова: теория коммуникации, прагмасемантика, директивные речевые акты, вопросительно-побудительные конструкции, бытовая коммуникация, современная русская художественная литература.

Одним из простейших способов добиться изменения существующей действительности посредством речевого воздействия на другого человека является использование различных по форме директивных речевых актов (ДРА). Особенностью таких актов является то, что собеседник, как правило, сильно ограничен в вариантах ответной реакции, т. е., по сути, у него нет выбора – совершать действие или нет (это может быть приказ, команда, указание, инструкция и др.) [Гуринович, Игнатюк 2016: 24]. Следствием подобной прагмасемантической специфика является тот факт, что в ряде случаев применение указанных актов порождает определенный психологический дискомфорт у объектов императивного воздействия. В тех случаях, когда обстановка, в которой осуществляется коммуникация, предполагает полное и беспрекословное подчинение одного участника другому (например, при общении с вышестоящим начальством), это – хотя, заметим, не всегда, – может и не иметь большого значения. Однако очень часто для достижения необходимого коммуникативного эффекта и снижения вероятности возникновения конфликта коммуниканты прибегают к различным средствам «смягчения» интенсивности побудительного воздействия, его экспликации посредством косвенных речевых актов. Разновидностью таких актов являются вопросительно-побудительные конструкции. Специфика реализации этих конструкций в различных видах коммуникации, по нашим наблюдениям, довольно существенно различается. Особенно интересно, на наш взгляд, рассмотреть

функционально-семантические особенности вопросительно-побудительных речевых актов в бытовой коммуникации, специфика которой «состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращённый код общения, когда... актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [Карасик 2004: 232] и предполагает минимум ограничивающих факторов, поскольку «в сфере бытового общения употребление языка не поддается официальному регламентированию со стороны общества, а определяется целиком желанием самого индивида и неписаными общественными конвенциями коллектива [Словарь].

В рамках настоящей статьи мы планируем рассмотреть, как реализуются различные типы вопросительно-побудительных речевых актов в пространстве бытовой коммуникации. В качестве материала нами были выбраны художественные произведения известных российских писателей конца XX-начала XXI вв., относящиеся к реализму и содержащие описания типичных для современной России ситуаций повседневного общения. Выбор данного материала не случаен: пространство современных художественных текстов, созданных известными российскими писателями (Павлом Санаевым, Сергеем Минаевым, Захаром Прилепиным и др.), в достаточной мере репрезентирует специфику национального сознания и мировосприятия, отраженную в повседневной речи носителей языка, и содержит значительный по количеству и разнообразию корпус примеров использования исследуемых речевых актов.

Классификация вопросительно-побудительных речевых актов.

Директивные речевые акты, как отмечают ученые (например, В.И. Карасик) дифференцируются на прямые и косвенные, а также на категоричные (которые выражают волю говорящего, при этом мнение адресата не принимается во внимание) и некатегоричные (коммуниканты нуждаются в помощи или совете собеседника) [Карасик 2002: 69-73]. Рассматриваемые нами конструкции, вопросительная форма которых служит своего рода маскировкой для побудительной интенции, относятся к косвенным и, по большей части, некатегоричным ДРА.

Мы, опираясь на работы российских исследователей Беляевой, Формановской, Демидовой и др. [Беляева 1992; Формановская 1994; Демидова 2005], считаем правомерным выделить следующие функционально-семантические типы вопросительно-побудительных актов:

1. реквестив-просьба;
2. суггестив-предложение;
3. суггестив-совет;
4. прескриптив.

В рамках бытовой коммуникации представлены все перечисленные типы. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Реквестив-просьба. Результатом использования данного вида вопросительно-побудительных конструкций, как и в случае с обычной просьбой и ее разновидностями, предполагается совершение реципиентом действия в интересах продуцента речи; в качестве мотивирующего фактора в данном случае выступает апелляция к альтруистическим чувствам реципиента. Применение данной разновидности вопросительно-побудительных конструкций в рамках повседневной коммуникации обусловлено, в большинстве случаев, одной из следующих причин:

- потенциально низкой вероятностью коммуникативного успеха в случае прямой дирекции; как правило, это связано с разницей (или ее отсутствием) социально-возрастного положения коммуникантов: *Можно [взять эту коробку]? [воспитанник в детском лагере – воспитателю]* (П.Санаев. Похороните меня за плинтусом, с. 32). *Ты меня на работу не устроишь? [безработный представитель неформальной группировки – преуспевающему менеджеру в личной беседе]* (С. Минаев, Духлесс, с. 61),
- нежеланием говорящего оказывать коммуникативное давление на слушающего, что может быть обусловлено дружеским отношением между коммуникантами, нормами и правилами этикета (*Курить можно? [гость – хозяину]*) (З. Прилепин. Санька, с.31)), стремлением не провоцировать конфликтную ситуацию (*Не кричи, Сенечка. Зачем ссориться напоследок? [жена – мужу]*) (П.Санаев. Похороните меня за плинтусом, с. 48))
- потребностью говорящего в тех или иных предметах, собственником которых является слушающий, либо услугах, которые может (но не обязан) предоставить слушающий: *–У нас тут в Ленинграде народ замерзает, как в блокаду. Твой Склад нам состава три дров не пришлет?* (С. Минаев, Духлесс, с. 13)., *Нет у тебя курить?* (З. Прилепин. Санька, с.3)

Успешность и сама возможность употребления данных речевых актов напрямую зависит от характера отношений между коммуникантами (наличия или отсутствия родственных связей, близости знакомства, социально-возрастной дистанции и т.д.). Поскольку адресант сообщения в случае с реквестив-просьбой ставит себя в зависимость от доброй воли адресата, он в определенной мере рискует «потерять лицо». С другой стороны, уважение к мнению объекта воздействия, возможность для него проявить расположение к говорящему, перманентно содержащиеся в семантическом плане соответствующих высказываний, во многом способствуют повышению коммуникативного успеха (в рассмотренном нами материале его значение составляло около 70%). В случае же отсутствия родственных, дружеских или профессионально-субординационных связей между коммуникантами (а повседневно-бытовая коммуникация, как мы знаем, очень часто предполагает такие ситуации) реквестив-просьба становится практически основным инструментом реализации побудительного воздействия.

Суггестив-предложение. Во многих случаях, когда мотивация продуцента речи к побуждению реципиента не является интенсивной, а предполагаемое действие не является облигаторным или очевидно бенефактивным, говорящим используются вопросительно-побудительные акты, которые мы называем суггестив-предложением.

Данный тип вопросительно-побудительных конструкций в рассмотренном материале занимает первое место по частотности. Ключевыми причинами, обусловившими данный факт, на наш взгляд, являются следующие:

1) универсальность данных конструкций для широчайшего диапазона повседневных ситуаций, например: планирование организации совместного досуга (*Годин приятель – другому] Обмоем [партнерство – Н.А.] сегодня?* (С. Минаев, Духлесс, с. 67)), завязывание деловых контактов (*Вам, кстати, сайт не нужен? Конторе твоей?* ([на неформальном собрании один участник вечеринки – другому] (С. Минаев, Духлесс, с. 61)), предложение помощи собеседнику (*Может, дать тебе валерьяночки? Или водички горячей в грелочку подлить* (П.Санаев. Похороните меня за плинтусом, с. 44), даже выстраивание межличностных отношений (*Я тоже модель. Танк «Т-34». Знаешь, из серии «Собери сам». Склеешь меня сегодня?* (С. Минаев, Духлесс, с. 20)) или издевка (*Ну что, Савельева в холл выставим или к девочкам? По-моему, они его еще не видели* (П.Санаев. Похороните меня за плинтусом, с. 20)) и т.д.;

2) семантическая нейтральность данных речевых актов, определяющая соблюдение относительного «коммуникативного баланса» между позициями обоих собеседников, поскольку (разумеется, теоретически) не накладывают обязательств ни на одну сторону и не ставят в уязвимое положение ни прескриптора, ни агенса;

А вот коммуникативный успех соответствующих высказываний напрямую зависит от того, насколько бенефактивным или приемлемым представляется каузируемое действие реципиенту. Поэтому чем менее выгодным в реальности данное действие является для слушающего, тем большее риторическое мастерство требуется от говорящего; в этом случае высказывание, как правило, не ограничивается вопросительно-побудительными конструкциями и включает в себя дополнительные поясняющие элементы (*Вступить [в ряды бизнес-партнеров по строительству клуба – Н.А.] не хочешь? Помнишь, мы лет десять назад мечтали сделать бар в нормальном западном стиле* (С. Минаев, Духлесс, с. 23))

Суггестив-совет. Вопросительно-побудительные конструкции, репрезентирующие суггестив-совет, предполагают, что осуществление каузируемого в высказывании действия выступает, по мысли говорящего, бенефактивным для слушающего. С их помощью говорящий демонстрирует реальную или мнимую заботу о слушающем, которая может выражаться в разных формах: предложения совершить полезное действие (*Ты бы таблеточку*

выпил, что ль? Полегчает (П. Санаев, Похороните меня за плинтусом), предостережения от совершения тех или иных действий *«Что же вы водку-то так жрете? Вам же не семнадцать лет, да и не двадцать семь давно уже»* (С. Минаев, Духлесс, с. 14), *Ты бы не кривлялся, а? Тебе лишние проблемы нужны?* (С. Минаев, Духлесс, с. 26)) и т.д.

Данный вид вопросительно-побудительных конструкций в рамках исследованного нами материала является наименее частотным из всех. Причина данного факта, на наш взгляд, определяется относительно невысокой эффективностью совета как способа императивного воздействия: для коммуниканта, занимающего в силу тех или иных причин доминантное положение по отношению к слушающему (родителя, старшего по возрасту, представителя власти и т.д.) существуют и более действенные в перлокутивном плане речевые инструменты; для коммуниканта же, находящегося в равном или зависимом положении по отношению к собеседнику (сосед по дому, ребенок и т.д.), суггестив-совет вряд ли будет иметь высокую вероятность коммуникативного успеха.

Прескриптив. Выше было сказано о том, что большая часть вопросительно-побудительных конструкций относятся к некатегоричной разновидности директивных речевых актов. Однако среди вопросительно-побудительных конструкций из числа зафиксированных нами примеров значительный сегмент (порядка 30%) занимают вопросительно-побудительные, которые по своей коммуникативной сути являются вполне четко выраженными категоричными прескриптивными актами. В бытовой коммуникации диапазон функциональных ролей таких конструкций, по нашим наблюдениям, довольно обширен; в рассматриваемом нами материале наиболее частотными среди этих ролей являются следующие:

- собственно побуждение (*Постой, стой, а фотографию повесить? Я вот ее в рамку даже уже вставил!* (С. Минаев, Духлесс, с. 12);
- требование (*Чего молчите? – повысил голос афганец* (З. Прилепин. Санька, с.42). *Ну, ты спустишься, нет?* (З. Прилепин. Санька, с.3)
- угроза (*Ну что, Савельев, не хочешь спать? Сейчас захочешь* (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом, с. 35), *Ты как с дядей милиционером разговариваешь?* (З. Прилепин. Санька, с.11).

Вопросительная формы в случае с такими конструкциями служит не столько для смягчения или маскировки побудительной интенции, сколько для реализации одной из следующей целей:

- добиться ответной реакции, указывающей на готовность реципиента качественно выполнить протяженное по времени действие;
- добиться от слушающего, в дополнение к исполнению каузируемого действия, сопроводительной речевой реакции, указывающей на понимание им требуемого, готовность к послушанию и т.д. (т.е., по сути, повысить вероятность качественной реализации каузируемого действия);

- предоставить слушающему иллюзию выбора (т.е. через наличие ложной по сути альтернативы убедить его в необходимости исполнения воли говорящего).

В целом, если не брать в расчет последнего из описанных нами видов вопросительно-побудительных конструкций, можно отметить довольно высокую эффективность вопросительно-побудительных речевых актов. В первую очередь это определяется тем, что их функционально-семантическая специфика, как правило, в той или иной мере способствует созданию комфортной коммуникативной атмосферы, а такой фактор, как положительный эмоциональный фон является одним из наиболее значимых для успешного общения. За счет опосредованности побуждения в случае с реквестив-просьбами, суггестив-предложениями и суггестив-советами создается своего рода «буферный» психологический эффект, за счет которого факт реализации каузируемого в высказывании действия воспринимается реципиентом не столько как результат внешнего воздействия на его волю, сколько как самостоятельное решение. Разумеется, сила этого эффекта напрямую зависит от ораторского мастерства говорящего, требования к которому тем выше, чем менее бенефактивным и более облигаторным является побуждение.

Таким образом, по нашему мнению, исследуемая нами разновидность косвенных директивных речевых актов можно рассматривать как один из элементов речевых стратегий, нацеленных на создание эффекта «добрых отношений» [Иссерс 2008: 23]. При этом за счет ориентированности на достижение данного эффекта использование вопросительно-побудительные конструкции являются также одним из продуктивных способов реализации в повседневной речи стратегий подчинения, которые, как известно, «имеют место в том случае, если нормальный ход событий не располагает к желательным для говорящего действиям» [Иссерс 2008: 26].

Литература

- Беляева 1988 – Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных рече-вых актов в современном английском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 459 с.
- Гуринович, Игнатюк 2016 – Гуринович А.А, Игнатюк П.И. Национально-культурные особенности выражения директивов в англо-язычном дискурсе. // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17-18 нояб. 2016 г. / редколл. О.И. Уланович [отв. ред.] и др.. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 23-26.
- Демидова 2005а – Демидова И.А. Средства выражения побудительной модальности в русском и английском: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005а. 198 с.
- Иссерс 2008 – Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.

- Карасик 2002 – Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Карасик 2004 – Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. Гнозис, 2004. – 390 с.
- Словарь – Словарь социолингвистических терминов. // <http://sociolinguistics.academic.ru/741/> (дата обращения: 13.06.2017)
- Формановская – Формановская Н.И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5-6. С. 34-40.

Источники

- Минаев С. Духless: Повесть о ненастоящем человеке»: АСТ, Транзиткнига, АСТ Москва; Москва; 2006.
- Санаев П. Похороните меня за плитусом. // <http://e-libra.su/read/317905-rohonorite-menya-za-plintusom.html> (дата обращения: 10.06.2017).
- Прилепин З. Санья. // <http://book-online.com.ua/read.php?book=6208> (дата обращения: 11.06.2017).

Настоящая работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта «5–100»

Probst, Nikita

Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrag, Russia

FUNCTIONAL AND SEMANTIC SPECIFICS OF THE INTERROGATIVE IMPERATIVE CONSTRUCTIONS AS DIRECTIVE SPEECH ACTS IN THE EVERYDAY COMMUNICATION (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN FICTION TEXTS OF THE LATE XX-EARLY XXI CENTURIES)

Abstract. *The article considers the main semantic and functional features of interrogative imperative constructions as indirect directive speech acts in the modern everyday communication. It allocates and describes the main kinds of these constructions.*

Keywords: *The theory of communication, pragmasemantics, directive speech acts, interrogative imperative constructions the everyday communication, modern Russian fiction.*

ЭКСПЛИЦИРОВАНИЕ И ИМПЛИЦИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Аннотация. В статье рассматриваются трансформационные процессы эксплицирования и имплицирования как средство языковой игры в конструировании газетного заголовка. Данная трансформация приводит к разрушению стереотипа восприятия фразеологического выражения: оно приобретает новый (модифицированный) смысл, актуальный именно для данного конкретного контекста. Проанализированы только газетные заголовки с трансформациями паремий и прецедентных высказываний, приводящие к изменению числа их компонентов.

Ключевые слова: Фразеологические выражения, трансформация пословиц и прецедентных высказываний, экспликация, импликация.

Фразеологические единицы (ФЕ) являются богатым вербальным ресурсом, обеспечивающим метафоричность и экспрессивность речи. В лексическом фонде языка фразеологизмы занимают значительное место, так как они дают возможность коммуникантам метко выражать свою мысль, образно описывать разные стороны действительности. Необходимо подчеркнуть, что фразеологизм появляется в языке не столько для называния предметов, признаков, действий, сколько для их образно-эмоциональной характеристики и оценки. Именно наличие эмоциональности, образности и оценочности в содержательном плане ФЕ приводит к тому, что большинство из них обладает яркой стилистической окраской и значительным прагматическим потенциалом.

Среди лингвистов нет единого мнения о том, какие языковые знаки входят в категорию фразеологических единиц. В узком понимании к данной категории относятся только фразеологические обороты, т.е. несентенциальные (непредложенческие) языковые единицы. В широком понимании фразеология включает также пословицы, поговорки, «крылатые слова» и популярные цитаты. Иными словами, помимо фразеологических оборотов, она охватывает и другие устойчивые фразы, имеющие форму законченного предложения и функционирующие в речи как отдельные высказывания.

Вслед за Н.М. Шанским, такие устойчивые единицы предложенческого (сентенциального) типа мы будем обозначать термином фразеологические выражения [Шанский 1985: 35].

Фразеологические выражения (ФВ) включают сентенциальные формы, а именно поговорки, поговорки и другие виды устойчивых предложений, которые не обязательно идиоматичны, но всегда воспроизводятся в готовом виде.

Важными представителями класса фразеологических выражений являются также и прецедентные высказывания (ПВ). К ним относятся: известные фразы из художественной литературы; цитаты из популярных фильмов и песен; к ним также примыкают древнегреческие и латинские афоризмы.

Для целей данной статьи первостепенное значение имеет то обстоятельство, что представители широкого подхода к фразеологии считают необходимым включение фразеологических выражений, представляющих собой «единицы со структурой предложений или предикативных словосочетаний» [Горлов 1992: 3], как равноправный класс во фразеологическую систему русского языка.

Материалом для исследования послужили заголовки, содержащие трансформированные паремии и прецедентные высказывания, из электронных версий современных газет, издаваемых в России за 2014-2015гг. Всего к анализу было привлечено 360 единиц вместе с контекстом их употребления. Мы остановимся только на трансформациях паремий и прецедентных высказываний (ПВ), приводящих к изменению числа их компонентов. К данному подтипу трансформации мы относим экспликацию, расширение компонентного состава ФВ и импликацию, эллипсис, редукцию числа компонентов ФВ.

Используемый термин *трансформация* понимается как намеренное внесение изменений в структуру оригинального культурно значимого устойчивого высказывания, в котором проявляется творческий и креативный потенциал автора. С позиции реципиента трансформация приводит к разрушению стереотипа восприятия ФВ: оно приобретает новый (модифицированный) смысл, актуальный именно для данного конкретного контекста. В данной статье мы сфокусировали наше внимание на процессах эксплицирования и имплицирования как средств языковой игры в конструировании газетного заголовка.

Расширение (экспликация) компонентного состава – этот вид трансформации имеет две разновидности: *вставку* (дополнительный компонент ситуирован в медиальной позиции) и *добавление* (дополнительный компонент располагается в постпозиции, реже в препозиции). В нашем корпусе паремий и ПВ данный тип трансформации представлен весьма ограниченно, что, на наш взгляд, связано с большей сложностью актуализации содержания этих единиц посредством дополнения, а не замены его исходного лексического состава. Безусловно, этот прием требует высокого мастерства со стороны автора медиатекста и, что немаловажно, отнимает много времени на обдумывание подходящих вариантов, что в условиях коротких сроков на подготовку печатного издания далеко не всегда возможно.

Вставка как способ трансформации характеризуется тем, что в *середине* паремии или ПВ вставляется новый элемент. Обычно в позиции вставочного элемента используются уточняющие слова как средство усиления экспрессивной окраски или чтобы придать новые смысловые оттенки.

В следующем заголовке, наблюдается интересный случай *словообразовательной вставки*, в результате которой в составе паремии появляется сложное название особого вида валюты.

Копейка битрубль бережет <Россия может обзавестись собственной криптовалютой> (НИ, 19.10.2015).

Новые реалии в сфере электронных финансов обновили звучание исходной пословицы (ИП). Наблюдается конкретизация смысла паремии. В результате морфемной вставки она становится пригодной для отражения актуальной информации о новшествах в современной финансовой сфере.

Пролетарии всех киберстран, объединяйтесь! <На Глобальной конференции в Гааге даже Запад согласился, что с интернетом надо что-то решать> (Къ, 18.04.2015).

Исходное прецедентное высказывание (ИПВ) отсылает к одному из самых известных интернациональных коммунистических лозунгов. Сема «солидарность», присутствующая в ИПВ, актуализируется и в трансформированном прецедентном высказывании (ТПВ). Известный лозунг погружается в новый актуальный контекст при помощи *словообразовательной вставки* – морфемы *кибер*, в результате чего в составе трансформа появляется окказионально-авторская словоформа *киберстран*. В статье идет речь о необходимости выработать правила ответственного поведения государств в интернете и как государства могут отвечать на кибератаки. Таким образом, ТПВ теряет идеологически насыщенную призывность, обращенную к мировому пролетариату и на первый план выводится информативно-прескриптивная функция высказывания.

Своя сверхтяжелая ноша не тянет <Суперракета самоликвидировалась в процессе сокращения бюджета Роскосмоса> (Къ, 28.02. 2015).

Каламбурному обыгрыванию подверглась ИП: *Своя ноша не тянет*. Она имеет значение: «То, что делают для себя, не кажется обременительным, утомительным, тяжелым». Вставка приводит к конкретизации значения ИП, которая привязывается к конкретной сфере – ракетостроению. В статье идет речь о новой сверхтяжелой ракете и о ее огромной стоимости, что приводит к остановке ее разработки. Трансформ при этом получает иное значение, благодаря обыгрыванию многозначности глагола *тянуть*: 1. Оттягивать своим весом, тяжестью и 2. Соответствовать каким-л. нормам, требованиям, оценкам. В трансформированной пословице (ТП) реализуется второе значение глагола, и заголовок приобретает буквальное, разговорно-стилистически окрашенное

значение, а автор выражает негативное отношение к данному факту: Своя сверхтяжелая ракета не соответствует произведенным на ее производство затратам.

Клиент всегда частично прав <Банки повернулись договорами к заемщикам> (Къ, 22.06.2015)

Обыгрываемое ИПВ *Клиент всегда прав* является калькой с английского *The customer is always right* – так звучал девиз (с 1924 г.) сети магазинов «Селфриджес» в Великобритании и США. Смысл выражения: необходимо удовлетворять все запросы и даже капризы клиентов, поскольку хорошие с ними отношения – главное условие прибыльности предприятия [см. Серов 2003].

Оригинальный девиз из сферы торговли утверждает, что необходимо удовлетворять все запросы и даже капризы клиентов, однако вставка наречия *частично* вступает в противоречие со значением местоимения *всегда* и в результате нейтрализует его. Подобный парадоксальный заголовок звучит интригующе. Ознакомившись с содержанием подзаголовка, читатель узнает, что речь пойдет о *клиентах банка*. Таким образом, заголовочный комплекс заостряет интерес читателя к представленной в статье информации о финансовых взаимоотношениях между банками и их клиентами, в которых наметилась позитивная тенденция благодаря закону «О потребительском кредите».

Как закалялась Дамасская сталь <Вашингтон встревожен сообщениями о российском военном присутствии в Сирии. Что предложит Владимир Путин на сессии Генассамблеи ООН?> (НГ, 11.09.2015).

ИПВ *Как закалялась сталь* является названием известного романа советского писателя Н.А. Островского. ТПВ содержит в себе каламбур, созданный автором путем вставки прилагательного *Дамасская*, отсылающего одновременно и к топониму *Дамаск* (столице Сирии), и к нарицательному *дамаск* (вид стали), которая в старину использовалась для изготовления холодного оружия. Помещение данного неоднозначного лексического компонента в канву названия популярного в недавнем прошлом романа активизирует ассоциативное мышление читателя, провоцирует его интерес к статье, погружает его в актуальную международную политическую обстановку, за 19 дней до начала военной операции России в *Сирии*.

Добавление новых компонентов к узуальному составу паремии не является широко распространенным видом трансформации в медиадискурсе.

Добавление к паремии в заголовке имеет уточняющий характер и придает ему оценочность.

Насильно мил не будешь: Каталония все-таки выбирает независимость <80,72% участников опроса о независимости региона проголосовали за отделение от Испании> (МК, 10.11.2014).

Второе предложение в заголовке разъясняет смысл ИП: ‘Нельзя заставить себя полюбить’. Автор дает более широкую трактовку обобщающего значения ИП и переносит его из сферы личных отношений на общественно-политическую сцену: официальный Мадрид должен считаться с волеизъявлением каталонских граждан. Благодаря использованию приема добавления к паремии заголовков приобретает ироническую окраску.

В приведенных ниже заголовках добавление использовано как самостоятельный прием трансформации. В первом примере добавление осуществлено в препозиции к ПВ.

Внимание постап «ГАИ»: *«Грачи» прилетели* <В Приморье впервые запланированно приземлился на шоссе штурмовик Су-25> (РГ, 05.09.2014).

ИПВ *Грачи прилетели* отсылает к определенному знаку культуры России. К культурным знакам «следует относить прежде всего произведения искусства, наименования предметов культуры и артефактов технической цивилизации» [см. Лещак 2006: 44]. Обыгрываемое здесь ПВ – название самой известной картины А. Саврасова, которая была создана в 1871 году и хранится в Третьяковской галерее. В ТПВ, однако, автор создал каламбур на основе полисемии лексемы *грачи*: 1. перелетные птица сем. вороновых с черным блестящим оперением и 2. *«грачи»* – военные самолеты-штурмовики, наименование которых возникло на базе подмеченного внешнего сходства птицы и самолета, т.е. на базе переносного (метафорического) значения. Использование в заглавии кавычек привело к семантическому сдвигу, построенному на отношениях между значением нарицательного имени и собственного имени, точнее прозвища боевых самолетов. В заголовке они соединены особым контекстом таким образом, что происходит столкновение двух образов, в результате которого возникает «новое видение» денотата – ключевого элемента актуальной ситуации.

Добавление к ПВ содержит обращение к стражам порядка быть внимательнее на трассах, т.к. на дороге могут появиться некие нарушители правил дорожного движения. Таким образом, подчеркивается информативный вес ПВ, который переводится на сферу современных достижений российской военной авиации и, более конкретно, на факт первой посадки нового боевого самолета на шоссе в Приморском крае.

В следующем примере добавление осуществлено в постпозиции к ПВ.

Как дела? Возбуждены <Следственный департамент МВД России ведет громкие дела о хищениях в банках и госкорпорациях> (РГ, 12.02.2015).

В качестве ИПВ выступает расхожий речевой оборот *Как дела?*, но ответная реплика звучит парадоксально. В построенном на основе мини-диалога заголовке автор каламбурно обыгрывает неосознанно задаваемый вопрос-штамп, где лексема *дела* понимается весьма абстрактно: как положение

вещей и обстоятельств, которые складываются вокруг данного человека в определенный момент. В ответной реплике – дополнении, вместо формального ответа, читатель видит парадоксальный ответ: Возбуждены. Сработал «эффект обманутого ожидания» и ТПВ выполнило свою роль привлечения внимания читателя, благодаря выдвиганию на передний план другого значения лексемы *дело* – административное или судебное разбирательство. Семантический сдвиг привел к изменению стилистических нюансов – от разговорно-бытового употребления лексемы *дело* в вопросе, до книжно-делового звучания в ответе: возбудить дело против кого-л. Выстраивая такой семантико-стилистический контраст в ТПВ, автор информирует читателя о громких делах о хищениях в банках и госкорпорациях.

Усечению подвергаются обычно широко известные пословицы и поговорки, при этом отсекается чаще постпозиционная часть, но она легко восстанавливается в сознании носителя языка. Наши наблюдения показывают, что этот вид трансформации паремий редко используется в газетных заголовках как самостоятельный игровой прием. Гораздо шире в нашем корпусе представлены случаи, когда усечение является частью комплексной трансформации. Ниже мы приводим только те немногочисленные примеры заголовков, в которых усечение представлено в «чистом виде».

С миру по нитке <Минфин хочет изъять «девальвационные» доходы нефтяников> (НИ, 22.09.2015).

Усечению подвергнута ИП: *С миру по нитке – голому рубаха*. Ее значение: ‘Если взять у нескольких человек понемногу, то в сумме получится нечто значительное, достаточное для одного человека’.

Применение усеченной пословицы к актуальной ситуации приводит к ее переосмыслению: С каждого (нефтяника) будут брать дополнительные деньги в качестве налога. Чтобы нефтяники поделились накопленными доходами, необходимо внести изменения в механизм налогообложения отрасли. Усечение приводит к снижению экспрессивности паремии. В ТП, несмотря на образность, доминирует информативная направленность.

Назвался груздем <Грибники объединяются в союз, чтобы добиваться развития индустрии дикоросов> (РГ, 04.03.2014).

В заголовке был усечен второй компонент всем известной ИП: *Назвался груздем – полезай в кузов*. Ее смысл: Если взялся за что-л., доводи дело до конца, носи все тяготы. Статья информирует о новом союзе заготовителей и переработчиков дикорастущих растений и о проблемах отрасли. Усечение второй части ИП и погружение в конкретный контекст приводит к сохранению лишь в самых общих чертах глубинного обобщающего смысла протопословицы. ТП только бегло информирует читателя, что речь пойдет о грибах.

Усечение части фразы ведет к структурной «разгрузке» предложения, а это позволяет сосредоточиться на компонентах, несущих основную информацию. Это можно продемонстрировать на следующем заголовке:

Не сыть мне соль... <Горожане все чаще жалуются на обилие противогололедных реагентов > (НИ, 26.02.2015).

Данный заголовок отсылает читателя к весьма популярному в 80-е годы названию шансона (на слова С. Осиашвили, музыка В. Добрынина). ПВ *Не сыть мне соль на рану* служит для обозначения любовных страданий, которые что-то усиливает. Стимулом для срабатывания механизма ассоциации служит не весь прецедентный феномен, а только его фрагмент, который образован при помощи усечения, пунктуационно оформлен многоточием, что приводит к изменению интонационного рисунка фразы. Отсутствие компонента *на рану* коренным образом меняет содержание ИПВ, а полученная усеченная форма соотносится с конкретной ситуацией, которую автор имел в виду, так как в статье идет речь о законодательной инициативе об использовании химических противогололедных материалов только на проезжей части автодорог. Эмоционально-экспрессивная окраска ИПВ полностью стерта и ТПВ порождает неожиданный смысл, лишь информируя о бытовой, лишенной романтических переживаний ситуации.

Нажитое непосильным трудом <Откуда у чиновников заоблачные доходы?> (АиФ, 06.05.2015).

Всё, что нажито непосильным трудом – это известное высказывание Антона Семёновича Шпака в кинокомедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» по пьесе М.А. Булгакова «Иван Васильевич».

ТПВ создано путем усечения определительного местоимения и изъяснительного союза. Отсекая все лишнее, автор приспособливает модифицированное ПВ к передаче новых актуальных фактов, сохраняя негативно-ироническую оценку, изначально присутствующую в ИПВ. В статье идет речь об огромных доходах госслужащих, и открыто намекается, что они нажиты нечестным путем. Изменение компонентного состава путем усечения способствует привлечению внимания адресата, так как автор, модифицируя компонентный состав паремии, эксплицирует более значимый компонент и делает акцент на информации, содержащейся именно в данном компоненте.

Заголовок играет центральную роль в коммуникативном пространстве современных российских СМИ. Посредством него журналисты стремятся «втянуть» адресата в чтение озаглавленной публикации, поэтому они прибегают к самым разнообразным приемам повышения яркости, экспрессивности и нестандартности текста заголовка. Среди них важное место занимает прием ЯИ, заключающийся в авторском преобразовании фразеологических выражений – пословиц, поговорок, цитат, афоризмов и др.

Литература

- Горлов 1992 – Горлов В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет. // Русский язык в школе, 1992. № 5-6.
- Лещак 2006 – Лещак С. Языковое клише: прагматика, семантика и структура аналитических номинативных неидиоматических знаков в современном русском языке. Кельце, 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ujk.edu.pl/~leszczak/jazklisze.doc>
- Серов 2003 – Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва, Локид-Пресс, 2003.
- Шанский 1985 – Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Москва: Высшая школа, 1985.

Источники

- Аргументы и факты (АиФ)
- Коммерсантъ (Къ)
- Московский комсомолец (МК)
- Независимая газета (НГ)
- Новые известия (НИ)
- Российская газета (РГ)

Radenkova, Elena

Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

elradenkova@abv.bg

EXPLICITNESS AND IMPLICITNESS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF WORDPLAY IN CREATING NEWSPAPER HEADLINES

***Abstract.** In the article the transformation processes of implicitness and explicitness as a means of wordplay in creating newspaper headlines are examined. This transformation leads to the destruction of the stereotype, connected to the examined phraseological expression: it gains a new (modified) meaning, in line with the given context. The only examined newspaper headlines are those that include transformations of proverbs and precedent statements which change their number of components.*

***Keywords:** Phraseological expressions, transformations of proverbs and precedent statements, explicitness, implicitness.*

ТИПОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА В СЛАВЯНСКИХ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Язык является целостностью включающей морфо-семантические составляющие, среди которых особое место занимают морфологические категории, представляющие своеобразную систему в системе. Наше внимание будет сосредоточено в основном на ключевой морфологической категории глагольного вида в русском и типологически абсолютно различном грузинском языке. Сравнение языков способствует не только выявлению категориальной специфики данного явления, но и уточнению аксиологических параметров, индивидуальных семантических или формальных характеристик.

Категория определённости-неопределённости общиндоевропейского языка восходит к категории перфектности-имперфектности в славянских языках (Мэйгре Л., Кошмилер Э. и др.). Аналогичная ситуация наблюдается и в грузинском. На синхронном уровне в русском и грузинских языках не наблюдаются семантических различий. Внутряязыковая оппозиция в структуре категории я в обоих языках является бинарной, но самым интересным является то, и со структурной точки зрения не наблюдается существенной разницы. Глагольный корень является семантически формальным ядром, требующее прибавления префикса для морфологического оформления совершенного вида. Приставка в русском является основным маркером, а в грузинском языке функцию приставки берут на себя превербы, порождающие двучленную оппозицию на морфологическом уровне. Мы предполагаем, что такая категориальную однородность абсолютно отличающихся языков следует рассматривать как проявление универсальности, обусловленной универсальности мыслительного феномена.

Ключевые слова: типология, вид, понятийная категория

Исходя из того факта, что любой язык является отражением конкретного этнокультурного сознания, репрезентирующим познавательный потенциал мышления, в центре внимания лингвистики вновь остаётся категоризация форм результатов мышления, окрещенная в лингвистической практике термином «грамматическая категория». Язык является целостностью, включающей разноуровневые составляющие, среди которых особое место занимают морфологические категории, представляющие своеобразную систему в системе.

Исследования отдельных морфологических категорий конкретного языка дают основание для установления универсальных свойств языковых категорий, а «языковые универсалии по своей природе являются обобщёнными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке» [Гринберг Дж. Осгурд Ч., Дженкинс Дж. 1970: 31]. Язык, как форма индивидуального поведения, находится в прямой связи с формой общечеловеческой культуры, поэтому существование типологически изоморфных лексических или грамматических категорий проявляется в однотипности психолингвистических факторов.

Наше внимание, в основном, будет сосредоточено, на ключевой морфологической категории глагольного вида в русском и грузинском языках, слишком различных в типологическом отношении. Сравнение языков способствует выявлению не только категориальной специфики данного явления, но и уточнению аксиологических параметров индивидуальных семантических или формальных характеристик.

В первую очередь, надо сказать, что аспектуальность, как лексико-семантическая категория характеризует многие языки и в различной степени интенсивности отражает длительность действия, т.е. характер процесса; последний же реализуется в семантических категориях совершенности - несовершенности, результативности-безрезультатности, однократности-многократности и др. Обычно, в качестве классического примера, иллюстрирующего специфику морфологической категории вида, приводят славянские языки, в которых совершенные (перфективные) и несовершенные (имперфективные) содержания формируют оппозиционную систему, в которой ареал противопоставления подразумевается в пределах одного глагола. По мнению французского лингвиста Антуана Мейе, славянские народы остались на уровне средневековой цивилизации, поэтому они сохранили древний тип этой цивилизации и конкретные категории проиндоевропейского языка [Мейе А. 1922: 44-45]. Думаем, что, с этой точки зрения, категория вида своим бинарным характером является одной из архетипных структур.

Точка зрения, отмеченная Вяч. Вс. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе при воспроизведении языкового пласта протоиндоевропейского языка [Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. 1984: 790], актуальна и для др. языковых семей и представляет однородную психолингвистическую концептуальную основу языкового моделирования. Дело в том, что дуальная структура протоиндоевропейской социальной жизни, которая, в первую очередь, отражается в религиозных представлениях (солнце-лунные божества), как видно, непосредственно воздействует на моделирование языка, как продукта мышления и на начальном этапе образует бинарные оппозиции. В первую очередь, это касается лексических оппозиций. При реконструкции грузинского языка вырисовываются однородные модели, которые соотносятся с системами парного противопоставления. Именно они кристаллизуются

в исходные языковые структуры, как индоевропейского, так и в собственно славянских и в типологически совершенно отличных картвельских языках. Подобный универсальный подход относится как к сфере мировоззрения, так и к предметной сегментации внешней среды (самка-самец, небо-земля и др.), отраженном в языковом сознании. Факт, что бинарность должна была характеризовать исходные языковые подсистемы, среди которых первичным является лексический, а затем грамматический уровни. Не подлежит сомнению, что семантическая оппозиция на сравнительно поздней ступени противопоставление форм, образует грамматическую структуру, хотя некоторые из них все еще сохраняют лексический уровень (к примеру, результативы или одноактные действия в грузинском).

Совершенная-несовершенная внутриглагольная оппозиция своим семантическим содержанием двучленна, как в славянских (среди них, в первую очередь, в русском) и грузинском языках, что, по нашему мнению, указывает на древность категории. Хотя, следует учесть и теорию А.А. Потебни, согласно которой совершенное и его оппозиционная пара – несовершенное – выглядят вновь образовавшимися. По его мнению, в славянском языке такого категориального противопоставления не было вообще, также, как не имеем его в современном немецком [Потебня А. А. 1958: 47]. Появлению совершенных и несовершенных содержаний, а позднее морфологических маркеров предшествовало выражение длительности действия; это действие же передовалось в разном качестве. Позднее, демонстрация длительного действия вошла в орбиту совершенного и несовершенного. А. А. Потебня для славянских языков выделяет четыре ступени длительности (катить – катать, катнуть - катывать) и тут же отмечает, что эти четыре ступени принадлежат к разным периодам славянских языков [Потебня А. А. 1958: 64].

Дело в том, что если мы рассматриваем язык не как орудие выражения готовых мыслей, а как возможность коллективного мировоззрения конкретных социальных культур, то совершенно неожиданным является наличие фактически идентичного пути развития категории вида, в ареально и генетически разобщенных – славянском и картвельском – языках. В грузинской лингвистике никто не спорит о том, что морфологическому выражению совершенного и несовершенного вида, предшествовал показатель длительности, т.е. дуративности, а моментальность осмысливалась как его оппозиционная пара. Дуратив является не только семантическим знаком, но и грамматически маркированной единицей и в древнегрузинском языке существует (V-XI вв.). Он маркирует многократность (др. груз. [акет-и-с] = делал иногда), хотя опирается на содержание дуратива. В славянских и грузинском языках налицо систематизация типологически похожих глагольных единиц. Несмотря на то, что изменения в языках и их развитие следует некоторой языковой логике или какой-либо закономерности, интересно и то, что эти языки и на синхронном уровне выглядят одинаково.

В индоевропейских языках, в которых противоречие корней настоящего времени и аориста постепенно угасает, находится новое средство, чтобы изобразить противоречие совершенности и процессуальности. «Для этого перед глаголом, которому хотят придать значение «определённого» или даже «совершенного» (перфективного), ставят приставку, реальное значение которой больше не ощущается» [Мейе А. 1951:233]. К примеру, в готском языке для создания совершенного вида использована приставка –ga, в латинском –sum, а в древнеирландском –to «и даже в древнеперсидском языке приставки служат для придания глаголам особого вида» [тамже: 234].

Становление и затем утверждение морфологической категории вида А. А. Потебня (в языках и, в частности, в древнерусском) связывает с добавлением глаголам приставок; а это влияние, со своей стороны, было вызвано внутренним изменением приставки. В сфере значения приставки он выделяет два пласта: более древний –связанный со значение пространства и сравнительно поздний – связанный со значением времени. Содержащие конкретную семантику глагольные формы (т.е. маркированные приставками) ведут к морфологическому оформлению совершенного вида, как только возникли совершенные глаголы, остальные стали несовершенными [Потебня А. А. 1941: 19].

В научной литературе подмечено, что в древнерусском глаголе морфологическая категория вида до конца не сформирована, поэтому несколько оппозиций, к примеру во времени: ограниченность – неограниченность, которую сегодня выражает категория вида, раньше передавались формами времени. Именно, поэтому в древнерусском языке система времени отличалась сложностью и множеством форм. Из глубокого прошлого древнерусский язык сохранил такие виды аспектных противопоставлений, которые выражались изменением корня глагола (к прим. решати-решити, ити-пойти...). Уже в письменных памятниках фиксируется следующее развитие категории вида – это есть ограничение действия во времени, т.е. появился семантический показатель совершенного и несовершенного, которому прибавилось формальное выражение, маркером же оказалась приставка (нести – **принести**). Думают, что подобное развитие категории вида в русском вызвало изменение системы категории времени [Голубева Е. 1964: 3-4].

По определению Ю. С. Маслова, в современном болгарском языке, который вместе с македонским, хорватским и словенским языками создает группу южнославянских языков, положение почти такое же, какое имеем в русском языке. Все глаголы, которые созданы прибавлением приставки к корню глагола, представляют принадлежность совершенного вида [Маслов Ю.С. 1956: 187].

Морфологический уровень видового противоречия грузинского языка также выражен в оппозиционной системе несовершенного-совершенного, как и во многих славянских языках. Виды аспектной семантики другого типа, к примеру, т.н. семельфактные (одноактные) действия, инхотивы и др. представляют лексическую периферию. И несмотря на то, что в древнегрузинском с точки

зрения выражения совершенного вида преверб не имел никакого значения (он являлся категорией спряжения), начиная с периода нового грузинского языка (с XII века) положение изменилось системно (груз. несовершенный: [акета] - совершенный: [га'акета]). Надо сказать, что грузинский язык, ни древнеписьменный, ни на этапе новогрузинского языка, не знает образование с приставкой. Что-либо подобное, не предполагается и для протокартвельского (грузинский – сванский - колхский) языка, зато, в вышеназванных языках, функцию морфологического признака выполняет преверб. Превербы также, как и приставки своим происхождением являются лексическими единицами, это бесспорный факт. Общей же тенденцией является прибавление к глагольным действиям или именным основам и придать им конкретные значения.

Точнее, выразить характер действия как процесса, определить направление или пространственный вектор передвижения, который, по-другому, называем ориентацией. Некогда лексические возможности на синхронном уровне грамматализованы и несут функцию морфологического маркера. С типологической точки зрения, и здесь не наблюдается значительных расхождений в славянских и грузинском языках, если не учесть маленькую языковую специфику – приставка и преверб стоят в препозиции. Оба имеют лексическое происхождение. Позже они были присоединены к глагольной основе, которую Ю. С. Маслов называет видовым ядром.

Так выглядит картина структурного образования совершенного вида:

Русский - приставка + Грузинский - преверб +	Видовая основа [Ядро]
---	-----------------------

Таким образом, сопоставление различных языковых групп показало удивительное типологическое сходство в плане выстроения морфологической категории. Подобная однородность проявилась и в диахроническом разрезе. Научный анализ выявляет, что с точки зрения выражения вида обе группы прошли путь от длительности (дуративности) до совершенного вида и в плане формального отображения подчинились одной модели. Факт, что языковая сегментация картины мира была осуществлена в пределах одной морфологической (еще шире функционально-семантической) категории. И наконец, добавим то, что такую категориальную однородность абсолютно отличающихся языков следует рассматривать, как проявление универсальности, обусловленной универсальностью мыслительного феномена.

Литература

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., Индоевропейский язык и индоевропейцы, т.2, Тбилиси, 1984, изд. Тбилисского государственного университета.
- Голубева Е. 1964: Голубева Е., Коневский А., Судовичене Л. , Глагол, Вилниус, 1964.

- Гринберг Дж., Осгурд Ч., Дженкинс Дж. 1970: Гринберг Дж., Осгурд Ч., Дженкинс Дж., Меморандум о языковых универсалиях в сборнике: «Новое в лингвистике», т.5, Москва, 1970, стр. 31-44.
- Маслов Ю.С. 1956: Маслов Ю.С., Очерк болгарской грамматики, Москва, 1956, изд. Литературы на иностранных языках.
- Мейе А. 1922: Meillet A., Des innovations du verbe slave, «Revue des e'tudes slaves», t. 2, Paris, 1922.
- Мейе А. 1951: Мейе А., Общеславянский язык, Москва, 1951.
- Потехня А.А. 1958: Потехня А.А., Из записок по русской грамматике, Москва, 1-2, 1958, Учпедгиз.
- Потехня А.А. 1941: Потехня А.А., Из записок по русской грамматике, Москва, т.4, 1941, Учпедгиз.

Sanikidze, Inga

Iv. Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

ingasani@yahoo.com

TYOLOGY OF THE MORPHOLOGICAL CATEGORY OF ASPECT IN THE SLAVIC AND GEORGIAN LANGUAGES

***Abstract.** The language is the integrity comprising of morpho-semantic parts from which the main validities should be given to the morphological categories; And their integrity unifies the language – the morphological categories represent the systems in a system. Our attention will be directed mainly to solid morphological category of the verb of the Russian language and typologically completely different language – characteristic to the Georgian language which is known for us as a category of the aspect. Comparison of the languages promotes not only to revealing of automatic specificity but as well it contributes to find out the general linguistic validities, individual semantic or form characteristics.*

The category of the definiteness-indefiniteness of the general Indo-European language in the Slavic languages goes to the category of perfectness-imperfectness (L.Meigre, E.Comshider; et al.). The same situation is in Georgian, too. On the synchronized level in the Russian and Georgian languages it is not indicated any semantic differences from this point of view. The opposition of category is binary in both languages and, probably, the most interesting is the fact that neither the essential difference is noticed from this point of view. The verbal root is a semantic formal kernel to which a prefixial production should be added for fulfilling the morphological formation of the complete aspect. The Prefix here is the main marker, the difference is only that in the Georgian language the function of the prefix is undertaken by the proverbs, and thus they create the two member opposition of

on the morphological level. We consider that such a homogeneity of typologically completely different languages should be ascribed first to semantic approaches being similar to the lingual approaches and then they should describe the similar dependence of searching of the forms.

Keywords: *Typology, aspect, homogeneity.*

СПЕЦИФИКА ЯВЛЕНИЯ ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ И РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В докладе автор рассматривает явление омонимии в болгарском и русском языках – двух генетически родственных славянских языках. Выявлены множества сходств в этом отношении, относящиеся к способу возникновения омонимов в языке, а также к основным способам их проявления в терминологии.

Ключевые слова: терминология, омонимия, сопоставительный подход.

Омонимия – это языковое явление, которое характеризуется звуковым совпадением различных языковых единиц, значения которых не связаны между собой. Следовательно, *омонимы – это слова одинаковой звуковой формы, одинаково произносящиеся, но имеющие в синхронном плане совершенно различное лексическое значение.* Омонимы – это отдельные самостоятельные слова, не имеющие общей семантики, относящиеся к различным фактам и явлениям действительности. Поэтому обычно в толковых словарях омонимы представлены отдельными заголовочными словами. Омонимы имеют самые различные классификации по самым различным критериям, на которых мы здесь не будем подробно останавливаться. Упомянем только то, что согласно самой популярной классификации омонимы делятся на две большие группы: полные и неполные. *Полные (или абсолютные) синонимы принадлежат к одной и той же части речи и все их грамматические формы совпадают, а неполные (или частичные) принадлежат к одной и той же или различной части речи и совпадают лишь частично в некоторых своих формах.* В словарном составе языка омонимы образуются двумя способами:

1. Путем распада полисемии в результате разрыва семантических связей между отдельными значениями.

В результате полного расхождения значений многозначного слова в русском языке возникают омонимы *брань* в значении *ругань* и *брань* в значении *война, битва*; *среда* – *день недели* и *среда* – *окружение*.

2. Путем звукового совпадения форм слов с различным значением.

Это звуковое совпадение имеет три основных варианта:

– когда в звуковом отношении совпадает несколько русских слов различного значения. Напр.: *крепость* в значении *прочность, духовная стойкость, непоколебимость*; *крепость* в значении *укрепленное место, укрепленный пункт*; *крепость* в значении *документ о купле и продаже недвижимого*

имущества в дореволюционной России. Другой пример: кулак – кисть руки со сжатыми пальцами и кулак – богатый крестьянин. Еще один пример: наряд – любая одежда и наряд – распоряжение о выполнении какой-либо работы.

– когда заимствованное в русском языке слово совпадает по звучанию с исконным русским словом. Напр.: *брак* в значении *супружество* (русск.) и *брак* в значении *недоброкачественный продукт* (нем. Brack); *клуб* в значении *клубок* (русск.) и *клуб* в значении *общества* (англ. club).

– когда заимствованные слова различных языков совпадают по звучанию на русской почве. Напр.: *нота* – *дипломатическое письмо* и *нота* – *музыкальный знак*. Другой пример: *рейд* (нидерл. geede) – *водное пространство вблизи берега, удобное для стоянки кораблей* и *рейд* (англ. raid) – *военный набег в тыл противника*.

Омонимия – это языковое явление, присущее болгарской и русской терминологии. Она проявляется главным образом тремя основными способами, которые переплетаются между собой.

а) омонимия, которая проявляется только в рамках и в пределах одной науки, предметной области, сферы деятельности и пр. Это так называемая внутрисистемная омонимия. Этот тип омонимии более редкое явление. Напр.: политический термин *орган*. *Орган* в значении *государственное или общественное учреждение, организация, обладающая определенными функциями* (напр. законодательный орган; судебные органы; местные органы власти); и *орган* в значении *периодическое печатное издание, принадлежащее какой-нибудь партии, какому-нибудь обществу, учреждению и т.д.* (напр. печатный орган партии – газета „Правда”). Другой пример: *кабинет – комната для какой-нибудь профессиональной работы* (напр. кабинет министра обороны); и *кабинет – состав министров, все министры, входящие в правительство* (напр.: войти в новый кабинет министров; нужно срочно сформировать новый кабинет и т. д.).

б) омонимия, которая проявляется между терминологическими подсистемами двух или больше наук или сфер деятельности.

Это так называемая межсистемная омонимия. В болгарском и русском языках она часто встречается и имеет широкое распространение. Напр., упомянутый выше термин *орган*. Он участвует как в внутрисистемной омонимии политической науки, так и в межсистемной омонимии в двух или нескольких науках. Термин *орган* употребляется в биологии и медицине с значением – *часть тела человека, животного или растения, выполняющая определенные функции*, а также и в музыке с значением – *крупный музыкальный инструмент с клавишами*. Другой пример: термин *партия*. Как исторический и политический термин *партия* означает *политическая организация общественного класса, выражающая и защищающая его интересы и руководящая его деятельностью*,

а как музыкальный термин – *отдельная часть в многоголосном музыкальном произведении, исполняемая одним певцом или одним инструментом*. Еще несколько примеров. Термин *реакция* как исторический и политический термин означает *политический режим, который стремится закрепить или восстановить старые, отжившие порядки и который является врагом революционных движений*. Как медицинский термин *реакция* означает *ответ организма на те или иные внешние или внутренние раздражения*. В химии *реакция* означает *взаимодействие между двумя или больше веществами, в результате которого получается новое соединение*. Демаркация (полит. и воен.) – *установление границ местности* и демаркация (мед.) – *отграничение воспаленных участков от здоровых*.

в) омонимия, которая проявляется, с одной стороны, между терминологическими системами отдельных наук, с другой, между терминологическими системами и общеупотребительной речью.

Этот вид омонимии в болгарском и русском языках является результатом непрерывного обмена словами между ними. Как в болгарском, так и в русском языке, на сегодняшний день термины становятся все более активной лексикой не только в языке соответствующих наук, профессиональных областей и сфер деятельности, но и в коммуникативных актах всего общества. Это означает, что каждая терминологическая система уже не функционирует сама для себя как закрытая, изолированная система, а функционирует как живая часть в рамках общей языковой системы данного языка. Напр., упомянутый термин *партия*, кроме как научный термин, в болгарском и русском языках употребляется и как нетермин с двумя основными детерминологизированными значениями: *игра в шахматы, в карты* и пр. и *подходящий кандидат для брака*. Общеупотребительное слово *парк* в значении *большой сад или роща с аллеями, цветниками* и т. д. является омонимом военного термина *парк* в значении *место для сохранения и ремонта военной техники* и технического термина *парк* в значении *совокупность транспортных средств, а также вообще совокупность различных машин, механизмов* и т. д.

Как уже было сказано выше, между тремя основными способами проявления омонимии в терминологии нет резких границ. Эти способы взаимно проникают друг в друга, переплетаются и влияют друг на друга. Один и тот же термин может участвовать как в внутрисистемной и межсистемной омонимии, так и в омонимии между терминологической системой и общенародным языком.

В заключение скажем, что сравнительные, сопоставительные терминологические исследования являются значимой частью современного терминоведения, так как предлагают нам пеструю палитру многих любопытных и нерешенных проблем, изучение которых может привести к интересным выводам. Основной вывод настоящего исследования состоит в том, что в области омонимии в целом и, в частности, терминологической омонимии, между болгарским и русским языками наблюдается поразительное сходство

и эквивалентность. Разумеется, это понятно, так как речь идет о генетически связанных и близкородственных языках. Эти языки предлагают нам еще много вопросов, открытых для будущих исследований, которые будут содействовать тому, чтобы исследовательское поле сравнительных, сопоставительных терминологических исследований непрерывно дополнялось и обогащалось.

Литература

- Касаткин 2010 – Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку. Учебное пособие. 4-ое исправл. издание, Москва, издательство „Аст-Пресс Книга”, 2010.
- Крысин 2009 – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII-начале XXI в. Москва, издательство „Эксмо”, 2009.
- Новиков 2003 – Новиков, Л.А. и др. Современный русский язык, Москва-Санкт-Петербург, издательство „Лань”, 2003.
- Федорова 2013 – Федорова Т.Л. „Современный словарь иностранных слов”, Москва, издательство „ЛадКом”, 2013.

Simeonova, Kristiyana

Institute for Bulgarian language – Bulgarian Academy of Sciences

Sofia, Bulgaria

krisi1@mail.bg

kristiyana63@gmail.com

ABOUT THE SPECIFICITY OF THE PHENOMENON OF HOMONYMY IN THE MODERN BULGARIAN AND RUSSIAN TERMINOLOGY

Abstract. The author of the article studies the homonymy in Bulgarian and Russian terminology – two genetically related Slavic languages. The similarities between them in this respect are too many and concern the ways of formation of homonyms in the language and the general ways of manifestation of this phenomenon in terminology.

Keywords: Terminology, Homonymy, Comparative Approach.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СОГЛАСИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В работе исследуется функциональносемантического поле «согласие» в современном русском языке, определяется его место. Данное поле рассматривается как целостная система. Отмечается, что функционально-семантическое поле согласия является полицентрическим полем, которое создается некоторой совокупностью языковых средств, принадлежащих к различным уровням русского языка: морфологическому, лексическому, синтаксическому. Анализируется структура поля, в процессе анализа функционирования поля в художественных дискурсах устанавливается, что оно имеет разнообразные экспрессивные средства выражения, реализуется в многообразии семантических оттенков.

Ключевые слова: функциональносемантическое поле, согласие, имплицитность, эксплицитность, ядро, периферия.

В настоящее время отмечается возросший интерес лингвистов к функциональной стороне языковых явлений. Функционально-коммуникативный подход позволяет преодолеть барьеры в описании разных уровней языка, выделить функционально-семантические категории и их поля как совокупность разноуровневых единиц, которые объединены общностью семантического задания, обслуживающих речевой замысел говорящего.

Мысль о важности сочетания системного и функционального подходов, о необходимости подходить к лингвистическому анализу с функциональной точки зрения была сформулирована в тезисах Пражского лингвистического кружка, опубликованных в 1929 г.

Представляет интерес концепция Н.А. Слюсаревой о реализации в морфологических единицах четырех аспектов синтаксиса: актуального, аналогового, логико-ориентированного и структурного, что позволяет ей рассматривать морфологические категории с точки зрения выражения основных функций языка: коммуникативной и когнитивной. Преимущество функционально-системного подхода состоит прежде всего в том, что он дает возможность исследовать языковое явление не только с точки зрения его внутреннего строения, но и в плане его функционирования, связей с окружающей средой. Такой подход позволяет изучать язык в его конкретной реализации, в действии, исследовать языковые средства передачи экстралингвистических явлений и ситуаций. Функционально системный подход отвечает также

естественным условиям речевого общения, когда различные языковые средства используются в их неразрывной связи.

Другой особенностью функционально-системного подхода является его комплексность. Языковая система рассматривается здесь как ряд комплексов, состоящих из разноуровневых единиц, объединяемых общностью выполняемых ими функций. В рамках данного направления исследование не ограничивается каким-либо уровнем. Функционально-системный подход позволяет сосредоточить внимание на различных связях между элементами, которые принадлежат к разным уровням языка. Стратификация языка и распределение языковых элементов по лексическому, морфологическому и синтаксическому уровням предполагает одновременно и связь этих уровней, поскольку отсутствие такой связи сделало бы использование языка как средства коммуникации невозможным [Ярцева 1983: 22].

Интерес к проблематике уровней языка и их взаимодействию наиболее ярко проявился в 60-е гг. XX столетия. Как полагает Н.А. Кобрина, «функциональная нагрузка единиц разных уровней усложняется и качественно обогащается по уровням в направлении снизу вверх за счет того, что функциональные проявления единиц низшего уровня интегрируются единицами высшего уровня» [Кобрина 1981: 44].

В последние годы в лингвистике утвердился термин «функциональная грамматика», которая определяется как грамматика:

1) ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания;

2) предполагающая возможность анализа не только в направлении от формы к значению, но и в направлении от значения к форме [Бондарко 1984: 5].

Необходимость такого подхода ощущалась лингвистами еще в 60-е годы. Это отчетливо проявилось в концепции грамматико-лексических полей Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельс. Эти авторы утверждают, что разнообразные средства грамматического и лексического уровней, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Совокупность взаимодействующих средств образует систему – лексическо-грамматическое поле. Большой вклад в разработку теории функциональной грамматики и анализ функционально-семантических полей внес А.В. Бондарко. Развивая теорию ФСП, А.В. Бондарко опирается на взгляды И.И. Мещанинова, который заложил основы учения о понятийной категории. В ранних работах А.В. Бондарко использует понятие функционально-семантическая категория, представляющая собой по структуре поле [Бондарко, Буланин 1967: 3-8]. Грамматическая категория в языках флективно-синтетического типа может быть определена как система противопоставленных друг другу рядов грамматических

форм с однородным значением. Речь идет о таких категориях, как вид, время, наклонение, лицо, залог глагола, род, число, падеж имен существительных и прилагательных [Бондарко 1976: 7-17].

Впервые А.В. Бондарко взамен понятия функционально-семантической категории использует термин функционально-семантическое поле (ФСП) в книге «Теория морфологических категорий» [Бондарко 1976: 34]. Функциональная интеграция разноуровневых языковых средств как характерный признак ФСП обуславливает необходимость особого этапа анализа – системноструктурной дифференциации этих средств и специального рассмотрения взаимодействия элементов, конституирующих поле. В пределах функциональной общности, определяющей специфику данного поля, устанавливаются различия как содержательного, так и системно-структурного характера. В ФСП признак целостности характеризует содержание поля, базирующееся на определенной семантической категории. Что же касается средств формального выражения, то их совокупность лишена целостности, поскольку они относятся к разным языковым уровням и по своей структуре разнородны. ФСП обладает отличительными признаками с точки зрения характера системности и в плане содержания [Бондарко 2002: 308]. Семантические функции, охватывающие ФСП, пересекаются с понятием значение и отличаются подчеркнутой ориентацией на отношения «цель – средство» «стимул функционирование - результат». «Значение» допускает истолкование в рамках указанных отношений, но непосредственно оно сопряжено с отношением «план содержания и план выражения» в системе языковых единиц, классов и категорий. «Семантическая функция более широкое понятие, чем «значение», так как оно охватывает не только собственно значения тех или иных единиц, но и речевые смыслы, в формировании которых существенную роль играет «речевая ситуация и фоновые знания» [Бондарко 1996: 45-47].

По мнению А.В. Бондарко, под функционально-семантическим полем понимается система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных лексико-синтаксических), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций [Бондарко 2002: 310]. ФСП – это двустороннее, содержательно-формальное, единство, охватывающее средства данного языка. Вместе с тем, в основе каждого ФСП лежит определенная семантическая категория, представляющая семантический инвариант, объединяющий разнородные языковые средства и обуславливающий их взаимодействие [Бондарко 1983: 310-319].

Дальнейшая разработка теории поля позволила выделить признаки, лежащие в основе оппозиции «центр – периферия». Важнейшими из них А.В. Бондарко считает;

- «сосредоточение, максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку (центр), разреженность таких признаков (периферия)»;

- «...нахождение данного явления в области пересечения тех линий, которые связывают элементы данной группировки, участие в максимальном числе оппозиций (центр), - рассредоточение «сетки связей», их ослабление ... (периферия)»;
- «максимальная функциональная нагрузка (центр) – уменьшение такой нагрузки (периферия)». Это свойство вытекает из указанных выше двух основных черт центра;
- «наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определённой семантической функции (центр) – меньшая степень специализации, побочная роль в реализации данной функции (периферия)»;
- «регулярность, высокая частота функционирования данного языкового элемента (центр) - нерегулярность или меньшая регулярность, меньшая употребительность» [Бондарко 1976: 213-218].

А.В. Бондарко рассматривает систему полей в русском языке, которая включает следующие группировки ФСП.

1. Группировка полей с акциональным (предикативным) ядром, включающая следующие комплексы ФСП: а) комплекс ФСП аспектуально-темпоральных отношений: аспектуальность, темпоральность, таксис;

б) комплекс ФСП модально-бытийных отношений: группировка модальных полей (объективная и субъективная модальность, аффирмативность/негативность, повествовательность/вопросительность, бытийность (экзистенциальность));

в) комплекс ФСП акционально-субъектных и акционально-объектных отношений: залоговость, персональность; комплекс двух последних полей относится к области пересечения акциональных полей с предметными; особое положение в группировке ФСП с акциональным ядром занимает поле состояния, связанное со всеми тремя указанными комплексами ФСП, в частности с аспектуальностью, модальностью и залоговостью.

2. Группировка полей с предметным (субъектно-объектным) ядром: субъектность/объектность.

3. Группировка полей с качественно-количественным ядром: качественность, количественность, компаративность, посессивность.

4. Группировка полей с обстоятельственным ядром: поля причины, цели, условия, уступки, поле сравнения, поле локативности; к данной группировке относится также обстоятельственный аспект темпоральности. Все обстоятельственные поля связаны с предикативными отношениями [Бондарко 1983: 40-42].

Взаимные связи и пересечения, касающиеся как отдельных полей в рамках каждой из указанных группировок, так и отношений между группировками,

свидетельствует о сложной многоаспектной системности всего комплекса ФСП. Рассматриваемые поля - это единства разных планов, уровней и рангов. Некоторые из них представляют собой комплексы более частных функционально-семантических единств.

Функционально-семантическое поле согласия в современном русском языке - система разноуровневых средств русского языка (морфологических, лексических, синтаксических), объединенных на основе общности их семантических функций. Инвариантным значением для всех единиц этого поля является значение согласия, определяемое как разрешение, утвердительный ответ на просьбу, признание чего-либо хорошим, правильным, позволительным, доброкачественным, приемлемым, как подтверждение своего единомыслия, общей точки зрения с кем-либо или чем-либо, то есть согласием является речевое поведение, направленное на принятие и поддержку чего-либо.

На первом уровне деление на микрополя можно выделить микрополе эксплицитно выраженного согласия и микрополе имплицитно выраженного согласия.

Микрополе недискретно выраженного согласия в свою очередь подразделяется на микрополе согласия, не осложненное добавочными компонентами, и микрополе согласия, осложненное добавочными компонентами.

В рамках микрополя согласия, осложненного добавочными компонентами, следует выделить микрополя четвертого уровня: микрополе расширенного согласия и микрополе суженного согласия.

В микрополе эксплицитного согласия на втором уровне деления, параллельно микрополям дискретно выраженного согласия и недискретно выраженного согласия, возможно разграничение двух микрополей, в основе членения которых лежит структурно-семантическая полнота идеи согласия:

- 1) микрополе полного согласия;
- 2) микрополе неполного согласия.

Имплицитно выраженное согласие - система средств разных уровней языка, объединенных общим значением (значением согласия), выражаемым имплицитно.

В микрополе имплицитно выраженного согласия на втором уровне представлено четыре микрополя:

1. согласие через несогласие с фактом, несовместимым с данным фактом;
2. согласие через положительную оценку объекта согласия;
3. согласие через риторический вопрос;
4. согласие через умозаключение.

ФСП согласия представляет собой сложную, многоступенчатую сущность, имеющую определённую иерархию, состоящую из четырех уровней деления. Выделение микрополей основано как на гносеологическом, так и на онтологическом основании.

В русской художественной литературе обнаруживаются разнообразные способы реализации согласия, представленные на различных уровнях его функционально семантического поля. Микрополе эксплицитно выраженного согласия может быть выражено дискретно и недискретно.

Микрополе дискретного согласия представлено двумя микрополями категорического и предположительного согласия:

- Подобные милые вещи говорят обыкновенно, когда хотят оправдать своё равнодушие, - сказала Лида. Отрицать больницы и уколы легче, чем лечить и учить.

- Правда, Лида, правда, - согласилась, мать (А.П.Чехов).

В данном примере с помощью повтора слова правда даётся прямое дискретно выраженное категорическое согласие, так как идея согласия слов матери мыслится отграничено от её слов; героиня уверена в реальности ситуации и прямо выражает своё отношение, полностью поддерживая слова Лиды. Модальность слова правда в рассматриваемом контексте носит аффирмативный характер.

В следующем диалоге прямое дискретно выраженное категорическое согласие сформулировано с помощью модальной утвердительной частицы, восходящей к краткой форме имени прилагательного хорошо.

- Вот что... - проговорила Манюся, видимо, придумывая что бы сказать.

- Вот что... Полянский обещал прийти на днях со своей фотографией и снять всех нас. Надо будет собраться.

- Хорошо (А.П. Чехов).

В модальной частице хорошо в данном случае сконцентрирована качественная оценка содержания высказывания.

Приведём другие примеры, где согласие выражено прямо, отчлененно от объекта согласия и отражает уверенность в достоверности сообщаемого .

- Я думаю, что он наблюдал за вашей квартирой...

- Верно, верно! - кричал Коровьев, - верно, дорогая Маргарита Николаевна! Вы подтверждаете мои подозрения (М.Булгаков).

Модальная частица верно имеет значение абсолютной уверенности и истинности сообщаемого.

- ...А где это Рио-де-Жанейро? Далеко? Не может быть того быть, чтобы все ходили в белых штанах. Вы это бросьте, Бендер. На пятьсот тысяч, можно и у нас хорошо прожить.

- Бесспорно, бесспорно, - весело сказал Остап, - прожить можно. Но вы не трепещите крыльями без повода. У вас же пятисот тысяч нет (И. Ильф, Е. Петров).

В указанном примере модальная частица бесспорно отображает категорическое согласие с предшествующей репликой-стимулом. А двойной повтор частицы указывает на эмфатичность конструкции.

Наиболее распространённая модальная частица, выражающая согласие - конечно. Она служит также для выражения эксплицитного дискретного уверенного согласия. Например:

- Мне кажется, вы правы, - сказала она, дрожа от ночной сырости. - Если бы, все сообща, могли отдаться духовной близости, то они скоро узнали бы всё.

- Конечно. Мы высшие существа, и если бы в самом деле мы осознали всю силу человеческого гения и жили бы только для высших целей, то в конце концов мы стали бы как боги. Но этого никогда не будет, человечество выродится. и от гения не останется и следа (А.П. Чехов).

В данном отрывке модальная частица конечно выражает согласие с фактом действительности с точки зрения возможности его существования.

- Да, хлопотно с детьми, я вам скажу! - вздохнул Моисей Моисеевич.

- У меня у самого шесть человек. Одного учи, другого лечи, третьего на руках носи, а когда вырастут, так еще больше хлопот. Не только таперечка, даже в священном писании так было. Когда у Иакова были маленькие дети, он плакал, а когда они выросли, еще хуже стал плакать.

- М-да... - согласился Христофор, задумчиво глядя на стакан.

Эмоциональное предложение М-да, выражающее прямое согласие, передает ощущение сожаления говорящего относительно ситуации, связанной с хлопотами о детях.

Частица да нейтральна в стилистическом отношении. В качестве ее синонимов используются частицы так, ага, угу (простореч.), точно, так точно, есть (воен.). Все эти синонимические средства в отличие от частицы да эмоционально и стилистически окрашены.

- Со свиньями как быть? Куда их?

- И они так же, как все, то есть и они на воле.

- Так. Да. Но позвольте, ведь если их не резать, то они размножатся, знаете ли, тогда прощайся слугами и с огородами. Ведь свинья, ежели пустить ее на волю и не присмотреть за ней, все вам попортит в один день. Свинья и есть свинья, и недаром ее свиньей прозвали...

Согласие в указанном примере выражено с помощью синонимического повтора частиц так, да. Подобный синтаксический прием придает частицам усилительное значение.

-Может, ещё хочешь?

-Можно вообще-то... Только не здесь (В. Шукшин).

Модальная частица можно отражает неуверенное прямое согласие, идеей которого является близкая вероятность совершаемого действия в реальной ситуации.

Модальные слова и частицы являются основными маркерами эксплицитно выраженного семантического поля согласия с точки зрения реальности и предположительности ситуации.

В рамках эксплицитно выраженного согласия разграничиваются два микрополя третьего порядка – микрополе эксплицитно выраженного согласия без оценки и микрополе эксплицитно выраженного согласия с оценкой.

Идея согласия без оценки может быть отражена как чистое подтверждение какого-либо факта действительности. Например:

- Я здесь никогда не была. Здесь очень мило.

- Да-а, - протянул Ипполит Матвеевич, высчитывая стоимость заказанного (И. Ильф, Е. Петров).

С помощью частицы да выражено прямое согласие с высказыванием об отсутствии опыта пребывания в данном месте. Это согласие носит чисто аффирмативный характер без добавочных смыслов.

Средствами выражения согласия также могут выступать глаголы согласия, а также прилагательные и наречия.

- Я вас понимаю и одобряю вас (Базаров) вполне (И.С. Тургенев).

В глаголе одобряю заключена идея приемлемого поведения героя. Согласие в данном случае выражено прямо.

- Я обдумую. Позвольте мне сегодня же продолжить этот разговор.

- Позволяю (А.Толстой).

В глаголе позволяю сосредоточена идея разрешения продолжения разговора. Следовательно, героиня согласна с просьбой, являющейся объектом согласия.

Мишурев наклонился вперед и перешел на доверительный тон.

- Так что вы, как и я, заинтересованы в скорейшем завершении этого дела. И в том, что наши личные интересы совпадают со служебными, ничего плохого нет, скорее наоборот. Вы со мной согласны?

- Согласен. Постараюсь оправдать доверие (Д. Корецкий).

Идея прямого согласия сосредоточена в прилагательном согласен, в семантику которого входит мысль об обоюдной заинтересованности героев в выполняемом деле.

Любовь Андреевна: Жениться вам нужно, мой друг. Лопахин. Что же? Я не прочь... Она хорошая девушка (А.П. Чехов).

В данном случае с объектом согласия жениться вам нужно герой выражает согласие со словами собеседника с помощью сочетания отрицательной частицы не и наречия прочь, формирующего идею прямого согласия.

- Ну, что ж! - возопил вдруг Обалдуй, выпив духом стакан вина и сопровождая свое восклицание теми странными размахиваниями рук, без которых он, по-видимому, не произносил ни одного слова. - Чего еще ждать? Начинать так начинать. А? Яша? - Начинать, начинать, - одобрительно подхватил Николай Иванович (И.С. Тургенев).

В приведенной выше ремарке к ответной реплике лексема подхватил сопровождается наречием одобрительно. Подобное сочетание свидетельствует об эмоциональном состоянии адресата, которое позволяет читателю сделать вывод о готовности позитивно настроенного героя к приступлению к действию, уже вербализованному двойным повтором в прямой речи Начинать, начинать.

В исходных диалогических репликах употребляются слова, стимулирующие реакцию согласия. В диалоге согласие может носить безоценочный характер. В рамках микрополя согласия без оценки информация лишена дополнительных эмоциональных оттенков. Обмен репликами является чистой положительной реакцией и может сопровождаться лексическими единицами в структуре авторских ремарок.

Основным языковым уровнем, способным выразить любые виды оценок, является лексико-семантический.

*- Вот что... - приговорила Манюся, видимо, придумывая, что бы сказать.
- Вот что... Полянский обещал прийти на днях со своей фотографией и снять всех нас. Надо будет собраться.*

- Хорошо (А.П. Чехов).

Одобрительное согласие выражается в данном контексте посредством внутренней формы лексемы хорошо.

Конституентом микрополя эксплицитно выраженного абсолютного согласия также являются междометия браво, ура - возгласы, выражающие согласие и одобрение. Например:

- Увы! - с сожалением ответил Берлиоз, - ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может.

- Браво! - вскричал иностранец, - браво! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу.

В микрополе прямого согласия с абсолютной и сравнительной оценкой основными конститuentами являются качественные прилагательные, наречия, модальные частицы и междометия.

В микрополе недискретно выраженного согласия идея согласия и идея объекта согласия представлены неразрывно. Основным средством отражающим согласие в данном микрополе является повтор, который в свою очередь может быть осложненным дополнительными компонентами, или выступать в чистом виде.

- *Готов ... -тихо сказал Зурита.*

- *Готов, - подтвердила следовавшая за ним Долорес таким тоном, как будто ее сын раздавил ядовитого скорпиона (А. Беляев).*

Прямое нерасчлененное согласие в данном отрывке выражено с помощью полного повтора структуры повествовательного неполного предложения *Готов*, в котором сливаются и идея согласия, и идея объекта согласия .

- *Вы -атеисты?!*

- *Да, мы - атеисты, - улыбаясь, ответил Берлиоз, а бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!» (М. Булгаков)*

В приведенном примере идея согласия также выражена прямо, нерасчлененно. Информация вопроса *Вы – атеисты* лексически и синтаксически идентично озвучена в ответной реплике-повторе *мы атеисты*. На словесном уровне все структурные компоненты объекта согласия сохранены в самой идее согласия, включающей в свой состав утвердительную частицу *да*, несущую дополнительный эмоциональный оттенок.

Согласие в данных примерах выражено прямо и нерасчлененно, сохраняет первоначальную структуру, а также они не осложнены дополнительными конструирующими компонентами.

В репликах-повторах, не осложненных добавочными словесными единицами, повторяется коммуникативно-значимая часть: в большинстве своем это глагольные словоформы, воспроизводимые из исходного высказывания.

- *Нам нужно укрыться куда-нибудь, - сказал Буркин. - Пойдемте к Алехину. Тут близко.*

- *Пойдемте (А.П.Чехов).*

Согласие с побудительным высказыванием *Пойдемте к Алехину* выражается с помощью глагола *Пойдемте*, который включает в себя все компоненты идеи объекта согласия, т.е. действия о походе к Алехину с целью укрытия.

Благодаря синонимическому повтору предиката вопросительного предложения выражается прямое дискретное согласие с объектом согласия.

- *Плохо жили, что ли?*

- *Хуже некуда ... Я ее любил без памяти. А она всю жизнь с другим путалась (А. Иванов).*

Идея согласия, выраженного фразеологическим сочетанием, *Хуже некуда* восходит к объекту согласия, заключенному в вопросе - *Плохо жили, что ли?* Согласие в данном диалоге выражено с помощью синонимичного повтора фразеологизма *хуже некуда* идентичного по семантике наречию *плохо* из структуры вопроса.

Повторы, не осложненные добавочными компонентами, достаточно экспрессивны, и согласие не теряет своей полноты при отсутствии некоторых первоначально составляющих лексических единиц. Но следует отметить, что синонимический параллелизм как способ выражения согласия, обладает большей эмфатической нагрузкой.

Согласие может быть частичным за счет ограничения во времени, пространстве, условии, цели, уступки, поэтому в качестве языкового материала оно должно содержать индикаторы времени, действия, места, условия, цели и уступки, необходимые для его совершения.

- *Убежать теперь совсем невозможно. По станции хоть иголки собирай. Ишь как полыхает!..Да и ногу Петяшкину надо бы поглядеть...*

- *Надо подождать зари, пока не угомонится народ, а потом будем продвигаться до казенных лесов* (М. Шолохов).

В этом отрывке согласие *Надо подождать зари*, с утверждением *Убежать теперь совсем невозможно* ограничено во времени, и это выражено придаточным времени *Убежать теперь совсем невозможно*.

Так, основным средством выражения согласия в микрополе недискретного согласия является повтор, сохранивший или несохранивший структурные конститuenty. В его состав входят поясняющие содержание объекта согласия компоненты. Объект согласия и идея согласия заключены в одном компоненте мысли.

Имплицитное согласие может быть выражено с помощью индуктивного умозаключения представленного, без заключения.

- *А вы были в Германии?* - *спросила Дарья Михайловна.*

- *Я провел год в Гейдельберге и около года в Берлине* (И.С. Тургенев).

Посещение Германии, являющееся объектом согласия, подтверждается в ответной реплике, которая является частной посылкой *Я провел год в Гейдельберге и около года в Берлине*. Она сформулирована в форме простого предложения, осложненного однородными обстоятельствами в Гейдельберге и в Берлине. Данные обстоятельства представляют города, находящиеся на территории Германии, следовательно, можно вывести общее положение, реализующее косвенное согласие с тем, что герой был в указанной стране.

- *Прикажете взять полный запас жидкого топлива?*

- *Консервов, пресной воды, шампанского ...* (А. Толстой)

Полный запас жидкого топлива в данном контексте предполагает наличие консервированных продуктов и напитков. С помощью неполного предложения, осложненного однородными дополнениями (*Консервов, пресной воды, шампанского*) реализуется идея согласия с приказом.

Основными способами представления микрополе косвенного согласия являются индуктивный и дедуктивный умозаключения.

Исследование показало, что семантика согласия получает разнообразные экспрессивные средства выражения, реализуется в многообразии семантических оттенков.

Семантика согласия наиболее концентрированно выражается лексемами «одобряю», «согласен», «поддерживаю» и др., проявляемых в контексте в максимально чистом виде и в нейтральной абсолютной форме. Данные и подобные единицы четко реализуют идею согласия. В качестве доминанты в микрополе прямого согласия выступает утвердительная частица «да», с позиции синтаксиса представляющая собой семантически нечленимое предложение. Превалирующим способом выражения косвенного согласия является положительная оценка, приписываемая объекту согласия. Основным контекстным минимумом, необходимым для идентификации согласия, выступает диалогическое единство, которое может сопровождаться авторскими ремарками, содержащими указание на конкретную реакцию, эмоционально-психическое состояние говорящего лица и другую поясняющую контекст информацию.

Таким образом, составляющие структуру ФСП согласия компоненты позволяют говорить о градационном характере семантики согласия и об изменчивости смыслов, проявляемых в определенном контексте и интерпретируемых адресантом речи в соответствии с теми или иными условиями общения.

Литература

- Бондарко, Буланин 1967 – Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л.: Наука, 1967. – 192 с.
- Бондарко 1973 – Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. // Функциональный анализ грамматических категорий. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. 5-32 с.
- Бондарко 1976 – Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
- Бондарко 1983 – Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и русской аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
- Бондарко 1984 – Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.

- Бондарко 1996 – Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. 220 с.
- Бондарко 2002 – Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- Кобринина 1981 – Кобринина К.А. Функциональная модель языка. // Взаимодействие единиц разных уровней: сборник научных трудов. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1981. 30-45 с.
- Ярцева 1983 – Ярцева В.Н. Проблемы вариативности и взаимоотношения уровней грамматической системы языка. // Вопросы языкознания, 1983, №5. 17-24 с.

Sirota, Elena

“Alecu Russo” Balti State University, Moldova

sirotaelena@mail.ru

THE SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF “CONSENT” IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. *The article is devoted to the investigation of the functional-semantic consent field in the modern Russian language. The functional-semantic field of consent is considered as an integral system. The functional-semantic field of consent is a polycentric field, which is created by a certain set of language tools belonging to different levels of the Russian language: morphological, lexical, syntactic. Consent has a variety of means of expression, is realized in a variety of semantic tints.*

Keywords: *functional-semantic field, consent, implicit and explicit, nucleus, periphery.*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ КОЛЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В данной статье рассматриваются и анализируются ключевые концепты, отражающие коллективное решение проблем. Это: «Дельфийский метод», «Мозговой штурм», «Синектика». Данные концепты исследуются в сравнении в русском и английском языках. Были выявлены мотивирующие признаки вышеуказанных концептов, которое легли в основу их номинации, а также исследована их внутренняя структура, в которую входят различные концептуальные признаки. Исследование проводилось с точки зрения антропоцентрического подхода к анализируемым явлениям, с позиции «здорового смысла». Для исследования привлекались многочисленные контексты, иллюстрирующие и объясняющие употребление данных концептов.

Ключевые слова: концепт, метод творческого мышления, Дельфийский метод, «Мозговой штурм», «Синектика».

В последнее время широкое развитие получила эвристика – наука о творческом мышлении. Эвристика является одной из молодых наук в системе современного научного знания. Она сформировалась на основе обобщения результатов целого ряда наук, которые изучают поведение различных систем, и, главным образом, человека и его творчества. Эвристика родилась на перекрестке психологии, социологии, физиологии, кибернетики, математики, логики, и, будучи не сводима к каждой из них в отдельности, имеет свой предмет, цель. Предметом эвристики является процесс научного творчества, подразумевающий диалектический синтез логики и интуиции – догадки. Цель эвристики – исследовать правила и методы, ведущие к открытиям [Пушкин 1967: 5]. Основой, ядром эвристики является психология творческого мышления. Связь эвристики с творческой деятельностью человека отмечал американский математик Д. Полия. «Современная эвристика» стремится постичь процесс решения проблем, особенно те мыслительные операции, которые оказываются полезными в этом процессе [Полия 1959: 181]. Эвристика была охарактеризована в общих чертах рядом авторов, в том числе и знаменитым греческим математиком Паппом, жившим в III веке н.э. им была написана книга «Сокровищница анализа» или «Искусство решать задачи». Полия переводит это название как «Эвристика» [Полия 1959: 279].

Эвристика в своем развитии идет в ногу с развивающейся когнитивной наукой, которая поставила в центр внимания «человеческий фактор», предполагающий

изучение языковых феноменов в тесной связи с человеком, его мышлением. Когнитивная лингвистика, как самостоятельная область выделилась из когнитивной науки. Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций. Благодаря возникновению когнитивной науки стало ясно, что «языковая деятельность протекает в мозгу человека, что разные виды языковой деятельности связаны с разными отделами головного мозга» [Кубрякова 2004: 87].

Ключевым понятием когнитивной лингвистики является концепт. Концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая. Существуют различные определения концепта. Е.С. Кубрякова предлагает следующее определение концепта. «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картина мира, квант знания» [Кубрякова 2004: 90-92]. М.В. Пименова определяет концепт как «представление о фрагменте мира» [Пименова 2009: 8]. Мы полагаем, что концепты правильнее интерпретировать как единицы мышления, так как их основное назначение – обеспечивать процесс мышления. Концепт всегда имеет словесное выражение. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует концептосферу. Язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере. Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой. Концепты внутренне организованы по полювому принципу, то есть имеют ядро, ближнюю и дальнюю периферию.

Совокупность языковых средств, объективирующих концепт, определяется как номинативное поле концепта. Номинативное поле отличается от традиционно выдержанных в лингвистике структурных группировок лексики, так как имеет комплексный характер и включает единицы всех частей речи. Поэтому первостепенной задачей когнитивной лингвистики является получение исчерпывающего списка языковых единиц, объективирующих исследуемый концепт.

Ядром концепта служит мотивирующий признак, положенный в основу номинации для именованного некоего фрагмента мира. Мотивирующий признак – это внутренняя форма слова.

Базовый слой концепта – определенный чувственный образ, кодирующий концепт для дальнейших мыслительных операций. С базового слоя начинается формирование концепта, выделение его в сознании и языке человека. На базовый слой накладываются дополнительные когнитивные признаки, образующие когнитивные слои, которые располагаются от конкретного к абстрактному [Пименова 2009: 74].

«Концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции и с увеличением количества закрепленных концептом признаков с возрастанием уровня

абстракции, концепт постепенно превращается из чувственного образа в мыслительный» [Попова 2001: 70-71].

По степени абстрактности концепты подразделяются на абстрактные (ментефакты) и конкретные (натурфакты) [Попова 2001: 120]. Методом исследования в когнитивной лингвистике выступает концептуальный анализ. Н.К. Рябцева определяет концептуальный анализ как «семантический анализ лексики, грамматики и прагматики языка, сочетаемости... Его главным орудием выступает толкование значения, которое позволяет выделить, сравнивать и описывать языковые явления и их смысл, а также восстанавливать целостные образы концептов и стоящие за ними представления» [Рябцева 2005: 63].

На основании развития новой науки возникают оперативные структуры, новые формы организации объекта науки эвристики, новые методы познания. Эти новые объекты нуждаются в терминологическом определении. Это – эвристические методы коллективного решения проблем. Номинация этих методов составляет сугубо эвристический терминологический фонд.

Целью данной статьи является рассмотрение и концептуализация трех популярных и эффективных методов коллективного творческого мышления, которые имеют номинацию *Delphy method* – «Дельфийский метод», *Brainstorming* – «мозговой штурм» и *Synectics* – «синектика» как в русском, так и в английских языках. Для полного исследования данных методов привлекаются обширные эвристические контексты и экспликация их значений в различных словарях. Следует отметить, что данная статья является одной из первых попыток анализировать концепты, отражающие коллективное творческое мышление.

Переходим к анализу вышеуказанных концептов. Концепт *Delphy method* в русском языке интерпретируется неоднозначно: «Дельфийский метод», «Дельфийская техника» [Клубиков 1985: 11], «Метод Дельфи» [Лисичкин 1968: 65]. В английском языке он также имеет неоднозначную номинацию: *Delphy*, *Delphic*, *Delphi*. Мотивирующий признак, который лег в основу номинации данного концепта, его этимология связаны с греческим городом *Delphi*, который согласно библии был святым местом, куда верующие приходили молиться и просить совета и помощи от Бога. *Delphy is situated on the slopes of Parnassas, Greece. It was the sight of Apollo's temple and oracle, the place where the ancient Greeks and Romans went to ask for the advice of the Gods about the future* [New Webster dictionary of the English language 1993: 254], что в переводе означает: «Делфи расположен на Парнасских холмах в Греции. Здесь располагался храм бога Аполлона и это было святое место, куда древние греки и римляне приходили просить у Бога совета, как жить дальше».

Дельфийский метод заключается в статистической обработке мнений специалистов относительно перспектив данной области и смежных областей. Этот метод был разработан в США для решения крупных военных проблем и

применен сотрудниками научно-исследовательских корпораций О. Гордоном и Г. Халмером в исследовании возможностей долгосрочного прогнозирования [Лисичкин 1979: 56]. Приводимый ниже английский контекст подтверждает вышеуказанное утверждение. Probably the most common forecasting methodology is collective opinion (i.e. the synthesis of all information available to management into quantitative form with subsequent value judgment by individuals knowledgeable in their fields and possessing an intuitive sense of future trends). If the judgments are made independently and anonymously, pooled, summarized and then fed back to the judges for another round of opinion, the procedure is called the Delphy technique widely used in long-range forecasting [Barron 1969: 170]. «Вероятно, самым популярным методом прогнозирования является групповой метод, то есть (синтез всего количества, имеющийся информации с дальнейшей ее оценкой и учетом мнений отдельных лиц, специалистов в определенных областях, которые обладают чувством интуиции относительно дальнейших перспектив). Если представленные личные умозаключения сделаны независимо и анонимно, анализированный, суммированный и переданный судье для дальнейшего рассмотрения, то эта процедура носит название «Дельфийский метод», который широко используется в долгосрочном прогнозировании».

В структуру концепта Delphy method входят концептуальные признаки: research – «научное исследование», analysis – «анализ», decision-making – «принятие решений», forecasting – «прогноз».

В английском языке данный концепт вербализуется лексемами Delphy method, Delphi technique, характеризующими методiku разработки и применения данного метода.

Другой метод коллективного творческого мышления – Brainstorming – «мозговой штурм». Переходим к анализу внутренней формы абстрактного концепта *brainstorming* «мозговой штурм». Данный концепт образован из двух основ: *brain* – «мозг», *storm* – «штурм». С одной стороны номинация данного концепта выражена гиперболической метафорой – «мозговой штурм», а с другой стороны, налицо принцип аналогии, то есть явный элемент семантического переосмысления военного термина «штурм» в область познавательных актов.

Основное номинативное значение этого термина раскрывается в психологическом словаре: *in social psychology it refers to the generation of ideas by the members of a group for the purpose of solving a specific problem* [Краткий психологический словарь 1985: 19], что означает: «В социальной психологии он связан с генерацией идей членами группы с целью решения специфической проблемы».

Американский физик А. Осборн в конце 30-х годов предложил «мозговой штурм» как групповой метод решения проблем, активизирующий творческую мысль. Его методика исходит из того, что при обычных приемах обсуждения и решения проблем возникновению новаторских идей препятствуют

контрольные механизмы сознания и принципы традиционного авторитета. По мнению А. Осборна, стимулирование творческой активности достигается благодаря соблюдению 4-х правил:

1. исключается критика во время работы группы;
2. количество идей должно быть как можно больше;
3. комбинирование идей, высказанных разными членами группы;
4. самая высокая оценка по баллам дается самой необычной «дикой идее» [Краткий психологический словарь 1985: 68].

Концепт *brainstorming* образует синонимический ряд (СР), состоящий главным образом из словосочетаний: *cooperation of experts, continuous systematic cooperation of a group of experts, problem-solving group, carefully devised coordination of efforts, creative cooperation, groupthink, set period of idea production, research group, invention design group*.

В данном СР выделяется многокомпонентное терминологическое сочетание с последующим подчинением, в котором компоненты соединяются цепочкой и каждый последующий является опорой для предыдущего – *carefully devised coordination of efforts* – «тщательно организованная координация усилий». Увеличение числа компонентов в ТС сопровождается сцеплением в структурные группы, обладающие семантической целостностью: *continuous systematic cooperation of experts* – «систематическая кооперация экспертов». Комбинация одновременно двух прилагательных: *continuous* и *systematic* подчеркивают продолжительность тура мозговой атаки.

Второй этап исследования концепта *brainstorming* – анализ образных признаков в его структуре. В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на свой ментальный мир антропоморфные и биоморфные характеристики, которые закреплены в виде метафор и метонимии.

Концепт «мозговой штурм» – *brainstorming* содержит признак – «военные действия», а именно: «атака», «штурм», «битва». *Brainstorming – assault of brains* – «мозговой штурм» – «атака мозгов». Здесь налицо явление метонимии. В процессе мыслительной деятельности также реализуется вышеупомянутый признак: *to attack a problem* – «напасть» vs. решать проблему, *to confront the difficulties* – «столкнуться с трудностями», *to enforce the results* – «укрепить результаты».

Ядерным признаком в концепте *brainstorming* выступает ментальный признак – «мышление». В свою очередь мыслительный процесс проходит четыре стадии: *preparation* – «подготовка», *incubation* – «инкубация», *insight* – «озарение» и *verification* – «верификация».

В концепте «мозговой штурм» – *brainstorming* выделяется вегетативный признак – «прирост», «созревание плода» – *fruitful period* – «плодотворный

период», *fruitful brainstorming* – «плодотворный мозговой штурм». В структуре концепта *brainstorming* зарегистрирован признак стихии – «текучесть» *flow of ideas* – «поток идей», *a free flow of thoughts* – «свободный поток мысли», *free-flowing nature of thinking process* – «свободное течение мыслительного процесса».

Признаки строения характеризуются через характеристики домов *to construct the house of solutions* – «построить дом решений», *to put together the parts* – «соединить блоки, части», *to build a solution* – «построить решение».

В структуре концепта *brainstorming* выявлен признак дикой птицы, диких животных, отличающихся свирепостью: *wild solution* – «дикое решение», *wild possibility* – «дикая возможность», *wild ranging of the mind* – «дикий полет мысли».

Антропоморфичный признак – «сила», «слабость», включен в структуру концепта «мозговой штурм» *strength and weakness of brainstorming* – «сила и слабость «мозгового штурма»».

Музыкальный признак «соло» – *solo* выявлен как составляющий концепта *brainstorming* – *solo brainstormer* – «отдельный участник мозгового штурма». У концепта «мозговой штурм» выделяется социальный признак, связанный с нарушением определенных правил, законов социума: *to violate logic* – «нарушить логику», *to violate habits of thinking* – «нарушить правила мышления», а также юридический признак – «выдать лицензию, разрешение на отдельное действие»: *to give a license to the mind* – «дать лицензию мозгу».

Мыслительная деятельность чрезвычайно эмоциональна, поскольку связана с неудачей или победой в процессе решения задач. Группа эмоциональных признаков «волнение», «отчаяние», выражается предикатами *deliberately insert* – «отчаянно предложить», *to use analysis deliberately* – «отчаянно использовать анализ», *deliberate thinking* – «волнующее мышление», а также выявлен признак – «спокойствие», который отражает атмосферу проведения мозгового штурма – *easy-going atmosphere* – «свободная и легкая атмосфера», *to quiet the critical input* – «успокоить критическое предложение».

При коллективном творческом мышлении выделяется наиболее активная и продуктивная личность при выдвижении идей – «генератор идей» – *idea generator*. Данная лексема образует синонимический ряд из словосочетаний, которые отличаются метафоричностью: *(idea generator) key-decision maker*; *a "quick wit"*; *effective thinker*; *idea-producer*; *fluent thinker*; *originator of an idea*; *ingenious inventor*; *"wild bird"*; *high producer*.

Приход к решению проблемы связан с выдвижением идеи решения проблемы, как результат творческого мыслительного процесса. Лексема «идея» выступает как элемент субфрейма – «творческая мыслительная деятельность». Семантический признак «новаторская» объединяет прилагательные в

синонимический ряд, характеризуя качество идеи: *valuable, crazy, practical, mature, absurd, ridiculous structural, unusual (idea)*.

В данном синонимическом ряду выдвигается подгруппа, объединенная по признаку «необычная» – *unusual: crazy, absurd, ridiculous*.

Следует особо остановиться на эвристическом термине *crazy idea*. Этот термин парадоксален, так как содержание не соответствует форме. Парадоксальность заключается в том, что речь идет о гениальной, непривычной идее, которая означает парадоксальность познавательной ситуации, нетрадиционность мышления, столкновение традиции с новым, непривычным для многих в науке. Новизна, оригинальность выдвинутой в процессе коллективного творчества идеи отражается в терминологических сочетаниях, где два атрибута одновременно определяют термин *idea*. Один из определителей подчеркивает качество идеи, а второй усиливает это качество, например: *significant creative idea, radically new idea, fundamental new idea*.

В процессе коллективного мышления выделяется фразеологический оборот – “*mad as a hatter*” – «ошалелый», отличающийся также метафоричностью. Этот оборот аналогично *crazy idea* – «сумасшедшая идея» парадоксален по своей форме, так как служит средством особой похвалы «генератора идей», а не выражением его аномалии. “*Mad as a hatter*” is a term of high praise when applied to person of marked intellectual endowment [Barron 1981: 73] – «ошалелый» – это знак особой похвалы человека с выдающейся с интеллектуальной способностью.

В туре «мозгового штурма» активную роль играет арбитр, который руководит и оценивает групповое творческое решение проблем. В английском языке он имеет неоднозначную номинацию: *brainstorming leader, brainstorming supervisor, job motivator, chairman*. Атмосфера проведения «мозгового штурма» должна быть свободной и благоприятной для участников. Такая благоприятная атмосфера выражается словосочетаниями: *easy-going atmosphere, unrestrained atmosphere*. Функции арбитра выражаются предикатами и содержат несколько этапов. На первом этапе происходит знакомство членов группы со специфической проблемой, что выражается глаголами: *formulate, suggest, propose, outline, present, clarify (a problem)*. После знакомства с проблемой участники приступают к анализу и решению проблемы, что выражается предикатами, объединенными общим признаком «изучать проблему» *study, undertake, try out, attack, consider (a problem)*.

Процесс выдвижения идеи решения проблемы выражается предикатами с общим признаком – «создавать»: *generate, produce, provide, suggest, offer, construct (idea)*. В функции арбитра входит также оценка выдвинутой идеи решения проблемы. Оценка и регистрация выдвинутых идей выражаются предикатами: *to recode results, to evaluate, to record results on the blockboard, to exsure results, to check out results, to voice opinions, to examine list of ideas*.

Сюда же входят конструкции, отражающие время, выделенное для решения проблемы, что выражается словосочетаниями: *set period of idea production, to determine when the end*.

Таким образом, метод коллективного творческого мышления *brainstorming* – «мозговой штурм» включает ряд концептуальных признаков, отражающих его внутреннюю структуру.

Третий метод коллективного творческого мышления выражается концептом *Synecotics* – «синектика». Синектика (групповой метод) решения проблем. Сущность «синектики», предложенный американским психологом Гордоном, состоит в том, чтобы сделать незнакомое знакомым, а привычное чуждым. Превратить незнакомое в знакомое – значит просто изучить проблему и привыкнуть к ней. После этого можно проделать обратную операцию, то есть сделать привычное чуждым. Это достигается с помощью аналогии [Лук 1976: 69]. Данное утверждение иллюстрируется следующим контекстом. *Synecotics involves the going together of different and apparently irrelevant elements by the use of metaphors and analogies. An unfamiliar problem may be better understood when it can be represented by an analogy with something familiar (“making the strange familiar”). Conversely a problem that is overfamiliar and about which we have difficulty in generating fresh ideas, can often be usefully handled by means of an unusual metaphor “making the familiar strange” [Guilhooly 1982: 140]. «Синектика включает соединение различных, несвязанных между собой элементов, с помощью метафор и аналогий. Незнакомая проблема может быть легче понята, если ее представить по аналогии с чем-то знакомым («сделать незнакомое знакомым») и наоборот, проблема, которая очень знакома и относительно которой мы не можем создавать новые идеи, может быть представлена метафорой «сделать знакомое незнакомым»».*

Этимология и мотивирующий признак, легший в основу номинации данного концепта, связаны с греческим словом *synecticos* – *fit for holding together* – «подходящий для взаимных контактов» «Словарная дефиниция эксплицирует значение этого концепта». *Study of processes leading to invention with the end aim of solving practical problems, especially by a synectics group of people of imaginations and ability for varied interests [Chamber’s 20th century dictionary 1986: 620]*, что означает «изучение процессов, ведущих к изобретению с конечной целью решения практических проблем группой «синектика» - людей, наделенных воображением и способностью к различным интересам». Категориальным признаком концепта «Синектика» является «аналогия» – *analogy*. Термин *analogy* имеет следующую дефиницию: *resemblance in some particulars between things otherwise unlike [Webster’s new world dictionary 1983: 123]*, что означает в переводе «сходство по отдельным признакам различными вещами».

Роль аналогии в «синектике» подтверждает приводимый ниже контекст: The heart of Gordon's creativity – stimulating system which he calls “synectics” is the constant use of analogy. Four types of analogy are proposed “*personal analogy, direct analogy, symbolic analogy, fantasy analogy*” [Guilhooly 1982: 140], что в переводе означает: «Центр системы, стимулирующей творчество, предложенный Гордоном, которую он называет – «синектика» – это постоянное использование аналогии. Различают 4 вида аналогий, используемых в творческом процессе: 1. личная аналогия. 2. прямая аналогия. 3. символическая аналогия. 4. аналогия воображения». Объяснение этих четырех видов аналогий представлено в следующем контексте: The personal analogy requires that the problem-solver identify him or herself with part or all of the problem and its solution. Direct analogy – attempts to find parallel facts in other fields. The symbolic analogy involves a compressed description of the problem or of a possible solution. Fantasy analogy – allows purely wish-fulfilling and unrealistic proposals to be put forward [Guilhooly 1982: 140].

Перевод этих аналогий можно представить следующим образом: *«Личная аналогия* заключается в отождествлении ученого с частью или целой проблемой и ее решением. *Прямая аналогия* – стремление найти параллельные факты в других областях. *Символическая аналогия* включает сжатое описание проблемы или возможного решения. *Аналогия, основанная на фантазии*, включает воображаемое и даже нереальное предложение».

Концепт «синектика» в русском и английском языках вербализуется словосочетаниями *synectics research, synectics technique, synectics group*, обозначающих специфику данного метода.

Таким образом, концептосфера «коллективное творческое мышление» представлена в русском и английском языках абстрактными концептами, которые имеют номинацию *Delphy method, Synectics, Brainstorming* и представляют специфический эвристический терминологический фонд. Следует отметить, что номинация методов коллективного творческого мышления имеет неоднозначную интерпретацию как в русском, так и в английском языках.

В результате проведенного лингвистического анализа была выявлена внутренняя структура данных эвристических концептов с точки зрения антропоцентрического подхода, «здорового смысла» и опыта восприятия мира человеком.

Для анализа был представлен большой корпус эвристических научных контекстов и словарных дефиниций в связи со сложностью и новизной исследуемых концептов.

Из перечисленных методов коллективного творческого мышления наиболее синтаксической активностью и сложностью внутренней структуры отмечается

концепт «мозговой штурм» brainstorming. При исследовании было выявлено большое количество словосочетаний, связанных с функционированием данных концептов. Преобладание словосочетаний объясняется необходимостью передачи специальных понятий, связанных с коллективным творчеством, которые трудно выразить одним словом, а также необходимостью из дифференциации и отражения видовых признаков.

Литература

- Клубиков 1979 – Клубиков Б.И. Краткий эвристический словарь-справочник. – Л., 1979. – 42 с.
- Краткий психологический словарь 1985 – Краткий психологический словарь. / Общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М.: Полигиздат, 1985. – 431 с.
- Кубрякова 2004 – Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: «Языки славянских культур», 2004. – 560 с.
- Лисичкин 1979 – Лисичкин В.А. О достоверности прогнозов. – М., 1979.
- Лук 1976 – Лук А.Н. Мышление и творчество. – М.: Политиздат, 1976. 141с.
- Пименова 2009 – Пименова Н.В. Введение в концептуальные исследования. Учебное пособие, вып. 5. – Кемерово, 2009. 143 с.
- Полия 1959 – Полия Д. Как решать задачу. – М., 1959.
- Попова 2001 – Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 192 с.
- Пушкин 1967 – Пушкин В.Н. Эвристика – наука о творческом мышлении. – М., Политиздат, 1967. – 271 с.
- Рябцева 2005 – Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М., Издательский центр «Академия». – 2005. – 626 с.
- Barron 1981 – Barron F. Creative person and creative process. – N.Y. – 1981. – 132 p.
- Chamber's 20th century dictionary 1986 – Chamber's 20th century dictionary. – Edinburg, 1986. – 750 p.
- Guilhooly 1982 – Guilhooly K.J. Thinking. Directed, undirected and creative. – London, 1982. – 175
- New Webster dictionary of English language 1993 – New Webster dictionary of English language. – N.Y. – 1993.
- Statt 1981 – Statt D. A dictionary of human behavior. – London, 1981. – 132 p.
- Webster's new universal unabridged dictionary 1983 – Webster's new universal unabridged dictionary. – N.Y. – 1983. – 41819 p.

Stevanovich, Raisa
Chernomorsky National University named
after Petro Mohyla , Ukraine
Stevanovych77@gmail.com

CONCEPTUALIZATION OF HEURISTIC CREATIVE THINKING METHODS (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC MATERIALS)

***Abstract.** The given article deals with the investigation and analysis of the most important concepts describing creative collective thinking. They are: Delphy method, Brainstorming, Synectics. The investigation and comparison are made both in English and Russian. The background of the nomination of the given concepts was found out using a great body of texts and dictionaries. A method of conceptual analysis was applied using an anthropocentric approach to the material investigated from the point of view of the “common sense” and personal experience of an individual based on the perception of the surrounding world and its linguistic picture. The inner structure of the concepts investigated and their collocations were found out and described as well.*

***Keywords:** Delphy method, Synectics, brainstorming conceptual anal.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В современной лингвистической литературе расширяется интерес к многоаспектному анализу языковых единиц. В данной работе рассматриваются актуальные аспекты исследования обращения в монографиях, диссертациях, в научных статьях в периоде после ориентации лингвистики к антропоцентризму.

Ключевые слова: обращение, коммуникация, семантика, синтаксис, прагматика.

Длительное время обращение привлекало внимание грамматистов исключительно как одно из средств осложнения структуры простого предложения, и ему уделялось не очень большое место в синтаксических описаниях. С развитием теории речевой деятельности и изучением речевого этикета обращение оказалось в фокусе исследовательского интереса как основное средство призыва к собеседнику и как один из специфических элементов национальной картины мира. Ориентация лингвистики к антропоцентризму выявила и другие аспекты изучения этой единицы – ее связь с социолингвистикой, психолингвистикой, теорией речевой коммуникации и др.

Как элемент речевой коммуникации обращение рассматривается в первую очередь как основное средство, служащее для осуществления начала речевого контакта и для удерживания внимания адресата во время речевой интеракции. С точки зрения речи оно изучается и в связи с коммуникативной целью и интенцией говорящего, с ситуацией общения и социально-ситуативными ролями участников (адресанта и адресата) в ней, с их гендерными, возрастными, профессиональными, психологическими и другими особенностями. Обращение играет важную роль в речевых тактиках и стратегиях коммуникантов и имеет существенное значение для осуществления речевой интеракции в режимах консенсуса или конфликта.

В русской лингвистической литературе обращение как языковая единица стало предметом углубленного исследования еще в XIX-ом веке. Долгие годы оно традиционно рассматривалось исключительно в разделе *синтаксиса*. Существенный вклад в изучение его специфики внесли А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, В.П. Проничев. В последние тридцать лет проблема обращения стала исследоваться исключительно с точки зрения его функционирования в речевом этикете. Этой проблематике посвящен целый ряд

работ Е.А. Земской, В.Е. Гольдина, Н.И. Формановской, М.А. Кронгауза, А.Г. Балакай, А.А. Балакай и др. В связи с развитием антропоцентрического подхода в лингвистике новейшие исследования посвящены изучению прагматического потенциала обращения (Т.Е. Янко, М.А. Кронгауз, А.А. Балакай и др.) [цит. по: Стойкова 2015: 8].

Обращение является объектом исследования во многих диссертационных работах. Тематика диссертационных исследований обращения после 2000 г. охватывает его описание в следующих аспектах: системно-языковые особенности и лингвистический статус [Пляскова 2002; Дохова 2007; Щербинина 2007; Ихлясова 2008]; обращение как элемент речевого этикета [Сухова 2001; Балакай 2005]; в свете когнитивной лингвистики [Бугакова 2001]; текстообразующие функции обращения и его функционирование в различных типах текста и дискурса [Ибрагим 2004; Лупашку 2007; Черняева 2008; Али 2009; Степихова 2009]; коммуникативно-прагматический аспект обращения [Минина 2000; Ромазанова 2007; Попова 2009]; фатическое и социокультурное описание обращения [Гущина 2006; Айсакова 2008; Кожухова 2009]; несколько работ посвящено национально-культурным особенностям обращений [Ларина 2003; Буравцова 2007].

Обращение является также объектом исследования в отдельных статьях, в которых оно рассматривается с разных ракурсов: как часть функционально-семантического поля апеллятивности [Комлева 2006; Войводиц 2011]; как часть категории звательности [Даниэль 2008, 2009]; в рамках речевого этикета [Балакай 2002; Баракова 2005; Формановская 2010]; как специализированное средство установления речевого контакта [Таранцей 1998а, 1998б]; как часть диалогической коммуникации [Колокольцева 2001; Жукова 2010]; функционирование обращения в различных типах дискурса [Захарова 1988; Маркосян 2008; Формановская 2009; Голикова 2009; Леонович 2010; Янко 2010]; в различных социолектах [Дьячок 2005]; системно-структурный аспект и семантическая структура обращения [Козловская 2003; Выходцева 2004; Янко 2009, 2011]; речевой акт обращения [Онипенко 1993; Останин 1996; Минина 2006]; проблема перевода обращений [Тарасов 2009а, 2009б; Староверова 2009]; антропонимы в функции обращения [Супрун 2001]; деминутивы в функции обращения [Левонтина 2005; Ярмолюк 2012]; в лингвокультурном аспекте [Лунева 2011]; в социолингвистическом и прагматическом аспектах [2000; Борисова 2007]; жанр обращения [Кондратенко 2007; Корнева 2011] и др.

Количество собранных источников подтверждает повышенный интерес к исследованию обращения в русской лингвистике. Углубленный анализ всего эскерпированного материала показывает, что актуальность исследования этой языковой единицы обусловлена различными факторами:

1. Обращение занимает исключительно важное место в процессе речевой коммуникации, это языковая единица служит для осуществления фатической функции языка. Оно является вводящей, интродуктивной формой в любой разновидности речевого общения людей. От его правильного выбора в очень большой степени зависят как тональность и характер речевого общения коммуникантов, так и сила его воздействия на адресата и достижение его коммуникативной цели.

Обращение является важнейшим элементом речевого этикета. Правила его употребления заложены в нормах этикета каждого отдельного языка.

Эта языковая единица имеет очень высокую частотность употребления в разговорной речи и в ее репрезентации в дискурсах различного типа.

2. Форма обращения интересна для исследования своим семантическим синкретизмом – она несет в себе многопластовое семантическое наполнение и дает информацию об интенциях и различных характеристиках участников речевого акта – адресанта и адресата, об их статусе и взаимоотношениях, а также и об особенностях ситуаций, в которых проходят конкретные акты речевой коммуникации. В вокативной форме заложено несколько типов информации социально-статусного, возрастного, психологического, гендерного, этнокультурного и т. д. характера.

3. Коммуникативная ценность обращения становится особенно очевидной в процессах межкультурной коммуникации. Владение этикетными формулами вежливого обращения к собеседнику является предпосылкой к успешному развертыванию общения с носителями другой культуры. Нарушения в выборе обращения могут привести к коммуникативным срывам и неудачам.

4. Актуальность проблемы определяется также и выбором форм обращений, который в наибольшей степени зависит от индивидуальных особенностей коммуникантов. В первую очередь на него оказывают влияние замысел и цель говорящего лица в определенной коммуникативной ситуации. Далее набор определенных познаний по речевому этикету (в том числе и адекватный выбор обращения) зависит от таких факторов, как возраст говорящего, его образование, пол, воспитание, местоживание и др. Поэтому и обращения, используемые говорящим, являются принадлежностью не только социолекта, но и его собственного идиолекта. „В идиолекте каждого члена языковой общности существует практически неограниченное множество номинативных форм обращений, посредством которых говорящий регулирует свои межличностные отношения, показывая свою принадлежность к определенной социальной группе“ [Кожухова 2009].

5. Изучение обращения является актуальным и с точки зрения динамики развития языковых систем. Это такая языковая форма, которая очень быстро и

четко реагирует на любые социальные сдвиги в обществе. В системе обращения сосуществуют в один и тот же отрезок времени обращения архаические, устаревшие, малоупотребительные и обращения новые, жаргонные, сленговые, модные, обращения, заимствованные из других языков, окказионализмы и т. д.

6. В современной лингвистической литературе расширяется интерес к многоаспектному анализу языковых единиц. Своей полифункциональностью, семантическим синкретизмом, богатой прагматической палитрой и национально-культурной спецификой обращение дает богатый материал для наблюдения над реализацией разнообразных функций языка.

Изучение такой многофункциональной единицы как обращение, неразрывно связанной с человеческим общением, вряд ли ограничится во времени. Динамические процессы в языках, ведущие к появлению новых способов адресации и социальной регуляции общества, и в будущем станут предпосылкой для поиска новых аспектов исследований этой универсальной коммуникативной единицы.

Литература

- Айсакова 2008 – Айсакова Е.А. Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2008, 24 с.
- Али 2009 – Али Н.Ф. Семантика и функции обращения в поэтической речи: на материале поэзии Б. Ш. Окуджавы. Дис. канд. филол. наук. М., 2009, 156 с.
- Балакай 2005 – Балакай А.А. Этикетные обращения: Функционально-семантический и лексикографический аспекты. Автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2005, 23 с.
- Баракова 2005 – Баракова М.Г. Лингвистическая природа и прагмакогнитивные функции обращения (на мат. современной англоязычной художественной прозы). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2005, 181 с.
- Борисова 2007 – Борисова Л.А. Социолингвистическая и прагматическая обусловленность обращения. // Международная научная конференция аспирантов и студентов „Человек, психология, экономика, право, управление: проблемы и перспективы”. Минск, 2007, с. 353-354.
- Бугакова 2001 – Бугакова Н.В. Категория обращения в свете когнитивной лингвистики. Автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2001, 134 с.
- Буравцова 2007 – Буравцова Н.Ю. Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и сущность. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2007, 21 с.
- Войводич 2012 – Войводич Д.П. Обращение на фоне других разновидностей апеллятивности (на материале русского и других славянских языков). // Славянская историко-культурная и языковая ситуация, Славянск-на-Кубани, Издательство КубГУ, 2012, с. 266–284.

- Выходцева 2004 – Выходцева И.С. О проблеме общеупотребительного обращения в русском языке. // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.). Труды и материалы. Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 2004, с. 211-212.
- Голикова 2009 – Голикова В.В. (Звягинцева) Антропонимические средства адресации в семейном дискурсе. // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. Ю. Сазоновой. Курск: КГУ, 2009, №2(6), с. 52-58.
- Гущина 2006 – Гущина Л.В. Фатическая функция обращений в диалогической речи: На материале современного английского языка. Автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006, 19 с.
- Даниэль 2008 – Даниэль М.А. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез. // Исследование по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., Гнозис, 2008, 439-448.
- Даниэль 2009 – Даниэль М.А. „Новый” русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпусов письменных текстов. // Корпусные исследования по русской грамматике. Москва, ПРОБЕЛ-2000, 2009, с. 224-244.
- Дохова 2007 – Дохова З.Р. Лингвистический статус обращения (на материале русского и кабардино-черкесского языков). Автореф. дис. канд. филол. наук. Нальчик, 2007, 21 с.
- Дьячок 2005 – Дьячок М.Т. Формы обращения и клички в солдатском аргю. // Материалы Шестой научной конференции. Новосибирск, 2005, с.170-172.
- Жукова 2010, электронный ресурс – Жукова Т.С. Обращение как инструмент построения эффективных диалогических коммуникаций (на примере делового общения). // Интернет-конференция „Диалогические коммуникации в бизнесе”, с 1.10.10 по 28.10.10, <http://www.voeto.ru/nuda/obrashenie-yavlyetsya-pervoelementom-dialogicheskikh-kommunika/main.html> (дата обращения 26.08.2015 г.).
- Захарова 1988 – Захарова В.Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А.П. Чехова. // Языковое мастерство А.П. Чехова. Ростов-на-Дону, 1988, с. 110-115.
- Ибрахим 2004 – Ибрахим Б. Типы и функции русского обращения как именованная адресата в разных видах словесности. Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 2004, 24 с.
- Ихлясова 2008 – Ихлясова Б.И. Структурно-семантическая и функциональная характеристика обращений в кумыкском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук, Махачкала, 2008, 20 с.

- Кожухова 2009 – Кожухова Л.В. Обращение как индикатор социальных и межличностных отношений. Автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2009, 22 с.
- Козловская 2003 – Козловская Т.Н. Семантическая структура обращений как языковых единиц. // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 4-5. Красноярск, 2003, с. 93-102.
- Колокольцева 2001 – Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, Изд. Волгоградского университета, 2001, 260 с.
- Комлева 2006 – Комлева Е.В. Апеллятивность как функционально-семантическая категория (на материале современного немецкого языка). // Вестник ОГУ № 11, Ноябрь, 2006, с. 214-220.
- Кондратенко 2007 – Кондратенко Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения. <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/45.htm> (дата обращения 26.08.2015 г.).
- Корнева 2011 – Корнева М.В. Новогодние обращения президентов М. Медведева и Н. Саркози как отражение национальной риторической традиции политической речи. // Вестник Московского Университета, сер. 9. Филология, 2011, №2, с. 135-142.
- Ларина 2003 – Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: На мат. английской и русской коммуникативных культур. Дис. канд. филол. наук. М., 2003, 495 с.
- Левонтина 2005 – Левонтина И.Б. Милый, дорогой, любимый... // Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва. Языки славянской культуры, 2005, с. 238-246.
- Леонович 2006 – Леонович Е.О. Об использовании некоторых традиционных норм обращения в английском языке. // Иностранные языки в школе. 2006, № 5, с. 87-92.
- Лунева 2011 – Лунева В.В. Обращение в русской лингвокультуре: сохранение традиций или нововведения. // Актуальные вопросы филологии и культурологии: материалы Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2011, с. 114-118.
- Лупашку 2007 – Лупашку Т.Г. Обращение и его текстообразующие функции в прозе и поэзии А.С. Пушкина. Автореф. дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2007, 22 с.
- Маркосян 2009 – Маркосян Г.Э. Особенности фатического общения и контактоустанавливающей функции. // Материалы XXXVIII науч.-техн. конф. по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2008. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009, Т. 2, 208 с.

- Минина 2000 – Минина О.Г. Обращение в современном английском языке: Коммуникативно-прагматический аспект. Автореф. дис. канд. филол. наук. Белгород, 2000, 15 с.
- Минина 2006 – Минина О.Г. Речевой акт обращения с имплицатурой и проблема понимания. // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве, 07-10.04.2006. Пятигорск www.vpn.pglu.ru.
- Онипенко 1993 – Онипенко Н.К. Способы установления речевого контакта, обращение. // Русский язык в школе, №3, М., 1993, с. 43-50.
- Останин 1996 – Останин А.И. К основам анализа адресатной соотносительности обращения и высказывания (на материале русской разговорной речи). // Филологические науки, №3, 1996, с. 64-71.
- Пляскова 2002 – Пляскова Е.А. История обращения в русском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2002, 19 с.
- Попова 2009 – Попова Е.И. Личное имя в коммуникативном аспекте. На материале обращений в студенческой среде. Автореф. дис. канд. филол. наук. Смоленск, 2009, 21 с.
- Ромазанова 2007 – Ромазанова О.В. Коммуникативно-прагматические аспекты обращения в разноструктурных языках. На мат. английского и татарского языков. Автореф. дис. канд. филол. наук. Казань, 2007, 23 с.
- Староверова 2009 – Староверова М.И. Особенности перевода обращений с русского языка на английский в произведении Ф.М. Достоевского „Преступление и наказание”. // Язык и культура: новый взгляд: Сб. статей. Сост. и отв. ред. Л.Ю. Щипицина, Е.В. Тряпицына. Архангельск, Поморский университет, 2009, 152 с.
- Степихова 2009 – Степихова Н.В. Функциональные и текстуальные особенности обращений в лирическом тексте. На мат. русской поэзии 1-ой трети XX века. Автореф. дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009, 26 с.
- Стойкова 2015 – Стойкова Н.С. Семантико-синтаксические и прагматические характеристики обращений в русском и болгарском языках. Дис. Шумен, 2015, 218 с.
- Супрун 2001 – Супрун В.И. Антропонимы в вокативном употреблении. // Аспекты ономастических исследований. № 20 (2001). Гуманитарные науки. Вып. 4, с. 92-96.
- Сухова 2001 – Сухова Е.Ф. Лингвокультурологический анализ русского речевого этикета (обращение) на фоне арабской речевой культуры. Дис. канд. филол. наук. Москва, 2001, 207 с.

- Таранцей 1998а – Таранцей Ю.В. Национально-культурная специфика средств установления контакта в русском, английском и американском общении. // Культура общения и ее формирование. Вып. 5. Воронеж, 1998, 45 с.
- Таранцей 1998б – Таранцей Ю.В. О национальных особенностях установления контакта в общении. // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998, с. 58-59.
- Тарасов 2009 – Тарасов В.М. Перевод обращений на примере семантического поля „Нег/Господин”. // Вестник Московского Государственного Областного Университета, Серия Лингвистика, № 4, Москва, 2009, с. 172-175.
- Тарасов 2011 – Тарасов В.М. Особенности перевода обращений (на материале немецкого и русского языков). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2011, 24 с.
- Формановская 2000 – Формановская Н.И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. // Специализир. вестник КрасГУ, Красноярск, 2000, с. 83-88.
- Формановская 2010 – Формановская Н.И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. // Специализированный вестник КрасГУ. Красноярск, 2000. Вып. 11. С. 83-88.
- Черняева 2008 – Черняева А.Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX-первой четверти XX века. Автореф. дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2008, 24 с.
- Щербинина 2007 – Щербинина И.В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании. Автореф. дис.канд.филол. наук. Краснодар, 2007, 19 с.
- Янко 2009 – Янко Т.Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции. // Междунар. конф. „Диалог 2009”. Вып. 9 (15). М., РГГУ, 2009, 620 с.
- Янко 2010 – Янко Т.Е. Обращения в структуре дискурса. // Логический анализ языка. Москва: Индрик, 2010, с. 456-468.
- Янко 2011 – Янко Т.Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей. // Язык и речевая деятельность. Т. 11. Санкт-Петербург, 2011, с. 239-255.
- Ярмолук 2012 – Ярмолук Е.М. Эмоционально-оценочные обращения в польском и русском (зоонимы). <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/thesis/s028/s028-020.pdf> (дата обращения 07.09.2015 г.).

Stoykova, Nadezhda
Lecturer, PhD at Department of Russian Language
Konstantin Preslavsky University, Shumen, Bulgaria
stoikovans@abv.bg

THEORETICAL APPROACHES ABOUT STUDY OF ADDRESS IN RUSSIAN LINGUISTIC LITERATURE

***Abstract.** The modern linguistic literature is observing extensive interest about multidimensional language units analysis. This article examines actual aspects of research of the reference in monographs, phd theses, in scientific articles in the period after linguistics's anthropocentric orientation. This new paradigm revealed other aspects of the study of the address – its relation with sociolinguistics, psycholinguistics, the theory of speech communion, etc.*

***Keywords:** address, communication, semantics, syntax, pragmatics.*

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию образной составляющей как структурной основы концепта. Изучение образной составляющей концептов осуществляется на примере русского и болгарского концептов пирог / баница посредством анализа современных медийных метафор как средства объективизации концептов и позволяет сделать вывод о том, что концептуализация современной действительности осуществляется на основе когнитивной модели пирог / баница – ресурс.*

Ключевые слова: *концепт, образная составляющая, метафора, лингвокультурная ситуация.*

В настоящее время изучение концепта становится одним из центральных направлений гуманитарной науки. Интерес к концептуальным исследованиям обуславливается спецификой современной научной парадигмы, в соответствии с которой языковая единица оказывается зависимой от процессов категоризации и концептуализации действительности, осуществляемой человеком на основе своего опыта и знаний о мире. Концепт воспринимается исследователями в качестве сложного и многомерного образования и определяется как дискретная, ментально-когнитивная единица, регламентируемая культурным фактором, которая предназначена для структурирования и хранения знания в сознании человека, а также его репрезентации языковыми средствами (С.А. Аскольдов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Д.С. Лихачев, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и многие другие). Мнения исследователей расходятся в отношении характера структуры концепта и количества составляющих его компонентов.

Исследователи приходят к выводу о том, что когнитивный концепт формируется в сознании человека на основе непосредственного чувственного опыта (при этом перцептивный/чувственный образ становится ядром концепта), предметной деятельности, мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами, из языкового общения или путем сознательного познания языковых единиц [Попова, Стернин 2001: 40]. Содержательными формами концепта, обеспечивающими его смысловое единство, называются образ, понятие и символ [Колесов 2002: 42; 2004: 19-20], находящиеся на разных ступенях кодирования, где образ представляет собой психо-культурную основу знака.

В современных концептуальных исследованиях важное место занимает изучение именно образной составляющей концепта. Исследователи условно

подразделяют ее на перцептивную (или образно-перцептивную, предметно-образную) составляющую как непосредственное чувственное отображение денотата и образно-метафорическую (или метафорическую, неперцептивную, когнитивную) составляющую как квазисенсорное отображение объекта. К образной составляющей некоторые исследователи относят и прецедентный компонент, в силу устойчивости и действия образных ассоциаций с конкретным номеном.

Концепт утверждается в науке в качестве единицы мышления, а, как известно, человек воспринимает и познает мир на образной основе. В ходе эволюции происходит изменение способов концептуализации действительности. Прежде всего, это связано с особенностями архаичного и современного типов мышления. В основе каждого из указанных типов лежит определенная методология, которая сознательно или бессознательно формируется как отражение накопленного эмпирического опыта, на основе ощущения или осмысления мира. М. Мюллер подчеркивает противоречивый, диалектический характер мышления человека. Автор пишет: «Разве мы не употребляем выражений, которые после строгого анализа оказались бы лишены всякого вещественного основания, покоясь как земля на слоне, а слон на черепахе, качающейся в беспредельном пространстве?» [Мюллер 2002: 242].

Синкретизм мышления древнего человека на базе сочетания субъективного и объективного обуславливает существование мифологии как мировоззрения, основанного на образном эмоционально-чувственном восприятии мира и осмыслении окружающей действительности на основе бинарных оппозиций. В сферу действия мифологического мышления входят вера и суеверия, фольклор, моральные ориентиры и поведенческие нормы, стереотипы и представления национально-культурной общности, составляющие традиционный слой культуры. Во многом традиционные ценности детерминируют особенности самосознания и менталитета народа. Миф, сохраняемый языком, дает современному человеку готовую схему поведения и обуславливает его действия. Следовательно, можно говорить о «двойственной оценке мифологического мышления» [см. Топорков 1997: 311]. С одной стороны, миф рассматривается как закономерная и специфическая особенность восприятия и познания мира человеком на ранних стадиях развития, а с другой – признается в качестве вневременной составляющей мышления.

Репродуктивность мифа, о которой говорит М. Элиаде [2000: 12], обуславливает специфику вневременного функционирования мифем или мифологем, как структурных единиц мифа, делает их активными и сейчас. В современном мире миф как результат технизации общества принимает форму ритуала, культа, вызывая изменение социального нормирования и коммуникационных средств [Giesecke 1998: 211-212 цит. по Питина 2002: 137-138]. Это, в свою очередь, обуславливает изменение когнитивной памяти и деформацию концептуальной системы человека, сознательно помещаемого на грани реального и вымышленного.

Современные исследователи, базируясь на теории единства мышления, воспринимают мифологическое мышление в качестве одного из видов мышления, направленного на объяснение мира, но функционирующего при дефиците знаний. Есть утверждения, что действие мифологического мышления осуществляется посредством наличия в сознании особой мифологической концептосферы [см. Питина 2002: 5]. Отголоски мифологического мышления находят реальное отражение в наши дни в бинарных оппозициях в структуре концептуальной метафоры. Образное восприятие окружающей действительности лежит в основе конкретно-образного, наглядно-образного, ассоциативно-образного, абстрактно-образного мышления. Различие относится к механизму самой мыслительной операции, проявляющемуся по-разному на разных этапах развития. Указанные формы мышления можно рассматривать не только в качестве ступеней развития человеческого познания, но и в качестве аспектов единого мыслительного процесса [см. подр. Рубинштейн 2003]. Исследователями доказано, что самым поздним продуктом исторического развития является словесно-логическое мышление, а переход от наглядного к абстрактному мышлению составляет одну из линий этого развития, последовательными стадиями которого служат наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление.

Определенную аналогию сказанному выше можно установить, анализируя стадийность развития метафоры и процесс ее кодификации в языке. В ходе метафоризации отображение конкретной сферы-источника в сознании человека вызывает образно-ассоциативное представление, на базе которого происходит формирование нового понятийного знания. Вследствие чего понимание как последняя стадия когнитивного процесса также основывается на образе, вызывающем к общей мысли, а впоследствии, посредством создаваемых новых оттенков, происходит его когнитивное расширение и обновление.

Таким образом, когнитивная метафора видится продолжением мифа и ритуала, поэтому в образной составляющей концепта прослеживается отображение традиционного знания, обусловленного мифологическим способом мышления как разновидностью наглядно-образного познания мира [Стоянова 2008: 27-36; Стоянова 2013: 44-53]. Метафора является незаменимым способом представления и структурирования знания о мире, средством отображения ментальных процессов в языке и инструментом создания нового знания. В аспекте междисциплинарных разработок метафорическое основание служит в качестве узлового связующего элемента в процессе взаимодействия многогранного научного знания. Метафорический анализ позволяет выявить ассоциативные векторы как когнитивные смыслы, лежащие в основе концепта и формирующие его образную составляющую.

Целью данной статьи является изучение образной составляющей концепта *пирог* и болгарского концепта *баница*. Выявление сходства и различий в реализации метафорических образов осуществляется на материале

современных российских и болгарских медиатекстов разной жанровой направленности, эксцерпированных из печатных и электронных средств массовой информации (СМИ).

Рассматриваемые концепты можно отнести к артефактным концептам-предметам, играющим в русской и болгарской культуре важную роль. Понятийная область кулинарии и пищи представляется традиционным средством концептуализации окружающей действительности, имеющим глубокие мифологические корни. Ритуальная и обрядовая культура соотносится с приготовлением культовых блюд, формированием определенных пищевых запретов и табу.

Жизнь и деятельность древнего человека предполагала непрерывный контакт с природой и была нацелена на установление определенного баланса во взаимоотношениях с ней. В этом смысле еда воспринималась в качестве ежедневного воссоединения человека с миром природы (Г. Гачев, К. Леви-Стросс) и выступала своего рода средством нейтрализации (а по терминологии В.Н. Топорова [1980: 427], *медиатором*) в дихотомическом противоречии природа – культура. В коммуникативном аспекте еда как знак дара представлялась посредником в преодолении противоречия свой – чужой. Магической силой наделялись как жертвы (ритуал жертвоприношения), так и дары (ритуал угощения). Таким образом, мифология еды реализуется, с одной стороны, в категории сакральной, культовой пищи, а с другой – в символизации в лингвокультуре определенных продуктов и блюд и формировании культурной коннотации данных лексем.

Русские и болгарские кулинарные и пищевые образы уходят своими корнями в глубокую древность, они тесно связаны с жизнью и бытом славян, славянскими ритуалами, обрядами и играми. Русск. *пирог* и болг. *баница* являются разновидностями хлеба, характеризуются ритуальным использованием, они символичны и значимы для обоих народов. Название **pirogъ* является общим для восточных и западных славян, но в значении ‘выпеченное изделие с начинкой’ лексема употребляется только в русской лингвокультуре. Для южных славян, в том числе для болгарской культуры, характерны изделия из слоеного теста, типа *баница*.

Включение указанных элементов в процесс метафорического осмысления современной действительности является неслучайным. Тесно связанная с бытом и повседневной жизнью человека кулинарная метафора отличается явным традиционализмом, трансляцией доступного и понятного всем знания. Как показывает языковой материал, объективация образной составляющей концептов в русском и болгарском медиадискурсах характеризуется определенным сходством. В ее основе лежит когнитивная модель *пирог / баница – ресурс*, посредством которой происходит восприятие и представление мира национально-культурными общностями.

Ритуал разрезания выпеченного *пирога* перед подачей на стол транслируется посредством образа распределения ресурсов. Устойчивость образа подчеркивается отображением его во фразеологии: *делить пирог* ‘враждовать, ссориться из-за разделения территории, имущества, власти, полномочий и т. п.’; *урвать свой кусок пирога* ‘добиться некоторой доли при дележе чего-либо’; *пристроиться к пирогу, поживиться от общего пирога* ‘о каком-либо деле, предприятии, сулящем хорошую выгоду’. Чаще всего данные метафоры имеют пейоративную оценку.

Например, ср.: русск. *Дележка бюджетного пирога не должна вестись только чиновниками и депутатами* (Независимая газета 29.11.2005); *Чем больше у государства денег, тем больше появляется желающих «откусить» от бюджетного пирога* (Независимая газета 13.04.2005); болг. *Накратко – баницата пак ще се дели между наши си хора* (Дума 12.12.2015); *Тройна коалиция, съставена от партии, които привидно не можеха да се гледат, а после цинично плеснаха с ръце, прегърнаха се и разделиха държавната баница по формулата 3:5:8* (Стандарт 06.07.2009). В указанных примерах посредством ярких образов деления пирога / баницы происходит осмысление распределения государственного бюджета.

Пирог / баница как образное представление *финансовых средств / ресурсов* появляется в различных сферах жизни общества (русск. *пирог собственности, нефтяной пирог, туристический пирог, экономический пирог, государственный пирог, пирог рынка / рыночный пирог, медиа пирог, космический пирог, мировой пирог, трансферный пирог, смартфонный пирог, рекламный пирог, медиарекламный пирог, автомобильный пирог, стальной пирог, пирог мировых грузоперевозок, энергетический пирог, советский пирог, национальный пироги* др., болг. *футболна баница, социологическа баница, държавна баница, баница “Данък общ доход”, социална баница, партийна баница, обществена баница* и др.). Ср.: русск. *Но все-таки, наверное, дело не в рейтинге и связанном с ним напрямую **рекламном пироге**, а именно в том, что хорошего качества никто с телевидения не спрашивает* (Время новостей 29.08.2007); *Местные власти решили сделать поездки более организованными, а заодно отхватить свой кусок от **туристического пирога*** (Новые известия 07.12.2007); *Основа экономического роста, включая экспорт-импорт, в любой стране – это рост личного потребления. Но это верхний слой **экономического «пирога»*** (Независимая газета 14.11.2005); болг. *Вариантите за разпределяне на **футболната баница** са два* (Стандарт 15.06.2011); *Изглежда, така се дели **държавната баница** в България – като загърбиш всякакви професионални критерии, обградиш се с обръчи от верни свои хора и после се правиш на светена вода ненапита, убеден, че тромавите бюрократични институции не могат да те пипнат* (Труд 04.06.2015); ***Баницата “Данък общ доход”** – кой какво парче да получи* (Протест 27.05.2015); *Някои вчера нескрито се радваха от случващото се воясно. Други отдавна довольно потриват ръце от разнобоя в левицата. Трети трескаво пресмятат какъв пай от **депутатската баница***

може да им се падне, ако тези така, а другите – еди-как си, се провалят (Дума 10.04.2012) и др.

Интересным является тот факт, что в рамках современной лингвокультурной ситуации в России ассоциации *пирога* как ресурса все более распространяются на нематериальные сферы (*пирог власти / властной пирога, коррупционный пирог, технологический пирог, политический пирог, пирог карьерного развития, информационный пирог, новостной пирог, пирог успеха, пирог безвизовый режим, пирог обязанностей* и др.), при этом реализуя значение ‘ценности, возможности, информация’. Например: *Автор сценария драматург Эрдман не успел вкусить от этого грандиозного «пирога» успеха* (Правда.РУ 14.09.2002).

Различия в представлении действительности на основе указанной модели наблюдаются при использовании разновидностей *пирога* и *баницы*, которые вносят дополнительный национально-специфический оттенок в семантику метафоры. Прежде всего, это начинка изделий (русск. *сладкий пирог, пирог с начинкой*; болг. *зелник* – вид баницы с капустой и др.).

В русском пироге начинка представляется важной и неотъемлемой его частью. На ее значимость указывают наименования для пирогов без начинки, созданные по модели *пирог с начинкой*: тверской пирог «с нетом», сибирский пирог «с таком» или ярославские и новгородские пироги «с амином». Например: русск. *После эйфории 90-х годов сейчас складывается более или менее адекватная картина по поводу объёма начинки «каспийского пирога»* (Независимая газета 04.11.2002); *Итак, речь идёт о заказах в десятки миллиардов долларов в ближайшие пять лет и 80% этого сладкого пирога достанется местным компаниям* (АЭИ «ПРАЙМ-ТАСС» 28.12.2001).

В болгарской банице начинка, чаще всего, является видообразующим компонентом: *зеле* – *зелник* (вид баницы с капустой), *лук* – *лучник* (вид баницы с луком), *лапад* – *лападник* (вид баницы со щавелем), который определяет разновидность изделия (несмотря на то, что в болгарской кухне существуют номинации: *баница с праз, баница със спанак, баница с коприва, баница с месо, баница с киселец, баница с ориз*). Например, болг. *Цачева «сервира» зелник, изяли сме били постната пица* (Дума 16.05.2011).

Кроме того, в современном болгарском медиадискурсе обыгрывается традиция запекать в баницу *късмет* (символ удачи) – это так называемая *баница с сюрпризом (баница с късмет)*. При изготовлении данного изделия внутрь кладут (серебряную) монетку как символ достатка, веточку кизила (болг. *дрян*) как символ здоровья и благополучия и др. В СМИ болгарская баница также содержит сюрпризы, которые неожиданно может получить народ. Например: *Баница с късмети ще завърти и столичното парно. През следващата година*

бонуси ще зарадват хората, които си плащат редовно сметките (Стандарт 27.12.2010); *Министър търси късмет в кметска баница* (Фактор 29.12.2010).

В основе различий между русской и болгарской медийными метафорами лежит и осмысление техники и технологий приготовления изделий – *пирог / баница* (русс. *слоеный пирог*; болг. *вита баница, дърпана баница* и др.). Так, например, метафора слоеного пирога в русском медиадискурсе содержит сему многослойности, чтобы подчеркнуть многоуровневость, разрозненность или многокомпонентность чего-либо. Например: русск. *Слоеный пирог неравенства* (Российская Газета 22.01.2004); *Нынешняя бюрократия представляет собой слоеный пирог, где причудливо перемешаны комсомольские вожаки, партсекретари горбачевских и даже брежневских времен, молодые специалисты из научной среды и бизнеса* (Независимая газета 16.02.2006).

Семантика многослойности отсутствует в болгарской банице (хотя баница – это изделие из слоеного теста). Собранный материал содержит единичное употребление метафоры с семантикой пестроты и многокомпонентности в болгарском медиадискурсе: *„Баницата“ управлява общините. Многоцветни коалиции по интереси крепят властта на кметове* (Труд 18.11.2015).

Разновидностью болгарской баницы по способу (или технике) ее приготовления является *вита баница* (букв. витая баница, которая скручивается в виде спирали вместе с начинкой). В болгарских медиатекстах используется метафора *вита баница*, формирующаяся на основе перцептивного образа, который включает сему спиралевидного оформления. Например: *Развихме се като вита баница* (БТР 30.06.2009).

Особенности образного представления окружающей реальности связаны с технологией приготовления баницы и закрепившегося в языковом сознании болгар образа *дърпана баница*. Приготовление такой баницы связано с растягиванием теста (от глагола *дърпам* ‘тянуть, тащить, дергать, рвать’). Ассоциации технологического приема приготовления баницы (тесто букв. рвется на части, растаскивается) обуславливают формирование в метафоре семантики рвательства – каждый пытается урвать кусок для себя. Например: болг. *Дърпана баница. Днес един 10-месечен бюджет трябва да бъде раздърпан като тесто за баница така, че да стигне за 12 месеца* (Дума 04.11.2013).

Большинство созданных в медиатекстах метафор содержит эмотивную (как положительную, так и отрицательную) коннотацию (русс. *вкусный, аппетитный, большой, сочный, халявный пирог* или болг. *опоскана, мазна, разложена, топла, вкусна баница*). Например: русск. *К дележу халявного пирога они не успели, и государство сделало для них что смогло* (Российская Газета 06.02.2007); болг. *България е мазна разложена баница* (11.12.2002; Сега 31.12.2005) и др.

Таким образом, в современном языковом сознании концепты (русск. *пирог* и болг. *баница*) крепятся на когнитивных метафорах / моделях и метафорических ассоциациях, которые базируются на перцептивных характеристиках, лежащих в основе метафорического моделирования. При изучении образной составляющей данных концептов установлено, что концептуализация современной действительности осуществляется на основе когнитивной модели *пирог / баница – ресурс*. В реализации данной модели в современных медиатекстах фиксируется различие между российской и болгарской метафорами, возникающее на базе специфических ассоциаций и наглядных образов практической деятельности народов.

Литература

- Бабушкин 1997 – Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Дисс. ... дфн. Воронеж, 1997. – 330 с. / <http://www.dissercat.com/content/typy-kontseptov-v-leksiko-frazeologicheskoi-semantike-yazyka-ikh-lichnostnaya-i-natsionalnaya#ixzz4ehh8X7Bu>
- Витанова 2004 – Витанова М. Названия за ‘баница’ в българските диалекти в славянски и балкански контекст. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 212-217.
- Воркачев 2001 – Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2001. Т. 60, № 6. С. 47-58.
- Воркачев 2010 – Воркачев С.Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2010. – 299 с.
- Воркачев 2012 – Воркачев С.Г. Образная составляющая концепта happiness- // *Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии*. Волгоград, 2012, с. 12-16.
- Карасик 2004 – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. – 477 с.
- Карасик 2005 – Карасик В.И. Концепты-регулятивы. // *Язык, сознание, коммуникация*. Сб. ст. М.: МАК Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95-108.
- Колесов 2002 – Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. – 448с.
- Колесов 2004 – Колесов В.В. Язык и ментальность: монография. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
- Коровина 2012 – Коровина А.Ю. Образно-перцептивные характеристики лингвокультурного концепта «superiority». // *Актуальные проблемы*

филологии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 59-61.

- Москвин 1997 – Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: Учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. Волгоград: Перемена, 1997. – 91 с.
- Мюллер 2002 – Мюллер М., Вундт В. История религии. От слова к вере. Миф и религия. СПб.: Эксмо, Terra Fantastica, 2002. – 864 с.
- Никитин 2004 – Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах. // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004, №1. С. 53-64.
- Питина 2002 – Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2002. – 364 с.
- Попова, Стернин 2001 – Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 40-62.
- Рубинштейн 1998 – Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003. – 713 с.
- Стернин 2008 – Стернин И.А. Структура концепта. // Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж, 2008. С. 172-184.
- Слышкин 2000 – Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. – 139 с.
- Стерин 2001 – Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с.
- Стоянова 2008 – Стоянова Е. От ритуала и мифа к метафоре. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания. М., 2008. №4, с. 27-36.
- Стоянова 2013 – Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2013. – 276 с.
- Топорков 1997 – Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие / <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 27.02.2015).
- Топоров 1980 – Топоров В.Н. Еда. // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1980. С. 427-429.
- Элиаде 2000 – Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. П. Большакова. 4-е изд. М.: Академический Проект, 2010. – 251 с.

ABOUT FIGURATIVE COMPONENT OF THE CONCEPT

***Abstract.** The paper is devoted to figurative component as the structural basis of the concept. The study of figurative component of concepts is carried out on the example of the Russian and Bulgarian concepts pie / banitsa through the analysis of modern media metaphors as a means of objectification of concepts and leads to the conclusion that the modern conceptualization of validity is based on the cognitive model of pie / banitsa is resource.*

***Keywords:** concept, figurative component, metaphor, linguistic and cultural situation.*

К ВОПРОСУ О ФОРМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТЕРМИНА

Аннотация. Данная статья посвящена одной из актуальных проблем лингвистической науки – вопросу о формальной структуре термина. В статье рассматриваются и описываются особенности простых и составных терминов на примере терминов отрасли автомобилестроения. В статье представлены типы терминологических словосочетаний, которые являются доминирующими в рассматриваемой области знания. Современные исследования в области терминоведения и лингвистики в целом показывают, что терминологические системы самых различных научных дисциплин содержат значительное количество составных терминов.

Ключевые слова: *термин, терминологическое словосочетание, формальная структура термина.*

Анализу *формальной структуры термина* посвящено множество исследований, в которых выделяются следующие вопросы для решения: 1) анализ и оптимизация формальной структуры термина; 2) объединение синхронного и диахронического подходов; 3) специфика терминологического словообразования; 4) различение простых и составных терминов.

В терминологических исследованиях, в которых термины рассматриваются на уровне формы, внимание многих лингвистов направлено на описание типовых морфемных моделей структуры терминов и закономерностей их формирования. Выявление степени продуктивности моделей, участвующих в создании специальных единиц определенной отрасли научного знания, позволяет уточнить способы, при помощи которых формировалась анализируемая терминология, а также позволяет прогнозировать пути ее дальнейшего развития. Цель такого анализа состоит в определении типов участвующих в словопроизводстве словообразовательных моделей. В процессе анализа выявляются отношения структурных типов номинативных единиц терминологии (простые слова, аффиксальные слова, сложные слова, словосочетания), функции формальных терминологических элементов лексико-грамматического характера (префиксы, суффиксы, корневые морфемы), которые в некоторой степени определяют характер развития и функционирования той или иной терминологии в языке.

Анализируя формальную структуру терминов, можно принять обобщенную формулировку В.П. Даниленко: «Для системы русского словообразования отмечают следующие основные тенденции: рост продуктивности ряда моделей, обслуживающих основные категории наименований (процессы, предметы, лица,

отвлеченные качества и др.), увеличение регулярности словообразовательных моделей, усиление специализации словообразовательных средств на выражении определенных значений» [Даниленко 1977: 114]. В основном, в таких же направлениях развивается и терминологическое словообразование.

На первом этапе анализа с точки зрения внешней формы термины делятся на термины-слова или однословные термины и термины-словосочетания (терминологические словосочетания) или составные, многокомпонентные.

Однословный термин состоит из одной лексической единицы и образуется по частотным деривационным моделям, многокомпонентный термин состоит из двух или более лексических единиц.

В большинстве случаев при образовании однословных терминов слово-основа дополняется словообразовательными элементами или одни словообразовательные элементы заполняются другими. Основное требование к таким терминам – это соответствие словообразовательным моделям литературного языка, в частности, принятым в данной терминологической системе, и унификация формы терминов одного классификационного уровня. Также к однословным терминам-словам относятся термины, образованные сложением основ, и термины, имеющие слитное или дефисное написание. Согласно мнению С.В. Гринева-Гриневича такое написание свидетельствует о разных стадиях превращения словосочетаний в сложные слова: раздельное написание заменяется написанием через дефис и закрепляется слитным написанием [Гринева-Гриневич 2008: 62]. Полученный таким образом термин либо соотносится с новым понятием (*металл – металлоид*), либо сохраняет то же значение, что и первоначальный термин (*шлифование – шлифовка, уплотнение – уплотнитель*). При образовании сложных слов-терминов можно выделить наибольшее количество необходимых признаков, уточняющих содержание основного термина.

Словосложение широко применяется для образования специальных терминов, так как вновь появляющиеся конкретные понятия могут быть выражены в наиболее полной мере лишь путем сложения двух и более основ, обладающих многообразной структурой и семантикой. Например, *автомобиль-самосвал, автомобиль-снегоочиститель, автостанция, автоцистерна, бензоочиститель, бензонасос* и др. В терминологических системах процесс словосложения характеризуется большой продуктивностью. Это объясняется тем, что при словосложении первостепенное значение имеет точность выражения специального понятия. Преимуществом сложных терминов является их способность сконцентрировать в одной языковой единице большое количество информации. По словам Г.О. Винокура «стремление к образованию сложных слов является естественным уже потому, что таким путем расширяется возможность образования новых слов из известного уже материала». Кроме этого, «очень часто действительно существует потребность выразить две идеи в одном слове» [Винокур 1939: 45-46].

В терминологических системах широко распространены составные наименования (словосочетания), которые являются одним из основных способов образования терминов. Следует подчеркнуть, что главной функцией составных терминов является их номинативная функция. Термины-словосочетания (ТС) представляют собой синтаксические конструкции, которые, так же как и слово, служат средством номинации, но сохраняют резкое отличие от отдельного даже сложного слова, так как представляют собой расчлененное обозначение одного понятия. При определении роли составных терминов в терминосистеме, важным является учет собственно лингвистических и экстралингвистических факторов.

Что касается отраслевых терминологий, можно отметить, что результаты многих проведенных исследований показывают, что научные понятия, конкретизируясь и расширяясь на фоне развития науки, становятся источником появления в языке многокомпонентных терминов. Таких терминов в отраслевых терминологиях большинство [Гринев 1993; Позднышева 2007; Ушкова 2007; Николаева 2011; Чернышова 2011]. Многокомпонентные термины в большей степени являются информативными, чем однословные. Как правило, в отраслевой терминологии однословные термины, являясь базовыми, номинируют родовые понятия, которые образуют понятийное ядро данной отраслевой терминологической системы.

Как уже отмечалось, анализ формальной структуры терминов присутствует в большинстве современных терминологических исследований. По причине того что термин номинирует специальное профессиональное понятие, его знаковая (семиотическая) сущность сложнее, чем у слова общеупотребительного. Являясь знаком специального понятия, «термин должен обладать целостностью структуры наименования» [Чернышова 2011: 14].

Продуктивность составных терминов определяется тем, что составные термины могут использоваться для обозначения понятия любого из выделенных в исследуемых терминосистемах макрополей, в то время как номинативные возможности однословных производных терминов ограничены. Последовательное присоединение к исходному однословному термину детализирующих слов используется в основном для конкретизации исходного понятия и для образования его видовых корреляций.

Основное количество составных терминов образуется посредством расширения производящих терминов распространителями, присоединенными к ним справа или слева, что ведет не просто к дифференциации этих терминов, а к сужению, детализации первоначальных понятий, обнаружению в них новых отличительных черт.

В.М. Лейчик справедливо отмечает, что «Структура терминов, имеющих форму словосочетаний, также зависит от преобладающих в данном языке моделей» [Лейчик 1986: 32]. Можно указать, например, что в русском и болгарском языках в соответствии с их грамматическими системами и синтаксическими

нормами преобладают терминологические словосочетания с прилагательным в функции препозитивного определения. В то время, как по синтаксическим нормам, например, французского языка определение стоит после определяемого слова [Попова 1985: 36-39]. С другой стороны, особенности грамматической системы национального немецкого языка ярко проявляются в создании терминов, представленных сложными многокорневыми лексемами, перевод которых, например, на русский язык, связан с использованием в качестве эквивалентных либо сочетаний слов, либо описательных конструкций [Ревина 2010: 214-222].

Опираясь на результаты многих проведенных исследований и критериев, касающихся отраслевых терминологий, можно отметить, что любая терминологическая система включает несколько групп терминов. Во-первых, это **базовые термины** и **основные термины**, обозначающие основные понятия данной отрасли (например, в рассматриваемой терминологии *шасси*, *двигатель*, *кузов* и др.). Во-вторых, **производные** и **сложные термины**, большая часть которых представлена словосочетаниями (например, *двигатель внутреннего сгорания*, *коробка передач*, *главная передача* и др.). И в-третьих, в составе терминосистемы также выделяются **привлеченные термины**, относящиеся к смежным отраслям знания, но необходимые для построения терминов данной отрасли (например, *атмосфера*, *генератор* и др.). По мнению В. М. Лейчика, для анализа структуры терминов необходимо также учитывать понятие терминоэлемента и связанный с ним вопрос об оптимальной длине термина, которая связана с формальным признаком оптимальной его структуры – с оптимальным набором терминоэлементов [Лейчик 2007: 50]. Проблема оптимальности формальной структуры термина связана с его содержательной структурой (набором признаков соответствующего понятия, отраженных в термине). Обычно простые понятия обозначаются терминами, состоящими из одного терминоэлемента, а производные и сложные понятия обозначаются производными терминами, сложными словами или словосочетаниями (например, сложное понятие *усилитель тормозного привода* выражено словосочетанием, сложное понятие *автобензоцистерна* – сложным словом). Идеальную структуру термина В.М. Лейчик определяет как структуру, при которой связи между терминоэлементами однозначно выражают логические связи между понятиями [Лейчик 2007: 52].

Признание словосочетания термином является в настоящее время неоспоримым фактом, так как значительное количество терминов в любой отраслевой терминологической системе представлено словосочетаниями. Использование ТС расширяет номинативные возможности языка.

По количеству составляющих компонентов термины могут быть двух-, трех-, четырехкомпонентными и многокомпонентными. Определительный компонент может состоять из трех, четырех и более слов. ТС создаются путем добавления к термину, обозначаемому родовое понятие, конкретизирующих признаков с целью получить видовые понятия, непосредственно связанные с

исходным понятием. Можно сказать, что такие термины представляют собой свернутые определения, подводящие данное понятие под более общее и одновременно указывающие на его специфический признак.

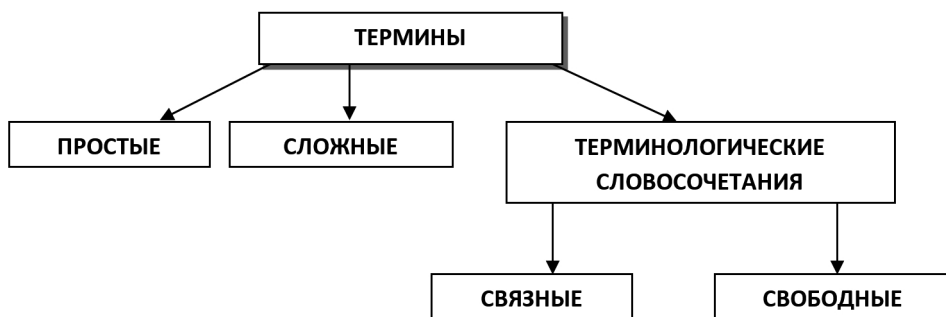
Многокомпонентные ТС с одной стороны могут отражать сущность большого многообразия сложных познаваемых явлений, и с другой стороны, уточнять, трансформировать и модифицировать уже существующие термины с целью более точного и полного выражения существенных признаков.

Ф.М. Березин считает, что в многокомпонентных языковых единицах реализуется выражение новых сторон того или иного понятия, объединенных как элементами сходства, так и элементами различия. В то же время, следует отметить, что процесс образования многокомпонентных терминологических словосочетаний сопровождается стремлением к экономии языковых средств [Березин, Головин 1979: 264-271].

Многокомпонентные словосочетания способны расчленяться на составные части. Однако, как отмечает И.С. Квитко, значение многокомпонентного терминологического сочетания «шире, чем сумма значений терминоположений, подобно тому, как сложное понятие не является механическим сочетанием лежащих в его основе более простых понятий» [Квитко 1976: 85-87]. Для составных терминов характерна явно выраженная связь между понятиями, соотносящимися с каждым терминоположением. Эта связь подчеркивается не только значением терминоположений, а также их формой и синтаксическими отношениями внутри словосочетания. С учетом разложимости многокомпонентные ТС разделяются на связные, где невозможна замена составляющих его элементов без нарушения семантической целостности всего сочетания, и свободные, под которыми понимаются ТС, где возможна синонимическая замена одного или двух составляющих его компонентов с сохранением семантической целостности всего сочетания.

Схематично формальную структуру термина можно представить следующим образом:

Схема № 1. Формальная структура термина



Увеличение длины ТС за счет определительных компонентов, конкретизирующих более общее понятие, объясняется как стремлением к точности выражения понятия, так и стремлением к устранению многозначности, ввиду увеличения компонентов в термине степень их многозначности понижается.

Проведенные в последнее время исследования, касающиеся соотношения однокомпонентных и многокомпонентных терминов, свидетельствуют о том, что количество многокомпонентных терминов в отраслевых терминосистемах намного превышает количество однокомпонентных. С.В. Гринев-Гриневиц утверждает, что «с помощью способа преобразования обычных свободных словосочетаний в сложные “эквиваленты слов” образуется 60–95% состава различных исследованных терминологий европейских языков, что свидетельствует о преобладании терминологических словосочетаний (составных терминов) над однословными терминами в современной терминологии» [Гринев-Гриневиц 2008: 135]. Можно отметить, что создание многокомпонентных сочетаний представляет собой закономерный и естественный процесс в развитии любой отраслевой терминологии.

Однословные термины по количеству значительно уступают многословным. Удельный вес составных терминов и терминологических словосочетаний растет по мере развития технологических процессов, механизмов и приспособлений.

Как уже было отмечено, для образования как однословных, так и многословных терминов, а также для их системной характеристики, соблюдение их единой структурной модели очень важно.

Литература

- Березин 1979 – Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. Учеб. пособие для студентов пед. инст-ов. Москва: Просвещение, 1979, 416 с.
- Винокур 1939 – Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. // Труды Московского института истории, филологии и литературы. Т.5. Сборник статей по языкознанию. Москва, 1939, 125 с.
- Гринев 1993 – Гринев С.В. Введение в терминоведение. Москва: Московский лицей, 1993, 309 с.
- Гринев-Гриневиц 2008 – Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2008, 304 с.
- Даниленко 1977 – Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977, 247 с.
- Квитко 1976 – Квитко И.С. Термин в научном документе. Львов: Издательское объединение «Вища школа», 1976, 125 с.
- Лейчик 1986 – Лейчик В.М. О языковом субстрате термина. // Вопросы языкознания. Москва: Наука, 1986. Вып. 5, с. 87-98.

- Лейчик 2007 – Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 3-е, Москва: ЛКИ, 2007, 256 с.
- Николаева 2011 – Николаева Н.С. Особенности формирования терминосистемы «сварка»: на материале лексики английского и русского языков. Дис. канд. филол. наук. Москва, 2011, 228 с.
- Позднышева 2007 – Позднышева И.Н. Сопоставительный анализ автомобильных терминосистем в английском, французском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007, 208 с.
- Попова 1985 – Попова М.Г. Термини-словосъчетания (из области на товароподемните и подемно-транспортните машини). София: БАН, 1985, 208 с.
- Ревина 2010 – Ревина Ю.Н. Особенности структуры автомобильных терминов в немецком языке. Вестник ИГЛУ, 2010, с. 214-222 // <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-struktury-avtomobilnyh-terminov-v-nemetskom-yazyke> (дата обращения: 20.08.2013).
- Ушкова 2007 – Ушкова Н.В. Особенности формирования терминологии «рельеф земной поверхности» в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007, 205 с.
- Чернышова 2011 – Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011, 41 с.

Данная работа выполнена в рамках докторской программы – защищенной в 2017 г. диссертации на тему «Терминология автомобилестроения: стилистический, структурно-семантический и лексикографический аспекты».

Terzieva, Tatyana

*Shumen University Konstantin Preslavski, Shumen, Bulgaria
tatianavasilieva_76@abv.bg*

ON THE QUESTION OF THE FORMAL STRUCTURE OF THE TERM

***Abstract.** This article observes one of the topical problems of linguistic science - the question of the formal structure of the term. In the article, the features of simple and compound terms are considered and described using the terms of the automotive industry as an example. The article presents the types of terminological word combinations that are dominant in the field of knowledge in question. Modern studies in the field of terminology and linguistics generally show that the terminology systems of the most diverse scientific disciplines contain a significant number of compound terms.*

***Keywords:** term, terminological phrase, formal term structure.*

ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ А.В. БОНДАРКО

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы грамматической семантики в зеркале теории функционально-семантической грамматики А. В. Бондарко. Объектом особого наблюдения являются такие понятия, как категориальное и некатегориальное значение, частное значение, дополнительное значение и т.д. В данном исследовании делается попытка системного описания принципов соотносительности этих понятий.*

***Ключевые слова:** категориальное значение, некатегориальное значение, частное значение, дополнительное значение, функциональная грамматика.*

Среди направлений современной лингвистики функциональный подход в исследовании и описании языкового содержания не теряет актуальности. Даже наоборот: он применяется в методологии различных лингвистических течений и школ – это, например, французский функционализм, английское направление функциональной лингвистики, функциональные направленные теории генеративной семантики, голландская функциональная школа С. Дика и т.д. Среди исследователей-функционалистов в России выделяются имена В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Н.А. Слюсаревой, Ю.С. Степанова, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева. К ним, несомненно, следует добавить и имя А.В. Бондарко с созданной им теорией функциональной грамматики.

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос о грамматической семантике является первостепенным в трудах А.В. Бондарко, и выяснение проблематичных зон в данной области предшествовало созданию целостной функционально-семантической теории. Тем более, А.В. Бондарко определяет классификационный (таксономический) подход как чрезвычайно значимый, так как он отражает и объясняет единства и отношения, существующие в языковой системе и в языковом знании [Бондарко 2002: 232], что предполагает недвусмысленное понимание отдельных абстракций. Как раз в научных работах А.В. Бондарко решается проблема сущности грамматических категорий, являющихся предметом исследования во многих более ранних трудах других лингвистов, но категории описывались слишком непоследовательно, или о них говорилось между прочим. Поэтому многие дефиниции других ученых в большой степени оказываются неполными или впадают во внутренние противоречия. Вклад А.В. Бондарко нужно искать прежде всего в обобщении того, что было сделано в этой области до него, в критическом взгляде на высшие языковые абстракции и в предложенных им выводах о сущности и принципах функционирования грамматических категорий. В определении грамматической

категории, данном А.В. Бондарко, ставится акцент на системном характере категорий, существующих лишь в виде оппозиций противопоставленных форм с однородным содержанием. На этом базисном понятии зиждется теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, и, таким образом, отвергается возможность приравнения друг к другу терминов *грамматическая категория*, *часть речи* и *лексико-грамматический разряд*. При этом нужно помнить, что в своих исследованиях А.В. Бондарко опирается на некоторые идеи А.А. Потебни, О. Есперсена, И.И. Мещанинова, которые он переосмысляет и развивает дальше в целях собственной теории. Предметом особого наблюдения в настоящей статье являются термины *категориальные* и *некатегориальные значения*, *частные* и *дополнительные значения*, которые часто обнаруживаются в исследованиях А.В. Бондарко.

А.В. Бондарко называет *категориальными* значения, присущие грамматическим классам и единицам – классам морфологических форм и каждой словоформе как единице, входящей в данный класс, а также классам синтаксических конструкций и каждой конкретной конструкции как единице, входящей в данный класс. На более ранних этапах своей исследовательской работы [см. «Грамматическое значение и смысл», Бондарко 1978] к категориальным А.В. Бондарко относит и те значения, которые присущи частям речи как классам слов. В более поздних работах автор исключает частеречные значения [срв. Бондарко 2002: 247 – 257]. Основания для этого обнаруживаются, вероятнее всего, в том, что категориальные значения связаны с системами грамматических форм и они репрезентируют противопоставленные друг другу граммы или противопоставленные синтаксические конструкции [Бондарко 2002: 247]. Лишение частеречных значений категориального статуса вполне закономерно, если иметь ввиду недвусмысленное определение понятия *грамматическая категория*.

А.В. Бондарко выделяет следующие основные признаки категориальных грамматических значений:

1) Обязательность – это обязательная реализация конкретного грамматического содержания в каждой лексической единице, входящей в данный грамматический класс, в каждом акте функционирования этой единицы или в центральной сфере ее функционирования. В свойстве *обязательности* А.В. Бондарко выделяет два аспекта – *системно-языковой* и *речевой*. Системно-языковой аспект обязательности проявляется в том, что категориальные значения конституируют определенные грамматические классы (ряды) и они присущи всем членам этих классов в их конкретной репрезентации. Примером вышесказанного может послужить обязательное выражение темпоральной семантики во всех глагольных формах изъявительного наклонения.

Речевой аспект обязательности категориальных значений проявляется в процессе речи, когда говорящий должен выбрать одно из противопоставленных друг другу категориальных значений (вместе с выбором формы). Речевой

аспект связан конкретно с говорящей личностью и с высказыванием, но А.В. Бондарко подчеркивает, что этот аспект всегда связан в некоторой степени с системой языка. Иными словами, речевой аспект является одновременно речевым и языковым, в то время как системно-языковой не связан с речью [Бондарко 2002: 243]. Следует отметить, что во многих случаях обязательность может быть воспрепятствованной различными факторами – лексическими (напр., невозможность образования форм числа некоторых несчитаемых имен существительных), факторами, связанными с языковой нормой (напр., отсутствие формы 1 л. ед.ч. у глагола *победить* и выражение данного значения глагольно-именным словосочетанием *одержжать победу*) и с контекстом (срв. значение будущего времени, выраженное формой прошедшего времени: *Шлите помощь, иначе мы погибли!*) и т.д.

Как в русском, так и в болгарском языке обязательность нередко становится предпосылкой возникновения грамматической избыточности.

2) Инвариантность – это свойство имеет прямую связь с обязательностью. Если категориальное значение обязательно для определенного грамматического класса и оно реализуется в каждой единице, то оно является постоянным и инвариантным. Такова темпоральная семантика всех личных глагольных форм индикатива, а значения отдельных граммем следует рассматривать как варианты темпорального инварианта.

3) Системная релевантность – при этом свойстве значение рассматривается как признак (или комплекс признаков), лежащий в основе определенных грамматических классов и единиц, противопоставленных другим классам и единицам в замкнутой системе, т.е. категориальное значение – это один из интегральных и дифференциальных признаков, существенных для структуры соответствующей системы.

4) Опора на интегрированную замкнутую систему формальных грамматических средств – данное свойство проистекает из системной релевантности значений, которая предполагает наличие системы грамматического выражения со структурной организацией. Отсутствие такой замкнутой системы отнюдь не означает, что экспликация того или иного значения невозможна, а что в этих целях используются средства разных уровней (напр., выражение оппозиции *определенности ~ неопределенности* в русском языке).

А.В. Бондарко подчеркивает, что к этим четырем признакам можно добавить также эксплицитность, специализированность, неопосредованность выражения и высокую частотность категориальных значений [Бондарко 2002: 248].

Некатегориальные, с другой стороны, – это те значения, которые остаются вне разрядов, по которым распределяется частное содержание языка. Они грамматически релевантны, но не обладают теми признаками, присущими категориальным значениям. По утверждению А.В. Бондарко,

название «некатегориальные» является условным, так как эти значения тоже репрезентируют ту или иную семантическую категорию. Их некатегориальность проявляется в отсутствии системно-структурного выражения, а различие между категориальными и некатегориальными значениями коренится в типе структурной организации, в более низкой степени стабильности, в специализированности и нерегулярности некатегориальной семантики.

Примеры некатегориальности обнаруживаются почти у всех категорий, и она далеко не считается изолированным явлением. Такими являются, например, «несобственные» функции морфологических категорий. Наряду с функциями, присущими соответствующей категории или граммеме, категория может выполнять функции другой грамматической категории или граммемы или эксплицировать такие значения, для выражения которых нет специальных форм [см. Бондарко 1971а: 61-65]. Примерами того могут послужить употребление повелительных форм в неимперативной ситуации [срв. *Но никто не знал о тайной беде моей, и, скажи я о ней, никто бы мне не поверил* (Б.Л. Пастернак)], выражение модально-экспрессивных значений с помощью вида глагола, активизация роли именительного падежа в функции *casus generalis* в русском языке, экспликация суперлативной семантики посредством форм компаратива и т.д. Эти элементы значения следует иметь ввиду при семантическом анализе, но сами по себе они не являются системно релевантными, поскольку они не существенны для парадигматических систем категорий.

Разновидность некатегориальных значений – это значения контекстуальных лексических средств, которые взаимодействуют с грамматическими формами. Таковы, например, маркеры времени типа *позавчера, год назад, в прошлом году*, относящие ситуацию в прошлое, выражая значения, сходные с категориальными. Вполне логично А.В. Бондарко подчеркивает, что в определенных ситуациях лексические средства могут играть ключевую роль, когда в данном языке нет системы форм для грамматической экспликации конкретной семантики [Бондарко 1978: 148, Бондарко 2002: 249-250]. В сопоставительном плане в качестве примера очень часто указывается на отсутствие формальных показателей пересказывания в русском языке на фоне болгарского. В данном случае лексические средства (т.е. спецификаторы в функционально-семантическом микрополе пересказывания) выражают это значение, срв. *Говорят, что он наконец вернулся из-за границы = Он, мол, наконец вернулся из-за границы*. Экзотическим (согласно определению Св. Иванчева) по сравнению с остальными славянскими языками оказывается болгарский язык, в котором наличествуют специальные морфологические формы пересказывания, срв.: *Той най-накрая се върнал от чужбина*. Среди неславянских языков с формальной системой пересказывания отличается немецкий язык (т.наз. Konjunktiv I), срв.: *Er sei endlich aus dem Ausland zurückgekommen*.

Следует подчеркнуть, что между категориальными и некатегориальными значениями нет резкой грани. На основе категориальной семантики

морфологическая форма входит в определенную систему форм и противопоставляется другим членам оппозиции, но форма может выполнять и периферийные функции, которые, на самом деле, являются некатегориальными значениями. В других случаях граница между периферийными и центральными функциями формы настолько относительна, что трудно определить, является ли данное значение категориальным или некатегориальным [см. подробнее у Бондарко 1978: 149-151].

А.В. Бондарко утверждает, что при реализации в речи категориальные значения приобретают в разной степени и некатегориальные элементы, являющиеся следствием влияния контекста и лексической семантики слова. В процессе функционирования формы чистая категориальность исчезает и появляется «сплав категориальных грамматических элементов в выражаемых семантических комплексах и некатегориальных элементов, исходящих от окружающей среды» [Бондарко 2002: 252]. Некатегориальные значения охватывают более широкие функциональные единства – функционально-семантические поля, которые выходят за рамки грамматических категорий в данном языке. Некатегориальная семантика относится к т.н. «скрытой» грамматике или к случаям постепенных переходов от явной к скрытой грамматике [Бондарко 2002: 253].

В теории А.В. Бондарко следует провести четкую границу между так называемыми частными и некатегориальными значениями. Частные значения в большинстве своем связаны прежде всего с категориями вида и времени глагола. Поэтому под «частными видовыми значениями» понимаются «варианты общего семантического содержания видовых форм» [Бондарко 1971б: 21], «значения, выражаемые формами совершенного и несовершенного вида в контексте в связи и во взаимодействии с другими элементами аспектуальности» [Бондарко, Буланин 1967: 52]. Они «результат взаимодействия категориальных (общих) значений видовых форм глагола и элементов среды (как парадигматической, так и синтагматической)» [Бондарко 2002: 381]. Схожую точку зрения разделяют А.М. Ломов [Ломов 1975: 55] и Е.В. Горбова [Горбова 2007: 63]. Несмотря на еле заметную эволюцию в терминологическом отношении сущность понятия сохраняется: частные значения нужно понимать как варианты общего категориального значения, которые взаимодействуют и раскрываются непосредственно контекстом (*средой* в поздних исследованиях А.В. Бондарко). В связи с этим кажется весьма значимым следующее утверждение А.В. Бондарко: видовая семантика, выражаемая в высказывании, не равна значению видов как системно-категориальному значению, так как реальная аспектуальная семантика является результатом взаимодействия системы и среды [Бондарко 1990а: 30]. Таким образом, анализ аспектуальных значений, например, может осуществляться на нескольких уровнях: на уровне видовой системы, в рамках определенных лексических классов глаголов, на уровне частных видовых значений, на уровне аспектуальной характеристики

высказывания и на уровне аспектуальной характеристики текста [Бондарко 1990б: 6]. Существенное различие между частными и некатегориальными значениями – это регулярность первых, в то время как некатегориальные значения не обладают этим свойством. Сближение обоих семантических типов наблюдается по отношению к взаимодействию с контекстом, но все же считается, что они не тождественны.

Прямое отношение к некатегориальности имеют так называемые *дополнительные значения*, выражаемые видовыми граммемами. В данном случае более корректно говорить об оттенках значений видовых форм, которые могут служить носителями дополнительной информации, обладающей преимущественно экстралингвистической направленностью (раскрываются отношения действительности, которые остаются формально имплицитными или входят в семантическую сферу других категорий). Поэтому дополнительные значения имеют модальный, стилистический и прагматический характер. Срв.: в предложении *Ты принял лекарство?* глагол СВ маркирует осведомленность говорящего о совершаемом действии. Данные семантические нюансы играют весомую роль при конкуренции видов и они тесно связаны с грамматическим и лексическим контекстом.

Рассмотренные выше типы грамматических значений чрезвычайно важны для правильного и непротиворечивого понимания абстракций на уровне грамматической семантики. Предложенная А.В. Бондарко классификация решает проблему иерархии значений, поэтому нет сомнения, что созданная им теория является исключительно плодотворной для описания языков различных языковых групп, и это является достаточным доказательством универсальности идей А.В. Бондарко.

Литература

- Бондарко 1971а – Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1971б – Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Бондарко 1978 – Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко 1990а – Бондарко А.В. О роли интерпретационного компонента в структуре грамматического значения (на материале категории вида). // Съеставително езикознание, 1990, № 2, с. 27-33.
- Бондарко 1990б – Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола. // Вопросы языкознания, 1990, № 4, с. 5-24.
- Бондарко 2002 – Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М., 2002.
- Бондарко, Буланин 1967 – Бондарко А.В., Л.Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

- Горбова 2007 – Горбова Е.В. Аспектуальные грамемы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка). // Вопросы языкознания, 2007, № 4, с. 63-88.
- Ломов 1975 – Ломов А.М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом. // Вопросы языкознания, 1975, № 6, с. 55-64.

Tilev, Encho

University of Plovdiv Paisii Hilendarski, Plovdiv, Bulgaria

encho_1@abv.bg

ON SOME PROBLEMS OF GRAMMATICAL SEMANTICS IN A. V. BONDARKO'S FUNCTIONAL GRAMMAR

***Abstract.** The article discusses some of the terms that are in the basis of A. V. Bondarko's functional grammar theory. Additionally, a presentation is made of the properties of categorial meanings in the language system and of non-categorial meanings in speech, of the essence of the private and the additional meanings as well. The publication traces the evolution of A. V. Bondarko's ideas about the essence of these grammatical abstractions.*

***Keywords:** categorial meaning, non-categorial meaning, private meaning, additional meaning, functional grammar.*

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

***Аннотация.** В статье рассматривается отражение языковой ситуации Петровской эпохи в преломлении современным художественным текстом. Основной характеристикой языка Петровской эпохи является его генетическая разнородность. Выявлено, как в тексте романа «Девятный Спас» А. Брусникина в разных пропорциях смешиваются три лексические стихии – славянизмы, просторечие и заимствования, а также архаичные славянские и новые разговорные грамматические формы, синтаксические конструкции, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык.*

***Ключевые слова:** история русского литературного языка, Петровская эпоха, дискурс современной русской литературы.*

Мысль о связи языковой эволюции с развитием общества давно стала в лингвистике своего рода аксиомой. Язык, существуя в обществе, обслуживая его коммуникативные нужды, не может быть свободен от социальных влияний. Язык живет и меняется вместе с обществом, которому служит, подчиняется ему и одновременно воздействует на него. Свидетельством таких инноваций стали определенные трансформации в языке современной русской литературы.

Дискурс современной русской литературы многослоен, что определяется многообразием тем и персонажей, которых не могло быть в официальной литературе доперестроечного периода. Особенности современного российского общества проявляются в стремлении уйти, если для этого есть малейшая возможность, от всего того, что было вчера, проститься с эпохой, язык которой именовался зарубежными русистами *langue de bois* – «деревянным», «дубовым» языком. Эта тенденция с особой очевидностью проявляется в языке средств массовой информации и русской литературе рубежа XX и XXI веков и имеет двунаправленный характер. С одной стороны, мы наблюдаем сближение с разговорной речью, просторечием, жаргоном, элементы эпатажа, шока, игру слов, смешение разных культурных традиций, а, с другой стороны, в современных художественных текстах налицо стилизация языка более ранних эпох с прекрасным знанием исторических реалий.

Развитие любого национального языка знает эпохи либерализации и консервации, при смене которых и достигается обновление. Одной из определяющих особенностей стилистики русского художественного слова последнего времени является речевой эксперимент как «сдвиг», эстетически

маркированное отклонение от нормы. Объектом его могут быть единицы всех языковых уровней: фонологического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического. Уровень текста как целостной вербальной организации и транстекстовая (межтекстовая, интертекстовая) вербальная репрезентация символа также становятся экспериментальной площадкой, а читатели современной художественной прозы выступают свидетелями весьма интересных языковых новшеств.

Сегодняшняя русская литература позволяет приблизиться к той языковой стихии, которая является отражением эпохи, описываемой в текстах художественного произведения. В этом отношении несомненный исследовательский интерес вызывают художественные тексты, представляющие собой стилизацию определенного историко-культурного периода. В фокусе нашего внимания находится текст одного из романов Г.Ш. Чхартишвили, выступающего под литературным псевдонимом А. Брусникин, «Девятный Спас».

Борис Акунин — один из ярких писателей, заявивших о себе в последнее десятилетие XX века. Григорий Шалвович Чхартишвили, под литературными псевдонимами Б. Акунин, А. Борисова и А. Брусникин, хорошо известен на постсоветском пространстве не только как талантливый беллетрист, но и как переводчик, литературный критик, эссеист. Блестящее филологическое образование позволяет ему проявлять любовь к литературе и языку в силу своей профессиональной компетенции. Он свободно оперирует материалом русской и мировой литературы, осведомлен об особенностях не только упоминаемых им художественных произведений, но и о закономерностях литературного процесса соответствующего периода, специфике и творческой индивидуальности того или иного автора, способен оценить тонкость литературных приемов и силу воздействия художественных образов. Важным является то, что Григорий Чхартишвили, включая в свои произведения дискурсы различных культурных эпох, посвящая их памяти девятнадцатого столетия, стимулирует интерес к российской истории, истории художественной культуры.

Цель нашей работы – наблюдение над тем, какие речевые средства избраны Г.Ш. Чхартишвили (под псевдонимом А. Брусникин) для отражения языковой ситуации Петровской эпохи, как образ мира, запечатленный в языке, отражается в художественном произведении, его романе «Девятный Спас»

Этот роман – историко-приключенческая сага из Петровской эпохи, в которой автор дерзновенно оспаривает правильность и ценность для России крутых реформ Петра I: *Подстегнутое петровским кнутом, Русское Время, испокон веку неторопливое, обстоятельное, вдумчивое, вскрикнет и понесётся дёрганой припрыжкой догонять европейский календарь, роняя с себя лоскуты кожи, куски окровавленного мяса и людские судьбы* [Брусникин 2007: 95].

Главные герои – тщательно придуманная троица друзей, призванная олицетворять “исконную”, былинную Русь: дворянский сын Митьша,

крестьянский сын Илейка и попovich Алешка. Как-то раз мальчишки забрели в лес, чтобы проследить за деревенской ведьмой, и попали в такой переплет, что это на всей их жизни сказалось. Тайны, погони, сокровища, политические интриги, заговоры, дуэли и одна на всех несчастная любовь.

Сам “Петруха, черт табашный” в романе не появляется. Однако он незримо присутствует на каждой странице. Все описываемые мерзости творятся с его ведома и попуска. Петровская «перестройка», изменившая и преобразовавшая Россию, привела к тому, что в результате и вследствие нее каждый пятый россиянин в землю лег. Автор осторожно подводит читателя к выводу: постепенное преобразование страны Алексеем Михайловичем и царевной Софьей было взорвано Петром, вздернувшим Россию «на дыбы» (Пушкин): *Впредь всё будет по-другому: язык, одежда, людские отношения, представления о добре и хуе, о вере и неверии, о красе и о безобразии* [Брусникин 2007: 95].

Открываем первую страницу книги, и полностью, с головой, погружаемся, как в омут, в смутные времена сразу после Стрелецкого бунта, когда Софья ещё цеплялась за власть, стремительно ускользящую от неё к Петру. Такому полному проникновению в эпоху весьма способствуют не только колоритные детали, рисующие картину далёкого прошлого: быта и нравов, но и, в большей степени, язык книги, избилующий старинными словечками ровно настолько, чтобы погрузить читателя в тот исторический период. То есть понятно, что тогда на Руси говорили совсем не так, как мы (услышь ту речь, мы бы многое не поняли!), но используемые автором слова приближают нас к ощущению, что всё, описанное таким языком в книге, происходило на самом деле, и при этом читатель воспринимает текст, не напрягаясь.

В современной лингвистике текст определяется как языковой компонент акта коммуникации. Коммуникативный акт, в свою очередь, рассматривается как сложное отношение между лингвистическими, социолингвистическими и нелингвистическими составляющими. Текст есть та среда, в которой реализуются функции языковых средств разных уровней - лексического, грамматического, стилистического. Под средой существования текста понимается коммуникативная ситуация, в которой реализуется текст. Как же можно охарактеризовать языковую ситуацию Петровского времени?

Как известно, наряду со строительством новой России, новой русской культуры, в эпоху Петра была выдвинута и задача создания нового литературного языка. Формирование нового литературного языка выступает важным составляющим в процессе европеизации русской культуры. Новый литературный язык строился как антипод старому – церковнославянскому языку. Но как строить этот литературный язык, каким он должен быть? Ответы на этот вопрос могли быть самыми разными, поэтому первые опыты создания литературного языка носят экспериментальный характер [Успенский 1985: 3-4].

Тексты произведений, созданных в эти годы, обычно характеризуются как стилистически неорганизованные, хаотические, смешанные, пестрые, неупорядоченные. В этих текстах в разных пропорциях смешиваются, и именно смешиваются, а не синтезируются, три лексические стихии – славянизмы, просторечие и заимствования, а также архаичные славянские и новые разговорные грамматические формы, синтаксические конструкции [Мещерский 1985: 150; 3. Камчатнов 2005: 288].

Именно это причудливое смешение тех основных речевых элементов, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык, наблюдается в художественном тексте романа «Девятный Спас»: *Митьшина мать скончалась родами, Алешикина была хвора и тугосися, сама выкормить своего заморыша не могла* [Брусникин 2007: 8]; *Дворянчик-то с попovichем, наоборот, росли при отцах, но без матерние* [Брусникин 2007: 8]; *Она бы сейчас волшебню кольцо на палец вздела, всю окрестность-наскрозность прозрела, а заодно и нас. Вот тогда бы нам доподлинно канюк* [Брусникин 2007: 31]; *Однако сегодня, потрясенный увиденным, священник заговорил иначе. Готовясь от introduction, то есть вступления, перейти к narration, сиречь главной части рассказа, отец Викентий вздохнул, перекрестился, веско сказал: - Воистину не без великого есть народом от того супротивства мнения. Понеже опасны, как бы от сего не вышло великого худа. Аз же паки на милость Божью едино благонадежен есмь...* [Брусникин 2007: 9].

В приведенных контекстах видим, с одной стороны, слова, выражения и грамматические формы традиционного, церковнокнижного происхождения; с другой – слова и словоформы просторечного, даже диалектного характера, то есть налицо необыкновенно широкая амплитуда колебания от самых архаических славянизмов до бытового просторечия. К этому добавляется и мощный иноязычный элемент, что приводит к еще большей пестроты языка анализируемого текста; иноязычные элементы речи слабо освоены русским языком, это проявляется в их графической подаче и в семантическом комментировании.

Обычно указывается, что в Петровскую эпоху имеет место отказ от церковнославянского языка в качестве литературного и становление в этом качестве «простого» литературного языка. Но, как отмечает В.М. Живов, в качестве исходных берутся генетические, а не функциональные параметры, а они плохо подходят для описания преобразования языка. Оказывается, что, с одной стороны, церковнославянизмы ограничиваются в своем употреблении, а с другой – церковнославянские «элементы» получают широкое распространение, так как «общенародный российский диалект» не всегда был в состоянии при переводах передать «красоту и высоту», к примеру, латинского оригинала, и только церковнославянский мог соответствовать достоинству культового языка. Это обстоятельство, по словам В.М. Живова, позволило в свое время В.В. Виноградову утверждать, что литературный стиль Петровской эпохи, несмотря

на свой смешанный состав, не переставал быть и называться «славенским» [Живов 1996: 88-89]. Однако в реальности теоретические декларации не всегда совпадали с их практической реализацией.

Художественный текст романа «Девятный Спас» в полной мере отражает лингвистическую гетерогенность Петровской эпохи. Язык романа стилизуется под «простой» русский литературный язык, где грамматической основой становится «простая» речь, в то время как словарь не может не носить смешанный характер.

Несомненно, что прямая речь, составляющая диалог персонажей, является основной речевой структурой текста романа, проявляющей яркие отличия литературного языка Петровского времени от предшествующей традиции. Именно в речи героев мы наблюдаем, как слова разговорного стиля, просторечной лексики, фразеологизмы, характерные для разговорного стиля, в рамках одной и той же синтаксической конструкции объединяются с языковыми единицами, несущими черты литературной книжности. Ср.:...*Ну да бодливой корове, сам знаешь, рогов не дадено. Когда ж от великих горестей претяжкие рога из чела моего произросли, бодливости не осталось....Здесь уже, в деревне, имея много досуга и обрета несуетную душу, разобрал я пророчество* [Брусникин 2007: 19]; - *Учиться бы Алешке, с дрожанием в голосе, робко промолвил отец Викентий.- На Москве ныне есть преславная школа, рекомая Греко-Еллинской академией...Плата только немалая. Сорок рублей в год, да обувь-одеть, да на перья-бумагу. С моего поповского корма не осилить* [Брусникин 2007: 22].

В тексте романа представлены две основные речевые структуры: авторская речь и прямая речь. В авторской речи большой объем занимает номинативно-изобразительная речь, направленная на конкретно-чувственную презентацию внешней действительности: *В конце семнадцатого века страна, именовавшаяся Московским царством, владела почти такой же огромной территорией, как сегодняшняя Россия, однако была в двадцать раз малолюднее...Подданные этой обширной державы скудно ели, жили в невежестве и рано умирали...* [Брусникин 2007: 5].

Большое внимание к мелким деталям и подробностям, которые не играют особой роли в развитии сюжета, объясняется стремлением автора сделать повествование максимально объективным, создать иллюзию реальности описываемых событий:

Здание их государства, не больно ладное, но сшитое крепко, из вековых бревен, было лишено всякого удобства, пугало иноземцев суровостью некрашенных стен и безразличием к внешней красивости, а...углы и связи надежно держались на безгвоздевых скрепах, крыша почернела, да не прогнулась, и сиял над ней золотой купол, и сидела на перекладине креста белая птица Алконост [Брусникин 2007: 6].

К концу XVII века, как известно, старая административная система не соответствовала социально-экономическому строю страны: монархия с Боярской думой, рыхлым аппаратом приказов и воевод не могла разрешить сложные внутри- и внешнеполитические задачи. Необходимо было укрепить государственный строй путём преобразования высшего, центрального и местного аппарата и армии, превращения главы государства - самодержавного царя в носителя абсолютной (неограниченной) власти. Новый русский литературный язык, формирующийся в течение XVIII века, был призван обслуживать непрерывно возрастающие потребности государства, развивающихся науки и техники, культуры и искусства.

Так, новое административное устройство, преобразование Московского государства в Российскую империю, вызвало к жизни наименование новых чинов и званий, вошедших в «Табель о рангах» 24 января 1722 года. Вырабатываются речевые черты чиновничьей субординации - формулы обращения нижестоящих чинов к вышестоящим. Развитие военного, и особенно военно-морского дела, породило множество соответствующих руководств и наставлений, воинских и морских уставов, насыщенных специальной терминологией, заново формируется военно-морская, артиллерийская, фортификационная терминология и другие отрасли специальной лексики.

Языковая политика Петра Первого – это отражение его культурной политики. Н.М. Кувшинова приводит слова П. Житецкого, который так оценивал отношение Петра I к языку: «Была ли угодна славяно-русская речь Петру Великому? Как великороссиянин по крови, он употреблял в личной переписке своей великорусское наречие ... Как страстный защитник европейских порядков жизни, он поощрял и в общественной, и в литературной практике широкое употребление иностранных слов. Наконец, как организатор русской государственной жизни, как творец государства Российского в европейском смысле, Пётр Великий сознавал нужду в таком языке, который служил бы для всех народов, вошедших в состав его обширного государственного единства» [Кувшинова 2007: 45-46].

Пётр в I четверти XVIII века осуществил ряд коренных административных преобразований, в результате реформ в области управления система бюрократических государственных учреждений в России стала соответствовать европейской: Сенат, Синод, Кабинет и коллегии в центре, губернаторы, провинциальные воеводы, комиссары и другие - на местах. Старая приказная система заменилась новой - коллегиальной, преимущество которой состояло в том, что был введён единый строго ведомственный принцип разделения сфер управления, что по сравнению с приказом обеспечивало более полную централизацию государственного аппарата [Кувшинова 2007: 44].

Организация нового, по европейскому образцу, разветвленного чиновно-бюрократического государственного аппарата настоятельно требовала соответствующего речевого оформления, прежний приказный язык, «бедный

лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности» [Виноградов 1982: 82], не мог соответствовать новым требованиям.

Целью петровских преобразований было не только создание новой армии и нового флота, нового государственного управления и новой промышленности, но и создание новой культуры - культурная реформа занимает в деятельности Петра не меньшее место, чем реформы прагматического характера. Перемена платья, бритье бород, переименование государственных должностей, заведение ассамблей, постоянное устройство публичных триумфальных шествий, маскарадов, пародийно-кошунственных зрелищ были не случайными атрибутами эпохи преобразований, а существеннейшим элементом государственной политики, призванным перевоспитать общество и внушить ему новую концепцию государственной власти.

В активном формировании в этот период общественно-административной терминологии нового типа решающую роль в ней стал играть «мощный иноязычный элемент» - резко возросшие количественно западноевропейские заимствования. О петровском времени принято говорить как о времени интенсивного «западноевропейского влияния», в частности и на русский язык. Главным показателем «влияния» являются многочисленные лексические заимствования, называющие множество новых предметов, явлений, понятий, связанных с активными преобразованиями, затронувшими все области общественной жизни России.

А.И. Горшков приводит свидетельство одного из дореволюционных лингвистов, который так в образной форме изобразил «нашествие» иностранных слов: «Хотя прежние дьяки, окольниковые, воеводы влчат еще кое-как свое существование в Москве и других старых городах, но рядом с ними теперь в новой столице являются и новые люди, которым присваиваются и новые чины, взятые с иностранного. Так, появляются теперь *администратор, актуариус, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, маклер, министр, полицеймейстер, президент, префект, ратман* и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам *император*. Все эти персоны в своих *ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегіуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде* и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, *адресуют, аккредитуют, апробируют, арестуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секондируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют и т.д. инкогнито, в конвертах, пакетах, разные акты, акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордера, проекты, рапорты, тарифы* и т.п.» [Горшков 1988: 277-278].

Заимствования новой административной терминологии находят отражение и на страницах романа «Девятный Спас»: именуемый *стольником* царевны

Софьи в начале повествования Автоном Зеркалов далее уже носит имя *гехаймрата*. Значение титула и должности «гехаймрат» в немецком языке – «тайный советник». А в его подчинении – проверенный, хладнокровный, отменный стрелок – «*главный штиг*» [Брусникин 2007: 414].

Для удовлетворения потребностей все более европеизирующегося дворянства создаются разнообразные руководства, регламентировавшие бытовой уклад высших общественных классов. Например, «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам поздравительные и сожалетельные, и иные; такжеде между сродников и приятелей».

Это был переведенный с немецкого языка сборник писем разнообразного содержания, которые предлагались в качестве образцов для подражания («приклады» - примеры, образцы; «потентаты» - господа, букв. властители). «Приклады» способствовали распространению новых, «европейских» языковых традиций в обращении и переписке.

С начала XVIII века в России распространяется обращение «на Вы», в письмах постепенно прививаются обращения типа «милостивый государь», «господин мой», «любезнейший родственник», «дражайший приятель» и т.п., подписи типа «ваш покорный слуга», «остаюсь ко услужению готовый» и т.п. Появляются в обиходе выражения вроде «имею честь удостоить», «извольте уведомить», «окажите любезность» и т.п.

Распространению новых форм и норм «житейского обхождения», общения, в том числе и языкового, способствовала и такая знаменитая книга, как «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» (1719). В такого рода произведениях, внедрявших «светский политес» в среду дворянства, постоянно встречались и неологизмы, и заимствования из европейских языков, перемежавшиеся с традиционными церковнославянизмами и архаизмами.

Подчеркнутый интерес к «галантереям романическим» и к европейским навыкам «житейского обхождения» отражается в их языке. Галантереи – это книги, «в которых о амурах, то есть о любви женской и храбрых делах для оной учиненных баснями описано», а «шевальеры эрранты, или заблудшие кавалеры называются все те, которые, езда по всему свету, без всякого рассуждения, в чужие дела вмешиваются и храбрость свою показывают» [Виноградов 1982: 56-57]. Здесь, как в кривом зеркале, отразилось запоздалое увлечение средневековыми западноевропейскими романами, традиции которых внедряются в переводные повести Петровской эпохи и в оригинальные произведения, создающимися анонимными авторами по этим переводным образцам.

Герои и героини романа «Девятный Спас», несомненно, были знакомы с упомянутыми «галантерейными» произведениями: *Из деревенщины в изыщную*

столичную демазель *Василиса* обратилась быстро. ...Изготовили ей платье с фижмами, ...куафёр научил укладывать косу поверху...С неделю мучилась, обучаясь у танцмейстера воздушной походке...Иноязычное речение тоже превзошла быстро, не хуже прочих: из немецкого могла сказать без запинки пятнадцать выражений, из французского – целых тридцать. *Бонжур, шер шевалье. Кель плезир. Оревуар. Роб манифик. Куафюр сюперб. Чего больше-то?* [Брусникин 2007: 309]; *Ну и с тех пор почти каждый день стала получать от воздыхателя знаки амурного внимания. К примеру, доставили свернутою трубкой гравюру: «Гишпанский рыцарь Сид, безумствующий от неуголенной страсти». На картинке кавалер наг, власы и бороду на себе отчаянно рвет, а прекрасная дева ему делает индифференцию – отвернулась, нюхает цветок* [Брусникин 2007: 315]; – *Митрич Ларионович, дозвожь с тобой два слова молвить. Excusez mon impertinence, mademoiselle* [Брусникин 2007: 385].

Для правильного понимания путей развития русского литературного языка в петровское время важно не упускать из вида то обстоятельство, что влияние чужого языка – не только внешний фактор, но и нечто, что связано с внутренним, имманентным развитием языка-реципиента. Русский язык, как полагают, избирает при заимствовании именно то, что требуется его структуре и языковому существованию, то есть выступает в процессе заимствования «активной» стороной.

Широкое усвоение заимствований в Петровскую эпоху многими исследователями связывается с интенсивным развитием в различных областях науки, хозяйства, государственной и военной организации, культуры; создается впечатление, что лексические заимствования Петровской эпохи были по большей части мотивированы заимствованием новых вещей и понятий. Этот прагматический фактор, безусловно, играл определенную роль в процессе заимствования, однако он не был единственным и, возможно, был не самым важным. Нам близка точка зрения В.М. Живова, который писал, что заимствования «выступали прежде всего как показатель новой культурной ориентации, т.е. выполняли в первую очередь не прагматическую, а семиотическую функцию. Их употребление свидетельствовало о причастности к новой петровской культуре, об усвоении новой системы ценностей и вместе с тем об отказе от традиционных представлений. Интенсивность употребления ЛЗ была обусловлена именно этой ее ролью, тем, что слова приходили не вслед за вещами и понятиями, а опережая их, не соотносясь с ними» [Живов 1996: 146].

Определяя главными сферами распространения западноевропейских заимствований официальную дипломатическую и административную переписку и практику, научно-техническую литературу и военно-морское дело, следует иметь в виду, что и другие области общественной жизни и быта активно усваивали заимствования. Например, в быту широко распространились такие слова, как *кавалер, камзол, карета, квартира, лакей, магазин*. Эти слова,

естественно, рассыпаны во множестве на страницах текста романа «Девятный Спас», и для читателей было бы откровением узнать, что появились они впервые именно в петровское время.

Итак, перед нами роман – прекрасная стилизация, вполне уместная, без ненужных излишеств, в духе произведений новой светской литературы Петровской эпохи. Автор «Девятного Спаса» Анатолий Брусникин – полагаем, Григорий Чхартишвили, блестяще образованный филолог – в художественный текст романа вплел и причудливо смешал те разнородные речевые элементы, которые были свойственны русскому языку этого времени.

Через сосуществующие противоборствующие элементы церковнославянского языка, просторечной и даже диалектной стихии, а также иноязычные заимствования в тексте «Девятного Спаса» оказалась прописана историческая эпоха. Эпоха, характеризующаяся в лингвистическом отношении тем, что старые системные связи языковых единиц были разорваны, а новые еще не установились. Справедливо писал В.В. Виноградов об этой эпохе: «... потребность стилистической дифференциации и нормализации языковых форм в новой системе русского литературного языка становится все более осязаемой и неотложной» [Виноградов 1982: 82].

Литература

- Брусникин 2008 – Брусникин А. Девятный Спас. М.: Астрель, 2008. - 501 с.
- Виноградов 1982 – Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка. М. 1982. - 529 с.
- Горшков 1988 – Горшков А.И. Русский язык. // Очерки русской культуры XVIII века. Часть третья. – М.: МГУ, 1988. - 400 с.
- Живов 1996 – Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. – «Языки русской культуры». М. 1996. - 591 с.
- Камчатнов 2005 – Камчатнов А.М. История русского литературного языка. XI-первая половина XIX века. – М: АCADEMIA, 2005. - 681 с.
- Кувшинова 2007 – Кувшинова Н.М. Германизмы в русском языке начала XVIII века как отражение исторической эпохи. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология», т. 20 (59), 2007, №3.С. 43-48.
- Мещерский 1985 – Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л., 1985. - 279 с.
- Успенский 1985 – Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII-начала XIX века. М.: Издательство Московского университета. 1985. - 215 с.

Trebler, Svetlana
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow
State University, Astana, Kazakhstan
gendel@gmail.com

ON LINGUISTIC HETEROGENEITY OF THE PETRINE EPOCH

***Abstract.** In this paper, reflection of the linguistic situation of the Petrine epoch in correlation with modern literary text, is considered. The main characteristic of the language of the Petrine epoch is its genetic heterogeneity. It was discovered that in the text of the novel «The Ninth Spas» by A. Brusnikin three lexical layers - Slavicisms, vernacular and borrowings - are mixed in different proportions, as well as archaic Slavonic and new colloquial grammatical forms, syntactic constructions, from which the Russian literary language historically formed by that time.*

***Keywords:** history of the Russian literary language, Petrine epoch, discourse of modern Russian literature.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «МУШЕЛЬ ЖАС» В УСЛОВИЯХ ПОЛИЯЗЫЧИЯ

***Аннотация.** В настоящей статье представлены результаты анализа концепта «мушель жас» в межкультурной коммуникации. В речевой практике русского языка используются три словоформы: мушель, мушел, муше, чаще всего используется слово мушель. Ключевым понятием, ядром рассматриваемого концепта «мушель жас» является понятие «возраст».*

Лингвокультурный концепт имеет большое распространение в сфере общения. В статье приводятся данные социологического опроса по выявлению ассоциативного словаря анализируемого концепта.

Данный концепт является темой для обсуждения для многочисленных форумов в социальных сетях и при этом в обмене мнениями активно участвуют и билингвы и монолингвы (в том числе представители русской национальности), что говорит о значимости лингвокультурного концепта в понимании культуры казахского народа.

Ключевые слова: *концепт, мушель жас, полиязычие, культура.*

В настоящей статье представлены результаты анализа концепта «мушель жас» в межкультурной коммуникации. В лингвокультурологии концепт мыслится как «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [Степанов, 2001: 43]. В тюркской, а также в казахской культуре концепт «мушель жас» (возраст) играет важную культурологическую роль.

Понятие мушель возникло еще 5 тысяч лет назад и сохранилось у казахов до XX века. Его длительное употребление параллельно с официально принятой в Казахском ханстве системой мусульманского исчисления времени демонстрировало незыблемость тенгрианства на земле, принявшей суфийскую форму ислама, но не изменившей своей древней религии. Возраст человека казахи издревле определяют по животному циклу. Полный цикл – двенадцать лет – один мушель. Первый мушель – детство – до 13 лет. Второй мушель – юность – до 25 лет. Третий мушель – жигитова пора – до 37 лет. Четвертый мушель – зрелость – до 49 лет. Пятый мушель – аксакальская пора – до 61 года. Шестой мушель – начало старости – до 73 лет. Седьмой мушель – старость – до 85 лет. Самые «роковые годы» – 37 лет, 63 года – возраст пророка.

«Двенадцать месяцев, носящих каждый название определенного животного, составляют один год, а двенадцать лет, названных именами тех же животных и в том же порядке, составляют один «период», известный как мушель, цикл из 5 мушелей образует 60-летний круг, называемый толык мушел – полный мушель, который сам в свою очередь бесконечно повторяется. И как повторяется само Время своими малыми и большими кругами, так и повторяются его малые и большие события – восходы и заходы солнца, кочевки и стоянки, джайляу и кыстау, несчастные и счастливые годы, джuty и изобилие, войны и периоды мира...»

Ключевое понятие «возраст» является ядром рассматриваемого концепта «мушель жас». При переводе на русский язык в повседневной жизни используется три словоформы: мушель, мушел, муше, чаще всего используется слово мушель. Казахский народный обряд, традиция, обычай под названием мушель жас, опирается на фундаментальные глубочайшие знания об основах жизни. Концепт «мушель жас» основывается на следующих мировоззренческих принципах:

- принцип пространственно-кругового упорядочения времени. Система пространственно-кругового упорядочения времени соотносится с круговым пониманием времени, являющимся основой этого календаря. Время мушеля не имеет ни начала, ни конца, его концы – это всегда начала новых циклов. Строго говоря, в этом календаре невозможно однозначно определить Первый год. Начало круга мушеля с года мыши – это конвенциональный вариант тюркских народов, у калмыков первый год – год барса. Вместе с тем, у каждого тенгрианца есть личный мушель, начинающийся в год его рождения. Таким образом, в культуре на уровне личного времени индивидов функционируют одновременно 12 вариантов мушеля, в которых любой год может быть первым, любой – замыкать круг. Собственный мушель дает жизни каждого кочевника свое космическое измерение, и он чувствует себя в нем свободно.

- принцип реинкарнации живущих, бесконечности жизни Народа, вечности мира аруахов и Тенгри. По казахским понятиям, человек на Земле – гость. И гость, когда-то пришедший на землю, обязательно придет еще раз, когда согласно незыблемому космическому Закону вернется тот огромный круг Времени, который уже однажды привел его сюда. Это живое чувство единства и подобия малых средних и больших временных циклов с их обязательными повторами неизбежно ведет к включению в концепт понятие реинкарнации. Про умерших казахи говорят «кайтыс болды» – «вернулись», но вернувшиеся из Этого мира (Бу Дуние) в Тот мир (О дуние), ставшие обожествляемыми аруахами-предками, с новым кругом времени вернутся, но уже из Того мира в Этот, в следующую жизнь.

- принципы жертвенности, свободной воли и эволюции. Нерасторжимая взаимосвязь времен рождает чувство постоянного соприкосновения миров, единства мира людей и мира предков. Если величайшим из них, Святым,

принести жертву и переночевать на их могиле, то они могут излечить болезнь, подарить ребенка, послать удачу в делах. С наступлением пограничного года мушеля мусульмане приносили жертвы аруахам (душам умерших предков), чтобы они поддержали человека и помогли совершить опасный переход из одного мушеля в другой, благополучное завершение мушеля отмечали тоем, дарили любимую одежду младшим, раздавали садака- пожертвования и ритуальные жеті нан-семь лепешек с пожеланием благополучного перехода из одного мушеля в другой, Так человек вносил и вносит свою долю вариантности в космически обусловленные повторы. И чем глубже он анализирует время и понимает его суть, тем больше у него возможностей избежать или смягчить негативные явления и даже использовать энергию повторяющегося времени в

Сопоставительный анализ тенгрианского календаря с христианским выявляет ряд культурно-ментальных особенностей. Главное отличие тенгрианского календаря от григорианского – его цикличность. То есть, если у христиан время линейное и имеет точки отсчета, как, например, рождение Иисуса Христа, то тенгрианское время не имеет ни начала ни конца, а лишь постоянное повторение. С концептом «возраст» связывают две основные его разновидности: биологический, или биосоциальный возраст, а также называемый психологический возраст. Биологический возраст отражает жизненные этапы человека. Психологический возраст человека определяется психологическим состоянием человека, его ощущением самого себя. В социальной антропологии отмечают различия возрастных характеристик, которые, как правило, не совпадают с характеристиками биологического возраста. Общим феноменом практически во всех культурах, существующих в настоящее время, является разграничение следующих возрастных фаз: детство, юность / молодость, зрелость / взрослость, старость. Следует отметить, что многие возрастные цензы в различных культурах имеют свои специфические черты. Например, в Древнем Риме отрочество как возрастная фаза отмечалось до 17 лет, молодость – до 46 лет, преклонный возраст – до 60 лет, после 60 лет наступала старость. [Хроленко 2008]. Древние философы выделяли семь основных возрастных фаз, продолжительность которых составляла семь лет. Весь жизненный цикл человека (70 лет) делился на два основных этапа: восходящий, или этап Весны Жизни (до 35 лет) и нисходящий (после 35 лет). Юность и старость являлись начальной и конечной точкой жизни, так называемые два конца длинной дороги жизни.

Психология рассматривает периодичность смены возрастов человека как процесс смены регулярных и критических возрастов. Психолог Л.С. Выготский определяет возраст через определение социальной ситуации развития человека, которая, в свою очередь, определяет возрастные изменения человека от одной фазы к другой. Согласно его теории, возраст человека определяется его отношением к вышеуказанной социальной ситуации развития и изменениями структуры личности человека [Выготский 1984.]. Сегодня в современном обществе возрастные характеристики имеют значение, чаще всего, только в

правовом порядке, а именно: возраст ребенка для поступления в начальную школу, так называемый «возраст первоклассника», совершеннолетие, пенсионный возраст, избирательный возраст и т. д.

В толковом словаре С.И. Ожегова слово «возраст» определяется следующим образом: 1. Период, ступень в развитии, росте кого-либо, чего-либо; 2. Количество прожитого времени, лет [Ожегов, 1973].

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой слово «возраст» определяется как: 1. Количество лет от рождения, появления на свет, от создания чего-либо; 2. а) период в развитии человека, животного, растения; б) зрелый период в развитии человека, животного, растения.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова определения слова «возраст» дается в одном варианте, а именно «период, степень в росте, развитии каждого человека [Ушаков, 1935-1940]. Однако в этом словаре мы можем найти большое количество периферийных слоев концепта «возраст», которые мы рассмотрим ниже. К периферийным слоям концепта «возраст» в русском языке относятся следующие понятия, выражаемые лексическими единицами, представляющие собой определения к ключевому слову. Интересно, что словарные определения можно примерно распределить на семь возрастных периодов, совпадающих с семью казахскими мушелями. Сопоставительный анализ определений, относящихся к понятию «возраст» в русском и казахском языке частично совпадает, отмечаются также понятия, не имеющие соответствующих казахских эквивалентов:

- 1) младенческий возраст; нәрестелік кезең;
 - грудной возраст; емшек еметін жас;
 - нежный возраст; нәзік жасы;
 - минимальный возраст;
- 2) детский возраст; балалық шақ;
 - сознательный возраст; саналы жас;
 - дошкольный возраст; мектепке дейінгі жасы;
 - школьный возраст; мектеп жасы;
- 3) отроческий возраст; кәмелет жасы;
 - юный возраст; жастық кезең;
 - подростковый возраст; жасөспірімдер жасы
 - несовершеннолетний возраст; кәмелетке толмаған жасы;
 - переходный возраст; - өтпелі кезең
- 4) совершеннолетний возраст; кәмелетке толған жасы;
 - конституционный возраст;
 - молодой возраст; жастық кезең;
 - трудоспособный возраст; еңбекке жарамды жасы;

- 5) юношеский возраст; жасөспірімдік;
 - допризывный возраст;
 - призывной возраст; әскерге шақыру жасы;
 - брачный возраст; неке жасы;
 - критический возраст; сыни жасы;
 - средний возраст; орташа жасы;
- 6) психологический возраст;
 - степенный возраст;
 - зрелый возраст; кемел жасы;
 - климактерический возраст;
 - биологический возраст;
 - бальзаковский возраст; бальзак жасы;
- 7) старческий возраст; кәрлік жасы;
 - преклонный возраст;
 - почтенный возраст; қадірлі жас;
 - предельный возраст; шекті жасы;

Ключевое понятие «возраст» является концептуальным ядром тюркоязычного понятия «мушель жас», указывающим на основные взаимосвязи концепта с окружающим миром, пути взаимодействия его периферийных характеристик с ядром.

Принципиально важным для исследования является выделение социокультурно-коммуникативного подхода к проблеме языка и дифференциации его с позиций различных факторов языковой личности. В качестве предпосылок появления данного подхода можно назвать работы Л.П. Крысина, Е.Ф. Тарасова, С.Р. Терминасовой, А. Вежбицкой, М.М. Маковского и др. По их мнению, изучение эволюции языка, тем более социокультурных последствий языковых изменений для социума и индивида, невозможно без рассмотрения факторов носителей языка, так как язык и человек неразделимы. В общепринятом смысле концепт «мушель жас» влияет на социальные характеристики человека, его групповые и организационные предпочтения. С целью выяснения значимости лингвокультурного понятия «мушель жас» был проведен социологический опрос билингвов, знающих в достаточной степени русский и казахский языки. Социолингвистический эксперимент способствует выявлению ассоциативного поля данного концепта, определению ядерных и периферийных компонентов. В результате анализа были выявлены наиболее частотные языковые средства, ассоциируемые с анализируемым концептом (первая цифра указывает порядок лексического понятия в порядке убывания частотности, вторая – количество употреблений).

- 1–182 – кіру (войти, вступить), кезі (время, период), басты (основной, главный), жұмбақ (загадка), көзқарас (взгляд, мировоззрение), көне (древний), көрсету (показывать), қажет емес (нет необходимости), құдайға сену (верить в бога), нану (верить), сезім (чувство), сенбеймін (не верю), ұлт (нация), шын (истинный),
- 2–160 – адам (человек), алдында (в начале),
- 3– 153 – молда (мулла, в т.ч. молдасы – 18),
- 4– 109 – жақсы (хороший),
- 5 – 97 – мусылман (мусульмане, мусульманская),
- 6 – 96 – ақылды (умный),
- 7 – 89–адамгершілік (человечество), әкелді (принес), бақытты (счастливый), білім (знание), денсаулық, нан (хлеб), өмірін сақтау (беречь жизнь), сақтаушы (хранитель), сөзі (слово),
- 8 – 73 – үлкен (большой),
- 9 – 68–бар (есть), байланысты (связанный), дінсіздік (атеизм, безверие), иман (царство небесное), қазақша (казахская), мәдениет (культура),
- 10 – 65 – ислам,
- 11 – 65– апа (мама), қамқор (покровительство), өмір (жизнь), сауатты (грамотный),
- 12 – 59 жаңа (новый), көйлек (платье),
- 13 – 52 – абзал жан (честная душа), әйел (женщина), жанашыр (самый близкий), кетті (ушел),
- 14 – 51 – сену (верить, в т.ч. сенді, сенім – 16),
- 15 – 47 – ауру (болезнь), әдет (обычай), безу (отрекаюсь), қазақ (казах), қарсы (против), қыз (девочка), шал (старик),
- 16 – 46 –кісі (человек),
- 17 – 44 – қайырымды (добрый), көп (много),
- 18 – 42–міндетті (обязан), сақтау (беречь, в т.ч. сақтады – 3),
- 19 – 41– көңілді (радостный),
- 20 – 38 – болу (быть, в т.ч. болды, болады, – 12),
- 21 – 38 – аман (здоровый),
- 22 – 38 – адал (честный), жас (молодой),
- 23 – 36 – келді (пришел, наступил),
- 24 – 30 – б – ақыл (ум), дертті (больной),
- 25 – 30 – ескілік (пережитки), сабағы (урок), сақтау (беречь),
- 26 – 27 –қатты (сильный),
- 27 – 30 – парызы (обязанность),
- 28 – 28 – зиян (вред),
- 29 – 27 – кеңесі (совет),
- 30 – 23 – ескі (старый, древний), кітап (книга),
- 31 – 21–ер (мужчина), жан (живое существо, душа),

- 32 – 21 – басы (начало),
- 33 – 19 – мешіт (мечеть),
- 34 – 19 – ажалды (смертный), ажарлы (красивый),
- 35 – 18 – құдай (бог),
- 36 – 18 – жеу (есть, кушать, в т.ч. жеді, жедім – 8),
- 37 – 17 – азамат (гражданин), өмір (жизнь),
- 38 – 15 – білгіш (знающий, сведущий), шақыру (вызвать, в т.ч. шақырды - 9),
- 39 – 15 – адамзат (человечество),
- 40 – 15 – сиыну (молиться, надеяться, в т.ч. сиынды, сиындым - 4),
- 41 – 14 – тамақ (еда),
- 45 – 14 – адалдық (честность),
- 46 – 13 – жаман (плохо, плохой),
- 47 – 11 – құран (коран),
- 48 – 11 – тәтті (сладкий),
- 49 – 10 – күшті (сильный), ойлау (думать, в т.ч. ойлады, –ым – 9),
- 50 – 9 – еңбек (труд),
- 51 – 8 – көмектесу (помогать, в т.ч. көмектесті – 6),
- 52 – 7 – ұқыпты (аккуратный).

Анализ ассоциативного словаря концепта мушель жас, а также материалов обсуждений многочисленных форумов (тексты даются в авторском написании) показывают, что для наивной картины мира человека важными, имеющими сакральный смысл, являются переходные годы между мушелями. Считается, что в конце каждого мушеля человека подстерегают различные беды и почти во всех откликах встречаются пожелания быть предельно осмотрительными в поступках, всем кто достиг переходного возраста. В сообщениях общим является объяснение жизненных явлений действием и присутствием особого нематериального начала.

Осознание пространственно-кругового упорядочения жизненного пути и связи с аруахами (душами умерших предков), необходимости приносить жертву, является важнейшим элементом социальной активности. Как показывает анализ материала, казахский народный обряд мушель жас – это яркий пример внутренней программы управления собственными жизненными целями личности. Те наставления, которые из поколения в поколение передаются от древних кочевников современным казахам, и есть та самая практика управления личными целями.

Первые 12 лет – детство, с 13 до 24 – молодость, с 25 до 36 – взрослый период, с 37 до 48 – зрелость, ну и, наконец, с 49 до 60 начинается возраст почтения, а с 61 года и дальше к человеку приходит старость. Таким образом, самыми сложными и критическими для человека являются следующие годы возраста – 13, 25, 37, 49, 61. Именно в эти годы мы переходим из одного

возрастного и социального статуса в следующий, подводя итоги прожитых лет и с надеждой вглядываясь в будущее. Физики сравнили бы такое состояние с переходом электрона на новую орбиту, и именно в это время структура наиболее неустойчива. Биологи сказали бы, что такое состояние сопоставимо с линькой: мы вырастаем из старой кожи, а новая еще только образуется, следовательно, в этот период мы наиболее уязвимы. А биоэнергетик подвел бы итог таким образом – в это время осуществляется передача энергии, опыта, накопленных знаний из одного возрастного состояния в другое, где все это будет оценено, трансформировано, переработано. При этом сам момент передачи наиболее ответственен, возможна утечка энергии, если не потеря ее.

Таким образом, ядерным компонентом тюркоязычного концепта «мушель жас» является понятие возраст, но на основной смысл накладываются дополнительные смыслы, обусловленные фундаментальными знаниями об основах жизни, народными традициями. Двенадцатилетние циклы, на которые опирается казахская народная традиция мушель жас, генерируют человеческие цели и желания. Жизнь человеческая очень разнообразная, рядом с великими добродетелями уживается великое зло. Человек вынужден делать выбор между добром и злом. Мушель жас – это начало каждого нового двенадцатилетнего цикла, когда человек в очередной раз делает выбор между добром и злом, и что немаловажно может управлять собственными жизненными целями. В культурном сознании тюркоязычных народов на ядерный компонент «возраст» концепта «мушель жас» наслаиваются вербально невыраженная имплицитная информация, существующая как подтекст и явно в языке не выраженная. Человек воспринимает буквальный смысл концепта и вместе с тем дополняет и расширяет его на основе своего личного опыта, ожидания и знания. При этом такая интерпретация не всегда предсказуема, ведь у каждого из реципиентов различный жизненный опыт, уровень образования и разные ассоциации.

Литература

- Выготский 1984 – Выготский Л.С. Проблема возраста. // Собрание сочинений: в 6 т.; т.4. – М.: Педагогика, 1984. – с. 244-268.
- Димитрюк 1998 – Димитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь / Ин-т языкознания, Ун-т «Мирас». - Шымкент ; М., 1998.
- Степанов 2001 – Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд 2-е, испр. и доп. М., 2001.
- Стилистический энциклопедический словарь. – М: Флинта: Наука. Под редакцией М.Н. Кожинной. 2003.
- Хроленко 2008 – Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. - 4-е изд. - Москва: Флинта: Наука, 2008.

Umurzakova, Anastasiya
Atyrau State University named of Kh. Dosmukhamedov,
Atyrau city, Republic of Kazakhstan
anastasiya211153@mail.ru

THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “MUSHEL ZHAS” IN THE CONDITIONS OF MULTILINGUALISM

***Abstract.** This article presents the results of the analysis of the concept “mushel Zhas” in intercultural communication. In speech of the Russian language, there are three inflectional forms: mushel, Mosel, mush, often uses the word mushel.*

Linguo-cultural concept is widespread in the field of communication. The article presents the data of sociological poll to identify the associative dictionary of the analyzed concept.

This concept is a topic of discussion for many forums in social networks and in the exchange of views actively involved learners and monolingual (including ethnic Russians), which reflects the importance of the linguocultural concept in understanding the culture of the Kazakh people.

***Keywords:** concept, mushel Zhas, multilingualism, culture.*

НАЦИОНАЛЬНО - КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИНАРНЫХ КОНЦЕПТОВ «ЖАДНОСТЬ» И «ЩЕДРОСТЬ» В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. В статье рассматриваются бинарные концепты «жадность» и «щедрость» в сопоставительном аспекте на материале русского и казахского языков. Выявляются сходные и отличительные структурно-смысловые особенности концептов «жадность» и «щедрость» в русской и казахской лингвокультурах.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, пословица, поговорка, значение.*

Современная наука о языке обращает значительное внимание на человеческий фактор: как люди общаются в той или иной ситуации, какими средствами языка они при этом пользуются, каким образом люди разных культур и социальных слоев строят свое высказывание и т.д.

Важным разделом науки о языке является лингвокоцептология, предметом изучения которой являются концепты. Концепты, по мнению исследователей (В.И. Карасика, Н.А. Красавского и Г.Г. Слышкина), характеризуются как ментальные образования, представляющие собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта, в котором могут выделяться образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны [Карасик 2009: 115]. Поэтому изучение концептов – один из способов изучить мировоззрение человека.

В рамках данной статьи описываются бинарные концепты «жадность» и «щедрость» в русском и казахском языках.

Исследование данных бинарных концептов осуществляется в семантическом и когнитивном аспектах. При этом используется группа приёмов структурно-семантического анализа и сопоставительный метод.

Материалом для исследования послужили толковые словари русского и казахского языков, а также пословицы о жадности и щедрости, извлеченные методом сплошной выборки из сборников пословиц сопоставляемых языков.

Анализируемые концепты в обеих лингвокультурах имеют тождественные и специфичные черты. Рассмотрим вначале значения ключевых слов концептов «жадность» и «щедрость» в словарях русского и казахского языков.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова понятие «жадность» определяется следующим образом: 1. *см.* жадный: 1) стремящийся к наживе, скупой; 2) настойчивый в стремлении удовлетворить свое желание,

выражающий это стремление; слишком падкий на что-нибудь; 3) исполненный желанием понять, познать что-нибудь. Пример: Жадное любопытство. Жадно (нареч.) слушать. 2. Скупость, корыстолюбие. 3. Чрезмерное стремление удовлетворять свое желание. Есть с жадностью. Жадность к развлечениям [4].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова понятие «жадность» определяется следующим образом: 1. Алчность, стремление удовлетворить непомерные, ненасытные желания. 2. Скупость, корыстолюбие (разг.). 3. *перен.* Напряженный интерес, напряженное внимание [5].

В «Толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой понятие «жадность» трактуется как 1) а) Стремление удовлетворить непомерные, ненасытные желания; алчность. б) *перен.* Напряженный интерес, напряженное внимание. 2) Скупость, корыстолюбие. 3) *перен.* Страстное стремление к чему-л., неудержимость в удовлетворении какого-л. желания [2].

Так, мы видим, что концепт «жадность» в словарях русского языка имеет следующие значения: 1) скупость, корыстолюбие 2) чрезмерное стремление удовлетворять свое желание; алчность, стремление удовлетворить непомерные, ненасытные желания; страстное стремление к чему-л., неудержимость в удовлетворении какого-л. желания; 3) перен. Напряженный интерес, напряженное внимание 4) как «собирательное название для ряда пороков, связанных с болезненным пристрастием к имуществу; стремление к богатству, не предполагающее упорного труда.

В Большом казахско-русском словаре «жадность» определяется как: 1) ашкөздік (ненасытность), 2) ашкөзділік; бақылдық; дүниекорлық; пайдакүнемдік; пайдақорлық (стяжательство); ашкөздік; қытымырлық; өте сарандық; тойымсыздық (скряжничество), ашқарақтық ; қомағайлық; мешкейлік; обырлық; тамақсаулық (прожорливость) [6].

Сопоставив приведенные значения слова «жадность» в толковых словарях русского и казахского языков, мы можем увидеть то, что концепт «жадность» имеет следующие признаки: 1) в русской и казахской лингвокультурах также имеется следующее значение слова «жадность» – нежелание использовать что-то даже самому, желание взять что-то у другого; 2) в русской и казахской лингвокультурах существует отрицательная оценка жадности; 3) в русской – жадность считается грехом. Подобное значение в казахской лингвокультуре отсутствует.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова понятие «щедрость» определяется следующим образом: оказание бескорыстной помощи другим, отсутствие скупости. С большой щедростью делиться с кем-нибудь. Научная щедрость (стремление передать другим свои мысли, идеи) [4].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова «щедрость»: 1) отвлеч. сущ. к щедрый в 1 и 3 знач., свойство щедрого человека. Прилагательное «щедрый» имеет следующие значения: 1) Охотно оказывающий помощь

деньгами, имуществом, не скупой. Щедрый человек. 2) Ценный, богатый. Обильный, большой. 3) Охотно раздающий что-нибудь, расточающий [5].

Итак, анализ толковых словарей русского языка показывает, концепт «щедрость» в словарях русского языка имеет следующие значения: 1) оказание бескорыстной помощи другим, отсутствие скупости: С большой щедростью делиться с кем-нибудь. Научная щедрость (стремление передать другим свои мысли, идеи) 2) Охотно оказывающий помощь деньгами, имуществом, не скупой. Щедрый человек 3) Ценный, богатый, обильный, большой 4) Охотно раздающий что-нибудь, расточающий 5) Качество, обозначающее нравственно совершенную меру в обращении с личным имуществом, представляющим ценность для других; в широком смысле – открытость индивида к другим, готовность делиться с ними как своим материальным достатком, так и способностями, знаниями, душевными силами прежде всего обнаруживается в искусстве, делать подарки, потом трансформировалась в милосердие, благотворительность. В современном повседневном сознании щедрость понимается широко, например, щедрая душа.

В Большом казахско-русском словаре понятие «щедрость» определяется следующим образом: 1. Берекелік(изобилие), 2. см. щедрый – морт (добрый, смелый, храбрый), жомарт (благородный), берекелі(бережливый, благодатный), берекеті (обильный) [6].

Таким образом, концепт «щедрость» в толковых словарях русского и казахского языков имеет следующие значения: 1) в обеих лингвокультурах понятие «щедрый» имеет значение «богатый»; 2) щедрость в русской и в казахской лингвокультуре связана с такими качествами человека, как милосердие, доброта, в казахской – понятие «щедрость» также связано с храбростью и смелостью.

Рассмотрим характеристики концептов «жадность» и «щедрость» на примере пословиц и поговорок в русской и казахской лингвокультурах. Пословицы и поговорки, как известно, являются важным материалом для анализа концептов культуры. В паремиологическом фонде языка отражены ценностные установки социума, пути формирования концепта.

I. И в казахской, и в русской лингвокультуре имеются пословицы и поговорки о том, что жизнь жадного человека очень тяжела, грустна: Деньга лежит, а шкура дрожит; Жадность – всякому горю начало; Жадность покою – лютый враг; Как собака, на сене лежит: и сама не ест, и другим не дает. Біреуге мал қайғы, Біреуге жан қайғы(Один трясется за жизнь свою, другой – добро свое); Один страдает из-за внешности, другой из-за жадности. Алтын тыққан адам аштан өлер (Дрожащий над золотом с голода умирает).

II. В обеих лингвокультурах встречаются пословицы и поговорки, показывающие, что жадность скупого человека не имеет границ: У скупого зерна не вымолотишь. У скряги зерна не вымолотишь. У скупого и

в Крещенье льду не выпросишь; Есть много, а хочется больше. Өзі тойса да көзі тоймайды (У обжоры живот трещит, а глаза еще просят); Көз бір уыс топыраққа тояды(Глаза насытятся только горстью земли) (т.е. со смертью); Жыланға түк біткен сайын қалтырауық болады (Чем больше жиреет змея, тем больше от жадности трясется она).

III. Прижимистый человек, как правило, настолько жаден, что ему жалко тратить средства даже на себя. Эта мысль отражена в пословицах и поговорках обеих сравниваемых нами лингвокультур: На ногу ступает, а чакчур (башмаков) не покупает; Богат, как ильинский сот, а живет, как скот; Богат, как Крез, а живет, как пес; Владеет городом, а помирает голодом; Житье скупое – платье носит худое.Қас араң өз тамағын өзінен тығады (Скупой свое от себя прячет); Алтын тыққан адам аштан өлер (Дрожащий над золотом с голода умирает).

IV. Скупой человек ничего не дает ни себе, ни людям. Об этом также имеются пословицы и поговорки в казахской и в русской лингвокультурах: Скупой запирает крепко, а потчует редко. Скрыге деньги, что собаке сено; Есть запас, да не про вас.Өзі сұрағаннан сарқыт дәмеппе (Не жди подношения от того, кто сам не наелся);Сараңнан сарқыт жегенше, Иттен тартып же (Чем от скупого угощения ждать, лучше у собаки кость отобрать); Сараң асын бермейді, Көзінің жасын бермейді (Угоститься у скупого, как слезами его написать); Берместің асы піспес, Қазаны оттан түспес (Скупого обед не сварится, пока гость не уйдет).

V. В русской лингвокультуре имеются пословицы и поговорки о том, душа жадного человека – плохая, а душа щедрого человека – хорошая. Скупому душа дешевле гроша. Дороже серебра и злата душа, что щедростью богата. Готов за деньги родную мать продать. Төренің тілі тәтті, діні қатты (Торе язык сладок, а душа черства). **В казахской лингвокультуре** также имеются пословицы и поговорки о том, что жадный человек способен на плохие дела. Сараңдықтың соңы – арамдық (Жадность подталкивает на подлость).

VI. Жадность является источником проблем для человека, она не ведет к добру, а может привести к бедности, к лишению ума, к душевной слепоте: Жадность до добра не доводит; Жадность ведет к бедности; Жадность последнего ума лишает; Жадность слепа. Сараңға саңыраулық қонады, Естісе де естімеген болады (Жадность порождает тугоухость: слышит, да вида не подает).

VII. В русской и в казахской лингвокультурах ценится щедрость, человек, который дает людям, сам богатеет. Одной рукой собирай, другою раздавай! Рука дающего не оскудевает; У кого руки щедры, тому все дороги открыты; У щедрых хозяев куры по два яйца приносят; Делай добро и бросай его в реку; Дающая рука не отболит, берущая не отсохнет. Қолы ашықтың –

жолы ашық (У кого руки щедры, тому все дороги открыты); Қос жұмыртқа туады (У щедрых хозяев куры по два яйца несут).

В русской лингвокультуре имеется много пословиц и поговорок о том, что ни в коем случае нельзя желать чужого добра. Не зарься на чужое, свое береги! Того не берут, чего в руки не дают. В казахской лингвокультуре подобных пословиц и поговорок нет.

VIII. Жадному человеку кажется, что ему все мало, другие богаче него. Эта мысль отражена и в русских, и в казахских пословицах и поговорках. В чужих руках ломоть велик; а как нам достанется, мал покажется. Түйе сойған, ешкі сойғаннан дәм етіпті (Зарезавший верблюда, зарится на мясо чужой козы).

IX. Обычно богатые люди – скупы, а бедные люди – щедры. Эта идея отражена и в русских, и в казахских пословицах и поговорках: Чем беднее, тем щедрее, чем богаче, тем скупее; Кто тороват, тот не богат; Не богат, да тороват, гостям рад; Не богатый пиво варит, тороватый: Не богатый кормит, тороватый. Бай аузында семіз сөз (Вся щедрость бая – на языке); Қолында жоқ – жомарт (Бедный – всегда щедрый); Жомарт жоқтыққа қарамас (Щедрость не зависит от богатства).

В русской лингвокультуре имеются пословицы и поговорки о том, что Бог помогает щедрым людям: Ктосирых напитает, тот бога знает (или: того бог знает) Оденем нагих, обуем босых; накормим алчных, напоимжадных, проводим мертвых заслужим небесное царство. В казахской лингвокультуре сходных пословиц и поговорок нет.

XI. Вопоставляемых лингвокультурах имеются пословицы и поговорки о том, что человек должен беречь свое состояние и свои деньги: Лучше свое побережь, чем чужое прожить; Лучше поскупиться, чем промотаться; Лучше скуповато, чем мотовато; В распуск веселее, а с зажимкой прибыльнее (т.е. жить). Ескікіім жаңа киімнің орғаушысы (Старое платье новое бережет); Қазанға түскен қайтып қапқатүспейді (Что в котел спустишь, обратно в мешок не положишь); Шашу оңай, жинау қиын (Раскидать легко, собрать трудно).

Таким образом, на основании проведенного исследования можно заключить, что **концепты «жадность» и «щедрость» в обеих лингвокультурах имеют идентичные и отличительные черты.**

И в русской, и в казахской лингвокультуре имеются следующие общие ценности: 1) жизнь жадного человека очень тяжела, грустна; 2) жадность скупого человека не имеет пределов; 3) скупой человек, как правило, настолько жаден, что ему жалко тратить средства даже на себя; 4) жадный человек ничего не дает ни себе, ни людям; 5) душа жадного человека плохая, а душа щедрого человека хорошая; 6) жадность является источником проблем для человека, она не ведет к добру, а может привести к бедности, к лишению ума, к душевной слепоте; 7) в обеих лингвокультурах ценится щедрость, человек,

который дает людям, сам богатеет; 8) обычно богатые люди- скупы, а бедные люди — щедры; 9) человек должен беречь свое имущество и свои деньги.

И в русской и в казахской лингвокультуре имеются следующие отличительные ценности: 1) в казахской – пословицы и поговорки о том, что жадный человек способен на плохие дела; 2) в русской лингвокультуре имеются пословицы и поговорки о том, что Бог помогает щедрым людям, в казахской лингвокультуре подобные пословицы и поговорки отсутствуют.

Литература

- Даль В.И. Пословицы русского народа. www.odon.org/dvi/prn0.htm (дата обращения 12.03.2017).
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка М.: Русский язык, 2000. -1233 с.
- Карасик В.И, Красавский Н.А, Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология: учеб. пособие. Волгоград: Парадигма, 2009. -116 с.
- Толковый словарь русского языка С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: «Русский язык», 1989, 915 с.
- Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова. [www. enc. biblioclub.ru](http://www.enc.biblioclub.ru) ...russogo...pod_red._d.n._ushakova
- Большой казахско-русский, русско казахский словарь. www.nashol.com ... bolshoi kazahsko –russkii ...slovar...k.html (дата обращения 12.03.2017).
- Пословицы и поговорки казахского языка о жадности и щедрости с переводом на русский язык. www.collegu.ucoz.ru (дата обращения 12.03.2017).

Tsertsvadze, Mzia

Kutaisi state University named after A. Tsereteli

Kutaisi, Georgia

mzia.cercvadze@yandex.ru

NATIONAL-CULTURAL PECULIARITIES OF THE THE BINARY CONCEPTS OF: “GREEDINESS” AND “GENEROSITY” IN THE RUSSIAN AND KAZAKH LINGUISTIC CULTURES

***Abstract.** The article discusses binary concepts «greediness» and “generosity” in a comparative aspect by the material of Russian and Kazakh languages. Identifies similar and different structural and semantic features of the concepts of «greediness» and «generosity» in the Russian and Kazakh linguistic cultures.*

***Keywords:** concept, linguistic mentality, proverb, adage.*

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОВОЙ ЛЕКСИКИ X-XVII ВЕКОВ: НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация. Понятие «преступление» в древнерусский период основывалось на нормах обычно-уголовного права. В ранних документах договорного характера и законодательных актах в качестве юридических терминов использовалась лексика, включающая в себя правовые, религиозные и нравственные характеристики. В предлагаемой статье автором анализируется лексическое отражение в текстах преступлений и их субъектов. В качестве источников привлечены Договоры Руси с Византией, Русская Правда, а также деловые документы XVI – XVII вв.

Ключевые слова: историческая лексикология, лексика права, наименования преступлений, наименования преступников, Древняя Русь

Неизменный интерес исследователей вызывают ранние этапы формирования русской юридической терминологии, которые непосредственно связаны с периодом становления правовой системы Древнерусского государства и во многом ею обусловлены. Политическая система Древней Руси включала в себя, во-первых, правовые принципы и нормы, содержащиеся в разного рода договорах, во-вторых, обычаи и традиции, а также религиозные и моральные нормы. Основными источниками права являлись правовой обычай и законодательный акт [Фалалеева 2003: 30, 49].

В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности наименований преступлений, а также их исполнителей в период Древней Руси и Московского государства.

В ранних источниках X-XIII веков, прежде всего договорах Руси с Византией, для обозначения различных правонарушений, кроме убийства и воровства, использовались такие слова, как *согрешенье*, *проказа*, *пакость*, *зло*. Данная лексика применялась в разных сферах древнерусского языка: разговорной речи, церковных и летописных текстах. В правовых документах слова употреблялись в качестве юридических терминов, приобретали иные значения.

Лексема *согрешенье* фиксируется в Договоре Руси с Византией 911 года: *да егда кленеться по вере своей, будет казнь, якоже явиться согрешенье* [Памятники 1952: 7]. По мнению Д.Я. Самоквасова, *согрешенье* было специальным названием деяния преступного и подлежащего наказанию

по закону [Самоквасов: 147]. В статье, которая устанавливает условия доказательства совершения преступления, используется слово *проказа*: *иже ся ключить проказа, урядимся сице..* [Памятники 1952: 7]. В Договоре Руси с Византией 944 года в статье, касающейся выдачи греческих преступников греческому правительству для наказания, говорится: *Аще ключится проказа некака от Грек, сущих под властью цесарьства нашего, да не имать власти казнити я...* [Там же: 33]. Ф.Г. Эверс трактует этот термин как ‘преступление’: «Если греки, стоящие под властью нашего Царства, учинят какое-либо преступление» [Эверс 1835: 208]. В статье Договора 911 года о помощи иностранцам, потерпевшим бедствие, говорится: *Аще ли ключиться такоже проказа лодии Руской, да проводим ю в Рускую землю* [Памятники 1952: 8]. В данном случае проказа имеет значение ‘бедствие, несчастье’. По происхождению слово является общеславянским и, возможно, образовано от корня *kaz- (см. казнь, козни, искажать, также исчезать) [Черных 1999: II, 70].

Лексемы *пакость*, *зло* употребляются в составе словосочетания с глаголом *творить* (*сотворить*): *творить пакости*, *творить зло*. В Договоре князя Игоря *творить пакости*, эквивалентное сочетанию ‘творить бесчинства’, содержится в следующем контексте: *Входяще же Русь в град, да [не творять пакости] не имеют власти купити паволок лише по 50 златьник* [Памятники 1952: 32]. В этом же источнике фиксируется и глагол *пакостить* со значением ‘причинять ущерб’: *Иже то приходят Чернии Болгаре и воюють в стране Корсуньстеи, и велим князю Рускому, да не пуцаеть и пакостяеть стране его* [Там же: 33]. Согласно «Материалам» И.И. Срезневского, основные значения слова *пакость* - ‘вред, зло, разорение, грабеж, обида, обман’; *пакостити* – ‘причинять вред, грабить, производить разбой’ [Срезневский 1902: 862-865]. Г. Дьяченко связывает происхождение этой лексемы с санскр. *phakk* – ‘бесчестно поступать’ и *phakkika* – ‘обман’ [Дьяченко 1899: 404]. Субъект деяния - *пакостникъ* – ‘злодей, мучитель’ [Срезневский 1902: 865].

Словосочетание *творить зло* содержится в статье о ловле рыбы: *Аще обряцуть в устьи Днепра Русь Корсуняны, рыбы ловяща, да не творять им зла никакого же* [Памятники 1952: 33]. В данном контексте его можно понимать как ‘причинять ущерб, наносить вред’. Лексема *зло* фиксируется в словарях в широком значении - ‘беда, грех’ [Срезневский 1893: 1000]. В качестве наименования субъекта правонарушения употреблялось однокоренное существительное *злодей*, например, в статье о должниках: *О различныхходящих во Греки и удолжающих... Аще злодеи възвратится в Русь, да жалуютъ Русь хрестьянскому цесарству, и ят будетъ таковыи, и възвращен будетъ, не хотя, в Русь* [Памятники 1952: 9]. *Злодеями* назывались «явные преступники, обличенные несомненными доказательствами и долженствовавшие понести наказание по закону и приговору суда» [Самоквасов 1908: 148].

Анализируя семантику выше рассмотренных слов, следует отметить, что существительное *согрешенье* в основном своем значении относится к

религиозной сфере. На ранней стадии развития права понятие преступления «глубоко синкретично с понятием греха» [Момотов 2003: 323]. Как отмечает Д.Я. Самоквасов, смысл названия *согрешенье* «соответствует религиозному характеру славянорусского права языческой эпохи, по которому нарушение права было тождественно с нарушением религии» [Самоквасов 1908: 147]. Слова *проказа*, *накость* относятся к тяжким болезням, причиняющим человеку физические страдания. «Было три вида проказы: 1) белая, когда белые пятна покрывали все тело; 2) черная – отличная от первой только цветом; 3) красная, очень заразительная» [Дьяченко 1899: 509]. П.Я. Черных *накость* связывает с недугом – подагрой – и считает, что общеславянское *rakostь образовано от *kostь с приставкой *ра- (ср. па-губа). Исследователь пишет: «Старшим значением можно считать что-нибудь вроде «костный нарост», откуда позже «болезнь» (подагрическая?), отсюда далее ‘вред’, ‘несчастье’, ‘зло’ [Черных 1999: I, 616]. Таким образом, рассмотренные выше наименования входят в круг духовного (религиозного) и физического как отклонения от существующей нормы, правильного и гармоничного установления вещей в окружающем нас мире и означают «болезнь» как духовную, так и физическую.

В ранних законодательных актах русских князей для обозначения разного рода правонарушений широко применялся термин *обида*. В то время община являлась важным структурным элементом становящейся правовой системы Древней Руси, так как именно в рамках общины, базируясь на традициях языческой культуры, формировалась система устного права. К X веку она достигала высокого уровня развития. В связи с чем можно утверждать, что юридическая терминология берет свое начало в сфере народно-разговорной речи, а затем проникает в государственные документы правового характера. Как отмечает Георгиевский, «очевидно, что свой юридический путь «обида» начинает в недрах древнерусской общины» [Георгиевский 2013: 155]. М.А. Дьяконов отмечает: «Русской Правде неизвестен термин преступление, она знает лишь “обиду”. ... Тогда всякое правонарушение считалось обидой» [Дьяконов 1905: 1]. В «Словаре русского языка XI – XVII веков» данная лексема фиксируется со значением ‘несправедливость; несправедливое притеснение, нарушение прав, оскорбление’: *Вступита, господина, въ злата стремять за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря* [Словарь 1987: 49]. В Русской Правде, одном из первых княжеских судебных законодательных актов, этот термин употребляется со значением ‘материальное притеснение; ущерб (особенно ущерб, наносимый более слабым, зависимым)’: *А оже уведеть чюжь холоп, любо робу, платити ему за обиду 12 гривне* [Там же]. Словосочетание *платить за обиду* означает ‘платить за причиненный ущерб’. Также в Русской Правде встречается словосочетание *убить в обиду*: *Аще убьютъ огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убищи, а людем не надобе* [Памятники 1952: 79]. Исследователи по-разному объясняют его значение. А.А. Зимин полагает, что данное словосочетание означает ‘мстить за нанесенную обиду’ [Там же: 83]. А. Богдановский связывает *убить в обиду* с явлением кровной

мести и полагает, что это не что иное, как акт возмездия, совершенный открыто [Богдановский 1857: 26]. Однако А. Чебышев-Дмитриев понимает под этим терминологическим сочетанием «простое злоумышленное убийство, которое лишает преступника общинной помощи в уплате виры», а с актом кровной мести связывает словосочетание *убить в разбое* [Чебышев-Дмитриев 1862: 73]. Кроме того, встречающееся в актовой письменности словосочетание *не дати, не выдати (не выдавати) въ обиду* означало ‘защитить (защищать), не позволить (позволять) причинить ущерб, неприятность кому-либо’: *А ты, Меркурей, по моеи грамоте блюди ихъ и въ обиду ихъ не выдаваи никому* [Словарь 1987: 49]. И.И. Срезневский отмечает словосочетания *быти за обиду, быти въ обиде*: *Нама даи Богъ нерозделно с тобою быти ни чимъ же, но а что твоя обида кде, а нама даи Богъ ту самемъ быти за твою обиду; Не хочета ли того всего исправити, то язъ въ обиде не могу быти* [Срезневский 1902: 504]. Таким образом, под *обидой* понимается противоправное деяние, наносящее материальный вред. Глагол *приобидеть* ‘причинить ущерб’ содержится в статье договора Руси с Византией 944 года о найденной ладье: *Аще обрящутъ Русь кубару Гречьскую, въвержену на коем любо месте, да не преобидятъ ея; аще ли от нея возьметъ кто что, или человека поработитъ или убьетъ, да будет повинен закону Руску и Гречьску* [Памятники 1952: 33].

Историки права также связывают *обиду* со штрафом, который платился за совершенное правонарушение. Э.В. Георгиевский отмечает, что в тексте Краткой Правды термин *обида* «употребляется, как правило, в санкции статьи применительно к взиманию именно денежного штрафа» [Георгиевский 2013: 161]. В «Словаре русского языка XI – XVII веков» содержится ряд однокоренных слов среднего рода с разными значениями: 1) *обидящее* – ‘штраф, компенсация за ущерб разного рода’: *А не очистит Моисей или инои приказщикъ после Мосея тех полупретих вобеж пожни своєї доли на Биричеве по конец Нечаева да Воронцева поля, и на мне, на Мошее, також застава пять рублев, на судию онежские земли рубль, а исцу обидящего четыре рубля;* 2) *обидение* – ‘оскорбление, насилие’: *Богъ священнаго дому пречистныя своєї матери не дастъ во обидении быти;* 3) *обижение* – ‘обида, притеснение’: *Также бѣ торговали со всякою повольностию и безъ обижения,* 4) *обидное* – ‘то, что вызывает спор, вражду; предмет спора’: *А что ся учинит межы васъ какова обида, и вам отслати своих бояр, уни учинят исправу. А о чем ся сопрут, ино им третеи митрополит. А кого митрополит обинит, ино обидное отдати* [Словарь 1987: 49 -51]. Термин *обида* как ‘притеснение, нарушение прав, несправедливость’ используется в государственных документах XVI - XVII веков: *а что Николского Корелского монастыря ихъ слугъ и крестьянъ и дворниковъ отъ сторонныхъ ото всякихъ людей отъ насилства и отъ обидъ нашихъ приказнымъ людемъ велено беречи* [Акты 1841: 105]. Также в частных жалобах читаем: *быють челомъ и извещаютъ твои государевы сироты... на Василья да на Илью, да на Тита Вечеславовыхъ ... въ ихъ насилствахъ и обидахъ* [Акты 1894: 755]; *...и в том мне, сироте, приказал дать запись, чтоб*

они прогоны и отвод крепили, и травы не толочыли и не травили, и никакой обиды не чынили [Крестьянские 1994: 45].

Глагол *изобидеть* со значением ‘нарушить права, причинить ущерб, совершить насилие’ широко представлен в царских и княжеских жалованных грамотах того периода: *А кто у них в монастыре и въ монастырских деревнях станут силно или кто что возмет, или кто чемъ изобидит, и тому от нас, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России, быти в казни* [Каштанов 1996: 160]; *А через сию мою грамоту хто [их] чемъ изобидит, быти от меня в казни* [Там же: 129]. Также *изобидеть* встречается в челобитных. Например, в челобитной крестьянина Суздальского собора Рождества Богородицы села Ивановского Суздальского уезда Перфилия Алексеева протопопу Петру Степановичу с братией о присвоении его хлеба и имущества братом говорится: *Умилостивися, государь священно-протопоп Петр Степанович з братиею, пожалуйте меня, сироту своего, велите, государь, об том обо всем розыскать. А нажитку дал мне лошадеи и овец и свинеи, все треть, а не против уговору, во всем изобидел. И после розыску учините мне во всем о том свое рассмотрение* [Крестьянские 1994: 77].

В период XI – XIII веков со значением ‘обидчик, притеснитель’ широко использовались существительные *обидель (обидьль)* и *обидникъ* [Словарь 1987: 49 -50]. Существительное *обидчикъ* с суффиксом –*чик* появляется в более поздний период и фиксируется в деловых документах XVII века: *Учинить... союзъ... противъ короля свейскаго, яко общаго обоихъ государствъ неприятеля и обидчика* [Там же: 51]. Причину столь долгого существования этого термина можно объяснить тем, что он включал в себя семантику причинения вреда не только имущественного, но и морального, нравственного. Кроме того, он отражал эмоциональное состояние человека, подвергнувшегося притеснению, насилию, несправедливым действиям в отношении себя.

Наряду с термином *обида* значение морального ущерба содержала лексема *сором*. *Сором* восходит к общеславянскому **soгm* и и.-е. основе **k’oгmo-* и распространен и в западных, и в восточных языках, только в разных значениях. В современном немецком *harm* – ‘грусть, скорбь, страдание’, в исландском *harmur* – ‘печаль, горе’, английском *harm* – ‘вред, ущерб, обида’. В восточных языках (афганском, курдском и др.) это слово означает ‘срам, стыд, позор’ [Черных 1999: II, 196]. Как видим, в русском языке закрепилась семантика этого термина, соотносимая с восточной. Позднее в документах появляется существительное *соромота*, образованное от *сором* с помощью суффикса –*от*: *А безчестие будетъ списано въ жалобнице и убытокъ и соромота. И вамъ бы въ томъ было явно и ведомо* [Акты 1894: 118]. В Смоленском привилеи 1505 г. фиксируется глагол *соромотить*: *што ся тычетъ ябедниковъ, которые ходечи по месту людей соромотятъ и боемъ клепятъ и заряживаютъ заряды великии* [Брицын 1965: 36].

Интересными представляются пути развития терминологии, связанной с убийством – одним из тяжких уголовных преступлений. В договоре Руси с

Византией 911 года фиксируются лексемы *убийство* и *убой*: *Аще кто убьеть Христиана Русин или Христьян Русина, да умереть, идеже аще сотворить убиство; Аще ли есть неимовит сотворивыи убои и убежав, да держиться тяжи, дондеже обряцеться, яко да умереть* [Памятники 1952: 7]. Также в Пространной Правде содержится подзаголовок *О убистве. Аже кто убьеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють* [Там же: 108]. В более поздний период, в XVII веке, наряду с лексемой *убийство* употребляются существительные *убивство*, *убойство*: *И он, старец, приехал пьяной в домовые ж дуга и нас, сирот, почал бить и увечить вместо смертного убивства* [Крестьянские 1994: 37]; *в Чаронской округе чиняцца у крестьян в земляном деле споры большие и промеж ими драки и смертные убивства* [Акты 1990: 77]; *и сено кошеное отнял и хлеб жать заповедывает и похваляется смертным убоиством* [Крестьянские: 73]; *и вперед он мне угрожает смертным убоиством* [Там же: 114]. Глагол *убить* ‘лишить жизни’, активно употреблявшийся в тексте Русской Правды: *Убьеть муж мужа, то мьстит брату брата* [ПРП: 77], продолжает использоваться в документах московского периода, но с иным значением, а именно ‘избить, нанести побои, покалечить’. Например: *И тот Михаило с товарищи учали меня бить и грабить и убив покинули замертва; ... и тот, государь, откупщик кабацкои Посник ...учал меня бити и грабити, и убив, государь, меня, Максимка, замертва покинул и денги с меня снял* [Крестьянские 1994: 14, 16]. Субъект данного противоправного деяния получил наименование *убоец*: *И где мне случится смерть безъ вести, и тотъ Грибуша мне и убоец* [Акты 1894: 720].

Однако в документах правового характера для обозначения убийства – ‘лишения жизни’ и его субъекта в более поздний период закрепляются лексемы *душегубство* и *душегуб*, *душегубец* [Словарь 1977: 389]. Так, в жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича 1540 г. говорится: *А учиницца у них душегубство, а не дощутца душегубца, и они дадуть наместнику володимерскому, их волостелю талишинскому веры за голову четыре рубли, то ему и с тиуном* [Каштанов 1996: 169]. *Душегубство* связано с понятием гибели души, а *душегубец* – тот, кто губит душу, прежде всего невинную. Подтверждением этого являются словосочетания, использовавшиеся в церковной литературе: *душу погубити* ‘совершить убийство, лишить жизни невинного’, *искати души* (чьей-либо) – ‘желать чьей-либо гибели’ [Словарь 1977: 385-386]. Об этом с невероятной глубиной и убедительностью написал Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание», указав на то, что человек, отнимая жизнь у другого, губит прежде всего собственную душу. Родион Раскольников, совершив убийство, говорит: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!..» [Достоевский 2003: 449].

Таким образом, в ранних правовых текстах употреблялись термины обобщенного характера *согрешенье*, *пакости*, *проказа*. Лексема *обида*, использовавшаяся в качестве юридического термина, включала в себя также

эмоциональную реакцию на те действия, которые совершались в отношении того или иного лица и воспринимались им как несправедливые. С причинением морального вреда, бесчестьем, с тем, что затрагивает достоинство человека, позорит его, связано слово *сором*. Лексема *убийство*, известная ранним древнерусским источникам, заменяется позднее словом *душегубство*, в котором особенно отчетливо видна нравственная составляющая, показывающая пагубность противоправного деяния – убийства – и предупреждающая о его последствиях. В наименованиях преступлений находит отражение тесная связь правовых, религиозных и нравственных характеристик. Такого рода терминология уходит корнями в глубокую древность и содержит в себе книжную мудрость и глубину смыслов традиционной народной культуры. Преступления и их субъекты образуют пары: *пакость – пакостник, зло – злодей, обида – обидитель (обидник, обидчик), душегубство – душегуб, душегубец* и др. Данная лексика со временем выходит из правовой сферы и теряет свое терминологическое значение.

Литература

- Акты 1841 – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. II, Спб., 1841.
- Акты 1990 – Акты писцового дела 60-80-х годов XVII в. М., Наука, 1990.
- Акты 1894 – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. II, Спб., 1894.
- Богдановский 1857 – Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.
- Брицын 1965 – Брицын М.А. Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1965.
- Георгиевский 2013 – Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013.
- Дьяконов 1905 – Дьяконов М.А. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства. Юрьев, 1905.
- Достоевский 2003 – Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2003.
- Дьяченко 1899 – Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1899.
- Каштанов 1996 – Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X – XVI вв.). М., 1996.
- Крестьянские 1994 – Крестьянские челобитные XVII века. Из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994.
- Момотов 2003 – Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003.
- Памятники 1952 – Памятники русского права. Вып. 1. Под ред. С.В. Юшкова. М., 1952.

- Самоквасов 1908 – Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М., 1908.
- Словарь 1977 – Словарь русского языка XI –XVII веков. Вып. 4. М., 1977.
- Словарь 1987 – Словарь русского языка XI –XVII веков. Вып. 12. М., 1987.
- Срезневский 1893 – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. Спб., 1893.
- Срезневский 1902 – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. Спб., 1902.
- Фалалеева 2003 – Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX – X вв., Волгоград, 2003.
- Чебышев-Дмитриев 1862 – Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862.
- Черных 1999 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I – II, 1999.
- Эверс 1835 – Эверс Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Спб., 1835.

Chashchina, Elena

Institute of Linguistics

Faculty of Modern Languages and Literatures

Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland

jelena.c@amu.edu.pl

HISTORY OF THE RUSSIAN JURIDICAL LEXICON OF THE 10TH – 17TH CENTURIES: NAMES OF CRIMES AND CRIMINALS

***Abstract.** The concept of „crime” in the period of Old Russian was based on the norms that were included in traditional criminal law. In earlier documents of a contractual nature and in legislative acts was used vocabulary, including legal, religious and moral characteristics, as legal terms. Vocabulary is analysed from point of view of origin, semantics and sphere of use. The author in this research article analyses lexicology that was used in a texts about crimes and criminals. As sources were used Contracts of Russia with Byzantine Empire, Russkaya Pravda (Rus’ Justice) and business documents of the 16th - 17th centuries.*

***Keywords:** historical lexicology, lexical meaning, names of crimes, names of criminals, Ancient Russia.*

ЗНАНИЕ И МНЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Современная публицистика обнаруживает тенденцию к выражению личностной позиции. Субъективная оценка событий в речи доминирует над объективной точкой зрения. Сложившаяся ситуация возвращает лингвистику к вопросу о специфике соотношения знания и мнения, о разработанных в языке способах маркирования источника информации и её соответствие объективной реальности. Статья посвящена рассмотрению способов экспликации знания / мнения в современном публицистическом тексте на русском языке.

Ключевые слова: философия языка, языковая картина мира, верификация, публицистический дискурс.

Вопрос разграничения *знания* и *мнения* имеет длительную традицию изучения в европейской философии. Ключевой проблемой в этом случае оказывается поиск критериев истинности / ложности, объективности / субъективности. Показателен в этой связи предлагаемый современным философом Я. Хинтикка вывод о несводимости друг к другу понятий *мнение* и *знание*: знание истинно в одном из возможных миров, совпадающем с реальным, мнение – в одном из возможных миров, не обязательно совпадающем с реальным [Hintikka 1962]. В поисках новой метафизики, не предполагающей отделения познающего сознания от познаваемого объекта, современная наука обнаруживает склонность к отказу от традиционной постановки вопроса о познаваемости мира. Акцент переносится на познание познающего сознания. Когнитивная парадигма, завоёвывающая научное пространство в XXI веке, строится на убеждении, что «больше невозможно отрывать познание мира от познания своего мышления и восприятия, как это делала наука на протяжении последних веков» [Уфимцев 2011].

Лингвистический аспект обсуждаемой проблемы разработан в гораздо меньшей степени, что объясняется неактуальностью для языка обозначенных критериев. Языковая картина мира, определяемая как зафиксированные в языке результаты познавательной деятельности этноса, рассматривается как относительно независимый от объективной реальности феномен. Независимый в смысле, обозначенном в работах Х.-Г. Гадамера: «Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некоей оснасткой – но на языке основано и в нём выражается то, что для человека есть мир. Для человека мир есть “тут” в качестве

мира <...> это тут-бытие мира есть бытие языковое» [Гадамер 1988: 511]. И далее: «Не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение, – но подлинное бытие языка означает вместе с тем исконно языковой характер человеческого бытия-в-мире» [Гадамер 1988: 512].

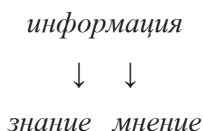
В обозначенном ракурсе актуальность оппозиции знание / мнение сходит на нет, ибо *знание* есть продукт познавательной активности субъекта, представляющий собой осмысление опыта взаимодействия с миром, т.е. формирование собственного *мнения*. Язык, во всяком случае – русский, в своей семантической системе фиксирует незначимость оппозиции. Сравним предлагаемые словарями толкования понятий.

Дефиниция лексемы *знание* включает такие семантические компоненты, как: ‘деятельность’, ‘результат’, ‘познание’, ‘сознание’, ‘действительность’. Аналогичный набор сем обнаруживаем и в дефинициях лексемы *мнение*, в качестве дифференциальных можно рассматривать семы, связанные с речевой деятельностью («суждение о чем-нибудь, выраженное в словах» [Словарь Ушакова]).

Снятие оппозиции имеет далеко идущие последствия уже не столько для языка, сколько для социума. В современном информационном пространстве чрезвычайно актуальным становится вопрос достоверности сообщаемого. И в первую очередь это касается публичной коммуникации. Суть проблемы заключается в том, что на предыдущем этапе формирования медиа-среды у большей части потребителей информации сформировалась привычка воспринимать печатное слово за истину, а сегодня необходимо учиться отличать сообщение о факте от его интерпретации, т.е. *знание* от *мнения*.

В процессе обучения / овладения языком важно формировать навыки чтения и понимания современного публичного дискурса; речь идёт о коммуникации на открытых дискуссионных интернет-площадках, о публицистике в широком понимании этого слова.

Решение поставленной задачи видится нам в рассмотрении трёхчастной двухуровневой оппозиции:



Сложность отношений внутри оппозиции неоднократно становилась объектом научного исследования. Так, Г.Г. Мёллер в процессе сравнительного анализа науки и СМИ как социальных сфер, отвечающих за производство информации, приходит к утверждению, что для СМИ утрачивает актуальность критерий истинность / ложность, а на смену ему приходит информация / не информация. Новый критерий связан с представлением о новизне и уровне социальной значимости (общественного интереса). Суть предлагаемой

подмены определяется автором следующим образом: «Во времена, когда СМИ еще не существовали, можно было познать мир, получив образование. В эпоху СМИ это уже невозможно. Система образования безусловно обеспечивает нас научными знаниями, необходимыми для успешной профессиональной деятельности, но, чтобы ежедневно быть в курсе событий, происходящих в обществе, мы полагаемся на СМИ как на источник информации. Образование снабжает нас, помимо прочего, фактами, но не информацией в специфическом вышеозначенном смысле. В современном обществе за СМИ закрепились монополия на производство знания в качестве информации» [Мёллер 2008]. Предлагаемая трактовка исключает возможность *мнения* как альтернативы *знания*, коль скоро и то, и другое суть процесс порождения *информации*. Потребителю информации предоставляется право самому квалифицировать её как *факт* или *мнение*.

Исследованием способов языкового маркирования статуса информации активно занимаются сегодня представители нового направления в исследовании текста / речи – юрислингвистики. С правовой (экспертной) точки зрения, высказывания, имеющие форму *утверждений* и *неутверждений* (мнений, оценок, предположений), обнаруживают существенные отличия.

Так, по мнению А.Н. Баранова *утверждением* является «вербально передаваемая кому-либо информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берёт на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2007: 30]. Информация, выраженная в форме *мнения* (оценки, убеждения, предположения), не предполагает проверки на соответствие действительности, поскольку относится к области личностного восприятия и трактовки событий, действий и состояний. В качестве маркеров последней рассматриваются пропозициональные глаголы типа: *думать, думаться, считать, полагать, предполагать, сомневаться, находить (что, (мне) кажется* [Дмитровская 1988]; а также наречные выражения, вводные слова и конструкции, связанные с оценкой достоверности высказывания: *по-моему, вероятно, возможно, пожалуй, может быть, наверное, судя по всему* и т.п.

Наличие перечня средств языкового маркирования статуса высказывания (здесь он очевидно не полный), однако, не способствует решению проблемы квалификации информации: ни в юридическом, ни в правовом её аспекте.

Продемонстрируем это на конкретном материале, в качестве которого используем статью Д. Красина «Наделал долги и во власть? Или кто заказывает «Торнадо» на рынке недвижимости?», опубликованную в региональной газете

«Южноуральская панорама» от 1-го марта 2012 года. Информационный повод – обсуждение личности кандидата в депутаты местного органа власти.

Предпосланный статье заголовочный комплекс формально необходимо рассматривать в качестве суждения, выражающего *мнение*, поскольку ему придана форма вопросительного предложения. Однако синтаксическая структура вступает в противоречие с лексическим наполнением: разговорные формулировки *наделать долги (правильно – наделать долгов), заказывать (что?)* в значении «руководить, управлять» задают логику прочтения статьи и используются автором в качестве инструмента манипулирования мнением читателей. Таким образом, мы имеем дело с утверждением о факте, т.е. *знанием*.

В лексико-синтаксической структуре текста выделяются и другие утверждения о фактах, «замаскированные» под мнения:

- *«При этом не стоит забывать, что в настоящее время N баллотируется в депутаты местного органа власти, а статус народного избранника **по идее** должен заставлять его бороться с подобными явлениями, а не наоборот создавать почву для них. Но, **видимо**, миасский бизнесмен притерзливается какой-то иной логики»;*
- *«Но, **видимо**, миасским «валиханам» на это глубоко плевать, условия договора для них и не закон, и не стимул, а **если что, то можно будет** прикрыться столь желаемым депутатским мандатом».*

В каждом из приведённых фрагментов выделены элементы, призванные эксплицировать «якобы» сомнения автора в истинности предлагаемых суждений. Однако, как и в случае с заголовочным комплексом, это не более чем риторическая фигура: возможность существования какой-либо «иной логики» заведомо исключается, поскольку представитель власти призван бороться с мошенничеством в любом его проявлении. Во втором фрагменте дополнительно использован приём метонимии – использование имени собственного (*Валихан*) в функции означивания типичного социального явления, что акцентирует внимание читателя на неуникальности рассматриваемого случая.

Факт, или информация, которая может быть подвергнута верификации, заключена во вполне нейтральном утверждении о задолженности предприятия по налоговым платежам: *«По итогам **проверки, проведенной Комитетом по управлению имуществом и земельным отношениям Челябинска, задолженность ЗАО «Трест Уралавтострой» по арендным платежам за землю составляет сегодня около 10 миллионов рублей».*** Отсылка к источнику, апелляция к которому может содействовать верификации утверждения, эксплицирована посредством вводной синтаксической конструкции – *по итогам проверки.*

Ключевым в тексте является высказывание, содержательно представляющее собой описание мошеннической схемы, авторство которой приписывается

«герою» статьи. В этом фрагменте мы сталкиваемся с противоположным использованному ранее приёмом – попыткой выдать *мнение за знание*: «То есть они выбрали следующую схему – построить объекты недвижимости, которые сегодня пользуются большим спросом, распродать квадратные метры за сумму с немалым количеством нулей, при этом не выполнить своих обязательств перед муниципалитетом, который им выделил землю под строительство. На юридическом языке такой подход чаще всего звучит, как «незаконное обогащение», а в народе называют проще – «кидаловом» (жаргон. – от глагола *кидать / кинуть* – «обмануть»); *кидалово* – «обман, мошенничество» [БТС]).

Рассмотренный текстовый материал не уникален. Берем на себя ответственность утверждать, что современный публицистический дискурс демонстрирует стремление отказаться от свойственного для него на предыдущем этапе принципа предлагать адресату только подтвержденную / проверенную информацию. Доведение этой тенденции до логического конца приводит к такому активно распространяющемуся сегодня явлению, как *фейковые новости*, или *фальшивые новости* (от английского слова *fake* «поддельный, фальшивый»). Для современной медиа-среды актуальной проблемой оказывается поиск критериев разграничения собственно новости (информации) и её подделки (не информации).

Язык, разработавший систему маркирования степени уверенности субъекта в сообщаемом, может служить одним из таких критериев. Однако, умению анализировать собственно лингвистическую структуру текста необходимо обучать. И особенно актуальной эта задача является в процессе обучения неродному языку.

Литература

- Hintikka 1962 – Hintikka K.J. Knowledge and belief: An introduction to the logic of the two notions. Ithaca, 1962.
- Баранов 2007 – Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка. М., 2014. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
- Гадамер 1988 – Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Дмитровская 1988 – Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека. // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. М., 1988.
- Мёллер 2008 – Мёллер Г.Г. Знание как «вредная привычка». Сравнительный анализ. // Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур. М., 2008. URL: <http://ec-dejavu.net/k/Knowledge-2.html>

- Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка. URL: <http://ushakovdictionary.ru/>
- Уфимцев 2011 – Уфимцев Р. Манифест когнитивиста. URL: <http://www.cognitivist.ru/er/kernel/manifest.xml>

Churilina, Lyubov

*D. Sc. in Philology, Professor, Department of Russian Language,
General Linguistics and Mass Communication,
Institute of Humanitarian Education, Nosov
Magnitogorsk State Technical University “NMSTU”
Magnitogorsk, Russia
lchurilina@gmail.com*

KNOWLEDGE AND OPINION IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS: THE SPECIFICITY OF OBJECTIFICATION IN CONTEMPORARY PUBLIC COMMUNICATION

***Abstract.** Modern publicistic discourse seeks to reflect the results of cognitive and evaluative activities of the entity. Subjective evaluation of events dominates an objective point of view. In this situation for linguistics pressing question of the relations between knowledge and opinion. The article is devoted to consideration of ways of an explication of knowledge / opinions in modern journalistic text in Russian.*

***Keywords:** philosophy of language, language picture of the world, verification of information, publicistic discourse.*

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД

*Александрова Петя Александровна
Новый Болгарский Университет
София, Болгария*

РУССКАЯ КЛАСИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА СОВРЕМЕННОЙ МОСКОВСКОЙ СЦЕНЕ - ПО ТУ СТОРОНУ ТЕКСТА („ТРИ СЕСТРЫ“ ЧЕХОВА В ПОСТАНОВКАХ КУЛЯГИНА И ЖОЛДАКА)

Аннотация. В театрах России сегодня ставят русскую классику постоянно, но основной фигурой все же является режиссер. Интерпретация, обращение снова и снова к замыслу, доверие в изначальное предназначение театра как действо, желание передать ритм и яркость переживаний отводят внимание от как будто бы истертых и давно приедшихся слов к языку движений, интонаций, тишины, марионеток и интертекстуального визуального ряда. На примере двух спектаклей по Чехову („Три сестры“ Кулябина в Новосибирском театре и „По ту сторону занавеса“ Жолдака в Александринском) разворачивается танец сновидений и экспериментов по ту сторону текста.

Ключевые слова: спектакли, Чехов, Жолдак, Кулябин, «Три сестры», режиссер, эксперимент.

Сначала я думала рассматривать как сегодня в российских театрах ставят русскую классику. Однако для этого так много материала, что я решила редуцировать свое выступление на примере спектаклей, включенных только на Российском национальном фестивале „Золотая маска“, только за последний год, только Чехов и только по его пьесе „Три сестры“.

Конечно, никак без пьес Антона Павловича ни один театральный фестиваль в мире обойтись не может, вот и по итогам этой «Золотой маски» можно было перечислять - «Дяди Вани» (два), «Три сестры» (две), одна «Чайка» (эскиз). Устареть этим героям пока не довелось, правда, Андрий Жолдак в спектакле Александринского театра на всякий случай отправил сестер в далекое будущее, в 4015-й год.

Меня в спектаклях привлекло прочтение знакового текста, когда классическая пьеса обжигает, отрезвляет, меняет картину мира. В программе были интересные обращения двух разных режиссеров к чеховским «Трем сестрам». „Если у Тимофея Кулябина случился рассказ о том, «что никто никого не слышит», то Андрий Жолдак в спектакле «По ту сторону занавеса»

раскрывает тему «никто ничего не помнит». Так тексты из канонической школьной программы открываются в руках и сердцах серьезных художников.¹

„Три сестры“, театр „Красный факел“, Новосибирск, режиссер Тимофей Кулябин. Спектакль получил Специальную премию жюри „Актерский ансамбль актеров в спектакле“. Его делал тот самый Тимофей Кулябин, которого судили за „оскорбление чувств верующих“ в опере «Тангейзер». Сейчас Кулябин – главный режиссер театра „Красный факел“ в Новосибирске и ставит в Театре Наций в Москве.

В этой версии знаменитой чеховской пьесы зритель не услышит практически ни слова. Спектакль проходит на языке знаков и сопровождается субтитрами, усиливая чеховскую идею о непонимании и одиночестве. Три сестры до жути убедительны, каждая в своем несчастье: Наталья Ивановна, общающаяся жестами, приобретает некую инферность, а единственный говорящий герой Ферапонт просто никого не понимает.²

Популярная идея о том, что персонажи чеховских пьес друг друга не слышат, обрела в спектакле «Красного факела» буквальное воплощение: действующие лица у Кулябина – глухонемые. Буквальность умножена и тем, что четыре чеховских акта здесь играют действительно как четыре акта, то есть с тремя антрактами. Над сценой помещаются экраны, зрители видят текст пьесы в титрах. Особый драматизм обретает реплика уходящего навсегда Тузенбаха Ирине: «Скажи мне что-нибудь». Артисты два года учили язык жестов и теперь, наверное, смогут аналогичным образом сыграть любую пьесу. Другое дело, что вряд ли найдется хотя бы еще один автор, персонажам которого так идет глухонемота.

На сцене выстроен многокомнатный дом Прозоровых, только без стен. Стены обозначены белыми полосами на черной поверхности пола, как в «Догвиле» Триера. Так зрители будто подглядывают за внутренней жизнью дома; ровно такого эффекта добивался Станиславский, предлагая артистам воображать между сценой и залом четвертую стену. В спектакле Кулябина действие периодически происходит сразу в нескольких комнатах (а айпэды, селфи-палка и Майли Сайрус сообщают, что действие могло бы происходить примерно сегодня). И тут уже охватывает растерянность: чему дивиться больше – фантазии команды, столь подробно насочинявшей «закадровую» жизнь своих персонажей, или же мастерству режиссера, филигранно собирающего несколько планов в один целостный мир, одинаково правдоподобный и логически сконструированный.³

¹ Мешеринова, Дора. "Электричество в воздухе", 02.05.2017, интернет-издание "Континент Сибирь Online" <http://www.ksonline.ru/274764/elektrichestvo-v-vozduhe>

² Мучник, Андрей. "4 спектакля "Золотой Маски", ради которых стоит открыть для себя театральный туризм". Журнал "Esquire", 22.04.2017

³ Киселев, Алексей. "Три сестры" Кулябина: четыре акта на языке жестов". интернет-издание

„По ту сторону занавеса“, „Три сестры“ Чехова, реж. Андрей Жолдак, Александринский театр, Санкт-Петербург.

Название стоит понимать буквально: зрители разместились в глубине сцены МХТ имени Чехова, где и был представлен спектакль. Перед ними – пустой зрительный зал с креслами, накрытыми белой тканью. Все действие разворачивается на пространстве сцены между рядами для публики и рампой. Информацию о том, что предстоит увидеть, зрители узнают из текстов на большом экране, которые дублирует металлический голос – традиционный для Жолдака прием.

В “По ту сторону занавеса” Жолдак убрал все претензии к своему “формальному” методу остроумным объяснением для нового сюжета. В далеком будущем, в 4015 году, мир сильно изменился, в нем появились технологии, позволяющие воскрешать людей, и вот неких сестер, умерших по неизвестной нам причине в 1900 году, возрождают из сохранившихся в информационных полях обрывки воспоминаний, грез, снов. Созданные на этой основе сущности воплощают в тела, в мозг же закачивают полный текст пьесы “Три сестры” (все 43 страницы, сообщает текст на экране). Понятно, что те, кто в пятом тысячелетии занимаются такими опытами, кто бы они ни были, не вполне понимают, ни что за пьеса, ни что за сестры. Но эксперимент продолжается.

„Жолдак как-то признался, что его преследуют сновидения. Однажды он увидел себя в 41 веке камнем у реки в Монголии. И теперь зрителей вместе с чеховскими сестрами Прозоровыми переместил в далекие космические миры, которые иначе как трагическим сновидением не назовешь. Помогает кино и видео. На экранах возникают образы Тарковского, трава и вода, кадры из «Соляриса», лес из «Антихриста» Ларса фон Триера с уходящими ввысь деревьями.“⁴

Спектакль невероятно кинематографичен – с самого начала не покидает чувство, что ты не в театре, а в кинозале. Спектакль выполнен по законам кино: смена планов-сцен через затемнение, активное использование видео с постоянным цитированием известных фильмов.

„Суть нового эксперимента Жолдака заключается в поисках ответа на вопрос: «Можно ли выйти за пределы программы, изменив судьбу?». Сестрам по воле режиссера как будто дан шанс начать новую жизнь, но развитие событий покажет, что изменить практически ничего невозможно. Все чеховские герои и в новом воплощении будут метаться в ожидании иной прекрасной жизни, которая, как выясняется, так никогда и не наступит. А ассоциации с известным

"Афиша Daily", 21.04.2017

⁴ Хохрякова, Светлана. "Золотая маска": Андрей Жолдак воскресил умершую семью". Газета "Московский комсомолец", 26.03. 2017

кинолентами, где так или иначе разработана та же тема, в этом еще больше убеждают..⁵

„Кажется, что эта идея навеяна режиссеру “Солярисом” Лема и Тарковского, ведь странная планета воплощала (буквально – одевала в плоть) самые сильные фантазии, страхи, переживания своих гостей. Сестры, не знающие еще своих имен и границ своего “я”, вспоминают детство, мать, лес, птиц, но воспоминания, поначалу поэтические, переходят в нечто болезненное и травмирующее: Маша вдруг видит отца (отец умер год назад, тогда шел снег...). В ее памяти обнаруживается переживание раннего сексуального контакта. Скорее всего, этот мужчина и есть ее отец. Но может быть, это и Вершинин, который ей “в отцы годится” (отца и Вершинина играет один и тот же актер Игорь Волков), или муж, Федор Ильич Кулыгин (Виталий Коваленко) – ее бывший учитель, замещающий фигуру отца. Воспоминания и чувства, возникающие в сознании экспериментальных существ, не поддаются логическим объяснениям, они прихотливы, фрагментарны, случайны, в них внезапные ассоциации приводят к сложным связям“..⁶

Это игра, театр, – напоминает публике постановщик, – все, что вы видите на сцене – просто декорации. Игрушечный домик, открытая, без стен, комната. Или сарай? Или пляжная кабинка? Действие происходит как бы на берегу (или на поверхности?) некоего океана, а Москва – это далекая орбитальная станция, затерянная в глубинах вселенной. До Москвы 150 световых лет, поэтому, конечно, никогда сестры туда не попадут. Условные, легкие сооружения все время меняют место, ведь в сознании все текуче и непостоянно.

Жолдак вытаскивает из пьесы два основных любовных треугольника – вот Маша (Елена Вожакина) и вот Ирина (Олеся Соколова), рядом с каждой – двое мужчин: с одной Вершинин и Кулыгин, с другой Соленый и Тузенбах. Ирина тоже травмирована: ее отец вовсе не муж матери, а добрейший доктор Чебутыкин, который так и остался жить рядом со своей любимой девочкой, делая ей нелепые подарки, например, леденцовый петушок на палочке. Ирина не любит никого и не может любить, в ее детском сознании – только память о радости: от игры, от катания шаров, от беготни, и голос матери “Девочки, домой”... Ирина не хочет замуж, но не выходить нельзя, Ольга – старшая сестра (Елена Калинина), старая дева, настойчиво уговаривает: выходи, дорогая, замуж за Тузенбаха, конечно, он очень некрасив (ох, как Ирину перекашивает от этой некрасоты, как ее тошнит!), но хороший человек. Сама Ольга могла бы выйти замуж за Кулыгина, и, кажется, хотела, и возможно, была надежда, но он женился на Маше – на Маше, которая не может и не хочет его любить.

⁵ Гурецкая, Эвелина. "По ту сторону занавеса": опыт реинкарнации в двух частях". Журнал "The Hollywood Reporter", 28.03.2017

⁶ Райкина, Марина. "Золотая маска" изнутри: как я работала в жюри театральной премии". Газета "Московский комсомолец", 24.04.2017

„Все эти пуды нелюбви – воспоминания и травмы тех женщин, умерших в 1900 году, в том самом году, когда Чехов написал свою пьесу, и году, закончившем век старый и начавшем новый XX век, который состоял вот ровно из того, что предсказал Чехов – тоски, фрейдистских комплексов, психопатологий, сексуальной неудовлетворенности, нарциссизма, отсутствия смысла, эмансипации, одиночества освобожденных женщин.

В картинах, созданных воображением Жолдака-сценографа, в этих волнах, накатывающих на зрителя, в этих шевелящихся водорослях, песчаных холмиках, собраны обрывки всех визуальных образов, что были вдохновлены интеллектуальным прорывом рубежа веков. Наплывами, неуловимо, но явственно вспоминаются пейзажи из фильмов Бергмана, Тарковского, фон Триера.

И тут возникает мысль про замену личной памяти литературой, драмой, поэзией, про то, что мы сами, как эти безымянные сестры, напичканы чужими словами, метафорами, афористичными цитатами.

Спектакль еще и о общей травмированности самим Чеховым, иконой, гением русской культуры, настолько полно воплотившим ее суть и дух, что и не осталось совсем места для собственных – пусть корявых и прозаических, но личных воспоминаний. Только классика, только хардкор. За тем, что мы считаем своей памятью, проступает увиденное, прочитанное, кем-то уже сочиненное.

В финале сестры снова оказываются то ли в волшебном лесу, то ли в том, что настигает каждого на середине земного пути, или это просто часть счастливого дачного лета, и вот уже звучат последние слова пьесы, о том, что надо жить. Тут жестко хлопают выстрелы, одна за другой падают женские фигурки. “Мать сказала детям: – Живите. А им придется мучиться и умирать”⁷. Эти слова из другого текста, но не важно, все остается в волнах космоса..⁸

Литература

- <https://topspb.tv/news/news96617/>
- http://tvkultura.ru/article/show/article_id/148127/
- https://www.youtube.com/watch?v=1OETw_YkaxA
- https://tvkultura.ru/article/show/article_id/142952/

⁷ цитата из первой части романа "Белая гвардия" Михаила Булгакова, написанного в 1924 г.

⁸ Солнцева, Алена. "В туманности Антонпалыча", газета "Экран и сцена", 11.04.2017

CLASSICAL RUSSIAN LITERATURE ON A MOSCOW STAGE BEYOND THE TEXT (CHEKHOV'S THREE SISTERS IN THE INTERPRETATION OF KULYABIN AND ZHOLDAK)

***Abstract.** In the Russian theatres today they put their literature classic permanently, but the main figure is the director with his reading, not the text. Interpretation, referring again and again to the idea, trust in the original purpose of the theatre as a performance, the desire to convey the rhythm and brightness of experiences, divert attention from supposedly from worn-out and long-faded words to the language of movements, silence, intonations and the intertextual visual series. On the example of two Chekhov performances (Three Sisters by Kulyabin in the Novosibirsk Theatre and "Beyond the Curtain" by Zholdak in Alexandrinsky Theatre in St. Petersburg), a dance of dreams and experiments is being developed beyond the text.*

***Keywords:** performance, Chekhov, Kulyabin, Zholdak, russian literature, director, experiment.*

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ЕЕ ПЕРЕДАЧА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Перевод следует рассматривать как культурологическое явление, поскольку при переводческом акте происходит пересечение не только границы языка, но и границы культуры. При этом акте осуществляется коммуникация двух культур, что дает возможность судить о сходствах и различиях между ними. В статье рассматриваются проблемы пересечения концептуальных систем обеих контактирующих культур, при котором общие универсальные элементы передаются, а специфические, дифференциальные либо заимствуются, либо подвергаются адаптации.

Ключевые слова: национально-культурная информация, культурный код, исходная культура, принимающая культура, лингвокультурное пространство, трансфер текста

Каждый язык наряду с общими, универсальными компонентами обладает и дифференциальными, специфическими культурными элементами. Эти элементы несут культурную информацию, отражает специфический уклад жизни данного этноса, его нравы, обычаи и традиции, его историческое прошлое.

В данном докладе будут рассмотрены группы языковых средств, являющихся носителями национально-культурной информации и способы ее передачи при переводе.

В теоретической литературе предлагаются много и разнообразных схем представления национально-культурной информации в художественном тексте, но мы будем придерживаться схемы русской исследовательницы Е.О.Опарины [Опарина, 1999], согласно которой национально-культурная информация обычно представлена в языковых единицах в виде:

- культурных сем;
- культурного фона;
- культурных коннотаций;
- культурных концептов

Культурные семы – это способ отражения национальной культуры в лексемах и фраземах. К лексическим средствам, осуществляющим национальную специфику, относим **реалии, антропонимы и топонимы.**

Реалии особенно характерные для быта, культуры, социального и исторического развития данного этноса. Они обозначают предметы его материального быта, раскрывают его нравы, обычаи, традиции, называют специфические родственные отношения или явления социально-политической жизни. Будучи носителями национальной специфики, реалии отсутствуют в жизненном опыте другого народа и не имеют соответствий в других языках. Поэтому при переводе осуществляются сложные трансформационные процессы в целях сохранения специфических черт и посланий подлинника, с одной стороны, и адаптации его к новой культурной и иноязычной среде, с другой. Для реализации этих целей переводчики используют различные способы, среди которых выделяются: транскрипция или транслитерация, субституция и интерпретация. Способы транскрипции и транслитерации требуют от переводчика такие условия в контексте, которые могут способствовать раскрытию семантики реалии посредством смыслового окружения, что требует наличия опорных точек в данном контексте. При отсутствии таких опорных точек переводчик использует способ субституции, то есть он заменяет иноязычную реалию близким по значению словом, осуществляет приблизительный перевод. Этот способ-замена требует точного и глубокого знания жизни обоих лингвокультурных сообществ. Переводчик выбирает слова, которые более правильно отражают названия сходных предметов или явлений.

Напр. “Неговата голяма и бяла къща, в която живееше многолюдното му семейство, беше на лично място сред селото, виждаше се отдалеч, че е **чорбаджийска**.” [Елин Пелин „Гераците“].

В данном предложении употреблена болгарская реалия **чорбаджийска** от слова **чорбаджия**, обозначающее „богатый человек, владелец большой собственностью земли, зданий“. Исходя из этого, переводчик заменяет болгарскую реалию подходящим субститутом.

Срв. “Большой белый дом, где жила его многочисленная семья, стоял посреди села на самом видном месте. Заметный издали, он всем своим обликом показывал, что принадлежит **богатею**.” [Елин Пелин „Гераковы“]

Болгарская реалия **„чорбаджия/чорбаджийска“** заменена русским субститутом **„богатеи“**.

Способ интерпретации используется с целью установить баланс между двумя культурами: исходной и принимающей. В результате толкования реалии ее значение презентуется элементами исходной культуры, однако с сохранением культурной информации, которую она несет в своем значении.

Напр. “Аз мислех, че той се е махнал вече от **къшлата**, където лагерувахме, и затова тръгнах към мястото без особени угризения.” [Н. Хайтов „Свирката на локомотива“].

В тексте болгарского писателя Н.Хайтова употреблена родопская реалия **къшлата**, обозначающая зимний загон для овец, находящийся вне деревни. В случае переводчик дает объяснительный перевод и сохраняет специфическую национально-культурную информацию.

Срв. “Я был уверен, что он уже снялся с **овечьего зимовья**, где был наш лагерь, и поэтому шел туда, не беспокоясь особенно. [Н. Хайтов „Гудок паровоза“].

Следует отметить, что выбор того или иного способа передачи реалии зависит от характера информации, которую она содержит, а также от необходимости сохранить национально-культурную специфику, которую она несет в себе.

Фразеологизмы тоже являются носителями национально-культурной информации. По словам русской исследовательницы В.Теллии они представляют „зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание“ [Теллия, 1993]. Это прежде всего такие фраземы, которые отражают быт, традиции, историческое прошлое данного народа. Например, „**мамаево побоище**“, „**ездить в Тулу со своим самоваром**“; „**минавам като през турски гробища**“, „**правя си устата като габровец за тояга**“. Обычно они переводятся при помощи субститутов, в результате чего сохраняется образность, но сам образ меняется

Напр. “ездить в Тулу со своим самоваром” – „нося вода в морето“.

Но есть случаи, когда национально-культурная информация теряется, а вместе с ней и образность.

Культурный фон – это совокупность сведений разного характера: географического, экономического, социального, исторического, которые как бы окружают слова и присутствуют в сознании представителей данного лингвокультурного сообщества. В случае принято говорить о **фоновой лексике**, которая включает:

- антропонимы;
- топонимы;
- зоонимы.

Антропонимы, топонимы и зоонимы тоже несут национально-культурную информацию и в большинстве случаев они транскрибируются или транслитерируются.

Зооморфный код культуры, несмотря на наличие универсальности, тоже обладает специфическими национальными чертами. Эту особенность Д.Гудков объясняет тем, что зооморфный код культуры „представляет часть мифопоэтического кода, отраженного в фольклоре“ [Гудков, 2003]. Исследователь приводит примеры с названием русского животного **медведь**, которое в русских мифопоэтических текстах представлено то как опасный

хищник, то как могучий добродушный зверь, то как грубое, неуклюжее животное. Неуклюжесть, неповоротливость болгарский зооморфный код приписывает другому животному – **слону**.

Культурные коннотации – особый вид носителей национально-культурной информации. Сам термин “культурная коннотация” обозначает добавочные семантические оттенки, которые накладываются на основное значение слова или словосочетания и служат для выражения разного рода эмоционально-экспрессивной окраски. Механизм их, согласно В.А.Масловой, можно искать в усилении отдельных аспектов значения слова или в самой его внутренней форме, провоцирующей те или иные ассоциации [Маслова,1997]. Коннотация имеет локализацию в образной характеристике данных языковых средств. Напр. русское слово **черемуха** содержит в себе коннотативные значения „обновления, возрождения, ощущения нового, причем не только в природе, но и в жизни“. Эти ассоциации провоцируются внешней характеристикой самого денотата: “кудрявая, вся обсыпанная белыми душистыми цветками”. В русском фольклоре *черемуха* символ нежности, чистоты, любви. Символика дерева часто используется в русской литературе для раскрытия душевного состояния лирического героя в поэзии.

Культурная коннотация присуща культурному коду отдельного этноса. Коннотативные слова вызывают у носителей исходного языка [ИЯ] ассоциации, основывающихся на традиционных, исторически сложившихся восприятиях. Обычно в принимающей культуре они не связаны с такими ассоциациями. Так болгарский эквивалент *песекия* лишен такой знаковости, что подтверждает уникальность коннотации для русской культуры. В болгарском культурном коде подобной символикой наделено другое дерево *сирень (люляк)*.

Срв. у Сергея Есенина и	у болгарского поэта Андрея Германова:
”Я помню праздник,	„Потьнах в дрямката на тоя,
Звонкий праздник мая.	обичан, но забравен свят
Цвела черемуха ,	и станах чист като покоя
Цвела сирень	на люляковия му хлад.

Поэтому в переводе на болгарский в качестве субститута *черемухи* используется *люляк*.

Срв.	“Аз помня
	празнични простори,
	цвят люляков
	и вишнев цвят край мен.” [Есенин].

Об уникальности культурных коннотаций свидетельствует и тот факт, что к одним и тем же денотатам закрепляются разнооценочные ассоциативные признаки. Так, например, русское слово **береза** символизирует русскую

красавицу; эту знаковость – “внешнюю красоту девушки” в болгарской литературе несет другое дерево – *осина* (*трепетлика*).

Срв. “*Березки!*

Девушки-*березки!*

И не любит лишь тот,

Кто даже в ласкавом подростке

Предугадать не может плод.” [Есенин]

“Нямам ли снага на *трепетлика*

Тънка риза, тежко везана.”

[Багряна]

Согласно русскому культурному коду дерево *осина* – проклятое дерево; на нем повесился Иуда.

Культурные концепты тоже представляют специфику соответствующей национальной языковой картины мира. Это абстрактные понятия, в семантике которых понятийный аспект преобладает над денотативным. Они отличаются от культурных коннотаций тем, что культурная коннотация – это знак, являющийся связывающим звеном между конкретной предметной областью и явлениями, с которыми эта область ассоциируется, порождая при этом образность. Культурные концепты не имеют предметной опоры; понятийное содержание, которое они несут конструируется носителями языка, исходя из характерной для каждого лингвокультурного сообщества системы ценностей. Эта система включает отношения этноса

- к природе;
- к социуму.

Концептуальное отношение „**человек-природа**“ затрагивает отношение человека к природе. Оно находит свое проявление по-разному в разных культурах. Так, особой символикой отличается **степь** в русской литературе, а в болгарской – **Балкан**.

Напр. “О **степь!** Люблю твою равнину,

И чистый воздух и простор,

Твою безлюдную пустыню,

Твоих ковров живой узор...” [Иван Никитин]

В болгарском языке **Балкан** - собственное имя м.р; в героическом эпосе он молодец, склоны гор – его плечи, а облака – волосы. При переводе очень часто русские переводчики заменяют болгарское слово Балкан русским словом „горы“ и таким образом нивелируют символику мифологического героя.

Срв. “**Балканът** започна да се приближава към селото, той се събуждаше от дрямката си, надигаше се, добиваше цвят, плътност, настъпваше към долината...” [Й.Радичков].

„**Горы** стали продвигаться к деревне, они сбрасывали дремоту, приподнимались, обретали цвет и массу, надвигаясь на долину...”

Концептуальное отношение „**человек-социум**“ находит выражение в концептах: **дом, сад, семья, очаг**.

И в русской, и в болгарской культурах наблюдаем очеловечивание **дома**. Русский **дом** соответствует старому, строгому старику, а болгарский дом [**къща**] вызывает ассоциации с дряхлой старушкой. Это концептуальное отношение находит отражение и в переводе.

Срв. “Так основательно он [**дом**] глядел из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крышей. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз.” [Иван Бунин].

„Така солидно гледаше тя [**къщата**] изпод необикновенно високия си и дебел сламенен покрив. Предната ѝ фасада ми се струваше винаги жива, сякаш старо лице гледа изпод огромна шапка с хлътналите си очи“.

К социальным концептам относим и **авторитеты**, характерные для того или иного этноса. Для человечества, как целого, характерны социальные концепты: **государство, бог и святые**. Все они занимают особое место в ценностной системе того или иного лингвокультурного сообщества. Для западных сообществ **государство** представляет закономерную институцию, которая должна обслуживать гражданское общество. В русском сознании и соответственно в русской литературе государство всегда занимало особое место. Оно пользовалось почтительным отношением.

Срв. **Матушка-Русь** и **Цар-Батюшка**.

Видимо в современных условиях это отношение претерпело некоторые изменения.

Для болгар представители власти считались скорее всего врагом. Это отношение отражено и в болгарской литературе.

Отношение к **богу и святым** у русских сопряжено с преклонением к их авторитету. Об этом свидетельствует **красный уголок** в русской избе. В русской речи частотна апелляция к Богу, Богородице и святым.

Срв. **Матушка, Царица небесная, Мать пречистая, Боже милостивый**.

Болгары относятся весьма скептически к Богу и святым. Бог встречается в благопожеланиях: **Боже помози!; Бог да те поживи!; Бог да ти помага!; Дал ти Бог добро!**, а также в клятвах: **Бог да те убие!**

Национально-культурное начало особенно характерно для художественного текста. Этот текст представляет своеобразную модель мира, построенную писателем посредством образов, выраженных национально-маркированными словами, коннотациями и концептами, окруженными специфическим культурным фоном.

Наши наблюдения показывают, что из-за сходства культур обоих родственных языков: русского и болгарского, перенос национально-культурной информации, содержащейся в исходном художественном тексте, осуществим. Однако, любая культура, наряду с общими элементами, обладает и рядом специфических, только ей присущих национальных особенностей, которые требуют особого подхода со стороны переводчика. В этом случае происходит перекодирование образности, замена данного художественного средства субститутами или же чужой национально-культурный элемент привносится в принимающую культуру, так как текст перевода есть такое словесное образование, посредством которого конструируется отношение „свое-чужое“, „мы-другие“, „наш мир-иной мир“.

Литература

- Гудков, 2003: Д.Б. Гудков. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Маслова, 2001: В.М. Маслова Лингвокультурология, М., 2001.
- Опарина, 1999: Е.О. Опарина. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия. В: Язык, культура, этнос. Сб. обзоров. М., 1999.
- Теллия, 1993: В.Н. Теллия. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспект. М., 1966.

Vladova, I.M.

*Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia*

PRESENTATION OF NATIONAL-CULTURAL INFORMATION IN A LITERARY TEXT AND ITS TRANSMISSION IN THE TRANSLATION

***Abstract.** The translation should be seen as a cultural phenomenon since at the act of translation not only the of both languages are crossed but also the cultural boundaries. During this act the communication between both cultures is realized, what allows to judge about similarities and differences between them. In this article issues are examined arising from the intersection of the conceptual systems of both cultures in contact, in which the general, universal elements are transmitted, whereas the specific and the discriminatory ones are borrowed or adapted.*

***Keywords:** national-cultural information, cultural code, parent culture, accepting culture, text transfer, languocultural space, text transfer*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВ

***Аннотация.** В работе рассматриваются языковые образы, которые свойственны болгарскому этносу и предлагаются приемы их лексикографирования (орисница; дръж се земьо, шоп те газии; Хитър Петър; Марко Тотеv, Гуро Михайлов, бай Ганьо, Пижо и Пенда и др.). Сферы описания – фольклор, быт, история, география, литература и др. Эти единицы закодировали уникальные сведения о мировоззрении наших предков, но слабо представлены в существующих лексикографических сборниках. Предлагается новый тип словаря с лингвокультурологической информацией, который предназначен для русскоговорящего потребителя. Словник словаря может быть использован при представлении образов на разные языки.*

***Ключевые слова:** национальная традиция, языковой образ, лингвокультурология, образные слова и выражения.*

Объектом настоящей работы являются национальные образы, связанные с болгарским этносом, которые закодированы в эмблематических языковых образах, неизвестных другим народам и этносам, с одной стороны, и вопросы их перевода на русский язык, с другой. Для таких единиц многие исследователи используют термин *этноединицы*, а для фразеологизмов - *этнофраземы* (Н.И. Толстой, В.М. Мокиенко, В.А. Маслова, В.И. Коваль, М. Китанова, З. Барболова и др.). Это могут быть как специфические слова, так и устойчивые выражения, связанные с культурой страны и народа.

Этнофраземы представляют собой особую разновидность немотивированных (семантически неделимых) устойчивых словосочетаний, внутренняя форма которых может быть восстановлена через обращение к внеязыковой действительности. Их специфичность заключается как раз в их способности сохранять „в свернутом виде“ уникальных сведений о мировоззрении наших предков, то есть быть своеобразными „трансляторами культурной информации“ [Маслова 1997: 11]. Иными словами, в таких единицах отчетливо реализуется комулятивная функция языка, обеспечивающая накопление и сохранение этнокультурной информации.

Исследование языковых единиц в аспекте их связи с народной культурой имеет устойчивую традицию: в известных словарях, сборниках, фольклорных и этнографических работах И.М. Снегирева, С.В. Максимова, В.И. Даля (для русских единиц), П.Р. Славейкова, М. Сомова, С. Влахова и др. (для болгарского языка).

Специфика данной работы выражается в специфике объекта исследования – это единицы, которые не имеют эквивалентных соответствий в другом языке и требуют использования специфических приемов перевода на иностранный язык. Во-первых, в содержании этноединиц очень велик „удельный вес“ экстралингвистических (этнокультурных) сведений, способствующих не только объективной этимологизации лингвистических единиц, но и определению адекватной передачи информации о них на иностранный язык. Эти единицы слабо представлены в лексикографических сборниках.

Культура – это характерная черта всего существовавшего и существующего в социальном бытии. Культура показатель уровня и качества всех форм общественного сознания, всех видов общественного бытия. Культура – это саморазвивающаяся идея, раскрывающая смысл и ценность всего происходящего в мире, создающегося творческой энергией человека.

Культура охватывает все социальные явления и сущности. В ее составе присутствуют все виды и способы бытия людей – это религия, мораль, искусство, наука, экономика, производство, право. Все элементы социального организма взаимодействуют между собой, определяя содержание культуры и в ярких образах выражаются в языке.

Язык, мышление, менталитет и культура конкретных народов так крепко связаны между собой, что практически они образуют единое ментально-семиотическое целое.

Разные этносы живут в среде, связанной с специфическими географическими, историческими, социальными, бытовыми и т.п. условиями, в которых рождаются разные языковые образы. Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный, характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую [Караулов 2010: 42].

Лексикография может рассматриваться как своего рода служба общения между лингвистикой, являющейся наукой о языке, и обществом, заинтересованным в познании языка, а словарная продукция – как главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом [Морковкин 1987: 38].

Вполне возможно лексикографическое описание всей лексической системы, связанной как с обществом, так и с говорящим человеком.

Идея антропоцентрического лексикографирования актуальна еще с 80-х гг. минувшего века. Русский лингвист Ю.Н. Караулов формулирует принципиально новую для русской лексикографии проблему: „человек и словарь, словарь в личности и личность в словаре“ [Караулов 2010: 42]. Составление двуязычных словарей с лингвокультурологической информацией - важная задача, связанная с обучением иностранным языкам, с переводом и с вопросами, связанными с

межкультурной коммуникацией, которая весьма актуальна в современном глобализирующемся мире.

Для русского языка составлены словари нового типа, это словари с лингвокультурологической информацией:

1. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/* Отв. ред. д-ра филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006 [Георгиева 2013: 270].

2. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. *Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идеоматики.* – М.: ООО „Издательство ЭЛПИС“, 2008 [Георгиева 2013: 270 – 271].

3. *Национально-пищевая традиция в зеркале языковых образов. Лингвокультурологический словарь на материале русского и казахского языков.* Под ред. д-ра филол. наук Е.А.Юриной. Томск. 2013.

Такой тип словарей, связанных с болгарским языком, все еще нет. Мы предлагаем разработку болгарско-русского словаря слов и устойчивых выражений с национальной коннотацией и лингвокультурологической информацией. Словарь предназначен для русскоговорящей аудиторией, изучающей болгарский язык. Сферы описания – фольклор, история, быт болгар.

Словарная статья включает три основных частей – заглавную часть, лингвокультурологическую и справочную информацию и иллюстративная часть. В заглавной части дается болгарское слово либо устойчивое словосочетание (курсивом), соответствие в иностранном языке (если есть синонимическое выражение), перевод образной основы устойчивого выражения (там, где нужно), лингвокультурологический и справочный материал на русском языке и иллюстративные примеры из фольклора или из разговорной речи на болгарском языке.

Например:

Орисница – фея, предсказательница судьбы при рождении.

Действующие лица (обычно во множественном числе) при рождении человека, которые предсказывают судьбу новорожденного. Персонажи с той же или подобной функции встречаются во многих мифологических традициях. Обычно они подчинены божеству, отвечающему за судьбу человека.

Предсказания могут быть как о счастливой жизни, об удачах в делах, а также о неудачах, о невезении, о трудностях, которых человек встретит на своем жизненном пути.

Иллюстративные примеры из болгарских народных сказок.

- “Усмивка-трендафил, сълзи-маргарит“. *Орисници* даряват момиче при раждането му с трендафил-усмивка, сълзи-маргарит. Завареницата

даряват със смях-тренафил, сълзи-бисер“ [Даскалова-Перковска и др. 1994: 140 – 141].

- Улыбка – роза, слезы – жемчуг. *Предсказательницы судьбы при рождении* дарят девочке при рождении улыбку-розу, слезы- жемчуг. Падчерице дарят со смехом- розы, со слезами- бисер.
- „*Дарът на орисницата*“. Беден момък получава от *орисницата* си три зърна със захар и царица се сдобиват със син (след предсказанието на старец). При раждането му *орисниците* го даряват със способност каквото помисли, да се сбъдва [Даскалова-Перковска и др. 1994: 229] .
- „*Дар предсказательницы судьбы при рождении*“. Бедный мальчик получает от своей феей три сахарных зерна. А царица (с трудом, после предсказания старца) зачела сына. При его рождении феи ему дарят удивительную способность: то, что он задумает, то и исполняется [Даскалова-Перковска и др. 1994:229].
- „*Орисан* да умре от змия и да бъде съживен“ . Сбъдва се *орисията* на момче ... [Даскалова-Перковска и др. 1994: 347] и др.
- Тот, кому предсказано умереть от змеи, будет воскрешен. Предсказание, сделанное для мальчика, сбывается... [Даскалова-Перковска и др. 1994: 347] и др.

Употребляется слово орисница в фольклоре с высокой частотностью, но в современном разговорном болгарском языке встречается редко. Слово зафиксировано в Болгарско-русском словаре С.Б. Бернштейна [М. 1986: 410].

Дръж се земьо, шоп те гази – держись земля – шоп тебя топчет!

Шопы – этническое население, живущее недалеко от Софии, которое отличается упрямым характером, своеобразной философией и юмором.

Иллюстративные примеры.

- «Кому кукнала кукувицата». *Двама шопи* чуват за пръв път кукувицата, скарват се кому е кукнала. Съдят се и всеки дава подкуп на съдията. Съдията им казва, че кукувицата е кукнала за него, защото е получил пари [Даскалова-Перковска и др. 1994: 596].
- «Кому кукушка прокуковала». *Два шопи* слышат первый раз кукушку и спорят: кому она куковала. Они судятся, и каждый дает взятку судьбе. Судья им говорит: кукушка прокуковала тому, кто получил деньги. [Даскалова-Перковска и др. 1994: 596].
- «Танците при *шопите* са много характерни. Мъжете играят буйно, бързо, с много подскоци и провиквания: «Дръж се земльо, шоп те гази»! А жените играят с много натрисания. *Шопите* имат много фин хумор, намерил отражение в анекдотите за тях» [www.velingrad.com/modules.php?name].

- У шопов танцы очень своеобразны. Мужчины пляшут буйно, быстро, с множеством прыжков и вскрикиваниями: «Держись земля – шоп тебя топчет!»! А женщины пляшут с множеством потряхиваний. Шопы обладают тонким юмором, нашедшим отражение во многих анекдотах о них самих» [www.velingrad.com/modules.php?name].

Яркой национальной коннотацией обладают эмблематичные болгарские имена собственные: Хитър Петър, Марко Тотев, Гюро Михайлов, Бай Ганьо и др.

В глубине семантики этих устойчивых словосочетаний закодированы конкретные сведения о культуре страны и о ментальности народа.

Хитър Петър – Хитрый Петр; Хитрец Петр.

Это традиционный герой болгарского фольклора. Он „дитя“ анонимных авторов народных умотворений в период, когда трудолюбивый болгарин не мог противостоять управляющим и развращенным сановникам, хозяевам, богачам, археиреям. Хитрый Петр противопоставлен своему хозяину. Он ироничен, хитер и всегда обводит всех вокруг пальца.

По историческим данным, Хитрый Петр - реальный болгарин, живший в XV – XVIII в. в небольшой болгарской деревне. Этот бедняк отличался исключительной хитростью, мудростью, сообразительностью, что и зоакодировано в его прозвище – Хитрый Петр.

Иллюстративные примеры.

- „Заплатил с песен“. *Хитър Петър* няма пари, за да си плати консумираното в гостилницата. Предлага на гостилничаря да изпее песен; ако му се хареса песента, Хитър Петър няма да плаща. Изпява няколко песни, но гостилничарят не ги харесва. Накрая изпява: „Ой, Петре, Петре, стани си плати на гостилничаря!“ Гостилничарят харесва песента и *Хитър Петър* си отива без да плати [Даскалова-Перковска и др. 1994: 505].
- „Заплатил песнями“. У Хитрого Петра не было денег, чтобы заплатить за угощение в кабаке, и он предложил хозяину кабака спеть песню. Если песня ему понравится, то он не будет платить за угощение. Хитрый Петр спел несколько песен, но хозяину кабака они не понравились. Под конец хитрый Петр спел: „Ой, Петр, Петр, распорядись заплатить хозяину кабака!“ Хозяину кабака эта песня понравилась, и Хитрый Петр ушел, не заплатив [Даскалова-Перковска и др. 1994: 505].
- „Уважението е за дрехите“. *Хитър Петър* е пренебрегнат в кафенето, защото е облечен зле (в стари, окъсани дрехи). Връща се отново, облечен в нови дрехи – оказват му почести, черпят го. Той изсипва полученото кафе върху дрехите, тъй като оказаното му уважение е за тях [Даскалова-Перковска и др. 1994: 507].

- „Уважение по одежке“. *Хитрым Петром* пренебрегли в кафе, потому что был плохо одет (в старую, рваную одежду). Он возвратился снова в кафе, одетый в новую одежду, - ему оказываю почести, угощают. Тот вылил поданный кофе на свою новую одежду, ради которой ему было оказано уважение

Хитрый Петр получил прозвище „хитрый“, так как у него был острый ум. Он всегда всех перехитрял – хозяина, у которого служил; парикмахера, если не было денег на бритье; повара, если не было денег на еду и т.п. При нем всегда был мешок с ложью. Это один из главных героев болгарских народных сказок.

Марко Тотев – Невезучий

Это реальное лицо. У него блестящая профессиональная карьера. Марко Тотев был известным адвокатом, который жил и работал в В.Тырнове и всегда выигрывал в судебных процессах, но при этом он любил играть в покер, однако почти всегда оказывался в проигрыше. Однажды он выиграл в карты, и как раз в это время мимо кафе проходила траурная процессия. Картежники вышли на улицу проститься с покойником, и игра прервалась. Тогда Марко Тотев сказал: „Марко Тотеву никогда не везет“.. За Марко Тотевым закрепилась слава неудачника, рокового человека, шутника, остряка. Для болгар это имя стало нарицательным. Употребляется в ситуациях, когда кому-либо не везет в начинаниях.

Иллюстративные примеры:

- “Името на *Марко Тотев* е станало нарицателно за несполука. Днес думите «Голям *маркототевец* съм» са единица мярка за липса на късмет. За родни места на героя съвременниците му посочват Търново и Трявна. Марко Тотев слага край на спора, като собственооръчно написва, че е роден в старата столица през 1858 година“ [https://bg.wikipedia.org/wiki/Марко_Тотев /12.09.2015; Даскалова-Перковска и др. 1994: 507].
- Имя Марко Тотев стало нарицательным названием неудачника. Сегодня слова „*Большой маркототевец* – единица измерения для тех, кому не везет. Родиной Марко Тотева современники считают Търново или Трявна. Марко Тотев положил конец спорам, так как собственооручно написал, что родился в старой столице в 1858 году“ [https://bg.wikipedia.org/wiki/Марко_Тотев /12.09.2015; Даскалова-Перковска и др. 1994: 507].
- „Скоро Ивето (Ивинела Самуилова – бел.ред.) ми разказа следния случай. Качила се тя един ден в такси и изведнъж, след като нещо се чуло по радиостанцията от диспечерната, шофьорът започнал да се вайка какъв карък е, как все на него се случват «тези неща» и т.н., и т.н. Тя попитала какво е станало и той й се оплакал, че от три часа висял без работа на стоянката на такситата и тъкмо взел нея, пристигнала заявка за много дълъг курс, от който щял да изкара съответно повече пари. И започнал да

й обяснява, че това му се случвало редовно, че той е най-големият *Марко Тоте*в на света и че дори Господ да му набута късмета отзад, той пак «щял да го изпърди», както се изразил.

Тогавя Ивето му предложила да се преименува.

- Как? – попитал шофьорът.

- Ами например, вместо да си казваш, че си *Марко Тоте*в, си казвай, че си Розов Лозобунгер с голям късмет – му отговорила тя“ [Бъчев, 2015: edna@netinffokompany.bg – 19.09.2015].

- „Недавно Ивето (Ивинела Самуилова – зам.ред.) рассказала следующее. Ехала она однажды в такси и неожиданно после того, как что-то послышалось по радио от диспетчера, шофер начал ахать, какой он недотепа и как случаются с ним „такие вещи“ и т.д., и т.д. Та спросила, что случилось. И тот ей плакался, что три часа торчал без работы на стоянке такси, и только подобрал ее, так поступила заявка на более длинный маршрут, за который он получил бы соответственно больше денег. И начал ей объяснять, что подобное случалось с ним регулярно, что он самый большой *Марко Тоте*в на свете и что если даже Господь „впихнет“ ему счастье сзади, тот снова отпихнет его спереди, так он выразился.

Тогда Ивето предложила ему взять другое имя.

-Как? – спросил шофер.

– Да, например, вместо, как ты говоришь, что ты *Марко Тоте*в, называйся Розов Лозобунгер с большим счастьем, – ответила ему та. [Бъчев, 2015: edna@netinffokompany.bg – 19.09.2015].

Гюро Михайлов – простодушно-исполнительный, наивный человек.

Это был реальный человек, который строго соблюдал свои обязанности. Гюро Михайлов болгарский солдат Пловдивского отряда, который погиб во время пожара, выполнив свой служебный долг (25.12.1880 г.). Он сторожил здание, в котором хранились важные документы и деньги. Там же находился штаб милиции и жандармерии, потому и была круглосуточная охрана из пяти человек. Когда вспыхнул пожар, дежурные офицеры и жандармы с трудом успели спасти деньги, часть важных документов и знамена армии. Пожар быстро разрастался, и все, кроме Гюро Михайлова, панически покинули здание. Гюро Михайлов остался на своем посту, потому что строго соблюдал Устав Армии, который требовал, чтобы часовой не покидал своего поста, пока его не сменят, даже если его жизни грозит опасность.

Бухгалтер штаба Иван Костов пробовал спасти *Гюро Михайлова* и настаивал, чтобы *Гюро Михайлов* покинул горящее здание, но *Гюро Михайлов* направил на него штык и строго сказал: „Без приказа командира я никогда не оставлю пост!“ Командир был вынужден прийти и отменить приказ, но пожар

разрастался, и в огне погиб как Гюро Михайлов, так и командир отряда и еще три солдата, которые пробовали спасти постового..

Сегодня болгары с пренебрежением употребляют выражение „Стоит на посту как *Гюро Михайлов*“. Для многих это наивный человек, который напрасно жертвовал собой, чтобы выполнить свой долг... [www.nabore.bg/statia/gyuro-mihailov-e-geroi-1333-14 /12.10.20`15].

Иллюстративные примеры.

- „И днес мнозина подхвърлят пренебрежително: „Абе, тоя какво стои там като *Гюро Михайлов*!“ Но всъщност малцина са онези, които знаят кой е този 20-годишен младеж, който се е жертвал, за да изпълни своя патриотичен дълг“ [www.nabore.bg/statia/gyuro-mihailov-e-geroi-1333-14 /12.10.2015].
- И сегодня многие говорят пренебрежительно: „Ну, что он там стоит как *Гюро Михайлов*!“ Но в сущности немногие из них понимают, каким был тот 20-летний юноша, который пожертвовал собой, исполняя свой патриотический долг“ [www.nabore.bg/statia/gyuro-mihailov-e-geroi-1333-14 /12.10.2015].
- Миналия път си говорихме за безмислените саможертви и за това как в националистическата митология, за да си герой, трябва не да си извършил нещо велико, а да си се минал по велик начин, без да постигнеш нищо полезно. Исклучително добър пример за това е образът на *Гюро Михайлов*, който за всеки нормален човек е символ на самоубийствена тъпота, но който откачените нео-нацистчета-националистчета у нас обожествяват именно защото е бил тъп и упорит и се е самоубил „геройски“... [www.nabore.bg/statia/gyuro-mihailov-e-geroi-1333-14 /12.10.2015].
- Прошлый раз мы говорили о бессмысленном самопожертвовании и о том, как в националистической мифологии; чтобы быть героем не нужно совершить нечто великое, а нужно пройти путь, без никакого полезного результата. Исклучително подходящий для этого пример – образ *Гюро Михайлова*, который для всякого нормального человека есть символ самоубийственной тупости, но которого свихнувшиеся неонацисты-националисты у нас обожествляют именно за то, что он был туп и упрям и покончил собой „геройски“... [www.nabore.bg/statia/gyuro-mihailov-e-geroi-1333-14 /12.10.2015].

Бай Ганьо (Ганьо Сомов, Ганьо Балкански – название представителей болгар с отрицательными чертами.

Бай Ганьо – литературный герой фельетонов болгарского писателя Алеко Константинова. Он жил в период, когда Болгария вышла из владений Ориенты и перешла к европейскому образу жизни (19 в.).

Это был мелкий торговец розовым маслом, представитель болгарского народа, который отличался ярко выраженными ориентальными чертами в одежде и в поведении (в начале своего появления), а потом приобрел характерные черты внешнего вида европейского человека (одевался во фрак, а носил цилиндр; фрак и цилиндр заменили колпак и антерию (крестьянскую верхнюю одежду на ватной подкладке). У Бая Ганьо всегда были перекидные мешки с розовым маслом. Он часто ездил по Европе на „железной лошади“ [www://bg.wikipedia.org/wiki:/Бай-Ганьо. (13.10.2015)] (на поезде), катался на фаэтоне. Популярность нового представителя болгар способствовала превращению бая Ганьо и в героя фольклора.

Во второй половине XX века родился новый герой – инженер Ганев (инженер Балкански). [www://bg.wikipedia.org/wiki:/Бай-Ганьо. (13.10.2015)].

Иллюстративные примеры.

- „Помогнаха на *бай Ганя* да смъкне от плещите си агарянския ямурлук, наметна си той една белгийска мантия и всички рекоха, че бай Ганьо е вече цял европеец. Хайде всеки от нас да разкаже нещо за *бай Ганя*“. [www://bg.wikipedia.org/wiki:/Бай-Ганьо. 13.10.2015].
- Помогли *Бае Ганя* стащить с плечь агарянскую бурку, вместо нее – бельгийская мантия и все говорили, что Бай Ганьо уже настоящий европеец. Ну-ка, каждый из нас пусть расскажет что-нибудь о *Бае Ганьо*“ [www://bg.wikipedia.org/wiki:/Бай-Ганьо. 13.10.2015].
- *Бай Ганьо* е герой на всички времена. В неговия образ Алеко Константинов е събрал отрицателните черти присъщи на българина през 90-те години от 19 век. Може да се каже, че и днес в 21 век има хора с подобно негативно поведение на *бай Ганьовото*.
- *Бай Ганьо* – герой на все времена. В его образе Алеко Константинов собрал отрицательные черты, просущие болгарину 90-х гг. XIX в. Можно сказать, что и сегодня в XXI в. есть люди с подобным негативным *Бай Ганьовым* поведением.
- „*Бай Ганьо* е алчен, скъперник, егоист, лукав хитрец и лъжец, лицемер, има огромно самочувствие, причина за което е неговото материално състояние. Такива са т.нар. днешни „баровци“. Той е богат търговец, във всичко търси облага, иска да удари „кьоравото“. Както някои млади „бизнесмени“ той е груб, агесивен, нахален, необразован и невъзпитан. Хора с тези качества се наблюдават и в наше време. И могат да бъдат наречени „внуци“ на *бай Ганьо*. Днес тези наши съвременници може да ги срещнем на всякъде: в училище, на улицата, във влака, в автобуса и къде ли още не ? За съжаление може да кажем, че точно младото поколение е носител на *бай Ганьовото* поведение. Липсва му възпитание, морал, съображение, уважение и честност“ [www://bg.wikipedia.org/wiki:/Бай-Ганьо/13.10.2015].

- *Бай Ганьо* – алчный, скупой, эгоистичный, лукавый хитрец и лжец, лицемер, с огромным самомнением, причина которого – его материальное положение. Таковы, например, современные „баровцы“. Он богатый торговец, во всем ищет выгоду, стремиться любыми средствами добиться цели. Как некие молодые бизнесмены, он груб, агрессивен, необразован и невоспитан. Люди с такими качествами встречаются и в наше время. И они могут быть названы внуками *Бабо Ганьо*. Сегодня таких наших современников можно встретить всюду: в учебном заведении, на улице, в поезде, в автобусе, и где их только нет? К сожалению, можно сказать, что точно молодое поколение – носитель *Бай Ганьового* поведения. Ему не хватает воспитания, морали, сообразительности, уважения и честности “ [www://bg.wikipedia.org/wiki:/Бай-Ганьо /13.10.2015].

Образы, связанные с климатическими условиями страны:

Баба Марта – Баба Марта.

Образ праздника связан с началом весеннего обновления. Погода в марте непредсказуемая – может быть солнце, а может и снег пойдти. Тогда говорят, что Баба Марта сердится. У этого месяца в болгарской культуре сформировался особый символ - мартеница. Мартеница - обрядовое украшение, которое сделано из ниток (белый и красный цвет обязательно присутствуют), и 1 марта болгары вешают себе и близким, родным, друзьям это украшение как символ здоровья. Цвета в мартеницах имеют особый смысл: белый - символ чистоты и счастья, красный – символ жизни, силы, крови. Болгары традиционно отмечают 1 марта начало праздника Бабы Марты. Они желают друг другу здоровья и богатых даров природы, связывая свои поздравления с наступлением нового цикла в природе.

Иллюстративные примеры.

- „Човекът с лошия късмет и *Баба Марта*“. Сиромах почита деня на Баба Марта. От благодарност тя му помага да забогатее [Даскалова-Перковска и др. 1994: 253].
- „Человек с несчастливой судьбой и *Баба Марта*“. Сиромах почитает день Бабы Марты. Она из благодарности помогает ему разбогатеть. [Даскалова-Перковска и др. 1994: 253].
- „*Марта* жена и аз жена“ (Наказание за присмех). Баба изкарва овце на паша рано напролет, подлъгана от хубавото време, и се присмива на *Баба Марта*, че вече не може нищо да й стори – „Марта жена и аз жена“. Изведнъж настава страшен студ, пастирката и животните й се вкаменяват [Даскалова-Перковска и др. 1994: 293].
- „*Марта* – женщина и я – женщина“ (Наказание за насмешку). Старуха выгоняла овец на пастбище ранней весной, обманутая хорошей погодой, и насмеялась над *бабой Мартой*, что та уже ничего не может ей сделать.

– „Марта – женщина и я – женщина“. Неожиданно резко похолодало, пастушка и ее животные окаменели [Даскалова-Перковска и др. 1994: 293].

Баба Марта - героиня многих сказок, связанных с временами года и символическими действиями, выполняемыми в это время.

Голям Сечко – Лютый январь.

Герой сказок о месяцах и временах года. Голям Сечко олицетворяет зимний месяц январь. Он старший брат Бабы Марты. Оборот употребляется в ситуациях, когда в январе стоит лютый мороз.

Иллюстративные примеры:

- „Малък Сечко и *Голям Сечко*“. Малък Сечко /февруари/ казал, че ако не го е срам от брат му *Голям Сечко* /януари/, ще направи така, че гърнето от едната страна да ври, а от другата да замръзва [Даскалова-Перковска и др. 1994: 90].
- „Малый Сечко и *Большой Сечко*“. Малый Сечко (февраль) сказал, что если бы он не стыдился брата *Большого Сечко*, то устроил бы так, чтобы горшок с одной стороны кипел, а с другой замерзал [Даскалова-Перковска и др. 1994: 90].

Малък Сечко – Холодный февраль.

Герой сказок о месяцах и временах года. Это младший брат Бабы Марты, олицетворяющий холод.

Иллюстративные примеры:

- „Баба Марта и *Малък Сечко*“. Баба Марта и братята й *Малък Сечко* и *Голям Сечко* държат виното си в обща бчва. Братята изпиват виното и на сестра си. Когато разбира това, Марта се сърди. След това си казва, че все пак братята й са го изпили, засмива се. Затова Баба Марта е ту сърдита, ту засмяна. С това се обяснява променливото време през месец март. [Даскалова-Перковска и др. 1994: 90].
- „Баба Марта и *Малък Сечко*“. Баба Марта и ее братья *Малый Сечко* и *Большой сечко* держат свое вино в общей бочке. Братья выпивают и сестрино вино. Когда она поняла это, Марта рассердилась. Потом подумала, что вино-то выпили ее братья и улыбнулась. Из-за этого Баба Марта то сердится, то смеется. Этим объясняется переменчивая погода в марте месяце [Даскалова-Перковска и др. 1994: 90].

Пижо и Пенда – Пижо и Пенда

Это популярные герои юмористических произведений болгарского писателя Елина Пелина. Пижо и Пенда - представители шопского региона страны. Их

ирония и юмор противопоставлены условиям и образу их жизни. Они герои многих острых анекдотов.

Пижо и Пенда – имена собственные мужчины и женщины, реальных героев быта, связанных с мужским и женским началом. Словосочетание употребляется в ситуациях, когда говорится о неразлучной паре.

Иллюстративные примеры.

- „Много ви харесвам, но не мога да не забележа, че и вие се подведохте на тенденцията в последните години *Пижо* да се изобразява бял, а *Пенда* – червена. Класическата мартеница е с *червен Пижо и бяла Пенда*“.

[Krokotak.com/.../da-ne-zabravyame-klasikata-pizo-i-penda /10.09.2015/].

- „Вы очень понравились мне, но не могу не заметить, что и вы поддались последние годы тенденции изображать *Пижо* белым, а *Пенду* – красную. Класическая мартеница должна быть с *красным Пижо и белой Пендой*“ (Krokotak.com/.../da-ne-zabravyame-klasikata-pizo-i-penda /10.09.2015/).

Представленный проект нового типа переводного словаря с лингвокультурологической информацией основан на синергетическом распределении информации о различных свойствах национально маркированных единиц (лексем и устойчивых словосочетаний) и подчинен главному принципу лексикографирования: сведения, которые содержатся в словарной статье, должны быть взаимно связаны, дополнять друг друга и обеспечивать достаточную для пользователя информацию

Данный тип словаря дает представление о болгарских национальных языковых образах в аспекте болгарского культурного познавательного пространства и предназначен для русскоговорящего потребителя. Словник данного словаря может быть использован при представлении образов на разные иностранные языки.

Этот тип словарей с лингвокультурологической информацией адресованы главным образом к иностранному адресату. Они являются полезными помощниками как в обучении иностранным языкам, в переводе, так и в научноисследовательских разработках при языковом описании картины мира.

Литература

- Георгиева 2013 - Георгиева С. За новите двуезични фразеологични речници и антропоцентрични подход при лексикографирането. – В: „70 години българска академична лексикография. София, АИ „Проф. Марин Дринов“, 2013, с.269 – 275.
- Даскалова-Перковска и др. 1994 - Даскалова-Перковска Л., Добрева Д., Коцева Й, Мицева Е.. Български фолклорни приказки. Каталог. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“ 1994.
- Караулов 2009 - Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва:

Издательство ЛКИ, 2010.

- Морковкин 1987 - Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия „теоретическая лексикография“. – Вопросы Языкознания, 1987, № 6.
- Электронни източници:
- Бъчев 2015 - Бъчев А. Как да променим съдбата си. – В: edna@netinffokompany.bg – 19.09.2015.
- Николов 2001 - Николов Г. Марко Тотев /https://bg.wikipedia.org/wiki/Марко_Тотев /12.09.2015/.
- Уроците 2015 - Уроците на историята: Гюро Михайлов е герой, а не посмешнице /www.nabore.bg/statia/gyuro-mihailov-e-geroi-1333-14 /12.10.2015/.
- /www://bg.wikipedia.org/wiki/Бай_Ганьо /13.10.2015/.
- Пижо и Пендо. (Krokotak.com/.../da-ne-zabravyame-klasikata-pizo-i-penda /10.09.2015/).

Georgieva, Stefka

University of Plovdiv, Bulgaria

stefka3@abv.bg

NATIONAL IMAGES IN THE MIRROR OF LANGUAGE IMAGES

Abstract. *Issues, connected with representing specific linguistic and cultural information of words and resistant collocations in the new bilingual dictionaries are treated in this paper.*

This dictionary represents a metaphorical image of a specific ethnos and offers options for an adequate translation. It is a translated dictionary, which describes the Bulgarian national language images in the aspect of the Bulgarian cultural cognitive space. Besides interpretation, the dictionary entries contain a rich illustrative material from the Bulgarian history and folklore. The dictionary represents both a metaphorical and symbolic rethinking of traditions in the language; it includes shaped words, which name various phenomena of the extra linguistic reality.

This type of dictionaries with linguistic and cultural information are addressed mainly to foreigners and are good helpers in foreign language training, in translation and in scientific research, in describing the picture of the world.

Keywords: *national images, linguistic and cultural information, lexicographical description, dictionary entry.*

О БОЛГАРСКИХ СОЮЗАХ *ОСВЕН ЧЕ* И *ОСВЕН ДЕТО* И ИХ РУССКИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СООТВЕТСТВИЯХ

Аннотация. В докладе описаны основные контексты с болгарскими союзами *освен че* и *освен дето*, выражающими значение исключения; отмечены различия между синонимичными *освен че* и *освен дето* и показана разница в употреблении двух этих союзов, с одной стороны, и союза *освен да*, с другой. Рассматриваемые болгарские союзы соотнесены с их русскими функциональными соответствиями. Выбор таких соответствий зависит от условий употребления болгарских союзов. Учитываются структурные, смысловые и стилистические особенности контекста с *освен че* и *освен дето*.

Ключевые слова: союзы *освен че* и *освен дето*, функциональный эквивалент

Болгарские составные союзы *освен че* и *освен дето* используются для выражения двух значений. По сведениям академического Словаря болгарского языка, если главное предложение представляет собой неотрицательную конструкцию, то придаточное, вводимое этими союзами, выражает «действие, към което се прибавя действието на главното»¹. В конструкции с отрицательным главным предложением *освен че* и *освен дето* вводят «подчинено изречение, в което се посочва единственото ограничение на отрицанието в главното»² [РБЕ 1981: 794-795]. В первом случае эти союзы участвуют в выражении значения добавления, а во втором – исключения.

Неотрицательная главная часть, однако, не обязательное условие для передачи семантики добавления (см. пример (1) с отрицательными главными частями), а семантика исключения может быть выражена и при отсутствии отрицания в главной части (см. примеры (2) и (3) с неотрицательной главной частью):

(1)

Освен че знае да готви, но не се и **Кроме того, что** *умеет готовить, натрапва, нито те кани в спалнята* **она и не навязывается, и не** *си, за да ти покаже как функционира леглото* (Б. Райнов). **приглашает тебя в свою спальню, чтобы показать, как функционирует кровать.**

¹ «действие, к которому добавляется действие главного». Здесь и далее при отсутствии указания на переводчика переводы выполнены автором настоящей работы.

² «придаточное предложение, в котором указывается на единственное ограничение отрицания в главном».

(2)

Всичко можеше да си представи, освен че ще гали ноцес тая нежна кожа... (П.Вежинов).

Он все мог себе представить, только не то, что ночью будет ласкать эту нежную кожу...

(3)

Инспекторът се обърна – беше Давидов, все тъй безукорно облечен, освен дето реверите на палтото му бяха заприличали малко нещо на пепелник (П.Вежинов).

Инспектор обернулся – это был Давидов, как обыкновенно безукоризненно одетый, только вот лацканы пальто стали немного походить на пепельницу.

Перед нами стоят задачи: описать основные контексты с союзами *освен че* и *освен дето*, выражающими значение исключения; отметить различия между синонимичными *освен че* и *освен дето* и описать разницу в употреблении двух этих союзов, с одной стороны, и союза *освен да* – с другой; соотнести указанные болгарские союзы с их русскими функциональными соответствиями.

В качестве источников языкового материала использованы составленные нами Корпус оригинальных болгарских художественных текстов XIX–XXI вв., Корпус русских и болгарских художественных произведений и их переводов на соответственно болгарский и русский языки, а также подготовленный на кафедре русистики Великотърновского университета им. св. Кирилла и Мефодия Корпус параллельных русских и болгарских текстов (<http://rbcorpus.com/index2.php>) и Национальный корпус русского языка (НКРЯ, <http://www.ruscorgpora.ru>). Были привлечены и материалы болгароязычных сайтов.

1.1. Хотя наличие отрицания в главной части предложения не является обязательным условием для выражения значения исключения, эта семантика передается в первую очередь именно конструкциями с отрицательной главной частью. Помимо отрицания при предикате, главная клауза в большинстве случаев содержит отрицательные кванторы *нищо* ‘ничто’, реже *никакъв* ‘никакой’. *ни то един* ‘ни один’, которые являются выразителями пустого множества. Зависимая клауза, присоединяемая союзами *освен че* или *освен дето*, описывает ситуацию, ограничивающую отрицание в главной части. Эта ситуация имеет характер факта, т.е. реального события, явления, признака, которые имели место в прошлом, существуют в настоящем или, по мнению говорящего, должны иметь место в будущем:

(4)

Честно казано, не виждам никакъв смисъл от ватата, освен че ще я употребиш и няма да ти се пречка... (forum.imoti.net).

Честно говоря, я не вижу никакого смысла в стекловате, кроме того, что ты ее используешь, и она не будет путаться у тебя под ногами.

(5)

За една година **нищо** не се бе променило в тях, **освен** **дето** сега по-често пресягаха към чашиките, отколкото към яденето (П.Вежинов).

За этот год они **ничуть** не изменились, **если** не считать **того, что** теперь они гораздо чаще тянулись к бокалам, чем к еде (пер. Л.Лихачевой).

1.2. В клаузе с *освен че* или *освен дето* характер верифицированной информации, фактического положения вещей приобретают и оценочные суждения:

(6)

...Филиас Фог – загадъчна личност, за която **не** се знаеше **нищо**, **освен че** е изключително галантен мъж и един от най-красивите джентълмени от висшето английско общество (Ж.Верн, пер. на българский Г.Ивановой).

...Филеас Фогг, человек загадочный, о котором **не** было известно **ничего**, **кроме того, что** он исключительно галантный мужчина и один из самых красивых джентльменов высшего английского общества.

1.3. Союзы *освен че* и *освен дето* способны употребляться в значениях, близких к значениям адверсативных союзов *но*, *обаче* ‘однако’, ограничительно-адверсативного *само че* ‘но только’ и ограничительной частицы *само* ‘только’. В следующем болгарском предложении зависимая часть содержит ограничивающее условие, представленное как фактическая необходимость.

(7)

Е, сейфът **не** представлява **никаква** загадка, **освен че** трябва да притежаваш ключа (Б.Райнов); ср. ...само че (но, обаче, само) трябва да притежаваш ключа.

О, сейф никакой загадки не представляет, если у тебя в кармане ключ (пер. А.Собковича); более точный перевод: *только надо иметь ключ.*

1.4. Место отрицательного квантора *никакъв* может занимать форма мн. числа прилагательного с менее категоричной семантикой типа *особен* ‘особенный’, *сериозен* ‘серьезный’, *значим* ‘значимый’, характеризующая элементы подмножества, объединенные общностью оценки:

(8)

По време на отсъствието ни в градината **не** са настъпили **особени** промени, **освен че** слънцето клони към залез и че компанията се е увеличила с още двама души: Дейзи и Ерлих (Б.Райнов).

Во время нашего отсутствия в саду **не** произошло **особенных** перемен, **если** не считать **того, что** солнце клонится к горизонту и **что** к компании присоединились еще два члена – Дейзи и Эрлих.

(9)

*Аз имам [обица] под езика и нямам У меня сережка под языком и нет
сериозни проблеми, освен че ме сериозних проблем, разве что
боли, като преглъщам и като говоря болно, когда глотаю и когда говорю.
(spodeli.net).*

1.5. Зависимая клауза с отрицанием при предикате описывает факты, которые не имеют места в прошлом, настоящем или будущем:

(10)

*Не, нищо не бе забравил, освен дето Нет, как будто ничего не забыл,
не я целуна (П.Вежинов). вот только не поцеловал (пер.
Л.Лихачевой).*

1.6. При отрицательном кванторе в главной клаузе возможно появление слова *друг* 'другой, иной', которое не позволяет использование этой клаузы в качестве самостоятельного высказывания и требует ее распространения зависимой частью с рестриктивной семантикой. Так, пример (11) содержит информацию о том, что ученым было известно *только* приблизительное время обитания на Земле одного из биологических видов и не было известно *ничего* другого:

(11)

*Но за този вид учените не са знаели Но об этом виде ученые не знали
нищо друго, освен че е обитавал нищо друго, кроме того, что он
Земята преди около 40 милиона обитал на Земле около 40 миллионов
години (nepoznato.energetika-bg. лет назад.
com).*

1.7. В отрицательной главной части предложения место квантора может остаться незанятым. Его включение в состав предложения не вызывает проблем:

(12)

*Няма да има промяна, освен че Не будет изменения, кроме того,
ние ще държим пациентът да не что мы будем настаивать на
си плаща консултативи, материали том, чтобы пациент не платил за
и т.н. (banker.bg); ср.: Няма да има медицинские расходные материалы
никаква промяна... и т.д.*

Однако в главной части конструкции с союзом *освен дето* позиция для квантора может отсутствовать:

(13)

*То се знае, Бистра пет пари не даваше за мен, **освен дето** беше свикнала да ме третира като частна собственост* (Б.Райнов).

*Что ж, это понятно: Бистра ни в грош меня **не** ставит, но привыкла обращаться со мной как с личной собственностью* (пер. А.Собковича).

В приведенном примере идея множества не может быть выражена, а союз *освен дето* нельзя заменить синонимом *освен че*. Это связано с тем, что *освен дето* в большей степени, чем *освен че*, приближается по семантике к адверсативным союзам. В контекстах, подобных (13), предикативные части соединены отношениями противопоставления с оттенком уступительности, что показывает и русский перевод примера.

2. С участием союзов *освен че* и, реже, *освен дето* могут образовываться выражающие значение исключения конструкции с главной частью – риторическим вопросом, заключающим в себе имплицитное отрицание:

(14)

*Какво друго мога да кажа, **освен че** съм поласкан от вниманието* (Б.Райнов).

Я, конечно, польщен вниманием шефа – что еще я могу сказать (пер. А.Собковича и др.).

(15)

*Ами Анастасов, измисления **освен дето** топли банката вече два мандата?* (pik.bg).

*А Анастасов, мнимый социал-демократ, **что** сделал, **кроме того**, **что** греет скамью в парламенте уже два мандата?*

Союз *освен че* используется в подобных конструкциях гораздо активнее своего синонима, поскольку риторический вопрос часто организуют глаголы *да кажа* ‘сказать’, *да добавя* ‘добавить’, *да зная* ‘знать’, *да измисля* ‘выдумать’ и нек. др., с которыми в контексте с интересующей нас семантикой *освен дето* не является предпочтительным или вообще не употребляется. Возможно, эти ограничения в употреблении *освен дето* связаны с наречным происхождением компонента *дето* [см. БЕР 1971: 234].

3. Как уже упоминалось выше, значение исключения может быть выражено в конструкциях с союзами *освен че* и *освен дето*, главная часть которых не включает отрицания. В таких случаях придаточная часть ограничивает утверждение в главной. См. примеры (2) и (3), а также:

(16)

*Първите седмици **всичко** беше наред, **освен че** баща му пиеше* (podaretekniga.org).

*Первые недели **все** было в порядке, **если не считать того**, **что** его отец пил.*

(17)

Той беше прав, естествено. Освен Он, естествено, был прав. *За*
дето може би си въобразяваше, че **исключением того, что,** *может*
се смятам за герой (Б.Райнов). *быть, воображал, что я считаю*
себя героем.

4. Приведенные выше русские переводы болгарских примеров дают представление о том, какие союзные средства в русском языке эквивалентны по функции болгарским союзам *освен че* и *освен дете*. В первую очередь это союзные сочетания *кроме того, что; кроме того разве, что; если не считать того, что; не считая того, что; за исключением того, что; разве только; разве что; разве что вот*, а также ограничительная частица *только* и ее сочетания с усилительной частицей *вот* – *вот только, только вот*.

Русское сочетание *кроме того, что* в структурном и семантическом плане является наиболее близким соответствием болгарских союзов. Вместе с тем оно не всегда может заменить в переводе на русский болгарские союзы.

Так, оно не может быть использовано для перевода конструкций с союзом *освен дете*, если в главной части болгарского предложения отсутствует позиция для квантора и/или *освен дете* употребляется как синоним адверсативных союзов (см. примеры (3), (13)). В таких случаях функциональными соответствиями *освен дете* являются русские ограничительные *только, только вот, вот только, разве что, разве только, разве что вот* или адверсативные *но, однако*.

Союзное сочетание *кроме того, что* не входит в число соответствий и союза *освен че*, если последний приближается по семантике к адверсативным союзам, ограничительному *само* и ограничительно-адверсативному *само че* (см. пример (7)).

Семантические и функциональные различия между синонимами *кроме, если не считать, не считая, за исключением* (см. о них в [Апресян 2004: 484-490]), входящими в состав русских союзных сочетаний, в значительной степени влияют на выбор функционального соответствия болгарскому союзу в каждом конкретном контексте.

Русские союзные сочетания *если не считать того, что; не считая того, что; за исключением того, что* способны использоваться в широком круге контекстов, впрочем как и их точные болгарские соответствия *ако не броим това, че; без да броим това, че; с изключение на това, че; като изключим това, че*.

Возможность установления отношений соответствия между болгарскими *освен че* и *освен дете*, с одной стороны, и русскими ограничительными *только, только вот, вот только, разве что, разве только, разве что вот*, с другой, обусловлена близостью конструкций исключения и ограничения (см. о такой близости в [Оскольская 2011: 52]).

Союзные сочетания, в состав которых входит компонент *разве*, имеют разговорный оттенок и могут выражать дополнительные значения предположения, допущения, сомнения. В разговорном и близких к нему стилях речи отношения функциональной эквивалентности связывают эти сочетания не только с рассматриваемыми болгарскими *освен че* и *освен дето*, но также и с другими включающими *освен* сочетаниями, использующимися для выражения значения исключения, в первую очередь с *освен ако* и *освен да* (см. об этом в [Градинарова 2016, 2017]).

5.1. Как уже было отмечено выше, сочетаемостные свойства союзов *освен че* и *освен дето* полностью не совпадают. Для *освен дето* с семантикой исключения не характерно употребление в контексте ряда глаголов, в частности переходных глаголов речи, мысли, интеллектуального состояния, если зависимая часть находится в позиции прямого дополнения по отношению к сказуемому главной или (при форме пассива в главной части) в позиции подлежащего (см. примеры (6), (11), (14)). Ср., однако, нормативность *освен дето*, вводящего зависимую часть с глаголом, который имеет того же субъекта, что и глагол речи в главной части, и занимает позицию сказуемого, однородного сказуемому главной части:

(18)

*Кочияшът не каза нищо, освен дето Ямицик нищо не казал, только
страховито наруга коняра, задето страшным голосом отругал
не му подаде отпочинал вряг конюха за то, что тот не дал ему
коне (Н.Готорн, пер. на болгарский отдохнувшую упряжку коней.
В.Кацаровой).*

Контекст с однородностью сказуемых обеих предикативных частей является типичным для союза *освен дето*. Во многих подобных контекстах может доминировать адверсативное значение, а также значение уступки. Как уже упоминалось, союз *освен дето* отличается от *освен че* большей семантической близостью к адверсативным союзам. Поэтому в качестве его русских функциональных эквивалентов могут использоваться адверсативные *но* и *однако*.

Отметим и еще одно различие между двумя рассматриваемыми болгарскими союзами. *Освен дето* теснее, чем *освен че*, связан с разговорным стилем речи, и в контекстах с ним часто выражаются субъективно-модальные значения неодобрения, осуждения, иронии, сомнения и под. (см. примеры (3), (13), (15)).

5.2. Оба союза – *освен че* и *освен дето* – семантически противопоставлены союзу *освен да*, так же, как и они, вводящему зависимую предикативную часть, которая описывает ситуацию, ограничивающую отрицание или утверждение в главной части.

Клауза с *освен че* или *освен дето* содержит информацию о фактическом положении вещей, в то время как *освен да*-клауза в большинстве случаев

сообщает о возможных, невозможных, необходимых, желательных действиях, событиях, явлениях:

(19)

Така че не ми остава нищо, освен Так что мне не остается ничего
да се заема с читателските писма другого, **кромe** как заняться
(Б.Райнов). *читателскими письмами* (пер.
А.Собковича).

Оппозиция рассматриваемых клауз по признаку фактивности/нефактивности выражаемой пропозиции обусловлена противопоставлением компонентов *че/ дето* и *да*, входящих в состав союзных сочетаний *освен че/ освен дето* и *освен да*. Считается, что общим семантическим признаком *да*-форм в независимом употреблении является нефактивность [Ницолова 2008: 328, 409; Иванова 2014: 118-119; 2015: 9]. При описании *да*- и *че*-клауз в составе сложноподчиненного предложения тоже подчеркивается нефактивность содержания *да*-клауз и фактивность информации, передаваемой *че*-клаузами. Отдельные исследователи обращают внимание на то, что зависимая *да*-клауза может быть не маркирована по признаку фактивность/нефактивность (см. об этом в [Ласкова 2009; Иванова 2014: 129-130; 2015: 19-21]). Важным является заключение о том, что изъяснительные *да*-клаузы не представляют актуализированных пропозиций [Ласкова 2009: 169].

Указанные различия между болгарскими союзами *освен че* и *освен дето*, с одной стороны, и *освен да*, с другой, обуславливают и несовпадение в составе русских функциональных эквивалентов этих болгарских сочетаний. Так, среди русских соответствий союза *освен да*, для которого характерно введение клауз с нефактивностью содержания, активно союзное сочетание *кромe как*, которое способно управлять инфинитивом, из-за морфологической невыраженности категорий времени и наклонения обозначающим нефактивные действия и состояния.

Подчеркнем, что союзные сочетания *освен че*, *освен дето* и *освен да* объединяет общий семантический признак - они вводят предикативную часть, которая описывает ситуацию, ограничивающую отрицание или утверждение в главной части. По этому признаку они противопоставлены сочетаниям *освен ако* и *освен когато*, вводящим предикативную часть, описывающую обстоятельства для такой ситуации.

Таким образом, выражение значения исключения болгарскими союзами *освен че* и *освен дето* в большинстве случаев связано с их употреблением в конструкциях с отрицательной главной частью. В предложениях с главной частью, не включающей отрицания, *освен че*- и *освен дето*-клаузы ограничивают выраженное в ней утверждение. Между двумя синонимичными болгарскими союзами имеются семантические, сочетаемостные и функциональные различия, и оба они противопоставлены союзу *освен да* по признаку фактивности/

нефактивности вводимой пропозиции. Выбор русского функционального эквивалента болгарского союза зависит от условий употребления последнего. Учитываются структурные, смысловые и стилистические особенности контекста с *освен че* и *освен дето*.

Литература

- Апресян 2004 – Апресян В.Ю. КРОМЕ 1, КРОМЕ 2, КРОМЕ ТОГО // Ю.Д.Апресян (рук.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 484-501.
- БЕР 1971 – Български етимологичен речник. Т. 1. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1971.
- Градинарова 2016 – Градинарова А.А. Болгарский составной союз *освен ако* в сопоставлении с русскими *разве что*, *разве только* и *разве вот* // Русистика сегодня: традиции и перспективы. Научная конференция с международным участием. София, 23-25 ноября 2016 г.
- Градинарова 2017 – Градинарова А.А. Болгарский союз *освен да* на фоне русских функциональных соответствий // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Вып. 10. Шумен (принято к печати).
- Иванова 2014 – Иванова Е.Ю. Русские параллели болгарской *да-конструкции* // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да-конструкции*. / Уредник: акад. Зузана Тополињска. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2014. С. 107-161.
- Иванова 2015 – Иванова Е. Българската *да-конструкция* и руското сълагателно наклонение: зони на пресичане и разминаване // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков. Вып. 9. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2015. С. 5-28.
- Ласкова 2009 – Ласкова Л. Имперфект и плусквамперфект в подчинени *да-изречения* след глаголи за възприятие // Български език. 2009. Приложение. С. 169-185.
- Ницолова 2008 – Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. 523 с.
- Оскольская 2011 – Оскольская С.А. Функционирование конструкций со значением исключения участника в русском языке. СПб., 2011 // https://iling.spb.ru/nord/materia/oskolskaya/exceptive_constructions_in_russian.pdf (дата обращения: 04.07.2017).
- РБЕ 1981 – Речник на българския език. Т. 3. София: Изд-во на БАН, 1981.

ON BULGARIAN CONJUNCTIONS *ОСВЕН ЧЕ* AND *ОСВЕН ДЕТО* AND THEIR RUSSIAN FUNCTIONAL COUNTERPARTS

Abstract. *The paper describes the main contexts for the Bulgarian conjunctions *освен че* and *освен демо* carrying the meaning of exclusion; the differences between the synonymous *освен че* and *освен демо* are pointed to, as well as the difference in the use of these two conjunctions on the one hand, and the conjunction *освен да*, on the other; is shown. These Bulgarian conjunctions are correlated with their Russian functional counterparts. The choice of these counterparts depends on the conditions in which the Bulgarian conjunctions are being used. Considered are the structural, semantic and stylistic context peculiarities of *освен че* и *освен демо*.*

Keywords: *conjunctions *освен че* and *освен демо*, functional counterpart*

Делева Надежда Петкова
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского, София, Болгария

СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ ВЛАХОВУ 100 ЛЕТ

Аннотация. В статье делается обзор основных лексикографических трудов выдающегося лексикографа Сергея Влахова. Внимание уделено и классической работе в области теории перевода «Непереводимое в переводе», созданную в соавторстве с С. Флориным.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, теория перевода, фразеология, паремиология

Сергей Влахов из редких, очень немногих личностей, которая сочетает в себе аристократизм духа, обаяние интеллекта, целеустремленное трудолюбие. Работы Сергея Влахова – это целая эпоха в области лексикографии и переводоведения. Для него эти две области естественно сопряжены. В них содержатся результаты непрерывной работы мысли, талант, последовательность в поисках, стремление к новаторству.

Сергей Влахов родился 19 марта 1917 г. в Ростове-на-Дону в семье бессарабских болгар. Семья возвращается в Болгарию и живет в Софии, когда Сергею три года. В шестилетнем возрасте живет в г. Пештере под попечительством Н. М. Дылевского. Сначала учится в немецкой школе, а потом в известном в Софии пансионе В. Кузьминой, где изучает русский и французский. С 1930 по 1936 г. оканчивает Американский колледж в Симеоново, а в 1940 г. – юридический факультет Софийского университета. Владеет пятью языками – немецким, французским, русским, болгарским, английским.

В 1944 г. мобилизован в действующую армию и служит в качестве переводчика в Военном министерстве. Оканчивает курсы библиотекарей к Национальной библиотеке им. Св. Кирилла и Мефодия. Два года С. Влахов работает в библиотеке Болгарской академии наук, после этого становится преподавателем русского языка в Медицинской академии, где обучает студентов 25 лет. Преподает теорию и практику перевода студентам Софийского университета и участникам Летней школы болгарского языка для иностранцев. У С. Влахова богатый, более 30-летний опыт, в области устного перевода, наряду с этим он переводит большое количество литературы, в том числе специализированной.

Накопленный переводческий опыт в сочетании с эрудицией и языковым чутьем дают материал для наблюдений над языковыми явлениями, при том в рамках нескольких иностранных языков. Работа преподавателем приводит к идеям о составлении учебных пособий. Он автор множества статей, рецензий и отзывов (подробная библиография его работ в [Lichtenberg, Lipovska 2004: 1-30]).

С. Влахов – один от основателей Союза переводчиков Болгарии, создатель секции «Теория, история и критика перевода», создает к ней Лексикографическую группу. Проводит семинары по проблемам перевода с членами Союза молодых переводчиков. С. Влахов кладет начало сотрудничества между двумя сообществами – переводчиков и лексикографов.

Многолетний труд С. Влахова в области словарного дела вылился в составлении 10 самостоятельных произведений, а в качестве редактора и составителя он принимал участие еще в 7.

В обзоре будет представлена часть словарей, в которых нашел отражение лексикографический талант и новаторский подход незаурядного творца.

С. Влахов. Малък руско-български речник. С., Наука и изкуство, 1970; стер. изд. 1971.

В этом словаре впервые в русско-болгарской лексикографии т. наз. «общие» для русского и болгарского языка включены в словник, который расположен под основным, под чертой, в виде списка русских слов, понятных без перевода, напр. *преувеличенный, напрасный, любезность, магистр, свадебный, стеклорежущий, кругозор, крыло.*

Божков Д., В. Велчев, С. Влахов, Е. Х. Рот, М. Джананова, Н. Дилевски, В. А. Церел, А. Людсканов, К. Д. Савченко, Г. А. Тагамлицка, В. В. Татарова, В. В. Тотева, Н. Е. Ховрина. Руско-български речник. (Под ред. С. Влахова и Г. Тагамлицкой). С., Наука и изкуство, 1986. Второе переработанное издание.

В своей подробной рецензии К. Бабов высоко оценивает огромный труд авторов и редакторов. С. Влахов – редактор второго тома, охватывающего 925 страниц. Одно из достоинств этого лексикографического произведения – включение новых слов, новых значений некоторых слов, новых фразеологизмов и аббревиатур. Второе издание этого словаря выходит в свет более 25 лет после первого, вышедшего в 1960 г. К достоинствам словаря относится и множество пословиц, поговорок и крылатых фраз, что отражает накопленный опыт в области сравнительной паремиологии. Несмотря на некоторые не до конца разрешенные вопросы, этот словарь останется самым значимым достижением до составления большого многотомного переводного словаря [Бабов 1988: 104-115].

С. Влахов. Нов руско-български речник. Под ред. А. Липовской. С., Парадигма, 2004.

Входная (русская) часть содержит 50 000 слов и фразеологических сочетаний. Сведения о словах поданы с учетом потребностей носителя болгарского языка. Словник структурирован таким образом, что страница словаря разделена графически на две части: в верхней размещены основные заголовочные слова, а в нижней представлены лексемы, понятные без толкования из-за близкого родства русского и болгарского языков. Это дает возможность выделить близкие по форме и значению лексические единицы,

Напр., *либретто, лирический, ракет, по-старому, собственность, рассудок*. К некоторым словам в скобках указаны пояснительные словосочетания *понятие* (за добро и зло; от геометрия), *тревожный* (човек; начин на живот; поглед). Ко многим значениям в скобках приводятся пояснительные примеры употребления, напр. *неразборчивый*. 1. Нечетлив (почерк). 2. Непридирчив (човек, вкус); непретенциозен. 3. Обикн. кр. ф. Безпринципен, не подбираш средства (политик, бизнесмен). С целью предупреждения интерференции автор вводит помету НЕ к омонимам и паронимам, напр. *концентрат* концентрат (храна, фураж; полезни ископаеми); НЕ алкоголь. Та же помета используется и для уточнения сочетаемости заголовочного слова, напр., *раздевать* събличам (болен, дете) (НЕ дрехи; срв. *снимать*); *качели* люлка (НЕ на бебе; срв. *колыбель*). Детальный семантический анализ позволяет выявить различия в случаях несовпадения объемов значений между русскими и болгарскими лексическими единицами с указанием словосочетаний, напр. *потный* Потен, изпотен (*лице*); запотен (*стъкло*). Значения безэквивалентных лексем раскрыты с помощью описаний, напр. *разночинец* «Разночинец» (преди 1917 г. в Русия – носитель на демократични идеи, който няма дворянски произход). В словаре подробно представлены фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, устойчивые сравнения. Словарь содержит также 3 приложения: в первом представлены около 2 500 географических названий, во втором – около 100 личных имен, в третьем – около 200 фамилий. Бесспорно этот словарь является одним из значимых достижений современной русско-болгарской лексикографии. Используя определение С. Влахова о «ключевых» изданиях, сыгравших определенную роль в развитии русско-болгарской лексикографии, можно назвать его «словарем-вехой» [Влахов 1988: 81].

Червенкова И., Влахов С., Делева Н., Липовска А. Русско-болгарский словарь. М., Аст пресс, 2008.

Объем словника – около 15 000 слов и словосочетаний. Предназначен для носителей русского языка при деловой или туристической поездке в Болгарию., В него включены самые необходимые начальные сведения о болгарских соответствиях русских слов и их использование в болгарском языке. Снабжен кратким грамматическим очерком болгарского языка.

Влахов С., А. Георгиева, Е. Превыш-Квинто, Г. Гочев, С. Гочева, Т. Томева, И. Христова, Д. Шкодрова. Под ред. С. Влахова. Тематичен руско-български речник на фразеологизмите. Велико Търново, Издат. комплекс «Велико Търново», 1994.

В словарь включены около 2050 фразеологических единиц, снабженных переводом, цитатами, уточняющими значения примерами, которые структурированы в 484 предметно-тематических рубрик по смысловым показателям. Содержит предметно-тематический и алфавитный указатели.

Влахов С. Сопоставительный словарь пословиц – болгарских, русских, английских, французских, немецких (и латинских). С., Ето, 1998.

Первый в Болгарии многоязычный словарь пословиц. Словарь содержит 624 семантических гнезд, в них ведущей является болгарская пословица. При составлении этого первого в болгарской лексикографии многоязычного словаря пословиц С. Влахов руководствовался принципом, чтобы болгарская пословица была зафиксирована в соответствующих двуязычных словарях. Подбор осуществлялся таким образом, чтобы у исходной пословицы было соответствие/соответствия в остальных пяти языках. К соответствующей пословице указан источник, из которого подобрано соответствие. В словарь включены 976 болгарских пословиц, 922 русских, 915 английских, 883 французских, 964 немецких и 440 латинских, в общей сложности 5 100 пословиц. Пословицы пронумерованы, номер указывает и на отсылку к соответствующей единице в индексах или к синонимичной пословице, напр.

275. Който вади нож, от нож умира (БПП)

(Всички, които се залавят за нож, от нож ще загинат. Библия)

E. He that strikes with the sword shall be be stricken with the scabbard (DEP)

(All they that take the sword shall perish with the sword. Bible)

F. Qui frapper du couteau mourra de la gane (DSL)

(Tous ceux qui prendront l'epée périront par l'epée. Bible)

D. Wer das Schert nimmt, der soll durch Schert umkommen (DSL)

Срв. **Който сее ветрове, ще жъне бури** (304)

Автором разработаны и алфавитные индексы пословиц для каждого из представленных языков, индекс по ключевым словам. Индексы охватывают около ¼ объема словаря. Такой подход обеспечивает вход через любой из включенных языков. Автор изготовил к словарю и список редких, устаревших и диалектных слов. Указаны также источники, на материале которых был проведен отбор пословиц, число их впечатляет – 122 источника.

Влахов С. Руски пословици (за изучаващите чужди езици в българските училища). С., Ето, 1999.

Одна из четырех книжек из серии, в которой представлены французские, немецкие и английские пословицы. Содержит 218 словарных статей русских пословиц, отсылки к ним, также список русских слов, которые могут вызвать непонимание у читателя, индекс болгарских соответствий.

В случае отсутствия точного болгарского эквивалента автор приводит перевод, буквальный и авторизованный, в случае необходимости и краткое объяснение в квадратных скобках. Напр., *Кошке игрушки, а мышке слезки*. (За котката игри, за мишката сълзи); *Копейка рубль бережет* (Копейката варди рублата, тъй като ако похарчиш само една копейка, вече нямаш рубла). Срв. *Който не пази парата, той не вижда и гроша* [1 грош= 40 пари]. Пословицы представлены по алфавиту – по первому слову или по ключевому (самому

главному). В индексе болгарские соответствия приведены по первому слову. Все четыре сборника сопровождаются забавными иллюстрациями художника Дону Донева.

Энциклопедический словарь «От Авгий до Яфет» (Болгарские выразительные средства от чужих собственных имен). С., Издат. «Петр Берон» и Университетско издателство «Кл. Охридски», 1996.

Это уникальный словарь, в Болгарии до сих пор нет подобного издания, отсутствуют сведения, что такой вид словаря издавался и в другом месте. Лексикографическое произведение нестандартное как по своему замыслу, так и по своему выполнению. Книга является одновременно и словарем, и энциклопедией, она совмещает богатство энциклопедии и глубокие филологические познания. Это и справочник, и занимательный и увлекательный рассказ о мире древних народов, об общечеловеческих ценностях.

В словаре представлены чужие собственные имена в языковом мире болгарина и языковые средства – слова и словосочетания – которые связаны с ними по происхождению, являющиеся результатом переосмысления в языке, в быту и в духовной жизни болгарского народа. Включение собственных и нарицательных имен – своеобразный вызов для лексикографа. Материал исключительно разнообразен в тематическом и в лингвистическом отношении и это требует от автора сочетание разных приемов. Перед ним были и другие трудности, связанные с транскрипцией имен из разных языков, с объяснением на доступном и ясном языке научных терминов из разных областей науки.

Разнообразная и разнородная лексика представлена в подходящей форме – 6 000 словарных статей объединены в 936 гнезд. Заголовочным является чужое собственное имя. За ним следуют слова или словосочетания, связанные с ним. Связь обычно цепочечная, при том каждое последующее слово или словосочетание – это часть дефиниции предыдущего. Это не механическое извлечение информации из разных и разнообразных источников, а авторская обработка информации в доступном и сжатом виде. Это осмысление, толкование, иллюстрирование, упорядочивание обширного и разнообразного в тематическом и лингвистическом отношении материала. Такой подход превратил книгу в комбинированный лингвистическо-энциклопедический справочник, которому присущи и черты других типов лексикографических произведений. У него общие черты с такими типами словарей, как ономастикон, этимологический, терминологический, фразеологический, стилистический словарь, словарь иностранных слов, ближе всего к словарю эпонимов (носителей соответствующих собственных имен, также и живых – реже личностей). См. напр., №533 *Мономах, княз Владимир II, 1053-1125, ист. – един от князете обединители на Киевска Рус.*

«Шапката на Мономах», ист. Златна с филигранна украса корона (според легендата от 15/16 в. подарък от тѣста на Мономах, византийския император Константин Мономах), с която са коронясвани руските князе и царе.

Шапката на Мономах, прен. 1) символ на самодържавието; 2) шег. Тежко тежко задължение, бреме на властта; у нас – аналог от драматичното произведение на В. Друмев «Иванко»: „ ... тежка е царската корона”».

Крилатата фраза «Ох, тяжела ты шапка Мономаха» е взета от «Борис Годунов» на Пушкин в прев. от Хр. Радевски: «Тежи короната на Мономах.»

В увлекателном сочинении содержатся сведения из области искусства, ботаники, биологии, физики, химии, географии, литературы, музыки, Библии. Одна из целей его создателя, указанная в предисловии – просвещение читателей, в частности, молодого, поколения.

Словарь включает три ценных раздела-приложения – индекс имен, терминологический справочник (содержит объяснения терминов для неспециалистов, изложенных автором на доступном языке), предметный указатель заголовочных слов с отсылками к номерам гнезд (от 1 до 936).

Многолетняя преподавательская деятельность С. Влахова привела его к идее создания пособий-справочников, нужных для обучения.

Влахов С., Муцков Л. Неглагольная лексико-синтаксическая сочетаемость. Словарь-справочник. С., Народна просвета, 1974.

Пособие предназначено для болгар, изучающих русский язык. В словарном виде представлена синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость имен (существительных, прилагательных, числительных), местоимений, некоторых предикативных наречий, отыменных предлогов. Словник включает наиболее употребительные единицы с учетом потребностей среднего уровня владения языком. Подобраны около 1 500 единиц, сочетаемость которых отличается от их болгарских эквивалентов. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке заголовочных слов и состоят из трех частей: из заголовка, из системы раскрывающих сочетаемость падежных вопросов и из обобщающих слов и примеров, иллюстрирующих синтаксические и лексико-семантические связи слов.

Богатые сведения о существующих словарях в сочетании с желанием опытного переводчика поделится своими знаниями привели к составлению библиографии под забавным заглавием.

Лексикографическая шпаргалка для начинающего переводчика. С., Ето, 1995.

Она может быть полезна далеко не начинающему переводчику, в ней собраны по направлениям более значимые словари – толковые, переводные, специализированные. С позиции опытного переводчика и с тонким чувством юмора автор пишет в предисловии: «Переводчики – духовные наследники вымершего племени энциклопедистов. С той лишь разницей, что знание всего на свете они компенсируют умением найти любую информацию».

Одна из ценнейших и не теряющих свою актуальность и в наши дни работ С. Влахова, написанная в соавторстве с его близким другом и коллегой

Сидера Флорина –«Непереводимое в переводе» . Первое издание вышло в 1980 г. в Москве, на русском языке уже 5 изданий (1986, 2006; 2009, 2012). На болгарском языке этот труд издан в 1990 г. Во вступительной статье к пятому изданию специалист по теории перевода В. М. Ланчиков отмечает, что авторы «одновременно и теоретики и практики – наблюдательные, вдумчивые лингвисты и талантливые, опытные переводчики. Поэтому их книга, пусть даже значительная часть заимствована из чужих переводов, все равно осмысление собственного опыта. Отсюда и ее стиль: так рассказывают о своей работе настоящие профессионалы – увлекательно, точно, доходчиво» [Ланчиков 2012: 4]. В. Ланчиков считает, что одно из достоинств книги состоит в том, что явления одного порядка систематизированы и сделана попытка выявить в способах их перевода определенные закономерности. Другое очень существенное преимущество книги – это точно подобранные примеры и самых разных языков и текстов-источников. Анализ этих примеров показателен, отличается оригинальностью и находчивостью, поэтому очень полезен при обучении переводу.

Категория «непереводимости» связана с уточнением понятия «реалия». В гл. 1 авторы предлагают и подробную классификацию реалий. Гл. 2 посвящена в частности переводу фразеологизмов, собственных имен, терминов, каламбуров, отклонений от литературной нормы.

По поводу этой книги уже вышло более 130 рецензий, ее неизменно включают в курсах по теории перевода в России и Болгарии, в библиографиях научных работ.

Во многих статьях, посвященных вопросам перевода и лексикографии, С. Влахов излагает мысль о сильной зависимости перевода и лексикографии и о том, что для хорошего перевода помогают хорошие, профессионально составленные словари, утверждает, что путем совершенствования словарей возможно повысить качества переводов (Влахов 1988: 80).

Также как великие художники угадываются по стилю, так и С. Влахов узнаваем по манере создания словарей. Им предшествуют серьезная теоретическая подготовка, накопление и изучение впечатляющего по объему библиографического аппарата, скрупулезное и детальное изложение принципов составления, филигранный языковой анализ.

Творчество С. Влахова отличается целенаправленностью и цельностью. Если к книге «Непереводимое в переводе» добавить «Сопоставительный шестязычный словарь фразеологизмов», энциклопедический «От Авгий до Яфет», «Новый русско-болгарский словарь», то это даст достаточно серьезный инструментариум не только начинающему переводчику, но и тому, кто уже искусен в этой области.

Какие труды, такие и плоды – так можно обобщить высокое искусство лексикографа и переводчика.

Литература

- Lichtenberg J., Lipovska A. Sergej I. Vlachov. Auswahlbibliographie. Magdeburg: Otto-von-Guericke Universität, 2004.
- Бабов 1988: Бабов К. Постижения и проблеми на руско-българската лексикография (по повод на второто издание на двутомния Руско-български речник).// Съпоставително езикознание, 1988, №4-5, 104-115.
- Васева И., Занглигер В.Ф., Липовска А. Сергею Ивановичу Влахову 90 лет // Acta Linguistica, I, 2 (2007). София: Eurasia Academic Publishers, 2007. С. 94–97
- Влахов 1988: Влахов С. Перспективы развития русско-болгарской лексикографии и перевод.// Болгарская русистика, 1988, №2, 80-85.
- Липовска А. Сергею Ивановичу Влахову 90 лет. Беседа с С.И. Влаховым // Мосты. Журнал переводчиков, 2007, № 1 (13). С. 3–6.

Deleva, Nadezhda

Sofia university «St. Kliment Ohridski», Bulgaria

ndeleva@gmail.com

100TH ANNIVERSARY OF SERGEY IVANOVICH VLAHOV'S BIRTH

***Abstract.** The article is dedicated to the 100th anniversary of the birth of the famous specialist in the field of Russian-Bulgarian lexicography, theory of translation, paremiology and phraseology. It examines some of his works, which are scientific contribution to these areas.*

***Keywords:** lexicography, theory of translation, paremiology, phraseology*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

***Аннотация.** Доклад посвящен проблеме перевода специализированных текстов с русского языка на польский и наоборот на занятиях с польскими студентами-филологами.*

Курс «Перевод юридических текстов» реализует две цели: познавательную (ознакомление учащихся с разными видами юридических текстов) и практическую (выработка навыков и умений по эквивалентной передаче их содержания).

Используются только аутентичные материалы, поэтому важным элементом занятий является объяснение незнакомых слов, архаизмов и экзотизмов.

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный; русский язык специальности; юридические документы; сравнительный анализ; лексические эквиваленты*

Выработка у иностранных учащихся умений и навыков по переводу с иностранного языка на родной и наоборот является обязательным элементом занятий по РКИ на любом уровне владения языком.

Именно благодаря переводу учащиеся могут достичь полноты понимания как устной и письменной речи, так и культурного наследия народа. Кроме того, на наш взгляд, бесспорно ценно то, что студенты могут сопоставлять речевые пласты иностранного языка и родного и расширять свои горизонты, находя общее и различное в традициях, верованиях, обычаях обоих народов.

Перевод с русского языка на польский и наоборот присутствует на занятиях по страноведению, практике русской устной и письменной речи, на авторских занятиях по предметам бизнес-блока.

Как подсказывает наш многолетний опыт, особый интерес среди студентов 5-го курса русской филологии специальности «*Межкультурная коммуникация с элементами маркетинга*» представляет перевод юридических текстов.

Несмотря на принадлежность Польши к странам-членам ЕС, в котором почти во всех сферах жизни доминирует английский язык, учитывая исторические соседские отношения Польши с Россией и странами постсоветского пространства, русский язык вместе с английским продолжает оставаться в польско-российских контактах языком общения в сфере бизнеса, экономики и права.

Авторский курс «Перевод юридических текстов» ставит перед собой две важных цели: познавательную и практическую.

Познавательная цель предполагает ознакомление учащихся со списком предлагаемых нами для перевода на занятиях юридических текстов на русском и польском языках.

Благодаря этому студенты могут убедиться в широте и разнообразии затрагиваемых вопросов, решаемых с помощью документов, ознакомиться с разными формами русских юридических текстов в сопоставлении с польскими.

Процесс перевода предваряет подробная информация о видах юридических документов, правилах их оформления, об особенностях языка и стиля юридических текстов, а также выполняемых ими функциях.

В рамках занятий мы предлагаем для перевода аутентичные актуальные личные правовые документы (например, *паспорта, удостоверения, свидетельства, аттестаты, дипломы, выписки из дипломов* и пр.), архивные документы XIX–XX веков (*рукописи и бланки документов, заполненных от руки чиновниками, – это метрические выписки; свидетельства; инвентарные описи; выписки из актов* и пр.), а также актуальные документы из таких областей права, как акты гражданского состояния (*записи акта и свидетельства о рождении, о заключении брака, о расторжении брака, о смерти*); нотариальные документы (*доверенность, передоверие, завещание, пожертвование, апостиль, договоры имущественного характера и соглашения о семейных правоотношениях*); документы гражданского судопроизводства (*иск, ответ на иск, определение, приказ, повестка, исполнительный лист*); уголовно-процессуальные документы (*постановление, решение, приговор, протокол (задержания, допроса, обыска* и пр.), обжалование, обвинительное заключение, заявление потерпевшего, жалоба, ходатайство и пр.

Вторая (двухаспектная) цель – практическая. На занятиях, рассматривая все малейшие детали документов, студенты знакомятся со сходствами и отличиями по графическому и языковому оформлению писем, а также формируют предметную и коммуникативную компетенцию и вырабатывают навыки и умения по эквивалентной передаче содержания как основных, так и вспомогательных элементов проблемного текста (*гриф, резолюции, визы* и пр.).

Иными признаками юридических документов являются рубрикация, абзацное членение текста и постоянные его элементы (такие как *название документа, указание на адресата и составителя документа, даты составления текста и подписи автора*). На занятиях или в качестве домашнего задания учащиеся стараются, зачастую вооруженные лупой, расшифровать надпись на печати, скрепляющей подпись, или саму подпись, которая во многих случаях является неразборчивой.

Студенты, понимая важность и полезность приобретаемых практических знаний в области перевода, стараются в процессе работы с текстами получить

кроме лексики еще дополнительную информацию из области культуры, быта, традиций обоих народов.

Перевод исходного текста должен адекватно передавать информацию и быть максимально точным и ясным. Следует обратить внимание на факт, что любой правовой документ, составленный в одной стране, отражает ее правовую систему и содержит клишированную лексику, специфические формулировки и термины. Поскольку данный правовой документ переводится в соответствии с правовой системой и юридической терминологией другой страны предположительно для использования (для, например, *оформления вида на жительство; учебы; трудоустройства; решения административных вопросов; при наказании за правонарушение и т.д.*) перевод должен содержать стандартные словосочетания (например, *заключить брак – zawarć związek małżeński; совершить преступление – dokonać przestępstwa; привести к травме – spowodować obrażenia; мера пресечения – środki zapobiegawcze; признаки состава преступления – znamiona przestępstwa и т.д.*), быть выполненным с особой старательностью и являться абсолютно точным.

Особую трудность для учащихся составляют формулировки, которые просто нужно запомнить, поскольку они никоим образом не напоминают вариант на другом языке, однако имеют конкретное значение и несут определенную информацию. Это выражения типа: *недееспособность – niezdolność do czynności prawnych; объявить в розыск – wydać list gończy; выдворение – deportacja/wydalenie; обязанность загладить (причиненный) вред – obowiązek naprawienia szkody; обвиняемый (до предания суду) / подсудимый (после предания суду) – obwiniony / podejrzany / oskarżony; скупщик краденого / барыга – paser; альфонс – utrzymanek; инкассатор – konwojent; коллектор – windykator; о нижеследующем – o tym co następuje и т.д.*

Работая с аутентичными русскими рукописными нотариальными документами конца XIX – начала XX века, студенты неоднократно встречаются с архаичными языковыми формами (например, *сим свидетельствую; сорока семи лет от роду; жительствующие; младенцу этому при святом крещении, совершенном сего числа; восприемниками были; акт сей объявляющему и присутствующим прочитан, нами и ими подписан и пр.*) названиями старинных профессий (*смотритель карчемной пограничной стражи; стражник земской стражи; пристав Исполнительной полиции; бухгалтер Казенной палаты и пр.*), наименованиями разных исторических явлений (*подати; ликвидационная табель; купче-продажная запись*) и предметов быта (*крестьянская усадьба, плуг; ручная соломорезка и пр.*) старинными единицами измерения (*загоны; сотки; пренты; гарнец; корцы и пр.*) и старыми единицами территориально-административного устройства страны (*уезд; губерния; селение и пр.*).

На наш взгляд, ознакомление с такими языковыми единицами приносит учащимся лишь пользу, поскольку расширяет их знания в области истории, культуры и быта и обогащает лексический запас.

Следует обратить особое внимание студентов на специфику делового стиля речи, его нейтральный и лаконичный характер изложения и в связи с этим на тот факт, что эмоционально-экспрессивная лексика, формы разговорного языка, просторечия и всяческие диалектизмы можно встретить лишь в рукописных текстах показаний (*заявлениях и протоколах допроса (подозреваемого / обвиняемого / пострадавшего / свидетеля и пр.*).

Встречаясь с различными юридическими материалами, студенты обращают внимание на антонимические пары, существующие в обоих языках, и на передачу их на другой язык. Это такие лексические единицы, как *истец/ответчик – powyd/pozwany; наказан/оправдан – skazany/uniewinniony;отягчающие/смягчающие обстоятельства – okoliczności obciążające/okoliczności łagodzące* и т. п.

В идеале переводчик юридических текстов должен очень хорошо разбираться во всех вопросах права и законодательства обеих стран. Поскольку учащиеся не обладают еще полными знаниями в области русского языка и к тому же они не являются юристами, то такой перевод, хотя и тщательный и очень старательный, можно считать лишь упражнениями по переводу.

В процессе подготовительной работы с переводимым текстом, на этапе мыслительных операций студенты должны сознательно и правильно анализировать, а затем интерпретировать текстовый материал.

Адекватность перевода юридического текста в главной мере зависит от правильного подбора слов, которые точно передают его содержание. Слова в юридических текстах должны использоваться лишь в тех значениях, которые присущи языку права.

Все это может вызывать у учащихся определенные трудности, поскольку они не обладают юридическими знаниями, являются носителями лишь одного языка и некоторые нюансы иностранного языка и стиля речи им еще не достаточно понятны, а кроме того, бывает, что к некоторым формулировкам на одном языке невозможно подобрать лексический эквивалент на другом языке, поскольку он просто отсутствует (например, вид и форма документа – *корешок* медицинского свидетельства о рождении, *трудова книжка* и т.п.).

При переводе юридических документов учащиеся зачастую встречаются с лексическими выражениями, которые требуют подбора эквивалента на другом языке, причем данный эквивалент содержит другие лексические элементы, чем исконное словосочетание, например, *цена иска – wartość przedmiotu sporu; снятие побоев – obdukcja lekarska; опись - spis majątku; возбуждение производства (по делу) – wszczęcie postępowania (w sprawie); скрепить подписью – poświadczyć podpisem; очная ставка – konfrontacja; подписка о невыезде – zakaz opuszczania kraju* и т.д.

Отдельным вопросом, заслуживающим внимания, являются многочисленные сокращения и аббревиатуры, встречающиеся в юридических документах

разных видов, которые без достаточных знаний правовых реалий данной страны не поддаются переводу (например, *СИЗО – areszt śledczy; УПК – kodeks postępowania karnego; МРОТ – płaca minimalna; РУОП – Rejonowy Wydział do Spraw Przestępczości Zorganizowanej; ПОВД – Rejonowa Komenda Policji* и пр.).

Так, при переводе актов гражданского состояния первым делом необходимо определиться с передачей на польский язык фамилий, имен и отчеств. Дело в том, что в польских официальных документах, информация, касающаяся родителей определенного гражданина, передается с пометами «дочь» или «сын» (т.е., отвечая на вопросы: чья дочь? чей сын?) или выясняется с помощью информации, предоставленной в отдельных рубриках, таких как «*imię ojca*» (имя отца), «*imię matki*» (имя матери). Русские отчества возможно передавать на польский язык несколькими способами, т.е. по-польски, в английской транскрипции и как в официальных документах, например, *Смирнов Иван Михайлович (Michajłowicz; Mikhaylovich; syn (s.) Michaiła/Michała; Nazwisko: Smirnow / Smirnov; Imię: Iwan / Ivan; Imię ojca: Michaił / Michał / Mikhail)*.

Отдельный вопрос, нуждающийся в объяснении студентам, – это слово «*паспорт*», который они переводят буквально, забывая о том, что в русских документах речь идет о внутренних, а не о заграничных паспортах, т.е. об эквивалентах польских «*dowodyw osobistych*». В польских двуязычных словарях «*dowyd osobisty*» часто переводится как «*удостоверение личности*», что, по нашему мнению, отражает лишь функцию документа, а не его вид.

Необходимо указать учащимся все значения слова *паспорт*, поскольку именно с ними, возможно, им придется встретиться в будущей профессиональной жизни.

В юридических документах, например, в протоколах осмотра места происшествия аварии (ДТП) можно прочесть данные о машине на основании *паспорта* транспортного средства, при покупке какого-нибудь прибора продавец может предложить «отметить *паспорт*», существуют еще *паспорта* фирм, городов и т. п.

Например, при переводе польской версии полной копии свидетельства о рождении (*odpis zupełny aktu urodzenia*) появляются сомнения, касающиеся самой записи некоторых данных, содержащихся в документе, а именно названия района Варшавы. В польском тексте говорится об отделе актов гражданского состояния Мокотув Варшава-Средместье (*Urząd Stanu Cywilnego Warszawa Śrydmieście Oddział Mokotów*). На наш взгляд, следовало бы добавить поясняющие элементы типа: Варшава, район Средместье / Срудместье (Центральный район), микрорайон Мокотув.

Второй вопрос касается нормы записи названия законов. Поскольку документ переводится с польского языка на русский, мы предлагаем студентам соблюдать российские стандарты, и поэтому запись в документе на польском языке (... w trybie art. 63 prawa o aktach stanu cywilnego) мы рекомендуем

перевести и записать следующим образом: «согласно ст. 63 Закона «Об актах гражданского состояния».

Очень часто в документах встречается оговорка или приписка, сделанная от руки о верности копии. По-польски это, например, формулировки типа: «*poświadcza się zgodność powyższego odpisu z treścią aktu małżeństwa*» или печать с надписью «*zgodność z oryginałem stwierdzam*». В русских документах разного времени составления встречаются различные формулировки, например, «*Настоящим подтверждаю, что данный экземпляр является подлинной копией представленного мне документа*», «*Свидетельствую верность настоящей копии с предъявленным мне подлинником документа*», а также удостоверение чиновника с помощью печати с надписью: «*Копия верна*» – и своей личной с фамилией и инициалами и датой подтверждения.

В данном документе, на наш взгляд, наиболее полно будет соответствовать польскому тексту формулировка «*Подтверждаю / Свидетельствую / Удостоверяю верность настоящей копии записи в свидетельстве о заключении брака*».

Определенную трудность вызывают у студентов любые примечания, сделанные от руки. Это объясняется тем, что учащиеся до сих пор мало контактировали с русскими рукописными текстами и плохо разбирают почерк, хотя в большинстве случаев он каллиграфический.

В примечаниях переводчика обязательно должна быть информация об особенностях переводимого документа (*помарки, стирания, поправки, зачеркивания* и т. д.), поскольку они могут иметь значение при определении, например, подлинности исходного текста.

Одной из формулировок, на которую мы обращаем внимание учащихся, является «*исправленному верить*», которая в польском языке переводится «*poprawiono na*».

При переводе юридических текстов, по нашему мнению, необходимо обратить внимание также на категорию необходимости и долженствования, которые выражаются в русском языке с помощью лексем «*следует*», «*необходимо*», «*надо*», «*нужно*», «*надлежит*», «*обязан*», «*вынужден*» и др., а в польском языке каждое из этих слов переводится с помощью нескольких лексем в зависимости от контекста.

Так слово «*следует*», выражающее необходимость совершения какого-нибудь действия в соответствии с определенными правилами, переводится словами «*należy*» / «*trzeba*», причем „*trzeba*” имеет публицистическую, разговорную коннотацию. Например: *Юрлицу следует сообщить в регистрирующий орган об изменении кодов ОКВЭД. Не позднее 1 марта следует представить сведения о невозможности удержать НДС/Л. Należy przedstawić źródła pochodzenia środków na zabezpieczenie realizacji projektu. Po zakończeniu danego okresu trzeba ponumerować dokumenty zgodnie z numeracją nadaną w KPiR.*

Зачастую студенты отождествляют в своих вариантах переводов такие слова, как «необходимо» и «следует», в то время как они выражают разное значение: слово «необходимо» – содержит элемент оценки чего-либо, что очень нужно сделать, а „следует” выражает более смягченную необходимость. Например: *Для корректного начисления налогов за прошлый год необходимо... . Необходимо незамедлительно принять меры по решению проблем.*

На польский язык слово «необходимо» переводится, как «*należy*», «*konieczne jest, (by)*», «*niezbędne jest, (żeby)*», «*nieodzowne jest, (by)*» и т.п. Например: *Niezbędne jest ustanowienie szczególnych przepisów regulujących...; ... konieczne jest posiadanie tytułu prawnego, tj. prawa własności.*

Слова «надо», «нужно» практически не отличаются по семантике друг от друга и переводятся на польский язык словами «*musieć*», «*trzeba*». Рассмотрим примеры: *Надо обеспечить получение прибыли. Для освидетельствования нужно представить в бюро МСЭ... Kupujący sam musi dostarczyć wadliwy towar do punktu sprzedaży. Pełnomocnictwo trzeba przedłożyć w formie papierowej.*

Нельзя обойти вниманием и такое устаревшее и ныне встречающееся лишь в книжном стиле слово, как «надлежит» в значении «быть необходимым, подходить, следовать» и т.д., которое на польский язык передается словами «*należy*», «*wypada*», «*powinno się*». Например: *Подрядчику надлежит выполнить работу по капитальному ремонту ливневой канализации. Środkami finansowymi z przeznaczeniem na wypłatę emerytur i rent nie powinno się grać na giełdzie.*

В рамках занятий мы обращаем внимание студентов на пару слов «обязан» и «должен», которые близки по значению, когда встречаются, например, в деловых письмах и документах. Слово „обязан” явно указывает на наличие обязательств, например, контрактных, процессуальных, которые абсолютно необходимо выполнить. На польский язык слово «обязан» переводится «*jest obowiązany / zobowiązany*»; «*ta obowiązek*», «*winien*» и т. п. Например: *Согласно ст. 132 ГПК истец обязан приложить к исковому заявлению необходимые документы. W przypadku stwierdzenia jakichkolwiek nieprawidłowości przewoźnik winien niezwłocznie poinformować o tym fakcie*

Интересным с точки зрения семантики и употребления является для иностранных студентов слово „вынужден” в разных формах. Данное слово употребляется в русском языке при подчеркивании нежелательной неизбежности действия в силу каких-либо объективных на это причин, т.е. мы должны это сделать, но очень этого не хотим, и оно переводится на польский язык с помощью словосочетания «*być zmuszonym*». Например: *Мы будем вынуждены обратиться в арбитражный суд о взыскании задолженности в принудительном порядке. W przypadku braku należynej wpłaty zmuszeni będziemy podjąć przewidziane prawem działania.*

Очень часто студенты вместо «*zmuszeni jesteŝmy*» переводят это слово, как «*musimy*», т.е. «должны» «надо», «нужно», что меняет смысл юридического документа, который исключает любую двусмысленность (например, *My wynuŝdzeni ŝoobiciť wam, cťo...*).

Особый интерес при переводе юридических документов представляют терминологические словосочетания, которые в силу того, что они присущи лишь одной правовой системе (реалии) или вообще не имеют аналогов в другой правовой культуре, или в большей или меньшей степени отличаются по семантике. Примером здесь может служить выражение *oskarŝyciel posiłkowy*, которое на русский язык передается двумя словосочетаниями: *дополнительный обвинитель* и *субсидиарный обвинитель*, хотя, на наш взгляд, судя по предварительным судебным процедурам по утверждению кандидатур, данные словосочетания определяют разные категории обвинителя.

Много времени и внимания мы уделяем на занятиях видам и формам печатей, штампов и штемпелей, а также правилам оформления их перевода.

В процессе перевода юридических документов студенты узнают о функциях, назначении и графических элементах русских печатей (*гербовых, вспомогательных и информационных*), об использовании штампов и их видах (*угловые, регистрационные, ограниченного доступа, информационные, штампы с реквизитами организации, адресные штампы*, и пр.), а также о функциональности штемпелей (*датеры*).

Поскольку в рамках занятий учащиеся переводят юридические документы как польского, так и русского происхождения, следует также обратить внимание на польские печати и штампы, их функциональность и разновидности. Именно с ними неоднократно встречаются переводчики в процессе своей работы. Самыми важными печатями с точки своего назначения и характера являются гербовые печати, отдельным видом печатей, которые не встречаются в России и странах СНГ, являются сухие, или, как их еще называют, рельефные или выжимные печати. Наиболее распространены фирменные печати (*firmowe / nagływkowe*), именные (*imienne / ŝlůŝbowe*) и вспомогательные (*potocnicze / informacyjny*).

Несмотря на то, что печати и штампы занимают в документах обычно мало места, необходимо осознавать, что представленная в них информация имеет очень важное значение.

Иногда переводчик встречается с ситуацией, когда заказчику требуется перевод печатей и штампов, в то время как сам документ переводить не нужно (например, важнее для клиента перевод печатей в трудовой книжке, чем некоторых записей, или архивных выписок о заработной плате для оформления пенсии; печатей на документах о рождении или браке, образовательных документах и т. д.

Перевод содержимого печатей и штампов чаще всего необходим для установления организации или учреждения, выдавшего документ, а также для удостоверения подлинности документа. Важная информация может также находиться на сопроводительных штампах.

При переводе печатей и штампов необходимо, на наш взгляд, определить их вид и форму (*гербовая печать; прямоугольная фирменная печать; овальная / круглая / треугольная печать* и пр.), а затем после выражения «с надписью» и указанием места ее нанесения (например, *по окружности; по кругу, по центру; в центре* и пр.). Точно так же нужно описать печати и штампы на польском языке при переводе с русского языка.

Работа с печатями и штампами иногда доставляет хлопот учащимся, поскольку в силу времени составления документов штамп не всегда разборчив: тушь уже выцвела, а мелкий текст смазан, «нечитабелен».

Гербовая печать с надписью по кругу: «*Отдел записи актов гражданского состояния в г. Медзна*»

Pieczęć urzędowa z godłem państwowym Federacji Rosyjskiej i napisami w otoku: «*Ministerstwo rozwoju państwowo-prawnego obwodu Omskiego Departament Urzędu Stanu Cywilnego Oddział Sowietski OGRN (REGON) 1045501004160 2*» reszta napisów nieczytelna

Pieczęć prostokątna z napisem: «*Leninowski Rejonowy Oddział Spraw Wewnętrznych / Rejonowa Komenda Milicji m. Nowogrodu wydano dowyd osobisty seria IV – BL Nr 511086 14 lutego 1989 r.*»

Pieczęć prostokątna z napisem: «*Gagarinowski Oddział USC Zarządu USC Moskwy 16 czerwca 2015 r. dokonano państwowej rejestracji rozpadu związku małżeńskiego z ob. Kuzniecower B. M. 07.05.1982 r. Związek małżeński został zakończony 16 czerwca 2015 r. Nr zapisu aktu 397*» podpis nieczytelny.

Кроме того, следует учитывать факт, что при переводе юридических документов разного периода учащиеся-переводчики могут встретить в текстах различные дополнительные элементы и пометы.

Одной из таких деталей является косая черточка, проставленная возле слова, означающего должность. В настоящее время следующее обозначение встречается крайне редко, поскольку не предусматривается действующими нормативными актами из области делопроизводства, однако раньше довольно часто практиковалось.

Данная помета несет важную информацию, поскольку означает, что документ был подписан другим лицом, чем то, которое указано под текстом. Зачастую студенты вовсе не замечают этот элемент, однако для полного и правильного перевода он имеет значение.

Необходимо также обращать внимание на пометы-сокращения, встречающиеся в документах на обоих языках типа: «*М.П.*» – место печати

(«т. р.» – miejsce pieczęci / miejsce na pieczęć); «за» (например, за директора подписал кто-то другой - «Za» (Za Dyrektora); «Z up.» – z upoważnienia – по поручению / от имени; «и. о.» – исполняющий обязанности (иногда «вр. и. о.» – временно исполняющий обязанности) – «р.о.» (pełniący obowiązki); «зам.» – заместитель (например, заведующего) - «z-ca» (например, Z-ca Kierownika Urzędu Stanu Cywilnego Ян Ковальски, магистр)

Иногда подписи под документом не удается расшифровать, следовательно, перевести на другой язык. Это случается по причине того, что подпись скрепляется печатью и поэтому без расшифровки подписи сама ее зарисовка зачастую неразборчива или недостаточно четка. Безусловно, каждый раз, если переводчику не удастся расшифровать текст, то это нужно отметить в переводе (например, «подпись неразборчива»; «далее неразборчиво» и т.д.).

В нашем понимании, рассматривая вопросы по переводу юридических текстов, следует упомянуть также о доступности документов с точки зрения степени их секретности. Степень секретности документов определяется соответствующими грифами. Зачастую грифы секретности обозначены оттисками штампов на документах. Они обычно проставляются в верхнем правом углу лицевой стороны документа. На документах мы можем встретить следующие грифы секретности: «особой важности», «совершенно секретно», «секретно» и «для служебного пользования».

В польской юридической и административной практике также встречаются документы с определенной степенью секретности, которую определяют грифы (*klauzule tajności*). Их 4 вида: «ściśle tajne», «tajne», «poufne» и «zastrzeżone».

Чаще всего встречается на документах гриф «секретно» («poufne») и «для служебного пользования» («zastrzeżone»), поскольку для перевода мы выбираем материалы, которые не составляют какую-нибудь важную государственную тайну.

Бывает, что в процессе перевода учащиеся находят в тексте лексику на родном языке, которую в силу своего возраста и неопытности не понимают. Зачастую это лексические единицы, которые или уже вышли из употребления, или переосмыслились и в настоящее время используются в новых значениях.

В полной копии свидетельства о смерти мы читаем, что «*opłatę skarbową (w wysokości 15,00 zł) pobrano i skasowano (na podaniu na podstawie Ustawy z dnia 09.09.2000 r. o opłacie skarbowej (Dz.U. Nr86, poz.960))*». В двуязычном словаре (Дмитрий Гессен – Рышард Стыпула), в статье „*skasować*” среди других значений слова мы находим „*погасить (сделать недействительным) ~ znaczek pocztowy погасить почтовую марку*”. Большой толковый словарь русского языка в статье «*погасить*» на третьем месте приводит значение: прекратить действие чего-либо, сделать недействительным, иллюстрируя объяснение примерами: *погасить облигацию, вексель, марку*.

Словарь польского языка PWN дает **шесть** более узких значений слова: «**skasować**» 1) *sprawiać, że coś przestaje istnieć lub działać (уничтожать что-л.; выводить что-л. из строя)*; 2) *przedziurkować lub ostemplować bilet na znak jego wykorzystania (пробить, просечь компостером, прокомпостировать билет, отмечая его использование)*; 3) *usunąć z taśmy, dyskietki itp. zapisany na nich dźwięk, obraz lub dane (стереть с пленки, дискеты и других носителей, записанный на них звук, образ, данные)*; 4) *rozbić całkowicie samochód, motor itp. (разбить полностью машину, мотоцикл и т.п.)* 5) *pot. zarobić lub otrzymać pieniądze (разг. заработать или получить деньги)*; 6) *uchylić wyrok sądu niższej instancji (отменить приговор суда нижней инстанции)*.

Ссылаясь на эти толкования, студент никак не может найти то значение, которое способствует понятию изначальной фразы, поэтому выбирает наиболее нейтральный глагол, содержащий все указанные выше значения, т.е. *уничтожить / убрать*. Таким образом, получается, что оплата госпошлины вовсе не была внесена, а наоборот – «уничтожена», т. е. отменена.

Очень трудно вывести учащихся на значение слова «*погасить*» – спец. *сделать что-либо недействительным для дальнейшего использования, прекратить действие чего-либо, лишить чего-либо значения, силы*.

После этого было уже понятно, что *госпошлина была оплачена и погашена, т.е. оплата госпошлины была выражена марками, которые впоследствии были погашены*.

Поскольку мы работаем лишь с аутентичными материалами, в том числе с русскими рукописями XIX-XX веков, зачастую приходится объяснять незнакомые слова, архаизмы, а также лексику, означающую явления, элементы быта, истории и культуры.

Анализируя юридический документ периода ВОВ (*извещение о смерти*), мы обратили внимание студентов на выражение «(основа для) *возбуждения ходатайства о пенсии*» (*podstawa do złożenia wniosku o przyznanie renty / rozpoczęcia procedury ubiegania się o rentę*). Чтобы выяснить этимологию слова «*ходатайство*», нам необходимо было привлечь такие слова, как, например, «*ходок*», «*ходатай*», «*ходатайствовать*».

Для того чтобы учащиеся справились с переводом, нам каждый раз приходится углубляться в вопросы русской истории, экономики, культуры и искусства.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо также обратить внимание на порядок оформления различных выдаваемых соответствующими органами документов и на выполняемые ими функции.

Как уже было сказано, наши занятия по юридическому переводу можно рассматривать в двух аспектах: 1) как сферу практической переводческой деятельности, анализа и подбора лексических единиц, которые наиболее

полно и правильно передают смысл на другом языке и 2) как учебную дисциплину, в рамках которой вырабатываются умения и навыки работы со специальной лексикой, а также в значительной степени расширяется языковая и профессиональная компетенция учащихся.

Студенты на занятиях знакомятся с правилами и методикой по специальному переводу применительно к широкому спектру юридических документов и текстов.

Подвергая подробному анализу объекты своей работы, студенты получают информацию об иностранной законодательной системе, государственному устройству, основных правовых актах, кодексах и т.д.

Немаловажное значение, по нашему мнению, имеет также факт, что, работая исключительно с аутентичными материалами, учащиеся лучше запоминают внешний вид и графическое / типографское оформление документов, например, размер, форму документа (*анкета; таблица* и пр.), расположение текстовых и графических элементов (*расположение текста по двум или более колонкам / столбцам* и т.п.).

Приобщение к реалиям, в данном случае – к аутентичным юридическим документам разного характера (*акты гражданского состояния, архивные документы, гражданско-правовые, административные и процессуальные документы* и пр.), способствует более эффективному усвоению учащимися стиливых и языковых особенностей текста и контекста (*юридические термины, устойчивые словосочетания, фразеология, синтаксис* и пр.)

Как показывает наш преподавательский опыт, даже успевающие студенты не всегда могут легко справиться с переводом определенного материала из области законодательства и права данной страны. Это объясняется все же еще недостаточным владением иностранным языком в сфере специальной терминологии, неопытностью в составлении и оформлении подобных документов на родном языке, незнанием реалий, аббревиатур, административных процедур и т. п.

Каждое, находящееся в юридическом тексте слово или словосочетание, имеет свое значение, строго определяющее правовое понятие или явление.

Прежде чем правильно перевести юридический текст, на наш взгляд, следует во избежание инотолкования и недоразумений каждый раз анализировать нормативные акты, тексты законов и другие источники как на родном, так и на иностранном языках.

Лишь понимание специфики национального законодательства и подробный анализ контекстов юридических документов содействуют подбору наиболее адекватной лексической формы.

Отсюда следует, что для безупречного выполнения любых переводов (в том числе специальных, например, юридических текстов) переводчик должен быть не только билингом, но также очень хорошо понимать обе культуры и соприкасаться с ними.

Литература

- Алимов 2005 – Алимов В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. М., Едиториал УРСС, 2005, 160 с.
- Рябцева 2013 – Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: Лингвистический аспект: учебное пособие. М., ФЛИНТА: Наука, 2013, 224 с.
- Hessen, Stypuła 1988 – *Hessen D., Stypuła R.* Wielki słownik polsko-rosyjski A-Ó; P-Ż. Moskwa-Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna, Wydawnictwo Russkij jazyk, 1988
- Obłąkowska-Galanciak, Jeglińska 2001 – *Obłąkowska-Galanciak I., Jeglińska B.* Język rosyjski – przekład sądowy i prawniczy. Olsztyn, Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001, 171 с.
- Vassilenko, Górecka 2002 – *Vassilenko N., Gyrecka B.* Образцы документов в предпринимательской деятельности и в судопроизводстве. Warszawa, Wydawnictwo TEPIS Polskiego Towarzystwa Tłumaczy Ekonomicznych, Prawniczych i Sądowych, 2002, 228 с.
- Polska Akademia Nauk Instytut Państwa i Prawa 1986 – *Polska Akademia Nauk Instytut Państwa i Prawa.* Słownik prawniczy polsko-rosyjski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1986, с. 238.

Dabrowski, Tadeusz

Institute of Russian Studies of the University in Lodz

Lodz, Poland

tadeushd@mail.ru

PROBLEMS OF TRANSLATION IN THE CLASSES ON THE STUDY OF RUSSIAN LEGAL DOCUMENTS

Abstract. *The report is devoted to the problem of translating specialized texts from Russian into Polish and vice versa in classes with Polish students-philologists.*

The course “Translation of legal texts” implements two goals: cognitive (familiarization of students with different types of legal texts) and practical (development of skills and skills for the equivalent transfer of their content).

Only authentic materials are used, so an important element of the study is the explanation of unfamiliar words, archaisms and exoticisms.

Keywords: *Russian as a foreign language; Russian specialty language; legal documents; comparative analysis; Lexical equivalents*

Жунусова Жаныл
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Георгиева Стефка
Пловдивский университет
им. Хилендарского, Пловдив, Болгария

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

***Аннотация.** В данной статье говорится о тенденциях и перспективах двуязычной лексикографии, в частности, исследование грамматики и словаря, которые до недавнего времени в лингвистической науке рассматривались отдельно, в связи с новыми тенденциями в теоретической и практической лексикографии идет лексикографизация лингвистики, появляются новые жанры словарной продукции активной направленности, адресованные представителям иной культуры.*

***Ключевые слова:** двуязычные словари, антропоцентрически ориентированная лексикография, лексикализация грамматики, словари активного типа.*

Теория двуязычной лексикографии сравнительно молодая наука, несмотря на то, что практическая лексикография имеет давнюю многовековую традицию. Это постоянно развивающаяся наука, так как отражает, прежде всего, изменения состояния лексики двух и более языков в определенный период их функционирования. В ней наблюдаем разнообразие жанров двуязычных лексикографических произведений, что является следствием дифференциальных процессов, происходящих в языкознании. Лексикографическая продукция становится разнообразной и сложной, приобретая кроме книжной и электронные версии.

Жанровому многообразию лексикографии также способствует полифункциональность наук о языке, появление новых смежных направлений в лингвистике, что свидетельствует о постоянном интересе к языкознанию и остаются предметом научных исследований. На сегодняшний день многочисленные и разнообразные словари и энциклопедии являются наиболее универсальным способом сохранения человеческих знаний.

Современная двуязычная лексикография так или иначе исходит из теоретических положений, выдвинутых Л.В. Щербой, А.П. Берковым и др., которые исходили в своих научных изысканиях от того, что каждое лексикографическое произведение - сложный объект и предмет теории, собирающий, обобщающий и представляющий в словарной форме накопленные лингвистической наукой разнообразные сведения о каждой вокабуле, требующие пристального внимания и анализа. В двуязычных словарях

отражается динамическая картина изменений в лексико-семантической и стилистической системах двух и более языков.

В современной лингвистической науке словарь описывает лексический состав языка и вместе с грамматикой дает полное теоретическое представление. Как отмечает Э.Г. Шимчук, сегодня говорят о лексикографизации лингвистической науки, так как грамматический материал в последние десятилетия стал организовываться в виде словарей: появились словообразовательные, грамматические, синтаксические словари и т.др. [Шимчук 2009:4].

Как известно, до сравнительно недавнего времени исследование словаря и грамматики плохо соотносилось между собой, лексикология и лексикография для многих лингвистов, занимающихся этими проблемами, оказывались герметичными сферами языкознания. И словарь относительно мало интересовал грамматистов. Сейчас можно уверенно сказать, что словарь теснит собственно грамматику.

Начиная с 70 годов XX века в лингвистику входит понятие *лексикализация грамматики*, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, неотделима от лексики, представление о ней дается через призму лексики, описывая в ней все правила и категории. При этом полнее выявляются конкретные ее связи с лексическим материалом. Естественно, что истоки такого представления тесно связаны со словарной работой.

К постулатам лингвистической мысли современности относят обязательность грамматического значения, реальное функционирование, идею интегрального описания языков (грамматика и лексика, грамматика и лексикография), семантизация языковой системы, идея межуровневого взаимодействия, системное описание грамматики на коммуникативной основе. Грамматика и словарь наиболее полно описывают литературный язык, отражают наше понимание системности языка, служат основой его дальнейшего изучения. Одна из задач совершенствования этих видов описания определяется необходимостью их согласованности, чтобы их разграничение не было произвольным или непоследовательным.

Необходимо иметь четкое представление об особенностях развития словарного дела, в том числе и о двуязычных словарях, в которых зафиксированы разные по структуре языки и получают свое развитие в специфических условиях определенного социума; отражается динамика языковых процессов, происходящих в конкретные исторические периоды; определяются перспективные направления для дальнейшей разработки теоретических предпосылок и обогащения фактографической базы двуязычной лексикографии.

Конечно, трудно переоценить практическое значение двуязычной лексикографии, так как в связи с глобализацией нашего поликультурного общества назрела острая необходимость в создании многоязычных словарей. Начинается систематическая, целенаправленная и непрерывающаяся работа по составлению различных по типу и жанров двуязычных словарей.

Несмотря на большое количество изданных двуязычных словарей, стремящихся соответствовать современному уровню лексикографии, в теоретическом плане еще нет исследований обобщающего характера по истории, теории и практике составления многоязычных словарей.

Отмечено появление новых работ в теоретической и практической лексикографии, где те или иные вопросы разработки создания словарей решаются с использованием понятия антропоцентризм, антропоцентрический принцип. В работах российского ученого Ю.Н. Караулова рассматривается проблема лексикографирования языковых единиц с новых позиций *человек и словарь, словарь в личности и личность в словаре*. Концепция *антропоцентрически ориентированной лексикографии* была выдвинута В.В. Морковкиным, что позволило в дальнейшем определить один из критериев выделения типов антропоцентризма в лексикографии [Жунусова 2015:3].

Антропологическая лингвистика имеет чрезвычайно широкие границы, что позволяет объединять и успешно развивать на единой методологической основе такие направления лингвистики, как лингвогносеология, лингвосоциология, лингвопрагматика, а в лексикографии - фразеография, неография, терминография, грамматикография.

Значительный пласт лексикографических источников составляют учебные двуязычные словари, где во взаимовлиянии лингвистики и методики заключается ее сущность как самостоятельной научной отрасли. С.Г. Бархударов и Л.А. Новиков определяют ее как «лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности» [Бархударов, Новиков 1971:3].

В современных социолингвистических условиях ощущается большая необходимость в создании двуязычных учебных словарей активной направленности, адресованные представителям иной культуры. Известно, что учебная лексикография имеет свою специфику, где особое внимание должно уделяться случаям межъязыковой идиоматичности как на лексико-семантическом, так и на синтагматическом уровнях.

Анализ состояния двуязычных словарей определило и актуальные проблемы теоретической лексикографии, такие как: составление средних и больших переводно-толковых словарей с лексическим составом конца 20 столетия; учебных двуязычных словарей; идеографических и тематических двуязычных словарей; интегративных комплексных двуязычных словарей; создание активных словарей коммуникативной направленности.

Антропоцентрическая тенденция в развитии современной научной мысли, а также когнитивный подход к языку предполагают обращение к человеку как носителю данного языка и культуры, так как «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю - к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2002:7].

Интерес к данным теоретическим проблемам обусловлен усиливающимся в последнее время интересом к вопросам *диалога культур*, межкультурной и межэтнической коммуникации, которые с особой остротой встают в двуязычных словарях активного типа, в которых характеризуют слова, позволяющие не только понять их в заданном контексте, но и правильно употребить в собственной речи.

Роль двуязычного словаря в познании иной культуры трудно переоценить. Функции современного двуязычного переводного словаря невозможно ограничить только коммуникативной функцией. Лексикографизация вокабул в словарях требует перехода от чисто филологического описания слова к цельному лингвокультурологическому описанию слов с привлечением внелингвистических знаний. Вопрос «о степени отражения культурного «созначения» в двуязычном словаре» неоднократно ставился В.П. Берковым [Берков 2004], который отмечает, что двуязычные словари должны включать в себя и отдельные факты страноведческих знаний.

Современный двуязычный словарь — это и основной учебник иностранного языка с нормативной и дидактической функцией и культурологическая энциклопедия в самом широком смысле слова, которые повышают познавательную значимость любого словаря (Гак, Берков).

Отличительная черта всей современной лексикографии — это, по мнению Ю.Д. Апресяна, «синтез филологии и культуры в широком смысле слова. Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре» [Апресян 1993:6].

В связи с этим необходимо решить и проблему представления элементов культуры в двуязычном словаре, определить содержание и статус культурного компонента каждой вокабулы, соотношение языкового и внеязыкового компонента в толковании значения слова, проблему словника и словарного толкования.

Для развития двуязычной лексикографии особую важность приобретают изучение словарного опыта предшествующих периодов, который может существенно обогатить современную лексикографию. Так, по мнению болгарского ученого А. Липовска, необходимо проведение лексикографического анализа, установление корпуса существующих двуязычных словарей, изучение историографических сведений, выработка критериев сопоставительного анализа и регламентирование ее этапов, проведение сопоставительного анализа по отдельным лексикографическим параметрам, выявление тенденций развития двуязычной (русско-болгарской) лексикографии и т.д. [Липовска 2009:14].

Динамичность процессов в общей и двуязычной лексикографии определяет необходимость системного обобщения существующих данных, создания целостной концепции теории двуязычной лексикографии как направления словарной науки, необходимости комплексного решения основных вопросов

теории двуязычной лексикографии для выявления черт, отличающих ее от других словарных отраслей, для дальнейшего ее практического развития, потребность создания типологии подобных словарей, позволяющих проводить системное описание и изучение в историческом и синхронном аспектах. Поиск новых подходов к их изучению, попытки уточнения лексикографических способов описания лексики требуют внимания, тщательного критического анализа, обобщения и обсуждения.

Литература

- Апресян 1993- Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. – Т. 1. – М., 1993.
- Бархударов Новиков 1971 - Бархударов С.Г., Новиков Л.А. Каким должен быть учебный словарь./ РЯЗР, 1971, № 3.
- Берков 2004 - Берков В.П. Двуязычная лексикография. - М.: АСТ, Астрель, 2004. – 237с.
- Жунусова 2015 - Жунусова Ж.Н. Категория глагольного времени в грамматикографии. - Астана: Мастер-ПО, 2015. – 170с.
- Караулов 2002 - Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2. стер. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264с.
- Липовска 2009 - Липовска А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития. - С.: Изд-во Св. Климент Охридски, 2009. -212с.
- Шимчук 2009- Шимчук Э.Г. Русская лексикография. - М.:Академия. 2009. – 336с.

Zhunossova, Zhanyl

of L.N.Gumilyov Eurasian national university, Kazakhstan

e-mail: zhanyl08@mail.ru

Georgieva, Stefka

of Hilendarski Plovdiv University, Bulgaria

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF BILINGUAL LEXICOGRAPHY

Abstract. *This article refers to the trends and prospects of bilingual lexicography, in particular, the study of grammar and vocabulary that until recently linguistics has been dealt with separately, in connection with new trends in theoretical and practical lexicography is lexicographical linguistics, new genres vocabulary products active orientation, addressed to the representatives of other culture.*

Keywords: *bilingual dictionaries, anthropocentric oriented lexicography, lexicalization of grammar, dictionaries of an active type.*

Е. ЕВТУШЕНКО - И. ЧАВЧАВАДЗЕ («ОТВЕТ НА ОТВЕТ»)

***Аннотация.** В данной статье рассматриваем перевод стихотворения грузинского поэта И. Чавчавадзе «Ответ на ответ» русским поэтом Ев. Евтушенко. Глубочайший знаток грузинской поэзии Ев. Евтушенко перевёл немало произведений грузинских поэтов на русский язык. По меткому замечанию грузинского критика Г. Маргвелаишвили, Ев. Евтушенко своими стихами о Грузии, а также переводами создал своего рода личную малую антологию грузинской поэзии, куда вошли известные произведения, начиная с гениального грузинского поэта XII века Шота Руставели и заканчивая незабвенными стихами грузинской поэтессы Анны Каландадзе.*

***Ключевые слова:** синтез, вольный перевод, структура, метрическая монотония.*

В 2007 году грузинский народ отметил знаменательные даты – 170-летие со дня рождения и 100-летие со дня вероломного убийства гениального мыслителя, талантливого писателя и крупного общественного деятеля Грузии – Ильи Чавчавадзе. Его идеи продолжают жить, являются актуальными и сегодня. Заветная мечта поэта осуществилась: почти все его произведения переведены на многие языки мира. Интересны переводы произведений грузинского поэта на русский язык. Среди русских поэтов–переводчиков произведений И. Чавчавадзе отметим Н. Заболоцкого, В. Рождественского, Е. Евтушенко, В. Шефнера, М. Талова, А. Тарковского и др.

Национальное многообразие русской поэзии служит стимулом к подъёму переводческой деятельности. Разноязычие не мешает индивидуальности тянуться к родственным дарованиям, обогащая их собой и себя ими. Выполнять перевод – работа радостная: делать чужое своим, далёкое близким, найти общечеловеческое в разноязычном. Вот почему особенно приятно отмечать талантливые русские переводы инациональной поэзии. Говоря о разных подходах к переводу (точный, вольный, рецептивный, продуктивный, научный, художественный), многие теоретики и практики перевода (Г. Гачечиладзе, Вл. Россельс, А. Дейч, К. Жуковский) считают, что перспективный путь перевода – путь поиска синтеза, процесс сближения научной точности с точностью поэтической. Известно, что восприятие многих видов искусства (живописи, музыки, танцов, пантомимы и др.) доступно представителям всех национальностей в любых странах и не имеет ограничений. Но при восприятии поэзии всегда возникает проблема перевода с одного языка на другой язык. Перевод является единственно доступной возможностью искусства слова перешагнуть рамки одного языка и стать достоянием другого,

в результате на свет является новое произведение. Перевод не состоится, если целью переводчика является создание произведения абсолютно идентичного оригиналу. Томас Манн писал: «Поэтическое творение перевести на другой язык невозможно» [Панджикидзе 1988: 9]. Сегодня эта идея о беспереводе поэзии поддерживается многими. Но несмотря на это поэты-переводчики более смело и свободно относятся к поэзии, нежели к прозе. Американский поэт У. Смит в беседе с русской поэтессой Ларисой Васильевой отметил, что по милости «новых» поэтов, которые проповедуют «вольный» перевод, повсеместно распространилось мнение о независимости переводчика от оригинала. Безапелляционно можно и не соблюдать форму подлинника, не рифмовать перевод, хотя оригинал рифмован или наоборот. Однако, что касается системы образов, аллитерации, инверсионных конструкций, здесь об этом говорить лишнее. [Панджикидзе 1988: 10] Такой взгляд на поэтический перевод объясняется тем, что стилистика его не опирается на устойчивую теоретическую основу.

Для сравнительного анализа нами были взяты стихотворения классика грузинской поэзии Ильи Чавчавадзе на социально-политические темы, тесно связанные между собой: «Загадки», «Ещё загадки», «Ответ на ответ». Известно, что поводом для создания двух вышеназванных стихотворений («Загадки», «Ещё загадки») послужил адрес, написанный к приезду русского императора Александра II в Грузию. В них И. Чавчавадзе нарисовал карикатуру знатных и влиятельных чиновников, создал портретную галерею, где по внешним качествам и внутренним признакам угадывался каждый адресат. Эти стихи имели большой успех и были переведены русским поэтом М. Таловым. В 1874 году на страницах журнала «Цискари» появилось стихотворение Гр. Орбелиани «Ответ детям», в первоначальном варианте имевшее заглавие «Ответ на загадки». В нём Гр. Орбелиани высказывал своё недовольство новым поколением, нападая на «детей» за то, что они забывают родной язык, за то, что они безбожники. И. Чавчавадзе откликнулся на это стихотворение Гр. Орбелиани и написал свой «Ответ на ответ», в котором разоблачал «отцов», недругов грузинского народа, за чины и ордена продававших свою родину. Фактически в этих стихах отразилась ожесточённая борьба между поколениями «отцов» и «детей». В них ярко проявилось противоречие, существовавшее между уходящим старым поколением и новым, прогрессивным. Именно это третье стихотворение И. Чавчавадзе было переведено русским поэтом Ев. Евтушенко, задушевым другом грузинского народа.

Ев. Евтушенко глубочайший знаток грузинской поэзии, автор многих стихотворений о Грузии, перевёл немало произведений грузинских поэтов на русский язык. Своими стихами о Грузии, а также многими переводами Ев. Евтушенко создал своего рода личную малую антологию грузинской поэзии, куда вошли произведения известных национальных поэтов, начиная с гениального грузинского поэта XII века Шота Руставели и заканчивая незабвенными стихами грузинской поэтессы Анны Каландадзе. Русский

поэт часто любил повторять: «Мои переводы, это в то же время и мои стихи, очень дорогие для меня, и, может быть, ещё более дорогие, чем просто мои» [Евтушенко 1979: 11].

Работу над переводом стихотворения «Ответ на ответ» грузинского поэта И. Чавчавадзе русский поэт Ев. Евтушенко начал, прежде всего, с выяснения вопроса, является ли незнакомое иностранное произведение по своим художественным ценностям и содержанию значительным явлением для культурного развития нации на данном этапе, и второе, в состоянии ли он создать достойное художественное целое на своём родном языке равносильное оригиналу. Как известно, во время первого этапа работы над переводом поэту пришлось столкнуться со многими вопросами и уточнить многие понятия, как: фундаментальное знание языков, способность перевоплощения, общее образование, литературный вкус, чутьё разгадывания читательского интереса, любовь к своему делу и умение критической оценки собственных возможностей. Всем этим владел русский поэт Ев. Евтушенко. Поэтому ему совсем не трудно было выбрать для перевода подходящее стихотворение грузинского поэта. Исходя из субъективных факторов своего отношения к автору, к его творчеству, психологическому складу, одарённости и опыту, Ев. Евтушенко сумел проникнуть в близкую ему по миросозерцанию и способу восприятия действительности поэзию грузинского автора.

Перед сопоставлением перевода с оригиналом, рассмотрим само произведение И. Чавчавадзе «Ответ на ответ». По форме и содержанию данное стихотворение представляет собой памфлет, в котором, согласно сатирическому жанру, И. Чавчавадзе в полемическо-агрессивной манере бичует представителей «отцов». Грузинский общественный деятель С. Месхи в письме к своему другу К. Лордкипанидзе в Петербург писал: «У нас очень много новостей, на днях вышли два памфлета, которые потрясли весь город» [ჭავჭავაძე 1987: 455].

Автор письма имел ввиду памфлет Гр. Орбелиани «Ответ детям» и памфлет И. Чавчавадзе «Ответ на ответ». Оба поэта, представители разных поколений, развернули острую полемику по злободневным вопросам дня. В своих произведениях они высказывали противоположные взгляды, обвиняя друг друга в предательстве, измене. Так, «дети» называли «отцов» убийцами, готовыми «предать» язык предков: «враг языка – своей родины враг», «язык убили бездушием своим». В этой полемике И. Чавчавадзе поддерживали поэт А. Церетели и поэтесса Н. Орбелиани, написавшие свои ответные стихотворения: «К генералу лосю» и «Ответ на «Ответ на ответ», в которых выразили враждебное отношение к «отцам».

И. Чавчавадзе написал свой «Ответ на ответ» силлабическим стихосложением, что характерно для национальной поэтической культуры грузинского языка. В силлабической системе каждый стих внутри себя повторяет количество ударных и безударных слогов, которые приравнены по

силе и метрической функции, содержит определённое количество слогов в стихе и в ритмических группах, имеет определённые типы стиховых окончаний и определённое количество константных ударений. Например, ритмическая схема стихотворения «Ответ на ответ» имеет строго выдержанную, точную, упорядоченную структуру. Оригинал состоит из шести частей, где каждая часть содержит неодинаковое количество строф (I часть – 6 строф, II часть – 3 строфы, III часть – 6 строф, IV часть – 4 строфы, V часть – 3 строфы, VI часть – две строфы). Каждая строфа состоит из двух трёхстиший, которые имеют одинаковую ритмическую слоговую схему: 5+5+10. Эта ритмическая схема строго соблюдается, начиная с первого стиха до последнего. Каждая строфа также имеет одинаковую рифмовку. Например, I часть:

Sven uCinoni,	(5 слогов)
Sven uCinoni	(5 слогов)
Tqven, CinianTa, buzad ggonivarT.	(10 слогов)
iqidan vknaviT,	(5 слогов)
sad Tqvenis madliT	(5 слогов)
xafangeb qveS damwyvdeuli varT.	(10 слогов)

Ритмическая схема выглядит так: ААБ; ГГБ. Автор пользуется смежными рифмами для I, II, IV, V стихов и перекрёстными для III и IV стиха. Такой строгий ритмический строй и такая последовательная, выдержанная рифмовка придают стихотворению убедительный, точный, выразительный характер, с одной стороны, а с другой – музыкальность, мелодичность. Что касается интонационной стороны стихотворения, то оно построено на разговорных интонациях и выражает эмоционально-напряжённое состояние двух мнений. При этом обличительные слова, противопоставления «вы» и «мы» выдержаны в публицистическом стиле и обращены ко всем читателям, к миру, к истории:

Мы не всеильны,
но мы вас взбесили,
словно завистливых злобных калек.
Вы – в своих перстнях.
Мы – в своих песнях.
Не сговориться нам с вами вовек!

Лексика стихотворения своеобразна, насыщена словами и словосочетаниями, которые помогают поэту ярко выразить существенные черты изображаемых явлений. Обличительная, порой грубая речь поэта отчётливо раскрывает авторское отношение к событиям. Говорить о смысловых функциях различных компонентов поэтического текста оригинала, о структуре стиха становится возможным уже на следующем этапе при сопоставлении его с переводом русского поэта.

Как известно, вопрос о метрическом воплощении поэтического перевода сводится к двум основным требованиям: соблюсти метр оригинала и найти форму стиха эквивалентную стиху-подлиннику. Разрешить эту проблему

значит изучить факторы стихотворной речи и осмыслить её содержательные функции. Однако, одним из сложных вопросов остаётся вопрос: как быть со стиховыми культурами языков автора и переводчика. Например, как воспроизвести силлабический стих оригинала на современном русском языке, которому вышеназванная система стиха не всегда свойственна. Несмотря на это русская переводная поэзия всегда находила такую метрическую форму в национальной поэтической традиции, которая соответствовала, приближалась к функциональным эквивалентным метрам переводимого произведения. (Например, перевод «Загадки», выполненный М. Таловым). Хотя встречаются случаи, когда в русских поэтических переводах сохраняется силлабическое стихосложение оригинала, как в переводе грузинского стихотворения И. Чавчавадзе «Ответ на ответ» поэтом Ев. Евтушенко. Нужно сказать, что структура перевода стиха «Ответ на ответ» почти полностью соответствует оригиналу, за отдельными исключениями. Но даже незначительный отход от структуры стиха всегда вызывает изменения в ритмической схеме.

Перевод Ев. Евтушенко по своей форме также является памфлетом, как и оригинал, носит публицистический характер и выдержан в системе силлабического стиха. Основанием для сопоставления служит структурная схожесть и различие, а также степень объективной метрической монотонии. Перевод содержит пять частей против шести оригинала. Одна строфа исключённой шестой части присоединяется переводчиком к пятой, теперь уже содержащей четыре строфы, вместо трёх, как было у И. Чавчавадзе. Каждая строфа почти сохраняет структуру оригинала, состоящего из двух трёхстиший, два стиха каждого трёхстишия имеют смежную рифму, а третий – перекрёстную. Схема рифмовки перевода аналогична оригиналу: ААБ; ГГБ.

Нас, нечиновных,	(А)
нас, нечиновных,	(А)
чинуши, считаете вы мелкотой.	(Б)
Мы по привычке	(Г)
пищим, словно птички	(Г)
в клетке, сомнительно золотой.	(Б)

Ритмическая структура перевода расходится с оригиналом, хотя изменения не столь большие. Особенно в этом плане выделяется пятая часть, где после композиционного сокращения произошли количественные видоизменения как в строфике, так и в ритмике: увеличились строфы и количество слогов в каждом стихе.

I часть. 1 строфа, 1 трёхстишие 5+5+11; 2 трёхстишие 5+6+9		21+20=41
2 строфа, 1 трёхстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+9		20+20=40
3 строфа, 1 трёхстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 6+5+9		20+20=40
4 строфа, 1 трёхстишие 5+6+9; 2 трёхстишие 5+5+9		20+19=39
5 строфа, 1 трёхстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+10		20+20=40
6 строфа, 1 трёхстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+(4+6)		19+20=40

II часть.	1 строфа, 1 трехстишие 5+6+(3+6); 2 трёхстишие 5+5+10		20+20=40
	2 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+6+10		21+21=42
	3 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+5+10		21+20=41
III часть.	1 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+9		20+20=40
	2 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+5+10		21+20=41
	3 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+5+9		21+19=40
	4 строфа, 1 трехстишие 5+6+11; 2 трёхстишие 6+6+10		22+22=44
	5 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+10		20+20=40
	6 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10		20+21=41
IV часть.	1 строфа, 1 трехстишие 5+6+10; 2 трёхстишие 5+6+10		21+21=42
	2 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10		20+21=41
	3 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10		20+21=41
	4 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+6+10		20+21=41
V часть.	1 строфа, 1 трехстишие 6+6+11; 2 трёхстишие 6+6+11		22+22=44
	2 строфа, 1 трехстишие 5+5+10; 2 трёхстишие 5+5+9		20+19=39
	3 строфа, 1 трехстишие 6+6+11; 2 трёхстишие 6+5+11		23+22=45
	4 строфа, 1 трехстишие 3+9; 2 трёхстишие 11+12+10		12+33=45

На основе ритмической схемы делаем вывод: в трёхстишиях каждой строфы (кроме V части) первые два стиха имеют 5 слогов (редко 6), а в третьем стихе количество слогов колеблется между 9 и 10 (редко 11). Количество слогов строф V части имеет совсем другую структуру. Каждое трёхстишие содержит неодинаковое количество слогов, колеблющихся между 3, 5, 6, 9, 11, 12 в первых двух стихах, а в третьем стихе – 9, 10, 11. Такой разнотак, как было отмечено выше, вызван композиционными изменениями. Следует заметить, что в русском переводе поэт пользуется особой формой построения строфы – непривычной «лесенкой», обострённой образностью с преобладанием ораторской, трибунной повелительной интонацией. В этом случае ритм становится основой поэтического стиха, а удачное выделение того или иного слова лучше характеризует его смысл. Как, например, выделяется слово «хулите» в V части перевода:

Хулите!
Сказал Руставели так точно,
что с этим не сделать уже ничего:
«Налить из сосуда возможно лишь то,
что налито было, когда – то в него».

Одно слово здесь заменяет целую строфу, несёт большую нагрузку и требует эмоциональной паузы. Поэт-переводчик намеренно делит строчку на полустрочки для того, чтобы отдельные строфы читались более выразительно. При этом ни ритмической, ни смысловой путаницы нет. Ритмико-интонационная структура стихотворения взаимодействуя с содержанием приводит к динамическому единству. Передача ритмической структуры в переводе является важным фактором, позволяющим «транспортировать» поэтический шедевр как иерархически-организованную форму.

Русский поэт Ев. Евтушенко при работе над текстом оригинала особое внимание уделил рифме, музыкальности, зная, что музыкальность выполняет важную функцию в семантической структуре стиха, что рифма важный компонент поэтической организации, ритм же первичный элемент структуры стиха, наиболее сложный и наиболее труднодостижимый фактор поэтического произведения.

Ев. Евтушенко обратился к «вольному» переводу стихотворения И. Чавчавадзе «Ответ на Ответ». Поэт-переводчик, говоря словами видного русского критика, писателя В. Ф. Огнева, сохранив музыку оригинала, тем самым сохранил звуко-смысловые ассоциации, уходящие в глубь слова, и которые надо знать в подлиннике. «Тонкость, чутье слова этого поэта – залог успеха в его переводческой деятельности. Он знает, что перевод не простая подстановка однозначных слов, что в разной языковой стихии понятие лексического синонима – пустой звук. Смысл в стихе неотрывен от музыки образа, ассоциации». (Огнев 1985, с. 106.)

Критика не раз упрекала Ев. Евтушенко за то, что он слишком вольно обращался с оригиналом. Поэт же своими стихами отвечал:

Не страшен вольный перевод,
Ничто не вольность, если любишь.
Но если музыку погубишь,
Все мысли это переверёт.

(Огнев 1988 г, с. 106)

Вспоминая высказывания многих видных деятелей по вопросам перевода (К. Станиславского, Ев. Винокурова, В. Огнева, Т. Манна, Г. Маргвелашвили и др.) и разделяя мнение самого Ев. Евтушенко, скажем, что подлинный талант всегда накладывает свой индивидуальный отпечаток на перевод, что настоящее перевоплощение происходит тогда, когда переводчик свободен, не скован определёнными рамками. Перевод – новое качество произведения, нечто самостоятельное. Здесь важно целостное восприятие стихотворения читателем, при котором происходит не только сравнение слова со словом, строфы со строфой, а, в целом, одного поэтического мира с другим поэтическим миром.

Ев. Евтушенко вкладывал в переводы большую часть своей души, в них виден сильный след его творческой индивидуальности, что при чутком и деликатном отношении к оригиналу создаёт новый сплав, имеющий черты подлинного автора и поэта-переводчика.

Таким образом, памфлет грузинского поэта И. Чавчавадзе «Ответ на ответ» в переводе русского поэта Ев. Евтушенко есть перевоплощение оригинала, при одновременном совпадении творческой личности переводчика с творческой личностью автора в одно целое.

Литература

- Евтушенко 1979 – Евтушенко Ев. Тяжелее земли. Тб., 1979, с. 478.
- Мастерство перевода 1975 – Сб. Х. М., 1975, с. 502.
- Огнев 1985 – Огнев В. Ночные прогулки. Тб., 1985, с. 246.
- fanjikiZe 1988 – fanjikiZe d. Targmanis Teoria da praqtika. Tbilisi, 1988, gv. 230.
- Чавчавадзе 1978 – Чавчавадзе И. Стихотворения и поэмы. Перевод с грузинского. Собр. соч. в двух томах. Т. 1. Тб., 1978, с. 199.
- WavWavaze 1987 – WavWavaze i. TkhzulebaTa sruli krebuli octomad. t. 1. Tbilisi, 1987, gv. 542.

*Kajaia, Nadejda
Adeishvili, Ia*

*Akaki Tsereteli State University, Georgia
nadejdakajaia@mail.ru
iaadeishvili@mail.ru*

E. EVTUSHENKO - I. CHAVCHAVADZE («ANSWER TO ANSWER»)

***Abstract.** In this article we observe Ilia Chavchavadze's one verse "Answer to answer", translated from Georgian into Russian by Evgeni Evtushenko. Evgeni Evtushenko is one of the distinguished Russian poet, who devoted many verses to Georgia. He is known also as a very good translator of Georgian poetry. Georgi Margvelashvili, the famous Georgian critic, wrote, that Evgeni Evtushenko with the original verses about Georgia and with his translations created the wonderful small personal anthology about Georgia, in which were included many excellent verses of Georgian poetry beginning from Shota Rustaveli till to the nowadays notable poets as Anna Kalandadze.*

Comparing the Ilia Chavchavadze's verse "Answer to answer" with the Evgeni Evtushenko's translation, we can say, that this translation is very nice distinctive and original, though it is the free translation. For this many Russian writers and critics reproached the Evgeni Evtushenko's free relation to the Georgian original text. It is clear, that in difference of Russian language Georgian language has syllabically system of versification. But the verse "Answer to answer" has kept the same system in the Evgeni Evtushenko's translation.

***Keywords:** synthesis, free translation, structure, metric monotonian period*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ ТУВЕ ЯНССОН «ШЛЯПА ВОЛШЕБНИКА»

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного анализа лексико-грамматических средств выражения художественной образности в шведоязычном тексте Туве Янссон «Шляпа Волшебника» и их преобразований в трех русскоязычных переводах. Выявляются наиболее типичные случаи отсутствия эквивалентности на компонентном и референциальном подуровнях языковой системы, что позволяет раскрыть принципы создания образно-выразительных средств художественной русской речи в зеркале переводческих трансформаций.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, переводческая трансформация, художественная образность, средства вторичной образности, эквивалентность

Тексты произведений художественной литературы нередко становятся материалом для лингвистических исследований, поскольку дают пример живой, актуальной реализации национального языка в его наиболее совершенной форме. Материал настоящего исследования специфичен тем, что представляет собой так называемый «вторичный» текст, созданный на русском языке как результат переводческой деятельности и потому призванный отразить смысловые и языковые особенности шведоязычного первоисточника в новой языковой реальности. Ситуация билингвальной оппозиции как предпосылка создания русскоязычного текста предопределяет обращение к сопоставительному методу исследования лексико-грамматических средств с целью более глубокого понимания процессов вербализации образного мышления человека.

В данной статье исследовательский интерес сфокусирован на детальном анализе конкретных случаев достижения эквивалентности и отсутствия эквивалентности в русских переводных текстах повести Туве Янссон «Шляпа Волшебника», наблюдаемых на компонентном и референциальном подуровнях языковой системы¹. При выборке материала акцент сделан на глаголах, выступающих в шведском оригинале средствами создания художественной образности, и их трансформациях в процессе перевода.

¹ Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М., 1988.

В ходе анализа текстового материала были выявлены наиболее типичные оппозиции:

- 1) эквивалентность в использовании лексико-грамматических средств;
- 2) различие в использовании лексико-грамматических средств;
- 3) несовпадение семного состава высказывания;
- 4) отличие на уровне синтаксических конструкций².

Следует отметить, что случаи эквивалентного перевода шведских глаголов в основном характерны для художественных средств первичной образности, раскрывающих красоту окружающих природных явлений. Так, в примерах (1)-(2) можно увидеть близость образно-поэтических средств шведского и русского языков³:

(1)

J: Båt efter båt **gled** de som skuggor **fram** bakom udden och styrde ut mot havet⁴. (72-73)

C: Их лодки одна за другой словно тени **выскальзывали** из-за мыса и уходили в открытое море⁵. (28)

B: Лодки одна за другой **выскальзывали**, будто тени, из-за мыса, держа курс в открытое море⁶. (102)

T: Лодка за лодкой, словно тени, **выскальзывали** из-за мыса и направлялись в открытое море⁷. (63)

(2)

J: Över horisonten **steg** en hotfull molnvägg. Den var mörkblå och **drev** små ljusa molntussar framför sig. (65)

C: Над горизонтом стеною **вздмалась** грозная черно-синяя туча и **гнала** перед собой клочья светлых облаков. (25)

B: Над горизонтом **вздмалась** грозная темно-синяя стена туч, **гнавшая** перед собой мелкие светлые клочья облаков. (92)

T: Над горизонтом **поднималась** угрожающая туча. Она была черно-синего цвета и, продвигаясь, **гнала** перед собой клочья светлых облаков. (56)

В примере (1) шведский глагол *gled* 'скользить' в сочетании с предлогом *fram* 'вперед' в трех русскоязычных переводах удачно передается глаголом

² Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования. – М., 2006.

³ При описании примеров используются сокращения: **J** – Т. Янссон; **C** – В.А. Смирнов; **B** – Л.Ю. Брауде; **T** – И.П. Токмакова.

⁴ Цит. по: Tove Jansson Trollkarlens hatt. – Helsingfors, 2014.

⁵ Цит. по: Янссон Т. Шляпа волшебника / Пер. В.А. Смирнова. – М., 1993.

⁶ Цит. по: Янссон Т. Шляпа волшебника / Пер. Л. Брауде. – М., 2017.

⁷ Цит. по: Янссон Т. Муми-тролль и шляпа Чародея / Пер. И.П. Токмаковой. – М., 2001.

‘выскальзывать’, сочетающим в своей семантике быстроту и плавность движения с его направленностью вовне. В примере (2) адекватное воплощение получают оба шведских глагола *steg* (*stiger*) ‘подниматься, расти’ и *drev* (*driver*) ‘гнать, вести’, хотя переводческие решения не всегда идентичны. Видно, что В.А. Смирнов и Л.Ю. Брауде отдают предпочтение более экспрессивному глаголу ‘вздыматься’, создающему более пугающее и грозное настроение, чем нейтральный по своей стилиевой окраске глагол ‘подниматься’, использованный И.П. Токмаковой. Кроме того, в переводе Л.Ю. Брауде предпринята грамматическая трансформация глагольной формы прошедшего времени в соответствующую причастную форму. Подобная замена позволяет более четко структурировать смысловые части предложения, что немаловажно для самостоятельного детского чтения.

В ряде случаев, как можно увидеть в примерах (3)-(5), средства первичной образности, использованные финской писательницей, приобретают значение вторичной образности в русских переводах:

(3)

Ж: Den **täckte** redan trappan, den **hängde** tung över tak och fönsterkarmar. (8)

С: Он уже **завалил** крыльцо и грузными шапками **свешивался** с крыши, с наличников окон. (3)

Б: Он **засыпал** крыльцо, **покрыл** тяжелой пеленой крышу и наличники окон. (11)

Т: Он уже **засыпал** ступеньки крыльца, тяжело **навалился** на крышу и оконные наличники. (3)

В шведском тексте глаголы *täcker* ‘покрывать’ и *hänges* ‘вешать, висеть’ не имеют переносного значения, тогда как в переводах В.А. Смирнова и И.П. Токмаковой появляется намек на вторичную образность. Сам по себе перевод глагола *täckte* с помощью русских аналогов ‘засыпал’ и ‘завалил’ можно признать эквивалентным, поскольку он актуализирует наиболее частотные субъектно-предикативные сочетания с существительным ‘снег’. При этом введение в предложение возвратного глагола – ‘свешивался’ в переводе Смирнова и ‘навалился’ в переводе Токмаковой – добавляет оттенок самостоятельности действующему лицу, что особенно заметно в семантике глагола ‘навалиться’. В результате снег перестает восприниматься как объективное природное явление и приобретает личностные черты.

Обратную ситуацию с использованием возвратной формы глагола можно наблюдать в примере (4). Здесь В.А. Смирнов и Л.Ю. Брауде предпочли отказаться от возвратной конструкции шведского *höjde sig* ‘поднял себя’ в пользу глаголов с большей выразительностью и оттенком стремительности в семантическом значении:

(4)

Ж: Vild och lockande **höjde** den **sig** ur havet,.. (57)

С: Пустынный и манящий, **возник** он из моря... (22)

Б: Одинокий и манящий, **вырос** он вдруг из морских глубин,.. (81)

Т: Диким и манящим казался этот остров, **возвышаясь** над волнами... (50)

В данном случае перевод И.П. Токмаковой демонстрирует существенные трансформации на всех уровнях языковой системы, в значительной степени искажая авторский идиостиль Туве Янссон.

В примере (5) также можно отметить стремление переводчиков отразить семантические нюансы шведского первоисточника, создавая при этом смысловой план вторичной образности:

(5)

J: ...österut **slingrade** floden in bland Ensliga Bergen,.. (15)

С: ...на востоке река, **петляя, уползала** в глубь Пустынных гор,.. (4)

Б: ...на востоке, среди Одиноких гор, **извиваясь, бежала** река. (18)

Т: ... на востоке **текла** река, пряталась в глубине Одиноких Гор,.. (10)

Шведский глагол *att slingra* 'витьяся, извиваться' в переводах В.А. Смирнова и Л.Ю. Брауде передается с помощью сочетания глагола и зависимого от него деепричастного оборота, причем оба переводчика постарались передать аналогию с движением змеи. У В.А. Смирнова этот «змеиный» оттенок звучит в глаголе 'уползала', у Л.Ю. Брауде – в деепричастии 'извиваясь'. В переводе И.П. Токмаковой использован стилистически нейтральный глагол 'текла', что значительно снижает выразительность текста и отдаляет его от шведоязычного первоисточника.

В тех случаях, когда шведский текст изначально оперирует средствами вторичной образности, русские переводчики обычно вынуждены прибегать к различным трансформациям. Лишь некоторые переводческие решения можно оценить как эквивалентные. При этом трудно найти пример, где все три русских автора обратились бы к сходным переводческим стратегиям. Наиболее распространенной является ситуация, когда эквивалентность в одном переводном тексте соответствует трансформациям на семантическом, грамматическом или синтаксическом уровнях в других переводах:

(6)

J: Mumintrölet stod på trappan och tittade på hur dalen **drog** vinter lakan **över sig**... (7)

С: Он **подкрался**, густой и безмолвный, и за несколько часов **выбелил** всю долину. (3)

Б: Стоя на крыльце, Муми-тролль смотрел, как долина **натягивает на себя** плотный зимний покров,.. (9)

Т: Муми-тролль стоял на крыльце и смотрел, как долина **кутается** в зимнее покрывало,.. (3)

(7)

J: På toppen **dansade** vårvinden fritt omkring... (15)

C: На вершине **разгуливал** весенний ветер... (4)

Б: На вершине горы свободно **плясал** на просторе весенний ветер,.. (18)

T: А на вершине горы **отплясывал** весенний ветер,.. (9)

(8)

J: Vågorna klappade mot båtens sidor och vinden **sjöng**... (56)

C: Волны звучно плескались в его борта, в снастях **свистел** ветер,.. (21)

Б: Волны бились о ее борта, ветер **свистел** в парусах,.. (79)

T: Волны плескались о её борта, в её снастях **распевал** свои песни ветер,.. (49)

(9)

J: ...och så **lyfte** solen sitt glänsande huvud ur havet. (73)

C: ...и солнце **вознесло** над морем свою пылающую главу. (28)

Б: ...и тогда из глубин моря **стала подниматься** сверкающая голова солнца. (103)

T: И солнце **подняло** над морем свою сияющую голову. (64)

Примеры (6)-(9) иллюстрируют обращение переводчиков к традиционной системе художественных образов, сложившихся в русской ментальности. В примерах (6) и (7) перевод Л.Ю. Брауде наиболее близок к шведоязычному оригиналу Туве Янссон. Шведская глагольная конструкция *drog över sig* предельно точно передана переводчицей как ‘натягивает на себя’. Трансформации подвергается только временная форма глагола: глагол настоящего времени в русском переводе соответствует глаголу прошедшего времени в шведском оригинале, что обусловлено разными требованиями к согласованию времен в грамматике сопоставляемых языков. Красивый образ создан и в переводе И.П. Токмаковой, нашедшей синонимичный для данного контекста глагол ‘кутается’, тогда как В.А. Смирнов довольно далеко отходит от образности финской писательницы. Аналогично можно охарактеризовать перевод шведского глагола *dansade* ‘танцевал’ в примере (7), где Л.Ю. Брауде подбирает русский аналог ‘плясал’, И.П. Токмакова обращается к более экспрессивному ‘отплясывал’, а В.А. Смирнов ограничивается нейтральным, но традиционным для русских лексико-грамматических моделей описания ветра глаголом ‘разгуливал’.

В примерах (8)-(9) более скрупулезное следование семантике оригинального текста демонстрирует И.П. Токмакова. В ее варианте повести шведский глагол *sjöng* закономерно переводится как ‘распевал’, а глагол *lyfte* – как ‘подняло’. В переводах Смирнова и Брауде ветер парусах ‘свистел’, как этого и требует

сложившаяся русская литературная традиция. В данном случае трансформация, осуществленная переводчиками, отвечает ряду экстралингвистических факторов, и в первую очередь – читательским ожиданиям, реализация которых помогает органично ввести переводной текст в круг чтения юной читательской аудитории.

Нередки также случаи отсутствия эквивалентности на уровне семного состава высказываний:

(10)

J: Det **spände** sina svarta segel över havet,.. (66)

C: Она **распускала** над морем свои черные паруса... (25)

B: Она **распустила** свои черные паруса над морем,.. (93)

T: Она **распростёрла** над морем свои чёрные паруса,.. (57)

Глаголу *spände (att spänna)* наиболее близок перевод ‘напрягать, натянуть’. Очевидно, что подобранные переводчиками варианты в некоторой степени меняют очертания художественного образа, отражая размах грозового «паруса», но лишая его внутреннего напряжения и скрытой силы.

Также изменяется звуковой образ, нарисованный в примере (11):

(11)

J: I sanden växte klungor av blå havsnejlikor och strandhavre som **rasslade** och **visslade** när vinden trängde in i de smala rören. (77)

C: Тут кучками росли голубые морские гвоздики и дикий овес, и в их тонких стеблях **шелестел** и **посвистывал** ветер. (30)

B: В песке росли целые букеты голубых морских гвоздик и дикий береговой овес, **шелестевшие** и **шуршавшие**, когда ветер играл с их узенькими стебельками. (108)

T: На песке росли голубые морские гвоздики и дикий прибрежный овес. Его стебли **шептали** и **насвистывали**, когда их касался легкий морской бриз. (67)

Если глагол *visslade* находит более или менее эквивалентное отражение в русских переводах: ‘посвистывал’ у В.А. Смирнова и ‘насвистывали’ у И.П. Токмаковой, то глагол *rasslade (att rassla)* ‘звенеть’ не получает адекватного воплощения. И снова можно отметить, что русские переводчики обращаются к традиционной образности отечественной культуры, когда травы на ветру шелестят, шуршат и шепчут, но не звенят.

В ряде случаев для адекватного транспонирования художественной образности шведоязычного первоисточника переводчикам приходится прибегать к трансформациям лексико-грамматических конструкций, как видно в примерах (12)-(14):

(12)

J: Han gick så nära de **fräsande** vågorna han kunde, och när de **nafsade** efter hans kängor hoppade han undan och skrattade. (80)

C: Он шел у самой воды, и когда волна, **шипя, норвила лизнуть** его ботинки, он смеясь отскакивал прочь. (31)

Б: Он очень близко подходил к **шипящим** пенистым волнам и, когда они **лизали** его башмаки, подпрыгивал и смеялся. (113)

Т: Он шёл близко от воды, и волны так и **старались лизнуть** его ботинки. Но он, смеясь, быстренько отскакивал. (71)

Причастие *fräsande* ‘шипящие’ находит отражение в переводе Л.Ю. Брауде, а у В.А. Смирнова трансформируется в форму деепричастия ‘шипя’. Глагол прошедшего времени *nafsade* со значением ‘цапнуть слегка, играючи’ заменяется глаголом ‘лизнуть’ или ‘лизать’, более привычным для русской традиции описания волн. На лексико-грамматическом уровне в переводах В.А. Смирнова и И.П. Токмаковой простому шведскому глаголу соответствует русская глагольная конструкция со вспомогательным глаголом: Смирнов использует конструкцию ‘норвила лизнуть’, Токмакова – ‘старались лизнуть’.

Существенные переводческие трансформации потребовались русским переводчикам для передачи смысловых оттенков устойчивой конструкции шведского языка *att ligga i luften* со значением ‘ощущаться, чувствоваться’:

(13)

J: Det **leg** förväntan och sorgsenhet **i luften**... (127)

C: Вся природа **дышала** грустью и ожиданием,.. (49)

Б: В воздухе **носились** ожидание и грусть,.. (180)

Т: В воздухе **было растворено** какое-то печальное ожидание. (114)

Примечательно, что русские переводчики постарались передать идиоматичность шведской конструкции через создание вторичной образности. В.А. Смирнов и Л.Ю. Брауде прибегают к приему олицетворения, а И.П. Токмакова в своем образе воссоздает некоторую безличность и пассивность шведского предложения.

Интересные переводческие решения подобраны для шведских конструкций с глаголом *att vara* ‘быть’:

(14)

J: Skogen **var full av** bloss och havet **oroligt**. (127)

C: Лес **был полон** запаха гари, море беспокойно **ворчал**о. (49)

Б: В лесу то и дело **попыхали** пожары, а море **не знало покоя**. (180)

Т: Листва в лесу **покраснела**. Море **волновалось**. (114)

В шведоязычном оригинале проблема тавтологии решена путем опущения глагола *att vara* 'быть' во второй части сложного предложения: вместо *havet var oroligt* 'море было беспокойно' Туве Янссон оставляет только *havet oroligt*, поскольку синтаксический параллелизм позволяет провести слияние грамматических основ предложения. Русские переводчики в данном случае вновь используют лексико-грамматические средства создания художественной образности. Наиболее прямолинейным и стилистически нейтральным в рассматриваемом примере оказывается перевод И.П. Токмаковой, расшифровавшей яркий образ шведского первоисточника *skogen var full av bloss* 'лес был полон огоньков' простым по смыслу предложением «Листва в лесу покраснела». Так же нейтрально звучит ее предложение «Море волновалось». Переводческие решения В.А. Смирнова и Л.Ю. Брауде в указанном примере, пожалуй, нельзя назвать идеальными, однако эмоционально-выразительная тональность их предложений позволяет говорить об адекватности выбранных ими переводческих стратегий, рисующих осязаемый образ осеннего леса и беспокойного осеннего моря.

Таким образом, анализ шведоязычного текста Туве Янссон «Шляпа Волшебника» в сопоставлении с тремя независимыми переводами повести на русский язык выявил преобладающую тенденцию обращения русских переводчиков к средствам вторичной образности не только для передачи подобных образно-выразительных конструкций шведского оригинала, но и в качестве самостоятельно вводимых художественных образов. При этом стремление к эквивалентному отображению особенностей первоисточника зачастую уступает место использованию традиционной для русской культуры системы образов и привычных лексико-семантических сочетаний, что можно объяснить ориентированностью переводчиков на оценку навыков чтения и ожиданий будущей читательской аудитории.

Литература

- Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования. М., 2006.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Янссон Т. Муми-тролль и шляпа Чародея / Пер. И.П. Токмаковой. М., 2001.
- Янссон Т. Шляпа Волшебника / Пер. В.А. Смирнова. М., 1993.
- Янссон Т. Шляпа Волшебника / Пер. Л. Брауде. М., 2017.
- Lexin. URL: lexin.nada.kth.se/lexin/ (Дата обращения: 19.06.2017)
- Tove Jansson Trollkarlens hatt. Helsingfors, 2014.

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL AND
GRAMMATICAL MEANS OF IMAGERY EXPRESSION IN
RUSSIAN TRANSLATIONS OF TOVE JANSSON'S 'THE
MAGICIAN'S HAT'**

***Abstract.** The article represents the results of a contrastive analysis of lexical and grammatical means of imagery expression in the original Swedish text of Tove Jansson's 'The Magician's Hat' and their transformations in three Russian translations. The article also describes the most typical cases of equivalence disbalance on the component and reference language levels. These cases illustrate the main principles of Russian imagery parlance in the mirror of translation.*

***Keywords:** comparative analysis, transformation, imagery, secondary imagery, equivalence*

ПАРАДОКСЫ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее типичные случаи лексической интерференции в болгарском и русском языках, анализируются их исторические причины, предлагаются пути преодоления трудностей при изучении болгарского русскоговорящими. Исследуются экстралингвистические факторы, повлиявшие на возникновение языковых параллелей и различий в двух родственных славянских языках, и приводятся примеры некоторых типично разговорных словоупотреблений в болгарском языке, которые могут быть интересны русским.

Ключевые слова: Преподавание иностранных языков, болгарский, русский, лексика, языковая интерференция, проблемы перевода

Каждый русский (или русскоговорящий), приступающий к изучению болгарского языка, через какое-то очень непродолжительное время начинает ощущать, что в его голове возникает когнитивный диссонанс. Или, говоря иными словами, происходит «взрыв мозга». Причём «взрыв» многократный, возникающий с каждым новым болгарским языковым «сюрпризом».

«Утре ще преобладава облачне време». – «Завтра будет преобладать облачная погода».

Ну да, переводится именно так, потому что **утре** – это *завтра*, а не *утром*; **време** – это *погода*, а вовсе не *время*... Именно поэтому при овладении лексикой болгарского очень важная проблема для любого ею овладевающего – это вопрос **языковой интерференции**. Впрочем, эта же проблема напрямую касается и РКИ, так как волнует и носителей болгарского, изучающих русский язык.

Этот физический термин – «интерференция», в лингвистику попавший в 1953 году с лёгкой руки пращев (Уриель Вайнрайх), был изучен и в русской языковедческой традиции. Так, В.А. Виноградов предлагает следующее определение: *«Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка»* [Виноградов 1990, 197]. Согласно этому подходу, именно отклонения от нормы и системы неродного языка, вызванные влиянием родного, и считаются выражением явления языковой интерференции.

Понятие языковой интерференция в данном аспекте применимо ко всей языковой системе в целом (вернее, системам, поскольку в нашем случае речь идёт о двух языках – русском и болгарском), но в силу исторически сложившегося различия грамматического строя русского и болгарского, в основном – его лексической составляющей. То есть **межъязыковой омонимии** (полной или частичной) – звукового и/или графического совпадения или сходства (в этом случае говорят о межъязыковой **омонимии** и **паронимии**) слов и словоформ болгарского и русского языков.

Межъязыковая омонимия присутствует, разумеется, не только в русском и болгарском. Она замечена и в других близкородственных языках – сербском, польском, украинском... Специалисты по теории перевода окрестили подобные лексемы «ложными друзьями переводчика». Автор сербско-русского словаря «Ложные друзья» Л.Н. Белинская в предисловии к нему так описывает слова сербского и русского языков, которые звучат одинаково или почти одинаково, но обладают разными значениями, или же (в случае многозначности слов) совпадают не все их значения:

«Мне трудно представить себе человека, без улыбки листającego этот справочник. Как не подивиться странным и неожиданным, просто фантастическим сочетаниям близких, далеких и противоположных значений! Читатель и сам мог бы подобрать пары «ложных друзей», по тем или иным причинам не вошедших в справочник, не говоря уже о том, что великое их множество находится в косвенных падежах, числительных, глаголах прошедшего времени и т. д. Например, «книга друга» – это не книга какого-то друга, а «книга вторая», «упала» – это воспаление, а не сообщение о падении женщины («пала је»)[Белинская 2009].

Болгарский же язык как наиболее близкий к славянской праоснове сохранил многие исконные слова, которые претерпели значительные изменения в русском языке. И синхронически, в восприятии сегодняшних носителей современного русского языка связь с внутренней формой тех самых «позабывших» слов кажется утраченной. Посудите сами.

Болгарское слово **«булка»** на русский язык переводится как **«невеста»**, болгарское **«майка»** – это по-русски **«мама»**, а русская **«майка»** – это болгарский **«потник»**. Но ведь и в русском языке есть **«потник»!** Напомню, что **потник** – это войлочная подстилка под седло. («Словарь Даля»: **Потник** м. – кошечка, войлок, подкладываемый под седло или под седелку. *Поскакал охлябь, на потнике.*)

Очередной парадокс болгарского языка в восприятии русскоязычных: **«стул»** по-болгарски – это **«стол»**, а **«стол»** – это **«маса»**. При этом «масса (тела)» – также «маса», а вот «масса (людей, народу)» = **«маса народ»** или же **«множество хора»**.

«Хора» по-болгарски – это **«люди»**, мн. ч.; а единственное число – **«човек»**. Человек-то «човек»... Однако молодежь в обращении между собой говорит не

«човек», а «ч`ек». А в речи это слово часто произносится редуцированно – как **«чувек»**. (Не отсюда ли в русской разговорной речи, молодёжном сленге появилось слово «чувак»?)

Далее: «хор», который поет, по-болгарски также называется «хор». Например, *«Хор на варненските момчета» – «Хор варненских мальчиков»*. (Вниманию русскоязычных: и **момче** – «мальчик, юноша», и **момиче** – «девочка, девушка» в болгарском – слова среднего рода!)

И снова будьте внимательны! В болгарском языке есть также слово **«хор`о»** (с ударением на последний слог), которое обозначает болгарский национальный танец, который танцуют по большим и малым праздникам. На любой болгарской свадьбе весёлый танец «Хоро» – неперенное действие, в которое вовлечены практически все, кроме дряхлых стариков и хромоногих...

Выясняется, что тюркское слово **мангал** по-болгарски означает **цыган** (также: **ром, ц`иганин**). А **казан** по-болгарски – это «помещение (дом, изба), где варится ракия». Однако есть и болгарское слово **изба**, но это уже «подвал», «винный погреб». Есть в болгарском и слово, которое по-русски звучит и пишется как **дом**, причём почти в том же значении. (Правда, есть ещё и слово **къща**...). И даже «д`ома» можно сказать: **«удом`а»!** Ну, или же **«в къщи»**...

В качестве весьма наглядного примера межъязыковой паронимии можно привести слово **«приём»**. Ведь в болгарском есть и слово **«пр`ием»** – «официальный визит», и **«при`йом»** в значении «начало», «способ», «манёвр»...

Другие примечательные болгарские слова: **дума** = слово, **живот** = жизнь, **умора** = усталость, **стая** = комната, **п`одлез** = подземный переход... Болгарское **леля** означает *тётя*, а **б`ухал** – это вовсе не пьющий дядя, а птица *филин*... А вот **ч`ухал** – это маленькая сова, *сплюшка*. Болгарское слово **разноски** – это русские *расходы, издержки*, а **пар`и** = *деньги*. Тогда как **бас** – это как раз *пари, заклад* (но также и **бас** в пении).

Имеются в двух близкородственных языках и омоформы: **пар`и** – *деньги*, а **п`ари** – *обжигает* (ср. русское: **п`арит**). Причём русское *пар* на болгарском будет **п`ара**. А болгарское **пар`а** – это *монетка*. Ну а русское слово **пара** (*супружеская*) будет **двойка**, тогда как **пара** (*обуви*) по-болгарски – **чифт** (кстати: *«Двойка по алгебре»* так и будет: *«Двойка по алгебра»*...).

Между тем **б`анка** – это *банк*. При этом **бут`илка** – это не только *бутылка*, но ещё и *баллон*, а **чаша** – это, кроме собственно *чаши*, ещё и *стакан, чашка, кружка, рюмка, бокал, фужер, кубок, пиала* и др. По-болгарски **гр`ижа** = *забота*, а **х`ерния** – это *грыжа* (*«Грижа за бебето и дома»* – это *«Забота о детях и доме»*).

Дния по-болгарски означает *арбуз* (*дыня* = *пыпеш*), а **ягода** – это исключительно *клубника* и ни к какой другой ягоде отношения не имеет.

Русское слово *могила* – это по-болгарски **гроб**, тогда как русское слово *гроб* переводится как **ковчег**. Ну а *ковчег* так и будет – **ковчег**, например: *Ноев ковчег*.

При всём при том **т`ухла** – это не что иное как *кирпич*, а **труп** – всего лишь *туловище* или *ствол*. (Хотя **ствол** обычно употребляется во мн.ч., то есть **труп** = *стволы*, а в значении *туловище* слово употребляется всё реже, становясь в этом смысле архаизмом.) При этом собственно русский **ствол** (в значении *дуло*) – и по-болгарски будет **дуло**. Тогда как **ствол** дерева, растения – **стебл`о** (ср. русское *стебель*).

Примеров таких языковых курьёзов в русском и болгарском – множество. Например, **кални бани** – это *грязевые ванны* (потому как **кал** – это *грязь*, а **баня** – *ванна, ванная, душевая*); **упойка** – это *наркоз*. А **пълна упойка** – это *общий наркоз*. Следовательно, «**яйца на очи, водка внос и пълна упойка**» – это совсем не та жуткая картина, которую вы себе представили, а всего лишь «*яичница-глазунья, импортная водка и общий наркоз*»!

Меня восхитило встреченное мною на побережье Варны название ресторана – «**Хавай!**» Тогда я ещё не знал, что по-болгарски так называются Гавай, а ударение при этом надо делать на второй слог – Хав`ай...

Некоторые слова болгарского языка звучат прямо таки «угрожающе». Например, **сурови ядки** – на деле всего лишь *сырые* (свежие, не обжаренные) *орехи*: **сур`ов** – *сырой*, а **ядки** – *орехи* (есть в болгарском и слово **орех**, но оно обозначает конкретно *грецкий орех*). А болгарское **мраз** на самом деле есть не что иное, как русский *мороз*. Ещё один курьёз: **пердета** = *занавески* (тогда как **завеси** – это *шторы*, а **шори** = *жалюзи*). Ну а фраза «*Три метра перд`е*» болгарам вовсе не кажется странной...

Мы вели речь в основном только о существительных в болгарском и русском языках. Что касается местоимений, наречий и глаголов, то здесь ситуация одновременно и проще, и сложнее. Хотя и не так «юмористичнее».

С одной стороны, проще: довольно часто болгарские слова с обозначением времени, места, образа действия и т. д. не слишком или совсем не отличаются от русских. Внутренняя форма этих слов понятна и прозрачна для носителей русского языка, а потому трудностей в запоминании и обучении обычно не возникает. Например: **къде, когато, няколко, някъде, някакъв (-ква, -кво), тука, дълбоко** и др.

Ну, за исключением таких специфических случаев, как **направо** = *прямо*, а совсем даже никак не **вдясно**, ну а **късо** = *коротко*. При этом **коса** – это *волосы*, а русская *коса*, оказывается, будет **плитка**... А **плитка**, как бы вы думали? Ну да, **плочка**... (Также **пл`итко** = *мелко*; например, **пл`итка вод`а** = *мелкая вода*.)

Вообще же за долгие века всевозможные метаморфозы претерпели многие слова болгарского языка, при этом зачастую переходя из одной части речи

в другую. Многие из них также требуют дополнительного разъяснения. Интересно, например, слово «**нали**» (ударение – на последнем слове), образованное из предлога «на» и частицы «ли» и эквивалентное русскому «*Не так ли?*». Однако «**нали**» имеет и много других оттенков значения и очень любимо (и активно употребляемо) болгарскими. А вот со словом «да» частица «ли» образует слово «**дали**». Которое, по сути значения, это та же частица «ли»:

«– *Ще ходим ли на кино?*»

«– *Дали ще ходим на кино?*»

В плане методических рекомендаций по запоминанию и дифференциации болгарских слов можно посоветовать следующее:

- 1) выделять эту лексику отдельно, в особые группы с предварительным распределением по частям речи;
- 2) предварительно определить «табуированные» слова и те словосочетания, использование которых нежелательно в болгарской языковой среде (например, болгарский аналог русского существительного *событие* (= случая), а также русские аналоги слов *кибрит, пилешко (месо)* и им подобные);
- 3) при изучении слов в лексических группах этого типа использовать ассоциативные связи, которые могут облегчить или даже помочь их запоминанию.

Особенно продуктивным данный подход представляется при изучении глаголов болгарского языка.

(Правда, надо заметить, что изучение глаголов движения – подобных болгарским «*прибирам се*» (*возвращаться*), «*излиза*» (*выходить*) и др. – требует особых пояснений и отработки соответствующих навыков и умений).

Однако на примере таких глаголов, как *отворя, затворя, купя, чистя* и других, можно:

- 1) легко освоить новую, но обучающимся неожиданно кажущуюся «старой» глагольную лексику;
- 2) объяснить разницу в значении и оттенках значений (например, *затворя* – «закрывать», *заклуча* – «закрывать на ключ»; *чистя* – «убирать» и «чистить»);
- 3) объяснить и отработать формы употребления этих глаголов и формы времён.

Кроме того, на их примере – кажущемся столь прозрачном для русскоговорящих – можно отработать употребление других глаголов болгарского языка. При этом внушаемый эффект «кажущейся лёгкости» может сыграть свою положительную дидактическую функцию.

Но и о трудностях также не стоит забывать! И обратить внимание на то, что значения, казалось бы, одинаково звучащих или похожих по звучанию (и даже на письме) русских и болгарских глаголов очень часто не совпадают:

вал`и (об осадках – снеге, дожде); **с`ипя** – *налить, положить* (ср: *сыпать, насыпать*); **д`уша** – *нюхать, обнюхивать*; **д`авя** (се) – *и подавиться, и тонуть* (ср.: *удавих се = утонул*).

Кроме того, указанные нами курьёзы в болгарско-русских лексических параллелях могут быть успешно использованы в методических целях. Например, мы упомянули болгарское существительное **мраз** (*мороз*). А вот глагол **мр`азя** в болгарском означает *ненавидеть* (кого-л.). Но ведь и в русском языке есть однокоренные слова: *отмороженный, отморозок*. А отношение к *отморозку* может быть – *каким?* То есть, его можно – *что?* – Ну, конечно же, только *мразя*, то есть, мягко говоря, не любить.

Таким образом, внутренняя форма слова в сознании обучаемого рождает ассоциативные цепочки, которые помогают понять значение рассматриваемых лексем и с успехом служат запоминанию новой лексики при обучении русскоговорящих болгарскому.

Упомянутый нами **бухал** (*филин*) имеет в болгарском ещё одну лексическую корреляцию: слово **бух`алка**, то есть *дубинка*. Но если «всмотреться» во внутреннюю форму этого слова, она становится прозрачной: *«Бухнуть по башке...» – чем?* Ну конечно же, *бухалкой!* То есть дубинкой!

Возьмём ещё одно замечательное болгарское слово: **п`уканки**, обозначающее всеми любимый *попкорн*. Этимология его прозрачна: от болгарского **п`укам** / **п`укна** – *трещать/треснуть, протыкать/проткнуть, лопать/лопнуть*. Ассоциативная связь очевидна: **пуканки** – «пукают», то есть *лопаются*. Соответственно, и восприятие, и запоминание видовой пары глагола **пукам/пукна** у обучаемых не вызовет трудностей, скорее – лишь оживлённое веселье.

То же касается другого весьма образного существительного болгарского языка: **леп`ило**, то есть *клей*. Однокоренные глаголы: **леп`я** (нсв) – *клеить, наклеивать, заклеивать*; **л`епвам/л`епна** – *клеить/наклеить*. И тут внутренняя форма слова всё так же прозрачна, ср. в русском: *прилепить, налепить, залепить*.

Таким образом, межъязыковая интерференция в русском и болгарском, рождающая, на первый взгляд, определённые трудности при освоении лексики этих языков, при ближайшем рассмотрении может стать продуктивным методическим приёмом. И не затруднить, а даже облегчить её запоминание. При опоре на внутреннюю форму слова такие ассоциативные цепочки, оказывается, могут быть очень продуктивны, а так называемые ложные друзья переводчика могут стать если не друзьями, то, во всяком случае, добрыми помощниками и реальным подспорьем в обучении близкородственному языку.

И ещё немного о межъязыковой интерференции. Говоря об удивительных открытиях, которые могут сделать русские при общении с болгарами, можно упомянуть не только о прямо противоположной по сравнению с привычной жестикуляцией болгар при обозначении согласия и несогласия – «да» и «нет». (Говоря *«Да»*, болгары покачивают головой из стороны в сторону, а говоря *«Не»*, они делают движение головой снизу вверх и обратно.) Удивление вызывают и сами болгарские имена. Так, **Ваня, Вася, Петя, Дима, Богдана** – это в Болгарии имена женские; а вот **Галин, Людмил, Мариан, Светлан** – это имена мужские. Хотя, если вдуматься, именно эти формы имён, по сравнению с русскими, и являются более правильными с точки зрения грамматики.

Коснёмся в двух словах и вопросов орфоэпии. Как прекрасно известно болгарам, но при этом вызывает неизменное удивление русских, в болгарском языке есть буква **Ъ** – *ер голям* – с соответствующим ей кратким гласным звуком [ы], который может быть даже ударным. Например, **град`ът** (*«город»*), а также *«град»* – природное явление. То есть «град» в значении «осадки» – по-болгарски тоже «град» (например: *«Град побил посевы»*). По-болгарски «град Варна», но «градът» = конкретный город («град» – это какой-то, вообще город). В этом случае «градът» и пишется, и произносится **«градЪт»**, с ударением на «Ъ».

Знаете, как болгары проверяют орфоэпические способности носителей русского языка? Для того чтобы проверить их компетентность в произношении звуков болгарского, достаточно попросить русских произнести слово *«ъгъл»* – «угол»! Ну, или, к примеру, *«в`ълна»*. Что по-болгарски, кстати, означает *«шерсть»*, а вовсе не, как вы могли подумать, *«волну»*... А как сказать *«волна»*? Очень просто: **вълн`а**! Ну и, наконец, болгарское **в`олна** – значит *«вольная»*, *«свободная»* (птица, например).

Хотя, конечно, с точки зрения орфоэпии для русскоговорящих гораздо более труден в произношении другой гласный – болгарское краткое «полуоткрытое» **Е**. И труден этот звук именно потому, что (как и болгарский звук [ъ], не «дотянувшийся» по закрытости до русского [ы]) представляет нечто среднее между русскими гласными звуками [je] (**е**) и [э] (**э**).

В общем, и тут языковая близость может быть ученику в тягость...

Ну и, наконец, короткий урок разговорного болгарского. Может показаться удивительным, но некоторые гласные звуки в болгарском языке обозначают целые выражения! Используются они, конечно, исключительно в повседневной разговорной речи. Например:

– **А?**

(Извинете, бихте ли повторили! = Извините, повторите, пожалуйста!)

– **Е!**

(Не съм доволен... = Я не доволен...)

– **И?**

(И после?.. = И что дальше?..)

– О!

(От гняв до възхита. = От гнева до восхищения, в зависимости от интонации.)

– Ъ!

(*Извинете, не съм готов да отговоря на този въпрос... = Извините, я не готов отговорить на этот вопрос...*)

– Я?

(*Дали може да погледна? = А можно ли посмотреть?*)

В заключение заметим, что данные наблюдения, замечания и методические рекомендации призваны способствовать изучению болгарского языка русскими (русскоговорящими). А также помочь преподавателю сориентировать своих учеников – носителей русского языка в огромном массиве изучаемой ими болгарской лексики, весьма сложной и не всегда однозначно воспринимаемой.

Литература

- Вайнрайх У. 1972 – Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М.: Прогресс. – С. 25-60.
- Виноградов В.А. 1990 – Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия. – 685 с.
- Белинская Л. Н. 2009 – Белинская Л. Н. Сербско-русский русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов «Ложные друзья». – М.: Толмач. – 463 с. (URL: <http://www.labyrinth.ru/books/572277/>)

Karpenko, Iliа

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

ikarpenko@yandex.ru

PERCEPTIVE CONFUSIONS OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS EXPOSED TO THE BULGARIAN LANGUAGE: ISSUES OF LEXICAL INTERFERENCE

Abstract. The article studies the most typical occurrences of lexical interference in the Bulgarian and Russian languages, and suggests techniques of overcoming difficulties in the study of Bulgarian by Russian speakers. Extra linguistic factors affecting the emergence of linguistic parallels and differences in the two related Slavic languages are examined, and examples of some typical colloquial usage in the Bulgarian language that may be of interest to native Russian speakers are provided.

Keywords: Russian, Bulgarian, teaching of Russian as a foreign language, lexical interference, translation and interpreting issues

Новикова Татьяна Юрьевна
Крымский федеральный университет
им. В.И.Вернадского, Таврическая академия,
Научно-методический центр полилингвального
образования, Симферополь, Россия
Питрцак Ханс Юрген Вилли
Эдинген-Некархаузен, Германия

РУССКО-НЕМЕЦКИЙ БАЗОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ И УЧЁТ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА

Аннотация. Одним из наиболее ценных источников информации о жизни слова остаётся словарь. В лексике, как в зеркале, отражается та эпоха, в которой мы живём. Являясь одним из основных признаков нации, язык выражает и национальную культуру. В представляемом двуязычном тематическом словаре лексические единицы, требующие культурного комментирования, отмечаются специальной пометой и сопровождаются кратким комментарием, который предусмотрен как для языка входа (русского), так и для языка выхода (немецкого).

Ключевые слова: Учебная лексикография, двуязычный тематический словарь, тематическая классификация, тематическая группа, культурный компонент.

Словари называют «сокровищницей» национального языка, в них отражается языковая картина жизни народа, это и часть культуры данного языкового сообщества. Потому так высок их обучающий потенциал. В зависимости от решаемых задач словари разнятся в жанровом отношении. Об основных типах словарей ещё в 1940 году писал основоположник теории лексикографии Л.В.Щерба [Щерба 1974]. Наше время внесло свои коррективы в лексикографическую теорию и практику, появились электронные словари, но по-прежнему в современной классификации существующих словарей особое место занимают словари учебные, независимо от способа подачи информации: на бумажном или электронном носителе.

В качестве самостоятельной лингводидактической дисциплины учебная лексикография выделилась из общей лексикографии и методики обучения иностранным языкам в середине прошлого века. С самого начала её отличительной особенностью считалось то, что по сравнению с академической она является лексикографией меньших форм и характеризуется выраженной обучающей направленностью (С.Г. Бархударов, Л.А. Новиков). «Учебные словари, имея дело, как правило, с ядром словарного состава языка, представляют большой теоретический интерес как модели лексической системы языка, модели (реального) языкового сознания определённого

человеческого коллектива в определённый момент времени» [Денисов 1977: 35]. В настоящее время учебная лексикография представлена, прежде всего, теорией и практикой составления одноязычных и двуязычных словарей для иностранных учащихся. Но не менее интересным и важным направлением можно считать создание русско-национальных словарей для поликультурных регионов России, в которых русский язык служит средством межнационального общения. Такой запрос обусловлен общемировым процессом: стремлением каждого народа сохранить свою идентичность, несмотря на происходящие процессы глобализации. Путь к решению проблемы нам видится в создании на одном и том же лексическом материале такой учебной лексикографической базы из русско-национальных словарей, которая даст каждому желающему в конкретном поликультурном регионе возможность изучать свой родной язык через посредство русского языка. И хорошей базой для этого может послужить лексикографический опыт, накопленный в практике обучения РКИ.

Этот свой многолетний опыт мы попытались применить в таком полиэтничном регионе, как Крым. Крым – это зеркало, в котором отражается сам процесс формирования многоязычия и многокультурности мира: на территории этого маленького полуострова, чуть более 26 тысяч кв. км, по данным переписи населения 2014 года, проживает 175 этносов. Три государственных языка – русский, украинский и крымско-татарский. На вопрос о родном языке 84% населения ответили, что их родным языком является *русский*, 8% — *крымско-татарский*, 4% — *татарский* и 3% — *украинский язык*.

Крым – это тот «перекрёсток цивилизаций», та земля, на которой самой историей человеческого бытия предписано всем неукоснительно следовать правилам человеческого общежития. А эти правила основаны на взаимоуважении народов, на взаимопроникновении различных культур, составляющих единое полиэтничное и поликультурное пространство. Здесь наличие условий для русско-национального полилингвизма не вызывает сомнений. Понимание этого факта приводит к мысли о необходимости создания методически корректных лексикографических произведений, ориентированных на использование в этом регионе. Но учитывая уникальность собрания народов и культур на полуострове, здесь проживают, кроме русских, и болгары, и немцы, и греки, и армяне, и малые крымские народы: крымчаки, караимы, крымские татары, – ряд словарей из серии русско-национальных могут иметь и более широкое применение. К таким относится и создаваемый нами русско-немецкий базовый учебный тематический словарь для немецкой диаспоры в Крыму. Он является продолжением серии русско-национальных тематических словарей. В числе уже изданных – трёхязычные русско-украинско-крымско-татарский и русско-украинско-польский. Далее серия продолжается двуязычными словарями. В результате реализации этого проекта мы сможем получить конкретные материалы, важные для разработки темы «Человек в полиэтничном пространстве».

Создаваемые нами в этой серии словари являются, как мы уже отметили, тематическими. Преимущество такого типа словаря позволяет представить каждый из описываемых языков «в его предречевой готовности» [Караулов 2002: 751], поскольку самим жанром словаря определяется антропоцентричность интерпретации языковых единиц. На первом этапе работы перед нами стояла задача размещения слов базового русского списка по смысловой близости, на втором этапе - перевод его на другие языки с последующим наложением списков с целью выявления тех тематических зон, которые включают фоновые и безэквивалентные лексические единицы. Для них используется специальная помета в словаре, указывающая на «чужое» для данной культуры слово. Языком входа для нашей серии является русский язык, который, с одной стороны, содержит указанные единицы по отношению к выходным языкам, а с другой стороны, готов и сам принимать в себя «чужие» лексические единицы из выходных языков.

Как известно, при создании словарей такого типа главной задачей является отбор тем, актуальных для целей обучения. Поэтому наиболее ответственным моментом лексикографирования для нас было создание некоего первичного макета тематически упорядоченной лексики, который бы соответствовал концепции серии русско-национальных словарей в целом и отвечал нашему замыслу учебного двуязычного тематического словаря, выполненного на материале разных выходных языков при русском языке входа. Чтобы словарь отвечал запросу достаточно широкого круга пользователей, необходимо было учесть принцип доступности представления материала, а также отразить цельный и динамичный взгляд на язык как важное социокультурное явление.

Одна из основных проблем, с которой сталкивается любой лексикограф, приступающий к работе над учебным идеографическим (тематическим) словарём, - это, конечно, методически корректный отбор словника и тем. Как показывает анализ литературы по проблеме, первым серьёзным опытом тематической организации лексики русского языка был «Тематический русско-болгарский словарь» К.Бабова и А.Воргулева (София, 1961). В нём представлена группировка более чем 25 тыс. слов и выражений русского языка с последующим переводом их на болгарский язык. Такой же объём словника мы нашли в изданном в 2000 году одноязычном «Тематическом словаре русского языка» (авторы Л.Г.Саяхова, Д.М.Хасанова и В.В.Морковкин) [Саяхова 2000].

Однако рассматривать такой объём словника в качестве учебного для решения поставленных нами задач было бы, на наш взгляд, нерациональным, поскольку сам объём влечёт за собой определённую негативную установку обучаемого на изучаемый объект. Ни для кого не секрет, что каждый приступающий к изучению неродного/иностранного языка желает получить осязаемый результат в достаточно короткий срок. Известно мнение методистов и лексикографов об объёме активного словаря для обучения иностранному языку: словник объёмом в 2,5 тыс. тематически сгруппированных лексических единиц покрывает потребности обучения иностранному языку на начальном этапе. Интересным

представляется наблюдение Ю. Н. Караулова о том, что в течение одного дня в процессе говорения носитель русского языка использует приблизительно 1300 слов (лексических единиц), делая при этом от 8 до 20 тыс. словоупотреблений ежедневно [Караулов 2002: 752]. Учитывая эти факторы, мы закладываем в объём около 5000 единиц. Это позволяет обозначить перспективу дальнейшего формирования и расширения словаря. С методической точки зрения словник, включающий около 5 тыс. лексических единиц, обеспечивает на 95 % понимание основного содержания любых нормальных текстов, не содержащих специальной терминологии [Vogt, Helger Oleg 1968: 7]. Отметим, что примерно на такое количество лексических единиц, как показал анализ, ориентированы двуязычные русско-немецкие и немецко-иноязычные тематические словари [Vogt, Helger Oleg 1968, 1994; Heinze, Ludmila 1994; Karlowska, Annabella und Rauch, Rainer 1998; Luebke, Diethard 2001].

Исходя из практических целей использования словаря, мы не ставили перед собой задачи выявления и описания всех смысловых групп, присутствующих в лексической системе языка, нами были выделены только те, которые более существенны с точки зрения обучающего потенциала и их участия в адекватном отражении реальных жизненных ситуаций. В результате анализа различных классификаций, представленных как в отечественных, так и в зарубежных учебных тематических словарях, мы получили список тем, который сочли отвечающим конкретным методическим запросам. Безусловно, это не единственно возможная система расположения лексики по тематическим группам в учебном двуязычном словаре, и в этом вопросе мы полностью разделяем точку зрения В.В.Морковкина относительно того, что «при построении идеографического словаря решающее значение приобретает мировоззрение самого лексикографа» [Морковкин 1970: 14].

В качестве основного ориентира при составлении базового словника нами был использован десятый лексический список из 5000 самых важных слов в системе русского языка, представленный в словаре «Система лексических минимумов современного русского языка» под редакцией В.В.Морковкина [Морковкин 2003]. В процессе лексикографирования этот список корректировался и уточнялся, поскольку учебный словарь такого жанра, на наш взгляд, должен оперативно отражать происходящие изменения в лексическом строе языка. Живя в нынешнем потоке информации и общественных перемен, приходится признать тот факт, что учебные пособия, содержащие текстовый материал на злободневные темы, при всей его сиюминутной важности, имеют свойство быстрого морального старения. Этим можно объяснить появление большого количества альтернативных учебников и учебных пособий. В отличие от таких учебных книг словарь должен быть всё-таки более долговечным произведением. Его жизнеспособность, на наш взгляд, обеспечивается, прежде всего, взвешенным подходом к включению/невключению в состав словника той или иной лексической единицы в зависимости от её методического потенциала.

Представляемый нами русско-немецкий базовый учебный тематический словарь включает около 5000 слов, объединённых в 5 обширных понятийных (тематических) областей: **1. Человек; 2. Общество; 3. Работа, занятие, свободное время; 4. Окружающий мир; 5. Время, пространство, количество.** Далее каждая из этих областей членится последовательно на ряд понятийных (тематических) групп. Так, в области **Человек** выделяется 12 понятийных групп. Перечислим их: *Тело: внешний вид, внутренние органы, Питание, Здоровье, болезнь, Одежда, обувь, Жильё, Духовная и умственная сферы; эмоции, Этика, религия, Воля, Мышление, Язык.* В область **Общество** входят 2 понятийные группы: *Частная жизнь, Общественная жизнь.* Понятийная область **Работа, занятие, свободное время** включает 5 понятийных групп: *Образование, Профессиональная деятельность, Экономика, Транспорт, Досуг.* В понятийную область **Окружающий мир** вошли 3 понятийные группы: *Погода, Природа, Животные, растения.* Понятийная область **Время, пространство, количество** состоит из соответствующих групп: *Время, Пространство, Количество.* Всего тематический план включает 23 понятийные группы, содержание которых составляют слова, распределённые на 185 нумерованных подгрупп. Каждая из них имеет наименование. Отдельным заключительным списком в словаре представлены **Структурные слова**, не вошедшие в тематические группы.

Словарь имеет ярко выраженную коммуникативную направленность. В основу расположения материала заложен принцип от общего к частному и, по возможности, выдерживается также принцип взаимопроникновения тем и их преемственность. Основная идея, объединяющая представленную нами в словаре тематическую классификацию, может быть прокомментирована следующим образом.

В центре всей тематической классификации находится **Человек**. Он обладает способностью познавать реалии мира, его фрагменты, овладевать лексикой и грамматикой для выражения с помощью языка различных своих мыслей об окружающем мире, а также своих эмоциональных состояний и чувств. Такой подход к лексикографированию даёт нам возможность весь отобранный лексический массив представить в виде элементарной схемы-образа, которая, с одной стороны, демонстрирует устройство и содержание учебного тематического словаря, а с другой стороны, показывает, как постепенно расширяется пространство, окружающее человека, по мере его выхода за пределы себя. Расположение тематических групп в пределах расширяющихся пространств хорошо укладывается в идею познания мира ребёнком. А в этой роли, как известно, был каждый владеющий своим родным языком.

Заложенная в словаре система мелких шагов при изучении двух языков делает весь процесс усвоения новой лексики удобным и осознаваемым, поскольку даёт возможность опереться на опыт усвоения родного языка, служащего основой для овладения лексической системой другого языка. Этому способствует и эквивалентность всех лексических единиц русского и

немецкого языков, языков входа и выхода, поскольку идеографическое описание лексической системы позволяет упорядочить словарный состав содержательно в виде тематических областей, в которых слова связаны ассоциативными связями. Учитывая эквивалентность русских и немецких лексических единиц, прокомментируем развёртывание темы в группе *Con* с привлечением русского списка.

12. *Con*

сон
 кровать
 постель
 матрац
 мягкий ~
 жёсткий ~
 одеяло
 подушка
 постельное бельё
 простыня
 пододеяльник
 наволочка
 покрывало
 усталый
 сонный
 пижама
 ночная рубашка
 *Спокойной ночи!
 ложиться/лечь
 лежать
 засыпать/заснуть
 спать
 видеть сон
 будить/разбудить
 будильник
 просыпаться/проснуться
 вставать/встать
 *Доброе утро!
 бодрствовать
 бессонница

12. *Schlaf*

Schlaf, der
 Bett, das (als Möbelstück)
 Bett, das (fertiggemacht zum Schlafen)
 Matratze, die
 weiche ~
 harte ~
 Bettdecke, die
 Kopfkissen, das
 Bettwäsche, die
 Bettlaken, das
 Bettbezug, der
 Kopfkissenbezug, der
 Tagesdecke, die
 müde
 schläfrig
 Pyjama, der; Schlafanzug, der
 Nachthemd, das
 *Gute Nacht!
 ins Bett gehen
 (im Bett) liegen
 einschlafen
 schlafen
 träumen
 wecken, aufwecken
 Wecker, der
 aufwachen
 aufstehen
 *Guten Morgen!
 wach sein
 Schlaflosigkeit, die

В этой тематической подгруппе лексическая единица *сон* является ключевым словом. Ассоциатами к нему служат слова, обозначающие место сна: *кровать, постель*. На постели обычно есть *матрац*, который может быть *жёстким* или *мягким, подушка, одеяло*. В комплект *постельного белья* входят *пододеяльник, простыня, наволочка, покрывало*. Сон необходим человеку *усталому и сонному*. Для сна есть *пижама, ночная рубашка*, после этого можно *ложиться / лечь*

(глагол изменения положения). В этой же тематической группе лексические единицы, обозначающие действия: *лежать* (статическое), *засыпать / заснуть* (погружение в сон), *спать, видеть сон* (быть в состоянии сна), *будить / разбудить* (прерывание сна), способ его прерывания – *будильник*. Действия после того, как человека разбудили, *просыпаться / проснуться, вставать / встать, бодрствовать*. По отношению к состоянию сна противоположным является *бессонница*. Учитывая коммуникативную направленность нашего словаря, включаем в списки не только отдельные слова и словосочетания, но и полезные коммуникативные единицы. Так, в подгруппе **Сон** полезными будут выражения *Спокойной ночи!* и *Доброе утро!*

Такой подход к лексикографированию требует тщательного отбора и упорядочения лексических единиц в той последовательности, которая в наибольшей степени способствует их целенаправленному запоминанию и интенсификации учебного процесса. Также в ходе лексикографической практики в центре внимания были такие характеристики описываемых языков, как разноструктурность, поскольку «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» [Щерба 1957: 49].

При формировании тематических групп учитывалась частеречная принадлежность слов. Поэтому в списках присутствуют практически все основные части речи: имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные. Основу тематических групп составляют имена существительные. Они называют элементы предметного плана и явления окружающей действительности и, как ключевые слова-стимулы, организуют «шаги», возникающие при порождении ассоциаций. В тематические группы входят также ситуативно обусловленные слова, которые помогают обеспечить полноценность коммуникации на описываемых языках: на языке входа и на языке выхода.

Местоимения выступают как заместители именных частей речи. Личные, неопределенные и отрицательные местоимения вошли в список структурных слов, остальные разряды местоимений включены в тематические группы. При таком подходе на первый план выдвигается тщательный отбор и упорядочение лексических единиц в той последовательности, которая в наибольшей степени способствует их целенаправленному запоминанию, т.е. культура умственного труда является для нас важным фактором, способствующим интенсификации учебного процесса.

Большинство слов русского и немецкого языков полисемичны, но если многозначное слово входит в тематическую группу, то его многозначность снимается, и в группу оно вводится в том конкретном значении, которое раскрывается данной темой. Учитывается также тот факт, что «семантический объём слов, сходных в отношении выражаемого ими понятия, в различных языках часто не совпадает» [Юсупов, Нуриева 2014: 132].

Таким образом, поиск эквивалентов семантизации осуществляется путём вычленения того значения слова, которое соотносится с тематической группой, описывающей определённый фрагмент реальной действительности. В связи с тем, что в группе реализуется только данное конкретное значение слова, это же слово может встречаться в разных тематических группах. Например, лексическая единица *блюдо* входит в русском списке в тематические *подгруппы 13. Еда* и *23. Посуда*. В переводе на немецкий язык этому слову уже будут соответствовать две лексические единицы: *13. Gericht, das*, и *23. Servierteller, der*. Лексическая единица *взгляд* входит в *подгруппы 4. Глаза* и *59. Мнение*. В качестве эквивалентов немецкий язык даёт нам два слова *4. Blick, der* и *59. Ansicht, die*.

Каждый язык связан с историей своего народа-носителя. Являясь одним из основных признаков нации, язык выражает и национальную культуру. Но, как известно, тематический словарь группирует слова по темам и больше никакой информации о словах не даёт. В представляемом нами двуязычном тематическом словаре выделяются и отмечаются специальной пометой фоновые и безэквивалентные лексические единицы, требующие краткого, ограниченного жанром словаря, культурного комментария. Культурный комментарий предусмотрен как для языка входа (русского), так и для языка выхода (немецкого). Такой подход к подаче лексического материала позволяет пользователю посмотреть на оба языка, изучаемый и родной, осознанно, как бы «со стороны», увидеть в каждом из них «своё»/«чужое». Покажем это в своей устной презентации на примере немецкого языка, привлекая для иллюстрации тематическую группу *Питание*.

В результате нашей лексикографической практики мы получим такие параллельные учебные лексические минимумы русского и немецкого языков, в которых каждый из них может в дальнейшей работе рассматриваться как язык входа и как язык выхода. Учёт культурного фона слов «своё»/«чужое» в двух списках при установлении эквивалентных соотношений позволяет менять местами языки входа и выхода.

Литература

- Денисов 1977 – *Денисов П. Н.* Типология учебных словарей // Проблемы учебной лексикографии. М., изд-во Моск. ун-та, 1977. – С. 23-42
- Караулов 2002 – Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
- Морковкин 1970 – *Морковкин В.В.* Идеографические словари. – М.: МГУ, 1970. – 72 с.
- Сяхова 2000 – *Сяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В.* Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В.Морковкина. – М.: Рус. яз., 2000. – 560 с.

- Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков: от 500 до 5000 самых важных русских слов/Гос. ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина; Отд. учеб. лексикографии; Г.Ф.Богачёва, Н.М.Луцкая, В.В.Морковкин, З.П.Попова; Под ред. В.В.Морковкина. – М.: ООО «Астрель» : ООО «АСТ», 2003. – 768 с.
- Щерба 1957 – *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1957. – 188 с.
- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., Наука, 1974. – с. 265-304.
- Юсупов, Нуриева 2014 – *Юсупов Р.А., Нуриева Д.Н.* Особенности лексико-семантической системы разноструктурных языков. Филология и культура. *Philology and culture*. 2014. №1(35) // http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/24_7.pdf (дата обращения: 18.06.2017)
- Heinze, Ludmila 1994 – Grundwortschatz Russisch, Berlin/Muenchen: Langenscheidt KG.
- Karlowska, Annabella/Rauch, Rainer 1998 – Grund- und Aufbauwortschatz Russisch, Stuttgart/Dresden: Ernst Klett Verlag;
- Luebke, Diethard 2001 – Lernwortschatz Deutsch, Ismaning: Max Hueber Verlag.
- Vogt, Helger Oleg (Hrsg.) 1994 – Grund- und Aufbauwortschatz Russisch, Dresden/Stuttgart: Ernst Klett Verlag.

Novikova, Tatjana

*Crimean Federal V.I.-Vernadskij-University,
Tavria Academy, Scientifical-methodological
Centre for Polylingual Education, Russia
t.ju.novikova@gmail.com*

Pietrzak, Hans

pietrzak.hj@gmail.com

RUSSIAN-GERMAN BASIC THEMATIC LEARNER'S DICTIONARY: STRUCTURE AND CULTURAL COMPONENT

***Abstract.** Dictionaries are one of the most valuable sources of information about words. Like in a mirror the epoch we live in is reflected in the words of a language. As one of the basic features of a nation language does also express the national culture. In the thematic two-languages dictionary presented here words which need to be culturally explained are especially marked und have a short commentary, for both the Russian and the German words.*

***Keywords:** learner's dictionaries, two-languages thematic dictionary, thematic group, cultural component.*

НОВЫЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ КРИТЕРИИ ИЗМЕРЕНИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УМЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается медиация как вид коммуникативной деятельности, обсуждаются новые общеевропейские дескрипторы и измерительные шкалы для мониторинга переводческих умений в комплексе с другими разновидностями медиативных умений. Обобщается инновационный опыт в использовании общеевропейских оценочных шкал при обучении российских студентов переводу как инструменту профессиональной межкультурной коммуникации, а также выделяется ряд нерешенных проблем, относящихся к области разработки общеевропейских медиативных шкал.

Ключевые слова: общеевропейские дескрипторы, медиация, медиативные умения, медиативные оценочные шкалы, перевод.

В коллективном труде европейских специалистов «Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment» [CEFR, 2001], одним из наиболее известных и наиболее используемых инструментов политики Совета Европы, в начале нового тысячелетия были определены общеевропейские ориентиры по обучению языкам, изучению языков и оцениванию уровня коммуникативного владения языком. Одной из важнейших сторон труда всех европейских стран явилась разработка градуированных шестиуровневых оценочных шкал для оценивания коммуникативного уровня владения языком.

К настоящему времени накоплен богатейший опыт по использованию общеевропейских оценочных шкал и созданию обширного банка данных коммуникативно-ориентированных дескрипторов, внедрению на разных уровнях образования национальных европейских языковых портфелей для самооценочной деятельности обучающихся особенно в школьном образовании, что способствовало развитию их автономии и моделированию рефлексивного обучения языкам, а также по осмыслению результатов создания общеевропейского методического пространства на постановку целей языкового образования и определение вариативности содержания коммуникативно-ориентированного контроля уровня сформированности коммуникативной компетенции и ее составляющих в разных странах, а также уровень владения разными коммуникативно-речевыми видами деятельности. Попутно заметим, что в общеевропейской методике с момента начала разработки рамочных рекомендаций по обучению языкам, изучению языков, а также оценивания

уровня владения ими в «Common European Framework of Reference : Learning, teaching, assessment – Cambridge» произошел своеобразный отход от традиционной учебной классификации видов речевой деятельности, в которой выделялись аудирование, говорение, чтение и письмо. На смену им пришли рецепция (устная и письменная), продукция (устная и письменная) и интеракции [North, 2014].

Вместе с тем практический опыт внедрения общеевропейских рекомендаций в национальные теории и практики обучения языкам показал, что в связи с существенными изменениями социокультурного бытия человека в новом веке и, соответственно, с изменениями в целях и содержании многоуровневого языкового образования, появилась потребность как обновить целый ряд ранее разработанных общеевропейских шкал в плане оценивания уровня коммуникативного владения рецептивными, продуктивными и интерактивными видами речевой деятельности и языковыми средствами, сопряженными с ними (учитывая, например, Интернет-среду обитания современного человека), так и разработать качественно новые дескрипторы для оценивания такого вида коммуникативной деятельности, как медиация.

В этой статье хотелось бы обсудить результаты пилотирования в МГУ имени М.В. Ломоносова общеевропейских многоуровневых шкал оценивания переводческой деятельности, входящих в рубрику «медиация», представленной в пилотных материалах «CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016» [см. CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016: 50-60], а также поразмышлять о диапазоне их использования, в частности, при подготовке не профессиональных переводчиков, а тех вузовских учащихся, для которых необходимо использовать перевод как инструмент профессиональной межкультурной коммуникации.

Для того, чтобы обсуждать упомянутые вопросы необходимо уточнить, каким образом трактуется само понятийное содержание термина «медиация», поскольку понимание сути самой медиации в настоящее время значительно изменилось по сравнению с ее трактовкой в 2001 году.

В общеевропейском контексте первоначально под медиацией как вербальной деятельностью понимались письменные и/или устные действия медиатора, которые обеспечивают коммуникацию между людьми, неспособными по каким-то причинам напрямую общаться друг с другом. Письменный перевод или устный перевод, парафраз, обобщение информации или ее запись обеспечивают третьим лицам ее понимание, поскольку самостоятельно они были не в состоянии это сделать. При этом отмечалось, что медиационная вербальная деятельность (обработка/переработка текста) занимает важное место в нормальном лингвистическом функционировании нашего общества. [CEFR, 2001:14]. И фактически в коллективном общеевропейском труде «Common European Framework of Reference : Learning, teaching, assessment» преимущественно письменный и устный перевод был отнесен к медиативной

деятельности [CEFR,2001:87]. Между тем, в концепции обновления общеевропейских дескрипторов и оценочных шкал [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016; North,2014] понятийное содержание термина «медиация» расширяется за счет подключения к двуязычным переводческим действиям одноязычных действий культурного медиатора, необходимость которого возникает в условиях коммуникативных сбоев и преодоления коммуникативных (в том числе социокультурных) барьеров, являющихся следствием в том числе и социокультурных различий в ценностном мировидении, образе и стиле жизни общающихся, и это нашло отражение в самой методологии и методике разработки оценивания медиативных умений. Вместе с тем, пока в общеевропейских пилотных материалах разработчики медиативных шкал еще не пришли к единому мнению относительно подхода к классификации типов медиации как коммуникативной деятельности, поскольку, с одной стороны, предлагается выделять реляционную медиацию и когнитивную медиацию (включающая умения передавать полученную информацию и умения создавать смысловое поле при обсуждении той или иной информации) [CEFR Illustrative Descriptors Extended Version 2016, 2016: 48], а с другой – социокультурную медиацию, концептуально-понятийную медиацию и текстообразующую медиацию (textual & linguistic mediation) [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016:.49]. Для лингводидактических целей подготовки обучающихся к профессиональному межкультурному общению представляется предпочтительней, на мой взгляд, второй подход.

Говоря о методической типологизации видов и разновидностей многоуровневых оценочных шкал, предлагаемой в материалах общеевропейского проекта «CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016. Pilot version for consultation», важно обратить внимание на то, что выделяются две группы шкал, а именно:

А. Группа шкал для оценивания процессуальных медиативных умений [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016:..50-56];

и

Б. Группа шкал для оценивания медиативных стратегий [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016:57-60].

В группу «А» вошли 17 многоуровневых градуированных шкал для оценивания процессуальных медиативных умений, которые дополнительно расклассифицированы, в частности, в рамках трех подгрупп: а) «*социокультурная медиация*», «*концептуально-понятийная медиация*» и «*текстообразующая медиация*».

Так, в подгруппу «*социокультурная медиация*» вошли многоуровневые шкалы для оценивания умений:

а) создавать плюрикультурное пространство (creating pluricultural space)

б) действовать в деликатных ситуациях и при возникновении разногласий (*dealing with delicate situations and disagreements*), ведущих к коммуникативным сбоям или даже коммуникативному отторжению участников межкультурной коммуникации [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016:51-52].

К подгруппе «*концептуально-понятийная медиация*» были отнесены многоуровневые шкалы для оценивания умений:

а) управлять процессом группового взаимодействия людей, включая ведение пленарного заседания (*managing plenary and group interaction*)

б) стимулировать развитие идей в процессе коммуникации [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016:52].

В то время как в рамках «*текстообразующей медиации*» были предложены шкалы для оценивания устных и письменных медиативных умений:

а) передавать полученную информацию (*conveying received meaning*);

б) транслировать конкретную и/или специфическую информацию в соответствии с коммуникативной задачей медиации (*relaying specific spoken information & relaying specific information in writing*);

в) конструировать/реконструировать текст;

г) объяснять/ пояснять статистические данные графиков, диаграмм и других форм образно-схематического представления вербальной информации;

д) осуществлять устный перевод;

е) осуществлять устный перевод письменного текста

ж) осуществлять письменный перевод [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016:52 -56].

В группу «Б» многоуровневых оценочных вошли шкалы для оценивания умений в плане медиативных стратегий, а именно умения:

а) базироваться на полученных ранее междисциплинарных знаниях и стимулировать эти знания у других;

б) расширять переводимый текст при необходимости;

в) упрощать и упорядочивать переводимый текст;

г) опускать сложную для понимания информацию при коммуникативной или социокультурной необходимости

д) адаптировать свой язык общения, исходя из лингвокоммуникативных факторов межкультурной коммуникации [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016:56-60].

Схема далее (см.рис.1) наглядно представляет описанный выше подход к типологизации видов медиации и их описанию в терминах медиативных умений.

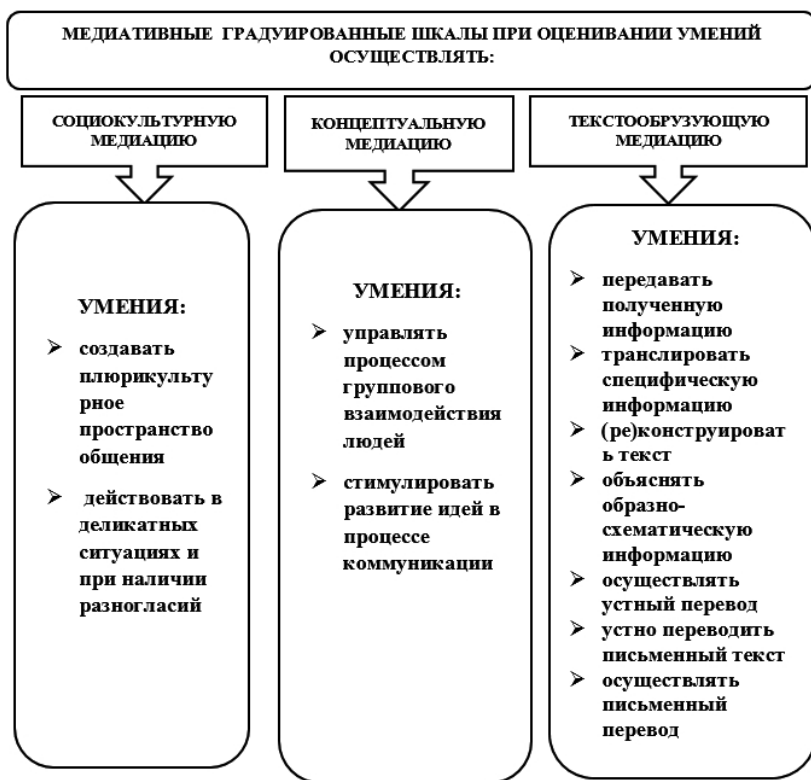


Рис. 1 Схема

На первый взгляд, может показаться, что инструментами оценивания переводческих умений у обучающихся в рабочем (пилотируемом) варианте являются лишь три шкалы, которые соотносятся с оцениванием переводческих умений устного перевод [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016:54], устного перевода письменного текста [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016:55] и письменного перевода [CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016: 56]. Однако это не совсем так, поскольку собственно переводческие умения – это лишь одна из составляющих других медиативных умений человека. И что важно, в этом европейском проекте, что при оценке уровня сформированности переводческой компетенции объектами выступают не только собственно вербальные переводческие умения, но и другие медиативные умения вербального и невербального характера (например, умения создавать комфортное кросс-культурное или плюрикультурное пространство в процессе межкультурной компетенции, умения помогать третьим лицам продуктивно и целенаправленно общаться, невзирая на различия в мировоззрении и мировидении, ценностной палитре, социокультурной маркированности коммуникативных стилей общения и т.п.) И рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью переводчика как культурного медиатора является одним из интереснейших направлений развития методики обучения

переводу как инструменту профессиональной межкультурной коммуникации. Но сам вопрос о переводчике как культурном медиаторе, требует тщательного переводоведческого и методического осмысления, особенно, если имеются в виду определенные типы профессиональных переводчиков, например, устные переводчики беседы политических деятелей, ведь у них согласно переводческому кодексу вряд ли могут быть задействованы умения, обозначенные в рубрике «концептуальная медиация», непосредственно в процессе их переводческой деятельности. Скорее это относится к сфере «неформального перевода», как он трактуется в «Common European Framework of Reference : Learning, teaching, assessment» [см. CEFR, 2001:87].

Что касается шкал оценивания собственно вербальных переводческих умений, то в общеевропейском проекте «CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016. Pilot version for consultation» использовалась методика выделения градуированных дескрипторов для каждого из общеевропейских уровней коммуникативного владения языком (A1-C2) [CEFR, 2001], хорошо известная во всех европейских странах.

В качестве иллюстрации из материалов общеевропейского проекта по обновлению дескрипторов и разработке новых оценочных шкал далее приведена в русском переводе шкала для оценивания умений письменного перевода (см. рис.2 далее).

Градуированная шкала на рис.1, как и подобные ей другие шкалы для оценивания собственно переводческих умений, представляет собой рамочное образование, которое предполагается в каждой из европейских стран, во-первых, конкретизировать в плане исходного языка и языка перевода, во-вторых, уточнить (а порой и детализировать) в отношении используемого языка самих дескрипторов. Иными словами, эти градуированные шкалы носит общий рекомендательный характер, что предполагает их дальнейшую методическую и переводоведческую конкретизацию, уточнение и при необходимости детализацию с учетом дидактического контекста подготовки к переводческой сфере в конкретном вузе.

Предполагается, что эта методическая конкретизация и детализация оценочных шкал будет осуществляться, с одной стороны, в терминах разновидностей коммуникативной вербальной деятельности переводчика, выделяемых в общеевропейской методике (т.е., в терминах рецепции, продукции, интеракции и медиации), а , с другой стороны – в терминах *профессионально-профильной билингвальной коммуникативной компетенции* в единстве всех ее составляющих: лингвистической, коммуникативно-прагматической, социокультурной, компенсаторной, самообразовательной и информационно-коммуникационной. Однако для этого необходимо осуществить «профилизацию» [North, 2014] как общеевропейских уровней коммуникативного владения языком, причем именно в переводческих целях, так и медиативных оценочных шкал.

Если исходить из общеевропейского взгляда на переводческую компетенцию, то в ней предполагается выделять, во первых, *коммуникативную билингвальную* способность индивида осуществлять переводческую деятельность в условиях межкультурного взаимодействия людей на основе приобретенных знаний, умений и способности осуществлять текстообразующую медиацию с учетом: конкретной переводческой коммуникативной задачи, коммуникативно-функциональных, а также социокультурных факторов и типа межкультурной коммуникации, а, во-вторых, *коммуникативную способность человека выполнять функции кросс-культурного медиатора* на основе приобретенных знаний, умений и способности осуществлять социокультурную и концептуально-понятийную медиацию.

Само появление градуированных шкал для оценивания переводческих умений в комплексе с другими медиативными умениями-это, безусловно, уже шаг вперед в развитии методики обучения переводу особенно для целей профессиональной межкультурной коммуникации, хотя, как указывалось ранее, медиативную составляющую в переводческой деятельности еще предстоит тщательно исследовать на трансдисциплинарной и междисциплинарной основе. Результаты пилотирования медиативных шкал оценивания переводческих умений у магистров по образовательной программе «теория обучения иностранным языкам и межкультурная коммуникация» на факультете иностранных языков и регионоведения в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2016-2017 гг. определили степень методической ценности разработанных общеевропейских медиативных шкал и предварительно очертили диапазон их практического применения при обучении студентов непереводческой специализации переводу как инструменту профессиональной межкультурной коммуникации.

Рис.2 Таблица. Иллюстративная шкала для градуированного поуровневого оценивания умений письменного перевода

УРОВНИ	ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕСКРИПТОРЫ ДЛЯ ОЦЕНИВАНИЯ УМЕНИЙ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА
C2	Умеет переводить сложные тексты со стилистически насыщенной и маркированной письменной речью, схватывая большинство тонкостей и нюансов и постоянно контролируя соответствие конвенциональным нормам соответствующего языка.
	Умеет переводить материалы с высокой степенью терминологической сложности за пределами своей специализации при условии, что точность предмета проверяется специалистом в соответствующей области.

C1	Умеет переводить, отражая стиль, тон и тонкости оригинала в соответствии с текстовыми конвенциями, хотя наблюдается чрезмерное влияние оригинала на выбор каких-то средств выражения.
	Умеет переводить абстрактные тексты по социальной, академической и профессиональной тематике в своей области специализации, успешно передавая оценочные аспекты и аргументацию, включая передачу большинства нюансов и связанных с ними импликаций.
B2	Умеет создавать хорошо структурированные переводы, следуя соответствующим языковым нормам, но поддается чрезмерному влиянию синтаксического порядка слов, абзацев, пунктуации и конкретных формулировок оригинала.
	Умеет осуществлять переводы текстов, обращая внимание на правильность построения предложения и абзаца оригинала, точно передавая основные моменты исходного текста.
B1	Умеет переводить простые тексты, содержащие конкретные материалы и факты, представленные на несложном, стандартном языке, хотя наблюдается тенденция к буквальному переводу под влиянием структуры или формулировок исходного текста, что делает некоторые части текста плохо читаемыми.
	Умеет осуществлять приблизительный перевод и передачу информации, содержащейся в коротких, фактических текстах, написанных на понятном языке. Несмотря на переводческие ошибки, перевод остается понятным.
A2	Умеет, используя простой язык, обеспечить приблизительный перевод очень коротких текстов по знакомым и повседневным темам, которые содержат самый высокочастотный словарь. Несмотря на встречающиеся переводческие ошибки, текст перевода
A1	Умеет с помощью словаря перевести простые слова и фразы, но не всегда может выбрать подходящее значение для них.

[CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016, 2016:56]

К числу явных методических достижений общеевропейского проекта при разработке медиативных оценочных шкал относятся:

1. Признание:

- медиации как четвертого вида коммуникативной деятельности в условиях межкультурной коммуникации и как объекта, подлежащего

оцениванию в системе вербальных видов деятельности;

- переводческих умений как неотъемлемой части медиативных умений;
 - необходимости построения системы градуированного поуровневого оценивания динамики развития обучающихся как переводчиков и кросс-культурных/ плюрикультурных медиаторов.
2. Разработка методики выделения градуированных дескрипторов для оценивания переводческой деятельности на основе коммуникативного социокультурно ориентированного контент-анализа переводческой деятельности как процесса и переводческих продуктов.
 3. Разработка методологии экспертного оценивания степени методической инструментальности и практической ценности разработанных оценочных шкал.

В тоже время целый ряд вопросов требует дальнейшего осмысления, обсуждения и пилотирования, это прежде всего касается:

- методики профилизации медиативных дескрипторов для разных образовательных контекстов обучающихся;
- технологии методической адаптации дескрипторов к разным образовательным контекстам обучающихся;
- пилотирования профилизированных и адаптированных дескрипторов с целью их калибровки в схожих образовательных контекстах в разных европейских странах;
- создания фонда оценочных средств с ориентацией на откалиброванные оценочные шкалы;
- пилотирования разных типов оценочных средств на предмет их валидности и надежности в процессе внутривузовского контроля качества переводческой подготовки на разных уровнях университетского образования (бакалавриата, магистратуры, аспирантуры).

Литература

- CEFR 2001 - Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment. - Cambridge, 2001. - 260 p.
- CEFR Illustrative Descriptors CEFR 2016 - CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016. Pilot version for consultation. - Strasbourg: Language Policy Unit, 2016 -1 04 p.
- North 2014 - North B. The CEFR illustrative descriptors: past, present and future. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ealta.eu.org/conference/2014/presentations/Brian%20North%20EALTA%202014.pdf> Дата обращения: 30.07.2017.

NEW CEFR CRITERIA FOR MEASURING AND EVALUATING TRANSLATION & INTERPRETATION SKILLS IN THE FIELD OF PROFESSIONAL INTERCULTURAL COMMUNICATION

***Abstract.** This paper gives an insight into mediation as a communicative activity, discusses the new CEFR descriptors and scales for monitoring translation and interpretation skills in conjunction with other mediation skills. It also summarizes some innovative experiences with piloting the CEFR translation & interpretation descriptors in the Russian classroom when students are taught translation as a means of professional intercultural communication. And it gives special attention to several unsolved problems related to the process of developing the CEFR mediation scales.*

***Keywords:** the CEFR descriptors, mediation, mediation skills, mediation illustrative scales, translation & interpretation.*

О ТРУДНОСТЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮМОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК РАССКАЗОВ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА)

***Аннотации.** Авторы доклада рассматривают некоторые трудности, с которыми встречаются переводчики при переводе юмора. Задача исследователей состоит в том, чтобы проследить насколько возможно передать комический эффект и можно ли считать результат подобной трансформации хорошим переводом. Трудности при переводе юмора могут иметь как лингвистический, так и экстралингвистический характер.*

***Ключевые слова:** юмор, перевод, культура, трудности, переводческие трансформации*

Прежде, чем приступить к рассмотрению вопроса о переводе юмора с русского на болгарский язык и наоборот, было бы логично представить определение самого понятия «юмор». Здесь, однако, возникает затруднение, связанное с тем, что существует несколько таких определений. Так, например, если мы обратимся к толковому словарю Ушакова, то встретим следующую дефиницию:

«ЮМОР, юмора, мн. нет, муж. (англ. *humour* от лат. *humor* – влага).

1. Незлобивая насмешка, добродушный смех; проникнутое таким настроением отношение к чему-нибудь (к чьим-нибудь недостаткам, слабостям, к злоключениям и т.п.). Чувство юмора. В этом рассказе много юмора. “Юмор – слово английское... оно означает известное настроение духа, при котором человеку кажется всё в более смешном виде, чем другим.” Писемский.

2. Совокупность литературных (или вообще художественных) произведений, проникнутых таким отношением к действительности (лит., иск.). Русский юмор. Юмор и сатира. Музыкальный юмор. Юмор висельника (перевод с нем. *Galgenhumor*) (ирон.) – шутки, остроты человека, который находится в безвыходном положении, которому грозит гибель.» Толковый словарь Ушакова. [Ушаков 1935-1940] [цит. по: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1098782>] (28.04.2017)

Согласно Современному энциклопедическому словарю 2012 г., юмор – это «особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным. В отличие от “разрушительного смеха” сатиры и “смеха превосходства” (в том числе иронии), в юморе под маской смешного

таится серьезное отношение к предмету смеха и даже оправдание “чудака”, что обеспечивает юмору более целостное отражение существа явления. Личностная (субъективная) и “двулика” природа юмора объясняет его становление в эпоху Позднего Возрождения и дальнейшее освоение и осмысление в эпоху романтизма. Классические образцы юмора – у Сервантеса, Л. Стерна, Ч. Диккенса, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова.» [цит. по: <https://slovar.cc/enc/sovremenniy/1848416.html>] (28.04.2017)

В свою очередь Новый словарь иностранных слов (2012 г.) предлагает нам такую формулировку: «ЮМОР (англ. humour).

1) Добродушно-насмешливое отношение к чему-л., умение подмечать и выставлять на смех забавное и несуразное в жизненных явлениях;

2) В искусстве – изображение чего-л. в смешном виде; в отличие от сатиры ю. не обличает, а беззлобно и весело вышучивает.» [цит. по: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1434590.html>] (28.04.2017)

Итак, исходя из представленных выше дефиниций, примем за основной признак юмора «беззлобное и веселое вышучивание недостатков действительности и злоключений людей». Из этого мы и будем исходить в своей статье.

Формы существования юмора в языке весьма разнообразны и поэтому было бы чрезвычайно трудно создать стройную и максимально полную классификацию его видов и оттенков. Комический эффект достигается различными способами, к ним можно отнести юмор, иронию, основанный на созвучности слов каламбур, обыгрывание фразеологизмов и др.

Именно фразеологизмы, по мнению таких исследователей как Л.В. Молчанова (2014) и Е.Недкова (2017), являются наиболее трудными для перевода. Болгарская исследовательница приходит к выводу, что «ФЕ являются одними из наиболее труднопереводимых языковых единиц и при их переводе не существует однозначных решений» [Недкова 2017: 2]. Это утверждение тем более актуально в случае отсутствия фразеологических соответствий, когда допускается нефразеологический перевод, при помощи лексических средств или даже одного слова, хотя при этом наблюдаются потери по отношению к образности и экспрессивности [См. Влахов, Флорин 1990: 81].

Например, при переводе рассказа Александра Вампилова «Исповедь начинающего» переводчик Златко Стайков заменил ФЕ «обивать пороги» словосочетанием «да търкаш праговете»:

«А обивать пороги редакций, вы думаете, легко и весело?»

«Или може би смятате, че е много лесно и приятно да търкаш праговете на редакциите?»

[Александър Вампилов. Бели градове. «Исповедта на начеващия (Монолог)». Прев. от руски Златко Стайков, с. 54]

Смысловую эквивалентность, т.е. выражение одного и того же значения, но при помощи других языковых средств мы наблюдаем в случае с ФЕ «девичья память», которую Александр Вампилов выбрал для заглавия своего юмористического рассказа. Здесь переводчик Златко Стайков воспользовался ее болгарским аналогом – «къса памет».

Т.е. в данном случае одно и то же значение передано при помощи разных образов (*девичья – къса*).

Аналогичным образом обстоит дело и с ФЕ «возводить в степень» (придавать чему-либо более высокое значение), «семенить мелким бесом» (от: «витья мелким бесом», т.е. «*перед кем*. Всячески угождать, льстить беззастенчиво.» [Словарь многих выражений. 2014, цит. по: http://all_words.academic.ru/40029/мелким_бесом_витья/]), «рассыпаться мелким бисером» («Всячески угождать, льстить кому-л., заискивать.» [Словарь многих выражений. 2014, цит. по: http://all_words.academic.ru/80774/рассыпаться_мелким_бисером/]). Иронизируя над собой в годы молодости и над своей неразделенной любовью, главный герой использует в рамках одного предложения сразу лексему *боготворить* и три ФЕ. В данном случае Златко Стайков объединил две ФЕ – «возводить в степень» и «семенить мелким бесом» – в одну: «издигнал на пиедестал и обикалях около него като обезумял», что можно признать удачной переводческой находкой:

«Мало того, я боготворил ее,
возводил в степень, семенял вокруг
нее мелким бесом и рассыпался
перед ней мелким бисером.»

«Но това ми беше малко и аз я
боготворях, бях я издигнал на
пиедестал и обикалях около него
като обезумял, бях готов да и сваля
звездите от небето.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «Лист от албума». Прев. от руски
Златко Стайков, с. 31]

Особую трудность и, вместе с тем, шанс проявить эрудицию и переводческое мастерство, представляют собой прецедентные имена и реалии. Так, например, в рассказе «Сумочка к ребру» Златко Стайков не сопроводил даже примечанием под чертой фамилию Александра Христофоровича Бенкендорфа – русского государственного деятеля немецкого происхождения, одного из главных проводников реакционной внутренней политики Николая I, занимавшего с июля 1826 года до конца жизни должность шефа жандармов и главного начальника Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. Бенкендорф стал символом крайнего консерватизма и реакционности. Ирония здесь заключается в том, что главный герой рассказа является олицетворением вышеназванных качеств лишь в глазах несостоявшегося молодого писателя.

«Кроме того, демобилизованный
романист назвал его Бенкендорфом.»

«Освен това отбилият редовната си
военна служба романист го беше
нарекъл Бенкендорф.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «На реброто – чантичка». Прев. от
руски Златко Стайков, с. 60]

В данном случае переводчик, безусловно, сталкивается с трудностями не столько лингвистического, сколько экстралингвистического характера. Приведем еще два примера подобного рода:

«Они свернули на безлюдную аллею, от одного вида которой веяло дворянской романтикой.»	«Тръгнаха по една безлюдна алея, чийто вид навяваше дворянска романтика.»
--	---

[Александър Вампилов. Бели градове. «На пейката». Прев. от руски Златко Стайков, с. 77]

Здесь следует заметить, что такое понятие, как «дворянская романтика», может быть, вызывавшая определенные ассоциации у знакомого с русской классической литературой болгарского читателя недавнего прошлого, не известна современному болгарскому читателю (особенно большинству представителей молодого поколения) и очевидно нуждается либо в пояснительном переводе, либо в объяснении под чертой. В другом примере мы встречаем лексику «бурки»: «сапоги из тонкого войлока или фетра на кожаной подметке и с кожаной оторочкой по головке.» [Ожегов 1990: 69]. Но переводчик Златко Стайков очевидно перепутал (вопреки наличию правильно ориентирующего словосочетания «две пары» и местоимения третьего лица множественного числа «их») название вида кавказской верхней одежды – «род плаща из мохнатого овечьего или козьего войлока» [Ожегов 1990: 69] – «бурка», с названием вида обуви – «бурки». Александр Вампилов, иронизируя, представляет одного из героев рассказа модником, а в то время, когда создавался рассказ (особенно в сельской местности), было модным носить именно такого рода обувь, а не кавказскую бурку. В данном отрывке мы встречаем также реалии советского периода «колхоз» и «председатель» (колхоза), понятные представителям старшего поколения болгарских читателей, но способные затруднить читателей более молодого возраста:

«Во всем колхозе существует только две пары бурок, у председателя и у Федя. Федя это сознает и носит их с достоинством, только по праздникам и выходным дням.»	«В целия колхоз ще намерите само два ямурлука – у председателя и у Федя. Той знае това много добре и носи ямурлука си с достоинство – само по празниците и в почивните дни.»
--	---

[Александър Вампилов. Бели градове. «Преспи». Прев. от руски Златко Стайков, с. 20]

Говоря о юморе и его передаче в переводе, нельзя не обратить внимания на поэзию, хотя и представляющую в смешном виде «пробу пера» начинающих поэтов или произведения графоманов:

«Неведомый автор предлагал стихотворение, которое начиналось так:

Из подворотни выбрел пес лохматый
И вдруг завоил, словно не к добру.
Подкрадывался сумрак бородатый,
Подвязывая сумочку к ребру.»

«Незнаен автор предлагаше стихотворение, което започваше така:

Изпод вратите се измъкна рошав
пес, зловещият му вой не беше на
добро. Прокрадваше се мрак, дошъл
от тъмен лес,
и чантичката той привърза на ребро.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «На реброто – чантичка». Прев. от руски Златко Стайков, с. 60]

Надо отдать должное переводчику, сумевшему сохранить основную мысль самодельного поэта, рифму и ключевые слова – «сумочка» и «ребро», фигурирующие в названии рассказа, однако оригинальное словосочетание «сумрак бородатый», обсуждаемое далее в тексте, а также придуманный неизвестным любителем поэзии и отсутствующий в литературном русском языке глагол «завоил» были утрачены. Как нам представляется, Златко Стайков мог бы использовать следующий вариант перевода:

Изпод вратнЯта се измъкна пес космат,
зловещият му вой не беше на добро.
Прокрадваше се тихо мрак брадат
и чантичката той привърза на ребро.

При таком варианте перевода налицо как словосочетание «сумрак бородатый» («мрак брадат»), так и отступление от литературной нормы – диалектная лексема «вратнЯ» с неправильным ударением.

Иногда юмористический эффект достигается при помощи противопоставления ФЕ и выражения с противоположным значением, как, например, в следующем ироническом пассаже из рассказа Александра Вампилова «Стечение обстоятельств»:

«Ей нужно было удачно выйти замуж. Неудачно она выходила уже два раза.»

«А също и един сполучлив брак.
Несполучливи вече имаше два.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «Стечение на обстоятелствата». Прев. от руски Златко Стайков, с. 83]

В приведенном выше примере передача юмористического эффекта на болгарский язык не вызвала затруднений благодаря близости двух славянских языков. Аналогичным образом дела обстоят при передаче игры слов, основанной на иронически-контрастном противопоставлении ФЕ «представлять в белом свете» и сочетания «темное время»:

«Потом Вирусов, как умел,
заговорил о прелести майских
вечеров, причем в особенно белом
свете старался представить позднее
темное время.»

«Според възможностите си Вирусов
започна да описва прелестта на
майските вечери, като се стараеше
да представи късните тъмни часове
в най-благоприятна светлина.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «На пейката». Прев. от руски Златко Стайков, с. 79]

В рассказах Александра Вампилова можно найти немало интересных примеров игры слов и только опытный переводчик, отлично владеющий языком оригинала, обладающий тонким языковым чутьем способен точно передать этот прием. Так, например, в рассказе «Конец романа» автор замечательно обыгрывает название горы – Магнитная и свойство магнита – притягивать:

«Магнитная гора меня больше не
притягивает.»

«Магнитната планина вече не ме
притегля.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «Краят на романа». Прев. от руски Златко Стайков, с. 96]

А в рассказе «Сумочка к ребру» интерес вызывает игра слов, построенная на словосочетании «нервная система». И в этом случае перевод Златко Стайкова заслуживает самой высокой оценки:

«К концу дня его нервы находились,
кажется, вне всякой системы.»

«И в края на деня вече му се
струваше, че нервите му се намират
извън всякаква система.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «На реброто – чантичка». Прев. от руски Златко Стайков, с. 60]

Так же, как и в следующем примере:

«В других – отклонение от
грамматики мешает додуматься
до смысла написанного. Иногда
написанное вообще не имеет
никакого смысла.»

«Други толкова се разминават с
граматиката, че човек не може да се
добере до смисъла на написаното. А
понякога написаното изобщо няма
смисъл.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «На реброто – чантичка». Прев. от руски Златко Стайков, с. 58]

Надо отметить, что иногда даже имена литературных героев могут вызвать улыбку:

«Приходит мастер короткого газетного жанра Коля Гонорарьев.»

«След това идва майсторът на краткия вестникарски жанр Коля Хонорариев.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «На реброто – чантичка». Прев. от руски Златко Стайков, с. 60]

В приведенном выше примере близость языков позволила переводчику легко сохранить заключающуюся в фамилии литературного персонажа иронию: Гонорарьев – производная от гонорар. Однако, это не всегда удается сделать:

«Альберт Дрынов, живой, модно одетый юноша, полвечера провертевшись вокруг Наденьки Накидкиной и протанцевав с ней два быстрых танца, изловчился проводить ее домой.»

«Алберт Дринов, подвижен и модно облечен юноша, след като се въртя цяла вечер около Наденка Накидкина и я покани на два бързи танца, накрая се изхитри да я изпрати в къщи.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «Къса памет». Прев. от руски Златко Стайков, с. 42]

В данном случае налицо контраст между именем главного героя – Альберт (которое ассоциируется с культурным и интеллигентным человеком) и его фамилией – Дрынов (от «дрын» – «м. разг. Большая суковатая палка.» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/109787/дрын> (дата посещения сайта: 29.05.2017)]). А также: «ДРЫН, -а (или -а), м. 1. Длинная палка, дубинка или что-л. другое, обычно предназначенное для удара. *Сейчас как темно, надо с дрыном ходить.* 2. Мужской половой орган больших размеров. 3. Человек высокого роста. *Вон какой дрын вымахал.*

Из диал.; ср. уг. “дрын” — палка, ломик, металлический прут.» [Словарь русского аргю. — ГРАМОТА.РУ. В. С. Елистратов. 2002. Источник: http://russian_argo.academic.ru/3265/дрын (дата посещения сайта: 29.05.2017)]. В тексте перевода, однако, этот контраст исчез.

Как мы знаем из практики, сталкиваясь с шутками, каламбурами, иронией переводчик порой вынужден в той или иной степени жертвовать точностью, чтобы сохранить юмор. Приведем в качестве примера следующее предложение из рассказа «Стечение обстоятельств»:

«Катенька от полных поэтического смысла, но ничего не дающих слов “где мои семнадцать лет!” перешла к делу, в котором быстро преуспела и которое так заполнило ее душу и время.»

«От възклицанието “къде са моите седемнадесет години!”, което наистина е пълно с поетична сила, но в замяна на това не предлага нищо реално, Катенка премина

към практически действия, в които
бързо преуспя и които запълниха и
душата ѝ, и времето ѝ.»

[Александър Вампилов. Бели градове. «Стечение на обстоятелствата». Прев.
от руски Златко Стайков, с. 82 – 83]

В данном случае переводчик успешно передал иронию автора, однако «второй план» выражения «где мои семнадцать лет» теряется, не видна связь с творчеством и личностью В. Высоцкого, его временем.

Многоаспектность такого понятия, как юмор, требует и многоаспектности подходов к его передаче на другой язык. Сохранить иронию, игру слов, удачную авторскую шутку удастся не всегда, переводческие потери тут, увы, неизбежны. Переводчику обязательно следует учитывать то обстоятельство, что юмор, как правило, этнокультурно маркирован, что даже несмотря на близость языков, ментальность, культуры и исторические пути развития разных народов отличаются своеобразием. Но несмотря на это, художественный текст, в силу своих особенностей, как мы убедились на приведенных выше примерах, предоставляет богатые возможности для проявления творческих умений и эрудиции переводчика.

Литература

- Александър Вампилов. Бели градове. Разкази и очерци. Превел от руски Златко Стайков. «Народна култура». София, 1981.
- Александр Вампилов. «Избранное». М., Согласие, 1999.
- Влахов, Флорин, 1990: Влахов, С., С.Флорин. Непреводимото в превода. С.,1990
- Молчанова Л.В. Юмор и перевод: к проблеме адаптации юмористического текста к иноязычной культуре. Филологические науки № 4. 2014. (с. 101 – 104)
- Недкова Е. Теорията за еквивалентността на превода като теория за неговата относителност при превеждането на фразеология в художествен текст. Българска електронна лингвистична библиотека «Стефан Гърдев» >georgesg.info/belb/cat.php?personal=nedkova>12.05.2017
- Ожегов С.И., Словарь русского языка. Москва. Русский язык, 1990. 922 с.
- <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1098782> (28.04.2017)
- <https://slovar.cc/enc/sovremenniy/1848416.html> (28.04.2017)
- <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1434590.html> (28.04.2017)
- http://russian_argo.academic.ru/3265/дрын (дата посещения сайта: 29.05.2017)

Использованные сокращения

ФЕ – фразеологическая единица

Solnceva-Nakova, Ekaterina
Sofia University "St. Kliment Ohridski",
Bulgaria, solnceva@yahoo.com
Manchev, Vladimir
Sofia University "St. Kliment Ohridski",
Bulgaria, v.manchev@abv.bg

**ABOUT DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF HUMOUR: (ON
THE MATERIAL OF THE TRANSLATION IN BULGARIAN THE
ПАЦКАЗОВ OF ALEXANDER VAMPILOV)**

***Abstract.** The authors of the report consider some difficulties encountered by interpreters in the translation of humor. The task of researchers is to see how possible to convey the comic effect and whether the result of such a transformation can be considered a good translation. Difficulties in translating humor can have both a linguistic and extralinguistic character.*

***Keywords:** humour, translation, culture, difficulties, translation transformations*

ПЕРЕВОД СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Р. ЖЕЛЯЗНЫ «НОЧЬ В ОДИНОКОМ ОКТЯБРЕ»)

Аннотация. Работа посвящена проблеме передачи оценочных смыслов, которые важны для трансляции авторской системы ценностей. Для их выражения часто используется такой троп, как сравнение. При переводе художественного текста для упрощения восприятия сопоставляемые объекты могут трансформироваться в культурно-языковые эквиваленты, и задача переводчика – подбор коннотативно адекватного выражения. Сопоставление переводов позволяет объяснить разницу в восприятии разных переводов через лингвистическое обоснование.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, сравнительные конструкции, оценочные смыслы, художественный перевод

Зачастую художественная выразительность достигается взаимодействием средств, принадлежащих к разным уровням языка. Это в полной мере относится к фантастическим текстам. Писатели-фантасты для воздействия на читателя в своих произведениях нередко используют разнотипные средства, объединяя их в единый функциональный комплекс. Роман Р. Желязны «A Night in the Lonesome October» — удачный пример для изучения такой тактики, поскольку на лексико-семантическом уровне он наполнен аллюзиями и апелляциями разных типов, что поддерживается средствами синтаксического и морфологического уровней.

Специфичность фантастического мира Р. Желязны отмечалась в различных работах [Анисимова 2009, Фролова 2011]. В данном романе постоянно взаимодействуют такие единицы, как средства с апеллятивной функцией, сравнения и специфические номинации, высказывания с обобщающей семантикой, эмотивы и аффективы. Важную роль играет оценочная семантика всего комплекса перечисленных средств, которая транслирует читателю систему ценностей как повествователя, так и автора, и привлекает внимание читателя к определенным фрагментам текста.

В своём романе Р. Желязны причудливо смешивает существующую действительность и вымышленный фикциональный мир и соединяет персонажей разных произведений и фантастических вселенных, создавая новую реальность. Роман сочетает знакомые читателям произведения разных видов искусства (литературы и кинематографа) и разных жанров.

Материалом исследования стали русские переводы романа Р. Желязны «A Night in the Lonesome October» [Zelazny]: перевод Н. Ибрагимовой под названием «Ночь в тоскливом октябре» [Желязны 1995] и перевод А. Жикаренцева под названием «Ночь в одиноком октябре» [Желязны 2003]¹.

Прежде чем анализировать конкретные языковые средства и их функции, необходимо сделать несколько замечаний о сюжете и структуре романа.

В центре романа находится Игра — некоторое противостояние между двумя силами. Когда полнолуние совпадает с Хэллоуином, боги из другой вселенной могут проникнуть в наш мир, чтобы изменить существующий порядок. Им необходимы проводники, которые помогут им это сделать. Однако наряду с подобными помощниками существуют и те, кто старается этому помешать. Персонажи разделены на два противоборствующих лагеря, и у каждого героя-человека есть особое животное-спутник. Роман отсылает к объёмному культурному пространству (например, среди прочих персонажей в романе фигурируют Шерлок Холмс, граф Дракула, оборотень Ларри Тальбот, персонажи английского фольклора).

Роман написан в форме дневника: сюжет дан в виде последовательных наблюдений. Организация повествования от первого лица, с одной стороны, позволяет создавать иллюзию объективного рассказа о прошлом, а с другой — формирует высокую степень ориентированности текста на читателя. Важно отметить, что воспринимающим и повествующим сознанием в тексте наделён именно пёс, животное-спутник (хотя в дальнейшем по его оговоркам становится понятно, что он, скорее, демон в обличье собаки). Его комментарии относительно окружающей действительности сочетают в себе непосредственное восприятие собаки и сознательную рефлексию человеческого сознания. Перволичное повествование формирует основу для передачи субъективного восприятия событий сюжета повествователем и его реакций на происходящее. Важную роль в романе играют оценочно-эмотивные смыслы и их трансляция читателю.

Передача оценочных смыслов в романе ведётся различными средствами: при помощи непосредственного выражения оценки и с использованием выражений с обобщённой семантикой. Обобщение как средство переосмысления содержится и в таких художественных единицах, как сравнения. Рассмотрим их внимательнее.

Как известно, сравнение — это фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие общего признака, общего с первым [Ахманова 1966]. Сравнения содержат обобщающие смыслы, поскольку для того, чтобы иметь возможность выделить и правильно интерпретировать уподобление одного объекта другому, нужно обладать некоторым когнитивным фондом. Иными словами, чтобы понять, с чем сравнивается объект и на каком основании они сопоставляются, необходимо, чтобы эффективно работало ассоциативное мышление, а это происходит только тогда, когда у читателя «есть

¹ Орфография и пунктуация цитируются по указанным изданиям.

предшествующий опыт восприятия вводимого для сравнения элемента, есть определенные впечатления, а иногда даже эмоции и оценки, им вызванные» [Уржа 2014: 60]. Чтобы вызвать аналогичное впечатление у читателей, автор ориентируется на общечеловеческий опыт [Уржа 2014: 60].

Если один объект уподобляется другому при малой смысловой возможности для проведения подобного сопоставления, это формирует иронический эффект. Чем он сильнее, тем выше ироническое воздействие, поскольку читатель осознает семантическую сложность подобной логической операции — соотнесения таких разных объектов действительности. При этом подобное сравнение может и не быть смешным, оно вполне может выражать презрительную насмешку и даже саркастически окрашенное сожаление. Если сравнение такого рода не предполагается нормами морали и среднестатистическими представлениями общества о том, над чем можно смеяться, а над чем нельзя, то возникают высказывания, которые можно отнести к чёрному юмору («*Нет никакой необходимости в человеческих жертвоприношениях. Они просто как бы смазывают колеса*»), подробнее об этом в примере ниже). Такого рода высказываний в романе довольно много, что подчёркивает ироничное отношение повествователя к ситуации и автора — к тексту, а также позволяет получить больше информации о личности говорящего.

Расхождения между сравниваемыми объектами в языке оригинала и в переводах объясняются различием когнитивного фонда автора (повествователя), переводчика и читателя. Читателю (а иногда и самому переводчику) могут быть непонятны некоторые сопоставления, характерные для языковой картины мира автора текста, поэтому для упрощения восприятия объекты тропа могут быть трансформированы в культурно-языковой эквивалент. Разумеется, некоторые факты признаются очевидными или, по крайней мере, понятными для большинства людей, поэтому предполагается, что с ними связаны конкретные ассоциации и должны возникать определенные коннотации. Связь объектов претендует на универсальное значение, если предполагается, что она будет в одинаковой степени ясна большому количеству людей.

Традиционно такие лексические конструкции могут представлять затруднение для переводчиков, поскольку перевод должен, с одной стороны, адекватно передавать сходство и разницу соотносимых объектов, а с другой — быть понятным читателю. Оригинальность исходного текста и нетривиальность некоторых сравнений ориентирована, как правило, на читателей с когнитивной базой, аналогичной когнитивной базе рассказчика. Поэтому задачей переводчиков становится подбор не столько точного соответствия выражению в исходном тексте, сколько выражения, адекватного по своей коннотативной наполненности.

В целом сравнения как инструмент переосмысления реального мира помогают читателю посмотреть на действительность под другим углом зрения, оценить её с другой стороны.

Рассмотрим указанные аспекты на примерах.

Пример 1.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
«What about Lynette? This doesn't require a human sacrifice, you know. It just sort of greases the wheels. »	– А Линет? Нет никакой необходимости в человеческих жертвоприношениях. Они просто как бы смазывают колеса.	– А Линетт тут при чем? Ты же сам прекрасно знаешь, что принесение в жертву человека вовсе не так уж важно. Ну, может, что-то вроде смазки.

Данный пример демонстрирует тесную связь иронической составляющей и чёрного юмора с оценочными суждениями. В текстовом фрагменте речь идёт о том, что один из персонажей служит тёмным силам и для достижения своих целей способен принести в жертву невинного человека (и собирается так сделать). По мнению говорящего, представителя другой стороны в Игре, жертвоприношения совершенно необязательны, процесс будет идти независимо от этого, и поэтому можно обойтись без подобных этически неприемлемых действий. Высказывая своё мнение, говорящий использует сравнение с явно выраженным оттенком чёрного юмора. Смазывание колёс необходимо для того, чтобы транспорт лучше катился, а жертвоприношение способствует тому, чтобы ритуал прошёл быстрее и легче. Разница в переводах состоит в прозрачности выражения: в переводе Ибрагимовой метафора выражена эксплицитно, в то время как у Жикаренцева сравнение проводится со смазыванием вообще – как с показателем облегчения движения.

Пример 2.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
«The Game has grown more serious,» I answered. He climbed up to the ledge, then mounted the end of the casket where he hovered, looking like Pharaoh's headdress.	– Игра пошла всерьёз, – ответил я. Он взобрался на постамент, потом на торец гроба, где приподнялся в воздух и стал похож на головной убор фараонов.	– Игра становится все более и более серьезной, – ответил я. Он забрался на бортик, оттуда перебрался на гроб, где и замер, напоминая причудливый головной убор какого-нибудь фараона.

Сравнение эксплицитировано в обоих переводах с помощью конструкций «стал похож» и «напоминая». В переводе Ибрагимовой создаётся впечатление более объективного сравнения: стал иметь сходство с головными уборами фараонов,

о которых, как предполагает говорящий, читателю известно достаточно, чтобы это представить. В переводе Жикаренцева использована лексема «напомяная», которая подразумевает конкретного наблюдателя и именно его восприятие. В данном случае таким наблюдателем является говорящий, который транслирует свои ощущения читателю. Кроме того, у Жикаренцева добавляются такие компоненты, как дополнительная характеристика самого головного убора – «причудливый» (что также указывает на субъективность восприятия), и показатель неопределённости «какой-нибудь», относящийся к фараону (что указывает на то, что это может быть любой фараон, которого может представить читатель).

Пример 3.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
Tekela rode upon his shoulder, her white merging with that of the bandages, giving to his head a grotesque, lopsided appearance.	На его [викария] плече сидела Текела, ее белые перья сливались с повязкой, что придавало его голове гротескный, скособоченный вид.	На плече [викария] восседала Текила, белый цвет ее перьев настолько сливался с бинтами, что создавалось впечатление, будто у викария внезапно отросла вторая голова.

Здесь сравнение выражено с помощью косвенных формулировок «придавало вид», «создавалось впечатление». Фрагмент интересен тем, что различная интерпретация переводчиков порождает совершенно разную картину для читателей. В варианте Ибрагимовой голова викария приобретает «скособоченный вид», но в целом остаётся в пределах нормы. В переводе Жикаренцева викарий получает «вторую голову». То есть для стороннего наблюдателя (читателя) в переводе Ибрагимовой у викария одна широкая скособоченная голова, а в переводе Жикаренцева у викария две головы. И то, и другое выглядит достаточно сюрреалистично, но вариант Жикаренцева отклоняется от нормы в большей степени.

Пример 4.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
Magical rotas sometimes strike me as instructions for lunatic scavenger hunts.	Конечно, все это тонкости волшебства оставались для меня тайной за семью печатями.	Магические ритуалы порой изумляют меня ничуть не меньше, чем, допустим, предписания для облавы на сумасшедших мусорщиков.

Данный пример также содержит расхождение в средствах по переводам. Жикаренцев повторяет структуру оригинального текста, используя сравнение. В переводе используется дискурсивная единица «допустим», подчёркивающая иллюстративный характер сравнения. При этом не совсем ясно, понял ли переводчик использованную в оригинале внеязыковую реалию. «Scavenger hunt», дословно «Охота на мусор» – это известная американская игра, в которой участники должны за определенное время собрать предметы из заранее составленного списка. Говоря о странных правилах, главный герой романа подразумевает именно неунифицированность таких списков для игры и разнородность указанных в них предметов или задач. Напротив, в переводе Ибрагимовой сравнение отсутствует, его заменяет номинация «тайна за семью печатями». Общая идея полной непонятности магических ритуалов для говорящего сохраняется, но передаётся через хорошо знакомый русским читателям оборот.

В целом грубых искажений первоначального замысла в переводах не наблюдается, однако различия в переводах существенны и связаны в основном с интерпретацией позиции повествователя и его коммуникативного намерения при общении с читателем. Они появляются при передаче компонентов модусных смыслов: степени уверенности, конкретности мышления персонажа, экспрессивности речи, генерализации фрагментов действительности и др.

Более точным, аккуратным и близким к оригиналу по стилистико-семантическими показателям и формальным соответствиям является перевод Н. Ибрагимовой. Перевод А. Жикаренцева отличается экспрессивностью, стремлением сделать персонажей более индивидуализированными, выразительными, а роман — более воздействующим на читателя. В его переводе чаще встречаются отступления от первоначального текста ради выразительности.

Сопоставительный анализ сравнительных конструкций позволяет выявить семантические приращения и сокращения, которые допускает переводчик. Учёт ценностной семантики данных средств помогает проанализировать их применение с лингвистической точки зрения, охарактеризовать уникальную манеру автора и переводческую стратегию в каждом из русских переводов и оценить влияние варианта перевода на восприятие текста у читателя. Кроме того, это способствует детальному рассмотрению разницы между ценностными системами языка-оригинала и языка-перевода.

Литература

- Анисимова О. В. «Вернись к месту убийства, Алиса, любовь моя» Роджера Желязны и «Алиса в стране чудес», «Алиса в зазеркалье» Льюиса Кэрролла (К вопросу об интертекстуальности). Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. № 110. С. 169–172.

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва, Издательство «Советская энциклопедия», 1966. 608 с.
- Желязны Р. Ночь в одиноком октябре. Желязны Р. Двери в песке. Москва, Эксмо, 2003. С. 5–208.
- Желязны Р. Ночь в тоскливом октябре. Желязны Р. Ночь в тоскливом октябре. Москва, Яуза, 1995. С. 5–184.
- Уржа А. В Перцептивизация как элемент переводческой тактики. Гуманитарный вектор, 2014. № 4 (40). С. 57–62.
- Фролова О. А. Жанровое своеобразие романа Р. Желязны «Остров мертвых». Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 13. С. 370–371.
- Zelazny R. A Night in the Lonesome October. <http://www.e-reading.club/book.php?book=73779> (дата обращения 28.09.2016).

Filatova, Ganna

*Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
gphilatova@gmail.com*

THE TRANSLATION OF THE COMPARISONS AS A WAY TO DELIVER THE ESTIMATIVE MEANINGS (CASE STUDY THE NOVEL BY R. ZELAZNY «A NIGHT IN THE LONESOME OCTOBER»)

***Abstract.** This article is concerned with the problem of delivering estimative meanings that provide readers with a specific system of values the author wanted them to gain. For realizing the estimative meanings the author uses such means as comparisons. In translations they may turn into cultural language equivalents so the translator should find the most relevant ones. The research is focused on cases of using such means and their realizations in translations.*

***Keywords:** comparative analysis, comparisons, estimative meanings, literary translation*

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В УЧЕБНОМ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье представлены некоторые особенности проявления интерференции на синтаксическом уровне, характерные для изучающих русский язык как иностранный. Выявляются типические ошибки в учебном переводе и даются закономерные переводческие трансформации, к которым следовало бы обращаться для соблюдения речевой нормы переводящего языка.

Ключевые слова: Интерференция, норма языка и речи, закономерные трансформации.

В своей статье, вышедшей в 1963 г., Розенцвейг и Уман дали следующее определение термину лингвистическая интерференция: «нарушение билингом правил соотношения языков контактирующих, которые проявляются в его речи и в отклонении от норм» [Розенцвейг, Уман 1963: 105]. Термин «интерференция» в трудах лингвистов также толкуется и как общие языковые явления, возникающие в результате контактов. В том же смысле некоторые лингвисты (например, Джоузеф Гринберг) употребляют другой термин из области физики - диффузия.

В современном языкознании различают прямую интерференцию – влияние родного для билингва языка на язык изучаемый, и обратную интерференцию – влияние чужого языка на родной язык билингва. Объем, виды и динамика интерференции обусловлены внутренними и внешними факторами речевого развития.

В лингвистических исследованиях, посвященных этой теме, различаются следующие виды интерференции:

- А) по происхождению – внешняя и внутренняя;
- Б) по характеру переноса – прямая и обратная;
- В) по характеру проявления – явная и скрытая;
- Г) по лингвистической природе – фонетическая, лексическая, грамматическая.

Как видно, в теории перевода интерференция обозначена довольно четко. Все-таки постоянный интерес представляют сопоставления в конкретной паре языков, где намечаются асимметрические отношения, которые обязательно следует учитывать в процессе перевода.

Мы остановили свое внимание на интерференции, отражающейся на уровне словосочетания и предложения, т.е. на синтаксической интерференции, которая является по своей сути лексико-грамматической.

Наблюдения над студенческими переводами отрывков из романа «Проклятая русская литература» Ольги Михайловой на болгарский язык (далее – БЯ) позволили нам выявить типические ошибки, имеющие свое основание в обратной интерференции.

Выбранный нами отрывок из самого начала романа, с.4-6.

Далее следуют примеры:

1. «Верейский и Голембиовский откликались **тем охотней, что** знали беду Ригера.» – Верейски и Голембиовски **откликваха с охота**, защото **знаеха бедата** на Ригер. Копирование синтаксической конструкции ведет к неучитыванию формы сравнительной степени. **Вариант редакции:** Верейски и Голембиовски се отзоваваха *с още по-голямо желание, защото знаеха за нещастieto на* (за бедата, сполетяла) Ригер.
2. «**Тут, однако**, их неторопливую беседу **внезапно прервал** звонок телефона.» – Но **тук изведнъж** спокойната им беседа **се прекъсна** от **внезапно** телефонно обаждане. Место наречия, как известно, рядом с глагольной формой, и его перераспределение за рамки глагольного словосочетания ведет к ошибке в переводе. Следует уделить внимание и русскому обстоятельному наречию **тут**, которое употреблено в значении времени, а не места. **Редакция:** Но *в този момент* спокойната им беседа *неочаквано бе прекъсната* от телефонно обаждане.
3. «Вам просили передать, что **умерла ваша бабушка.**» – Помолиха да ви предам, че е **умряла вашата баба.** Очень частая ошибка при переводе с русского (далее – РЯ) на БЯ – употребление полной формы притяжательного местоимения, что в разговорной речи создает иронический оттенок, но в случае он неуместен, как и выбор глагола разговорного уровня **умрял**, который грубо нарушает стилистический регистр высказывания оригинала. **Редакция:** Помолиха да Ви предам, че *баба Ви е починала.*
4. «Чуть придя в себя, сообразил, что нужно ехать на Ворошиловский, к ней на квартиру.» – **Едва дошъл на себе си** съобрази, че трябва да пътува **във** Ворошиловския район, **към нейния апартамент.** Перед нами откровенное копирование синтаксической конструкции и связей в ней, вследствие чего нарушена норма БЯ. **Редакция:** *Щом дойде на себе си/ се съвзе, съобрази, че трябва да пътува към комплекс Ворошилов, където беше апартаментът ѝ.*

Ту же самую причину нарушения языковой нормы наблюдаем в примерах:

5. «Сейчас он **подошёл к шкафу** и открыл его.» – **Сега** той се **приблужи към шкафа** и го отвори. **Вариант перевода:** Той *отиде до шкафа* и го отвори.
6. « (...) но он, оглушенный, **покачал головой, схватил** пальто, быстро сбежал по лестнице и поймал такси у входа в главный корпус

университета.» – (...) но той не чуваше, **кимна с глава, взе** палтото си, бързо изтича по стълбите и хвана такси **до входа на главния корпус на университета**. Скопление однотипных предлогов можно избежать заменяя части речи в рамках предложения, *напр.:* но той не чуваше, *поклати глава, грабна* палтото си, бързо изтича по стълбите и хвана такси *пред входа на главния университетски корпус*.

Следующие примеры намечают необходимость в восполнении эллиптических конструкций при переводе:

7. «Да, тут были фотоальбомы и **пачки писем**. Но **заглядывать туда?** Что ему до них?» – Да, тук бяха албумите и **пачките с писма**. Но **да ги разглежда? Трябваше ли да го интересуват?** В первом предложении замечаем нарушение нормы сочетаемости слова *пачка* в болгарском: пачка пари, но купче/купчина писма. *Вариант перевода:* *Там лежаха албуми със снимки и купчини писма*. ИмPLICИТНУЮ модальность исходной конструкции во втором предложении можно передать при помощи смыслового развития, *напр.:* *Но дали да ги погледне/рови в тях?* При переводе третьего предложения, однако, намечается необходимость в целостном преобразовании устойчивого словосочетания со значением наречия. Лучше прибегнуть к замене вопросительной конструкции отрицательной, *напр.:* *Не беше негова работа да ги четете*. По нашим наблюдениям, вопросительные конструкции очень часто поддаются интерференции.

Свободный порядок слов в РЯ часто создает затруднения в понимании, например:

8. «Это **не казалось мерзостью**, ибо это были уже не чужие, а мертвые письма, **но – бессмыслицей**.» – **Не е ли това мерзост**, понеже не бяха вече чужди, а мъртви писма – **безсмислица**. Ошибка проистекает из-за непонимания, порожденного дистантностью главного члена предложения – в случае составного сказуемого «не казалось мерзостью, но – бессмыслицей». *Вариант:* *Да ги погледне не би било низост, понеже не бяха вече чужди, а мъртви писма, но все пак му се струваше безсмислено*.

При сопоставлении русского и болгарского языков интерес представляет и перевод неопределенных местоимений, например:

9. «**Какие-то** женщины-соседки требовали указать, где лежит **какое-то** белье, **кто-то** спрашивал о поминках, **кто-то** выражал соболезнования.» – **Някакви** жени съседки искаха да покажат къде е оставено **някакво** бельо, **някои** питаха за помена, **други** изказваха съболезнования. Во избежание тавтологии следовало бы подобрать узуально соответствующие местоимения в БЯ. В случае необходимо выразить чередование незнакомых говорящему лиц, и возможен следующий вариант: *Някакви*

съседки искаха да им покаже къде е бельото, други питаха за помена, трети изказваха съболезнования. Что касается авторского повтора жени-съседки, он является избыточным признаком рода для болгарского языкового сознания.

Следуют примеры на замену типа связи в сложном предложении:

10. «Верейский побледнел. (...) У него, **лишившегося в детстве родителей**, никого больше не было.» – **Той, загубил родителите си като дете**, нямаше никого другото. **Редакция:** Той *беше загубил родителите си като дете* и нямаше никого другото. Замена действительного причастия прошедшего времени спрягаемой глагольной формой и бессоюзной связи союзной.
11. «Он был дурного мнения о времени, когда **его угораздило** появиться на свет, был пессимистом и в отношении нынешней литературы, полагая, что рукописи современных писателей не только не горят, но и не тонут.» – **Той имаше лошо мнение за времето, когато му се е наложило да се появи на бял свят**, беше песимист и по отношение на днешната литература, **като мислеше, че** ръкописите на съвременните писатели **не само, че не горят, но** и не потъват.” **Вариант:** Той смяташе, че се е появил на белия свят *в лоши времена*. А по отношение на днешната литература песимистично вярваше, че ръкописите *не само не горят, но и не потъват*. Для более точной передачи смысла исходного текста, мы расчленили сложную конструкцию на два отдельных предложения и сохранили имплицитную цитату Булгакова.

Приведенные выше примеры описывают некоторые частотные виды синтаксического буквализма, характерного для учебного перевода с РЯ на БЯ. Многочисленные примеры на калькирование синтаксических конструкций свидетельствуют о том, что студенты не используют переводческих трансформаций. Как отмечает Ив.Васева, почти в каждом переводе можно найти следы интерференции и буквализма [Васева 1987: 49].

Теперь остановим свое внимание на переводах, выполненных студентами с родного БЯ на РЯ, двух отрывков из романа Павла Вежинова «Ночью на белых конях» и сравним их с профессиональным переводом Л.Лихачевой (в комментариях далее – Л.Л.).

«Вилата им беше в подножието на Витоша, не много голяма, **но удобно мебелирана**. Имаше водопровод със собствен каптаж, баня и няколко много хубави картини от Данаил Дечев, **неизвестни за специалисти**. Но **колкото повече старееше**, академикът по-рядко ходеше там. **Сред буйната зеленина, сред жужукането на пчелите, сред непрекъснатото чирикане на птиците той се чувствуваше** **неспокоен и тъжен, не можеше да се съсредоточи**, работата не му спореше.» [Вежинов 2014: 24].

«Дача находилась у подножия Витоши, не очень большая, **но удобно обставленная** (копирование словосочетания, у Л.Л.: **но с удобной мебелью**). В ней был водопровод с самостоятельным водозабором, **ванна** (ошибка из-за внутриязыковой омонимии, у Л.Л.: **ванная**) и несколько очень хороших картин Данаила Дечева, **которые были неизвестны среди специалистов** (замена причастия подчинительной конструкцией, что усложняет предложение, у Л.Л.: **неизвестных специалистам**). Но **с каждым годом** (синонимическое словосочетание, у Л.Л.: **с возрастом**) академик бывал там все реже. Среди **буйной зелени, пчелиного жужжания и птичьего щебета он чувствовал беспокойство и грусть, никак не мог сосредоточиться и работать** (копирование конструкции и опущения, у Л.Л.: **Буйная зелень, жужжание пчел, непрерывный щебет птиц нагоняли на него грусть и беспокойство, мешали работать – полная синтаксическая трансформация с опущением**).» [Вежинов 1978: 31]

«**Много внимательно следеше събитията**, готова да офейка при всяка по-сериозна заплаха. И наистина при Карибската криза под разни хитри и деликатни предлози тя замъкна мъжа си чак в Нареченските бани. И, разбира се, отегчи се безкрайно там, докосваше се до всяка вещ едва ли не с отвращение, а **на баните изобщо не отиде, въпреки че ги бе използвала за предлог**.» [Вежинов 2014: 24]

«**Очень внимательно она следила за событиями** (у Л.Л.: **Наталья с большим вниманием следила за международными событиями – трансформация и добавления**), готовая бежать при первой более или менее серьезной угрозе. И действительно, во время Карибского кризиса она под разными хитрыми и деликатными (у Л.Л.: **тонкими**) предложениями увезла мужа **на Нареченские воды** (у Л.Л. *уточняющее добавление: в глубь Родоп*). И естественно, страшно там скучала, чуть ли не с отвращением прикасалась ко всем вещам, а **купаться так и не пошла** (у Л.Л.: **ванны вообще не стала принимать**), хотя именно они и **были выдвинуты в качестве главного предлога** (у Л.Л.: **послужили ей главным предлогом**).» [Вежинов 1978: 32]

Несомненно, перевод носителя языка намного лучше студенческого. И здесь дело не только в хорошем знании иностранного языка, его грамматических и лексических особенностей. Этот феномен удачно объяснил еще в 1979 г. В.Г. Гак: «Над обычной грамматикой, описывающей структуру и норму языка, как бы надстраивается грамматика второго рода, показывающая, какие из возможных форм выражения предпочитает использовать человек, говорящий аутентично на данном языке» [Гак 1979: 7].

Итак, опираясь на эти наблюдения, можем обобщить, что под воздействием текста оригинала студенты допускают ошибки в употреблении языковых форм, которые являются следствием прямой или косвенной интерференции.

При редакции текста прибегаем к закономерным переводческим трансформациям, которые приводят к следующим варьированиям на синтаксическом уровне:

- членение сложного предложения;
- целостное преобразование фразеологических единиц;
- варьирование типа связи в предложении – замена подчинительной связи сочинительной или наоборот; бессоюзную связь заменяем союзной или наоборот;
- типические для русского языка эллиптические предложения (в них наличествует подлежащее и второстепенный член – обстоятельство или дополнение), которые в БЯ употребляются редко и только в экспрессивной речи, восполняются спрягаемой формой глагола;
- замена предлогов в соответствии с узусом; избежание предложной тавтологии при помощи замены частей речи;
- замена отношений прямого объекта отношениями косвенного и т.п.

Все перечисленные трансформации происходят с учетом асимметрических отношений в паре БЯ/РЯ на уровне порядка слов. Анализ сделан в сопоставительном ключе и в рамках частной теории перевода.

Как отмечает Кашкин, в ситуации языкового и культурного контраста (к которой относим перевод, так как он является собой видом межкультурного посредничества), «противостояние плана выражения и плана содержания переходит в более широкую сферу и выступает как противостояние смыслового континуума и набора формальных средств различных языков» [Кашкин 2009: 33].

Конечно, при любом переводе – учебном или профессиональном – доминантой является смысл, так что ведущий принцип – соблюдать семантико-синтаксическую зависимость в сочетаемости слов при подборе эквивалентных соответствий на языке перевода.

К сожалению, камнем преткновения является как незнание чужого языка, так и недостаточная степень владения родным.

Литература

- Васева 1987 – Васева Ив. Хипнозата на оригинала// Езикови проблеми на превода (руски език). Съставител Иванка Васева. С., 1987. С.35-50.
- Вежинов 2014 – Вежинов П. Нощем с белите коне. Изд. „Ентусиаст“, 2014.
- Вежинов 1978 – Вежинов П. Ночью на белых конях. Роман. Перевод Л. Лихачевой. Изд. „Художественная литература“, М., 1978.
- Гак 1979 – Гак В.Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1979. № 3. С.3-11.

- Кашкин 2009 – Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия. // Теоретические проблемы современного языкознания. Сборник в честь проф. З.Д.Поповой. Воронеж, 2009. С.32-37.
- Михайлова – Михайлова О. Проклятая русская литература.// <http://iknigi.net/avtor-olga-mihaylova/103563-proklyataya-russkaya-literatura-olga-mihaylova/read/page-12.html> (дата обращения: 20.05.2017)
- Розенцвейг, Уман 1963 – Розенцвейг В.Ю., Уман Л.М. Интерференция и грамматическая категория // Исследования по структурной типологии. – М., 1963. С.104-118.

Hristova, Nataliya
 University of Plovdiv
 Paisii Hilendarski, Bulgaria
 nataly.hristova@gmail.com

INTERFERENCE AT THE SYNTACTIC LEVEL IN THE TRAINING TRANSLATION OF FICTION

Abstract. *This paper presents certain features manifestations of interference at the syntactic level, characteristic for foreign language students. We identify typical errors in the training translation and we show natural translation transformations that allow observance of the speech norm of the translating language (respectively Russian or Bulgarian).*

Keywords: *Interference, norm of language and speech, transformations.*

Чекалов Кирилл Александрович
Доктор филологических наук,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской Академии наук – Российская Академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

«МАССОВЫЙ ПЕРЕВОД» И ИНТЕРТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ВЕРСИИ РОМАНА ГАСТОНА ЛЕРУ «РУЛЬТАБИЙЛЬ У ЦАРЯ»)

***Аннотация.** В статье рассматривается анонимный русский перевод романа известного представителя французской беллетристики Гастона Леру «Рутьабийль у царя» (1913). Анализируются трансформации названий глав, купюры и замены, продиктованные стремлением приспособить книгу к запросам отечественного читателя и одновременно уточнить представленный в ней образ России середины 1900-х годов.*

***Ключевые слова:** перевод, трансформация, замена, купюра, интертекстуальность.*

Переводная массовая литература традиционно является Золушкой отечественной филологии и слабо изучена как литературоведами, так и традуктологами. По словам И.С. Алексеевой, «исследователи часто обходят тексты такого рода стороной, очевидно, полагая, что это просто «плохо» написанные художественные произведения, не достойные серьезного внимания» [Алексеева 2008:140]. Ситуация начала улучшаться лишь в последние годы. Так, в диссертации (и написанной на её основе монографии) И.А. Матвееенко используется понятие «массовый перевод», который связан с применением «заниженных критериев к передаче иноязычного сочинения» [Матвееенко 2010:187], и анализируются характерные для этого типа перевода приемы. И всё же принципиально положение дел не изменилось.

Между тем переводная беллетристика, и в том числе французский популярный роман, давно уже стала неотъемлемой составляющей русского чтения и в значительной мере повлияла на формирование отечественной прозы XIX – начала XX века, так что потребность в научном описании соответствующих переводческих стратегий, несомненно, велика.

В этой статье мы обратимся к прозе Гастона Леру (1868-1927), которого можно считать своего рода классиком французской массовой литературы «прекрасной эпохи» и который продлил жизнь, казалось бы, готовому кануть в Лету «на рубеже двух столетий» жанру романа-фельетона. В отличие от многих подвизавшихся на ниве массовой литературы писателей Леру создавал, наряду с проходными романами, довольно изощренные в литературном

отношении тексты, перевод которых является отнюдь не простой задачей. Для полноценного восприятия читателем некоторых особенностей его сочинений требуется, как выражаются переводоведы, «прагматическая адаптация» [Масленникова 2014:131]. Однако подобного рода процедура производилась (стараниями Г. Соловьевой) лишь в отношении романа «Призрак Оперы» – и то не в полном объеме.

Главной сложностью для переводчика становится ярко выраженный интертекстуальный уклон прозы Леру. Выявление некоторых из использованных Гастоном Леру предтекстов оказывается делом далеко не простым: здесь в полной мере применим постулат А.Д. Васильева: «для верной оценки роли интертекстуальности и прецедентных феноменов <...> читателю требуется наличие не только общекультурной компетенции (или, выражаясь уже, начитанности), но и пристального внимания к тексту» [Васильев 2015:30]. Между тем такого рода требованиям не всегда соответствуют не только рядовые читатели, но и переводчики его произведений.

В нашем очерке будет рассмотрен перевод романа Гастона Леру «Рультабийль у царя» (1913)¹. Этот роман (третья часть большого цикла «Приключения Рультабийля») публикуется во Франции гораздо реже, чем «Тайна Желтой комнаты» (1907), «Аромат дамы в черном» (1908) и «Призрак Оперы» (1910), хотя в свое время книга имела немалый успех и воспринималась как логическое развитие сложившейся во французской беллетристике традиции живописания русской жизни – традиции, восходящей к «Генералу Дуракину» С. де Сегюр и «Михаилу Строгову» Жюль Верна. Анонимный русский перевод «Рультабийля у царя», включенный в опубликованный издательством «Терра» трехтомник избранных сочинений писателя², был впервые опубликован петроградским журналом «Аргус» в 1917 году (№№ 6-12).

Кратко изложим сюжет романа. Инициатором приезда молодого журналиста и сыщика-любителя Жозефа Рультабийля в город на Неве становится русский монарх. В самом начале романа главный герой предстает перед Николаем II; ему поручается расследовать заговор «нигилистов» против генерала Фёдора Фёдоровича Требасова (прототип – московский генерал-губернатор, адмирал Ф. В. Дубасов, с именем которого обычно связывается подавление московского восстания 1905 года). Рультабийлю приходится расследовать драматические события, связанные с дачей Требасова на Крестовском острове (здесь и спрятанная в букете цветов бомба; и присланный Требасову и его супруге отравленный мышьяком виноград; и, наконец, устроенный переодетыми во врачей революционерами мощный взрыв). Рультабийль неизбежно втягивается в противостояние Системы и Оппозиции, всерьез рискует жизнью и в конечном

¹ Оригинал цитируется по изданию: Leroux G. Rouletabille chez le tsar // Leroux G. Les aventures extraordinaires de Rouletabille, reporter. Vol. I. P., 1988. P. 389-593.

² Леру Г. Рультабийль у бывшего царя / Г. Леру // Сочинения: В 3 т. – М., 1997. – Т. 3. – С. 7–134.

счете оказывается на грани смерти от рук «нигилистов». Хотя революционный комитет приговаривает нашего героя к смертной казни, но в критический момент ему удается ускользнуть.

Леру четырежды посещал Россию (главным образом Санкт-Петербург) – в 1896, 1902, 1904 и 1905 годах, причем самым длительным было последнее путешествие – оно заняло почти год. Таким образом, русская тема была ему знакома не понаслышке. В «Рультабийле у царя» важна имагологическая составляющая, стремление представить – наряду с детективно-приключенческой интригой – достаточно верную картину царской России середины 1900-х годов.

Обратимся прежде всего к переводу названий глав (все без исключения главы сохранены в русском издании, хотя некоторые из них подверглись значительным сокращениям).

Перевод оглавления

№	Французское название	Перевод
1	Gaieté et dynamite	Танец на вулкане
2	Natacha	Наташа
3	Veille	Ночью
4	«Elle est morte la jeunesse de Moscou !»	«Цвет всех юношей Москвы погиб, погиб!»
5	Sur l'ordre de Rouletabille, le général se promène en liberté	По приказу Рультабия генерал гуляет на свободе
6	La main mystérieuse	Таинственная рука
7	Arsénate de soude	Bouillie bordelaise
8	La petite chapelle des «gardavois»	Тоуман
9	Annouchka	Аннушка
10	Drame dans la nuit	Драма среди ночи
11	Le poison continue	Снова яд
12	Le Père Alexis	Алексей
13	Les Bombes vivantes	Живые бомбы
14	Les Marécages	После взрыва
15	«Je vous attendais!»	«Я вас ждал!»
16	Devant le tribunal révolutionnaire	Перед революционным трибуналом
17	La dernière cravate	Продолжение
18	Une singulière expérience	Нашел!
19	Le Tsar	Царь

Из таблицы видно, что переводчик то сохраняет буквальный перевод названий (№ 1, 4-6, 9-11, 13, 15, 16, 19), то предлагает синонимичные замены (так, вместо довольно корявого оригинального названия первой главы «Веселье и динамит» он вводит аналогичный по смыслу фразеологизм «Танец на вулкане»), то, наконец, производит радикальную трансформацию оригинала (№ 7, 8, 14, 17, 18). В случае с № 5 перед нами не просто буквальный, но буквалистский перевод (имеется в виду «гуляет без охраны» – по распоряжению получившего в Петербурге большие полномочия Рультабийля генерал получает возможность передвигаться в одиночку).

В № 4 Леру использовал название своего очерка, опубликованного на страницах «Матен» 8 января 1906 года в составе цикла под общим названием «Кровавая неделя»; много позднее очерк был включен в сборник публицистики Леру «Агония белой России». В русском переводе сборника название книги скорректировано – «Агония царской России», а очерк именуется очень сухо: «Трагическая гибель московской молодежи»³. В этом смысле переводчик романа, сохраняя экспрессию оригинального названия с присущей ему «позиционной эмфазой» [Григорьева 2009:164], гораздо более точен.

Знаменательно отсутствие слова «отец» в переводе названия главы 12; из текста романа также устранены упоминания о принадлежности этого персонажа к духовенству. На наш взгляд, подобная стратегия может свидетельствовать о том, что перевод романа был выполнен в период активной борьбы с «поповщиной» (то же самое относится к переводу книги «Агония белой России», из которой последовательно исключены религиозные мотивы и аллюзии).

Интересен случай с седьмой главой: одно французское название «Arsénate de soude» заменяется на другое. Речь идет об арсените натрия, пестициде, могущем представлять опасность для человека. При этом «bouillie bordelaise» фигурирует в оригинальном тексте в качестве синонима «arsénate de soude», так что формальные основания для замены присутствуют. Между тем с химической точки зрения арсенит натрия – вовсе не то же самое, что используемая для защиты виноградников «бордоская жидкость», которая представляет собой раствор медного купороса в известковом молоке. И это уже ошибка не переводчика, а автора романа.

В названии следующей главы фигурирует «часовенка городских» – имеется в виду часовня в здании казармы, где Рультабийль встречается с начальником полиции Куприяном (в переводе Куприянов) и выслушивает рассказ предателя-агента по прозвищу Туман. Понятно стремление переводчика заменить оригинальное название, коль скоро сам этот локус оказывается устранен из текста; но не совсем понятно, почему киевлянин Туман («Тоумане») в русской версии приобрел англизированное прозвище Тоуман.

³ Леру Г. Трагическая гибель московской молодежи// Агония царской России. Пер. И.М. Ковтунова и О.Д. Каневской. Харьков, 1928. С. 115-123.

Однако наиболее существенные замены произведены переводчиком в названиях глав 14 и 17. Что касается названия «Les Magécages», то здесь имеются в виду Лахтинские болота, которые играют существенную роль в романе. Лахта, популярный в начале XX века дачный район к северо-западу от Петербурга, с 1963 года вошел в черту города; болота, прилегавшие к Финскому заливу, ныне сохранились лишь частично. Водная стихия предстает в романе не только в живописном, но и в грозном своем обличье; болота предоставляют героям французского писателя – революционерам-«бомбистам» – возможность для неожиданных, быстрых перемещений и исчезновений. Достаточно детально описывая здешнюю природу (вообще-то пейзажные зарисовки встречаются в произведениях Леру крайне редко), писатель приводит также весьма впечатляющую, почти сюрреальную картину встречи Рультабийля с «дикарями» (в русском переводе она отсутствует):

«Из глубины болот надвигались неисчислимые стада животных. Целые эскадры копытных, грозно выставивших свои рога подобно штыкам, толкали друг друга, чтобы поскорее выбраться на твердую землю. Многие животные передвигались вплавь; на спинах некоторых из них сидели обнаженные мужчины с распущенными до плеч – а то и плывшими по воде, подобно гриве, – волосами. Мужчины испускали воинственные крики и потрясали дубинами. При виде этого вторжения варваров Рультабийль застыл как вкопанный. Мог ли он представить себе, что всего в нескольких верстах от Невского окажется свидетелем подобного зрелища? У дикарей не было даже ремней. Откуда они взялись со своими стадами? Из какого уголка земли, из какой эпохи возникли они? <...> Оглушительный гром катился по болотам. Тысяча крупов колыхалась, будто океан с приближением бури. Обнаженные мужчины спрыгнули на дорогу, подняли дубины и испустили гортанные крики, которые животными были прекрасно поняты. Стада выбрались из трясины и устремились к городу <...> То было жуткое и одновременно величественное зрелище».

Известно, что жители здешних поселков в былые времена действительно гоняли скот пастись на болота, но под пером Леру вся эта картина становится грозным символом «вторжения варваров». Возможно, это аллегория пресловутой «желтой опасности» или попросту неспособности писателя до конца понять Россию – эдаких «грядущих гуннов», если прибегнуть к названию написанного незадолго до описываемых Леру событий стихотворения Валерия Брюсова. Не случайно в романе «Странный брак Рультабийля» наш герой заявляет: «славянская душа до сих пор остается для меня загадкой»⁴. Так или иначе, устранение из перевода процитированного нами фрагмента и переименование главы выглядят как серьезное искажение авторского замысла.

Наконец, заменив «Галстук висельника» на совершенно безликое «Продолжение», переводчик устранил очень важную страноведческую деталь

⁴ Les étranges noces de Rouletabille // Leroux G. Les aventures extraordinaires de Rouletabille, reporter. Vol. I. P., 1988. P. 845.

(она затем была использована, уже в виде хорошо известной русской идиомы «стопыпинский галстук», в тексте другого романа Гастона Леру – «Темные женщины»). Замена тем более достойна сожаления, что совсем скоро, в 1913 году, название «Галстук висельника» с незначительными изменениями («Пеньковский галстук», «*La cravate de chanvre*») было использовано Пьером Сувестром и Марселем Алленом в названии предпоследнего тома «Фантомасианы», действие которого разворачивается в России. Авторы этого «романа-реки», несомненно, читали «Рультабийля у царя» (как и другие произведения Леру).

С другой стороны, заметно стремление переводчика исправить представленную в романе картину русской действительности, уточнить и расширить «объем когнитивной информации» [Алексеева 2008: 67].

Это стремление просматривается на разных уровнях.

- 1) На уровне антропонимики. Фамилии персонажей приобретают более удобоваримый для русского читателя вид. Скажем, граф Кальцов превращается в генерала Карцева, Фаддей Чишников превращается в Шишкина, начальник полиции Куприян – в Куприянова, генеральша Матрена Петровна Требасова становится Еленой Петровной. Однако не всё так просто: «Чишников» – явно искаженное «Чичиков» (из публицистики Леру следует, что поэма Гоголя была ему известна). Что же касается «Матрены», то русский переводчик явно счел это имя неподходящим для генеральши и трансформировал его в «Елену». Между тем отечественному читателю знакома аналогичная история с заменой реального имени дочери Кочубея – Матрена на Марию в поэме А.С. Пушкина «Полтава»; правда, Д.С. Лихачев полагал, что пушкинская замена отнюдь не связана с «простонародным звучанием» имени [Лихачев 2006:385]
- 2) На уровне зоонимики. Русский переводчик превращает котика, которого Гастон Леру именует «Миленький» (*Milinki*), в «белую ангорскую кошку Милку». Замена выглядит вполне естественной, ведь в русском языке именно «женский» вариант «кошка» является немаркированным (как и в случае с «лисой» и «собакой») – в отличие от французского языка. И всё же Гастон Леру подобную переводческую установку вряд ли одобрил бы. Ведь ему очень нравилось само это русское слово – «миленький», так что писатель даже собственного сына Андре (он родился 31 июля 1904 года в Санкт-Петербурге) предпочитал именовать «Мики» (своеобразное сокращение от «миленький»), а потом назвал прилегавший к своей вилле в Ницце тупик – «проспект Миленького». Вилла давно разрушена, Мики//Миленький умер в 1970 году, а импровизированный топоним приобрел официальный статус и сохранился до наших дней. Ясно, что в том эпизоде романа, где Рультабийль самозабвенно возится с котиком, посвященный читатель неизбежно улавливает аллюзию на самого Гастона Леру и его сына.

3) Переводчик устраняет «плакатные», с его точки зрения, элементы – обилие варваризмов, все эти многочисленные *zakousskis, kouliganes, schelaviecks, votka, nachan...* Подобную установку можно было бы понять, однако последовательное устранение этих и подобных им элементов деформирует универсум романа. В некоторых деталях кроется далеко не только «русский дух». Так, Рультабийль однажды именуется генеральшу «*ta bonne tata*» (то есть вместо французского «*tata*») писатель транслитерирует соответствующее русское слово) – переводчик устраняет это обращение. При этом игнорируется то обстоятельство, что Леру неоднократно развивает мотив почти что материнского восприятия Матреной Петровной Рультабийля и тем самым как бы придает новое измерение столь пронзительно звучащей в романе «Аромат дамы в черном» теме нежных взаимоотношений матери с сыном. Все соответствующие элементы в русском переводе «Рультабийля у царя» убраны.

Как известно, имеется два диаметрально противоположных подхода к переводу иноязычных текстов: доместикация и форенизация, то есть приближение текста к иноязычному реципиенту или, наоборот, стремление «подтянуть» читателя к автору [Чайковский 2016:80]. В случае же с текстом имагологического характера, где описана хорошо знакомая «автохтонному» реципиенту социокультурная реальность, ситуация усложняется: переводчику необходимо больше, чем когда-либо, учитывать особенности национальных стилей коммуникации. Так, Гастон Леру уделяет большое внимание гастрономическим подробностям, упоенно описывает петербургские рестораны (в особенности знаменитые «Кюба» и «Медведь»), и это связано не только с личностными особенностями писателя (а он был завзятым гурманом), но и со значимостью еды для французов в целом (как части «эпикурейской программы») [Гауберген 2011:406]. В русском переводе подробности эти большей частью опущены, поскольку переводчик явно рассматривает их как избыточные и чисто декоративные.

В заключение отметим, что роман «Рультабийль у царя» обладает достаточно выраженным индивидуальным стилем, что не всегда характерно для произведений массовой литературы. И в этом смысле к книге Леру неприменим тезис И.С. Алексеевой: «Источником беллетристического текста является автор, который, правда, вовсе не стремится проявить в тексте свою индивидуальность, а порождает его в рамках строгих канонов жанра, которые уже приобрели статус конвенций» [Алексеева 2008:140–141]. Использование жанрово-стилистических конвенций у Гастона Леру чаще всего носит ироничный, если не откровенно пародийный характер – например, в следующей фразе: «*Et une larme coula dans le veau aux carottes*». Русский переводчик в данном случае осуществляет вполне мотивированную коррекцию, переместив эпицентр авторской иронии в первую часть фразы: «предательская слеза упала на скатерть». Такого рода остроумных находок в тексте перевода немало,

хотя в целом нельзя не констатировать редуционистский характер русской версии «Рулетабийля у царя», в котором игнорируется интертекстуальная насыщенность оригинала.

Литература

- Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М., 2008.
- Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М., 2015.
- Гауберген М. Национальные стили коммуникации: сопоставительный анализ русской и французской лингвокультур // Конфликт в языке и коммуникации. М., 2011. С. 400-408.
- Григорьева Л.Н. Интертекстуальность и перевод // Университетское переводоведение. Вып. 10. СПб, 2009. С. 159-168.
- Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб, 2006.
- Масленникова Е.М. Художественный перевод: новое о старом. Тверь, 2014.
- Матвеев И.А. Восприятие творчества Бульвера-Литтона в России 1830-1850-х гг. Томск, 2010.
- Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитоновна Е.В. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации. М., 2016.

Chekalov, K. A.

*Institute of World Literature named
after A. M. Gorky – The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Russia
ktchekalov@mail.ru*

“POPULAR TRANSLATION” AND THE INTERTEXTUALITY (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN VERSION OF THE NOVEL BY GASTON LEROUX «ROULETABILLE CHEZ LE TSAR»)

Abstract. *The article deals with the analysis of the anonymous Russian translation of the novel «Rouletabille chez le tsar» (1913) by the famous French fiction writer Gaston Leroux. The subject of analysis is transformation of chapters names, cuts and replacements, which are necessary to adapt the book to requests of Russian readers and at the same time to clarify the image of Russia in the middle of the 1900s represented in the novel.*

Keywords: *translation, transformation, replacement, cut, intertextuality.*

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются результаты индивидуальных переводческих решений, принимаемых в процессе передачи таких культурно обусловленных элементов, как имена собственные и фразеологические единицы в пространство культуры перевода. Примеры почерпнуты из повести *Куда ж нам плыть?* Бориса Акунина и ее перевода на польский язык. Решения переводчика относительно способа передачи единиц, обладающих особой культурной ценностью, обусловлены их функцией в тексте и потенциальной реакцией читателей.

Ключевые слова: Борис Акунин, перевод, культурные ценности, имена собственные, фразеологизмы.

В исследованиях по теории и практике перевода с конца XX века до настоящего времени обнаруживается увеличивающийся интерес к культурной обусловленности языковых единиц и способам сохранения в переводе культурных ценностей. Как напоминает Р. Левицкий, занимающийся различными проявлениями чуждости в переводе, культурный аспект языковой формы становится заметным уже в самом способе номинации, а также в денотативных и коннотативных составляющих лексического значения, и, что самое главное, ни в коем случае нельзя относиться к нему как к периферийному, дополнительному или даже окказиональному [Lewicki 2009: 96].

Кроме того, в процессе межкультурной передачи необходимо особо учитывать функцию единицы в тексте и обращать внимание на узкий и широкий контекст ее употребления как в языке оригинала, так и перевода, поскольку это может иногда сильно повлиять на семантику, а в результате на подбор языковых средств в переводе.

Иллюстративный материал был почерпнут из текста Б. Акунина *Куда ж нам плыть?* из сборника *Планета вода* и в ходе анализа сравнивался с соответствиями, предложенными Александрой Окуневской-Стронкой в польском переводческом варианте *Dokąd płyniemy? (Planeta woda)*.

Ввиду локализации происходящих событий в тексте появляются названия польских городов, имеющие установленные соответствия, например, *Варшава (Warszawa)*, *Кельце (Kielce)*, *Краков (Kraków)*, *Лодзь (Łódź)*. С лингвистической точки зрения интереснее названия железнодорожных станций. Они вводятся в текст в грамматически адаптированной форме, т. е. с сохранением типичного для русского языка в названиях станций окончания

-ая в составе транскрибированной формы: *Загнаньская, Скаржисская, Радомская*, а также в транскрибированной форме с сохранением некоторых экзотирующих элементов: *Бяла Пржемша, Стржемнешицы*. В соответствии с тенденцией к сохранению элементов, указывающих на национальную специфику, грамматические окончания, типичные для польского языка, как и отражение характерных звукосочетаний помогают определить место действия произведения, участвуют в создании местного колорита, вызывая у русскоязычных читателей впечатление чуждости.

В обоих случаях переводчик, согласно общепринятым рекомендациям, возвращается к оригинальным польским формам, ср. *Zagnańsk, Skarżysko, Radom*, а также *Biała Przemsza, Strzemieszyce*. Некоторые свойственные польскому языку сочетания согласных, трудные для восприятия и произнесения иноязычными персонажами позволяют автору ввести именно с позиции иностранца комментарии, которые могут оказаться интересными для читателей польского варианта текста. Ниже приводятся примерные реплики вместе с польским переводом:

«– Сели на краковский в *Стржемнешицах*, согласно полученной инструкции. – трудное название станции офицер выговорил на польский лад – стало быть, знал язык» [КП: 375]

«– *Wsiedliśmy do pociągu krakowskiego w Strzemieszycach*, zgodnie z otrzymaną instrukcją. – Trudną nazwę stacji oficer wymówił na polską modłę, widocznie znał język» [DP: 428]

В другом фрагменте русского исходного текста название станции введено в польской оригинальной записи для усиления восприятия чуждости и трудности воспроизведения, ср.:

«Именно ею Фандорин и занялся, когда, переправившись через границу, взял на австрийской станции с непроизносимым названием *Szczakowa* краковского извозчика» [КП: 388];

«*Tym właśnie zajął się Fandorin, gdy przekroczywszy granicę, wziął dorożkę na austriackiej stacji Szczakowa i polecił zawieźć się do Krakowa*» [DP: 441].

Следует отметить, что написанный Акуниным фрагмент оригинала может ввести в заблуждение не знающего истории польского государства читателя, а кроме того вызвать некое недоразумение, располагая рядом друг с другом польское название станции, записанное латинским алфавитом, с прилагательным *австрийский*, относящимся к упомянутой станции, и прилагательным *краковский* для определения извозчика и планируемого направления.

В польском переводе сохраняется сочетание определения *austriacki* и польского названия станции, но предварительные знания польского реципиента должны оказаться достаточными для понимания обусловленностей, тем более

что переводчица постаралась в некоторой степени разъяснить ситуацию, прямо указывая на город Kraków, а не используя определение. Однако кажется, что для отражения перспективы восприятия польского названия города иностранцем, лучше было бы оставить в польском тексте перевод комментария с *непроизносимым названием*, а не отказаться от него.

Ономастические реалии в художественном произведении играют очень важную роль. Они выполняют не только номинативную функцию, но и «являются теми немногими словами, сама форма которых указывает на национальную принадлежность наименованного предмета мысли» [Виноградов 2001: 109]. Значит, как в оригинале, так и в переводе имена собственные приобретают „культурные смыслы”. Поэтому они являются также предметом исследования лингвокультурологии, т. е. науки, исследующей «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2007: 28].

Также наименования городской топонимики имеют лингвокультурный характер, отражая исторически меняющиеся тенденции урбанистической деятельности городской администрации. В ходе описываемых событий в тексте *Куда ж нам плыть?* упоминаются названия улиц: *улица Пиарска (ulica Pijarska)*, *улица Славковска (ulica Sławkowska)*, название общеизвестного архитектурного памятника *Королевский замок Вавель* воспроизведенное в переводе как бы с помощью двойного калькирования (польско-русского и русско-польского) в следующей, вызывающей стилистическую чуждость форме:

«Под королевским замком Вавель река изгибалась дугой, и чуть выше по течению, на плоской открытой набережной, выстроились в ряд пристани, причалы и дебаркадеры» [КП: 405–406];

«Pod zamkiem krylewskim Wawel rzeka zataczała łuk, a nieco w górę nurtu, na płaskim, otwartym nabrzeżu, ciągnął się rząd pomostów i pływających przystani [DP: 463].

Кажется, что в приведенном фрагменте в переводе название символа польской культуры должно быть воспроизведено в наиболее употребляемом варианте *zamek krylewski na Wawelu* или, еще лучше, согласно польским нормативным рекомендациям записи имен собственных, т. е. *Zamek Krylewski na Wawelu*, поскольку речь идет о конкретном архитектурном объекте, а не об одном из королевских замков в городе.

В повести появляется также название банка, причем эта единица употребляется в двух версиях: в переводе *Торговый банк* и в оригинальной записи *Bank Handlowy*, и нет способа отразить такое различие в переводе из-за специфики алфавита, т. е. возможности в русском тексте и невозможности в польском параллельно воспользоваться кириллицей и латиницей. Повторение упомянутого приема и достижение такого же результата в польской аудитории невозможно, потому что воспроизведенные переводчиком единицы будут

вызывать противоположные эмоции и восприниматься как свои, а не чужие. Трудно передавать все тонкости оригинала в переводе с учетом всех системных взаимосвязей. Балансирование по оси *свой–чужой* – сложная задача, поэтому так существенны упомянутые комментарии относительно языковых нюансов.

Восприятие чуждости возникает у получателей также при встрече с происходящими из другой культуры и принадлежащими к т. н. безэквивалентной лексике [Бархударов 1975: 94] антропонимическими названиями. В *Куда ж нам плыть?* польские имена и фамилии передаются с помощью наиболее распространенного способа, т. е. с использованием переводческой транскрипции, а в тексте перевода имеется дело с возвращением к оригинальной польской записи, вследствие чего получают такие переводческие пары, как: *Болеслав Ружевич – Bolesław Ryżewicz*, *Янек Варшавский – Janek Warszawski*, *Хвоцинский – Chwożczyński*, *Гжебич – Grzebicz*. Интересным является то, что последняя фамилия появляется также в составе типичной русской модели *имя + отчество + фамилия*, с дополнительным объяснением, так как раньше упоминалась только фамилия, ср.

«Казимиру Вацлавовичу – это Гжебич, из банка, он говорит: „Будьте любезны указать, которая здесь сумка Торгового банка”» [КП: 363];

«*Kazimierzowi Wacławowiczowi (to Grzebicz, z banku), mówi: „Niech pan będzie uprzejmy pokazać, która torba należy do Banku Handlowego»* [DP: 412].

Адаптированная к русскоязычной аудитории реплика звучит вполне естественно для представителя русской культуры, однако ее перевод может ввести поляков в заблуждение или вызвать недоразумение и чуждость из-за присутствия отчества. Различия в восприятии читателями из двух культурных пространств вызваны здесь использованием нетипичных моделей согласно разным нормам и их реализацией в рассматриваемом случае в языке перевода.

Хотя в каждом языке существуют определенные нормы введения в текст иноязычных имен собственных, переводческая практика свидетельствует о том, что всегда есть выбор в каких-нибудь рамках. Как упоминалось, уже графический облик слов сильно влияет на их восприятие. Поэтому даже решение о передаче инокультурного элемента с помощью транскрипции, в его оригинальном виде или в переводе также может быть предметом своеобразной манипуляции, как в оригинале, так и в переводе. Примером может послужить название ресторана *Arka Noego (Ноев ковчег)*, появляющееся в *Куда ж нам плыть?* в оригинальной польской записи, а также в переводе в контекстуальном окружении, что, с одной стороны, обеспечивает местный колорит, а с другой стороны, позволяет понять (возможно, также символично) смысл названия. Последний прием помогает вызвать предполагаемые автором интертекстуальные ассоциации, связанные не только с библейской притчей, но прежде всего с событиями, описанными в другом романе цикла о приключениях Эраста Фандорина *Весь мир театр*, и неудачным браком главного героя. Эта мысль выражена в некоторой степени и эксплицитно, ср.:

«Все-таки и «*Ноев ковчег*», никуда от него не денешься, поморщился Эраст Петрович, с некоторых пор сильно не полюбивший эту библейскую притчу» [КП: 405];

«A jednak *Arka Noego*, nie da się od niej uciec, pomyślał z niesmakiem Erast Pietrowicz, który od pewnego czasu nie przepadał za tą biblijną opowieścią» [DP: 461].

Об употреблении такой или иной формы решает переводчик. Как подчеркивает Д. И. Ермолович, проблемы, связанные с преодолением лингвоэтнического барьера в переводе «не могут быть разрешены единообразно и универсально для всех возможных случаев межъязыковой коммуникации» и именно это приводит к затруднениям в формировании соответствий, также для имен собственных. Причина заключается в том, что «[м]ногообразные проблемы передачи ИС не поддаются „разовому” урегулированию путем издания и соблюдения некоего свода правил» [Ермолович 2005: 95].

О невозможности «„разового” урегулирования» можно говорить также по отношению к фразеологическим единицам. Кажется, что на подбор соответствий для них еще сильнее влияет словесное окружение и широкий контекст. Кроме того, их образность часто используется авторами для определенных целей, а присутствие синонимичных, хотя отличающихся друг от друга различными оттенками вариантов, еще усложняет задачу. Необходимо также учитывать лингвокультурологический аспект их формирования и употребления. Как отмечает В. А. Маслова, в большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, культурная информация хранится во внутренней форме таких единиц, являясь образным представлением о мире, и придает фразеологизму культурно-национальный колорит, а главное при выявлении национальной специфики – вскрыть культурно-национальную коннотацию [Маслова 2007: 82].

В процессе межъязыковой передачи переводчик не всегда вынужден выявить все культурные смыслы, однако он должен, если только это возможно, сохранить фразеологическую форму, так как уже само ее наличие придает фрагменту текста упомянутый культурно-национальный колорит. Конечно, в случае фразеологических единиц не всегда обнаруживаются различия. Бывают случаи, хотя и весьма редкие, когда соответствия в обоих языках полностью совпадают, ср.:

«*Найти иголку в стоге сена* не так трудно, как можно подумать. Если точно знаешь, что ищешь» [КП: 386];

«*Znalezienie igły w stogu siana* nie jest tak trudne, jak się zdaje. Jeśli człowiek dobrze wie, czego szuka» [DP: 439]

Однако наиболее часто переводчик оказывается в ситуации, когда ему надо подобрать соответствующий эквивалент, учитывая описываемую ситуацию, но без возможности сохранить внутреннюю форму опорных слов в выражении, ср.:

«Был такой. Правда, в ту пору еще штабс-капитан. *Звезд с неба не хватал*, но старательный и дотошный» [КП: 358];

«Był taki. Co prawda wtedy jeszcze sztabkapitan. *Żaden z niego orzeł, ale gorliwy i dokładny*» [DP:408].

Изменение внутреннего образа и наличие разных опорных слов в приведенных фразеологизмах не препятствует полной соотнесенности в плане содержания. Следует отметить, что некоторое сходство имеется, так как с когнитивной точки зрения и *звезда*, и *orzeł* ассоциируются с высотой, что важно в контексте выполняемой ими функции – оценки человеческих возможностей.

Разумеется, что степень такого совпадения или несовпадения, близости или отдаленности значений основ в опорных словах может быть различной. Рассмотрим следующие примеры:

«– Да как вы его найдете? Как? – надрывался Павлов. Черт, доктор, полегче! С пропуском он перейдет границу где угодно! Пока запрос австрийцам, пока то, пока сё! *Ищи-свищи!*» [КП: 386];

«– Znajdzie go pan? Niby jak? Do diabła, doktorze, nie tak ciasno! – darł się Pawłow. – Z przepustką przekroczy granicę gdziekolwiek! Zanim pójdzie zapytanie do Austriaków, zanim to, zanim tamto! *Szukaj wiatru w polu!*» [DP: 438].

В приведенном примере в обоих языках повторяется значение внутренней формы в словах *ищи* и *szukaj*. В русской диалогической реплике ассоциации с ветром имплицитны, а в польском языке во фразеологизме они выражены эксплицитно. Имплицитность в русском языке вызвана выбором использования самого краткого варианта фразеологизма, так как употребляются также выражения: *ищи ветра в поле*, *ищи-свищи ветра в поле*. В обоих языках передается значение бесполезности розыска человека, и это действие сравнивается с бессмысленностью поисков неуправляемой и изменчивой стихии, какой является ветер в поле, значит, в широком пространстве.

В следующих соответствующих друг другу фрагментах имеются три переводческие пары выражений с разной степенью сходства составляющих их частей, ср.:

«– [...] Каждый будет брать то, что ему понравится и на что у него хватит сил. Человеческая жизнь обретет свою истинную цену, а истинная ее *цена – грош*. И тогда по-настоящему свободные личности вроде меня окажутся в центре событий. Нас мало и каждый *будет на вес золота*.

Философ копеечный, подумал Фандорин, не снисходя до дискуссии» [КП: 399].

«Każdy będzie brał to, co mu się spodoba i na co starczy mu sił. Życie ludzkie nabierze prawdziwej wartości i *nie będzie warte złamanego grosza*. I wtedy

jednostki naprawdę wolne, takie jak ja, znajdują się w centrum wydarzeń. Jest nas niewielu, więc każdy *będzie na wagę złota*.

Filozof od siedmiu boleści, pomyślał Fandorin, nie zniżając się do dyskusji» [DP: 455]

Para *будет на вес золота – będzie na wagę złota* с перспективы переводчика и читателей совпадает полностью по лексико-грамматическому составу, значению, образности и экспрессивности. Фразеологизмы *цена – грош* и *nie będzie warte złamanego grosza* расходятся в лексико-грамматическом плане и, следовательно, в образности, но передают одно и то же значение ‘не представляет никакой ценности’ и обладают эмоциональной окраской. Части третьей переводческой пары наиболее отличаются друг от друга во всех аспектах, кроме реализуемого в приведенном контексте значения ‘излишне расчетливый, мелочный (о человеке)’. Слово *копеечный* сильно связано с русской культурой (по этимологии оно относится к первоначальному названию серебряной монеты начала XVI в. с изображением Георгия Победоносца, сидящего верхом на коне с копьем в руке). В свою очередь фразеологизм *od siedmiu boleści* ассоциируется с культурно-религиозным наследием, Божьей Матерью и Иисусом Христом.

Также в нижеприведенных фрагментах имеются фразеологические выражения, можно сказать, с полностью отличающимся друг от друга лексико-грамматическим составом и совсем другим внутренним образом, однако в условиях контекста они становятся переводческими соответствиями, ср.:

«– Привет из России, пан Цукерчек. *Для милого д-дружка семь верст не околица*» [КП: 395]

«– Pozdrowienia z Rosji, panie Cukierczek. *Gyra z gyrą się nie z-zejdzie, ale człowiek z człowiekiem zawsze*» [DP: 449].

Поскольку системы любой пары языков существенно отличаются друг от друга неудивительно, что только в редких случаях возможно подобрать соответствия с опорными словами с таким же референциальным значением и образностью. В случае фразеологизмов важнее возможность употребления единицы в одной и той же ситуации в обоих культурных пространствах, а также обеспечение выполняемой ею функции. В. А. Маслова пишет о фразеологических единицах, что «возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [Маслова 2007: 82]. Следует помнить, что они являются также существенной частью национально-языковой картины мира и, подобно рассматриваемым в первой части статьи именам собственным, которые вводятся в текст оригинала и передаются в текст перевода совсем другим образом, требуют от переводчика постоянного внимания и осознанных решений.

Несомненно необходим индивидуальный подход к передаче элементов различного материального объема, несущих культурные ценности посредством

самого своего облика, значения, коннотаций или особой функции. Как утверждает Н. К. Гарбовский, «каждый раз, когда переводчик-практик получает текст для перевода, он оказывается перед проблемой **выбора**, т. е. перед необходимостью одновременно решать множество вопросов не только лингвистического, но и социального, психологического, этнографического, культурологического и других планов, на которые современная наука о переводе еще не дает исчерпывающих ответов» [Гарбовский 2007: 184].

Литература

- КП – Акунин Б. Куда ж нам плыть? // Акунин Б. Планета вода. М., 2016.
- DP – Akunin B. Dokąd płyniemy? // Akunin B. Planeta woda. Warszawa, 2016.
- Бархударов 1975 – Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975.
- Виноградов 2001 – Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М. 2001.
- Ермолович 2005 – Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М. 2005.
- Гарбовский 2007 – Гарбовский Н. К. Теория перевода. М. 2007.
- Lewicki 2009 – Lewicki R., Wymiar językowy i wymiar kulturowy w ekwiwalencji przekładowej. // Hejwowski K., Szczęsny A., Topczewska U. (red.), 50 lat polskiej translatoryki. Warszawa., 2009, s. 95-100.
- Маслова 2007 – Маслова В. А. Лингвокультурология. М. 2007.

Jozwiak, Jolanta

Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland

jjozwiak@poczta.onet.pl

PROPER NAMES AND PHRASEOLOGICAL UNITS AS REFLECTION OF CULTURAL VALUES IN THE TRANSLATION

***Abstract.** The aim of the paper is to present results of translators' individual choices in the process of transmitting cultural-background elements, as for example proper names and phraseological units, to the target culture. The discussed problems were presented on the examples from the novel *Where shall we go?* by Boris Akunin and its translation into Polish.*

The decision of translator about transferring depend on the role of element with such specific value as cultural connotation in the text and potential recipients' reactions.

***Keywords:** Boris Akunin, translation, cultural value, proper names, phraseological units.*

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Абрамова Вероника Игоревна

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия*

Стойкова Надежда Стойкова

*Шуменский Университет им. Епископа
Константина Преславского, г. Шумен, Болгария*

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕЛИН ПЕЛИН: ТВОРЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются фрагменты комедии Льва Толстого «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» («сцена в аду») и сказки Елина Пелина «Ян Бибиян» («страшное сборище»). Между ними обнаруживается структурно-типологическое сходство. Авторы статьи предполагают наличие общего фольклорного источника, которым могли воспользоваться писатели.*

***Ключевые слова:** сцена в аду, дьявольское собрание.*

Лев Толстой и Елин Пелин – художники слова, в творчестве которых неоднократно рассматривались темы греха и покаяния, искушения и его преодоления, нравственного падения и нравственного воскресения. Интересно, что образная репрезентация и композиционное воплощение этих тем в произведениях писателей в одном случае имеет сходный характер. Мы имеем в виду совпадение эпизодов комедии Л.Н. Толстого «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» и сказки Елина Пелина «Ян Бибиян».

Комедию «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» Л.Н. Толстой написал в феврале-марте 1886 года, в драматической форме обработав свой же рассказ «Как чертенок краюшку выкупал». Сюжет комедии строится следующим образом: чертенок крадет у мужика, пашущего поле, последнюю краюшку хлеба, надеясь на то, что мужик в сердцах обругает вора, помянет черта и нагрешит; мужик вместо этого желает здоровья обидчику; чертенок возвращается в ад и отчитывается перед старшим чертом о своей неудаче; старший черт сердится и посылает чертенка обратно – «заслужить краюшку»; чертенок нанимается к мужику в работники, способствует тому, что в неурожайные годы у того родится много хлеба и образуется избыток, учит мужика курить вино, после чего греху пьянства подвергается множество людей; чертенок получает одобрение старшего черта. Так в комедии Л.Н. Толстого раскрывается тема искушения, введения во грех, который губит человеческую душу.

В сказке Елина Пелина «Ян Бибиян» (1933) тоже присутствует эта тема. Дьявольские силы хотят завладеть душой озорного мальчишки, заглавного героя произведения.

Одним из важных для развития сюжета элементов повествования и в комедии Толстого, и в сказке Елина Пелина становится эпизод, в котором рассказывается о собрании чертей, об отчете подчиненных главному черту.

Создавая свою комедию, Толстой обращался к нескольким источникам, в том числе, к произведению А.Ф. Погоского «Первый винокур» [Сизова, 2014: 176]. По предположениям исследователей, именно оттуда русский писатель перенес в свою пьесу так называемую «сцену в аду», изменив ее и тем самым придав ей социальную значимость [там же]. У Погоского отчет представляют четверо чертей, каждый из которых имеет свои индивидуальные особенности во внешнем облике: «старый, комолый и кривой» (подучил беглеца из острога учинить поджог), «невеличкой, весь рыжий и хвост в сажень» («занимается» пущенным по миру сиротой), «коренастый», со свистком на медной цепочке (утопил два корабля), «очень развязный мелкой» (соблазнил вертлявую даму). За ними следует чертенок с краюшкой [Погоский, 1871: 6-8].

У Толстого сцена в аду имеет два варианта. В первом, не вошедшем в окончательную редакцию, отчитывающиеся черти дифференцированы не только по внешнему облику («толстый», «гордый», «франт»), но и по «категории» людей, к которым они приставлены: толстый «отвечает» за купцов, гордый – за господ, франт – за женщин. Чертенок с краюшкой назван в этом варианте «мужичьим». В окончательной редакции Толстой опускает отчеты «купеческого» и «бабьего» чертей, убирает «господского», зато «расширяет список» отчитавшихся за счет «боярского», «поповского», «монашеского» и «судейского» бесов. Писарь старшего черта отмечает: «От боярского беса получен отчет. Всех забрал 1836. От купеческого получен, 9643. От поповского получен, 1517. От монашеского получен, 112. От судейского получен, 3423. От бабьего сейчас тоже получен, всех 263753. Баб 186315, девок 17438» [Толстой]. От первого варианта «бабий» черт «сохранил» признак «франтоватый». За ним отчитываются «приказный» и «мужицкий» черти.

В отличие от Погоского, Толстой создал своеобразную «классификацию» чертей по «сословному» признаку. Из нее выпадает только «бабий» черт. Подобная «классификация», только не по «сословному» признаку, а по категории грешников, присутствует в описании сборища нечистых духов и у Елина Пелина:

«Дьяволите един по един съобщаваха на своя главатар кой какво зло е извършил през деня на хората и кой какво е намислил да извърши на другия ден.

Ян Бибиян разбра, че дяволите са една добре организирана банда за правене злини и че всеки един от тях е натоварен с особена мисия.

Затова главатарят ги извикваше с дрезгавия си глас един по един.

– Началникът на убийците!

Пред него се изпречи един дявол, не черен като другите, а червен като кръв, с дълъг шиш в ръка.

– Какво извърши днес? – попита главатарят.

Червеният дявол разправяше страшни истории. Той накарал един млад човек да убие брата си, подбудил някакви хора да станат разбойници и да убият един богат търговец. Много други страшни убийства внушил той на хората.

Когато началникът на убийствата свърши, главатарят извика:

– Началникът на крадците!

Яви се един чер дявол с хитър поглед, с дълги ръце и почна да разправя.

След него главатарят извика началника на лъжците, началника на послушниците, началника на ленивите, на гордите, на присмивачите, на мъчителите, на тираните.

Всяко зло дело, всяко най-малко престъпление, всяка зла помисъл имаше по един дявол-началник» [Елин Пелин].

В тексте Елина Пелина фигурируют черти, которые названы «начальник убийц» («не черный, как другие, а красный, как кровь, с вертелом в руке»), «начальник воров» («черный дьявол с хитрым взглядом и длинными руками»), «начальник лжецов», «начальник послушников», «начальник лентяев», «начальник гордецов», «начальник насмешников», «начальник мучителей», «начальник тиранов». Как и у Толстого в случае с «бабим» чертом, из классификации Елина Пелина выпадает «начальник послушников» (все остальные соответствуют грехам, которые совершают подвластные им люди). Интересно, что и у Толстого есть бесы, которые отвечают за попов и монахов. К тому же оба эпизода – «сцена в аду» у Толстого и «страшное сборище» у Елина Пелина – обнаруживают структурное сходство: ряд отчетов «успешных» чертей завершает черт-неудачник, который не справился со своей задачей. У Толстого это «мужицкий» черт, у Елина Пелина – «стар дявол с печално лице, с влажни очи, с отпуснати ръце» [Елин Пелин]. Его сын Фют вместо того, чтобы завладеть душой Яна Бибияна, сам оказался в его власти: был им избит, получил незаживающую ссадину на голове, скучает по своему приятелю, плачет, но боится с ним встретиться.

В славянском фольклоре бытовало следующее представление: «Распоряжается чертями (особенно обитающими в преисподней) старший нечистый дух – Дьявол, Сатана или «старшой дедушка», «чертов дед», который руководит всеми чертями, «дает советы и требует отчета». Такой «старшой» черт обычно помещался где-то в подземном мире, в аду; иногда считалось, что

он сидит на железном троне, к которому прикован цепями» [Шапарова, 2003: 536]. У Толстого старший черт помещается «на главном месте» в аду. У Елина Пелина черти отчитываются своему главарию не в аду, а под старой вербой у водяной мельницы. Сам же общий отчет, как мы уже отмечали выше, строится по одной схеме: сначала о своих деяниях рассказывают черти-«отличники», затем, в самом конце, появляется черт, у которого ничего не получается.

Мы предполагаем, что и Толстой, и Елин Пелин, создавая свои описания собрания чертей, обращались к некоему общему фольклорному источнику, следы которого сохранились в русских народных сказках. Так, в одной из них представлен отчет частей тела лисе, только что убежавшей от собак:

- Ушки-ушки, что вы делали?
- Мы слушали-да-слушали, чтоб собаки лисоньку не скушали!
- Ножки-ножки, что вы делали?
- Мы бежали-да-бежали, чтоб собаки лисоньку не поймали!
- Глазки-глазки, что вы делали?
- Мы смотрели-да-смотрели, чтоб собаки лисоньку не съели!
- А ты хвост, что делал?
- Я по пням, по кустам, по колодам зацеплялся! [Лиса и собаки]

Возможно, этот гипотетический фольклорный источник повлиял и на европейскую детскую литературу. Персонаж, который в соответствии со своим «статусом» должен совершать зло, но не хочет этого делать, появляется в сказке О. Пройслера «Маленькая Баба-Яга». Заглавная героиня совершает много добрых дел и в одной из глав тоже отчитывается перед Главной ведьмой. В сказке Я.У. Экхольма «Тутта Карлсон Первая и единственная, Людвиг Четырнадцатый и др.» лисенок Людвиг Четырнадцатый влюблен в курочку Тутту Карлсон, хотя, в соответствии со своим «статусом», должен ее съесть.

Возвращаясь ко «взрослой» литературе, можем отметить, что рассматриваемую нами схему воспроизводит З. Гиппиус в стихотворении «Мудрость» (1908). Сошедшиеся на перекрестке чертовки хвалятся друг перед другом: одна украла любовь у влюбленных, другая – веру у пророка, третья – детство у ребенка, а четвертая – мудрость у мудреца. Если три первые сделали людей несчастными, то последняя, наоборот, осчастливила того, кого ограбила, за что была побита своими сестрами.

Итак, Л.Н. Толстой и Елин Пелин, образно интерпретируя тему искушения, возможно, обращались к одному фольклорному источнику, который «просматривается» в других произведениях европейской и русской литературы. По нашему мнению, это свидетельствует о сходном образе мыслей писателей, о сходных элементах их поэтики, о параллелях в их художественном творчестве.

Литература

- Елин Пелин Ян Бибиан [Электронный ресурс]. – URL: http://www.8mo.org/mod/downloads/Jan_Bibiiian.pdf.
- Лиса и собаки. Русская народная сказка [Электронный ресурс]. – URL: http://deti.mostinfo.ru/index.php/Сказка:Лиса_и_собаки.
- Погоский, А.Ф. Первый винокур (Древнее сказание) [Текст] / А.Ф. Погоский. – СПб., 1871. – 20 с.
- Сизова, И.И. Сюжет о первом винокуре в творчестве Л.Н. Толстого [Текст] / И.И. Сизова. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 4 (34). Ч. 2. – 2014. – С. 172-177.
- Толстой, Л.Н. Первый винокур, или как чертенок краюшку заслужил [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. – URL: <http://tolstoy.ru/creativity/fiction/2036/>
- Шапарова, Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии [Текст] / Н.С. Шапарова. – М., 2003. – 624 с.

Abramova, Veronika
Tula State Pedagogical University
after L.N. Tolstoy, Russia
istinijobraz@mail.ru
Stoykova, Nadezhda
Konstantin Preslavsky University
Shumen, Bulgaria
stoikovans@abv.bg

LEO TOLSTOY AND ELIN PELIN: CREATIVE PARALLELS

Abstract. *The article deals with fragments of Leo Tolstoy's comedy "The First Distiller" ("the scene in hell") and Elin Pelin's tale "Jan Bibijan" ("the fearful gathering"). Structural and typological resemblance is found between them. The authors of the article suppose that the writers could use a common folkloric source.*

Keywords: *scene in hell, infernal gathering.*

ПРОЗА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА В ВОСПРИЯТИИ РУМЫНСКОЙ КРИТИКИ

Аннотация. В настоящее время произведения Айтматова известны почти во всем мире, а Румыния не исключение. В нашей стране существует значительное число исследователей и литературных критиков, которые посвятили свои работы этому русскому писателю киргизского происхождения. В данном докладе мы намерены представить иностранной публике некоторые из этих работ, основывая наши комментарии как на хронологическом, так и на аксиологическом принципах с целью выявить особенности разных подходов к айтматовскому творчеству.

Ключевые слова: нравственность, повесть, роман, румынская критика, традиционные ценности.

Русская литература XX века отличается (как и сам век, на долю которого выпало много событий) разнообразием тем, жанров и стилевых направлений. Условно, конечно, выделяются несколько художественно-литературных поколений, каждое из которых стремилось к обновлению формы и содержания, к передаче особо важных жизненных фактов, из которых многие считаются настоящими катаклизмами (революции, войны, лагеря и другие).

Литература, как и искусство вообще, всегда «гласит» о самых существенных исторических и социальных изменениях, о нравственности или о ее потере. В соответствии со своими эстетическими взглядами каждый писатель выявляет те жизненные факты и особенности, которые кажутся ему наиболее важными и волнующими. К таким ключевым понятиям, которые сосуществуют с проблемами развития самого человечества сейчас и в будущем, обращаются все значительные писатели, философы, социологи и исследователи мировой культуры, решая их, как уже было сказано, по-разному: некоторые с недоверием, другие, не отрицая переживаемых искусством XX века кризисов (экологических, социальных, нравственных и т.д.). с надеждой, веруя в человеческий разум и в его способность заново определиться.

Начало XX века проходит под знаком переоценки эстетических норм. Литература также пробует новые экспериментальные изобразительные средства, разрушает канонические формы и ритмы. Сама жизнь, общественный климат заставили литературу сделать некоторые сдвиги вперед и она явно располагала для этого тематической базой. Основные злободневные темы литературы первой половины XX века можно включить в четыре больших разряда:

- тема войны и социально-политических катастроф;
- трагедия личности, стремящейся к свободной самореализации и подвергаемой насилию, ищущей справедливости и теряющей душевную гармонию;
- проблема веры и безверия;
- соотношение личного и коллективного, нравственности и политики, духовного и этического [Шоптеряну 1987: 176].

60-е-70-е годы, когда Чингиз Айтматов пробивается в литературу, является периодом, получившим название «*поздняя оттепель*» (Апухтина). Это время поисков, горячих дискуссий, начало перспективных переоценок в духовной жизни русской общественной жизни. Страстно читается поэзия, остро осуждаются мемуары, входит в зенит «деревенская» проза и утверждается «исповедательная» [Ершов 1989: 97]. Но и в такой бурной духовно-литературной атмосфере, рассказы и повести Айтматова не проходят незамеченными. Более того, отдельные рассказы привлекают к себе внимание и возбуждают споры в литературной печати: *Верблюжий глаз*, *Тополек мой в красной косынке*, *Первый учитель* (1962), *Материнское поле* (1963), *Красное яблоко* (1964), *Прощай, Гульсары!* (1966).

О чем бы не писал Айтматов, в его прозе оригинальным образом разворачивается страстный диспут вокруг великих тем литературы всех времен: человек, жизнь, смерть, любовь, женщина, природа, борьба добра со злом... Писатель стремился проникнуть в психологию человека, раскрыть нравственные истоки его поведения [Морару 2008: 119].

Творчество Айтматова стало предметом исследований многих литературоведов как русских, так и зарубежных. Написаны многочисленные книги, статьи, научные труды и диссертации. Его произведения были переведены на многие языки мира. Изучение творчества незаурядного киргизского прозаика давно уже не новая тема в румынской литературной критике. Айтматов (наряду с Шукшиным, Распутиным, Астафьевым, Трифоновым и др.) – один из тех великих мастеров слова, чье творчество возбудило во второй половине XX века возрождение интереса румынского читателя к русской литературе и к русской культуре вообще.

«Читательский успех Айтматова в Румынии заключается и в том, что его произведения не обуславливаются чисто политическими и социальными установками. Писатель сумел тонко преодолеть идеологические ограничения и открыл универсальному читателю естественную сущность общечеловеческого сознания, философию планетарного просвещения» [Ковач 2000: 265].

Его произведения остаются всегда и везде актуальными, так как затрагивают проблемы глобального уровня. С другой стороны, Айтматов заинтересован поднять художественное самосознание одного отдельного героя на высоту

общечеловеческого измерения, а определенную национальную реалию довести до значения мирового порядка [Семенова 2010: 123].

Стремительно войдя в русскую литературу, Чингиз Айтматов также стремительно обрел и мировую известность. Его знаменитые повести (*Джамиля*, *Топлек мой в красной косынке*, *Первый учитель*, *Материнское поле*, *Прощай, Гульсары!*, *Белый пароход*, *Ранние журавли*, *Пегий пес, бегущий краем моря*) и романы (*И дольше века длится день*, *Плаха*, *Тавро Кассандры*) переведены на румынский язык. В Румынии четко осознавалось, что айтматовская проза представляет собой неотъемлемую часть того великого художественного явления, именуемого русской литературой, которая являлась лишь одним компонентом целого исторического процесса, происходившего в те годы в русской действительности.

Поскольку перевод является одним из основных моментов проникновения творчества одного писателя в историко-литературный процесс другой лингвистической и культурной среды, в поле нашего внимания оказываются переводы на румынский язык айтматовской прозы.

Известный лингвист и транслятолог А. Федоров выразил очень интересную мысль: «*Восприятие произведений иноязычной литературы, их переводов и их оценка критикой (...) нередко открывают в творчестве художника слова такие объективно верные черты, которые на его родине может быть не замечались... А это заставляет по-иному понять все творчество поэта или прозаика, по-иному определить его место в мировой литературе*» [Федоров 1983: 4].

В Румынии творчество Чингиза Айтматова становится известным начиная с начала 60-ых годов, когда стали появляться на румынском языке его рассказы, повести и романы.

Так, в 1962 году появляется на румынском языке *Джамиля. Перевал. Рассказы (Geamilia. Defileul. Povestiri)*, в переводе Георгия Чобану и Ильи Константина.

Следует затем публикация повестей *Красное яблоко (Mărul roșu)* и *Материнское поле (Ogorul mamei)* в переводе Игоря Блока (1965).

В 1968 году переведена Юлианом Весперым и Николаем Стояным повесть *Прощай, Гульсары! (Adio, Floare Galbenă!)*, а в 1982 году появляется *Пегий пес, бегущий краем моря*¹ (*Ogarul cenușiu de la malul mării*), в переводе Ливии Никоарэ и Адрианы Которчи.

В 1983 году появился в румынском варианте роман *И дольше века длится день (O zi mai lungă decît veacul)*, переводчики Ион Ковач и Дениса Фежес.

¹ В 1997 году, в Клуже, в журнале *Археус* (№ 2/ 1997, сс. 43-55), публикуется повесть в переводе Елены Абрудан, под другим названием – *Marele svine târcat*.

В 1989 году следует публикация сборника *Повести гор и стеней* (*Cantecul stepei, cantecul munților*), в переводе Николая Илиеску, а в 1991 году тем же переводчиком переведен роман Плаха (*Eșafodul*).

Последним переводом на румынский язык айтматовского произведения является перевод романа *Тавро Кассандры* (*Stigmatul Cassandrei*, 2008), переводчица Елена Абрудан.²

Благодаря этим переводам – хотя, к сожалению, новейшие произведения Айтматова, например *Когда падают горы. Вечная невеста* (2006) и *Земля и флейта* (2012)³ остались непереуведенными – румынский читатель имеет в своем распоряжении варианты всех значительных произведений айтматовского творчества. Айтматов – писатель своеобразный, его проза ставит перед любым переводчиком множество интересных лингвистических задач, стимулирует фантазию и переводческие интуиции.

Трудности при переводе айтматовских произведений связаны не только с большими расхождениями, существующими на уровне грамматики и лексики между русским и румынским языками, хотя и здесь, конечно, встречаются порой трудно-разрешимые ситуации, связанные с избытком жаргонной лексики и широким употреблением диалектных слов и слов-реалий, но также они связаны с уникальностью употребления слов и словосочетаний в их обиходном, узкоразговорном значении.

Как правило, переводы сопровождаются предисловиями, рецензиями, критическими статьями. В критических и исследовательских работах румынских авторов рассматривается широкий спектр вопросов «личности» айтматовского творчества и приводятся разнообразные литературоведческие интерпретации процесса воплощения художественного мышления писателя в раскрытии образов и событий.

Помимо немногих, на наш взгляд, отдельных книг и монографий, в которых рассматриваются основные вопросы айтматовского творчества, от языковых своеобразий и особенностей речевой организации произведений киргизского прозатора или исследования экзистенциального сознания в его художественном мире, до обоснования эстетической позиции в целом, о которых пойдет речь в нашей работе, следует также выделить и ряд статей и критических трудов (реже рецензий) принадлежащих румынским известным писателям, литературоведам, исследователям и эссеистам.

Уже в первых откликах румынской литературной критики на творчество Чингиза Айтматова говорилось о появлении на литературном горизонте особо

² Тщательный анализ некоторых переводов с выявлением всех «достоинств», но и пробелов и семантических и стилистических трудностей приводится в нашей книге *Символика мифов в прозе Чингиза Айтматова*, сс. 99-104.

³ До сих пор малоизвестный роман, найденный дочерью писателя среди его черновигов в 2012 году.

яркой и самобытной личности, в творчестве которой ключевыми понятиями становятся *человек, природа и память*, осмысляемые как философские категории [Николеску 1983: 5].

В предисловии к роману *И дольше века длится день* (в переводе Иона Ковача и Денисы Фежес, 1983), видный исследователь и эссеист Татьяна Николеску уделяет немалое место общим вопросам поэтики неординарного советского писателя (киргизского происхождения), стремительно входящего в поток русской литературы, в творчестве которого сразу обращают на себя внимание «сюжетная острота, тяга к деталям повседневности, точность бытовых зарисовок, глубина подтекста, употребление мифов и легенд, неожиданность развязки» [Там же: 7].

Чрезвычайно значительными для Айтматова, по мнению Татьяны Николеску, являются внутренний конфликт в душе человека и открытые финалы, исключающие однозначное истолкование происходящего. Исходя из такого положения, конфликты – неизбежны и они больше связаны с естественными, интимными переживаниями человека, с социальными аспектами. Решение подобных противоречий, возникающих между внутренним миром индивидуума и внешними проявлениями неуравновешенности, требует двойного представления, что приводит к интерференции фантастики и действительности, а иногда даже к их отождествлению.

В 1985 году в престижном журнале *Romanoslavica (Румынская славистика)* появляется интересная статья, озаглавленная *Мифологическая символика в творчестве Чингиза Айтматова*.

С нашей точки зрения, статья профессора Ияны Михэилэ (которая, необходимо отметить, является крупным специалистом по французской литературе Среднего века) отличается тем, что в ней выделяются некоторые ключевые аспекты, которые играют важнейшую роль в воплощении авторского замысла, такие как: *вода, сон, память* и т.д., которые наиболее часто встречаются в айтматовской прозе в различных формах и ипостасях и которые естественно связывают мифы и легенды с реальностью. По словам автора, соединяющим элементом всех, существующих в романе *И дольше века длится день*, повествовательных планов являются сами литературные герои [Михэилэ 1985: 188], которых следует рассматривать как *архетипы*⁴: например облик матери, который даётся через образ Найман-Аны (в романе *И дольше века длится день*).

В предисловии к своему сборнику рассказов и повестей, Борис Можаев пишет занимательную мысль, защищая права писателя-творца на *сиюминутность* [Золотусский 1978: 114]: «(...) у автора есть определённое

⁴ Румынский филолог и философ Виктор Кернбах даёт следующее определение этого понятия: «архетип – это первоначальная модель всего ряда разных типологий характера» [Кернбах 1978: 11].

убеждение: духовный склад литературного персонажа может раскрывать мысли о так называемом общественном устройении ничуть не меньше, чем интимные переживания, вызванные прикосновением к вечной теме любви или ненависти» [Можаев 1970: 3].

Эта мысль Можаева удивительным образом совпадает с восприятием творчества Айтматова одним из самых верных его «поклонников», который в 1987 издает очень интересный (и легко читаемый) сборник интервью, названный *Диалоги о мире, в котором мы живем*. Автор сборника известный румынский журналист и эссеист – *Виорел Сэлэджан*. Выражая свою точку зрения, Сэлэджан во многом следует за высказываниями самого Айтматова, который подробно изложил свои взгляды на то, какой должна быть литература, каковы должны быть функции писателя в современном обществе и каким представляется ему процесс развития русской литературы. Если внимательно вникнуть в слова Айтматова, адресованные румынским читателям в данном интервью, то можно легко проследить как русский писатель старается осмыслить своё место в литературе и прояснить своё отношение к классическим традициям, воспринимая себя, при всей своей самобытности, «наследником лучших культурных традиций» [Сэлэджан 1987: 213].

Далее, румынский эссеист делает вывод, что айтматовскому творчеству близки и свойственны такие общечеловеческие мотивы, как поиск смысла жизни и гармонии как в окружающем мире, так и внутри себя, образ порою двоящейся личности (между любовью и долгом, обстоятельствами и совестью) и постоянная двусмысленность житейских моральных коллизий: «*Писатель всегда должен принимать во внимание реакцию обыкновенного человека на социальные явления, так как она помогает ему более чётко передать признаки текущего времени и заставляет читателей искать решения сложных проблем именно в литературе.*» [Там же: 215].

Сложным аспектам русской советской литературы посвящается монография профессора Бухарестского Университета, *Виргилия Шоптеряну* – *История русской советской литературы. Восприятие ее в Румынии* (1978 год). Проследившая литературный процесс начала XX века (вплоть до 80-ых годов), автор рассматривает динамику внутрилитературных преобразований данного периода, анализирует столкновение ведущих направлений. Описываются как общие тенденции становления русской литературы, так и разнообразие и богатство творческих индивидуальностей всего периода.

Обращает также на себя внимание и серьезный исследовательский труд профессора Альберта Ковача, вышедший в 2000 году под символическим названием *Красота мира*, в котором автор освещает вопрос генеалогических корней творчества Айтматова. Ковач в своем трактате выявляет, что во всех своих произведениях Айтматов широко использует понятия – *миф* и *космос*: «*Мир в понимании Айтматова – это живой организм, включивший в себя много разнообразных, самостоятельных, но взаимосвязанных факторов, которые*

действуют в сознании человека. В результате этого, каждая изображенная писателем история представляет собой один своеобразный мир, который может предстать перед читателем то грандиозным, то незамеченным, то старым, то новым. Он может находиться в разных пластах времени и пространства и служит основой формирования структуры произведения.» [Ковач цит. раб.: 267].

В 2005 году была опубликована книга Антоанеты Олтяну – *Русская современная литература: направления развития прозы*. В своей книге, Олтяну дает обширный литературно-критический материал, позволяющий читателю составить себе представление о тематической и стилистической самобытности советской литературы второй половины XX века. Каждая глава включает в себя как обзорный материал, но и так называемые «микромонаграфии», посвященные знаменитым прозаикам, творчество которых стало особым явлением в истории русской литературы советского периода.

Особого внимания среди исследований первого десятилетия XXI века заслуживает монография клужского исследователя, Елены Абрудан – *Чингиз Айтматов или Правда жизни* (2005). Анализируя айтматовскую прозу, исследователь приходит к выводу, что чем выше идейно-эстетический уровень литературы, чем полнее и вернее отражает она жизнь во всех ее общечеловеческих аспектах, тем больший интерес вызывает она у своего читателя: *«Айтматов выражает внутренний мир своих героев с особой глубиной и остротой. Энергия и интенсивность этого выражения коренится прежде всего в художественном даре, которым он наделен.»* [Абрудан 2005: 130].

Также следует выделить и книгу профессора Михаэлы Морару – *Русская нравственная проза*, опубликованную на русском языке в 2008 году, в которой наряду с постановкой ряда теоретических вопросов и представления монографических глав о некоторых представительных писателях второй половины XX века (таких как Шукшин, Распутин, Астафьев), рассматриваются также главные темы айтматовского творчества.

Автор книги говорит о характерной теме всего творчества Айтматова – о теме *добра и зла*, но с упором на повесть *Белый пароход*. Профессор Морару рассуждает о том, что реальная жизнь не всегда похожа на сказку, в которой добро побеждает зло, а зло – обязательно наказано. Интересно также и переплетение нравственных проблем с повседневной суетой жизни во всех ее ипостасях, а с другой стороны с национальным мировоззрением и культурой.

Мальчик находится на грани двух миров: реального и древнего, вытекающего из легенд и сказаний. Он создает свою собственную сказку, где все красиво и окутано добротой. Но когда внутренний мир мальчика сталкивается с миром внешним, в котором зло противостоит добру, тогда его неподготовленная к этому душа «разбивается» на маленькие осколки. И мальчик чувствует себя преданным и одиноким. Уплыв рыбой он покидает этот злой, несправедливый мир, бросая ему вызов.

«Сказка не сбылась. Нету и сегодня того долгожданного общества без социальной несправедливости, без обмана и надувательства, без страдания и унижения, которое так убеждённо сулили нам в конце XX-ого века. Что же, не впервые человечеству дано разочарование и не последняя это несбывающаяся сказка! Выдумаем себе другую. Может быть, на этот раз повезет» [Морару цит. раб.: 71].

Последняя, но мы надеемся, что лишь в чисто хронологическом плане, книга об Айтматове вышла в этом году, *Символика мифов в прозе Чингиза Айтматова*, и является частью нашей диссертации. В книге мир Чингиза Айтматова рассматривается в основном с мифологической точки зрения. *«Миф в творчестве Чингиза Айтматова – это способ выражения его этико-философского восприятия окружающего мира, это манера постигать и определять основные проблемы человечества в современную ему эпоху, взглянуть на мир через опыт вековой мудрости.» [Бобок 2017: 116].*

Завершая обзор литературоведческих и научно-критических трудов, затрагивающих вопрос о личности и творчестве Чингиза Айтматова, следует отметить, что несмотря на их многоплановость, в румынском литературоведении явно еще ощущается недостаток исследований в сравнительном плане. Но, с другой стороны, изучение откликов на русскую литературу (в нашем случае на творчество Чингиза Айтматова) в Румынии представляет собой весьма интересный (хотя и немногочисленный) материал, который свидетельствует своими информативными о существовании настоящей «хроники» румынско-русских культурных и литературных отношений, которые не прекращались даже в менее благоприятных моментах их истории.

Литература

- Абрудан 2005 – Абрудан Е. Чингиз Айтматов или Правда жизни. К.-Н., Изд-во Дом Научной Книги, 2005, 172 с.
- Апухтина 1985 – Апухтина В.А. Современная советская проза (60-70-е годы). М., Изд-во Высшая школа, 1984, 272 с.
- Ершов 1989 – Ершов Л.Ф. Современная социальная философская проза. М., Изд-во Просвещение, 1989, 250 с.
- Золотусский 1976 – Золотусский И. Час выбора. М., Изд-во Современник, 1976, 318 с.
- Кернбах 1978 – Кернбах В. Основные мифы. Б., Энциклопедическое научное изд-во, 1978, 398 с.
- Ковач 2000 – Ковач А. Красота мира. Б., Изд-во Сеара, 2000, 324 с.
- Локтев 1981 – Локтев Н.Ф. «Житийный» рассказ в современной русской новеллистике. М., Изд-во Наука, 1981.

- Михэилэ 1985 – Михэилэ И. Мифологическая символика в творчестве Чингиза Айтматова. // Романославика, XXIII, Б., Изд-во Бухарестского Ун-та, 1985, с. 187-197.
- Можаяев 1970 – Можаяев Б. Дальневосточные повести. М., Изд-во Советский писатель, 1970, 384 с.
- Морару 2008 – Морару М. Русская нравственная проза (В. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев). Б., Изд-во Бухарестского Ун-та, 2008, 376 с.
- Николеску 1983 – Николеску Т. Предисловие к роману И дольше века длится день. Б., Изд-во Универс, 1983, с. 5-22.
- Олтяну 2005 – Олтяну А. Русская современная литература: направления развития прозы. Б., Изд-во Пайдея, 2005, 264 с.
- Семенова 2010 – Семенова Е. Литературные портреты. Собрание работ о писателях XIX и XX веков. М., Изд-во Традиция, 2010, 264 с.
- Сэлэджан 1987 – Сэлэджан В. Диалоги о мире, в котором мы живем. Б., Политическое Изд-во, 1987, 303 с.
- Шоптеряну 1987 – Шоптеряну В. История русской советской литературы. Восприятие ее в Румынии. Б., Изд-во Бухарестского Ун-та, 1987, 546 с.

Boboc, Marta-Teodora

University of Bucharest, Romania

theodoraboboc@yahoo.com

CHINGIZ AITMATOV'S PROSE AS REFLECTED IN ROMANIAN LITERARY CRITICISM

***Abstract.** Aitmatov's literary works are nowadays well known around the world and Romania is not an exception. In our country there is a fair number of cultural researchers and literary critics that have consecrated their studies to this Russian writer of Kyrgyz origin. The given article aims to explore, based on both chronological and axiological criteria, some of these critical works, in an attempt to reveal various approaches towards Aitmatov's creation.*

***Keywords:** ethics, short story, novel, Romanian literary criticism, traditional values.*

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ ЮЖНОЙ СТОЛИЦЫ КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

***Аннотация.** Статья «Городской текст южной столицы Казахстана в современной поэзии и прозе» посвящена интерпретации этого явления в русскоязычной литературе Казахстана. Традиционно городской текст определяется как система городского пространства, но в последние годы это понятие расширяется, используя применительно к различным специфическим особенностям художественного текста. Основной задачей становится интерпретация мирозерцания современных казахстанских поэтов и прозаиков - с учетом биографических сведений, этико-культурного опыта, имплицитно репрезентированных в структуре произведения.*

***Ключевые слова:** культурный текст, городской текст, Алматы, пространство, поэзия, проза, заглавие, мотив, сюжет*

Текст в семиотике культуры ограничивается рамками культурного пространства (то есть явлениями «второй» реальности, созданной человеком). Исследуя семиотическое пространство города, Ю.М. Лотман рассматривал его как «котёл текстов и кодов». В роли текстов выступают не только литературные произведения и письменные источники, но также и устные высказывания, и «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц...» [1]. Текст казахстанского города еще не стал предметом специального исследования гуманитариев, хотя уже появилось понятие, представленное на Второй международной научно-практической конференции «Культурный текст Астаны» в 2009 году [2].

Это понятие тесно взаимодействует с категорией художественного пространства, которое может быть осмыслено с разных точек зрения: оно может быть рассмотрено, обжито, изменено и, наконец, смоделировано. Как правило, в поэзии и отчасти в прозе эта структурная многоплановость связана с функционально-семантическим типом художественного текста: раскрывает тот потенциал образности, который в нем заложен. Возможна его интерпретация в соответствии с жанровым структурным канонем, а также осмысление средств экспрессивного воздействия на читателя. Так или иначе, но художественные модификации конкретного пространства в современной русской и русскоязычной поэзии и прозе Казахстана весьма многогранны. Должны признать, что в последние десятилетия категория пространства стала объектом пристального внимания ученых различных областей гуманитарного знания. Более того, в некоторых работах отражен новый методологический

подход к анализу пространства в рамках единой междисциплинарной научно-исследовательской парадигмы. Исследование структурно-семантических модификаций типов и моделей художественного пространства на современном литературном материале представляется одним из перспективных направлений в этой области, позволяющих проследить динамику значимых компонентов пространственно-временного континуума в творчестве современных казахстанских авторов.

По словам Д. Замятина, в последнее время «происходит интенсификация опространствления мира» [3, 65]. При этом «опространствлению» подвергается и само время, которое как бы поглощается пространством, так что «время можно помыслить как тело <...> оно не существует до и после, а то, что между телами – образы как их местоимение» [3, 67]. Ученые все чаще сегодня апеллируют к термину метапространство, основными признаками которого являются способность пространства к образной самоорганизации, «языковое представление пространства» (понятия «язык-пространство», «пространство метаязыка»), пограничность и «эксцентричность» пространства, его подвижность и «текучесть». Если говорить о новых формах репрезентации географического, исторического и конкретно-бытового пространства в современной русскоязычной литературе, то наиболее значимой следует признать модификацию «пространственной» семантики в рамках модели хронотопа. Этот тип художественного пространства яснее всего позволяет выявить динамику пространственных образов, модификацию структурных и семантических признаков художественного пространства в казахстанской поэзии и прозе последних десятилетий. Образы пространства, актуализированные исторической или современной реальностью, как правило, имеют вполне конкретные и узнаваемые географические адресаты. Примером тому могут служить стихотворения 1970-х – 2000-х г. О. Сулейменова, Б. Канапьянова, Б. Кенжеева, Б. Каирбекова, В. Михайлова и др. При этом, констатируя специфику культурного текста города, можно говорить об особом семиотическом статусе художественного пространства: в основе его структуры лежит принцип культурной синхронии, организующий пространственно-временное единство.

Важно отметить и особую актуальность подобной модели пространства для русскоязычной литературы, начиная с середины 1960-х г., когда еще во времена СССР началась эпоха новой интеграции в пространство европейской культурной традиции, и художники поспешили восстановить связь времен и пространств. Наиболее заметно эта тенденция проявляется в лирике О. Сулейменова. Его творчество в этом смысле особенно показательно в связи с тем, что поэтический мир автора всегда был отмечен особым вниманием к пространственно-исторической изобразительности, относящейся к облику его родного города.

В последующие десятилетия (1990 – 2000 г.) образы пространства сохраняют культурно-историческую маркированность, но включаются в особую модель

пространственно-временных отношений, что во многом порождено новой исторической реальностью. Следует уточнить, что речь в этом случае идет о так называемом национально ориентированном или традиционалистском русле современной поэзии. Модели и типы пространства в поэзии и прозе последних десятилетий имеют особую художественно-эстетическую природу и требуют отдельного исследования. В поэзии же «нового времени» соотношение между исторической реальностью и эмпирическим пространством носит вполне условный характер. «Географизм» образов исторического пространства в поэзии 1990-х – 2000-х гг. нередко служит своеобразным сигналом «топонимической узнаваемости». Так, общеизвестно, что для казахов и казахстанцев яблоко – это не только фрукт: очевидна его связь с топонимикой (Алмату, Алматы, Алма-Ата, Алма-Арасан, Алматау и др.) и антропонимикой (Алма, Алмагуль) Казахстана, хотя распространенные ранее имена с корнем «алма» сегодня даже не входят в перечень наиболее распространенных казахских имен. Зато на портале «Литературная Алма-Ата» (несмотря на официальное переименование южной столицы, он до сих пор именуется именно так!) помещены многочисленные литературные тексты, свидетельствующие о том, что как русский, так и казахский эквивалент этой формульной конструкции находятся в поле зрения поэтов и прозаиков [4]. В их числе тексты, в названиях или в первых стихах которых присутствует известный топоним («Алма-Ата заречная» - Олжас Сулейменов, «В Алма-Атинском саду» - Ярослав Смеляков, цикл Бахытжана Канапьянова «Алма-Ата», «Алма-Ата» - Аскар Даримбет, «Алма-Ата – как песня белых яблонь» – Куандык Шангитбаев, «Алма-Ата. Медео» – Римма Казакова и др.). Как правило, яблоня и яблоко – почти обязательные формульные компоненты поэтических текстов о южной столице наряду с другими архетипическими конструкциями города (горы, реки, арыки, собор, Пугасов мост, фуникулер и др.).

Одним из наиболее характерных «алматинских» текстов можно признать стихотворение 1980 года Бахыта Кенжеева, позднее вошедшее в его знаменитый цикл «Послания». Яблоко и яблоня являют собой в нем своеобразную «раму текста»: открывается стихотворение динамичным образом «бегущего» по улице наклонной яблока, а завершается ретроспективной картиной маленького сада, в котором «две яблони и куст жасмина»:

В краях, где **яблоко** с лотка
бежит по улице наклонной,
где тополь смотрит свысока
и ангел дремлет за колонной
облезлой церкви, в тех краях
где с воробьем у изголовья
я засыпал, и вечер пах
дождем и первую любовью...

не исчезает, и зима
сияющая входит в силу –
здесь триста лет назад чума
гуляла, и кладбище было,
а двадцать лет тому назад,
один, без дочери и сына,
здесь жил старик, державший сад –
две яблони, да куст жасмина... [5, 28]

Кстати, в этом цикле Бахыта Кенжеева формула яблока весьма популярна, нередко она имеет в своей основе явный или скрытый фольклорный интертекст, уже не связанный напрямую с известным топонимом, а обращенный к другому объекту:

Не призрак, нет, скорее пробуждение.

Кружится яблоко на блюде золотом.

(«Открыть глаза – и с неба огневого»)

Или:

а рядом просторы и вспухшие реки темны

луга и погосты написаны щедрою кистью

и яблоки зреют и Господу мы не нужны

и дуб великан обмывает корявые листья

(«Ах, город мой город прогнили твои купола») [5, 30]

В перспективе более детальное исследование культурного текста южной столицы Казахстана должна подтвердить гипотезу о том, что частая встречаемость формульной конструкции яблока и яблони в литературных текстах – не случайна. Этот символ, уходящий корнями в историю многих народов, в нашей стране наполнен не только региональным, но, кроме того, философским и человеческим смыслом, он – отражение ключевого понятия, в котором сосредоточен растительный мир предгорьев Заилийского Ала-Тау. Не случайно и сегодня образ яблони и яблока присутствует как в народной традиции, так и в профессиональной культуре.

Место–важная координата художественного мира лирического произведения. У современных поэтов оно может быть обозначено в заглавии с разной степенью конкретности, зачастую имеет в своей основе реальный или вымышленный топоним, иногда определено в самом общем виде. Последний тип топонимов был популярен в русской поэзии 19 века (см. примеры из произведений классиков), а в последние десятилетия века 20-го и на рубеже тысячелетий становится достаточно популярным. Среди заглавий, обозначающих место действия, у казахстанских поэтов выделяются реальные топонимы, которые часто содержат в себе не только информативную, но и эмоциональную оценку.

Безусловно, что Алма-Ата является «городским» центром в поэзии Михайлова: для автора это и универсальная «точка возврата», и место, которое никогда не станет периферией. Отдаленность или приближенность к Алма-Ате - это всегда предмет особой рефлексии лирического героя Михайлова. Геокультурный образ Алма-Аты можно считать самым сложным (по структуре, сегментированности, по метафорической наполненности и т.д.) и самым многогранным. Михайловская Алма-Ата формируется на пересечении культурных, исторических, фольклорных, литературных фактов и является для лирического героя более освоенным пространством: за исключением Караганды, которая является его малой Родиной и страной детства, Алма-Ата же для поэта как дом, так и одновременно место особого вдохновения, творения.

Выбор условного топонима автором обычно обусловлен общим замыслом произведения и требует комментариев автора или исследователя. Так обстоит дело с реальной основой топонима «собор», вынесенного в заглавие известного стихотворения В. Михайлова. Поэт ввел в название топоним, который каждый коренной алмаатинец определит уже по первым стихам («...под музей тогда же отданный / Стоит прекрасный наш собор») [6, 79]. Ведь в старых семейных альбомах до сих пор хранятся многочисленные фотографии старших родственников, фоном которых является одно из любимых мест жителей старой Алма-Аты. Именно здесь назначались свидания, проводились праздники и гуляния. Это место на территории одного из главных парков города, где и находится уникальное соборное строение Казахстана. Вознесенский кафедральный собор – это деревянная церковь высотой 56 метров, построенная в 1904-1907 годах. Апеллируя к традиционному представлению о соборах, имеющему место в русской православной церкви, когда Собором обычно называют именно главную церковь города, автор существенно сужает смысловые границы образа, который вбирает в себя общее и особенное. Итак, Алма-Ата – это центр, сердечное основание поэтического мира Михайлова, хотя это цельное и выстроенное геокультурное пространство и не может быть освоено лирическим героем в полной мере, поскольку этот город знает о себе все самое главное и как бы вовсе не нуждается в поэте. Важно отметить, что в поэзии Михайлова по многим позициям противостоит Алма-Ате Москва. Эти два города, которые никогда не сблизятся в том числе и на основании присутствия в первом из них горной стихии, столь значимой для михайловского героя. Кстати, и водная стихия важна ему повсюду: и в городе, и на открытом пространстве. И, возможно, в этой точке преодоления и освоения формируется ситуация родства Алма-Аты с другими географическими центрами страны и мира.

Подобные самые общие названия места, как правило, свидетельствуют и о предельно широком значении создаваемого художником образа. Так, валун из одноименного стихотворения Б. Канапьянова – это не только одно из названий глыбы, большой камень, но и казахстанская природа вообще со всем комплексом стихийных противоречий, связанных с непредсказуемостью их проявления («Принес его с вершины дальней сель») [7]. Как известно, заглавия,

обозначающие конкретное место действия, могут не только моделировать пространство художественного мира, но и вводить основной символ произведения («Театралка» Б. Каирбекова). Так, на сайте «Сленг Алма-Аты» есть информация о том, что «Театралка – легендарное кафе «Театральное» располагавшееся на углу улиц Джамбула – К. Байсеитовой. В настоящее время заново перестроено. Было культовым заведением в 70-80-е годы» [8]. Стихотворение Каирбекова обращено и к временам моей студенческой юности: уточню лишь семантику его заглавия: кафе находится рядом с театром оперы и балета, а почти напротив него – старый ТЮЗ. Ностальгическое припоминание прошлого – основной мотив стихотворения, ведь посетители кафе – студенты и так именуемые «бродовские ребята». Ведь кафе торцом выходило на культовый участок бывшей улицы Калинина, в те далекие годы именуемый в народе «Бродом». Было «модно» прогуливаться по нему и время от времени забегать в «Театралку»:

Хотя я не заядлый театрал,
Но в «Театралку» на свидания спешил,
И там под зонтиком матерчатым мечтал,
И о мечтах своих с подругой говорил.

Ах, там подружки были все красивы!
За каждым столиком – друзья, жаль,
денег нет...

И ведь не знал никто, что этот
миг счастливый
Мы будем вспоминать сквозь призму лет.

.....
И не было ни пьяных разговоров,
Ни бранных слов, ни хамства, ни беды...
Я вспоминаю тихий пешеходный город
И в арыках журчание воды [9, 166-167].

Историческая модель пространства таким образом в современной поэзии иногда смещается на периферию городского текста. Сакральный центр пространства символизирован в мифологемах Города, Дома и Сада. Это этический центр художественного пространства, олицетворяющий собой «образец мироустройства» новейшей модификации, своего рода преобразенный в национальный «первичный культурный космос» (М.В. Осорина).

Представляется возможным рассмотреть образ Алматы, заявленный и в современной казахстанской прозе. Литературная составляющая «Алматинского текста» как носителя особой городской культуры актуализирована во многих публикациях последних лет. Алматы (и Алма-Ата) выступает ключевым образом в произведениях М. Земскова, А. Баянова, А. Зубова, Е. Клепиковой. Материалом послужили циклы рассказов об Алматы известного алматинского

прозаика Елены Клепиковой. Елена Клепикова – лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и Казахстанской литературной премии «Алтын калам-2011». Как творческая личность она многогранна: профессиональный историк и литератор, преподаватель и ведущая семинара детской литературы и прозы в Открытой литературной школе Алматы. Работала в Центральном Государственном историческом музее РК, музее Истории города Алматы, Центральном государственном архиве.

В сборник под названием «Алма-атинские быльки» вошли около 30 небольших рассказов. «Каждый рассказ основан на реальном событии, они происходили со мной, моими знакомыми, алмаатинцами. Многие из этих событий имели в свое время общественный резонанс, были, что называется, на слуху. Отдельные рассказы – быльки связаны с именами известных в городе личностей: Калмыковым, Иткингом, Пышненко, Ахмадуллиным, или с популярными местами, кафе «Театральное», третий мост, пруд в парке Горького. Одним словом, быльки – это история города, рассказанная самим городом», – подчеркивает Елена Клепикова. События, легшие в основу книги, охватывают историю Алматы, начиная с 40-х годов прошлого века. По словам автора, «Алма-атинские быльки» – лишь малая часть собранного автором материала, раскрывающего «неофициальную историю» Южной столицы [10].

Размышляя об актуализации Алматы как культурного текста и о жанровой специфике цикла рассказов Е. Клепиковой, П. Банников подчеркивает: «Совершенно иной подход к истории, уже авторский, хотя жанр текстов, вошедших в книгу ближе к городской легенде. Истории Верного – Алма-Аты – Алматы, ставшие со временем полумифическими персонажи, сюжеты из жизни горожан в веке двадцатом и немного в двадцать первом, миниатюры-наблюдения за пространством, постоянно изменяющимся, но, кажется, всё ещё хранящим некоторый особенный дух. Вот этот дух Алма-Аты, пожалуй, и есть главный герой книги» [11].

Недавно вышла в свет и новая книга Елены Клепиковой «В городе яблок. Были и небыли» [12]. В аннотации подчеркнута жанровая специфика книги – это сборник городских новелл, основанных на быльках, городских легендах, жизненных историях и исторических экскурсах. Фольклорно-мифологический контекст составляют мифы и легенды об Алма-Ате. Термин «быльки», вероятно, является авторским и соотносится с фольклорными жанрами несказочной прозы – устными рассказами, легендами, быличками, «слухами и толками», бытующими в форме меморатов и фабулатов. Фольклоризм сборника заявлен на композиционном и образном уровнях – действующими героями являются не только «Голоса Города» – рассказчики историй о городе, духи алмагинских зданий, но и дома, площади, жители города. Исторический контекст составляют комментарии к историям, в которых даются точные даты события, названы исторические имена.

Елена Клепикова, историк по образованию и роду официальной деятельности, в анонсе написала: «...И все-таки главный герой книги – Город,

в котором непременно можно быть счастливым». В. Шупейкин подчеркивает: «Интересен литературный прием, примененный Клепиковой в подаче первой части книги – ее автор определяет как урбанистическая проза. И здесь опять же главный герой не человек, живущий в предлагаемых обстоятельствах, а сами обстоятельства: история зданий и районов, улиц и дворов, отправление читателя к датам и документам» [13].

Городской текст принято определять как комплекс образов, мотивов, сюжетов и т.п., который воплощает авторскую модель городского бытия – как в общих, так и в частных его проявлениях. Предполагается рассмотреть городские топосы, которые являют собой топосы пространства как среды обитания человека и связаны с построением образа города как определенного макрокосма, обуславливающего характер человеческого бытия; выделить доминирующие сферы: природную, включающую топосы природного пейзажа, обрамляющего окрестности города; природно-культурную, включающую топосы садов, парков, скверов и т.п.; культурную, внутри которой выделяются непосредственно городские топосы – улицы, дома, театры, проспекты, храмы, рынки, кладбища и т.п.; духовно-культурную, реализованную в художественном творчестве; сенсорную, включающую запахи и звуки города. Немаловажным является и образ городского сознания, благодаря чему городской текст предстает своеобразным хранилищем исторической, культурной и человеческой памяти [14].

Рассмотрим образ Алматы, представленный в первой части книги Елены Клепиковой «В городе яблок. Были и небыли». Голосов Города всего 12: Голос самого старого дома, Голос Старой площади, Голос покинутого дома, Голос купеческого дома, Голос городской аптеки, Голос Академии Искусств, Голос сгоревшего театра, Голос Алма-Атинского почтамта, Голос Оперного театра, Голос проспекта, Голос летнего кафе, Голос «наркомовского» дома. «Это ангелы-хранители нашего города, свидетели его бурной и драматической истории. Каждую ночь они собираются вместе и по очереди рассказывают истории своих домов. Все истории – абсолютны реальны, все герои жили или живут до сих пор», – подчеркивает автор [12].

Голоса рассказывают об известных зданиях Алматы, в каждом из рассказов Голосов реализована жанровая специфика как устного текста (рассказанного нарратива), так и литературная традиция короткого рассказа, новеллы с определенным набором мотивов и образов. Представлен рассказ в рассказе, обрамляющим является преамбула и послесловие самого Голоса, который комментирует, дает исторические сведения, слухи и толки, оценки. В преамбуле «Встреча» духи старых зданий Алматы договариваются встречаться каждую ночь и рассказывать истории. Голос самого старого дома предлагает: *«Сначала Голос рассказывает о себе – так лучше друг друга узнаем, познакомимся. Потом рассказывает историю, которая приключилась в его доме или рядом. Одна ночь, один Голос»* [12, 8].

В исторических комментариях и в самих рассказах Голосов реализована культурная сфера, внутри которой выделяются непосредственно городские

топосы, в частности, части города, улицы, проспекты, площади, горы, реки: Татарская слобода, Большая и Малая станицы, Дунганская слободка; улицы Калдаякова, Жибек-жолы, Тулебаева, Кунаева, Курмангазы, Фурманова, Гоголя, Торговая и Капальская, Богенбай-батыра, генерала Панфилова, Айтеке-би, Толе-би; проспект Абылай-хана, Старая площадь; горы: Кок Тюбе; реки: Узун-Каргалы, Малая Алматинка. Это памятники и скульптуры: памятник Ленину, памятник Маншук Маметовой и Алие Молдагуловой, Джамбулу и Пушкину; известные здания и дома, например, здание Дома правительства, ныне – Академия искусств имени Т.К. Жургенова; здание Дома правительства, ныне – Казахстанско-британский технический университет; здание Дома связи – Главпочтамт; здание Каздрамы на Коммунистическом проспекте (ныне Абылай хана, 38); Дом моды; Дом правительства Казахской АССР; аптеки, больницы, театры, кинотеатры: их было всего три, построенных и открытых почти одновременно: «Алатау», «Алма-Ата» в парке Федерации и «Ударник», переделанный из здания Софийской церкви в Большой станице; кафе и рестораны – «Акку», «Театральное», «Гости» и т.д.

В комментариях и рассказах также обозначена природно-культурная сфера, включающая топосы садов, парков и скверов и т.п.: парки и сады – Парк Федерации, Старокладбищенский парк (позже был соединен с Соборным и получил название Городской сад). «Название парка неоднократно менялось: в 1899 в связи с 100-летием со дня рождения А.С.Пушкина получил название «Пушкинский сад», в 1919 – Парк павших борцов за свободу, в 1927 – Парк Федерации, с 1942 – Парк имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев» [12].

Духовно-культурная сфера реализована в аксиологических оценках своих мест обитания, которые дают Голоса. Так, Голос городской аптеки говорит: «Жила в моем доме какая-то особенная аура, таинственная, успокаивающая, надёжная: здесь обязательно помогут» [12, 22]. В рассказах Голосов и в комментариях называются известные исторические личности, жившие и работавшие в Алматы: политические деятели – С.М. Киров, Л.И. Мирзоян, Л.И. Брежнев, архитекторы – Б.Р. Рубаненко, Г. Герасимов, скульптор Исаак Иткинд, купцы – Г.А. Шахворостов, владелец сапожных мастерских Тит Головизин, писатели, преподаватели и артисты. Посредством названия топосов, известных личностей и перечисления мотивов общинного бытия автор апеллирует к памяти слушателей и создает настроение лирической ностальгии.

Культурная память и образ городского сознания реализованы в преамбулах, собственно рассказах и послесловиях Голосов.

Ночь первая: Голос самого старого дома. Он рассказывает об образовании укрепления Заилийское в 1854 году. Голос с любовью говорит о красоте нового города: «Как же он был красив, утопающий в зелени, резной, ажурный каменный цветок». Его так и называли Каменный цветок Семиречья – я помню» [12, 9]. В историческом комментарии подчеркивается время основания города и его переименования: поселение Алматы, укрепление Заилийское,

Верное, город Верный, Алма-Ата (Алматы). Далее, по условиям встречи, Голос самого старого дома в первую ночь рассказывает свои истории – о трагическом землетрясении, разрушившем старый город Верный 28 мая 1887 года. В рассказе «И дрогнула земля...» повествует о землетрясении 28 мая 1887 года в восприятии глухонемого мальчика Федяши, который почувствовал приближающееся землетрясение и спас мать и сестренку.

Ночь вторая: Голос Старой площади. Рассказывает об истории и современном состоянии главной площади города, о пространстве площади – улицах и проспектах, скверах и фонтанах, памятниках, домах. В комментариях от автора называются все даты основания и переименования пространства старой площади. И далее Голос старой площади представляет историю о жизни комочников, которая произошла в 90-е годы. Это рассказ с характерной тематикой 90-х годов прошлого века о торговле в коммерческих киосках.

Ночь третья: Голос покинутого дома. Повествует в преамбуле об истории чудесного дома, построенного в конце 19 века для купца первой гильдии Г.А. Шахворостова, который одним из первых основал коммерческое предприятие по торговле колониальными товарами. Когда дом отдали под американское посольство, Голос дома купца сбежал в маленький дом напротив, где и произошла чудесная новогодняя история. Голос покинутого дома представляет святочную историю «Новый год». Рассказ построен по жанровым канонам календарного текста, структура которого обязательно содержит мотив чуда: хаос – чудо – гармония. 31 декабря утром от главного героя Кирсанова ушла жена. Кирсанов, испытывая дисгармонию, гулял по городу, купил апельсины и шампанское и вернулся домой. Возле дома стоял снеговик, Кирсанов решил его украсить. Все соседи присоединились, «оживили» снеговика, поставили под ним стол, елку и отметили всем домом Новый год. «Часы отбивали удары – соседи дружно чокались бокалами. Нежный хрустальный звон плыл в воздухе, переплетаясь с боем курантов. И когда стих отголосок последнего звука раздался густой баритон снеговика: – С Новым годом!» [12, 17]. Голос в послесловии подчеркивает мотив чуда: «И если можешь дать людям немножко счастья, если можешь сделать чудо – сделай» [12, 17].

Ночь четвертая: Голос купеческого дома. В преамбуле к рассказу воссоздается праздничная атмосфера города. Возле дома владельца сапожных мастерских Тита Головизина был построен бальный зал. «Но лучший бал устраивался на рождество. С утра – ёлка для детей, с хороводами, играми и подарками, а вечером бал-маскарад для взрослых. К балу-маскараду готовились задолго – втайне шили костюмы. Не дай бог, кто узнает у кого какой. И в рождественский вечер соревновались между собой Шемаханские царицы и Коломбины, Синдереллы и Ундины, Мушкетёры, Денди, Арлекины, Почтовые конверты и даже Эйфелева башня» [12, 18]. Сюжет последующего рассказа навеян образом сросшегося дерева, которое считается священным, т.к. обладает силой исполнения желания тех, кто положит ладони на ствол в месте слияния и загадает желание. Основной мотив рассказа «Дерево влюбленных» – сила любви.

Ночь пятая: Голос городской аптеки. «Аптекарь» говорит в преамбуле: «Мне интересно жить в этом доме и наблюдать не только за теми, кто приходит в аптеку, но и за обитателями квартир, которые живут над ней. Потому что всех их охраняет тот самый невидимый, но добрый и здоровый дух жизни» [12, 22]. Голос рассказывает историю мальчика с истинно гоголевским именем – Нечипор в рассказе «Жертва».

Ночь шестая: Голос Академии искусств. Подробно рассказывает историю своего дома: сначала это был главный дом страны – Дом правительства Казахской АССР, «через двадцать с лишним лет построили новый Дом правительства, а здесь поселились студенты сразу трёх факультетов университета: историки, журналисты и филологи. Назывался он тогда Казахский государственный университет имени С.М. Кирова. Такое вот стечение обстоятельств. Когда построили городок КазГУ и мои славные гуманитарии переехали, в дом заселилась киношно-театрально-художническая братия. Жизнь у меня пошла хлопотная, калейдоскопная, весёлая. Чему только не был я свидетелем и каких только историй не наслушался» [12, 26]. И далее он рассказывает занимательную «Музейную историю» о том, как пропал стакан, из которого пил чай Сакен Сейфуллин, а также другие экспонаты, и о находке пропажи.

Ночь седьмая: Голос сгоревшего театра. Вспоминает предвоенную Алма-Ату, о том, как и какие смотрели фильмы («Чапаев», «Волга-Волга», «Весёлые ребята», «Александр Невский»); как ели мороженое и торговали цветами: «Влюблённые встречались под часами у входа; мороженщик в белой куртке предлагал, зажатое между двумя круглыми вафлями, клубничное мороженое; торговали цветами алма-атинские бабушки: подснежниками ранней весной, тюльпанами, знойными летними барынями, ромашками и флоксами, прихваченными ночными морозами, пышными разноцветными астрами» [12, 29]. Рассказывается о том, как Алма-Ата стала кинематографической столицей Советского Союза, т.к. в город эвакуировали киностудии «Мосфильм» и «Ленфильм». Затем, в конце 1944 года Наталья Ильинична Сац создала казахстанский Театр юного зрителя. «Она и её единомышленники любовно обустроивали место, где каждый ребёнок чувствовал себя счастливым, а взрослый, пусть ненадолго, но возвращался в беззаботное детство» [12, 30]. Рассказ «Бармалей» – из цикла детских рассказов – о восприятии детьми детской литературы.

Ночь восьмая: Голос Алма-Атинского почтамта. Он рассказывает о том, как восстановили часы-куранты на башенке дома на углу проспекта Коммунистического и улицы Кирова (ныне проспект Абылай-хана и Богенбай-батыра). В последующем рассказе «Страшная история» воспроизводится Алматинская городская легенда конца 70-х годов прошлого века. Страшная история структурирована по жанровым канонам детской страшилки на сюжет «гроб на колесиках»: ночью из ковра появляется страшный призрак, а видящие его персонажи друг за другом умирают. После рассказа Голоса

вспомнили сюжеты детских страшилок про Красную руку, Черный дом, Летающую табуретку и Говорящее пианино. Страшилка «Про синий ноготок» воспроизводится полностью.

Ночь девятая: Голос оперного театра. В рассказе «Балет, балет, балет...» повествуется о мальчике, мечтающем о балете и попавшем в день рождения на балет «Щелкунчик» с участием Николая Цискаридзе. «И настал день рождения, и была сцена, и было сказочное представление, и была радость, и было счастье!» [12, 31].

Ночь десятая: Голос проспекта. «Мой проспект интересный, названия менял чаще всех в городе. Но в каждом названии, как в зеркале, отражалась эпоха» (улица Кладбищенская, улица Вокзальная, проспект Сталина, Коммунистический проспект, проспект Абылай-хана) [12, 40]. Голос дает аксиологическую оценку, включающую, кроме коллективной памяти, природную, природно-культурную, культурную и духовно-культурную сферы: «Я горжусь своим домом – проспектом: окружающими его парками, цветниками и площадями, его зданиями – библиотекой, главпочтампом, консерваторией. Горжусь ресторанами и магазинами – ЦУМом, «Детским миром», «Столичным», «Юбилейным», Люблю людей, которые ходят по тротуарам, сидят на скамейках парков, люблю, когда звенит детский смех, люблю высокое синее небо» [12, 40]. Рассказ Голоса «Пятьдесят восьмой день войны» повествует о том, как 316 стрелковая дивизия отправилась на фронт 18 августа 1941 года.

Ночь одиннадцатая: Голос летнего кафе. В преамбуле рассказывается о кафе «Акку», которое работало с ранней весны до поздней осени. Здесь был чудесный парк и рукотворный пруд, а воздух был пропитан ароматом кофе. «Люди – всегда нарядные, веселые: по утрам приходили родители с детьми, ближе к вечеру собирались артисты, журналисты, студенты» [12, 43]. Когда кафе сгорело, Голос стал перелетной птицей, белым лебедем, ищущим свой дом. Рассказал одну историю – рассказ «Случайная встреча».

Ночь двенадцатая: Голос «наркомовского» дома. В комментариях от автора рассказывается о том, как в 1931 году был построен Дом на набережной (Первый Дом Советов). В Алма-Ате в 1930-е годы был построен «где-то по образу и подобию Дома на набережной» жилой комплекс – первые многоэтажные дома. Дом на улице Фурманова называли «наркомовский дом». Случилась в этом дома история под названием «Лягман». Две подруги готовят уйгурский лягман. Во время разговора вспоминают детские игры «Штандер», «Выбивалы», «Кондалы закованы», «Море бушует», «В ниточки».

Завершаются рассказы Голосов философским апофеозом городу: «И Голос застигло утро». «А утром все по-прежнему – как утром позапрошлым, прошлым, будущим: Город живет своей жизнью. Кто-то умирает, кто-то рождается. Все течет, все проходит. Только одно остается неизменным – добрая память» [12, 50].

В быльках присутствуют фольклорные элементы, например, присловья и образные выражения: «Говорят, каждый мужчина за свою жизнь должен посадить дерево, построить дом и воспитать сына»; «Не любо – не слушай... А врать не мешай»; «На Бога надейся, но сам не плошай»; «Тут мухи отдельно – котлеты отдельно» [12]. Известное алматинское выражение «Катись казы по Курмангазы» прокомментировано автором: «это аналог «Катись колбаской по Малой Спасской» – известной поговорки, означающей «иди-ка ты отсюда». Объясняется распространённой в первой половине XX века привычкой бесплатно ездить на сцепке трамвая («на колбасе», как говорили в связи с её тогдашней трубообразной формой). Иногда поговорку перетолковывают как якобы намёк на тонкую колбасу, связанную кольцом, которая может с лёгкостью катиться» [12]. Комментируются известные жанровые скульптуры Пушкину и Джамбулу: «Так как скульптуры жанровые - Джамбул играет на домбре, а Пушкин идёт на зрителя с цилиндром в протянутой руке, алма-атинские остряки тут же прозвали эту композицию «Подайте нищему». Когда назначали встречи, говорили: «Встречаемся тогда-то у «Подайте нищему» [12, 30].

Таким образом, в качестве доминантных точек городского текста выделяются топосы пространства, природные и культурные сферы, образ городского сознания (досуг, жители), историческая, культурная и человеческая память, реализованная в аксиологической оценке автора и Голосов. Город Алматы в книге Е. Клепиковой изображается как конкретный культурно-исторический организм, как некое «хронотопическое» целое, существующее одновременно в прошлом, настоящем и будущем.

Следовательно, моделирование исторического и конкретно-бытового пространства алматинского культурного текста в творчестве современных казахстанских поэтов и прозаиков во многом наследует историю города, хотя за последнюю четверть века его структура подверглась значительным семантическим модификациям. В нем наблюдается очевидная диффузия модели исторического пространства, которая усиливает соотносительность с исторической реальностью и постепенно становится органичной частью бинарной структуры мифопоэтического хронотопа. Между мифопоэтическим и историческим пространствами устанавливаются сложные, амбивалентные семантические связи. Реальность историческая, спроецированная на культурно-исторические мифологемы, трансформируется в текст, который становится частью пространства сакрального с ключевыми мифологемами Город, Дом и Сад.

Литература

- Лотман Ю. Текст в тексте // Лотман Ю. Об искусстве. СПб., 1998. 704 с.
- Культурный текст Астаны // Психология. Социология. Политология. 2008. №8. С. 2-18.
- Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.

- Литературная Алма-Ата [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://almaty-lit.ucoz.ru> (дата обращения: 25.02.2017)
- Кенжеев Б. Послания. Алматы: Искандер, 2004. 328 с.
- Михайлов В. Золотая дремота. Алматы: Жибек жолы, 2005. 288 с.
- Канапьянов Б. Избранное: в 2 т. Алматы: Жибек Жолы, 2011. Т. 1. 480 с.; Т.2. 536 с.
- Сленг Алма-Аты (1960 -1980) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://alma-ata2.narod.ru/Sleng.htm> (дата обращения: 25.02.2017)
- Каирбеков Б. Навстречу солнцу. Алматы: ЖК «Нурақынов», 2014. 420 с.
- Клепикова Е. Алма-атинские быльки: странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви // Дружба народов. 2010. №7. С.123-136.
- Банников П. История в лицах и текстах. Три совершенно разные книги об одном – о нашей истории // Литер, 16 октября 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: liter.kz/ru/articles/show/2768-...копия vecher.kz/how2rest/gorod-v-...копия (дата обращения: 25.02.2017)
- Клепикова Е. В городе яблок. Были и небыли. Алматы, 2016. 105 с.
- Шупейкин В. Город, в котором непременно нужно быть счастливым [Электронный ресурс]. Режим доступа: vecher.kz/how2rest/gorod-v-...копия (дата обращения: 25.02.2017)
- Городской текст: литературоведческий смысл понятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: [//referatcentral.org.ua/ukrainian_копия](http://referatcentral.org.ua/ukrainian_копия) (дата обращения: 25.02.2017)

*Vlassova, Galina
Krivoshchapova, Tatyana*
Kazakhstan Branch of Lomonossov Moscow State University
Kazakhstan
g_vlasova@mail.ru; krivoshapova_t@mail.ru

«URBAN TEXT OF KAZAKHSTAN SOUTHERN CAPITAL IN CONTEMPORARY POETRY AND PROSE»

***Abstract.** The article “Urban Text of Kazakhstan Southern Capital in Contemporary Poetry and Prose» is devoted to the interpretation of this phenomenon in contemporary Russian speaking poetry and prose of Kazakhstan. Traditionally, cultural text is defined as a system of urban space, but in recent years this concept has been expanding, being applied to various specific features of the belles-lettres text. The main task is to interpret the worldview of contemporary Kazakh poets and prose writers, taking into account both implicitbiographical information and ethical and cultural experience represented in the text structure.*

***Keywords:** cultural text, urban text, Almaty, space, poetry, prose, title, motive, plot*

РУСИСТИКА В ИРАНЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Аннотация. В докладе ставится вопрос о традициях, становлении и развитии русистики в Иране. Излагается разнонаправленная работа в этом аспекте: введение изучения русского языка в нескольких университетах в различных степенях: бакалавриате, магистратуре и аспирантуре. Излагаются проблемы оснащения обучения русскому языку учебными пособиями и учебной литературой. В докладе говорится о работе Иранской ассоциации русского языка и литературы.

Ключевые слова: преподавание русского языка в Иране, учебный план в русистике, проблемы создания учебной литературы, научная и международная деятельность ИАРЯЛ.

Официальные двусторонние отношения Ирана и России насчитывают более пяти столетий. Несмотря на очень древние связи между Ираном и Россией, изучение России и русских классиков в Иране находится в самой начальной стадии и насчитывает меньше двухсот лет. Но уже за это короткое время изучения России и взаимовлияния русской и персидской литератур стало ясно, что культура и литература двух стран взаимно обогащались.

Персидские интеллигенты всегда следили за литературными и культурными событиями России. Первые переводы русской литературы в Иране появились в начале XX века, и они органически вошли в литературный процесс Ирана, оказав огромное влияние на формирование и развитие оригинальной персидской литературы.

Интерес к русской культуре и литературе всегда был достаточно велик среди иранской интеллигенции, особенно после исламской революции 1979 года. Это выражается как в публикации художественных произведений, так и в росте интереса к собственно русскому языку. Иран, видящий в России своего стратегического партнера, ориентируется на развитие широких связей с северным соседом. Расширяется преподавание русского языка и литературы в высших учебных заведениях Ирана, идет подготовка собственных квалифицированных кадров русистов, центром чего является Тегеранский университет. Здесь преподавание русского языка идет уже более 80 лет. Русский язык стал одним из первых предметов, который начал изучаться в университете сразу после его открытия в 1934 г. Интересно, что в то время группа русского языка состояла всего из трех студентов, а русский язык и литературу преподавали в Центре иностранных языков при факультете гуманитарных наук. В настоящее время кафедра русского языка и литературы работает на факультете иностранных языков, который открылся в Тегеранском университете в 1988 г. Обучение русскому языку в Иране

осуществляется также в Открытом исламском университете в Тегеране, где кафедра русского языка появилась после победы исламской революции в стране. В 2001 г. открылась кафедра русского языка в Мазендаранском университете в г. Бабольсар, в 2002 г. – в Мешхедском университете имени Фирдоуси в г. Мешхед, а в 2006 г. – в Гилянском университете в г. Решт, а затем и в Исфаганском университете. Наконец, в 2011 г. кафедра русского языка появилась в женском университете Аль Зохра и в университете Аламе Табатабаи в Тегеране. Кроме того, русский язык преподается и в некоторых частных институтах Тегерана и других крупных городов Ирана. Значительную часть преподавателей кафедр русского языка и литературы составляют выпускники МГУ, а также выпускники Тегеранского университета. Как и в России, преподавание ведется в разных институтах и университетах Ирана по разным учебникам и учебным пособиям, причем как по изданным в стране, так и используемым при обучении русскому языку иностранцев в России.

Иранцы очень высоко ценят русскую литературу. В произведениях русских писателей они видят отражение собственной жизни. Так, например, «наше общество также всегда ждало Дубровского, который мог бы защищать нашего народа от гнева угнетателей» [Амир Ахмадиани 1998].

На занятиях по литературе иранские студенты читают произведения русских классиков – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.А. Крылова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.А. Островского, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, И.А. Бунина и многих других. Они знакомятся также с русской литературой XVIII в. и с такими яркими ее представителями, как М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Д. И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев. Преподается также и древнерусская литература, в том числе, рассматриваются такие ее высокохудожественные образцы, как «Слово о полку Игореве» и «Повести временных лет». Сотрудники кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета осуществили комментированный перевод таких произведений, как «Вишневый сад» Чехова и «Люди и страсти» Лермонтова, «Чудик» и другие рассказы Шукшина, подготовили и издали монографии «Коран в творчестве Пушкина», «Иван Бунин и мир Востока», составили учебники по русской литературе «Теория литературы», «Введение в литературоведение», «Русская литература» и др.

В 2007 г. в Тегеранском университете была проведена конференция «Изучение России в Иране и в мире», в работе которой участвовали преподаватели и студенты иранских вузов и российские преподаватели. Было зачитано значительное количество содержательных докладов по проблемам русского языка и литературы.

В сентябре 2001 г. в Тегеранском университете впервые открылась магистратура по специальности «Методика преподавания русского языка», в сентябре 2004 г. – по специальности «Русская литература», а уже в 2007 г. – аспирантура по специальности «Русский язык». В 2001 г. в университете

Тарбийате Модаррес также начала функционировать магистратура по специальности «Методика преподавания русского языка», а уже в 2014 г. – аспирантура по специальности «Русский язык». А с сентября 2017 года – магистратура по специальности «Переводоведение». Ежегодно в университеты Ирана поступают на бакалавриат приблизительно 250 студентов, а в магистратуру и аспирантуру – 30 человек. Методика преподавания русского языка и литературы в иранских вузах постоянно совершенствуется, однако она еще очень далека от совершенства. Ее необходимо улучшать и приближать к целям практического использования полученных учащимися знаний. И, конечно, на этом пути есть определенные проблемы. Это недостаток хороших учебников, ориентированных на носителей персидского языка, новых словарей, а также отсутствие широких возможностей стажировки в России. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что иранские студенты используют предоставляемые им возможности получения филологического образования на разных уровнях в российских вузах, например, в МГУ, РУДН, МГПУ, Институте русского языка имени А.С. Пушкина, а также и в других образовательных учреждениях России.

В конце 2012 г. в Иране при Министерстве наук, исследований и технологий была создана Иранская ассоциация русского языка и литературы (Анджомане иранийе забан ва адабийате руси) – IARLL. Она представляет собой неправительственный институт и ведет свою деятельность в научной и исследовательской сферах. В Уставе Ассоциации говорится, что она «ставит своей целью систематизировать обучение русскому языку и литературе в иранских ВУЗах и способствовать любой научной деятельности, стимулирующей развитие русского языка и русской литературы». В частности, в нем отмечается, что Ассоциация «создается для научного роста, расширения и развития русского языка и литературы, качественного воспитания специалистов и оптимизации образовательных и исследовательских вопросов в этой сфере. Она планирует проведение научных и культурных исследований на национальном и международном уровнях с исследователями и специалистами, работающими в области русского языка и литературы». В этой связи «Иранская Ассоциация русского языка и литературы» с 1 по 3 декабря 2014 года в Тегеране проводила международный форум под названием «Современные направления, методы и приемы в практике обучении русскому языку как иностранному в персоязычной аудитории» и выставку книг на русском языке. На этом форуме присутствовали профессора Тульского педагогического университета им. Льва Толстого, Национального университета Таджикистана, Кабульского университета, а также профессора русского языка и литературы из иранских ВУЗов. В рамках этого форума прошли специализированные семинары повышения квалификации и знаний русского языка, участникам которых были присуждены международные дипломы. В планах работы Ассоциации выпуск журнала на русском языке, научных книг и монографий по русскому языку и русской литературе. И к настоящему времени вышли девять номеров запланированного «Исследовательского журнала русского языка и литературы», рассматриваемого в иранском сообществе как «попытку установить диалог между двумя народами, их культурой и мировоззрением», как

дань их общей любви к Слову. К отмеченному выше хотелось бы добавить, что в 2006 г. по решению Высшего Совета просвещения ИРИ в список иностранных языков, которые могут быть предложены для изучения в школе, наряду с испанским и итальянским был добавлен и русский язык. Таким образом, список из трех иностранных языков – английского, немецкого и французского – был дополнен еще тремя языками. Большую помощь делу продвижения русской культуры в целом и русского языка и литературы могло бы оказать возрождение традиции деятельности Российского дома культуры в Тегеране, подобного тем, которые существуют во многих странах мира, с курсами русского языка, доступными всем желающим его изучать.

Мы надеемся, что взаимовлияние и взаимообогащение русской и персидской культуры и литературы будут успешно продолжаться.

Литература

- Амир Ахмедиян Б. Ителаат (газета), Иран, 24 декабря 1998.
- Карими-Мотаххар Дж. Иранская Ассоциация русского языка и литературы. // Слово Ирана. Тегеран, 2013. № 18. С. 10–12.
- Каменева М.С., Карими-Мотаххар Дж. К вопросу изучения российско-иранских культурно-языковых связей. // Российско-иранские отношения (Проблемы и перспективы). М., 2015. с. 148-155.
- Карими-Мотаххар Дж. К вопросу об изучении русского языка в Иране. // Ирано-Славика. №2 (6). С. 71-72.
- Яхьяпур М. К вопросу об учебниках и преподавании русского языка в Иране. // «Современный учебник русского языка для иностранцев: Теоретические проблемы и прикладные аспекты». М., МГУ, 2002.
- www.ruskiymir.ru/news/rucenter/news2913.html.

Джанолах, Карими-Мотаххар

*Тегеранский университет, Тегеран, Иран
jkarimi@ut.ac.ir*

RUSSIAN STUDIES IN IRAN: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

***Abstract.** The report raises the question of tradition, the formation and development of Russian studies in Iran. Sets out a mixed job in this aspect: the introduction of Russian language study in several universities in different levels: undergraduate, graduate and postgraduate level. Outlines the problem of equipping of Russian language training manuals and educational literature. The report refers to the work of the Iranian Association of Russian language and literature.*

***Keywords:** the Russian language teaching in Iran, curriculum in Russian studies, problems of creation of textbooks, scientific and international activities IARLL.*

КАНОН НОВОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ В МИРЕ ПОЛЬСКИХ «ЛИТЕР»

***Аннотация.** Статья посвящается проблеме канона новой русской прозы в мире польских «литер» сегодня. Один из главных выводов: канон новой русской прозы в сегодняшней Польше следует понимать условно. На данном этапе это репертуар всех произведений, появившихся в польских печатных переводах, репертуар, который по большому счету зависит от маркетинга. Однако стоит проследить, что включает в себя этот набор произведений, формирующий читательское сознание о текущем литературном процессе в России, а также ответить на вопрос: кто является сегодня его создателем?*

***Ключевые слова:** канон, русская проза, польский перевод, издательство.*

I. Слово о каноне

В качестве преамбулы стоит отметить, что если в США и западной Европе, начиная с 80-х годов, прошла серьезная дискуссия по поводу канона, его новых форм, генезиса и значения, то в Польше как таковых обсуждений не было или были, но незначительные. В польской гуманитарной науке на данный момент отсутствует четкое определение, чем является канон литературы вообще¹. Одни считают, что канон - это группа авторов и произведений, которые входят в основной курс литературы, представлены в учебниках, библиографиях, публикациях литературной критики. Другие, что канон, а точнее каноны, это «знамена, благодаря которым отдельные общественные движения, народы, региональные образования, как например Запад, устанавливают свою родословную, определяют свою самобытность и представляют себя миру» [Wilczek 2004: 111]; „знамена”, которые не только отвечают за сохранность традиций, но и упорядочивают и иерархизуют коллективную память [Prokop 1998: 135]. Третьи считают, что канон – понятие условное и существует в своем множестве: потенциальный, доступный, селективный, официальный, личный, критический, педагогический, диахронический и современный [Świąch

¹ Вопросу канона посвящены следующие работы: *Kanon i obrzeża*, pod red. I. Iwasiów, T. Czernska. Kraków 2005. *Wiedza o literaturze i edukacja. Księga referatywnego Zjazdu Polonistów*, Warszawa 1995, pod red. T. Michałowskiej, Z. Golińskiego, Z. Jarosińskiego, Warszawa 1996; *Polonistyka w przebudowie. Literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja. Zjazd Polonistów Kraków*, 22-25 września 2004, pod red. M. Czermińska, S. Gajda, K. Kłosiński, A. Legeżyńska i in., Kraków 2005; J. Prokop, *Kanon literacki i pamięć zbiorowa*, w: J. Prokop, *Lata niby-Polski*, Kraków 1998; *Hierarchie, kanony, wartości. Z Adamem Czerniawskim rozmawia Piotr Wilczek*, «Opcje» 2001, № 5 (40), s. 34; «Znak» 1994, №7; J. Kaniewski, *Jaki kanon*. «Polonistyka» 2007, №5.

2005:16-17]. Четвертые, что никакого канона нет за отсутствием надобности и устанавливающего его Верховного Арбитра. Пятые оппонируют, что главными его определителями, в основном, являются министерство образования, если речь идет о школьном каноне, и маркетинг, если речь о литературе в целом, в том числе переводной. Полярность суждений о каноне национальной литературы (или об универсальном каноне литературы) объясняет отсутствие ясности в понимании канона переводной литературы, в том числе новой российской/русской² прозы.

Канон новой русской прозы в сегодняшней Польше следует понимать условно. На данном этапе это репертуар всех произведений, появившихся в польских печатных переводах, репертуар, который по большому счету зависит от маркетинга. Однако, стоит проследить, что включает в себя этот набор произведений, формирующий читательское мнение о текущем литературном процессе в России? Кто его составляет? Каков выбор – хаотичный или организованный? Зависит ли он от других факторов, не считая коммерции: например, позиция в российских и западных рейтингах, количество премий, читательский вкус, переводческие моды, политика издательств, специфика отношений между соседними странами и т.д.? Если переводная литература это всегда отражение только фрагмента широкой литературной панорамы, то что это за фрагмент? Можно ли на его основе проследить ключевые тенденции присвоения? Существует ли сегодня некий сознательный или бессознательный, переводческий или издательский «проект» принятия новой российской прозы в Польше?

Социалистические времена являются ярким примером наличия такого «проекта» принятия. Партийно-правительственным руководством определялся канон книг разрешенной литературы, учебники представляли собой некий стандарт, существовал список тем, допустимых к обсуждению; действовала определенная языковая политика и требовался солидный уровень знания русского языка. Впрочем, в неофициальном литературном процессе, «подземном», также был свой ключ в подборе литературы, распространявшейся в самиздате вопреки официальной культурной политике. Зачастую читались и переводились те авторы и произведения, находившиеся в «черном списке», которые для польской творческой интеллигенции были «анклавами свободы» [Wójciak 2010]. Ситуация резко изменилась после общественно-политической трансформации 1989 года, когда степень заинтересованности русской культурой резко снизилась, что отразилось также на количестве переводов. Недоверие и отсутствие интереса ко всему русскому стали ответной реакцией на советское прошлое³. Читаем:

² Слова «российская» и «русская» в данной статье буду употреблять как синонимы.

³ Ян Прокоп: «Парадоксально, отсутствие непосредственной, физической угрозы после 1989 года не разрядило, однако, напряжения и ...недоверие, не ослабило страха перед демоническим, непредсказуемым “русским медведем”» // Prokop J, Lata niby-Polski. Literatura-stalinizm-mity polityczne, Kraków, Viridis, 1998, с.199, с.125. Здесь и далее – перевод И.А. Ермашовой.

После 1989 года, а, значит, после завершения непосредственной угрозы, Россия представляется в средствах массовой информации не только как «вечная Россия», всегда нам враждебная – от Ивана Грозного до Ельцина, как имперский монолит, причем на всех уровнях – от главы государства до последней колхозницы. Но, что очень важно, как Россия, лишенная нимба великой литературы и искусства, лишенная духовной глубины древнерусских икон, драматических дилемм Достоевского, Соловьева, Бердяева, страстей и сострадания великих прозаиков-реалистов, Гоголя, Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Андреева, Пастернака, произведений эмигрантов и изгнанников, Бунина, Шестова, великих свидетелей Гулага Шаламова, Солженицына... Характерным будет здесь особенно голос писателя Ярослава Марка Рымкевича, который типичными творениями российской цивилизации считает «вонючие эксcrementы медведя», а не иконы Рублева или стихи Мандельштама [Prokop 1998: 120].

Начиная с «нулевых» ситуация неприятия и неприятия стала постепенно меняться, о чем свидетельствует рост числа все тех же переводов на книжных полках магазинов. А сегодняшний интерес к русской литературе – и классике, и к новинкам – порождает вопрос о пересмотре имеющихся канонов русской литературы в мире польских «литер» и становлении новых. Проблема канона новой российской прозы – вопрос обширный и, возможно, преждевременный, однако становится предметом научных конференций⁴. В данной статье я хотела бы рассмотреть один из аспектов, который приближает к ответу на поставленные выше вопросы. Речь пойдет о создателях сегодняшнего канона новой прозы в Польше. Среди большого списка участников (переводчики, создатели антологий, литературные критики, преподаватели) особую и важную роль играет издатель или издательство, непосредственно влияющее на рецепцию литературы и формирующее общественное мнение о ней. Примером послужит деятельность одного из польских издательств – «Выдавництво Чарне».

II. „Выдавництво Чарне”

Список издательств, выпускающих русскую, советскую, российскую литературу в польском переводе, немалый: «Знак», «В.А.Б.», «Выдавництво Чарне», «Муза», «Зелена Сова», «Выдавництво Литерацкие», «Инсигнис», «Вадавництво Искры» и многие другие. Часть из них занимается классикой, переизданием или изданием новых переводов, а часть – следит и пропагандирует новинки. Профиль одних – фантастика, фэнтези, профиль других – альтернативная история, шпионский роман; направление третьих – концептуальная и постмодернистская литература. Одни из них более продуктивны, другие менее. В общем потоке ситуация выглядит внушительно, но стоит помнить, что выбор отдельных издательств специфичен или часто

⁴ I Международная научная конференция «Русская литература в переводах на иностранные языки» на тему «Русский литературный канон: центры и периферии», Краков, 22-23 октября 2015 г., Ягеллонский университет, Польша.

продиктован коммерцией. Вместе с тем бывают исключения, например, когда издательство имеет свою политику, идеологию и предпочтения.

«Выдавництво Чарне» является небольшим частным независимым издательством, известным не только своей продукцией, с характерным графическим дизайном и узнаваемым логотипом, а также леволиберальной ориентацией. Последнее в некотором смысле определяет специфику издаваемой литературы и выбор рецензентов. Независимое издательство существует с 1996 года. Его название происходит от почти исчезнувшей деревни Чарне, находящейся в Низких Бескидах. Принадлежит основателям и владельцам, супругам: Монике Шнайдерман, антропологу, и Анджею Стасюку, писателю и поэту. Именно он в далеком 1987 году переехал из столицы в провинцию и поселился в Низких Бескидах, сначала в Чарне, затем в Воловце, где сейчас находится штаб-квартира издательства. В этом маленьком селе, состоящем из тринадцати домов, он ведёт натуральное хозяйство и поддерживает связь с миром через Интернет. Писатель много путешествует и преимущественно по Восточной Европе. Свою любовь к перемещениям по свету называет «патологической». Его тянет на окраину, периферию цивилизации, в малоисследованные места. Поездки служат ему источником вдохновения для творчества и философских размышлений о сущности бытия. Его предпочтения, позиция отшельника, независимого писателя-путешественника также определяют специфику литературы, издаваемой в «Выдавництве Чарне».

Издательство специализируется в литературе факта, эссеистике, польской и мировой прозе. В сферу особых предпочтений входит современный репортаж в его различных тематических и жанровых проявлениях, литература путешествий, документальная литература, биографии и исторические книги. Каталог авторов представляют такие имена, как: Анджей Стасюк, Кшиштоф Варга, Юрий Андрухович, Герта Мюллер, Пол Теру, Яцек Хуго-Бадер, Войцех Тохман, Мачей Заремба, Павел Смоленски, Мариуш Щигел, Тадеуш Конвицки, Светлана Алексеевич, Лидия Осталовска, Ляо Иу, Колин Таброн, Карл-Маркус Гаус, Мартин Поллак, Яхим Тополь и многие другие выдающиеся писатели, журналисты, признанные исследователи, всемирно известные имена и перспективные дебютанты. Круг интересующих тем в основном сводится к культурным проблемам, например проблемам этнических меньшинств, Центрально-Восточной Европы и Балкан.

Начало работы издательства связано с выпуском небольших тиражей главных польских книг 90-х годов. С 2000 года начинает динамично развиваться и расширяет свой издательский план до нескольких серий. Визитными карточками стали три основных. «Сулина» – литература факта, где исследуется феномен наследия и современности Центрально-Восточной Европы, «с ее секретами, которых стыдится, и глубоко скрытыми тайнами»⁵ (напр., Юрий Андрухович, Анджей Стасюк, *Моя Европа*, Бора Чосич

⁵ <https://czarne.com.pl/katalog/serie/sulina> (дата обращения: 28.06.2017).

Путешествие на Аляску). «Репортаж» – одна из самых узнаваемых серий нон-фикшн на рынке. Благодаря ей воцарилась в Польше мода на литературный репортаж. Включает в себя книги самых выдающихся польских и зарубежных писателей-репортеров (напр., Светлана Алексиевич *Время секонд хэнд*, Михал Ксенжек, *Якутск*). А также серия «Другая Европа, Другая Литература», в которой публикуются проза авторов из Венгрии, Румынии, Украины, России и бывшей Югославии (Юрий Андрухович, Адам Бодор, Данило Киш, Тарас Прохасько, Сергей Жадан), именно в этой серии предлагаются книги новой российской прозы.

III. Образ новой прозы

Самая презентабельная серия «Другая Европа, Другая Литература» уже самим названием вводит в проблематику и выясняет ее. Читателю дается возможность познакомиться с иной Европой, малоизвестной и отличающейся, иной литературой, непохожей или чем-то особой, и вообще с Иным – соседом, народом, нацией, человеком. Проблема Другого является здесь главной осью. На сайте издательства читаем описание данной серии:

(...)это экзотическое путешествие по неизвестной Европе; это литературное сафари по местам, о которых практически ничего неизвестно. Серия (...) является продолжением программы, реализуемой с начала существования «Выдавництва Чарне»: представлять самую интересную литературу центральной, восточной и южной Европы. Таковую, которая дает читателю волнительное чувство открытия новых, неизвестных, хотя географически не так отдаленных миров⁶.

Среди «не так отдаленных миров» российскую цивилизацию представляют следующие книги: Светлана Василенко *Дурочка* (2000), Захар Прилепин *Санька* (2006), *Патологии* (2005), Наталья Ключарева *Россия: общий вагон* (2008), Герман Садулаев *Я чеченец* (2006), Людмила Петрушевская *Время ночь* (1999). Эту точечную подборку сопровождают аннотации, отрывки рецензий и комментарии известных польских читателей, критиков, журналистов, блогеров, которые служат проводниками для читателя. На что же эксперты обращают внимание?

Дурочка Светланы Василенко⁷ – это аллегорическая история о немой «дурочке», родившейся в маленьком военном городке, родители которой решили избавиться от «позора», положив ребенка в колыбель и пустив по реке навстречу сиротской судьбе. Потом эта Дурочка, а точнее святая, будет спасать мир от атомной войны. В этой почти сюрреалистической картине о жизни Дурочки особое внимание комментаторы уделяют желанию автора показать прошлое советской республики в осколках кривого зеркала, где отражаются

⁶ <https://czarne.com.pl/katalog/serie/reportaz> (дата обращения: 28.06.2017).

⁷ *Głuptaska*, Swietłana Wasilenko – перевод Ежи Чех, 2007.

«старинные легенды, НКВД, клады, пионеры, атаманы, чудеса, православные обряды»⁸, где все построено на контрасте, сочетании жестокости и красоты:

„*Реалии эпох Сталина и Хрущева соединяются в книге Василенко с древнерусской легендой, пионерские песни с религиозной мифологией. Удивительный коктейль*” [Жебровска]⁹

Комментаторов привлекает не только ревизионизм, попытка разобраться с прошлым - сталинским и хрущевским, являя второе дно человеческих отношений, «ад советского террора», но и также особый язык произведения: «языковая прозрачность и эластичность», сатирический взгляд и горький юмор, калейдоскоп невероятных историй, балансирующих на границе басни и аллегории, а также узнаваемость традиции. Мотив больного ребенка, мотив юродивой, которая «своим замутненным сознанием возвышается над безумием современности» напоминает Адаму Поморскому [Поморски] героев произведений Достоевского и Платонова, а фантазмагория *Дурочки* – «иронично inferнальную прозу Конвицкого»¹⁰.

Если роман-житие притягивает своим сюрреализмом, то произведения Захара Прилепина *Санька* и *Патологии*, впрочем как и биография самого автора (члена национал-большевистской партии, ветерана двух чеченских войн, писателя, журналиста, музыканта, отца большого семейства) оказываются феноменом иного рода. Представленные в них явления – экстремистская национал-большевистская партия сегодня и патология чеченской войны – для польского читателя все еще новые, неизведанные, а в случае большевизма в новой версии, где соединяются под имперскими лозунгами коммунизм, неонацизм, национализм и анархизм – непонятные.

Санька, или Саша Тишин, имя главного героя книги. Ласковое прозвище, данное бабкой и дедом, предполагает мягкий и кроткий характер, однако молодой человек – бунтарь, агрессивный интеллектуал, член экстремистской национал-большевистской партии. Он, как и его соратники, умный, гневный и любящий родину, но во имя этой любви к матери-России готов разнести половину города и, если надо, погибнуть. Публикация перевода данной книги Прилепина – это некое приглашение издательства разобраться, что движет такими молодыми людьми, какая правда стоит за ними, в чем суть их духовного и политического созревания и как выглядит одно из проявлений русского патриотизма в постсоветское время?

Между *Бесами* Достоевского и *Борцовским Клубом* Паланика – Захар Прилепин рисует портрет современных российских революционеров,

⁸ Из описания: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/gluptaska> (дата обращения: 28.06.2017).

⁹ Анна Жебровска, там же.

¹⁰ Адам Поморски, там же.

сомневающих одновременно в смысле террористического бунта. Можно сказать, что это бескомпромиссная, мужская и в большой степени автобиографическая книга [Кофта]¹¹.

*Патологии*¹² являются неким продолжением поиска знаний о России. Тема войны, возведения ненормальности в степень нормы, превращения человека в машину-мясорубку – тема не новая, но именно чеченская война глазами российского наемника представляется здесь новым словом и неким документом недавнего прошлого. Сюжет простой: глазами спецназовца Егора Ташевского мы наблюдаем картину безжалостной чеченской войны, картину военной патологии, где нет места состраданию, главенствует только инстинкт самосохранения. Воспоминания о полной спокойствия нормальной жизни вне войны кажутся сном.

Сильная «мужская» книга, о страхе и ежедневных встречах со смертью, «оглушает, как выстрел из гаубицы, и остается в памяти, как кровавые картины с поля боя». Это некий документ психологического состояния прошедших войну, в том числе самого автора. «Его книга провоцирует вопрос, где заканчивается нормальность и начинается патология» [Вильк]¹³.

В продолжение чеченской темы, как контрапункт, следует книга Германа Садулаева, чеченца по национальности, *Я чеченец*¹⁴ (2006), в России опубликованная издательством «Ультра.Культура», специализирующимся на публикации радикальной и «альтернативной» литературы. Цикл повестей и рассказов, большинство которых объединяет место действия – Чечня 90-х годов, повествует не только о шокирующей войне, а прежде всего о том, кто такой чеченец и каково быть чеченцем в сегодняшней России.

И есть чеченцы, которые женаты на соплеменницах, говорят на родном языке, по два раза в год вывозят детей в Чечню и, собираясь туда, называют это не иначе как «домой». Они не называют домом то, где живут сейчас, даже если это их собственные квартиры, купленные или приватизированные. Но их все меньше. Новое поколение дружит с русскими девушками, ходит на дискотеки, не собирается возвращаться в село.

А есть мы, которые потеряли корни уже давно, еще до того, как начались войны. И мы скитаемся, «подобно облаку, разорванному ветром, не находя пристанища ни в том, ни в этом мире».

Мы стали чужими там, мы никогда не станем своими здесь.

Мы бы даже не помнили, мы бы давно забыли, что мы чеченцы, но нам напоминают об этом. Россия делает все для того, чтобы чеченцы стали

¹¹ Петр Кофта, <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/sankja> (дата обращения: 28.06.2017).

¹² *Patologie*, Zahar Prilepin - перевод: Малгожата Бухалик, 2010.

¹³ Мариуш Вильк, там же.

¹⁴ *Jestem Czechenem*, German Sadulajew - перевод: Катажина Равска-Гурецка и Войцех Гурецки, 2011.

настоящей нацией, единой и монолитной, и каждого птенца, вытравшего из гнезда, она силой запикивает обратно [Садулаев 2006]¹⁵.

Приведенный фрагмент иллюстрирует практически все затронутые темы в книге *Я чеченец*: любовь к родине, привязанность к земле и пейзажу, потеря корней, чувство национальной гордости, протест медиальному образу чеченского беженца. Именно это стало откровением и не оставило равнодушными литературных критиков:

Я чеченец - это полный боли роман о потере родины и разрыве с миром предков [Мажец]¹⁶.

Некоторые путешествуют в пространстве, а этот Садулаев забирает нас в путешествие в глубь чеченской души. Необычная книга. Ее можно прочитать в один день, но вы не сможете забыть о ней в течение многих недель. Герман Садулаев пишет о том, как трудно быть чеченцем. Сами убедитесь как очень [Решка]¹⁷.

Следует отметить, что выбор книги отвечает не только предпочтениям и позиции «Выдавництва Чарне», дающего право голоса разным точкам зрения, а также предпочтениям польского читателя, для которого такие понятия, как историческая правда, чувство независимости и национальной гордости не являются последними.

Панораму России середины нулевых годов, России «снизу», в которой зафиксирован всплеск народного гнева, польский читатель может увидеть в романе Наталии Ключаревой *Россия: общий вагон*¹⁸ (2008). Польский перевод названия таит в себе лингвистическую игру, которая, впрочем, гармонично отвечает отношениям многих поляков к русской культуре: *Pociąg do Rosji*. С одной стороны, речь идет о поезде, движение которого направлено в Россию, с другой стороны, словосочетание обозначает тягу, влечение к России.

Потому как влечение к России („pociąg do Rosji”) у нас в читательской крови, в вагон Ключаревой мы садимся без колебаний, мчимся с восторгом и с сожалением выходим, когда путешествие подходит к концу [Куркевич]¹⁹.

История студента истфака Никиты, путешествующего по России - «в поисках России», демонстрирует ее дальние уголки и приглашает в очередной раз задуматься о загадочности души его родины. Он едет и слушает чужие истории разноликих недотеп: жены шахтера, торгующей носками, педагога-

¹⁵ Садулаев Г., *Я чеченец*, Ультра.Культура, 2006, http://www.e-reading.club/bookreader.php/1027269/Sadulaev_-_Ya_-_chechenec.html (дата обращения: 28.06.2017).

¹⁶ Бартош Мажец, <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/jestem-czecenem> (дата обращения: 28.06.2017).

¹⁷ Павел Решка, там же.

¹⁸ *Wagon Rosja*, Natalia Kluczariowa - перевод: Малгожата Бухалик, 2010.

¹⁹ Роман Куркевич, <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/wagon-rosja>, (дата обращения: 28.06.2017).

общественника, авангардной поэтессы, попа-завзятого курильщика, странствующего философа, информатика-лузера, ветеранов отечественной войны, гомосексуалиста-колхозника, непонятливого переводчика Жижика и многих других. В конце и сам отваживается на действия и собственные суждения.

Мотив дороги и большая метафора поезда, которые прочно закрепились за многими великими произведениями русской и советской классики, на этот раз воплощают – как пишет Игорь Стокфишевски [Стокфишевски] – «историю о созревании к действию, к активному сопротивлению против злоупотреблений все более авторитарной политической и экономической власти»²⁰.

Роман Клучаревой - это следующий в русской литературе новейший арт-протест против олигархизации социальной действительности, в которой фантастическое умение поймать реальное и нереальное обжигаящими руками литературной фантазии идет в паре с диссидентским мировоззрением, над которым развеивается флаг с лицом Эдуарда Лимонова – символом массового сопротивления против правления Владимира Путина [Стокфишевски].

Завершает портрет «Другой» России и «Другой» ее литературы снова женский голос – повесть Людмилы Петрушевской *Время ночь*²¹ (1999), монодрама безработной поэтессы, которая волнуется о невеселой судьбе своих взрослых детей и маленького внука. Главная героиня - это российское воплощение фигуры «Матери-Польки», женщины, посвятившей всю свою жизнь семье и воспитанию детей в духе традиции и патриотизма. «Людмила Петрушевская в духе лучших традиций русской литературы – которая как никакая другая умеет уловить и одеть в слова вибрацию человеческого страдания – создает портрет женщины, одинокой и без остатка преданной семье» [От издательства]²².

Пример книги Петрушевской иллюстрирует любопытный момент, касающийся разницы в комментариях польских и англоязычных, американских, которые также фигурируют на сайте. Суждения западных критиков [«Publishers Weekly», «Sunday Times», «The Guardian», John Bayley, «The Big Issue»] сводятся к тому, что это «одна из самых сильных книг о нищете» [Amazon.com], что это «образ борьбы женщины за выживание в коммунистической России» [«Booklist»]; что это история о «капризной жестокости судьбы и в то же время самовольной капитуляции» [«The Independent on Sunday»]²³. Польские трактовки, в том числе польских феминисток, больше сосредотачиваются на общих точках соприкосновения с родной культурой и историей: «Людмила Петрушевская рисует в своей книге образ русской “Матери-Польки”:

²⁰ Там же.

²¹ *Jest noc*, Ludmiła Pietruszewska - перевод: Ежи Чех, 2012.

²² От издательства, <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/jest-noc>, (дата обращения: 28.06.2017).

²³ Там же.

измотанной, вечно с авоськами, уставшей и постоянно вытаскивающей своих детей из новых передряг» [Казимеровска]²⁴; «как наша Мадонна Очередей, которая несмотря ни на что верит в счастье» [Хутник]²⁵; или выходят на более универсальное прочтение:

...необычный плач об упорной повторяемости судьбы, неразделенных чувствах, горечи жизненного поражения — и все это в духе черной, ужасно грустной комедии родом из ада, в котором, как правило, нет прощения добрым делам, а зло всегда награждается. Во имя любви, конечно [Кофта]²⁶.

Какие еще авторы и книги представлены в сериях анализируемого издательства? Из классики, а серия так и называется «Классика», можно найти повесть Андрея Платонова *Котлован*²⁷ (1930), считающуюся в польском мире одной из главных книг XX столетия. И хотя это пример не новой российской прозы, но очень существенный в понимании издательских стратегий. Это не переиздание уже существующих переводов, а новый перевод, имеющий новое название – не *Жукоп*, а *Duł*, семантика которого ближе к платоновской версии, и сделанный по самой достоверной версии повести, опубликованной Российской Академией Наук в 2000 году.

Не написано в XX веке более привлекательной, страшной и мудрой книги о тоталитаризме и утопии(...). Действие Котлована происходит в антимире, в антидействительности, которая в конечном итоге оказалась еще как реальной [Стасюк]²⁸.

Новое издание Котлована - это важное событие по двум причинам. Во-первых, дает шанс на обновление читателям Платонова – писателя, без преувеличения, гениального. Во-вторых, Котлован чрезвычайно трудно поддается переводу(...). В результате каждое последующее соизмерение с платоновским текстом – это новое качество [Сыска]²⁹.

Серия «Проза мира» предлагает концептуальную повесть Владимира Сорокина *Метель*³⁰ (2010), которая завораживает постмодернистской смесью, замешанной на слове Чехова, народной сказке, футуристической фантазии. Снова образ дороги, а вернее – «российского бездорожья, которое является одновременно и путешествием в глубь всей русской литературы» [Мизуро]³¹. *Метель* - больше чем художественное произведение, это «историософская

²⁴ Кася Казимеровска, «Зверчадло», там же.

²⁵ Сильвия Хутник, там же.

²⁶ Петр Кофта, там же.

²⁷ *Duł*, Andriej Płatonow - перевод: Адам Поморски, 2017.

²⁸ Анджей Стасюк, <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/dol>, (дата обращения: 28.06.2017).

²⁹ Катажина Сыска, „Новая Европа Восточная”, 2017, 3, 31.05. 2017 // <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/dol>, (дата обращения: 28.06.2017).

³⁰ *Zamieć*, Władimir Sorokin - перевод: Агнешка Любомира Петровска, 2013.

³¹ Марта Мизуро, <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/zamiec>, (дата обращения: 28.06.2017).

концепция», «общественно-социологический памфлет» [Хосиньски]³², предлог «для постановки все новых и новых вопросов о России и россиянах» [Матьясек]³³.

В той же серии «Проза мира» и «Вне серии» можно познакомиться с двумя книгами Елены Чижовой *Время женщин*³⁴ (2010) и *Планета грибов*³⁵ (2014). В первой привлекает ленинградско-питерская, женская и семейная темы на фоне страшных унижений тоталитарной системы: «Благодаря Елене Чижовой(...) мы имеем возможность приблизиться к тому забытому миру и выслушать тех, кому до сих пор не разрешалось говорить» [Мицнас]³⁶, а во второй, *Планете грибов*, и повествование о социальных контрастах в России - вчера и сегодня, и проблема прошлого, заложниками которого являются герои романа.

Сложная российская реальность, жестокость системы, двойные стандарты, темные подпольные полумиры и отсталость провинции рисует – «волшебным» языком «безумия, грубости и пошлости, нежности и лирики, приправленной(...) “русским хардкором”» [Павликовски]³⁷ – психологическая драма или политический триллер Захара Прилепина *Черная обезьяна*³⁸ (2011). А понять проблемы сегодняшних российских диссидентов помогают книги Михаила Ходорковского, Натальи Геворкян *Тюрьма и воля*³⁹ (2012) из серии «Вне серии» и книга из серии «Репортаж» *12 несогласных*⁴⁰ Валерия Паниюшкина, где представлены портреты новых российских диссидентов эпохи Путина.

IV. Выводы

Если подводить итог краткому обзору новой российской прозы „Выдавництва Чарне”, то все произведения оценены по достоинству и в самой России, и в других зарубежных странах, о чем свидетельствуют разного рода литературные премии, читательское признание или раздражение. Главное, пожалуй, что всех их объединяет - это поиск новой России, такой известной и неизвестной, понятной и непонятной, похожей и непохожей одновременно, причем интересует не центр, а периферия, её дальние закуточки и судьбы простых людей, с которыми и сам издатель, Анджей Стасюк, нередко беседовал в поездах и на просторах необъятной страны. Выбор скорее предвзятый и

³² Себастьян Хосиньски, esensja.stopklatka.pl // Там же.

³³ Шчепан Матьясек, literatura.gildia.pl] // Там же.

³⁴ *Czas kobiet*, Jelena Czyżowa - перевод: Агнешка Совиньска, 2013.

³⁵ *Grzybnica*, Jelena Czyżowa - перевод: Агнешка Совиньска, 2016.

³⁶ Павел Мицнас, esensja.stopklatka.pl // <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/czas-kobiet>, (дата обращения: 28.06.2017).

³⁷ Мачей Павликовски, e-radar.pl // <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/czarna-malpa>, (дата обращения: 28.06.2017).

³⁸ *Czarna malpa*, Zachar Prilepin - перевод Ева Роевска, 2013.

³⁹ *Więzień Putina*, Natalia Gieworkian, Michał Chodorkowski - перевод: Агнешка Совиньска, 2012.

⁴⁰ *Dwanaścioro niepokornych. Portrety nowych rosyjskich dysydentów*, Walerij Paniuszkin, премьера: 2011, перевод: Ежи Чех, 2011.

точечный, но каждый вправе интерпретировать по желанию. В комментариях и описаниях зачастую прослеживается, с одной стороны, считывание того, что имеет ревизионистский и оппозиционный характер, т. е. критический взгляд на современную жизнь и недавнюю советскую историю, с другой стороны, видение универсальных ценностей, продолжение традиции.

Суммируя, стоит еще раз отметить, что каждый – переводчик, издатель, исследователь – является творцом еще формирующегося сегодня канона новой русской прозы в Польше. Это совместная работа над формированием образа литературы – нового, более полного и близкого оригиналу. Понятие «канон» по отношению к данному периоду литературы – в России или в Польше – еще несвоевременен и может использоваться лишь условно. В Польше на данный период – это весь переводческий репертуар, в список которого попали книги точно не случайные.

Литература

- Садулаев 2006 - Садулаев Г., Я чеченец, Ультра.Культура, 2006 // http://www.e-reading.club/bookreader.php/1027269/Sadulaev_-_Ya_-_chechenec.html (дата обращения: 28.06.2017).
- Все аннотации к книгам, отрывки рецензии, комментарии находятся на сайте «Выдавництва Чарне»: <https://czarne.com.pl/> (дата обращения: 28.06.2017).
- Kanon 2005 – Kanon i obrzeża, pod red. I. Iwasiów, T. Czarska, Kraków, Universitas, 2005, s. 372.
- Polonistyka 2005 - Polonistyka w przebudowie. Literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja. Zjazd Polonistów Kraków, 22-25 września 2004, pod red. M. Czermińska, S. Gajda, K. Kłosiński, A. Legeżyńska, Kraków, Universitas, 2005, s. 772.
- Prokop 1998 – Prokop J., Lata niby-Polski. Literatura-stalinizm-mity polityczne, Kraków, Viridis, 1998, s.146.
- Prokop 1998 – Prokop J., Mit Rosji Dzisiaj // J. Prokop, Lata niby-Polski. Literatura-stalinizm-mity polityczne, Kraków, Viridis, 1998, s. 115-127.
- Wiedza 1996 - Wiedza o literaturze i edukacja. Księga referatów Zjazdu Polonistów, Warszawa 1995, pod red. T. Michałowskiej i in., Warszawa, Instytut Badań Literackich, 1996, s. 984.
- Wilczek 2005 – Wilczek P., Kanon tradycji (uniwersalnej) a zadania narodowej historii literatury, s. 111- 120 // Polonistyka w przebudowie. Literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja. Zjazd polonistów, Kraków, 22-25 września 2004, zespół red. M. Czermińska, Kraków, Universitas, tom 2, s. 772.
- Wójciak 2010 – Wójciak M., Enklawy Wolności. Literatura rosyjska w Polsce 1956-1989, Kraków, Universitas, 2010, s. 364.
- Wydawnictwo Czarne – Wydawnictwo Czarne // <https://czarne.com.pl/> (дата обращения: 28.06.2017).

THE CANON OF THE LATEST RUSSIAN PROSE IN THE WORLD OF POLISH “LETTERS”

***Abstract.** The article “The canon of the latest Russian prose in the world of Polish “letters” concerns the presence of a particular canon or the lack of it in Poland. This issue is considered on the basis of the activity of the Polish publishing house “Wydawnictwo Czarne”. On the basis of the arguments presented here one can conclude that it is too early to use the word “canon” with regard to the literature of this period - both in Russia and in Poland and it can be used only under some conditions, but there are certain trends in the adoption of the new Russian prose today.*

***Keywords:** The canon, Russian prose, publishing house.*

ПОЭТИКА ЯЗЫКА «ЖЕНСКОЙ» ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ГРУЗИНСКИХ И РУССКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ)

***Аннотация.** Творчество современных грузинских писательниц характеризуется оригинальной трактовкой тем, сильной энергетикой и интересными языковыми экспериментами. Тенденция к самоиронизации вызвана желанием избежать ее интерпретации как примитивного излияния женских сентиментов. Русская «женская проза» характеризуется ярко выраженным авторским, индивидуальным началом. Писательницы часто обращаются к метафоричности и иронии. Сухая фактографичность в отмеченной прозе порой сливается с лиричностью. При характеристике персонажей прозаики большое значение придают психологической детали.*

***Ключевые слова:** женская проза, языковой эксперимент, художественная позиция, самоиронизация, метафоричность.*

В конце 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия в русской литературе сформировалась т.н. «женская проза». Статус и характер женской прозы до сих пор остаются дискуссионными. Говоря о целесообразности выделения женской прозы из общего литературного процесса, критики, в первую очередь, видят в ней «новую физиологию, новую онтологию» (О. Дарк), особую интонацию, новый менталитет и т.д. М. Абашева пишет: «Судя по всему, у нас появилась женская проза. Нет, не то чтобы женщины раньше, десятилетие или два, три назад, не писали рассказов и повестей. Писали. Печатались. Но такого изобилия женских имен в «толстых» журналах не встречалось, специальные женские сборники («Женская логика», 1989, «Чистенькая жизнь», 1990, «Непомнящая зла», 1990) один за другим не выходили. Да и споры о том, существует ли женская проза, не возникали, поскольку не было предмета» [Абашева 1992: 9].

В грузинской литературе также выявились феминистические тенденции, однако не в такой организованной форме.

Если окинуть взором грузинскую литературу XX века с гендерной точки зрения, можно констатировать, что авторов-женщин в ней сравнительно мало, тем более таких, которые заняли бы достойное место среди писателей-мужчин. В виде исключения можно назвать Анну Каландадзе в поэзии, а в прозе – Наиру Гелашвили.

Характерным фактом является то, что актуализация женского писательского феномена в грузинском литературном процессе началась именно в период разрушения диктаторского государства. Именно в это время начинают

активную деятельность такие авторы, как Анна Кордзайя-Самадашвили, Кети Нижарадзе, Мака Микеладзе, Эка Гаганидзе, Теона Доленджашвили, Майя Нанобашвили, Нино Тархнишвили. Они смело внесли в грузинскую литературу тексты совершенно иного дискурса, эротику, начали размышлять о сексе и физическом удовольствии без эвфемизмов. Разумеется, пассажи, в которых выявляется подобный языковой натурализм, на непривыкшего читателя имели шокирующее воздействие. Это тоже своеобразная форма эпатажа или бунта.

Очевидно, что в этот переходный период, выделяющийся своим явным постмодернистским характером, «эпистемологическое сомнение» приобретает всеобщий характер, а переоценка ценностей становится необратимым процессом. «Травматический женский субъект становится видимым и обретает голос... Женское позиционирует себя как маргинальное, второстепенное, аутентичное, неадекватное по отношению к официальному, безупречному мужскому» [Кислова 2017: 197].

Многозначительным является и то, что постмодернистские тенденции первоначально появились в прозе писательницы Наиры Гелашвили. С этой точки зрения типичным является ее рассказ «Показание», опубликованный в 1984 г. В нем использован т.н. «метод нарезок». Текст составлен из разных документов, официальных справок, которые не сопровождаются никакими комментариями. Это сухие канцелярские документы: история родов № 1713, история новорожденного № 1920/1713, выписка из дел детской комнаты, аттестат № 010030, автобиография, свидетельства о браке и разводе, справка о смерти и другие. Отмеченные документы посредством двойного кодирования в тексте художественного произведения приобретают силу особого эмоционального воздействия. Перед читателем проходит трагическая история семьи Гиоргобиани.

В 1981 г. Н. Гелашвили опубликовала интересный рассказ «Уезжаю в Мадрид», в котором писательница уловила и прекрасно передала отчуждение человека эпохи постмодернизма с окружающим миром, его одиночество, его сознание, которое мечется между реальным и иллюзорно-виртуальным мирами: «Основной поток его жизни, как видимое (работа, семья и др.), так и невидимое (путешествие и др.) «как будто», протекал в освещенном звездами пространстве. Первый поток – и было, и не было (так как Личели в нем не участвовал всей своей сутью), а второго не существовало, но все-таки было, так как завладел существенной частью персонажа» [Гелашвили 2016: 117]. Этот «как будто» - многозначительный языковой феномен, который можно выразить следующим образом: «несуществующее как существующее», и передает трагикомичность существования персонажа.

Для произведений Н. Гелашвили характерен интертекстуализм. В этом отношении интересная картина создается в романе «Комната матери», в котором обильно цитируется Библия. Она помогает протагонисту в поисках собственной личности.

Характерно также, что в отличие от прозы членов группы «Новые амазонки» (основными персонажами их произведений являются женщины и писательницы рисуют мир мужчин, увиденный глазами женщин), основными персонажами рассказов Н. Гелашвили выступают мужчины. И что весьма важно, им также не чуждо чувство отчуждения, одиночества, боли, пустоты, ощущение абсурдности существования. Их тоже давит каждодневная жизненная рутина: «Наша жизнь – тяжелая книга... с темными страницами» [Гелашвили 2016: 173].

В рассказе «Показание» мы встречаемся с еще одним постмодернистским приемом, имеется в виду «маска автора»: происходит диалог (вернее, полемика) между автором и читателем, создается метатекст, в котором писатель размышляет о процессе создания текста: «Литература должна быть извинением... перед кем? Перед человеком, которому больно и одиноко и который умирает» [Гелашвили 2016: 161]. Именно такие одинокие, отчужденные, травмированные персонажи живут в прозе Н. Гелашвили.

Неслучайно, что в 2016 г. сборник рассказов Н. Гелашвили вышел под эгидой «Грузинской альтернативной прозы». Ее тексты действительно неординарные, они удивляют читателя своеобразной трактовкой образов, особенной писательской манерой.

Русская «женская проза» также характеризуется ярко выраженным авторским, индивидуальным началом. Для передачи собственной художественно-эстетической позиции писательницы (Т. Толстая, Л. Петрушевская, В. Токарева) часто обращаются к метафоричности, иронии, самоиронизации. Нередко происходит слияние сухой фактографичности с лиричностью, что усиливает эмоциональное воздействие произведений. При характеристике персонажей писательницы большое значение придают психологической детали, как, например, в творчестве В. Токаревой.

В. Токарева внимательно анализирует психологическую основу ситуации, в которой оказывается ее персонаж. Именно это достоинство отличает ее произведения от т.н. «дамских романов». В отличие от драматической ситуации, на которой выстраивается «дамский роман», в «женской прозе» особое значение имеет рассматриваемый конфликт, он не только определяет взаимоотношения между героями и динамику действия, но и становится способом оценки и характеристики персонажей [Русская проза ... 2005: 170].

Вероника из «Длинного дня» В. Токаревой, не находя другого пути для спасения своего ребенка, провоцирует ситуацию. Ее поведение основано на т.н. феномене женского вранья – мать вынуждена играть чужую роль, чтобы спасти своего ребенка. Чтобы добраться до самого лучшего врача Егорова, она договаривается с ним о серии очерков в газете. Разумеется, никаких очерков не предвиделось. Ради спасения дочери мать готова на все, «похожая на весну» Вероника совершенно преобразуется: «Когда зав заглянул в комнату, он ничего

не понял. Вместо сломленной в плаче Вероники сидел маленький портативный танк, отделанный натуральным шелком и прибалтийским янтарем».

В произведениях В. Токаревой внимание обращает обильное использование некоторых видов тропов. На каждом шагу встречающиеся сравнения, крылатые выражения, метафоры несколько умаляют художественную ценность ее произведений. Например, «...так же, как тормозить машину на полном ходу в гололед», «...здесь трагедии дело привычные, как градусники в банке», «цель оправдывает средства», «...пора их вносить в Красную книгу» и др. Детальное разъяснение с помощью сравнений, притом довольно избитых, несколько упрощает мысль, делает эмоциональный фон менее выразительным. Бесконечные «как», «словно», «будто», как сказал Чехов, чуть «портят пейзаж».

Женские истории Л. Петрушевской представляют весьма интересные характеры, которых нельзя как-то однозначно и четко определить каким-нибудь одним словом. Даже, когда рассказчица повести «Свой круг» как-то категорически характеризует себя («Я человек жесткий, жестокий, всегда с улыбкой на полных румяных губах, всегда ко всем с насмешкой»), и настойчиво старается убедить нас в этом на протяжении всего сюжетного времени («... он... невзлюбил меня, как все, с первого взгляда и навеки»), подробности ее житейской истории заставляют нас усомниться в этом, развитие действия представляет совершенно другого человека, не жесткого, а заботливого, не жестокого, а нежного, не циничного, а трезво мыслящего. Героиня хорошо знает «свой круг» и не надеется на сострадание и милосердие со стороны своего окружения. С ними нужно играть по их же правилам и поэтому она совершенно верно провоцирует сюжетную ситуацию – на глазах у своих «друзей» избивает в кровь собственного сына. И этим она устраивает его дальнейшую жизнь, обнажая при этом истинное лицо своего окружения. «...Под знаменем «романтической традиции» они совершат с готовностью ...это доброе дело – призреют сироту. Только лозунг им обязательно нужен, идея руководящая. Христианское милосердие им чуждо – климат «вечеринок» убедительно показывает его полное отсутствие в этом мини-социуме» [Сушилина fogum. hi-edu.ru].

Таким образом, в современной грузинской и русской прозе наблюдается изменение гендерного баланса. В последние годы значительно возросло число женщин-прозаиков, активно пишущих на разные злободневные темы. Творчество современных грузинских писательниц характеризуется оригинальной трактовкой тем, сильной энергетикой и интересными языковыми экспериментами (Н. Гелашвили, А. Кордзая-Самадшвили, М. Бекаури и др.). Тенденция к самоиронизации, наблюдаемая в грузинской женской прозе, вызвана желанием избежать ее интерпретации как примитивного изливания женских сентиментов. Язык и стиль современных грузинских писательниц порой вовсе не женский, даже наоборот, иногда подчеркнута мужской. Русская «женская проза» характеризуется ярко выраженным авторским,

индивидуальным началом. Для передачи собственной художественно-эстетической позиции писательницы часто обращаются к метафоричности и иронии (Т. Толстая, Л. Петрушевская). Сухая фактографичность в отмеченной прозе порой сливается с лиричностью (Л. Улицкая). При характеристике персонажей прозаики большое значение придают психологической детали (В. Токарева). Писательницы концентрируют свое внимание на особенностях женской психологии, их интересует женская логика, последовательность мыслей женщины, и в особенности, феномен материнства.

Литература

- Абашева М. Чистенькая жизнь не помнящих зла // Литературное обозрение. 1992. № 5-6.
- Гелашвили Н. Рассказы. Тбилиси, 2016.
- Кислова Л. Новая гендерная концепция в русской прозе 1980-1990 годов. // Материалы международной конференции «Язык и культура». Грузия, Кутаиси, 2017.
- Русская проза XX века. Под редакцией Т.М. Колядич. М., 2005.
- Сушилиа И.К. Современный литературный процесс в России. <http://forum.hi-edu.ru>

Kajaia, Nana
Makhachadze, Shorena
Batumi Shota Rustaveli State University
Batumi, Georgia
nana.kajaia@yahoo.com
shore.mak@mail.ru

THE POETICS OF THE LANGUAGE OF “FEMALE” PROSE (BASED ON THE CONTEMPORARY GEORGIAN AND RUSSIAN WRITERS)

Abstract. The creative activities of modern Georgian authoress are characterized by an original interpretation of topics, strong energetic and interesting lingual experiments. The tendency to self-irony is caused by the ambition to avoid its interpretation in primitive female's sentiments way. The Russian women's prose is characterized by a strongly marked copyright and individuality. Authoresses are often put to use metaphors and irony. Sometimes the dry factography merges with lyricism in the above prose. The main characteristic of prose's characters is a psychological factor.

Keywords: Female prose, language experiment, artistic position, self-ironization, metaphorical.

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается русская эмигрантская поэзия на примере лирики поэтов первой волны эмиграции В. Набокова и И. Кнорринг. Дано определение поэтической реминисценции как жанра на основании содержательной общности реминисцентных текстов, их эстетического своеобразия, особенностей образной системы и поэтического языка. Феномен реминисцентного жанра в лирике поэтов-эмигрантов объясняется условиями, в которых формировалось их творчество. Драматические коллизии гражданской войны, изоляция от Родины обуславливают общность мотивов лирики поэтов-эмигрантов.

Ключевые слова: русская эмигрантская поэзия, реминисцентный жанр.

Реминисценция есть ментальный процесс, обращенный к образам и представлениям, закрепленным в памяти человека, в его индивидуальной картине мира. В художественном творчестве под реминисценцией мы понимаем те разнообразные в семиотическом смысле художественные формы, в которых находят выражение такие образы. С семиотической точки зрения реминисценция предстает как особый семиотический код, наделенный содержанием и структурой и актуализирующий образы прошлого. Реминисцентность в разной степени характеризует поэтические произведения русской литературы и звучит по-разному, насыщая их сообразно духовному складу и мироощущению авторов, можно говорить о разных типах поэтической реминисцентности. Так, ментально-чувственная реминисцентность пушкинской лирики напряженно деятельна: «Мечты кипят; в уме, подавленном тоской, / Теснится тяжких дум избыток;/ Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток...» (Воспоминание). В поэзии И. Анненского воспоминания эстетизированны, они оттенены переживанием «красоты утрат», сопряжены с пережитым страданием: «Ты не придашь мечтой красы воспоминаньям – / Их надо выстрадать, и дать им отойти, / Чтоб жгли нас издали мучительным сознанием / Покатой легкости дельнейшего пути» (Любовь к прошлому). А интенция есенинских реминисцентных строк ориентирована к душевному покою: «...Не буди того, что отмечалось, / Не волнуй того, что не сбылось...» (Письмо к матери). Я вспоминаю то, / Что видел я в краю / Стихи мои, / Спокойно расскажите / Про жизнь мою» (Мой путь).

Далее некоторые особенности реминисцентного жанра рассмотрим на примере лирики русских поэтов-эмигрантов В. Набокова и И. Кнорринг. Если лирика В. Набокова в определенной мере изучена, хотя она и известна гораздо

меньше, чем набоковская проза, то с поэзией И. Кнорринг, почти не известной в России, современный читатель познакомился лишь в самые последние годы.

Феномен ностальгической реминисценции в лирике поэтов-эмигрантов первой волны в определенной мере объясняется условиями, в которых формировалось их творчество: драматические коллизии гражданской войны, дорога, изгнание, утрата корней, родового гнезда, изоляция от Родины, скитания на чужбине, переживание тоски по родной земле. Все это обуславливает общность мотивов лирики поэтов-эмигрантов. Тема памяти становится главной в их творчестве. В изгнании воспоминания становятся для писателей-эмигрантов главной интеллектуальной «средой обитания», средой интенсивной внутренней жизни, обостренной интеллектуальной работы, вслушивания в слово. Эту тему последовательно развивает В. Набоков в период, который он сам в обзоре своего поэтического пути назвал «периодом ретроспективно-ностальгического кураторства» [Смирнов 1991: 11]. В условиях эмиграции он погружен в язык и мир воспоминаний: «Лишь отошла земля родная... мою тоску воспоминанья клянусь я царственно беречь...» (Герб). В художественном творчестве В. Набокова воспоминание – излюбленная тема с характерными для нее художественными средствами, к которым он прибегает очень часто и в поэтическом творчестве («Воскрешаю я все, что бывало...» (У камина); «О звуки, полные былого!» (Домой); «Позволь мне помнить холодок щемящий зеленоватых ландышей...» (Родине); «Стеною, странно освещенной, стоит за мною жизнь моя» (Я помню в плюшевой оправе); «И вспомнил: допотопный ужас...» (Автобус); «Взгляну – и мне счастье вспомнится...» (Россия)), и в прозе: «Картофельный эльф», «Рождество», «Круг», «Дар», «Весна в Фиальте» [Карпенко 2013: 41-52].

Тема памяти реализуется у В. Набокова в комплексе взаимосвязанных и созвучных мотивов: России, Родины, русской природы, родного языка, родовой усадьбы, Петербурга, дома, детства, юности и под. Первые два главенствуют в реминисцентной лирике В. Набокова. Поэт говорит о покинутой родине как о путеводной звезде, как о самом главном в своей жизни: «Ты – в сердце, Россия. Ты – цель и подножие, / Ты в ропоте крови, в смятенье мечты. / И мне ли плутать в этот век бездорожия? / Мне светишь по-прежнему ты» (Россия).

В. Набоков рисует Россию как живой образ, наполняющий все чувства лирического героя: «Ты в страсти моей и в страданиях торжественных», «Я слышу твой реюющий зов». Как поэт он, подобно И. Анненскому, придает красоту выстраданным воспоминаниям: «И люблю я, как льются под осень дожди, / И под пестрыми кленами пеструю слякоть. / Есть такие закаты, что хочется плакать, / А иному шепнешь: подожди. / Если ветер ты любишь и ветки сырые, / Божьи звезды и божьих зверьков, / Если видишь при сладостном слове «Россия» / Только даль и дожди золотые, косые / И в колосьях лазурь васильков, – / Я тебя полюблю, как люблю я могучий, / Пышный шорох лесов, и закаты и тучи, / И мохнатых цветных червяков...» (Знаешь веру мою? 1922).

Совпадающий в главном комплекс переживаний о покинутой родной земле характерен и для лирики И.Н. Кнорринг. Ирина Николаевна Кнорринг родилась в селе Елшанка Самарской губернии в 1906 г. Отец будущей поэтессы, Николай Николаевич Кнорринг (1880-1967), был известным историком и публицистом. В ноябре 1920 г. семья Кноррингов эмигрировала из Севастополя в Бизерту (Тунис) в составе Морского кадетского корпуса, в котором Н.Н. Кнорринг преподавал историю. В 1925 г. семья оказалась во Франции, где Ирина вышла замуж за поэта, переводчика и мемуариста Ю.Б. Софиева. Умерла Ирина Кнорринг в Париже в начале 1943 г. При жизни поэтессы вышло два сборника ее стихов: «Стихи о себе» (Париж, 1931) и «Окна на север» (Париж, 1939). Еще три сборника были опубликованы уже после её смерти: «После всего» (Париж, 1949), «Новые стихи» (Алма-Ата, 1967), «После всего»: Стихи 1920–1942 гг. (Алма-Ата, 1993).

Как пишет И.М. Невзорова, «лирика И. Кнорринг – одна из наиболее искренних и трагических страниц в истории русской поэзии XX века. Ее творческую манеру называли поэтикой минимализма; ей свойственна дневниковость, документальность, отсутствие декоративности и риторики. Стихи И. Кнорринг, сумевшей найти «новый трепет», выражающий мироощущение русских эмигрантов, стали энциклопедическими» [Невзорова 2009: 242].

Основной темой, сближающей творчество В. Набокова и И. Кнорринг, является тема России: «Россия – плетень да крапива. / Ромашка и клевер душистый, / Над озером вечер сонливый, / Стволы тополей серебристых. / Россия – дрожащие тени, / И воздух прозрачный и ясный, / Шуршание листьев осенних – / Коричневых, желтых и красных... / Россия – глубокие стоны, / От пышных дворцов до подвалов, / Тревожные цепи вагонов / У душных и темных вокзалов. / Россия – тоска, разговоры, / О барских усадьбах, салазках... / Россия – слова из которых / Сплетаются милые сказки» (Бизерта, 1924).

Едва оказавшись в эмиграции, И. Кнорринг тяжело переживала потерю связей с родной страной и постоянно возвращалась к мысли о необходимости возвращения в своем дневнике: «...Ехать в Россию — это только нам и остается! Я теперь считаю, что наша эвакуация была роковой ошибкой. Но ведь мы надеялись вернуться триумфаторами, а уж если это на веки вечные, тогда другое дело... Нет, надо ехать в Россию; страшно, но все равно, рано или поздно, мы вернемся... Пора!» (19 января /1 февраля 1921).

Воспоминания о России, переживания эмиграции, чужбины, неволи, скитаний, неустроенности жизни, безысходности, невозможности возвращения стали основными темами поэзии И. Кнорринг. Ее стихи открывают душевный надлом переселенцев, мысленно не расставшихся с Россией, а продолжающих жить надеждой на возвращение.

Эти чувства были глубоко пережиты самой поэтессой: «Пересветы южных морей / Перепевы северных выюг — / Все смешалось в душе моей / И слилось

в безысходный круг...» (1926); «Глупый друг, ты упустил одно: / Что не будет главного – России» (1930); «В этом старом убогом отеле, / В никому не нужных трудах, / За неделей скользит неделя, / За годами скользят года» (1931); «Надоело скитаться без цели, / Прimitивно непрочный уют. / Одиночество темных отелей, / Одиночество темных минут» (1931); «Я в жизни своей заплуталась. / Забыла дорогу домой. / Бродила, смотрела, устала / И быть перестала собой» («О России», 1933).

Сближения со стихами В. Набокова прослеживаются не только на тематическом уровне, но и на уровне художественной образности: мир отделен решеткой, по ту сторону окна – чужая жизнь, собственная жизнь лишена смысла.

В. Набоков: «В неволе я, в неволе я, в неволе! / На пыльном подоконнике моем / Следы локтей. Передо мною дом / Туманится. От несравненной боли я изнемог...»

И. Кнорринг: «Сколько слов и строчек четких / И ночей без сна / Умирало у решетки / Этого окна... / В отдаленьи – гул Парижа / (По ночам – слышней). / Я ведь только мир и вижу, / Что в моем окне» (Окно в столовой).

Последние стихи поэтессы проникнуты мотивом безысходности, несчастья, роковой обреченности идти и сыну дорогой, проложенной судьбой родителей. Сын также обречен на «бездомные скитания»: «Что дали мы бессильному тебе? / Ни твердых прав, ни родины, ни дома. / Пойдешь один дорогой незнакомой / Навстречу странной и слепой судьбе. / Пойдешь один. И будет жизнь твоя / Полна жестоких испытаний тоже. / Пойми: никто на свете (даже – я! / Тебе найти дорогу не поможет».

Встреча с родиной происходит в поэзии благодаря творческому русскому слову, которым владеет И. Кнорринг и которое способно воссоздать ментальный образ России, наметить и ряд ассоциаций с русской культурой (сказки, колыбельная, Пушкин), и путь скитания русского человека, находящегося в поиске не материального, а духовного счастья. Стихи И. Кнорринг внутренне духовны, исповедальны. Они обращены к сыну, к потомкам с надеждой на понимание, на внутренний отклик.

А. Ахматова говоря о И. Кнорринг как о поэте-эмигранте, оторванном от стихии языка, справедливо пишет: «По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи» [Ахматова 1990: 247]. Нельзя не согласиться и со словами И.М. Невзоровой: «История XX века написана лишь в черновике. Осмысление ее, однажды начавшись, все продолжается... Всё новые факты и новые имена появляются на исторической карте России,

всё новые вопросы встают перед потомками. Менялось отношение и к русским эмигрантам первой волны... На проверку они оказались носителями и хранителями русских культурных традиций – ковчегом. А русская зарубежная литература стала частью отечественной литературы» [Невзорова 2010]. И поэзия И. Кнорринг, навеянная воспоминаниями о родной земле, пробуждает в самарских читателях чувства гордости за творчество землячки, имя которой может быть сопоставлено с именами русских классиков.

Литература

- Ахматова А. Соч.: В 2 т. Т.2 Проза и переводы / 2-е изд., испр. и доп. М.; Худож. лит., 1990, С. 247.
- Карпенко 2013 – Карпенко Л.Б. Семиотика художественного дискурса: приемы актуализации смысла (по рассказу В. Набокова «Весна в Фиальте»). // Крымский набоковский сборник. Вып.6. В.В. Набоков по обе стороны Атлантики.- Симферополь: «Бизнес-Информ», 2013. С. 41-52.
- Невзорова 2009 – Невзорова И.М. Творческий путь Ирины Кнорринг (опыт становления русского поэта в изгнании). // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, 4, 2009.
- Невзорова 2010 – Невзорова И.М. Ирина Кнорринг: Сны о России, 2010. // www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_36_343.html
- Смирнов 1991 – Смирнов В.П. Стихи Набокова. // Владимир Набоков. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 5-19.

Karpenko, Liudmila

*Samara National Research University of Academician S.P. Korolev
Samara, Russia*

karpenko.gennady@gmail.com

THE PERCEPTION OF RUSSIAN EMIGRANT POETRY

Abstract. *In the article Russian emigrant poetry is considered on the example of the lyrics of the poets of the first wave of emigration V. Nabokov and I. Knorring. The definition of poetic reminiscence as a genre on the basis of a substantial community of reminiscence texts, their aesthetic identity, features of the figurative system and poetic language is given. The phenomenon of reminiscence in the lyric poetry of emigrant poets is explained by the conditions in which their creativity was formed. Dramatic conflicts of civil war, isolation from the homeland determine the common motifs of the lyrics of emigrant poets.*

Keywords: *Russian emigrant poetry, reminiscence genre.*

РОДНОЙ ГОРОД ПЕРСИДСКИХ ПОЭТОВ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация. В работе поставлена проблема о взаимодействии национальных литератур, в частности русской и персидской. Ставится вопрос об ознакомлении русского читателя с классиками персидской литературы. Затрагивается проблема перевода произведений персидских поэтов, а также отношение русских поэтов к выдающимся представителям персидской литературы.

Ключевые слова: Шираз, Тус, Персия, Саади, Хафиз, Фирдоуси.

Персидская литература, как и любая выдающаяся литература мира, универсальна. Подобно легендарной Чаше царя Джамшида, она позволяет увидеть все, что происходит на свете. Персидские классики давно встали в ряды великих литераторов мира, изобразив во всей полноте его сложность и красоту.

Жемчужины из океана персидской поэзии попали и в море великой русской литературы.

Как в холодной северной стране с теплой душой были описаны родные города поэтов из солнечного Ирана?

Необходимо отметить, что до сегодняшнего дня более 140 известных поэтов России написали об Исламе, Коране, Пророке Мухаммеде и Востоке в своих стихотворениях. Около 100 из них написали об Иране – о его природе, городах и поэтах. Среди иранских поэтов – в первом ряду стоят имена Фирдоуси, Хайяма, Молави, Саади и Хафиза. Их имена блещут на страницах русской поэзии.

Как верно заметил Д.С. Лихачев, «в XVIII в. русская культура открывает для себя Восток, в первую очередь Персию с ее богатейшей поэтической и религиозно-мистической (суфийской) традицией». [Абрамов С. Р.], http://www.gup.ru/uni/science/iran_conference/reports/16.pdf

А почему иранское пространство (иранские города) привлекали к себе внимание русских поэтов?

Пространство играет важную роль в литературных произведениях и оно принимается как основой художественного мира героев произведений.

Пространство включает в себе ряд значений, политических, социальных, исторических, религиозных, экономических, культурных... Каждое из них

играет роль в развитии характера персонажей. Знаки и символы пространства, наполненные психологическим содержанием в произведении, помогают авторам для выражения психологии героев. Вот например, описание природы деревни, спокойной или бурной, отражает внутренний мир героев художественного произведения.

В конце XIX и начале XX веков много нового появилось в русской поэзии. По другому описываются жанры и образы в литературе. Поэты и писатели стали оценивать города в своих произведениях то положительно, то отрицательно. Города для них символизируют какие-то понятия.

Иранские города для русских поэтов также символизируют какие-то понятия. Многие русские поэты написали об Иране и его поэтах: А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Фет, И. Бунин, Н. Гумилев, Д. Ознобишин и др. Некоторые из них были в Иране и непосредственно почувствовали дух этих городов. Такие, как Валентин Жуковский, Василий Жуковский, Николай Клюев, Велемир Хлебников, Александр Чачиков, Сергей Городецкий, Григорий Санников, А. Сурков и др.

«Восточник» Д. Ознобишин, первый из русских поэтов, стал переводить с оригинала и пропагандировать произведения классиков персидской поэзии – Фирдоуси, Саади, Хафиз [Ознобишин, 2001, 317].

Среди многочисленных иранских городов, наиболее часто в русской поэзии упоминаются города Шираз и Тус, поэтому мы здесь остановимся на этих двух городах Персии.

Самое важное место, можно сказать первое место, в русской поэзии занимает город Шираз, родной город великих персидских поэтов Саади и Хафиза, а затем город Тус в провинции Хорасана, родной город величайшего поэта Ирана Фирдоуси.

О городе Ширазе писали многие русские поэты. Такие, как П. Ободовский, В. Иванов, Н. Тэффи, М. Кузмин, В. Брюсов, В. Тардов, Н. Клюев, Н. Гумилев, К. Липскеров, А. Чачиков, В. Рождественский, С. Есенин, А. Сурков, И. Бунин, и др., которые единогласно оценили город Шираз положительно.

Шираз

Позолотой покрыв минареты,
Солнце медленно падает вниз.
В этом городе жили поэты
Саади, Кермани и Хафиз.

А.Сурков, 1946

В своем стихотворении *Замолкли Гюлистана соловьи / Шираза розы вмиг увяли* Александр Чачиков, русский советский поэт и переводчик, который побывал в Иране, написал о Саади и Хафизе и их родном городе. В этом стихотворении он параллельно сравнивает русского поэта, героя стихотворения,

с персидскими поэтами Омаром, Саади и Гафизом, которые зазвали к себе на пир голубоглазого поэта из России. В конце стихотворения он говорит, что города Мешед и Шираз встречали русского поэта. Русский поэт в этом стихотворении описывает традицию Персии и хвалит персидскую поэзию и звонкие газеллы фарси и пишет о дружеском отношении между поэтами из Персии и России [Яхьяпур 2017, 158].

Замолкли Гюлистана соловьи,
Шираза розы вмиг увяли.
Так песни лучшие земли –
Слова поэта отзвучали.

Омар, Саади и Гафиз
Его к себе на пир зазвали,
И гостью на своем фарси
Газеллы звонкие читали.

Голубоглазый, он стоял,
Чужие слушая мотивы, –
Но вспомянул родные нивы,
Избушку и погоста вал.

<...>

– Не надо грусти, друг наш юный,
Взмахни же россыпью бровей!
Желаннее, чем тари струны,
Запел далекий соловей.

Все приближалась песня эта,
Гоня предутренний туман.
Встречали русского поэта
Мешед, Шираз и Гюлистан.

Александр Чачиков 1925 [Мордовченко, 1927, 261]

Шираз – город не только двух великих поэтов Ирана, Саади и Хафиз, а город многочисленных поэтов, таких, как Ахли Ширази, Шоридех Ширази, Васаф Ширази, Баба Кохи, Хамиди Ширази, Хейдар Ширази, Хаеф, Шадаб Ваджди, Шах Даиоллах, Шахин Ширази, Весал Ширази, Баба-Фахни Ширази, Сахифи Джохари, Абди-Бейг Ширази, Орфи Ширази, Эшрат Ширази, Гаани Ширази, Лесани Ширази, Маани Ширази, Маджд Хамгар, Мактаби Ширази, Насерддин Салар, Эффат Несабех, Хомае Ширази... [Моин 1998, тт. 5, 6].

Другой город, на который русские поэты обращали внимание – это Тус в провинции Хорасана. В провинции Хорасана (старый) родились и выросли такие поэты как Фирдоуси, Хайям, Аттар. Родной город Фирдоуси – Тус.

А. Подолский, И. Сурков, В. Брюсов, С. Есенин, Г. Санников, Д. Кедрин, Н. Глазков говорили о Фирдоуси и его родном городе Тусе в своих стихотворениях.

Григорий Санников в своем стихотворении под названием «Фирдоуси», написанное в 1933, высоко ценил Фирдоуси и его «Шахнаме»:

Фирдоуси

Были ветры, и были дожди,
Ураганы нашествий, войны,
Сменялись династии, ханы, вожди...
Ты бессмертен, бессмертья достойный!

За народом народ, за веками века.
Осыпались дворцы и мечети.
А творений твоих ни одна строка
Не померкла за десять столетий.

Ты, познавший тысячу лет,
Не утративший свежесть росы,
Дай нам силу твою, поэт,
И свою озаренность, Фирдоуси,

Чтоб в сказаньях восславили мы,
Мы – двадцатого века поэты,
Дух Ормузда и царство света,
Сокрушающих царство тьмы.

Среди стихов русских поэтов, нам кажется, «Приданое» Д. Кедрина – по поводу описания судьбы Фердоси, его «Шахнаме» и города Тус, самое замечательное стихотворение.

Стихотворная повесть «Приданое» Д. Кедрина написана в 1935 году. Она рассказывает о судьбе Фирдоуси. «Кедрин написал – не самую трагическую, но самую, пожалуй, печальную из своих поэм. Используя большую историческую отдаленность описываемых событий, поэт оснастил свою версию печальной судьбы поэта Фирдоуси очевидным автобиографическим подтекстом, усилил ее собственными переживаниями, предчувствиями» [Петрунин, az.lib.ru/k/kedrin_d_b/text_0250.shtml].

Поэма Д. Кедрина состоит из 54 четырехстишных строф. Главные герои ее Фирдоуси и его дочь. Поэма написана в форме диалога между отцом и дочерью.

Д. Кедрин в своей поэме 13 раз упоминает имя Фирдоуси и 7 раз его родной город, Тус.

Приданое

В тростниках просохли кочки,
Зацвели каштаны в Тусе,
Плачет розовая дочка
Благородного Фердуси:

«Больше куклы мне не снятся,
Женихи густой толпою
У дверей моих теснятся,
Как бараны к водопою.

Вы, надеюсь, мне дадите
Одного назвать желанным.
Уважаемый родитель!
Как дела с моим приданым?»

Отвечает пылкой дочке
Добродетельный Фердуси:
«На деревьях взбухли почки.
В облаках курлычут гуси.

В вашем сердце полной чашей
Ходит паводок весенний,
Но, увы: к несчастью, ваши
Справедливы опасенья.
<...>

Нельзя не упомянуть и о значении перевода персидской поэзии, который играл важную роль для обогащения русской поэзии. Семен Раич (1792-1855) поэт, знаток и переводчик считал, что поэзия Востока – это жизнь и слава. «Раич понимал, что персидские и арабские переводы обогатят отечественную словесность новыми темами, образами и поэтическими приемами, и тем самым завершится «опоэзение» русского языка. В ноябре 1825 г. он писал Ознобишину: «Чтобы дополнить это *опоэзение* нашего языка, надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благороднейший, прекраснейший труд принадлежит Вам, любезный друг, конечно вам, по крайней мере значительною частию», а в другом письме спрашивал: «Что ваш Восток? Дышите, дышите им – он ваша слава, ваша жизнь в полном значении этого слова» [Ознобишин, 2001: 329].

Итак в русской поэзии описываются образы персидских мыслителей, великих поэтов, как «соковица ума Азии».

Город Шираз в русской поэзии славится как город «соловьев», «роз», «мимозы». Шираз, это сад истин. Шираз для русских поэтов олицетворяет поэзию, красоту и истину. Город Тус, родной город величайшего поэта Фирдоуси, слава мировой литературы.

Русские поэты внесли большой вклад в русскую культуру не только открытием новых образов-поэтов Персии, но и появлением нового образа городов ее.

Литература

- Абрамов С.Р. http://www.gup.ru/uni/science/iran_conference/reports/16.pdf
- Моин М. Персидский словарь, Алам, тт. 5, 6. Тегеран, «Амир Кабир», 1998.
- Мордовченко Н. К биографии С.А. Есенина. Рязань, 1927.
- Ознобишин Д.П. Литературные памятники. / Гольц Т.М. Москва, «Наука», 2001.
- Петрунин Ю. Замыслы и свершения. // Lib.ru: «Классика», Поэты, az.lib.ru/k/kedrin_d_b/text_0250.shtml
- Яхьяпур М. Шейх Саади и русские поэты. Тегеран, Иран. 2017. Рукопись.

Работа выполнена в рамках проекта № 4605006/1/20 в Тегеранском университете.

*Marzieh, Yahyapour
University of Tehran
Tehran, Iran
myahya@ut.ac.ir*

HOMETOWN PERSIAN POETS IN RUSSIAN POETRY

***Abstract.** In work the problem about interaction of national literatures, particularly Russian and Persian. It raises the question of acquainting the Russian reader with the classics of Persian literature. Concerned with the problem of translating the works of the Persian poets, as well as the attitude of Russian poets to outstanding representatives of Persian literature.*

***Keywords:** Shiraz, Tus, Persia, Saadi, Hafez, Ferdowsi.*

Н. В. ГОГОЛЬ И РУМЫНСКАЯ ПУБЛИКА (СУДЬБА ГОГОЛЕВСКОГО «РЕВИЗОРА» В РУМЫНСКОМ ТЕАТРЕ)

Аннотация. Пьесы русских драматургов сегодня в Румынии ставят почти все театры, и это при том, что все российское критикуется «во весь голос». «Ревизор» идет сегодня одновременно в нескольких театрах, в самых непредвиденных вариантах. Наша работа, конечно, не дает оснований для каких-либо социо-культурно-эстетических обобщений (она основана больше на личных наблюдениях и интерпретациях, и вероятность субъективности и погрешности – высока), зато она открывает широкие возможности разным толкованиям... А это уже шаг к объективным воззрениям «на современное положение современного театра».

Ключевые слова: толкование, современный театр, интерпретация, репертуар, декорация, ведущие роли.

*«Немногих, проникавших в суть вещей
И скрывающих всем души скривжали
Сжигали на кострах и распинали,
Как вам известно, с самых давних дней»*
Борис Пастернак

Пьесы русских драматургов сегодня в Румынии ставят почти все театры, и это при том, что все российское критикуется «во весь голос». Отчасти, причиной этому – отсутствие современных румынских пьес (т.е. они пишутся и ставятся, но румынская Публика к ним явно еще не готова). Среди «пестрого» разнообразия русских драматических произведений, от классики (Чехова, Булгакова, Горького и т.д.) до нынешних кумиров, вроде Гришковца и братьев Пресняков, которые идут у нас годами, безусловно лидирует гоголевский «Ревизор». Его ставили еще в XIX-ом веке. В разных заурядных постановках (о них речь впереди). Поставил его Пинтилие в 1972-ом году в бухарестском театре Буландра, и... доигрался до огромного скандала, который, к сожалению, окончился скверно и болезненно для всей труппы.

Талант – это когда есть «чутье», заметить «суть вещей» и проникнуть вглубь событий, независимо от того, где и когда все это происходит. Слишком узконациональный подход к патриотической повседневности – верный признак моментального успеха, но в диахронном измерении ведет почти всегда, к потере той символической двусмысленности, которая остается известной только

на каком-то определенном историко-социальном фоне, в каких-то сугубо конкретных обстоятельствах. Мне думается, что в этом кроется причина, что такой редчайший по таланту драматург, как наш «вечный» Караджале понятен и близок только нам румынам и редко случалось ему вырваться из этого национального круга.

Другое дело Гоголь.

Он один из немногих кумиров театра, который, написавши «полторы» пьесы (имею в виду пьесу *Ревизор* и все остальное: *Владимир третьей степени*, *Женитьба*, *Игроки*, *Утро делового человека*...) принес славу всему драматическому искусству, как в России, так и за рубежом. В Румынии имя Гоголя тут же ассоциируют с комедией *Ревизор*. Есть, конечно, и люди, которым Гоголь дал чуть больше мгновенного удовольствия очередной постановки *Ревизора*. Вообще-то в Румынии Гоголя знают почти все, читают многие и понимают единицы. Но это уже совсем другая тема.

Незаурядная и трагическая по сути своей личность Гоголя как бы соткана из ряда парадоксов. Писатель, который подарил читателям (и зрителям) такое небывалое количество ехидного юмора, был в повседневной жизни катастрофически несчастным и, по словам Аксакова, убийственно нудным [Аксаков 1960: 48]. Такая несовместимость возможна только у русских, в ментальности и характере которых кроется все-таки Обломов. В своем *Ревизоре* Гоголь поставил особо злободневный вопрос и осветил важные стороны русской действительности, существовавшие как во времена Гоголя, так и до и после него, всегда и везде. Высмеиваются и инерция русской жизни, но и общечеловеческие повадки, которые оказались весьма живучими и которые не исчезли, а только стильно усовершенствовались.

Пьеса Гоголя вызывает смех, только это был всегда «смех сквозь невидимые миру слезы» [Гиппиус 1966: 35]. «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь», не просто взятые из гоголевского текста крылатые фразы, а приговор всему миру «дающих и берущих» взяточников и бюрократов, которые присутствуют в сатирическом изображении Гоголя, как в волшебном искажающем реальность зеркале, где каждый может узнать себя. И многие узнавали, поэтому и пьесу сразу же запретили. «Смеж Гоголя – злая издевка над миром воров, их мелкими мыслишками и заботами – впечатляет зрителя, добродушно хохочущего над разоблаченными чиновниками, и вдруг заставляет всерьез задуматься над тем, что происходит вокруг» [Еремина 1987: 37]. Может быть именно поэтому, в силу глобальности замысла, пьеса Гоголя с таким трудом поддается исчерпывающей трактовке на сцене.

Мне, безусловно, повезло. Я успела увидеть достаточное количество постановок с гоголевским *Ревизором*, чтобы у меня, вопреки тому, что я не критик и не искусствовед, все-таки сложилось бы общее представление об актуализированной истории этих спектаклей «из многогранного прошлого в

неясное будущее, через слишком крикливое настоящее» [Бану 2011: 137]. Я предлагаю свое субъективное восприятие, но все впечатления и мысли пыталась тщательно пропустить через объективную матрицу художественности и по-человечески все понять и осмыслить.

История румынских постановок *Ревизора* берет свое начало с давно забытых времен. На первой поре спектакли ставились либо официально-сдержанные, либо из рук вон раскованные, с упором на любовную интригу. Некоторые режиссеры уходили от глубинных смыслов в «трезвую» пошлокомедию, будучи уверены, что публика на одном анекдоте и «ловится».

В 1874 году, в Бухаресте, в **Большом Театре** впервые представляют гоголевского *Ревизора*. Режиссер **Петру Гредиштяну**, считавшийся по тогдашним меркам, полубогом румынской сцены, будучи меньше заинтересован в самобытности текста поменял все акценты пьесы и смело и самовольно «перекроил» почти половину пьесы, оставив только самые многолюдные сцены. В его спектакле было невозможно разглядеть решительно никаких концептуальных решений, не было сквозных тем или новаторских приемов. Он явно рассчитывал на шумный успех, считая себя «стреляным» театральным властелином, умеющим извлекать из любого текста некий скрытый сценический смысл. Для этого он использовал на сцене сложившийся на стороне имидж облюбованных артистов такого, например, как **М. Паскали** в роли Хлестакова. *«Спектакль получился неровным, с чрезмерно длинными аморфными сценами, которые скользили иногда в западню эпичности»* [Болиак 1874: 2].

Вот что писали об этом спектакле в журнале *Телеграф*: *«Представленный спектакль свидетельствует о большой литературной фантазии, которая позволяет режиссеру экспериментировать роль драматического автора. В постановке Гредиштяну сюжетная коллизия буквально откликается на отечественную действительность, отдаляясь от гоголевского замысла. **Ревизор** – вялое, маловыразительное представление, в основе которого лежит абсолютно бессмысленная нарезка из популярного гоголевского текста. В этом спектакле невозможно разглядеть не только концепции, но зачастую и самих персонажей»* [Телеграф 1874: 1].

В первой половине XX века, новое поколение режиссеров выпускает свои спектакли с гораздо большей интенсивностью, чем их предшественники, отсюда и очевидные самоповторы, а то и прямые заимствования у более изобретательных коллег [Сэчану 1983: 26].

Режиссеры вовсе не заинтересованы в традициях репертуара и качестве постановок, а все чаще ставят спектакль на «разовый» успех, используя на театральных подмостках легковесные тексты стиля «бульвар» или, что уж совсем возмутительно, деформируя классические пьесы с целью приспособить их вроде бы к желанию публики, а на самом деле к дурновкусию.

На это соглашались и многие актеры, которых приглашали на эти постановки и которые повторяли ранее прославившее их амплуа, не стараясь при этом раскрывать ни глубины текста, ни другие грани своего таланта. «*А ведь актер растет на хороших ролях, как режиссер на качественных пьесах*» [Тодоровский 1998: 7].

В 1910 году, *Ревизора* поставили в яском Национальном театре, однако публика отнеслась к этому спектаклю как-то бездушно и даже недоверчиво, так что, к сожалению, он продержался всего 10 месяцев.

В 1920 году гоголевская комедия «победоносно» кочует в Клуж, в той же постановке, но как-то более верно и одновременно художественнее.

В 1928 году – новая попытка вернуть гоголевской пьесе заслуженную театральность и сценическое достоинство. Этот «энный» спектакль на сцене Национального театра в Яссах, неожиданно для самих организаторов оказался триумфом. Его тут же нарекли актуальным и оценили «*неожиданные сценические трактовки, конкретные художественные концепции, нацеленные на подводные осмысления*» [Севастос 1930: 18].

Конечно, в спектакле было много отдельных удач (об этом писалось довольно неоднородно в прессе), но все единогласно признавали, что успеха невозможно было миновать при таком составе исполнителей: **Милуцэ Георгиу** в роли Хлестакова, **Константин Рамадан** – Бобчинский и т.д. **Милуцэ Георгиу** был в свое время настоящим мэтром румынского театра. Перечислить его роли нет возможности, хотя стоит упомянуть один из его шедевров, роль мадам Кирицы из одноименной пьесы Александри, где у актера было больше междометий и гримас, чем слов, но этими вот «где уж» и «я уж» Кирица – Милуцэ выражает все свои эмоции, хотения и веления. Внутреннее разнообразие создаваемых им образов было неисчерпаемо. Роль Хлестакова у Милуцэ Георгиу получилась пародийная, с гротескным, явно поддерживающим общий тон спектакля оттенком [Веря 1930: 3].

В 1952 году, по случаю столетия со дня смерти Н.В. Гоголя в нескольких театрах разом поставили *Ревизора*: в двух бухарестских театрах (Национальном и Малом), в Клуже, Крайове, Тыргу-Муреше. К этому времени Гоголь успел занять в репертуаре румынских театров свое по праву завоеванное место. Правда ему приходилось делить славу с другими русскими и советскими драматургами: с Островским, Чеховым, Горьким, но все-таки в определенные моменты «социального тупика» становился вдруг необходимым, как писатель, сквозь призму которого подводились кое-какие итоги [Скарлат 1986: 3].

Самым масштабным спектаклем, поставивший себе целью не просто рассказать историю про то, как чиновники воруют в глухих отдаленных от центра, городишках, а создать универсальную модель коррупции, оперируя одновременно несколькими сюжетами, был спектакль Бухарестского Национального театра, который продержался свыше 10 лет и явился не

только успешным спектаклем, но и каким-то ритуальным.¹ «Соединение гротескности, преувеличенности, вымысла и реальности легло в основу пластического решения режиссера» [Белиган 1952: 3].

В исполнительном составе были одни гениальные Мастера: *Раду Белиган* (Хлестаков), *Джугару* (городничий), *Талияну* (Земляника), *Бирлик* и *Марчел Ангелеску* (Бобчинский и Добчинский) и т.д. Что ни говорите, а хорошо подобранный коллектив-исполнителей, способен довести до триумфа даже более скромного драматурга, чем Гоголя.

Правда, тут встает один вечный вопрос, кто творит историю (в нашем случае – успех) – личность и талант актера или же определенные события, целостный замысел спектакля выдвигают эту личность в центр внимания. Я думаю, что в какой-то мере без Кумира не обойтись. Как бы не было обидно известному драматургу, прославленному режиссеру (про переводчика и говорить нечего... это я про себя, которая перевела кучу пьес), а публика ходит на актеров.

Время шло и с годами все больше менялся художественный статус гоголевского *Ревизора*.

На протяжении каких-то двух-трех десятилетий у нас были разнообразные явления режиссерских работ, которые, на мой взгляд, не сложились в целостную художественную картину, запечатлевшуюся в критике, либо в сознании и памяти публики как качественно однородные достижения румынской театральной жизни. Рядом с интересными пластичными работами (спектакли в постановке Мирчи Корништяну, Дину Чернеску и др.) существует и ряд несостоятельных и формальных постановок, рождающих некие другие смысловые ассоциации и вызывающих недоумение или даже возмущение (последнее – больше у властей).

Здесь, конечно, виноваты и критики, которые, как ни парадоксально, но субъективно навязывали свое непонимание гоголевского подтекста и отчаянно «призывали» воспринимать все как подлинно-русское (и по духу, и по порядку вещей), которое к общечеловеческим порокам никакого соприкосновения не имело и иметь не могло. Это сказалось на формировании эстетического сознания публики, которая все сводила к осуждению русской действительности: «*Такое бывает только у них.*»

Первой работой этого ряда стал спектакль 1972 года в постановке **Лучиана Пинтилие** в знаменитом бухарестском театре Буландра, который перешел в один из самых громких театральных скандалов второй половины XX века. Постановщик спектакля **Л. Пинтилие** был вынужден покинуть надолго Румынию, директора театра – известного актера **Ливиу Чулея** уволили, народных актеров, таких как **Тома Караджиу**, **Вирджил Огэшану** перевели в другие провинциальные театры (первого в Плоешть, а второго в Брэилу).

¹ Меж актерами идет молва, что люди ходили на этот спектакль по праздникам, перед свадьбой... вроде бы... на счастье.

В то время, в большинстве своем, режиссура была довольно чутка к малейшим «дуновениям» из верховных сфер. Чуть что – откликались и меняли. А вот Пинтилие, такой *enfant terrible* 80-ых годов прошлого века, страшно интеллигентный, очень непредсказуемый и способный на самые противоречивые концепции и решения, не откликнулся. Он обладал особым даром – превращать любой текст в дискуссионный и обязательно «брать быка за рога». Некоторое время его эксцентричные постановки сходили с рук, иногда даже были в почете. Но его потянуло к большему и неожиданно он стал разыгрывать из себя сначала декадента, а потом и вовсе диссидента. Знакомые или окказиональные друзья (а настоящих, как потом оказалось, так и не было) стали замечать за ним некую страсть к эпатажу и к эксперименту. В его *Ревизоре* слишком громко отзывалась повседневность, мелькали абсолютно некстати, какие-то странные сюрреалистические вкрапления и чувствовалась грубая попытка дискредитации всего русского (персонажи, все поголовно валялись на сцене в пьяном экстазе, а дамы, добываясь ощущения полной натуральности, вели себя, мягко говоря, как «кисейные барышни»). А городской пейзаж (интерьер, в котором разворачивалось действие) вырисовывался пустынным, бедным, застывшим до... полного идиотизма.

Помимо этого, в спектакле создавалась целая мифология «компромагов» на тогдашних всемогущих фаворитов власти, в центре которых находился сам генсек. У городничего отождествление с президентом было максимальным, от мимики до его всеизвестной дислалии.

Театральный «фокус» не удался.

Напряженность ситуации ощущается уже на премьере, 23 сентября 1972 года, и становится ясно, что этот спектакль сыграть второй раз не придется. Фуражки с красными звездочками, красовавшиеся на головах Бобчинского и Добчинского, намекали ясно на что-то, и намеки раздражали представителей советского посольства. Костюмы ведущих персонажей раздражали почти всех: они были «тютелька в тютельку» как у сидящих в зале почетных гостей и как... у членов политбюро. Словом, все не так, как надо, не так, как в XIX веке, к тому же еще городничий картавит.

Но самое печальное было то, что после премьеры яростно обрушилась вся критика (вроде бы от имени многочисленных зрителей) беспощадно уничтожать и спектакль и весь актерский состав².

Статья в газете *Scouteia* (Искра) подробно описывала ситуацию, сложившуюся в связи с премьерой в Буландре. Спектакль воспринимался

² Кстати, уместно сказать, что приблизительно в то же время (1972 год), нечто подобное произошло и в Москве, со спектаклем Георгия Товстоногова.

«На живописном занавесе красовалась огромная лужа, где вниз головой вырастал русский пейзаж. Товстоногов сам был художником и нарисовал это по старым эскизам М. Добужинского. Страна, сжавшаяся до размеров лужи. В нее попадал камень и изображение морщилось» [Гаевский 1990: 85].

«всемирно» как возмутительный, формальный и вызывающий оправданную фактами тревогу. *«Спектакль вызывает противоречивые отклики зрителей, от возмущения до абсолютного отторжения».*

*«(...) Представленный вчера вечером в театре Буландра спектакль с **Ревизором** Н.В. Гоголя ощущается как провокативно-импровизационный эксперимент, который композиционно распадается на разрозненные сцены, никак не поддержанные логикой смыслов и образов гоголевского текста. Возможно, режиссер Лучиан Пинтилие слишком поверил в самодостаточность слов и реалий той эпохи и в ее отражение на близком ему этнографическом материале, но в спектакле сквозная связь смыслов совсем утрачивается. Создается неуместная атмосфера напряженности некоей сдавленности и человеческой несвободы» [Scînteia 1972: 1].*

Согласно правилам корректности в газете представлена и альтернативная точка зрения, выраженная в частности, в процитированной реплике крупного румынского поэта и драматурга Иона Брада: *«Хотя представление сворачивает в сторону водевиля, делается это с явной целью показать классику как произведение, которое отражает сущность современной жизни. Получилось своеобразное зрелище, с песнями, плясками, масками и чудными аксессуарами, но в соответствии с гоголевским текстом и с сохранением гоголевского духа» [Там же: 2].*

К сожалению, к этому вернулись в начале 90-ых годов, когда в погоне за ложным мироощущением и деградированной эстетикой видные до этого артисты (или хотя бы «трудолюбивые») впали в какой-то чуждый и крайний художественный экстремизм, навязывая «свое голливудское» понимание искусства (хотя там на западе многие из них видели этот самый Голливуд только на экране). Имею в виду таких режиссеров как **Андрей Шербан**, **Александр Точилеску** и уже знакомый нам **Лучиан Пинтилие**. Такое намеренное и грубое снижение критериев привело искусство (в нашем случае – театр) к *«обслуживанию дурных вкусов публики»* [Бану 2010: 115].

Все стремились, окутанные паром некоей необъяснимой свободы духа, сделать театр, как на западе. Вроде бы, сейчас или никогда. Но оказалось, что нам не надо как у них, а нужно талантливо творить свое, как свойственно румынскому миропониманию, пусть не такому уж эмансипационному, зато чистому и гуманному. Ведь сбегала же публика в 1993 году из Национального театра, с многообещающего спектакля Андрея Шербана, когда у входа их встретила часть актерского состава. И как встретила? Абсолютно *нагишом!* Постояли люди, посмотрели одним глазом на Кумиров, поохали и... разбежались. Некоторые до сих пор не опомнились. Национальный театр обходят и днем и ночью.

И пошло, и пошло. Удачи и неудачи на сценах румынских театров чередовались. Самый «громкий» спектакль – это *Ревизор* в Национальном театре в Крайове, в

2001 году. Режиссер – **Клаудиу Гога**. В этом спектакле основной метафорой – был страх. Все боялись всех, но каждый по-своему. Городничего кидало в холодный пот не от самой возможности быть наказанным, а от *«множества человеческих земных злодеяний»*. Спектакль был *«серьезным идеологическим комментарием основных социальных обобщений»* [Там же: 143].

В 2010 году на сцене Национального театра в Клуже был показан *Ревизор* в постановке **Моны Мариан**, а годом позже, 30 сентября 2011 года проходила премьера в бухарестском театре *La Scena*, в постановке совсем еще молодой Дойны Йонеску. Спектакль вышел неуклюжим, будто бы не разобранным заранее по психологическим и логическим ходам. Было много пародийных сцен, которые явно претендовали на монументальность, но этому мешала сдержанная, холодная манера игры актеров, которые производили впечатление, что абсолютно отключены эмоционально.

Спектакль **Лазло Бадаш**, в театре Рымнику Вулчеа (тот же 2011 год) был придуман остроумно, был динамичен и разнообразен по режиссерским приемам, заразителен по актерским работам. Но и этому спектаклю не хватало гоголевской глубины, *«(...) он так и не дотянул до философского осмысления очаровательного в своей размерной весомости текста Гоголя»* [Там же: 152].

Интересными творческими достижениями отмечены работы двух румынских постановщиков за последнее десятилетие: спектакль в бухарестском Комедийном театре (премьера 5 октября 2006 года), в постановке **Хорациу Мэлэеле** и в Национальном (6 октября 2013 года) – режиссер **Феликс Алекса**. Спектакли очень разные: один ироничный, другой откровенно сентиментальный, но оба уникальны, явно выбивающиеся из шеренги спектаклей ставленного – переставленного текста.



Хорациу Мэлэеле

Сколько сил и мечтаний было вложено Мэлэеле в этот свой *Ревизор*, сколько упований сулил ему этот первый режиссерский опыт! Его *Ревизор* в бухарестском Комедийном театре, в котором он же играет и Хлестакова, следует понимать как нравственный экзамен взрослого уже артиста, *«который каждый человек сдает по-своему, опираясь на свои собственные переживания, победы*

и поражения, на свое самобытное мировоззрение, понимание сути и смысла человеческого бытия» [Морару 2006: 138]. Мэлэеле сейчас на зените славы, которая «не делается и не покупается ни званиями, ни премиями – ничем, кроме служения искусству и людям» [Басилашвили 1996: 3].

Вот и с *Ревизором*. Свыше 50 спектаклей. Многие делали – переделали и оставили свой след. Но ни у кого не получилось так тонко, так пронзительно правдиво, как у Мэлэеле. Как человек он очень надежный, на него можно положиться. Как артист – очень доброжелательный и очень любит искусство и людей.

Его спектакль – весь проникнут эмоциональной заразительностью и какой-то (а)моральной устойчивостью. В спектакле Мэлэеле все противоречит разуму и доброму вкусу. В нем содержится и предостережение и приговор, что-то вроде «визуальной мифологии сегодняшней незаурядной демократии» [Бану цит. раб.: 202].

Много неожиданных, отчасти гротескных сцен: вроде легкого взлета белоснежной ткани, которая то оживлялась, то мертво опадала, в зависимости от движений героев. Там, под этой материей свершались «злодеяния»: сцена взятки, эротические игры или иронически воскрешенный в спектакле, румынам малоизвестный, ритуал русской бани – праздник тела и души. Однако сплошного праздника в спектакле нет. Спектакль соткан из мелочных страданий бушующих персонажей, которые растворялись в нелепой житейской суете и суматохе. Декорация – минималистская, несколько перекошенных столиков, пара стульев разбросанных по наклонному деревянному помосту, на котором пытались удержаться персонажи.



Спектакль *Ревизор* в постановке Хорациу Мэлэеле

Вот в таком импровизационном состоянии невесомости и играют актеры, придерживаясь какой-то иронической напыщенности, то сливаясь

в традиционный актерский ансамбль, то отрываясь, но постоянно думая о конечном целостном результате театрального зрелища [Там же: 186].

А в конце, изумительно придуманный финал: после монолога городничего, когда он отводит душу, все персонажи, выстроившиеся в длинные ряды с полными монет кувшинами взбираются на пустой, покатым помост, где возвышается огромное жестяное ведро. Они молча бросают туда монеты, которые со страшным грохотом катятся в переполненное ведро. И вдруг сцену откуда-то сверху заливают очень яркий свет. Прожектора. Звон, скрип, свист... Входят двое. Оба одеты в длинные кожаные пальто. Круглые очки. Волчьи пасти. С обеих сторон держат и несут огромный котел. Сцена погружается в полумрак. Содержание ведра опорожняют в котел. Занавес опускается. Чудо как хорош финал. Ведь теперь уже совсем ясно. Времена проходят, но люди не меняются, а если и меняются, то в худшую сторону. Так больно, такой обман...

На сегодняшний день, к сожалению, искусство, у нас в Румынии, не так уж в почете. Времени нет у молодежи, все больше с плакатами в руках кричат на перекрестках. Но я надеюсь, что все образумится. Ведь испокон веков кто-то вот так старался обвести вокруг пальцев это дорогое наше «*молодое коллективное бессознание*». Вся эта неподцензурная закваска – остепенится и наша ностальгия по красивому и хорошему, которая превыше всякого бездарного смысла, вернет нам, сначала нормальную жизнь, а потом и искусство. В конце концов искусство вечное, а жизнь... жизнь только повод для искусства.

Литература

- Аксаков 1960 – Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М., Изд-во Академии Наук СССР, 1960, 294 с.
- Бану 2010 – Бану Дж. Художественный театр: современные традиции. Б., Изд-во Немира, 2010, 601 с.
- Бану 2011 – Бану Дж. Реформы театра в нашем веке. Б., Изд-во Немира, 2011, 306 с.
- Басилашвили 1996 – Басилашвили О. Мы так любили друг друга. // Искусство кино, 1996, № 5.
- Белиган 1952 – Белиган Р. Советский театр – продолжатель традиций русского реализма. // România Literară от 4 ноября, 1952.
- Болиак 1874 – Болиак Ч. Генеральный ревизор. // Trompeta sagraților от 24 февраля, 1874, Б., с. 2.
- Веря 1930 – Веря А. Ревизор Н. В. Гоголя (театральная хроника). // Lupta от 22 сентября, 1930.
- Гаевский 1990 – Гаевский В. Флейта Гамлета: образы современного театра, М., В-О «Союзтеатр», 1990, 349 с.
- Еремина 1987 – Еремина Л. И. О языке художественной прозы Гоголя: искусство повествования. М., Изд-во Наука, 1987, 176 с.

- Морару 2006 – Морару М. Традиция и современность в румынских постановках чеховских пьес. // Известия Пульского Госуд. Ун-та, 2006, выпуск 9, сс. 134-141.
- Севастос 1930 – Севастос М. Театральная хроника. // Viața Românească, Я., 1930, № 9.
- Скарлат 1986 – Скарлат Н. Вместо конца спектакля. // Театр, 1986, № 7.
- Сэчану, 1983 – Сэчану А. Классики не стареют. Б., Изд-во Меридиане, 1983, 354 с.
- Телеграф (Telegraful) от 14 марта, 1874, с. 1.
- Тодоровский, 1998 – Тодоровский П. Я понимал, что надо делать своё кино. // Искусство кино, 1998, № 3.

Moraru, Mihaela
 University of Bucharest, Romania
 mihaelamoraru01@yahoo.com

N.V. GOGOL AND THE ROMANIAN PUBLIC (THE DESTINY OF GOGOL'S THE GOVERNMENT INSPECTOR IN ROMANIAN THEATRE)

***Abstract.** Among a wide range of Russian plays, from classics (such as Chekhov, Bulgakov, Gorki and so on) to our contemporary idols, we find Gogol's The Government Inspector, that has been staged in XIX-th century and it is still played today in some Romanian theatres. This article does not aim to explain certain social, cultural and esthetical principles, for it is based on our personal interpretation and its main goal is rather to offer an objective view of the current status of contemporary theatre.*

***Keywords:** explanation, contemporary theatre, interpretation, repertory, background, leading roles.*

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА В ПОЛЬСКОЙ РУСИСТИКЕ В XX И НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Аннотация. Статья посвящена вопросу рецепции творчества Николая Лескова (1831-1895) в Польше, а особо в польской русистике. Затем дается обзор важнейших исследовательских работ польских русистов, особо за последнее тридцать лет, относящихся к литературному наследию Лескова. Притом автор статьи делает объектом своего заинтересования как монографии, касающиеся разных аспектов творчества писателя, так и статьи, особо публикуемые в научном журнале „*Slavia Orientalis*”, которые были напечатаны в названом выше периоде. Дополнительно ставится автором вопрос перевода творчества Лескова на польский язык и опыт преподавания избранных произведений автора «Очарованного странника» на русской филологии Университета Казимира Великого.

Ключевые слова: Лесков, критические работы, польская русистика, новейшие статьи, „*Slavia Orientalis*”.

Творчество Николая Семеновича Лескова (1831-1895), особо с точки зрения иностранного любителя и исследователя русской литературы, очень интересно по своему национальному характеру. Темы затронутые автором «Очарованного странника» в его литературной практике касаются существенных областей жизни русского человека: выявляют духовные корни, показывают народное прошлое, пытаются создать положительные нравственно-религиозные проекции, открывают историческую сложность пути Русской Церкви сквозь призму раскола. И хотя творчество писателя примыкает к реализму второй половины XIX, многие затронутые им вопросы и в наши времена становятся актуальными, важными и требующими объяснений в контексте как литературоведения, так и русской культуры в целом, давая при том возможность нового взгляда на окружающую нас действительность. Объектом заинтересования Лескова является именно человек в отношении к некому социуму (прежде всего русскому) и именно это «антропологическое» направление его произведений становится, по-моему, исходной точкой своеобразного литературного наследия Лескова и в настоящее время.

Предметом нашего внимания является попытка, во-первых, дать вкратце обзор литературоведческих работ посвященных Лескову, возникших в Польше в XX и начале XXI вв., а более тщательно – за последние тридцать лет (1987-2017). Во-вторых – познакомить с историей переводов произведений Лескова на польский язык, а в-третьих, представить собственные опыты в дидактике обучения творчеству Лескова (в рамках предметов: история русской литературы

и спецкурса «Вокруг поэтики Николая Лескова – представителя русского реализма»), в которых принимали участие студенты русской филологии на Университете Казимира Великого в Быдгоще.

Сначала стоит однако сказать несколько слов о первых польских исследователях литературной практики автора «Запечатленного ангела». Первые информации о жизни и творчестве Н. Лескова появились в Польше во вступлению в «Историю русской литературы», изданной под редакцией Александра Брикнера [Brückner 1922]. Этот небольшой текст насчитывал всего восемь с половиной страницы и являлся неполным и не конца объективным комментарием насчет жизни и литературной практики автора *Самодума*.

В дальнейшем Лесковым заинтересовался Сергей Кулаковский (1892-1949), который является автором как статей [Kułakowski 1927, 1947], так и краткого целостного обзора [Kułakowski 1938], посвященного Н. С. Лескову, написанного им еще до начала второй мировой войны. В переводе на русский язык работа Кулаковского называется «Николай Лесков (1831-1895) – жизнь и творчество».

В развитии польского лескововедения значимое участие профессора Варшавского университета Тадеуша Шишко. Он является автором многих работ о писателе на фоне сложных исторических русско-польских отношений [Szyszko 1974, 1979, 1994, 1996], а также в контексте творчества Ивана Тургенева [Szyszko 1990]. Трудно обойти молчанием и критические работы исследовательницы творчества Лескова из Гданьского университета, Люцины Капалы [Karała 1976], которая в 1986 году опубликовала монографию, в которой сквозь призму теоретических поэтических контекстов представляет она своеобразие сатирических рассказов и повестей Н.С. Лескова [Karała 1986].

Следующим польским исследователем творчества автора «Мценской Леди Макбет» является Фридерик Листван – автор монографии [Listwan 1988] и статей [Listwan 1989, 1997], который сумел посмотреть на его творчество в более широком контексте. В одной из своих статей Листван писал: «Лесков оказался достойным преемником русской культуры. Он был великолепным ее знатоком, ориентирующимся не только на литературу, но также на изобразительные искусства и религиозную жизнь эпохи. Из ее ресурсов он черпал фабульный материал, переносил в свое творчество образцы лиц, которыми пользовался для создания своих «праведников» или персонажей воспроизводящих былинных героев, а также жанровые модели (хроники)» [Listwan 1989: 392].

Зато в 2000 году в томе десятом «Studia Rossica» появилась интересная статья Александры Филипович [Filipowicz 2000: 389-399], посвященная сравнению «рыцарей идеи» в прозе Федора Достоевского и Николая Лескова. В польской русистике можно найти также публикации о характере компаративных исследований, в которых поддается оценке избранную проблематику творчества автора «Очарованного странника» и другого русского творца или творцов, необязательно современной ему эпохи [Trojanowska 2011, 2012, 2014]. Среди

авторов таких работ стоит назвать и люблинского профессора Яна Орловского, исследователя вопросов польско-русских литературных соотношений с XVIII в. по 1917 год [Orłowski 1992]. Внимания заслуживает также статья Люцины Рожек [Rożek 2005], в которой автор представляет «Запечатленного ангела» Николая Лескова в контексте апокрифической интертекстуальности данного произведения.

Следующая монография, посвященная творчеству Лескова, которая в какой-то степени, является продолжением восприятия концепции исследования творчества Лескова Листваном, была опубликована в 2008 году [Trojanowska 2008]. Автора книги, занимает особо вопрос «русского культурного наследия» в творчестве автора «Самодума», а притом и художественной постройке Лесковым сложных психологически русских характеров. Поэтому в работе возникает вопрос как женских (хотя их у Лескова немного), так и мужских положительных русских персонажей-праведников, представлен также мотив дороги в творчестве писателя с уклоном на русскую мифологию. Автор описывает также роль библейских мотивов в избранных произведениях Лескова и роль икон и культа Михаила Архангела, святого Николая Чудотворца и Божьей Матери в художественных представлениях писателя.

В нынешнее время возникает очередная монография исследовательницы из Варшавского университета – Марты Лукашевич, посвященная сложным вопросам художественного образа русского священничества в лесковской прозе и публицистике.

В польском кварталнике „Slavia Orientalis”, издаваемым Польской Академией Наук в Варшаве, и представительным печатным органом для польской русистики уже с 1952 года, в сигнализируемом периоде были опубликованы статьи, в которых поддавалось анализу творчество автора «Левши...» неоднократно. Были это публикации упомянутого нами раньше Тадуеша Шишко [Szyszko 1979], Фридерика Листвана [Listwan 1989], затем Бэаты Трояновской [Trojanowska 2006, 2008] и Марты Лукашевич [Łukaszewicz 2014]. В результате участия польских лесковедов в международных научных конференциях возникли зарубежные публикации. Самым подходящим местом для публикаций относящихся к дальнейшему исследованию литературного наследия автора «Левши...» является конечно город Орел и Орловский Государственный университет, который циклически издает тома научных публикаций о своих земляках, к которым примыкает и Лесков. Там публиковались и публикуются польские исследователи-лесковеды, среди которых можно перечислить Марту Лукашевич [Łukaszewicz 2011] и Бэату Трояновску [Trojanowska 2007, 2010]. Работы о Лескове указанных выше авторов печатались также в Петрозаводске, Москве, Смоленске, Оломунце и Брне.

Отдельный вопрос касается переводов произведений Николая Лескова на польский язык. Для знающих русский язык несомненно надо бы посоветовать чтение его произведений в подлиннике, чтобы уловить богатство и оригинальность языковых ресурсов. Но современный польский читатель не

знает уже русского языка и редко имеет достаточное лингвистическое знание и ориентацию в истории России второй половины XIX века. Из-за этого может он на своем пути усвоения лесковского литературного текста иметь некие затруднения. Конечно, в такой ситуации надо читать польские переводы произведений Николая Лескова, но их количество достаточно скромное. Среди них стоит, по-моему, во-первых, написать о шедеврах среди польских переводов орловского писателя – рассказе «Левша. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» и рассказе «Тупейный художник» известного польского поэта и переводчика Юлиана Тувима [Tuwim 1954]. Этот талантливый переводчик занимался также переводами избранных произведений Александра Пушкина («Медный всадник», «Полтава») и Владимира Маяковского («Облако в штанах»). В 50-ые годы XX в. было опубликовано трехтомное издание переводов текстов Лескова на польский язык под названием «Избранные произведения». В этой публикации, „принадлежающей к так называемой «Золотой серии русской литературы», польский читатель мог прочитать в переводе такие рассказы Лескова как: «Мценская леди Макбет», «Очарованный странник», «Железная воля», «Чертогон», «Заячий ремиз». Следующие переводы литературных произведений Лескова появились в польской печати только в 1961 году, а сборник открывал перевод рассказа «Административная грация». Среди переводчиков данной публикации стоит перечислить три фамилии: Ирену Байковскую, Чеслава Ястжембца-Козловского и Ежи Вышомирского. Этот последний помещал свои переводы лесковских текстов на польский язык еще в очередном издании за 1970 год [Leskow 1970]. Спустя год польский любитель творчества Лескова мог прочитать новые переводы новелл Лескова, между прочем «Духа госпожи Жанлис» в переводах Натальи Галчинской и Тадуеша Монгирда [Leskow 1971], а в 1975 году второй раз появился в печати перевод рассказа «Интересные мужчины» Ирены Байковской. [Leskow 1959, 1975]. На следующую публикацию переводов писателя из Орла польский читатель должен подождать почти десятилетие. Только в 1984 году переводчик Збигнев Подгужец перевел на польский язык «Запечатленного ангела» [Leskow 1984]. Среди польских переводчиков лесковской прозы в то же время нашлись также: Веслава Карачевска («Несмертельный Голован», «Не крещенный поп», «Продукт природы», «Справедливый человек»); Ева Роевская-Олеарчук («Выборное зерно», «Старый гений», «Грабеж», «Маленькая ошибка»); Зофия Галицкая («Путешествие с нигилистом»); и Александер Богданский («На краю света»). С этого момента до сих пор замечаем сильный пробел в переводах лесковской прозы, а ведь столько интересных произведений Лескова ждет своих польских вариантов трансляции.

В своей дидактической работе я обсуждала разные вопросы литературной практики Николая Лескова со студентами русской филологии второго курса в рамках предметов: история русской литературы и спецкурса монографического характера под названием: «Вокруг поэтики Николая Лескова – представителя русского реализма». Сначала для обязательного чтения студенты получили два рассказа – один из цикла византийских легенд «Прекрасная Аза», а второй

из праведнического цикла – «Однодум». Они читали на русском языке и первая преграда, которая появилась на их пути – непонятность языка и описываемой писателем эпохи. Надо было восстановить жанр жития и дать примеры известной им до сих пор агиографической литературы – особо жития Алексия человека Божия и представить роль праведного человека по Лескову. Только восстановление литературно-культурного и исторического контекстов позволяло перейти к анализу самих новелл, которых интерпретация оказалась для студентов достаточно трудной. В следующем учебном году я взяла со студентами для анализа другой лесковский текст – «Мценскую леди Макбет». Само чтение произведения, содержащего в себе элементы криминального сюжета и связь с прототипом известной леди Макбет из трагедии Шекспира «Макбет» сильно их заинтересовала. Студенты разделены на два лагеря – первый защищающий героиню, в котором сильный акцент ставилось на влияние среды на деяния Катерины Львовны Измайловой и второй – выполняющий роль прокурора, включились в спор при помощи аргументации из самого литературного текста и критических работ. Тема трагической судьбы героини дана сквозь призму народного прошлого, психологии и истории оказалась аттракционной для обсуждения свыше 140 лет после ее написания. Зато в рамках спецкурса, посвященного Лескову, который был представлен студентам только в форме лекций, я знакомила их с разными вопросами лесковской прозы. Среди важных тем нашлись: образ дороги у Лескова как топографический пространственный указатель и метафора человеческой жизни на фоне христианской и народной традиции («Очарованный странник», «Пугало», «Грабеж»); понятие странника в русской культуре и в новеллистике Лескова («Запечатленный ангел», «Однодум», «Очарованный странник»); интерпретация символики животных в прозе автора «Чертогона»: медведя, кошки и зайца; женские образы «pro et contra» («Воительница», «Мценская леди Макбет», «Прекрасная Аза», «Котин доилец и Платонида»); икона в лесковском художественном представлении, образ праведников («Скоморох Памфалон», «Фигура», «Соборяне», «Овцебык»). Зачет по этому предмету студенты получали на основании самостоятельной письменной работы на избранную ими тему, обсуждаемую в рамках спецкурса. Работу писали на русском языке (по объему 2-3 страниц), с указанием использованной библиографии.

Я являюсь также научным руководителем дипломных и магистерских работ наших студентов по русской литературе XIX и XX вв. В период с 2010 по 2016 год семинар, посвященный разным вопросам творчества Николая Лескова, выбрало семь человек, все они написали свои дипломные работы (в этом были и две магистерские) и их благополучно защитили.

Эти обзоры и приведенные информации показывают, что и в наши времена творчество автора «Мценской леди Макбет» вызывает интерес как у польского читателя, так и исследователя, что вопросы им затронутые в литературной практике представляют собой универсалия и дают возможность интерпретировки поэтики Лескова также согласно современному подходу к гуманитарным наукам.

Литература

- Brückner 1922 – Brückner A. (red.) Historia literatury rosyjskiej, t.1 i 2, Lwów-Warszawa-Kraków.
- Filipowicz 2000 – Filipowicz A. Śmieszny człowiek – rycerz idei. (O szaleńcach ideowych Dostojewskiego i Leskova, O literaturze nowej i dawnej, Studia Rossica X, Warszawa, s. 389-399.
- Kapała 1976 – Kapała L. Opowiadania i opowieści satyryczne Mikołaja Leskova. Zagadnienia poetyki, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź.
- Kapała 1976 – Kapała L. Z zagadnień świata przedstawionego w „Mańkucie” Mikołaja Leskova, Studia Rossica Posnaniensia, z. VII, s. 53-60.
- Kułakowski 1927 - Kułakowski S. Leskow a Polska, „Wiadomości Literackie” 1927, nr 24, s. 2-5.
- Kułakowski 1938 – Kułakowski S. Mikołaj Leskow (1831-1895) życie i twórczość, Warszawa: Warszawskie Towarzystwo Naukowe 1938, s. 9.
- Kułakowski 1947 – Kułakowski S. Wielkorusini, Małorusini, Polacy w utworach Mikołaja Leskova (1831-1895), Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 1947.
- Listwan 1988 – Listwan F. Sztuka pisarska Mikołaja Leskova, Kraków.
- Listwan 1989 – Listwan F. Motywy religijne w nowelistyce Mikołaja Leskova // F. Listwan, Sacrum w literaturach słowiańskich, Lublin, s. 149-160.
- Listwan 1989 – Listwan F. Pisarstwo Mikołaja Leskova wobec kultury staroruskiej, „Slavia Orientalis”, t. XXXVIII, nr 3-4, s. 385-392.
- Łukaszewicz 2011 – Łukaszewicz M. Польская рецепция творчества Н.С. Лескова, (w:) Лесковский сборник – 2011. Орловский текст русской словесности: творческое наследие Н. С. Лескова (к 180-летию со дня рождения писателя): Сборник статей. Орел, с. 159-168.
- Łukaszewicz 2012 – Łukaszewicz M. Библия в художественном мире рассказа Н.С. Лескова „Однодум”, (w:) Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. Петрозаводск 2012, с. 259-266.
- Łukaszewicz 2014 – Łukaszewicz M. Рассказ Николая Лескова «Инженеры-бессребреники: между историческим источником, апокрифом и житием, „Slavia Orientalis”, t. LXIII, nr 4, s. 543-554.
- Orłowski 1992 – Orłowski J. Polacy w prozie Michajłowa, Czernyszewskiego, Turgieniewa,
- Dostojewskiego i Leskova // Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej, Warszawa 1992, s. 154-161.
- Rożek 2005 – Rożek L. Apokryficzna intertekstualność „Napiętnowanego anioła” Mikołaja Leskova, Dziedzictwo religijne w literackiej kulturze Europy XIX i XX wieku, red. L. Rożek, Częstochowa, s. 285-304.
- Szyszko 1974 – Szyszko T. Mikołaja Leskova polski „mąż sprawiedliwy”, Studia

Polono-Slavica-Orientalis, Acta Litteraria, t.1, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, s. 213-219.

- Szyszko 1979 – Szyszko T. Польское восстание 1863 года в творчестве Н.С. Лескова, „Slavia Orientalis” nr 2, s. 153-158.
- Szyszko 1990 – Szyszko T. Turgieniew i Leskow (W kwestii bohatera), Studia Filologii
- Rosyjskiej i Słowiańskiej, Warszawa: Uniwersytet Warszawski, t.13, s. 79-89.
- Szyszko 1994 – Szyszko T. Mikołaja Leskowa fascynacje malarskie, Studia Rossica. Związki interdyscyplinarne w badaniach rusycystycznych, red. W. Skrunda, Warszawa, s. 121-128.
- Szyszko 1996 – Szyszko T. Mikołaj Leskow i jego związki z Polską, Studia Rossica IV, Warszawa, s. 191.
- Trojanowska 2010 – Trojanowska B. Способ адаптации древнерусских текстов в творчестве Николая Лескова, [в:] Лесковский сборник – 2010. Орловский текст: творческое наследие Н. С. Лескова, Орел, с. 94-98.
- Trojanowska 2006 – Trojanowska B. Литературные связи: праведники в творчестве Николая Лескова и Ивана Шмелева, [w:] Rossica Olomunciensia XLIV, 2 část, Olomouc, s. 529-534.
- Trojanowska 2006 – Trojanowska B. Несколько слов о праведниках в поэтике прозы Николая Лескова, „Slavia Orientalis” LV, 2006, nr 2, s. 173-186.
- Trojanowska 2008 – Trojanowska B. „Odchodząca Ruś i Rosja w twórczości Mikołaja Leskowa. Postaci, motywy, sposoby wyrażania, Bydgoszcz, s. 332.
- Trojanowska 2008 – Trojanowska B. «Святость» в литературной интерпретации Николая Лескова „Slavia Orientalis”, tom LVII, nr 2, s. 217-228.
- Trojanowska 2011 – Trojanowska B. Николай Лесков и народное православие, [в:] Лесковский сборник. Ученые записи Орловского государственного университета, Орел 2007, с. 36-41.
- Trojanowska 2011 – Trojanowska B. Христианские мотивы в романе «Золотой узор» Бориса Зайцева на фоне литературной традиции Николая Лескова, [в:] Literatura i kultura rosyjska w metropolii i na emigracji. Księga pamiątkowa poświęcona prof. zw. dr hab. Joannie Mianowskiej, red. Beata Wegnerska-Ptaszkiewicz, Urszula Wójcicka, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń, s. 361-370
- Trojanowska 2012 – Trojanowska B. Мотив «очарованного странника» в романе Андрея Платонова «Чевенгур» в контексте литературной традиции Николая Лесова, [w:] Z polskich studiów slawistycznych. Seria 12. Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka. Prace na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Mińsku 2013, Polska Akademia Nauk, Wydział Nauk Humanistycznych i Społecznych, Komitet Słowianoznawstwa, Warszawa, s. 109-117.
- Trojanowska 2014 – Trojanowska B. Walaam – „wyspa życia duchowego” Kościoła Wschodniego. Fiodor Tiutczew i Mikołaj Leskow a doświadczenie

Właamu, [w:] Sacrum świata wschodniego i zachodniego w kulturze słowiańszczyzny, Musica Antiqua Europae Orientalis, Bydgoszcz, s. 179-188.

Переводы

- Tuwim 1954 – Tuwim J. Z rosyjskiego, t. III, Warszawa.
- Leskow 1961 – Leskow M. Wdzięk administracyjny i inne opowiadania, tł. Irena Bajkowska, Czesław Jastrzębiec-Kozłowski, Jerzy Wyszomirski, Warszawa.
- Leskow 1950 – Leskow M. Utwory wybrane, t. 1, Kraków: „Czytelnik”.
- Leskow 1951 – Leskow M. Utwory wybrane, t.2, Kraków: „Czytelnik”.
- Leskow 1970 – Leskow M. Utwory wybrane. Przeł. Jerzy Wyszomirski, Julian Tuwim, Nadzieja Drucka, Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich.
- Leskow 1971 – Leskow M. Duch Pani Genlis i inne opowiadania. Tł. Natalia Gałczyńska, Tadeusz Mongird, Warszawa: „Czytelnik”.
- Leskow 1959 – Leskow M. Interesujący mężczyźni. Tł. Irena Bajkowska, Warszawa: Książka i wiedza.
- Leskow 1975 – Leskow M. Interesujący mężczyźni. Tł. Irena Bajkowska, Warszawa: Książka i wiedza.
- Leskow 1984 – Leskow M. Napiętnowany anioł i inne opowiadania. Przekł. Aleksander Bogdański, wybór Zbigniew Podgórzec, Kraków; Wrocław: Wydawnictwo Literackie.

Trojanowska, Beata

Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz, Poland

beatroj@ukw.edu.pl

RECEPTION OF NIKOLAI LESKOV'S CREATION IN POLISH RUSSIAN STUDY OF 20TH AND EARLY 21CENTURIES

***Abstract.** The article is devoted to the reception of Nikolai Leskov's creation (1831-1895) in Poland, and especially in Polish Russian Study. Then a survey of the most important research works of Polish Russian Study, for the last thirty years, referring to the literary heritage of Leskov is given. Moreover, the author of the article makes the object of his interest both monographs concerning various aspects of the writer's work, as well as articles especially published in the scientific journal „Slavia Orientalis“, which were printed in the period mentioned above. In addition, the author poses the question of translating Leskov's work into the Polish language and the experience of teaching selected works of the author of the „Enchanted Wanderer“ at the Russian philology of the Kazimierz Wielki University.*

***Keywords:** Leskov, critical works, the Polish Russian philology, the latest articles, „Slavia Orientalis“.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ НИКОЛАЯ ПАРУШЕВА /РУКОПИСЬ ДЕВЯТОЙ ГЛАВЫ „ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА“ А.С.ПУШКИНА В БОЛГАРИИ/

***Аннотация.** Статья посвящена уникальной литературной мистификации в болгарской культуре XX века. 28 июля 1995 года в болгарской газете «Культура» появилась публикация Николая Парушева, поэта и переводчика, представившего вниманию читателей якобы свой перевод с русского на болгарский потерянной Девятой главы «Евгения Онегина» А.С.Пушкина и рассказал историю пропавшей рукописи. Автор статьи осуществил подстрочный перевод текста Н.Парушева на русский язык для журнала «Слово». В статье предпринимается попытка проанализировать литературную мистификацию в свете диалога культур с позиции читателя XXI века.*

***Ключевые слова:** Николай Парушев, Девятая глава, «Евгений Онегин», перевод, литературная мистификация*

28 июля 1995 года в болгарской газете „Культура“ появилась публикация Николая Парушева, поэта и переводчика, представившего вниманию читателей свой перевод с русского языка на болгарский пропавшей Девятой главы „Евгения Онегина“ А.С.Пушкина и рассказал историю утерянной рукописи.

Николай Парушев Николов /17.01.1931 – 8.06.2003 г./ - болгарский драматург, поэт, театровед и театральный критик, переводчик. Родился в Варне. С 1957 г. – редактор газеты „Народная культура“, позже заместитель главного редактора. Член Союза болгарских писателей. Автор драматургических произведений: „Вечера Ивана Гилина“, „Просто женщина“ и др.

Николай Парушев учился в 60-е годы в аспирантуре в Москве, на кафедре литературы вместе с моими родителями. Одним из любимых произведений их молодости была поэма А.С.Пушкина „Евгений Онегин“. Большую часть этого произведения молодые люди знали наизусть. И, в один прекрасный момент, когда мои родители, поженились, у них родилась я, меня с уверенностью назвали Татьяной - в честь Татьяны Лариной.

И через много лет, в 90-е годы, мой отец встретился с Парушевым в Софии и случайно узнал об эксперименте своего друга – его версии Девятой главы бессмертной поэмы Пушкина. На этот раз мне было дано задание перевести произведение на русский язык. После кропотливой работы вместе с автором с целью – точно и адекватно передать содержание поэмы – мой подстрочник отправили в Москву в редакцию журнала „Слово“. Там работу продолжил поэт

Валерий Гришковец, и в спаренном 5-6 номере журнала „Слово“ за 1997 год появилась пропавшая глава „Евгения Онегина“.

„Пропавшая глава“ Николая Парушева вошла в историю болгарской литературы как „уникальная мистификация в болгарской литературе XX века” , - отметил в своем интервью болгарский поэт, писатель, исследователь болгарской литературы XX века Пламен Дойнов в интервью газете „Сега” / **Димова, дата обращения 28.07.2017**/. К сожалению, мне не удалось найти записей тех дебатов, которые были вызваны необычайной публикацией русского текста в переводе болгарского поэта и издателя.

Известны два произведения А.С. Пушкина с болгарской тематикой: стихотворение „Кирджали“ /1828/ и повесть „Кирджали“ /написанная предположительно в октябре-ноябре 1834 года и опубликована в декабрьском номере «Библиотеки для чтения» того же года/. Эти произведения говорят об осведомленности русского поэта.

Стихотворение описывает трудный быт в болгарских селах в области Буджак /Южная Бессарабия/, а повесть - об известном болгарском воеводе. Живя три года /1821-1824/ в Кишиневе и Одессе, Пушкин наблюдал над местными болгарями. Сын поэта Александр Александрович Пушкин – участник Освободительной войны 1877-1878 годов и командир 13-го Нарвского гусарского полка „летающего отряда“ Лермонтова, освободившего Бургас. В Бургасе возведен памятник А.С.Пушкину.

Накануне событий Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Пушкин пишет стихотворение „Кирджали” и видит болгар и болгарские села в Буджаке. Поэт симпатизирует болгарскому народу, особенно сочувствуя нерадостному быту и душевному миру болгар в ту эпоху. Пушкин пишет:

КИРДЖАЛИ

*В степях зелёных Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.
1828*

/Пушкин, дата обращения 28.07.2017/

Повесть „Кирджали” написана о реальном герое Кирджали, о котором Пушкин узнал в Кишиневе во время южной ссылки. В этот период поэт изучал материалы о славянах и о турецком владычестве. Имя Кирджали было легендарным. В сражении под Скулянами он вел себя героически, был ранен, но сумел скрыться от турецкого преследования и добрался до Кишинева. Узнав, что Кирджали скрывается у русских, турецкий паша потребовал его выдачи. Русские «начальники» выдали Кирджали.

В контексте вышеуказанных произведений Николаю Парушеву легко удалось провести умудренных исследователей, произвести впечатление на читателей, опубликовав свой эксперимент.

В Словаре литературных терминов дается следующее определение: „**МИСТИФИКАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ** — текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному вымышленному или реальному лицу. Литературная мистификация противостоит плагиату. Если плагиатор заимствует чужое слово, выдавая его за свое, то мистификатор приписывает свое слово другому. Главным отличием литературной мистификации от обычного текста является создание образа автора, в воображении которого возникает словесно-художественное произведение. Мистификация обязательно предполагает стилизацию, подражание языку конкретного писателя или стилю эпохи. Таким образом, литературная мистификация - удобная форма и для эксперимента в области стиля, и для наследования стилевой традиции.“ Словарь литературных терминов, дата обращения: 28.07.2017/

Авторы выделяют три группы подставного авторства:

- 1) имитирующие древние памятники, имя автора которых не сохранилось или не было названо;
- 2) приписанные историческим или легендарным лицам (продолжение пушкинской «Русалки», выполненное Д.П. Зуевым; издание 1897 года);
- 3) переадресованные вымышленным авторам - «покойным» («Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина) или «здравствующим» (Черубина де Габриак).

Вымышленный автор снабжается жизнеописанием, а действительный автор может выступать в роли его издателя, а также душеприказчика.

Цель литературной мистификации заключается в эстетическом или жизненном и творческом эксперименте.“ /Ланн, дата обращения: 28.07.2017/

Поэму Николая Парушева можно определить литературной мистификацией второго типа. Следует отметить и тот факт, что А.С.Пушкин – колоритная фигура в Болгарии. Тексты произведений русского гения переводятся на болгарский язык, начиная с середины XIX века. В 1952 году Петко Славейков переводит элегии „Погасло дневное светило” и „Не пой, красавица, при мне!” Произведения были „поболгарены”: так, например, в „Загасна дневното светило”

Петко Славейков ограничился переводом первых 16 строф русского оригинала, содержавшего 40, место действия перенесено на Дунайскую равнину, а океан заменен Дунаем. Только 7 из 16 строф имеют смысловое соответствие с оригиналом. /Преводна рецепция на европейските литератури в България, 2001. С. 47/

Первые 4 строфы из 2-й главы поэмы „Евгений Онегин” в переводе Ивана Вазова выходят в 1884 году в „Болгарской хрестоматии”, весь текст в прозаическом переводе осуществляет Георги Бакалов в 1914 году. Первый полный перевод в стихах появляется в начале XX века. До сегодняшнего дня А.С.Пушкин остается самым переводимым русским автором, а переводчики соревнуются в умении.

В „Необходимом пояснении” к своей поэме Николай Парушев дает подробное описание всех обстоятельств появления русского оригинала для перевода. Позволю себе процитировать его, используя мой перевод для журнала „Слово”.

„Выдающийся академик Александр Арнольдович Блюменталь-Шульц обнаружил недавно в архиве потомственной графини Леопольдины Львовны Розовской /современницы Пушкина и, оказывается, его доверенного лица/ неизвестную часть „Евгения Онегина”. /../ Однажды зимним вечером 1834 года Леопольдина Розовская /известная среди аристократических петербургских кругов, как *La divine comtesse L.L.*/ отметила на стр.71 своего дневника: “Вчера вечером у меня был А.С. Граф отсутствовал с неделю – был в Париже, посланный лично Его Превосходительством графом Бенкендорфом по вопросам, связанным с тайными службами III отделения при Высочайшей канцелярии /ходили отвратительные слухи, что П. замешан в каком-то *canal-e*, по которому в империю поступали всякие вольнодумные сочинения/. А.С. был странно взволнован – я причислила его состояние слухам. Во время чаепития в розовой гостиной он вдруг отодвинул свою чашку и пристально посмотрел на меня: «Графиня, мы одни, не так ли?» Я ответила ему: «Естественно. Вы знаете, что граф в Париже! А.С. подозрительно оглянулся: «А прислуга?» Это было настолько неожиданным и настолько несвойственным ему, что я улыбнулась: «Что вы говорите?» Он повернулся и подошел к окну. Внимательно посмотрел наружу. Затем резко приблизился, и я увидела, что он подает мне какой-то свиток: «Графиня, - сказал он, и голос его был хриплым, - прошу Вас сохранить эту рукопись. В ней конец «Онегина». Поклянитесь, что никто не узнает о написанном, пока я жив. Вы единственная, кому я могу довериться!» Я поклялась, перекрестившись перед лампадой». Розовская не изменила своей клятве.

Напрасные усилия найти загадочную рукопись предпринимались еще с 1883 года, года первой публикации дневника энергичным К.П.Мухиным в подвалах «Московских ведомостей». /../ Только сейчас, рассматривая крепостные бумаги Леопольдины Розовской совсем по другому поводу, акад. Блюменталь-Шульц случайно обнаружил какой-то пакет, затерянный между скучными отчетами

и регистрациями хода землевладельческих работ в имениях графини. Пакет содержал искомую рукопись.

В предисловии к последней /восьмой/ главе «Евгения Онегина» сам Пушкин писал: «Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано путешествие Онегина по России. /См. А.С.Пушкин. Полн.собр.соч., т.V, стр.100. Наука, М., 1964/. Отрывки из этой главы – «Путешествие Онегина», - где герой отправляется в Нижний Новгород, Астрахань, на Кавказ, в Одессу, были опубликованы еще тогда же /известны и поэтические страницы к намеченной «Девятой главе»/, но сама «Девятая глава» не претендовала на целостность. А рукопись в пакете, помимо своего нового характера путевый заметок, несет на себе и печать законченности /при этом – гибелью героя/. Вполне возможно, что случай этот сталкивает нас с другим, совершенно неожиданным финалом величайшего романа, «энциклопедии русской жизни».

По пути в Париж, где собирался докладывать о своей находке перед Товариществом пушкинистов, акад. Блюменталь-Шульц на короткий срок остановился в Софии, и здесь я имел возможность вновь встретиться с ним /наше знакомство достаточно давнее/ и ознакомиться с рукописью. Мне кажется, что сейчас едва ли уместно вдаваться в некоторые особенности строфической конструкции произведения – это тема специального анализа.

Но есть два момента, которые нельзя обойти вниманием.

Первый момент. Я был удивлен балканской географической и этнической осведомленностью универсального и парадоксального русского поэта /в смысле названий селений, особенностей характеров, менталитета, специфических выражений и т.д./ - подобная точность, но иного типа, замечается и в обработке «Песен западных славян» /см.цит.изд., т. III, стр.283/. Этот факт подтверждает завидную эрудицию и творческую углубленность, с которыми «северянин с берегов Невы» приступал к своему творению.

Второй момент – его невероятное предчувствие будущего «состояния мира», пользуясь характерным термином Гегеля, хотя и в более узком смысле. Это вновь доказывает вечную истину, что гениальность таланта равноценна пророчеству.

Моя работа над переводом была долгой, печальной и мучительной. Могу только сказать, что я был максимально корректен к словесному изображению событий и атмосферы – здесь, конечно, не хочу отрицать и «сладостный трепет» перед беспощадно нависшей гильотиной ямба. И еще утешает меня мысль, что это пока лишь единственный зарубежный перевод, который существует. По крайней мере так мне сообщил академик Александр Арнольдович Блюменталь-Шульц за месяц до того, как трагически погиб поздней весной этого года в водах северного Нижне-Иверского озера, затаившись в устьях Кавказа.» Так заканчивает свое пояснение Николай Парушев. /Гришковец 1997/

Оригинал, конечно же, исчез и вероятно покоится на дне Нижне-Иверского озера – как говорится, концы в воду.

Сюжет поэмы Николая Парушева предельно прост. Онегин скучает в своем имении, предаваясь сплину, вдруг получает телеграмму от какого-то профессора, своего давнишнего знакомого. Этот профессор, «в делах науки – муж отважный, и Кельн, и Краков, и Париж исколесил.», попал в высший свет, на руководящий пост в некой южной стране и оказался окруженным «туристами», путешествующими за государственный счет до Мадрида, Вашингтона, Мельборна и Малаги. Поэтому профессор просил Евгения как верного человека приехать к нему на службу. Вначале Евгений изумленно вдрогнул, но потом согласился: ему нечего было терять :

Под этим бездыханным небом
Любовь к Татьяне стала пеплом
И прахом понеслась за ветром.
А Гремин – князь и генерал –
Ее к рукам своим прибрал.
И он, ничуть не сожалея,
Решил: на юг, на юг скорее!
/Парушев, 1997, с. 59/

С Онегиным вместе отправляется в путь Сатана. Этот фантастический образ, вкрапленный в текст поэмы, придает оттенок мистики всему произведению и дает возможность провести литературную параллель с «Фаустом» Гете. Но в отличие от Мефистофеля Сатана Парушева не так явно присутствует, он лишь тень-двойник героя, незримо везде присутствующий. Путешествуя, Онегин попадает в город, напоминающий ему Одессу. Но, к сожалению, Сатана овладевает им, облик героя меняется, все увиденное производит на героя такое сильное впечатление, что он заболевает и умирает.

В поэме Пушкина в «переводе Парушева» якобы изображена Болгария времен турецкого ига /в конце текста стоит дата 1834 год/, в оригинале много турцизмов, но читатель усматривал между строками реальную картину Болгарии первых лет демократии 90-х годов. Открывались магазины, сияющие золотом витрин. На улицах появлялись лимузины, народ беднел. Скандалы, брифинги, коктейли. Пресса «была обильна», нравы изменялись очень быстро. Парушев пишет:

LV

Онегин се намери в чудо.
Самото време беше лудо
и всеки правеше това,
което нивга не бе правил –
физик пасеше стадо крави,
а стара стерва с нови нрави

тръбеше девствени слова,
под стихналата синева
биячи с погледи свенливи
продаваха презервативи.
/Парушев 1995, с. 292/

Вот как звучит русский перевод:

LV

Да, время было сумасшедшим.
И будет ли когда полегше –
Кто претя в лес, кто по дрова.
В подпасах – знатный академик,
А проститутка, влезши в „телек”,
Мораль читает, ради денег
Мусоля вещице слова, -
О, эти равные права!..
Предложат вам юнцы пугливо
Из-под полы презервативы.
/Парушев 1997, с. 63/

Невыплаченные зарплаты, экономия воды /в 90-е годы в Софии был режим воды: 1 час была вода, 3 часа не было/, перемены и воровство на всех уровнях, женщины, продающие себя и т.д. – все это реалии первых лет демократии в Болгарии через взгляд Парушева.

Снова привожу болгарский оригинал и русский перевод:

LIX

То беше див Апокалипсис.
Крадците се кълнях в липси,
а някакъв бивш адвокат
пледираше, че бил Месия.
Един лакей – същинска сприя,
изгладен с банкова ютия,
бе станал като Крез богат.
И в този лумнал маскарад
вървяха гордо маскарите
с най-пъстри знамена покрити.
/Парушев 1995,с. 292/

LIX

То сущий был Апокалипсис,
Мир жил, как в бездну провалившись.
Какой-то бывший адвокат –
Скок на трибуну: «Я – мессия!»

И завертелись, как шальные,
Вожди /куда ведут?/ слепые, -
Что в преисподней маскарад!
Вчерашний шут, как Крез, богат,
Стоит со свечкой у амфона.
И всех мастей шумят знамена.
/Парушев 1997,с. 63/

В целях большей наглядности Валерий Гришковец ввел в XX строфу своего перевода кооператив «МММ» /известная русскому читателю финансовая пирамида 90-х годов в России/, имевший колоритную рекламу на телевидении, рассчитанную на среднего обывателя. Собрав достаточно денег у населения, кооператив бесследно исчез. Упоминание об «МММ» красноречиво говорит о подобных вещах в южной стране из поэмы.

Евгений Парушева понял с болью, что попал в «скотобойню». Сатана, приехавший с ним, овладел героем и подменил его собой - двойником. И вдруг Евгений начал все понимать и во всем разбираться.

Образ автора, играющего со своими героями, присутствует в поэме неотлучно. Вот финал в оригинале и переводе:

LXXXV

Прощай, стих! И сбогом, рими!
И ти, читателю, прости ми
за всеки щур и опак ред.
Наверно скоро ще изчезна
и аз в онази вечна бездна,
но даже и в нощта беззвездна
животът бълза все напред
и бди над всеки свят завет,
за да зачене друг Евгений.
Предричам го. Затуй съм гений!
/Парушев 1995, с. 296/

LXXXV

Прощай, мой стих! И рифмы, с Богом!
Читатель, не терзай упреком
Неточности строки моей.
Должно быть, скоро сам исчезну, -
Да, друг мой! – в роковую бездну.
Но жизнь и в темноте беззвездной
Ткет пряжу вечную свою.
Так ночью соловьи поют!
И в мир придет другой Евгений!

Я предрекаю! Ибо – гений.

/Парушев 1997, с.66/

И, конечно же, поэма написана ямбом, придающим всему произведению колорит оригинальности и автентичности.

Помимо факта литературной мистификации поэма Парушева является свидетельством диалога культур русской и болгарской. Диалог культур – понятие, получившее широкое хождение в философской публицистике и эссеистике 20 в. Чаще всего оно понимается как взаимодействие, влияние, проникновение или отталкивание разных исторических или современных культур, как формы их конфессионального или политического сосуществования. В философских трудах В.С.Библера понятие диалога культур выдвигается в качестве возможного основоположения философии в канун 21 в./Библер 1991/

Время диалога культур – настоящее – так в поэме Парушева в оболочку русского культурного феномена – поэмы „Евгений Онегин” включен болгарский контекст, уходящий реалиями в конец XX века. Поэт Гришковец в свою очередь включил в текст перевода русские реалии 90-х годов XX века. „Произведения исторических культур воспринимаются поэтом в 20 в. не как «образцы» или «памятники», а как опыты начинания – видеть, слышать, говорить, понимать, – быть; история культуры воспроизводится как современный диалог культур. Культурная претензия (или возможность) современности – быть современной, со-бытийностью, диалогическим со-обществом культур”. / Библер, дата обращения 30.07.2017/

Литература

- Библер 1991 – Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
- Библер - Библер В.С. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0ec713aa8c5cb31f681b0> , дата обращения 30.07.2017.
- Гришковец 1997 - Гришковец Валерий. Слово, Москва, 1997, 5-6, стр. 56-57.
- Димова – Димова Милена. Интервью с Дойнов Пламен. Пазарът не може да откроява ценности. <http://www.segabg.com/article.php?sid=2008020200040001001/> дата обращения: 28.07.2017.
- Ланн - Ланн Евгений. Литературная мистификация. Государственное издательство Москва, Ленинград, 1930. Источник: http://www.belousenko.com/books/litera/lann_mistification.htm Дата обращения: 28.07.2017.
- Парушев 1995 – Парушев Николай. Неизвестен финал на Евгений Онегин. Девета глава. Култура, София, брой 30, 28 юли 1995.
- Парушев 1997 – Парушев Николай. Девятая глава. Онегин путешествует// Слово, Москва, 1997, 5-6.

- Преводна рецепция на европейските литератури в България 2001 - Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т.2 Руска литература. София, 2001.
- Пушкин - Пушкин А.С. Кирджали // rvb.ru/pushkin/01text/02poems/02misc/8011.htm, дата обращения: 28.07.2017.
- Словарь литературных терминов – Источник: <http://litterms.ru/m/158>, дата обращения: 28.07.2017.

Fed, Tatiana
New Bulgarian University, Sofia, Bulgaria
tnfed@abv.bg

NIKOLAI PARUSHEV'S LITERARY MYSTIFICATION /THE MANUSCRIPT OF THE NINTH CHAPTER OF "EUGENII ONEGIN" BY A.S.PUSHKIN IN BULGARIA/

***Abstract.** This article depicts a unique literary mystification in the Bulgarian culture of the 20th century. On July 28, 1995 Nikolai Parushev's work was published in the Bulgarian newspaper "Culture". He is a poet and interpreter and presented his mystified interpretation from Russian to Bulgarian of the lost Ninth chapter of Pushkin's "Eugenii Onegin" and told the history of the lost manuscript. The author of the article has translated Parushev's poem in Russian for the magazine "Slovo". The article attempts to analyze the literary mystification in the world of cultural dialogues from point of view of a 21st century reader.*

***Keywords:** Nikolai Parushev, the Ninth chapter, "Eugenii Onegin", interpretation, literary mystification*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕШСКОЙ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (2012–2016)

***Аннотация.** В статье дается количественный и, частично, качественный анализ чешской рецепции русской, именно современной, литературы за последние пять лет. В 2012–2016 гг. с русского языка на чешский было переведено 407 книг, но только небольшая часть этих текстов касалась литературы — 109 (из чего 28 изданий представляло собой современную литературу). В выборе современных произведений для перевода, а также в рецензиях, видно влияние политических событий. Внимание часто обращается на общественно-политические взгляды писателей.*

***Ключевые слова:** русская литература; рецепция; перевод; русско-чешские отношения*

Русская литература переводится на чешский язык непрерывно уже с первой трети XIX века. Чешская рецепция русской литературы в XIX–XX вв. (до конца 1980-х гг.) была многократно исследована, и на эту тему возник целый ряд статей и несколько монографий, в том числе публикации о чешско-русских отношениях. Цельное и четкое изложение чешской рецепции русской литературы приносят книги, возникшие под редакцией Д. Кшицовой [Kšicová 1997: 5–118], М. Заградки [Zahrádka 2008] и М. Гралы [Hrál 2002: 185–239]. Чешская рецепция русской литературы после 1990 г., т. е. примерно за последние 30 лет, была разработана только частично. Й. Вацек подготовил список книг, переведенных с русского языка на чешский за 1990–2001 гг. [Vacek 2002]. Переводам и постановкам пьес современных русских авторов уделяют внимание оломоуцкие русисты [Vychodilová 2014; Pálušová 2016]. В своей статье мы сосредотачиваем внимание на совсем актуальной рецепции русской литературы в чешской среде и даем количественный, а также качественный, однако только частично, анализ чешского восприятия русской литературы за последние 5 лет.

Статистические сведения о переводах с русского языка на чешский и нужные библиографические данные доступны в электронном каталоге Национальной библиотеки Чешской Республики. На основе постановлений законодательства издательства передают в Национальную библиотеку т. н. обязательный экземпляр. Значит, все книги (точнее книжные издания), официально изданные в Чехии (т. е. получившие книжный номер ISBN), поступают в фонд этой библиотеки и могут быть найдены в ее каталоге. Й. Вацек в своем списке указывает, что за 1990–2001 гг. на чешский язык были переведены 282 русские книги, значит, в среднем 22,5 книги в год. Десять лет спустя, количество

переводов с русского увеличилось в несколько раз: 2012 — 72, 2013 — 71, 2014 — 82, 2015 — 81, 2016 — 101.

Однако, общие данные в некотором отношении неточны, так как содержат все книжные издания, в том числе, например, каталоги выставок, театральные программы постановок русских пьес в чешских театрах и издания для детей, которые скорее игрушки, а не книги в литературном или художественном смысле (разные книжки-раскладушки, книжки-раскраски, книжки-затей с клееными деталями, которые издаются при прикосновении, или игрушки в форме книжки и т. д.). Тем не менее, эти замечания касаются лишь ограниченного количества изданий, но в последние два года число книг-игрушек выросло.

Несмотря на то, что численность переводов с русского языка в последние годы увеличивается, русский язык в этом отношении отстает от других европейских языков. Разумеется, самым переводимым языком является английский — примерно 2800–2900 изданий в год, далее следуют немецкий (свыше 900 изданий) и французский (приблизительно 290). Чаще чем с русского переводятся книги с испанского языка — свыше 100 изданий в год. По количеству переводов русский язык можно сравнить с итальянским (около 90 изданных переводов) и вместе с польским и словацким языками русский принадлежит к самым переводимым славянским языкам.

В предыдущем тексте мы указали, что в 2012–2016 гг. в целом с русского языка на чешский было переведено 407 книжных изданий, но лишь небольшая часть этих текстов касалась русской литературы (в смысле художественной литературы): 2012 — 18, 2013 — 25, 2014 — 24, 2015 — 19, 2016 — 24, в итоге 109 изданий. В эти статистические сведения не входят:

- а) двуязычные (русско-чешские) упрощенные издания с замечаниями и пояснениями, предназначенные для учащихся русскому языку,
- б) переводы детской литературы; в общем, русская детская литература переводится мало, но в последнее время становятся очень популярными книжки о приключениях Маши и Медведя (в 2016 г. 17 книжек),
- в) детские книги-игрушки и им подобные издания,
- г) переводы книг русскоязычных писателей, принадлежащих к разным литературам стран бывшего Советского Союза (это касается только редких случаев),
- д) довольно большое количество изданий массовой (тривиальной, популярной) литературы, например, триллеры, детективы, эзотерические и парапсихологические романы, и также фэнтези и (научная) фантастика (за исключением книг «классиков» жанра, напр. братьев Стругацких, и Дмитрия Глуховского, который сам говорит о своем последнем романе «Метро 2035» как о метафоре современной России),
- е) дневники, в том числе перевод дневников М. А. Булгакова и его жены.

Примерно 60% изданных переводов художественной литературы представляют собой или переиздания раньше опубликованных переводов, или современные (т. е. новые) переводы книг, которые уже были когда-то на чешском языке изданы. Значит, эти книги не являются для чешского читателя новыми и они, по крайней мере, доступны в библиотеках. Большой популярностью в чешской среде пользуется русская литература XIX века. В 2012–2016 гг. опять вышли в свет книги следующих авторов (не приводим полный список всех изданий, только примеры): А. С. Пушкин («Борис Годунов», «Каменный гость», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка»), М. Ю. Лермонтов («Демон»), Н. В. Гоголь («Тарас Бульба», «Ревизор», «Мертвые души»), А. Н. Островский («Лес»), И. А. Гончаров («Обломов»), И. С. Тургенев («Вешние воды»), Ф. М. Достоевский («Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы»), Л. Н. Толстой («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»).

Заново были также изданы рассказы и пьесы А. П. Чехова («Чайка», «Три сестры»), избранные стихотворения С. Есенина, поэма «Двенадцать» А. Блока, сатирические романы И. Ильфа и Е. Петрова («Двенадцать стульев», «Золотой теленок») и роман «Соглядатай» В. Набокова (в 90-е гг. этот роман уже был переведен с английского). К очень часто издаваемым русским авторам в чешской среде принадлежит М. А. Булгаков. За последние пять лет опять были опубликованы его рассказы, повести («Роковые яйца», «Собачье сердце», «Дьяволиада»), пьесы («Последние дни (Пушкин)», «Мольер (Кабала святош)») и, конечно, роман «Мастер и Маргарита». Из литературы второй половины XX века стоит отметить переиздания книг В. Ерофеева («Москва – Петушки») и Э. Лимонова («Это я, Эдичка!»).

В связи с вышеупомянутыми изданиями добавляем, что встречаются случаи публикации одного и того же произведения в разных переводах: «Мастер и Маргарита» (2013, 2016), «Борис Годунов» (2012, 2016), «Капитанская дочка» (2016 — два разных перевода), «Обломов» (2014, 2015), «Преступление и наказание» (2014 — два разных перевода), «Братья Карамазовы» (2013 — два разных перевода, 2015), «Анна Каренина» (2012, 2015), «Чайка» (два издания известного перевода Л. Сухаржипы 2012 и 2015).

Из вышеупомянутых статистических данных следует, что 40 % переводов художественной литературы (т. е. примерно 9 изданий в год) является совсем новыми переводами произведений, до этого неизданными на чешском языке. Эти новые переводы вообще не касались русской литературы XIX века. Это связано именно с тем, что произведения русских писателей XIX века переведены на чешский язык в достаточном количестве. К сожалению, не имеются точные данные, но без сомнений можно сказать, что чешский читатель, желающий подробно ознакомиться с русской литературой упомянутого периода, не должен знать ни одного русского слова. Мало было также новых переводов произведений русской литературы первой половины XX века — только пять изданий: сборник избранных произведений Д. Хармса (2013), роман «Призрак

Александра Вольфа» Г. Газданова (2013) и именно первое полное чешское издание «Стихов к Чехии» (2014, некоторые стихотворения этого цикла были переведены уже раньше) и поэма «Крысолов» М. Цветаевой (2015), хотя часть текста была написана Цветаевой в Праге.

Большинство переводов произведений, появившихся на чешском языке в первый раз, касалось современной русской литературы — 28 изданий. Однако, сначала рассмотрим переводы русской литературы второй половины XX в. Неудивительно, что внимание чешских переводчиков и издателей привлекала прежде всего неофициальная литература и литература русского зарубежья, т. е. литература, официально издаваемая только с половины 1980-х гг. В 2012 г. был издан сборник избранных стихов И. Холина (под остроумным названием «Никто из вас не знает Холина») и три года спустя вышла в свет антология стихотворений поэтов т. н. лианозовской школы (включая также Холина). В 2014 г. появились даже две книжки стихотворений и эссе русской поэтессы, прозаика и одной из ведущих фигур ленинградской неофициальной культуры 1970-х и 1980-х годов Е. Шварц.

Регулярно издаются на чешском языке книги на тему ГУЛАГа. Помимо других переводов воспоминаний о годах пережитых в советских лагерях, в 2012–2016 гг. были изданы также два новых сборника рассказов (2013 и 2015) В. Шаламова, в которых помещены переиздания старых переводов и совсем новые переводы, и далее «Эхо ГУЛАГа» — сборник рассказов и воспоминаний разных авторов на чешском и русском языках (2013). В 2015 г. появился сборник произведений (стихов, рассказов и записей в дневнике) полузабытой писательницы А. Барковой под названием одной из ее повестей «Восемь глав безумия». Эта книга вызвала большой интерес и рецензии на нее опубликовали журналы «А2», «Tvar», «iLiteratura.cz». О судьбе Анны Барковой в Чехии даже снимается фильм, премьера которого объявлена на 2017 г.

В чешских культурных и литературных журналах сильно нашумели издания переводов романа «Пушкинский дом» А. Битова (2014) и книги «Лето в Бадене» Л. Цыпкина (2015). Рецензии принесли журналы «Revolver Revue», «Souvislosti», «Host», «iLiteratura.cz». Наоборот, не замеченными чешскими литературными критиками и рецензентами остались издание избранных стихотворений лауреата Нобелевской премии И. Бродского (2013) и романа «Между собакой и волком» известного писателя С. Соколова (2013). Внимание также не вызвал (и это неудивительно) перевод романа «Иерусалимские сны» очень мало известных авторов, братьев Шаргородских. Наше обозрение переводов русской литературы второй половины XX века закончим изданиями театральной пьесы «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах» братьев Стругацких (2013) и фантастический роман «Поселок» К. Булычева (2015).

Как уже было сказано выше, 28 книг, изданных на чешском языке в 2012–2016 гг., касалось современной русской литературы. Ниже приводим полный список этих изданий (в скобках указан год издания на русском языке):

2012

Лебедев, С.: Предел забвения (2010)

Пепперштейн, П.: Свастика и Пентагон (2006)

Солженицын, А.: Абрикосовое варенье (сборник рассказов, 1990-е гг.)

Улицкая, Л.: Даниэль Штайн, переводчик (2006)

2013

Глуховский, Д.: Сумерки (2007)

Шишкин, М.: Письмовник (2010)

Улицкая, Л.: Сквозная линия (2003)

2014

Кантор, В.: сборник трех повестей; в него входит «Соседи» (1998), «Смерть пенсионера» (2008), «Сто долларов» (2011)

Ключарева, Н.: Россия, общий вагон (2008)

Сорокин, В.: Теллурия (2013)

антология переводов пьес современных русских авторов

антология современной славянской поэзии (помещены стихотворения двух русских авторов А. Ровинского, Л. Юсуповой)

2015

Глуховский, Д.: Будущее (2013)

Макаров-Кротков, А.: избранные стихотворения

Степнова, М.: Женщины Лазаря (2011)

Стругацкий, Б.: Бессильные мира сего (2003)

2016

Аствацатуров, А.: Люди в голом (2009)

Водолазкин, Е.: Лавр (2012)

Глуховский, Д.: Метро 2035 (2015)

Лебедев, С.: Люди августа (2015)

Михиальский, В.: Весна в Карфагене (2001)

Пелевин, В.: S.N.U.F.F. (2011)

Рубина, Д.: Белая голубка Кордовы (2009)

Силаев, П.: Исход (2010)

Токарева, В.: Перелом (избранные рассказы 1980-х и 1990-х гг.)

Чижова, Е.: Время женщин (2009)

Шевелев, М.: Не русский (2015)

Улицкая, Л.: Зелёный шатёр (2011)

По вышеприведенному списку и по рецензиям и отзывам, опубликованным в чешских журналах, газетах и в Интернете, можно выявить несколько тенденций в рецепции современной русской литературы в чешской среде:

1) Самым переводимым современным русским автором является Виктор Пелевин; «S.N.U.F.F.» уже седьмая книга Пелевина, изданная на чешском языке.

2) Большой популярностью также пользуется Владимир Сорокин, «Теллурия» является пятой книгой Сорокина, переведенной на чешский язык; она была переведена уже на следующий год после русского издания.

3) Однако, очень популярной становится в последние годы Людмила Улицкая. Были переведены уже четыре ее книги, причем три за последние пять лет. К этому надо добавить, что популярность Улицкой в чешской среде возрастает. Издание перевода романа «Зеленый шатер» встретили рецензиями журналы «A2», «Plav», «Revolver Revue». Журнал «Host», газета «Lidové noviny» и др. опубликовали интервью с писательницей. В них она представлена как критик политики В. Путина и представительница русской оппозиции.

4) К часто издаваемым авторам в последнее время принадлежит также Д. Глуховский. Тем не менее, Глуховский — автор романов-антиутопий и он не привлек внимания литературных критиков. Однако, при презентации чешского перевода романа «Метро 2035» сам автор подчеркивал критическо-политические намерения своей книги.

5) Именно сейчас в восприятии современной русской литературы политические взгляды писателей играют большую роль. Сильно нашумела повесть М. Шевелева «Не русский», которую можно считать по количеству рецензий и отзывов самой популярной русской книгой в последнее время. Ни одна другая книга не привлекла столько внимания. Большой интерес вызвало также издание романа С. Лебедева «Люди августа». Еще добавим, что обе книги были первоначально изданы на русском языке в 2015 г. и мгновенно переведены на чешский язык.

6) Книги, не затрагивающие политические темы, наоборот, остались критиками незамеченными. Это касается последнего чешского перевода романа Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» (помимо этой книжки уже были опубликованы два чешских перевода ее произведений) и также переводов книги Е. Водолазкина «Лавр» и сборника рассказов В. Токаревой.

7) Важную роль политического фактора в чешской рецепции современной русской литературы подтверждает и случай З. Прилепина. Издательство

«Argo» готовилось к публикации перевода романа «Обитель», но поскольку Прилепин активно участвует в сражениях на востоке Украины, перевод не будет опубликован, так как издательство не желает посредством авторского гонораара финансировать военные операции на Донбассе.

Оценивая рецепцию русской литературы в чешской среде за последние пять лет, мы можем утверждать, что количество переводов с каждым годом растет. Тем не менее, преимущественно речь не идет о переводах художественной литературы, которые оказались в значительном меньшинстве: 109 книг из 407. Более того, 60 % переводов художественной литературы — новые издания прежних переводов (иногда даже очень старых), или же новые переводы произведений ранее уже переведенных. Только 45 книг, переведенных с русского языка в изучаемый период — произведения, до этого недоступные чешскому читателю. Немалая часть этих произведений представляет современную русскую литературу. Положительным фактом является то, что произведения некоторых авторов переводятся на чешский язык почти сразу после русского издания. В рецепции современной русской литературы, однако, видно влияние политических событий, и чешские рецензенты намного чаще отмечают политическую позицию авторов, чем художественные достоинства их произведений. Из современных русских авторов больше всего переводятся В. Пелевин и В. Сорокин, вместе с тем в последнее время на чешском языке часто издаются произведения Л. Улицкой, Д. Глуховского и С. Лебедева.

Литература

- Kšicová 1997 – Kšicová D. a kol. Východoslovanské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR. Brno: Masarykova univerzita, 1997.
- Hrala 2002 – Hrala M. České překlady z ruské literatury // Milan Hrala (ed.) Kapitoly z dějin českého překladu. Praha: Karolinum, 2002.
- Pálušová 2016 – Pálušová M. A nesoudit znamená nedívat se...: současné ruské drama v českých překladech a divadelních inscenacích. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2016.
- Vacek 2002 – Vacek J. Ruská literatura v českých překladech (1990–2001). Praha: Národní knihovna ČR, Slovanská knihovna, 2002.
- Vychodilová 2014 – Vychodilová Z. a kol. Současné ruské drama. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2014.
- Zahrádka 2008 – Zahrádka, M. a kol. Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2008.

Text is an output of the grant project GA MU “Russia in the categories friend – enemy. Czech reflection” (code MUNI/M/0921/2015).

Šaur, Josef
Department of Slavonic Studies,
Faculty of Arts, Masaryk University,
Czech Republic
saur@phil.muni.cz

CURRENT PROCESSES IN THE CZECH PERCEPTION OF RUSSIAN LITERATURE (2012–2016)

***Abstract.** This article provides a quantitative as well as partly qualitative analysis of the Czech perception of Russian (especially contemporary) literature over the past 5 years. 407 books were translated from Russian to Czech in 2012–2016, however, only a small part of them was related to literature – 109 (28 of contemporary literature). The choice of contemporary Russian texts to be translated, as well as their acceptance by reviewers, has been influenced by political events, as the attention is often paid especially to the political and social attitudes of authors.*

***Keywords:** Russian literature; perception; translation; Czech-Russian relations*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

*Андрюшина Наталья Павловна,
Клобукова Любовь Павловна
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МИНИМУМЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

***Аннотация.** В докладе дается общая характеристика важного компонента Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному – градуальной серии лексических минимумов (ЛМ). Описываются функции ЛМ, возможные сферы их применения, характеризуются содержание и структурные особенности ЛМ пяти сертификационных уровней, которые соответствуют целям и задачам преподавания русского языка иностранным учащимся на разных этапах их обучения.*

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, лексическая компетенция, лексический минимум по русскому языку как иностранному, уровень владения языком.*

Задача разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному (РКИ) была поставлена в связи с созданием в 90-е годы XX века Российской государственной системы тестирования иностранных граждан по русскому языку (далее – система ТРКИ). Естественно, в своей работе составители лексических минимумов системы ТРКИ учитывали опыт предшествующих поколений лексикографов по составлению минимумов различного типа. В 50–60-х и начале 70-х годов прошлого века в СССР вышел целый ряд словарей-минимумов для учащихся различных национальностей. Часто эти словари были предназначены для определенных классов средней школы: «Словарь-минимум для начальных классов грузинской школы» (Тбилиси, 1967), «Словарь-минимум русского языка для 9–11 классов литовской школы» (Вильнюс, 1970), «Словарь-минимум по русскому языку для 4–8 классов башкирских школ» (Уфа, 1973), «Словарный минимум по русскому языку для 1–5 классов якутской школы» (Якутск, 1959), «Словарный минимум по русскому языку для начальных классов узбекской школы» (Ташкент, 1966) и др. Как видим, в эти годы формировалось новое направление учебной лексикографии: лексические минимумы составлялись во всех республиках СССР, для учащихся всех национальностей.

Традиция разработки учебных словарей-минимумов развивалась и при создании программ для иностранных студентов, обучающихся в вузах Советского Союза, т.к. уже на начальной стадии развития теории и методики преподавания РКИ специалисты убедились, что на каждом этапе обучения необходимо определить круг актуальной для учащихся лексики и последовательность введения лексических единиц. В качестве примера можно привести лексический минимум (около 3000 единиц), включенный в Программу, рассчитанную на первый год изучения русского языка учащимися подготовительных факультетов, которая была утверждена Учебно-методическим управлением по вузам в 1963 г.

Сопоставимые по объему и конкретному наполнению словники прилагались к наиболее популярным учебникам русского языка.¹ В 60-е гг. были опубликованы лексические минимумы, составленные преподавателями РКИ вузов СССР, а также словари-минимумы для зарубежных школ². Обилие этих работ говорило об **актуальности** стоящей перед исследователями проблемы. Каждая публикация имела свои особенности, вносила свою лепту в развитие нового направления лексикографии – создание и описание тезаурусов по русскому языку как иностранному.

Первоначально основная масса словников относилась к начальному и среднему этапам обучения русскому языку. При этом **целостный подход** к изучению этапов освоения русской лексики, к сожалению, отсутствовал. Более того, когда в учебниках, программах и словниках утвердился (и был методически освоен преподавателями) определенный объем лексики, подлежащей усвоению инофонами, внимание к проблеме создания общепринятого лексического минимума того или иного этапа обучения русскому языку пошло на убыль. При анализе ряда учебников и учебных пособий по РКИ, вышедших в 1990-х годах и даже в середине нулевых годов, обращает на себя внимание тот факт, что авторы часто не задумываются о границах лексической базы создаваемых ими средств обучения.

Таким образом, в конце XX века ситуация с лексикографическим описанием уровней владения РКИ оставляла желать лучшего: была практически утрачена традиция жесткой ориентации на фиксированное содержание минимального объема лексики на том или ином этапе изучения языка. В постсоветское время был опубликован целый ряд учебников и учебных пособий, лексическое наполнение которых определялось личными предпочтениями авторов; при этом лексическая компетенция иностранных учащихся формировалась зачастую бессистемно.

Перечисленными обстоятельствами, а также актуализировавшейся в это время задачей создания системы ТРКИ и была обусловлена актуальность

¹ См., например, «Учебник русского языка» под ред. Е.Г.Баш; учебник русского языка для арабских студентов под ред. О.М.Аркадьевой; учебники «Старт-1», «Старт-2», «Старт-3» (авторы М.М. Галеева, Л.С.Журавлева и др.) и пр.

² Перечень подобных публикаций см. в кн. «Лексические минимумы русского языка» / под ред. П.Н.Денисова – М., изд-во МГУ, 1972.

разработки градуальной серии лексических минимумов по русскому языку как иностранному. Важную роль сыграли также геополитические изменения, вызвавшие новые условия преподавания РКИ как в России, так и за рубежом, которые потребовали новых подходов к организации учебного процесса.

Уже в конце 90-х годов XX века ситуация с лексикографическим аспектом преподавания РКИ начала меняться. Разработка иерархической системы уровней владения РКИ потребовала четкой фиксации не только требований к речевым навыкам и умениям иностранных учащихся, но и детального описания грамматического и лексического материала, актуального для того или иного этапа обучения. Последнюю задачу – описание объема лексической компетенции инофона на каждом уровне владения РКИ – и призваны решать лексические минимумы. Учитывая тот факт, что уровни владения языком определенным образом коррелируют с этапами обучения языку в российских и зарубежных образовательных заведениях различного типа, составители ЛМ отдавали себе отчет в том, что книги должны быть ориентированы на широкий круг пользователей.

В процессе создания серии ЛМ по РКИ был решен ряд лингвистических, методических и лексикографических проблем, центральной из которых является определение объема словаря, ориентированного на конкретный уровень общего владения РКИ. Для выработки обоснованных показателей потребовалось провести тщательный анализ частотных словарей и различных лексических минимумов, а также ситуаций, тем и задач общения, актуальных для того или иного этапа обучения. Серьезное внимание уделялось лексике, содержащейся в наиболее известных и востребованных учебниках русского языка как иностранного, ориентированных на разные этапы и профили обучения.

В настоящее время опубликованы и активно используются в практике преподавания РКИ лексические минимумы Элементарного уровня (780 слов), Базового уровня (1300 слов), Первого уровня (2300 слов), Второго уровня (немногим более 5000 единиц). Завершена работа по составлению ЛМ Третьего сертификационного уровня, его объем составил примерно 11000 единиц. Тем самым создана градуальная серия лексических минимумов по РКИ, каждый из компонентов которой может быть успешно применен как в процессе обучения РКИ на том или ином его этапе, так и при подготовке инофона к сертификационному тестированию.

Необходимо особо подчеркнуть, что лингводидактические задачи, решению которых способствуют ЛМ, весьма многообразны. ЛМ **содержат** фиксированный список лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению на соответствующих этапах обучения русскому языку, **служат ориентиром** для авторов учебников, учебных пособий и разработчиков контрольных материалов. ЛМ создают условия для организации унифицированного контроля в ходе экзаменационных сессий, позволяя

максимально **минимизировать субъективные моменты** в оценке достижений учащихся. Кроме того, использование ЛМ при изучении русского языка делает учебную работу инофонов более активной и целенаправленной. Отметим и тот факт, что введение ЛМ в международное образовательное пространство позволяет преподавателям РКИ в разных странах координировать содержание учебного процесса. В результате студенты могут без дополнительных проблем менять место учебы: поступать, например, в магистратуру российского вуза после окончания бакалавриата у себя на родине. Другими словами, лексические минимумы многофункциональны, что подтверждается их высокой востребованностью.

Основополагающим принципом формирования лексических минимумов является системность. Этот принцип реализовался, во-первых, в том, что лексика каждого уровня отбиралась по одним и тем же критериям [Андрюшина и др. 2016: 10], во-вторых, в том, что каждый последующий минимум представляет собой примерное удвоение количества лексических единиц по сравнению с объемом ЛМ предыдущего уровня. Кроме того, от уровня к уровню соблюдалась логика последовательного расширения лексической базы представленных в ЛМ тем, словообразовательных моделей, полисемии, стилистических характеристик лексем и др.

Так, в минимумы низких уровней владения РКИ (начальный и средний этапы обучения) были введены прежде всего базовые понятия, которые составляют ядро любого языка и отражают «необходимые стороны жизни человека» [Бабенко 2010: 18]. Это, например, термины родства (*бабушка, дети, родители*), обозначение возраста (*ребёнок, старость*), наименование профессий (*преподаватель, художник*), предметов быта (*лампа, нож*), названия городских учреждений (*магазин, театр, школа*), оценочные слова (*молодец, хороший*), формулы речевого этикета (*Извините!*) и т.д.

ЛМ Базового уровня активно используется в конце первого семестра на довузовском этапе обучения иностранцев. ЛМ Первого уровня актуален на протяжении второго семестра довузовского обучения, поскольку он обеспечивает объем лексической компетенции, необходимой инофону для начала обучения в российских вузах. ЛМ Второго и Третьего уровней необходимы для формирования лексической компетенции иностранных учащихся на продвинутом этапе обучения. При этом выпускники нефилологических факультетов российских вузов должны достичь Второго, а выпускники-филологи – Третьего уровня общего владения РКИ.

Разница в объеме и содержании лексической компетенции на упомянутых выше этапах обучения, коррелирующих с уровнями общего владения РКИ, обусловила различия и в структуре ЛМ разных уровней.

ЛМ первых трех уровней имеют одинаковую структуру: они состоят из 3 частей.

В **первой** части представлен алфавитный словник, который переведен на пять языков. Система грамматических помет в словарных статьях тщательно минимизирована. Так, частеречная помета используется только при субстантивированных прилагательных (например, *военный, -ые, суц.*); род существительных указывается только после существительных ж.р. на *-Б (жизнь)*, после существительных м.р. на *-А (юноша)*, а также после существительных ср.р. с нестандартными окончаниями (*имя, такси*). Естественно, используются пометы *кр. ф., ед. и мн. ч.*; при предлогах указывается падежное управление (например, *к + д.п.*). Лексико-семантические варианты слов иллюстрируются примерами – синтагмами и фразами, которые считаются наиболее целесообразной и наглядной формой показа лексико-грамматических связей (Балахонова 1995: 105).

Вторая часть ЛМ содержит тематические группы. Тематическая классификация соответствует общепринятой традиции идеографического представления лексики. В каждой тематической группе лексемы группируются в соответствии с подтемами, внутри подтемы слова разделены по частям речи. Таким образом, содержание второй части ЛМ помогает иностранцу лучше понять и практически освоить лексику с ориентацией на конкретные темы общения, актуальные для того или иного этапа овладения русским языком как иностранным.

Третья часть ЛМ Элементарного, Базового и Первого уровней общего владения РКИ состоит из четырех приложений: 1) частотные женские и мужские русские имена; 2) синонимы; 3) антонимы; 4) ограниченный список наиболее часто встречающихся лингвистических терминов с переводом на пять языков.

Структура ЛМ Второго и Третьего уровней общего владения РКИ несколько изменена по сравнению с предыдущими ЛМ. В алфавитной части ЛМ Второго уровня слова переведены только на английский язык, а в ЛМ Третьего уровня перевод отсутствует, так как на данном уровне у инофона должно быть в достаточной степени сформировано умение свободно пользоваться как двуязычными, так и толковыми словарями. С целью минимизации объема книг иллюстрации к семантическим вариантам слов приводятся в том случае, если иностранец должен освоить на данном уровне только часть значений лексической единицы.

В ЛМ этих уровней отсутствуют тематические группы, поскольку их описание значительно увеличило бы объем книг. Предполагается, что тематические группы будут изданы отдельно, приобретя тем самым статус полноценных учебных пособий. Таким образом, данные ЛМ содержат 2 части: алфавитный словник и приложения.

Состав приложений в ЛМ Второго и Третьего уровней также претерпел изменения. Первое приложение содержит наименования лиц по национальности и

месту проживания. Во втором и третьем приложениях, как и в ЛМ предшествующих уровней, представлены синонимические и антонимические ряды.

В четвертое приложение введен ограниченный перечень фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Задача составления фразеологического минимума, ориентированного на определенный уровень владения языком или на определенный этап изучения языка, решалась впервые. Благодаря этому приложению иностранцы, изучающие русский язык, могут получить представление о языковых единицах, отражающих русскую национальную картину мира. Объем приложения в ЛМ Второго уровня при переиздании составит 300 единиц (вместо первоначальных 145), а в подготовленном к изданию ЛМ Третьего уровня – около 700 фразеологических единиц. В него вошли и устойчивые этикетные конструкции, отражающие русский менталитет. Введение в ЛМ Второго и Третьего уровней приложений, включающих фразеологизмы и устойчивые словосочетания, – это лишь начало огромной работы по определению оптимального объема и качественного содержания идиом и устойчивых словосочетаний применительно к разным этапам обучения иностранцев русскому языку и к различным уровням владения РКИ.

Представляя градуальную серию ЛМ, нельзя не упомянуть о двух новых приложениях, появившихся в структуре ЛМ Третьего уровня. Одно из них – «Общепринятые сокращения» – содержит буквенные сокращения (*РФ, ООН, СПИД*), внутрисловные сокращения (*гос., нац, спец.*) и фрагментарно сокращённые слова (*минфин, сбербанк*). Актуальность данного приложения объясняется тем, что в последние десятилетия аббревиация и сокращения активно используются в русском словообразовании, однако в практике преподавания, в опубликованных учебниках и учебных пособиях по РКИ аббревиатурам и сокращениям практически не уделяется внимания, фрагментарно представлены они и в словарях. Между тем у иностранцев постоянно возникают проблемы не только понимания лексического значения аббревиатур, но и их произнесения, поскольку правила произношения аббревиатур часто устанавливаются с отступлением от общих произносительных норм [Гяч 1976: 146]. Кроме того, русские аббревиатуры зачастую обладают специфическими грамматическими свойствами. Все это побудило составителей ЛМ Третьего уровня отразить данный элемент лексической компетенции инофона в рамках особого приложения.

Второе новое приложение – «Разговорно-сниженная лексика» – включает целый ряд стилистически сниженных лексем, рекомендуемых инофону только для рецептивной речевой деятельности (*блин, клеветный, косячить*). Контент данного приложения призван помочь иностранцу правильно понимать реплики некоторых героев художественных произведений, фильмов и ток-шоу, а также носителей языка в ситуациях реального общения.

Как видим, при создании градуальной серии лексических минимумов по РКИ по-новому высветились отдельные лексикографические аспекты, на которые ранее

лексикологи, методисты и преподаватели фактически не обращали внимания. Вопросы представления в программных, учебных и контрольных материалах различных уровней владения РКИ фразеологических единиц, этикетной лексики, аббревиатур и др., безусловно, требуют дальнейшей лингвометодической разработки, что позволит скорректировать содержание учебного процесса и повысить качество обучения иностранных граждан русскому языку.

Литература

- Андриюшина и др. 2016 – Андриюшина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. Градуальная серия лексических минимумов как компонент Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному (общее владение) – в ж. «Русский тест», 2016, №3. С.8-17.
- Бабенко 2010 – Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря – В кн. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации. Проспект словаря. – Екатеринбург, Уральский университет, 2010.
- Балахонова 1995 – Балахонова Л.И. Принципы и приемы иллюстрирования в Новом академическом словаре. – В кн. Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1995 – С.104-113.
- Гяч 1976 – Гяч Н.В., Павлов В.М. Некоторые вопросы лексикографического отображения аббревиатур. – В сб. Современная русская лексикография – Л., 1976 – С. 145-158.

*Andryushina, Natalia
Klobukova, Lyubov*

*Lomonosov Moscow State University, Russia
msu-Andryushina@yandex.ru
klobukov@list.ru*

LEXICAL MINIMUMS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

***Abstract.** The report gives a general description of an essential component of the Russian state testing system of Russian as a foreign language – the gradual series of lexical minimums (LM). The functions of LM and its possible application fields are described; the content and structural features of LM of the five certification levels are defined. Lexical minimums support the achieving goals and objectives of teaching of Russian as a foreign language at different stages of learning.*

***Keywords:** Russian as a foreign language, communicative competence, lexical competence, lexical minimum of Russian as a foreign language, level of language proficiency.*

КИРА ПЕХЛИВАНОВА – У ИСТОКОВ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ ПОСЛЕ 1944 ГОДА. ДИССЕРТАЦИЯ, УЧЕБНИКИ, ОБЩЕСТВО РУСИСТОВ БОЛГАРИИ

Аннотация. Кира Иордановна Пехливанова – автор более 30 учебников, первой диссертационной работы по методике преподавания русского языка в Болгарии, руководитель Лектората иностранных языков БАН, активный участник инициативного комитета, подготовившего проведение Учредительного собрания Болгарского общества русистов, член Исполнительного Совета МАПРЯЛ.

Ключевые слова: Общество русистов Болгарии, зрительная наглядность преподавания русских надежд, МАПРЯЛ.

Создание Общества русистов Болгарии, полувековой юбилей которого отмечаем, связано и с именем Киры Иордановны Пехливановой – замечательного человека, известного русиста, великолепного преподавателя. Сорок четыре года своей жизни она посвятила русскому языку – это создание 33 учебников, работа в ВУЗах, в Лекторате иностранных языков БАН, в МАПРЯЛ.

Еще в 1938 году увидел свет „Самоучитель по руски език“ (Практическа граматика), написанный в соавторстве с Валентином Арсеньевым (второе издание 1945 г.). Самоучитель предназначался „любопытному читателю, учащемуся и специалисту“. Этот дебют стал точкой отсчета плодотворнейшей работы Киры Иордановны.

В 1939 г. выходит „Практическо ръководство за изучаване на руски език“, затем, год спустя – еще два издания: „Два века руска литература“ и „Руска христоматия“.

Еще более насыщенной стала ее преподавательская и методическая деятельность во второй половине 40-ых годов.

Будучи главным инспектором русского языка в Министерстве просвещения в 1945 г., она организовала проведение курсов подготовки 250 учителей русского языка среди латинистов, богословов и лиц русского происхождения. Русский язык стал обязательной дисциплиной в болгарских средних школах.

Страна в то время осуществила рывок в области экономики, науки, образования. В Болгарию в больших объемах поступала научная, техническая, художественная литература на русском языке, ощущалась необходимость языковой подготовки людей, уже закончивших свое образование. На

протяжении десяти лет, с 1944 по 1954 г.г., Кира Иордановна была автором и ведущей цикла передач болгарского радио для курсистов радиоуниверситета. Были подготовлены и изданы I и II часть пособия „30 урока по руски език“ (1945–1948), в соавторстве с Галиной Тагамлицкой.

Следуют еще три издания:

– „Руски език за народните курсове“ в двух частях, отпечатано большим тиражом (соавтор второй части - Наталья Ховрина) и методическое руководство к нему - „Методическо ръководство за преподавателите в народните курсове по руски език“.

– „Русский язык - элементарный курс“ в трех частях (в соавторстве с Надеждой Шоповой).

– „Русская речь в образах и звуках“.

Следует отметить учебники и хрестоматии, подготовленные для учащихся средних школ, общий тираж которых в тот период превысил полмиллиона экземпляров.

С 1947 по 1953 годы Кира Иордановна преподавала русский язык в Дипломатической школе болгарского МИД; а с 1949 по 1955 г.г. – в Высшем медицинском институте. Она является соавтором учебника „Русский язык для студентов Медицинской, Сельскохозяйственной академии и для студентов-биологов“.

Великолепная языковая подготовка Киры Пехливановой – знание французского, немецкого, английского, латинского языков, помимо русского и болгарского, яркий талант преподавателя послужили основанием возложить на нее обязанности по оптимизации работы Лектората иностранных языков при Болгарской академии наук в 1955 г. В 1961 г. Кира Иордановна стала его заведующей, проработав на этой должности почти двадцать лет. По предложению Председателя БАН в 1974 была удостоена звания Почетного учителя.

Возвращаясь к юбилею Общества русистов Болгарии, обратимся к его основам. Первая встреча Инициативного комитета состоялась в марте 1967 года. Кроме Киры Иордановны, присутствовали Георги Германов, Мария Стилиянова, Михаил Бонев, Любомир Муцков, Диана Саранга, Надежда Полякова и Надежда Шопова. Состав инициативного комитета - преподаватели ВУЗов, Лектората, Народных курсов, специалисты по методике, свидетельствует о том, что собрались близкие люди, единомышленники, целью которых было создание профессионального сообщества, которое объединило бы коллег, преподающих русский язык или профессионально связанных с ним, т.е. тех, кто называют себя русистами. Убежден, что идея создания такого профессионального объединения представляла собой то, что мы сейчас называем „гражданской инициативой“ и Общество русистов Болгарии было

создано именно таким образом и являлось выражением свободной воли учредителей. В 1967 г., на Учредительном собрании организации, избрана заместителем председателя Общества.

Кира Иордановна вместе с проф. Симеоном Русакиевым и доц. Георгием Германовым принимала участие в Учредительной конференции МАПРЯЛ в Париже, в работе I, II, III, IV конгрессов МАПРЯЛ. Она была членом Международной комиссии по учебникам с 1967 г., а с 1969 г. – членом Исполнительного Совета МАПРЯЛ. Это было началом ставшей ныне традиционной, деятельности представителей болгарских русистов в руководящих органах МАПРЯЛ.

Огромный опыт, накопленный за годы работы с самыми разнообразными учащимися (старшеклассниками, студентами, аспирантами, слушателями радио- и прочих курсов русского языка) позволил Кире Иордановне подготовить и защитить кандидатскую диссертацию „Зрительная наглядность преподавания русских падежей“. Это был первый диссертационный труд в области методики преподавания русского языка в Болгарии.

Дальнейшим развитием этого направления в работе Киры Иордановны стал хорошо знакомый русистам многих поколений учебник „Руска граматика в картинки“ и „Русская грамматика в картинках – методическое пособие для учителей“. Заслуженную известность и признание получил справочник „Грамматика русского языка в иллюстрациях“, написанный в соавторстве с Мариной Лебедевой и изданный уже после кончины Киры Пехливановой. Методические руководства издавались на польском (1987), английском (1991), французском (2002) языках. Несмотря на то, что в Интернете существует множество его копий, которые можно свободно скачать, справочник переиздают вновь и вновь (не менее 16 переизданий, последнее в 2014 г.). Думается, что подобный результат следует считать не только яркой оценкой работы авторов, но и предметом гордости для болгарской русистики. Ведь не так много, наверное, можно насчитать работ наших коллег, получивших подобное признание, тем более в России и во времена свободного рынка.

Преждевременный уход из жизни помешал осуществлению многих ее творческих планов. Кира Иордановна Пехливанова осталась в памяти, как личность, в которой сочетались высокий талант ученого, блестящие административные способности и личное обаяние.

Литература

- Арсениев, Пехливанова 1938 – Арсениев В.П., Пехливанова К.Й. Самоучител по руски език. (Практическа граматика). – С.: Съгласие, 1938.
- Пехливанова 1939 – Пехливанова К.Й. Практическо ръководство за изучаване на руски език. Руско-български разговорник – С.: Съгласие, 1939.
- Пехливанова 1940 – Пехливанова К.Й. Руска хрестоматия. С исторически, литературни и биографични бележки. – С.: Съгласие, 1940.

- Пехливанова, Тагамлицка 1945-48 – Пехливанова К.Й., Тагамлицка Г. 30 урока по руски език. Ч. 1–2. – С.: БРП (к), 1945-48.
- Пехливанова Ховрина 1951-53 – Пехливанова К.Й., Ховрина Н. Руски език за народните курсове. Ч. 1–3. – С.: СБСД, 1951-53.
- Пехливанова 1951 – Пехливанова К.Й. Методическо ръководство за преподавателите в народните курсове по руски език. – С.: СБСД, 1951.
- Пехливанова, Шопова 1959-61 – Пехливанова К.Й., Шопова Н. Русский язык - элементарный курс. Ч. 1–3. – С.: НС ОФ 1959-61.
- Пехливанова, Шопова 1965-66 – Пехливанова К.Й., Шопова Н. Русская речь в образах и звуках. Ч. 1–2. – С.: НС ОФ 1965-66.
- Пехливанова, Данилевска, Кочмаренко, Матвеева Данилевска 1951 – Кочмаренко Н.М, Данилевска Н.Н., Матвеева Т.В., Пехливанова К.Й. Русский язык для студентов Медицинской, Сельскохозяйственной академии и для студентов-биологов. – С.: Наука и искусство. 1951.
- Пехливанова 1972 – Пехливанова К.Й. Руска граматика в картинки. – С.: Нар. просвета. 1972.
- Пехливанова 1978 – Пехливанова К.Й. Русская грамматика в картинках - методическое пособие для учителей. – С.: Нар. просвета. 1978.
- Пехливанова, Лебедева 1984 – Пехливанова К.Й., Лебедева М.Н. Грамматика русского языка в иллюстрациях. – М.: Рус. яз. 1984.
- Пехливанова, Лебедева 2014 – Пехливанова Пехливанова К.Й., Лебедева М.Н. Грамматика русского языка в иллюстрациях. – М.: Рус. яз. Курсы. 2014.

Arseniev, Svetoslav

University of National and World Economy

Sofia, Bulgaria

s_arseniev@unwe.bg

KIRA PEHLIVANOVA – AT THE FOREFRONT OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN BULGARIA AFTER 1944. THESIS, TEXTBOOKS, SOCIETY OF RUSSIANISTS IN BULGARIA

***Abstract.** Kira Yordanova Pehlivanova is the author of over 30 books, the first thesis work on the methods of teaching the Russian language in Bulgaria, the head of the Lecturer of foreign languages of the Bulgarian Academy of Sciences, active member of the initiative Committee that prepared the holding of the Constituent meeting of the Society of Russianists in Bulgaria, member of the Executive Board of MAPRYAL.*

***Keywords:** Society of Russianists in Bulgaria, visual presentation of teaching the Russian cases, MAPRYAL*

*Архангельская Юлия Владимировна
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н.Толстого, Тула, Россия*

*Манчев Владимир Симонович
Софийский университет им. Святого
Климента Охридского, София, Болгария*

ЯЗЫКОВОЕ НОВАТОРСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРСКОЙ АУДИТОРИИ

***Аннотация.** Опыт работы с языковыми инновациями Л.Н. Толстого в болгарской аудитории убеждает в том, что описанная система заданий помогает выработать мотивацию при освоении болгарскими учащимися лексических и фразеологических единиц современного русского языка, авторство которых принадлежит великому русскому писателю, а также развить у них умение правильно употреблять эти единицы в соответствующих ситуациях. Анализ лексики, с помощью которой языковые новообразования Л.Н. Толстого можно переводить на болгарский язык, показывает, что ее отражение в современных болгарско-русских и русско-болгарских словарях и в более ранних подобных изданиях второй половины XX века имеет определенные отличия.*

***Ключевые слова:** языковые инновации Л.Н. Толстого, русский язык как иностранный, крылатые слова и выражения, перевод.*

Освоение иностранного языка – весьма непростая и многоаспектная задача, и немаловажную роль в успешном преодолении возникающих при этом трудностей играет мотивация, основанием которой часто является интерес к различным языковым явлениям и фактам в изучаемом языке. Такой интерес можно развивать и поддерживать, преподавая язык в лингвокультурологическом аспекте.

Данная статья имеет целью поделиться опытом подобным образом организованной работы при преподавании русского языка как иностранного, которая проводилась одним из авторов настоящего исследования (Архангельской Ю.В.) при проведении курсов повышения квалификации для преподавателей-русистов, а также при работе со студентами-филологами в Пловдивском университете им. Паисия Хилендарского в Болгарии в 2013 и 2015 годах (при освоении ими курсов «Культура русской речи» и «Ментальные основы и национальная специфика русского коммуникативного поведения») и другим автором (Манчевым В. С.) при преподавании дисциплин «Общая теория перевода. Упражнения» и «Особенности перевода художественных текстов» (магистерский курс) в Софийском университете им. Святого Климента Охридского.

Под языковыми инновациями в лингвистике обычно подразумевают новообразования какого-либо конкретного автора, вошедшие в узуальное употребление. Такие инновации обычно обладают разной степенью распространения: одни известны большинству носителей языка, другие – только хорошо образованным или даже эрудированным людям. А некоторые активно употребляются не только в русском языке, но и в родственных славянских языках, например в украинском, что находит отражение в словарях и справочниках [Дядечко 2001].

Одно из названий таких новообразований – *крылатые единицы*: первый раз каждую из них употребляет какое-то конкретное лицо (например, писатель, политический деятель, актер), а потом эта единица, как на крыльях, распространяется (отсюда название – «крылатая»), и ее начинает узнавать и использовать всё большее количество людей. В зависимости от компонентного состава крылатые единицы в русистике принято разделять на *крылатые слова* и *крылатые выражения*, то есть однословные и неословные единицы соответственно [Шулежкова 2002, 19]. Основное отличие крылатых единиц от «безымянных» новообразований – их связь с источником, то есть всегда известно (или это можно легко выяснить), кто первым их употребил.

Этимология нескольких десятков слов и выражений русского языка непосредственно связана с личностью или произведениями великого русского писателя Л. Н. Толстого. Этот факт, сам по себе весьма примечательный, между тем остается малоизвестным как носителям русского языка, так и тем, кто изучает русский язык как иностранный.

К языковым инновациям писателя мы относим (весьма условно) не только те единицы, появление которых было инициировано непосредственно им самим или вошло в язык из текстов его произведений, но и те, появление которых связано с личностью писателя, его деятельностью (например, с его именем, его учением).

Практика работы с языковыми инновациями Л. Н. Толстого в болгарской аудитории показывает, что после сообщения студентам изложенных выше общих сведений по данной теме целесообразно предлагать им последовательно следующие задания для самостоятельной работы.

1. Используя специальные словари и справочники составить список крылатых слов и выражений, авторство которых принадлежит Л.Н. Толстому (можно предложить, в частности, наиболее известное, авторитетное и распространенное издание – книгу «Крылатые слова» Н. С. и М. Г. Ашукиных, которая претерпела несколько изданий [Ашукин, Ашукина 1987]).

Список должен получиться приблизительно таким: *Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить; власть тьмы; Все смешалось в доме Облонских; Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему; <Всё> образуется; дубина*

народной войны; живой труп; изюминка; Каратаев; каратаевщина; Не могу молчать; Николай Палкин; Он пугает, а мне не страшно; От ней все качества; Писали, не гуляли; плоды просвещения; Туда умного не надо, вы пошлите-ка Реада, а я посмотрю.

В процессе проверки выполнения задания в список, составленный учащимися, под руководством учителя добавляются языковые единицы, которых нет в указанном справочнике, но они есть в других изданиях, менее доступных учащимся: *война и мир; детство, отрочество, юность; Кто хлебал в моей чашке?* [Дядечко 2008]; *Наташа Ростова* [Максимов 2002]; *первый бал Наташи Ростовой* [Архангельская 2016].

Такие единицы, как *непротивление злу насилием* [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999, 402]; *непротивление; непротивленец; непротивленка; непротивленство; непротивленчество; непротивленческий; толстовство; толстовец; толстовка; толстовский; толстовщина* [Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова 1928 – 1940; Словарь современного русского литературного языка 1950 – 1965]; *Царство Божие внутри нас; Единое на потребу* [Архангельская 2016], считаем целесообразным изучать только на курсах повышения квалификации с преподавателями русского языка как иностранного, а также с магистрантами, которые являются более подготовленными к обсуждению мировоззрения Л. Н. Толстого, чем студенты.

2. Определить и прокомментировать значения собранных слов и выражений, а также историю их происхождения (например, пояснить, из какого произведения Л. Н. Толстого пришла единица в узуальное употребление или с каким фактом жизни или мировоззрения писателя связано ее появление в языке). Например, выражения *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему; <Всё> образуется; Всё смешалось в доме Облонских* пришли в узус из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», *война и мир; дубина народной войны; первый бал Наташи Ростовой; Писали, не гуляли* из романа «Война и мир» и т. д.

При определении значения новообразований, авторство которых принадлежит Л. Н. Толстому, целесообразно использовать, помимо названных выше изданий, также двуязычные русско-болгарский и болгарско-русский словари. Однако необходимо иметь в виду следующие соображения.

В словарях второй половины XX века не всегда дается правильный перевод некоторых из изучаемых слов: так, в издании «Българско-руски речник» Савы Чукалова (1957 и 1960 гг.) слова *толстоизъм* и *толстоист* (болг.) ошибочно переводятся на русский язык как *толстоизм* и *толстоист* соответственно [Чукалов, 1957, 899 – 900]; [Чукалов, 1960, 1082] (то есть, по сути, при переводе в одном из них меняется только графический облик, в другом не меняется ничего), хотя на самом деле данные слова в русском языке не существуют. Очевидно, *толстоизъм* следует переводить на русский

язык как *толстовство*, а *толстоист* – как *толстовец*, что и отражено в современном болгарско-русском словаре А. Кошелева [Кошелев 2008: 748]. При обсуждении этих вопросов обращаем внимание учащихся, что данные лексемы являются устаревшими, однако они окончательно не вышли из употребления ни в русском, ни в болгарском языках, о чем свидетельствует, например, издание «Толстоизмът. Божествената същност на човека» Йордана Йорданова [Йорданов 2008]. Такие слова можно определить как историзмы.

Учитывая, что не все лексические инновации Л.Н. Толстого известны болгарским студентам, несомненной пользой выполнения такого рода заданий будет не только пополнение лексического запаса будущих филологов и переводчиков, но и расширение их лингвокультурологического кругозора.

3. Найти примеры употребления собранных слов и выражений в современном русском языке (для выполнения данного задания вполне подойдут доступные всем информационные ресурсы, в частности «Национальный корпус русского языка»).

4. Сделать перевод контекстов, выбранных с помощью интернет-ресурсов, на болгарский язык.

При этом следует иметь в виду, что некоторые толстовские инновации в употреблении подвергаются трансформациям, что свидетельствует об их активном использовании в современной русской речи. Так, крылатая фраза Л. Н. Толстого *Гладко было на бумаге, да забыли про овраге, а по ним ходить*, имеющая значение ‘из-за того, что не были учтены реальные условия осуществления какого-либо дела, его постигла (или может постигнуть) неудача’, нередко употребляется в усеченном виде, причем усечению последовательно подвергаются части, стоящие в конце предложения: *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить* → *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги* → *Гладко было на бумаге*. Обращаем внимание учащихся на то, что при переводе следует сохранить значение целого (не усеченного) выражения, поскольку носитель русского языка, зная инвариант, домысливает не воспроизведенные фрагменты и соотносит все выражение с известным ему значением, тогда как при переводе трансформированной единицы существует опасность исказить значение единицы или (если переводчик не опознает в трансформированном фрагменте крылатую фразу) использовать буквальный перевод, что также может привести к искажению смысла. В качестве упражнения предлагаем учащимся перевести на болгарский язык фрагменты статей из «Учительской газеты» и издания «Эксперт», где используется данное выражение в усеченном виде:

...Казалось бы, в новом положении об оплате труда работников бюджетной сферы все разложено по полочкам. И тем не менее возникает вопрос: как такие сугубо производственные экономические показатели, как производительность труда и качество работы, применить к представителям профессий врача или

учителя? Судя по тому, что было услышано на пресс-конференции, и сами разработчики положения не очень-то четко это представляют. Хотя те показатели эффективности труда, которые еще предстоит подготовить исполнительной власти, возможно, внесут ясность, и все встанет на свои места. Иначе может получиться так, как это часто бывает: **гладко было на бумаге, да забыли про овраги** [Учительская газета, №33 от 12 августа 2008].

Перевод: ...На пръв поглед, в новата наредба за заплащането на труда на работещите в държавния сектор всичко е подредено много добре. И все пак възниква въпроса: как да се приложат такива чисто производствени икономически показатели като производителност на труда и качеството на работата към работещите като лекари и учители? Ако се съди по това, което чухме на пресконференцията, и самите автори на наредбата не си го представят достатъчно добре. Но може би онези показатели на ефективността на труда, които все още предстои да бъдат подготвени от изпълнителната власт, ще дадат яснота, и всичко ще си дойде на мястото. В противен случай може да стане така, както често се случва: **на хартия – добре, на практика – зле**.

По всем прикидкам, звездно-полосатая сборная в общекомандном зачете должна занять второе место. Впрочем, **гладко было на бумаге**. Накануне Игр американцы понесли серьезную потерю – в Сочи из-за травмы не выступит великая горнолыжница Линдсей Вонн [Александр Служаков. Консервативный прогноз // «Эксперт», 2014].

Перевод: Според всички разчети отборът на Щатите по общия брой на медалите би трябвало да заеме второ място. Но това се оказа **сметка без кръчмар**. Преди олимпийските игри американците понесоха тежка загуба – в Сочи поради контузия няма да дойде голямата състезателка по ски алпийски дисциплини Линдзи Вон.

5. Сделать компьютерные презентации, иллюстрирующие значение, этимологию и примеры употребления отдельных слов и выражений из списка. Практика показывает, что наиболее интересные презентации получают к инновациям **толстовка** и **первый бал Наташи Ростовой** (нов.).

Здесь необходимо обратить внимание учащихся на то, что в современном русском языке наряду с омонимами **толстовка 1** (женское к толстовец) и **толстовка 2** ('особый вид мужской длинной просторной блузы со множеством сборок, иногда на кокетке, надевавшейся навывпуск, под пояс и сшитой обычно из гладкоокрашенной ткани'; такую блузу, как известно, носил Л.Толстой и его последователи, а после революции в России она стала очень популярна, и в первой половине XX века ее носили многие мужчины вне зависимости от своих убеждений) есть очень употребительное слово **толстовка**, которое используется в значении 'вид утепляющей одежды для верхней части туловища'. В лексикографической практике остается пока открытым вопрос о том, как

подавать в словарях это слово. Сложность состоит в следующем. Вероятно, следует признать, что слово **толстовка** в данном современном, появившемся в постперестроечное время значении образовалось от слова **толстый**. И по сути это еще один омоним к уже описанным выше. Однако подавать его в словарях как омоним лексикографы не торопятся, поскольку означает это слово, как и **толстовка 2**, предмет одежды для верхней части туловища, то есть значения их слишком близки для того, чтобы их подавать как омонимы в словарях. В.Иваницкий считает, что «перед нами не совсем известный лингвистический феномен» и называет такие образования словами-клонами: «Язык способен порождать слова-клоны, которые хорошо демонстрируют опасность любого клонирования. Клон только выглядит абсолютной генетической копией: полного тождества не будет, ведь часто способ порождения организма сильно влияет на его судьбу. Примешиваются какие-то неучтенные факторы, внутренние “напряжения материала”. Возможны незапланированные мутации. Язык – тоже живой организм» [Иваницкий 2009: 72].

Следует признать, что новые толковые словари современного русского языка, причем даже те, в названия которых входят слова типа **языковые изменения конца XX века** или **актуальная лексика XXI века**, устранились от решения данного вопроса и современную **толстовку** как вид утепляющей одежды вообще не включают в словник [Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения 1998; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика 2008].

6. Составить обобщающую таблицу, в которую будут включены все изученные на предыдущих этапах слова и выражения, автором которых является Л.Н. Толстой, а также их значения. Таким образом, обобщающая таблица будет иметь следующий вид:

Языковые инновации Л. Н. Толстого	Значения
<i><Всё> образуется</i>	‘всё наладится’, ‘устроится’, ‘будет хорошо’
<i>Власть тьмы</i>	‘невежество, культурная и социальная отсталость’
<i>Война и мир</i>	‘чередование столкновений, ссор, с одной стороны, и перемирия, спокойствия – с другой’
<i>Все смешалось в доме Облонских</i>	‘произошла путаница, неразбериха’

<i>Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему</i>	цитируют, когда говорят о проблемах семейной жизни
<i>Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить</i>	‘из-за того, что не были учтены реальные условия осуществления какого-либо дела, его постигла (или может постигнуть) неудача’
<i>Детство, отрочество, юность</i>	‘об этапах становления личности’
<i>Дубина народной войны</i>	‘мощь народного сопротивления вторжению иноземцев’
<i>Живой труп</i>	1) ‘больной, изможденный человек’ – это значение данного выражения существовало в русском языке до появления драмы Л.Н. Толстого «Живой труп»; 2) ‘человек опустившийся, нравственно опустошенный’; 3) ‘что-либо омертвевшее, изжившее себя’.
<i>Изюминка перен.</i>	‘нечто придающее особый вкус, привлекательность чему-либо (рассказу, человеку, событию)’
<i>Кто хлебал в моей чашке?</i>	‘попытка выяснить, кто прикасался к еде, посуде говорящего; шутливая угроза’
<i>Наташа Ростова</i>	1) <i>Жаргонное молодежное, шутливое:</i> ‘робкая, застенчивая девушка’ 2) <i>Жаргонное молодежное:</i> ‘девушка лёгкого поведения’ 3) <i>Жаргонное школьное, шутливое:</i> ‘молодая учительница русского языка’
<i>Не могу молчать</i>	‘о невозможности или недопустимости равнодушного отношения к чему-либо’
<i>Он пугает, а мне не страшно</i>	‘ироническая характеристика человека, стремящегося напугать кого-либо’

<i>Первый бал Наташи Ростовой</i>	1) ‘выход девушки во взрослую жизнь’; 2) ‘любое торжественное мероприятие, в котором кто-либо участвует впервые’
<i>Писали, не гуляли</i>	‘ироническая оценка большого количества написанных книг’
<i>Плоды просвещения</i>	<i>Иронич.</i> ‘плоды невежества’
<i>Толстовство</i>	Религиозно-этическое течение, возникшее под влиянием взглядов Л. Н. Толстого на рубеже XIX – XX вв. в России и распространившееся впоследствии в мире. В основе толстовства лежит идея преобразования общества путем религиозного и нравственного совершенствования человека, всеобщей любви, непротivления злу насилieм.
<i>Толстоец</i>	Последователь религиозно-этического учения Л. Н. Толстого.
<i>Толстовка 1</i>	Женское к <i>толстоец</i> .
<i>Толстовка 2</i> (англ.: <i>Tolstoy blouse, Tolstoy shirt</i> ; фр. <i>blouse a la Tolston</i>)	‘особый вид мужской длинной просторной блузы со множеством сборок, иногда на кокетке, надевавшейся навыпуск, под пояс и сшитой обычно из гладкокрашенной ткани’ (такую блузу носил Л. Толстой).
<i>Чем люди живы</i>	1) ‘о любви к ближнему как основе человеческой жизни’; 2) ‘выражение удивления по поводу духовной бедности или скудного достатка кого-либо’; 3) ‘ценностные ориентиры человека и человечества, этико-нравственные, философские и социальные аспекты бытия’

Подобные задания считаем также эффективным использовать в качестве мотивирующих в практической работе при изучении дисциплин «Лексика и фразеология современного русского языка», «Практика русской речи», «Лингвокультурология» и других курсов, традиционных при преподавании в вузе русского языка как иностранного.

Литература

- Архангельская 2016 – Архангельская Ю. В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика). – Тула: ТППО, 2016.– 325 с.
- Ашукин, Ашукина 1987 – Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. – М.: Худож. лит., 1987. 528 с.
- Бирих, Мокиенко, Степанова 1999 – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 704 с.
- Дядечко 2001 – Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крылаті слова (материалы для словаря). Ч. 1: А – Г. Ч. 2: Д – Л. – Киев: Видавничий дім «Комп'ютерпрес», 2001.
- Дядечко 2008 – Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц / Л. П. Дядечко. – М.: НТ Пресс, 2008. – 797, [3] с.
- Иваницкий 2009 – Иваницкий В. Толстовка // Знание – сила. № 4 (982), 2009. С. 72.
- Йорданов 2008 – Толстоизмът. Божествената същност на човека. Сборник. Йордан Йорданов, съставит. Варна, 2008. 298 с. // <http://www.otizvora.com/2011/03/2536> (дата обращения: 25.05.2017).
- Кошелев 2008 – Алберт Кошелев. Българско-руски речник. Първо издание. «Наука и изкуство». София, 2008. 840 с.
- Максимов 2002 – Максимов Б. Б. Фильтруй базар: Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 506 с.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во «Фолио-Пресс». СПб., 1998. 700 с.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.
- Ушаков 1928 – 1940 – Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М., 1928 – 1940.
- Чукалов 1957 – Чукалов С. Българско-руски речник. Второ издание, допълнено и преработено. – София: Издание на Българската Академия на науките, 1957. – 991 с.
- Чукалов 1960 – Чукалов С. Българско-руски речник. Трето издание. Допълнено и преработено. Държавно издателство “Наука и изкуство”. София, 1960. – 1192 с.
- Шулежкова 2002 – Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. 288 с.

Arkhangelskaia, Iuliia
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
archangelju@yandex.ru

Manchev V.S.
Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria,
v.manchev@abv.bg

LINGUISTIC INNOVATION OF L. N. TOLSTOY IN THE ASPECT OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHING IN BULGARIAN

***Abstract.** Experience of working with L.N.Tolstoy's linguistic innovations in Bulgarian audience convinces, that the described system of tasks helps to develop motivation in mastering by Bulgarian students lexical and phraseological units of modern Russian language, authorship of which belongs to the writer, and also develop the ability to use this units correctly in appropriate situations. The analysis of lexis by which linguistic innovations of L.N.Tolstoy can be translated into Bulgarian language shows that it's depiction in modern Bulgarian-Russian and Russian-Bulgarian dictionaries and in earlier editions of the second half of XX century has certain differences.*

***Keywords:** Linguistic innovations of L.N.Tolstoy, Russian as a foreign language, winged words and phrases, translation*

*Бекмамбетова Занипа Жумамуратовна
Университет Туран, г.Алматы, Казахстан
Хаирова Гуля Малбагаровна
КарГУ им.Е.А. Букетова,
г.Караганда, Казахстан*

РАЗВИТИЕ РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ РАБОТЕ С ПОСЛОВИЦАМИ

Аннотация. В данной статье описываются основные методы преподавания русского языка при работе с пословицами. С помощью малых форм фольклора можно решать практически все задачи методики развития речи. Пословицы широко используются в обучении - как воспитательной целью, так и для развития речи. Изучение пословиц обогащает речь учащихся, повышает их грамотность, способствует воспитанию эстетического вкуса. Разнообразная работа с пословицами прививает учащимся любовь к устному народному творчеству, учит внимательно относиться к метким образным выражениям, интересоваться народной мудростью. Речевые упражнения, тоже оказывают большое влияние, потому что в них сливаются все умения и навыки, которые дают заметный результат за короткий промежуток времени. Если малые формы фольклора обработаны с учетом возрастных возможностей детей и организована систематическая работа школьникам, они доступны их пониманию и осознанию.

Ключевые слова: Речь, пословица, поговорка, культура речи, средства обучения, малые формы фольклора.

Проблема эффективной речи особенно важна сегодня, когда растёт значение правильного, убедительного слова. Приоритетные средства для этого – культура речи и культура общения. Овладение языком, речью – необходимое условие формирования социально активной личности. Поэтому одной из наиболее важных задач на современном этапе обучения учащихся считаем развитие речевой деятельности.

Язык – сокровищница национальной культуры народа, говорящего на этом языке. Весь жизненный опыт и все достижения культуры фиксируются в языке, находят в нём зеркальное отражение. Национальный компонент значения обнаруживается в единицах всех уровней языка, но особенно чётко он прослеживается в лексике, фразеологии, правилах речевого этикета, текстах и т.д. Поэтому при изучении любого языка, особенно неродного, необходимо учитывать важную особенность: любой язык имеет национальное выражение, т. е. проявляется в виде конкретного национального языка, выражающего национальный дух и отражающего национальную культуру народа – носителя этого языка. По образному выражению В. фон Гумбольдта, «язык народа есть его дух» [Вильгельм фон Гумбольдт 2000: 245], т.е. душа народа, его национально

обусловленная психология, то, что мы в современной терминологии называем ментальностью этноса и его языковым сознанием.

В конце XX века в нашу жизнь начала вливаться огромная лавина заимствованных терминов из иностранных языков, что угрожает языку, а значит и культуре. Поэтому развитие речи школьников средствами малых форм фольклора на сегодняшний день имеет особую значимость.

Психологи и методисты отмечают, что дети усваивают русский язык, прежде всего, подражая разговорной речи окружающих (В.Д. Эльконин, Р.Е. Левина, А.П. Усова и др.) [Эльконин 2007]. Ребенок большую часть своего времени проводит за компьютером, чем в живом окружении. Вследствие этого, произведения народного творчества (загадки, пословицы, поговорки, колыбельные песни, потешки) практически не используются в речи детей.

К.Д. Ушинским было замечено, что в семьях знают все меньше обрядов, забывают песни, загадки, пословицы, поговорки. В наши дни это становится все актуальнее [Ушинский 1956].

Пословицы заключают в себе свод народной мудрости и опыта, имеет смысл проанализировать этот свод с точки зрения, содержащейся в нём информации или, по крайней мере, выявить главные его составляющие и рассмотреть основные концепты, отражённые в нём.

Пословицы реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всём его многообразии, они передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические взгляды народа. Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. И с этой задачей пословицы справляются весьма успешно. Их тематика поистине безгранична. Они охватывают решительно все стороны жизни человека, самые различные взаимосвязи между разными явлениями действительности.

Педагоги используют загадки, пословицы и поговорки на занятиях по развитию речи с детьми. Поэтому у педагогов возникает потребность в разработке методики по развитию речи детей школьного возраста средствами малых форм фольклора. Этот процесс должен происходить не только на специально организованных занятиях, но и в повседневной жизни школы. Для решения данной задачи важно, чтобы педагоги школьного образования были заинтересованы, а дети были активными субъектами этого процесса (проявляли интерес, самостоятельность в получении дополнительных занятий). Общетеоретические вопросы развития речи детей школьного возраста в трудах Д.Б. Эльконина, Л.С. Выготского и др.

Как следствие, педагоги школьного образования вынуждены искать отдельные способы развития речи, посредством малых форм фольклора, не ориентируясь на четкие теоретические и методические положения. Итак, возникает противоречие

между потенциальными возможностями малых форм фольклора в речевом развитии школьников и недостаточной обеспеченностью педагогов методиками развития речи детей средствами малых форм фольклора - пословицами.

В толковом словаре Ожегова С.И. дается следующее определение понятия «речь»: «Речь - 1. Способность говорить, говорение. 2. Разновидность или стиль языка. 3. Звучащий звук. 4. Разговор, беседа. 5. Публичное выступление» [Ожегов 2005]. Также, в словаре русского языка Ожегова С.И. дает определение «развитие»: «Развитие - процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему» [Львов 2000]. В словаре-справочнике по методике преподавания русского языка Львов М.Р. дает понятие «развитие речи учащихся»: «Развитие речи учащихся - процесс овладения речью: средствами языка (фонетикой, лексикой, грамматикой, культурой речи, стилями) и механизмами речи - её восприятия и выражения своих мыслей.

В школе ученики овладевают книжным стилем письменной речи, его публицистической, официально-деловой разновидностью - больше всего научным (точнее, учебно-научным) стилем изложения, что связано с характером ведущей деятельности учащихся - с усвоением ими основ наук, а также с участием в различных видах общественной деятельности, с осознанием языка как системы [Неганова 1995].

Методисту чрезвычайно важно знать, что, собственно, представляет собой речь как вид деятельности, важно знать, как происходит процесс порождения и восприятия высказывания. Особенно большое значение для методики развития речи имеет интенсивно разрабатываемая в последнее время психология словесного общения, которую интересует, как именно в психологическом смысле происходит «процесс установления и поддержания целенаправленного... контакта между людьми», как именно происходит «процесс решения коммуникативной задачи», какие именно причины (мотивы) обуславливают высказывание, каковы его функции, какие психологические факторы «ведут к тому, что данный человек говорит именно то, что он говорит, и именно так, как он говорит» [Леонтьев 1974: 32].

Объектом исследований методистов является речь как предмет обучения, именно поэтому они, как правило, говорят о «развитии речи». При этом, в отличие от психологов, которые тоже употребляют этот термин и которых интересует прежде всего сам процесс становления речи, методисты рассматривают развитие речи с учебно-педагогической точки зрения. Методисты выявляют трудности, возникающие при овладении речью учащимися, педагогические условия и средства воздействия на процесс формирования речевых умений и навыков школьников. Опираясь на данные своей науки, а также на данные психологии и лингвистики, методисты разрабатывают вопрос о том, чему и как нужно учить детей, чтобы научить их полноценно общаться (последнее

и составляет главную цель развития речи учащихся, устанавливаемую также методистами). Следовательно, методика развития речи имеет свой объект познания, свой предмет исследования, свою систему понятий. В методике принято говорить о работе по развитию речи школьников, т.е. о деятельности учителя, направленной на формирование и совершенствование устной и письменной речи детей.

Развитие речи на уроках русского языка – это вся работа, проводимая словесником специально и в связи с изучением школьного курса (грамматики, словообразования, правописания и т.д.) для того чтобы ученики овладели языковыми нормами (произносительными, лексическими, морфологическими, синтаксическими), а также умением выражать свои мысли в устной и письменной форме, пользуясь нужными языковыми средствами в соответствии с целью, содержанием речи и условиями общения.

Содержание речи - условие наличия материала высказывания, т.е. того, о чем нужно сказать. И от полноты богатства этого материала зависит содержательность высказывания. Четкость, логичность речи определяются тем, насколько подготовлен материал. Следовательно, методическим условием развития речи учащихся является тщательная подготовка материала для речевых упражнений.

Средства языка - условие вооружения человека общепринятыми знаками, т.е. главным образом словами, их сочетаниями, различными оборотами речи.

В связи с этим детям нужно дать образцы языка, создать для них хорошую речевую среду. В результате слушания речи и использования ее на практике у ребенка формируется чувство языка. Следовательно, по методическим требованиям развитие речи учащихся является созданием условий для активной речевой деятельности.

Условия развития речи ребенка школьного возраста значительно отличаются от условий формирования речи ребенка. За период школьного обучения ребенок овладевает языковой грамотой: чтением и письмом. В общей психологии Богословский В.В. выделяет основные узловые моменты развития речи в школьном возрасте, они таковы: усвоение монологической, письменной речи и формирование внутренней; овладение грамматикой, являющейся сводом правил и законов языка; овладение точной и выразительной речью; формирование речевых свойств личности школьника. Монологической связной речью школьник овладевает благодаря повседневной работе учителя. Уже на первом году обучения ребенка приучают к правильному оформлению мыслей в речи, к четкости формулировок и высказываний. Требования к речи школьника возрастают из года в год. Формирующаяся монологическая речь постепенно становится связной, позволяющей изложить сложное смысловое целое в понятной для всех языковой форме. Развитие устной - монологической - письменной речи охватывает весь период школьного обучения и продолжается

и в зрелом возрасте. Наряду с их развитием происходит формирования внутренней речи. Формирование речевых навыков - весьма существенная сторона речевого развития школьника. Их роль трудно преувеличить, так как они в большей мере определяют культуру речи школьника.

Развитие культурной речи предполагает также овладение точной и выразительной речью.

Речь школьника становится точной по мере овладения им научной терминологией, позволяющей выражать мысль предельно точно и в то же время лаконично. Точность речи учащихся развивается в меру требований учителя, предъявляемых к этому качеству речи, а так же благодаря овладению им научной терминологией.

Требовательность учителя определяет также развитие выразительности речи. Это немаловажное качество речи приобретает благодаря специальной работе учителя [Богословский 1980].

Развитие речи происходит в школьном возрасте. Со временем ребенок начинает все более совершенно к месту пользоваться то ситуативной, то контекстной речью в зависимости от условий и характера общения. Общение носит непосредственный характер. Разговорная речь содержит в себе достаточно возможностей для формирования связной речи, состоящих из отдельных, не связанных друг с другом предложений, а представляющей собой связное высказывание-рассказ, сообщение и т.п. У ребенка возникает потребность объяснить сверстнику содержание предстоящей игры, устройство игрушки и многое другое. В ходе развития разговорной речи происходит уменьшение ситуативных моментов в речи и переход к пониманию на основе собственно языковых средств. Таким образом, начинает развиваться объяснительная речь. К.Д. Ушинский писал: «Дитя усваивает язык подражанием». Действительно, роль имитации в усвоении языка значительна, но это не слепое подражание. Содержание речи вытекает из жизненного опыта ребенка, из потребностей его жизни, выражения его мысли. Одно лишь слушание речи взрослых ребенком не может стать решающим фактором овладения языком: нужна речевая активность, ибо язык усваивается в процессе речевой деятельности. Это тоже закономерность речевого развития ребенка, действующая на всех возрастных этапах [Ушинский 1988]. Развитие речи протекает более успешно в благоприятной речевой среде. Речевая среда - это семья, класс, школа, взрослые и товарищи, с которыми постоянно общается ребенок [Ушинский 1988]. Таким образом, причиной возникновения первых речевых действий у ребенка является потребность общения. Самостоятельное словообразование детей выдвигается как доказательство наличия особого «языкового чутья», присущего ребенку. Факт словотворчества должен быть понят как проявление, как симптом овладения ребенком языковой деятельностью. В русском языке под редакцией Л.Л. Касаткина дается описание школьного возраста. Школьный возраст - от 6-7 до 17 лет. В этом возрасте совершенствуются все функции речи.

Речевая деятельность - говорение, восприятие речи, письмо, чтение - становится средством умения, познавательной деятельности, в средних классах - средством приобщения к общественной деятельности, в старших классах - средством профессионального самоопределения. Новое, что появляется в речевом развитии и в усвоении языка: речь все больше переходит в сферу волевых действий, ситуативная речь уступает место организованной речи: составление предложений, рассказов, ответы на вопросы учителя, пересказы прочитанного и пр.; вводятся понятия языковой нормы, понятия «можно» и «нельзя», «хорошо» и «плохо», т.е. происходит элементарная дифференциация стилей: начинается использование тех или иных параллельных языковых средств в зависимости от условий высказывания; вводятся в действие два новых вида речевой деятельности - чтение и письмо, что не только обогащает и разнообразит ее, но и постепенно приобщает школьников к богатствам письменно-книжной речи; последняя оказывает сильное влияние на детскую речь, преимущественно устную, которая постепенно сближается с речью письменной; речь самих школьников и других людей, образцы художественной речи становятся объектом наблюдения, анализа, синтеза, обобщений, теоретического изучения; усваивается система языковых понятий и закономерностей языка.

Теоретическое изучение языка, перенос языковых закономерностей на собственную речевую деятельность школьника способствуют развитию, обогащению речи, повышению общей культуры, орфографической пунктуационной грамотности.

К завершению школьного курса юноши и девушки достигают определенного уровня речевого развития. Итак, речевая деятельность требует от ребенка новых достижений в развитии речи, создает новые условия для личностного развития ребенка. В речи ребенка становится больше слов, происходит развитие их значений. В школьном возрасте учащиеся пользуются всеми основными формами речи. В учебной деятельности ребенок учится излагать свои мысли связно и логично.

При определении уровня развития навыков связной речи необходимо, прежде всего, установить какие мысли и как переданы через текст. Этим и объясняются те компоненты анализа текста, которые предлагает исследователь Н.И. Жинкин: отбор слов; распределение предметных признаков в группе предложений; выделение предиката; связь двух предложений. Эти категории или элементы анализа, выдвинутые Н.И. Жинкиным, отражают те стороны связной речи, которые являются специфическими для нее и по которым, следовательно, можно определить уровень связной речи учащихся. Не следует думать, что знатоками, хранителями фольклора являются только пожилые люди, бабушки и дедушки. Есть такие виды жанры народного творчества, которые известны школьникам. Детский фольклор так же имеет свою долгую историю [Жинкин 1998]. Давайте же посмотрим пословицы и поговорки жили и живут на деревенских улицах и в городских дворах, в школах и в детских лагерях. Загадка -

что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки. Загадки обогащают словарь детей за счет многочисленности слов, помогают увидеть вторичные значения слов, формируют представления о переносном значении слова. Они помогают усвоить звуковой и грамматический строй русской речи, заставляя сосредоточиться на языковой форме и анализировать ее, что подтверждается в исследованиях Ф.А. Сохина [Сохин 1979].

С помощью малых форм фольклора можно решать практически все задачи методики развития речи. Можно и нужно использовать этот богатейший материал словесного творчества народа. Все выше перечисленные формы работы указывают на это, остается разработать комплексную методику их применения. В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой дается определение «пословица»: «Пословица - краткое образное изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющая обычно назидательный смысл» [Евгеньева 2010]. Пословицы широко используются в обучении - как воспитательной целью, так и для развития речи. В речи самих учащихся пословицы сравнительно редки и имеют тенденцию убывания к старшим классам. Какой бы короткой ни была пословица, это все-таки законченное художественное произведение. Оно радует нас не только метким наблюдением, но и тем, как ловко, красиво оно выражено. Его и запомнить гораздо легче.

Ты меня, работушка, не бойся, я тебя, работушка, не трону! Пословицы можно употребить в самых разных случаях. Так, например, могли говорить крестьяне, угнетаемые господами. Поговорка о черной корове может прозвучать в любых обстоятельствах, при которых внешность не соответствует внутреннему содержанию явления. А пословица о топоре и крепком пне будет к месту, когда происходит любое единоборство, любая борьба, любой спор.

Пословицы отличаются устойчивой художественной формой. Нередко они имеют рифму, иногда очень затейливую, многократно повторяющуюся:

Кот скребет на свой хребет. Пословицы отличаются от повседневной разговорной речи особым складом, ритмом. Ухо сразу улавливает этот ритм: Кого впряг - и ехать так. Нежданный гость - не мытые ложки. Пословица часто имеет двучленное построение: Тише едешь - дальше будешь. Много знать - мало спать.

По многим пословицам можно отчетливо проследить, как выражал народ свое независимое мнение по различным житейским вопросам, свои самостоятельные взгляды на жизнь. Люди употребляют поговорки почти также легко и непринужденно, как слова собственной речи. Но все-таки пословицы и поговорки не просто слова, не просто разумные фразы или верные жизненные наблюдения.

Работа с пословицей развивает мышление учащихся, прививает любовь к родному языку, повышает культуру речи, способствует лучшему усвоению грамматики.

Системная работа над пословицей очень много дает учащимся. Во-первых, они учатся собирать народные изречения, относить их к определенной теме, анализировать их смысл, понимать их обобщающий характер. Изучение пословиц обогащает речь учащихся, повышает их грамотность, способствует воспитанию эстетического вкуса. Разнообразная работа с пословицами прививает учащимся любовь к устному народному творчеству, учит внимательно относиться к метким образным выражениям интересоваться народной мудростью. Следует помнить, что пословицы воспитывают у учащихся чувство любви к стране, уважения к труду, чувства доброты, милосердия, чувство уважения к русскому народу, создавшему эти пословицы.

Краткое образное выражение, оборот речи, метко определяющий кого-либо явление жизни; в отличие от пословицы лишена обобщенного поучительного смысла.

Поговорки имеют более узкий, конкретный смысл, пословица - шире. Они близки друг к другу, их всегда печатают и изучают вместе.

Много пословиц и поговорок сохранили наши летописи, а также произведения древнерусской литературы. В летописи рассказывается о том, как обры (авары), покорив славянское племя дулебов, жестоко притесняли их. А затем, - видимо, эпидемия была или какое-то стихийное бедствие произошло, но только все обры погибли, умерли. Летописец, живущий 800 лет назад, завершает эту историю, которая произошла задолго до него, такими словами: «Есть притча в Руси и до сего дня: погибоша, аки обре» (то есть погибли, как обры). Это самая настоящая поговорка. Её и сейчас можно услышать.

И сейчас говорим мы: «Свинью подложить». Но, наверное, не все знают, что поговорка эта возникла в период борьбы Северной Руси с ливонским орденом.

Когда речь заходит о новых, современных пословицах и поговорках нужно проявлять большую осторожность, научную добросовестность. Во-первых, настоящие пословицы и поговорки имеют широкое распространение, они должны быть приняты народом, и, во-вторых, это хоть и краткие, но все-таки, художественные произведения. Фонд пословиц и поговорок всё время обновляется. И в прошлом и в настоящие дни постоянно рождаются новые меткие и художественно отточенные изречения. Какую-то небольшую часть их давала литература. Из басен И.А. Крылова в устный обиход вошли, стали пословицами и поговорками такие, например, стихи:

Ай, Моська! Знать она сильна, что лает на слона.

А ларчик просто открывался.

Множество пословичных выражений подарил нам А.С. Грибоедов:

И дым отечества нам сладок и приятен.

Служить бы рад - прислуживаться тошно.

Подписано - и с плеч долой.

Некоторые пословицы и поговорки иногда приходят в нашу речь из песен, из частушек, из сказок:

Стань передо мной, как лист перед травой!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается

Сказочные формы, они употребляются в разных сказках.

Например, известная всем поговорка «Битый не битого везет» взята из определенной сказки - о волке и лисе, как бы подводит итог сказочной истории.

В русских пословицах и поговорках ощущаешь удаль, душевный размах:

Грудь в крестах - или голова в кустах!

Пан так пан, пал так пан.

Пушкин писал в свое время об особом ироническом складе русского ума.

Подобно всем произведениям фольклора, пословицы и поговорки тоже не остаются неизменными. Переходя из уст в уста, они переосмысляются, появляются в ином виде. Один человек может знать и употреблять поговорку:

Любит, как собака палку. А другой с детства знает другую: Любит, как собака редьку.

Какая верна, а какая неверная? Обе верные; это не искажение, не забвение - собака действительно не любит ни палку, ни редьку... Это равноправные варианты.

Пословицы и поговорки, созданные русским народом, составляют неоценимое богатство русского языка. Знакомство с ними в школе развивает мышление учащихся, прививает любовь к родному языку, повышает любовь к родному языку, повышает культуру речи, способствует лучшему усвоению грамматики и более глубокому изучению литературы, обогащает учащихся народной мудростью. Вот почему пословицам и поговоркам необходимо уделять внимание на уроках русского языка.

Используя в своей речи пословицы и поговорки, дети учатся ясно, выразительно выражать свои мысли и чувства, интонационно окрашивать свою речь, развивается умение творчески использовать слово, умение творчески описать предмет, дать ему яркую характеристику.

Развитие речи детей школьного возраста средствами малых форм фольклора на сегодняшний день имеет особую значимость.

В современной школе развитие речи учащихся рассматривается как главная задача обучения родному языку. Это значит, что элементы развития речи вплетаются в канву каждого урока и во внеклассные мероприятия.

Речевые упражнения, тоже оказывают большое влияние, потому что в них сливаются все умения и навыки, которые дают заметный результат за короткий промежуток времени. Если малые формы фольклора обработаны с учетом

возрастных возможностей детей и организована систематическая работа школьникам, они доступны их пониманию и осознанию.

Используя в своей речи пословицы и поговорки, дети учатся ясно, выразительно выражать свои мысли и чувства, интонационно окрашивая свою речь, развивается умение творчески использовать слово, умение творчески описать предмет, дать ему яркую характеристику.

Таким образом, использование малых фольклорных жанров пословиц и поговорок благоприятно влияют на развитие речи школьников.

Литература

- Богословский 1980 - Богословский В.В. Общая психология. – М.: «Просвещение», 1980.
- Вильгельм фон Гумбольдт 2000 - Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
- Евгеньева 2010 - Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка. В 2 томах. Том 1. А-Н. – АСТ. 2010.
- Жинкин 1998 - Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. – М. , 1998.
- Леонтьев 1974 - Леонтьев А.А. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М., 1974. – 367 с.
- Львов 2000 - Львов М.Р. Основы теории речи: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.Р. Львов - М.: Издательский центр «Академия», 2000
- Неганова 1995 - Неганова Н. Русский фольклор в жизни малышей // Дошкольное воспитание. 1995. - № 9. - С.9-12.
- Ожегов 2005 - Ожегов С.И. Словарь русского языка: 53000 слов; Под общ. ред. проф.Л.И. Скворцова. - 24-е изд., испр. - М.: ООО Издательство «Мир и образование», 2005. – 1199 с.
- Сохин 1979 - Развитие речи детей дошкольного возраста: Пособие для воспитателя дет. сада. / Под ред. Ф.А. Сохина. - 2-е изд., испр. - М.: Просвещение, 1979. - 223 с.
- Ушинский 1956 - Ушинский К.Д. Методические уроки К.Д. Ушинского. - М.: Просвещение, 1956. – 245 с.
- Ушинский 1988 - Ушинский К.Д. Педагогические соч. в 6-ти т. - Т. 2. -М., 1988.
- Эльконин 2007 - Эльконин Д.В. Детская психология: учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2007. – 384 с.

Bekmambetova, Zanipa
University of Turan, Almaty, Kazakhstan
Bzanipa@mail.ru
Khairova, Gulya
KSU named after E.A. Buketov,
Karaganda, Kazakhstan

THE DEVELOPMENT OF SPEECH OF PUPILS AT LESSONS OF RUSSIAN THE LANGUAGE IN PROVERBS

***Abstract.** This article describes the basic methods of teaching Russian language in Proverbs. With the help of small forms of folklore, it is possible to solve practically all problems of the methodology of speech development. Proverbs are widely used in teaching as educational goal, and for speech development. The study of Proverbs enriches students ' language enhances their literacy, fosters aesthetic taste. A variety of work with Proverbs instills in the students a love of oral folk arts, teaches to be attentive to apt figurative expressions, to be interested in folk wisdom. Vocal exercises, also have a big impact, because they merge all skills that give a noticeable result in a short period of time. If minor forms of folklore processed taking into account age features of children and organized systematic work of the students, they are available to their understanding and awareness.*

***Keywords.** Speech, proverb, saying, culture of speech, learning tools, small forms of folklore.*

ХАРАКТЕРИСТИКА ИГРЫ И ИГРОВОГО ЗАНЯТИЯ В ОБУЧЕНИИ ВЗРОСЛЫХ РКИ

***Аннотация.** В сообщении рассматривается вопрос об использовании игры в иноязычном обучении взрослых на базе русского языка как иностранного (РКИ). Автор выделяет характерные черты обучающей игры, которые отличают ее от традиционных видов учебной деятельности. Рассмотрен пример обучающей игры “Цветовые ассоциации“, апробированной автором со студентами Софийского университета им. Св. Кл. Охридского в рамках европейского проекта “Learning Games. Exchange of Good Practices(2017)*

***Ключевые слова:** игра, характеристика, обучение РКИ, взрослые.*

Известно, что современное обучение иностранным языкам интерактивно по своему характеру и развивается в русле коммуникативно-деятельностного и социокультурного подходов. Нам близок выраженный В.В. Сафоновой взгляд о том, что «принцип приоритета проблемно-ориентированной среды в учебном процессе фокусируется на образовательных технологиях развития у обучающихся билингвальной коммуникативной культуры» [Сафонова 2016: 23]. Актуальной сегодня остается позиция Э. Гочевой о том, что в «современных условиях мы ищем выхода не на речевом, а на деятельностном уровне в качестве интегрирующей основы для всех видов деятельности, в том числе и речевой» [Гочева 2000: 4]. По мнению Э. Гочевой, сознательное и подсознательное в речи, языковое сознание и его функционирование, автоматизмы и творческая деятельность все еще не нашли интегративной основы в моделях обучения иностранному языку. В последние годы мы исследуем игру как образовательный феномен и ее применение в практике обучения РКИ в Болгарии, а также иноязычного обучения в других странах [Бирова 2015а, 2015б, 2016, Birova 2013]. Мы считаем, что через организацию учебного процесса с активным участием игры в сочетании с традиционными методами обучения возможно успешно реализовать иноязычное обучение на деятельностном уровне, а также активно развивать коммуникативную культуру обучаемых. В связи с этим мы оцениваем игру как востребованный элемент современного обучения языкам как детей, так и взрослых на разных его этапах.

В настоящей статье мы анализируем характеристики игры и игрового занятия на основе обучения РКИ взрослых. Необходимо отметить, что в сфере иноязычного обучения игра (обучающая игра) рассматривается исследователями неоднозначно. Например, в Новом словаре методических терминов и понятий [Азимов, Щукин 2009] игра определяется:

- 1) как один из видов человеческой активности. На занятиях по языку игра «является формой деятельности в условных ситуациях, специально создаваемых с целью закрепления и активизации учебного материала в различных ситуациях общения... Игра способствует усвоению знаний и приобретению речевого опыта не по необходимости, а по желанию самих учащихся... Игра становится орудием как обучения, так и воспитания, требуя от участников большого умственного напряжения» [Азимов, Щукин 2009: 74].
- 2) как «особым образом организованное на занятиях по языку ситуативное упражнение, при выполнении которого создаются возможности для многократного повторения речевого образца (образцов) в условиях, максимально приближенных к условиям реального речевого общения (с присущими ему признаками – эмоциональностью, спонтанностью, целенаправленностью речевого акта)» [там же: 167].

Мы считаем последнюю дефиницию неточной, потому что она приравнивает игру в обучении к ситуативным упражнениям. Игра – это явление, намного более крупное и сложное, чем ситуативные упражнения, которые не всегда являются игрой.

Нам близка точка зрения Л.В. Московина и Г. Шамониной о том, что «ролевая игра является важным элементом любой инновационной технологии, так как она моделирует условия выполнения определенной продуктивной деятельности и таким образом готовит учащихся к ее выполнению». Важно учитывать тот факт, что «применение инновационных технологий не противоречит работе над языком, обсуждению правил, употребления слов, составлению предложений и текстов и может включать разнообразные элементы обучения языку» [Московин, Шамонина 2013: 12-13]. Мы согласны с мнением о том, что все инновационные технологии в процессе обучения иностранному языку – это не технологии формирования речевых умений, а технологии их развития. Чтобы обучать на основе инновационных технологий, необходимо опираться на какую-то сформированную у учащихся языковую базу. Это относится также к игре в обучении, т.е. обыгрываем то, что заложено как знание и умение.

Здесь мы предлагаем наше определение игры в обучении иностранному языку. В дефиниции сделана попытка представить суть этого сложного образовательного феномена, обладающего огромным и все еще нераскрытым потенциалом.

Игра – это важная обучающая деятельность в процессе иноязычного обучения. Она является одной из форм организации учебного процесса, которая превращает обучение в живое общение. Игру мы рассматриваем как обязательный компонент методической системы иноязычного обучения как детей, так и взрослых. Учитывая возраст и интересы обучаемых, а также характер обучения, игру необходимо сочетать с традиционными учебными

методами. В учебном процессе игра реализуется через игровые технологии и приемы, дидактические языковые игры, игровые упражнения, а также на основе специфической организации занятия. Игра используется для развития речевых, коммуникативных, социокультурных и творческих умений обучаемых. Она вносит в обучение разнообразие и повышает его эффективность, поддерживая мотивацию и интерес к иностранному языку и культуре.

Дальше перечисляем характерные черты игры, которые в ряде показывают ее преимущества по сравнению с традиционными методами иноязычного обучения:

- 1) В учебной среде игра создает естественный контекст, в котором употребление изучаемого языка становится необходимым и востребованным. Игра мотивирует деятельность, при которой речь является средством достижения реальной цели.
- 2) Учащиеся усваивают знания и приобретают речевой опыт не по необходимости, а по собственному желанию. Игра снимает „психологические барьеры“ в речевом общении на изучаемом языке.
- 3) Игра создает эмоциональные и интеллектуальные стимулы для обучаемых, мотивирует их речевую деятельность и раскрытие творческого потенциала.
- 4) Игровые задания (в дидактических играх и упражнениях) обычно строятся по принципу информационного пробела: существует неизвестный элемент, нехватка информации о чем-то, которую необходимо открыть.
- 5) Игра интерактивна по своему характеру, она основана на игровой ситуации, которая предполагает взаимодействие разного рода: между участниками, между речевой и неречевой деятельностью (рисование, пение, пантомима и т.д.).
- 6) Игра всегда требует соблюдения определенных правил и временных ограничений.
- 7) Игра предполагает свободу игрового действия при соблюдении правил (добровольность участия, возможность выбора способа выполнения поставленной задачи, свобода в применении творческих умений).
- 8) Обучающая игра динамична по своему характеру и связана со сменой точек зрения, ритма, темпа, интонации, с чередованием правильных и неправильных языковых форм. Правильная языковая форма закрепляется по принципу аналогии или отталкивания от неправильного.
- 9) Игра часто связана с вхождением в разные роли (например, инсценирование и драматизация, ролевые игры, игры-симуляции)
- 10) В игре часто присутствует состязательный элемент, но он необязателен.

Первые 8 признаков мы считаем обязательными, а последние два – факультативными.

Игра в процессе обучения иностранному языку используется в следующих целях: тренировка и закрепление языковых знаний и речевых умений; повторение учебного материала по иностранному языку; активный отдых во время учебных занятий. Полезные примеры организации игровых занятий в обучении РКИ взрослых даны в методических пособиях российских методистов А.Р. Арутюнова, П.Г. Чеботарева и Н.Б. Музрукова [Арутюнов и др. 1987: 11-12] и польских коллег В. Сосновски, М. Тульска-Будзьяк [Сосновски, Тульска-Будзьяк 2014].

Здесь мы перечисляем некоторые требования к организации и проведения игрового занятия. Важным условием в выборе конкретной игровой деятельности является ее релевантность и доступность. Игра должна быть доступной для участников и отвечать их потребностям и интересам. Слишком трудная задача убивает интерес к игре, а очень легкая игра также не может поддерживать мотивацию участников, и таким образом невозможно добиться желанного результата. Игровое действие должно быть посильным для участников, но в то же время содержать некоторые трудности и вызовы, требующие напряжения внимания, памяти, анализа фактов и их классификации.

Успешное проведение игры зависит от ее умелой организации, а также от уровня языковой подготовки участников. На подготовительном этапе преподаватель обычно указывает материал, на котором будет проведена игра, с целью его повторения учащимися. Игровая деятельность обычно занимает от 5 до 15 минут учебного занятия. В некоторых случаях целесообразно посвятить игре все занятие (весь урок), например, после прохождения определенного раздела (лексической темы) или в конце четверти/семестра в качестве повторительного урока (урока-обобщения). В начале игры нужно разъяснить ее правила и временной регламент. В ходе игрового действия у преподавателя – контролирующая роль, он следит за соблюдением регламента и стимулирует партнерские и толерантные взаимоотношения участников. Методической ошибкой является исправление преподавателем допускаемых языковых ошибок в ходе игры. Это происходит после окончания игрового действия в следующих формах: 1) переспрос с использованием правильной формы; 2) комментарий преподавателя допущенных ошибок; 3) исправление ошибок самими учащимися; 4) обсуждение в группе вариантов реплик, тактических ходов участников игровой ситуации. На заключительном этапе игры необходимо обобщить ее результаты и выявить самых успешных участников (победителей). Преподаватель должен напомнить о том, какой материал надо повторить другим участникам, чтобы достичь лучших результатов. Признание победителей должно быть не за счет осуждения и упреков к остальным игрокам. В обсуждении результатов должны принимать участие все участники. Это важно для выработки навыков самоконтроля и самооценки.

Дальше в тексте приведен пример дидактической языковой игры «Цветовые ассоциации», в реализации которой мы соблюдали описанные выше

требования. Игра разработана и апробирована нами в рамках международного проекта по программе Эразмус+ «Learning Games. Exchange of Good Practice in Adult Education» (2016-2018). Игра имеет комплексное воздействие и полезна для развития речевых, коммуникативных и творческих умений студентов на среднем этапе обучения иностранному языку (B1-B2). Мы провели игру в 2 группах студентов-экономистов (17 человек), в 1 группе студентов-педагогов (11 человек) на базе английского языка как иностранного и в 1 группе (14 человек) студентов-русистов с использованием РКИ. В центре внимания находится следующее задание, которое оказалось сильным речевым и творческим стимулом для студентов: *В течение 1 минуты напишите или нарисуйте, какие словесные и образные ассоциации вызывает у вас данный цвет (зеленый, оранжевый и др.)*. Мы раздали участникам белые листы бумаги и цветные фломастеры зеленого и оранжевого цветов. После подготовки индивидуальных ассоциативных карт данного цвета у каждого участника были 3 минуты на ее описание. На следующем этапе игрового действия проходило валидирование полученных результатов, т.е. выявление общего и отличий и попытка их объяснения. Особый интерес и оживленные комментарии вызвало обсуждение ассоциаций в группе с участием студентов-иностранцев. Здесь приводим несколько примеров ответов наших студентов, в которых видны национальноспецифические элементы.

Зеленый цвет	Оранжевый цвет
Зеленая трава Зеленое дерево Зеленое яблоко Зеленый кузнечик (популярная русская детская песня) Зеленый чай (ответ студентки из Китая) Спокойствие, отдых, тишина	Оранжевый апельсин Оранжевое небо (детская песня, популярная в Болгарии и в России) Оранжевые цветы Солнце, лето, пляж Забава, радость Осторожно – опасность! (дорожные знаки, ответ студентки из Великобритании)

На заключительной стадии проведенной игры студенты сделали свои выводы о воздействии цветов на их настроение и мысли, обозначили общие и культурноспецифические ассоциации, а также выразили удовлетворение рисованием в ходе игры. По нашим наблюдениям, описанная игра была воспринята студентами положительно и явилась живым стимулом для их речевой деятельности и проявления творческих умений. В нашей практике преподавания РКИ активно используются разнообразные игровые формы: ролевые и творческие игры, игры-дискуссии, деловые игры, игровые упражнения, которые поддерживают мотивацию студентов в изучении русского языка и культуры.

Заканчивая изложение, нам хочется снова подчеркнуть, что обучающая игра, как обобщенное название комплексного образовательного феномена, является необходимым компонентом современного обучения РКИ взрослых. Эффективность этого обучения во многом зависит от умелого сочетания традиционных учебных методов с разнообразными формами обучающей игры.

Литература

- Азимов, Щукин 2009 – Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов и понятий, Москва, изд. ИКАР, 448 с.
- Арутюнов, Чеботарев, Музруков 1987 – Арутюнов А.Р., Чеботарев П.Г., Музруков Н.Б. Игровые задания на уроках русского языка, М. Русский язык, 207 с.
- Гочева 2000 – Гочева Е. Чуждоезиковото обучение. Теория и практика на учебника. С. Лодос, 188 с.
- Бирова 2015а – Бирова И. Игровые технологии в обучении РКИ в вузе, Сб. Материалов XIII Конгресса МАПРЯЛ „Русский язык и литература в пространстве мировой культуры“, Гранада, Испания, том10, с.145-148
- Бирова 2015б – Бирова И. Игра и игровые упражнения в обучении РКИ, ж. Болгарская русистика, София, 3-4 с. 195-205
- Бирова 2016 – Бирова И. Игра как метод в обучении РКИ (результаты одного исследования), ж. Русский язык за рубежом, №1, Москва, с.15-21
- Московкин, Шамонина 2013 - Московкин Л.В., Шамонина Г.Н. Инновации в обучении русскому языку как иностранному, ВСУ „Черноризец Храбър“, Университетско издателство, Варна, 208 с.
- Сафонова 2016 – Сафонова В.В. Принципы междисциплинарного сотрудничества в проектировании образовательного коммуникативного пространства в высшей школе. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016, № 4.
- Сосновски, Тульска-Будзяк 2014 – Сосновски В., Тульска-Будзяк М. С Россией на „ты!“ Сценарии уроков по русскому языку как иностранному. Методы, приемы, результаты., М. Русский язык.Курсы, 2014, 224 с.
- Birova 2013 – Birova I. Came as a Main Strategy in Language Education, American Journal of Educational Research, 2013, Volume 1, number 1, p. 7-11.
- <http://www.sciepub.com/education/content/1/1>
- <http://www.russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/2016/1/7400.html>
- Learning Games. Exchange of Good Practice in Adult Education. Project of the Programme Erasmus+ “Learning Games” www.learninggames.eu

**Статията е разработена и се публикува в рамките на проект по НИД № 80-10-173, 2017 г. във ФСФ на СУ на тема „Форми на играта в езиковото обучение в Университета“.*

CHARACTERIZATION OF GAME AND GAME LESSON ON THE BASE OF RUSSIAN LANGUAGE ADULTS TEACHING

***Abstract.** This article examines the game as an educational activity in second language education of adults on the base of Russian language teaching of students at Sofia University “St. Kl. Ohridski”. The author shows the main features of educational game and its differences from traditional teaching activities. A good example of learning game “Color Associations” realized by the author in European Project “Learning Games. Exchange of Good Practices”(www.learninggames.eu) is analyzed.*

***Keywords:** learning game, main features, Russian as a second language, adults.*

Бреусова Елена Ивановна

Сургутский государственный педагогический университет

Сургут, Россия

Харламова Марина Александровна

Омский государственный университет Им. Ф.М. Достоевского

Омск, Россия

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ И ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ (ПО ИТОГАМ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА 2017 ГОДА)

***Аннотация.** Тотальный диктант может служить средством оценивания уровня владения русским языком как иностранными, так и русскоязычными гражданами. В докладе рассматриваются результаты Тотального диктанта и теста для иностранных обучающихся текущего года, приводятся типичные ошибки, допущенные участниками данного мероприятия, выявляются причины обнаруженных в диктанте ошибок. Тотальный диктант позволяет установить уровень владения русским языком иностранными гражданами, а также уровень грамотности русскоязычных граждан.*

***Ключевые слова:** Тотальный диктант, уровень владения языком родным и иностранным, средство оценивания, мониторинг, результаты.*

Общеизвестно, что диктант может выступать как одно из традиционных средств оценивания уровня образовательного результата обучающихся. Так, проводимый Тотальный диктант – ежегодная образовательная акция, стартовавшая в 2004 году, в форме добровольного диктанта – может выступать таковым средством оценивания уровня владения русским языком как русскоязычными, так и иностранными гражданами.

Необходимо напомнить, что текст Тотального диктанта каждый год пишет известный писатель. Так, в текущем году диктант проводился по произведению Леонида Юзефовича «Город на реке».

Тотальный диктант (ТД) является добровольной акцией. В связи с этим носители русского языка идут на это мероприятие осознанно, чтобы узнать свой уровень грамотности, не боясь порицания и наказания за какие бы то ни было их результаты диктанта.

ТД делает более прозрачной информацию о грамотности населения вообще, а не только отдельной категории носителей языка. Результаты Тотального диктанта транслируют в определенной степени уровень владения языком граждан как РФ, так и других государств, как проживающих на территории России, так и за ее пределами.

С каждым годом Тотальный диктант расширяет географию проведения и пополняется новыми участниками: в этом году он уже охватил более 70 стран, 860 городов. В число городов-участников уже который год входят Омск и Сургут. Так, в этом году в Омске Тотальный диктант состоялся на 114 площадках, а в Сургуте – на 13 площадках.

Как Омск, так и Сургут – многонациональные регионы. На территории Омска проживают представители 102 национальностей [Омск. Википедия], в их числе: русские, казахи, украинцы, татары, немцы и другие. В Сургуте проживают представители также более 100 национальностей¹ [Сургут]: русские, украинцы, татары, башкиры, дагестанцы, чеченцы, таджики, узбеки и пр. Население г. Омска более стабильно, чем население Сургута, которое постоянно обновляется за счет мигрирующих россиян и граждан бывших союзных республик. Для таких полиэтничных регионов характерно то, что русский язык является родным только для части населения, а для остальных русский либо второй язык, либо неродной, либо иностранный.

Нами были проанализированы работы на предмет владения русским языком как русскоязычными, так и иностранными гражданами, писавшими Тотальный диктант в текущем году на площадках Омска и Сургута.

Для анализа ошибок методом случайной выборки было отобрано 160 работ, написанных в Сургуте. Следует отметить, что принцип опциональной анонимности Тотального диктанта нивелирует национальную принадлежность, возраст, пол писавших, их причастность к русскому языку. В связи с этим оценивание грамотности проводится в целом и будет общим для всех работ. Результаты ТД, к сожалению, не дают достаточно четкого представления о грамотности разных категорий участников этого мероприятия.

Из числа диктантов, взятых для анализа, всего 1 работа (это 0,6%) была оценена как отличная, 3 работы (1,9%) написаны на оценку «хорошо», 25 работ (15,6%) – на оценку «удовлетворительно». 82% писавших из проанализированных работ заслужили неудовлетворительной оценки. Критерии оценивания приведены на сайте Тотального диктанта [Тотальный диктант], они касаются, естественно, установления орфографической и пунктуационной грамотности, поскольку диктант призван быть средством оценивания уровня орфографической и пунктуационной грамотности обучающихся. Так, в анализируемых работах участвующих в Тотальном диктанте были выявлены следующие виды орфографических ошибок:

- написание безударных гласных в разных морфемах: *гаризонт, зоводскими, вериницы, паралельно, стерледь, Питербург, в мозуте, вмести, коньке, тощили, вытикающие, лешон, платы, объядиняет, объединяет, в старену, в*

¹ В Сургут ежегодно прибывают мигранты из постсоветского пространства, в их числе большое количество из стран ближнего зарубежья. Такие переселенцы в разной степени владеют русским языком, вплоть до полного незнания языка.

сторину, разделяет, испятноной, утыконым, дахание, сенеющим и пр.;

- правописание согласных в разных морфемах: *царсткому, стчастье, заводсткими, завоотскими, чувствуешь, удтверждают, исчезли, позно, первосданной, зупчатый, стерлять, стерветь, детсве, судь (жизни), збитых и прочие;*

- правописание разделительных Ъ и Ь: *конъяке, коняке, объединяет;*

- правописание Ь в глагольных формах: *смотриши, чувствуеш, сходяться, схудиться;*

- удвоенные согласные в суффиксах: *испятнаной, утыканым, смоченую, перевозданой, деревяным, паралельно;*

- слитное, раздельное и дефисное написание: *по-стоявшим (храмам), постоявшим (храмам), на право, направый, встарину, невернулаь, левого (берега) и проч.;*

- правописание падежных и глагольных окончаний: *в детсви, (смоченную) в коньяки (вату), веит;*

- прописная и строчная буквы: *кама, этих Великих рек,*

- правописание гласных после шипящих: *ощютить, баржсы, вереници;*

- Ь для смягчения согласных: *Перьмь, перьмики, Перьм, несконьчаемые;*

- правописание служебных слов: *что бы (вместо чтобы), что-бы и прочие.*

Среди пунктуационных наиболее частотными были следующие виды ошибок: знаки препинания в сложном предложении (союзном и бессоюзном), знаки препинания при однородных членах предложения, знаки препинания при обособленных членах предложения, тире между подлежащим и сказуемым, обособление вводных слов и пр. Вместе с тем писавшие диктант ставили и лишние знаки препинания между главными членами предложения, выделяли запятыми слова, не требующие обособления, и под.

Но ТД обнаружил и иного рода ошибки, не связанные с нарушением орфографических и пунктуационных норм. Это грамматические ошибки, обусловленные нарушением форм управления и согласования. Например: *границы между цивилизацией и ... стихии* (зыбкость границы между цивилизацией и перевозданной лесной стихией); *назывались по стоявшем на них храмом* (назывались по стоявшим на них храмам); *дольние сходитя* (дольнее сходитя); *по стоявшем на них храме*; *о стоявши на них храмам* (назывались по стоявшим на них храмам); *веет дыхания история* (веет дыхание истории) и под. В письменных работах встречаем и просторечный вариант слова *здесь*. Нельзя не отметить, что в диктантах содержались и искаженные написания слов, связанные с незнанием некоторых реалий действительности, непониманием значения отдельных лексем, смысла отдельных сочетаний, подменой одних понятий другими и под. В связи с этим участники Тотального диктанта записывали некоторые слова и сочетания интуитивно, неосознанно,

не вникая в смысл, не понимая диктуемого, например: *дольние* (вместо *дольнее*), *вводилось стерлеть* (вместо *водилась стерлядь*), с испятнанной *бозудой* ... спиной (вместо *мазutom*), и *спятноной* (вместо *испятнанной*), *Гамма стала чище* (вместо *Кама стала чище*), *верит дыхание истории* (вместо *веет дыхание истории*), *цевелеозаний и перевозанной* (вместо *между цивилизацией и перевозанной*), *тащили за собой полоты* (вместо *плоты*), *зылкость* (вместо *зыбкость*), *сбитых сковами* (вместо *скобами*)... *бревен, неискончаемые* (вместо *нескончаемые*) и др. В анализируемых работах находим и написания, связанные со смешением фонем, например: *чише* (вместо *чище*), *сушилось* (вместо *сушилось*), *стоящим* (вместо *стоявшим*), *зыбкость* (вместо *зыбкость*) и прочее. Таким образом, можем констатировать тот факт, что Тотальный диктант стал показателем не только орфографической и пунктуационной грамотности, но и позволил обнаружить уровень владения некоторыми языковыми нормами в целом, а также фонетической системой русского языка.

В рамках ТД иностранным гражданам предлагалось пройти тест TruD. Это спецпроект, «основная идея которого – дать возможность поучаствовать во всемирной образовательной акции людям, которые любят русский язык, изучают его, но не владеют им в достаточной мере, чтобы справиться с диктантом целиком» [Тотальный диктант].

Как известно, название TruD образовано от аббревиатуры Totalny Diktant (TD) и элемента *ru*, который ассоциируется с русским языком. Порядок проведения этой акции максимально приближен к алгоритму проведения диктанта для всех желающих проверить свою грамотность. Тест разработан специально для изучающих русский как иностранный. Он призван проверить знания русского языка и составлен на базе основного текста Тотального диктанта. Специальный тест, с нашей точки зрения, удачная находка организаторов ТД. Он «расширяет границы» русского языка в мире и способствует продвижению русского языка в мировое коммуникативное пространство.

Этот проект позволяет участвовать большему количеству желающих, он для тех, кто хочет участвовать в акции, но не уверен, что сможет написать оригинальный текст диктанта. В акции могли принимать участие люди с любым уровнем владения русским языком. По программе международного обмена в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского обучаются студенты из Китая. В TruD(e) приняло участие 10 студентов, 9 – это студенты – китайцы, изучающие русский язык третий год (2 года в китайском техническом вузе на гуманитарном факультете по специальности «переводчик»); один студент – этнический словак, но уже более 9 лет проживающий в Лондоне и изучающий русский язык на филологическом факультете английского университета на протяжении 3-х лет. На второй площадке писали тест иностранные студенты Омского технического института подготовительного отделения, их было 67 человек. Это обучающиеся из разных стран: Анголы, Мозамбика, Иордании, Камбоджи, Туркменистана, из них 22 студента получили высший балл.

Содержание TruD для всех иностранных участников было одинаковым: они писали один тест с заданиями разной степени сложности; в тесте использовалась лексика и грамматические конструкции из текста ТД. Задания в тесте расположены по степени возрастания сложности (6 блоков), а итоговое задание теста – фрагмент диктанта Л. Юзефовича «Город на реке. Пермь» в 62 слова, который предлагалось написать под диктовку (можно получить 45 баллов из 100). Участники могли выполнить любое количество заданий; оценка участникам не ставится, указывается полученная в результате проверки сумма баллов (исходя из 100). Объем текста для диктанта соответствует практически *элементарному уровню* владения языком: по стандарту объем письменного текста – 50-70 слов.

Анализ работ китайских студентов показал, что с тестом справились все студенты, но 100 баллов никто из них не получил. Самый высокий балл – 89, самый низкий – 68.

При изучении любого естественного языка (не только иностранного, но и родного) индивидуум вынужден в процессе обучения сталкиваться с такими задачами, как практическое владение языком и теоретическое изучение языка. И одна из задач преподавания РКИ направлена на формирование навыков аудирования и говорения, на усвоение русской фонетической системы. Системными признаками в области фонетики русского языка является наличие соотносительных рядов согласных по палатальности-велярности, глухости-звонкости. Кроме того, в области консонантизма отмечается ассимилятивно-диссимилятивные процессы, а в области вокализма – редукция безударных гласных; особый характер имеет интонация и ударение. Все особенности и закономерности фонетики русской речи сложны для усвоения китайским студентам, поскольку строй их речи связан прежде всего со специфическим характером тона, мелодический рисунок их речи обладает смысловоразличительной функций.

Отсюда именно написание диктанта вызвало у китайских студентов наибольшие затруднения. Восприятие русской речи для них оказалось весьма сложным. Анализ ошибок показал, что большая часть из них обусловлены неувоенностью основных корреляций согласных. Отсутствие коррелятивных пар в родном языке /б-п, д-т, г-к, в-ф/ вызвало трудности восприятия и написания следующих слов в диктанте: *перека/о, перед, перево* ‘берега’; *лезной* ‘лесной’; *опетиняет, объетиняет* ‘объединяет’; *первозтаной* ‘первозданной’; *бывызро* ‘повезло’; *долько* ‘только’; польза ‘полоса’, *разтиляет* ‘разделяет’, *судь* в сочетании *суть жизни* и под. Неразличение велярных и палатальных согласных привело к написанию *суд* ‘суть’, *повызро* ‘повезло’; неразличение сонорных /р-л/, /н-л/ > *раздеряет* ‘разделяет’; *решил, рышил* ‘лишен’; *лоторая* ‘родная’, *ревого, сревого* ‘левого’; *бывызро* ‘повезло’. Таким образом, фонетические элементы русской речи, не нашедшие поддержки в родном языке, привели к семантическим нарушениям, что в условиях непосредственного общения приводит к коммуникативному сбою.

Неразличение сочетания согласных дало такой вариант написания слова *счастья* (род.п ед.ч.): *щастия* (причем, у этнического словака), а у китайских студентов ошибка связана с неразличением заударной гласной (*счастье*) или отсутствием /j/ в интервокальной позиции (*счастье*). Практически во всех диктантах отмечаем ошибки, обусловленные незнанием некоторых реалий русской жизни, непониманием значения отдельных слов. И поэтому многие из примеров, приведенные выше, не только демонстрируют регулярные системные ошибки, но и могут быть квалифицированы как искаженные написания или связанные с подменой одних понятий другими (*сами* ‘лесами’, *следующими* ‘синюющими’; *суд жизни* ‘суть жизни’, *польза* ‘полоса’, *первой зданой* ‘первозданной’).

Сопоставление результатов диктанта, написанного китайскими студентами и студентом-словаком, показало, что значительную роль в успешном усвоении русского языка играет система родного языка реципиента. Так, у словака нет ошибок, обусловленных неусвоенностью русской фонетической системы (корреляций согласных, редуцией безударных гласных и т.п.). Лишь в двух случаях отмечаем орфографические ошибки, которые манифестируют отражение произносительных норм, но не норм письменной речи: озвончение на стыке слов (*судь жизни* < суть жизни) и уже упоминавшееся слово *щастия* < счастья. Оба языка, которыми владеет студент-словак, принадлежат к одной группе славянских языков, что облегчает усвоение второго языка. Тогда как китайский язык, как известно, не является родственным русскому и входит в другую языковую семью (и имеет иную традицию письма). И это во многом определяет возможности усвоения русского языка (типичные ошибки, продемонстрированные результатами диктанта, в том числе) и, безусловно, методику преподавания русского языка в китайском социуме.

Таким образом, Тотальный диктант (ТгУД в том числе) может служить средством оценивания уровня владения русским языком русскоязычными и иностранными гражданами. Он обнаруживает пробелы в знании русского языка, которые могут негативно сказаться на коммуникативном взаимодействии, как устном, так и письменном, приводя к коммуникативным неудачам. Внимательное отношение к слову, расширение кругозора, обогащение словарного запаса, в первую очередь посредством чтения тех книг, которые являются образцами художественного слова, диалоговое общение позволят повысить уровень владения языком не только гражданам, для которых русский язык является неродным, но и тем, кто является носителем русского языка.

Как думается, результаты ТД важно учитывать в своей работе учителям и преподавателям русского языка как родного, так неродного и иностранного. Разные аспекты освещения возможностей Тотального диктанта, в том числе и как средства оценивания уровня владения русским языком как родным и неродным/иностранном, могут войти в круг научных интересов и методистов, и лингвистов, исследующих теорию и практику русской правописной системы, а также проблемы письменной коммуникации.

Литература

- Омск – Омск: Википедия // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BC%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 31.05.2017).
- Сургут – Сургут сегодня // <http://admsurgut.ru/rubric/64/Korotko-o-Surgute> (дата обращения: 31.05.2017).
- Тотальный диктант – Тотальный диктант <https://totaldict.ru/about/> (дата обращения: 31.05.2017).

Breusova, Elena

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

elenabreusova@yandex.ru

Kharlamova, Marina

Omsk state university of F.M. Dostoyevsky, Omsk, Russia

khr-spb@mail.ru

TOTAL DICTATION AS A TOOL FOR ASSESSING THE LANGUAGE COMPETENCE OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS AND FOREIGNERS (BASED ON THE RESULTS OF THE TOTAL DICTATION 2017)

***Abstract.** Total dictation can serve as a means of assessing the level of proficiency in Russian as foreign, and Russian-speaking citizens. The report examines the results of the total dictation and test for foreign students of the current year, presents typical mistakes made by participants in this event, identifies the causes of errors found in the dictation. Total dictation allows you to determine the level of knowledge of Russian by foreign citizens, as well as the level of literacy of Russian-speaking citizens.*

***Keywords:** Total Dictation, level of native and foreign language competence, assessment tool, monitoring, results.*

ИНТОНАЦИОННЫЙ МИНИМУМ В ОБУЧЕНИИ ДИСКУССИОННОМУ ОБЩЕНИЮ

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам обучения иностранных студентов дискуссионному общению с учетом интонационных особенностей дискуссии, наряду с лексико-грамматическими средствами участвующими в формировании данной функциональной разновидности русской звучащей речи. Рассматриваются возможности синонимического использования интонационных средств на основе системной синонимии; предлагается минимум реализаций интонационных конструкций, необходимый для осуществления эффективного дискуссионного общения.*

***Ключевые слова:** дискуссионное общение, звучащая речь, интонационная синонимия, вариативность, эмоциональная экспрессивность.*

В современных условиях расширения культурных, экономических и научно-технических международных контактов, сотрудничества специалистов из разных стран обучение русскому языку как иностранному невозможно без развития навыков дискуссионного общения, необходимых для успешного участия в профессиональной коммуникации: обсуждениях (дискуссиях), совещаниях, переговорах, конференциях и т.п.

Формирование навыков дискуссионного общения является важной частью комплексной программы обучения русскому языку иностранных студентов технических и естественнонаучных специальностей, разработанной на кафедре русского языка инженерной академии РУДН [Пугачев 2016]. Данная программа предусматривает поэтапное формирование коммуникативно-профессиональных навыков: профессиональный диалог, выступление на конференции или совещании, участие в беседе. Дискуссия в рамках данной учебной программы представляется универсальной формой профессионального общения и понимается как «обсуждение какой-либо спорной проблемы с целью установления путей её достоверного решения» [Клобукова 1998: 156].

В рамках обучения РКИ целесообразно рассматривать дискуссию, с одной стороны, как «особую речевую ситуацию, обуславливающую определенный акт коммуникации», с другой стороны – «как текст, особый тип дискурса, порождаемый в процессе определенного акта коммуникации» [Кондаков 2012: 5].

В учебных пособиях кафедры по обучению дискуссионному общению предлагается работа по овладению следующими коммуникативно-смысловыми блоками дискуссионного общения: 1) Сообщение темы дискуссии, характеристика актуальности поднятых проблем; 2) Изложение собственной

точки зрения, приведение аргументов, цитат; 3) Выяснение точки зрения оппонента; 4) Выражение согласия / несогласия, частичного и /или полного согласия с точкой зрения собеседника; 5) Переспрос, просьба объяснить свою позицию; 6) Выражение сомнения, уточнение высказанной собеседником мысли; высказывание пожеланий, советов, которые, по мнению говорящего, помогут в решении обсуждаемой проблемы; 7) Подведение частных и общих итогов дискуссии [Карапетян, Черненко, 2016].

В условиях непосредственного общения коммуникантов дискуссия – это разновидность звучащей речи, которая определяется как «артикуляционно-акустический процесс порождения говорящим и восприятия слушающим высказывания или последовательности высказываний, которые имеют взаимодействующие лексико-грамматические и интонационно-звуковые структуры, выражающие смысловое и эмоционально-стилистическое содержание» [Брызгунова 1996: 25]. По этой причине эффективность дискусионного общения зависит от тщательного отбора и употребления в соответствии с коммуникативными условиями и задачами не только лексико-грамматических, но и интонационно-звуковых языковых средств. В противном случае, в результате неправильного выбора интонационной конструкции (ИК) грамотно построенное высказывание может быть не воспринято собеседником или воспринято им не так, как предполагал говорящий. Этим определяется необходимость обучения иностранцев уместному использованию не только лексико-грамматических конструкций, формул речевого этикета, но и средств интонации.

Решению данной методической задачи будет способствовать составление так называемого интонационного минимума, т.е. перечня интонационных конструкций и их реализаций, необходимых и достаточных для осуществления эффективного дискусионного общения.

При определении такого минимума следует помнить о способности средств интонации реализовывать потенциальные значения, заложенные в лексико-грамматической структуре высказывания и допустимые в предлагаемом контексте. Игнорирование данных свойств интонации может привести к актуализации в результате случайного использования какого-либо интонационного средства нежелательных или неуместных в речевой ситуации субъективно-оценочных значений. Например, ИК-2 в утвердительном ответе на вопрос может прозвучать излишне эмоционально и категорично, а ИК-4 в данном контексте может восприниматься как вызов или выражение недовольства, хотя это и не входило в намерения говорящего.

Следовательно, при обучении иностранных учащихся необходимо учитывать, что в звучащем предложении средствами выражения одного и того же значения могут быть разные ИК, которые находятся в отношениях синонимии. В основе синонимии языковых средств, в том числе в основе интонационной синонимии, как известно, лежит общность значения, т.е. общность цели высказывания и

смыслового содержания предложения [Брызгунова 1989]. Интонационные средства, объединенные общностью значения, образуют синонимический ряд. В русской интонационной системе «имеется 4 синонимических ряда со значениями соответственно завершенности (ИК-1 // ИК-2), незавершенности высказывания (ИК-3// ИК-6// ИК-4), просьбы – требования (ИК-2// ИК-3// ИК-4) и оценки или экспрессивного утверждения (ИК-5// ИК-6)» [Логина 2016: 75]. Интонационный минимум дискуссионного общения, по нашему мнению, должен включать в себя изучение этих синонимических рядов. Как видим, многозначные ИК могут входить в разные синонимические ряды и образуют своеобразную цепочку синонимических рядов в русской интонационной системе, что «демонстрирует неслучайную связь и парадигматическую цельность всей системы» [Логина 1995]. Для осознанного использования интонационных единиц иностранные учащиеся должны знать об этих системных отношениях.

Обучение иностранных учащихся уместному использованию интонационных синонимических средств невозможно без понимания ими того, что интонационные синонимы так же, как средства синонимии других языковых уровней, в рамках общего значения могут передавать смысловые, эмоциональные и стилистические различия. Таким образом, выбор из синонимического ряда типа ИК или ее реализации не случаен и определяется рядом факторов: условиями коммуникации (стилистическая окраска ИК), намерениями говорящего (дополнительные смысловые оттенки ИК), отношением говорящего к высказываемому или собеседнику (дополнительные эмоциональные оттенки ИК или их отсутствие) т.д.

В целях обучения РКИ будем рассматривать дискуссию как разновидность устной научной и устной деловой речи. Такие условия коммуникации предопределяют стилистический выбор интонационных синонимов в пользу средств, имеющих преимущественно книжную стилистическую окраску [Варламова 2010]. В конечных синтагмах для выражения завершенности рекомендуется использование: ИК-1 и её нейтральных реализаций (с варьированием степени понижения тона на гласном центра или с усилением фонетической самостоятельности слов по типу ИК-6, ИК-4 в распространённой предцентральной части); ИК-1² с нерезким понижением тона в центре, которое может сочетаться с увеличенной интенсивностью гласного для усиления акцента на выражаемой мысли. ИК-2, являясь разговорным средством выражения завершенности, в дискуссионном общении не всегда может быть уместна. При использовании ИК-2 в конечной синтагме в значении завершенности необходимо принимать во внимание, что в утверждении она может восприниматься как слишком категоричная, в положительном ответе на вопрос – как излишне эмоциональная, в отрицательном – как проявление невежливости. С другой стороны, жанр дискуссии, в отличие от деловой беседы, допускает сдержанную эмоциональность, что оправдывает умеренное использование ИК-2 в перечисленных значениях. В то же время ИК-2

независимо от позиции является ведущим средством смыслового выделения или подчёркивания во всех разновидностях звучащей речи, в том числе и в дискуссионном общении.

Для выражения незавершенности в дискуссии предпочтительно сочетание стилистически маркированной ИК-4 на фоне стилистически нейтральной ИК-6. Чтобы оживить диалог, уместно ограниченное использование в данном значении ИК-3 – единицы разговорного стиля. Следует помнить, что избыточность ИК-3 в неконечных синтагмах со значением незавершенности сокращает этикетную дистанцию между собеседниками, вносит в высказывание неуместную фамильярность, даже развязность, т.е. ведёт к снижению стилистической окраски речи в целом и, в конечном счёте, может восприниматься участниками дискуссии как отсутствие речевой культуры у говорящего. В то же время ИК-3 является ярким средством выражения сопоставления и противопоставления в ходе дискуссии, и употребление этой конструкции как интонационного синонима ИК-4 в этом значении вполне уместно: *С одно^{3/4}й стороны,/ такое решение кажется оправдан¹ым,/ но с друго^{3/4}й/ – остаётся целый ряд вопро¹сов.*

Как уже отмечалось, разные ИК могут передавать различия в пределах общего значения, в частности, различие нейтрального и субъективного отношения говорящего к высказываемому [Брызгунова 1980]. Поэтому при обучении устному дискуссионному общению необходимо обратить внимание иностранных учащихся не только на тщательный отбор эмоционально и стилистически корректных или нейтральных лексико-синтаксических средств, но и на то, что «любое безоценочное само по себе высказывание через посредство эмоциональной интонации может стать оценочным» [Логинова 2000: 40], и им следует изучить возможности нейтральных и модальных реализаций ИК выражать субъективно-оценочные значения.

Такие субъективные значения могут выражаться по-разному.

Во-первых, как добавочный эмоционально-смысловой оттенок. Например, в вопросительном предложении с вопросительным словом ИК-2 – это интонация нейтрального вопроса; двувершинная модальная реализация ИК-2`` вносит в вопрос эмоциональные оттенки возмущения, нетерпения; ИК-6 с пониженным уровнем тона гласного центра и постцентра и замедлением темпа добавляет в вопрос оттенок недоумения, удивления, а ИК-4 – назидания, недовольства или даже осуждения: *Почему^{2/6/4} Вы не сказали об этом раньше? Ско^{2/6/4}лько времени Вам нужно для принятия решения?* Вопросительное предложение без вопросительного слова, произнесенное с ИК-3, звучит как нейтральный вопрос; повышение тона на гласном постцентра в ИК-3 выражает удивление в вопросе; ИК-2 подчеркивает уверенность говорящего в предполагаемом ответе, причем коммуникативный тип высказывания (вопрос) определяется только по контексту; ИК-4 придает вопросу оттенок официальности: *Вы в этом абсолю^{3/2/4}тно уверены? Вы думаете, что это ве^{3/2/4}рно?*

В императивных предложениях ИК-1 передаёт спокойное распоряжение, констатацию необходимого действия, совет; ИК-2 передает значение требования; модальная реализация – двувершинная ИК-2` – вносит эмоциональный оттенок возмущения, нетерпения; ИК-3, как правило, с нерезким повышением тона превращает требование в просьбу: *Обосну^{1/2/3}йте, пожалуйста, вашу позицию.!*; *Уточни^{1/2/3}те, пожалуйста, что вы имеете в виду.!* Как уже отмечалось, ИК-2//ИК-3 со значением просьбы-требования образуют синонимический ряд. В предложениях-приглашениях к совместному действию ИК-2 вместо ИК-3 вносит оттенок категоричности: *Давайте обсу^{2/3}дим это позже! Подведё^{2/3}м итоги нашей дискуссии!*

Уже упоминалось о том, что ИК-1 выражает эмоционально нейтральный ответ на вопрос, просьбу или предложение; ИК-2 более категорична, эмоциональна, выражает большую готовность в ответ на просьбу, предложение; ИК-4 добавляет в ответ оттенок вызова, настороженности, назидания, недовольства, удивления, а также не выраженное лексически нежелание выполнить просьбу: *Вы с этим согласны? – Согла^{1/2/4}сен.; Разве можно доверять этим фактам? – Конеч^{1/2/4}но, можно.*

При оценке несущественности какого-либо действия ИК-1 является средством выражения нейтральной оценки; ИК-2 усиливает оттенок несогласия; ИК-4 передает оценку с оттенком вызова: *Ну и зач^{1/2/4}чем нам это обсуждать?* Нейтральная констатация факта передается ИК-1, ИК-2, эмоциональная оценка – ИК-5: *Вы спрашиваете меня об этом тре^{1/2/5}тий раз.*

Ярко выраженная по тону ИК-2 является нормативным средством выражения приветствия, обращения и прощания; ИК-1 в данном контексте будет воспринята собеседником как нежелание вступать в коммуникацию или невежливость; ИК-4 звучит как вызов, претензия, недовольство.

Во-вторых, кроме выражения добавочного эмоционально-смыслового оттенка, разные ИК могут усиливать смысл нейтрального высказывания: например, возражение (ИК-1) – усиление возражения (ИК-3): *Но ведь Вы уже согласи^{1/3}лись.!* ИК-7, по сравнению с ИК-2 и ИК-3, усиливает несогласие: *Вря^{2/3/7}д ли с этим можно согласиться!*

В-третьих, интонационные средства могут передавать эмоциональное состояние говорящего: нейтральное эмоциональное состояние (ИК-1) – приподнятое настроение (ИК-5): *Соверше⁵нно ве¹рно.!*

По мнению исследователей, общая эмоциональная окраска высказывания, отражающая состояние и настроение говорящего достигается универсальными фонетическими средствами, поэтому, даже не зная языка, на котором произносится высказывание, мы можем определить эту эмоциональную окраску (радость, тревога, восторг и т.д.). Общая эмоциональная окраска достигается за счет модификации всего интонационного рисунка путем использования различий в темпе, общем уровне интенсивности и высоты

[Богомазов 2001: 79]; например, положительные эмоции передаются, в верхнем регистре, отрицательные – в нижнем. Определенные же эмоциональные значения соотносятся с соответствующими интонационными единицами языка, и если человек будет игнорировать особенности использования тех или иных эмоциональных значений, он «рискует произвести впечатление, например, скуки или грубости» [там же]. Поэтому для успешной коммуникации – продуцирования и восприятия звучащей речи – необходимо изучать интонационные средства передачи эмоциональных значений.

Итак, синонимические интонационные средства передают различия, совместимые в одном контексте. Однако нельзя забывать, что в высказывании с одинаковым лексико-грамматическим составом интонационные конструкции могут передавать значения, несовместимые в одном контексте и ведущие к изменению содержания. Например, ИК-3 передает вопрос в предложении без вопросительного слова, а ИК-1 – утверждение: *Вы это то^{3/1}чно знаете?*. В предложениях с вопросительным словом ИК-2 выражает вопрос, а ИК-5 – высокую степень признака: *Ско⁵лько студе²нтов приняли участие в конференции?! ИК-3 со значением вопроса несовместима в одном контексте с ИК-7 со значением оценки: Убеди^{3/7}тельно?! Также следует различать вопрос с ИК-3 и приказ с ИК-2 в предложениях с инфинитивом: *Перенести на за^{3/2}втра?! Особое внимание следует обратить на смысловую разницу между вопросом с вопросительным словом (ИК-2) и переспросом (ИК-3 или ИК-6): Ско^{2/3}лько? Почему^{2/6} вы так думаете?**

Следовательно, в процессе обучения русской звучащей речи, в том числе в рамках дискуссионного общения, представляется целесообразным разграничивать интонационную синонимию при выражении значений, совместимых в одном контексте, и вариативность, если создаваемые интонацией значения несовместимы в одном контексте. Соответственно взаимозаменяемые значения рассматриваются как синонимические; значения, не допускающие взаимозамены, определяются как вариативные [Варламова 2011]. Следует уточнить, что такое понимание синонимии и вариативности не является общепринятым. Однако оно методически оправдано, так как иностранные учащиеся при выборе интонационных средств должны понимать, какие из них могут привести к добавлению эмоционально-стилистических различий, а какие – к изменению смысла, нарушению коммуникативной целостности высказывания и, как следствие, срыву коммуникации.

Таким образом, изучение интонационных средств, наряду с лексико-грамматическими участвующими в формировании такой функциональной разновидности русской звучащей речи как дискуссия, повышает коммуникативную компетентность иностранных учащихся, дает им возможность успешно решать свои коммуникативные задачи в процессе дискуссионного общения.

В рамках статьи были рассмотрены только типы ИК и их реализации, так как ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть такие средства как

синтагматическое членение, место интонационного центра, изменение темпа и регистровые различия, которые также могут входить в интонационный минимум при обучении дискуссионному общению.

Литература

- Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык: Фонетика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 352 с.
- Брызгунова Е. А. Интонация. // Русская грамматика. М., Наука. 1980. Т. 1. С. 96–122.
- Брызгунова Е.А. Интонация и синтаксис. // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова и др. – 2-е изд., испр. и доп. М., Высшая школа. 1989. С. 772 –791.
- Брызгунова Е.А. Интегральное описание русской звучащей речи. // Фонетика в системе языка. Тезисы II Международного симпозиума МАПРЯЛ. М., УНИКУМ-ЦЕНТР. 1996. С. 25–26.
- Варламова И.Ю. Фоностилистические особенности устной деловой речи. // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: Языки и специальность». 2010. №3. С. 22–27.
- Варламова И.Ю. Интонационная синонимия и формирование перцептивных интонационных эталонов у иностранных студентов. // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: Языки и специальность». 2011. №1. С.50–55.
- Логинова И. М. Русская интонация в семантико-стилистическом аспекте. // РЯЗР. 1995. №1. С. 42–47.
- Логинова И. М. Правомерно ли говорить о стилистической функции интонации? // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество: Материалы конференции (Ялта, 9-14 октября 2000 г.) Симферополь, СЛС, 2000. С. 209–214.
- Логинова И.М. Формирование и функционирование интонационной синонимии в русском высказывании и тексте. // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года. М., СПб., Нестор-История. 2016. С.74–76.
- Карапетян Н.Г., Черненко Н.М. Русский язык в профессиональной деятельности. Учебно-методическое пособие для иностранных студентов, обучающихся по специальностям «Архитектура» и «Строительство». М.: РУДН, 2016. 62 с.
- Клобукова Л.П. Научная дискуссия как акт коммуникации (лингвометодический аспект). // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 3. Филология. М., 1998.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., Книга по Требованию, 2012. 721 .

- Пугачев И.А. Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному: теория, практика, технологии: монография / И.А. Пугачев. Москва, РУДН, 2016. С.239–288.

Varlamova, Irina

Russian Peoples' Friendship University (RUDN University)

Moscow, Russia

varlamova60@mail.ru

THE INTONATIONAL MINIMUM IN DELIBERATIVE CONVERSATION STUDY

Abstract. *This article dedicates to problems of studying foreign students deliberative conversation taking into consideration intonational features of discussion in addition to the lexical and grammar means that participate in formation of that very functional variety of Russian sounding speech. This article also analyzes possibilities of using synonymous intonational means on the bases of systematic synonymy; offers realization of minimum intonational constructions that are needed for effective deliberative conversation.*

Keywords: *deliberative conversation, sounding speech, intonational synonymy, variety.*

ТИПЫ И ЖАНРЫ ТЕКСТОВ В СИСТЕМЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ»)

***Аннотация.** В имеющихся государственных образовательных стандартах, представляющих требования к умениям в речевой деятельности, не даётся детальной типологии текстов, которые подлежат освоению на том или ином уровне владения языком. Работа в этом направлении ведется разработчиками «Лингводидактического описания компетенций в сфере РКИ (уровень В2/ТРКИ-2)». В статье предлагаются основания типологии и репертуар речевых жанров на материале темы «Повседневная жизнь» применительно к указанному уровню.*

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный, лингводидактическое описание русского языка, типология текстов, речевые жанры, уровни владения иностранным языком.*

В настоящее время в сфере РКИ усилиями специалистов создано несколько нормативно-методических документов, ранжирующих и регламентирующих знания и умения иностранцев, изучающих русский язык на том или ином этапе его освоения. «В соответствии с международной практикой каждый уровень владения тем или иным иностранным языком обычно бывает представлен в целом ряде документов, основными из которых являются «Лингводидактическое описание уровня» (ЛДО) и «Требования к уровню владения языком». Однако сегодня в российской теории и практике преподавания РКИ уровни описаны только в «Требованиях» («Государственных стандартах») [Клобукова, Битехтина, Нахабина и др. 2015: 472-473]. Лингводидактическое описание, которое должно было бы служить основой для Стандартов, в силу ряда обстоятельств не было создано. В настоящее время коллегами из МГУ разработано Лингводидактическое описание элементарного уровня владения языком. Лингводидактическое описание уровней В2, С1, С2, которые изначально описывались коллективом преподавателей Санкт-Петербургского университета, создается в настоящее время. Цель данного проекта связана с необходимостью учета достижений лингвистики и методики преподавания РКИ последних 20 лет, потребностью коррекции интегративного описания русского языка как иностранного, исходящего из представления о речевой деятельности как главной задачи обучения, о тексте как единице порождения и восприятия речи. Цель проекта – представить гипотетическую модель речевого поведения иностранца на уровне В2 владения РКИ, охарактеризовать

его коммуникативную способность через описание ее составляющих: лингвистической, дискурсивной, социокультурной компетенций.

В основу лингводидактического описания в качестве исходного положения тематический принцип (например, темы «Частная, повседневная жизнь человека» «Человек и общество», «Человек и его отношения с природой» и др.). Последующая разработка включает проекцию темы в разные сферы общения (социально-бытовую, социокультурную, официально-деловую) с конкретизацией социальных ролей и ситуаций общения в соотношении с коммуникативными потребностями иностранца, изучающего язык на уровне В2, и реализованными в парадигме текстов определенных типов и жанров. Решаемые при этом задачи связаны с необходимостью выявить соответствующий уровню владения языком (В2/ТРКИ-2) репертуар текстов в системе их разновидностей, обеспечивающих общение в той или иной предметно-тематической сфере, представить лингвистическую квалификацию текстов, валидных по отношению к уровню и формируемым речевым умениям, выявить критерии ранжирования текстов по степени сложности. Таким образом, текст рассматривается авторами данного лингводидактического описания не только как средство обучения, как материал, вербализующий коммуникативные потребности и цели, но как объект лингвометодического исследования, позволяющего детализировать набор речевых произведений, актуальных для общения на уровне В2, а также установить характеристики текста (семантические, композиционные, лексико-грамматические, прагматические, стилистические), специфицирующие единицы обучения на данном уровне владения языком и подлежащие контролю и тестированию. Текстотрическая направленность составляет одну из принципиальных основ создаваемого проекта, отражает опыт авторов в изучении текста [Текст 2011].

Известно, что в современной лингвистике существует не одна типология текстов, лингвисты предложили ряд классификаций с учетом разных оснований и критериев, соответствующих тем или иным целям. В последнее время рассматривается еще одна оппозиция, которая способна выступить основанием типологизации текстов – это оппозиция **нарратива** и **ментатива**. Так, И.В.Кузнецов и Н.В.Максимова пишут: «Нарратив и ментатив представляют собой две основные разновидности современных текстов» [Кузнецов, Максимова 2007: 55]. Как отмечают авторы данной работы, противопоставление нарратива и ментатива опирается на два атрибута – протяженности и мышления, «соответственно в нарративе доминирует референция к «протяженности» хронотопа, а в ментативе – референция к мышлению как таковому и его речевой форме» [Указ.раб.: 56]. Развивая мысль, исследователи указывают: «Нарратив и ментатив можно понимать как два различных способа развертывания речемыслительного произведения, как две формы текста» (Указ.раб.: 57). И далее: «Противопоставленность референций является ядерной характеристикой двух способов организации текста <...> Первый способ, нарративный, связан с моделью текстопорождения, в которой

доминантами являются “Кто/Что – Где – Когда”: движение текста базируется на смене одного или нескольких этих компонентов. <...> Второй способ связан с текстовой моделью ментатива. В ней движение текста задается иными координатами: „Что это означает – Почему это возможно – При каких условиях нечто происходит – Чем это подтверждается – Каков антитезис к данному тезису...” В этом случае в референтной зоне складываются отношения между мыслями, между идеями» [Указ.раб.: 59]. Такое разграничение этих двух основных типов текста в иных терминах высказано в работах других исследователей (Ср., например, в книге И.Н. Борисовой термины «нарратив» и «эксplikатив» [Борисова 2009]). Применительно к преподаванию РКИ об этом писала И.В. Одинцова, которая использовала термины «сильные» (предметные) и «слабые» (рефлексивные) фреймы, подчеркивая, что первые отбираются преимущественно на начальных этапах обучения, а вторые – на продвинутом [Одинцова 2010].

Рассмотрим в качестве примера два небольших отрывка из текстов, относящихся к теме «Повседневная жизнь».

Пример №1.

Заметки на полях, Или дневник одной пятницы

Утро

7.00-8.10

Ктому, чтобы приехать на занятия в университет к 9.00 и, соответственно, подняться в семь, привыкнуть никак не удаётся. Поэтому ещё минут десять, валяясь в постели, пытаюсь прийти в себя.

Горячий душ, набор стандартных процедур, завтрак как тренировка челюсти с включенным телевизором на заднем плане.

Сбор сумки сопровождается особой нервозностью. Стараюсь ничего не забыть, а время уже поджигает. Тетрадки, книжка для метро, фотоаппарат, i-rod, кошелек, два телефона (личный, рабочий), визитница, студенческий. Вроде все – мой выход.

Лекции

9.10 – 12.20

В аудиторию захожу на цыпочках. Но бесшумно пройти не получается. Деревянный пол скрипит под ногами. Оглядываюсь. Катя. Сидящая рядом, задремала, уткнувшись головой в тетрадку. Соседка сзади – Диана – выразительно смотрит на преподавателя. <...> Владислав Крейнин («Санкт-Петербургский курьер» №42. 19.10-25.10. 2006)

Следующие далее компоненты текста продолжают рассказ о событиях дня, т.е. он имеет нарративную организацию, референтно ориентирован на внешнюю действительность, доминантами являются «кто-где-когда». Фиксация пишущим воспринимаемого отражена в использовании лексики с

предметным значением (*душ, завтрак, сумка, тетрадки, телефон, аудитория*), речь характеризуется изобразительной конкретностью. Данный текст репрезентирует главные слоты фрейма «События одного дня» (занятия, дорога и транспорт в городе, встреча с подругой, вечерний досуг), он достаточно стереотипен, отражая модель дневниковой записи. Однако на события рассказа накладывается событие рассказывания, при этом речевой облик текста приобретает индивидуальные черты под влиянием личности пишущего, что проявляется в отборе и детализации наблюдаемого, вкраплении элементов индивидуального видения, индивидуального словаря, что усложняет текст в сравнении с тем, который мог бы использоваться для представления типовой ситуации «События дня» на начальном этапе владения языком.

Рассмотрим текст, представляющий ментатив. Во фрагменте из журнальной статьи тема повседневной жизни человека входит в его смысловую структуру как объект размышлений автора, таким образом, референция к мышлению определяет его речевую организацию.

Пример №2.

Прокрастинация: симптом века

Прокрастинация. Даже тот, кто ни разу не слышал этого термина, хоть раз, но сталкивался с его смыслом. Недаром некоторые психологи называют прокрастинацию «болезнью современности». Но прокрастинация — это скорее симптом, чем болезнь. За хроническим «я сделаю это завтра» стоят страх неуспеха, боязнь оценки, сложность выбора и другие самые главные проблемы человека XXI века

«Я должен добиться успеха...

«Я не знаю, за что мне хвататься сейчас. Дел так много. И все их нужно сделать хорошо, иначе...»

«Мне сложно говорить нет, когда мне предлагают какое-нибудь дело. Кажется, что я пропускаю что-то важное. Если я откажусь, значит, могу оказаться ненужным...

Современный человек набит неврозам и комплексами, как краковская колбаса салом. У одного комплекс неполноценности, у другого мания величия, у третьего и то и другое вместе. Вроде все хорошо у человека: он часто улыбается, ходит на работу и смотрит сериалы. А внутри — дикий клубок страхов и противоречий. На поверхность выступает один из самых характерных симптомов — прокрастинация, то есть постоянное откладывание дел на потом. Иногда это кажется забавным, над таким человеком подшучивают окружающие. Но порой дело может обернуться трагедией <...> («Русский репортер» №14 (342) 10.04 2014)

Данный текст строится на основе логико-смысловых операций: определение понятия «прокрастинация», указание на причины и на возможные тяжелые последствия, аргументация с помощью отсылок к опыту разных людей и

цитации, общая оценка ситуации автором. Таким образом, если тексты-нарративы опираются на набор стабильных фреймов, осуществляя прямую связь с внешней действительностью, то тексты-ментативы ориентированы в сферу сознания. Нарастание сложности таких текстов связано с отражением авторской оценки ситуации, его убеждений и ценностей, а также эксплицированием логико-смысловых процедур в структуре текста. Текст-ментатив имеет форму рассуждения, может реализоваться в трех основных типах текста, отражающих ментальную сферу человека, – объяснительном, аргументативном, инструктивном [Хорохордина 2016].

Уровень сформированности коммуникативной компетенции на уровне В2 в восприятии и порождении текстов-ментативов проявляется в способности осуществлять такие логические действия, как сравнение, анализ, синтез, обобщение и т.п., а также в выражении личностного подхода к содержанию сообщения.

Различение двух типов текста – нарратива и ментатива – дает ключ к дифференциации текстов и спецификации средств их речевого оформления. На В2 приоритет отдается ментативу как типу текстов, которые в соответствии с требованиями к дискурсивной компетенции соотносятся с необходимыми на этом уровне умениями выражения мнения, аргументации с элементами оценки, обобщения в монологической форме, а также высказывания собственной точки зрения в ситуации свободной беседы преимущественно на социально-культурные темы.

Дальнейшая дифференциация типов текста, их систематизация с учетом разных сфер общения, социальных ролей участников общения и конкретных коммуникативных ситуаций строится с опорой на выделение **речевых жанров**. В трактовке речевого жанра исходим из следующих его характеристик:

1. Соотносимость жанра с определенной сферой и ситуацией общения. Речевые жанры, понимаемые «как средство формализации социального взаимодействия» [Дементьев 2007: 52], «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов 2007: 8] соотносятся с коммуникативным событием и ситуативным контекстом. В этом аспекте речевой жанр трактуется как речевая форма, закрепленная за определенной типовой ситуацией общения.

2. Понимание речевого жанра как модели, конструкта, представляющего определенный структурно-содержательный тип текста. По определению Т.В. Матвеевой, «жанр (речевой жанр) – тип текстов (высказываний), отражающий исторически сложившуюся устойчивую модель духовной деятельности людей. Жанр несет в себе общие черты существующих и еще не созданных речевых произведений, это обобщенный речемыслительный конструкт и образ высказывания (текста), входящий в состав речевой компетенции носителя языка» [Матвеева 2010: 99].

3. Регулярность, воспроизводимость, конвенциональность речевого жанра. Данная характеристика является предпосылкой освоения речевого жанра, ведет к формированию обобщенных образов разных типов текста, определяет «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» [Гайда 1986: 24] (или же для читающих и пишущих), развивая тем самым соответствующие коммуникативные компетенции учащихся.

4. Опора на категорию цели в квалификации и идентификации жанра. Интенциональный принцип, связанный с основной коммуникативной целью, был положен в основу концепции Н. Д. Арутюновой, которая предлагает различать следующие типы диалогов: *информативный диалог*; *прескриптивный диалог*; *обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины*; *диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений*; *праздноречевые жанры* [Арутюнова 1999: 649-653]. См. также: [Борисова 2009: 64-65].

5. Степень развернутости, сложности (элементарные и комплексные; жанры и субжанры). Кроме того, жанрообразующими могут быть тематическая предпочтительность, оценочная точка зрения, композиционная форма и др. параметры.

Представим репертуар речевых жанров по теме «Повседневная жизнь» в двух сферах, допуская возможность последующего пополнения и корректировки.

1. Социально-бытовая сфера.

(Дружеское и семейное взаимодействие, повседневное межличностное общение межличностное общение, частная, личная жизнь человека; общение отвечает практическим жизненным потребностям; тексты-нарративы и тексты-ментативы в форме практического рассуждения)

Монолог: рассказ о событиях дня (дневник, блог, электронное письмо); рассказ случая из жизни, семейные истории; признание, исповедь; монолог-рассуждение о трудностях повседневной жизни (блог, частное письмо) утилитарные жанры: реклама, советы по дому (интернет-сайты, публикации в журналах), объявления.

Диалог/полилог: информативный и праздноречевой диалог: разговор по душам, семейный разговор о планах, семейная беседа (в ситуации «чаепитие», в гостях), общение в социальных сетях на темы повседневной/ частной жизни, поликодовый текст в интернет-общении (фотографии, изображения, комментарии).

Диалог-регулирование межличностных отношений: выяснение отношений, ссора, пикировка, перебранка.

Прескриптивный диалог: советы и рекомендации по дому (ведение хозяйства), «семейные жанры», родительские наставления, «рецепты жизни».

2. Социокультурная сфера.

(Институциональное, публичное общение; познавательная мотивация, интеллектуальные потребности человека; преимущественно тексты-ментативы на основе социокультурной тематики).

Монолог: рассказ о случае, событии, поступке с элементами эмоциональной оценки, выражением интерпретации, анализа и обобщения (художественная литература, эссе, публицистическая статья); притча; рассказ-репрезентация (экскурсия в дом-музей), монолог-объяснение специалиста явления из сферы повседневной жизни (статья в СМИ); монолог-аргументация убеждающего характера, с выражением мнения, позиции по одной из проблем повседневной жизни (статья в СМИ, в блоге; доклад, публичная лекция); инструктивный монолог-рекомендация специалиста по вопросам дома и хозяйства, на тему здоровья, о правилах и нормах поведения, об образе жизни (интернет-сайты, блоги, публикации в СМИ).

Диалог/полилог: Информативный диалог: диалог-расспрос об образе жизни, вкусах и предпочтениях (интервью с известным человеком).

Диалог-обмен мнениями с целью выяснения истины: интервью, беседа на телевидении, спор, дискуссия (ток-шоу на ТВ и радио).

Литература

- Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XУ. – 896 с.
- Борисова 2009 – Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
- Гайда 1986 – Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. – Пермь: Издательство ПГУ, 1986. С. 22–28.
- Дементьев В.В. – Дементьев В.В. Изучение речевых жанров в России: аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 39-61.
- Клобукова, Битехтина, Нахабина и др. 2015 – Клобукова Л.П., Битехтина Г.А., Нахабина М.М., Иванова А.С., Соболева Н.И. Лингвометодическое описание Элементарного уровня общего владения русским языком как иностранным: структура, содержание, функции//Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г.Гранада, Испания, 13-20 сент. 2015 года) /Ред. коллегия: Л.А.Вербицкая, К.А.Рогова, Т.И.Попова и др. – в 15 т.- Т.10 – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 472 – 478.
- Кузнецов, Максимова 2007 – Кузнецов И.В., Максимова Н.В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив – ментатив» // Критика и семиотика. Вып. 11, 2007. С. 54-67.

- Матвеева 2010 – Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
- Одинцова 2010 – Одинцова И.В. «Фрейм» как понятие коммуникативно-когнитивного направления в преподавании русского языка как иностранного. Характеристика сильных и слабых фреймов // Вестник ЦМО МГУ. 2010, №4. С.53-60.
- Седов 2007 – Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.- 320 с ,
- Текст 2011 – Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч.пос./под ред. проф. К.А.Роговой. – СПб.: Златоуст, 2011. – 464 с.
- Хорохордина 2016 – Хорохордина О.В., Вознесенская И.М., Колесова Д.В., Шкурина Н.В. Вариативность речевой реализации коммуникативной стратегии рассуждения: лингвометодическое исследование// Филологический класс. 2016. №3. С.42-48.

Статья представлена в рамках презентации Проекта «Лингводидактическое описание компетенций в сфере русского языка как иностранного (уровень В2/ТРКИ-2)». Затраты на реализацию Проекта частично покрыты за счет Гранта, предоставленного фондом «Русский мир».

*Voznesenskaya, Irina
Saint Petersburg State University, Russia
i.voznesenskaya@spbu.ru*

TYPES AND GENRES OF TEXTS IN THE SYSTEM OF THE LINGUODIDACTIC DESCRIPTION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE THEME “EVERYDAY LIFE”)

***Abstract.** In the educational standards, which represent requirements for skills in speech activity, there is no detailed typology of texts corresponding to the level of language proficiency. Work in this direction is carried out by the developers of the „Linguodidactical description of competencies in the field of Russian as a foreign language (level B2 / TRKI-2)”. The article offers the foundations of typology and repertoire of speech genres on the material of the theme “Everyday Life” applied to the specified level.*

***Keywords:** Russian as a foreign language, descripton for teaching and testing, text, types of text, genre.*

ПУТИ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу наиболее важного этапа введения в изучение русского языка – формированию слухопроизносительных навыков на ограниченном лексико-грамматическом материале. Рассматриваются основные особенности фонетической системы русского языка в сравнении с системами родных языков или языков-посредников, фонетические и фонологические ошибки иностранных учащихся и пути их устранения.*

***Ключевые слова:** фонетика, артикуляционная база, речевая и языковая компетенция, интерференция, коррекция ошибок в русском произношении.*

Современное развитие преподавания русского языка, в частности аспекта фонетики, имеет огромный накопленный опыт последних десятилетий, отраженный в различных учебных пособиях для иностранных учащихся. Работы целой плеяды выдающихся фонетистов под руководством Екатерины Ивановны Мотиной (1928-1995) в области теоретической и практической фонетики Университета дружбы народов (УДН), начиная с 1962-го года, явились основой для развития фонетической школы Российского университета дружбы народов (РУДН). Результаты данной работы были представлены в многочисленных научных публикациях, при создании национально ориентированных или с учётом языков-посредников (английского, французского, испанского) вводно-фонетических курсов. На базе РУДН было проведено три симпозиума в рамках МАПРЯЛ, посвящённых теории и практике обучения фонетике русского языка как иностранного (1987, 1995, 2002).

Общеизвестно, что обучение русскому произношению иностранных студентов является необходимым условием формирования всех видов речевой деятельности на русском языке, создания языковой и речевой компетенции учащихся, т.е. овладения содержанием или компетенцией практической фонетики русского языка. Изучение правил образования и функционирования фонетических единиц как материала языковой компетенции, а также формирование слухопроизносительных навыков наряду с усвоением лексических и грамматических навыков определяет развитие речевой компетенции учащихся. Современное развитие преподавания русского языка, в частности аспекта фонетики, имеет огромный накопленный опыт последних десятилетий. Известны многочисленные фонетические курсы для студентов с различными языками: с английским, французским, испанским, португальским, болгарским, арабским, китайским, корейским, японским, индонезийским, хинди, непальским, сингальским, дари, а также для студентов-африканцев,

говорящих по-английски или по-французски, для учащихся из стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Арабского Востока. Не вызывает сомнений, что развитие научных исследований в области фонетики РКИ и методики ее преподавания предполагает: данный аспект должен занимать одну из главных позиций в практике обучения русскому языку иностранных учащихся.

Однако реальное положение дел не всегда соответствует сказанному мнению. Аспекту преподавания фонетики не уделяется должного внимания. Вводно-фонетический курс (ВФК) вообще исключается или проводится в ускоренном режиме, хотя известно, что формирование слухопроизносительных навыков требует определённого времени. В результате лексико-грамматическая база формируется без фонетического фундамента, что создает для учащихся немалые трудности при овладении русским языком как средством общения. Нужно отметить также случаи отсутствия специальной подготовки и соответствующей квалификации преподавателей. Возникает необходимость говорить об акценте как совокупности произносительных ошибок в русской речи иностранных учащихся, которые обусловлены влиянием системы их родных языков и именно особенностью их артикуляционной базы. Во многих информационных средствах, таких, как радио, телевидение или Интернет обсуждаются проблемы изучения иностранцами русского языка. Многочисленные примеры, которые приводятся в качестве ошибок, не только воспринимаются носителями языка как акцент (фонетические ошибки), но и ведут к нарушению восприятия и понимания (фонологические ошибки).

Причины трудностей иноязычного произношения обусловлены прежде всего различиями фонологических систем двух контактирующих языков; умение слушать и слышать «новое» в изучаемом языке, сравнивать и, отталкиваясь от родных перцептивных и артикуляционных слухо-произносительных навыков, находить и закреплять новые для себя фонетические навыки и умения — главное при обучении иностранному произношению.

При постановке звуков и формировании ритмико-интонационных навыков русского языка и их коррекции необходимо помнить о фонетической **ИНТЕРФЕРЕНЦИИ** — переносе лингвистических (прежде всего перцептивно-акустических) моделей сегментной и суперсегментной фонологии родного языка на язык изучаемый, что ведёт обучаемого к формированию **«ТРЕТЬЕЙ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ»** фонологической системы, интерязыка, в котором на ранней стадии обучения произносительным нормам иностранного языка преобладают лингвистические навыки родного языка.

Понятно, что во взрослой аудитории обучение произносительным нормам, предупреждение или коррекция акцента в иностранной речи требует ясного понимания преподавателем интерферирующих причин, системы долгой, последовательной и сознательной работы преподавателя и студента по формированию на разных этапах усвоения иной фонологической системы. На начальном этапе обучения, усваивая фонологическую систему иностранного

языка, учащийся как бы «просеивает» сквозь **«СИТО РОДНОГО ЯЗЫКА»** речевой поток языка изучаемого, отождествляя схожие и уподобляя родным «чуждые» фонологические единицы. Фундаментальным для успешного обучения иностранному произношению является чёткое представление преподавателя **О СХОДСТВАХ / РАЗЛИЧИЯХ В ПЕРЦЕПТИВНЫХ И АРТИКУЛЯЦИОННЫХ БАЗАХ, СЛоговом СТРОЕ И ФОНЕМНОМ СОСТАВЕ, СЕГМЕНТНОЙ И СУПЕРСЕГМЕНТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОТОКА ОБОИХ ЯЗЫКОВ.**

Очевидно, что многие языковые факторы в преподавании требуют особого толкования, сопоставления и обобщения. В отборе языкового материала соотношение специфических черт фонетической системы русского языка и особенностей аналогичных систем родных языков или языков-посредников рассматривается как определяющий фактор.

Прогнозируя механизм возникновения ошибок инофонов, необходимо сказать о специфике артикуляционной базы русского языка, чтобы можно было определить ошибки, быстро и правильно исправить их.

К особенностям артикуляционной базы относятся:

1. Преобладание **ДОРСАЛЬНЫХ** артикуляций.
2. РЯ (русский язык) **КОНСОНАНТНО** насыщен: в тексте на 100 гласных приходится 150 согласных фонем.
3. В РЯ преобладают **ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ АРТИКУЛЯЦИИ**: 80% всего консонантизма; согласные противопоставлены по участию голоса (**ГЛУХИЕ И ЗВОНКИЕ**), при этом важно помнить, что вторые имеют **ПОЛНОЗВОНКИЙ** характер. По речевому давлению глухие – сильные, звонкие – слабые.
4. В РЯ фонологически существенны **ВЕЛЯРНЫЕ И ПАЛАТАЛЬНЫЕ АРТИКУЛЯЦИИ** как следствие противопоставления согласных по признаку «твёрдость – мягкость».
5. В русской речи в пределах одного слова происходит **ПЛАВНЫЙ ПЕРЕХОД ОТ ВЕЛЯРНЫХ К ПАЛАТАЛЬНЫМ, ОТ ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ К ЗАДНЕЯЗЫЧНЫМ АРТИКУЛЯЦИЯМ** и наоборот.

6. В русской фонетике действует закон регрессивной ассимиляции по «глухости – звонкости» и месту образования согласных.

7. Гласные РЯ имеют дифтонгоидный характер, настоящих дифтонгов в русской фонетике нет. В фонетической системе других языков имеется немало дифтонгов.

Естественно, что при обучении русскому языку как иностранному фонетический аспект преподавания должен присутствовать как опережающий в виде вводно-фонетического курса с элементами лексического и грамматического материала на элементарном уровне владения русским языком,

а затем на базовом и сертификационном уровнях как сопроводительный и корректировочный курсы.

На кафедре русского языка факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин был создан «Вводный фонетико-грамматический курс русского языка для студентов-иностранцев» (ВФГК), в котором обучение произношению рассматривается как процесс, основанный на сознательном усвоении особенностей фонологической системы и артикуляционной базы русского языка, где отбираются наиболее благоприятные позиции для постановки русских звуков. Описание артикуляции строится на использовании ощутимых моментов. Слуховые упражнения, фонетические диктанты дают возможность развития речевого слуха студентов. Этот курс адресован учащимся, обучающимся в одной группе с различными родными языками в отличие от курсов, которые ориентированы на определённый иностранный язык или язык-посредник. Материал курса опирается на общие фонетические законы и учитывает фонетические и фонологические ошибки, исходя из сравнения с системой русского языка. Он подразумевает самостоятельность и не является вводной составной частью какого-либо учебного пособия по русскому языку как иностранному. Данный курс должен органически входить в последующие этапы обучения, но иметь основной целью постановку русского произношения, заложение фонетического «фундамента» для построения лексико-грамматической «базы».

При создании предлагаемого Вводного фонетико-грамматического курса были соблюдены следующие принципы:

1) принцип коммуникативно-речевой направленности, который позволяет на основе сформированных слухопроизносительных навыков выйти в речевое общение на ограниченном и строго отобранном языковом материале;

2) принцип комплексности, который позволяет создать условия для овладения видами речевой деятельности – чтением, письмом, аудированием и говорением;

3) принцип концентричности, который находит применение при определённой организации материала, его последовательности и повторяемости, когда постановка звука осуществляется исходя из благоприятной позиции сначала в слогах, затем в словах, синтагмах и предложениях при овладении речевыми навыками и умениями;

4) принцип обучения от «лёгкого» к «трудному», когда при постановке русских звуков наиболее лёгкими могут считаться звуки, которые похожи на привычные акустико-артикуляционные уклады родных языков учащихся, хотя это мнимое сходство может провоцировать акцент. В нашем случае отбор материала осуществляется исходя из особенностей фонологической системы русского языка и основных движений языка и губ, характеризующих его артикуляционную базу;

5) принцип системной организации учебного процесса, когда в системе упражнений должны быть заложены возможности для преодоления интерференции как под влиянием родного языка учащегося, так и внутри изучаемого языка, что в конечном итоге ведёт к предупреждению ошибочного произношения.

Содержание языковой и речевой компетенций, представленное в регламентирующем документе – «Лингводидактической программе по русскому языку как иностранному», явилось основой для создания рассматриваемого ВФГК. Авторами курса учтены основные особенности фонетической системы, артикуляционной и перцептивной базы русского языка, требования к фонетическим знаниям и формированию слухопроизносительных навыков, а также материал, который должен знать и уметь использовать учащийся при говорении, аудировании, чтении и письме.

При формировании нового фонологического кода, естественно, надо учитывать межязыковую интерференцию. Известно, что аудитивная база учащегося ориентирована на систему его родного языка. Однако в связи с тем, что формирование студенческих групп для обучения русскому языку происходит по интернациональному признаку, актуальным становится создание ВФГК на основе лингвистической характеристики звуковой системы русского языка, вырабатывающих у учащихся типичные уклады, характеризующие русскую артикуляционную базу как совокупность привычных для данного языка движений и положений произносительных органов или как систему речедвигательных навыков русского языка, способных наиболее экономично реализовать фонетическую систему в ее нормативных параметрах.

Известно, что одним из основных положений преподавания практической фонетики является принцип сознательного усвоения произношения, а именно сознательного усвоения произносительных движений и их слуховых эффектов. Этому так называемому артикуляционно-акустическому методу и было отдано предпочтение. Однако метод имитации также имеет место при обучении русскому произношению, особенно на начальной стадии. Правильные слуховые образы звука и слова, произнесенные преподавателем или записанные с помощью технических средств и повторенные определенное количество раз, являются важным условием постановки правильного произношения. Это развивает фонетический слух.

Определим наиболее часто встречающиеся произносительные ошибки согласных звуков, которые объясняются особенностями артикуляционной базы (АБ) и фонологической системой русского языка. К таким ошибкам относятся:

1. Отсутствие правильного произношения при работе над оппозицией твёрдых-мягких согласных. При постановке, тренировке и дальнейшей коррекции необходимо обратить внимание на более низкий тон при произнесении твёрдых согласных и соответственно более высокую

тембральную окраску при произнесении мягких согласных. Рекомендуется придать твёрдым согласным призвук гласного [ы], а мягким согласным придать окраску на гласный [и], произносить согласный и последующий гласный [и] одновременно. При произнесении твёрдых согласных весь язык отодвигается назад, кончик языка не касается нижних зубов. Мягкие согласные произносятся при продвинутом вперёд языке и немного растянутыми губами как при гласном [и]. Рекомендуемые позиции при постановке мягких согласных сначала перед буквами я, ё, ю, а затем перед буквами е, и: мя-мё-мю-ме-ми. Работа продолжается при сравнении произношения твёрдых и мягких согласных: ма-мя, мо-мё, му-мю, мэ-ме, мы-ми.

2. Произносительные ошибки, нарушающие полноразнообразие русских согласных и соответственно различие глухих и звонких согласных русского языка. Наиболее часто ошибки такого рода, когда вместо русского звонкого согласного произносится полувзвонкий согласный родного языка учащегося (китайский, корейский, вьетнамский, арабский языки и др.). При постановке, тренировке и коррекции используются благоприятные позиции между гласными. Например: ада, ага, аба с ударением сначала на первом слоге и затем на втором. Другим вариантом является позиция после звонких сонорных согласных: нда, нга, мба. Учащиеся с арабским языком смешивают русские согласные [п] – [б], то есть на месте глухого русского согласного произносится звонкий согласный б: [б]равильно, [б]ожалуйста. В данном случае необходима кропотливая работа по дифференциации указанных звуков в различных позициях. Несомненно, требуется работа над соблюдением правила оглушения звонких согласных в конечной позиции слова: год [гот], а также регрессивной ассимиляции: за[ф]тра, э[г]замен.

3. Исходя из основной особенности артикуляционной базы русского языка, когда действуют дорсальные и переднеязычные артикуляции, необходимо учитывать данный факт при постановке, тренировке и коррекции произношения. На месте русских переднеязычных согласных различные категории учащихся произносят вместо русских переднеязычных дорсальных согласных [т] – [д], [н], [с] – [з] апикально-альвелярные согласные родных языков, т.е. при контакте кончика языка с альвеолами или какуминальные и ретрофлексные при загнутой передней части языка. Русские какуминальные двухфокусные согласные [ш] - [ж] произносятся при продвинутом вперёд и опущенном кончике языка и воспринимаются носителями русского языка как более мягкие звуки.

Важно учитывать специфику произношения русских аффрикат: переднеязычной дорсальной твёрдой глухой аффрикаты [ц] и переднеязычной апикальной мягкой глухой аффрикаты [ч]. При ошибочном произношении данных аффрикат наблюдается отсутствие смычного элемента или их озвончение.

4. Большое количество произносительных ошибок обусловлено отклонением от правильного способа и места образования губных, переднеязычных,

заднеязычных и сонорных согласных русского языка. На месте губно-зубных [в] – [ф] произносятся губно-губные [б] – [п] или с ослабленной смычкой, а также имплозивные согласные и придыхательные согласные. На месте смычных согласных [с] – [з] произносятся плоскощелевые. На месте заднеязычных согласных [к] – [г], [х] произносятся продвинутые вперёд или отодвинутые назад, увулярные или глоточные согласные, а также щелевой согласный звонкий [х] (как в украинском языке) или имплозивные [к] – [г]. При произношении сонорного согласного [л] возникает ошибка, когда произносится альвеолярный [l] средневропейского типа, среднеязычный [л] или губно-губной сонант (как в польском языке). Вместо сонанта [р] может произноситься увулярный [r] как во французском языке или щелевой [r] как в английском языке, а также звук, похожий на русский согласный [л].

Не вызывает сомнений, что результатом обучения русской фонетике должно являться приобретение учащимся практических навыков и умений, которые обеспечат языковую и речевую компетенцию в качестве единой коммуникативной компетенции и в конечном итоге дадут возможность овладеть русским языком как средством для получения выбранной специальности.

Литература

- Есина, Калинина 2016 – Есина З.И., Калинина В.С. Вводный фонетико-грамматический курс русского языка для студентов-иностранцев. М, РУДН, 2016.
- Есина, Иванова, Соболева и др. 2017 – Есина З.И., Иванова А.С., Соболева Н.И. и др. . Лингводидактическая программа по русскому языку. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М., РУДН, 2017.

Esina, Z.I.

Peoples' Friendship University of Russia, Russia.

essina@mail.ru

WAYS AND METHODS AT THE BEGINNING OF STUDYING PHONETICS OF RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN

***Abstract.** The article is devoted to the most important steps in introduction of learning the Russian language forming of phonetics skills based on the limited lexical and grammatical material. This article contains ways of correction in pronunciation of Russian sounds of foreign learners.*

***Keywords:** phonetics, articulating base, interference, correction of mistakes of Russian sounds.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ НА ВЫСОКИХ УРОВНЯХ ВЛАДЕНИЯ РКИ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНДАРТИЗАЦИИ.

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы формирования коммуникативной компетенции инофона на уровнях В2-С2. Рассматриваются трудности формирования и контроля такого компонента коммуникативной компетенции, как социокультурная компетенция, в условиях отсутствия стандартизованных требований. Предлагаются некоторые направления стандартизации необходимых социокультурных знаний иностранных учащихся на основе анализа их коммуникативно значимых ошибок.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; социокультурная компетенция; уровни владения РКИ; коммуникативно значимые ошибки.

Обучение любому иностранному языку, в том числе и русскому как иностранному, подразумевает обучение вербальному общению, иными словами, формирование коммуникативной компетенции инофона. Как известно, коммуникативная компетенция представляет собой сложное понятие, включающее в себя ряд составляющих. Несмотря на то что существуют расхождения в трактовке структуры коммуникативной компетенции различными специалистами, именно это понятие положено в основу описания уровня владения языком как в российской системе ТРКИ, так и в системе общеевропейских компетенций (Common European Framework of Reference).

Хотя представление об уровневой системе владения русским языком как иностранным сложилась в российской методике около 20 лет назад, работа над созданием всех необходимых компонентов описания каждого уровня ведётся до сих пор. Между тем исследователи обращают внимание на то, что практика преподавания и проведения сертификационного тестирования свидетельствуют о необходимости некоторой коррекции также и уже разработанных компонентов. В первую очередь речь идёт о Государственных образовательных Стандартах по РКИ, фиксирующих нормативные требования к сформированности коммуникативной компетенции инофона на каждом из уровней. Как уже отмечалось (в том числе и автором), данными изданиями определяется лишь необходимый объём языковой и речевой (т.е. дискурсивной) составляющих коммуникативной компетенции, при этом понятие *социокультурной компетенции* в Стандартах отсутствует.

В настоящее время разрабатывается очередной компонент описания уровневой системы владения РКИ — лингво-дидактическое описание

Элементарного уровня, в которое, по утверждению авторов ЛДО, будут включены разделы, посвящённые социокультурной составляющей коммуникативной компетенции [Иванова и др. 2016: 507]. По-видимому, содержание данных разделов вызовет некоторые вопросы, связанные с отнесением части материала именно к Элементарному уровню владения РКИ. В частности, сомнительно, что успешному общению на элементарном уровне может оказать существенное содействие владение информацией о государственном устройстве России или о политических партиях [Иванова и др. 2016: 511], так как установленный для данного уровня лексический запас в 780 единиц не позволит инофону вести беседы на подобные темы. Тем не менее, появление ЛДО Элементарного уровня, безусловно, обеспечит специалистов как ориентирами в работе, так и направлениями для усовершенствования всей системы.

На последующих уровнях, в отличие от Элементарного, по-прежнему есть возможность лишь почерпнуть фрагментарные сведения о необходимом объёме социокультурных знаний из содержащегося в Стандартах описания требований к языковой и дискурсивным составляющим. Таким образом, в силу отсутствия стандартизованных требований к сформированности социокультурной компетенции, специалисты вынуждены устанавливать необходимый объём социокультурных и социолингвистических знаний, которые охватываются учебными пособиями и контрольными материалами, исключительно на основе своих субъективных ощущений, часто не совпадающих с субъективными ощущениями учащихся. Это приводит к затруднениям также и при выполнении инофоном некоторых заданий сертификационных тестов, поскольку «наблюдается непонимание социального статуса героев видеофрагмента, мотивов их поведения, неверно трактуются их эмоции и реплики» [Андрюшина 2014: 14].

Несомненно, рано или поздно нормативные документы, описывающие требования к социокультурным знаниям также и на высоких уровнях, будут созданы. Однако возникает вопрос, по каким принципам будут отобраны эти знания для каждого уровня. Нельзя не заметить, что многими преподавателями, в том числе авторами учебников и составителями контрольных материалов, социокультурная компетенция понимается скорее в энциклопедическом ключе, как сумма знаний о фактах истории и культуры. В этом случае формирование данной компетенции приобретает характер работы над развитием личности учащегося, вследствие чего в учебных пособиях обнаруживается много фактологической информации о России, её исторических деятелях, значимых представителях науки, литературы, изобразительного искусства. Безусловно, нет ничего плохого в стремлении повысить культурный уровень иностранных учащихся, однако хотелось бы подчеркнуть, что формирование коммуникативной компетенции предполагает в первую очередь обеспечение возможности инофона успешно реализовать свои потребности в вербальном общении на русском языке, которое требует адекватного для каждой ситуации выбора языковых средств и адекватного речевого поведения. В аспекте

данной задачи факты истории и культуры важны не как таковые, а с точки зрения своего влияния на успешную коммуникацию, для чего необходимо представлять их место в сознании носителей языка: степень важности, возможные положительные и отрицательные ассоциации. Кроме того, не менее значимым для адекватного общения является правильное представление об устройстве повседневной жизни. Эта область не всегда является предметом преимущественного внимания специалистов, между тем ошибки инофонов подтверждают, что лакуны именно в таких знаниях могут приводить к коммуникативной неудаче.

Рассмотрим, например, фрагменты письменных работ учащихся, которые демонстрируют смешение понятий «квартира (жилище в многоквартирном доме)» и «дом (здание)». Учащиеся должны были выполнить задание, соответствующее второму заданию субтеста по письму Первого сертификационного уровня, а именно составить личное письмо, адресованное своему знакомому, в котором требовалось рассказать о своей новой квартире.

Квартира находится около метра на втором этаже. (Корея, 1 уровень).

Мне нравится эта квартира, потому что это расположен на востоке Сеула. (...) В клубе дома я познакомился с многими соседями через моего друга. (Корея, 1 уровень).

Привет! В прошлом месяце я сняла квартиру. Она новостройка. Там три комнаты. В моей квартире балкон, банная комната и семейная комната. Мне нравится эта квартира. Потому что из балкона можно смотреть прекрасный московский вид. (Япония, 1 уровень).

Можно констатировать, что у авторов приведённых высказываний имеются пробелы в знаниях не только в области лексики, но и тех представлений о жилище горожанина, которыми обладает носитель русского языка. В этих пробелах мы можем усмотреть недостаточную сформированность социокультурной компетенции, которая ведёт к ошибочному выбору языкового средства и коммуникативному сбою. Можно приводить аналогичные примеры нехватки социокультурных знаний, касающихся организации учебного процесса, взаимоотношений между клиентами и сотрудниками банков, магазинов, поликлиник, между посетителями музеев и музейными работниками и т.д., следствием чего становится не вполне адекватное речевое поведение (разумеется, отражающее различные культурные особенности инофонов). Например, успешной коммуникации препятствует включение в SMS-сообщение, информирующее преподавателя о том, что студент не придёт на урок, такого выражения, которое допустимо лишь при общении в сфере производственных отношений:

Здравствуйте преподаватель, Меня зовут Янь Цзинчэнь, у меня температуры. Я беру выходной день, Я извиняюсь. (Китай, Элементарный уровень).

Мы остановились на примерах высказываний иностранцев, владеющих русским языком в объёме Первого и более низких уровней, чтобы подчеркнуть тот факт, что, подходя к освоению материала Второго сертификационного и последующих уровней, учащийся зачастую обладает коммуникативной компетенцией, отличающейся недостаточной сформированностью в части социокультурной и социолингвистической составляющих. Следовательно, для успешного достижения высоких уровней владения РКИ необходима коррекция этой области знаний учащихся, в противном случае в речи инофона сохраняются ошибки, свидетельствующие о пробелах в знаниях, которые следовало усвоить на более низких уровнях. В частности, такая проблема может касаться речевого этикета:

1) *Дорогие деканы вузов Москвы! В качестве сотрудницы Центра Международных обменов при Мэрии Москвы, я сообщила кое-какую информацию о зимних и летних каникулах для студентов.* (Франция, 2 уровень).

2) *директору «Сбербанк» от служащего банка Ивана*

Заявление

Мне хочется пролущить кратковременный отпуск, потому что я должен улететь в Корею из-за того, что моя мать сильно заболела. (Корея, 2 уровень).

К сожалению, Государственные образовательные стандарты Второго и Третьего уровней составлены таким образом, что описывают лишь материал, который не включался в требования к предыдущим уровням. Это касается содержания как языковой, так и речевой (дискурсивной) компетенции. Последняя представляет для нас особый интерес, так как в её описание включается перечень ситуаций и тем общения, актуальных для данного уровня, из которого можно извлечь некоторые (отнюдь не исчерпывающие) сведения об обязательных социокультурных и социолингвистических знаниях. Содержание обучения закономерно базируется на требованиях нормативных документов (Стандартов), значит, в ситуации, когда материал предшествующих уровней отсутствует в этих документах (хотя это необходимо в целях соблюдения принципа иерархичности уровневой системы), преподавателю сложнее осуществлять коррекцию знаний и умений учащихся, а также определять стратегию дальнейшего расширения их социокультурной компетенции.

Между тем зафиксированные ошибки учащихся (в т.ч. коммуникативно значимые) свидетельствуют о том, что причиной коммуникативной неудачи может стать также и нехватка социокультурных знаний, касающихся тех ситуаций общения, которые актуальны лишь для высоких уровней владения русским языком как иностранным. В первую очередь здесь следует отметить общение в официально-деловой сфере, которое никак не может быть успешным при недостаточной сформированности социокультурной компетенции. Это можно продемонстрировать, во-первых, на примере заявления, автор которого не обладает знаниями о том, как в русской культуре строятся деловые отношения между начальником и подчинённым:

Директору,

Я довожу до вас о предоставлении мне внеочередного кратковременного отпуска. У меня есть разные причины. Во-первых, вы это совершенно знаете, у нас было очень много работ последнюю неделю. Я даже не успел увидеть своего сына, и провести время со своей семьей. Мне нужно отдохнуть чтобы быть готовым к новым делам. Во-вторых, я считаю что после отпуска я буду лучше работать и помогать фирму. В настоящей время, сейчас, я не могу бороться и я вам в таком состоянии, не нужен. Наконец, благодаря меня, наша Банна фирма стала первой в нашей сфере. Теперь, мы стали знаменитами, и Люди считают что наша Банна хорошая. Итак, я надеюсь вы будете соглашать. Лорин Шопитон.(Франция, 2 уровень).

Во-вторых, в качестве примера можно привести фрагменты выполнения письменных тестовых заданий второго уровня, где требовалось составить текст официально-делового характера, а именно приглашение на научную конференцию от лица сотрудника оргкомитета:

*1) Приглашаем вас на конференцию под девизом «Рубеж веков». (...) Если вы хотите выступить и т.п. Приходите к нам и сообщайте содержание того которым вы хотите выступить. Если вы хотите принимать участие в работе конференции, **вы должны быть студентом и объяснить каким образом можно связать ваше участие с вашей учёбой.** (США, 2 уровень)*

*2) Учёным «Развитие фундаментальных и прикладных исследований»
От секретаря Оргкомитета*

*Мы приглашаем вас на традиционную межвузовскую конференцию, которая пройдет в апреле 2007 г. Доклады пройдёт во первых с **этой конференции ректора. Условия участия в работе конференции – рекомендация профессора факультета политологии.** (Япония, 2 уровень)*

Как можно заметить, в приведённых фрагментах отразились не соответствующие российским реалиям представления об организации научной конференции, вследствие чего такие высказывания не будут понятны русскоязычному партнёру по коммуникации. Здесь мы наблюдаем коммуникативно значимые ошибки, обусловленные недостаточной сформированностью социокультурной компетенции.

Говоря об ошибках носителей языков, родственных русскому, в частности, носителей болгарского языка, необходимо упомянуть такое явление, как лексические ошибки, обусловленные лексической интерференцией. Безусловно, это явление давно изучается, и проблемные зоны лексической интерференции хорошо известны лингвистам и методистам, что находит своё отражение в языковых курсах. Однако важно подчеркнуть, что для успешной коммуникации желательно не только усвоить фиксируемое словарями лексическое значение той или иной единицы, но и составить представление о возможном наборе ассоциаций, возникающих у носителя языка при встрече с этой единицей в

тексте или высказывании собеседника, а также социокультурных позиций упоминаемых понятий — данных, которые учитываются самими носителями при выборе слов в процессе общения.

Рассмотрим такую ошибку носителей болгарского языка, как смешение слов *служащий/ сотрудник* и *служитель* (под влиянием болгарского слова *служител*, которое имеет два варианта перевода — 1. служащий. 2. служитель [Тимонина 2009: 198]. Источником примеров послужили задания, выполнявшиеся в ходе сертификационного тестирования.

Директору фирмы «Глобал линк» Иванову от служительницы Вълковой К.Б. (Болгария, 2 уровень)

Вы должны выполнять свои обязанности/ как служитель этой фирмы// (Болгария, 3 уровень)

Данная ошибка является результатом лексической интерференции, однако представление о том, какое место занимают понятия *сотрудник* и *служитель* в сознании носителей языка, могло бы предотвратить появление такой ошибки. Проведённый нами опрос группы носителей русского языка, в ходе которого им было предложено назвать свои ассоциации, мотивированные некоторыми словами, в т.ч. словами *сотрудник* и *служитель*, показал следующее. «Сотрудник» интерпретируется как *член коллектива; коллега; человек подчинённый; работник, занимающий не самую высокую должность; работник; товарищ; помощник; человек, с которым приходится ежедневно общаться; и даже идиот, который мешает мне работать.* «Сотрудник» ассоциативно связан с такими понятиями, как *работа, организация, банк, офис, помощь, сплетни.* В то время как «служитель» - это, по мнению опрошенных, *полностью самоотверженный человек; идеалист; аскет, монах; служитель культа, служитель церкви; служитель закона; служитель на службе высших материй; служить для такого человека можно только во имя правого дела; служитель может быть фанатиком, т.к. полностью находится во власти идеи; служит ради чего-то высокого, ради идеи.* «Служитель» ассоциативно связан с такими понятиями, как *церковь, служба, закон, культ, недоверие, негатив, подхалим, театр, муза.*

Как мы видим, лицо, обозначаемое словом «сотрудник», воспринимается опрошенными в исключительно утилитарном ключе, в то время как «служитель» вызывает целый спектр ярких ассоциаций, от возвышенных до негативных. В приведённых примерах высказываний говорящий, безусловно, не имел намерения призывать собеседника ни к подвижничеству на благо фирмы, ни к религиозному поклонению работодателю, однако реципиент может воспринять именно такие коннотации, вследствие чего коммуникативное намерение говорящего будет неверно истолковано партнёром по коммуникации. Отметим, что ассоциации и интерпретации понятия «служитель», представленные участниками опроса в качестве главных, соотносятся с переносным значением данной лексемы (по Ожегову), стоящем в словарной статье лишь на третьем

месте, после значений «работник, слуга» и «низший служащий в некоторых учреждениях» [Ожегов 1990: 730] — значений, которые отнюдь не пришли опрашиваемым на ум в первую очередь. Отсюда можно заключить, что толковый словарь не даёт исчерпывающего представления о позиции понятия «служитель» в сознании носителя языка. По-видимому, этот вопрос выходит за рамки лексикологии и лексикографии, требуя культурологического комментария, следовательно адекватное использование данного слова в речи с учётом особенностей восприятия русскоязычного партнёра по коммуникации относится к области сформированности социокультурной компетенции.

Таким образом, при формировании социокультурной компетенции иностранного учащегося преподаватель сталкивается со следующими трудностями.

1. Отсутствие требований к сформированности данной компетенции (обозначенной как самостоятельное понятие) в нормативных документах (Стандартах) различных уровней владения РКИ.
2. Наличие лакун в самых элементарных знаниях социокультурного и социолингвистического характера, которые не устраняются в начале курса и сохраняются на протяжении всего периода изучения русского языка, т.е. при переходе на последующий уровень, включая также и высокие уровни.
3. Стихийное (в отсутствие стандартизованных требований) тяготение учебных пособий к изложению информации об истории, искусстве, фольклоре в ущерб знакомству с нормами современной повседневной жизни, а также доминирование страноведческих сведений фактологического характера над анализом мотиваций и принципов, определяющих поведение носителей языка в различных ситуациях.
4. Необходимость — и это особенно актуально при работе над достижением высоких уровней владения РКИ — снабдить учащихся культурологическим комментарием, касающимся позиции в ментальной картине носителя языка тех объектов и понятий, которые обозначаются изучаемыми лексическими единицами. При отсутствии стандартизованных требований охват комментируемых лексических единиц и характер такого комментария трактуется преподавателями крайне субъективно.

В свете вышеизложенного, перед специалистами стоит задача выработать принципы стандартизованного описания требований к сформированности социокультурной составляющей коммуникативной компетенции и скорректировать в этом направлении нормативные документы, описывающие уровень владения языком.

Нам представляется, что культурологическим комментарием можно было бы дополнить лексический минимум. Так, лексический минимум Первого

уровня включает раздел «Тематические группы слов», в частности группу «жилище» [Андрюшина и др. 2014: 158; 160]. Характеристика существующих реалий, которые обозначают лексические единицы данной группы, могла бы снизить риск появления коммуникативно значимых ошибок, допущенных инофонами при описании своей квартиры, примеры которых были приведены выше. К сожалению, в лексическом минимуме Второго уровня подобный раздел («Тематические группы слов») в настоящее время отсутствует. Вопрос о том, как следует представить в нормативных изданиях содержание социокультурной составляющей коммуникативной компетенции для каждого уровня владения РКИ, пока ещё ждёт своего окончательного решения.

Литература

- Андрюшина 2014 - Андрюшина Н.П., Битехтина Г.А, Клобукова Л.П., Норейко Л.Н., Одинцова И.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. — 7-е изд. — Спб.: Златоуст, 2014. — 200 с.
- Андрюшина 2015 - Андрюшина Н.П. Объекты контроля устной речи в тестах Третьего уровня общего владения общим владением русским языком как иностранным //Русский язык — язык науки, культуры, коммуникации. Материалы юбилейной международной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию со дня основания первого в России подготовительного факультета для иностранных учащихся 7 ноября 2014. ИРЯиК МГУ имени М.В.Ломоносова. В 2-х томах. — М.: Издательство «Перо», 2015. Т.2. С. 11-16.
- Государственный образовательный Стандарт по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение. Москва — Санкт-Петербург, «Златоуст», 1999. — 44 с.
- Жорова 2014 - Жорова А.П. Об одном типе коммуникативно значимых ошибок в свете проблемы требований к содержанию социокультурной компетенции. // Русское культурное пространство. Выпуск 3. Сборник материалов научно-практического семинара 17 апреля 2014 г., ИРЯиК МГУ имени М.В.Ломоносова. — М.: Издательство «Перо», 2014. — 206 с. С.148-151.
- Иванова и др. 2016 - Иванова А.С., Клобукова Л.П., Нахабина М.М. Социолингвистический, социокультурный и страноведческий компоненты коммуникативной компетенции инофона на элементарном уровне общего владения русским языком как иностранным. // Русское культурное пространство. Выпуск 5. Сборник материалов 17 Международной научно-практической конференции. 21 апреля 2016, ИРЯиК МГУ имени М.В.Ломоносова. /сост. и ред.: Е.Г.Кольовска, М.В.Кульгавчук, О.Ю.Рождественская, И.А.Хоткевич. — М.: Издательство «Перо», 2016. — 784 с. [Электронное издание]. С. 507-512.

- Ожегов 1990 - Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23 изд., испр. — М., Русский язык, 1990. — 917 с.
- Ожегов 2016 - Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание 27-е, исправленное. М.: Издательство АСТ, 2016. — 917 с.
- Тимонина 2009 - Тимонина Е.В., Мартынова Г.А. Болгарско-русский и русско-болгарский словарь. - М., Русский язык-Медиа; Дрофа, 2009. - 536 с.
- Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль. Санкт-Петербург, «Златоуст», 2011. — 64 с.
- Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. — 260 pp.

Zhorova, Anna

*Lomonosov Moscow State University,
Institute of Russian Language and Culture,
Moscow, Russia
zhorova@bk.ru*

SOCIOCULTURAL COMPETENCE AT THE HIGHER LEVELS OF LANGUAGE COMMAND (RFL): THE PROBLEM OF FORMATION AND STANDARDIZATION

***Abstract.** The article deals with the issues of formation of the communicative competence of inophone at B2-C2 levels. The difficulties of formation and testing such a component of communicative competence as sociocultural competence while there are no standardized knowledge requirements are considered. Some directions of standardization of necessary sociocultural knowledge of foreign learners on the basis of the analysis of their communicatively relevant errors are suggested.*

***Keywords:** communicative competence; sociocultural competence; levels of language command (RFL); communicatively relevant errors.*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ОБУЧАЮЩИХСЯ РКИ В ЕДИНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Аннотация.** В статье говорится о значении и функции интеллектуального потенциала в процессе обучения РКИ на каждом этапе. Уделяется особое внимание этому компоненту как строящему структуру, так и стимулирующему процесс обучения. Вырабатывается ряд компетенций посредством творческих открытых заданий, одновременно развивается креативность учащихся, нуждающихся в творческом подходе обучения в едином образовательном пространстве. Подчёркивается специфика и особенности спецкурсов (модулей) русского языка, гарантирующих самореализацию учащихся и готовность к автономному обучению, к чему приведёт в конечном счёте активизация восприятия информации, задействование эмоциональной сферы человека и введение интеллектуального компонента.*

***Ключевые слова:** интеллектуальный потенциал, компонент, креативность, творческий подход*

В ходе обучения РКИ на протяжении многих лет незаметно для учащихся, и для даже преподавателей происходит феномен т.н. интеллектуализации учебного процесса. Языковые единицы этого процесса трудно определить и выделить, так как они являются только интеллектуальным вкладом учащегося, своеобразной нагрузкой и неизмеримым интеллектуальным потенциалом.

Это проявляется на каждом этапе обучения, но особенно ярко на высшем уровне изучения языка и при обучении языку специальности. Необходимым часто бывает спонтанное использование интеллектуальных ресурсов, и это незаметно становится закономерностью в ходе обучения РКИ. Этот своеобразный банк знаний, интеллекта учащихся может быть и должен быть стимулирован преподавателем, который организует структуру занятий и варьирует разнообразие заданий и упражнений. Предлагаемые типы заданий представлены по принципу степени их трудности от рецептивных до имитативных, от репродуктивных до продуктивных, придавая большое значение открытым заданиям, и не обязательно на конечном этапе обучения РКИ.

Эти творческие задания бывают наиболее трудными, так как непредсказуемость в организации ответа и выполнении задания и их неизмеримость в оценке являются часто дидактическим коллапсом.

Стоит однако подчеркнуть целесообразность их применения в целях использования интеллектуального потенциала студентов, развития свободы

высказываний, дигитализации мышления, и в конечном счёте развития их креативности и преодоления языкового барьера. Это означает, на самом деле, полное развитие умений и языковой компетенции, ведущей к международной профессиональной квалификации в едином образовательном пространстве на академическом уровне.

Задача преподавателя состоит в умении предусмотреть как лучше использовать интеллектуальный потенциал контингента учащихся на данном этапе обучения, и как его активно внедрить в процесс обучения. Полезным будет отработать ряд творческих заданий, так называемых открытых вопросов, которые по мере возможности и в ходе плана занятий придётся разрабатывать учащимся. Конечно, на высшем уровне обучения эти вопросы должны быть обязательными в плане как внеурочных домашних заданий, так и на урочных устных и письменных заданиях типа эссе, очерков, интервью, обсуждения, резюме и т.п.

И здесь нужно упомянуть, а также выяснить, что с самого начала обучения иностранным языкам нужно, и даже обязательно вводить и внедрять творческие упражнения или задания с целью создания навыков и для приучения учащегося самостоятельному мышлению, развитию умений и использованию своих знаний.

Это в конечном счёте приведёт к самостоятельному обучению, чему способствует постоянная выработка т.н. механизмов или навыков речи и учения.

Нельзя забывать, что креативность постепенно развивается по мере развития и расширения разнообразия заданий, постановки новых вопросов и возможности представления или решения их разных вариантов. Само применение рецептивных упражнений и воспроизводительных заданий не приведёт, однако, к совершенному обучению иностранному языку. Ряд повторяющихся заданий становится только схемой, трафаретом для учащихся. Им надо преодолеть барьер мышления на родном языке, чтобы овладеть в совершенстве иностранным языком. И поэтому им придётся заняться творческими вопросами на данном языке, выработать самостоятельный ход мышления и говорения, не пользоваться только репликами, или стандартами-клише.

В психолингвистике указывается на креативность как на фактор, совершенствующий не только владение иностранным языком, а также формирующий личность самих учащихся. Таким образом возникает обратная связь: сам студент становится в этом процессе преподаванием и объектом обучения, и субъектом обучения. И именно такие задания должны найти своё место в учебниках для обучающихся русскому языку. Практика показывает необходимость применения творческих заданий на протяжении всего процесса обучения, чтобы достигнуть цели профессионального образования в едином образовательном пространстве.

Принципиальной особенностью современного подхода к профессиональному образованию является его непрерывность, необходимость постоянного повышения квалификации, обучения в течение всей жизни LLL – life long learning. На это обращается особое внимание в обучении иностранным языкам, выделяя так называемый модуль спецязыка или спецкурса, который в совершенстве вписывается в международные программные положения в качестве академического компонента. Представление нового содержания в модульных единицах т.н. спецязыка, согласованного с программой обучения, представляет собой *novum*, и обуславливает качество преподавания в международном контексте. Придаётся новое значение и целостной трактовки языковой компетенции. Итак, коммуникативная компетенция нацелена на общение и языковое действие. Является основой в интегрировании языковых умений во всем учебном процессе. Благодаря ей студенты могут обучаться в зарубежных вузах и переквалифицироваться, со временем становятся востребованными на рынке труда. Методологическая компетенция нацелена на целесообразность действия, на развитие стратегии учения и мобильности. Социальная компетенция, т.н. интерперсональная, нацелена на умение формулировать высказывания на данном языке устно и письменно, аргументировать, сотрудничать и интегрироваться, и соблюдать этикет поведения. Профессиональная компетенция нацелена на оценивание и трансфер информации – это стремление к постоянному обучению, применение новых техник и методов обучения, креативность и практическое использование знания языков. Интеркультурная компетенция нацелена на сознательность качества работы, значимость собственной позиции, способность решать и адаптироваться к каждой языковой обстановке. Неоспоримой в сфере профессиональной компетенции окажется пригодность владения спецязыком также в иноязычной среде.

Согласно вышеупомянутым предпосылкам особое значение приобретает феномен т.н. конвергенции обучения, т.е. сходимости содержания программ обучения на факультетах с учебной программой на языковых спецкурсах по данной специальности для нефилологов. Привлекательность соответствующих спецкурсов содействует эффективному обучению и способствует успеваемости как студента, так и преподавателя. Здесь чётко проявляется использование интеллектуального потенциала учащихся. Участник спецкурса *à priori* ориентируется на использование своих знаний по специальности, часто хорошо знает лексику и спецтерминологию, которая нередко имеет международный характер. Благодаря участию в спецкурсах можно свободно ориентироваться в программной тематике, выступать с презентацией или докладом на факультете, можно переводить спецтексты, а также публиковать свои статьи на иностранном языке. Студенты могут участвовать в иноязычных конференциях и в спецкурсах в стране и за границей и, как известно, могут также учиться в рамках программы Socrates – Erasmus (с 1997 г.). В результате конвергенции углубляются спецзнания на данном языке и они широко используются в любой

жизненной обстановке. В этом случае в рамках основных языковых умений следует развивать и т.н. академические умения (включать академический компонент), а именно: умение парафразировать научный текст, выступать с презентацией, писать доклад, статью, участвовать в научной дискуссии и т.п..

В интеграционном процессе обучения иностранным языкам важным компонентом становится углубление знаний, внедрение спецумений и их трансформация. Их можно использовать на курсах и семинарах за границей или неформально, вне профессии, в качестве беседы с учёными, писателями, политиками и т.п., а также организовывать мероприятия, брать интервью, заниматься переводом. Спецкурсы иностранных языков нуждаются в специфике языкового обучения, требуют новаторских компонентов в учебном процессе и применения новейших информационных технологий. Мультимедийное обучение необходимо на этих курсах, так как оно, учитывая развитие особенно спецумений, охватывающих как декларативные знания, так и прагматику, нацелено на развитие личности учащегося и на восприятие им новшества, высказывание собственных взглядов, на осваивание новых техник в обучении, а также отзывчивости к чужой культуре, умение осваивать неизвестное. Основной целью будет совершенствование рецептивных умений на университетском уровне, стратегии медиации (в устном или письменном переводе, интервью, парафразы и резюме), и в интерактивном обучении, овладение основными профессиональными умениями, напр. умение вести беседу, собеседование, техники вопросов и реплики, выступление с презентацией материала, проекция и модерация. Все эти языковые действия, т.н. стратегия, нацелена на развитие профессиональной компетенции на основе коммуникативной, готовит к обучению с использованием интеллектуального потенциала. На высшем этапе обучения срабатывает автоматизм языкового самоконтроля и т.н. «языковой бдительности», т.е. корректности на основании материалов-источников или консультации с преподавателем. Расширение знаний на данную тему, ссылка на источники, умение целенаправленного использования информации из разных текстов проходят по языковому ключу – приобретение информации, анализ, отбор, трансформация, комментариев, передача, синтез и резюме.

В процессе интерактивного обучения и развития знаний приобретается квалификация, необходимая для самореализации и сосуществования на международном рынке труда в едином европейском образовательном пространстве. Интеграционное обучение РКИ по специальности совершенствует языковые умения и углубляет знания в аспекте профессиональной компетенции. В итоге вырабатывает международную компетенцию, которая является неотъемлемой составляющей в контексте международного образования.

Однако анализ учебных пособий по иностранным языкам приводит нас к следующим выводам. Крайне редко встречаются упражнения, стимулирующие учащихся на использование их интеллектуального потенциала. Да и сами преподаватели предпочитают давать задания, выполнение которых вполне

предсказуемое вплоть до предполагаемых ответов. Опасения преподавателей можно понять: намного легче управлять дидактическим процессом, если он запланирован до мельчайших деталей и не предполагает неожиданных вариантов, находок, высказываний. Творческое выполнение задания студентами требует творческого подхода и от преподавателя: комментария, модификации хода урока, быстрой оценки ситуации, иногда внештатной, а заодно адекватной реакции на происходящее в аудитории. Проблемой может оказаться также попытка оценить работу студентов – при интеллектуальных заданиях нелегко выработать критерии оценки. Одно и то же задание, выполняемое разными учащимися, может иметь совершенно разную по качеству, содержанию, форме реализацию. Даже если учащиеся обладают примерно одинаковым лексико-грамматическим запасом. Такие задания как инсценировка, ролевая игра, дискуссия, презентация, интерпретация, письменные задания не экзаменационного характера, не подвергаются единому стандарту.

Задачей преподавателя является обучить учащегося определённому количеству языковых единиц и правилам их употребления. Кажется, не менее важным следует считать выработку самостоятельности учащегося, его способность самостоятельно строить высказывание, разрешая проявлять различные особенности интеллектуальной сферы от чувства юмора через критическое мышление до попыток убеждения оппонента в правоте своей точки зрения. Всё это требует от студента экстралингвистических умений, но часто мы не даём студенту возможности проявить эти умения во время урока, поскольку строим его по знакомой, повторяющейся схеме.

Интеллектуальный компонент в обучении языку имеет ещё и то преимущество, что при выполнении заданий не существует неправильных ответов. Именно это позволяет учащимся раскрепоститься, избавляет от нежелания совершить ошибку, позволяет в наибольшей степени использовать весь потенциал учащегося.

Наш многолетний дидактический опыт показывает, что успеху в обучении иностранному языку способствуют следующие принципы, присутствующие на каждом уроке: активизация всех каналов восприятия информации, задействование эмоциональной сферы человека и введение интеллектуального компонента. Неоспоримым является значимость и роль интеллектуального потенциала учащихся в процессе обучения РКИ на каждом этапе. Придаётся особое значение этому компоненту, не только как независимый вклад в процесс обучения, но и как строящий структуру урока и обогащающий ход обучения РКИ.

На современном этапе обучения в рамках Болонского процесса целесообразным является ещё раз подчеркнуть креативность в использовании интеллектуального потенциала учащихся РКИ и творческих заданий в процессе обучения, а также достижение всех целей и методов в аспекте международного образования в едином европейском пространстве.

Литература

- Bologna Declaration (1999): Bologna.
- Coste, D., North, B., Helis, J., Trim, J. (2001): Common European Framework of Reference for Languages. Council of Europe.
- Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie (2004): CODN. Warszawa.
- Kraśniewski A. (2006): Proces Boloński: dokąd zmierza europejskie szkolnictwo wyższe? MNSW. Pobrano z: <[http://WWW.erasmus.org.pl/s/p/artykuły/89/89/skoln_eur.2006.pdf](http://WWW.erasmus.org.pl/s/p/artykuły/89/89/szkoln_eur.2006.pdf)>
- Goethe - Institut Inter Nationese. V., (2003): Podstawy Programowe dla Lektoratów Języków Obcych na Wyższych Uczelniach w Polsce. Warszawa.
- Общая Европейская языковая рамочная программа: изучение, обучение, оценка (2002). Совет Европы.

Zarebska-Trzesowska E.
University of Warsaw, Poland

REALISING THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF STUDENTS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A UNIFORM EDUCATIONAL ENVIRONMENT

***Abstract.** Our analysis of the teaching process as well as a number of available course books brought us to a conclusion that their authors are reluctant to include exercises aimed at realising students' intellectual potential. It is often easy to predict the development of a given communicative activity. Our experience as teachers shows that it is quite unpopular among teachers to engage students in activities which would encourage them to make use of their creativity and extra-linguistic knowledge. The eclectic approach to language teaching enables us to include in the teaching process diverse exercises stimulating students' intellectual potential. Students cannot predict how such exercises will develop, which adds variety to the teaching process and prepares students for autonomous thinking. We argue that such activities bring satisfactory results, because they have been met with great interest and enjoyed popularity among many monolingual and multilingual student groups.*

***Keywords:** intellectual potential, component, creative, autonomous thinking, creativity teaching*

МАТЕРИАЛЫ YOUTUBE В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ ПОЛЬСКИМ СТУДЕНТАМ

***Аннотация.** Опыт применения видео-звуковых роликов в обучении РКИ нашел свое отражение в ряде публикаций польских и российских ученых. Повышенная коммуникативно-речевая активность польских преподавателей и студентов в этом сегменте Рунета, определяет преимущества материалов YouTube и делает их эффективными в обучении РКИ. Нами предлагается обзор таких материалов, их классификация, а также методические способы их обработки в структуре занятий для польских студентов, изучающих русский язык на отделениях русской филологии, русистике и востоковедения.*

***Ключевые слова:** новые информационные технологии, видеохостинг YouTube как методический объект, коммуникативный подход в обучении иностранным языкам, индивидуализация и оптимизация обучения.*

Современные стандарты обучения иностранному языку в Польше определяют в практическую направленность обучения иностранному языку в качестве основной цели. Эта цель включает одновременное развитие ряда компетенций: коммуникативной, информационной, когнитивной, профессиональной, социокультурной и общекультурной.

Как известно, формирование и овладение коммуникативной компетенцией на изучаемом русском языке вне языковой среды является процессом достаточно трудным, поэтому сегодня главной задачей преподавателя является создание определенных языковых учебных ситуаций, которые обеспечат реализацию установленных стандартами требований.

Внимание методистов и практиков направляется на успешное осуществление продуктивного обучения и поиск возможностей оптимизации и интенсификации процесса обучения РКИ. Можно сказать, что сегодня интенсивные методы обучения переживают период расцвета. Популярность интенсивных методов обучения иностранным языкам определяют прежде всего их эффективность и принципы, на которых они основываются. Напомним, что к этим принципам принадлежат «принцип коммуникативности, в качестве цели занятий подразумевающий формирование практических навыков и умений в ситуациях, максимально приближенных к условиям реального общения; принцип устной основы обучения, рассматривающий в качестве основы обучения речь и предполагающий первоначальное восприятие и отработку материала на слух; принцип функциональности, означающий практический

подход к изучению грамматики, при этом средства выражения обуславливаются содержанием речи, а последовательность изучения этих средств определяется темами и ситуациями; принцип ситуативности, предполагающий использование профессионально направленных учебно-речевых ситуаций в качестве основной единицы обучения; принцип зрительно-слухового синтеза, предусматривающий широкое использование средств зрительной и слуховой наглядности как на этапе семантизации материала, так и на этапах его закрепления и использования в речи» [Самосенкова и др. 2014: 4].

Как утверждают Т.В. Самосенкова, Е.Б. Назаренко, К.С. Воробьева «ситуативность, функциональная направленность, опора на разнообразные источники восприятия, привлечение средств ТСО способствуют достаточно быстрому овладению устной речью».

В условиях происходящих изменений в образовательной среде, отражающих актуальные тенденции глобального развития общества, процесс обучения иностранным языкам модифицируется. В практике обучения РКИ мы можем наблюдать передвижение на передний план коммуникативных компетенций, которые позволяют учащимся использовать изучаемый язык в определенных языковых ситуациях и постепенное воплощение идеи иноязычного образования, в которой язык приобретает статус средства личностного и профессионального развития.

Возрастающие требования в отношении к интенсивности и продуктивности процесса обучения определяют характер современной лингводидактики. Все большую популярность в практике преподавания иностранных языков получают материалы интернет-пространства. Ресурсы российской части Интернета (Рунета) позволяют преподавателям рассматривать его пространство, с одной стороны, как особый вид культурной и языковой среды, демонстрирующей современный русский язык, фиксирующей новые языковые, культурные, социальные реалии, закрепляющей разговорную речь и др., с другой стороны, как место, в котором русский язык функционирует во всех проявлениях, стилях речи и жанрах. Это делает контент Рунета в настоящее время незаменимым источником натурального языкового материала.

Свободный доступ к текстам и видеоматериалам имеет особенно актуальное значение при изучении русского языка как иностранного. Эпоха мультимедиа, неограниченного доступа к иноязычной прессе, музыке, телевидению, книгам, фильмам, соцсетям, которые приобрели позицию постоянных элементов массовой культуры, а также присутствие этих инструментов коммуникации в повседневной жизни современной молодежи приводят к частичной медиализации лингводидактики, что в процессе обучения языку проявляется в усилении применения аудиолингвальных и аудиовизуальных технологий и методов обучения.

Преподаватели русского языка проявляют постоянный и активный интерес к видеохостингу YouTube. Современный и модный способ подачи визуально-

звукового материала нашел сегодня свое отражение в ряде публикаций польских (G. Grabińska 2009, D. Tomczuk 2012, M. Ostrowska, D. Steba 2015) и российских преподавателей и методистов, (например, Н.С. Савицкая, Р.М. Даниленко 2011, М.А. Морозова, С.А. Климова 2015, Н.В. Коломийцева, Ю.С. Сизова 2016 и др).

Материалы русскоязычного сегмента видеохостинга YouTube в обучении иностранным языкам получили среди преподавателей неформальную классификацию, в которой мы можем условно выделить четыре категории языковых материалов: первая - это так называемые «говорящие головы», т. е. видеоролики, в которых ведущие обсуждают использование в коммуникации на иностранном языке определенной лексики, словосочетаний, фраз и грамматических явлений. Вторая категория материалов YouTube — это мультимедийные презентации. К третьей категории относятся мини-фильмы с ролевыми играми, основанными на диалогах и текстах на иностранном языке. К четвертой можно отнести аутентичные материалы, созданные для носителей иностранного языка (например, художественные фильмы, телепередачи, видеоклипы, влоги и др.), которые можно использовать в ходе урока.

О применении на практических занятиях по русскому языку материалов YouTube решают следующие их преимущества: 1) «возможность познакомиться с особенностями языка «в живом контексте»; а не с языком учебника, 2) развитие памяти и внимания, так как именно с помощью органов зрения и слуха человек формирует представление об окружающей действительности; 3) интенсификация учебного процесса, в связи с тем, что информация в наглядной форме запоминается студентами быстрее и лучше; 4) повышение активности и мотивации к изучению языка» [Коломийцева, Сизова 2016: 88]; 5) высокая языковая и культурная ценность (использование разных по жанру материалов, таких как телевизионные программы, краткие репортажи, художественные фильмы, мультипликационные фильмы, рекламные материалы, образовательные курсы, песни, караоке и др.); 6) продолжительность материала в среднем 3-8 минут, что дает возможность многократной демонстрации материала на занятии; приостановки на нужном кадре, повтора и других действий; 7) возможность найти материал, подходящий для рассмотрения любого языкового вопроса; 8) сочетание в материале разных видов коммуникативной деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо); 9) возможность подготовки упражнений любого типа на основе видеоматериала и др.

Польские преподаватели-русисты все чаще используют материалы YouTube в качестве наглядных материалов для объяснения или повторения трудных языковых явлений. Большой популярностью пользуются мини-уроки, во время которых носителями языка объясняются фонетический, грамматический, лексический, орфографический аспекты языкового материала, а также уроки, в ходе которых демонстрируются отдельные фразы, модная лексика, молодежный сленг.

Видеоматериалы могут применяться в дидактическом процессе не только для презентации и преподнесения языковой информации, но также как материалы, способствующие повторению содержания занятий и закреплению знаний, а также контроля за полученной информацией и контроля успешности обучения. Кроме того, видеоматериалы способствуют выработке критического мышления и участвуют в формировании креативного подхода к обучению.

При работе с наглядными материалами YouTube обычно выделяются три главных этапа, которые применяются нами в практике преподавания РКИ: первый, **допросмотровый этап**, т.е. вступительная беседа, целью которой является введение в тематику устранение возможных трудностей в восприятии материала при его просмотре, мотивирование студентов, вовлечение их в активное участие в занятиях. В условиях преподавания русского языка полякам очень важно, чтобы на данном этапе полностью не раскрывать все содержание фильма, так как психолингвистические возможности поляков позволяют им в процессе обучения русскому языку задействовать положительную межъязыковую транспозицию.

Целью **второго просмотрового** этапа является формирование и развитие коммуникативной компетенции, навыков устной речи, проверка понимания содержания текста и развитие социально-культурной компетентности студентов.

После-просмотровый, третий этап работы с видеоматериалами — это практическая работа, целью которой является развитие и совершенствование навыков коммуникативной компетенции с использованием полученной информации из фильма. Это выделение основной информации, комментарии и последующее повторение и закрепление нового лексико-грамматического материала, проведение различных видов коммуникативных заданий, таких как обсуждение, дискуссия, отзыв, рецензия, эссе по проблематике фильма, задания с элементами симуляции языковых ситуаций. Как правило, данный этап проходит в аудитории в присутствии всех студентов и преподавателя, что способствует таким формам работы, которые позволяют более детально раскрыть содержание и понимание видеоролика, подготовить устное высказывание или написать письменную работы.

Нами предлагается дополнение к выше представленным этапам, связанных с демонстрацией и языковой работой с видеоматериалами - **четвертым этапом**, который можно назвать **заключительным, итоговым или контрольным**. Данный этап включает обязательный момент языковой рефлексии, связанный с осмыслением материала, подведением итогов занятия, использованием речемыслительных схем, которые позволяют студенту соединить и обобщить впечатления, знания и умения, которые он приобрел в ходе занятия.

Как утверждают Е.А. Шнюкова и О.Н. Анциферова, «развитие такого уровня языкового сознания требует определенных усилий со стороны

студента» [Шнюкова, Анциферова 2015: 57-58]. В методике преподавания РКИ применяется анализ речевого поведения на иностранном языке, что безусловно помогает иностранным студентам развивать умения и адекватно управлять своим речевым поведением на изучаемом языке. Наш опыт показывает, что такой этап работы требует, во-первых, постоянной фиксации на теме, индивидуальной работы студента, который должен остаться с материалом «тет-а-тет», просматривать его необходимое количество раз и самостоятельно анализировать услышанное и увиденное, повторять, подражать носителю языка. Во-вторых, от преподавателя требуется постановки творческих продуктивных языковых заданий, которые позволяют индивидуально совершенствовать приобретенные навыки и умения устной и письменной речи. Такой подход дает возможность воссоздать условия натурального общения и внедрять в процесс обучения языку эффективный личностно-ориентированный подход. На данном этапе преподаватель может предложить такие виды языковой деятельности, как написание вымышленной истории с персонажами, написание сценария, создание субтитров к фильму, запись собственного фильма по ранее подготовленному сценарию и др.

В качестве наглядной иллюстрации применения видеоматериалов ресурса YouTube в рамках практических занятий по русскому языку мы хотим представить наш опыт работы, образцы практических упражнений, разработанных к отдельным языковым темам, а также представить результаты творческих индивидуальных видеопроектов, осуществляемых студентами Гданьского университета, изучающими русский язык по направлениям русской филологии, руссиеведения и востоковедения.

Вниманию читателей предлагаем методическую реализацию темы «Приходите в гости к нам!», которая является частью тематического блока «Дом и квартира», предвиденного программой обучения для студентов первого курса. Блок тем включает шесть методических единиц: *Квартирный вопрос; Моя комната, Где удобнее жить в доме или в квартире? Аренда квартиры: сдам жилье, сниму квартиру, Начинаем ремонт комнаты/квартиры, Приходите в гости к нам!*, для реализации которых отведено 8 академических часов.

Цели занятий в рамках реализованных тем концентрировались вокруг формирования и обогащения лексического запаса студентов, совершенствования владения устной и письменной речью на основе продуктивных упражнений по аудированию, чтению и говорению. Для реализации тем были определены следующие задачи: *обучающая* – формирование лексических навыков говорения, практика учащихся в аудировании и чтении, тренировка навыков монологической и диалогической речи; *развивающая* – развитие коммуникативных навыков на русском языке, развитие содержательности, выразительности речи, развитие умения сравнивать и обобщать; а также развитие настойчивости и умения преодолевать трудности для достижения намеченной цели и др.; *воспитательная*: развитие у студентов интереса к

стране изучаемого языка; повышение мотивации к изучению иностранного языка, формирование познавательной активности.

Лексико-грамматический материал данного тематического блока включал лексику и конструкции, связанные с домом и квартирой, интерьером, оборудованием, мебелью, отсутствием жилья, объявлениями об аренде и продаже жилых помещений, значением и спряжением глаголов *жить, проживать, поселиться, вселиться, обитать, переезжать, оформить, реализовать, снять, снимать, сдать в аренду*, применением глаголов *стоит, лежит, висит*, обстоятельных наречий места: *рядом, вблизи, здесь, там, направо, налево, сбоку, около* и др.

В результате работы студенты должны овладеть продуктивными коммуникативными умениями в области описания квартиры (жилплощади, помещений, обстановки мебели, интерьера, дизайна и др), понимать и составлять объявления об аренде квартиры, уметь рассуждать на общественно важные темы, связанные с отсутствием жилья и др.

В рамках занятий данного тематического блока, студенты получили и усвоили необходимый лексический минимум по данной тематике (созданный на основе *Тематического словаря русского языка* Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкина, «Русский язык», 2000 г.), который пополнялся во время упражнений текстами, отобранными из сети Интернет, связанными с покупкой жилья, оборудованием, арендой квартиры, советами по оформлению интерьера, дизайна, декорирования квартиры, ремонта¹. Студенты также читали и самостоятельно составляли диалоги, на основе учебников и материалов, подготовленных преподавателем заданий, делали трансформационные и автоматизирующие упражнения.

Итак, для реализации темы «Приходите в гости к нам!» преподавателем были отобраны из видеохостинга YouTube три фильма: 1) «Самая Дорогая квартира в Москве»² (1:47 мин.), который является репортажем о престижных новостройках в Москве, 2) «Дизайн интерьера в современном стиле» (5:21 мин.), который представляет собой встречу с дизайнером, рассказывающим о современных и модных проектах оформления квартиры в Екатеринбурге³ и 3) «Квартира Мечты» (5:01 мин.) – видеообъявление, рекламный фильм о возможности приобретения жилья в Тюмени⁴.

¹ Например, текст «Где выгоднее жить?» <http://altapress.ru/realty/story/gde-vigodnee-zhit-gazbiraemysya-v-plyusah-i-minusah-kvartir-i-chastnih-domov-102798>, материалы сайтов «Аренда квартир в Москве» <http://ir.ru/real-estate/rent/>, «Мебель и товары для дома» <https://hoff.ru>, <http://www.grandfs.ru>) и др.

² Репортаж Максима Костенко и Вадима Струкова на видеоканале «Самые дорогие вещи»: www.youtube.com/watch?v=te-5j-KokJw (доступ: 2017.04.15)

³ Дизайн интерьера в современном стиле. Видеоканал «Дизайн интерьера»: www.youtube.com/watch?v=iFcJV3F_TmA (доступ: 2017.04.15)

⁴ Видео объявление «Квартира Мечты», размещенное на видеоканале ProFilms: www.youtube.com/watch?v=ioeK8JXPx0s (доступ: 2017.04.15)

На первом **допросмотровом** этапе преподаватель приблизил студентам тематику видеороликов, направил их внимание на подготовительную работу с фильмом, проводил работу, связанную с объяснением слов, которые могут препятствовать пониманию, поставил задачи, связанные с выписыванием непонятной лексики и конструкций. Предупредил, что видеоролики будут демонстрироваться два раза, тем самым обеспечивая студентов временем, необходимым для выполнения задания. Уже на первом этапе работы с языковым материалом студенты получили информацию, что на завершающем этапе будут участвовать в творческих видеопроектах на русском языке и, что к предъявляемому языковому материалу следует относиться как образцовому. Это позволило студентам самодисциплинировать себя и повысить мотивацию.

На **просмотровом** этапе, демонстрируемые видеоматериалы воспринимались студентами на слух с опорой на различные средства наглядности (изображения и текст), в то же время проводилась также проверка понимания увиденного и услышанного. Материалы, которые отбираются нами для работы на занятиях должны быть аутентичными, созданными носителями языка для носителей языка, потому что главной задачей этого этапа является развитие коммуникативных и языковых умений по образцу носителей языка. Это помогает студентам усваивать новые структуры, модели предложений и способы поведения в данной языковой ситуации. На следующем, **послепросмотровом** этапе, преподаватель просил студентов представить новую лексику, которую студенты выписали на слух (*таунхаус, подземный и наземный этаж, стоянка, зона, предел, спрос, прилично жить, жилой комплекс, шаговая доступность, фотопечать, радиусная стена с полками, варочная панель, электросовок, натяжной пол, стационарная панель управления, светильники, столешница* и др.). Лексика объяснялась преподавателем и студенты записывали ее в тетрадях. В дальнейшем студенты отвечали на ранее приготовленные преподавателем вопросы к фильмам (например, *Какой вид из окна в квартире в Екатеринбурге?, Как назывался шкаф, находящийся в спальне?*), утверждения и отрицания (например, *В квартире было пять помещений? А сколько? На кухне стояла газовая плита? Ведущая рассказывала об оформлении прихожей?*), задания по восстановлению реплик (например, *Кухня у нас..., Посередине комнаты стоит..., Подвесные шкафчики ... цвета*), озвучивали отдельные кадры и др. Эти упражнения позволили определить степень понимания языкового материала, совершенствовать коммуникативные умения и корректировать возникающие в речевых высказываниях ошибки.

Следующим шагом была подготовка к **четвертому**, завершающему, этапу в работе с видеороликом, который приобрел статус контрольного. В качестве домашней работы студенты получили задание записать двухминутный видеоролик по теме «Приходите в гости к нам!», сюжет которого заключался в описании одного из помещений в квартире, с обязательным использованием лексики урока, описанием помещения, интерьера, мебели и прочих элементов. По инструкции следовало записать видеоролик в технике «лип даб», т.е. провести съёмку одним кадром.

Для успешного выполнения студентами проекта во время занятия был проведен многосторонний анализ предъявляемых видеороликов, в котором исследовалась и описывалась языковая часть материала: отдельные лексико-грамматические элементы, целые предложения, способ произношения слов и интонация предложений. В дальнейшем анализировалась структура материала: план повествования, последовательность сцен, запечатленные места и предметы. Для работы в рамках индивидуальных видеопроектов студенты нуждались в большом количестве качественных имен прилагательных, с помощью которых они описывали признаки предметов и мест, таких как: *комфортабельный, приятный, удобный, уютный, привлекательный, светлый, яркий, миловидный, плюшевый, элитный, престижный, эксклюзивный, сияющий, архаический, истасканный, полупрозрачный, матовый, непроницаемый, испорченный, сломанный* и др. На данном этапе занятия проявился индивидуальный подход студентов к видеоматериалу, который стал для них важным интересным носителем языковой информации. Практически каждый из участников был погружен в будущую творческую работу, в головах студентов намечался план работы, все задавали вопросы относительно своего жилого пространства, спрашивали о лексике, которая им необходима для описания явлений и предметов (например, *квартира под ключ, односемейный дом, общежитие, однушка, квартира студия, гидромассажный бокс, двухъярусная кровать, мебельная фурнитура, горка, диван трансформер* и др.). В дальнейшем студенты получили доступ к материалам занятий в форме ссылок на видеоролики, для того, чтобы дома в спокойной обстановке более детально их изучить и извлечь те языковые конструкции, которые пригодятся им для собственного проекта. Это время рефлексии содержания учебного материала, которое дает студенту «возможность осмысления способов и приемов работы с учебным материалом. Для развития рефлексии и языковой деятельности на изучаемом языке студент должен размышлять, осмысливать то, что он сам понял, усвоил и передать это в сжатой форме, выделяя основное, главное» [Никонова 2017: интернет-ресурс].

В результате работы по вышепредставленной схеме мы получили контрольный материал, по своей структуре похожий на видеоматериалы канала YouTube. Студенческие проекты демонстрировались и обсуждались нами на занятиях. В ходе контроля было замечено, что сюжеты видеороликов были продуманными, студенты ответственно готовились к выступлению, продумали фразы, репетировали их, тщательно подобрали лексику и старались, чтобы их речь на изучаемом русском языке была максимально естественной, что дало им возможность создавать развернутые высказывания. Во время просмотра видеороликов обсуждались отдельные кадры, студенты получали от преподавателя замечания по исправлению ошибок и отвечали на задаваемые сокурсниками вопросы. Среди ошибок наиболее заметными были интерференционные ошибки на уровне лексики и фонетики русского языка.

Применяемая нами система работы в рамках видеопроектов, основанных на материалах YouTube, подтвердила их высокую эффективность, показала

наличие у студентов живого интереса к таким формам работы. Практикуемый нами индивидуальный подход и коммуникативно-деятельностный характер обучения, связанный с психологической направленностью занятия и использованием языковых заданий на развитие речемыслительной деятельности учащихся средствами изучаемого языка, оптимизирует весь процесс обучения.

Наш опыт применения материалов YouTube в обучении русскому языку как иностранному показывает, что использование видеоматериалов в ходе занятий позволяет интегрировать развитие всех навыков и умений, необходимых для овладения коммуникативной компетенцией, что дает возможность усиления интеллектуальной активности учащихся в учебном процессе, способствует его интенсификации и развитию творческих способностей у студентов.

Литература

- Захраии, Абдоллахи 2015 – Захраии С.Х., Абдоллахи М. Этапы работы с видеоматериалами в процессе обучения иностранным языкам// Международный научный журнал «Символ науки» № 10/2015, с. 182-184.
- Коломийцева, Сизова 2016 – Коломийцева Н.В., Сизова Ю.С. Эффективность использования отдельных аутентичных видеоматериалов канала YouTube в обучении иностранному языку // Педагогика высшей школы. — 2016. — №1. — С. 87-94.
- Морозова, Климова 2015 – Морозова М. А., Климова С. А. Использование видео сервиса YouTube на занятиях по иностранному языку // Молодой ученый. — 2015. — №3. — С. 819-821.
- Никонова – Никонова Н.К. Рефлексия в обучении учащихся на уроке иностранного языка//Фестиваль педагогических идей «Открытый урок», ИД «Первое сентября», 2003–2017, <http://festival.1september.ru/authors/206-875-516> (дата обращения: 14.05.2017).
- Савицкая, Даниленко 2011 – Савицкая Н.С., Даниленко Р.М. Использование аутентичных видеоматериалов при формировании навыков говорения на занятиях по иностранному языку //Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 152-153.
- Самосенкова, Назаренко, Воробьева 2014 – Самосенкова Т. В., Назаренко Е. Б., Воробьева К. С. Преимущества объединения коммуникативных и интенсивных методов в процессе обучения иностранных учащихся // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 5 (май). – С. 61–65. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14121.htm>. (дата обращения: 16.05.2017).
- Шнюкова, Анциферова 2015 – Шнюкова Е. А., Анциферова О. Н. Языковая рефлексия как составляющая в обучении дискуссионной речи // Молодой ученый. — 2015. — №10.5. — С. 57-58.
- Grabińska 2009 – Grabińska G. Формирование лексических навыков на

основании просмотра художественного фильма Берегись автомобиля//
Nauczanie języka rosyjskiego studentów na kierunkach filologicznych i
niefilologicznych. Pod red. L. Szypielewicz. Warszawa-Lublin 500 c. -
Uniwersytet Warszawski, Uniwersytet im. M. Curie-Skłodowskiej w Lublinie,
2009, c. 82-86.

- Ostrowska, Steba 2015 – Ostrowska M, Steba D. Technologie informacyjno-
komunikacyjne na lekcjach. Przykładowe konspekty i polecane praktyki. Ośrodek
Rozwoju Edukacji, Centrum Edukacji Obywatelskiej. Warszawa, 2015, 269 c.
- Tomczuk 2012 – Tomczuk D. Metody audiowizualne i media w nauczaniu
języków obcych //JOWS: 2012/03, c. 31-36.

Klimkevich, Alexandra

*The Institute of Russian studies and Eastern studies
Division of Communication Pragmatics and Language Acquisition
University of Gdańsk, Poland
a.klimkiewicz@ug.edu.pl*

YOUTUBE MATERIALS IN TEACHING RUSSIAN TO POLISH STUDENTS

Abstract. *The experience of using video clips in teaching Russian as a foreign language is reflected in a number of publications of Polish and Russian researchers. The increased communicative activity of Polish teachers and students in this segment of the Russian Internet (Runet) determines the advantages of YouTube materials and makes them effective in teaching Russian as a foreign language. The author offers an overview of such materials, their classification, as well as methodological ways of incorporating them in the structure of Russian classes for Polish students of Russian philology, Russian studies and Eastern studies.*

Keywords: *new information technologies, YouTube as a training object, the communicative approach in foreign language teaching, individualization and optimization a foreign language.*

*Кудинова Гульнара Франгилевна, д.ф.н., профессор,
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

*Кудинов Илья Викторович, к.п.н., доцент, проректор по информационным
технологиям ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

*Курбангалеева Гузель Мансуровна, к.ф.н., доцент,
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»*

О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ МОНИТОРИНГА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ- РЕСУРСОВ ПО РКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу предварительных итогов проекта «Продвижение ресурсов, связанных с изучением русского языка и образованием на русском языке, в СМИ и Интернет-ресурсах», над которым работает кафедра общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Данный проект направлен на укрепление позиций русского языка, обеспечение его эффективного функционирования в Российской Федерации (в том числе в полиэтнических, полилингвальных, поликонфессиональных регионах), повышение престижа русского языка, популяризацию российской культуры, науки, образования в мировом сообществе посредством активной информационной политики. В задачи проекта также входит проведение исследования по изучению состояния русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка билингвам и инофонам, а также оценка их эффективности, прогнозирование развития и составление рекомендаций как для разработчиков ресурсов по совершенствованию русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, так и для пользователей по применению русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов в ходе изучения русского языка, получения образования на русском языке, а также в профессиональной деятельности, связанной с преподаванием русского языка, организацией открытого образования на русском языке и осуществлением обучения русскому языку разных категорий лиц.

Кроме того, проект предполагает создание электронной базы данных, отражающей результаты проведённого мониторингового исследования русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка билингвам, в плане реализации возможностей поддержки развития русского языка как государственного, родного, неродного, иностранного; размещение электронной базы данных на портале открытого дистанционного образования «Образование на русском» Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; сопровождение электронной базы данных в социальных сетях в целях популяризации русского языка, российской культуры, науки, образования посредством организации

Интернет-сообществ «Занимательный русский язык», «Коммуникативные тренинги в Уфе», оказания экспертной помощи, проведения очных и оффлайн-консультаций с привлечением квалифицированных лингвистов, филологов; привлечение внимания общественности и рядовых граждан разных государств, носителей разных культур и языков к проблемам изучения русского языка как родного, неродного, иностранного, как государственного языка Российской Федерации, как средства межличностного, межкультурного, международного общения посредством разработки дизайна рекламных баннеров о русском языке, издания публикаций в печатных и электронных СМИ под рубриками «Интересные факты о русском языке», «Тайны русского языка» информационно-образовательного, просветительского характера об истории, современном состоянии и функционировании русского языка, а также о проведённом мониторинговом исследовании русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка билингвам, и созданной электронной базы данных.

Ключевые слова: мониторинг, критерии оценки образовательных интернет-ресурсов, целевая аудитория, электронная база данных, структурно-функциональная модель интернет-ресурса.

В последние годы активно развиваются компьютерные и дистанционные технологии обучения языкам, в том числе русскому языку как иностранному; появились первые описания специфики функционирования русскоязычного Интернета; имеется также жанровая классификация ресурсов Интернета; рассматриваются перспективы дистанционного обучения русскому языку как иностранному, а также возможности перевода системы повышения квалификации в дистанционный режим; характеризуются те или иные преимущества и недостатки использования социальных сетей в обучении русскому языку. Особое внимание уделяется методике создания компьютерных учебных материалов на основе ресурсов, программных средств и инструментов Интернета.

Многообразие и многоликость имеющихся на сегодняшний день Интернет-ресурсов порождает вопрос о необходимости их мониторинга.

Значение слова *мониторинг*, -а; м. [англ. monitoring], по данным Большого толкового словаря: Система постоянных наблюдений, оценки и прогноза изменений состояния какого-л. природного, социального и т.п. объекта. *Биологический, экологический, культурный м. Система мониторинга* [БТСРЯ 2000: 555]. Наиболее близкий русский эквивалент слова *мониторинг* – отслеживание. Термины *контроль, надзор, присмотр, пригляд*, которые иногда указывают в качестве синонимов, имеют несколько иное значение. В технической диагностике под мониторингом понимают непрерывный процесс сбора и анализа информации о значении диагностических параметров состояния объекта.

Так, в рассмотренных нами источниках, сайты Интернета распределяют по разным основаниям, например, с точки зрения характера информации выделяются: *персональные, институционные, интернет-магазины, образовательные, новостные, собрания файлов, электронные библиотеки, энциклопедии и словари* и др. Кроме того, выделяют сайты *статичные* (находятся в Интернете без изменения) и *динамичные* (формируются в ответ на запрос пользователя), *информационные* (сайт института) или *коммуникационные*, среди которых выделяют: *блоги, чаты, форумы, социальные сервисы, твиттер*.

В литературе и на отдельных веб-ресурсах можно встретить различные (хотя и во многом похожие) критерии и принципы оценки веб-ресурсов. Чаще всего сайты оцениваются по интегральному суммарному критерию, который состоит из следующих компонентов, например: *качество информационного наполнения сайта; удобство интерфейса; привлекательность дизайна сайта; интерактивность сайта*.

Отмечаются также ряд сложностей, связанных с классификацией и использованием электронных образовательных ресурсов: 1) ресурсы часто располагаются в Интернете бессистемно, поиск и описание этих ресурсов, определение их связей представляет определённую сложность; 2) они различаются друг от друга по значимости, полноте, глубине описания и уровню представления информации и организации доступа к ней; 3) способы представления информации в этих ресурсах, соотношение текстовой и аудиовизуальной информации определяются только авторами, не существует каких-либо стандартов в этой области.

В связи с этим коллектив кафедры общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы разработал проект и выиграл грант в рамках федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 гг. на тему: «Продвижение ресурсов, связанных с изучением русского языка и образованием на русском языке, в СМИ и Интернет-ресурсах».

Проект направлен на укрепление позиций русского языка, обеспечение его эффективного функционирования в Российской Федерации (в том числе в полиэтнических, полилингвальных, поликонфессиональных регионах), повышение престижа русского языка, популяризацию российской культуры, науки, образования в мировом сообществе посредством активной информационной политики.

В задачи проекта входит: 1) проведение исследования по изучению состояния русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка как иностранного и неродного, оценка их эффективности и прогнозирование развития; 2) составление рекомендаций а) для разработчиков ресурсов по совершенствованию русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, б) для пользователей по применению русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов в ходе изучения русского

языка, получения образования на русском языке, а также в профессиональной деятельности, связанной с преподаванием русского языка, организацией открытого образования на русском языке и осуществлением обучения русскому языку разных категорий лиц, в том числе билингвов, проживающих в полиэтнических, полилингвальных, поликонфессиональных регионах; 3) создание электронной базы данных, отражающей результаты проведенного мониторингового исследования русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка как иностранного и неродного, в плане реализации возможностей поддержки и развития русского языка как государственного, родного, неродного, иностранного; размещение электронной базы данных на портале открытого дистанционного образования «Образование на русском» ГИРЯ им. А.С. Пушкина; 4) сопровождение электронной базы данных в социальных сетях в целях популяризации русского языка, российской культуры, науки, образования посредством организации Интернет-сообществ «Занимательный русский язык», «Коммуникативные тренинги в Уфе», оказания экспертной помощи, организации очных и оффлайн-консультаций с привлечением квалифицированных лингвистов, филологов; 5) привлечение внимания общественности и рядовых граждан разных государств, носителей разных культур и языков к проблемам изучения русского языка как родного, неродного, иностранного, как государственного языка Российской Федерации, как средства межличностного, межкультурного, международного общения посредством разработки дизайна рекламных баннеров о русском языке, издания публикаций в печатных и электронных СМИ под рубриками «Интересные факты о русском языке», «Тайны русского языка» информационно-образовательного, просветительского характера об истории, современном состоянии и функционировании русского языка, а также о проведенном мониторинговом исследовании русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка как иностранного и неродного, и созданной электронной базе данных.

Актуальность данного проекта определяют внутренние и внешние условия, складывающиеся в последние годы в Российской Федерации и связанные с изменениями социально-политического характера: проявление национального самосознания у граждан РФ и как следствие более уважительное отношение к русскому языку и российской культуре; сохранение национально-культурной идентичности россиян, проживающих на территории других государств, и возникающая потребность в овладении русским языком; изучение русского языка трудовыми мигрантами, приехавшими в РФ, как необходимость сдачи экзамена на знание русского языка; получение образования на русском языке гражданами иностранных государств, в том числе бывшими россиянами, как стремление повышения конкурентоспособности на рынке труда. В этой связи особую значимость приобретает развитие открытого образования на русском языке и обучения граждан РФ и представителей других стран русскому языку

как родному, неродному, иностранному, что может быть реализовано путём использования современных информационных технологий, возможностей СМИ.

Реализация возможности изучения русского языка и получения образования на русском языке во многом определяется статусом русского языка в индивидуальном сознании говорящего: является ли русский язык для индивида родным или неродным, выступает ли он в качестве иностранного языка или языка изучения. Данный проект направлен на популяризацию русского языка и культуры, на расширение аудитории, изучающей русский язык, привлечение внимания людей, стремящихся повысить свой уровень владения русским языком в плане формирования и развития языковой, коммуникативной, культурной компетенций. Обозначенные задачи решаются посредством организации широкомасштабной информационной кампании в СМИ, мониторинга русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов и создания единой информационной базы данных по изучению русского языка и получению образования на русском языке в сети «Интернет».

В рамках проекта предполагается проведение следующих мероприятий:

1) мониторинг, оценка эффективности и прогнозирование развития русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка билингвам; составление рекомендаций для разработчиков ресурсов по совершенствованию русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, для пользователей по их применению;

2) формирование электронной базы данных, содержащей материалы по изучению русского языка билингвами, получению образования на русском языке, ее размещение на портале открытого дистанционного образования «Образование на русском» ГИРЯ им. А.С. Пушкина;

3) организация Интернет-сообществ «Занимательный русский язык», «Коммуникативные тренинги в Уфе»;

4) разработка дизайна рекламных баннеров о русском языке с целью популяризации русского языка и русской культуры;

5) подготовка публикаций для печатных и электронных СМИ под рубриками «Интересные факты о русском языке», «Тайны русского языка».

В настоящее время мы лишь в самом начале запланированного. Так, коллективом разработчиков проекта была предложена и уже апробирована общая логистика информационного поиска по гибридной релевантности поисковых запросов. Эксперты осуществили первичный отбор русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов по признаку соответствия/несоответствия задачам проекта. Каждый из 18 экспертов по индивидуальному запросу просмотрел 200 Интернет-ресурсов в поисковых системах Яндекс и Google и заполнил протокол выборки.

Разработана также метрическая концепция ранжирования русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка как иностранного. В качестве критериев, позволяющих оценить состояние и эффективность русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, экспертами определены следующие параметры:

I. Лингводидактические критерии оценки образовательных Интернет-ресурсов: 1) *достоверность, верифицируемость информации* (научная / ненаучная, аргументированная / бездоказательная информация представлена на ресурсе): наличие / отсутствие ссылок на конкретные источники информации, их надежность / ненадежность); 2) *актуальность, новизна информации* (соответствует / не соответствует современным научным представлениям, гипотезам, теориям, знаниям); сведения современные / устаревшие; 3) *объективность информации*: представлена точка зрения, мнение, одного исследователя, педагога / нескольких; 4) *включенность информации в социокультурный контекст*: содержатся / не содержатся ссылки или упоминания о социальных, культурно-исторических событиях, фактах, явлениях, незнание которых может повлиять на уровень восприятия и осмысления информации; 5) *языковая сторона информации*: содержательная полнота / краткость, сложность / доступность, правильность / неправильность, логичность / алогичность; отсутствие опечаток, орфографических, грамматических, стилистических ошибок, 6) *способ подачи информации*: структурированность, системность / хаотичность, многообразие / однообразие; адекватность использования иллюстраций (в качестве дополнения к тексту, а не отвлекающего элемента), отсутствие негативного влияния рекламы (при её наличии) на работу; 7) *разнообразие информации по типам материалов*: учебные планы / учебные программы / теоретические курсы / практикумы / методические рекомендации / тесты / кейсы; текстовые / аудио- / видео-материалы / online-курсы;); интерактивность сайта;

II. Информационно-технологические критерии оценки образовательных Интернет-ресурсов: 1) *технологичность* (работает ли сайт на всех платформах и браузерах; можно ли просматривать сайт на разных разрешениях); 2) *юзабилити* (удобство пользования); 3) *внешняя ссылочная масса* (ссылки, которые приводят к ресурсу);

III. Критерии оценки образовательных Интернет-ресурсов с позиций инклюзивного образования: *доступность информации сайта для лиц с инвалидностью и с ОВЗ*;

IV. Пользовательские критерии оценки образовательных Интернет-ресурсов: 1) *источник информации* (автор образовательного Интернет-ресурса): частное / юридическое лицо, эксперт / дилетант; 2) *целевая аудитория* (адресат, для кого предназначен образовательный ресурс, кому он будет полезен): педагоги, преподаватели, учителя / обучаемые; владеющие / не владеющие русским

языком; русскоязычные монолингвы / би- и полилингвы; школьники / студенты; гуманитарии / негуманитарии; 3) *доступность информации* (бесплатный ресурс/ платный ресурс; с регистрацией или нет, информация открывается постепенно или сразу); 4) *привлекательность дизайна*.

Научно-педагогическую значимость проекта определяют результаты, получаемые в ходе проведения мониторингового исследования (состояние, эффективность, пути развития) русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, связанных с преподаванием русского языка как иностранного, а также рекомендации, адресованные а) разработчикам ресурсов относительно совершенствования русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов, б) пользователям относительно применения русскоязычных образовательных Интернет-ресурсов в ходе изучения русского языка, получения образования на русском языке, а также в профессиональной деятельности, связанной с преподаванием русского языка, организацией открытого образования на русском языке и осуществлением обучения русскому языку разных категорий лиц, проживающих в полиэтнических, полилингвальных, поликонфессиональных регионах.

Основой для реализации проекта является имеющийся в БГПУ им. М. Акмуллы опыт по поддержке и продвижению русского языка, образования на русском языке в глобальном информационном пространстве. БГПУ им. М. Акмуллы в 2016 г. получил статус опорного гуманитарного вуза по программе «Послы русского языка», что предполагает реализацию следующих основных задач: разработка научно-методического сопровождения образовательных программ по изучению русского языка за рубежом; популяризация истории России, русского языка и культуры в стране и за ее пределами; координация программы продвижения русского языка на территории соответствующих субъектов РФ, организация образовательно-просветительских экспедиций в зарубежные страны или регионы РФ.

В университете создан Научно-образовательный центр по продвижению русского языка в страны ШОС, на базе которого функционируют инновационные учебные аудитории «Славянский мир», бимодальный электронный кабинет «Моя Россия» (центр русского языка и культуры); «Центр тестирования по русскому языку как иностранному», «Кабинет мультимедийных дистанционных технологий по обучению русскому языку как иностранному»; реализуется адаптированный курс русского языка для трудовых мигрантов в формате информационно-учебного интернет-сайта по принципу открытой регистрации; организована Школа подготовки студентов к участию в Международной волонтерской программе «Послы русского языка»; осуществляет деятельность экспериментальная площадка в гимназии №3 г. Уфы «Технологии преподавания русского языка в мультикультурном контексте»; организованы курсы повышения квалификации для учителей русского языка и литературы нашего региона «ФГОС в профессиональной деятельности

учителя русского языка и литературы); ежегодно проводится региональный конкурс ораторского мастерства «Как слово наше отзовется...» среди учащихся Республики Башкортостан. В целом, налажено информационное сопровождение проектов и мероприятий, связанных с продвижением русского языка, в рамках региона, города Уфы, университета, кафедры общего языкознания.

Успешному продвижению данного проекта способствуют также другие интернет-проекты БГПУ им. М. Акмуллы. Информационно-образовательный портал Республики Башкортостан – уникальный инструмент обеспечения всех субъектов образовательного процесса информационно-цифровыми ресурсами учебно-методического назначения и управления. Ресурсы olimp.bspu.ru, distolimp.bspu.ru, olimp-alfa.bspu.ru служат для организации и проведения дистанционных олимпиад и конкурсов, позволяют объединить участников, организаторов и экспертов не только Республики, но и других регионов и стран. «Открытая школа» (school.bspu.ru) – это проект, который способствует организации сетевого взаимодействия образовательных организаций с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, а главное обеспечению равных условий получения образования ребенком сельской местности и города. Развивается проект, направленный на применение симуляционных технологий в обучении, которые позволяют отрабатывать профессиональные навыки (ораторское искусство, коммуникативные компетенции, технику речи, педагогический такт и т.д.) в виртуальных условиях. При Центре продвижения русского языка БГПУ им. М. Акмуллы созданы специализированные кабинеты, где используются интерактивные тренажеры, внедрены новые технологические решения, обеспечивающие интерактивность и виртуальное погружение в мир русского языка и культуры. Программный инструментарий включает: специализированные интернет-ресурсы, учебный медиаконтент (электронные обучающие и аттестующие тесты, электронный практикум, виртуальные лабораторные работы), средства видеофиксации, симуляторы и тренажеры и др.

Литература

- Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как иностранного. М., 2012. - 352с.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред.С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Сысоев П.В. Информационные и коммуникативные технологии в лингвистическом образовании. М., 2013. - 264с.
- Титова С.В., Филатова А.В. Технологии ВЕБ 2.0 в преподавании иностранных языков. М., 2014. – 125стр.

Kudinov, Gulnara, Professor
M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University
gilja_gibatova@mail.ru

Kudinov, Ilya, candidate of pedagogic Sciences,
Vice-rector for information technologies of
the M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University
ilyakudinov@mail.ru

Kurbangalieva, Guzel, candidate of philological Sciences,
M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University
dialina2002@mail.ru

PROBLEMS AND PROSPECTS OF MONITORING RUSSIAN EDUCATIONAL INTERNET RESOURCES FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. *the Article is devoted to analysis of the project “Promotion of resources related to the study of Russian language and education in Russian language in the mass media and Internet resources”, drafted by the Department of General linguistics, M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University. This project is aimed at popularization of Russian culture, science and education in the Russian language in the global community through an active information policy. The project includes conducting studies of Russian educational Internet resources related to the teaching of the Russian language among bilingual and foreign language. The experts should assess the effectiveness of these Internet resources, and make recommendations for their improvement and use.*

In addition, the project involves the creation of an electronic database reflecting the results of the conducted monitoring of Russian educational Internet resources. The database will be posted on the website of the Bashkir State Pedagogical University and on the famous portal “Education in Russian” of the Pushkin State Russian Language Institute. In the framework of the project to promote Russian language created in the social networks of the Internet community “Entertaining Russian language”, “Communication training in Ufa”. Organized expert the help of qualified scholars by conducting online and offline consultations on the Russian language. Also to attract the attention of the public and ordinary citizens of different countries, different cultures and languages to the study of Russian language as native, nonnative, foreign, as a means of interpersonal and intercultural communication will be prepared publications for print and electronic media under the rubric “Interesting facts about the Russian language”, “Secrets of the Russian language

Keywords: *monitoring, evaluation criteria for educational web resources, target audience, an electronic database, the structural-functional model of the online resource.*

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С МАТЕРИАЛАМИ СМИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ СО СТУДЕНТАМИ-ЭКОНОМИСТАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о включении в образовательный процесс актуальных массмедиа текстов. Работа с текстами СМИ на занятиях по РКИ предоставляет как преподавателю, так и болгарским студентам экономических специальностей возможности познакомиться с языковыми изменениями, социальными и культурно-историческими явлениями действительности. Сделана попытка проанализировать семантические изменения, которые отражены в публицистической лексике новейшего периода.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, медийный дискурс, развитие компетенций, семантические изменения в языке современных СМИ.

Обучение студентов-экономистов русскому языку как иностранному – это многогранный процесс, который включает в себя овладение разговорным языком для непринужденного общения, усвоение культурологических знаний, развитие способностей ориентироваться во внутренней жизни страны изучаемого языка, формирование навыков и умений самостоятельно пользоваться информацией на иностранном языке.

СМИ являются активным фактором для бизнес-среды при принятии стратегических решений. Растет влияние электронных интернет-изданий, которые можно рассматривать как отдельную медиа-среду, аналогичную телевидению, радио, печатной прессе. Интернет-издания России – ВЗГЛЯД.РУ, ДНИ.РУ, ЛЕНТА.РУ, СОБЕСЕДНИК.РУ, Москва24, РИА Новости, КоммерсантЪ.РУ, РБК.РУ предоставляют широкие образовательные возможности для включения текстов массмедиа в учебный процесс.

В эпоху информатизации и глобализации «Язык СМИ выходит на первый план, поскольку аккумулирует в себе языковые, социальные и культурно-исторические явления действительности» [Финагина 2014: 585].

Включение в обучение иностранному языку публицистического стиля речи дискутировалось на Всемирном форуме по образованию. Особо подчеркивалось, что «печатные и электронные средства информации во всех странах могут содействовать программам базового образования, следить за продвижением и распространением демократических ценностей» [Всемирный форум по образованию 2000: 86].

В искусственно создаваемой языковой среде, в которой протекает обучение, включение новостных текстов в учебный процесс дает ряд преимуществ. Во-

первых, тексты массмедиа актуальны и информационно-познавательны, они отражают события из общественно-политической и экономической жизни мирового сообщества – из области экономики, бизнеса, юриспруденции, науки, культуры России. Работа с текстами массмедиа способствует развитию у студентов коммуникативной, социо-лингвистической, дискурсивной, социокультурной компетенции.

Во-вторых, правильный выбор публикаций помогает сформировать навыки текстологического анализа. «Обучающие возможности текстов массовой информации огромны: во-первых, это богатейший лингвотезаурус, отражающий все нюансы движения языковой нормы; во-вторых, это неиссякаемый живой источник социокультурной информации о стране изучаемого языка и, наконец, материал медиатекстов позволяет решать широкий круг методических задач: от закрепления лексики до совершенствования навыков устной речи.» [Добросклонская 2008: 235].

Язык СМИ, по мнению Ю.В. Финагиной, – «это виды текстов с устойчивой внутриязыковой системой, отличающейся определенным набором лингвостилистических свойств и признаков» [Финагина 2014: 586]. Студентам важно усвоить языковые структурные модели, понять, как функционируют лексические единицы в каналах массовой коммуникации, какие процессы происходят в языке современных средств массовой информации, как массовый характер информации влияет на языковую норму, какие новые понятия фиксируются языком.

Российский медиадискурс постоянно пополняется, следуя общемировой тенденции к интернационализации лексического фонда. Большинство **лексических заимствований** полностью ассимилируются в русском языке, получая морфологическую и синтаксическую адаптацию. Т.Г. Добросклонская считает, что в медиатекстах замена русских эквивалентов англицизмами вызвана желанием «сохранить более экономичную языковую форму» [Добросклонская 2008: 12]. Приведем примеры:

Англоязычные заимствования	Русские эквиваленты
«айтишник»	«информатик», «компьютерщик», «программист»
«брифинг»	«прессконференция»
«мейнстримовские СМИ»	«популярные средства массовой информации»
«саммит»	«форум», «встреча в верхах»
«спикер» Госдумы	«председатель» Госдумы
«праймериз»	«внутрипартийные выборы»
«импичмент»	«лишение полномочий»

«ритейл»	«розничная торговля»
«ритейлер»	«розничный продавец»
«риэлтор»	«агент по торговле недвижимостью»
«тренд»	«направление»
«хеджирование»	«страхование»
«колл-центр»	«центр телефонного обслуживания»
«ресепшн»	«стойка регистрации»
«фишинг»	«интернет-мошенничество»
«фейк»	«ложь», «обман»
«троллить»	«хамить», «провоцировать»
«гуглить»	«использовать поисковик»

В языке СМИ особенно ярко проявляется демократизация языка. В информационных сообщениях и публичных выступлениях политиков часто используется разговорная по стилю лексика. Даже для экономии речевых усилий активизировался способ словообразования, называемый **суффиксальной универбацией**. С.В. Гудилова считает, что это «один из продуктивных способов компрессивного словообразования, средство конденсации многословных наименований, при помощи которых создаются вторичные свернутые номинации» [Гудилова 2011: 23].

Универбы прочно вошли в тезаурус носителей языка. Например: **«автогражданка»** – вместо «страхование автомобилей гражданской ответственности», **«участники пленарки»** – вместо «участник пленарного совещания»; **«оборонка»** – вместо «оборонная промышленность»; **«электронка»** – вместо «электронная почта»; **«санкционка»** – вместо «товар, попадающий под санкции»; **ехать по «встречке»** – вместо «встречной полосе», **«безналичка»** – вместо «безналичный расчет», **«антивирусник»** – вместо «антивирусная программа», **«внедорожник»** – вместо «автомобиль повышенной проходимости»; **стоять на «аварийках»** – вместо «стоять с аварийной сигнализацией», **«платежка»** – вместо «платежное поручение»; **«наличка»** – вместо «наличные деньги»; **«Мариинка»** – вместо Мариинский театр; **«Вышка»** – вместо Высшая школа экономики, **«шенгенка»** – вместо «шенгенская виза», **«безвиз»** – вместо «безвизовый режим».

Для иностранцев, у которых мало языкового опыта, универбы трудно распознаваемы и вызывают затруднения, поэтому им приходится уделять особое внимание. Включение универбов в текст для работы в аудитории рекомендуется на этапе изучения продуктивных способов словообразования имен существительных:

суффикса **-к(а)**: **марирутка, электричка, получка, высотка, мобилка;**

суффикса **-щик**: **корпоративщик** (корпоративный клиент), **креативщик**

(менеджер, дизайнер), **социальщик** (1) социальный работник и (2) социальный льготник; **спамщик**;

суффикса **-ик**: **поисковик** (поисковая система), **обменник** (обменное бюро), **силовик** (руководитель силового министерства).

В последнее десятилетие ряд исконно русских слов расширил свою семантику. Многозначным стало слово **«крутой»**, в котором доминирует два значения – «суровый, строгий» [Ожегов 1994: 266] и «особо влиятельный, властный» [Скляревская 2007].

Переосмысление семантики наблюдается у слова **«замес»**. В Толковых словарях русского языка Т.Ф. Ефремовой и С.А. Кузнецова даются два значения:

- 1) замесить тесто или бетон;
- 2) полученная при замешивании масса.

А в «Словаре русского языка аргю» В.С. Елистратова **«замес»** означает:

- 1) избиение, драка, стычка;
- 2) сложная, необычная ситуация.

В современном языке лексемы **«крутой»** и **«замес»** стали примером семантического неологизма. Примеры взяты из заголовков интернет пространства: **«Крутой замес» по Сирии и вокруг нее**, **«Запад прозевал «крутой замес» Путина в Европе**. [novosti.re] и Национального корпуса русского языка:

*Выделяются среди себе подобных «Секретные материалы»: **крутой замес** фактического материала, умение проникнуть за кулисы политики, найти неожиданного собеседника.* [Варганов Анри. НЕ УПОРХНУЛО БЫ СЧАСТЬЕ // Труд-7, 2000.07.13]

В медиадискурсе словосочетание **«крутой замес»** используется в значении **ситуация с потенциально неприятным исходом**, например: *Он там устроил такой замес, что теперь всем хана.* [<http://www.slovonovo.ru>].

Переосмысление семантики наблюдается и у отглагольного существительного **«провис»**. Приведем примеры:

*«Для самого Трампа в этой сфере оказалось множество подводных камней, отсюда и провал его первого указа, и кадровые потери, утечки в прессу через «кротов» в среднем звене госуправления, и **провис** во внешней политике, и уже планируемый перерасход в военном бюджете...»* (Вести.RU).

*«Наблюдается **жесткий провис** экономик «Балтийских тигров» во время мирового финансового кризиса последних лет»* (там же).

В примерах слово **«провис»** употреблено в значении **«провал»**. В «Большом толковом словаре русского языка» и «Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой глагол **«провисать»** означает **«прогибаться под воздействием тяжести собственного веса, оседать»**.

Примером также служит слово **«обнал»**: *«Новая волна войны с «обналом» начнется в 2017 году»*. Лексема «обнал» образована от существительного «обналичка» или глагола «обналичивать». Приведем примеры из Национального корпуса русского языка:

*«Раньше они постоянно конфликтовали с контролирующими органами по поводу проведения операций с валютой: все время шли какие-то схемы, купля-продажа, **обнал**», – говорит один из участников рынка.* [Наталья Вяльбе, Владислав Серегин. «МДМ-Банку» не повезло с «Визави» // РБК Daily, 2005.12.08];

*В России, однако же, активнее практикуется обратная операция – обналичивание, или на сленге – **обнал**.* [Евгений АРСЮХИН. Банкиры вывели миллиарды рублей простых россиян за рубеж // Комсомольская правда, 2012.03.29];

*«Для того чтобы выявить всю сумму, которая прошла через **обнал** и дошла до тех, кто обналичил эти деньги, нужно длительное время.* [Ирина Дурницына. // РИА Новости, 2009.06.24].

Изменение семантики наблюдается у глагола **«раскрутить»**. В словаре русского языка приводятся два значения: 1. Развить скрученное (веревку); 2. Крутя, придать вращательное движение (Развить колесо) [Ожегов 1986: 572]. В современном языке **«раскрутить»** означает «привлечь внимание», «сделать проект успешным», например в Национальном корпусе русского языка даны примеры:

***Раскрутить магазин** на сайте MediaGloves смогли за счет интернет-маркетинга (в продвижение сайта разработчики вложили около 100 тыс. руб.* [Елена Краузова. Российский стартап придумал, как пользоваться смартфоном в мороз, не снимая перчаток // РБК Дейли, 2013.12.17].

*Можно создать стартап на базе патента, **раскрутить** его до малого предприятия и продать эту компанию, — считает Леонтьев.* [Павел Панов. Государственный патентный фонд заработает в 2014 году // Известия, 2013.05.21].

В последнее время в массмедиа часто используется окказионализм **«рукопожатный»** с семантикой **«честный»** и соответствующий ему антоним **«нерукопожатный»** – так называют людей, не оправдавших каких-либо ожиданий.

Приведем примеры: *«Если искать какую-то мораль во всем случившемся, что трудно, то она будет такой: Я **рукопожатный** и **честный** человек.* [Кирилл МАРТЫНОВ. Алексей Кабанов и конец креативного класса // Комсомольская правда, 2013.01.13];

*Это и есть пароль, пропуск в ее, извините меня, **«рукопожатный мир»**.* [Тина КАНДЕЛАКИ. Кабала святош // Комсомольская правда, 2012.02.17].

*Какое-то слово появилось у нас... **Нерукопожатный**. Почему?* [Александр ГАМОВ. Виктор Сухоруков, народный артист России // Комсомольская правда, 2014.03.28];

*Ты теперь презираем. Ты **нерукопожатный**. - Это вы все к чему?* [Александр ГАМОВ. Виктор Сухоруков, народный артист России // Комсомольская правда, 2014.03.28].

Прочно вошли в обиход лексемы **«русскость»** и **«европейскость»**. Их антиподом в политическом дискурсе можно считать противопоставление **«свои»** – **«чужие»**.

Р.В Пашков дает толкование этих двух понятий: **«Европейскость»** – определяющая черта западного характера, заключающаяся в неутомимом познании самих себя и мира.

«Русскость» – ядро и главная черта национального характера русского народа, заключающаяся в стремлении русских к гармоничному взаимодействию с другими народами и защите своего дома, земель и православной цивилизации». Из определения следует, что **«русскость»** – это не национальность, а общность, объединенная посредством общего языка и культуры на основе православной веры [Пашков 2017: 149, 156].

Примеры взяты из Национального корпуса русского языка: *Я считаю, что этот законопроект должен быть направлен на защиту людей, которые подвергаются давлению за свою **«русскость»**, – это прежде всего жители Украины, Молдавии.* [Светлана Субботина. Упрощенное предоставление гражданства предлагают ограничить // Известия, 2014.04.03];

«Русскость это не есть национальность, это – образ жизни и культуры». [Дарья Орлова. // Новый регион 2, 2009.12.25];

*«Об этой коллекции говорили много, подчеркивая не только ее ценность и качество подбора произведений, но и **уникальную «русскость»**».* [ЕКАТЕРИНА БЕРНОВСКАЯ. Без торга // РБК Daily, 2007.09.18;

В языке СМИ часто встречаются антонимические контекстные сочетания. Например: *«Будем выразить **осторожный оптимизм**, чтобы сделка состоялась»* или яркие, броские заголовки: **«Лето малоснежное», «Скомканное лето», «Было не спрятаться»** (о непогоде в Москве).

Часто публицисты используют стилистический прием совмещения несовместимого. Например: **«политкорректное толерантное вранье», «швейцарский беженец», «внутрисетевой роуминг»** и фразеологию. Для русских крылатые выражения не вызывают трудностей, но на занятиях со студентами-иностранцами приходится растолковывать значение фразеологизма. Приведем частотные примеры, которые мы обсуждаем со студентами на занятиях:

- 1) *«Нули карман не тянут»* (об активах богатейших домохозяйств в России) – по аналогии с пословицей «Запас карман не тянет»);
- 2) *«Доходный портфель: стрижем купоны»* – «получаем банковский процент» или «доход по облигациям» <http://investcafe.ru/blogs/lebigmac/posts/28864>.

*Но легко нарваться и на мошенников, которые под шумок **стригут купоны** с сердобольных граждан.* [Александра КРЫЛОВА // Комсомольская правда, 2013.11.07];

*Зато здесь раздолье для тех, кто **привык стричь купоны**, не вкладывая при этом ни копейки.* [Дмитрий СМИРНОВ. „Причины известны - это коррупция и кумовство // Комсомольская правда, 2013.05.31];

*Поэтому уже существующим пунктам надо серьезно задуматься, как вести бизнес. Просто **стричь купоны** уже не получится. Не мне это решать, но я бы посоветовал им докупить оборудование и открывать на своей базе станции техобслуживания.* [Владимир ДЕМЧЕНКО, Техосмотр можно будет пройти даже в супермаркете // Комсомольская правда, 2012.01.20].

- 3) *«Что касается рынка труда, то **эти вопросы нельзя решать с кондачка**».* 5 ноября 2012 года / Администрация Президента РФ / Aviation Explorer;

*Но с **кондачка** этого делать не надо – любой возврат требует дискуссий.* [Александр ГАМОВ. Каждый второй россиянин за то, чтобы в паспорте была строка «национальность» // Комсомольская правда, 2013.09.19];

*Большинство начинаний мы **не делаем «с кондачка»**.* [КП. Сергей Собянин «Если что-то можно сделать сегодня, надо делать сегодня!» // Комсомольская правда, 2012.12.18];

*При этом Путин призвал действовать крайне осторожно, **«не с кондачка»**.* [«Известия». Путин: «Зарплаты работников культуры вырастут на треть» // Известия, 2012.09.25].

- 4) *В общем-то... все напоминает Москву или любой другой мегаполис, где **жизнь бьет ключом**.* [Анна Горбель. Другая Эллада // Известия, 2013.04.11];

*Это действительно так, но не стоит забывать, что Петербург не «пляжный» город, где **жизнь бьет ключом** лишь в сезон, а крупный европейский центр городского туризма.* [Алла Добровольская. Петербург удивит туристов новыми маршрутами // Известия, 2006.04.19].

Усвоение фразеологизмов ведет к более эффективной коммуникации, способствует обмену культурными знаниями, делает речь экспрессивной, повышает мотивацию и интерес к изучению иностранного языка. В.Ф.Занглигер отмечает, что при отборе фразеологических единиц нужно учитывать, что «студенту необходимы такие знания, которые пригодятся ему

и в профессиональной деятельности, и в сфере бытового общения» [Занглигер 2005: 12].

Обучающая ценность текстов массмедиа обусловлена наличием свежей информации, оригинальной базовой лексики, устойчивых словосочетаний, грамматических конструкций, фразеологии. Включение массмедиа в учебную работу решает такие методические задачи, как тренировка памяти и восприятие информации на слух, создание навыков вести дискуссию, выражать свою точку зрения на иностранном языке, развитие культуры речи. Анализируя прессу, студенты делают краткие реферативные сообщения, анализируют информацию.

По-мнению Т.М.Грушевской, новостные материалы имеют свою модель организации:

- самая важная информация содержится в заголовке;
- любой новостной текст состоит из зачина, основной части и заключения;
- стандартный сценарий ситуации включает в себя «информацию о том:
- ГДЕ и КОГДА происходит событие;
- КТО является его участником;
- В ЧЕМ его СУЩНОСТЬ;
- ПРИЧИНЫ события;
- как БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ событие» [Грушевская 2002: 116].

Тексты СМИ клишированы, что дает студенту возможность использовать необходимое количество языковых единиц для передачи информации. Для продуктивной работы необходимо начать с предтекстовых заданий, которые включают словарь базовых терминов, лексические устойчивые словосочетания с указанием сочетаемости наиболее употребительных грамматических единиц, характерные синтаксические конструкции.

Послетекстовая работа предусматривает:

- 1) комплекс упражнений на закрепление грамматики и лексики;
- 2) устную беседу с заданиями различного типа:
 - а) передать информацию в устной форме;
 - б) задать вопросы по прочитанной информации;
 - в) подготовить и провести дискуссию по заданной теме;
 - г) сопоставить отражение событий в российских и других СМИ.

Тексты массмедиа расширяют кругозор студентов, развивают критическое мышление и творческий подход.

В заключении хочется привести слова Р.Хатчинсона: «Следует помнить, что целью образования является не заполнить сознание ученика фактами... а обучить его мыслить и, если это возможно, думать самостоятельно» [Hutchins 2010 :103].

Литература

- Всемирный форум по образованию. Дакар, Сенегал. 26-28 апреля 2000 г. Заключительный доклад.
- Грушевская 2002 – Грушевская Т.М. Политический дискурс в аспекте газетного текста. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2002.
- Добросклонская 2008 – Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., 2008.
- Добросклонская 2008 – Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ, М., 2008.
- Занглигер 2005 – Занглигер В.Ф. Русские фразеологизмы и их отбор для активного усвоения студентами-русистами болгарских вузов: Автореф. дис д-ра пед. наук. София, 2005.
- Ожегов 1994 – Ожегов С.И. Словарь русского языка, М, 1994.
- Пашков 2017 – Пашков Р.В. Словарь русского мира. (Актуальные проблемы современной науки № 1 за 2017 г.).
- Складаревская 2007 – Складаревская Г.Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века, СПб, 1998.
- Финагина 2014 – Финагина Ю.В. Язык средств массовой информации на занятиях по РКИ как важный фактор формирования лингвострановедческой компетенции при обучении студентов-иностранцев экономического профиля. Научный журнал НИУ ИТМО № 3, 2014.
- Hutchins 2010 – Hutchins Robert. The University of Utopia / Robert Maynard Hutchins. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Lazova, Olga

University of National and World Economy

Sofia, Bulgaria

olga_lazova@abv.bg; olga_lazova@yahoo.com

WORK SPECIFICS OF MASS MEDIA TEXTS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES WHEN WORKING WITH STUDENTS OF ECONOMICS

***Abstract.** The article addresses the issue of the integration of relevant mass media texts in the educational curriculum. The work done on media texts in Russian as a foreign Language offers not only the teacher but the students as well, ample opportunity to get acquainted with the real-life language, social and culture-historical changes that occur as the language evolves. An attempt was made to personalize the semantic changes, which affect the publicist of the modern period.*

***Keywords:** Russian as a foreign language, mass-media discourse, competence development, semantic changes in the latest mass-media texts.*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДЕЛОВОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В БОЛГАРСКОЙ АУДИТОРИИ

***Аннотация.** Статья посвящена специфике межкультурного обучения деловому русскому языку как иностранному в болгарской аудитории. Анализу подвергаются механизмы реализации диалога культур как инструмента «мягкой силы» в обучении межкультурному деловому общению на основе межкультурного дискурсивного подхода. Контрастивное обучение деловому русскому языку в болгарской аудитории базируется на принципе параллельного изучения иностранного и родного деловых языков в рамках межкультурного диалога. Модель речевого поведения является базовой единицей межкультурного делового общения.*

***Ключевые слова:** диалог культур, дискурсивный подход, деловой русский язык, модель речевого поведения, коммуникативно-прагматическое поле.*

В настоящее время языковое образование играет роль инновационного внешнеполитического инструмента «мягкой силы». В глобализованном мире востребовано поликультурное языковое образование [Сафонова 2016 (а): 2]. Для формирования межкультурной компетенции необходимо осознать и оценить культуру соизучаемых языков, в том числе родного [Сафонова 2016 (2): 17]. Идея межкультурности в контексте образования предполагает применение межкультурного подхода к обучению иностранному языку как механизму «мягкой силы». Формирование межкультурной коммуникативной компетенции приводит к осуществлению диалога равноправных культур – иноязычной и родной. В современной лингводидактике обучение иностранному языку и иностранной культуре рассматривается как инструмент «мягкой силы» [Тарева 2016: 94]. «Мягкая сила» реализуется с помощью культуры, дипломатии, науки, образования. Установлена неделимость изучения иностранного языка с ознакомлением с культурой страны изучаемого языка. Если изучать только культуру иной страны, возникают условия образования этноцентризма. Поэтому в учебной ситуации необходимо обеспечить полное равноправие культурных ценностей изучаемого и родного языков. Так, культура – основной концепт современной лингводидактики [Тарева 2017: 88]. Культурообразующая, антропоцентричная концепция межкультурной парадигмы языкового образования теоретически разработана В.В. Сафоновой, создателем социокультурного подхода к обучению иностранным языкам [Сафонова 2014: 2]. Создаются пособия для занятий по русскому языку как иностранному (РКИ) в соответствии с принципами социокультурного подхода к поликультурному развитию личности средствами соизучаемых

языков (культуроведческие и лингвокультуроведческие задания в рамках интерактивной, проектной работы) [Базина, Сафонова 2016].

Целью обучения иностранному языку является формирование межкультурной компетенции, в результате чего достигается взаимопонимание в рамках межкультурного диалога. Межкультурный подход действует в соответствии с механизмом «мягкой силы», реализуя диалог культур и формирование подлинной толерантности как качества личности.

Современный межкультурный подход к языковому образованию основан на теоретических постулатах коммуникативной стилистики, прагмалингвистики, когнитивистики, лингвоконцептологии, коммуникативно-функциональной грамматики. Учебной единицей межкультурного языкового образования является текст-дискурс, целостное речевое произведение, включающее в себя текст и экстралингвистические факторы. Единицей дискурса является речевой акт, реализуемый коммуникантами – адресантом и адресатом. Дискурсивное обучение направлено на формирование прагмалингвистической компетенции как основного компонента межкультурной коммуникативной компетенции в русле равноправного диалога родной и иноязычной культур. Прагмалингвистическая компетенция представляет собой способность ориентироваться в коммуникативно-прагматическом пространстве и правильно использовать правила речевого поведения в конкретной ситуации общения, адекватно совершать коммуникативный акт (совокупность речевых актов). В учебном процессе для реализации равноправного диалога необходимо сопоставление языковых форм изучаемого и родного языков.

В учебном процессе дискурсивного обучения иностранным языкам, направленном на реализацию равноправного диалога культур как механизма «мягкой силы», возможно продуктивно использовать такие базовые единицы коммуникативного лингво-прагматического анализа, как модели речевого поведения и коммуникативно-прагматическое поле. Модель речевого поведения (МРП), включающая в себя вербальные и невербальные действия, служит основой в контрастивных лингвистических исследованиях [Гладров, Которова 2015: 27].

Понятие «коммуникативно-прагматическое поле», а также полевой метод исследования речевых актов разработаны проф. д.ф.н. Елизаветой Г. Которовой, представителем Томской российской лингвистической школы, профессором в Зеленогурском университете (Польша) [Которова 2013: 58]. Полевой метод дает возможность определения структуры речевых актов как функционально-коммуникативного поля, имеющего взаимосвязанные элементы, в составе которых самым важным доминирующим элементом является иллокуция (коммуникативная цель). Применение понятия «поле» для анализа форм реализации МРП является существенным вкладом в развитие теории речевых актов и их контрастивное исследование в различных языках, так как полевая модель дает возможность выявить системные отношения элементов, парадигматические и синтагматические отношения актов. Коммуникативно-прагматическое поле – совокупность иллокутивной

силы МРП, объединяющая весь инвентарь разнообразных грамматических, лексических, словообразовательных, синтаксических и др. средств, выражающих определенную иллокутивную цель.

Эпистолярный дискурс как особая форма межличностной письменной коммуникации и специфический стилистически синкретичный тип дискурса является эффективным учебным материалом при обучении РКИ в болгарской аудитории [Лесневска 2016 (г): 457]. Коммерческие письма (КП) – подвид деловых писем, документы хозяйственно-правового значения, осуществляющие письменную коммуникацию в целях осуществления торговой сделки. Деловые письма, в частности КП, являются ценным учебным материалом при преподавании профессионально-делового РКИ в болгарской аудитории [Лесневска 2015: 88-89]. При учебном анализе коммерческой корреспонденции на занятиях по РКИ в болгарской аудитории выделяем модели речевого поведения КП на русском и болгарском языках, применяя метод коммуникативно-прагматического поля. Так, эпистолярный дискурс рассматривается в учебных целях в русле коммуникативно-прагматического, межкультурного подхода. В основе коммуникативного обучения составлению коммерческих писем при обучении РКИ лежат теория перформативности, прагмалингвистика, теория речевых актов, контрастивное изучение моделей речевого поведения, метод коммуникативно-прагматического поля.

Термин «перформатив» появился в теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. Речевой акт – центральное понятие прагмалингвистики, означающее речевое действие – высказывание в ситуации непосредственного общения с адресатом. Перформатив (глагол в перформативном употреблении, перформативное высказывание, перформативное предложение) эквивалентен действию или поступку – т.е. перформатив – это слово и действие одновременно (лат. *performato* – *действую*; англ. *perform* – *исполнять, выполнять, играть роль, представлять*). Так, перформативное действие осуществляется самим речевым актом. Различаются прямые перформативы (рус. *Советую Вам посетить эту выставку* / болг. *Съветвам Ви да посетите тази изложба*) и косвенные перформативы (вежливые просьбы) типа рус. *Вы не могли бы посетить эту выставку* / болг. *Дали бихте могли да посетите тази изложба?* («замаскированный» риторический вопрос).

Понятие иллокуции в эпистолярной связи связано с понятием интенции, цели отправителя письма (адресанта) воздействовать на реципиента (адресата) с помощью письменной речи. Прагмалингвистические особенности КП определяются спецификой эпистолярного дискурса: особой формой речевого общения; наличием адресанта, адресата, вокатива; четко выраженной интенцией адресанта, коммуникативными цепочками писем и писем-ответов. Эпистолярная коммуникация представляет собой особый диалогизированный монолог в письменной форме [Лесневска 2016(а): 276].

Выделяем следующие модели речевого поведения русских и болгарских коммерческих писем: сообщение (набор ассертивов); обещание (набор

комиссивов); просьба, предложение, приглашение, совет, предупреждение, напоминание, требование, запрет, разрешение (набор директивов); подтверждение, отказ, декларация, объявления (набор декларативов); благодарность, извинение, поздравление, прощание, пожелание, сожаление, надежда (набор экспрессивов):

1) СООБЩЕНИЕ (НАБОР АССЕРТИВОВ) – болг. *съобщаваме, уведомяваме, известяваме* / рус. *сообщаем, уведомляем, ставим в известность*. Ядро асертивной МРП – болг. глагол *съобщавам* в форме мн.ч. 1 лица – *съобщаваме*; рус. *уведомляю – уведомляем*.

МРП сообщения оформляют уведомительные письма: письма-извещения, письма-подтверждения.

2) ОБЕЩАНИЕ (НАБОР КОМИССИВОВ) – рус. *гарантируем, обязуемся, заверяем* / болг. *гарантираме, задължаваме се, заверяваме*.

Напр.: болг. *Безусловно се ангажираме да...; Задължаваме се да...; Ние с настоящето поемаме неотменимо и безусловно задължение...; Гарантираме следното ниво на.....; Гарантираме, че.....; Гарантираме тайната на съобщението* / рус. *Принимаем обязательство; Обязуемся...; Гарантируем....*

Ядро комиссивной МРП – болг. глагол *гарантирам, задължавам се* в форме 1 л. мн.ч.: *гарантираме, задължаваме се* / рус. гл. в мн.ч. *гарантируем, обязуемся*.

Периферия комиссивной МРП состоит из устойчивых глагольно-именных словосочетаний типа болг. *поемаме задължение, ние сме готови да; ще направим всичко възможно да, имаме голямо желание да* – 1 л.мн.ч. / рус. *принимаем обязательство, мы готовы сделать все возможное* и др.

МРП обещания оформляют креативные и гарантийные письма.

3) ПРОСЬБА, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПРИГЛАШЕНИЕ, СОВЕТ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, НАПОМИНАНИЕ, ТРЕБОВАНИЕ, ЗАПРЕТ, РАЗРЕШЕНИЕ (НАБОР ДИРЕКТИВОВ) – рус. *просим, прошу, предлагаем, предлагаю, приглашаем, советуем, предупреждаем, напоминаем, требуем, разрешаем, запрещаем* / болг. *молим, моля, предлагаме, предлагам, каним, съветваме, предупреждаваме, напомняме, изискваме, разрешаваме, забраняваме*.

В ядро директивных МРП входят глаголы: болг. *моля, каня, съветвам, напомням* и др. / рус. *прошу, приглашаю, советую, напоминаю* и др.

МРП просьбы, предложения, напоминания и т.п. оформляют следующие коммерческие креативные письма: письмо-запрос, свободная оферта, презентационные (имиджевые) письма, письмо-приглашение, напоминательные письма.

4) ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, ОТКАЗ, РЕКЛАМАЦИЯ (НАБОР ДЕКЛАРАТИВОВ) – рус. *одобряем, подтверждаем, объявляем, осуждаем, принимаем,*

отказываемся, настаиваю, настаиваем / болг. одобряваме, потвърждаваме, обявяваме, осъждаме, приемаме, отказваме се, настоявам, настояваме.

МРП коррекции оформляют следующие коммерческие письма: письмо-подтверждение, письмо-отказ, рекламации.

5) БЛАГОДАРНОСТЬ, ИЗВИНЕНИЕ, ПОЗДРАВЛЕНИЕ, ПРОЩАНИЕ, ПОЖЕЛАНИЕ, СОЖАЛЕНИЕ, НАДЕЖДА (НАБОР ЭКСПРЕССИВОВ): рус. *благодарим, извиняемся, поздравляем, желаем, сожалеем, надеемся / болг. благодарим, извяваме се, поздравяваме, желаем, съжаляваме, надяваме се.*

МРП речевых ритуалов оформляет следующие коммерческие эмотивные письма: письмо-благодарность, письмо-извинение, письмо-поздравление, письмо-сожаление.

Характерной особенностью КП является синонимия МРП. При преподавании бизнес-русского языка в болгарской аудитории обращается внимание на наличие многообразных синонимических перформативных высказываний, репрезентирующих определенную МРП в русских и болгарских КП.

Напр., синонимия МРП просьбы в письме-запросе – рус. *Просим Вас предоставить данные...; Просим рассмотреть возможность...; Желательно было бы выслать...; Обращаемся к Вам с просьбой отправить нам...; Будем весьма признательны / благодарны, если... – болг. Молим да ни изпратите информация...; Молим направете ни оферта...; Бихме Ви били много задължени, ако...; Бихте ли били така любезни да ни изпратите... .*

Другой характерной особенностью КП является высокая частотность косвенных перформативов в составе МРП коммерческих писем. Особое внимание обращается на употребление косвенных перформативных высказываний со смягченной иллокуцией («мягкой силой»), оформленных при помощи условных конструкций:

Напр.: рус. *Не могли бы Вы нам послать... – болг. Бихте Ви помолили да ни изпратите... Перформативы в составе МРП в рамках КП являются стилевыми маркерами речевой этикетности, вежливости, реализующими «мягкую силу» в текстах КП.*

Особый интерес вызывают письма-экспрессивы с этикетными формулами благодарности, извинения, пожелания, сожаления. Так письма-экспрессивы можно считать инструментами «мягкой силы» [Лесневска 2016 (в): 216].

Подытоживая изложенное, следует отметить, что употребление перформативов в рамках МРП в качестве стилевых маркеров характерно как для эпистолярных письменных деловых текстов, так и для устной деловой речи, в частности, для деловых разговоров по телефону.

Необходимо иметь ввиду, что устная профессиональная деловая речь отличается разговорными признаками, в то время, как для коммерческих писем

характерны сложные предложения. В профессиональной устной деловой речи преобладают простые предложения.

Стилевое разграничение письменной и устной форм межкультурного профессионально-делового дискурса учитывается при преподавании РКИ в болгарской аудитории. Так, на занятиях РКИ проводятся сравнение и сопоставление текстов КП и телефонного разговора на одну и ту же тему, например, на тему рекламаций.

Теория МРП и коммуникативно-прагматического поля является, на наш взгляд, удачной и востребованной базой осуществления межкультурности в образовании, как инструменте «мягкой силы», при реализации межкультурного подхода к обучению иностранным языкам, в частности, при обучении эпистолярному дискурсу в рамках преподавания РКИ в болгарской аудитории. Для воспитания толерантности и формирования межкультурной коммуникативной компетенции в учебном процессе преподавания бизнес-русского языка (коммерческая корреспонденция) необходимо сопоставление русских и болгарских наборов МРП в рамках их коммуникативно-прагматических полей с разграничением ядра и периферии.

Литература

- Базина, Сафонова 2016 – Базина Н.В., Сафонова В.В. Метро, троллейбус, трамвай – читай, используй, изучай. Москва: НИЦ «ЕВРОШКОЛА». 2016, – 45 с.
- Гладров, Которова 2015 – Гладров В., Которова Е.Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения. // Жанры речи, № 2 (12). 2015. – С. 27-39.
- Которова 2013 – Которова Е.Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов. // Томский журнал лингвистики и антропологии, № 1(1). Томск: ТГПУ, 2013. С. 58-67.
- Лесневска 2015 – Лесневска Д.С. Обучение профессионально-деловому общению в теории и практике преподавания РКИ в болгарских нефилологических вузах. // Болгарская русистика, № 1–2. София, 2015. С. 88-98.
- Лесневска 2016 (а) – Лесневска Д.С. Прагмалингвистические особенности эпистолярного дискурса в обучении РКИ в болгарской аудитории. // Сб. Русский язык и культура в зеркале перевода. Москва: Макс Прогресс, 2016. – С. 276-284.
- Лесневска 2016 (б) – Лесневска Д.С. Прагмалингвистические характеристики коммерческих писем на русском и болгарском языках в сопоставительном плане. // Русский язык как инославянский. Белград, 2016. – С. 39-46.
- Лесневска 2016 (в) – Лесневска Д.С. Соотношение рационального и эмоционального в эпистолярном дискурсе (на материале русской и болгарской коммерческой переписки). // Сб. Рациональное и эмоциональное в русском языке. М.: МГОУ, 2016 г. – С. 216-220.

- Лесневска 2016 (г) – Лесневска Д.С. Эпистолярный дискурс в обучении русскому языку как иностранному в болгарской аудитории. // Сб. Светът е слово, словото е свят. Сборник от юбилейната международна конференция на филологическия факултет - 25 години филология. Благоевград: Унив. изд. Благоевград, 2016. – С.457-465.
- Сафонова 2016 (а) – Сафонова В.В. Актуальные проблемы методической подготовки аспирантов в контексте межкультурной парадигмы языкового образования (языковой вуз / языковые факультеты). // Иностранные языки в школе. № 3, 2016. – С. 2-13.
- Сафонова 2016 (б) – Сафонова В.В. Принципы междисциплинарного сотрудничества в проектировании образовательного коммуникативного пространства в высшей школе. // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4, 2016. – С. 17-26.
- Сафонова 2014 – Сафонова В.В. Социокультурный подход: основные социопедagogические и методические положения. // Иностранные языки в школе. № 11, 2014. – С. 29–13.
- Тарева 2016 – Тарева Е.Г. Обучение языку и культуре: инструмент „мягкой силы“? // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», №3 (23). 2016.– С. 94-101.
- Тарева 2017 – Тарева Е.Г. Культура как ключевой концепт лингводидактики. // Русистика без границы. № 1. 2017. – С. 88-98.

Lesnevska, Dimitrina

University of national and world economy

Sofia, Bulgaria

dimitrina_lesnevska@abv.bg

DIALOGUE OF CULTURES IN THE LESSONS OF BUSINESS RUSSIAN LANGUAGE IN THE BULGARIAN AUDIENCE

Abstract. *The article deals with the specifics of the intercultural foreign language teaching of business Russian language in the Bulgarian audience. The analysis focuses on mechanisms of realization of the dialogue of cultures as a tool of „soft power“ in the teaching of intercultural business communication on the basis of intercultural discursive approach. Contrastive foreign language teaching in Bulgarian audience is based on the principle of parallel study of foreign and native languages of business as part of the intercultural dialogue. The speech behavior pattern. is a basic unit of intercultural business communication.*

Keywords: *dialogue of cultures, discursive approach, business Russian language, speech behavior pattern, communicative-pragmatic field.*

РУССКАЯ ЛЕКСИКА В ИНОСЛАВЯНСКОЙ АУДИТОРИИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается уровневая организация смысловой структуры слов в аспекте преподавания РКИ. Знание лексической семантики, по мнению автора, можно представить в виде трёх уровней: денотативного, системного и концептуального, что не только отражает уровни лингвокогнитивного освоения слова, но и помогает организации лексики с целью её преподавания, в том числе в инославянской аудитории, что демонстрируется в статье на материале русского и чешского языков. Владение определённым уровнем семантики слова характеризует и уровень владения РКИ в целом.

Ключевые слова: лексическая семантика, смысловая структура, методика РКИ, славянские языки

Когнитивный аспект изучения лексических единиц в иноязычной аудитории нацеливает на выделение нескольких уровней в её смысловой структуре, что предполагает поэтапное её изучение и освоение. Это соответствует и комплексно-концентрическому принципу обучения РКИ, при котором одни и те же грамматические и лексические явления изучаются на протяжении нескольких этапов, всё более содержательно углубляясь от центра к центру.

Первый, **денотативный**, уровень смысловой структуры (изучаемый на элементарном уровне владения РКИ) связан с денотативным значением лексем, их соотношением с реальными объектами действительности. На этом уровне в близкородственных языках, к коим принадлежат славянские языки, наблюдается много сходств, в особенности среди общей лексики, берущей начало в праславянском языке, например, в названиях животных (*лиса, олень, заяц и др.*), некоторых растений, деревьев (*дуб, берёза, ель, трава и др.*), веществ (*вода, лёд, мёд*), металлов (*золото, серебро, медь*), временных отрезков (*день, ночь*), географических объектов (*гора, море, река*), природных явлений (*солнце, снег, град, ветер*), бытовых реалий (*дом, окно, дверь*), действий (*спать, есть, пить*), состояний (*жизнь, смерть, тепло, горе, радость*) и т. п.

Несмотря на наличие общей для всех славянских языков лексики, облегчающей её усвоение на начальном этапе, уже среди этой части лексикона встречается много «подводных камней» в виде так называемых межъязыковых омонимов (к которым традиционно относят все слова двух или нескольких

языков, имеющих близкое звучание, но разное значение), представляющих собой лингвистическую основу интерференции в плане семантики – переноса денотативного значения близкого по звучанию слова из родного языка в изучаемый.

В каждом отдельном билингвальном описании лексики русского языка в аспекте той или иной национально ориентированной методики состав и характер межъязыковых омонимов будет различным, что требует от преподавателя хорошего знания лексики родного языка учащихся. К примеру, в русско-чешско-словацком языковом пространстве встречаются следующие факты «обманчивых сходств»: рус. (разг.) *обнова* «недавно приобретённая, новая вещь» и чеш. *obnova* «возрождение, восстановление», «свежий, только что выпавший снег», рус. *рассудок* «разум, умственная деятельность» и словц. *rozsudok* «приговор», рус. *погреб* «помещение под домом для хранения овощей, запасов на зиму» и словц. *pohreb* «похороны», *крупница* «мельчайшая частица» – *krupice* «манная крупа», *снежинка* «кристаллик снега» – *snežinka* «подснежник», рус. *пригласить* «позвать кого-л. куда-л.» и словц. *prihlásiť* «зарегистрировать», рус. *погадать* «узнать предстоящие события по картам или другим способам» и словц. *pohadať* «поссорить» и т. п.

На денотативном уровне изучения семантики русских лексем в славянской аудитории можно апеллировать к их внутренней форме – признаку, положенному в основу номинации. Мотивировочные признаки всегда бросаются в глаза при сопоставлении языков, так как сопоставление особенностей мотивации одних и тех же названий в разных языках позволяет увидеть то, на что мы часто не обращаем внимания, – следы языкового творчества народов, специфику его мировидения. Наше мышление во многом носит ассоциативный характер, и анализ внутренней формы позволяет вскрыть ассоциации, возникающие в процессе номинации, установить ассоциативную связь предметов и явлений в языке его носителя. Поэтому внутренняя форма слова имеет большую ценность и для обучения лексике иностранного языка. Образ возникает и в процессе восприятия, и в процессе воспроизведения лексемы. Человек воспринимает окружающий мир образно, познает его в образах и соответственно воспроизводит его образами. Данные современных исследований по психолингвистике позволяют утверждать, что лексемы хранятся в нашей памяти не в виде звуковых комплексов, а в виде образов, составляющих основу внутренних форм значимых единиц [Воронкова 2010: 108]. С помощью внутренней формы система мышления и система языка осуществляют взаимообратные действия – кодирование и декодирование знания. В этом смысле внутренняя форма слова, основу которых составляет определённый образ, имеет большое лингводидактическое значение.

При этом спецификой изучения русской лексики в инославянской аудитории является то, что немотивированная с точки зрения носителей русского языка внутренняя форма слова оказывается мотивированной с точки зрения

иной славянской лингвокультуры, где сохраняются до настоящего времени праславянские лексемы, утраченные русским языком. Так, немотивированной, с точки зрения современного русского языка, является лексема *задрипанный*, однако, имея праславянский корень, она обнаруживает родственные слова в других славянских языках: болг. *дрипа* «лохмотья, рваная одежда», «тряпка», диал. «одежда вообще», а также макед., с.-х., чеш. стар. *dřipa*, *dřip* «лоскут, тряпка», укр. *дрипи* «тряпье» (ЭССЯ). Поэтому для носителей большинства славянских языков эта русская лексема имеет «прозрачную» внутреннюю форму, что облегчает её запоминание.

Внутренняя форма таких однокоренных русских лексем, как *дюжий* «здоровый, крепкий, могучий», *выдюжить* «выдержать, выстоять», *занедужить* «заболеть», *недуг* «болезнь», понятна носителям чешского и словацкого языков в силу того, что в них сохранился ее мотиватор дуг в качестве компонента фраземы *jít / sloužit (komu) k duhu* «идти впрок, на пользу» (ČRFS).

Большое количество общих слов и слов с «прозрачной внутренней формой» создаёт ощущение лёгкости изучения близкородственного языка и позволяет быстро заговорить на нём на элементарном уровне. Однако по мере изучения языка нарастают интерференционные процессы, которые, существенным образом тормозят быстроту и эффективность его усвоения.

Структурно-семантический принцип оказывается ведущим на следующем уровне изучения лексической семантики, который можно обозначить как **системный**. Он предполагает выявление системных: парадигматических и синтагматических – возможностей лексемы. Этот уровень смысловой структуры слова начинает осваиваться на начальном этапе и особенно активно рассматривается на продвинутом этапе (уровни обученности РКИ А2-В1). Парадигматику слов составляет его включённость в синонимические ряды и антонимические пары, тематические и лексико-семантические группы, деривационные гнезда, гипо-гиперонимические, паронимические отношения. Не все слова имеют все парадигматические характеристики. Так, известное всем славянам слово *огонь* имеет синоним *пламя* в качестве антонимов можно рассматривать лексемы *вода* (как противоположная стихия), *лёд* (как вещество с очень холодной температурой, в отличие от огня с очень высокой, ср. у Пушкина: «*Лёд и пламень* не столь различны меж собой»). Оно входит в тематическую группу «Вещества» наряду с лексемами *жидкость*, *земля*, *металл* и пр. Его словообразовательные возможности в русском языке демонстрируют производные *огонёк*, *огненный*, *огнеопасный*, *огнедышащий*, *огнестрельный*, *огнеупорный* и др.

Синтагматика слова обеспечивается его возможностью сочетаться с другими лексическими единицами данной языковой системы. Синтагматические связи общих для двух славянских языков слов нередко демонстрируют не только сходства, но и многочисленные различия, определяемые несовпадением их

лексической валентности (сочетаемостными возможностями). Работа над **синтагматикой** помогает во многом «очерчиванию» семантического поля изоморфных лексем с разной семантикой в двух родственных (родном и изучаемом) языках и, кроме того, имеет очень большое лингводидактическое значение. Как известно, слова хранятся в нашей памяти не изолированно, а соединяясь между собой при помощи ассоциаций. Ассоциации играют роль не только для запоминания лексем, но и закрепления их в долговременной памяти. Ассоциативное соединение лексем во многом обусловлено их синтагматическими возможностями. В силу того, что наша речь имеет линейную структуру, работа над синтагматикой слова помогает вывести его в речь, включить в речевой поток, подчиняя запоминание лексики умению говорить. Это позволяет быстро и эффективно закрепить различия в их семантике и предотвратить неизбежную в данном случае семантическую интерференцию. К примеру, адъективные образования с суффиксом *-л-* от глагола движения *идти* с приставками: *пришлый, прошлый, пошлый, дошлый, ушлый* – известны и в русском, и в чешском языках, но с абсолютно разной семантикой, что приводит к семантической интерференции в их использовании, борьбе с которой помогает демонстрация их различных синтагматических возможностей в изучаемом и родном языках. Так, с прилагательным *пошлый* «низкий, безвкусный, грубый» в русском языке возможны сочетания: *пошлая среда, пошлый человек, пошлый анекдот* и т. п. В чешском языке изоморфное *pošlý* известно в значении «дохлый, издохший, околевающий» как дериват от глагола *pojít* (рус. *пойти*) «сдохнуть, околесть», напр., *pošlě kuň, pošlá svině*. Слово *прошлый* активно употребляется в современном русском языке в его исходном значении, образуя сочетания: *прошлый год, в прошлый раз, прошлый урок, дело прошлое*. Значение чеш. *prošlý* связано не только с минувшим временем, но и с тем, «кто прошёл, пережил что-то». Например, чешское выражение *člověk, prošlý světem*, буквально «человек, прошедший по миру», означает опытного, много повидавшего человека, что невозможно для его русского коррелята.

С приводимым выше словом огонь возможны такие словосочетания, в том числе и устойчивые, имеющие лингвокультурологическую значимость, как *Вечный огонь, Олимпийский огонь, сильный/слабый огонь, зажечь/погасить (потушить) огонь, высечь огонь* и др. *Священный, божественный огонь, огонь поэзии* – символ вдохновения в русской культуре, творческого дара, поэтического воодушевления. Рус. выражение *прометеев огонь* употребляется, когда говорят о неугасимом стремлении человека к достижению высоких целей, несмотря на возможные лишения на этом пути.

Наконец, третий, высший, уровень семантики – **концептуальный** – предполагает выявление разного рода коннотативных наращений, символических значений, что напрямую связано с культурой народа-носителя данного языка, и потому на этом уровне наблюдаются многочисленные расхождения даже в языках близкого родства. Он основан на культурологическом подходе к изучению языковых фактов, при котором лингвистов интересует

бытование той или иной лексемы в языковом сознании представителей национального лингвокультурного сообщества, вся совокупность её семантических переосмыслений и культурно-исторических наращений, что вербализуется в переносных значениях данной единицы, во фразеологии, в поговорках. «Обыденное», денотативное, значение слова, которое изучается на уровнях А1-А2, континуируется в «символических», вторичных, значениях, осваиваемых на высших уровнях – В1-С1.

При вторичном использовании языкового знака в качестве номинанта он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом. В результате вторичные номинации становятся репрезентаторами этнокультурной специфики, выразителями эталонов, стереотипов и символов определённой этнокультуры. Сложность межславянского диалога культур во многом заключается в том, что общая в формальном отношении лексика славянских языков характеризуется неравномерностью её смыслового, метафорического, символического развития. Этим отчасти объясняется всё большая трудность в изучении русского языка инославянами при движении от начального и продвинутого этапа к высшим. Продемонстрируем это на примере анализа символических значений лексемы *огонь*, о которой уже шла речь выше.

Несмотря на большую общность в символическом восприятии образа огня в русской и чешской лингвокультурах, имеют место и некоторые особенности образного восприятия этого явления. *Огонь* в доме, *очаг* выступает у русских символом домашнего уюта, тепла, откуда пошла выражения *домашний очаг*, *зайти на огонёк* («зайти в гости, увидев свет в окнах»), *греться у чьего-л. огня*. С другой стороны, огонь является символом ада в русскоязычной культуре: в православии считается, что грешников ждёт *геенна огненная*, им уготовано гореть в аду, испытывая вечные муки. Огонь обозначает у русских не только источник света (*днем с огнем не найдешь*), но и причину чего-либо (и отрицательную, и положительную), в то время как дым, идущий всегда от огня, - следствие, что вербализовано в поговорках: *Нет дыма без огня; Из искры возгорится пламя; Как бы мал огонь не был, всегда от него дым*.

Этноспецифическим, исторически обусловленным в чешском языке является образ огня, на котором раньше нагревали железные вкладыши в уют. Эта прототипическая ситуация послужила основой ряда фразем: *želízko v ohni*, букв. «железка в огне», т. е. «шанс, надежда, запасной козырь», *mít / držet želízka (cihličky) v ohně*, что означает «вести двойную игру». Оказалась не эксплицитированной в русской фраземике и мысль о возможности воспользоваться пожаром, возгоранием для обогащения (она реализована в развёрнутом виде в русской культуре, напр. в повести В. Распутина «Пожар»): чеш. *tahat kaštany z ohně*, букв. «носить каштаны из огня», хотя данная фразема может выражать и жертвенность (т. е. рисковать жизнью ради кого-то).

Примечательно, что череда бед ассоциируется в русском языковом сознании с «огненными» образами (*из огня да в полымя*), а в чешском – с «водными» (*z bláta do louže*, букв. «из грязи в лужу»), на основании чего можно сделать вывод, что беда у русских связывается в большей степени с огнём, а у чехов прослеживается некоторое разделение: чужая беда связана с огнём, а собственная беда ассоциируется с водой, что объяснимо экстралингвистическими причинами (частыми наводнениями из-за разлива рек). Противопоставленность *огня* и *воды* особенно ярко выражена в чешской культуре: чеш. *jsou jako oheň a voda* (букв. «они как огонь и вода»), *spojovat oheň s vodou* («соединить несоединимое», букв. «соединить огонь с водой», ср. с рус. *соединить коня и трепетную лань*), *milovat jako oheň vodu* («очень сильно не любить кого-л., ненавидеть», букв. «любить как огонь воду»).

Знание семантического объёма того или иного слова на концептуальном уровне, т. е. с учётом его метафорических переосмыслений и символических употреблений, позволяет говорить о высоком уровне владения иностранным языком. Символы вместе со стереотипами и эталонами составляют ту прагматическую надстройку, знание которой необходимо каждому, кто нацелен на диалог культур, на эффективную межэтническую коммуникацию.

Таким образом, идея о «трёхслойном» характере смысловой структуры слова важна не только для лексикологии и семасиологии, но и для лингводидактики, должна учитываться при преподавании РКИ. Владение лексикой на том или ином уровне её смысловой структуры указывает на общий уровень владения языком.

Литература

- Воронкова 2010 – Воронкова О. А. Внутренняя форма фраземы как лингвокогнитивная категория (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 186 с.
- Лазарева 2012 – Лазарева О. А. Лингвокогнитивные основы обучения иностранцев русской лексике. Монография. С.-Петербург, 2012. 250с.
- Телия 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996. 284 с.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О. Н. Трубачева). М., вых. с 1974. (В тексте ЭССЯ)
- 6 . Mokienko, Wurm 2002 – Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002. (В тексте ČRFS)
- 7. Čermák, Filipová, Holub. 2009 – Čermák F., Filipová K., Holub J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Praha, 2009. (В тексте SČFI)

RUSSIAN VOCABULARY IN THE COURSE OF THE RUSSIAN LANGUAGE FOR SLAVIC STUDENTS: COGNITIVE AND METHODIC ASPECTS

***Abstract.** The article deals with the level organization of the semantic structure of words in the aspect of teaching Russian as a foreign language. The knowledge of lexical semantics, in the author's opinion, can be represented in three levels: denotative, systemic and conceptual, which not only reflects the levels of linguistic cognitive development of the word, but also helps the organization of vocabulary for the purpose of teaching it, including teaching Russian language for Slavic students. It is demonstrated in Article on the material of Russian and Czech languages. Possession of a certain level of word semantics characterizes the level of possession of Russian as a foreign language in general.*

***Keywords:** lexical semantics, semantic structure, methodology of Russian as a foreign language, Slavic languages*

„ПУТЬ И ЕСТЬ ЦЕЛЬ” – ТРИЛИНГВАЛЬНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ (ОПЫТ РАБОТЫ В 6 КЛАССЕ)

***Аннотация.** В статье представлен практический опыт обучения русскому языку – языковое соревнование для стимулирования мотивированного самообучения и активного участия учащихся.*

В интерактивную технологию повышения языковой и социокультурной компетенции учащихся входят различные языковые, творческие, командные задания: перевод, игра с публикой, викторина, дуэли команд, музыкальные исполнения, минивыставка.

Сегодня учителю важно и необходимо искать интересные темы и формы в обучении и общем развитии личности.

Любое обучение – это двусторонний процесс, взаимодействие партнёров и заинтересованных сторон. Это особенно относится к обучению языку, где, в отличие от других наук, часто главная проблема связана не с содержанием, а с формой высказывания.

Обучение иностранному языку в средней школе требует больше работы для повышения мотивации учащихся и их осознанной самоподготовки. В современном мире, учитывая особенности мышления, жизни и воспитания молодёжи, необходимо всё чаще искать и реализовать интересные идеи, но не просто забавные, а образовательные, интеллектуальные занятия в сочетании с увлекательной формой или демонстрацией. Нельзя упускать шанс работать по-новому, если в классе большинство детей умные, воспитанные, амбициозные и старательные. С такой группой интересно практически все – не только непосредственно в процессе обучения, но и в общении, в неформальных взаимоотношениях.

Данный 6-ой класс обучался по учебной программе более интенсивного изучения двух иностранных языков – русского и английского. У каждого из ребят свои интересы и разносторонний опыт, но и в группе в целом совпадали образ мышления, мировоззрение и увлечения. Все эти факторы дают возможность проводить много нетрадиционных уроков, внеклассной работы, легче и успешнее разрабатывать проекты и инициативы.

Реализация нашей идеи проведения трилингвального соревнования (на русском, английском и болгарском языках) включает несколько этапов. Основные – это подготовка лексического и социокультурного материала, организация и сопутствующие задачи, и само проведение (21.05.2015 г.) как кульминация работы.

В качестве эпитафии и основного принципа выбраны слова Лао Цзы «Путь и есть цель». Идея в том, что важнее не просто достичь желанного места, эффекта или результата. Важнее – пройти путь и процесс изменения, совершенствования, реализации и закрепления нужных качеств, знаний, возможностей и событий.

Как у всех подобных форматов, и у нас был свой логотип:



Схожие цвета флагов, символика открытой книги, необычное название – основные элементы нашего знака. Сам выбор логотипа или других символов выбранного формата – это возможность прямого участия в разрабатывании и осмыслении его направлений, деталей, смысла и задач. Во время подготовки на занятиях мы обсуждали проведение различных соревнований и форумов как часть общего интеллектуального и практического опыта и социокультурной компетенции учащихся. Через год с этим же классом мы провели симулятивную игру в формате учебной научной прессконференции на тему «Гравитационные волны – эпохальное открытие нашего времени». Ребята амбициозные, мотивированные и ориентированные на высокоинтеллектуальную деятельность как цель своего дальнейшего развития.

Важная формальная часть – это бейджи. Они определяют статус участников, придают им уверенности, влияют на самочувствие и требуют ответственного отношения к поставленным задачам. Мы традиционно делаем бейджи разного цвета в зависимости от группы и области участия. Такой подход облегчает общение и организацию, особенно для гостей, привлекает внимание и стимулирует интерес к событию. В нашем языковом проекте бейджи были на третьем, болгарском языке.



В центре нашей идеи – соревнование команд. Так как класс большой – 30 человек, мы сформировали две команды по 11 человек, включая капитана – «Байкал» и «Buckingham». Члены команд поочередно выполняли различные задания на разных этапах. Остальные принимали участие в сопутствующей работе по организации и проведению языкового практикума. Одна из важнейших целей была возможность для каждого найти применение своим умениям и идеям. В роли зрителей выступали учащиеся двух других 6-х классов, изучающих русский язык, а также коллеги.

Учащиеся 6 б класса прошли вместе сложный путь подготовки к нашему соревнованию. Они переводили вопросы викторины, предлагали задания, отбирали слова, искали дополнительную информацию, обсуждали правила и регламент, выбирали музыкальный фон, делали рекламные постеры для зала, взаимодействовали с другими учителями и ещё много другого. Каждый нашел себе посильную и интересную задачу, чтобы проявить свои способности и желание в общей работе.

Несмотря на это соревнование получилось непредсказуемым и с жесткой конкуренцией, было много драматических и забавных моментов. Для учителя интересно и полезно наблюдать за поведением ребят в стрессовой ситуации и внеклассной работе. Именно тогда проявляются некоторые лучшие и худшие качества, заложенные природой в человеке.

А сотрудничество в команде не каждому дается легко и сразу. Готовность к нему бывает врожденной и приобретенной. Можно и нужно обучать основам такой деятельности, но необходимо уметь и выделять людей с подходом и способностями находить общий язык в совместной работе.

Так, во время соревнования поведение команд сильно отличалось. Одна из них объединилась и была настроена доброжелательно, а другая часто оспаривала решения и ответы, взаимоотношения между членами были напряженные. Внеклассная работа в школе всегда несет риск неожиданных изменений и поворотов, которые учитель не может предвидеть и предотвратить заранее. Поэтому подобные инициативы являются в таком ключе стрессовыми и для организатора и инициатора.

Не удалось найти примеры проведения подобных соревнований с использованием трех языков. А и хотелось абстрагироваться от подобных разработок, от неизбежного влияния и корректирования нашей идеи и подстраивания под рекомендации или общую практику. Наверное, может неосознанно, может просто логически оптимально и подчинено ограничениям языкового общения, все-таки есть сходство с подобными состязаниями в формате заданий, количестве участников и т. д.

В подобном формате нагрузка в основном психологическая и состоит в постоянном переключении между тремя языками практически во всех основных видах речевой деятельности – чтении, письме, говорении и аудировании.

В ходе подготовки и обсуждений в классе были выбраны не очень сложные задания. Основными целями были не демонстрация максимальных достижений, а разнообразие, конкурентность, интерес и участие менее подготовленной публики, положительная эмоциональная реакция, мотивация и самочувствие. Более сложные задачи ограничили бы понимание и интерес и участников, и зрителей.

Регламент строился на чередовании заданий по сложности, целевой группе, месту и интенсивности. Были добавлены выставочный уголок, музыкальные выступления, веселые призы и поощрения.

Сценарий соревнования включал:

- оформление зала – флажки, постеры, функциональные зоны и др.;
- приветствия и выставочный уголок экспонатов из России и Великобритании – сувениры, посуда, открытки, постеры, карта, самовар, куклы, словари, книги и др.;
- игры с публикой – перевод слов с болгарского на русский и английский язык (пол-очка за перевод только на один из языков, очко – за полный ответ), общее количество слов – 96, в три этапа;
- музыкальные загадки для публики и команд, музыкальное оформление в начале и в конце (всего 10 русских и английских мелодий);
- викторина – 35 вопросов к участникам команд; условно «**Байкал**» представлял русский язык, а «**Buckingham**» – английский (вопросы задавались перекрестно – вопрос на английском языке был связан с Россией и отвечали по-русски, вопрос на русском относился к Великобритании, ответ – на английском языке). Каждая команда отвечала и по-русски, и по-английски на вопросы о России и Великобритании.
- музыкальные поздравления в исполнении команд для краткого отдыха или подсчета результатов;
- прямые дуэли у доски – кульминация соревнования – 15 разнообразных заданий для участников команд (с поддержкой из публики) на описание, изображение, ассоциацию, отгадывание понятий, связанных с культурой, природой, литературой, музыкой, одеждой, кулинарией, государственными символами, интернетом и др. России и Великобритании;
- перевод слов и словосочетаний – для участников двух команд (по 22 задания на команду, лексика сложнее, чем в игре с публикой);
- объявление результатов и награждение команд;
- специальные призы и награды для самых активных зрителей и получивших больше всего очков в играх с публикой – зрители убедились, что учиться может быть интересно и забавно.

Роли и задачи в нашем соревновании были разные:

- члены и капитаны команд;
- охрана и безопасность;
- музыкальный оператор;
- реклама и медиа;
- ведущая;
- агенты-активисты;
- разного рода помощники и сотрудники;
- координатор проекта.

Некоторые роли и названия были предложены самими участниками. Всегда интереснее играть конкретного героя со своим именем, должностью, обязанностями и особенностями, чем просто участвовать в общей безличной категории.

Роли и задачи формировались в процессе обсуждения и подготовки и зависели от формата, цели, темы и направления работы.

Для каждой группы были свои специфические задачи.

Для публики:

- перевести слова на русский и английский язык (за правильный ответ пол-очка или очко);
- угадать мелодию;
- поддержать команды, дополнить или исправить их ответ;
- заслужить признание одноклассников и получить награды;
- поверить в свои силы и возможности;
- хорошо провести время.

Для участников команд:

- перевести слова на русский и английский язык;
- ответить на вопросы викторины (перекрестно);
- выполнить задания в прямой дуэли у доски (одновременно представители команд);
- исполнить песни на русском языке;
- угадать мелодию;
- соблюдать спортсменский дух и правила игры;
- показать свои знания и таланты с лучшей стороны;
- заслужить признание одноклассников и получить награды;
- победить;
- хорошо провести время.

Постфактум легко делать разбор и удивляться как вот это или то получилось, как мы не предвидели и не изменили чего-либо. В незнакомом формате невозможно предвидеть все обстоятельства и поведение участников. Во время подготовки и реализации мы столкнулись со **сложными моментами**, неожиданными поворотами и ситуациями – отсутствие членов команды и капитана, хитрости публики, опоздание части гостей, психологические аспекты и др. Невозможно было всего предвидеть и оценить заранее, но после первого блина уже можно усовершенствовать рецепт и алгоритм.

Для публики сложным оказалось:

- сидеть спокойно;
- вспомнить слова – и по-русски, и по-английски;
- соблюдать честную игру (для некоторых);
- сдерживать эмоции.

Для участников команд:

- отвечать перекрестно на двух-трех языках;
- сдерживать эмоции;
- постараться играть в команде, а не индивидуально;
- проявить себя творчески в напряженной обстановке;
- проявить стойкость и выдержку (жара, напряжение игры без перерыва, конец учебного года).

Для ведущей:

- шум в зале;
- уследить кто первый и как ответил;
- вести и для команд, и для публики;
- читать задания и вопросы на трех языках;

Для организатора:

- составить регламент и общие рамки задач;
- непредвиденные обстоятельства;
- шумная атмосфера;
- хитрости зрителей;
- неполадки в командах и между ними;
- свои ошибки и пропуски в организации и планировании.

При выборе конкретной лексики для заданий основными критериями были не столько степень трудности или максимальный обхват тем, а общий уровень знаний, возможность быстрой реакции участников команд и публики, обеспечение мотивации и спокойного проведения соревнования. Определенное разделение обосновано целевой группой и форматом: для членов команд были подобраны более сложные задания.

Примеры заданий на перевод для публики

изложба	выставка	exhibition
очи	eyes	глаза
137	hundred thirty-seven	сто тридцать семь
тениска	t-shirt	футболка
светло син	light blue	голубой
таралеж	hedgehog	ёж
кутия	box	шкатулка
килим	carpet	ковёр
разхождам се	walk	гулять
преди	before	раньше

Примеры заданий на перевод для команд

павильон	stall	киоск
джапанки	flip flops	вьетнамки
грозде	grape	виноград
най-много	most of all	больше всего
наоколо	around	вокруг
сянка	shadow	тень
коприна	silk	шелк
струва ми се	it seems to me	мне кажется
евтин	cheap	дешевый
минувач	passerby	прохожий

Примеры заданий викторины

как звучит полное официальное название Великобритании	what's the full name of Russia
как зовут автора самой известной теории развития человека, как название его корабля	who was the first cosmonaut in the world, and what's the name of his spaceship
в каком городе проводилась Летняя олимпиада в 2012 г.	in which city was the 22-nd Winter Olympics in 2014
как называется валюта Великобритании, напишите ее знак	what's the currency of Russia called, can you write its sign

назовите музыкальный инструмент Великобритании	name a traditional Russian musical instrument
назовите национальную английскую одежду	name a traditional Russian clothing
к какой группе народов относятся англичане	which group does the Russian nationality refer to
как называется английский пролив, разделяющий Европу и Африку	which city and region is separated from the main territory of Russia
какая река протекает в Лондоне	which river goes through Moscow
сколько цветов на английском флаге и какие эти цвета	how many colors are there in the Russian flag and what are they
как называется озеро, известное своим праисторическим обитателем	what's the name of the deepest lake in the world, famous for its nature and fresh water
как называется самый известный музей в Великобритании, где он находится	how is the name of the most famous museum in Russia and where is it
самая высокая оценка в Великобритании – это ...	what is the highest mark in Russia
назовите имя английского поэта, композитора, спортсмена, писателя, ученого и др.	name one famous Russian musician, writer, sportsman, scientist and others
назовите имя и дату большого ирландского праздника	on which holiday do Russians eat pancakes the whole week
как называется башня с часами в Лондоне, на берегу реки Темза	what's the name of the square in the centre of Moscow
какого цвета машины такси в Лондоне	what tree is the symbol of Russia

Примеры заданий для прямых дуэлей на доске

нарисуйте контур на символ <i>Англия/Русия</i>
нарисуйте знамето на <i>Англия/Русия</i>
напишите възможно най-дълга дума на <i>английски/руски</i> език
назовете типично ястие за <i>Англия/Русия</i>
назовете три националнозначими <i>английски/руски</i> песни

опишете на руски <i>двуетажния автобус</i> /на английски <i>матрьошката</i> (публика отгадывает слово по описанию)
назовете 3 животни на руски/английски език
коя дума най-много ви харесва в руския/английския език
нарисувайте типична дреха за Русия/Великобритания
кажете поговорка или пословица на руски/английски език
кажете кратко стихотворение на руски/английски език
напишете интернет разширението за Русия/Великобритания

Соревнование проходило в конце учебного года, в приподнятой и временами азартной атмосфере. По словам участников и зрителей было весело и полезно, результат положительный, можно делать ещё.

Учитель всегда должен замечать и учитывать усилия, желание и уделенное время, которые участники вложили в подготовку и реализацию внеклассной работы или проекта. А дети всегда рады наградам. Несмотря на ограниченные средства, мы постарались поощрить участников. Целью наших скорее символических и психологических призов и наград было повысить самочувствие и мотивацию участников, укрепить их веру в свои силы и возможности, поднять настроение и дать основание похвастаться перед друзьями. Призы были сделаны самими учащимися 6 б класса и имели особый смысл и символику, занявших 1-ое, 2-ое и 3-ье места зрители ждала и «татуированная» похвала на трёх языках соответственно: «Молодец», «Well done», «Браво».

Для команд:

- победа в соревновании;
- сладости и шары;
- шестерки.

Для зрителей:

- сладости и шары;
- браслеты с особой символикой для первых трех мест;
- «татуировка» маркером на руке для призеров.

Была идея сделать грамоты и заказать для участников ручки с надписью «Путь и есть цель», но мы не успели из-за ограниченных средств и напряженного графика в конце учебного года.

После проведения подобной внеклассной работы можно и нужно делать выводы с разных аспектов. Важно постараться выявить пропуски и нестыковки, проследить с чем они связаны и как их избегать.

Особенности класса, учебной программы, личности учащихся, период проведения – все это оказывает влияние, и в каждом классе результат будет отличаться. Но можно сформулировать и общие выводы и закономерности подобных форматов. Акцент лучше ставить на положительные стороны и перспективные направления в выборе тем и форм внеклассной работы.

Основные **выводы** после проведения трилингвального соревнования *Anglussian day* с учащимися 6 класса:

- ребятам нравятся внеклассные проекты;
- ребята могут и хотят (и лучшие увлекают остальных за собой);
- всем было интересно и было желание выразить себя;
- важно принимать идеи ребят и дать им возможность активно участвовать в организации;
- в процессе подготовки и проведения подобных инициатив возрастает мотивация, интерес и самочувствие как у участников, так и у зрителей;
- повышается уровень знаний, умений, навыков и психологической реакции как на лингвистическом, так и на организационном и практическом уровне;
- даже при ограничении средств можно придумать интересные идеи и соответствующие награды;
- подобные соревнования относительно легко сочинить и сложнее провести;
- подобные инициативы оказывают положительное воздействие на дальнейшей работе в классе, на определенное время повышаются активность, достижения и результаты обучения;
- важен и эмоциональный аспект подобных соревнований – хорошо провести время и сохранить отличные воспоминания;
- основной вывод – нужно чаще организовать интересную внеклассную работу.

Наш мир сужается и становится всё более динамичным. Языки как средство общения ведут во все стороны. Во все стороны ведут и идеи, желания, стремления и таланты современных молодых людей. Во все стороны может повести их и наш опыт, энергия и вдохновение.

«Путь и есть цель». И на этот раз путь развития общей, языковой, социальной и психологической культуры мы прошли вот так – соревнуясь и побеждая.

«THE PATH ITSELF IS THE OBJECTIVE» – TRILINGUAL COMPETITION (EXPERIENCE IN WORK WITH 6TH GRADE)

Abstract. *The article presents practical experience in teaching Russian – A language competition aiming to stimulate the motivation for self-learning and active participation of the student.*

The interactive technology for increasing the lingual and socio-cultural competence of the student includes various lingual, creative and team based tasks: quizzes, translation, games with the audience, team competitions, musical performances, art exhibitions.

Today it is vital that the teacher discovers interesting topics and forms of education and the overall development of the personality.

Keywords: *Russian as a foreign language; 6th grade; interactive technology; language competition; teamwork.*

ТРУДНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ В БОЛГАРИИ

***Аннотация.** В статье поставлен акцент на роль исторических факторов, оказавших соответствующее влияние на преподавание и популярность русского языка и русской литературы XX века в Болгарии в контексте современных условий развития. Выявлена потребность преподавания фоновых и междисциплинарных знаний при усвоении русского языка и русской литературы в болгарской аудитории нефилологического вуза.*

***Ключевые слова:** русский язык, РКИ, русская литература XX века, русская культура, русский, литература*

1. Русская литература XX века в болгарской аудитории нефилологического ВУЗа.

Любое литературное произведение всегда несет в себе отражение эпохи, в которую создано и отношение автора к событиям, отраженным в литературном действии. Это с большей силой можно проследить в произведениях, в которых есть элементы определенных исторических периодов.

Понимание литературного произведения, его восприятие и соответственно, построение адекватного отношения к его художественной ценности предполагает определенные базовые, фоновые знания, которые должны быть у читателя. Схожая потребность возникает и при восприятии иностранного литературного произведения, содержащего специфические реалии быта и истории незнакомой для читателя действительности. Например, для неболгарского читателя необходимы основательные фоновые знания болгарской истории и болгарского народа, для того чтобы оценить по достоинству такие произведения как „Време разделно” (Время раздельное), „Под игото” (Под игом), в которых литературный сюжет тесно связан с конкретными фактами болгарской истории.

По этому поводу хочется поделиться опытом, в связи с проблемами, которые возникают в процессе преподавания русской литературы XX века в болгарской аудитории. Особое внимание уделим литературе из цикла „Лагерной прозы”. В программу учебного предмета включено произведение Александра Солженицына „Один день Ивана Денисовича”, рассказы Варлаама Шаламова и повесть Анатолия Приставкина „Ночевала тучка золотая”.

По разным причинам – объективным и субъективным, студенты не знают недавнее прошлое России. Сталинские репрессии, довольно трагический исторический факт в истории русского народа полностью, или почти полностью незнаком для них. Такое их непонимание делает неполноценным восприятие и понимание цикла произведения, связанные с этими фактами, отраженными в определенных произведениях, имеющих знаковый характер для русской литературы XX в. и по этой причине включены в учебную программу данного предмета. В тоже время отсутствие подобной исторической компетентности у студентов мешает и при их знакомстве с творчеством более поздних авторов, таких как Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы и др.

По этим и другим причинам приходится на занятиях по русской литературе провести, хотя и вкратце, исторический обзор, посвященный определенным фактам истории России.

Как известно, „Один день Ивана Денисовича” Александра Солженицына – первое литературное произведение из цикла художественных произведений, определенных литературными исследователями как „лагерная проза”. Произведение, написанное и изданное в начале 60-х годов XX в., появление которого вызвано не только личными переживаниями автора, но создает еще и обобщенную картину политической ситуации СССР в достаточно долгий исторический период. Исторические факты в рассказе представлены через личную призму автора. В языковом плане текст содержит исключительно много реалий времени и места, где происходит действие – лагерь, что еще затрудняет восприятие текста.

Для того чтобы создать необходимую историческую компетентность у студентов в историческом обзоре предоставляются сведения о причинах, которые привели к появлению лагерей в СССР, для механизма их действия и для исторических личностей, генерировавших и осуществивших эту идею.

Слово ГУЛАГ следует воспринимать не только как аббревиатуру Главного управления лагерей, но и как аппарат исполнения наказаний. Это обозначение целостной советской системы наказания после 1930 г., когда появляется Главное управление лагерей (ГУЛАГ).

Основная цель лагерей – трудом осужденных разработать природные богатства страны. По этой причине лагеря находятся в отдаленных, слабозаселенных местах, охватывая много районов России – северный, сибирский, среднеазиатский, дальневосточный. В этих местах лагерники первые кто заселился там, на местах лагерей позже возникают города. По официальным данным к 1 июля 1944 г. в СССР существует 125 лагерей, где количество заключенных превышает 2 миллиона.

Волна репрессий советских граждан, известные еще как Сталинские репрессии, которые начинаются в СССР в 20-х годах XX в. и продолжаются до 50-х годов. Вначале это „враги революции”, но позже охватывает достаточно широкие социальные слои населения. Вид и форам репрессий меняются и обогащаются с годами.

Случившихся их жертвами можем разделить на три группы: осужденные по известной статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. – „наказания о контрреволюционных преступлениях”, жертвы раскулачивания в начале 30-х годов, когда на территории СССР национализируется земля и создаются колхозы, и жертвы так называемой „депортации народов”, которая очень активна после Второй мировой войны. Тогда насильственно разные националисты были заставлены покинуть свои родные места и поселиться в далекой глубинке СССР. В результате чего огромная часть их умирают в дороге, от непривычного климата и от нехватки элементарных условий для жизни.

Согласно ст. 58 Уголовного кодекса судятся не только противники большевистской революции 1917 г., но и люди, оказались под ударом власти по социальному признаку – бывшая аристократия, помещики, священники, интеллектуалы. Интересно то, что до смерти Сталина осуждаются люди по данной статье Уголовного кодекса СССР.

Во время принудительной коллективизации сельского хозяйства количество репрессированных доходит до 1.5 миллионов, почти 700 000 были расстреляны.

После Второй мировой войны репрессии продолжают, им подвергаются и граждане оккупированных территорий, а так же и советские солдаты, попавшие в плен.

Параллельно с этим в пределах ГУЛАГа существовали женские и детские лагеря, в которых были близкие осужденных, их жены и дети. Особо тяжелой была судьба детей, многие из которых умирают с голоду, лишений и болезней.

Репрессии продолжают до смерти Сталина в 1953 г. По официальным данным через лагеря прошли 20 млн. советских граждан.

Знакомство студентов с этими подробностями исторических фактов делает полноценным восприятие творчества писателей, выбравших лагерную тему. Хотя и в сокращенном виде, оказывается, что исторический обзор создает необходимую историческую основу для понимания и восприятия фактологии, отраженной в лагерной прозе, а и не только в ней.

Например, рассмотрение первого произведения Александра Солженицына „Один день Ивана Денисовича” намного легче, более понятно время и место действия, ясна жизнь Ивана Денисовича в суровых сибирских условиях, намного легче идет ориентация в лагерных реалиях и в установленном лагерном режиме. Объяснимы жестокие климатические условия – лагерь далеко на севере, легко объяснить бытовые условия, отношения между отдельными героями в произведениях.

Учитывая эти обстоятельства, студенты погружаются в мир Ивана Денисовича, их умственные усилия и их эмоциональный настрой направлены к восприятию и оценке художественного мастерства писателя. Зная лагерную реальность, они уже могут делать углубленный анализ произведения, сделать сравнение между исторической и литературной истиной, искать и оценивать художественные приемы автора при интерпретировании исторических фактов.

Естественно приходя к выводу, что герой Солженицына Иван Денисович это сборный образ миллионов, прошедших через сталинские лагеря.

Схожим способом воспринимаются произведения В. Шаламов и А. Приставкин. Но если у Шаламова, который в своих рассказах отражает свои личные впечатления от пребывания в сталинских лагерях лаконичным и беспристрастным способом, студенты имеют возможность сделать сравнение между его художественным языком и тем что использует Солженицын, и тем саамам совершенно по иному относятся к повести „Ночевала тучка золотая”. Дополнительные сведения и нюансы в восприятии лагерной русской прозы вносит повесть Анатолия Приставкина. Волнующий рассказ о детях, смазанных репрессивной сталинской машиной вряд ли бы нашла более эмоциональную интерпретацию.

Разумеется, русская литература XX в. не исчерпывается только „лагерной прозой”. В программу по русской литературе вошли разные авторы, произведения различной тематике. Но то, что их объединяет, традиционно русская литература всегда была узко связана с реальной действительностью и ее понимание в глубине и в нюансах почти невозможно без хорошего знания реальных исторических фактов.

Молодость студентов другое основание давать им на занятиях по литературе и исторические фоновые знания. Поколение сегодняшних студентов живет во время, когда на первый взгляд недалекое прошлое далеко в прошлом и непонятно для современной молодежи. Довольно трудно неосведомленная молодежь поймет, почему миллионы людей, в том числе и писатели как Александр Солженицын, Анатолий Приставкин, Варлаам Шаламов попадали в лагеря, прошли через все круги ада и уцелели, несмотря на все законы человеческой выносливости. Может быть, знакомство с их произведениями подскажет им ответ на все вопросы, которые могут встать перед молодыми читателями.

2. Русский язык в болгарской аудитории нефилологического ВУЗа.

Культура и язык – организация и соответственно организационная культура – языковая культура все это термины, связанные с успешной профессиональной реализацией будущих специалистов. Русский язык, русское слово и русская культура, языковая культура – все взаимосвязано и взаимозависимо, когда речь идет о русском как иностранном. Межкультурное взаимодействие и изучение близкородственного русского языка болгарскими студентами переходит через разные этапы в процессе изучения языка, так как между болгарским и русским языком достаточно много сложностей выступает на уровне усвоения из-за близости лексики, близкой языковой культуры и организационной культуры как элементов быденного и делового общения.

Изучение и соответственно владение иностранным языком является одним из залогов успешной профессиональной реализации специалистов как широкого, так и узкого профиля в разных направлениях.

Основным мотиватором изучать русский, да и любой другой иностранный язык связан с достижением таких целей как:

- развитие языковой культуры путем овладения иностранным языком;
- расширение знаний в профессиональной сфере обучаемых путем использования научной литературы на иностранном языке;
- установление профессионального общения с русскоязычными коллегами напрямую на русском языке, а не через язык – посредник (например: английский язык).

Все перечисленные цели так же окажут влияние и на будущее развитие и профессиональную реализацию любого обучаемого – будущего специалиста в области книговедения и библиотечного дела, в сфере туризма, информационных технологий и популяризации культурно-исторического наследия и т.д.

В последние годы наблюдается повышение интереса к изучению русского языка. Такой интерес, вероятно, вызван тем, что нынешнее поколение старшеклассников и студентов в основной своей массе выросло, совершенно не изучая язык, и соответственно не владеет русским языком. Но молодые понимают, что знание любого иностранного языка только повышает их конкурентоспособность на рынке труда. А в данном случае, речь идет не о любом, а конкретно о русском, на котором достаточно много научной литературы и интернет ресурсов и реально даже поэтому пользователь русского языков был и сейчас является конкурентоспособным наравне с пользователем английского языка.

Преподавание РКИ за рубежом накладывает дополнительные сложности в работе преподавателя и обучаемого, что связано с отсутствием языковой среды и, конечно же, когда речь идет о нефилологических специальностях – ограниченном количестве учебных часов. За короткий срок обучения преподаватель должен научить обучаемого не только устной, но и письменной речи, что довольно не простая задача, так как «эффективность зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и т.д.» [Карапетян:2002, с. 68].

Усвоение любого иностранного языка, в данном случае русского, должно идти в сопоставлении с родным языком. Изучая иностранный язык, обучаемый должен в конце курса своего обучения свободно рассказать на соответствующем языке не только о себе, но и о своей стране, провести своеобразный диалог культур (принимаемой – русской и соответственно родной) на русском языке.

Знание о стране языка, который мы изучаем, знание культуры, традиций и обычаев, достопримечательностей страны, предметов быта, характера и так далее, в целом культурологический аспект неразрывно связан с обеспечением более устойчивого интереса к изучаемому иностранному языку. Тем самым такие фоновые знания не только делают изучение иностранного языка более

занимательным, но и соответственно ведут к более углубленным знаниям языка как такового, повышают и расширяют профессиональные качества в любой сфере общения с носителями русского языка, как в формальной, так и неформальной обстановке.

Независимо от того, где мы изучаем иностранный язык на курсах или в вузе «Цель современной методики преподавания иностранных языков – формирование навыков и умений, позволяющих успешно осуществлять коммуникацию. Иными словами, язык рассматривается не как объект изучения составляющих его систем (фонетической, лексической, морфологической и др.), а как средство общения, т.е. провозглашается функциональный подход» [Васильева и др.:2012, с. 18]. Преподаватель наблюдает безразличное отношение к грамматике, но в тоже время желание изучающих иностранный язык достижения цели – говорить, т.е. осуществление коммуникации – приобретения коммуникативной компетенции.

Что представляет собой коммуникативная компетентность?

Впервые о компетенции говорит еще Н. Хомский (1965), а о коммуникативной компетенции Д. Хаймз (1967), «который определяет ее как речевую, выделив 4 аспекта компетенции» [Васильева и др.:2012, с. 19]. В эти 4 аспекта компетенции Д. Хаймз вводит «*систематический потенциал* (реализовано ли что-либо и в какой степени, является еще неизвестным фактом); *соответствие чему-либо* (эффективность, соответствие контексту); *существование* (сделано ли что-либо в какой-то степени); *возможность* (возможно ли что-либо и в какой степени, если даны соответствующие средства выполнения)» [Васильева и др.:2012, с. 19].

В работе каждого преподавателя любого иностранного языка все эти аспекты коммуникативной компетенции, сформулированные Д. Хаймзом на сознательном или же на подсознательном, интуитивном уровне (благодаря практике) можно увидеть в процессе поиска правильного подхода, научить своих учащихся соответствующему иностранному языку применять язык в общении на формальном/неформальном уровне используя «определенный объем знаний и сформировать у них необходимые умения и навыки» [Васильева и др.:2012, с. 20], чтобы вызвать свободное общение на иностранном языке.

Итак, новые методы или хорошо знакомые на новый лад?

Изучение русского языка через тематические тексты на русском языке в оригинале (аутентичные тексты) или через переводные тексты – преимущества и недостатки. В 90-ых годах XX века М.Н. Вятютнев разработал *стратегию усвоения языка*. Определение основных целей при изучении иностранного языка зависит от конкретных существующих категорий учащихся, их потребностей и мотивов усвоить новый язык, т.е. наблюдаем различие между целями изучения языка и коммуникативной компетентностью (ее составляющих) изучающих иностранный язык. М.Н. Вятютнев выводит стратегии усвоения иностранного языка, каждая из которых включает в себя разные группы и соответственно

способы достижения поставленной цели. «1-я группа – стратегии для тренировки, они формальны, регулируются правилами и представлены двумя способами. В первом используется межъязыковой метод, во втором – внутриязыковой» [Васильева и др.:2012, с. 21]. «2-я группа стратегий – предполагает функциональную практику (аутентичное использование языка)...3-я группа включает источники/материалы, независимые стратегии, предусматривающие манипуляцию больших отрезков речи... 4-я группа предназначена для академического изучения стратегий, где необходимы самомотивация, выделение времени... 5-я группа стратегий предусматривает, что» учащийся должен использовать язык (говорить медленнее, использовать синонимы, просить помочь, просить исправить грамматические ошибки, прогнозировать высказывание своего собеседника и др.) с целью получения добавочной информации... [Васильева и др.:2012, с. 22].

Остановимся только на второй группе сформулированных М.Н. Вятютневым стратегий усвоения иностранного языка, согласно которой учащийся «читает на изучаемом языке; ищет собеседников; посещает мероприятия; находит множество путей использовать язык; разговаривает сам с собой на изучаемом языке; пишет памятки; смотрит кинофильмы; выступает в роли инициатора; использует идиомы изучает культуру; использует нейтральные темы; исправляет своих собеседников; участвует в различного рода языковых играх; использует новые слова немедленно; имитирует носителей языка» [Васильева и др.:2012, с. 22]

Процесс овладения, усвоения иностранного языка, в данном случае русского, несмотря на ограниченное количество учебных часов в вузе нефилологического профиля должен включать не только усвоение грамматических и лексических особенностей языка, но также и культуры страны. Освоение культуры во всех ее проявлениях – страноведение, менталитет русского народа, культура речи и этикет, традиции и обычаи и т.д. – все это должно найти отражение на занятиях по языку через призму конкретной специальности, в которой изучается русский как второй иностранный.

При знакомстве болгарского, да и любого начинающего изучать русский как иностранный лучше с самого начала в своей работе использовать аутентичные материалы: продукцию книжной и периодической печати; тексты из Интернет пространства; видеофильмы; аудио- и видеозаписи живой речи или передач российского радио и телевидения; фотографии; картины; иллюстративный материал и др. В целом подбор аутентичного материала зависит от конкретной группы учащихся и подход здесь должен быть индивидуальным.

Именно эта группа предусматривает больше всего включение в процесс обучения внеаудиторных возможностей усвоения иностранного языка и соответственно поиск таких языковых ситуаций вне занятий, где учащийся будет чувствовать себя свободнее, чем в пределах аудитории – среди таких чтение художественной литературы в оригинале.

Литература

- Васильева, Т.В., Левина, Г.М., Ускова, О.А. 2012 – Васильева, Т.В., Левина, Г.М., Ускова, О.А. Еще раз о коммуникативной компетенции: возвращение к истокам/ Т.В. Васильева. В: Русский язык за рубежом. № 4/2012. – М., 2012. – С. 17-23.
- Емельяненко, В. 2013 – Емельяненко, В. Новый русский парадокс. В: Русский мир.RU. Январь'2013. – М.:Гламур-Принт. – С. 10-13.
- Карапетян, Н.Г. 2002 – Карапетян, Н.Г. Лингвокультурологический подход при обучении русскому языку на курсах/ Н.Г. Карапетян. В: Русский язык за рубежом. № 4/2002. – М., 2002. – С. 67-70.
- Марьям Резаи Азин. 2012 – Марьям Резаи Азин. Современная система обучения РКИ в иранских языковых университетах: проблемы и перспективы / М.Р. Азин. В: Русский язык за рубежом. № 4/2012. – М., 2012. – С. 37-43.
- Митевска-Енчева, М. 2007 – Митевска-Енчева, М. Съвременни тенденции в развитието на научните изследвания. В: Трудове на СВУБИТ. Т. VI. - София: За буквите – О писменехъ. – 2007. – С. 277-293.
- Николова, В. 2011 – Николова, В. Литература – кино – информираност. В: Нови информационни технологии в образователния процес. Доклади и съобщения от петия научен семинар в Хисаря 2011 г. – София: За буквите – О писменехъ. – 2011. – С. 273-279.

Nikolova, Mariya

Nikolova, Vyara

University of Library Studies and Information Technologies, Sofia, Bulgaria

m.nikolova@unibit.bg

v.nikolova@unibit.bg

DIFFICULTIES IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN LITERATURE IN THE NON-PHILOLOGY UNIVERSITIES IN BULGARIA

Abstract. *The article emphasizes on the role of historical factors that influence the teaching process and popularity of the Russian language and 20th Century Russian literature in Bulgaria in the context of contemporary development conditions. The need to teach basic and interdisciplinary knowledge in acquiring Russian language and Russian literature for Bulgarian students of the non-philology university has been elaborated on.*

Keywords: *Russian language, 20th Century Russian Literature, Russian culture, Russian, Literature*

ПРОГРАММА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, Г. СОФИЯ: СОСТОЯНИЕ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ТРУДНОСТИ

Аннотация. Богатый опыт обучения русскому языку в Болгарии в последние годы сталкивается с необходимостью внести некоторые коррективы. Общественно-политические процессы диктуют и изменения учебных программ. В настоящее время русский язык не является ведущим из всех иностранных языков, которые изучаются в высших учебных заведениях Болгарии, но в некоторых вузах сохраняет за собой позицию одного из выбираемых языков, опережая при этом французский язык и приближаясь к объему изучению немецкого языка. Настоящее сообщение ставит перед собой цель рассмотреть существующие программы изучения русского языка в Техническом университете Софии, выявить актуальные цели, задачи, трудности.

Ключевые слова: программа, студенты-нефилологи, РКИ, цели и задачи обучения

Богатый опыт изучения русского языка как иностранного в Болгарии в последние годы сталкивается с необходимостью внести коррективы в обучение вследствие общественно-политических изменений в обеих странах, в Европе, как и во всем мире. Эти процессы диктуют и изменения учебных программ, целей, задач, учебных материалов и пособий, способов оценки. В настоящем сообщении мы попытаемся выявить главные вопросы и трудности, с которыми мы сталкиваемся, сопутствующие созданию новых программ обучения русскому языку студентов-нефилологов в Техническом университете г. София. [Русинова, Симеонова 1992; Димитрова 1997].

Производственно-экономическое, научно-техническое, общественно-политическое сотрудничество, длительность исторической традиции культурно-языковых связей болгарского и русского народов обусловили в прошлом прочное утверждение преподавания русского языка на всех уровнях в системе образования Болгарии. Распространение русского языка в Болгарии в настоящее время диктуется в основном причинами социального и экономического характера, в большой степени сохраняются созданные академические, научные и культурные связи.

В течение последних десятилетий русский язык в высших учебных заведениях сохраняет за собой позицию одного из выбираемых (на третьем

месте после английского и немецкого языков), опережая при этом французский язык и приближаясь по числу обучаемых к изучению немецкого языка.

В настоящее время в Техническом университете г. Софии русскому языку обучаются в среднем 22-28 групп в зависимости от семестра (зимний, летний). Существует разница в количестве часов в учебных планах различных факультетов. А именно: на одном факультете – 135 уч. часов, на пяти факультетах – 120 часов, на четырех факультетах – 90 часов и на одном факультете – 42 часа.

В результате этого появляется необходимость в создании не одной, а как минимум двух программ обучения: рассчитанных на 3 и на 4 семестра обучения, соответственно на 90 и 120-135 часов.

Сформулировать цели и задачи обучения мы считаем очень важным этапом становления и устойчивого развития преподавания русского языка в ТУ.

Основной целью обучения русскому языку в ТУ является формирование коммуникативных языковых компетенций при использовании студентами языка в различных ситуациях, которые могут возникнуть в академической среде и в их будущей профессиональной деятельности:

- пользоваться литературой по своей специальности на русском языке;
- ознакомиться с возможностями, которые предоставляют различные средства коммуникации (журналы, электронные периодические издания, каталоги, Интернет-страницы ведущих университетов и фирм и др.);
- при аудировании понимать текст по специальности.

В последнее время ученые подчеркивают связь обучения иностранным языкам с необходимостью жить, работать и осуществлять свое развитие в «межкультурной компетентностной парадигме» [Сафонова 2017], термин из Белой книги [White Paper on Intercultural Dialogue «Living Together As Equals in Dignity»].

Необходимо учитывать следующие обстоятельства при обучении русскому языку в вузах Болгарии в настоящее время, а именно тот факт, что в средней школе уменьшается число учеников, изучавших русский язык вообще, а последние сообщают о 2-3 годах обучения. Приходится начинать с нуля, что означает, что перед преподавателем стоит сложная задача ознакомить студентов с основной грамматикой и лексикой на начальном этапе изучения языка и параллельно развивать навыки и умения чтения и восприятия литературы по специальности.

Эти цели могут быть достигнуты, решив при этом следующие задачи:

- ознакомиться с основными частями речи и их морфологическими особенностями на начальном этапе обучения (ИС, ИП, ИЧ, личные местоимения, система глагола и др.);

- ознакомиться с основными специфическими для синтаксиса научного стиля речи особенностями, которые затрудняют болгарских обучаемых (широкое употребление отглагольных ИС, причастий и деепричастий, словосочетаний и сложных предложений, выражающих дефинирование, определение, признак, состав, количественные характеристики, сравнение, цель, причину, время, место, условие и др.);
- усвоить определенный объем общелитературной лексики, которая находит широкое применение в научной речи;
- усвоить определенный объем общенаучной лексики, которая употребляется в научной речи;
- усвоить определенный объем узкоспециализированной лексики (терминов и терминологических словосочетаний), которая находит применение в конкретной научной области;
- ознакомиться с видами словарей и принципами работы с ними;
- самостоятельно подготовиться для устного перевода с русского на болгарский язык небольшого объема (10 страниц) текста по узкой специальности обучаемых.

Вышеуказанные задачи выглядят очень амбициозно и поэтому вопрос о лексическом и грамматическом минимуме стоит очень жестко. Необходимо помнить также, что все перечисленные задачи имеют в виду пассивное освоение материала – в большей степени умение при чтении и аудировании распознавать грамматические и лексические единицы в тексте или так называемое восприятие и понимание при чтении и аудировании, чем активно употреблять их при письме или говорении на РЯ.

Что касается учебных материалов большинство учебников и учебных пособий для студентов ТУ не только морально устарело, но они не соответствуют целям и не обеспечивают решения тех задач в ходе обучения РКИ в условиях неязыковой среды. В ближайшем будущем необходимо будет обратить внимание на очень актуальную проблему создания коммуникативного, национально-ориентированного учебника/учебных пособий для студентов технических вузов Болгарии. Основная проблема по нашему мнению состоит в указанном выше несоответствии между уровнем первоначальной языковой подготовки поступающих в вузы и уровнем учебников, большинство которых рассчитаны на 5-9-летнее изучение РЯ в средней школе. Перед созданием новых учебников и учебных пособий для вузов Болгарии стоят препятствия финансово-экономического и организационного характера. Использование учебников по русскому языку, предназначенных для студентов, обучающихся в России, неэффективно. Они не адресованы конкретно болгарским студентам, не учитывают специфику

преподавания близкородственного языка, наличие почти одинакового алфавита (кириллицы) и близкой во многом грамматики и лексики:

«Все же, истины ради, мы должны сказать, что **близкородственность** болгарского и русского языка (употребление кириллицы, лексические препокрывания, частичное совпадение грамматических категорий рода и числа, структуры спряжения, остатки затруднительной для болгар категории падежа и др.) является привилегией, которая дает возможность преподавателям добиться достижения поставленных целей и на этом первом этапе, и на втором этапе обучения русскому языку» [Радева 2016].

Соответственно они не могут обеспечить достижения целей обучения в техническом вузе в условиях ограниченного количества занятий и обучения с начального уровня владения языком.

В заключение мне хотелось бы сказать следующее. Хочется надеяться, что последовательное решение задач, которые стоят перед нами – определение круга потребностей и интересов обучаемых, целей, задач обучения, утверждение программ обучения РЯ в ТУ, создание адекватных учебников и учебных пособий, учитывающих специфику болгарской языковой среды и подготовку студентов позволит нам в ближайшем будущем повысить уровень преподавания РЯ в ТУ г. София.

Литература

- Димитрова 1997 – Димитрова Р. Учебна програма по руски език за студентите от СФ VI, VII и VIII семестър /втори език/. С., 1997.
- Радева 2016 – Радева А. Опыт применения функционально-коммуникативного подхода при создании учебного модуля для студентов-нефилологов технических специальностей (на примере текстов из области электротехники). // Научная конференция «Русистика сегодня: традиция и перспективы», 23-25 ноября 2016.
- Русинова, Симеонова 1992 – Русинова Л., Симеонова Р. Учебна програма по руски език за студентите от ТУ. С., 1992
- Сафонова 2017 – Сафонова В.В. Комплексный подход к оценке качества учебной литературы для обучения русскому языку как иностранному. // Русистика без границы, 2017, бр. 2, 87-117.
- White Paper on Intercultural Dialogue «Living Together As Equals in Dignity» Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008) Council of Europe F-67075 Strasbourg Cedex June 2008. - 51 p.

RUSSIAN LANGUAGE CURRICULUM FOR NON-PHILOLOGY STUDENTS AT THE TECHNICAL UNIVERSITY OF SOFIA: CURRENT STATUS, TASKS AND DIFFICULTIES

***Abstract.** Rich experience of teaching Russian as a foreign language in Bulgaria nowadays needs corrections. Social and political processes dictate changes in learning programs. Russian is not a leading language between the foreign languages taught in higher education in Bulgaria. But it keeps its position of one of the optional languages in some universities and takes a third place just after German and before French. This report's goal is to discuss the main problems concerning learning programs of Russian as a foreign language at the Technical University of Sofia, actual aims, tasks and difficulties.*

***Keywords:** program, non-philology students, Russian as a foreign language, aims and tasks of the education.*

МНОГОАСПЕКТНЫЙ ХАРАКТЕР ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу развития культуры мышления в средней школе при изучении иностранного языка. Показаны модели эффективного развития различных типов мышления в процессе иноязычной коммуникативно-познавательной деятельности на основе поэтапного и многогранного рассмотрения проблемы свободы человеческой личности. В статье представлена модель осмысления понятия «свобода» в работе с различными видами текстов и с применением разнообразных инновационных технологий, которые дают возможность перейти от изучения русского языка как системно-структурного образования к изучению его как средства общения и мышления.*

***Ключевые слова:** мышление, свобода, многоаспектность, разнообразная методика, русский как иностранный*

Культура мышления выявляет умение человека логично и критично рассуждать. И в практике человеческого существования мышление не появляется с рождением, а формируется. Развивать способности молодых людей в процессе жизнедеятельности к логическому, критическому, аргументированному, творческому мышлению и призвано, на наш взгляд, образование. **Актуальность проблемы** обучения самостоятельному продуктивному мышлению сегодня определяется потребностью общества в личности, владеющей определёнными ментальными методами познания мира и постигающая мир свободно и творчески. «А свобода мышления подразумевает критическую его направленность, ориентированную на творческую и конструктивную деятельность. Поэтому качественной характеристикой мышления свободной личности является критическое мышление.» [Полякова, Е. Н. 2001]

Формирование **критичности мышления** требует, как указано в исследовании Л. В. Хохловой [Хохлова Л. В. 2004], поэтапное выявление:

- стремления исследовать («позитивное сомнение как пусковой механизм познавательной деятельности»)
- получения знания и реакция личности на него («рефлексия как способность осознавать проблему и альтернативные пути ее решения»)

- проявления нового знания в свободном и творческом мышлении (накопленного в личности как следствие межличностной коммуникации и саморефлексии)

Для критического мышления характерно строение логических умозаключений, формирующихся с использованием **логических операций** (анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения, сравнения и аналогии, классификации). Использование мыслительных операций осознанно в ходе учебного процесса, их превращение в предмет целенаправленного формирования необходимо для эффективного развития мышления учащихся. Именно это лежит в основе стремления к развитию **различных типов мышления** учеников в рассмотрении конкретной проблемы: ассоциативного (мозговой штурм), критического (метод вдумчивого чтения, метод рефлексии, проектная методика, индивидуальная работа); к развитию аналитичности и синтетичности мышления (сравнительный анализ мнений, перевод, концептуальная беседа, работа в группах и др.). Хотя практика развития критического мышления в средней школе осложняется отсутствием целостной концепции развития критического мышления школьника как условие развития личности, представляется обязательным обеспечивать в школе порождение, развитие, взаимодействие всех проявлений совершенствующегося человека.

Одной из основных целей проделанной работы с учениками являлась активизация процесса обучения, которая приводит к проявлению творчества. Все теории творчества, хоть и отличаясь, пропагандируют одну основную идею: творчеству обучать можно и нужно. Вот почему необходимо развивать способности учеников к созданию оригинального продукта, с применением усвоенных знаний, умений, навыков, в котором проявляются индивидуальность, артистизм.

В конкретной работе с учениками выявляется многоплановость подхода к определению **творчества**: творчество – это и процесс, и продукт деятельности, это и личностное качество, и среда, создающая условия для развития творческого потенциала. Основное правило, прилагаемое в этом направлении: вести учащихся к анализу, синтезу, к обобщению, а не давать им готовых определений, понятий, развивать самостоятельность их мысли с помощью творческих заданий.

Провоцируя на творчество учеников, мы следовали **принципам, лежащим в основе творчества**, искали их проявления:

- способность к глубокому осмыслению собственного опыта;
- умение познавать и нацеленность на открытие нового;
- формирование индивидуального решения.

Сложные современные условия общественной жизни и век научно-технической революции требуют от человека не шаблонных, привычных действий, а подвижности мышления, быстрой ориентировки, умение находить

решение в нестандартных ситуациях. Процесс иноязычной коммуникативно-познавательной деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) дает возможность ученику развивать разносторонность своего мышления, проявлять творчество, расширять свой общеобразовательный кругозор, память, нюансы чувства, а также дополнительно формировать и социально-ценностные качества личности: мировоззрение, нравственные ценности и убеждения, черты характера.

Перед школой лежит огромная ответственность стимуляции ментальной и эмоциональной интеллигентности, душевного развития молодых людей страны.

Активизация, оптимизация и интенсификация процесса познания у учеников, которые так необходимы в современной школе, возможны при осуществлении инновационного обучения. И именно инновационные технологии в методическом обеспечении дают возможность перейти от изучения русского языка как системно-структурного образования к изучению его как средства общения и мышления.

Методы работы, рассматриваемые в данной статье, апробированы на уроках русского языка и литературы в СШЯО им. Пушкина в 10 классе с изучением языка как первый иностранный.

В работе с учениками мы придерживались следующих **направлений современной методики преподавания РКИ** согласно классификации, представленной в работе Л.В.Московкина [Московкин Л. В. 2016]:

- *лингвистического* – работа над развитием связной речи - устной и письменной (комплексный анализ текста);
- *коммуникативного* – обучение общению на русском языке в бытовой, учебной, академической среде (комментарий текста, беседа, анкета);
- *культуроведческого* – знакомство с единицами языка с этнокультурным компонентом семантики, например: „крепостничество“ (чтение текста, семантический и фонетический анализ текста)
- *технологического* – использование возможностей компьютера и Интернета для подготовки творческих и домашних заданий (видеоролик)
- *антропологического* – установка на развитие личности учащегося через выполнение какой-либо продуктивной деятельности на изучаемом языке (литературный анализ, перевод, эссе, сочинение)

С индивидуализацией и отсюда интенсификацией обучения связана и работа с применением *проблемной и проектной технологий*.

Свобода как элемент мировоззрения, как цель и идеал, придающий жизни смысл и силы в борьбе за выживание начинает будоражить умы людей с самого момента осознания человеком себя как активного субъекта преобразовательной деятельности. Проблема свободы, в нашем восприятии, исключительно важна

для развивающейся личности как в духовном плане, так и в плане существования человека в обществе. Лучшие примеры многогранности понятия можно найти в русской литературе, где свобода человека, защита его духовной автономии, является одной из самых актуальных тем. Особенно остро она прозвучала в лирике начала XIX века, вот почему именно с произведений того времени и началась работа по теме.

Выбор проблемы, как свобода (это важнейшее условие для самовыражения человека, которое открывает для себя каждый молодой человек) предполагает и повышение активности участия учеников в обсуждении темы и овладении правилами языка. И именно ее значимость для учеников приводит к интересным результатам в работе над проектами, раскрывающими их взгляды на проблему (схемы, иллюстрации, актерские этюды и др.)

При *обсуждении темы свободы* – этой сложной общечеловеческой ценности -учениками, все еще не владеющими в достаточной степени иностранным языком для беспрепятственного раскрытия всех нюансов своей мысли, кажется необходимым предоставлять им зрительную опору в качестве текста, заметки, отрывка.

Текст — основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды. Он помогает преподавателю научить детей думать через текст, а работа над текстом – заставляет их думать. Декодирование текста – еще один способ познания глубины культуры, литературы, человеческой сущности. Использование текста обеспечивает решение таких проблем школьного образования, как воспитание вдумчивого отношения к слову в принципе, приобщение учащихся к духовному богатству языка и культуры другого народа, стимуляция интереса учащихся к предмету. Работа с разными видами текстов на уроках русского языка позволяет, обучая грамматическим нормам, пополняя словарный запас учащихся, улучшая качество их речи, развивать творческую активность и умение анализировать, интерпретировать и создавать тексты различных стилей и жанров, что по сути дела, является творчеством. Вот почему в нашей работе с *основными умениями в овладении языком* преобладали упражнения, связанные с дальнейшим развитием навыков чтения, говорения и продуцирования собственного текста, нежели аудирования.

Творческое осмысление учениками различных текстов, исполнение различных видов языковой деятельности, а также инновационное методическое обеспечение и стремление развивать на уроке логичность, структурность, креативность и оригинальность мышления привело к восприятию идеи свободы на новом уровне созданием особой **модели осмысления понятия**. В ней путем общения, сравнительно-сопоставительным анализом, рассмотрением исторического явления, противопоставлением и практически преобразующей деятельностью двигались к замыслам и претворению их в реальность – так поэтапно рождалась мысль, формировалась идея, развивалось познание, совершенствовалось сознание.

I этап осмысления понятия: **первоначальная рефлексия** на уроке развития речи «Что такое свобода?». На основе личного опыта и накопленного восприятия идеи свободы в годы обучения и общения, было выявлено значение понятия на данном этапе, что явилось и стимулом к рассуждению о значимости явления в жизни молодых людей.

Рефлексия была необходима участникам учебного процесса. Ученику - осознать: ради чего изучается данная тема, как она ему пригодится в будущем; какие цели должны быть достигнуты именно на этом уроке; какой вклад в общее дело он может внести; может ли он адекватно оценивать свой труд и работу своих одноклассников. Учителю: закрепить навыки критического мышления; провести разнообразную работу по языку, формирующую и лучшую мотивацию; поддержать общение и изложение мыслей на иностранном языке.

Основной метод обучения на данном этапе - мозговой штурм, который приводит к активизации умственной деятельности, к семантической и образной адаптивной гибкости мышления на уроке развития устной речи.

Основной тип мыслительной деятельности – **абстракция**, основанная на выделении существенных свойств и связей предмета и отвлечении от несущественных.

➤ Принцип работы по осмыслению:

- Выдвижение проблемы и аргументация точки зрения
- Сопоставление вариантов в группе
- Определение значимости объектов
- Формирование группового мнения и его визуализация в схеме

➤ Принцип работы по языку:

- Работа с лексикой
- Работа с нормами грамматики, фонетики, синтаксиса в устной аргументации

II этап осмысления понятия: **помещение понятия в исторический контекст** – знакомство с новым для учеников историческим явлением в Европе и России – «крепостничество», которое выявляет смысл понятия «свобода»; осуществление перехода от личного к надличному в восприятии. Урок межпредметной интеграции «История рассказывает».

Основной метод обучения на данном этапе – аналитическое изучающее чтение, при котором идет грамматический и стилистический анализ, элементы перевода на уроке чтения. Основной тип мыслительной деятельности – **синтез**, позволяющий в едином процессе мысленно переходить от частей к целому.

➤ Принцип работы по осмыслению:

- Чтение текста, снятие трудностей
- Определение сути явления

- Выдвижение проблемы в историческом плане
 - Обсуждение вариантов ответов о значимости явления
 - Формирование группового мнения о связи явления с понятием «свобода»
- Принцип работы по языку:
- Чтение с полным пониманием текста и ответы на вопросы по содержанию
 - Расширение словарного запаса
 - Работа с нормами грамматики, фонетики, синтаксиса
 - Переводческие трансформации

III этап осмысления понятия: выявления смысла понятия *путем раскрытия его противоположности*. Осмысление понятия происходит через осмысления его противоположности на уроке литературы «Свобода в понимании Пушкина». Русская литература занимает особую позицию в разработке проблемы свободы человека, она трактует свободу, прежде всего, как проблему основания человеческого бытия. «Такое понимание раскрывает что свобода, в первую очередь, реализуется внутри самого человека, в его внутреннем бытии, в его духовной природе и способом внешнего проявления человеческой сути, воли, осуществления намерений и целей.» [Чотчаева М. Ю. 2008] Но никакая другая тема не связана так с эпохой, в которой живет творец, с суждениями и мнениями, которые он разделяет. Поэтому, прослеживая как изменяется тема свободы в лирике самого яркого поэта начала XIX века и отвечая на вопрос «Что не есть свобода для Пушкина?», ученики не только знакомятся с произведениями, но и учатся рассуждать над ними в сфере литературы и истории и проникают в суть понятия.

Основной метод обучения на данном этапе – культурно-исторический и описательный литературоведческий метод на уроках литературы.

Основные типы мыслительной деятельности – **анализ** сложного объекта на составляющие его части или характеристики и **обобщение** — мысленное объединение предметов и явлений по их общим и существенным признакам.

- Принцип работы по осмыслению:
- Чтение произведений, снятие трудностей
 - Выдвижение проблемы «несвобода» в произведениях гражданской, философской и любовной лирики Пушкина
 - Определение сути противопоставления несвобода-свобода
 - Обсуждение вариантов ответов о значимости явления для поэта
- Принцип работы по языку и литературе:
- Чтение с полным пониманием текста и ответы на вопросы по содержанию

- Расширение словарного запаса, работа с нормами грамматики, фонетики, синтаксиса
- Работа над фонетическими ошибками
- Построчный анализ произведений
- Формирование группового мнения о понятии «свобода» в творчестве поэта

IV этап осмысления понятия: выявления смысла понятия *путем сопоставления различных мнений (выдающихся личностей, ровесника, родственников)* на уроках чтения, развития речи-беседа и перевода, а также при выполнении домашнего задания.

Основные типы мыслительной деятельности – **сравнение**, основанное на установлении сходства и различия между объектами, **анализ, синтез**. *Основной метод обучения на первом уроке – метод вдумчивого чтения* [Как научиться читать вдумчиво? 2014] на уроке чтения «Мысли великих о свободе» (Вольтер, Прудон, Энгельс, Ауэрбах, Бердяев, Коэльо) и *беседа* на уроке развития речи. При этом создается возможность приступить к групповому участию, увеличить стремление к активной позиции, прийти самим к выводам и свободно выразить отношение на русском языке.

➤ Порядок работ по осмыслению и языку:

- Вдумчивое чтение высказываний.
- Индивидуальная устная задача – выявление ключевых слов в каждом высказывании и их чтение; проверка.
- Индивидуальная письменная задача – «Объясните понравившуюся больше всего мысль»; проверка.
- Групповая устная задача – противопоставление позиций и их обсуждение.

Каждая историческая эпоха накладывает свой отпечаток на понимание свободы, суммируя его с предыдущим. Изменения восприятия свободы с 18 века до сегодняшнего дня и сопоставление с собственными взглядами приводило к корректировке собственного взгляда на проблему у учеников.

Основной метод обучения на втором уроке - комплексный анализ текста на уроке развития речи **и перевод** на уроке перевода «Современный взгляд ровесника на свободу».

➤ Виды работ над текстом перевода и развитие навыков анализа текста в условиях состязания :

- Чтение /фонетика - анализ и работа над фонетическими трудностями/
- Самостоятельный перевод /лексика - развитие контекстуальной догадки; закономерности перевода - употребление переводческих трансформаций/

- Работа по языку в устойчивых словосочетаниях /стилистика, грамматика и закрепление навыков работы со словарем/
- Групповая работа - обсуждение прочитанного.
- Индивидуальная работа по языку /продуцирование собственного текста - формирование устно выраженной позиции по содержанию текста/

Сопоставление с мнением современного молодого человека раскрыли ученикам как сумели повлиять изменения в общественной жизни на взгляды молодых сегодня.

Основной метод обучения на третьем уроке – проведение анкеты с членами семьи «Что для вас свобода?» - работа по домашнему заданию (формат – письменная анкета, видеоролик, работа по языку, стимуляция креативности выполнения).

Основные типы мыслительной деятельности – **обобщение** - мысленное объединение предметов и явлений по их общим и существенным признакам, **анализ, синтез**.

Сопоставление собственного мнения с мнением самых близких способствует выявлению схожести или различий в понятийном аппарате и приводит к глубинному осознанию понятия.

V этап осмысления понятия: выявления смысла понятия *путем самостоятельного обдумывания и сформулирования своей позиции* на уроке развития речи. Накопленное в разворачивании темы проявляется в самостоятельном устном и письменном высказывании по проблеме на основе текста.

Основные типы мыслительной деятельности – **анализ, синтез, сравнение, абстракция, обобщение**. Углубленное **развитие критического мышления**.

Основной метод обучения на данном этапе – работа над созданием комментария в малых группах на уроках развития речи. Этот метод дает возможность работать самостоятельно, в то же время постоянно взаимодействуя.

«**Комментарий** – это пояснительные замечания, рассуждения по поводу выделенной проблемы текста. Именно комментарий показывает, насколько глубоко и полно понята проблема, как пишущий сумел увидеть ее аспекты, намеченные автором, проследил за ходом авторской мысли.» [Копылова Т. О. 2016]:

- План работы по осмыслению:
 - Прочитать текст.
 - Выявить основную идею. (обратите внимание на актуальность проблемы)
 - Выразить согласие или несогласие и аргументировать позицию.
 - Сделать вывод - в чем убеждает нас автор текста?

- Напишите свой текст: эссе на тему „Свобода ...“ или сочинение-рассуждение на тему «Почему внутренняя свобода важнее внешней?», пользуясь комментарием.
- Принцип работы по языку:
 - Работа над упражнением падежной системы языка
 - Синтаксис простого и сложного предложения
 - Работа над последовательностью и логикой изложения мыслей

VI этап осмысления понятия: **осмысление через объективизацию понятия.** Моделирование собственной физической модели свободы (опредмечивание абстрактного понятия) для каждого путь к более полному и понимаемому другими рассмотрению темы свободы. Была проведена индивидуализированная конкретизация в работе над домашним заданием и его презентации на уроке развития речи.

Основные типы мыслительной деятельности – **анализ, синтез, сравнение, абстракция, обобщение.** Углубленное **развитие творческого мышления.**

*Основной метод обучения на данном этапе – **проектная методика.*** Работы учеников – письменная продукция, схемы, иллюстрации, этюды, коробка мыслей и др.

Разнообразие форм представления индивидуальной модели понятия свобода дает возможность разнообразить работу по языку – над фонетикой (при устном изложении идей), над интонацией (в театральном этюде), над грамматическими нормами языка (в сочинении), над стилистикой в устной непринужденной речи, в подготовленном высказывании, в письменной речи (этюды, объяснение схемы, выписки, сочинение). VII этап осмысления понятия: **итоги осмысления понятия.**

*Основной метод обучения на данном этапе – **саморефлексия.*** **Саморефлексия** - проведение учениками самостоятельного анализа собственных мнений, мировоззрения, суждений. Здесь основным была смысловотворческая и корректировочная функция саморефлексии.

Разнообразие ментальной деятельности, знакомство с рассуждениями различных людей и обмен мнениями на различном уровне, многообразие типа уроков (урок литературы, развития речи, перевода, урок чтения, урок межпредметной интеграции), инновации в методике работы, провоцирование творчества предоставили возможность ученикам воспринять проблему свободы многоаспектно, многогранно.

Процесс восприятия информации проходил через разделение материала на смысловые группы, выделение основы дальнейшего рассуждения, превращение словесной информации в образную, т.е. проходил процесс **осмысления** понятия через спираль самопознания.

Формирование особой **модели осмысления понятия** выявило творческие возможности личности учеников и учителя, стимулировало познавательную деятельность учащихся на уроках, индивидуализировало процесс обучения. Модель осмысления дала возможность отработать навыки самостоятельной исследовательской деятельности и умение активно выявлять и защищать свою позицию, тем более на иностранном языке. Она формировала и умения работать совместно, воспитывая толерантное отношение к инакомыслящим.

Инновация методики на уроках повысила качество преподавания наиболее сложных тем курса обучения.

Создание и применение новых методов преподавания, при том не только языка, кажется исключительно необходимым, так как способствовать становлению мыслящей, активной, знающей, толерантной личности, умеющей коммуницировать и отвечать требованиям меняющихся условий существования, на наш взгляд, основная задача любой школы.

Литература

- Копылова - Копылова Т. О. «Как писать комментарий к проблеме» 22.03.2016//aneks.spb.ru/raznoe/kak-pisat-kommentarii-k-probleme.html
- Московкин - Московкин Л.В. «Основные направления современной методики преподавания русского языка как иностранного» Выступление на встрече болгарских учителей, 24.08. 2016 г., СШЯО им. А.С. Пушкина, г. Варна
- Полякова - Полякова Е. Н., «Развитие логического мышления учащихся в процессе обучения физике», 2001 г., Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat //www.dissercat.com/content/razvitie-logicheskogo-myshleniya-uchashchikhsya-v-protse-ssobucheniya-fizike#ixzz4oETWBdXP
- Старосветская - Старосветская Т. В. Презентация к докладу: «Развитие критического мышления на уроках русского языка». 2017 г.
- Сообщество детей и их родителей — 8 «А» класс Гимназии 1799 «Экополис» Как научиться читать вдумчиво? 20.12. 2014, Всегда впереди! Вы находитесь на сайте лучшего в мире сообщества детей и их родителей — 8 «А» класса Гимназии 1799 «Экополис» //oc1080.ru/detyam/kak-nauchitsya-chitat-vdumchivo/
- Хохлова - Хохлова Л. В., «Развитие критического мышления учащихся в процессе обучения философии», 2004 г., Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat//www.dissercat.com/content/razvitie-kriticheskogo-myshleniya-uchashchikhsya-v-protse-ssobucheniya-filosofii-0#ixzz4o2yZqo3V
- Чотчаева - Чотчаева М. Ю. «Художественное осмысление проблемы свободы личности в произведениях Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, В.Т. Шаламова», 2008 г., Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение//cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-osmyslenie-problemy-svobody-lichnosti-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo-a-p-chehova-v-t-shalamova

Staneva, Lyuba
A. S. Pushkin Secondary language school
Varna, Bulgaria
lubastaneva@abv.bg

MULTI-ASPECT CHARACTER OF THE RATIONALIZATION ON THE CONCEPT OF FREEDOM IN THE PROCESS OF LEARNING FOREIGN LANGUAGE

***Abstract.** This article focuses on developing culture of thinking in the process of foreign language learning at secondary school. It supplies models of efficient development of different ways of thinking in the process of foreign language communicative – cognitive activities based on step-by-step and multi-layer analysis of the issue of human freedom.*

The article represents a model of speculating on the concept of freedom when working with various types of texts and applying multiple, methodologically innovative strategies which allow for the transition to switch from studying Russian as a system-based education to studying it as a means of communication and thinking.

***Keywords:** thinking, freedom, multi-aspect, various methodology, Russian as a foreign language*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

***Аннотация.** Данная статья посвящена проблеме преподавания русского языка как иностранного. В настоящее время активно ведется поиск путей оптимизации процесса обучения с целью формирования социально-культурной компетенции. Используя богатый исторический лингвистический материал, автор касается проблемы окказиональной этимологии и индивидуального языкового тезауруса, что является толчком к научно-практическому исследованию проблемы преподавания иностранных языков в современном ВУЗе.*

***Ключевые слова:** язык и коммуникация, словообразовательная модель, окказиональная этимология, лингвистические пути коммуникации.*

В связи с расширением связей в современном поликультурном обществе растет востребованность профессионалов, обладающих практическими знаниями иностранного языка. Поэтому современный процесс преподавания необходимо ориентировать на формирование у студентов различных умений профессионального общения. Для решения этой задачи необходимо развивать интерес студентов к языку как явлению культуры, формировать не только языковую, но и социально-культурную компетентность.

Несмотря на то, что педагогическая мысль имеет в своем арсенале определенный лингвокультурологический опыт (различные его аспекты рассматривали в своих трудах М. Бахтин, Е. Верещагин, В. Костомаров, М. Бубер, С. Курганов и др.) усовершенствование личностной языковой стратегии (индивидуального языкового тезауруса, языкового интеллекта и языковых поведенческих тактик) обретает сегодня первостепенное значение.

При работе в иноязычной среде и в бытовом общении бесспорна значимость понимания юмора, новых словообразовательных (зачастую сленговых) моделей, значимость ряда других аспектов лингвистического и экстралингвистического плана. Поскольку нередко в практике межнационального общения происходят коммуникативные сбои, обусловленные несовпадением мироощущения коммуникантов и требующие лингвокультурного объяснения, не вызывает сомнения необходимость их теоретического исследования и методологической разработки способов их преодоления.

Данная проблема широко обсуждается не только в кругу профессионалов, но даже в социальных сетях, в среде обычных носителей языка. Приведем несколько любопытных высказываний из материалов интернет-форума под названием ”Дурацкие неологизмы в русском языке»: „Сегодня в эмигрантской

среде сохраняются искусственные нормы того периода жизни языка, в который их предки были выгнаны из России, из СССР. Это как раз и есть пример неразвития языка. Хотя звучит красиво, интеллигентно, литературно, но несколько анахронично“. «... Это к тому, что понятие о литературном языке и литературной норме сейчас ломается, так как совершенно новая ситуация (доминирование в восприятии текстов, написанных не вполне грамотными людьми и не прошедших корректуры) требует выстраивания совершенно новых понятий. И тут плакать по паре просторечных слов в официальной речи уже неактуально. Другие времена, другие понятия”.

В настоящее время в методике преподавания иностранных языков (как славянских: польский, чешский, украинский, так и романо-германских: английский, немецкий) ведется поиск дополнительных способов оптимизации учебного процесса. На наш взгляд, одним из средств активизации познавательного интереса студентов может быть обращение к комическому, неологизмам, окказионализмам и пр.

Поэтому современный процесс преподавания иностранного языка необходимо ориентировать на усовершенствование языковой стратегии каждого отдельно взятого студента: индивидуального языкового тезауруса и интеллекта, личностного информационно-языкового пространства, способности человека свободно устанавливать связь с языковыми пространствами других людей с учетом их духовно-этических норм, особенностей вербального и невербального языкового поведения.

Речевые средства комического (РСК) в своем становлении и развитии зависят как от интерлингвистических (условно), так и экстралингвистических факторов. Только после достаточно четкого разграничения народно-литературного и книжно-славянского типов древнерусского литературного языка, а затем теории трех стилей М.В. Ломоносова стало возможным стилистически и психологически обоснованное „комическое” употребление церковно-славянизмов. Борьба с галломанией и галлицизмами вызвала к жизни макаронизм как РСК, деятельность Пушкина, а особенно Гоголя и писателей натуральной школы активизировала употребление внелитературной лексики и фразеологии в различных позициях и контекстах для достижения комического эффекта. Особенности развития литературного языка в советский период также способствовали не только активизации, но и появлению новых РСК.

С первых революционных лет аббревиация из очень периферийного способа словообразования конца XIX-начала XX века превратилась в активный инструмент создания неологизмов. Л.В. Щерба в 1925 г. писал: „Сокращенные слова стали чуть ли не символом революционного языка”. Не менее активно словарный состав пополнялся новыми для русского языка формами, представляющими собой конструкции, включающие в себя усеченные части, например, *партячейка*, *техучеба* и т.п.

Широкое употребление подобных лексем способствовало их миграции из сферы „серьезных” контекстов в ряды РСК. Неологизмы приобретают характеристику общественно узаконенных номинаций и, появившись в определенный период, постоянно воспроизводятся и в конце концов принимаются языковой традицией. Окказионализмы – это индивидуальные авторские образования, существующие лишь в том контексте, в котором они появились. Они всегда создаются непосредственно в тексте, а не воспроизводятся как готовые единицы. Они даже потенциально в языке не присутствуют, системной, языковой и общественной потребности в них нет, но творчески создаются они по имеющимся в языке моделям.

На основе этих словообразовательных инноваций возникает и новое РСК, которое мы условно называем „окказиональной этимологизацией”. Этот прием, как и многие РСК, основан на неожиданной для читателя подмене привычной семантики или стилистической тональности чем-то другим, ситуационно неоправданным: „Быстрота смены ожидаемого более или менее противоположным есть непременно условие смеха” (А. Потебня).

Активизация этого средства в последние годы привела к появлению нового юмористического минижанра – комических толковых словарей, которые их авторами называются по-разному: „Бестолковый словарь”, „Новый толкослов” и т.п. Но еще в начале 40-х гг. можно было встретить единичные факты употребления этого РСК.

Например, М. Слободской, высмеивая словесную абракадабру городских вывесок, заставляя своего оглушенного каскадом новых словообразований героя задавать себе вопрос: „Кто шьет в артели „Индпошива”: индус, индеец или индюк?” В комических „толковых” словарях авторы используют многозначность или омонимичность мысленно ими выделяемых в словах морфем, рассматривая их как усеченную часть некоего слова в составе сложносокращенной лексемы, на семантику которой влияет эта псевдоусеченная часть. Читатель неожиданно получает новое, контрастирующее со знакомым значение лексемы, превращенной в омоним известного ему слова. Например: автомат – резкая критика, барбос – хозяин кооперативного бара, стричь купоны – получать деньги, пенкосниматель – шеф-повар, голография – это 1. рисование обнаженной натуры и 2. описание «взятия ворот» (футбольных), главбух – командир батареи, или более современные: колбаски – поклонницы Коли Баскова или абрамовничать – не бриться несколько дней. Пример их использования в тексте: „Пошли с друзьями в поход, так я всю водную часть *абрамовничал*, а как только вышли на сушу, все-таки побрился”. Другой пример, слово «лужковать» имеет этимологическую связь не с лужком, а с Лужковым, и означает „не вовремя уйти в отпуск”. Пример его использования в тексте: „Знаешь, как Серега *лужканул*: приехал с Мальдив, а весь его отдел разогнали” и т.п.

Зачастую аббревиатуры паронимически сближаются с частицами. Так появляются комические фразеологизмы: НИИ рыба и НИИ мясо, НИИто и ННИсе, НИИпуха и НИИпера; или аббревиатура как пароним заменяет первую часть составного слова – ВНИИбрачный институт. Следует заметить, что различные лексические явления, подчеркивающие языковые особенности национальной ментальности, позволяют рассматривать гида или переводчика как посредника не только между языками, но и между культурами. В связи с последними достижениями науки и техники на страницах газет и журналов появляется много новых слов, которые отмечают специалисты по неологии. Как указывают современные исследователи, еще мало авторов используют простой лексикографический прием объяснения неологизмов (или тех же окказионализмов) – создание пристатейных словарей. Однако тип такого словаря пока еще не выработан.

Как изобретательность писателей, так и неисчерпаемые ресурсы языка – залог дальнейшего развития лингвопоэтики юмора. Современная языковая ситуация характеризуется стремлением к использованию языковой игры и игровых приемов практически во всех сферах словесности. Языковая игра развивает мышление и язык. Стремление развлечь себя и собеседника – один из факторов, подталкивающих к языковой игре. Юмор, проявляющийся в анекдотах, тостах, является специфическим феноменом, создающим предпосылки окказиональной этимологизации. Тот, кто хорошо понимает анекдот, тот знает в совершенстве язык.

Образование неологизмов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в современный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели. Причинами таких пертурбаций являются либо потребности самого языка (недостаточность или избыточность тех или иных образований), либо определенный социальный заказ, наконец, просто языковая мода, когда под одну, полюбившуюся модель подгоняются разрозненные и часто неоправданные словообразовательными принципами формы. Например, при развитии техники, технологий, производства возникает необходимость в новых наименованиях, которые и создаются по типу имеющихся в языке, только значительно расширяется круг образованных таким образом слов. При усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов. Например, суффикс *-ость*, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде недопускавших подобные образования: *русскость, советскость, детскость*.

Или, например, введение новой бытовой техники приводит к образованию необычных глаголов, поскольку этой техникой в быту надо управлять,

т.е. производить определенные действия. В таком случае известные словообразовательные глагольные модели вырывают: *пылесос – пропылесосить; ксерокс – отксерить*.

Словообразовательные процессы конца XX столетия, результатом которых являются собственно инновации, привели к выявлению наиболее продуктивных моделей сегодняшнего дня. Среди этих процессов можно назвать активное производство имен лиц. Новые названия появляются строго в традиционных рамках. Словарь в таком случае расширяется в угоду жизненной потребности нового времени, например: *рыночник, кооперативщик, бюджетник, биржевик, сувереничик, антиперестроечник, теневик, льготник, дубляжчик, бутылочник, оборонщик, платник* (студент, обучающийся за плату), *силовик, эвэмищик, компьютерщик* и др. Все эти слова необходимы, за ними стоят определенные реалии. Менее активной оказалась модель с суффиксом *-ант*, хотя и она сегодня работает с большей нагрузкой, чем раньше. Ср.: *практикант, дипломант* и новые слова – *подписант, реабилитант, деградант, амнистант, номинант* и др.

Студентам в информационно насыщенном пространстве необходимо уметь свободно ориентироваться в иноязычной среде. Значимость настоящего исследования определяется необходимостью лингводидактического и методического обеспечения процесса обучения РКИ в аспекте профессионально ориентированной языковой и речевой подготовки в неязыковом вузе. Русский язык, будучи одним из основных признаков развития национального менталитета, выражает культуру народа, который на нем говорит. Поэтому и преподавать русский язык необходимо с учетом таких современных отраслей знания, как антропологистика, современная теория эволюции, что, безусловно, создаст необходимые условия для культурно-языкового диалога.

Литература

- Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1984, 202с.
- Каменская О.Л. Вторичная языковая личность – методологическая основа межкультурной парадигмы в лингводидактике. Сб. научн.тр.МГЛУ, М.: МГЛУ, 1998, Вып.440., с.30-35.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1976, 240 с.
- Потебня А.А. Мысль и язык. // Потебня А.А. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999, 300 с.
- Слободской М.Р. Сатирические стихи. // Библиотечка Крокодила.М., 1957, №165, с. 23.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974, 320 с.
- <http://www.socioforum.su>

LINGUISTIC AND CULTURAL STRATEGIES FOR TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

***Abstract.** This article is devoted to the problem of Russian language teaching, as foreign. Currently being actively seeking ways to optimize the learning process with the aim of forming the socio-cultural competence. Using a rich historical linguistic material the author touches the problem of occasional etymology and individual language thesaurus, - it is a push to the scientific practical research of teaching foreign languages at any modern university.*

***Keywords:** speech and communication, word- building model, occasional etymology, linguistic ways of communication.*

АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ РУССКОГО ПОРЯДКА СЛОВ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

***Аннотация.** Русский порядок слов рассматривается в лингвистическом, лингводидактическом и методическом аспектах как языковой феномен, как объект усвоения и предмет обучения; в статье формулируются основные закономерности расположения слов в предложении, анализируются трудности освоения порядка слов иностранцами, изучающими русский язык, предлагаются приемы работы над данной темой в иностранной аудитории.*

***Ключевые слова:** порядок слов, актуальное членение, словопорядковая конструкция, объективный порядок слов, система упражнений.*

Порядок слов как неотъемлемый компонент синтаксической структуры предложения играет важнейшую роль в оформлении и отдельного предложения-высказывания, и сверхфразового единства, и целого текста.

Владение иноязычной речью предполагает свободное оперирование языковыми единицами всех уровней. Так, для порождения высказывания говорящему (пишущему) приходится не только отбирать слова, грамматически оформлять и связывать их между собой, но и в соответствии с замыслом располагать отобранные и оформленные языковые единицы в определенной линейной последовательности. Правильность порождаемых высказываний, их соответствие замыслу обеспечивается как точностью словоупотребления и структурно-грамматического оформления, так и соответствующим расположением слов.

Следует признать, что порядок слов не нашел пока сколько-нибудь полного представления ни в программах, учебниках и учебных пособиях для иностранцев, изучающих русский язык, ни в самом учебном процессе. Овладевая русским языком, иностранные учащиеся овладевают и навыками словорасположения, благодаря широкому использованию текста и обильной речевой практике. Однако, владение порядком слов, как правило, имеет интуитивно-имитативный характер; учащиеся не располагают какими-либо знаниями о закономерностях русского словопорядка, которыми они могли бы руководствоваться в самостоятельной речи на русском языке, о чем свидетельствуют ошибки в письменных работах иностранных студентов.

Нередко можно слышать, что порядок слов в русском языке свободный. Это мнение основано на том, что за членами предложения не закреплены определенные места. Благодаря наличию падежных окончаний и главные, и второстепенные члены могут занимать в предложении разные места без

изменения их синтаксической функции. Так, например, словоформа *лодку* будет узнаваться как обозначение объекта и в предложении *Брат перекарасил лодку* и *Лодку брат перекарасил*.

Русский словопорядок можно назвать подвижным: в предложении одной структурной схемы возможны перестановки, в результате которых можно получить ряд словопорядковых вариантов, таких как *Роман «Евгений Онегин» был завершен в Болдине. В Болдине был завершен роман «Евгений Онегин». В Болдине роман «Евгений Онегин» был завершен*. Как видим, предложения, тождественные в лексическом и грамматическом отношении, неодинаковы по смыслу: они отвечают на разные вопросы и употребляются в разных контекстах, в разных ситуациях.

Чем различаются словопорядковые варианты? И чем руководствуется говорящий (пишущий), выбирая в каждом конкретном случае единственно возможный и единственно правильный порядок слов?

Нормы русского порядка слов сложны и многообразны, так как обусловлены различными факторами. Их описание в учебных целях предполагает прежде всего выбор лингвистической концепции и интерпретацию ее положений с позиций методики. В качестве такой основополагающей концепции предпочтителен коммуникативный синтаксис, изучающий предложение-высказывание со стороны его коммуникативной структуры, центральной частью которого является учение об актуальном членении предложения.

В соответствии с этим учением в предложении выделяется часть, называющая предмет речи и представляющая исходный пункт высказывания – **тема** и часть, содержащая сообщение о теме – **рема**. Норма для русского языка – препозиция темы и постпозиция ремы. Эта последовательность обеспечивает движение речи от исходного пункта сообщения к собственно сообщаемому и определяет порядок слов в предложении.

Следует показать учащимся, что тема может быть представлена не только подлежащим, но и другими членами предложения, поскольку предметом речи может быть и действие, и объект действия, и разные обстоятельства. Сравним: *Австрия находится в Центральной Европе. Австрию называют альпийской страной. В Австрии много горнолыжных курортов*. Во всех трех предложениях предмет речи один – Австрия, но представлен он разными членами предложения и соответственно назван разными словоформами. Разными членами предложения может быть выражена и рема, в том числе и подлежащим, например, *Столицей Австрии является Вена*.

В актуальном членении проявляется цель, или *целевая установка* говорящего (пишущего), порядок слов служит формой выражения целевой установки. Так, если цель говорящего – сообщить, кто основал Санкт-Петербург, предложение должно иметь следующий вид:

Санкт-Петербург основал / Петр I.

Если цель высказывания меняется, соответственно и порядок слов должен быть другим. Так, при целевой установке сообщить, что сделал Петр I, члены предложения будут следовать в таком порядке:

Петр I / основал Санкт-Петербург.

Цель высказывания может быть выражена с помощью вопросов *Кто? Что? Что сделал? Когда? Зачем? Почему? Сколько?* и т.д.

Методическая задача, вытекающая из сказанного, состоит в том, чтобы научить студентов, вначале опираясь на смысловые вопросы, осознавать цель высказывания и помещать в соответствии с ней собственно сообщаемое (ответ на вопрос) в конце предложения.

В актуальном членении не следует видеть лингвистическую процедуру или методику анализа коммуникативно-синтаксической организации предложения. Актуальное членение есть объективная данность, это присущее самому речемыслительному акту и находящее отражение в языке деление информации на исходную и сообщаемую.

Актуальное членение – явление универсальное, и языки располагают наборами различных средств его выражения, такими как артикли, лексические показатели – частицы и наречия, порядок слов, интонация, повтор и некоторые другие. В русском языке основным средством выражения актуального членения в письменной речи служит порядок слов, в устной – порядок слов и интонация.

Актуальное членение – главный, но не единственный фактор, определяющий порядок слов в русском предложении; одновременно с ним действуют нормы расположения слов в словосочетаниях. Для разных типов словосочетаний нормы различны, они определяются характером синтаксической связи (согласование, управление, примыкание) и морфологической природой главного и зависимого компонентов. Так, в атрибутивных словосочетаниях (связь согласования) зависимый компонент предшествует главному: *трудная задача, новая политическая партия*; в глагольно-именных словосочетаниях (связь управления) зависимый компонент располагается после главного: *решать задачу, любовь к природе*, в словосочетаниях, основанных на примыкании зависимый компонент помещается перед главным: *быстро решать, логично мыслить*.

Изложенные правила автономны, т.е. независимы от предложения, и имеют обязательную силу. Недопустимы, например, такие случаи расположения слов, как:

**В январе 1945 года создана новая партия политическая.*

**Основа движения зеленых – к природе любовь.*

Расположение слов в предложении и словосочетании взаимодействуют с интонацией. Тема и рема имеют свои интонационные показатели: тема

*знак ошибки

сопровождается ровным повышением тона, а рема отмечается понижением тона и фразовым ударением на последнем ударном слоге в предложении. Если соотнести это с системой интонационных конструкций, разработанной Е.А. Брызгуновой, то можно сказать, что тема оформляется с помощью ИК-4 (ИК-3), а рема – с помощью ИК-1 [Брызгунова, 1978]. Такая интонация имеет автоматизированный характер, она организует ритм стилистически нейтральной речи, в том числе и письменной, в которой присутствует имплицитно.

Необходимо отметить, что в соответствии с целью высказывания в предложении в определенном порядке размещаются не слова, а члены предложения – подлежащее, сказуемое и второстепенные члены, так называемые детерминанты – обстоятельственные и объектные. Возможности их «перестановок» не безграничны, и все многообразие конкретных речевых произведений с разнообразным, на первый взгляд, порядком слов оказалось возможным свести к нескольким, а именно к шести вариантам [Ковтунова, 1976]. Именно эти варианты были взяты за основу выделения единиц обучения иностранцев русскому порядку слов.

В качестве такой единицы предлагается словопорядковая конструкция – СПК [Хавронина, Крылова, 1989]. Словопорядковая конструкция объединяет все предложения с одним набором членов предложения, одинаковой их последовательностью и одинаковой интонацией. Так, СПК-1 – это предложение, состоящее из подлежащего – темы и сказуемого – ремы: *Раскопки (Т) / продолжаются (Р)*; СПК-2 – из сказуемого и подлежащего: *Продолжаются (Т) / раскопки (Р)*.

Три словопорядковые конструкции, объединяющие предложения, которые состоят не только из главных членов, представлены таким образом: СПК-3: *Вблизи кургана (Т) / продолжаются раскопки (Р)*. СПК-4: *Вблизи кургана раскопки (Т) / продолжаются (Р)*. СПК-5: *Раскопки продолжаются (Т) / вблизи кургана (Р)*.

Выбор словопорядковой конструкции, отвечающей заданной целевой установке, определяется местом предложения в сверхфразовом единстве, то есть в контексте. Предшествующее предложение диктует коммуникативное задание, актуальное членение и словорасположение последующего предложения: рема или часть ремы предыдущего предложения становится темой последующего, например, *Пушкин любил осень. В осенние месяцы ему работалось особенно легко и свободно*. В практике преподавания русского языка иностранцам учет контекстуальной обусловленности порядка слов представляется чрезвычайно важным моментом. Следует показать учащимся, что правильное во всех отношениях предложение может оказаться неуместным в определенном контексте, например, *Островитяне не знали металлических денег. *Раковины служили деньгами*. Правильным является вариант *Деньгами служили раковины*.

В письменных работах иностранных учащихся имеется немало словопорядковых ошибок. Наиболее существенными можно считать два основных типа – нарушение последовательности компонентов актуального членения (**Для уточнения диагноза рентген используется. *Зима в Токио холодная и сырая, и снег не очень часто идет.*) и нарушение последовательности компонентов словосочетания (**В стране давно существует система образования десятилетия. *Полученное вещество растворяется в воде легко*).

Рассмотренные закономерности свойственны стилистически нейтральной речи, где повествование, описание, рассуждение или доказательство оформляются обычным порядком слов, который чешский лингвист В. Матезиус назвал объективным [Матезиус, 1967]. При объективном порядке слов тема предшествует реме, в словосочетаниях соблюдается нормативное расположение компонентов, понижение тона и фразовое ударение локализуется на реме. Такое предложение стилистически нейтрально. Объективный (прямой, обычный, нейтральный) порядок слов обслуживает все книжно-письменные стили – научный, официально-деловой, газетно-публицистический, а также и разговорно-бытовой.

Однако важно помнить, что в речи функционируют не только нейтральные, но и стилистически окрашенные высказывания, в которых передаются самые разные эмоциональные оттенки – удивление, изумление, радость, восторг, досада, неудовольствие и другие. В таких высказываниях повышается значение начала предложения, где и располагаются «самые важные» слова, т.е. рема. Рема выносится в начало или ближе к началу предложения и помещается перед темой. Сравним нейтральные и экспрессивно окрашенные ответы на один и тот же вопрос: – *Кто победил?* – *Победили динамовцы* и – *Динамовцы победили!* – *Как прошел урок?* – *Урок прошел отлично* и – *Отлично прошел урок!* Следует обратить внимание на то, что вынесение ремы в начало предложения не может быть простой перестановкой слов. Занимая несвойственную ей позицию, рема отмечается усиленным ударением – ИК-2.

Такой порядок слов В. Матезиус предложил назвать субъективным. Субъективный порядок слов ограничен, он уместен в устно-разговорном общении, ораторских выступлениях, личной переписке, в художественном тексте.

Для практики обучения порядку слов чрезвычайно важно строгое и последовательное разграничение и противопоставление стилистически нейтральной и экспрессивно окрашенной речи. Только зная их особенности, преподаватель оказывается в состоянии объяснить так называемую свободу русского словопорядка, возможность каждого члена занимать любое место в предложении, различное интонирование одного и того же предложения и многие другие моменты.

Обучение иностранных учащихся порядку слов предполагает ознакомление с основными нормами словорасположения, для чего используются такие

приемы, как демонстрация речевых образцов – конкретных предложений, анализ их коммуникативной структуры, сообщение минимума необходимых теоретических сведений. Обучение стоит строить с учетом таких общедидактических принципов, как сознательность усвоения, наглядность представления учебного материала, постепенное его усложнение.

Для выработки практических навыков правильного словопорядкового оформления предложения, сверхфразового единства, текста предлагается система специальных упражнений. Вначале упражнения включают однотипные изолированные предложения для наблюдения и анализа; различные по содержанию и лексическому составу, они тождественны в отношении актуального членения, цели высказывания, синтаксической структуры, порядка слов и интонации.

Следующая серия упражнений направлена на выработку навыков разграничения различных словопорядковых конструкций и выбор из ряда вариантов единственно правильного, то есть отвечающего заданной коммуникативной установке. На этой стадии используются приемы сравнения и противопоставления с целью дифференциации словопорядковых конструкций, близких, но не одинаковых по смыслу и употреблению. Учебным материалом на данном этапе служат как отдельные предложения, так и сверхфразовые единства и тексты. Их использование дает возможность обучать порядку слов в связной речи, наблюдать зависимость порядка слов от контекста.

Эффективным приемом, особенно в работе с иностранными студентами-филологами, является анализ ошибок в расположении слов, допущенных иностранными учащимися в письменных сочинениях, их исправление и последующее объяснение и обоснование правки.

Тема «Порядок слов» вписывается в сложившуюся систему преподавания русского языка как иностранного, работа над данной темой может осуществляться параллельно и взаимосвязанно с изучением программного лексико-грамматического материала и развитием умений устной и письменной речи.

Литература

- Брызгунова 1978 – Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1978
- Ковтунова 1976 – Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976
- Матезиус 1967 – Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. Отв. ред. М.А. Кондрашов. М., 1967
- Хавронина, Крылова 1989 – Хавронина С.А., Крылова О.А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. Методическое пособие для преподавателей. М., 1989

*Khavronina, Serafima
Chekryzheva, Evgeniya
Peoples' Friendship University of Russia, Russia
khavronina@yandex.ru*

ASPECTS OF THE DESCRIPTION OF THE WORD ORDER FOR EDUCATIONAL PURPOSES.

***Abstract.** The Russian word order is considered in linguistic, linguodidactic and methodological aspects as a linguistic phenomenon, as an object of assimilation and the subject of instruction; In the article the basic regularities of the arrangement of words in the sentence are formulated, difficulties in mastering the order of words by foreigners studying the Russian language are analyzed, techniques for working on this topic in a foreign audience are suggested.*

***Keywords:** word order, word-order construction, objective order of words, system of exercises.*

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ РЕЧЕВОГО СИНТЕЗАТОРА AKAPELLA ELAN TTS NICOLAI 5.1 16 KHZ НА ПРИМЕРАХ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО

Аннотация. Настоящее изложение является вступительной частью большей исследовательской работы и ставит себе целью представить метод, применимый в обучении незрячих иностранному языку на конкретном опыте русского языка и аргументировать тезис о преимуществах и недостатках использования в практике чтения одного из многочисленных синтезаторов речи, доступных на данный момент.

Ключевые слова: тембр, выразительность, речевой объем и диапазон голоса; агогические акценты.

В наших изысканиях выдвигается и аргументируется тезис о выборе аутентичных текстов современного и классического «прецедентного» речевого русскоязычного пространства в целях изучения русского языка вне языковой среды для приобретения компетенций обучения (подробнее об этом в нашей статье «Лингводидактическая концепция обучения незрячих РКИ» [Цеков, Стойкова]).

Синтезатор русской речи *Николай* впервые появляется в 90-ые годы XX века, в аппликации say.exe. В 2000 г. французская компания Elan Speech, совместно с фирмой Akapella group, разрабатывает для массового потребления синтезатор Digalo 2000 (он же *Николай*, версии 5.1), популярность которого имеет место и по сей день. Синтезатор терпит множество изменений, улучшающих качество его звучания как в отношении фонетики, так и в отношении морфологии и синтаксиса.

В качестве преимущества голосового модуля *Николай* можно указать на логические паузы и агогические отклонения в рамках предложения, автоматически предусмотренные разработчиками программы. В объеме голосовых возможностей наблюдаются как низкие, так и высокие стоимости, обусловленные обертоновым звукорядом [Алдошина, Приттс 2006]. Кроме того, синтезатор обладает ясно выраженной интонационной составляющей, состоящей из нескольких ступеней и позволяющий выразительное чтение художественного текста. Однако следует отметить, что несмотря на четко обособленные сообщительные, восклицательные и вопросительные интонации, по своей манере чтения синтезатор *Николай* далек от интонационной среды, характерной для живой русской речи. Несмотря на это, речевой диапазон голоса делает возможными фразировку и выразительное произнесение слов и их сочетаний в рамках предложения и художественного текста. Таким образом

представляется возможным психологическое воздействие на эмоциональную установку слушающего. Это способствует большей натуральности голоса по сравнению с синтезаторами речи типа RN Voice, программное обеспечение которых не предусматривает интонаций, отличающихся от сообщительной. Синтезатор *Николай* читает вопросительные предложения «на свое усмотрение», соблюдая сообщительную или вопросительную интонацию. В какой-то степени речевой диапазон голосового модуля способствует также преодолению электронного звучания голоса. Согласно мнениям пользователей, в России голос *Николай* звучит как голос профессионального диктора при чтении книг. Это видно также при озвучивании фильмов с субтитрами, как и во время чтения сценариев картин советской киноклассики. Кроме всего прочего интонация голоса делает его подходящим для чтения литературы церковно-религиозного характера. В то же время из-за нехватки динамичности, из-за предусмотренного по умолчанию сравнительно медленного темпа чтения, выбор данного синтезатора неудачен при озвучивании текстов публицистического стиля современного русского языка.

Существенным фонетическим недостатком синтезатора является неправильная постановка ударения в некоторых русских словах, например: «... спасит`ельница Европы...» (роман «Война и мир»). Другой недостаток – это смена ударения при постановке знака кавычек перед словом с предусмотренным по умолчанию правильным ударением.

Вместе с тем, в качестве фонетического преимущества следует указать на отсутствие иностранного акцента – голос выговаривает слова отчетливо и разборчиво. Тут нужно подчеркнуть особую манеру произнесения заднеязычных согласных «к» и «г». В отличие от ранее разработанных синтезаторов типа E-speak или Speaking Mouse, здесь отсутствует так называемый металлический оттенок, а электронность звучания сведена к минимуму. Для сравнения приводим пример одной из версий более современного синтезатора Vocalizer Expressive компании Nuance, который в конструкции, взятой из книги Дмитрия Абиляшева «Пастырь Вселенной»: «А потому последовавший вскоре телефонный звонок никто и не подумал связать с новой колониальной историей Земли потому...» произносит слово «потому» с подчеркнутым британским акцентом [см. <http://www.golosknigi.com>]. Голос отличается четкой артикуляцией и ясной дикцией.

Что касается морфологии, данный синтезатор выделяет самые существенные слова в предложении и подчеркивает их, ставя на них акцент. Голос не нуждается в установке дополнительных словарей, искажающих произношение слов с правильным ударением: «Я нич`его/ничег`о не могу передать Зинаиде Михайловне, она уехала» (из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»).

Преимуществом голосового модуля считается автоматическое исправление ошибок в предложении: при повторении определенного выражения синтезатор читает его по-разному: «А нам все равно, а нам все равно...» (пример из

кинофильма «Бриллиантовая рука»). То же самое происходит и при чтении омографов. В словаре *Николая* также предусмотрена возможность обязательного произнесения обобщительного местоимения «все» как «всё» после запятой. При этом наблюдается попытка соблюдения склонений имен числительных. В романе Максима Горького «Мать» число 25 читается *Николаем* в творительном (двадцатью пятью) или в родительном падеже (двадцати пяти).

При разработке многоязычного синтезатора для экранного чтеца Jaws для Windows в Белоруссии было установлено, что низкие мужские тембры более доступны для психологического восприятия со стороны незрячих, по причине успокаивающего воздействия низких частот. Высокие же частоты в голосе приводят к напряжению слуха или головной боли. В этом контексте возможно подтверждение гипотезы соблюдения данного требования в голосовом модуле *Николай*. Рекомендуется прослушивание текстов при помощи наушников с целью сохранения объема голоса и выделения всех его тембровых, «цветовых» нюансов. В противном случае будет наблюдаться «трещина», «хрип» голоса. Предусмотрена также возможность регулирования скорости, тембра и силы голоса, сообразно со вкусом и индивидуальными потребностями пользователя. Недостаток изменения скорости заключается в том, что при ее увеличении наблюдается потеря нюансов голоса, начинается монотонное звучание, а окончания слов «проглатываются». Не рекомендуется также изменение тембра голоса, за исключением программы чтения книг голосом Demagog, где возможно озвучивание прямой речи героев различным тембром. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что настройки по умолчанию вполне удачны для этого голоса.

В отличие от голоса RN Voice Alexander, синтезатор Digalo 2000 в большей степени приближается к русской интонации при произнесении слов с последующей запятой. В этом случае соблюдается «ступенчатая интонация» от восходящей к нисходящей позиции голоса.

Эксперимент автора с романом А.С. Пушкина «Евгений Онегин» свидетельствует об относительной возможности чтения поэзии данным синтезатором. Недостатком здесь считается отсутствие ритмичности, обусловленное неправильными ударениями, как и невозможностью слитного произнесения сочетания букв «ль» :

«...все те же ль вы? Другие ль девы
сменив, не заменили вас? »

Здесь «ль» произносится голосом как «эл мягкий знак».

Фонетическим недостатком синтезатора считается внутренняя пауза в словах третьего спряжения, первого лица, множественного числа: «Я верую, мы веруем» (Библия). Можно учесть как морфологический недостаток чтение с ошибочным ударением некоторых слов церковно-славянского происхождения в косвенных падежах - «Царство Божье», «Царства Бож`ия».

Эмоциональному чтению способствует также удлинение гласных звуков. Это происходит при чтении слова «нет» с последующими запятой или тире, например: «Нет, было что-то американское» (роман «Анна Каренина»). Подобным образом, в том же случае слово произносится и голосом RN Voice Irina. В других версиях синтезатора *Николай* слово «нет» продлевается только перед тире: «Нет - сказал он», в то время как после запятой произносится коротко: «Нет, мы не успеем» (примеры из «Практической стилистики современного русского языка»). В этих же версиях относительные местоимения типа «кто-то» или «что-то» произносятся с редуцированным звуком «О» во втором случае.

Язык представляет собой живую, развивающуюся материю. Неизвестны будущие показатели чтения синтезатора, произнесение неологизмов и слов более современного происхождения. Несмотря на все условности, Asapela Elan TTS Nicolai 5.1 16 KHZ остается одним из самых прогрессивных голосовых модулей по причине легкого исправления ошибок ударений. Недостатком в этом отношении считается установка дополнительных словарей. Рекомендуется корректировка неправильно произнесенных слов в словарях ударений. Также рекомендуется редакция новой версии голоса – Elan Speech Cube, версии 5.1, где встречается ещё большее число неправильных, ошибочных ударений. Тембр голоса *Николай* считается одним из самых удачных по сравнению с более ранними синтезаторами речи. Для его изготовления использованы звуки, которые сочетаются разными способами. Монотонность голоса при высокой скорости чтения обусловлено необходимостью убрать интонационный ползунок при изготовлении голоса с целью ровного звучания. Это не сделано при разработке голосов компаний на подобию польской Ivona. Синтезаторы речи, для изготовления которых используются дикторские базы, «страдают» отсутствием выразительности, в то время как у *Николая* наблюдается плавность интонации и «картинная» линия чтения. Выбор голоса не считается удачным при чтении учебной и научной литературы, из-за большого числа ошибок в ударениях при использовании терминов. Наличие слогов разной длительности можно считать очередным преимуществом и показателем емкости голоса.

Литература

- Алдошина, Приттс 2006 – Алдошина И.А., Приттс Р. Музыкальная акустика. Учебник для вузов. СПб.: Композитор, 2006. С. 49-53. ISBN 5-7379-0298-6.
- Цеков, Стойкова 2016 – Цеков П., Стойкова М. Лингводидактическая концепция обучения незрячих РКИ (в печати).
- <https://www.youtube.com/watch?v=BK1ktZm0K4E>
- <http://mytts.forum2x2.ru/f10-forum>
- <http://www.golosknigi.com>
- Lib.ru

**ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF THE SPEECH
SYNTHESIZER AKAPPELLA ELAN TTS NICOLAI 5.1 16 KHZ,
BASED ON EXAMPLES OF THE RUSSIAN LANGUAGE
LITERATURE AND CINEMA**

***Abstract.** The present report examines the problem about the advantages and disadvantages of the speech synthesizer Akapella Elan TTS Nicolai 5.1 16 KHZ, based on examples of the Russian language literature and Cinema.*

***Keywords:** Timbre, expressiveness, speech volume and voice range; agogic accents.*

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ РАБОТЫ НАД КОЛЛЕКТИВНОЙ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМОЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ РУСИСТОВ (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ»)*

Аннотация. Ориентация на самостоятельную работу, использование дистанционных элементов обучения в условиях перестройки системы высшего образования требуют внедрения новых форм организации учебной деятельности будущих русистов. Одна из них – формирование навыков работы в научном коллективе в ходе овладения курсом «Теория и практика лексикографирования», конкретным результатом которого должен стать мини-словарь.

Ключевые слова: университет, студент-русист, научный коллектив, мини-словарь

У современных вузовских преподавателей, в том числе у русистов, появились проблемы, которые ещё лет 10-15 назад если и возникали, то не казались очень уж существенными. Эти проблемы связаны с образом жизни современного студенчества, с техническим оснащением и самих обучающихся, и учебного процесса в целом. Постепенно при ориентации преимущественно на самостоятельную работу, резко сокращается время общения студента с преподавателем, из учебного процесса вытесняется литература бумажного типа, в погоне за компьютеризацией и удешевлением образовательных услуг тесная связь между учебным процессом и воспитательным, которая была традиционной для российского образования всех ступеней, ослабляется, что приводит к снижению уровня общей и теоретической, и практической подготовки выпускников высшей школы. Одним из возможных путей противостояния такому положению вещей может стать вовлечение студентов в круг научных интересов преподавателя. Мне представляется, что при подготовке кадров высшей квалификации этот путь может привести к желаемому результату, если соблюдаются определённые условия. Важнейшее из них – это, во-первых, устранение жесткого разграничения между учебной и научной деятельностью студента, рассмотрение этих форм деятельности как единого, комплексного, находящегося в непрерывном развитии процесса. Во-вторых, это создание для вузовского преподавателя и материальной, и

* Работа выполнена при поддержке Гранта в рамках реализации федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы от «3» ноября 2016 г. № 09.Z71.25.0152.

временной, и правовой возможности повышать свою научную квалификацию, чтобы качественно руководить учебно-научной деятельностью студентов.

Пока эти условия не созданы, российские педагоги пытаются решать поставленные перед ними образовательные задачи через внедрение в учебный процесс инновационных методов обучения, и в числе которых сегодня оказался и метод проектов. Проектная форма педагогической работы не является новой. Она возникла в начале XX в. фактически одновременно в России (в 1905 г. под руководством педагога С.Т. Шацкого) и в Америке (в 1909 г. под влиянием трудов философа и психолога Дж. Дьюи) и широко использовалась в нашей стране в послеоктябрьский период, пока не была осуждена в 1931 г. особым постановлением ЦК ВКП(б) [Капранова 2014: 78]. В 1980-е гг. метод проектов был возвращён в систему образования России, и теперь он применяется не только в высшей школе, в средней общеобразовательной, но даже в начальной школе и в дошкольных учреждениях (см., например, [Громыко 2000; Боков 2013; Баева 2014; Капранова 2014; Ключкина 2014; Пахомова 2003; Синяева 2011; Суворова 2015] и др.). Реальное воплощение этого метода в жизнь можно наблюдать в Астраханском государственном университете, который включил в эту систему студентов социогуманитарных направлений [Баева 2014: 82-88].

Зачинатели метода проектов исходили из гуманных соображений. Они предлагали «строить обучение на активной основе, через целесообразную деятельность ученика, сообразуясь с его личным интересом именно в этом знании. Отсюда чрезвычайно важно было показать их личную заинтересованность в приобретаемых знаниях, которые могут и должны пригодиться им в жизни. Для этого необходима проблема, взятая из реальной жизни, знакомая и значимая для ребёнка, для решения которой ему необходимо приложить полученные знания, которые ещё предстоит приобрести. Учитель может подсказать источники информации, а может просто направить мысль учеников в нужном направлении для самостоятельного поиска. Но в результате ученики должны самостоятельно и в совместных усилиях решить проблему, применив необходимые знания из разных областей, получить реальный и осязаемый результат. Вся работа над проблемой, таким образом, приобретает контуры проектной деятельности» [Полат: [http, 1/8](http://1/8)].

Не останавливаясь на основных принципах реализации метода проектов, отмечу сейчас главные его достоинства, характеризующие проектную научно-исследовательскую деятельность студентов, которая сопряжена с деятельностью учебной, независимо от того, в какой сфере – технической или гуманитарной – метод проектов применяется.

Метод проектов позволяет без особого принуждения в ходе учебного процесса погрузить студентов в научно-исследовательскую деятельность, то есть

1) внести эмоциональный компонент (личную заинтересованность) в научно-исследовательскую деятельность, убедив студентов в реальной

достижимости социально значимого результата, который одновременно будет зачтён как очередной итог учебной деятельности;

2) через знакомство с научной литературой поставить студентов в условия необходимости оценить ситуацию в определённой отрасли знания и сформулировать проблему, которую имеет смысл решать;

3) очертить дифференциальные свойства избранного объекта исследования;

4) установить круг источников, на основании которых можно было бы собрать материал исследования;

5) подобрать методы и приёмы анализа, которые могут дать объективные результаты; наметить этапы реализации проекта с точки зрения объёма и содержания научно-исследовательской и учебной работы;

6) спрогнозировать контуры продукта проектной деятельности (жанр, форму, объём, долю участия каждого исполнителя);

7) привить навыки коллективной научно-исследовательской работы.

Мой скромный опыт использования метода проектов показывает, что при такой организации учебной деятельности выигрывают не только студенты, в выигрыше оказывается и сам преподаватель, если он впускает в свою творческую лабораторию студентов.

В 2016 г. мне довелось в течение месяца наблюдать за тем, как в одном из старейших вузов Германии, в Грайфсвальдском университете имени Эрнста Морица Арндта, известный славист и германист профессор Харри Вальтер, знакомый, наверняка, многим преподавателям русского языка как иностранного, проводит семинары со студентами Института славистики. Я попала на процедуру обсуждения очередной книжки, написанной его слушателями разных национальностей к концу работы семинара. Это был сопоставительный (на основе пяти языков) словарь “*Carpe diem*”, куда, помимо русских языковых единиц, вошли слова и обороты греческого и латинского происхождения, которые вошли в интернациональный фонд фактически всех европейских языков [Carpe diem 2015]. Выяснилось, что у профессора Вальтера скопилось уже к тому времени 17 таких словарей, которые он издал вместе со своими подопечными. Каждый раз участники очередного семинара сами определяли, какую станет тема их исследования, что станет результатом их работы в семинаре. Разнообразие тематики этих проектов отражает, с одной стороны, лакуны в учебной литературе по русскому языку для иностранцев, с другой очерчивает круг интересов современных молодых людей, будущих преподавателей русского языка в разных странах Европы. Это «Словарь заимствований в русском субстандарте» (2004), «Русский алкословарь-справочник, или Веселая наука выпивать» (2005), «Денежки счет любят. Словарная копилка» (2010), «Слова, которые описывают историю» (2012), «Нидерландские пословицы по Питеру Брейгелю» (2013) и т.д.

Когда мне неожиданно предложили вести курс «Теория и практика лексикографирования» в истекшем учебном году, я вспомнила увлеченных студентов профессора Вальтера и представила себе, во что может вылиться этот курс, если вести его традиционно (читать лекции, вести практические занятия, используя обычную вузовскую систему преподавания). Первыми эту дисциплину у меня должны были освоить студенты-выпускники заочного отделения, в основном учителя русского языка и литературы. В это время Словарная лаборатория, которой я руковожу, работала в рамках международного российско-германского гранта над словарём современных политических лозунгов России и Германии. Пришлось рискнуть. Прочитав вступительные лекции о новых типах словарей, которые появились на рубеже XX – XXI столетий, я рассказала о том, чем занимается наша научная группа и предложила несколько вариантов дальнейшего хода наших занятий. С некоторой опаской сказала, что если группа согласится, то мы могли бы включить студентов в творческий коллектив по созданию словаря лозунгов. Из всех предложенных вариантов студенты выбрали именно последний. Практически все оставшиеся занятия проводились в компьютерном классе, лишь два из них – в Словарной лаборатории, где собрано около полутора тысяч самых разнообразных словарей. Определившись теоретически со статусом лозунгов в языковой системе, коллегиально со студентами мы утвердили перечень единиц, которые следовало включить в Словарь в обязательном порядке, обязательно надо включить в Словарь; наметили этапы, которые должна была пройти группа исполнителей. Затем каждый студент получил Руководство к составлению словарной статьи. В итоге все 11 человек погрузились в лексикографическую работу, и каждый из них стал автором одной из словарных статей в теперь уже опубликованном российско-германском словаре лозунгов «Дайте миру шанс» (2016).

Следующая группа студентов уже остановилась на проекте мини-словаря библеизмов для школьников. И утверждение самой темы, и отбор библеизмов проходил при активном участии самих студентов. Развернулась серьёзная дискуссия по поводу отбора библеизмов для школьников: ориентироваться ли на произведения для школьников, в которых встречаются библеизмы, или включить в словарь те выражения, которые относятся к числу самых востребованных в русской культуре в целом. Проанализировав данные Национального корпуса русского языка и результаты анкетирования, проведенного среди учителей-словесников, на основе индексов словарей библеизмов исполнители сами отобрали 60 библейских крылатых выражений. К концу семестра мини-словарь был написан, снабжен иллюстрациями и издан. На очереди теперь словари крылатых выражений, рожденных детскими мультфильмами. Привожу примерное

Руководство к мини-словарю крылатых выражений русского языка, восходящих к мультфильмам

(На своей флешке сохраните мультфильм, который стал основой для рождения крылатой единицы!)

А. Принцип расположения словарных статей – алфавитный.

Б. Количество словарных статей: каждый исполнитель должен написать 5 статей.

Параметры страницы: *слева* - 2,5 см., *справа* – 2 см., *сверху* – 2 см., *снизу* – 2 см.; выравнивание *по ширине*; отступ – 0,5 см.)

В. Каждая словарная статья должна содержать 6 зон:

1) **Инициальная зона.** (Шрифт – Arial № 16 п/ж). Здесь крылатое выражение дается в его современной нормативной форме (предметные единицы – в им. падеже, если они остались склоняемыми; процессуальные – в инфинитивной форме, если они остались спрягаемыми; предикативные – в нетрансформированном виде и т.д.). Например:

Ежик в тумане

Ох, рано встает охрана!

2) **Источниковедческая зона.** (Шрифт Times New Roman № 10) Здесь, при соблюдении научной точности, доступно (желательно в увлекательной форме) нужно описать историю возникновения изречения, опираясь на содержание мультфильма (пересказать, например, его сюжет, охарактеризовать персонажа, который произносит нужную Вам реплику, описать ситуацию, в какой она прозвучала), указать название фильма, его авторов (сценариста, режиссера, художников, композитора, актеров, авторов песенных строк, исполнителей песен). В этой зоне уместно цитирование соответствующих фрагментов из сценария фильма. Необходимо сослаться на источники, откуда была взята приводимая информация. Делать это нужно по следующему образцу: [Серов 2003: 56], [Дядечко, вып. 2, 2002: 15].

3) **Стилистическая характеристика:** (Шрифт Arial № 10, курсив): *публ., шутил., ирон., разг.* (помещается в семантической зоне перед указанием значения крылатого выражения).

4) **Семантическая зона.** (Шрифт Arial № 10, п/ж под знаком ◀) Опираясь на контексты, в которых используется описываемая Вами крылатая единица, охарактеризуйте её значение.

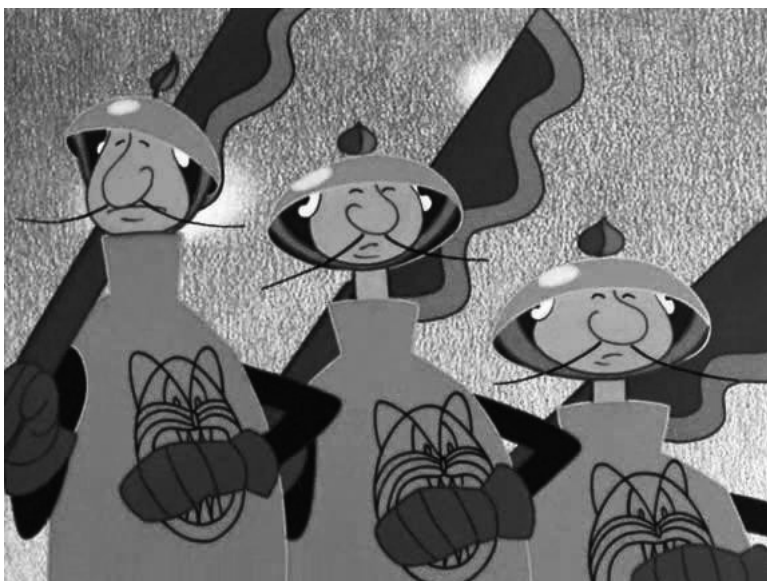
5) **Иллюстративная зона** (Шрифт Times New Roman № 11, курсив). *Примеры употребления* – не больше 5-ти; вначале дайте контексты с нормативным употреблением, а потом – под знаком # с трансформацией (Примеры не нумеруются, даются единым абзацем и отделяются друг от

друга точкой с запятой. Указания на авторов и на произведение (сайт и пр.) выполняются обычным шрифтом, не курсивом).

- 6) **Сведения о фиксации.** (Шрифт Arial № 10) Здесь нужно сделать ссылки на фразеологические, эпитологические, паремиологические и цитатные справочники (если фиксация описываемой единицы уже состоялась), расположив их в хронологическом порядке. (Указывается фамилия автора, год издания справочника и страница). Например:

Сведения о фиксации: Дядечко 2008: 38; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2, 2009: 357.

- 7) Для бумажного варианта словаря к своим словарным статьям подберите картинку с изображением персонажа, произнесшего описываемую фразу, или ситуации, в которой эта фраза бы прозвучала. Например:



Ох, рано встает охрана!

- 8) Для электронного варианта словаря скиньте на флешку фрагменты мультфильмов, послужившие базой для возникновения описанных Вами крылатых выражений.

Подытоживая скромный опыт применения метода проектов в процессе преподавания курса «Теория и практика лексикографирования», можно сделать некоторые предварительные выводы о его использовании в сфере преподавания гуманитарных наук. Как я уже сказала выше, у этого метода есть несомненные достоинства. Однако он не должен, на мой взгляд, стать единственным методом обучения в какой бы то ни было образовательной сфере, тем более в гуманитарной. Чрезмерное увлечение им приведет к дискредитации

самого метода. Далеко не каждая дисциплина нуждается в таких «подпорках», которые предлагает проектная модель преподавания. Метод проектов хорош в том случае, если дисциплина требует от студента не только твёрдого усвоения каких-то научных знаний, но и конкретных профессиональных умений и навыков. В теоретических же по преимуществу дисциплинах более эффективным, например, оказывается объяснительно-иллюстративный метод [Капранова 2014: 79]. Да и не каждый преподаватель готов впустить в свою научную лабораторию сразу несколько молодых людей, не владеющих всем набором применяемых им методов и приёмов исследования. К тому же ведение занятий по этой методике требует немало дополнительных временных затрат.

Литература

- Баева, Л.В. Образование и образованный человек в современном вузе: опыт применения стандартов в СДИО для подготовки студентов социогуманитарных направлений / Л.В. Баева // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – 1. – С. 82-88.
- Боков, Л.А. технология группового проектного обучения в вузе как составляющая методики подготовки инновационно-активных специалистов / Л.А. Боков, М.Ю. Катаев, А.Ф. Поздеева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 56-64
- Громько, Ю.В. Понятие и проект в теории развивающего образования В.В. Давыдова / Ю.В. Громько // Известия Российской академии образования. – 2000. – № 2. – С. 36-43.
- Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / рус. часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; нем. часть: О.В. Михина, Х. Вальтер ; С.Г. Шулежкова (гл. ред.), А.А.Осипова (ред.). – Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. – 300 с.
- Денежки счет любят. Словарная копилка. – Greifswald, 2010. – 149 с.
- Индекс устойчивых словесных комплексов Ватиканского евангелия X века / С.Г. Шулежкова, студенты 3 курса: Р.В. Дворжецкий, Е.А. Косминская; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова; кафедра РЯОЯиМК; под ред. проф. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой, Н.В. Поздняковой, А.Н. Михина. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2017. – 135с.
- Капранова, В.А. проектное обучение в вузе: исторические и технологические аспекты / Т.А. Капранова. // Известия ВГПУ. – 2014. – № 3(264). – С. 78-80.
- Клюкина, Т.А. Проектная деятельность как средство повышения мотивации к учебной деятельности / Т.А. Клюкина. Город Остров. Режим доступа: roiprko.pskovedu.ru/ (дата обращения: 26.06.2017).

- Не хлебом единым...: мини-словарь библеизмов для школьников / Шулежкова С.Г., студенты 5 курса Аксёнова А.Ю., Борисова Д.Э., Еськова А.С., Жусупова А.Р., Ручкина К.А., Стельмаш Е.О., Шайкина Г.А. ; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова; кафедре РЯОЯиМК; под ред. проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2017. – 116 с.+12 илл.
- Пахомова Н.Ю. Метод учебных проектов в образовательном учреждении: пособие для учителей и студентов педагогических вузов / Н.Ю. Пахомова. – М. : АРКТИ, 2003. – 112 с.
- Полат, Е.С. Метод проектов. // Сайт Российской академии образования. Режим доступа: <http://distant.ioso.ru/project/meth%20project/metod%20pro.htm> (дата обращения: 26.06.2017)/
- Русский алкословарь-справочник, или Весёлая наука выпивать. – Greifswald, 2005. – 163 с.
- Синяева, О.В. реализация проблемного обучения с помощью метода проектов // Дни Германии в Магнитогорске: программа и доклады (Магнитогорск, 18-27 октября 2010 г.). – Магнитогорск: МаГУ, 2011. – С. 55-59.
- Суворова, С.Л. Проектная и исследовательская деятельность обучающихся: теория и практика монография / С.Л. Суворова, Т.А. Колосовская, А.А.Подгорбунских: Шадринский гос. пед. ин-т. – Шадринск : ШГПИ, 2015. – 175 с.
- Carpe diem! Wörter und Wendungen aus dem Lateinischen und Griechischen. – Greifswald, 2015. 226 S.

Shulezhkova, Svetlana
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russian Federation

SKILLS FORMATION IN WORKING ON COLLECTIVE SCIENTIFIC CHALLENGE IN THE PROCESS OF SPECIALISTS TRAINING IN RUSSIAN PHILOLOGY (BASED ON THE EXPERIENCE OF TEACHING “THEORY AND SKILLS OF LEXICOGRAPHY”)

***Abstract.** Independent work orientation and using distance-learning technology, amid the reorganization of system of the higher education, demand the introduction of new forms of educational activity in the process of students training. One of the forms in training future specialists in Russian philology is formation of skills important for work in a research team during “Theory and Skills of Lexicography” course. The result of the research work is the mini-dictionary creation.*

***Keywords:** university, future specialist in Russian philology, research team, mini-dictionary*

СЪДЪРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	3
Варна, Шанхай, Гранада: научный полилог на блестящем русском языке / <i>Вербицкая Людмила Алексеевна</i> /	3
Современное русское словоупотребление в зеркале метаязыковой рефлексии / <i>Петкова Силвия Атанасова</i> /	9
РУССКИЙ ЯЗЫК: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	22
Язык и ментальность / <i>Аврамова Валентина Николова</i> /	22
«Вроде как бы так сказать», или о так называемом «спаме» в спонтанной речи / <i>Алексиева Татьяна Игоревна</i> /	29
Народная медицина в наименованиях лекарственных растений (на материале русского и болгарского языков) / <i>Анна Вадимовна Ангелова</i> /	37
Метаязыковой взгляд на актуализированную лексику современной эпохи / <i>Байгарина Герта Петровна</i> /	45
Образ адресата публицистического текста как источник информации о «своем» и «чужом» / <i>Бакланова Ирина Ивановна</i> /	55
Русские фразеологизмы со значением времени / <i>Георгиева Ирина Тончева</i> /	63
Оппозиция ‘живое - неживое’ в словообразовательной системе русского языка / <i>Гочев Гочо Недев</i> /	72
Ассимиляция и адаптация лексических заимствований (на материале терминологии транспортного экспедирования) / <i>Димитрова Нина Крysteва</i> /	81
Сокращенные номинативные единицы в контексте отношений эквивалентности – безэквивалентности. Аббревиация (на материале болгарского, русского и греческого языков) / <i>Канева Виктория Гочева</i> /	89
Взгляд на окказиональную деривацию в русских сми новейшего периода / <i>Козарева Роза Цветкова</i> /	99
Коммуникативный шок в сфере невербального коммуникативного поведения / <i>Конова Марианна Кирилова</i> /	110
Эмоции в русской картине мира: к вопросу о языковых проекциях / <i>Коростова Светлана Владимировна</i> /	122
Словообразовательные категории русского языка в когнитивном освещении: истоки и перспективы исследования / <i>Косова Вера Алексеевна</i> /	130

Каламбур в новых юмористических интернет-жанрах / <i>Меснянкина Елена Игоревна</i> /	138
Русский язык в контексте современного развития европейских стран / <i>Михайлова Галина Анатольевна</i> /	146
Языковые особенности Пролога конца XV в., написанного на севере Руси / <i>Ненашева Лариса Викторовна</i> /	156
Фрейм как средство моделирования имиджа предприятия / <i>Никитина Елена Аркадьевна</i> /	163
Заимствование как способ терминологической номинации в сфере информационных технологий / <i>Николова Дияна Георгиевна</i> /	171
Новая русская фразеология: эзотерический вектор / <i>Новоженова Зоя Л.</i> /	183
Эвристические возможности электронного обучающего пространства / <i>Палеха Екатерина Сергеевна</i> /	194
Номинативное поле концепта «коррупция» в русской языковой картине мира (на материале лексикографических источников и паремий) / <i>Пенчева Антония Иванова</i> /	206
Русские эвфемизмы как объект исследования лингвистической прагматики / <i>Петкова Силвия Атанасова</i> /	216
Торговые названия как часть языковой картины мира / <i>Петрова Красимира Александрова</i> /	226
Функционально-семантическая специфика вопросительно-побудительных конструкций как разновидности директивных речевых актов в бытовой коммуникации (на материале русских художественных текстов конца XX-начала XXI вв.) / <i>Пробст Никита Артурович</i> /	235
Эксплицирование и имплицирование фразеологических единиц как средство языковой игры при конструировании газетного заголовка / <i>Раденкова Елена Кирилова</i> /	242
Типология морфологической категории вида в славянских и грузинском языках / <i>Саникидзе Инга Тенгизовна</i> /	250
Специфика явления омонимии в современной болгарской и русской терминологии / <i>Симеонова Кристиана Симеонова</i> /	257
Специфика функционирования функционально-семантического поля «согласие» в современном русском языке / <i>Сирота Елена Владимировна</i> /	261
Концептуализация эвристических методов коллективного творческого мышления (на материале русского и английского языков) / <i>Стеванович Раиса Ивановна</i> /	274
Теоретические подходы к изучению обращения в русской лингвистической литературе / <i>Стойкова Надежда Стойкова</i> /	285

К вопросу об образной составляющей концепта <i>/Стоянова Елена Викторовна/</i>	294
К вопросу о формальной структуре термина <i>/Татьяна Васильевна Терзиева/</i>	304
Проблемы грамматической семантики в теории функциональной грамматики А.В. Бондарко <i>/Тилев Энчо Тилев/</i>	311
О лингвистической гетерогенности петровской эпохи <i>/Треблер Светлана Моисеевна/</i>	318
Лингвокультурный концепт «мушель жас» в условиях полиязыка <i>/Умурзакова Анастасия Жуматовна/</i>	329
Национально - культурные особенности бинарных концептов «жадность» и «щедрость» в русской и казахской лингвокультурах <i>/Церцвадзе Мзия Гиглаевна/</i>	338
Из истории русской правовой лексики X-XVII веков: наименования преступлений и их субъектов <i>/Чащина Елена Анатольевна/</i>	344
Знание и мнение в русском языковом сознании: специфика объективации в современной публичной коммуникации <i>/Чурилина Любовь Николаевна/</i>	352
ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД	358
Русская классическая литература на современной московской сцене - по ту сторону текста ("Три сестры" Чехова в постановках Кулягина и Жолдака) <i>/Александрова Петья Александрова/</i>	358
Презентация национально-культурной информации в художественном тексте и ее передача при переводе <i>/Владова Илиана Михайлова/</i>	364
Национальные образы в зеркале языковых образов <i>/Георгиева Стефка Иванова/</i>	371
О болгарских союзах освен че и освен дето и их русских функциональных соответствиях <i>/Градинарова Алла Анатольевна/</i>	384
Сергею Ивановичу Влахову 100 лет <i>/Делева Надежда Петкова/</i>	394
Проблемы перевода на занятиях по изучению русских юридических документов <i>/Домбровский Тадеуш Станиславович/</i>	402
Теоретические и прикладные аспекты двуязычной лексикографии <i>/Жунусова Жаньыл; Георгиева Стефка/</i>	415
Е. Евтушенко - И. Чавчавадзе («Ответ на ответ») <i>/Каджая Надежда Давидовна; Адешивили Ия Евгеньевна/</i>	420
Сопоставительный анализ лексико-грамматических средств выражения художественной образности: на материале русских переводов повести Тове Янссон «Шляпа Волшебника» <i>/Капустина Елена Владимировна/</i>	428

Парадоксы болгарского языка в восприятии русскоязычных: проблемы языковой интерференции /Карпенко Илья Евгеньевич/	437
Русско-немецкий базовый учебный тематический словарь: опыт построения и учёт культурного компонента /Новикова Татьяна Юрьевна; Питрцак Ханс Юрген Вилли/	445
Новые общеевропейские критерии измерения и оценивания переводческих умений в сфере профессиональной межкультурной коммуникации /Сафонова Виктория Викторовна/	454
О трудностях при переводе юмора (на материале переводов на болгарский язык рассказов Александра Вампилова) /Солнцева Екатерина Васильевна; Манчев Владимир Симеонович/	464
Перевод сравнительных конструкций как способ передачи оценочных смыслов (на примере романа Р. Желязны «Ночь в одиноком октябре») /Филатова Ганна Алексеевна/	473
Интерференция на синтаксическом уровне в учебном переводе художественных текстов /Христова Наталия Василева/	480
«Массовый перевод» и интертекст (на примере русской версии романа Гастона Леру «Рюльтабийль у царя») /Чекалов Кирилл Александрович/	487
Имена собственные и фразеологизмы как отражение культурных ценностей в переводе /Юзвяк Йоланта/	495
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	503
Лев Толстой и Елин Пелин: творческие параллели /Абрамова Вероника Игоревна; Стойкова Надежда Стойкова/	503
Проза Чингиза Айтматова в восприятии румынской критики /Бобок Марта-Геодора/	508
Городской текст южной столицы Казахстана в современной поэзии и прозе /Власова Галина Ивановна; Кривошапова Татьяна Васильевна/	517
Русистика в Иране: вчера, сегодня, завтра /Джанолах Карими-Мотаххар/	531
Канон новой русской прозы в мире польских «литер» /Ермашова Ирина Александровна/	535
Поэтика языка «женской» прозы (на материале произведений современных грузинских и русских писательниц) /Каджася Нана Шотаевна; Махачадзе Шорена Николаевна/	548
Рецепция русской эмигрантской поэзии /Карпенко Людмила Борисовна/	553
Родной город персидских поэтов в русском поэтическом творчестве /Марзие Яхьяпур/	558

Н. В. Гоголь и румынская публика (судьба гоголевского «Ревизора» в румынском театре) / <i>Морару Михаэла</i> /	564
Рецепция творчества Николая Лескова в польской русистике в XX и начале XXI вв. / <i>Трояновска Бэата</i> /	575
Литературная мистификация Николая Парушева /рукопись Девятой главы „Евгения Онегина“ А.С.Пушкина в Болгарии/ / <i>Федь Татьяна Николаева</i> /	583
Актуальные процессы в чешской рецепции русской литературы (2012–2016) / <i>Шаур, Йосеф</i> /	593
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ	601
Лексические минимумы в преподавании русского языка как иностранного / <i>Андрюшина Наталья Павловна; Клубукова Любовь Павловна</i> /	601
Кира Пехливанова – у истоков преподавания русского языка в Болгарии после 1944 года. Диссертация, учебники, общество русистов Болгарии / <i>Арсениев Светослав Валентинов</i> /	608
Языковое новаторство Л. Н. Толстого в аспекте преподавания русского языка в болгарской аудитории / <i>Архангельская Юлия Владимировна; Манчев Владимир Симеонович</i> /	612
Развитие речи школьников на уроках русского языка при работе с пословицами / <i>Бекмамбетова Занипа Жумамуратовна; Хаирова Гуля Малбагаровна</i> /	622
Характеристика игры и игрового занятия в обучении взрослых РКИ / <i>Бирова Илка Любенова</i> /	633
Тотальный диктант как средство оценивания уровня владения языком русскоязычными и иностранными гражданами (по итогам Тотального диктанта 2017 года) / <i>Бреусова Елена Ивановна; Харламова Марина Александровна</i> /	640
Интонационный минимум в обучении дискуссионному общению / <i>Варламова Ирина Юрьевна</i> /	647
Типы и жанры текстов в системе лингводидактического описания РКИ (на примере темы «Повседневная жизнь») / <i>Вознесенская Ирина Михайловна</i> /	655
Пути и методы обучения фонетике русского языка как иностранного на начальном этапе / <i>Есина Зоя Ивановна</i> /	663
Социокультурная компетенция на высоких уровнях владения РКИ: к проблеме формирования и стандартизации / <i>Жорова Анна Петровна</i> /	670
Интеллектуализация дидактического процесса обучающихся РКИ в едином образовательном пространстве / <i>Зарембска –Тженсовска Эва</i> /	679

Материалы youtube в преподавании РКИ польским студентам /Климкевич Александра/	685
О проблемах и перспективах мониторинга русскоязычных образовательных интернет-ресурсов по РКИ /Кудинова Гульнара Франгилевна; Кудинов Илья Викторович; Курбангалеева Гузель Мансуровна/	695
Специфика работы с материалами СМИ на занятиях по РКИ со студентами-экономистами /Лазова Ольга Игоревна/	704
Диалог культур на занятиях по деловому русскому языку в болгарской аудитории /Лесневская Димитрина Спасова/	713
Русская лексика в инославянской аудитории: лингвокогнитивный и лингвометодический аспекты /Маркова Елена Михайловна/	720
„Путь и есть цель” – трилингвальное соревнование (опыт работы в 6 классе) /Николова Велислава Емилова/	727
Трудности в процессе преподавания русского языка и русской литературы в нефилологическом вузе в Болгарии /Николова Мария Стефанова; Николова Вяра Василева/	738
Программа обучения русскому языку студентов-нефилологов в Техническом университете, г. София: состояние, цели, задачи, трудности /Радева Ангелина/	746
Многоаспектный характер осмысления понятия свободыв условиях изучения иностранного языка /Станева Люба Димитрова/	751
Лингвокультурологические стратегии преподавания иностранного языка /Титаренко-Качура Инна Леонидовна/	762
Аспекты описания русского порядка слов в учебных целях /Хавронина Серафима Алексеевна; Чекрыжева Евгения Вадимовна/	768
Преимущества и недостатки речевого синтезатора Akapella Elan TTS Nicolai 5.1 16 khz на примерах русскоязычной литературы и кино /Цеков Петрослав Цветанов/	775
Формирование навыков работы над коллективной научной Проблемой в процессе подготовки русистов (из опыта преподавания курса «теория и практика лексикографирования») /Шулежкова Светлана Григорьевна/	780